

Игорь Евгеньевич Суриков (р. 1965) — специалист по истории и культуре античной Греции. Доктор исторических наук. Главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Автор около 350 опубликованных работ, в том числе более 20 книг.

ISBN 978-5-94457-236-3

9 785944 572363 >

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ

Ментальность, религия, культура

И. Е. Суриков

OPUSCULA
SELECTA

—

И. Е. Суриков

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ

Ментальность, религия, культура

Opuscula selecta I

STUDIA HISTORICA

S T U D I A H I S T O R I C A

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

И. Е. Суриков

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ

Ментальность, религия, культура

Opuscula selecta I

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32
С 90

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 15-01-16012

Суриков И. Е.

С 90 Античная Греция: Ментальность, религия, культура (Opuscula selecta I). — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 720 с. — (Studia historica).

ISBN 978-5-94457-236-3

В книгу вошли очерки, написанные автором в разные годы на достаточно разнообразные темы. Рассматриваются как общие проблемы менталитета эллинов, так и вопросы более конкретные, связанные с античной греческой религией (включая мифологию и спортивные игры), с правовым, историческим, гендерным, этноцивилизационным сознанием, с литературой и философией, возникшими и развивавшимися в условиях древнегреческой цивилизации.

Книга предназначена для историков-антиковедов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов и всех, кто интересуется историей и культурой Древней Греции.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

*В оформлении переплета использовано:
«Кентавр и лапиф». Метопы № 30 с южной стороны афинского Парфенона.
Школа Фидия. V в. до н. э.*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-94457-236-3

© И. Е. Суриков, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

*Дорогой матери Лилии Алексеевне
посвящает эту книгу автор*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
-------------------	---

Раздел I

Общие проблемы древнегреческой ментальности

Камень и глина: к сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций.....	15
Рождение «греческого чуда»: восточные влияния и самобытность в архаической Элладе.....	33
Деятели культуры в классической Греции: маргинальная элита?.....	41
Афинские граждане архаической и классической эпох как писцы.....	49
Были ли экономическими причины появления алфавитной письменности в античной Греции?.....	69
Остракизм в классических Афинах: политический карнавал?.....	73

Раздел II

Религия, мифология, игры

Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса	93
Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н. э.	98
Влияние языческой политеистической религии эллинов на процессы политогенеза в архаической Греции	124
Новые явления в афинской религиозности в IV в. до н. э. (в контексте процессов предэллинизма)	129
Образы «первогрешников» в древнегреческой мифологии: попытка структурной интерпретации	153
Олимпийские игры и греческая скульптура конца VI–V в. до н. э.	165
Афинская аристократия и Олимпийские игры (просопографический этюд).....	185

Раздел III

Правовая и политическая культура

О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи.....	209
Правосознание афинян классической эпохи: некоторые характерные свидетельства источников.....	220
Изучение древнегреческого публичного права в античной юридической науке: первые шаги ...	250
Некоторые замечания о понятии собственности в древнегреческом праве	265
Кража в раннем греческом праве (на примере Афин)	274
Демократия и достоинство: к характеристике некоторых аспектов правовой и политической культуры граждан классических Афин	288
Державный демос – правитель и подданный (власть и социокультурная норма в демократических Афинах V в. до н. э.)	308

Раздел IV Историческое сознание

«В круге первом»: появление древнейших памятников европейского историописания (Греция VI–V вв. до н. э.).....	327
Классическая афинская демократия и устная историческая традиция	353
Древнегреческие надписи классической эпохи как памятники исторической мысли.....	371
Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах	395
О некоторых мнимых реальностях в античной и современной историографии древних Афин.....	410
Филохор, афинский историк эпохи раннего эллинизма	423

Раздел V Гендерное и этноцивилизационное сознание

Адам и... Адам (к вопросу о специфике гендерных ролей в условиях античного греческого полиса)	433
Динамика гендерной ситуации в аристократических и демократических Афинах	453
Удаляющиеся амазонки (гендерная мифология и гендерная география в древнегреческих потестарных представлениях)	474
О возможном историко-географическом контексте сюжета обценного изображения на «вазе Евримедонта» (малоизвестный эпизод греко-персидских войн)	499
Роль категории полиса в формировании дихотомии «цивилизация – варварство» в античной Греции.....	509
На периферии великих цивилизаций Востока: античные греки как варвары.....	526

Раздел VI Вопросы эллинской словесности

Понятия ἀγῶνς и κακός в архаической Греции (по данным лирической поэзии).....	547
Солон и представления о времени в архаической Греции	569
Авторское начало в лирике Солона	588
Стасис в поэзии Солона	592
Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах	604
Зарождение жанра военно-политической мемуаристики в античной Греции: воспоминания Иона Хиосского	618
Греческий роман и греческое понимание характера	635
«Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы	645

Раздел VII Мыслители и общество

Сократ и «Тридцать тиранов»	661
Афины и греческий мир в эпоху Платона: политическая история и тенденции в идейной жизни ...	672
Платон и Аристотель о монете (к сопоставлению античных и современных научных представлений о появлении монетной чеканки в Греции)	691
Винкельман – Ницше – Гитлер: «немецкая античность» и складывание нацистской идеологии ...	708

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этих строк приближается к своему пятидесятилетию (видимо, к тому моменту, когда книга выйдет, он уже перешагнет этот рубеж). Похоже, пришла пора начинать подводить предварительные итоги сделанного в науке, так сказать, за отчетный период. Данная книга как раз и содержит некоторые результаты нашей работы. Правда, вошедшие в нее исследования относятся пока только к сфере древнегреческой культуры – понимаемой, однако, в максимально широком смысле слова.

Соответственно, читатель уже по оглавлению легко может заметить, что рассматриваемые ниже темы достаточно разнообразны: здесь и общие проблемы менталитета эллинов, и вопросы более конкретные, связанные с религией (включая мифологию и спортивные игры), с правовым, историческим, гендерным, этноцивилизационным сознанием, с античной греческой литературой, даже отчасти с философией. Нам только не хотелось бы, чтобы от книги – в связи с этой ее тематической широтой – осталось впечатление отсутствия единства и целостности. Да, нам доводилось заниматься многим (как-то никогда не влек к себе удел узкого специалиста, всю жизнь занимающегося, скажем, Каллимахом или монетами Боспора, достигшего на этой стезе высокой квалификации, но абсолютно индифферентного ко всему остальному в безграничной античности); тем не менее мы всегда стремились придерживаться вполне определенного, по возможности одного и того же подхода к изучаемому материалу, как бы нанизывать всё на некий «стержень».

А именно: нас всегда больше всего интересовала (под давним и сильным воздействием работ А. Я. Гуревича) как раз специфика древнегреческой ментальности, в какой бы области мысли, творчества, жизни она ни проявлялась. Наиболее принципиальные тезисы в связи с этим нами были высказаны в книге «Полис, логос, космос»¹. Но она имела в целом обобщающий характер, а то, что мы хотим предложить сейчас, представляет собой, по сути, конкретизацию, детализацию теоретических положений, их верификацию на отдельных, в той или иной степени частных примерах (основываясь, естественно, на наших предшествующих разработках).

В результате данная книга в силу неизбежности получилась в чем-то «очерковой». Но, полагаем, и такого рода издания тоже имеют право на су-

¹ Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012.

ществование². Достаточно напомнить, что многие выдающиеся антиковеды (М. Финли, Ж.-П. Вернан, П. Видаль-Накэ, А. Момильяно и др.) обрели известность не в последнюю очередь благодаря сборникам своих очерков, а не только монографиям *stricto sensu*.

Наверное, имеет смысл оговорить еще вот какое немаловажное обстоятельство. Автор является историком, и, несомненно, все, кто пожелает прочесть книгу, будут это чувствовать от ее начала и до конца. О чем бы ни заходила речь в дальнейшем – о праве, о поэзии и прозе, о философской мысли, отчасти даже об искусстве, – это тексты, принадлежащие историку. А историк, поскольку он является представителем наиболее фундаментальной и комплексной из всех гуманитарных наук (мы в этом глубоко убеждены!) просто обязан быть (во всяком случае, к историкам античности это уж точно относится) немного филологом, немного юристом, немного философом, немного искусствоведам (а также немного археологом, немного эпиграфистом, немного нумизматом... – но это уже тема особого разговора). Такова уж судьба нашего ремесла.

* * *

Статьи, из которых составила́сь эта книга, по большей части уже видели свет в различных изданиях; во всех таких случаях нами указывается место первой публикации. Изменений в тексты мы не вносили, давая их в том виде, в каком они были написаны.

Точнее, строго говоря, пришлось все-таки кое-что поменять, но в чисто техническом плане. А именно – унифицировать систему ссылок на предшествующую литературу: в первоначальных вариантах работ они были, естественно, неединообразными, ориентированными всякий раз на стандарты изданий, для которых предназначались (где-то требовались подстрочные сноски, где-то – концевые, где-то – ссылки по иным системам, например указание фамилии автора и года выхода с выводом библиографических описаний в отдельный список литературы).

Также в этих ссылках нами были элиминированы практически все сокращения (то есть раскрыты до полных названий соответствующих изданий, в основном периодических) – опять же именно потому, что в разных местах и системы сокращений использовались разные, а теперь необходимо единообразие. Единственное исключение: мы удержали особенно часто встречающуюся и, конечно, прекрасно известную каждому из коллег аббревиатуру ВДИ («Вестник древней истории»).

² В частности, и у автора этих строк выходила работа: *Суриков И. Е. Очерки об историческом описании в классической Греции*. М., 2011.

И, пожалуй, следует указать вот еще на какие нюансы. Раздел «Историческое сознание» получился относительно небольшим (хотя именно этим аспектом эллинского менталитета мы в прошлом занимались наиболее углубленно) потому, что подавляющее большинство посвященных данной тематике статей нами уже было ранее собрано под одной обложкой³; повторять их еще раз не имело ровно никакого резона.

Также внимательный читатель, возможно, заметит, что в разделе «Вопросы эллинской словесности» в меньшей степени, чем можно было бы ожидать, представлен Солон и совершенно не представлен Антифонт – при том, что автор этих строк перевел с древнегреческого языка на русский сочинения выше-названных представителей античной литературы. Да, о Солоне нами на самом деле написано гораздо больше, но мы как раз сейчас постепенно занимаемся подготовкой большой монографии, специально посвященной ему (в том числе и его поэзии), и ранее подготовленные нами в связи с данным писателем тексты в той или иной форме войдут в эту книгу. А наши статьи об Антифонте (их тоже немало) представляют собой совершенно отдельную подборку, обладающую внутренним единством; когда-нибудь придет и их время.

³ Суриков И. Е. Очерки об историописании...

Раздел I

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

КАМЕНЬ И ГЛИНА: К СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НЕКОТОРЫХ МЕНТАЛЬНЫХ ПАРАДИГМ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ И РИМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ*

Понятие «античная цивилизация» является достаточно устоявшимся, в какой-то мере даже общепринятым. Однако его некритическое употребление чревато опасностью недооценки целого ряда принципиальных различий, существовавших между двумя главными составляющими таковой цивилизации, то есть между Грецией (греческим миром) и Римом. Сходство, общность последних налицо, особенно на последнем этапе античной истории, в первые века нашей эры, когда единым могучим социокультурным организмом стало всё Средиземноморье с прилегающими территориями; когда сложилась обширная «имперская» интеллектуальная элита – римская по подданству, зачастую греческая по основному практикуемому языку и универсалистски-космополитическая по духу; когда во всех сферах культуры – от религии и философии до повседневного быта – наблюдалось одновременное усвоение и претворение греческого и римского наследия, теснейшее взаимопереплетение греческих и римских стереотипов, ценностей, норм. Однако, не говоря уже о том, что так было не всегда, даже и в эпоху максимального синтеза общее не должно заслонять от нас особенного. За вычетом всего объединявшего греков и римлян всегда сохранялся некий несводимый к иному остаток, собственно и составлявший ядро данной цивилизационной идентичности¹.

* Впервые опубликовано в: Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 273–288.

¹ Для понимания многих существенных особенностей римского менталитета очень важны работы Г. С. Кнабе (*Кнабе Г. С. Древний Рим: история и повседневность. М., 1985; Он же. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993*). Анализом менталитета древних греков наиболее плодотворно, на наш взгляд, занимался французский ученый Ж.-П. Вернан (*Vernant J.-P. Mythe et pensée chez les Grecs. T. 1–2. P., 1971; Idem. Myth and Society in Ancient Greece. Brighton, 1980; Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли [1962]. М., 1988*). основополагающими для понимания и греческого, и римского мироощущения являются, безусловно, работы А. Ф. Лосева. Отметим здесь лишь две книги (разделенные шестидесятилетним промежутком!), особенно ценные для нашей темы: *Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии [1930].*

Уже среди классиков цивилизационной теории не было единства по вопросу о том, трактовать ли Древнюю Грецию и Рим вместе или порознь, как две отличные друг от друга цивилизации или как части одной античной греко-римской цивилизации. Так, Н. Я. Данилевский относил греков и римлян к разным «культурно-историческим типам, или самобытным цивилизациям»². Следовал за ним в этом отношении и К. Н. Леонтьев, по отдельности рассматривая «государственные организмы» Греции и Рима³. С другой стороны, О. Шпенглер делал акцент не на том, что разъединяло греков и римлян, а на том, что их сближало, считая, что различия обусловлены скорее не принципиальными, а стадийными факторами. Иными словами, он трактовал культуру греческую и римскую как два периода (соответственно ранний, собственно культурный, и поздний, «цивилизационный») развития единой греко-римской «аполлоновской» культуры⁴. Оригинальна позиция А. Тойнби. Он считает возможным говорить лишь об «эллинской» (Hellenic) независимой развившейся цивилизации, дочерней по отношению к минойской (эгейской). Что же касается Рима, то лишь на завершающем этапе своей многолетней работы Тойнби отметил существование итальянской «сателлитной» цивилизации, в целом предпочитая говорить о римской культурной истории как о части греческой⁵. Таким образом, он, как и Шпенглер, в большей степени акцентирует единство античного мира, нежели его внутреннюю неоднородность. Наконец, Л. Н. Гумилев считал эллинов и римлян двумя разными, одновременно возникшими суперэтносами⁶ (в концептуальных построениях Гумилева категория суперэтноса тождественна категории цивилизации у Тойнби или культуры у Шпенглера, на что уже обращалось внимание⁷).

Не вдаваясь сейчас в рассмотрение вопроса о том, кто из перечисленных ученых ближе к истине – Данилевский, Леонтьев и Гумилев или Шпенглер и Тойнби (нет никакого сомнения, что каждый из них по-своему прав, что крайние

М., 1993; *Он же*. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1–2. М., 1992–1994.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа [1871]. М., 1991. С. 88.

³ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство [1876] // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 134–137.

⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1 [1918]. М., 1993. *Passim*.

⁵ Взгляды Тойнби на цивилизационное деление человечества менялись по мере создания его фундаментального двенадцатитомного труда «A Study of History» (1934–1961). Сделанная им в 1972 г. эпитама этого исследования, очевидно, отражает его последние точки зрения. Эта эпитама и переведена на русский язык (Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991).

⁶ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли [1989]. М., 1994. С. 414.

⁷ Семенов Ю. И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996. С. 48.

позиции в этом споре бесперспективны, поскольку «объединяющие» и «разъединяющие» факторы, по крайней мере в «цветущий» период античного Средиземноморья, уравнивали друг друга, элиминируя в конечном итоге как издержки унификации, так и протест против нее⁸), следует, на наш взгляд, указать на некоторые существенные отличительные черты древнегреческого и римского менталитета, охарактеризовать их в сравнении и по возможности уяснить корни различий. Это могло бы способствовать лучшему пониманию цивилизационной истории античного общества и, не исключено, пролить свет на некоторые ментальные процессы послеантичного времени. Все мы достаточно долго занимались тем, что роднит самые непохожие общества друг с другом. Не будет ли интересным посмотреть на проблему в ином ракурсе и попытаться выявить несходства в обществах, даже очень близких (и хронологически, и территориально, и по исторической судьбе, и в ряде других отношений)?

Начнем с вещей вполне очевидных и вряд ли нуждающихся в развернутых доказательствах. Высказывание «Греция – родина философии» при всей своей тривиальности не перестает быть истинным. Отвлекаясь здесь от того факта, что почти одновременно с Грецией философские школы зарождаются также в Индии и Китае (для интересующих нас здесь рамок средиземноморского мира этот факт иррелевантен), укажем на характерное обстоятельство. Для древнегреческой философии с первых ее шагов едва ли не важнейшим средством выражения является построение развитых космогонических и космологических систем.

Традиция древнегреческой космогонии коренится еще в дофилософской эпохе. Она вырастает из мифологических теогоний, которые в той или иной форме, с теми или иными деталями (зачастую речь может идти едва ли не о конкурирующих версиях) широко распространены в эллинской литературе, начиная с Гомера, Гесиода и далее⁹. Здесь еще нет ничего специфически греческого. Аналогичные теокосмогонии (пусть не столь обильно) представлены практически во всех цивилизациях древнего Ближнего Востока, будь то Египет, Месопотамия или хетто-хурритский мир. Однако интересно, что в Греции переход *vom Mythos zum Logos*, от мифологии к философии, в качестве основного способа освоения мира отнюдь не ставит предел космогоническому творчеству. Скорее напротив – последнее даже как бы получило заметный импульс. Разница лишь в том, что место олимпийских богов заняли природные стихии. Но, в сущности, принципиального разрыва с предшествующей предфилософ-

⁸ Ср.: Джоунс К. Язык и империя // ВДИ. №4. 1997. С. 93–98.

⁹ Теогонические и космогонические тексты этого рода собраны и прокомментированы А. Ф. Лосевым. Недавно его сводка была опубликована в книге: Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 681–881.

ской традицией не наблюдается, идет поступательное развитие в русле некой своеобразной теологии¹⁰.

Практически каждый из раннегреческих натурфилософов-досократиков – Анаксимандр и Пифагор, Гераклит и Парменид, Анаксагор и Демокрит – создает оригинальную космогоническую и космологическую систему. Любая из этих систем – подлинное произведение искусства, живой, дышащий и движущийся космос, вылепленный философом-демиургом из подручных материалов. «Космотворчество» не прекращается и после так называемого «поворота к человеку», к моральной и социополитической проблематике, имевшего место во второй половине V в. до н. э. и связанного преимущественно с деятельностью софистов и Сократа¹¹. Действительно, многие (хотя и не все) представители софистического движения¹² отрицали возможность познания внешнего физического мира и отказывались от каких бы то ни было космогонических построений (ср. известную триаду Горгия: ничего не существует; если что-то и существует, то непознаваемо; если что-то и познаваемо, то невыразимо (Gorg. fr. B3 DK)). И Сократ, во всяком случае в зрелый период своей деятельности, принципиально не занимался составлением теорий мироустройства (Plat. Apol. 19b–d). Но уже в следующем поколении философов всё возвращается «на круги своя». Великий ученик Сократа – Платон – создает монументальные космогонические системы с сильным мифопоэтическим оттенком. Более сухой и рациональный Аристотель пишет (совсем в ином духе) ряд трактатов о возникновении и устройстве космоса («Физика», «О небе», «О возникновении и уничтожении», «Метеорологика»). Не представляют иной картины в этом отношении и философские школы эпохи эллинизма и поздней античности. Стоики, эпикурейцы, неоплатоники при всех своих индивидуальных отличиях платят ту или иную (и всегда весьма значительную) дань космогоническим построениям.

Вечная подвижность, текучесть, постоянные метаморфозы – вот мир этих древнегреческих философских космогоний. В наибольшей степени движение присутствует, конечно, у Гераклита, но он, пожалуй, лишь с максимальной яркостью выразил общий дух греческой «физики». Многие натурфилософы настаивали на множественности миров во времени или пространстве. Характерная деталь: концепции неподвижности мироздания мы у греков также встреча-

¹⁰ Момент континуитета между раннегреческой религиозной мыслью и творчеством досократиков подчеркивается в работе: Jaeger W. The Theology of Early Greek Philosophers. Oxf., 1948.

¹¹ Этот сдвиг подробно рассматривается в любом труде по истории древнегреческой философии. См. хотя бы: Целлер Э. Очерк истории греческой философии [1883]. М., 1996. С. 89 сл.; Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии М., 1997. С. 231 сл.

¹² См. о нем: Kerferd G. B. The Sophistic Movement. Cambridge, 1984.

ем (хотя они и занимают существенно меньшее место, нежели «динамические» гипотезы), но встречаем в наиболее выраженной форме в философских школах, выросших в позднеархаическую эпоху не на собственно греческой почве, а в эллинских колониях Южной Италии. Это прежде всего элеаты и те философы, на которых они оказали решающее воздействие. Из космогоний, из неослабевающего интереса греческих мыслителей к проблемам физического мира, космоса вырастает в конечном итоге такой феномен, как эллинистическая наука¹³, совершенно не имевшая сколько-нибудь близких аналогий в других регионах древнего мира.

Вступая же в ареал римской цивилизации, мы сталкиваемся с совершенно иной картиной. Без преувеличения можно сказать, что римлянам свойственно полное игнорирование каких бы то ни было космогонических теорий. Пожалуй, имеется лишь одно значимое исключение из данного правила, и исключение это в высшей степени характерно. Речь идет о Тите Лукреции (I в. до н. э.) и его знаменитой философской поэме «*De rerum natura*». Поэма эта, слов нет, обладает высокими художественными достоинствами (что во многом и позволило ей дойти до наших дней). Но с философской точки зрения Лукреций – отнюдь не творец. Будучи ревностным приверженцем взглядов греческого философа Эпикура, он популярно (и весьма талантливо) изложил их в поэтической форме.

Нельзя сказать, чтобы римлянам совсем был чужд интерес к философии. Это не вполне так. Некоторые эллинистические философские школы (прежде всего стоицизм, в значительно меньшей степени – эпикуреизм и скептицизм) находили своих последователей и на римской почве. Имена римлян Цицерона, Сенеки, Марка Аврелия вписаны в золотой фонд истории мировой философии. Но проблемы, волновавшие римских мыслителей, были совсем иного рода. «Философия, которая их привлекала, была практической философией, философией человеческого поведения»¹⁴. Теоретическое осмысление мироздания явно не относилось к ее приоритетам¹⁵.

¹³ Феномен эллинистической науки углубленно анализируется в работах: Ван дер Варден Б. Л. Пробуждающаяся наука. М., 1959; Нейгебауэр О. Точные науки в древности. М., 1968.

¹⁴ Рожанский И. Д. История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. М., 1988. С. 341.

¹⁵ Рассмотренная дихотомия отчетливо прослеживается даже и в последние века античности, в характере теологических исканий, имевших место в рамках раннего христианства. В то время как в восточной, грекоязычной части Империи кипели христологические и триадические диспуты, появлялись ереси онтологического, метафизического толка (ариане, несториане, монофиситы), ереси Запада возникали в основном либо по чисто практическим вопросам (донатисты), либо по поводу соотношения свободы воли с предо-

Соответственно, не сформировалось у римлян и живого интереса к фундаментальным наукам, при том, что прикладные сферы знания (агрономия, военное дело, строительная техника и др.) были предметом самого пристального внимания, изучения, совершенствования. Этот факт уже неоднократно отмечался, и вряд ли мы могли бы добавить здесь что-то новое. Полностью солидаризируемся с мнением глубокого знатока античной науки И. Д. Рожанского: «В области теоретического мышления – будь то математика, астрономия или отвлеченные проблемы философской онтологии или гносеологии – мы не найдем ни одного представителя римского этноса»¹⁶.

Еще несколько связанных с вышесказанным наблюдений. Общеизвестно отсутствие у римлян (во всяком случае, в историческую эпоху) развитого мифологического комплекса. Этим они разительно отличаются от греков, каждый из которых буквально с молоком матери впитывал многочисленные и разветвленные мифы о богах и героях. В этой среде мифов грек как бы купался всю свою жизнь, они сопровождали его повсюду – в стихах заучиваемых в школе поэтов, на регулярных театральных представлениях, да и практически в любой жизненной ситуации, которая сознательно или бессознательно соотносилась с мифологическими парадигмами¹⁷. Персонажи и сюжеты родных мифов смотрели на жителя древней Эллады с фронтонов храмов, со скульптурных изображений и групп, которыми были обильно украшены площади и улицы любого греческого города или городка, и, конечно же, с росписей на керамических сосудах – этой подлинной «иллюстрированной энциклопедии» древнегреческой цивилизации¹⁸.

В определенной мере грекам свойственна была даже мифологизация собственной древней истории. Вполне реальные исторические события крито-микенской эпохи (II тыс. до н. э.), а порой и более позднего времени облекались в ткань мифа и начинали жить новой жизнью, уже всецело подчиняясь законам мифотворчества. В песнях греческих аэдов на мифологические темы,

пределением (пелагиане), то есть опять-таки речь идет об интересе к философии скорее в поведенческом ключе.

¹⁶ Рожанский И. Д. Указ. соч. С. 342.

¹⁷ Ср.: Connor W. R. Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 107. 1987. P. 40–50.

¹⁸ До недавнего времени в науке господствовало убеждение, что расписная керамика была товаром элитарным, предметом роскоши, доступным лишь богачам. В настоящее время этот тезис с полным основанием пересматривается. В действительности чернофигурные и краснофигурные сосуды с великолепными росписями были недорогим массовым товаром, скрашивавшим повседневный быт небогатых и просто бедных людей, богачи же пользовались посудой из золота и серебра. См.: Vickers M. Attic Symposia after the Persian Wars // *Symptica: A Symposium on the Symposium*. Oxf., 1990. P. 105–121.

например, Геракл – этот архаический «культурный герой», победитель хтонических чудовищ – мирно соседствовал (и даже в пределах одного поколения и одного города – Микен!) с каким-нибудь Атреем, который, судя по всему, был вполне историческим ахейским царем, фигурирующим даже в записях хеттских архивов XIII в. до н. э. под именем Аттариссияса¹⁹.

Римляне же скорее не мифологизируют историю, а историзируют миф, облекают мифологические сюжеты в ткань исторического повествования. Близнецы миф живут в римской традиции в облике рассказа о вполне конкретном событии – основании Города. «Культурные герои» становятся первыми римскими царями – Ромулом и Нумой. Характерно, что в раннем Риме, в отличие от Греции, не сложилось развитого эпоса (эпические поэмы, неоднократно создававшиеся впоследствии, со времен Невия и Энния, представляют собой уже факт литературы; это явление вторичное, сложившееся под очевидным греческим влиянием). Зато очень рано формируется на римской почве другой жанр – историческая хроника, вначале в достаточно примитивной форме (фасты, анналы)²⁰. Греческой культуре анналистический подход всегда оставался чужд²¹. Не случайно первые греческие историки (логографы, Геродот) при составлении своих произведений должны были ввиду отсутствия письменных хроник опираться почти исключительно на данные устной традиции в тех случаях, когда давность описываемых событий не позволяла «снять показания» с непосредственных очевидцев происшедшего²². И это при том, что практика погодных записей в принципе была знакома грекам. В большинстве греческих полисов составлялись списки эпонимных магистратов (например, в Афинах – первых архонтов)²³. Но никакой информации исторического характера к их именам не прибавлялось.

Обобщая и, может быть, несколько упрощая вышесказанное, следует отметить, что греки ощущают свое бытие как развертывающееся в пространстве –

¹⁹ Молчанов А. А. «Достоинство мужей ахейских» // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 289.

²⁰ Бокицанин А. Г. Источниковедение Древнего Рима. М., 1981. С. 23–25.

²¹ Ruschenbusch E. Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 68.

²² Эта деталь в свое время не ускользнула от внимания Р. Коллингвуда: Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. М., 1980. С. 30 сл.

²³ Фрагменты афинского списка, высеченного на каменной плите в конце V в. до н. э., дошли до нас: Bradeen D. The Fifth-Century Archon List // *Hesperia*. Vol. 32. No. 2. 1964. P. 187–208; Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 9–12.

замкнутом гармоничном пространстве мифологического комплекса, расписного сосуда, периптерального храма, округлого и совершенного философского космоса; римляне же живут во времени, мысля категориями принципиально нециклической, уникальной и неповторимой в деталях исторической хроники – летописи уникального и неповторимого Города, претворяя мысль в практическую, прикладную деятельность.

Отсюда, между прочим, бóльшая «открытость» римлян внешнему миру. Некая «закрытость», характерная для греков, их автаркия (самодовление, самодостаточность), разумеется, недостижимая в полном воплощении в реальной жизни, но всегда выдвигаемая как идеал и цель стремлений, хорошо известна. Отнюдь не случайно именно на греческой почве впервые появились течения мысли, давшие повод К. Попперу говорить об идеологии «закрытого общества».

В сущности, каждый греческий полис со своим замкнутым гражданским коллективом в определенной мере был такой миниатюрной закрытой автаркичной системой, ставившей самой себе пределы роста и развития, противопоставившей себя остальному миру. На примере Спарты с ее ксенеласиями и агоге это видно с максимальной ясностью; Афины в некоторые периоды своей истории не являют столь однозначной картины. Но в целом автаркия считалась одной из главных целей полисной жизни (ср. Arist. Eth. Nic. 1134a27).

Автаркичным старался быть и греческий мир в своей целостности. По отношению к окружающим обществам и цивилизациям это выливалось в откровенную ксенофобию. Блистательная эллинская культура породила понятия «варвара» и «варварского», причем под эти категории подводилось всё чужое, всё негреческое. Варварами для грека были в равной степени фракиец и египтянин. Пожалуй, только для римлян в какой-то степени было сделано исключение, да и то больше по политическим мотивам. Вплоть до полного подчинения Риму греки спорили и колебались, считать или нет римлян варварами (отголоски этих споров можно встретить, например, у Полибия: IX. 37. 5; 38. 5; XI. 5. 6; XVIII. 22. 8).

Ксенофобия и неприязнь ко всему «варварскому» не были, конечно, даны грекам в готовом виде. Эти специфические черты их менталитета нарастали по мере развития этнического самосознания, особенно интенсивно с конца VI – начала V вв. до н. э.²⁴ Еще на заре классической эпохи для греческих писателей характерна терпимость к «варварскому» окружению, интерес к нему (даже несмотря на столкновение греков с варварским миром в Греко-персидских войнах). Эсхил вполне сочувственно относится к побежденным персам; Геродот

²⁴ Purcell N. Mobility and the Polis // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 58. К истории формирования понятия «варвар» см.: Hall E. Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy. Oxf., 1991.

подробно описывает историю, быт и нравы чужих народов, нигде не упуская случая указать на следы «варварских» заимствований в греческой культуре (за это несколько веков спустя Плутарх презрительно окрестит его «филоварваром»). Положение меняется в конце V в. до н. э. Нотки презрения к «варварам» отчетливо звучат у Еврипида (напр., *Eur. Iph. Aul.* 1400). Аристотель, завершающий и итожащий классическую традицию, предельно категоричен: «Варвар и раб по природе своей понятия тождественные» (*Arist. Pol.* 1252b10). Именно эта оценка «варваров» становится отныне абсолютно доминирующей в греческой литературе и мысли.

Что же касается римлян, то само слово «варвар» (*barbarus*) было ими заимствовано у греков: в латинском языке, насколько можно судить, адекватной понятию лексемы не нашлось. Но и значение заимствованного слова претерпело у римлян немаловажную модификацию. Римляне прилагали понятие «варвары» к племенному миру на границах цивилизованной ойкумены, а вовсе не ко всем чужим народам, не-римлянам²⁵. Для римского гражданина ни этруск, ни карфагенянин не являлись варварами, не говоря уже о греках. Иными словами, оппозиция «мы – они» не получила всеобъемлющего развития в римском этническом самосознании, не привела к принципиальной ксенофобии. Это, а не какие-то сверхъестественные качества римских легионов, позволило городу на Тибре интегрировать обширное и разнородное средиземноморское пространство в единый комплексный социокультурный организм, не сокрушая при этом идентичности отдельных его частей; *orbis terrarum* относительно безболезненно превратился в *Pax Romana*.

«Открытость» римлян по отношению к окружающему миру проявлялась в их повышенной восприимчивости к разного рода полезным новшествам, обнаруживавшимся ими у других народов. Эта черта их этнически-цивилизационного менталитета не осталась незамеченной самими римскими авторами. Вот, например, какие слова влагает историк I в. до н. э. Саллюстий (*Cat.* 51. 37–38) в уста своему кумиру Юлию Цезарю²⁶:

Предки наши, отцы-сенаторы, никогда не испытывали недостатка ни в рассудительности, ни в отваге, и гордость не мешала им перенимать чужие установления, если они были полезны. Большинство видов воинского оружия, оборонительного и наступательного, они заимствовали у самнитов, знаки отличия для магистра-

²⁵ Bowersock G. W. A Post-Imperialist Perspective on the Roman Empire // ВДИ. № 4. 1997. С. 89.

²⁶ Саллюстий, как известно, был лично близок к Цезарю (см.: Горенштейн В. О. Гай Саллюстий Крисп // *Саллюстий Крисп Г.* Сочинения. М., 1981. С. 148–149), и это придает надежду на то, что в данном случае он излагает мысли своего покровителя достаточно аутентично.

тов – у этрусков; словом, всё то, чем обладали их союзники или даже враги и что им казалось подходящим, они усерднейшим образом применяли у себя; хорошему они предпочитали подражать, а не завидовать²⁷.

Римлянину Саллюстию вторит «свидетель со стороны» – знаменитый грек Полибий («вторит», разумеется, в фигуральном смысле, будучи автором более ранним). Вот что читаем у Полибия (VI. 25. 11): «...так и вообще римляне оказываются способнее всякого другого народа изменить свои привычки и позаимствоваться полезным». Греческий историк долгие годы прожил в Риме, вращался в среде его высшей политической и культурной элиты и, нужно думать, знал, о чем говорил.

Цитаты аналогичного содержания можно было бы продолжать. Тезис о римской восприимчивости к чужому стал (и с полным основанием) общим местом уже в античности, даже предметом некоторой специальной гордости римлян. Хрестоматийными стали строки Горация (Epist. II. 1. 156 sqq.): «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, / В Лаций суровый внеся искусства...» Вслед за этим поэт подмечает: «...всё же остались на долгие годы, / Да и по нынешний день деревни следы (vestigia ruris) остаются». И даже сетует: «Римлянин острый свой ум обратил к сочинениям греков / Поздно (serus)...» Конечно, в какой-то степени здесь чувствуется и снобизм римского интеллектуала, деланное пренебрежение к своему, «посконному». Но нет сомнения, что в целом Гораций достаточно адекватно выражает взгляды римлян на чужие достижения. Подобного рода самокритичность, трезвая самооценка (в чем-то даже слишком трезвая!²⁸) в значительно большей степени отличает римлян, нежели греков классической эпохи.

Римляне были склонны признавать чужой приоритет даже в тех случаях, когда это противоречило исторической действительности. Так, в Риме упорно бытовало мнение, согласно которому источником римского права и законов была Греция, а именно Афины (Cic. De leg. II. 59; Liv. III. 31. 8; Plin. Epist. VIII. 24. 4). Как бы ни относиться к традиции о будто бы имевшем место в середине V в. до н. э. римском посольстве в Афины и другие города Эллады с целью изучения греческих законодательств, легших впоследствии в основу

²⁷ Уж не косвенный ли намек на греков, считавших зависть изначально присущей человеку (Herod. III. 80. 4) и даже богов изображавших завистливыми (Herod. I. 32. 2)?

²⁸ Ср. Verg. Aen. VI. 847 sq.: Excudent alii (курсив наш. – И. С.) spirantia mollius aera / (Cedo equidem), vivos ducent de marmore vultus, / Orabunt causas melius, caelique meatus / Describent radio et surgentia sidera dicent. Писалось это тогда, когда и ваять статуи (aera, marmora), и causas dicere (шел I в. до н. э. – эпоха Цицерона!) римляне умели уже не хуже своих учителей.

первого римского кодекса («Законы XII таблиц»)²⁹, римское право было, естественно, вполне оригинальным, более того – именно в этой сфере римляне не только на много порядков опередили греков, но не превзойдены, пожалуй, и до сих пор.

Кстати, именно в правовой сфере сопоставление греческой и римской цивилизаций может привести к наиболее разительным результатам. Хорошо известно, каких вершин достигла римская юриспруденция. Право в Риме прошло через ряд последовательных кодификаций, в течение всей своей истории подвергалось постоянной разработке и систематизации. Последнее привело, в частности, к предельной отточенности категориального аппарата. Чего стоит хотя бы изощренное разделение (едва ли не противопоставление) римскими юристами категорий собственности и владения в сфере имущественного права. Строго разграничивались право вещное и обязательственное³⁰, частное и публичное, светское (*ius*) и сакральное (*fas*).

Ничего подобного не встречаем мы у греков. Обойтись совсем без права греческое общество, конечно, не могло. Но в течение всей истории древнегреческого мира (включая эпоху эллинизма) право оставалось явлением чисто эмпирическим. Никогда право в греческих полисах не становилось предметом теоретического анализа, да и просто систематизации. С полным основанием греческое право было названо одним из современных исследователей «правом без юриспруденции»³¹.

В Греции, в отличие от Рима, никогда не существовало прослойки профессиональных юристов. Были попытки дать ответ на вопрос о причинах этого³². Указывалось на доступность и простоту языка греческих законов, на широкое распространение грамотности во многих греческих полисах, на участие большинства граждан в судопроизводстве, на отсутствие у часто сменявшихся магистратов специальной правовой компетенции. Всё это вело к тому, что знание права было не сконцентрировано в кругу одной профессиональной группы, а как бы рассеяно по всему гражданскому коллективу.

²⁹ В исследовательской литературе и посольство, и «греческие» заимствования в Законах XII таблиц обычно считаются фиктивными. См. *Ruschenbusch E.* Die Zwölftafeln und die römische Gesandtschaft nach Athen // *Historia*. Bd. 2. Ht. 2. 1963. S. 250–253.

³⁰ Ср.: *Мосс М.* Очерк о даре [1925] // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996. С. 171–183.

³¹ *Jones J. W.* The Law and Legal Theory of the Greeks. Oxf., 1956. P. V; ср.: *Saunders T. J.* Penal Law and Family Law in Plato's Magnesia // *Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1991. S. 115.

³² Например: *Harris E.* Response to Trevor Saunders // *Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1991. S. 133–138.

Следует, однако, заметить, что приведенные аргументы далеко не во всем убеждают. Во-первых, описанная ситуация характерна главным образом для демократических Афин. Но и в тех полисах, где не наблюдалось участия гражданской массы в деятельности судебных органов, положение с правом было точно таким же. Во-вторых, не столь уж велико отличие от римских реалий. И в Риме грамотность была широко распространена, и в Риме магистраты, ведавшие судопроизводством (преторы), ежегодно сменялись. В-третьих, вряд ли следует переоценивать знание законов и правовых норм рядовыми гражданами даже наиболее продвинутых в этом плане Афин. Даже в них право никогда не было предметом организованного, правильного преподавания (государственного или частного). В результате дикасты-присяжные, укомплектовывавшие многочисленные афинские судебные коллегии, отнюдь не отличались хорошим знанием законов и судили больше по «гражданской совести»³³.

На наш взгляд, серьезные различия в отношении греков и римлян к праву объясняются скорее особенностями цивилизационного менталитета тех и других. Упомянутая несистематизированность и даже аморфность греческих правовых комплексов создает серьезные трудности для их исследователей³⁴. Очень трудно проводить на греческой почве грань между правом сакральным и светским, публичным и частным³⁵. Так, убийство вплоть до последних веков истории греческого мира относилось отнюдь не к сфере государственных преступлений, а считалось частным делом³⁶. Очень слабо был разработан и

³³ Jones J. W. Op. cit. P. 11. Подробнее о пороках афинского судопроизводства см.: Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 321–331. Что представлял собой типовой афинский дикаст, каковы были его духовные запросы, как (зачастую достаточно экзотично на наш современный взгляд) он воспринимал суть и смысл своей деятельности – обо всем этом хорошее представление дают хотя бы аристофановские «Осы». Техника судопроизводства в Афинах подробно описана в работе: Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora XXVIII). Princeton, 1995.

³⁴ О проблемах и сложностях, стоящих перед исследователями греческого права, см.: Wolff H. J. Juristische Gräzistik – Aufgaben, Probleme, Möglichkeiten // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 1–22.

³⁵ Jones J. W. Op. cit. P. 32; Maffi A. Τὰ ἱερὰ καὶ τὰ ὅσια. Contributo allo studio della terminologia giuridico-sacrale greca // Symposium 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1982. S. 33–53; Hansen M. H. Atimia in Consequence of Private Debts // Symposium 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1982. S. 113–120.

³⁶ Méléze Modrzejewski J. La sanction de l'homicide en droit grec et hellénistique // Symposium 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 3–16.

категориальный аппарат права. Так, даже в афинском праве не было развито правильной концепции собственности и не было, в сущности, даже адекватного термина для ее обозначения³⁷.

Удивляться этому не приходится, если учесть, что, по сути дела, в древнегреческом языке отсутствовало даже слово, которое можно было бы без существенных оговорок перевести как «право», иными словами, эквивалент латинского термина *ius*. С наибольшей степенью приближения на эту роль могло бы претендовать греч. *dike*³⁸, что, впрочем, гораздо чаще переводится на русский язык как «справедливость» (о специальном и вторичном употреблении термина *dike* для обозначения частного иска в отличие от *graphe* – иска публичного речь здесь не идет).

Не раз уже проводившийся анализ семантики слова *dike*³⁹ показывает, что в нем имплицитно заложена идея мировой гармонии, порядка, равновесия, нарушение которого влечет за собой неминуемое возмездие. Справедливость (*dike*) контролирует даже физическую вселенную, а отнюдь не регулирует столкновения индивидуальных волей⁴⁰.

Что же касается римского понятия *ius*, то его семантика совсем иная. Воспользуемся прекрасным определением Г. С. Кнабе: *ius* означало «определенную законами совокупность прав (или каждое отдельное право) гражданина – как бы конкретно ограниченное юридическое пространство, в пределах которого человек обладает полной правовой автономией»⁴¹. В римском *ius* нет ничего космического. Оно не сливает воли индивидов в мировую гармонию, скорее напротив – отделяет, даже отчуждает их друг от друга, замыкает каждого из них в некоем правовом пространстве.

Большая «индивидуалистичность» римской цивилизации по сравнению с греческой – факт вообще достаточно известный. Эта тенденция проявляется во многом: и в политической жизни (отношение римлян к своим *fürstliche Her-*

³⁷ Cohen E. E. Banking as a «Family Business» // Symposium 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 255.

³⁸ О понятии *dike* см.: Hirzel R. Themis, Dike und Verwandtes: Ein Beitrag zur Geschichte der Rechtsidee bei den Griechen. Lpz., 1907; Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов [1970]. М., 1995. С. 303–305; Behrend D. Dike nach Émile Benveniste // Symposium 1974: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1979. S. 137–145.

³⁹ Речь здесь идет не об индоевропейской этимологии термина, восходящего к основе *deik, а о его реальном словоупотреблении в древнегреческой традиции.

⁴⁰ Jones J. W. Op. cit. P. 4, 17, 24–36.

⁴¹ Кнабе Г. С. Объяснение латинских слов и выражений // Грималь П. Цицерон. М., 1991. С. 538.

ген было куда более позитивным, чем отношение греков)⁴², и в скульптурной пластике (достаточно сравнить греческие и римские портреты)⁴³, и в религии (трансцендентной и субстанциальной у греков, имманентной и актуальной у римлян)⁴⁴...

Пестрая амальгама фактов развернулась перед нами и требует интерпретации. Интерпретация эта, на наш взгляд, отнюдь не должна быть сводима к стадияльному различию греческого и римского обществ. Не следует упускать из вида определенных изначальных импульсов, исходящих из ментальной сферы, импульсов космогонических у эллинов, исторических и юридических – у римлян. Удастся ли нащупать (хотя бы интуитивно) некие *Urphänomene* в том и другом случаях?

Чрезвычайно содержательными и принципиальными в данной связи представляются нам наблюдения искусствоведа Э. Л. Лаевской, относящиеся к доантичному периоду⁴⁵. В двух словах их можно обобщить следующим образом. Еще как минимум с эпохи неолита (а в ряде отношений – даже раньше) в рамках средиземноморского региона и прилегающих территорий можно выделить две большие зоны, различающиеся и даже противостоящие друг другу по архетипам художественного мышления. Восточное Средиземноморье (традиции которого унаследовала античная Греция) характеризуется как «мир керамики». Главным выразителем мироощущения здесь становится рукотворный глиняный сосуд – маленькая модель вселенной, микрокосм, приспособленный к пропорциям человеческого тела. Вечная подвижность и множественность, гармоничное сочетание вечности и цикличности, статики и движения характерна для этого пластичного гончарного космоса. Нет двух одинаковых

⁴² Греки изобрели остракизм, а римляне триумф – остроумно подмечает У. Рансимэн (*Runciman W. Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 365*). *Fürstliche Herren* – выражение Г. Берве (*Berve H. Gestaltende Kräfte der Antike. München, 1966. S. 232*).

⁴³ Авторитетный немецкий искусствовед Г. Хафнер считает, что римские скульптурные портреты были тоже созданы греческими художниками, римских же скульпторов не существовало вообще (*Хафнер Г. Выдающиеся портреты античности. М., 1984. С. 27–28*). Но даже если это и так, менталитет своих римских заказчиков эти портреты все же выражают. Ведь изучаются же, скажем, скифские ментальные парадигмы на материалах золотых изделий из причерноморских курганов, хотя изготовлены для скифов они были тоже греческими мастерами (*Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985*).

⁴⁴ *Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. Т. 3 [1907]. М., 1995. С. 11 сл.*

⁴⁵ *Лаевская Э. Л. Мир мегалитов и мир керамики: Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы. М., 1997. Предварительные результаты исследования были изложены: Иофан Н. А., Семенцова Э. Л. Древний миф и его изобразительные воплощения в доантичном и античном Средиземноморье // Жизнь мифа в античности. Ч. 1. М., 1988. С. 46–59.*

сосудов, каждый из них – определенным образом устроенный «мир в себе», художественное единство, абсолютно отрешенная от всего реального модель мироздания.

Мир Западного Средиземноморья (традиции которого в античный период наиболее полно проявились в Риме) – «мир мегалитов». Камень, а не глина выполняет здесь основные мировоззренческие функции. Керамическая посуда, конечно, есть и на Западе, но имеет чисто утилитарное, хозяйственное значение. Она либо вообще не покрыта орнаментом, либо несет лишь простейшие сочетания узоров, чуждые единой системе, а не живописный декор, скомпонованный из орнаментальных элементов. К глине относятся, как к камню. Ее чаще не расписывают, а процарапывают, гравировывают. Система мировидения в этом регионе воплощается не в сосуде, а в мегалитических сооружениях, в монументальных каменных объемах, вписанных не в трансцендентное, а в реальное природное пространство. Человеку «мегалитического» региона чуждо чувство органического единства с природой, циклического умирания-возрождения; он преодолевает, покоряет природу гигантскими объемами построек, тем самым покоряя смерть. «Модель мира», проявляющаяся в мегалитах, разомкнута, колоссальные круги и ряды каменных глыб и столбов как бы втягивают в себя человека. Мегалитический комплекс не воспринимается как целостность (для этого нужно было бы посмотреть на него с высоты птичьего полета), для наблюдателя единая «формула» вселенной (так наглядно запечатленная в росписях восточносредиземноморского сосуда) дробится, разбивается на отдельные знаки-символы. Знаковость преобладает в «мире мегалитов», как образность – в «мире керамики». При этом мегалитические ансамбли развертываются не только (добавим: может быть, даже не столько) в пространстве, но и во времени. Не случайно крупнейший из них – английский Стоунхендж, по мнению ученых, являлся обсерваторией, служил календарным целям, помогал фиксировать ритмику хронологических отрезков.

Хотя вышеизложенные соображения Э. Л. Лаевской в основном касаются, повторим, более раннего времени, нетрудно заметить, что они имеют самое прямое отношение к античному периоду истории Средиземноморья, к древнегреческой и римской цивилизациям. Камень и глина – эти две развернутые метафоры остаются безусловно парадигматичными и в интересующую нас эпоху. С их помощью многое в рассмотренных выше дихотомиях можно лучше понять, уловив в них элементы могучих синкретических архетипов, уходящих корнями в глубину даже для античности древность.

Мир римлян – мир камня и всегда остается таковым. Это можно сказать даже в самом утилитарном плане. Феномен расписной керамики не имеет на римской почве сколько-нибудь близкого или хотя бы отдаленного подобия. Римляне – великие строители, они предпочитают работать с монументальными

каменными массами. Непревзойден в рамках древнего мира масштаб, размах деятельности римских инженеров и архитекторов. Каменные акведуки, мощные дороги, грандиозные термы и амфитеатры, многоэтажные дома-инсулы, громоздящиеся в улочках меж римскими холмами – вот лишь немногие иллюстрации подобного мироощущения.

И сам Вечный город (здесь мы переходим уже в пласт ментальности), в сущности, напоминает гигантский мегалитический комплекс – вечно растущий, развертывающийся, принципиально открытый миру (*Urbi et orbi*), не чуждый никаким контактам с внешней средой, напротив – настроенный на такие контакты, втягивающий, впитывающий эту среду в себя и плодотворно переплавливающий ее компоненты в нечто иное, новое.

Рим не цикличен. В ощущении его жителей он уникален, неповторим. Он неподвластен ни круговороту «металлических» веков, ни полибиеву вращению «правильных» и «отклоняющихся» форм правления. Подобно кораблю, идет он по времени, всегда новый и всегда тот же. Рим не космичен, а историчен. История – от первых анналистов до Аммиана Марцеллина – вот среда бытия «римского мифа».

Как всякий мегалитический ансамбль, Рим не только не замкнут, но и не сомкнут. Это – не гармоничный керамический космос, к которому нельзя ни йоты прибавить или убавить. Лишь с птичьего полета историка Рим воспринимается формульно-целостным; в своей эмпирической действительности он дробится на элементы. И, в сущности, каждый квирит – такой минимальный элемент, воспринимаемый именно как самоценная единица (вертикально стоящий столб!), а не как штрих на сосуде, не как клеточка живого космоса. Индивид автономен в своем «собственном» пространстве, он находится в определенных отношениях к другим индивидам. Регулировать эти отношения и призвана система римского права, система предельно знаковая, не образная.

Мир греков – мир глины. Не следует, конечно, трактовать эту универсальную метафору в сугубо материальном смысле. Хотя и в сфере материальной культуры – целый ряд сразу заметных отличий от римлян. Нет ни подобных римским дорог, ни акведуков, ни многоэтажных домов. Камень греки в каком-то смысле посвятили богам, в пользовании людей оставив глину. Вряд ли нужно подробно останавливаться на громадной роли, какую расписная керамика играла в их жизни.

«Керамическое» мироощущение накладывает отпечаток на все стороны жизни и мышления античных эллинов. Космогонические системы греческих философов, упоминавшиеся в начале доклада, создаваемые ими похожие и непохожие, движущиеся и замершие, замкнутые в себе гармоничные миры являют собою прямую параллель микрокосмам глиняных сосудов. Каждый фило-

соф подобен гончару, лепящему из одного и того же материала оригинальные вселенные.

И каждый греческий полис с его гордой автаркией, – в сущности, тот же замкнутый, гармоничный, самодостаточный сосуд. Поверхность сосуда не втягивает в себя внешнюю среду, подобно мегалиту, – напротив, она выталкивает ее, отгораживается от нее. Мир «вне» – мир принципиально чуждый, пространство совсем иного типа, иной структуры, пространство «варварское», поскольку оно хаотично, а не «космично», не украшено (*kosmos* – украшение), в отличие от сосуда.

Сосуд и роспись на нем принципиально цикличны. Круг жизни-умирания-возрождения для них естествен. Прорыв из мифа в историю, от эпоса к хронике, дается на такой почве очень сложно, поскольку, хотя каждый сосуд неповторим, всё же каждый из них – сосуд. Поэтому, подобно тому как «римский миф» живет в среде истории, греческое историописание живет в среде мифа,

Сосуд неделим, недробим, в отличие от мегалита. Из мегалитического комплекса можно вынести отдельные части, и он не перестанет быть собой. С сосудом подобную операцию можно проделать, лишь разбив его – но тогда он утратит целостность и идентичность. Сосуд – подлинный атом в демокритовском смысле слова (как известно, атомы, по Демокриту, могут быть шарообразными, угловатыми, изогнутыми, крючковатыми...⁴⁶). Целостность сосуда, целостность керамического космоса – именно она греками воспринимается как реальный *individuum*. Части целостности индивидами не являются. Всякое регулирование отношений между ними бессмысленно. В праве (как его понимали римляне) нет нужды. Первично и существенно важно только отношение между частью и целым, а не между частями. Сосуд, полис, космос спаиваются порядком, строем, а не правом.

Только в рамках картины мира, созданной тысячелетиями «керамического» мироощущения, могла сложиться олимпийская мифология, могли творить Гераклит, Аристотель, Архимед, могла вестись Пелопоннесская война. Только на основе мироощущения «мегалитического» могли свершить свой колоссальный труд римские юристы, могли появиться шедевры Вергилия и Ливия, могла возникнуть средиземноморская Империя. На этом можно было бы и закончить, но хотелось бы в качестве постскриптума поделиться – всецело на свой страх и риск – мыслью, может быть, и не обязательной в данном контексте, но имеющей непосредственное отношение к вышесказанному.

Несмотря на популярность тезиса «Москва – третий Рим», не приходится сомневаться в том, что в духовном, ментальном аспекте Россия – скорее поздняя преемница греческой традиции. Элементы «керамического» мироощуще-

⁴⁶ Виц Б. Б. Демокрит. М., 1979. С. 52.

ния порой настолько глубоки в структурах нашего мышления, что даже не осознаются, не рефлектируются. И тем не менее они нередко напоминают о себе, даже на ныне переживаемом нами историческом этапе. Они прорываются во многом: в трудности построения на российской почве правового государства («керамическому» космосу нужно не право, а строй и порядок!), в устойчивых стереотипах «закрытости» от внешнего мира (сосуд самодостаточен и не контактирует с чуждой средой!), в обилии «судьбоносных» рецептов и программ (отрешенные от всего реального глиняные микрокосмы!), в отторжении индивидуализма или – с обратным знаком – в доведении его до абсурдных крайностей (сосуд неделим на части, если его не разбить!)... Не учитывая этого, выход из сложившейся ситуации будет найти нелегко.

РОЖДЕНИЕ «ГРЕЧЕСКОГО ЧУДА»: ВОСТОЧНЫЕ ВЛИЯНИЯ И САМОБЫТНОСТЬ В АРХАИЧЕСКОЙ ЭЛЛАДЕ*

Главное содержание архаической эпохи древнегреческой истории заключается прежде всего в том, что именно на этом хронологическом отрезке произошло рождение античной полисной цивилизации¹. Архаика – это время, когда на свет появилось «греческое чудо». Какова же была качественная специфика наступавшего исторического этапа?

Сразу бросаются в глаза две черты. Во-первых, беспрецедентно быстрые темпы развития, которые характерны для периода архаики. Как бы пробудившись от сна и застоя «Темных веков», Эллада пережила невиданный всплеск творческой активности. Начав едва ли не с «нуля», к концу архаической эпохи она догнала и в ряде отношений даже обогнала в своем развитии страны Древнего Востока, несмотря на их более древние цивилизационные традиции. Весь облик общества стал совершенно иным: от социума традиционного, почти не прогрессирующего, чуждого мобильности и довольно простого по своей структуре – к социуму в высшей степени подвижному, сложному, динамичному.

Во-вторых, этот создававшийся социум был совершенно уникален, беспрецедентен, не похож ни на что в предшествующей человеческой истории. Греция с эпохи архаики пошла совершенно иными путями, нежели соседние и знакомые ей древневосточные цивилизации. И – что не менее важно – эти пути греков теперь отнюдь не совпадали с теми, которыми шли они же сами во II тыс. до н. э. Эллада после довольно длительного перерыва как бы взяла «второй старт».

В то же время нельзя не упомянуть о важной проблеме восточных влияний на формирование античной греческой цивилизации, заимствований, кото-

* Впервые опубликовано в: Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 79–89.

¹ Данный текст первоначально был написан как одна из частей курса лекций «Становление и развитие греческого полиса», читавшегося автором на курсах повышения квалификации «Актуальные проблемы изучения и преподавания античной истории и археологии» в ИВИ РАН (27 марта – 7 апреля 2006 г.), но по соображениям экономии времени не был озвучен в устной форме. Теперь мы ликвидируем этот пробел, предоставляя читателям возможность ознакомиться также и с упомянутым в названии статьи аспектом рассматриваемой проблематики.

рые были сделаны греками на Ближнем Востоке. Чем дальше, тем больше эти восточные влияния акцентируются в литературе. Начинают говорить об «ориентализирующей революции» (выражение Вальтера Буркерта²), об «ориентализирующем периоде» истории Эллады, который хронологически в основном совпадает как раз с архаической эпохой.

Теперь уже невозможно отрицать, что заимствования греков из сферы ближневосточных культур были колоссальными. Алфавит и писчие материалы (кожи, папирус), многие навыки и достижения ремесленного производства (особенно в сложных отраслях ремесел – монументальном строительстве, изготовлении статуй, обработке металлов, особенно ценных, и т. п.), ряд религиозных культов и мифологических сюжетов, монетное дело и многое другое – всё это пришло в Грецию из Египта и Малой Азии, Сирии и Финикии...

Однако ныне науке, как представляется, грозит другая крайность – чрезмерно преувеличить роль «импортированных» элементов культуры, что может затушевывать эллинскую самобытность, представить греков в роли «послушных учеников» умудренных опытом восточных цивилизаций. Под эти установки подводится уже и идеологическая база. Утверждается, что ученые предшествующих эпох (особенно немецкие антиковеды XIX – первой половины XX в.) в силу своего антисемитизма сознательно или бессознательно принижали влияние ближневосточных народов (в значительной части, действительно, семитских) на появление «греческого чуда». Испытывая, скажем, субъективную неприязнь к финикийцам, эти исследователи отказывали им в значительной историко-культурной роли. По данному поводу можем сказать только то, что внедрение идеологических клише в строгую науку никогда не приводит к позитивным результатам.

Что же касается восточных влияний на архаическую Грецию, при оценке их реальной значимости следует, на наш взгляд, учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, эллины выступали в контактах с Востоком не как пассивный объект воздействия, а как активно, сознательно воспринимающая сторона. И ведь, как правило, не египтяне с финикийцами приезжали учить «отсталых» греков, а, напротив, эти последние отправлялись в далекие путешествия, «мудрости чуждой взыска». Финикийцы, бесспорно, не раз бывали в Греции (конечно, с торговыми, а не образовательными целями), но вот об их постоянных факториях в Эгее, которые могли бы стать источником культурных влияний, что-то не слышно. Напротив, это греки уже в самом начале эпохи архаики основали такие фактории на восточноредиземноморском по-

² *Burkert W. The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age. Cambridge Mass., 1992.* Еще один ученый, акцентировано выделяющий «ориентализирующий период» как особую эпоху истории Греции, – Освин Меррей (*Murray O. Early Greece. 2 ed. L., 1993*).

бережье (Аль-Мина и др.). Через фактории в эллинский мир хлынули потоком восточные новшества. Но привозили эти новшества сами греческие купцы, научившиеся многому на чужбине. Греки заимствовали культурные достижения у восточных соседей не потому, что им кто-то что-то навязывал, а потому что они сами ощущали необходимость таких заимствований. А это говорит о высоком уровне цивилизационного самосознания.

Во-вторых, несмотря на все заимствования, античная греческая культура оставалась все же совершенно непохожей на восточные. Это суждение верно и в целом, и в частности. Ниоткуда не были заимствованы концепция полиса³, категории гражданина и гражданства. А ведь как раз это и создает специфику античности.

Приведем и несколько более конкретных примеров. Алфавитная письменность⁴ была заимствована греками у тех же финикийцев. Однако они внесли в нее столь принципиальные новшества, что, собственно, только они и сделали это письмо настоящим, полноценным алфавитом в строгом смысле слова. Речь идет о введении букв для обозначения гласных, которых у финикийцев и других семитов не было.

Коль скоро речь зашла об алфавите, отметим, что в современной науке нет единого мнения о целях его принятия греками. До недавнего времени всецело господствовала точка зрения, согласно которой алфавитная письменность была воспринята греческими купцами и для чисто коммерческих целей (ведение разного рода записей и т. п.). Но не столь давно была высказана идея о том, что греческая письменность преследовала принципиально иные задачи, а именно запись гомеровского эпоса⁵.

Это суждение звучит парадоксом. На первый взгляд кажется невероятным, чтобы хоть какой-то народ в истории овладевал письменностью с такой совершенно «непрактичной», сугубо культурной целью. Однако же есть ряд обстоятельств, которые со значительной долей вероятности свидетельствуют в пользу именно этого варианта решения проблемы. Один из главных аргументов – то самое введение гласных. Для ведения коммерческой отчетности они, в общем-то, не нужны. Финикийские купцы веками обходились без них и не испытывали никакой потребности в изменении положения. А вот для записи

³ Э. Снодграсс высказывает предположение, что на формирование греческого полиса оказали влияние финикийские города-государства (*Snodgrass A. Archaic Greece: The Age of Experiment. Berkeley, 1981. P. 31–32*). Нет ровным счетом никаких позитивных данных, которые позволяли бы утверждать, что это так.

⁴ По ранней истории греческой алфавитной письменности по сей день остается наиболее важным фундаментальный труд: *Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1969.*

⁵ Например: *Snodgrass A. Op. cit. P. 81 ff.*

поэтических произведений гласные действительно совершенно необходимы (в особенной степени это касается древнегреческого языка, в котором, как известно, имелось фонологическое различие между долгими и краткими гласными, оказывавшее непосредственное влияние на метрику стиха).

Кроме этого, уже было обращено внимание на тот факт, что из самых первых древнегреческих надписей, датируемых VIII в. до н. э., достаточно большая часть представляет собой не что иное, как цитаты из эпоса, подражания ему или даже пародии на него. А вот столь же ранних документов коммерческой отчетности не найдено. Судя по всему, и здесь греки проявили свою уникальность, то, чем они отличались от соседних народов, – сознательный отказ от полностью приземленного практицизма, умение «воспарить над повседневностью».

Мы предложили бы (безусловно, в порядке гипотезы) следующую реконструкцию становления греческого алфавита. Вначале греки просто заимствовали финикийскую письменность, – возможно, действительно с коммерческими целями. Это произошло, судя по всему, уже в IX в. до н. э., невозможно сказать с точностью, где именно, но несомненно, что в какой-то части ареала деятельности эвбейцев. Эвбейские греки-мореходы в период ранней архаики стояли во главе развития всего эллинского мира, были «пионерами»-первопроходцами. Они плавали по всему Восточному и Западному Средиземноморью – от Сирии до западных берегов Италии. Именно они стояли у истоков Великой греческой колонизации. Города Эвбеи – рано погибший Лелант (Левканди), а затем унаследовавшие его достижения Эретрия и Халкида – являлись в то время первейшими греческими экономическими, политическими, культурными центрами, не имевшими себе равных.

Но уже очень скоро греки поняли, что письменность может выполнять и иные функции, помимо чисто прагматических. Вот тут-то и была поставлена задача записать эпос, и для этого на весьма ранней стадии развития алфавита были введены гласные. Иными словами, можно говорить о двух этапах единого процесса, и в его рамках обе концепции целей введения алфавитного письма находят себе место.

Нужно учитывать еще, что не вполне точным является взгляд на греческое общество «Темных веков» как на общество абсолютно бесписьменное, исключительно устное. Именно так обычно и считают: между гибелью микенских царств с их линейным письмом В и появлением алфавита – несколько веков жизни совсем без какой бы то ни было письменности. Но здесь не учитывается фактор Кипра. Не следует забывать, что тамошние греки вообще никогда не забывали секретов письменности, продолжали пользоваться слоговым письмом⁶.

⁶ Молчанов А. А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. М., 2000. С. 182 сл.

А ведь это принципиально: как бы далек ни был Кипр от Балканской Греции, контакты с ним никогда полностью не прерывались, о чем свидетельствуют и археологические данные. А это значит, что и прочие греки даже в «Темные века» по меньшей мере имели представление о том, что существует такая вещь, как письменность⁷. Тем легче им было вновь адаптироваться к ней, когда для того возникли необходимые исторические условия.

Другой пример восточного заимствования и эллинской самобытности. Можно вполне согласиться с тем, что архитектурно-строительные приемы египтян оказали значительное влияние на становление зодчества архаических греков. Методы обработки блоков камня, складывания из них монументальных построек – всё это воспринималось с энтузиазмом. Но опять же – что получилось в результате? Совершенно иной тип архитектуры. Греческий храм ни в чем, ни по каким характеристикам и параметрам не напоминает храм египетский. Он не подавляет окружающих гигантскими размерами. Он соразмерен человеку, удивительно гармоничен, строг и каноничен по форме – и этим представляет собой чисто античный феномен.

Представления о ранних этапах развития греческой архитектуры теперь, судя по всему, вообще нуждаются в очень серьезной ревизии. Открытие в 1980-х гг. сразу ставшего знаменитым «героона» в Левканди на Эвбее⁸ принесло такую важнейшую информацию, что она перечеркнула многие из элементов устоявшихся воззрений. Ранее всегда считалось, что сколько-нибудь монументальные культовые постройки начинают возникать в Греции в VIII в. до н. э.⁹ Вначале они очень невелики по размерам, в течение следующих двух столетий их величина возрастает. Архитектурный тип храма проходит несколько последовательных стадий: храм в антах, протил, амфипротил, наконец, периптер, ставший наиболее распространенным, «классическим» вариантом. Потом возникают еще более сложные, вторичные типы (псевдопериптер, диптер, псевдодиптер), но они не получают значительного распространения.

⁷ Ср. «злословные знаки» у Гомера (II. VI. 178), которые, на наш взгляд, оптимальным образом могут быть трактованы именно в этом контексте.

⁸ Об этом уникальном памятнике см.: *Popham M., Touloupa E., Sackett L. H. The Hero of Lefkandi // Antiquity. Vol. 56. No. 218. 1982. P. 169–174; Mazarakis-Ainian A. Contribution à l'étude de l'architecture religieuse grecque des Âges obscures // L'Antiquité classique. Vol. 54. 1985. P. 5–48; Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 BC. L.; N. Y., 1996. P. 41 ff.; Thomas C. G., Conant C. Citadel to City-State: The Transformation of Greece, 1200–700 B.C.E. Bloomington, 1999. P. 85 ff.*

⁹ Их характеристику (первый Герайон на Самосе, храм Аполлона в Эретрии, раннеархаические храмы этолийского Ферма, критской Гортины, Тиринфа) см.: *Snodgrass A. Op. cit. P. 58 ff.*

А теперь выясняется, что уже в середине X в. до н. э. – так рано, как никто из исследователей даже и предполагать бы не мог, – на Эвбее была возведена постройка, по размерам приближающаяся к среднему храму классической эпохи (45×10 м) и, что самое главное, по типу представляющая собой почти сформировавшийся периптер (правда, с апсидой). Здание было окружено рядом колонн, пусть эти колонны и были пока деревянными, не очень толстыми и вряд ли отличались величием колонн Парфенона. Создание ордерной системы во всей ее законченности и монументальности было еще впереди, но основной принцип, как видим, уже существовал. Назначение эвбейской постройки пока неясно и является предметом дискуссий. Но какие бы функции она ни выполняла – святилища, «общинного дома», дворца правителя или его своеобразной гробницы (а вернее всего, здание было полифункциональным, являлось одновременно и первым, и вторым, и третьим, и четвертым из перечисленного), в плане истории искусства перед нами несомненно прямой, хотя отдаленный и очень ранний прообраз греческого храма.

Наконец, третий пример заимствования стал просто хрестоматийным. В цивилизациях древнего Ближнего Востока за века их существования накопилось немало эмпирически-научных сведений, особенно в таких дисциплинах, как математика и астрономия. Египтяне и вавилоняне умели решать довольно сложные уравнения, предсказывать затмения Солнца и т. п. Это прекрасно известные факты. И греки научились всем подобным вещам у восточных соседей. Известен, например, первый греческий ученый, предсказавший затмение, – Фалес Милетский¹⁰. Бесспорно, здесь сыграло ключевую роль то, что он жил в Ионии, на границе с азиатским миром и в постоянном общении с ним. А по некоторым сведениям (правда, неясно, насколько достоверным), он был даже потомком финикийцев.

Однако древневосточные цивилизации, при всех своих достижениях в этих областях, не создали и не могли создать теоретическую науку. Не могли, поскольку были заинтересованы только в практическом применении своих открытий. А греков как раз это практическое применение интересовало в гораздо меньшей степени (греческая наука тем и отличалась, что принципиально не стремилась снисходить до «низменных» потребностей реальной жизни). Отсюда и возникает теоретический (то есть дословно «созерцательный») подход – впервые в истории мировой культуры. Некоторые теоремы, которые доказывал Фалес, выглядят как нечто само собой разумеющееся, например теорема о том, что диаметр делит круг пополам. Ни вавилонянину, ни египтянину не пришлось бы даже и в голову это *доказывать*: всё и так ясно, к тому же по-

¹⁰ Роль Фалеса в развитии ранней греческой науке очень удачно показана в работе: Панченко Д. В. Фалес: рождение философии и науки // Некоторые проблемы истории античной науки. Л., 1989. С. 16–36.

добное доказательство не имеет никакой утилитарной ценности. Для Фалеса же именно это и было интересно! Так рождалась наука.

Одним словом, при всем действительно большом числе заимствований извне считать древнегреческую цивилизацию хотя бы в чем-то вторичной, подражательной было бы не только неверно – это суждение оказалось бы просто противоположным действительности. Напротив, более оригинальной и самобытной цивилизации просто никогда не существовало.

Отметим еще одно обстоятельство, связанное с восточными влияниями. Как справедливо отмечают К. Томас и К. Конант, авторы одной из самых последних монографий по истории «ранней Греции»¹¹, эллины не только «брали»: у них и самих было что дать соседям. Следует вести речь о взаимных контактах, в ходе которых вступали в культурный диалог и обогащались обе стороны.

Не можем приветствовать частую в исследовательской литературе тенденцию: встречая схожие реалии в Греции и на Ближнем Востоке (будь то какой-нибудь технический навык, мифологема, научная идея и пр.), рассматривают это как продукт заимствования греками у восточных народов. А почему не могло быть наоборот, по крайней мере в некоторых случаях? Не говорим уже о том, что возможны и иные варианты: параллельное заимствование из общего источника, в конце концов, независимое зарождение концепта. Например, в связи с пифагорейским учением о метемпсихозе сразу приходят на ум воззрения, типичные для индийского брахманизма. Но тут, думается, предположение о приходе идеи в Грецию из столь удаленного региона больше поставит новых проблем, чем поможет решить существующие.

При всем сказанном, думается, никто не будет спорить: в целом Восточное Средиземноморье было на протяжении всей первой половины I тыс. до н. э. одной большой контактной зоной. И активными участниками этих контактов были греки эпохи архаики¹². Тогда они не замкнулись еще в некоем величавом «самодовлении» и пренебрежении к чуждому, «варварскому» миру. Это случилось позже, в классическую эпоху и во многом под воздействием Греко-персидских войн¹³. А до этого грандиозного конфликта эллины ощущали себя частью более широкой цивилизационной «вселенной». Связи с «варварами» отнюдь не считались предосудительными. Достаточно вспомнить, как активно

¹¹ Thomas C. G., Conant C. Op. cit. P. 142.

¹² Ср.: Purcell N. Mobility and the Polis // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 29–58.

¹³ См. об этом процессе: Hall E. *Inventing the Barbarian: Greek Self-definition through Tragedy*. Oxf., 1991; Georges P. *Barbarian Asia and the Greek Experiment*. Baltimore, 1994; Маринович Л. П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 5–29.

греческие аристократы VI в. до н. э. ездили в Сарды, к лидийскому царскому двору, вступали в ксенические и матримониальные связи с фракийскими династами и т. п.¹⁴

Иными словами, следует говорить не об одностороннем влиянии Востока на греков, а о целой системе взаимных влияний друг на друга. Другое дело, что для одной из сторон (видимо, в силу ее большей восприимчивости и креативности) эти влияния оказались несравненно более плодотворными¹⁵.

¹⁴ См. примеры: Суриков И. Е. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 72–79; *Он же*. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 68.

¹⁵ Характерный пример: уже в эпоху архаики военная организация в Греции стояла на гораздо более высоком уровне, нежели на Востоке, и, что интересно, окружающие древневосточные государства прекрасно сознавали это преимущество эллинов. Однако, вместо того чтобы позаимствовать, скажем, базовые принципы комплектования, вооружения, тактики войска, восточные правители предпочитали «импортировать» самих греческих солдат, наемническая служба которых на обширных пространствах – от Лидии до Египта – получила широкое распространение.

ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ: МАРГИНАЛЬНАЯ ЭЛИТА?*

«Маргинальная элита» – это словосочетание выглядит парадоксальным и, на первый взгляд, едва ли не абсурдным. Понятия «элита» и «маргиналы» обычно принято противопоставлять. В системе «центр – периферия», функционирующей в каждой конкретной социокультурной среде, элита устойчиво соотносится с центром, маргиналы – с периферией. Как же можно сближать две указанные категории? Однако классическая Греция в этом отношении являет несомненную специфику.

Мы сталкиваемся со следующим обстоятельством, которое не может не вызвать удивления. С одной стороны, мировое значение древнегреческой цивилизации связано в первую очередь именно с грандиозными достижениями ее культуры, особенно в классическую эпоху. Это не осталось незамеченным уже самими греками, в цивилизационном менталитете которых весьма важное место занимала бинарная оппозиция «эллыны – варвары»¹, и противопоставление двух названных начал производилось именно по линии более или менее высокой культуры.

С другой стороны, поражает место творцов этой греческой культуры в окружавшем их социуме. Казалось бы, они должны были восприниматься как подлинная элита своего времени. И в каком-то отношении так оно и было. Но в то же время деятели культуры занимали в обществе отчетливо маргинальное положение.

Классическую точку зрения на этот предмет с предельной ясностью отразил Плутарх (Pericl. 1–2), довольно обширную цитату из которого мы позволим себе привести *in extenso* ввиду ее исключительной важности для предмета нашего исследования:

...За восхищением чем-либо сделанным не тотчас следует стремление к совершенению; напротив, часто, наслаждаясь произведением, мы презираем исполнителя

* Впервые опубликовано в: *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 5. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 3. Екатеринбург, 2008. С. 288–297.

¹ О формировании этой дихотомии см.: *Hall E. Inventing the Barbarian: Greek Self-definition through Tragedy*. Oxf., 1991; *Georges P. Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon*. Baltimore, 1994; *Маринович Л. П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары. М., 2006.*

его... Поэтому умно сказал Антисфен², услышав, что Исмений хороший флейтист: «А человек он скверный; иначе не был бы он таким хорошим флейтистом». Филипп³ сказал сыну, когда тот на одной пирушке приятно, по правилам искусства играл на струнном инструменте: «Не стыдно тебе так хорошо играть? Довольно и того, когда у царя есть время слушать музыкантов; он уже много уделяет Музам, если бывает зрителем, когда другие люди состязаются в таких искусствах». Кто занимается лично низкими предметами, употребляя труд на дела бесполезные, тот этим свидетельствует о пренебрежении своим к добродетели. Ни один юноша, благородный и одаренный, посмотрев на Зевса в Писе⁴, не пожелает сделаться Фидием или, посмотрев на Геру в Аргосе, Поликлетом, а равно Анакреонтом, или Филемоном, или Архилохом⁵, прельстившись их сочинениями: если произведение доставляет удовольствие, из этого еще не следует, чтобы автор его заслуживал подражания.

Перед нами отчетливо проступает «потребительская» точка зрения: наслаждение произведениями литературы и искусства в сочетании с презрением к создателям этих произведений. Причины такого отношения коренились в ряде ментальных предпосылок. Воспринималось как постулат, что для того, чтобы стать крупным деятелем культуры, нужно быть профессионалом своего дела. А отношение к профессионалам, специалистам в классической греческой системе ценностей, унаследовавшей ряд интегральных элементов аристократического мировоззрения⁶, оставалось далеким от одобрения. Считалось, что «благородный человек» (*kalos kagathos*) должен относиться к предметам любых своих занятий с известной степенью «благородной небрежности», своеобразного дилетантизма, не вникать ни во что слишком глубоко.

Необходимо учитывать еще, что в принципе постыдным считалось положение человека, который вынужден обеспечивать свое существование, работая за плату (а большинству деятелей культуры едва ли не во все эпохи человеческой истории приходилось поступать именно так). Наемный работник, пусть даже интеллектуальной профессии, стоял в глазах общественного мнения лишь немногим выше раба. Раз он вынужден добывать деньги таким образом, значит, он не соответствует классическому идеалу автаркии (самодостаточ-

² Философ-киник, ученик Сократа.

³ Царь Македонии Филипп II, отец Александра Македонского.

⁴ Имеется в виду знаменитая статуя Зевса в Олимпии работы Фидия – одно из «семи чудес света».

⁵ Крупные поэты архаической и классической эпох.

⁶ Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 28.

ности)⁷ и, стало быть, не отвечает требованиям, предъявляемым к образцовому гражданину полиса.

«Профессионал» для греков было, по сути, синонимом «ремесленника». Если говорить о деятелях культуры, в особенной степени это относилось к лицам, подвизавшимся в области изобразительных искусств. Собственно, понятия «искусство» и «ремесло» выражались одним и тем же термином – *technē*. Но и для представителей других сфер интеллектуальной культуры ассоциация с ремеслом тоже присутствовала. Так, ученые-историки, начиная уже с Геродота, воспринимались современниками и воспринимали себя как квалифицированные ремесленники в своей области, обладающие суммой необходимых навыков⁸.

Отношение же к ремесленникам как таковым было однозначно пренебрежительным; подчас им даже отказывали в праве считаться гражданами. Достаточно вспомнить классический пассаж Аристотеля (Pol. 1278a8): «Наилучшее государство не даст ремесленнику гражданских прав». Предполагалось, что ремесленник, слишком занятый своими профессиональными обязанностями, не имеет достаточного количества досуга, которое позволяло бы ему полноценно участвовать в жизни государства, и уже потому он как бы не вполне свободен. Наличие досуга считалось одним из необходимейших условий бытия гармонически развитой личности⁹.

Разумеется, та рекомендация, которая отразилась в цитированном месте у Аристотеля, на практике выполнялась отнюдь не везде и не всегда. Наиболее полное воплощение она находила в олигархических полисах, где ремесленников действительно часто исключали из состава гражданского коллектива. Впрочем, даже и это суждение будет чрезмерно категоричным, если не сделать к нему оговорку. Одной из самых известных олигархий в Греции был Коринф, а между тем о тамошних условиях Геродот (II. 167) говорит так: «Менее же всего презирают ремесленников в Коринфе». Сказанное не удивительно: именно на ремесленном производстве и торговых операциях зиждилось богатство, которым был столь прославлен Коринф. Но, кстати, обратим внимание на построение фразы. Геродот отнюдь не говорит, что коринфяне любят или уважают ремесленников; они их всего лишь не так сильно презирают, как граждане других греческих полисов.

Но даже в самом демократическом государстве Греции – в классических Афинах V–IV вв. до н. э., в этой «школе всей Эллады», как называл свой го-

⁷ Об этом древнегреческом «идеале совершенной автаркии» см. наиболее подробно: Новгородцев П. И. Политические идеалы древнего и нового мира. Пг., 1919.

⁸ Ср.: Hunter V. Past and Process in Herodotus and Thucydides. Princeton, 1982. P. 98.

⁹ Об античной греческой цивилизации как «цивилизации досуга» см.: Фролов Э. Д. Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 5 сл.

род Перикл (Thuc. II. 41. 1), – даже и там отношение к деятелям культуры было весьма далеко от пietetа. Правда, можно припомнить ряд примеров, вроде бы свидетельствующих о том, что труд писателей, ученых, философов и др. оценивался афинянами по заслугам. Некоторые примеры подобного рода мы сейчас приведем. Однако все они поражают определенной амбивалентностью.

Драматург Софокл неоднократно в своей жизни занимал ответственные государственные посты, в частности избирался стратегом – военным командиром высшего ранга. Но, вопреки распространенному мнению, такой почет этому поэту оказывался не за художественные достоинства его литературных произведений¹⁰. Не это больше всего ценилось в нем как в гражданине. В связи со сказанным следует припомнить, что другой выдающийся афинский драматург – Эсхил – в составленной им самим при жизни для себя эпитафии отмечает свое участие в Марафонской битве, но ни слова не говорит о своем поэтическом творчестве: для него это творчество очевидным образом было не главным.

Философ Анаксагор был учителем и другом Перикла, который неоднократно советовался к ним. Но даже близость к «первому гражданину» не помешала афинянам в конце 430-х гг. до н. э. отдать Анаксагора под суд по обвинению в «безбожии» и вынести ему суровый приговор¹¹. Другой влиятельный философ – софист Протагор – долгое время пользовался в Афинах большой популярностью, был настоящим кумиром аристократической молодежи, но в конце концов его ожидала тоже участь подсудимого, и тоже за «безбожие»¹². Уже то обстоятельство, что Протагор и другие софисты брали со своих учеников деньги, зарабатывали преподаванием себе на жизнь, приближало этих мыслителей к ремесленникам и формировало к ним соответствующее отношение общественного мнения.

«Отец истории» Геродот получил от афинян за свой исторический труд крупную денежную премию¹³. С одной стороны, это, конечно, свидетельствует о признании его заслуг. Но, с другой стороны, именно тот факт, что награда выражалась в некой сумме «презренного металла», несколько ронял историка в глазах аудитории. Гораздо более «благородным» считалось получение призов, не выражающихся в материальном эквиваленте, а воплощающих в себе

¹⁰ Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. М., 2002. С. 267.

¹¹ Там же. С. 89–90.

¹² Там же. С. 101.

¹³ Лурье С. Я. Геродот. М.; Л., 1947. С. 18 сл.; Lister R. P. The Travels of Herodotus. L., 1979. P. 161 ff.

только славу, то есть даров чисто символических, как, например, пресловутый венок из ветвей оливы, вручавшийся победителям на Олимпийских играх¹⁴.

Подлинным средоточием интеллектуальной культуры и интеллектуальной жизни классических Афин был так называемый кружок Перикла – группа высокообразованных творческих личностей, сплотившихся вокруг выдающегося государственного деятеля. В западной историографии последних лет, правда, нарастает тенденция преуменьшать значение этого кружка, «сужать» его состав, высказываются сомнения в принадлежности к кругу друзей Перикла тех или иных выдающихся интеллектуалов¹⁵. В каких-то случаях эти сомнения представляются оправданными. Так, вряд ли являлся сподвижником и единомышленником Перикла великий драматург Софокл¹⁶. Тем не менее в целом скептицизм в отношении самого существования кружка был бы чрезмерно категоричным.

В связи с тематикой данной работы небезынтересным представляется то, что члены «кружка Перикла» в значительной части относились, в понимании тогдашних афинян, к маргинальным слоям общества. Есть даже точка зрения, согласно которой Перикл сознательно включал в число своих друзей маргиналов, лиц, предельно далеких от институтов власти, дабы кружок не получил политической окраски и оставался чисто культурным феноменом¹⁷.

Многие из близких к Периклу деятелей культуры занимали в афинском полисе предельно маргинальную для свободного человека позицию: они были метэками, то есть не имели в Афинах прав гражданства. Сказанное относится к философам Анаксагору, Протагору¹⁸, «отцу истории» Геродоту, архитектору и политическому теоретику Гипподаму¹⁹, оратору Лисию и др. Даже те из друзей Перикла, которые не являлись метэками, все-таки относились к маргинальным слоям. Так, великий скульптор и архитектор Фидий, несмотря на свое афинское происхождение, был маргиналом в связи со своей «ремесленнической»

¹⁴ Латышев В. В. Очерк греческих древностей: богослужебные и сценические древности. СПб., 1997. С. 120.

¹⁵ Stadter Ph. Pericles among the Intellectuals // Illinois Classical Studies. Vol. 16. No. 1/2. 1991. P. 111–124; Will W. Perikles. Reinbek, 1995. S. 59 ff.; Idem. Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003. S. 309 ff.

¹⁶ Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 198–199, 208.

¹⁷ Humphreys S. C. The Family, Women and Death: Comparative Studies. L., 1983. P. 24.

¹⁸ Да и практически ко всем философам-софистам. Из представителей этого философского течения (о нем см.: Kerferd G. B. The Sophistic Movement. Cambridge, 1984) лишь считанные единицы (Антифонт, Критий) были афинскими гражданами.

¹⁹ О Гипподаме, обосновавшем принцип регулярной планировки в градостроительстве и разрабатывавшем проекты переустройства общества, см.: Gill D. W. J. Hippodamus and the Piraeus // Historia. Bd. 55. Ht. 1. 2006. S. 1–15.

профессией. Наконец, подлинная вдохновительница кружка интеллектуалов, так сказать, «хозяйка салона» – вторая супруга Перикла Аспасия – вращалась в кругах высшей элиты, но при этом была «втройне маргиналом»: как женщина (гендерная маргинализация), как не-афинянка, принадлежавшая к сословию метэков (социальная маргинализация), и как гетера (профессиональная маргинализация).

Обнаруженная здесь закономерность действительно нуждается в объяснении. В силу ограниченного объема данной работы тема не может быть рассмотрена здесь исчерпывающим образом, в совокупности всех своих компонентов. Можно попытаться лишь обозначить некоторые подходы к решению проблемы. Возможно, кое-что поможет прояснить краткий диахронный анализ.

На самых ранних этапах истории античной греческой цивилизации деятель культуры был по преимуществу маргиналом. Собственно, вплоть до VII в. до н. э. мы можем говорить только о двух категориях деятелей культуры – эпических поэтах (аэдах) и художниках-вазописцах. Первые занимали в жизни общества отчетливо маргинальный статус. Гомер (насколько можно говорить о нем как об исторической личности) был типичным представителем певцов-сказителей, подвизавшихся при дворах аристократов архаической эпохи. Отношение к таким сказителям было двояким: с одной стороны, в их искусстве видели «божественное» начало, с другой стороны, самих аэдов однозначно относили к «низкородным». Другой выдающийся эпический поэт, Гесиод, был небогатым крестьянином, на досуге занимавшимся поэтическим творчеством, то есть тоже человеком, весьма далеким от элиты. Более того, в его произведениях явно прослеживаются антиэлитарные тенденции²⁰. О вазописцах уже и не говорим: они все поголовно принадлежали к самым низшим слоям общества.

В VII–VI вв. до н. э., в расцвет архаической эпохи, ситуация в значительной мере меняется. На ниве интеллектуальной культуры начинают выступать представители высшей аристократии. Таковых много среди лирических поэтов названного времени (Солон, Алкей, Феогнид и др.), среди философов-досократиков (Фалес, Пифагор, Гераклит и др.). Движимые агональным духом, стремлением к состязательности в сфере творчества²¹, они в большинстве своем сочетали свои литературные и научные занятия с активной общественной, политической деятельностью.

²⁰ О маргинальном с точки зрения тогдашнего социума характере творчества Гесиода см.: *Tandy D. W. Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece*. Berkeley, 1997. P. 194–227. В этом исследовании глава, посвященная Гесиоду, характерно названа «Ответ с периферии».

²¹ *Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э.* 2-е изд. СПб., 2000. С. 106 сл.

А вот в классическую эпоху, с V в. до н. э., процесс пошел вспять. Среди деятелей культуры вновь значительно меньше становится аристократов, представителей элиты. Складывается культурная элита в собственном смысле слова, но при этом она в контексте полиса маргинализуется и даже изолируется. Как ни парадоксально, это происходит прежде всего в демократических Афинах и идет рука об руку с развитием демократии, нарастанием эгалитарных черт в политической жизни. К тем же Анаксагору или Геродоту в быту относились, безусловно, с уважением как к людям мудрым и образованным. Однако, принимая политические решения в органах государственной власти, менее всего интересовались их мнением.

Здесь сыграло роль еще следующее обстоятельство. В V в. до н. э. мы едва ли не впервые в истории человечества встречаем такой процесс, как «утечка мозгов». «Акцептором» выступают беспрецедентно разбогатевшие и усилившиеся Афины, «донорами» – остальные регионы греческого мира, из которых интеллектуалы в значительном количестве направляются в город с крепнущей репутацией «школы Эллады». Гражданских и политических прав эти интеллектуалы в Афинах, естественно, не получают, что не оставляет им иной возможности, как сплотиться в обособленную группу (пресловутый «кружок Перикла») и предаться своим специальным занятиям. Любая специализированная группа тем самым уже становится в известной степени маргинальной, тем более в условиях античного полиса, который в период своего расцвета специализацию вообще не приветствовал.

Так начинался трагический разрыв между демократией и интеллектуальной культурой – разрыв, впоследствии, с конца V в. до н. э., породивший жестокий идейный кризис. При Перикле, высокообразованном человеке и поклоннике просвещения, этот разрыв еще сглаживался. А вот Клеон, следующий лидер демократических Афин, уже откровенно заявлял:

...Необразованность при наличии благонамеренности полезнее умственности, связанной с вольномыслием. Действительно, более простые и немудрящие люди, как правило, гораздо лучшие граждане, чем люди более образованные. Ведь те желают казаться мудрее законов... а государству их умствование обычно приносит вред (Thuc. III. 37. 3–4).

Демос стал относиться к интеллектуалам с подозрением. Прошел ряд громких судебных процессов против видных деятелей культуры, которых обвиняли, как правило, в безбожии²², а фактически – в том, что они «слишком умные», позволяют себе иметь собственный, независимый взгляд на вещи. Интеллектуалы платили демосу взаимностью: справедливо отмечалось, что все

²² Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания... С. 86 сл., 99 сл.

крупнейшие греческие мыслители классической эпохи начиная с конца V в. до н. э. были убежденными противниками и жесткими критиками демократии²³. А та не могла противопоставить этой критике чего-либо равноценного, создать стройную и продуманную демократическую теорию²⁴.

В послеперикловский период, вплоть до падения афинской демократии в конце IV в. до н. э., многие видные деятели культуры по-прежнему были метэками. Достаточно вспомнить о великом Аристотеле и большинстве членов его школы. Но даже и коренные афиняне часто обращались к культурной деятельности лишь тогда, когда из разряда политической элиты переходили в разряд маргиналов. Выдающиеся историки Фукидид и Ксенофонт, выходцы из аристократических кругов общества, написали свои труды после того, как были изгнаны из Афин и лишены гражданских прав, находясь в незавидном положении беженцев-апатридов. Способы маргинализации и даже «автомаргинализации» были достаточно разнообразны. Например, для Платона (тоже знатного аристократа) таким способом стало замыкание в рамках философской школы, полный и демонстративный отход от политики.

Парадигматичной фигурой, воплотившей в себе образ «маргинальной элиты», можно назвать Сократа. Он был представителем обедневшей знати²⁵, но всем стилем поведения «босоногий мудрец» манифестировал собственную маргинальность. Характерно, что, несмотря на предельную «демократичность» собственного образа жизни, Сократ был «своим» отнюдь не для демоса (в конечном счете, как известно, приговорившего философа к казни), а для аристократической молодежи, жадно впитывавшей из его уст своеобразную «элитарно-маргинальную» мудрость – чуждую мудрость, мудрость Иного.

²³ Ober J. Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998; Туманс Х. Псевдо-Ксенофонт – «Старый олигарх» или демократ? // ВДИ. № 3. 2004. С. 24.

²⁴ Schubert Ch. Die Macht des Volkes und die Ohnmacht des Denkens: Studien zum Verhältnis von Mentalität und Wissenschaft im 5. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1993; Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 199.

²⁵ Молчанов А. А. Антропонимия и генеалогия знати в древних Афинах // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург, 2005. С. 201–203.

АФИНСКИЕ ГРАЖДАНЕ АРХАИЧЕСКОЙ И КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХ КАК ПИСЦЫ*

С. Г. Карпюк, инициировавший в нашей историографии обращение к вопросу о писцах в античной Греции, насколько можно судить, считает, что тех полисных должностных лиц, которые фигурируют в источниках под наименованием *γραμματεῖς* (что обычно переводится как «секретари»), корректнее было бы называть именно *писцами*:

...в Греции, в частности в Афинах, еще с архаических времен надписи фиксируют существование специального должностного лица – «писца» (*γραμματεὺς*), которого современные исследователи обычно называют «секретарем» (*secretary*)¹.

Да, это последнее словоупотребление действительно является абсолютно общепринятым. При переводе древнегреческих нарративных и эпиграфических памятников термин *γραμματεὺς* всегда передается через «секретарь»; так же пишут и в исследовательских работах, когда речь заходит о соответствующих реалиях. И такое обыкновение прочно установилось не только в отечественном антиковедении, но и, кажется, во всем мире².

Действительно ли оно неудачно и лучше было бы передать *γραμματεὺς* через «писец»? В данном отношении у нас возникают серьезные сомнения, и мы пока отнюдь не готовы переходить на предложенный новый узус – по соображениям, которые сейчас попытаемся детально высказать. Предварительно хотим подчеркнуть, что это не малозначащий «спор о словах», как может показаться на первый взгляд, не вносящий ничего по существу в постижении тематики, о которой идет речь. Ниже мы попробуем показать принципиальные различия между функциями писца и функциями секретаря – как в целом, так и (в особенной степени) применительно конкретно к полисной действительности.

Для начала несколько банальных цитат из современных словарей. Классический толковый словарь Ожегова:

* Впервые опубликовано в: Вестник РГГУ. № 17 (118). Сер. «Исторические науки». История / *Studia classica et mediaevalia*. 2013. С. 181–204.

¹ Карпюк С. Г. Писцы афинской демократии // ВДИ. № 1. 2009. С. 161.

² См., например, в исследовании, которое на сегодняшний день является наиболее фундаментальным по всему рассматриваемому кругу вопросов: *Sickingher J. P. Public Records and Archives in Classical Athens*. Chapel Hill, 1999. P. 36 ff. *et passim*.

Писец: переписчик, писарь;

Секретарь: 1. Работник, ведающий деловой перепиской, текущими делами отдельного лица или учреждения. 2. Лицо, ведущее протокол собрания. 3. Выборный руководитель организации. 4. Ответственный руководитель текущей работы учреждения или какого-нибудь органа³.

Энциклопедический словарь:

Писцы: в Древней Руси переписчики рукописей и рукописных книг («книжные» писцы), мастера-иконописцы и авторы книжных миниатюр («иконные» писцы), составители различных видов деловых документов; с XVIII в. – мелкие чиновники;

Секретарь (от ср.-век. лат. *secretarius*, первоначально – доверенное лицо): 1. Служащий, ведающий делопроизводством учреждения, отдельного лица. 2. Составитель протокола собрания, заседания. 3. Выборный руководитель партийной или какой-либо иной общественной организации⁴.

При всей недостаточности и даже примитивности приведенных здесь определений (и несмотря на то, что далеко не всё содержащееся в них имеет отношение к античности), даже из них видно, что писец и секретарь – не одно и то же. Причем различие лежит именно в функциональной сфере. Функции секретаря шире функций писца; соответственно, и сам термин «секретарь» более емкий. Функции обеих профессий могут включаться в круг обязанностей одного и того же лица, но это совершенно не обязательно.

Так, в России писцы имелись в огромном количестве еще в XIX в. Потом их сменили машинистки, которых хорошо помнят те из нас, кто не принадлежит к самому молодому поколению. Теперь, за отмиранием пишущих машинок, эта роль «современных писцов» перешла, очевидно, к компьютерным наборщикам. Можно сказать так: секретарь/секретарша может одновременно выполнять обязанности писца (машинистки, наборщика) и часто действительно это делает. Но далеко не всякий писец (машинистка, наборщик) является секретарем.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. 14-е изд. М., 1983. С. 458, 631. Разумеется, из перечисленных здесь значений слова «секретарь» для нас irrelevantны третье и четвертое (характерные для сочетаний типа «генеральный секретарь», «ученый секретарь института» и т. п.).

⁴ Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. М., 1990. С. 1018, 1201. Под руку попался словарь позднесоветского времени, но это, думается, не играет ни малейшей роли: вряд ли происшедшие с тех пор идеологические перемены как-то коснулись смысла слов «писец» и «секретарь». Третье из приведенных в цитате значений для нас, разумеется, тоже irrelevantно.

Как с этим обстояло дело в античности, а конкретно – в демократических Афинах классической эпохи? Вот что сказано по этому поводу в известном компендиуме В. В. Латышева, которым и поныне можно смело пользоваться, ввиду максимальной скрупулезности и ответственности выкладок составителя.

В. В. Латышев⁵, опираясь на свидетельства Аристотеля («Афинская полития»), Фукидида и надписей, указывает, в частности, на «секретаря, выбираемого народом и обязанного *читать* (курсив наш. – И. С.) и в народном собрании, и в совете все дела, подлежащие докладу. Быть может, этот последний секретарь тождествен упоминаемому у Фукидида (VII. 10) *γραμματεὺς τῆς πόλεως*, который тоже *читал* (курсив наш. – И. С.) в народном собрании письменные документы. В V в. секретарь... имел на сохранении *ψηφίσματα καὶ γράμματα* (т. е. народные определения и государственные акты), или, иначе говоря, заведовал государственным архивом, а также вел в совете протоколы заседаний и излагал письменно его распоряжения».

Обратим внимание: в приведенной цитате делается упор на то обстоятельство, что афинским секретарям очень много приходилось именно *читать* (имеется в виду, естественно, чтение документов вслух перед публичными аудиториями). По сути дела, эта функция выступает как главная. Также справедливо отмечается, что секретарь⁶ фактически являлся и архивариусом, хранителем актов. И, напротив, только вскользь, как о чем-то незначительном упоминается о том, что в обязанности секретарей входило еще и нечто писать.

И это отнюдь не случайно! То, что сейчас будет сказано, может кому-то показаться парадоксальным и даже поразительным (хотя, на наш личный взгляд, это естественно и нормально): в главном, ключевом пассаже нарративной традиции, посвященном афинским секретарям-*γραμματεῖς* (Arist. Ath. pol. 54. 3–5), *вообще не говорится* об их функциях как писцов. Ввиду важности этого места процитируем его *in extenso*:

⁵ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. [Ч. 1.] Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 204–205.

⁶ Во всяком случае, какой-то из секретарей. Мы здесь совершенно не намерены вдаваться в крайне сложный, запутанный вопрос, как соотносились между собой по обязанностям многочисленные секретари, упоминаемые в источниках, – «секретарь Совета», «секретарь по притании», «секретарь демоса», «секретарь полиса», «секретарь по законам», «секретарь фесмофетов», «секретарь эфетов», и пр., и пр. При наличном состоянии источниковой базы разобраться со всем этим, пожалуй, совершенно невозможно. Как пишет В. В. Латышев, «“Афинская полития” Аристотеля, от которой мы вправе были бы ожидать разъяснения этого вопроса, еще более запутала его» (Латышев В. В. Указ. соч. С. 204–205). См. к вопросу также: Карпюк С. Г. Указ. соч. С. 162–163. Мы же, повторим, всего этого круга проблем просто не касаемся, он для наших целей не важен.

Еще избирают по жребию секретаря (γραμματέα) – так называемого «по притании». Он заведует документами (τῶν γραμμάτων ἐστὶ κύριος) и хранит (φυλάττει) все издаваемые постановления (ψηφίσματα), все вообще документы скрепляет своей подписью (ἀντιγράφεται) и находится при Совете во время заседаний... Еще одного секретаря избирают по жребию, чтобы ведать законами (ἐπὶ τοὺς νόμους)⁷. Он состоит при Совете во время заседаний и тоже скрепляет своей подписью (ἀντιγράφεται) все законы. Кроме того, и народ избирает поднятием рук⁸ секретаря (γραμματέα), который должен читать (ἀναγνώσκειν) документы народу⁹ и Совету. Этот секретарь не имеет других полномочий, кроме обязанности читать (τοῦ ἀναγιῶναι).

Приведенный здесь перевод С. И. Радцига в целом очень неплох (почему мы им и воспользовались, впрочем во всех мало-мальски важных местах приводя также и соответствующие формулировки оригинала), но, разумеется, не стопроцентно безупречен. Пожалуй, в наибольшей степени смущает трактовка выражения ἀντιγράφεται как «скрепляет своей подписью»: возникают какие-то совсем не античные ассоциации. В греческо-русском словаре Вейсмана глагол ἀντιγράφω в медиальном залоге переводится как «подавать жалобу против жалобы, протестовать; со своей стороны жаловаться или заявлять что-либо»¹⁰. Легко убедиться, что ни одно из указанных тут значений к нашему контексту не подходит. Впрочем, рядом же у Вейсмана фигурирует существительное ἀντιγραφεὺς с объяснением «секретарь, скрепляющий что-либо подписью».

Как бы то ни было, надлежит памятовать, что словарь Вейсмана был впервые издан в 1878 г., еще до открытия «Афинской политики». И, хотя потом он переиздавался вплоть до 1899 г. (а «Афинская политика», как известно, была опубликована в 1891 г.), лексика нового памятника в нем учтена так и

⁷ Смысл существования должности этого секретаря, столь озадачившей В. В. Лапышева, на самом деле вполне ясен в свете того, что мы знаем ныне о конституционной истории Афин. Как известно, в конце V в. до н. э. было проведено строгое разграничение между понятиями закона и псефисмы (ранее не различавшихся). Потому-то, несомненно, и потребовался второй секретарь. Из цитируемого текста легко заметить, что он работал именно с законами, в то время как в связи с первым, предыдущим секретарем эксплицитно упомянуты псефисмы.

⁸ Голосование противопоставлено здесь способу назначения двух ранее названных секретарей – жеребьевке.

⁹ На самом деле в подобных оборотах под δῆμος нужно понимать, конечно, не «народ», а «народное собрание». См. недавнюю статью исключительной важности: *Hansen M. H. The Concepts of Demos, Ekklesia, and Dikasterion in Classical Athens // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 50. 2010. P. 499–536.*

¹⁰ Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Репринт 5-го изд. 1899 г. М., 1991. Ст. 127.

не была¹¹. Поэтому от *великолепного* словаря Вейсмана – намеренно подчеркиваем это качество в пику его хулителям¹² – резонно обратиться к «нашему главному» словарю, к LSJ. Без всякого удивления обнаруживаем, что и в нем дело обстоит не лучше. О глаголе ἀντιυράφω в медиальном залоге, и именно со ссылкой на это самое, интересующее нас место (Arist. Ath. pol. 54. 3), говорится буквально следующее: «*keep a counter-reckoning* (курсив авторов словаря. – И. С.) of money paid or received»¹³. При чем тут пресловутое money? В данном свидетельстве Аристотеля ни о каких деньгах речь не идет.

Таким образом, рассмотренное место приходится считать неясным. И, в принципе, нельзя исключать, что речь здесь идет о каких-то «писцовых» обязанностях секретаря (все-таки корень уграф- присутствует). Но в любом случае об этом сказано как о чем-то второстепенном. Зато бросается в глаза, что в Афинах имелся секретарь, чьей обязанностью было *только* чтение. Тут можно обратить внимание еще на один пассаж из той же «Афинской политики», где также говорится об обязанностях секретарей (в данном случае – секретарей судебных коллегий):

Лицо, приставленное по жребию к воде¹⁴, закрывает трубку, когда секретарю предстоит читать закон, или свидетельское показание, или что-либо в этом

¹¹ Это однозначно явствует из кратких предисловий автора к переизданиям. Приведем то, что касается интересующего нас вопроса. Предисловие к 4-му изданию 1894 г.: «В этом издании прибавлены слова к Исократу и Лисию, а также дополнены слова к Лукиану» (Вейсман А. Д. Указ. соч. С. V). Всё. А между тем предыдущее, 3-е, издание вышло в 1888 г., т. е. как раз в промежутке антиковедческое сообщество было потрясено «Афинской политией», но у Вейсмана это никак не отразилось. Он и потом не отреагировал на новшество (предисловие к 5-му изданию 1899 г.: «Это издание представляет перепечаток с четвертого издания – с некоторыми поправками и дополнениями», там же).

¹² И уж совсем не понимаем тех, кто предпочитает словарь Дворецкого словарю Вейсмана (в таком смысле можно понять, например, некоторые выражения в: Степанцов С. А. Валентина Иосифовна Мирошенкова: что я помню о ней // Аристей. Т. 3. 2011. С. 166). В монструозном (во всех смыслах) словаре Дворецкого последовательность перечисления русских значений древнегреческих лексем – самая дикая, способная только дезориентировать (кто-то в полусутку рассказывал нам, будто бы Дворецкий, «сдувая» свой словарь с какого-то греческо-немецкого, чуть ли не с Бензелера, специально менял местами значения слов – дабы не уличили в плагиате). Пользуясь словарем Дворецкого, научиться древнегреческому никак невозможно (кстати, скажем ровно то же и о его латинско-русском словаре). «Старый добрый Вейсман» почти не грешил подобными вещами.

¹³ Liddell H. G., Scott R., Jones H. S., McKenzie R. A Greek-English Lexicon: With a Revised Supplement. Oxf., 1996. P. 154.

¹⁴ Имеется в виду, конечно, клепсидра, о которой см.: Lang M. Klepsydra // Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimony. Princeton, 1995 (The Athenian Agora. Vol. 28). P. 77–78.

духе¹⁵ (ἐπειδὴν μέλλη τινα ἢ νόμον ἢ μαρτυρίαν ἢ τοιοῦτόν τι ὁ γραμματεὺς¹⁶ ἀναγινώσκειν) (Arist. Ath. pol. 67. 3).

Итак, секретарь опять читает. Да и каждый, кому приходилось знакомиться с судебными речами аттических ораторов, прекрасно знает, что они регулярно перемежаются обращениями говорящего к секретарю с просьбой зачитать текст закона, свидетельского показания и т. п. Аристотель (или тот из его учеников, который непосредственно писал данный пассаж «Афинской политики»), разумеется, и сам много раз в жизни всё это слышал¹⁷.

Обратим, между прочим, внимание на то, как сам С. Г. Карпюк характеризует деятельность афинских γραμματεῖς («писцов», как он их предпочитает называть). Протицируем:

О писце (курсив наш. – И. С.), который должен был зачитывать (курсив наш. – И. С.) письменные сообщения народному собранию, упоминает Фукидид... Секретарь выступил и огласил письмо в народном собрании (VII. 10). Очевидно, секретарь, зачитывавший официальные письма, отвечал за точность воспроизведения документа: он его *громко читал* (курсив наш. – И. С.), а аудитория слушала этот документ¹⁸.

Вот в этом-то и пикантность момента. Писец, главной функцией которого является зачитывание, выглядит несколько неординарно.

Акцентированно расставим точки над *i*. *Писец*, согласно самому значению слова, это лицо, чьей основной профессиональной обязанностью является *писать*¹⁹. Для афинских же γραμματεῖς это никаким образом не являлось

¹⁵ Перевод С. И. Радцига, но с нашей поправкой в одном месте: мы убрали из перевода слово «контракт», поскольку опираемся на эмэндации, сделанные в издании: *Oppermann H. Aristotelis 'Αθηναίων πολιτεία*. Stuttgart, 1968. Радциг, несомненно, опирался на старые издания Кениона и Сэндиса. Как известно, последние главы «Афинской политики» сохранились с очень серьезными лакунами.

¹⁶ Строго говоря, в папирусном тексте только *lateύς*. Но восстановление *[γραμμ]lateύς* явно бесспорно.

¹⁷ По вопросу об источниках первой, исторической части «Афинской политики» и по сей день не смолкает дискуссия. Но здесь речь идет о второй части трактата, посвященной современным Аристотелю реалиями. Тут-то уж никто не сомневается, что Стагирит опирался в числе прочего и на личные наблюдения, в частности посещал судебные заседания. См. хотя бы: *Stroud R. S. Aristotle and Athenian Homicide // Aristote et Athènes*. P., 1993. P. 203–221.

¹⁸ Карпюк С. Г. Указ. соч. С. 162–163.

¹⁹ Разумеется, нам могут возразить в том смысле, что этимология слова – это одно, а реальная функция института – это другое, и две вещи могут не совпадать. В конце концов, тот же секретарь далеко не всегда имеет дело с секретами. Однако слово «писец» (с его

основной профессиональной обязанностью. Тут, очевидно, имеет смысл обратить внимание еще и на то, что, вопреки первому впечатлению, сам термин $\gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$ не происходит напрямую от глагола $\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega$ «писать». Нет, он, само собой, происходит от существительного $\gamma\rho\acute{\alpha}\mu\mu\alpha$ «буква», множественное число которого $\gamma\rho\acute{\alpha}\mu\mu\alpha\tau\alpha$ сплошь и рядом употреблялось просто в значении «грамотность». Возьмем русское слово «грамотей», самым прямым образом восходящее именно к тому самому греческому $\gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$, попросту передающее его. Грамотей – это тот, кто «грамоте ($\gamma\rho\acute{\alpha}\mu\mu\alpha\tau\alpha$) знает», кто прежде всего может *прочесть* любой текст. Ясно, что он при этом еще и пишет, но это уже менее важно. Главное качество, которое во все времена требовалось от писца, – писать красиво, каллиграфически²⁰; а *грамотею* как таковому последнее никоим образом не нужно.

Говоря в более широком смысле, функция секретаря (как мы ныне понимаем эту должность и как, судя по всему, понимали ее также граждане афинского полиса) заключается прежде всего в том, чтобы иметь дело с уже существующими, уже написанными документами: хранить их, читать их и т. д. Тут нужно еще отметить, что в системе полисной государственности секретари ($\gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\epsilon\acute{\iota}\varsigma$) были должностными лицами немаленького ранга. Почти в любом афинском декрете имя секретаря фигурирует рядом с именами архонта-эпонима и эпистата – высших должностных лиц. Секретарь фесмофетов был с конца VI в. до н. э.²¹ полноправным членом коллегии архонтов (ни много ни мало!).

Опять же попробуем апеллировать к опыту тех, кто застал еще советские времена. Весьма распространенным жанром в центральных газетах той эпохи были «Указы Президиума Верховного Совета СССР». Подписаны они были так: «Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный; Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе». Все, конечно, понимали, что Георгадзе – это не Подгорный (но ведь и Подгорный – не Брежнев). Но точно так же все понимали, что Георгадзе – уж никак не пи-сец. Статус статусу рознь.

Тут могут раздаться возражения в том духе, что во многих древних обществах, в частности на Востоке, писцы как раз занимали весьма высокое положение в иерархии статусов. Они представляли собой авторитетную, влиятельную, привилегированную профессиональную группу, которая порой проявляла

характерным «профессиональным» суффиксом «-ец») уж слишком ясно и прозрачно. Кому бы пришло в голову утверждать, что главное дело певца (жнеца, продавца) – не в том, чтобы петь (жать, продавать), а в чем-то ином?

²⁰ Ср.: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 293.

²¹ Суриков И. Е. Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения // ВДИ. № 2. 2012. С. 31, 49.

закономерную тенденцию к перерастанию в наследственное сословие. Да, всё это, бесспорно, верно. Египетский писец – это не какой-нибудь там «полковой писарь». Но вот далее мы как раз попробуем показать, что в греческом полисном мире в данном отношении дело обстояло полярно противоположным образом по сравнению с большинством древневосточных социумов.

* * *

Вряд ли будет сильным преувеличением сказать, что из всех существовавших и существующих типов социума полис был наименее «специализированным», наименее склонным к выделению обособленных друг от друга профессиональных функций и обслуживающих их отдельных профессиональных групп – соответственно, типом, в наименьшей степени характеризовавшимся сословным делением общества, ведущим к иерархизации. Оговорим, что мы имеем здесь в виду полис как гражданскую общину, коллектив граждан. Если брать всё население, проживавшее на территории каждого данного полиса, то, конечно, можно говорить о наличии сословий (обычно основными были граждане, метэки, рабы; существовали и особые случаи, как Спарта с ее спартиатами, периэками, илотами). Но вот именно в том, что касается самого гражданского коллектива, вектор развития, безусловно, заключался во всё более полном стирании любых сословных и вообще профессионально-функциональных «перегородок».

В полной мере этот принципиальный факт стал осознаваться в антиковедении во второй половине XX в. Началось с того, что примерно одновременно были сделаны два важнейших наблюдения. С одной стороны, Ж.-П. Вернан и П. Видаль-Накэ²² аргументированно показали, что «воинскую функцию» (издревле выступавшую в качестве отдельной функции, как выяснил еще Дюмезиль, в индоевропейских обществах в целом) именно в полисных условиях ждала совершенно особая судьба. По формулировке Вернана, у греков она отмерла как особая функция²³, а по формулировке Видаль-Накэ – не исчезла, а распространилась на весь полис²⁴. Но это, в общем-то, одно и то же. «Военного сословия» просто не было, оно совпадало с гражданским коллективом.

²² Vernant J.-P. *Myth and Society in Ancient Greece*. Brighton, 1980. P. 19–44 (статья «Полисное военное дело», впервые опубликованная в 1968 г.); Видаль-Накэ П. Черный охотник: формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 115–134 (статья «Традиция афинской гоппитии», впервые опубликованная тоже в 1968 г.).

²³ Vernant J.-P. *Op. cit.* P. 37.

²⁴ Видаль-Накэ П. Указ. соч. С. 128.

С другой стороны, тогда же М. Финли и тот же П. Видаль-Накэ (с М. Остендом) в работах, сразу ставших классическими²⁵, не менее убедительно продемонстрировали, что совершенно аналогичным образом обстояли в полисе дела и с экономической функцией: она также не представляла собой отдельную, обособленную, специализированную сферу. А далее стало выясняться, что ровно то же можно сказать и о всех прочих разнообразных «функциях». Чрезвычайное распространение и популярность в исследовательской литературе получил в результате своеобразный, с трудом переводимый на русский язык термин *embeddedness* («укорененность», «внедренность», «вписанность»), подчеркивающий как раз тот нюанс, что в полисном социуме все области бытия, все функции были теснейшим образом переплетены и взаимосвязаны, не изолированы, не предоставлены отдельным группам лиц.

Вот, например, и относительно религиозной жизни полиса это недавно было в очередной раз акцентировано: такой виднейший специалист, как П. Родс, завершает свою статью «Государство и религия в афинских надписях» словами: «Religion was indeed ‘embedded’ in Athenian society and the Athenian state»²⁶. Сказанное относится, естественно, не только к Афинам, а к полису в целом и означает, что религия не существовала как некая отдельная структура, находящаяся в ведении особой группы («духовенства»). Собственно, всё это давно замечено: церкви как организации в полисных условиях не было (фактически полис был как бы «сам себе церковью»), жречество не было оторвано от народа и т. п.²⁷

Вот точно так же и военное дело было ‘embedded’, и экономика была ‘embedded’, и т. д., и т. п. А разве иначе было, скажем, с «судебной функцией»? Сам институт массового по составу суда присяжных, воплощающего в себе весь гражданский коллектив, показывает, что не иначе. А что с «политической функцией» как таковой? Принцип, согласно которому эта функция не выделялась в обособленную сферу и не препоручалась специальному слою, – это вообще ядро идеи полиса²⁸, особенно демократического. Идея эта предельно эгалитарна: все могут всё, нет такого государственного дела, которое было бы

²⁵ Finley M. The Ancient Economy. Berkeley, 1973; Austin M., Vidal-Naquet P. Economic and Social History of Ancient Greece: An Introduction. Berkeley, 1977.

²⁶ Rhodes P. J. State and Religion in Athenian Inscriptions // Greece & Rome. Vol. 56. No. 1. 2009. P. 13.

²⁷ См. хотя бы: Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: курс лекций. М., 2010. С. 23 сл.

²⁸ Об идее полиса, для которой всего важнее эгалитаризм, см.: Morris I. Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State. Cambridge, 1989; Almeida J. A. Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon’s Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden, 2003. P. 119 ff.

недоступно для понимания и компетенции *любого* гражданина. Соответственно, нет такой должности, которую не мог бы занимать каждый, пресловутый *ὁ βουλόμενος*²⁹. Отсюда поражающая наших современников распространенность жеребьевок при назначении магистратов. Отсюда же и особенности их докимасии: прекрасно известно, что во время этой проверки должностным лицам, избранным, но еще не приступившим к исполнению обязанностей, задавали вопросы, связанные отнюдь не с их профессиональными качествами, а с их гражданским и личным достоинством (почитает ли родителей и т. п.).

Полис – великолепная целостность, «тотальность». Подчеркнем, что в полной мере все вышесказанное относится к сформировавшемуся полису классической эпохи (лучший и наиболее изученный пример – Афины). Но и на протяжении предшествующего, архаического периода уже вполне действовали соответствующие тенденции, ведущие именно в направлении поступательной реализации рассмотренного принципа. О различии в темпах этой реализации еще будет сказано ниже. В любом случае нас в первую очередь интересуют именно Афины.

Что же касается «писцовой функции», то, как нам представляется, к ней этот принцип должен относиться даже *a fortiori*. И действительно, почему в древневосточных обществах³⁰ эта функция так специализировалась, стала уделом профессиональных корпораций? Вне всякого сомнения, потому, что данные общества пользовались архаичными типами письменности (идеографическим и слоговым письмом), несравненно более, чем алфавит, трудными для изучения и использования³¹.

В подобных условиях «искусство письма» неизбежно становилось воистину «искусством для избранных», передававшимся либо в отдельных семьях «от отца к сыну», либо по государственной инициативе. Отсюда и престиж. Чтобы стать писцом на Древнем Востоке, нужно было, собственно, принадлежать к узкому слою *грамотных*, то есть путем многолетнего учения постигших сложную премудрость разбираться в многочисленных знаках иероглифики, клинописи и т. п. Восточный писец мог быть и влиятельным чиновником,

²⁹ Магистратуры некоторых казначеев даже в демократических Афинах были доступны только представителям высшего имущественного класса пентакосиомедимнов. Но эта практика имущественного ценза была связана не с мнением, что богачи более компетентны в финансовых делах, а с более прагматическими соображениями: у богача меньше соблазна, чем у бедняка, запускать руку в государственную казну.

³⁰ К каковым типологически относятся и эгейские общества II тыс. до н. э., в том числе Микенская Греция.

³¹ Об этих письменностях в целом см.: Гордон С. Г. Забытые письмена: Открытие и дешифровка. СПб., 2002.

и даже вдохновенным поэтом, но прежде всего он «грамоте знал», в отличие от подавляющего большинства своих компатриотов.

Нет ничего более несхожего с такой ситуацией, нежели то, что имело место в Элладе уже с VIII в. до н. э. В результате появления алфавитной письменности, с ее просто-таки ничтожным количеством знаков-букв (человек, не страдающий пониженными умственными способностями, легко выучивает алфавит за несколько дней), очень четко и очень быстро наметилось движение к *массовой* грамотности. Причем, что интересно, не связанной обязательно с нуждами государства. Исключительную важность имеет недавно сделанное наблюдение³², согласно которому надписи чисто частного характера появляются – и в Греции в целом, и в Афинах в частности – раньше, чем надписи публичного, общественного характера.

Самыми ранними из таковых являются древнейшие законы³³, и первым из таковых предстает закон о космах из критского Дрероса (ML. 2), датирующийся второй половиной VII в. до н. э. (об особенностях критских «писцовых традиций» по сравнению с афинскими будет сказано чуть ниже). А еще в предыдущем столетии мы встречаем такие эпиграфические памятники, как надпись на «кубке Нестора» (ML. 1) – в чистом виде «симпозиальное баловство», и тому подобные вещи.

В свете всего этого – нужен ли вообще был писец гражданину древнегреческого полиса? Полагаем, что в большинстве случаев нет: оный гражданин при необходимости мог выступить и «сам себе писцом». Возможные исключения (связанные, например, с остракизмом) мы рассмотрим далее и увидим, что эти исключения – как раз из числа тех, которые только подтверждают правило.

Разумеется, не везде и не всегда было так же, как в Афинах. В частности, в критских полисах, характеризовавшихся крайне олигархическим устройством, наблюдается иная ситуация. Дж.-П. Вильсон³⁴ в данной связи говорит о «писцовой грамотности» (*scribal literacy*), которая определяется так: «Грамотность фактически ограничивается небольшой группой специалистов, для которой умение писать является специализированным (и иногда передающимся по наследству) мастерством». Это значительно ближе к тому, что говорилось выше применительно к древневосточным обществам. С указанным обстоятельством напрямую связано другое: на архаическом Крите публичные надписи (особенно те же законы) преобладают над частными, даже в чисто

³² Wilson J.-P. Literacy // *A Companion to Archaic Greece*. Oxf., 2009. P. 542–563. Хотелось бы и в целом привлечь внимание к этой во всех отношениях примечательной работе.

³³ Их наиболее полная сводка: Koerner R. *Inchriftliche Gesetze der frühen griechischen Polis*. Köln, 1993.

³⁴ Wilson J.-P. *Op. cit.* P. 561.

количественном отношении, в Афинах же всё в точности наоборот³⁵, больший контраст трудно себе представить. А речь у нас в первую очередь об Афинах.

Сказанное ни в коем случае не означает, что мы вообще отрицаем существование писцов в афинском полисе. Подобное утверждение было бы абсурдным. Мы только решительно протестуем против отождествления писцов с секретарями.

Тут необходимо заметить, что вся полисная мысль – ввиду отмеченной выше «тотальности» и «нерасчлененности» полиса как организации – откровенно презирала и третировала лиц с развитыми профессиональными навыками (таких лиц называли βέλταιοι). Подчеркиваем, презрительное отношение наблюдалось не к труду как таковому³⁶, а именно к чрезмерно специализированному труду – к такому, который по необходимости начинает занимать в жизни индивида главное место. Отрицательное отношение к таким βέλταιοι прочитывается отнюдь не только в писаниях «высоколобых противников демо-

³⁵ См. крайне интересные и показательные сопоставительные цифровые данные у Вильсона (*Wilson J.-P.* Op. cit. P. 560). В иллюстративных целях приведем один пример. Для хронологического отрезка, охватывающего вторую половину VI в. до н. э., известны следующие эпиграфические памятники из Аттики: 101 посвящение, 66 надгробных надписей, 32 граффити, 531 дипинти (всё это надписи частного характера) и при том 4 закона. А вот соответствующие данные для того же хронологического отрезка на Крите: 2 посвящения, 1 надгробная надпись, 4 граффити, 0 дипинти – и при том 16 законов! Иными словами, законов в два с лишним раза больше, чем всех остальных надписей, вместе взятых. Цифры говорят сами за себя. Но, может быть, данный период являет собой исключение? Что ж, приведем данные для предыдущего, охватывающего первую половину VI в. до н. э. Аттика: 35 посвящений, 12 надгробных надписей, 63 граффити, 45 дипинти – и при этом 0 законов. Крит: 0 посвящений, 0 надгробных надписей, 0 граффити, 0 дипинти – и при этом 7 законов. Как видим, перед нами не какие-то случайные соотношения, а устойчивая тенденция. Разумеется, не обойтись без той оговорки, что подсчету поддаются только сохранившиеся памятники, а сколько таковых еще было, но не сохранилось, – этого никто не знает и никогда не узнает (например, в Афинах в первой половине VI в. до н. э. были приняты законы Солона, но записаны они были на деревянных кирбах и потому до нас не дошли). Да, всё так, но, полагаем, процент сохранившихся надписей от общего их количества должен быть примерно сопоставим для всех регионов Греции, так что данная оговорка принципиально не меняет дела.

³⁶ Вопреки мнению, высказанному, например, в работе: *Anastasiadis V. I.* Idealized σχολή and Disdain for Work: Aspects of Philosophy and Politics in Ancient Democracy // *Classical Quarterly*. Vol. 54. No. 1. 2004. P. 58–79. Досуг, безусловно, идеализировался; но это не значит еще, что всякий труд презирался. Презирался такой труд, который не оставлял места для досуга, целиком поглощал человека, превращал его из личности в некую «функцию». Этот сложный вопрос нет ни возможности, ни резона разбирать в данной статье; мы обратимся к нему в другом месте.

кратии», как Платон и Аристотель. Даже в таком классическом, ключевом памятнике античной демократической идеологии, каким является «Надгробная речь Перикла» в передаче Фукидида, этот мотив «под сурдинку» тоже звучит. Вот хотя бы такое место: «...каждый из нас сам по себе может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизненных условиях» (Thuc. II. 41. 1). Что это, если не призыв к «универсальности» в ущерб совершенствованию узкопрофессиональных навыков? Как блестяще сказано у Козьмы Пруткова, специалист подобен флюсу, ибо полнота его односторонняя.

Разумеется, «при всём при том при этом» в Афинах имелись люди, профессионально подкованные. В том числе и конкретно в области письменности. Иначе и быть не могло. Нужно, конечно же, учитывать, как в демократических Афинах фиксировались документы (говоря современным языком – «публиковались») ³⁷. Вначале делался архивный экземпляр на материале, который называют «недолговечным», например на папирусе (не можем исключить и запись на всем известных навоощенных дощечках); затем постановление выбивалось на каменной стеле (хотя, заметим, не всегда). Кто-то же должен был этим заниматься! Иными словами, нужны были и писцы, и резчики. Резчики нас в данный момент не интересуют, поскольку они просто «красиво воспроизводили» предоставленные им тексты, ранее уже изготовленные писцами. К последним и обратимся.

Они, бесспорно, существовали. Но в связи с ними сразу бросаются в глаза два обстоятельства. Во-первых, в отличие от Древнего Востока, где, в сущности, совпадали понятия «быть писцом» и «быть грамотным» (в силу почти поголовной неграмотности остального населения), в полисной Греции с ее массовой грамотностью ³⁸ писец – это тот, кто не просто умеет читать и писать, как остальные граждане, а имеет навык делать это (относительно) «каллиграфически» ³⁹.

Во-вторых, просто поражает, как мало мы слышим об этих писцах, какой ничтожный след они оставили в источниках, в отличие от секретарей-*γραμματοῖς*, которые весьма часто упоминаются как в нарративных, так и –

³⁷ См. об этом: *Sickingher J. The Laws of Athens: Publication, Preservation, Consultation // The Law and the Courts in Ancient Greece. L., 2004. P. 93–109.*

³⁸ Подчеркнем, что речь идет о массовой грамотности *в релевантной группе*. Ясно, что лица, оставившие нам из архаической эпохи свои письменные реплики симпозиального, педерастического и т. п. характера, были аристократами. Но ведь в тот период именно аристократы и являлись в большинстве полисов полноправными гражданами.

³⁹ Ранее нам приходилось отмечать, что афинские граждане, обращавшиеся к услугам писцов на остракофориях, делали это чаще не потому, что сами не способны были сделать надпись на черепке, а потому, что писец делал это более качественно (*Суриков И. Е. Остракизм... С. 293*).

особенно – в эпиграфических памятниках. Секретари постоянно на виду, а писцы в какой-то тени, и их приходится просто-таки «выискивать», прибегая к различным предположениям. Притом мы не считаем, что сами секретари писали документы. В пользу этого ничто не говорит, да у них и без того было более чем достаточно обязанностей.

В связи со сказанным нельзя не отметить, что в источниках фигурируют помощники секретарей – ὑπογραμματεῖς (дословно – «подсекретари», т. е. лица, подчиненные секретарям). Вот на этих-то людей, судя по всему, и возлагались собственно писцовые функции. В отличие от самих секретарей, они являлись не магистратами, а чисто техническими сотрудниками. Набирались они вряд ли из лиц гражданского статуса, скорее из государственных рабов (в Греции уже в архаическую эпоху встречались грамотные рабы⁴⁰) или вольноотпущенников.

В. В. Латышев, интересно называющий этих ὑπογραμματεῖς «письмоводителями», пишет о них следующее:

Для исполнения низших служебных обязанностей у магистратов были различного рода подчиненные, выбиравшиеся обыкновенно из свободных людей беднейшего класса, но иногда также из метеков, вольноотпущенников и даже рабов; за исполнение своих обязанностей они получали от казны или начальников жалование. Сюда относятся: *письмоводители* (ὑπογραμματεῖς), которые служили чиновнику в течение года, а потом переходили к другому на ту же должность и потому знали иногда больше своих начальников и пользовались вследствие этого большим значением⁴¹.

Последнее суждение, впрочем, представляется, хоть и не лишенным резона, но несколько преувеличенным. С одной стороны, действительно, в условиях ежегодной смены магистратов писцы, служившие в их «канцеляриях», должны были быть более компетентными, более, так сказать, «поднаторевшими в крючкотворстве», чем сами магистраты. Думаем, они даже не «иногда», как говорит Латышев, а всегда «знали больше своих начальников» в том, что касалось круга профессиональных обязанностей. Но, с другой стороны, не будем забывать: перед нами полис – общество, где специализация не ценилась и не уважалась. Так что никаких особых «дивидендов» писцам этот их профессионализм не приносил. Они знали свое место и делали свое дело.

В любом случае, подчеркнем, афинские писцы как бы прячутся от нас. Рассмотрим, например, такой случай. Мы в свое время предположили присутствие писцов на остракофориях⁴². Дело в том, что давно уже были известны

⁴⁰ Wilson J.-P. Op. cit. P. 554.

⁴¹ Латышев В. В. Указ. соч. С. 224–225.

⁴² Дальнейшее изложение основывается на: Суриков И. Е. Остракизм... С. 281 сл. Там же см. литературу по вопросу.

случаи, когда надписи на нескольких остраконах сделаны одной и той же рукой. Традиционно такие случаи интерпретировали как «подпольную работу» политических гетерий, члены которых якобы подсовывали участникам остракофорий заранее заготовленные черепки-«бюллетени». Однако, помимо того что эта гипотеза и сама по себе весьма уязвима (она предполагала бы уж слишком низкий уровень гражданской сознательности голосующих афинян, а это противоречит всему, что мы о них знаем), относительно недавно стали известны и такие случаи, когда одним и тем же почерком надписаны остраконы против *разных* лиц. Это стало уже принципиально важным фактом, заставляющим, по нашему мнению, отказаться от «концепции гетерии»: понятно, что такого рода ситуации не могут быть объяснены сознательной заготовкой в недрах той или иной политической группировкой, что объяснение должно быть иным.

Вот тут-то и стала высказываться весьма вероятная точка зрения, согласно которой в день остракизма на Агоре находились профессиональные писцы, предлагавшие желающим свои услуги и при этом не ангажированные той или иной группировкой, не заинтересованные в исходе голосования и потому объективные. Трудно сказать, было ли появление таких писцов государственным почином, выходили ли на остракофорию те самые *ὑπογραμματοῖς*.

На наш взгляд, это маловероятно; скорее следует говорить о проявлении частной инициативы. Писцы могли надписывать остраконы (очевидно, за плату, которая, впрочем, вряд ли была значительной) для тех граждан, кто не мог или не хотел сделать это сам, а также продавать заранее заготовленные экземпляры (последнее было даже практичнее). Мы, исходя из анализа известного комплекса остраконов с именем Фемистокла, выдвинули гипотезу о том, что в роли таких писцов могли выступать, например, ремесленники гончарных мастерских. Из надписей на аттических вазах известно, что мастера-керамисты отличались хорошим почерком и грамотностью.

Итак, в присутствии неких писцов на остракофориях, судя по всему, сомневаться не приходится (хотя о масштабе этого присутствия можно спорить, и вряд ли он был значителен). Но вот что хотелось бы подчеркнуть как самое главное. Этот факт присутствия писцов становится известен нам только в результате научной реконструкции, о нем мы не узнаём непосредственно из эксплицитных свидетельств источников. Античные авторы ничего не пишут о приходивших на остракизм писцах – не потому, что таковых не было, а потому, что это считалось предметом, недостойным упоминания, просто не заслуживающим его. Так же, как, например, женщины, о которых, по известному суждению Перикла в «Надгробной речи» (Thuc. II. 45. 2), лучше вообще как можно меньше говорить – неважно, в плохом или хорошем смысле.

* * *

Повторим и подчеркнем: в условиях «полисной тотальности» предполагалось (во всяком случае, до определенного момента, о котором еще пойдет речь ниже), что в норме гражданин должен сам себя обслуживать как писец. Тот же институт ostracism с предельной ясностью и яркостью свидетельствует именно об обозначенном подходе. Сравним этот афинский «глиняный бюллетень» с современными бюллетенями для голосования – и увидим, что сравнение окажется, в общем-то, не в нашу пользу. Ныне задача избирателя – всего лишь поставить «галочку» в нужном месте, всё остальное в бюллетене уже напечатано. В частности, не нужно вообще ничего писать, так что теоретически даже человек, в принципе писать не умеющий, проголосует без проблем.

Афинянин же должен был изготовить свой ostrakon от начала и до конца: подобрать черепок, нанести на него надпись... Получается, афинское государство больше доверяло своим гражданам! И, смеем полагать, не без основания. Конечно, нельзя сказать, что в толпе, пришедшей на ostracism, совсем не попадалось неграмотных. Всем памятен анекдотический эпизод с Аристидом и крестьянином, подошедшим к нему и по незнанию попросившим надписать черепок против самого же Аристида⁴³.

Однако здесь перед нами типичный случай такого исключения, которое в полной мере только подтверждает правило. А именно: анекдот (если он не является выдумкой) свидетельствует о почти поголовной грамотности гражданского населения. Ведь крестьянин, будучи не в силах собственноручно надписать ostrakon, не долго думая, обратился к первому попавшемуся незнакомому ему человеку, будучи вполне уверен, что тот сумеет помочь⁴⁴.

В условиях массовой неграмотности и неумения писать ostracism просто не появился бы. Если бы сколько-нибудь значительная часть гражданского коллектива оказывалась неграмотной и была вынуждена пользоваться для надписывания черепков-«бюллетеней» услугами других лиц, разве вся ostracism не превращалась бы в сплошную фикцию? Допустим, тот же неграмотный крестьянин из сельского дема дает свой незаполненный ostrakon писцу, или знакомому, или первому встречному. Как он может проверить, что ему написали именно то имя, которое он хотел, что не совершен подлог? Если такие случаи были единичными, то серьезных последствий это не влекло. Но в случае большого числа аналогичных инцидентов кто мог поручиться, что массовые фальсификации не повлияют на общий результат голосования?

⁴³ Анализ нарративной традиции об этом эпизоде см.: Суриков И. Е. Остракизм... С. 287 сл.

⁴⁴ Burns A. Athenian Literacy in the Fifth Century B.C. // Journal of the History of Ideas. Vol. 42. No. 3. 1981. P. 382.

Следует полагать, что Клисфен, вводя закон об ostracism и распространяя право участия в ostracism на всю массу граждан, не мог не иметь в виду возможность таких злоупотреблений, равно как не могли не иметь ее в виду участники народного собрания, принимая этот закон. И коль скоро он все-таки был принят, то это верный знак того, что демос на рубеже VI–V вв. до н. э. был уверен: ему под силу участие в ostracism, уровень грамотности (хотя бы элементарной) достаточно высок, чтобы волеизъявление на ostracism имело сознательный и объективный характер. Кстати говоря, у нас есть большое подозрение, что крестьянин из анекдота об Аристиде (если, повторим, признавать наличие в этом анекдоте исторического ядра) не умел или почти не умел⁴⁵ писать, но, во всяком случае, должен был уметь читать: иначе как он мог бы удостовериться, что на возвращенном ему черепке стоит имя нелюбезного ему политика, а не чье-либо еще?

Если рассматривать проблему в диахронном аспекте, то мы увидим, что уже во второй половине VII в. до н. э. в Афинах начинают издаваться законы. Возможно, законодательство Драконта об убийствах 621 г. до н. э. было даже не первым опытом в этом духе. Так, есть мнение⁴⁶, что сразу после неудачного переворота Килона (636 г. до н. э.) фесмофеты составили и записали закон, грозивший суровой карой всякому, кто попытается установить тиранию. Это тот самый закон, который сохранился у Аристотеля (Ath. pol. 16. 10).

Что касается раннегреческого законодательства в целом, ныне можно считать в основном оставленной точку зрения, согласно которой законы принимались под давлением демоса и для улучшения его положения. Демосу это было, в общем-то, не нужно, в VII в. до н. э. он еще не боролся за свои политические права. Законы вводились по инициативе и для нужд аристократов, конкурировавших друг с другом и заинтересованных в существовании неких «честных правил игры». Ясно, что тот же закон против тирании не имел никакого отношения к рядовым гражданам: не крестьянин же и не ремесленник мог бы попытаться захватить тираническую власть, а только представитель знати.

⁴⁵ Предположение, что крестьянин был не столько неграмотным в строгом смысле слова, сколько именно малограмотным, сильно прибавляет в весомости, если произвести соблазнительное сопоставление данного нарративного свидетельства с весьма любопытным ostrakon с Агоры, публикацию которого см.: Lang M. Ostraka (The Athenian Agora. Vol. 25). Princeton, 1976. P. 36. На последнем некто, писавший «как курица лапой», раз за разом тщетно пытался вывести имя Аристиды, но эти попытки оканчивались «фальстартами»; а ниже требуемое имя написано четким, красивым почерком хорошо грамотного человека. Уж не тот же ли самый черепок перед нами? Тогда в нашем распоряжении имеется автограф самого Аристиды.

⁴⁶ Gagarin M. The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // Transactions of the American Philological Association. Vol. 111. 1981. P. 71–77.

Ровно то же можно сказать о самом раннем критском законе из Дрероса. В нем регламентировались нормы, связанные с занятием высшей полисной магистратуры косма⁴⁷. Разумеется, космами могли становиться одни лишь аристократы; только их такие нормы и могли интересовать. Правда, уже в эту раннюю эпоху замечен некоторый контраст (отмечавшийся нами и выше) между тенденциями, характерными для Крита и для Афин. Афинские законы Драконта об убийствах⁴⁸ имели отношение уже не только к знати, но и ко всем гражданам, поскольку каждый в жизни мог в той или иной роли попасть в ситуацию, связанную с убийством. В то же время не приходится сомневаться, что непосредственным поводом к записи этих законов стал разгул межаристократических вендетт после «дела Килона».

Как бы то ни было, уже законы Солона, принятые четверть века спустя, представляли собой всеобъемлющий свод, регулировавший самые различные сферы жизнедеятельности. Без знания законов (хотя бы в каком-то объеме) и, соответственно, без овладения искусством грамотности становилось всё труднее. В том же направлении, кстати, вела и практика датировок по эпонимам. Список эпонимных архонтов велся в Афинах с 683 г. до н. э.⁴⁹, и предполагалось, что граждане должны его знать. Ведь одной из важнейших функций эпонимата⁵⁰ являлась именно датирующая.

Датировки необходимо было высчитывать – если взять для примера ситуацию из повседневной жизни, неизбежную для любого, – хотя бы для фиксация наступления совершеннолетия, с которым было сопряжено получение гражданских прав. Как мог афинянин узнать и, главное, продемонстрировать другим, что ему исполнилось 18 лет? В наши дни, когда повсеместно приняты цифровые летоисчисления, сделать это проще некуда. Человеку, родившемуся,

⁴⁷ В целом об этом интересном документе см.: *Gagarin M.* Early Greek Law. Berkeley, 1986. P. 81 ff.

⁴⁸ Наиболее фундаментальное исследование о них на сегодняшний день: *Carawan E.* Rhetoric and the Law of Draco. Oxf., 1998.

⁴⁹ *Bradeen D.* The Fifth-Century Archon List // *Hesperia*. Vol. 32. No. 2. 1964. P. 187–208.

⁵⁰ Лучшее, что имеется на сегодняшний день в мировой историографии об эпонимных магистратах в античной Греции, – это, безусловно, серия больших статей Р. Шерка, которые в совокупности фактически представляют собой полноценную монографию. См.: *Sherk R. K.* The Eponymous Officials of Greek Cities: I // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 83. 1990. S. 249–288; *Idem.* The Eponymous Officials of Greek Cities: Mainland Greece and the Adjacent Islands // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 84. 1990. S. 231–295; *Idem.* The Eponymous Officials of Greek Cities III // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 88. 1991. S. 225–260; *Idem.* The Eponymous Officials of Greek Cities IV // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 93. 1992. S. 223–272; *Idem.* The Eponymous Officials of Greek Cities V // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 96. 1993. S. 267–295.

скажем, в 1965 г., 18 лет исполнилось в 1983 г. и т. д. А в условиях летоисчисления по эпонимам волей-неволей во всех подобных случаях приходилось справляться в списке этих магистратов, что уже предполагает элементарную грамотность. И ведь необходимость такого рода возникала отнюдь не только в связи с совершеннолетием, но и в целом ряде других ситуаций (в связи с призывом в войско и т. п.).

И тем не менее, несмотря на всё сказанное, специалисты в общем солидарны в том, что по V в. до н. э. включительно афинское общество в большей степени оставалось обществом устной, чем письменной культуры. Письменный элемент, безусловно, присутствовал, но все-таки играл скорее дополняющую роль по отношению к устному. Принципиальное изменение ситуации, значительное возрастание удельного веса письменного элемента фиксируется с IV в. до н. э.⁵¹

Если уж придерживаться максимальной точности, мы сказали бы, что начало этого процесса лучше приурочивать к последней трети V в. до н. э. Для этого времени наблюдаются два весьма показательных феномена. Во-первых, появление логографов (первым из них был Антифонт⁵²), что внесло мощную письменную струю в столь важную для греков сферу деятельности, как ораторское искусство (особенно судебное). Если ранее оратор мог вообще не писать свою речь, а говорить экспромтом (или же иметь какие-нибудь краткие вспомогательные заметки, не более того), то логографу уже был решительно необходим письменный текст речи, поскольку его нужно было передать клиенту для заучивания.

Кто записывал речи логографов? Они сами? Клиенты под их диктовку? Или у логографов имелись сотрудники (возможно, из числа тех же грамотных рабов)? Вряд ли имеет смысл даже гадать. Полагаем, что в разных случаях было по-разному. Во всяком случае, ясно одно: клиент логографа обязательно должен был быть хорошо грамотным человеком. А ведь среди этих клиентов встречались личности очень разные.

У Лисия есть всем известная речь (одна из самых блестящих в его наследии) для нищего калеки, выходца из самых низов (речь XXIV). Получается, что этот старик был в состоянии не только прочесть составленную логографом речь, но и заучить ее наизусть и произнести на судебном процессе. Уровень

⁵¹ См. на примере судопроизводства, словесности и др.: *Boegehold A. L. et al. The Law courts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora, Vol. 27). Princeton, 1995. P. 21–42; Seidensticker B. Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 175–198.*

⁵² Наиболее фундаментальное исследование о нем; *Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin, 2002.*

грамотности, позволяющий осмысленно работать с достаточно большими текстами (подчеркнем еще, что ораторская речь — текст не простой, а содержащий риторические средства выразительности), разумеется, предполагает и умение писать (причем не просто в пределах способности процарапать дюжину букв на остраконе). А афинские граждане в массе своей, надо полагать, были уж точно не менее образованными, чем этот Лисиев бедняк.

Второй феномен, о котором необходимо упомянуть, — появление в Афинах книжных лавок. Первое упоминание о таковых встречаем в платоновской «Апологии Сократа» (26de), действие которой происходит в 399 г. до н. э., однако о книжной торговле здесь говорится как о чем-то, что уже хорошо известно каждому. Для торговых целей, естественно, было необходимо тиражирование книг. А тиражирование в тогдашних условиях могло осуществляться только посредством ручного переписывания. На том же самом хронологическом отрезке Еврипид собирает довольно крупную личную библиотеку, одну из первых в Греции. Для этого ему, понятно, тоже приходилось прибегать к услугам переписчиков.

Кто был этими переписчиками, кто снимал копии с книг? Те же грамотные рабы или небогатые свободные, таким образом зарабатывавшие себе на жизнь. Думаем, что были и те и другие, и трудились они «бок о бок»; именно такая ситуация в целом характерна для афинских ремесленных коллективов, будь то керамические мастерские или строительные артели.

Были ли эти переписчики теми же людьми, которые оказывали услуги «писцового» характера на остракофориях? Весьма вероятно. А может быть, именно их привлекали и для письменной фиксации государственных актов? Считаем, что и это возможно.

Как бы то ни было, принцип, который прослеживается в интересующей нас сфере деятельности, — это тот же полисный принцип отсутствия специализации, который наблюдается и в экономике, и в религии, и повсюду: гражданин должен всё делать сам, а если он не имеет возможности что-то сделать сам (обычно не в силу неумения, а в силу недосуга), то привлекает на помощь раба.

БЫЛИ ЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ АЛФАВИТНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ? *

В этом очерке нам хотелось бы подробнее остановиться на проблематике, которая вкратце затрагивалась нами в некоторых более ранних работах¹. Начнем с вещей общеизвестных. Во II тыс. до н. э. у греков-ахейцев существовала письменность слогового типа (линейное письмо В), но с крушением микенской цивилизации она была прочно забыта, и Эллада на несколько веков стала почти бесписьменным обществом. Обычно пишут, что просто бесписьменным, однако оговорка «почти» все-таки необходима, поскольку следует учитывать фактор Кипра. В греческих городах этого острова традиции письменности вообще не пресекались: так, как минимум вплоть до V–IV вв. до н. э. продолжали пользоваться силлабарием, напрямую восходящим к минойскому и микенскому². И притом Кипр оставался пусть и отдаленной, но частью эллинского мира; греки Эгеиды продолжали поддерживать с ним контакты даже на протяжении «Темных веков»³, так что сама идея письменности совершенно утрачена быть не могла. Напомним в связи со сказанным, что существует упоминание о знаках письменности даже в «Илиаде» Гомера (VI. 168–169)⁴.

Однако в дальнейшем греки в данной сфере пошли все-таки не по «кипрскому» пути. Не позднее рубежа X–IX вв. до н. э. (именно этим временем датируется финикийская надпись, открытая в Кноссе⁵) они познакомились с финикийским письмом. Последнее нередко называют «протоалфавитным», но,

* Впервые опубликовано в: Восточная Европа в древности и средневековье: Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. М., 2013. С. 245–249.

¹ Например: Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 65–67.

² О кипрском слоговом письме I тыс. до н. э. наиболее фундаментальным исследованием остается: Masson O. Les inscriptions chypriotes syllabiques: Recueil critique et commenté. P., 1961.

³ Суриков И. Е. «Темные века» в Греции (XI–IX вв. до н. э.) – первый переходный период в истории европейской цивилизации // Переходные периоды во всемирной истории: Трансформация исторического знания. М., 2012. С. 13–38.

⁴ О негативном характере этого упоминания см.: Seaford R. Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy. Cambridge, 2004. P. 57.

⁵ См.: Coldstream J. N. Geometric Greece: 900–700 BC. 2 ed. L.; N. Y., 2003. P. 405.

строго говоря, оно представляло собой усовершенствованную форму силлабического. А уже на его основе эллины выработали первый в мире полноценный алфавит (с буквами для согласных и гласных звуков), ставший «родоначальником» всех остальных алфавитов⁶.

Когда это произошло? Ныне достаточно ответственно можно утверждать, что не позднее рубежа IX–VIII вв. до н. э., хотя ранее в историографии фигурировали несколько более поздние датировки. Еще недавно самая древняя из греческих алфавитных надписей (на дипилонской ойнохое из Аттики) датировалась приблизительно 740 г. до н. э. Но затем в распоряжении ученых оказались два граффити, относящиеся, как считают, к более раннему времени. Правда, датировка одного из них (на наксосском кратере) вызывает сомнения. Тем более примечательно второе, особенно если учесть, что оно происходит не из самой Греции, а из колониального региона, из Италии, причем из такого неожиданного места, как местечко Габии в центральноиталийской области Лаций, неподалеку от будущего Рима⁷. Надпись надежно датируется временем не позднее начала VIII в. до н. э., а возможно, даже рубежом IX–VIII вв. до н. э. Иными словами, к этому моменту алфавитная письменность попала уже и в мир эллинских колоний. Как бы то ни было, ясно, что греки имели алфавит уже ранее середины VIII в. до н. э.; по некоторым признакам, надписи второй половины столетия отражают уже не «первое поколение» этой письменности.

Каковы были цели принятия греками алфавитного письма? На первый взгляд, ответ на вопрос представляется предельно простым: конечно же, главную роль здесь сыграли экономические потребности. Обычно ведь так и бывает. Соответственно, до недавнего времени всецело господствовала точка зрения, согласно которой письменность была воспринята у финикийцев греческими купцами, причем для чисто коммерческих целей (ведение разного рода записей и т. п.). Те же финикийцы, разумеется, использовали ее преимущественно именно для этого. Более того, совершенно несомненно, что ранее в ахейских дворцовых царствах линейное письмо В выполняло почти исключительно хозяйственные функции. Покрытые письменами глиняные таблички из Пилоса, Кносса и др. представляют собой составленные писцами для архива документы отчетности по разного рода «приходам-расходам». Собственно, потому линейное В и вышло из употребления после ликвидации централизованных дворцовых хозяйств в ходе «дорийского вторжения: отчетность была больше не нужна, и потребность в письменности отпала.

⁶ Важнейшим исследованием о его происхождении и ранней истории остается фундаментальный труд: *Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece: A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C.* Oxf., 1963.

⁷ *Tandy D. W. Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece.* Berkeley, 1997. P. 203.

Итак, параллели и прецеденты, казалось бы, побуждают сделать однозначный вывод: причины появления алфавита у греков – экономические. Но верно ли это? Всё чаще в историографии начинает фигурировать идея совершенно другого рода, согласно которой греческая алфавитная письменность преследовала принципиально иные задачи, а именно запись гомеровского эпоса. Насколько нам известно, впервые эта мысль была высказана в одной из работ Г. Уэйд-Гери⁸; впоследствии к ней сочувственно отнесся такой выдающийся специалист, как Э. Снодграсс⁹. Но воистину блестяще аргументированное изложение интересующего нас тезиса содержится в статье Б. Пауэлла¹⁰ – на нее рекомендуем обратить особое внимание, она весьма богата релевантным материалом.

Высказанное суждение звучит парадоксом. На первый взгляд кажется невероятным, чтобы хоть какой-то народ в истории овладевал письменностью с такой совершенно «непрактичной», сугубо культурной целью. Однако же есть ряд обстоятельств, которые со значительной долей вероятности свидетельствуют в пользу именно этого варианта решения проблемы. Один из главных аргументов – как раз введение гласных, которых у финикийцев еще не было. Для ведения коммерческой отчетности они, в общем-то, не нужны. Финикийские купцы веками обходились без них и не испытывали никакой потребности в изменении положения. А вот для записи поэтических произведений гласные, действительно совершенно необходимы (особенно учитывая, что для греческой поэтической метрики и просодии требуется в числе прочего различать долгие и краткие гласные).

Далее, уровень экономического развития в Греции VIII в. до н. э. был еще отнюдь не таким, чтобы настоятельно требовать введения письменности¹¹.

Кроме этого, уже было обращено внимание на тот факт, что значительная часть самых первых древнегреческих надписей, датируемых VIII в. до н. э., представляет собой не что иное, как цитаты из эпоса или подражания ему. Характернейший пример – найденный на Питекуссах, в одной из могил, небольшой сосуд для питья – скифос. На нем имеется хрестоматийно известная надпись второй половины VIII в. до н. э., сделанная эвбейским вариантом греческого алфавита¹²:

⁸ Wade-Gery H. T. *The Poet of the Iliad*. Cambridge, 1950. P. 11 ff.

⁹ Snodgrass A. *Archaic Greece: The Age of Experiment*. Berkeley, 1981. P. 81 ff.

¹⁰ Powell B. B. Why was the Greek Alphabet Invented? *The Epigraphical Evidence* // *Classical Antiquity*. Vol. 8. No. 2. 1989. P. 321–350.

¹¹ О греческой экономике этого времени написано немало, см. хотя бы: *Finley M. I. The World of Odysseus*. N. Y., 1954; *Tandy D. W.* Op. cit.; *Seaford R.* Op. cit. P. 23 ff.

¹² Meiggs R., Lewis D. *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.* Revised ed. Oxf., 1989. P. 1. No. 1.

Я – кубок Нестора, удобный для питья.
Кто из кубка этого выпьет, того человека
Сразу охватит пыл Афродиты прекрасновенчанной.

В первой строке сосуд как бы говорит «от первого лица» (такое часто встречается в Древней Греции). А вот вторая и третья строки – стихотворные, они представляют собой типичный гомеровский гекзаметр. Нестор – один из героев «Илиады»; упоминается в поэме и его роскошный кубок. Однако именно таких строк, которые здесь приведены, у Гомера мы не обнаруживаем. Очевидно, безымянный автор надписи на скифосе создал вариацию на тему эпоса или, возможно, даже пародию.

И этот пример далеко не единственный, скорее наоборот. Б. Пауэлл в вышеупомянутой статье дал репрезентативную подборку древнейших греческих надписей (VIII – начало VII в. до н. э.). И выявилась удивительная вещь: в тех случаях, когда надписи достаточно длинны, чтобы можно было понять их смысл, они почти всегда имеют стихотворный характер (или, по крайней мере, представляют собой попытки, более или менее удачные, воспроизвести тот или иной стихотворный размер). Значение этого факта еще предстоит должным образом оценить.

А вот столь же ранних документов коммерческой отчетности в Элладе не найдено. Судя по всему, и здесь греки проявили свою уникальность, то, чем они отличались от соседних народов, – сознательный отказ от полностью приземленного практицизма, умение «воспарить над повседневностью».

Мы предложили бы (безусловно, в порядке гипотезы) следующую реконструкцию становления греческого алфавита. Возможно, вначале греки просто заимствовали финикийскую письменность (не рискуем исключать, что действительно с коммерческими целями). Это произошло, судя по всему, уже в IX в. до н. э., невозможно сказать с точностью, где именно, но несомненно, что в какой-то части ареала деятельности эвбейцев, которые тогда стояли во главе развития всего эллинского мира.

Но уже очень скоро греки поняли, что письменность может выполнять и иные функции, помимо чисто прагматических. Вот тут-то и была поставлена задача записать эпос, и для этого на весьма ранней стадии развития алфавита были введены гласные. Иными словами, можно говорить о двух этапах единого процесса, и в его рамках обе концепции целей введения алфавитного письма – «экономическая» и «культурная» – находят себе место.

ОСТРАКИЗМ В КЛАССИЧЕСКИХ АФИНАХ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАРНАВАЛ?*

Достаточно заметное место в политической системе и политической жизни древнегреческих полисов классической эпохи занимала такая специфическая процедура, как остракизм. Источниками (нарративными и эпиграфическими) остракизм в той или иной форме зафиксирован в ряде эллинских городов-государств. Среди них – Аргос, Мегары, Милет, Сиракузы, Кирена и даже, судя по всему, отдаленный Херсонес Таврический в Крыму¹. Но только о функционировании остракизма в Афинах V в. до н. э. имеется достаточно обильная информация, позволяющая изучать феномен со значительной степенью системности². Соответственно, в первую очередь именно на афинском материале делаются основные выводы по различным вопросам истории и сущности рассматриваемого института. Будем следовать этой традиции и мы³.

Представляется уместным прежде всего дать определение интересующего нас явления. Остракизм (в своей «классической» форме, как он функционировал в демократических государствах V в. до н. э.) – внесудебное изгнание по политическим мотивам наиболее влиятельных граждан из полиса на фикси-

* Впервые опубликовано в: Одиссей: человек в истории. 2007. С. 194–211.

¹ Об остракизме в этих полисах см.: Суриков И. Е. Остракизм и остраконы: в Афинах и за их пределами // *Hyperboreus*. Vol. 6. Fasc. 1. 2000. P. 103–123.

² См. последний по времени обзор этой информации: Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v.Chr.) / Hrsg. von P. Siewert. Stuttgart, 2002. Это издание пока не закончено; на сегодняшний день подготовлен и опубликован только первый том, в который вошли наиболее ранние свидетельства. См. также нашу рецензию (ВДИ. № 2. 2005. С. 175–182).

³ Автору этих строк неоднократно приходилось писать о различных аспектах истории остракизма. Наши разработки в этой сфере нашли окончательное воплощение в монографии: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. Это освобождает нас от необходимости подробного освещения тех или иных конкретных деталей в данной статье: соответствующий эмпирический материал читатель сможет найти в указанной книге. Отметим также главные зарубежные исследования по проблеме, в которых рассматривается процедура остракизма в целом: Carcopino J. L'ostracisme athénien. 2 ed. P., 1935; Calderini A. L'ostracismo. Como, 1945; Vanderpool E. Ostracism at Athens. Cincinnati, 1970; Lang M. Ostraka (The Athenian Agora. Vol. 25). Princeton, 1990; Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jahrhunderts v.Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001.

рованный срок (в Афинах – 10 лет), без поражения в гражданских (в том числе имущественных) правах и с последующим полным восстановлением в политических правах, осуществлявшееся путем голосования демоса в народном собрании при применении особой процедуры (в Афинах – с использованием надписанных глиняных черепков – остраконов, откуда и само слово «остракизм»). Весьма принципиальной чертой остракизма было то, что он предусматривал изгнание не за какое-то совершенное индивидом деяние, а в превентивных, «профилактических» целях, во избежание совершения такого деяния в будущем (например, захвата влиятельным лицом единоличной, тиранической власти). Именно поэтому остракизм нельзя считать наказанием. Как известно, не может быть наказания без преступления, *nulla poena sine crimine*.

Закон об остракизме был принят в Афинах в 508–507 гг. до н. э., в период реформ Клисфена, положивших начало классической демократии. Но впервые реально применен он был лишь два десятилетия спустя, в 487 г. до н. э. (изгнание Гиппарха, сына Харма)⁴. На протяжении V в. до н. э. остракизм активно использовался в политической жизни афинского полиса. Последний случай, когда к нему прибегли, имел место в 415 г. до н. э. (изгнание демагога Гипербола)⁵. Однако сам закон об остракизме не был отменен вплоть до окончательной ликвидации афинской демократии в 322 г. до н. э. и в течение всего IV в. до н. э. номинально существовал, хотя реально ни разу не вводился в действие⁶.

Впрочем, у остракизма была и своя «предыстория». Ныне на основании совокупности прямых и косвенных данных можно уже с достаточной степенью уверенности говорить о том, что остракизм не родился из головы Клисфена, как Афина из головы Зевса. Этот институт в той или иной форме существовал – в Афинах, а возможно, и в некоторых других полисах – еще в архаическую эпоху, в период безусловного преобладания аристократических полити-

⁴ Наиболее подробно о принятии закона об остракизме и его первом применении см.: *Thomsen R. The Origin of Ostracism: A Synthesis. Aarhus, 1972.*

⁵ Из недавних работ о последней остракофории (остракофорией, «несением черепков», называлась каждая конкретная акция по применению остракизма) см.: *Rhodes P. J. The Ostracism of Hyperbolus // Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis. Oxf., 1994. P. 85–98; Hefner H. Der Ostrakismos des Hyperbolos: Plutarch, Pseudo-Andokides und die Ostraka // Rheinisches Museum für Philologie. Bd. 145. 2000. S. 32–59; Idem. Zur Datierung der Ostrakisierung des Hyperbolos // Rivista storica dell'antichità. Vol. 30. 2000. P. 27–45. Обоснование датировки этого события именно 415 г. до н. э. см.: *Суриков И. Е. К историко-хронологическому контексту последнего афинского остракизма // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. С. 17–27.**

⁶ *Christ M. R. Ostracism, Sycophancy, and Deception of the Demos: [Arist.] Ath. pol. 43, 5 // Classical Quarterly. Vol. 42. No. 2. 1992. P. 336–346; Hefner H. Ende und 'Nachleben' des Ostrakismos in Athen // Historia. Bd. 52. Ht. 1. 2003. S. 23–38.*

ческих режимов. Ранние, зачаточные формы остракизма мы условно называем «протоостракизмом»⁷. А Клисфен лишь модифицировал старинный обычай, приспособив его к условиям демократического государства, в частности передал остракизм в ведение народного собрания из ведения Совета – органа более узкого по составу участников.

Рядом исследователей совершенно справедливо подчеркивались определенные религиозные коннотации, изначально присущие остракизму⁸. Особенно настоятельно они подчеркиваются в статье Л. Холл, скромно озаглавленной «Заметки по поводу закона об остракизме», но являющейся, по нашему глубокому убеждению, одной из наиболее интересных и ценных работ, когда-либо посвящавшихся рассматриваемому институту. Исследовательница, пожалуй, впервые в мировой историографии всерьез предложила посмотреть на проблему происхождения остракизма под новым углом, весьма убедительно продемонстрировав, что та форма этой процедуры, которая применялась в Афинах V в. до н. э. и которая лучше всего известна нам, была продуктом длительного развития, протекавшего в течение десятилетий или даже веков.

В конечном счете, как демонстрирует Холл, мы имеем дело с рудиментарной, секуляризованной формой древнего, как мир, магического ритуала – изгнания «козла отпущения» (греч. *фармакос*, «фармак»)⁹. Фармак по своему положению являлся *sacrosanctus*, то есть одновременно «проклятым» и «священным», «неприкасаемым» и «неприкосновенным». Именно поэтому лица, подвергнутые остракизму, с одной стороны, удалялись с территории полиса и тем самым отстранялись от соприкосновения со святынями и от общения с согражданами, а с другой стороны, имущество таких изгнанников гарантировалось от любых посягательств, оно являлось неприкосновенным. Отнюдь

⁷ Детальная аргументация данного тезиса приводится нами в работах: Суриков И. Е. Остракизм и остраконы...; Он же. Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. № 1. 2004. С. 3–30; Молчанов А. А., Суриков И. Е. У истоков остракизма // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 252–260. См. также: Vinogradov J. G. Ostrakismos als strenges Kampfmittel für Demokratie im Lichte der neuen Funde aus Chersonesos Taurike // Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v.Chr. Mainz, 2001. S. 379–386.

⁸ Например: Hall L. G. H. Remarks on the Law of Ostracism // Tyche. Bd. 4. 1989. S. 91–100; Siewert P. Accuse contro i «candidate» all'ostracismo per la loro condotta politica e morale // Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano). Vol. 17. 1991. P. 3–14; Mirhady D. C. The Ritual Background to Athenian Ostracism // Ancient History Bulletin. Vol. 11. No. 1. 1997. P. 13–19.

⁹ О древнегреческих ритуалах, в которых использовались фармаки, см.: Frazer J. G. The Golden Bough. Vol. 6. 3 ed. L., 1920. Passim; Gebhard V. Die Pharmakoi in Ionien und die Sybackhoi in Athen. München, 1926; Burkert W. Creation of the Sacred: Tracks of Biology in Early Religions. Cambridge (Mass.), 1996. P. 51 ff.; Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 233.

не случайно, что остракофория проводилась раз в год и не чаще, причем весной, в пору обновления природы: изгнанник как бы уносил с собой «грехи», накопившиеся в гражданской общине в течение очередного календарного цикла¹⁰.

Впрочем, говоря о религиозном происхождении остракизма¹¹, которое само по себе, на наш взгляд, несомненно, необходимо все-таки сделать ограничительное замечание. Следует четко отделять вопрос этиологии феномена от вопроса его актуальной функции. Каковы бы ни были ритуальные истоки интересующей нас процедуры, в V в. до н. э., в демократических Афинах она, бесспорно, воспринималась уже как вполне секуляризованный институт, а жертвы остракофорий вряд ли напрямую ассоциировались с фармаками (разве что на уровне подсознания).

В любом случае необходимо специально подчеркнуть, что, вопреки широко распространенному мнению¹², нет по-настоящему серьезных оснований обязательно связывать остракизм исключительно с демократической формой полисного устройства, и только с ней. По сути дела, не существовало какого-либо непримиримого противоречия между практикой остракизма и аристократической или демократической формой правления. Вопрос заключался лишь в том, в ведении какого органа – народного собрания (при демократии) или Совета (при олигархии) – эта процедура находилась. А в этом отношении

¹⁰ Говорим о «грехах», конечно, *cum grano salis*. В целом древнегреческой религии было чуждо этическое понятие греха. Ср.: Grube G. M. A. Euripides and the Gods // Euripides. A Collection of Critical Essays. Englewood Cliffs, 1968. P. 37; Каздан А. П. Религия и атеизм в древнем мире. М., 1957. С. 184; Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. М., 2002. С. 38.

¹¹ Ср. обычай, существовавший на острове Левкада и описанный Страбоном (X. 452): «У левкадцев существовал унаследованный от отцов обычай на *ежегодном* празднике жертвоприношения Аполлону сбрасывать со сторожевого поста на скале одного из обвиненных преступников *для отвращения гнева богов*; к жертве привязывали всякого рода перья и птиц, чтобы парением облегчить прыжок, а внизу множество людей в маленьких рыбацких лодках, расположенных кругом, подхватывали жертву; когда преступник приходил в себя, его, по возможности *невредимым*, переправляли *за пределы своей страны*» (курсив везде наш. – И. С.). Эта информация, как нам кажется, говорит сама за себя и не нуждается в комментарии, настолько много точек соприкосновения с остракизмом.

¹² См., например: Larsen J. A. O. Cleisthenes and the Development of the Theory of Democracy at Athens // Essays in Political Theory Presented to G. H. Sabine. Ithaca, 1948. P. 16; Heuss A. Vom Anfang und Ende 'archaischer' Politik bei den Griechen // Gnomosyne: Menschliches Denken und Handeln in der frühgriechischen Literatur. München, 1981. S. 27; Weber C. W. Athen: Aufstieg und Größe des antiken Stadtstaates. Herrsching, 1981. S. 154; Mossé C. Dictionnaire de la civilisation grecque. Bruxelles, 1992. P. 358; Robinson E. W. The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1997. P. 40–41, 62; Vinogradov J. G. Op. cit. S. 379.

были возможны различные варианты. Известно, например, что даже в Афинах остракизм изначально был прерогативой не еkkлeсии, а какого-то Совета, скорее всего Совета четырехсот (Vaticanus Graecus 1144, fol. 222^{rv})¹³.

Остракизм был связан не специально с демократией или олигархией, а с полисным типом древнегреческой государственности в целом. Это чрезвычайно важный момент. Возникновение остракизма было возможно только в полисных рамках, причем в определенных исторических условиях, в обстановке борьбы индивидуалистической и коллективистской тенденций, всегда характерной для полиса¹⁴. Из двух названных тенденций остракизм воплощал, бесспорно, коллективистскую и в ее контексте был вполне правомерен, логичен и конструктивен. Отсюда его заостренная направленность против конкретных личностей из слоя аристократической элиты. С помощью остракизма община контролировала влиятельных индивидов, удерживала их политическое поведение в определенных границах.

Говоря о том, что остракизм – порождение полиса, можно обратить внимание еще на один нюанс. Знаменательным представляется мимоходом высказанное суждение Платона (Gorg. 516d). Говоря о Кимоне, изгнанном в 461 г. до н. э., философ отмечает, что афиняне «подвергли его остракизму, чтобы десять лет не слышать его голоса (ἵνα αὐτοῦ δέκα ἔτων μὴ ἀκούσῃαν τῆς φωνῆς)». Данная формулировка должна быть специально акцентирована¹⁵. В условиях политической жизни полиса, с его прямым народоправством и отсутствием средств массовой информации, громадную роль играла непосредственная устная коммуникация: именно на ее уровне осуществлялось общение лидеров, представителей элиты с массой демоса. Афины V в. до н. э. были – даже при широком распространении грамотности – в первую очередь миром устного, а не письменного слова¹⁶. В подобной ситуации единственным по-настоящему

¹³ Публикацию этого важного текста см.: Keaney J. J., Raubitschek A. E. A Late Byzantine Account of Ostracism // American Journal of Philology. Vol. 93. No. 1. 1972. P. 87–91.

¹⁴ Об этих тенденциях, их сосуществовании и диалектическом противоборстве в полисных условиях см.: Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 48–53.

¹⁵ Ср.: Jones J. W. The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction. Oxf., 1956. P. 119; Finley M. I. Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983. P. 29, 55, 118–119; Грант М. Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. С. 101.

¹⁶ По проблемам соотношения между устными и письменными элементами культуры в классической Греции в целом см.: Harris W. V. Ancient Literacy. Cambridge (Mass.), 1989; Thomas R. Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambridge, 1989; Eadem. Literacy and the City-State in Archaic and Classical Greece // Literacy and Power in the Ancient World. Cambridge, 1991. P. 33–50; Eadem. Literacy and Orality in Ancient Greece. Cambridge, 1992; Hedrick Ch. W. Writing and the Athenian Democracy // The Birth of Democracy. Athens,

эффективным способом обезвредить политического противника было его удаление из полиса (через изгнание, в конце концов, через казнь): только таким образом можно было пресечь его контакты с гражданским коллективом. Но зато уж это средство оказывалось действующим безошибочно: стоило политику оказаться за пределами полисной территории (пусть даже и без какого-либо ущемления в правах, без атимии, как при ostrakismos) – и он терял всякую возможность оказывать влияние на политическую жизнь. Снова убеждаемся, что перед нами типично полисная реалья.

* * *

Нам уже приходилось подробно писать о функциях, которые приобрел институт ostrakismos в конкретных условиях демократических Афин¹⁷. Эти функции были достаточно многомерны. Если говорить о политическом уровне, то можно отметить, что лидеры конкурировавших группировок, представители элиты использовали ostrakismos как один из мощных инструментов ведения борьбы друг с другом¹⁸, а для демоса он стал способом выбора (в ситуациях биполярного противостояния) между этими лидерами и их линиями, прежде всего внешнеполитическими. А на уровне социально-психологическом ostrakismos оказывался своеобразным средством компенсации коллективной фрустрации внутри гражданской общины, причем средством достаточно гуманным (ср. Plut. Aristid. 7).

В рамках данной работы нам хотелось бы коснуться еще одного функционального аспекта ostrakismos, который представляется тоже немаловажным и небезынтересным, но при этом еще совершенно не привлекал внимания исследователей. В жизни многих обществ, особенно традиционных, доиндустриальных, весьма значительное место занимал феномен карнавала, представлявший собой периодическое (обычно ежегодное) временное снятие бинарных оппозиций во всех сферах бытия, «переворачивание», или, если так можно выразиться, «выворачивание наизнанку» всей системы повседневных отношений. Удивительно тонкий анализ карнавальных форм культуры был проделан

1993. P. 7–11; *Idem*. Writing, Reading, and Democracy // *Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis*. Oxf., 1994. P. 157–174; *Lazzarini M. L.* La scrittura nella città: iscrizioni, archivi e alfabetizzazione // *I Greci: Storia, cultura, arte, società*. Vol. 2. II. Torino, 1997. P. 725–750.

¹⁷ Суриков И. Е. Функции института ostrakismos... С. 24 сл.

¹⁸ По выражению Аристотеля (Pol. 1284b20), *οτασιαστικῶς*. Суждения Аристотеля об ostrakismos (см. о них: *Raubitschek A. E.* Aristoteles über den Ostrakismos // *Tyche*. Bd. 1. 1986. S. 169–174; *Schubert Ch.* Die Macht des Volkes und die Ohnmacht des Denkens: Studien zum Verhältnis von Mentalität und Wissenschaft im 5. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1993. S. 23 ff.) следует вообще признать наиболее ценными во всей античной нарративной традиции.

на материале европейского средневековья М. М. Бахтиным в известной книге о Рабле, и некоторые даваемые им принципиальные характеристики представляется уместным привести.

Празднества карнавального типа, по Бахтину, «были связаны с *кризисными*, переломными моментами в жизни природы, общества и человека»¹⁹. «Каждый праздник рядом со своей официальной – церковной и государственной – стороной имел еще вторую, народно-карнавальную сторону, организующим началом которой был смех...»²⁰ Этот «второй мир народной культуры строится в известной мере как пародия на обычную, то есть внекарнавальную жизнь, как “мир наизнанку”»²¹.

Что же касается древнегреческой культуры, то ее карнавальные элементы, к сожалению, пока не получили должного отражения в историографии, хотя об их наличии можно говорить без всякого сомнения. В классических Афинах «карнавальность» тоже пронизывала собой многие сферы общественной жизни²². Карнавальным началом, в частности, был всецело проникнут театральный жанр древней аттической комедии, для которого характерна, по удачной формулировке Адр. Пиотровского, «мысль о преодолении бытовой повседневности, некая фантастическая перевернутость общественных и природных отношений»²³. Показательно, кстати, что существует определенная связь между комедией и остракизмом, о чем еще будет сказано ниже.

Кажется, есть основания отнести остракизм к институтам карнавального характера, рассматривать его как некую форму «политического карнавала». Подчеркнем сразу: эта мысль еще никем не высказывалась в историографии вопроса. Уже поэтому она – даже в самой осторожной форме – выглядит слишком новой и нетривиальной (пожалуй, даже рискованной), чтобы можно было принять ее как данность. Необходимо сохранить предельную осторожность. С одной стороны, идея представляется нам перспективной и требующей дальнейшего осмысления и развития. С другой стороны, именно по этой причине – чтобы не скомпрометировать эту идею а *limine* – следует попытаться в максимально возможной степени верифицировать ее, подкрепить аргументами.

¹⁹ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М., 1990. С. 14.

²⁰ Там же. С. 95.

²¹ Там же. С. 16.

²² Нам уже приходилось не столь давно писать о некоторых проявлениях карнавального начала в афинской культуре классической эпохи: Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания... С. 208 сл., 273 сл.

²³ Пиотровский Адр. Театр Аристофана // Адриан Пиотровский: Театр. Кино. Жизнь. Л., 1969. С. 178. Ср. также: Cornford F. M. The Origin of Attic Comedy. 2 ed. Cambridge, 1934. P. 33.

Остракизм, как мы знаем, проводился не чаще чем раз в год, а это характерно как раз для мероприятий карнавального типа. Проходили остракофории весной, и опять же в условиях античной греческой культуры это был самый подходящий хронологический промежуток для любых проявлений «карнавальности». Весна была в Элладе временем дионисийских празднеств. Дионис же являлся, бесспорно, наиболее «карнавальным» из всех божеств греческого пантеона. Его можно считать олицетворением экстаза, порыва, слома всех и всяческих перегородок, в том числе и в социальной сфере, – и в этом смысле антиподом Аполлона, воплощавшего идею меры, формы, упорядоченной гармонии²⁴.

Выше эта строго-ежегодная периодичность остракизма была соотнесена нами с его возможным происхождением из очистительного ритуала «козла отпущения». Здесь следует отметить, что данный ритуал сам по себе может рассматриваться как одна из карнавальных форм культуры²⁵. Карнавалу в целом свойственны катартические мотивы, реализация очищения (индивида и общины) через символику смерти-обновления-возрождения²⁶ (отсюда и все эти характерные карнавальные «превращения», «переодевания», пародирование повседневной действительности и т. п.).

Одной из наиболее важных черт древнегреческого института остракизма было то, что он предусматривал изгнание, в сущности, ни в чем не повинных людей. Подобная практика удаления с территории государства невиновных известна в эллинском мире и помимо остракизма. Но все случаи, когда к ней обращались, предполагали именно катартический контекст.

Кстати, остракизм, даже и в своей «классической», практически полностью секуляризированной форме, оставался весьма своеобразной формой голосования. При его проведении конкретные лица как «кандидаты» на изгнание заранее не выдвигались²⁷. Об этом свидетельствуют, помимо прочего, сами остраконы –

²⁴ Яркую характеристику «противоборства» Диониса и Аполлона см.: *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. СПб., 1994. С. 34 сл.

²⁵ Обратимся в данной связи вновь к левкадскому ритуалу, описание которого, сделанное Страбоном, приведено нами в прим. 11. К преступнику, сбрасываемому со скалы, «привязывали всякого рода перья и птиц (ἐξαπτομένῳ ἐξ αὐτοῦ παντοδαπῶν πτερῶν καὶ ὀρνέων)». Крайне сомнительно, чтобы это действительно помогало «парением облегчить прыжок (ἀνακουφίσειν... τῇ πτήσει τὸ ἄλμα)». Нам представляется, что подлинная цель описанных действий была все-таки иной. Это, видимо, рудимент карнавального обряда «ряженных», маскарада. Преступник, падающий со скалы, должен был символизировать птицу.

²⁶ См. на примерах античных и иных ритуалов карнавального характера: *Фрейдберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 82 сл. О греческой катартике в более широком контексте см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 233 слл.

²⁷ В связи со сказанным обратим внимание на следующее обстоятельство. Иногда считается, что остракизм принадлежал к категории так называемых νόμοι ἐπ' ἀνδράι, т. е. зако-

«бюллетени» для голосования на остракофориях. Надписи на них показывают поистине огромный разброс голосов, зачастую поданных против абсолютно ничем не примечательных афинян²⁸. Этим остракофория существенно отличалась от других видов голосования в Афинах. В сущности, ее можно даже рассматривать как голосование, сходное с жеребьевкой, где роль жребия играла неорганизованная совокупность голосов афинских граждан. Жеребьевка же, как известно, всей античностью однозначно трактовалась как выявление воли богов, их безусловно справедливого решения и придавала процедуре, в которой использовалась, сакральный оттенок. В таком контексте, скажем, «ничейный» исход остракизма (когда никто из граждан не набирал необходимых для изгнания 6 000 голосов²⁹) должен был рассматриваться как прощение полиса богами, снятие необходимости очистительно-искупительных мер. «Карнавал» в таких случаях протекал в наиболее мягкой форме, не приводил к фатальному исходу ни для кого.

Далее, остракизм как институт политической системы выполнял ярко выраженную медиативную роль при снятии бинарных оппозиций в общественной жизни классических Афин. Собственно, в случае назревания таких оппозиций этот механизм обычно и запускался.

В целом для древнегреческой внутривнутриполитической борьбы отнюдь не характерна столь знакомая нам «двухпартийная схема», так что эта борьба носи-

нов, имеющих не общую силу, а направленных против одного конкретного лица, *leges ad hominem* (например: *Gomme A. W. Ostracism // The Oxford Classical Dictionary. Oxf., 1949. P. 630*). Это неверно: именно постольку, поскольку при принятии решения об остракофории никакого конкретного имени в связи с ней не называлось, остракизм не был направлен против одного лица и потому не может считаться νόμος ἐπ' ἀνδρί. См.: *Reinmuth O. W. Ostrakismos // Der Kleine Pauly. Lief. 20. Stuttgart, 1979. Sp. 376*. К этой категории относились, в частности, законы о даровании афинского гражданства, о предоставлении безопасности желающим сделать донос или внести предложение, которое могло быть воспринято как противозаконное, и т. п.

²⁸ На открытых к сегодняшнему дню остраконах читаются имена около 180 различных лиц (не считая сохранившихся частично). Имеем в виду только имена тех граждан, которые фигурируют на черепках в качестве «кандидатов» на изгнание. Принципиальный недостаток наиболее подробного к сегодняшнему дню каталогу имен на острака (*Brenne S. Ostrakismos und Prominenz... S. 87–314*) заключается в том, что в нем недифференцированно даются имена самих «кандидатов» и имена их отцов, что создает немалые трудности при работе с этими данными.

²⁹ Нашу интерпретацию числа 6 000, упоминаемого традицией в связи с остракизмом (минимальное количество поданных против одного лица голосов, обязательное для его изгнания, а не общий кворум, необходимый для признания процедуры состоявшейся), см.: *Суриков И. Е. Закон Клифена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // Древнее право. № 1 (6). 2000. С. 16 сл.*

ла не биполярный, а полицентричный характер³⁰. Существовало большое количество конкурирующих группировок, которые могли объединяться в коалиции для тех или иных конкретно-ситуативных целей. Но именно эта последняя тенденция временами приводила к тому, что биполярное противостояние все-таки складывалось (подчеркнем: не как норма или общий принцип, а скорее как один из возможных вариантов развития событий)³¹.

Вот в таких-то (и, насколько можно судить, только в таких) случаях и вступал в свои права остракизм. Эта мера, расценивавшаяся как очень сильная, была для гражданского коллектива, как правило, последним, крайним средством выбора между двумя лидерами и двумя политическими линиями. Потому-то к этому средству по большей части и обращались весьма редко. Остракизмом старались не злоупотреблять – а если начинали злоупотреблять, ничем хорошим для полиса это, как правило, не кончалось³². Нет сомнений, что в целом разногласия между соперничающими группировками и видными политиками – по поводам важным и не слишком важным – возникали часто, если не постоянно. Но отнюдь не в каждом случае эти разногласия приводили к остракофории. «Суд черепков» вставал на повестку дня тогда, когда демос уже не видел иного способа разрешить назревшее противоречие, кроме временного удаления одного из конкурентов.

Вся гражданская община возрождалась через временную, обратимую, не вполне серьезную (и тем самым карнавальную) политическую «смерть» одного из своих лидеров. Остракизм своим острием был направлен исключительно на самых влиятельных лиц. Когда в 415 г. до н. э. его жертвой стал «недостойный» человек – демагог Гипербол (ср. Plato Com. fr. 187 Kock: «Суд черепков не для таких был выдуман»), это привело к дискредитации самой идеи остракизма и выходу института из употребления.

Характерно, что любому карнавалу свойственно акцентирование внимания на личностных моментах, а не на абстрактных категориях. Если идти к его семантическим истокам, периодическое возрождение общины достигалось через личность, посредством ритуальной смерти / воскресения царя-жреца, символизировавшего в конечном счете божество.

³⁰ Ср. о «сегментации политической жизни» в классических Афинах: *Маринович Л. П.* Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 56–134.

³¹ На примере политической ситуации в Афинах 480-х гг. до н. э., когда остракизм применялся особенно интенсивно, см.: *Суриков И. Е.* Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракофории // ВДИ. №2. 2001. С. 118–130.

³² Ср. ситуации 480 г. до н. э., когда в связи с персидским нашествием пришлось срочно возвращать всех изгнанных остракизмом лиц, и 450-х гг. до н. э., когда изгнание Кимона и некоторых других авторитетных лидеров привело к политическому дисбалансу и ряду военных неудач.

Сказанное о личностной акцентировке в полной мере относится и к афинскому остракизму. Справедливо отмечалось³³, что на остракофориях, по сути, стиралась грань между политическим противостоянием и личной враждой, и мотивы многих голосующих граждан были скорее личными, нежели политическими.

Здесь необходимо отметить, что на целом ряде остраконов, помимо имен «кандидатов», присутствуют также разного рода приписки, посредством которых по-южному экспансивные и непосредственные афиняне выражали свои эмоции (по большей части негативные) по адресу тех или иных своих сограждан³⁴. Судя по всему, такие приписки – в отличие от практики наших дней – не делали «бюллетень» недействительным. Они весьма разнообразны как по содержанию, так и по размеру: от короткого и выразительного ἴτω («пусть уходит»), φεύγέτω («пусть отправляется в изгнание») или ἔχε («получай!»)³⁵ до целой фразы из десятка слов. Так, один остракон, направленный против Ксантиппа (отца Перикла), содержит целую небольшую эпиграмму (элегический дистих), сочиненную неким остроумцем, судя по всему, *ad hoc*:

Более всех преступен из оскверненных пританов –

Сей черепок гласит – сын Аррифрона Ксантипп³⁶.

Впрочем, это скорее исключение. Остальные дополнительные приписки на остраконах, как правило, гораздо короче. В подавляющем большинстве они имеют ярко выраженный инвективный характер, представляют собой персональные выпады, часто грубо-бранные («осёл», «предатель», «взяточник», «клеветник», «развратник» и т. п., вплоть до непристойных слов, не перево-

³³ Brenne S. Ostraka and the Process of Ostrakophoria // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 1994. P. 15; Mitchell L. G., Rhodes P. J. Friends and Enemies in Athenian Politics // *Greece & Rome*. Vol. 43. No. 1. 1996. P. 26.

³⁴ Об этих приписках см.: Mattingly H. B. Facts and Artifacts: The Researcher and his Tools // *The University of Leeds Review*. Vol. 14. No. 2. 1971. P. 277–297; Siewert P. Op. cit.; Brenne S. Ostraka and the Process... Наконец, наиболее подробная на сегодняшний день их комментированная сводка, составленная Ш. Бренне, имеется в издании «Ostrakismos-Testimonien I» (см. прим. 2).

³⁵ В целях большего удобства для читателей мы меняем на остраконах староаттическую орфографию на более привычную ионийскую.

³⁶ Первая публикация этого остракона: Raubitschek A. E. The Ostracism of Xanthippos // *American Journal of Archaeology*. Vol. 51. No. 3. 1947. P. 257–262. Наш перевод ориентируется, как на наиболее убедительное, на прочтение памятника, предложенное А. Вильгельмом (Wilhelm A. Zum Ostrakismos des Xanthippos, des Vaters des Perikles // *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse*. Bd. 86. Ht. 12. 1949. S. 237–243).

димых на литературный русский язык, например *καταπύγων*). Из некоторых надписей становится абсолютно ясно, что в политическую борьбу на остракофориях вкрадывались чисто личные мотивы. Так, один из голосующих против Мегакла, сына Гиппократы, рекомендует на черепке изгнать его *δριμύϊ ἔνεκα*, то есть из-за какого-то леса. Очевидно, имеются в виду пограничные споры между соседями.

Именно из дополнительных приписок на остраконах мы узнаем о том, что у остракизма, как и подобает на карнавале, была своя смеховая сторона. Ныне о ней, правда, можно составить лишь достаточно смутное представление, поскольку нарративные источники, как правило, не концентрируют внимание на данном нюансе. Однако о том, что эта смеховая сторона присутствовала, недвусмысленно дают понять инвективы на глиняных «бюллетенях». Они часто отличаются фольклорным, юмористическим, подчас обценным характером (обценная лексика вообще в высшей степени свойственна карнавальным формам культуры³⁷).

Здесь перед нами – стык карнавального смеха и политической пропаганды. Между принятием на заседании афинской экклесии предварительного решения о проведении остракизма (прохиротонией) и самой остракофорией всегда имел место определенный временной промежуток, который в разные годы мог продолжаться от двух до шести недель³⁸. Это время использовалось не только для подготовки процедуры с технической стороны, но, безусловно, и для дискуссий по поводу тех или иных потенциальных «кандидатов» на изгнание (хотя, напомним, официально такие «кандидаты» не объявлялись, но фактически главные из них, несомненно, уже до остракизма были известны согражданам), а кроме того, для разного рода пропагандистских мероприятий, проводимых членами политических группировок. Афинские политики готовились к остракизму, проводили своеобразные «избирательные кампании» (если можно так выразиться, со знаком «минус»). Иными словами, политический деятель, которому угрожала опасность подвергнуться изгнанию, должен был всячески доказывать, что он не заслужил этой меры, а подлежит ей, напротив, кто-либо из его конкурентов.

Таким образом, главным в «избирательной кампании» перед остракизмом была активная пропаганда, направленная как на собственную апологию, так и, в первую очередь, на дискредитацию соперников. Следует полагать, что дискредитирующие акции начинались задолго до непосредственного голосования черепками и даже, скорее всего, еще до вынесения предварительного решения

³⁷ Ср., например: *Бахтин М. М.* Указ. соч. С. 22. Об обценной лексике в таком типично карнавальном жанре, каким была древняя аттическая комедия, см.: *Henderson J.* *The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy.* 2 ed. Oxf., 1991.

³⁸ Ср.: *Calhoun G. M.* *Athenian Clubs in Politics and Litigation.* N. Y., 1970. P. 138–139.

об остракизме. Но основные, наиболее острые стычки в этой сфере, безусловно, имели место как раз на промежутке от прохиротонии до остракофории, тем более что некоторые обстоятельства, как мы сейчас увидим, способствовали этому. Пропаганда наверняка велась всеми возможными способами, как в официальной обстановке³⁹, так и в неофициальной, частной. Особенно подходящей для нее были некоторые сценические мероприятия; на этом сюжете необходимо остановиться подробнее, поскольку здесь мы можем наиболее ясно наблюдать непосредственное соприкосновение (и, очевидно, взаимовлияние) двух карнавальных форм культуры.

Именно в период пропагандистских кампаний перед остракизмом в Афинах проходил ряд карнавальных празднеств дионисийского цикла⁴⁰, которые как раз в наилучшей степени могли быть использованы для дискредитирующих инвективных выпадов. Речь идет о Малых (Сельских) Дионисиях с их фаллическими песнями, справлявшихся в основном по демам, а также о Ленеях – празднике уже более крупномасштабном, отмечавшемся на общепolisном уровне и сопровождавшемся постановкой комедий⁴¹. Правда, правильные комедийные агоны на Ленеях (в малом театре), как считается, берут начало не ранее середины V в. до н. э., когда остракизм уже давно применялся. Но и до этой хронологической вехи ленийские комические представления существовали, но только проходили не в специально оборудованном месте, а прямо на улицах, перед домами (с пропагандистской точки зрения это было как минимум не менее эффективно, а с точки зрения «карнавальной» – даже более логично).

В типично карнавальной обстановке дионисийских празднеств⁴² приближение остракизма получало особый контекст. Как комедии, так и фаллические

³⁹ Например, на заседаниях экклесии (ср.: *Карпюк С. Г.* Гипербол, «человек негодный» // ВДИ. № 4. 1998. С. 150).

⁴⁰ Это исключительно ценное наблюдение было впервые сделано Ш. Бренне. См.: *Brenne S.* «Portraits» auf Ostraka // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.* Bd. 107. 1992. S. 183–184; *Idem.* Ostraka and the Process... P. 13.

⁴¹ Главный дионисийский праздник – Великие Дионисии – проходил уже после остракофории.

⁴² Ср. характеристику Малых Дионисий: «Для празднования сельских Дионисий обыкновенно сходились вместе родичи, мужчины и женщины, господа и рабы... Составлялись веселые пирушки, при которых не было недостатка во всевозможных шутках и островах... Были в ходу переодевания и импровизированные мимические представления... Впоследствии в некоторых значительнейших и зажиточнейших демах давались и настоящие драматические представления» (*Латышев В. В.* Очерк греческих древностей: Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 134–135). В. В. Латышев писал в конце XIX в., когда в науке еще совсем не разрабатывались вопросы, связанные с карнавальными формами культуры. И тем не менее уже от его внимания не ускользнул ряд черт, которые мы назвали бы чисто карнавальными (вплоть до переодеваний и т. п.).

песни активнейшим образом использовались для персональной инвективы. Афинские граждане, особенно влиятельные и общеизвестные, осыпались насмешками. Создавались своего рода «словесные шаржи», которые затем широко распространялись в полисной среде и могли серьезно влиять на индивидуальные, в том числе политические, позиции афинян⁴³.

Жанр комедии предполагал использование определенного набора стандартных образов, клише (тем более что древняя аттическая комедия была комедией масок), в рамки которых авторами укладывались персонажи, в том числе и воплощавшие вполне реальных людей. Образы «хвастливого воина», «ученого шарлатана», «скупого старика», «хитрого раба» и т. п., имевшие вполне фольклорные истоки, в V в. до н. э. по-прежнему были неотъемлемым элементом драм Аристофана и современных ему комедиографов (Кратина, Евполида, Гермиппа, Платона Комика и др.). Известные в полисе лица – как политики и полководцы (Перикл, Ламах, Никий, Демосфен), так и деятели культуры (Сократ, Еврипид, Метон, Агафон и др.) – изображались в виде таких вот стандартных образов, причем, что интересно, под своими собственными именами⁴⁴. А шарж, карикатура, как известно, всегда значительно лучше укладывается в память и сознание, нежели реалистический, многомерный портрет.

Инвективы в комедиях и инвективные приписки на остраконах – явления, по справедливому мнению Ш. Бренне⁴⁵, принадлежащие к одному и тому же репертуару. Иными словами, насмешки, которыми осыпали на дионисийских

⁴³ Об инвективах, направленных против конкретных личностей, в аттической комедии и об их типологии см. наиболее подробно: Storey I. Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes // *Classics Ireland*. Vol. 5. 1998. P. 85–134. В этой работе как раз акцентируется тот момент, что в комедии, как в карнавальном жанре, эти инвективы имели всецело шуточный характер и не воспринимались зрителями серьезно. В целом мы солидарны с данной точкой зрения, однако считаем, что она нуждается в ограничивающих замечаниях. Ср.: Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания... С. 281–282. И. Стори чрезмерно категорично утверждает, что насмешки комедиографов вообще не оказывали никакого влияния на общественное мнение, не формировали определенных (причем негативных) образов тех или иных граждан. Из других исследований по проблеме см.: Schwarze J. Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung. München, 1971; Stark I. Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Betrüger und Klaffärsche. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen // *Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie*. Stuttgart; Weimar, 2002. S. 147–167.

⁴⁴ Периодически предпринимались попытки запретить насмешки «по именам», то есть персональную инвективу в комедии, но успеха подобные запреты не имели. Одним из таких случаев была псефисма Сиракосия, о которой см: Trevett J. Was There a Decree of Syrakosios? // *Classical Quarterly*. Vol. 50. No. 2. 2000. P. 598–600.

⁴⁵ Brenne S. Ostrakismos und Prominenz... S. 23.

празднествах комические хоры видных граждан, становились популярными и могли напрямую переключиваться с карнавальных действий на черепки для голосования. Это подтвердила проделанная нами работа по поиску параллелей для приписок на остраконах в памятниках комического жанра классической эпохи. Такие параллели отыскивались в немалом количестве. Соответствующие данные приводятся нами в книге «Остракизм в Афинах» (гл. IV, п. 4), и здесь мы не будем их дублировать, поскольку это чрезмерно увеличило бы объем статьи и увело бы нас в сторону от основной нити изложения.

Надписи на глиняных «бюллетенях» показывают, что многие афиняне любили и позволяли себе пошутить на остракофории, очевидно ощущая, наряду с серьезной, официально-политической стороной этого мероприятия, также и его карнавальную, смеховую сторону. Шутки на остраконах подчас весьма остроумны, представляют собой краткие и меткие характеристики тех или иных конкретных личностей или ситуаций. Приведем несколько примеров.

На одном из остраконов, направленных против Мегакла, сына Гиппократа, из рода Алкмеонидов, высказывается предложение, чтобы из полиса были изгнаны сам Мегакл «и конь» (καὶ ἵππος). Намек был понятен каждому афинянину: предметом особой гордости Мегакла была четверка коней, с которой он несколько позже, уже после своего остракизма, одержал победу на Пифийских играх. Еще более интересна надпись на черепке против Кимона: Κίμων Μιλτιάδου Ἐλπίνικῃ λαβὼν ἵτω – «Пусть Кимон, сын Мильтиада, убирается, взяв Эльпинику». Упомянутая здесь Эльпиника была родной сестрой Кимона, и по городу циркулировали слухи об их незаконном сожительстве. Ранее об этом было известно только из нарративной традиции, и сам данный факт иногда признавался неисторичным в исследовательской литературе. Однако теперь, как видим, неожиданно появилось его подтверждение данными аутентичного эпиграфического памятника⁴⁶. Среди многочисленных остраконов с именем Фемистокла есть такой, на котором этого политика требуют изгнать «почета ради» (τιμῆς ἕνεκα). Здесь перед нами тоже вполне прозрачный намек. Фемистокл отличался непомерным честолюбием, и, следует думать, это не осталось незамеченным его согражданами.

Юмор на острака подчас принимает достаточно своеобразную форму. Так, некоего Агасия довольно грубо обозвали ослом (ὄνος). Впрочем, П. Бикнелл

⁴⁶ См.: *Cromey R. D. The Mysterious Woman of Kleitor: Some Corrections to a Manuscript Once in Plutarch's Possession // American Journal of Philology. Vol. 112. No. 1. 1991. P. 91; Brenne S. Ostrakismos und Prominenz... S. 140; Суриков И. Е. Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин: истоки феминизма или матримониальная традиция? // Античный мир и его судьбы в последующие века. М., 1995. С. 47.*

небезосновательно полагает⁴⁷, что это не банальное ругательство, а шутливая ассоциация остракизма и остракинды – детской игры с черепками, в которой словом «осёл» обозначался проигравший (Poll. IX. 112). Еще одного афинянина, чье имя на черепке не сохранилось, кто-то из его сограждан намеревается проглотить (καταρροφήσομαι). Это, конечно, тоже шутка.

На нескольких остраконах фигурирует некто Λιμός Εὐπατρίδης («евпатрид Лим»), еще на одном написано Λιμόν ὀστρακίζω («Я изгоняю Лима»). Слово λιμός по-гречески означает «голод», и в высшей степени маловероятно, чтобы кто-нибудь из афинян носил такое имя. Тут мы, по всей очевидности, имеем дело с очередным проявлением остроумия: писавший советует изгнать из страны голод⁴⁸. Кстати, этот случай особенно характерен и показателен для демонстрации карнавальных черт остракизма. Карнавал предполагал периодическое возрождение, помимо прочего, посредством избавления от негативных явлений, их «изгнания». В числе этих явлений был, разумеется, и голод.

Помимо «словесных шаржей», на некоторых остраконах фигурируют и самые настоящие шаржи в прямом смысле слова – сделанные голосовавшими рисунки карикатурного характера. В частности, на одном из черепков против упоминавшегося выше Мегакла, сына Гиппократы, имеется изображение всадника – сюжет, вряд ли нуждающийся в комментариях, учитывая активные занятия Мегакла конным спортом. На другом остраконе с его же именем нарисована нижняя часть лежащего тела мертвого человека: писавший желал Мегаклу смерти? Или это аллегория для изгнания?

Еще на одном остраконе Мегакла – рисунок лисы; скорее всего, это намек на дем Алопеку, из которого происходил названный политик (ἄλωπις – лисица). А на совсем недавно опубликованном «бюллетене» против того же лица – мастерски выполненная стилизованная сова, точь-в-точь такая же, как на афинских монетах. Сова являлась в Афинах чем-то вроде герба или государственной печати; рисуя ее на остраконе, голосующий, возможно, хотел таким образом придать этому документу официальную силу. Впрочем, перечисленными случаями «мир животных» на остраконах не исчерпывается. Еще на одном памятнике этого рода – змея, на другом – какой-то неидентифицируемый зверь, то ли корова, то ли медведь (специфические условия процарапывания изображений на глиняной поверхности часто приводили к низкому качеству этих изображений). А между тем символика, связанная с животными, тоже весьма характерна для карнавальных форм культуры. Достаточно вспомнить – уже далеко

⁴⁷ Bicknell P. J. Agasias the Donkey // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 62. 1986. S. 183–184.

⁴⁸ Brenne S. Ostrakismos und Prominenz... S. 214–216. Там же предполагается, но сразу признается маловероятной и другая возможность (Λιμός могло быть прозвищем какого-нибудь афинянина).

не в первый раз – о древней аттической комедии с ее хорами, состоящими из людей, переодетых в животных⁴⁹.

Каллий, сын Кратия, носивший прозвище «Мидянин» (т. е. «перс»)⁵⁰, изображается на карикатуре, как и следовало ожидать, в персидском платье: в штанах, тиаре, с луком в руках. Один из остраконов против Калликсена, сына Аристонида, из рода Алкмеонидов, буквально покрыт изображениями. Помимо портрета самого «кандидата» (голова бородатого мужчины в венке), на нем имеется также рисунок ветви. Это почти несомненно гикетерия – священная ветвь, которую держали в руках молящие о защите и убежище: Калликсену припоминают «Килонову скверну», родовое проклятие Алкмеонидов, перебивших в 636 г. до н. э. мятежников, которые укрывались в святилище на Акрополе. Наконец, есть на черепке еще и изображение рыбы. П. Бикнелл идентифицирует эту рыбу как триглу (*mullus barbatus*), которая считалась в античности самым прожорливым из морских животных, не брезгующим даже падалью⁵¹. Калликсен (а может быть, и все Алкмеониды), таким образом, обвиняется здесь во «всеядности», беспринципности.

* * *

Не оставляет впечатление, что афиняне, оставившие на остраконах все эти приписки и карикатуры, приходили на остракофорию в совершенно специфическом, праздничном расположении духа. Смеясь и весело дурачась, они решали вопрос об изгнании виднейших государственных деятелей.

Для остракизма в Афинах V в. до н. э. и в целом было характерно карнавальное «переворачивание» обычных политических отношений, причем проявлялось это в различных аспектах. С одной стороны, демос в день голосования черепками властно распоряжался судьбами политических лидеров (ср. образы афинских политиков – Никия, Клеона и др. – как слуг старика Демоса в карнавальном жанре комедии, во «Всадниках» Аристофана). С другой стороны, применение остракизма часто приводило к реальному «переворачиванию» всей политической ситуации, когда один лидер уходил, а на его место приходил другой – подобно тому, как в карнавальных фольклорных действиях новый царь сменяет старого⁵².

⁴⁹ См.: *Sifakis G. M. Parabasis and Animal Choruses: A Contribution to the History of Attic Comedy. L., 1971.*

⁵⁰ См. о нем: *Shapiro H. A. Kallias Kratiou Alopekethen // Hesperia. Vol. 51. No. 1. 1982. P. 69–73.*

⁵¹ *Bicknell P. J. Agora Ostrakon P 7103 // L'Antiquité classique. Vol. 43. 1974. P. 334–337.* В целом о Калликсене см.: *Stamires G. A., Vanderpool E. Kallixenos the Alkmeonid // Hesperia. Vol. 19. No. 4. 1950. P. 376–390.*

⁵² См. о такого рода действиях наиболее подробно: *Cornford F. M. Op. cit. Passim.*

Мы привели в поддержку выдвигаемого в данной статье тезиса ряд аргументов различного плана. Не сомневаемся в том, что они обладают неодинаковой силой доказательности, в связи с какими-то из них у читателей наверняка возникнут сомнения. Создают ли эти аргументы в совокупности некую «критическую массу», которая позволит говорить о «карнавальном» характере остракизма пусть не с уверенностью, но с определенной долей вероятности? Автору трудно судить. Тем не менее, если нам удалось показать, что идея хотя бы имеет право на существование, мы могли бы считать свою задачу в основном выполненной.

Раздел II

РЕЛИГИЯ, МИФОЛОГИЯ, ИГРЫ

КАТЕГОРИЯ САКРАЛЬНОГО В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ АНТИЧНОГО ГРЕЧЕСКОГО ПОЛИСА*

Любая цивилизация творит собственную пространственную модель и, в свою очередь, сама как бы творится ею. Разумеется, сформировалась своя пространственная модель – самобытная и, пожалуй, даже уникальная – и в рамках древнегреческой полисной цивилизации¹. В рамках краткого очерка невозможно рассмотреть эту модель во всей ее целостной совокупности. Ниже будут в тезисной форме обозначены некоторые положения, имеющие отношение лишь к одному из ее аспектов, а именно к тому, который связан с категорией сакрального.

1. Среди важнейших бинарных оппозиций, характеризующих ментальность человеческих обществ, находится оппозиция «сакральное (священное) – профанное (мирское, светское)»². Эта оппозиция, рождающаяся из религии, оказывает принципиальное влияние и на пространственное мышление: пространство в традиционных культурах воспринимается не как семантически нейтральное и однородное, а как по-разному структурированное и иерархизованное в зависимости от степени своей сакральности. При этом, насколько можно судить, такое структурирование имеет неодинаковую форму в различных цивилизациях.

* Впервые опубликовано в: Восточная Европа в древности и средневековье: восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. М., 2006. С. 181–186.

¹ Первым, кто всерьез обратился к этой проблематике, был один из основоположников французской школы антиковедения Н. Д. Фюстель де Куланж. И поныне в изучение различных аспектов пространственной модели греческого полиса наибольший вклад вносят именно французские ученые: Ж.-П. Вернан, П. Видаль-Накэ, П. Левек, Ф. де Полиньяк. См. в важнейших исследованиях: *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988; *Видаль-Накэ П.* Черный охотник: формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001; *Vernant J.-P.* Mythe et pensée chez le Grecs. T. 1–2. P., 1971; *Idem.* Myth and Thought among the Greeks. L., 1983; *Vernant J.-P., Vidal-Naquet P.* La Grèce ancienne. 2. L'espace et le temps. P., 1991; *Lévêque P., Vidal-Naquet P.* Clisthène l'Athénien: Essai sur la représentation de l'espace et du temps dans la pensée politique grecque de la fin du VIe siècle à la mort de Platon. P., 1964; *Polignac F. de.* La naissance de la cité grecque: Cultes, espace et société VIIIe – VIIe siècles avant J.-C. P., 1984; *Idem.* Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago, 1995.

² См. в наиболее общей форме: *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994; *Caillois R.* L'homme et le sacré. P., 1988.

2. Что касается конкретно античного греческого полиса, в его пространственной модели категория сакрального также имела существенную специфику, порожденную самим характером полисной религиозности. Как нам уже приходилось отмечать³, полис как таковой являлся не только политическим, но и религиозным феноменом; в нем религиозные и государственные структуры в принципе совпадали. Полис – городская гражданская община, конституирующая себя в качестве политической организации, то есть государства. Но в той же мере полис – городская гражданская община, конституирующая себя в качестве религиозной организации, то есть, по сути, церкви⁴. «Религиозная функция» в Греции с самого начала существования полисов не была автономной, четко выделенной, в отличие от большинства других социумов; она неразрывно переплеталась с прочими аспектами общественной жизни⁵. В подобных условиях было решительно невозможно, например, такое явление, как конфликт между духовной и светской властями. Собственно, конфликтовать было некому и не с кем: духовная и светская власть воплощалась в одних и тех же институтах и лицах.

3. Описанная ситуация предопределяла практическую невозможность строгого разграничения сакральной и «светской» сфер на уровне полиса⁶. В полисе было сакрализировано буквально всё, любая сфера общественной деятельности. Это очень четко видно, в частности, на уровне правовой культуры. Если римское право содержало в себе подчеркнутое различие *ius* и *fas*, права светского и права сакрального, то в древнегреческих правовых системах грань между этими областями провести чрезвычайно трудно, если вообще возможно⁷. Проиллюстрируем данный тезис конкретным примером. Техническое выражение *ta hiera kai ta hosia* означало в греческом праве, как обычно считают, эквивалент латинского *sacra et profana* – совокупность религиозного, «божеского», с одной стороны, и мирского, «человеческого» – с другой. Однако, как убедительно показал итальянский исследователь А. Маффи⁸, в таких контекстах слово

³ Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 57 сл.

⁴ Ср.: Sourvinou-Inwood Chr. What is Polis Religion? // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 302.

⁵ Finley M. I. Early Greece: The Bronze and Archaic Ages. L., 1981. P. 129.

⁶ Ehrenberg V. The People of Aristophanes. Oxf., 1951. P., 253 ff.; Flacelière R. La vie quotidienne en Grèce au siècle de Périclès. P., 1960. P. 253; Vernant J.-P., Vidal-Naquet P. Mythe et tragédie en Grèce ancienne. T. 2. P., 1986. P. 22–23.

⁷ Ср.: Jones J. W. The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction. Oxf., 1956. P. 32; Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 12–13.

⁸ Maffi A. Τὰ ἱερά καὶ τὰ ὅσια. Contributo allo studio della terminologia giuridico-sacrale greca // Symposion 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1982. S. 33–53.

hosios⁹ все же вряд ли может быть безоговорочно понимаемо как «светский», «профанный» в полном смысле слова. Резоннее вести речь о различных уровнях сакрального. Если hieros имеет отношение к сфере, связанной собственно с богами, то hosios – к сфере, связанной с полисом, который, как мы видели, был сам по себе организацией насквозь сакрализованной.

4. Сказанное об «уровнях сакрального» имеет самое прямое отношение к пространственному структурированию полиса. В его сакральной «плоти» отчетливо выделялись отдельные участки, обладавшие повышенной сакральностью, так сказать «очаги сакрального». Применительно к урбанистическому центру полиса, к городу как таковому следует говорить прежде всего о двух таких «очагах». Во-первых, это акрополь, городской «кремль», средоточие религиозного и цивилизационного континуитета, место концентрации наиболее древних и священных преданий и символов¹⁰. Во-вторых, агора – главная городская площадь¹¹. Сакральный характер этого пространства на практике выражался, помимо прочего, в том, что входы на агору маркировались специальными пограничными камнями (horoi)¹². Доступ на агору категорически запрещался, в частности, лицам, считавшимся «оскверненными» в религиозном отношении (например, совершившим убийство), дабы они своим присутствием не запятнали святыни.

5. Конкретная сакральная семантика акрополя и агоры была, естественно, неодинаковой; этот вопрос не может быть детально рассмотрен здесь и требу-

⁹ Об этимологии и семантике этого термина см.: *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. М., 2002. С. 44–45 (со ссылками на другие исследования). Характерно удивленное восклицание виднейшего лингвиста-индоевропеиста Э. Бенвениста: «Вот уж поистине слово с парадоксальным значением: hosios могло бы прилагаться и к священному, и к профанному» (*Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 353). Эта загадка отчасти разрешима, если учитывать специфику древнегреческого варианта оппозиции «сакральное – профанное».

¹⁰ См. (на примере Афин): *Hurwit J. M.* The Athenian Acropolis: History, Mythology, and Archaeology from the Neolithic Era to the Present. Cambridge, 2001. Даже и на акрополе степень сакральности пространства не повсюду была равной и однородной. В Афинах она в наибольшей мере концентрировалась в храме, который для классической эпохи известен под названием Эрехтейона и находился на месте царского дворца микенской эпохи.

¹¹ Важнейшие работы о феномене агоры: *Thompson H. A., Wycherley R. E.* The Agora of Athens: The History, Shape and Uses of an Ancient City Center (The Athenian Agora. Vol. 14). Princeton, 1972; *Kolb F.* Agora und Theater, Volks- und Festversammlung. B., 1981; *Camp J. M.* The Athenian Agora: Excavations in the Heart of Classical Athens. L., 1986.

¹² О них см.: *Lalonde G. V.* Horoi // The Athenian Agora. Vol. 19. Princeton, 1991. P. 1–51. Убедительный этимологический анализ термина см.: *Wade-Gery H. T.* Horos // *Mélanges Gustave Glotz*. T. 2. P., 1932. P. 877–887.

ет отдельного исследования. Отметим лишь, что агора, в отличие от акрополя, не была раз и навсегда неизменно локализована; она могла перемещаться. Так, в Афинах до начала VI в. до н. э. агора (так называемая «Старая Агора») располагалась, судя по всему, у восточного склона акрополя¹³, а затем (в ходе реформ Солона или даже позже) перенесена в район Керамик, на место, где ранее были в основном городские некрополи. На этом новом месте и сформировалась знаменитая Классическая Агора, функционировавшая вплоть до конца античности и от века к веку украшавшаяся все новыми замечательными памятниками архитектуры и искусства.

6. Семантическая оппозиция «сакральное – профанное» в большинстве традиционных цивилизаций тесно сопряжена с пространственной оппозицией «центр – периферия». Как правило, чем дальше от центра, тем слабее интенсивность элементов сакрального, тем в большей мере пространство оказывается во власти профанных сил. Однако античный греческий полис и в данном отношении имел немаловажную специфику. Как было блестяще показано в epochальных работах Ф. де Полиньяка¹⁴, выдвинувшего и развившего концепцию «биполярного полиса», в становлении этой формы государственности определяющую роль сыграло основание крупных святилищ на границах полисной хоры, на самой что ни есть «периферии». Такое святилище (аргосский Герайон, милетский Дидимейон и т. п.)¹⁵ служило сакральному «освоению» удаленного пространства, между ним и святынями города устанавливались незримые связи, возникало некое «силовое поле», сакрализующее в идеале всю территорию полиса. Впрочем, эта территория и в остальном была буквально наполнена «очагами сакрального» второго порядка – всеми этими многочисленными святилищами богов и героев, священными рощами, чтимыми гробницами и пр.

7. В различных полисах сакрализация пространственных структур имела, что вполне закономерно, свои особенности. В частности, уникальным в этом плане, как и в большинстве других, был «несиноикизированный полис» Спарта. Упомянем хотя бы о территориальном аспекте спартанских погребальных обрядов: вразрез с общегреческой практикой, запрещавшей погребение умерших в городской черте, в Спарте никаких ограничений подобного рода не су-

¹³ Robertson N. The City Center of Archaic Athens // *Hesperia*. Vol. 67. No. 3. 1998. P. 283–302.

¹⁴ Polignac F. de. La naissance...; *Idem*. Cults, Territory and the Origins...

¹⁵ Де Полиньяк считает Афины исключением, отклонением от нормы «биполярного полиса». Впрочем, на наш взгляд, они таковым все же не являлись, во всяком случае с того времени, как в состав афинского государства был инкорпорирован Элевсин и его святилище Деметры стало выполнять искомую роль второго, «маргинального полюса».

ществовало¹⁶. Это предполагает особый, совершенно нетипичный вариант сакрализации пространства.

В заключение подчеркнем, что мы попытались только поставить (или даже, скорее, наметить) ряд проблем, связанных с пространственным моделированием античного греческого полиса. Решение этих проблем представляется делом будущего; они еще не исследовались в историографии всерьез и на современном уровне и настоятельно требуют самого пристального изучения.

¹⁶ Суриков И. Е. Законодательство Солона об упорядочении погребальной обрядности // Древнее право. № 1 (9). 2002. С. 12–13. В целом о греческих погребальных обрядах см. наиболее подробно: Kurtz D. C., Boardman J. Greek Burial Customs. L., 1971.

STATUS VERSUS CHARISMA: САКРАЛИЗАЦИЯ ПРАВИТЕЛЯ В ГРЕЦИИ И ГРЕЧЕСКОМ МИРЕ I ТЫС. ДО Н. Э.*

Говоря о древнегреческой цивилизации в контексте, заданном тематикой данной работы, приходится а limine сталкиваться с целым рядом трудностей (впрочем, отнюдь не непредвиденных), заставляющих задуматься: а, собственно, приложимы ли вообще к рассматриваемому социуму категории, которыми придется оперировать – «верховный правитель», «правитель», «сакрализация правителя», «сакрализация власти» и т. п.? Ведь мир греческой античности слишком уж непохож на более традиционные в этом отношении общества Востока.

Прежде всего, писать приходится об этнокультурном, а не политическом единстве. За неимением единого государства, которое охватывало бы если не всю Грецию, то хотя бы ее сколько-нибудь значительную часть, попросту отпадают всякие рассуждения о «верховном правителе». Что же касается просто «правителя», то необходимо помнить о следующем: пестрый конгломерат полисов, раскинувшийся к классической эпохе далеко за пределы Эгейского бассейна, охвативший собой значительную часть средиземноморских и черноморских побережий, при всех имевшихся различиях являл собой – за редкими исключениями, которые по понятным причинам будут представлять для нас особенный интерес, – картину стабильного республиканского, а не монархического государственного устройства¹. Эта политическая система характеризовалась высшим суверенитетом гражданского коллектива, практическим отсутствием бюрократического аппарата, выборностью должностных лиц. В подобных условиях, как правило, не получает реального наполнения и категория «правителя» как таковая. В самом деле, не называть же правителями ежегодно сменявшихся, подотчетных народному собранию или Совету (в зависимости

* Впервые опубликовано в: Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. II, III. М., 2005. С. 7–34.

¹ О феномене греческого полиса в целом см. недавние весьма квалифицированные работы: *Welwei K.-W.* Die griechische Polis. Verfassung und Gesellschaft in archaischer und klassischer Zeit. Stuttgart, 1998; *Hansen M. H.* Polis and City-state: An Ancient Concept and its Modern Equivalent. Copenhagen, 1998 (со ссылками на предшествующую литературу по вопросу). О несовместимости типичного полиса с монархией: *Runciman W. G.* Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end // *The Greek City from Homer to Alexander.* Oxf., 1991. P. 348.

от того, идет ли речь о демократическом или олигархическом полисе), обладавших ограниченными полномочиями магистратов. Даже такой деятель, как Перикл, на протяжении полутора десятилетий вроде бы единолично управлявший Афинами (Thus. II. 65. 9), никак не подходит под определение суверенного правителя. Достаточно вспомнить, что в 430 г. до н. э. афинскому демосу ничего не стоило подвергнуть Перикла опале, досрочно лишить его поста стратега и приговорить судебным порядком к крупному штрафу².

Подчеркнем, что вышесказанное относится всецело к архаической и классической эпохам, то есть ко времени до восточных походов Александра Македонского. Впоследствии, в эпоху эллинизма, ситуация кардинально меняется. Мы оказываемся в куда более типичной для древности атмосфере крупных территориальных монархических государств. Вот тут уже в полной мере наличествуют и правители, и их сакрализация, и даже их культ, причем всё это в каких-то очень ясных, прозрачных, легких для изучения формах. Не удивительно, что на эллинистическом материале интересующие нас вопросы неоднократно и детально изучались³. Соответственно, нам в рамках настоящей работы хотелось бы акцентировать внимание не столько на этом хорошо исследованном хронологическом отрезке, сколько на представляющей гораздо больше проблем в данном отношении доэллинистической Греции, тем более что это ближе к непосредственному кругу нашей специальной компетенции. Безусловно, к фактам из истории эллинистических монархий нам неизбежно придется обращаться, но не эти монархии, а архаические и классические полисы будут поставлены в центр анализа.

Далее, еще одна поджидающая нас трудность (впрочем, относящаяся скорее к сфере научных «мнимостей», а не реальностей). Согласно достаточно расхожему представлению, античная Греция была каким-то царством рационализма и чуть ли не иррелигиозности⁴, прямо-таки «светским обществом».

² Из последних работ о Перикле и его положении в Афинах см.: *Châtelet F. Périclès et son siècle*. P., 1990; *Kagan D. Pericles of Athens and the Birth of Democracy*. N. Y., 1991; *Цыпуков И. Е. Перикл и Алкмеониды* // ВДИ. №4. 1997. С. 14–35.

³ Из литературы о сакрализации правителей в эпоху эллинизма см., например: *Taeger F. Charisma: Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes*. Bd. 1–2. Stuttgart, 1957–1960; *Habicht C. Gottmenschen und griechische Städte*. München, 1970.

⁴ Это представление особенно характерно для отечественной историографии (см., например: *Фролов Э. Д. Рационализм и политика в архаической Греции* // *Город и государство в древних обществах*. Л., 1982. С. 17–34). Впрочем, и в западной исследовательской литературе см.: *Murray O. Cities of Reason* // *The Greek City from Homer to Alexander*. Oxf., 1991. P. 1–25 (автор, однако, подчеркивает, что греческий рационализм не следует уподоблять привычному для нас рационализму Нового времени, что речь следует вести об ином типе рационализма; см. в этом контексте также: *Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской*

Будь это действительно так, вряд ли имело бы смысл говорить о сакрализации каких бы то ни было политических феноменов. Позволим себе, однако, усомниться в верности распространенного мнения. В действительности место религии в полисной цивилизации было весьма значительным⁵.

Проблема, однако, заключается в другом. Греческому религиозному менталитету был свойствен ряд весьма специфичных черт. В частности, в условиях полисной государственности оказывается весьма расплывчатой (а в рамках каждого отдельного полиса, пожалуй, даже просто irrelevantной) известная оппозиция «сакральное – профанное». Строго говоря, не вполне ясно, имелось ли в греческом полисе вообще хоть что-нибудь в полном смысле слова профанное⁶. В сущности, было сакрализовано буквально всё, любая сфера общественной деятельности. Полис являлся не только политическим, но и религиозным феноменом. Часто отмечают тесную связь религиозных структур полиса с политическими, государственными⁷. Такая формулировка кажется нам, пожалуй, даже недостаточной, слишком слабой. Вернее было бы сказать, что религиозные и государственные структуры в принципе совпадали.

литературной традиции. М., 1996. С. 329–346). Важнейшая работа, в которой отстаивается тезис о важной роли иррациональных элементов в греческом менталитете: *Dodds E. R. The Greeks and the Irrational*. Boston, 1957 (имеется русский перевод, к сожалению, не слишком квалифицированный: *Доддс Э. Р. Греки и иррациональное*. СПб., 2000; желающим полноценно ознакомиться с концепцией автора рекомендуем все-таки обращаться к оригиналу).

⁵ В литературе последних лет этому факту, кажется, начинают наконец воздавать должное. См., например: *Sourvinou-Inwood Chr. What is Polis Religion? // The Greek City from Homer to Alexander*. Oxf., 1991. P. 295–332; *Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации*. СПб., 1998. С. 309. Впрочем, во взглядах Ю. В. Андреева на греческую религию и религиозность есть много такого, с чем мы никак не можем согласиться (нашу критику см.: *Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э.* М., 2002. С. 46–51). Отметим также блестящую работу, в которой роль религиозных факторов в становлении греческого полиса освещена и оценена в полной мере и на современном научном уровне: *Polignac F. de. La naissance de la cité grecque: Cultes, espace et société VIIIe – VIIe siècles avant J.-C.* P., 1984. Из общих трудов о древнегреческой религии наиболее фундаментальными являются: *Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion*. Bd. 1–2. München, 1951–1955; *Burkert W. Greek Religion: Archaic and Classical*. Cambridge (Mass.), 1985.

⁶ Cp.: *Jones J. W. The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction*. Oxf., 1956. P. 32; *Finley M. I. Early Greece: The Bronze and Archaic Ages*. 2 ed. L., 1981. P. 129; *Maffi A. Τὰ ἱερὰ καὶ τὰ ὅσια*. Contributo allo studio della terminologia giuridico-sacrale greca // *Symposion 1977. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1982. S. 33–53.

⁷ Например: *Ehrenberg V. The People of Aristophanes*. 2 ed. Oxf., 1951. P. 253 ff.; *Flacelière R. La vie quotidienne en Grèce au siècle de Périclès*. P., 1960. P. 236 s.; *Vernant J.-P., Vidal-Naquet P. Mythe et tragédie en Grèce ancienne*. T. 2. P., 1986. P. 22–23.

Поясним свою мысль. Полис есть городская гражданская община, конституирующая себя в качестве политической организации, то есть государства. Но в той же самой мере полис есть городская гражданская община, конституирующая себя в качестве религиозной организации. Здесь напрашивается продолжение: «...то есть церкви», и если мы воздерживаемся от употребления термина «церковь», то только потому, что этот термин несет в себе ряд устойчивых коннотаций вполне определенного характера, с трудом увязывающихся в современном сознании с античной языческой религией. Впрочем, в западной исследовательской литературе можно встретить и определения именно такого рода: в условиях религии, не имевшей ни элементов откровения, ни канона священных текстов, ни духовенства, полис играл роль церкви⁸. Во всяком случае, ясно, что церкви как отдельной от государства структуры никогда не существовало ни в одном греческом полисе. Жречество входило в систему полисных магистратур. Соответственно, был абсолютно невозможен конфликт между духовной и светской властями. Собственно, конфликтовать было некому и не с кем: духовная и светская власть воплощалась в одних и тех же институтах и лицах. Полис на деле оказывается ближе к теократии, чем к тому «светскому» государству, каким его обычно представляют!

Конечно, нельзя сказать, что в полисе всё было наделено равной степенью сакральности. Понятно, что, например, такие центры общественной (в том числе культовой) жизни, как акрополь или агора, считались сакральными в большей мере, нежели обычные улицы или дома граждан. И тем не менее здесь налицо лишь «количественное», а не «качественное» различие. По большому счету, граница между сакральным и профанным мирами для жителей полиса пролегла на его границах.

Может показаться, что в подобных условиях всеобщей, деперсонифицированной сакральности⁹ не оставалось места для сакрализации личности правителя. Но, как ни парадоксально, такое суждение будет неверным. Более того, в тех случаях, когда в полисе все-таки существовал или возникал режим личной власти, сакрализация носителя этой власти оказывалась закономерной и даже необходимой. Такой режим в вышеописанной религиозно-идеологической среде мог восприниматься населением как легитимный и обрести стабильность лишь в том случае, если он имел сакральную санкцию, по меньшей мере не уступавшую (а желательно – превосходившую) сакральной санкции, которой обладал полис как таковой.

Сакрализации личности правителя способствовало и наличие такого специфического элемента древнегреческой религии, как почитание героев – особой

⁸ См., в частности: *Sourvinou-Inwood Chr.* Op. cit. P. 302.

⁹ О деперсонифицированном характере полисной государственности см. также: *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988. С. 58 слл.

категории сверхъестественных существ, находившейся на грани божественного и человеческого миров¹⁰. Если обожествление человека для греков доэллинистического времени было делом практически немислимым, то героизация – не только вполне возможной, но и нередко практиковавшейся. Круг героев был не сомкнут, не ограничивался персонажами древних мифов и продолжал пополняться в историческое время – не только в архаическую, но еще и в классическую эпоху¹¹. В частности, как правило, героизировались, становясь объектами культа, ойкисты (ктисты) – основатели новых полисов (обычно в зоне колонизации)¹². Правда, их героизация была посмертной. Но отсюда один шаг до признания особого сакрального статуса индивида и при жизни. Понятно, что человека, который после кончины обречен был стать героем, сограждане должны были воспринимать уже не как простого смертного¹³. Высоким прижизненным сакральным статусом (хотя и отличным от героического в точном значении слова) обладали победители в панэллинских Олимпийских играх (олимпионики)¹⁴, зачастую активно участвовавшие в политической жизни.

В нашу задачу здесь, естественно, не входит давать подробную характеристику всех специфических особенностей древнегреческой религии. Необходимо, пожалуй, остановиться, хотя бы в тезисной форме¹⁵, лишь еще на одной ее черте, поскольку это будет немаловажно для понимания некоторых аспектов дальнейшего изложения. Боги в системе религиозного мировоззрения эллинов, будучи достаточно четко отграничены от людей, в то же время воспринимались как существа, имманентные вселенной, чувственно-материальному космосу. Они мыслились не вне этого космоса, а внутри него, не его творцами,

¹⁰ О культе героев в Греции и его эволюции см., например: *Rose H. J. The Degradation of Heroes // Studies Presented to D. M. Robinson. Vol. 2. St. Louis, 1953. P. 1052–1057; Nock A. D. Essays on Religion and the Ancient World. Bd. 1–2. Cambridge Mass., 1972.*

¹¹ Ср. героизацию драматурга Софокла (под именем Дексиона) в конце V в. до н. э. (о ней: *Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания... С. 270*). Софокл был причислен к героям, конечно, не за свое поэтическое творчество, а за учреждение в Афинах культа Асклепия (об этом событии см.: *Auffarth C. Aufnahme und Zurückweisung «Neuer Götter» im spätklassischen Athen // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 342 ff.*).

¹² О культе ойкистов см. в работе: *Malkin I. Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden, 1987.*

¹³ Ср. совершенно правомерные замечания по этому поводу: *Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма. Томск, 1996.*

¹⁴ *Зельин К. К. Олимпионики и тираны // ВДИ. №4. 1962. С. 21–29; Суриков И. Е. Олимпийские игры и греческая скульптура конца VI–V вв. до н. э. // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 258.*

¹⁵ Аргументацию излагаемых ниже положений см. в нашей работе: *Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания... С. 33 сл.*

а его порождениями – конечно, порождениями весьма высокого ранга, венчающими собой иерархию живых существ. Ничего спиритуального в их образах нет (если брать магистральную линию развития религиозной идеологии, а не маргинальные течения в кругах интеллектуальной элиты). Крайне важно, что этика (во всяком случае, в доэллинистический период) не санкционировалась религией, но была внешней, автономной по отношению к ней. Более того, существовала в известной степени коллизия религии и этики, постоянно искавшая разрешения. Весь путь эволюции религиозно-этических взглядов греков от Гомера до конца эпохи классики может быть охарактеризован как чередование «сближений» и «расхождений» этих двух величин, которые, однако, никогда не совпали полностью, по-прежнему оставаясь источником коллизии.

Из сказанного вытекает два принципиальных следствия. Во-первых, ни в коей мере нельзя рассматривать древнегреческих богов как этических мироправителей. Они – лишь «контролеры», блюдущие упорядоченность, регулярность, баланс природных и социальных явлений. Во-вторых, неплодотворным оказывается приложение к религиозному менталитету греков этических категорий типа «грех», «безгрешность» и т. п.¹⁶

И еще один нюанс следует оговорить, прежде чем перейти к основной тематике исследования. Как известно, греческий полисный мир I тыс. до н. э. представляет собой, так сказать, «вторую попытку» создания цивилизации в Эгейском бассейне. В связи с этим небезынтересно задуматься о том, какие формы принимала сакрализация правителей в крито-микенскую эпоху. Насколько можно судить из имеющегося в нашем распоряжении весьма скудного материала (документального, археологического, лингвистического), в «дворцовых государствах» минойского Крита и ахейской Греции II тыс. до н. э. цари были объектом статусной сакрализации (не исключено, даже обожествления)¹⁷

¹⁶ Ср.: Grube G. M. A. Euripides and the Gods // Euripides. A Collection of Critical Essays. Englewood Cliffs, 1968. P. 37; Каздан А. П. Религия и атеизм в древнем мире. М., 1957. С. 184.

¹⁷ Интересно, в частности, что микенский царский титул «анакт» (wa-na-ka) использовался применительно не только к земным правителям, но и к богам: Молчанов А. А., Нерознак В. П., Шарыпкин С. Я. Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию). М., 1988. С. 40. В целом о статусе (в том числе религиозном) критских и ахейских царей см.: Лурье С. Я. Язык и культура Микенской Греции. М.; Л., 1957. С. 211 сл.; Вернан Ж.-П. Указ. соч. С. 42 сл.; Бартонек А. Златообильные Микены. М., 1991. С. 127 сл.; Молчанов А. А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000. С. 116 сл.; Андреев Ю. В. От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. СПб., 2002. С. 215 сл.; Schuol M. Zur Überlieferung homerischer Epen vor dem Hintergrund anatolischer Traditionen // Grenzüberschreitungen: Formen des Kontakts zwischen Orient und Okzident im Altertum. Stuttgart, 2002. S. 341.

независимо от своих личных качеств и при, похоже, довольно незначительном объеме реальной власти. Резонно обратить внимание, в частности, на следующий факт: в крито-микенском мире практически не фиксируется столь характерный для древних обществ феномен храма как специально религиозной структуры. Функцию храма, наряду со многими другими, выполнял дворец. Возможно даже, что именно культовые полномочия царя были самыми важными. Во всяком случае, прерогатива военного командования делегировалась отдельному вельможе – лавагету, занимавшему второе место в государственной иерархии.

Разумеется, прямые и категоричные умозаключения от эгейско-южнобалканских реалий II тыс. до н. э. к реалиям следующего тысячелетия (и наоборот) будут некорректными, поскольку известные события, имевшие место на рубеже этих хронологических отрезков (крупномасштабные этномиграционные процессы, зафиксировавшиеся в античной традиции как «дорийское вторжение», гибель микенской цивилизации и полоса регрессивных явлений), привели к значительному дисконтинуитету во многих сферах общественного бытия. Тем не менее как раз на уровне религиозно-политических моделей между микенскими и «классическими» греками наблюдаются значительные черты преемственности. Эллада еще долгое время продолжала жить микенским наследием, безусловно, модифицируя его в совершенно изменившихся условиях. Ситуация в чем-то напоминала диалектику континуитета и дисконтинуитета между европейскими цивилизациями античности и средневековья. При том, что это были, конечно, два разных и, в общем, несхожих цивилизационных единства, ряд основополагающих идей, имеющих отношение к религиозному аспекту власти (в частности, идея священной универсальной Империи¹⁸), протянулся, подобно «мостику», над разделившей их пропастью.

А теперь, после этих предварительных соображений, имеет смысл уже более конкретно рассмотреть факты, определяемые тематикой исследования. Такое рассмотрение (неизбежно краткое и конспективное, поскольку подробный разбор всех деталей с развернутой аргументацией потребовал бы целой монографии) будет осуществлено на материале, с одной стороны, архаической и классической эпох¹⁹, с другой же стороны – эпохи эллинизма.

¹⁸ См. в данной связи важные замечания в работе: *Успенский Б. А.* Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000. С. 34 сл.

¹⁹ Мы берем архаическую (VIII–VI вв. до н. э.) и классическую (V–IV вв. до н. э.) эпохи древнегреческой истории как единое целое, поскольку вторая из этих эпох в сфере интересующей нас проблематики не породила принципиально новых феноменов и не элиминировала окончательно ни одного из ранее существовавших. Новые тенденции, проявившиеся в период поздней классики (время кризиса классического полиса), следует рассматривать в рамках складывания предпосылок эллинизма («предэллинизм»). Строго говоря, границу

Говоря о формах сакрализации правителя в архаической Греции, следует обратить внимание на наличие в этой области религиозно-политической идеологии и практики двух совершенно различных парадигм – различных и по времени происхождения, и по этиологии, и по интенциям. С одной стороны, в подавляющем большинстве раннеархаических полисов (если бы не диктуемая скудостью имеющейся информации осторожность, может быть чрезмерная, следовало бы сказать: во всех раннеархаических полисах) сохранялся еще институт правителей, носивших титул «басилей» (*basileus*), что обычно переводится на русский как «царь»²⁰. Басилеи являлись деградировавшими и измельчавшими наследниками могущественных ахейских анактов²¹, пытавшимися – хотя в меньших масштабах и имея в своем распоряжении несравненно меньшие средства – реализовать ту же модель власти. По традиции басилеи оставались объектом статусной сакрализации, то есть сакрализован был титул, а не личности конкретных правителей. Об обожествлении басилея речи быть уже не могло; сакрализация проявлялась прежде всего в том, что басилей исполнял функции верховного жреца, предстоятеля и представителя общины перед миром божеств.

Реальная власть басилея как правителя со временем становилась всё более рыхлой и призрачной. Шел процесс децентрализации, распыления властных полномочий, придания управлению коллективного характера. Этот процесс принимал различные, связанные друг с другом формы (ситуация «поликойрании», или появления в одном полисе нескольких басилеев²²; «дробление» царского статуса, приход на смену единому басилею коллегии должностных лиц, поделивших его функции и прерогативы; сокращение срока пребывания правителя у власти от пожизненного до фиксированного определенным количеством лет; расширение круга лиц, имеющих право на статус басилея) и имел

между двумя этапами в эволюции форм сакрализации правителя следовало бы провести где-то на рубеже V и IV вв. до н. э., хотя это и противоречит общепринятой в антиковедении периодизации.

²⁰ Наиболее фундаментальные исследования о раннегреческих басилеях: *Drews R. Basileus: The Evidence for Kingship in Geometric Greece*. New Haven, 1983; *Lenz J. R. Kings and the Ideology of Kingship in Early Greece (c. 1200–700 B.C.)*. N. Y., 1993. В более широкой исторической перспективе см. в работе: *Carlier P. La royauté en Grèce avant Alexandre*. Strasbourg, 1984.

²¹ В Микенской Греции II тыс. до н. э. басилеи (*qa-si-re-u*) – правители не слишком высокого ранга, возглавлявшие отдельные сельские общины и подчинявшиеся анакту. После распада «дворцовых государств» и ликвидации института анактов басилеи остались «последней инстанцией», взяв суверенитет в свои руки.

²² О «поликойрании» см.: *Андреев Ю. В. От Евразии к Европе... С. 732. Протест против подобного развития событий встречаем уже у Гомера (II. II. 204–205).*

конечным результатом переход от монархий к аристократическим режимам. Это и была первая в греческом мире I тыс. до н. э. «великая революция» (свидетельства источников о ней на удивление скудны, принимая во внимание значимость события), имевшая место уже в начале эпохи архаики и приведшая к рождению феномена греческого полиса.

В конце концов бацилей из пожизненных и наследственных вождей общины превратились в выборных должностных лиц, причем не самых влиятельных в полисе. Однако религиозный компонент их былых полномочий – а как раз это интересует нас здесь в первую очередь – был ими практически полностью удержан. Особенно ясно это видно на лучше всего известном из источников примере Афин. В афинском полисе классической эпохи одним из членов коллегии девяти архонтов был архонт-бацилей – прямой преемник древних царей, о чем говорит уже название этой магистратуры²³. По своим прерогативам, о которых наиболее подробно сообщает Аристотель (*Ath. pol.* 57), он может быть с полным правом определен как верховный жрец государства, являвшийся высшей инстанцией в религиозной области и осуществлявший надзор над полисным культом. В непосредственном ведении архонта-бацилея находилось большинство афинских религиозных праздников²⁴. То же должностное лицо имело и некоторые судебные функции, причем распространявшиеся преимущественно на сферу сакральной жизни. Так, бацилей разбирал споры между жрецами, председательствовал в судебных процессах по делам о «нечестии» (*asebeia*)²⁵, то есть о правонарушениях в религиозной области, а также по делам об убийствах, которым также придавалось подчеркнуто религиозное значение²⁶.

²³ О магистратуре архонта-бацилея в Афинах см.: *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. 1. Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 221–222; *Ленская В. С.* Архонт-бацилевс в Афинах // ВДИ. № 4. 2001. С. 126–141.

²⁴ Впрочем, не все без исключения. Некоторые праздники, учрежденные позже остальных (в частности, Великие Дионисии, берущие свое начало в VI в. до н. э.), находились в ведении не бацилея, а другого магистрата – архонта-эпонима. Очевидно, начиная с какого-то момента новые праздники в компетенцию бацилея уже не передавались, но его традиционные полномочия оставались неприкосновенными (урезать их означало бы серьезное нарушение «отеческих» сакральных обычаев). Об афинских религиозных праздниках в целом см.: *Deubner L.* Attische Feste. B., 1932; *Parke H. W.* Festivals of the Athenians. L., 1977; *Simon E.* Festivals of Attica: An Archaeological Commentary. Madison, 1983.

²⁵ О процессах такого рода см.: *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания... С. 86 сл. (со ссылками на источники и литературу).

²⁶ По поводу той сферы афинского права, которая имела касательство к религиозной сфере, см., в числе прочих работ: *MacDowell D. M.* Athenian Homicide Law in the Age of the Orators. Manchester, 1963; *Stroud R. S.* Drakon's Law on Homicide. Berkeley, 1968; *Gagarin M.* Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven, 1981; *Mélèze Modrzejewski J.* La sanction de l'homicide en droit grec et hellénistique // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und

Пожалуй, ни в чем так отчетливо не проявлялся сакральный статус архонта-басилея, как в ритуале «священного брака» (*hieros gamos*) его супруги с богом Дионисом, осуществлявшемся раз в год, на празднике Анфестерий (об этом ритуале см.: Demosth. LIX. 73 sqq.; Arist. Ath. pol. 3. 5). Этот же ритуал демонстрирует и другое – именно статусный, а не личностный характер сакрализации. В классическую эпоху в Афинах басилей выбирался посредством жеребьевки, занимал свой пост в течение одного года. На каждых следующих Анфестериях, таким образом, в качестве «мистической супруги» божества выступала новая женщина, однако, как считалось, ритуал не становился от этого менее действенным.

Переходя от Афин к другому важнейшему (и относительно хорошо освещенному в источниках) древнегреческому полису – Спарте, мы обнаруживаем материал, который в еще большей степени подкрепляет сделанные выше наблюдения. Царская власть в Спарте, по точному замечанию В. В. Латышева, «по своему значению и прерогативам весьма близко подходила к царской власти героического периода»²⁷. Иными словами, спартанские басилеи могут рассматриваться как наиболее чистый, не искаженный переменами конкретный пример «парадигмы басилея» вообще²⁸. Рассматривая же положение царей в спартанской «общине равных (гомеев)» (наиболее подробно об этом см.: Herod. V. 56–58; Xenoph. Lac. pol. 13; 15), невозможно не заметить их ярко выраженную статусную сакрализацию. В сущности, единственными гражданами позднеархаической и классической («ликкурговой») Спарты, на которых не распространялись нормы всеобщего равенства, были именно цари. В этом смысле они могут считаться даже как бы «чуждым», неорганичным элементом в сформировавшемся полисе, законсервированным «осколком прошлого»²⁹. Порой создается впечатление, что их «неравенство» прочим спартиатам, привилегированность просто-таки нарочито утрировались. Так, на знаменитых совместных трапезах (сисситиях) цари (они и, естественно, только они) получали двойную порцию.

Главные из царских обязанностей лежали в сфере культа. Басилеи (точнее, архagetы – таков был, судя по всему, официальный титул царя в Спарте) возглавляли религиозную жизнь общины: занимали *ex officio* две главные жре-

hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 3–16; Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens (The Athenian Agora. Vol. 28). Princeton, 1995. P. 43–50.

²⁷ Латышев В. В. Указ. соч. С. 97.

²⁸ Разве что такая черта, как двойной характер царской власти, когда на престоле одновременно находились два царя из разных династий (Агиадов и Еврипontiдов), отличает Спарту от других полисов.

²⁹ Ср.: Georges P. Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore, 1994. P. 152–157.

ческие должности (жрецов Зевса Лакедемонского и Зевса Небесного), заведовали сношениями государства с Дельфийским оракулом, совершали важнейшие жертвоприношения, выносили решения по некоторым судебным делам (очевидно, изначально имевшим сакральные коннотации). Ни в чем, однако, так ярко не виден сакральный статус спартанских царей, как в ритуалах, связанных с их погребением. В целом спартанцы очень рано (по преданию, еще при Ликурге) до предела упростили погребальный обряд, сделав его одинаково скромным для всех граждан (Plut. Lycurg. 27)³⁰. Но опять-таки для царей и в этой сфере делалось демонстративное исключение. Их уход из жизни сопровождался необычайно пышными церемониями – пышными по меркам любого греческого полиса, а не только суровой Спарты. Они куда больше напоминают похороны восточных монархов. Ксенофонт, прекрасно знавший спартанские реалии, прямо пишет (Lac. pol. 15. 9): «Что же касается почестей, оказываемых почившему царю, то законы Ликурга тем самым хотят показать, что цари лакедемонян почитаются не как люди, но как герои». Иными словами, спартанские архагеты были объектом полномасштабной героизации.

Сакрализация, о которой идет речь, была чисто статусной: ей подлежал любой носитель царского титула независимо от своих личных качеств. Она сочеталась, далее, со значительно менее высоким статусом в политической жизни. «Профанная» власть царя была сильно ограниченной. Даже на полях сражений архагеты, несмотря на то что в военное время они принимали на себя верховное командование, отнюдь не являлись полномочными в своих решениях. По сути дела, в наиболее принципиальных стратегических вопросах они выполняли волю геронтов и эфоров, направлявших им скиталы (специальные шифрованные послания) или лично присутствовавших при войске. Не говоря уже о том, что царь мог быть отстранен от власти, наказан, подвергнут изгнанию, даже казнен, и примеров всему этому более чем достаточно в спартанской истории³¹. Глубоко симптоматичен тот факт, что те из спартанских царей, которые являлись сколько-нибудь яркими и амбициозными личностями, в какой-то момент начинали тяготиться существующим положением вещей и вступали в борьбу (обычно обреченную для них на поражение) с другими органами власти за расширение своих полномочий, высвобождение из-под чужого контроля³². В то же время цари-посредственности (таковых было значительно

³⁰ Подробнее см.: Суриков И. Е. Законодательство Солона об упорядочении погребальной обрядности // Древнее право. № 1 (9). 2002. С. 12–13.

³¹ Характерно, кстати, что поводы для отстранения царей в спартанской истории были чаще всего религиозными (небесные знамения, физические недостатки, нечистокровное происхождение).

³² См. о некоторых из таких случаев: Строецкий В. М. Истоки конфликта эфората и царской власти в Спарте // Античный полис. Л., 1979. С. 42–57; Он же. Некоторые осо-

больше) вполне удовлетворялись престижным положением «священного символа» государства и не стремились к большему.

Наряду с обрисованной выше моделью сакрализации (условно назовем ее «моделью басилея»), уже в эпоху архаики отходившей в прошлое, необходимо теперь рассмотреть возникшую в тот же период (с VII в. до н. э.) принципиально иную модель, которая может быть определена как «модель тирана». Сами слова «тирания», «тиран» заимствуются в греческий язык из Малой Азии именно в это время (первое упоминание – Archiloch. fr. 19 West), дабы маркировать новый, ранее не существовавший в Элладе политический феномен³³. Тиран (tyrannos) отличался, в понимании греков, от басилея тем, что был правителем-узурпатором, пришедшим к власти не наследственным путем, а ее прямым захватом³⁴.

О тиранических режимах эпохи архаики (так называемая «старшая тирания») существует достаточно обширная литература³⁵. Поэтому в рамках данной работы мы ограничимся лишь несколькими замечаниями, имеющими прямое отношение к ее тематике. Сакрализация власти тирана, в противоположность власти басилея, была не статусной, а в полной мере личностно-харизматической. Титул тирана не мог стать объектом сакрализации уже по той причине, что такого титула просто не существовало³⁶. В своих официальных сношениях (как внутривойсковых, так и межвойсковых) тираны могли прини-

бенности внутривойсковой борьбы в Спарте в конце VI – начале V в. до н. э. Клеомен и Демарат // ВДИ. № 3. 1982. С. 38–49; *Он же*. Политическая борьба в Спарте в 70-е годы V в. до н. э. (дело Павсания) // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 60–85.

³³ Forrest W. G. The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C. L., 1966. P. 78.

³⁴ Не исключено, что образцом для первых греческих тиранов послужил переворот Гигеса в Лидии, о времени которого см.: Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998. С. 157.

³⁵ Укажем лишь важнейшие исследования: Andrewes A. The Greek Tyrants. N. Y., 1963; Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. 1–2. München, 1968 (имеется русский перевод, к сожалению, не включивший в себя обширного научного аппарата работы: Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997); Mossé C. La tyrannie dans la Grèce antique. P., 1969; Stahl M. Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen: Untersuchungen zur Überlieferung, zur Sozialstruktur und zur Entstehung des Staates. Stuttgart, 1987; Barceló P. Basileia, Monarchia, Tyrannis. Untersuchungen zu Entwicklung und Beurteilung von Alleinherrschaft im vorhellenistischen Griechenland. Stuttgart, 1993; Giorgini G. La città e il tiranno. Varese, 1993; Libero L. de. Die archaische Tyrannis. Stuttgart, 1996; Макаров И. А. Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. № 2. 1997. С. 25–42.

³⁶ Противоположную точку зрения (впрочем, не подкрепленную достаточно убедительными аргументами) см.: Высокий М. Ф. Тирания: к вопросу о терминологии // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 182–196.

мать те или иные престижные титулы (именоваться, например, архонтами, простатами, в некоторых случаях, впрочем редких, возможно, также бацилеями³⁷) или же просто не носить никаких титулов, не оформляя, таким образом, своей власти институционально.

Главным же для обретения тираном сакрального статуса в полисе была, бесспорно, приписываемая ему божественная харизма. Тираны (в отличие от бацилеев, чья сакральность признавалась всеми по традиции) должны были прилагать сознательные и весьма интенсивные усилия для прокламирования своего «сверхчеловеческого» статуса. Для этого они распространяли рассказы о знамениях, имевших место при их рождении; подчеркивали свои особые связи с богами (как через происхождение от небожителей, так и через получение от них специальной санкции на власть); уподобляли себя древним мифологическим героям, реанимируя старинные мифы и ритуалы и наполняя их новым смыслом³⁸, поддерживали активные контакты с наиболее авторитетными святыщами (в частности, с Дельфийским оракулом)³⁹; участвовали и побеждали в Олимпийских или иных панэллинских играх; избирали местом своей резиденции главную городскую святыню — акрополь, где, кроме них, никто не жил, а находились только храмы; осуществляли реформы полисных структур, позволявшие назвать тирана «новым основателем» города с присвоением статуса «ктиста». В целом политика тиранов в сфере культовой жизни полиса была чрезвычайно многогранной и целеустремленной⁴⁰. Ее элементами оказываются

³⁷ Oost S. I. The Tyrant Kings of Syracuse // *Classical Philology*. Vol. 71. No. 3. 1976. P. 224–236. Неправомерным, однако, представляется подход некоторых исследователей (например: Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002. С. 299), считающих, что именование тирана бацилеем было нормой.

³⁸ Connor W. R. Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 107. 1987. P. 40–50; Boardman J. Herakles, Peisistratos, and the Unconvinced // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 109. 1989. P. 158–159; Андреев Ю. В. Тираны и герои. Историческая стилизация в политической практике старшей тирании // ВДИ. № 1. 1999. С. 3–7.

³⁹ Макаров И. А. Тирания и Дельфы в рамках политической истории Греции второй половины VII–VI в. до н. э. // ВДИ. № 4. 1995. С. 117–131; Brandt H. Pythia, Apollon und die älteren griechischen Tyrannen // *Chiron*. Bd. 28. 1998. S. 193–212.

⁴⁰ О различных аспектах религиозной политики архаических тиранов см., в числе прочих работ: Kolb F. Die Bau-, Religions- und Kulturpolitik der Peisistratiden // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*. Bd. 92. 1977. S. 99–138; Shapiro H. A. Painting, Politics, and Genealogy: Peisistratos and the Neleids // *Ancient Greek Art and Iconography*. Madison, 1983. P. 87–96; Idem. Art and Cult under the Tyrants in Athens. Mainz, 1989; Залюбовина Г. Т., Щербанов В. И. Афины в период становления гражданской общины: афинские тираны и полисная религия // Ранние цивилизации: государство и право. М., 1994. С. 17–33; Молчанов А. А.,

ся возведение храмов и других построек религиозного характера, учреждение новых культов, организация празднеств (или реорганизация существовавших ранее) и т. п.

Практически всё перечисленное прослеживается, в частности, в карьере того тирана, жизнь и деятельность которого лучше всего освещена в источниках, – Писистрата Афинского (см. о нем наиболее подробно: Herod. I. 59–64; Arist. Ath. pol. 14–16). Присматриваясь к этой яркой фигуре, мы обнаруживаем и легенду о божественном предзнаменовании, якобы полученном отцом Писистрата, и воспроизведение им в ритуализованной форме (при возвращении к власти из изгнания в 557 г. до н. э.) авторитетного архетипа *hieros gamos*, и особое внимание тирана к разного рода оракулам и предсказаниям, относящимся к его власти, и, наконец, активнейшую религиозную политику – как внутри полиса, так и на межгосударственном уровне. Достаточно вспомнить, что при Писистрате в Афинах появились (как на акрополе, так и за его пределами) первые каменные храмы, был учрежден ряд важнейших полисных празднеств (в том числе Великие Дионисии⁴¹), что он поставил под свой контроль священный остров Делос и совершил его культовое очищение, боролся за влияние в Дельфах (правда, потерпев в этом поражение) и т. п.

Тираны стремились в полном смысле слова возглавить религиозную жизнь гражданской общины и преуспевали в этом. Характерно, однако, что они, насколько известно, не принимали жреческих должностей⁴². Собственно, им это было и не нужно: они обладали более высоким сакральным статусом, чем жреческий, – статусом, практически идентичным статусу героя. Именно поэтому тираны чрезвычайно болезненно воспринимали появление в полисе других лиц, чей сакральный статус был так же (если не более) высок, – олимпийоников.

Суриков И. Е. Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 122–130; Туманс Х. Идеологические аспекты власти Писистрата // ВДИ. № 4. 2001. С. 12–45.

⁴¹ Недавно была высказана точка зрения, согласно которой Великие Дионисии были учреждены не при Писистрате, а позже, после учреждения Клисфеном демократии в Афинах: Connor W. R. City Dionysia and Athenian Democracy // Aspects of Athenian Democracy. Copenhagen, 1990. P. 9 ff. Однако это не более чем проявление модной ныне в антиковедении тенденции отрицать какие бы то ни было исторические достижения тиранов. Более взвешенную точку зрения см.: Маринович Л. П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 303 сл.; Янковский А. И. Раннегреческая тирания и возникновение трагедии // Античный мир: проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 110; Родс П. Дж. Афинский театр в политическом контексте // ВДИ. № 2. 2004. С. 33–56.

⁴² Известны исключения из этого правила (впрочем, весьма редкие): Гелон и Гиерон I в Сиракузах, возможно, Ферон в Акраганте. Но эти тираны пришли к власти, уже имея наследственный жреческий сан, а не наоборот.

В них видели потенциальных конкурентов (даже если олимпионик и не предъявлял претензий на власть), от них старались избавиться⁴³.

Главным источником сакрализации тирана, повторим еще раз, была его личная харизма. Харизма эта, по большому счету, не передавалась по наследству. Сыну и наследнику тирана, как правило, приходилось заново добиваться признания со стороны сограждан, и далеко не всегда это ему удавалось. Потому-то лишь в достаточно редких случаях можно говорить о династиях тиранов, да и эти династии оказывались, за единичными исключениями, непродолжительными (2–3 поколения). Затем харизма окончательно иссякала, и все попытки удержать власть оказывались тщетными: тирания ликвидировалась.

Добавим к сказанному, что «модель тирана», в противоположность «модели басилея», предусматривала вместе с высшим сакральным статусом еще и полноту профанной власти. В этом, наверное, причина того, что в архаической Греции мы находим, пусть и нечасто, тип правителя, стоявший на стыке этих двух моделей. Здесь прежде всего следует сказать об аргосском басилее Фидоне⁴⁴, который, по выражению Аристотеля, достиг тирании на основе царской власти. Иными словами, Фидон, будучи законным басилеем из династии Теменидов⁴⁵, в эпоху, когда сам институт басилеев приходил в упадок, в пик господствующей тенденции осуществил государственный переворот «сверху»: присвоил себе единоличную власть и обратился к иной модели сакрализации, личностно-харизматической, а не статусной, как раньше. Превращение «из царя в тирана» означало для него переход к новому типу собственной легитимации. Аналогичным примером может служить Кирена. В ней басилей из династии Баттиадов во второй половине VI в. до н. э. (начиная с царя Аркесилая III) тоже для укрепления своей власти легитимировали себя как тиранов, прибегнув к соответствующей модели сакрализации⁴⁶.

⁴³ Ср. весьма сложные отношения Писистрата и его сыновей с трехкратным олимпийским победителем Кимоном (Herod. VI. 103).

⁴⁴ Хронология правления Фидона весьма дискуссионна. Нам кажется наиболее правомерной датировка его второй четвертью VII в. до н. э.: Jeffery L. H. *Archaic Greece: The City-States c. 700–500 B.C. L.*, 1978. P. 134; Robinson E. W. *The First Democracies: Early popular Government outside Athens*. Stuttgart, 1997. P. 82 ff.

⁴⁵ О Теменидах (возводивших свое происхождение, как и спартанские царские династии, к Гераклу и через него к Зевсу) см.: Молчанов А. А. Персеиды–Гераклиды–Темениды: идея непрерывной династической легитимности в официальных родословных античных монархов // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001. С. 135 сл.

⁴⁶ См. об этих событиях: Безрученко И. М. Древнегреческая Киренаика в VII–IV вв. до н. э. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 7. 1999. С. 89.

В классическую эпоху, в V в. до н. э., то есть в период наивысшего расцвета полиса, обе ранее существовавшие модели сакрализованной единоличной власти практически прекращают существование. Институт бацилеев повсеместно сходит на нет или превращается в чистую формальность. Исключениями, помимо упоминавшейся выше Спарты, остаются разве что полисы такой периферийной зоны, как Кипр. Равным образом и тиранических режимов ко второй половине V в. до н. э. в греческом мире больше не осталось (в качестве чуть ли не единственного исключения можно назвать Боспорское государство в Северном Причерноморье, где власть династии тиранов Спартокидов оказалась необычайно прочной и долговечной⁴⁷). Правда, позже, в IV в. до н. э., в некоторых эллинских полисах вновь появляются тираны («младшая тирания»). Но вообще IV в. до н. э. лучше рассматривать в контексте предпосылок для формирования новых религиозно-политических реалий, давших о себе знать уже в эпоху эллинизма.

Прежде чем перейти к данной группе сюжетов, хотелось бы сделать еще несколько общих наблюдений по поводу сакрализации правителей в доэллинистической Греции, которые позволят суммировать имеющиеся данные. Речь шла о двух фактически противостоящих друг другу моделях сакрализации («модели бацилея» и «модели тирана»). В первом случае сакрализовался титул (статус) правителя, вне всякой зависимости от его личности, во втором – его личность, при отсутствии официального титула. Мы считаем возможным оперировать такими категориями, как «статусная сакрализация» и «личностная сакрализация» соответственно.

В рамках «модели бацилея» основания сакрализации коренились в глубинах многовековой традиции, восходящей в конечном счете к анактам микенской эпохи, и, в общем-то, осознавались довольно смутно, не будучи предметом эксплицитной рефлексии. На прямой вопрос, чем обусловлено отличие бацилея по своему сакральному статусу от обычных граждан (если допустить, что такой вопрос был бы задан), грек архаической эпохи, скорее всего, ответил бы: «Происхождением бацилея от древних героев, а через них – от богов»⁴⁸. Однако же этот критерий происхождения оказывался довольно шатким (может быть, это явилось одним из факторов упадка власти бацилеев). Дело в том, что аналогичными генеалогиями, восходящими к небожителям, располагали отнюдь не только бацилеи, но и практически все евпатриды – представители

⁴⁷ О тираническом характере власти боспорских Спартокидов см.: *Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 260.

⁴⁸ Собственно, именно эту мысль еще в классическую эпоху прямо выражает Ксенофонт, говоря о Спарте (Лас. пол. 15. 2): «Итак, законодатель постановил: царю как происходящему от божества приносить общенародные жертвования от имени государства...»

высшего слоя аристократии⁴⁹, соответственно оказывавшиеся в точно такой же мере потомками божества. Даже в Спарте цари считались далеко не единственными гражданами, происходящими от Геракла. Басилей в подобной среде был лишь «первым среди равных», а для полноценной и прочной легитимации этого явно не хватало.

В рамках «модели тирана» фактор происхождения аргіогі играл еще меньшую роль. Конечно, нельзя сказать, что им вовсе пренебрегали. Тираны архаической эпохи (а все они принадлежали к аристократии) тоже прокламировали свои генеалогии, связывавшие их с богами⁵⁰. Однако такие генеалогии были если и необходимым, то, во всяком случае, отнюдь не достаточным условием приобретения и удержания власти. Находясь в окружении столь же (а то и более) родовитых евпатридов, тираны должны были апеллировать преимущественно к иным средствам обоснования своего сакрального статуса. Речь идет прежде всего об отмечавшейся выше личной харизме, об особой, так сказать, «отмеченности» богами, на которую они претендовали. Именно эта харизма воспринималась как главный способ связи правителей данного типа с божественным.

Правитель в обеих рассмотренных моделях, бесспорно, воспринимался как посредник (но не единственно возможный) между миром людей и миром сверхъестественного. В рамках «модели басилея» его место в иерархии посредников такого рода определялось статусом верховного жреца, представителя государства в общении с богами, чьи священнодействия тем самым считались более эффективными, чем священнодействия любого другого жреца. Характерно, что в тех полисах, где устанавливалась демократия (например, в классических Афинах), жреческие должности были сделаны выборными, то есть считалось, что в принципе каждый гражданин может выполнять роль посредника между сакральной и профанной сферами. Положение же тирана в рассматриваемом отношении было, как мы видели, более высоким. Практически приравниваясь

⁴⁹ См. об этих генеалогиях: *Суриков И. Е.* Место аристократических родословных в общественно-политической жизни классических Афин // Из истории античного общества. Вып. 7. Нижний Новгород, 2001. С. 138–147; *Он же.* О некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Восточная Европа в древности и средневековье: генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001. С. 172–176. Приведенные в этих работах наблюдения сделаны на афинском материале, но не иначе обстояли дела и в любом другом греческом полисе.

⁵⁰ См., в частности, по афинским Писистратидам: *Shapiro H. A.* Painting...; *Молчанов А. А., Суриков И. Е.* Указ. соч. Сказанное относится даже к тем тиранам, которых в историографии считают своеобразными «парвеню», например к Кипселу Коринфскому. Этот последний возводил свое происхождение по отцовской линии к герою Кенею, а по материнской – к самому Гераклу.

к «живому герою», тиран стоял на более высокой ступени, чем жрец, хотя бы даже и верховный.

В обоих случаях актуальная сакральность фактически обреталась с моментом прихода к власти, хотя, естественно, впоследствии правителю могла «задним числом» приписываться некая «потенциальная сакральность», которой он обладал от рождения. Единообразных и абсолютно авторитетных обрядов обретения, выражения и подтверждения сакральности (наподобие известных в других обществах ритуалов помазания, коронации и т. п.), насколько можно судить, не существовало; во всяком случае, состояние источниковой базы не позволяет делать каких-либо категоричных выводов по поводу таких обрядов. Выше говорилось о «священном браке» (как в связи с «моделью бацилея», так и в связи с «моделью тирана»)⁵¹. Но скудные сведения об этой процедуре исходят только из Афин. Можно ли трактовать материал расширительно, распространяя его импликации на весь греческий мир, а главное, следует ли считать данный ритуал обязательным, неизвестно, да и, строго говоря, для такой трактовки мало оснований. Известно, в частности, что в Спарте реалии были совершенно иными. Там раз в девять лет эфоры наблюдали небесные знамения и имели право на их основании отрешить царей от престола; впрочем, затем их акция могла быть дезавуирована Дельфийским или иным оракулом (Plut. Agis 11).

Таким образом, в сущности, община в лице своих полномочных представителей принимала решение о том, обладает ли правитель достаточной степенью сакральности для того, чтобы находиться у власти. Какие критерии использовались для принятия такого решения? Во-первых, конечно, критерий эффективности. Правитель, скажем проигравший войну или допустивший иные грубые просчеты, должен был восприниматься как утративший расположение богов, и ничто не мешало его отстранению. Другой критерий можно назвать этическим или, точнее, ритуально-этическим. Не то чтобы бацилею или тирану предписывалась безгрешность (выше говорилось о том, что категории «греха» и «безгрешности» к древнегреческому менталитету вообще вряд ли применимы), не то чтобы от них требовалось обладание высшей полнотой всех положительных качеств. Греки не были максималистами в этом отношении и даже богов своих воспринимали «как они есть», не требуя от них соответствия нравственному идеалу. Однако некоторые виды проступков, очевидно, были решительно несовместимы с сакральностью и, соответственно, с властью.

О каких проступках идет речь? Это лучше всего позволят понять два примера, отделенные друг от друга почти полутысячелетним промежутком. В конце VIII в. до н. э. афинский архонт Гиппомен из династии Кодридов был от-

⁵¹ Кстати, не случайно тираны чрезвычайно серьезно относились к своей матримониальной политике. См.: *Gernet L. Anthropologie de la Grèce antique*. P., 1968. P. 344–359.

странен от власти за то, что подверг бесчеловечной казни собственную дочь, совращенную кем-то из граждан. Кстати, именно после этого род Кодридов был лишен монопольного права на занятие высшей в Афинах того времени должности архонта (об инциденте с Гиппоменом см.: Arist. Ath. pol. epit. 3; Diod. VIII. 22. 1; Diogenian. III. 1; Suid. s.v. *Hippomenes*; о времени его правления: Paus. IV. 13. 7)⁵². Во второй половине III в. до н. э. спартанский царь Леонид II был смещен за то, что, как утверждали его обвинители, «прижил двоих детей с женщиной азиатского происхождения» (Plut. Agis 11).

Обратим внимание на то, что в обоих эпизодах правители (принадлежащие к «модели басилея») обвинялись в нарушениях обычаев в семейной, половой сфере. Судя по всему, именно с этой стороны они должны были для сохранения сакральности быть абсолютно чистыми и безупречными. Это, несомненно, было связано с их жреческим саном; возможно и соотнесение данной информации с ритуалом «священного брака». Другим немаловажным требованием было отсутствие телесных недостатков⁵³. Разумеется, реальная жизнь подчас заставляла смягчать суровость «отбора»⁵⁴, но общие принципы оставались неизблевыми и долговечными.

В рамках «модели тирана» отмеченные требования отнюдь не характеризовались такой же жесткостью, поскольку вообще данный тип сакрализации правителя предполагал, как говорилось, акцент на личную харизму, а не на статус. Так, известно немало случаев нарушения тиранами обычаев, связанных с браком и семейной жизнью. Создается впечатление, что они прибегали в этой сфере даже к демонстративному эпатажу⁵⁵. Это связано с тем, что тираны ориентировались не на образ жреца, а на образ героя, а для этого последнего вообще была характерна экстравагантность проявлений⁵⁶. В данной модели на первый план выдвигался критерий эффективности.

⁵² Даже если перед нами не факт, а этиологическая легенда, связанная с именем Гиппомена (орудием казни послужил конь-hippos), она все-таки показательна как иллюстрация древнегреческих представлений о причинах, по которым правитель мог быть отстранен. Кстати, нельзя ли предположить, что главной причиной отстранения архонта была не жестокость по отношению к дочери, а само ее бесчестье?

⁵³ См. в данной связи по поводу спартанских царей: Латышев В. В. Указ. соч. С. 97.

⁵⁴ Интересен в данной связи династический кризис в той же Спарте, имевший место в 400 г. до н. э. (Plut. Agesil. 3–4), когда один из двух претендентов на престол – Леотихид – считался незаконнорожденным, а другой – Агесилай II, в конечном счете ставший царем, – был хром.

⁵⁵ Периандр Коринфский убил собственную супругу. Писистрат Афинский жил с одной из своих жен «неестественным образом» (Herod. I. 61).

⁵⁶ Андреев Ю. В. Тираны и герои... С. 6.

Не так уж и просто однозначно ответить на вопрос, в какой мере взаимообуславливалось сохранение сакральности, власти и жизни ее носителя, тем более что мы имеем две различные модели, да и внутри каждой из них картина была достаточно пестрой. Может быть, несколько упрощая, можно сформулировать общие тезисы. Утрата сакральности (для *басилея* – в результате совершения «оскверняющих» поступков, для *тирана* – как итог неэффективности его действий), насколько можно судить, в обеих моделях приводила и к утрате власти, если не моментальной, то, во всяком случае, эвентуальной. Обратный же ход развития событий отмечается лишь для «модели *тирана*». Теряя власть, *тиран* тем самым лишался личной харизмы, а тем самым и сакральности. *Басилей* же оставался фигурой сакральной вне зависимости от реального объема (или даже наличия) своей профанной власти. Что же касается сохранения жизни, то убийство правителя (даже *тирана*), утратившего власть (resp. сакральность) было в доэллинистическом греческом мире достаточно редким, экстраординарным явлением. Значительно чаще он, будучи свергнут, удалялся в изгнание и доживал свой век в каком-нибудь другом полисе в качестве частного лица.

В целом нельзя сказать, что в картине мира полисной (архаической и классической) Греции правитель, будь то *басилей* или *тиран*, занимал какое-то чрезвычайно значительное место. Он был не отчужден от гражданской общины, а, если так можно выразиться, имманентен по отношению к ней; между ним и прочими гражданами не существовало принципиальной грани. Но ведь то же можно сказать и о греческих *богах-олимпийцах*. Не приходится говорить и о каком-то эксплицитном культе предков правителя; таковыми считались, как правило, мифологические герои, которые почитались именно в силу этого, а не из-за того, что кто-то являлся их потомком. Герои обладали собственными святилищами, жречествами и т. п. Но всё это надлежит рассматривать в контексте весьма развитого в Элладе культа предков вообще, а не в связи с сакрализацией правителя.

Переходя к эллинистической проблематике, мы остановимся на ней более кратко, что обусловлено, с одной стороны, несравненно лучшей изученностью соответствующего материала в науке, а с другой – гораздо большими по сравнению с предшествующей эпохой однозначностью и единообразием изучаемых феноменов. Теперь перед нами не две разных модели сакрализации, а одна (можно определить ее как «модель эллинистического монарха»); мы оказываемся в мире крупных территориальных государств, правители которых носили титул *царей* (*басилеев*) – титул, впрочем, в данном случае ориентированный не столько на собственно греческую традицию, сколько на македонскую⁵⁷ и в еще большей степени на персидскую (как ее воспринимали греки).

⁵⁷ Рассмотрение царской власти в доэллинистической Македонии выходит за пределы данной работы. Здесь мы отметим лишь, что типичный македонский царь представляется

Эллинистические монархи – и здесь мы встречаем нечто принципиально новое в древнегреческой истории – были объектом уже не просто сакрализации, а полномасштабного обожествления (апофеоза). Первопроходцем в данной области выступил Александр Македонский, который, как известно, после завоевания Египта был провозглашен тамошними жрецами «сыном Амона», а уже незадолго до смерти потребовал своего обожествления и от греческих полисов⁵⁸. После распада державы Александра правители многих из государств, возникших на ее руинах, более или менее последовательно шли по его стопам (речь идет прежде всего о египетских Птолемах и – в несколько меньшей степени – о Селевкидах). В каких-то случаях они получали божеские почести после смерти, а в каких-то – еще при жизни; где-то данная тенденция проявлялась более полно и последовательно (вплоть до учреждения культов, жречеств и храмов), где-то – менее. Но в том, что именно она была теперь доминирующей, сомневаться не приходится. Ярko свидетельствуют об этом почетные эпитеты эллинистических монархов, превращавшиеся фактически в их вторые имена: Сотер («спаситель»), Евергет («благодетель»), Епифан («явленный») или даже просто Теос («бог»)⁵⁹.

Чаще всего считается, что новая тенденция была результатом влияния древневосточной религиозно-политической идеологии на греков⁶⁰. Подобное суждение, конечно, имеет свой резон; тем не менее нам оно представляется не вполне точным и, во всяком случае, слишком категоричным. Бесспорно, что египтяне, например, обожествляли Александра в силу своих традиционных представлений о божественном статусе фараона. Но точно так же бесспорно и то, что греки обожествляли Александра явно не по этой, а по какой-то другой причине. Иными словами, резонно поискать не только восточный, но и античный фон для формирования эллинистической идеи «человекобожества».

Как справедливо отмечалось⁶¹, уже на исходе классической эпохи, в период кризиса полиса, в древнегреческой религии явственно проступают новые черты. Религиозность становится менее «демократичной», в ней нарастают элементы иерархичности, авторитаризма. Складываются предпосылки для по-

фигурой, в общем, одного порядка с раннегреческими бацилеями, как они изображены, например, у Гомера.

⁵⁸ См. об этом: *Маринович Л. П.* Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 208 сл.

⁵⁹ *Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989. С. 145.

⁶⁰ Например: *Зелинский Ф. Ф.* Указ. соч. С. 104; *Ладынин И. А.* Египетские идеологические представления в сообщениях Плутарха об Александре Македонском (Alex. 27; Aropht. reg. et imp. 180d) // Античность: политика и культура. Казань, 1998. С. 34–40. Наши возражения см.: *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания... С. 240–241.

⁶¹ *Versnel H. S.* Religion and Democracy // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 367–387.

явления эллинистической концепции божества. Это не может не отразиться и на способах сакрализации правителя. В качестве переходной фигуры выступает здесь спартанский наварх Лисандр – главный герой последнего этапа Пелопоннесской войны, победивший Афины и установивший гегемонию Спарты в Элладе. Сообщается, что «ему первому среди греков города стали воздвигать алтари и приносить жертвы *как богу* (курсив наш. – И. С.), и он был первым, в честь кого стали петь пеаны» (Duris ap. Plut. Lysandr. 18). Некоторые полисы учредили специальные празднества, посвященные Лисандру. В конце концов эти непомерные, божественные почести, воздаваемые Лисандру за пределами Спарты, пришли в настолько резкое несоответствие с его положением в самом спартанском государстве (он хотя и возводил свое происхождение к Гераклу, но не принадлежал ни к одной из двух династий, а стало быть, не мог претендовать на царский сан, оставаясь, несмотря ни на что, рядовым гомеем), что энергичный наварх задумал государственный переворот или, во всяком случае, план радикальных реформ, согласно которому царем мог стать любой Гераклид или, по другим сведениям, даже любой спартиат, выдающийся своей доблестью (Plut. Lysandr. 24). Он имел все основания рассчитывать, что при таких условиях власть достанется именно ему. Лисандр погиб в сражении в 395 г. до н. э., не успев реализовать задуманное, но, если бы переворот состоялся, итог был бы вполне предсказуем: в Спарте на смену традиционному институту басилеев пришел бы фактически тиранический режим, основанный на сакрализации не статусного, а лично-харизматического типа. Вот только теперь правитель уподоблялся бы уже не героям, как прежде, а богам.

Идя по стопам Лисандра, некоторые шаги по собственному обожествлению предпринимал македонский царь Филипп II (отец Александра Великого) после достижения гегемонии в Балканской Греции. Он распорядился соорудить в свою честь в Олимпии святилище Филиппей, приказывал нести свое изображение в процессиях вслед за изображениями олимпийских богов⁶². Таким образом, обожествление Александра и других эллинистических правителей вполне объяснимо в контексте развития собственно греческих религиозных воззрений, оно стало закономерным итогом этого развития.

Весьма характерен прием, оказанный в 307 г. до н. э. афинянами диадоху Деметрию Полиоркету, изгнавшему из города «тирана» – македонского ставленника Деметрия Фалерского – и объявившему о «восстановлении» (конечно, фиктивном) демократического правления. Афинский демос провозгласил Полиоркета «богом-спасителем» (заодно присвоив такой же статус и его отцу Антигону Одноглазому) и декретировал ему ряд соответствующих почестей (Plut. Demetr. 10–13; 23). Для жительства новому богу, как и подобает, был опреде-

⁶² Зелинский Ф. Ф. Указ. соч. С. 103.

лен главный полисный храм – Парфенон; в его честь было учреждено жречество, один из афинских праздников (Дионисии) переименовали в Деметрии; к «спасителю» обращались даже за прорицаниями, как к оракулу⁶³. До нас дошел отрывок из гимна, составленного афинянами для прославления Деметрия (ар. Duris FGrHist. 76. F13), и следует в интересующем нас контексте повнимательнее присмотреться к той мотивации обожествления диадоха, которую мы находим в этом памятнике. Другие боги, говорится в гимне, либо где-то далеко и не внемлют людям, либо их вообще нет; Деметрий же с нами, причем не в виде каменного или деревянного изображения, а собственной персоной, так кому же молиться, как не ему?

Данная мотивация самым непосредственным образом связана не столько с постулируемым проникновением восточных идей в античный мир, сколько с религиозными проблемами, давно уже встававшими перед греками. На протяжении классической эпохи в произведениях философов и поэтов становилась всё более настойчивой критика традиционных представлений о божестве. Начинало казаться, что «старые» боги не выполняют своих функций, и в подобной ситуации представлялось вполне естественным обзавестись «новыми». А кто мог лучше подойти на эту роль, чем герой-полководец, для которого, кажется, нет ничего невозможного? Священнодействия афинян по отношению к Деметрию, обычно расцениваемые как низкопоклонство и признак моральной деградации «льстивых потомков Фемистокла и Аристида»⁶⁴, в значительной степени явились просто манифестацией перемен в религиозном сознании – перемен, закономерно вызванных внутренними причинами, а не навязанных «извне».

Из сказанного можно видеть, что обожествление правителей в эллинистическом мире изначально базировалось (как и сакрализация тиранов в более раннее время) на чисто личностно-харизматической основе. Греки объявляли Александра Македонского, Деметрия Полиоркета или, скажем, Селевка Никатора богами постольку, поскольку это были Александр, Деметрий и Селевк – личности, масштабы которых по меркам полисной цивилизации действительно казались сверхчеловеческими. Впоследствии, однако, ситуация меняется: обожествление эллинистических монархов – и вот тут уже действительно следует говорить о восточном влиянии – имеет тенденцию из личностного превратиться в статусное и наследственное. Цари, среди которых во вто-

⁶³ О почестях, оказанных в Афинах Деметрию, см.: *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 73 сл. Характерно, что Деметрий был объявлен богом даже ранее того, как они с Антигоном официально приняли царский титул (в 306 г. до н. э.).

⁶⁴ Как выразился, правда по иному поводу, В. Н. Парфенов: *Парфенов В. Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 81.

рой половине эпохи эллинизма преобладали абсолютные бездарности, начинают причисляться к богам не за собственные заслуги, а в силу наличия титула.

Интересно, что в эпоху эллинизма мы обнаруживаем один феномен, диаметрально противоположный тому, что имело место в архаической Греции. Если в VII–VI вв. до н. э. мы встречали царей (басилеев), в целях укрепления своей легитимации менявших прежний статус на статус тирана, то теперь наблюдаем обратное: тиранов, которые – и опять же в целях укрепления легитимации – принимали царский титул. Именно так поступил в 306 г. до н. э. тиран Гераклеи Понтийской Дионисий, в 304 г. до н. э. – сиракузский тиран Агафокл, в начале III в. до н. э. (точное время неизвестно) – боспорский тиран Спарток III⁶⁵.

В эллинистическом мире наблюдается целый ряд новых черт в отношении населения к правителям по сравнению с полисной Элладой, что вполне понятно, поскольку теперь они представляли в образе не жрецов и даже не героев, а богов. Соответственно, появилась грань между правителем и другими людьми⁶⁶; развился полномасштабный культ предков царствующего монарха (впрочем, так и не ставший основой религиозной идеологии). Правитель мог отождествляться с различными богами, считаться их воплощением или сыном. В то же время верховным богом правитель в рамках эллинистической цивилизации не признавался, кажется, нигде и никогда. Были божества и «поважнее» его. Нельзя поэтому говорить применительно к эллинистическому царю обо всей полноте высшей сакральной власти, о полном контроле с его стороны над религиозной жизнью страны, над всеми жречествами и т. п. Государь из династии Птолемеев или Селевкидов мог быть «живым богом», но он не был *pontifex maximus*. В то же время «профанная» власть монарха являлась действительно абсолютной.

Чем больше обожествление царей с ходом времени из харизматического превращалось в статусное, тем меньшую роль играли их личные качества. Неудачливые и откровенно порочные цари II–I вв. до н. э. с такой же (если не

⁶⁵ Справедливости ради следует отметить, что уже и ранее (начиная с Левкона I, правившего в 389–349 гг. до н. э.) боспорские правители из династии Спартокидов в надписях именовались царями по отношению к завоеванным ими «варварским» народам, но по отношению к гражданам греческих полисов, входивших в их владения, носили титул архонта. По некоторым сведениям (Strab. VII. 310), тиран Перисад I (правил в 349–309 гг. до н. э.) был обожествлен (см.: *Шелов Д. Б. История // Античные государства Северного Причерноморья*. М., 1984. С. 14). Но для Боспора такого рода акция осталась редким исключением.

⁶⁶ Вполне закономерна ярко выраженная тенденция в матримониальной политике эллинистических монархов – заключать браки в кругу себе подобных (а подчас – и в рамках собственной семьи, как египетские Птолемеи).

большей) готовностью признавались богами, как их блистательные и пассионарные предки-диадохи.

Мы не могли, да и не ставили задачу в полной мере осветить (тем более решить) здесь все проблемы, связанные с сакрализацией правителя в Греции и греческом мире. Тому препятствовал отчасти недостаточный и фрагментарный характер источниковых данных, отчасти – ограниченный объем работы. Представлялось оправданным в первую очередь остановиться на тех сюжетах, которые либо не вполне ясны, либо дискуссионны, и меньше говорить о вещах очевидных. Вполне допускаем, что те или иные высказанные выше положения небесспорны, поскольку послуживший для них материал допускает и иные интерпретации. Теперь, в заключение, попытаемся обобщить рассмотренные феномены и процессы и проследить их динамику.

Применительно к архаической эпохе древнегреческой истории приходится говорить о двух принципиально различных моделях сакрализации правителя («модели басилея» и «модели тирана»). При этом вторая из названных моделей со всей несомненностью приходила на смену первой. Эту эволюцию можно охарактеризовать как путь от статусной сакрализации к личностно-харизматической⁶⁷. В V в. до н. э., т. е. в период, когда развитие классических полисных институтов и структур достигло своего апогея, места для режимов единоличной власти в Элладе практически больше не остались. Соответственно, обе модели сакрализации стали достоянием прошлого. Но уже в IV в. до н. э. в данной сфере наблюдаются новые явления, которые следует рассматривать в контексте становления эллинистических реалий («феномен Лисандра»).

Собственно же в эпоху эллинизма появляется новая модель («модель эллинистического монарха»), в рамках которой имеет место уже не обычная сакрализация или героизация, а обожествление правителя. При этом вектор эволюции направлен в противоположную по сравнению с периодом архаики сторону: обожествление эллинистических царей, имея первоначально личностно-харизматическую природу, постепенно перерождается в статусное. На смену движения «от статуса к харизме» приходит движение «от харизмы к статусу». Так эти два начала и противостоят друг другу на всем протяжении древнегреческой истории.

Упомянутые перемены, безусловно, самым непосредственным образом связаны с изменением общего типа социокультурной, политической и ментальной организации. Становление классического полиса, его кризис («предэллинизм»), появление эллинистических монархий в результате завоеваний Александра, их «ориентализация» с течением времени, соответствующие трансфор-

⁶⁷ Это соответствует общему стремительному нарастанию личностного начала, характерному для архаической Греции (см. об этом: *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии... С. 101 сл.).

мации общественного сознания – всё это не могло не накладывать отпечаток на формы религиозно-политической идеологии.

Как известно, существование эллинистических государств было оборвано насильственным путем, и можно только строить предположения о том, какие потенции дальнейшего развития сакрализации власти проявились бы в этих социумах, если бы им было предоставлено и впредь развиваться органически. Теоретически возможными нам представляются два основных варианта. Либо поступательная ориентализация привела бы к окончательному формированию законченно «восточных» структур в их теократическом типе. Либо вмешался бы новый, непредвиденный фактор (ведь речь, не забудем, идет об эллинах, которые всегда готовы были поразить окружающий мир какой-нибудь неожиданностью), и эволюция вновь пошла бы вспять – «от статуса к харизме», как бы наглядно иллюстрируя идеи некоторых древнегреческих теоретиков о «политическом круговороте» и «вечном возвращении». А скорее всего, и те и другие потенции переплелись бы в своей актуализации, что породило бы весьма сложный конгломерат античных и восточных, «европейских» и «азиатских» представлений и практик. Последующая история Византии, возникшей на территории бывшего эллинистического мира, кажется, дает основания для такого утверждения.

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫЧЕСКОЙ ПОЛИТЕИСТИЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ ЭЛЛИНОВ НА ПРОЦЕССЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА В АРХАИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ*

Мы в своем анализе будем исходить из того представляющегося нам совершенно несомненным положения, что в архаических социумах, где мировоззрение людей являлось безальтернативно религиозным (в том плане, что неверующих не было, феномен атеизма просто еще не появился), это обстоятельство не могло не накладывать отпечаток на все аспекты жизни общества, в том числе и на процессы политогенеза. Конечно, данный тезис, максимально общий и абстрактный (в какой-то степени даже тривиальный), сам по себе не выглядит особо содержательным и мало что дает; мы используем его именно как необходимое основание, как некий «угол взгляда» для перехода уже к конкретным соображениям. Действительно, если безусловно верно, что религия влияет на политогенез, то, значит, и характер практикуемой в данном обществе религии тоже на него влияет, а, стало быть, вопрос надлежит ставить уже следующим образом: каким образом он на него влияет, в чем это выражается, к каким результатам приводит? Разумеется, ответы будут самыми разнообразными для различных архаичных социумов, существовавших в мировой истории.

Здесь речь пойдет об античной, полисной Греции на достаточно ранних стадиях протекавшего в ней политогенеза – в архаическую эпоху (VIII–VI вв. до н. э.). Следующую, классическую эпоху мы сознательно не затрагиваем (так сказать, «для чистоты эксперимента»), поскольку в V–IV вв. до н. э. в Элладе уже начали появляться отдельные атеисты (пусть даже это течение мысли и оставалось тогда уделом единиц, никак не проникавшим в массовое сознание). Также сразу оговорим, что никакого исчерпывающего «ответа» в рамках кратких тезисов, разумеется, не может быть дано; приходится ограничиться некоторыми (как нам кажется, немаловажными) наблюдениями.

Теперь – еще две «константы», с которыми вряд ли кто-нибудь будет спорить. Во-первых, главной чертой древнегреческой языческой религии был политеизм (еще одной ее важной чертой был доведенный до *pes plus ultra* антропоморфизм, но это нас здесь меньше будет интересовать). Во-вторых, главной

* Впервые опубликовано в: Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. М., 2014. С. 256–262.

чертой древнегреческого политогенеза рассматриваемого периода является складывание государств в уникальной форме полисов, и это неизбежно влекло за собой политическую раздробленность страны. То, что эти две специфические черты как-то связаны между собой, однозначно вытекает из вышеизложенного. Как и в чем они были связаны – вот об этом имеет смысл рассуждать. При этом будем учитывать, что греческий политеизм возник раньше полисного строя: уже в памятниках II тыс. до н. э. (таблички линейного Б) упоминаются имена многих эллинских богов и богинь, хорошо известных в последующие эпохи, – Зевса, Посейдона, Афины, Артемиды, Гермеса, Гефеста и др.¹ Стало быть, вопрос о направленности влияния тоже вполне ясен.

Если прибегнуть к компаративистике, сразу бросается в глаза следующий усложняющий ситуацию нюанс. Религии древнего мира, за редчайшими исключениями, все были политеистическими. Это можно сказать о религиозных воззрениях египтян, жителей Месопотамии, хеттов, индийцев, и т. д., и т. п. Полисы же сложились именно в Греции. Хотя, несомненно, те или иные типы городов-государств мы встречаем в различных ранних цивилизациях², но, в-первых, отнюдь не всякий город-государство есть полис, во-вторых же, среди древних цивилизаций с политеистическими религиями было немало и таких, в которых мы не встретим городов-государств.

Итак, перейдем к эллинской специфике. Естественно, что отношения между религией и политогенезом в архаической Греции весьма часто исследовались в литературе, и здесь нет никакой возможности сослаться даже хотя бы только на основные работы. Можем позволить себе указать лишь на то, что наиболее важна монография французского ученого Ф. де Полиньяка³; ряд весьма интересных мыслей имеется также в некоторых других этапных книгах по греческой архаике⁴.

¹ Молчанов А. А., Нерозник В. П., Шарыпкин С. Я. Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию). М., 1988. С. 57.

² См., как наиболее репрезентативный труд по этой проблематике, коллективную монографию: *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures*. Copenhagen, 2000 (с дополнением: *A Comparative Study of Six City-State Cultures*. Copenhagen, 2002).

³ Polignac F. de. La naissance de la cité grecque: Cultes, espace et société VIIIe – VIIe siècles avant J.-C. P., 1984. Имеется дополненное английское переиздание: *Polignac F. de. Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State*. Chicago, 1995.

⁴ Snodgrass A. *Archaic Greece: The Age of Experiment*. L., 1980; Morris I. *Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State*. Cambridge, 1987; Osborne R. *Greece in the Making, 1200–479 B.C.* L.; N. Y., 1996; Thomas C. G., Conant C. *Citadel to City-State: The Transformation of Greece, 1200–700 B.C.E.* Bloomington, 1999; Coldstream J. N. *Geometric Greece: 900–700 BC*. 2nd ed. L.; N. Y., 2003.

В результате исследования источникового материала (нарративного, археологического, эпиграфического и др.), предпринятого перечисленными (и многими другими) антиковедами, предельно четко вырисовался тот факт, что формирование архаического греческого полиса имело не только чисто политическое, но и религиозное измерение. В VIII–VII вв. до н. э. в Элладе начали появляться полисы, и с этим синхронно совпадает (понятно, что совпадение отнюдь не является случайным) возведение первых монументальных храмов. До того обходились без таковых, да и в целом, по всему видно, культ имел больше частный, чем государственный характер и сосредоточивался вокруг кладбищ и могил; при похоронах с умершим погребали обильный и богатый инвентарь. Последний обычай с появлением храмов довольно быстро сходит на нет.

Как всем прекрасно известно, каждый из греческих полисов считал кого-то из многочисленных богов и богинь своим покровителем (или покровительницей). Таковы для Афин Афина, для Коринфа Афродита, для Аргоса Гера, для Дельф Аполлон и т. д. Правда, здесь мы не встречаем еще ничего сугубо уникального: городские боги имелись и в Месопотамии, и в Египте.

Применительно же к Греции заметим: как правило, на роль такого покровителя привлекался все-таки кто-нибудь из главных, олимпийских божеств. Мало было таких случаев, как, скажем, Лампсак, в котором в качестве полисного бога почитался второстепенный Приап (Paus. IX. 31. 2). Число же олимпийских божеств было, как понятно, несопоставимым с количеством возникавших в Греции полисов. В результате неизбежны были ситуации своеобразного «дублирования», когда один и тот же «небожитель» покровительствовал нескольким городам. Так, Гера почиталась в Аргосе и на Самосе, Афродита – в Коринфе и в Книде, Артемида – в Эфесе и в ряде полисов Аркадии, Аполлон – в Дельфах, на Делосе, в Милете, в Пантикапее... Это буквально несколько примеров, приведенных в чисто иллюстративных целях, а в принципе их число можно было бы множить и множить.

Данная черта представляется уже более показательной и характерной, не находящей параллелей (или, во всяком случае, полномасштабных параллелей) в тех же Египте либо Месопотамии. Она связана, несомненно, в первую очередь с тем, что в количественном отношении в Греции городов-полисов было многократно больше, нежели городских центров в упомянутых древневосточных регионах, в которых, если так можно выразиться, богов хватало на все города, а в Греции – не хватало. И действительно, когда Копенгагенским центром по изучению полиса под руководством выдающегося ученого М. Хансена был воплощен в жизнь грандиозный проект – составлен полный каталог полисов, существовавших на протяжении архаической и классической эпох⁵, всего их

⁵ An Inventory of Archaic and Classical *Poleis*. Oxf., 2004.

насчиталось 1 035. При этом, конечно, учитывались не только города в самой Элладе, но и колонии, основанные греками за ее пределами, но только такой подход и был уместен. Ведь полисы колониальной зоны ничем принципиально не отличались от полисов метрополии, в том числе и в религиозном плане: у них тоже были божества-покровители.

Но вот парадокс: при этом нельзя сказать, что в Дельфах и в Пантикапее почитался абсолютно один и тот же Аполлон, в Эфесе и в Аркадии – абсолютно одна и та же Артемида и т. п. Нет, они различались эпиклезами, которые были чем-то бóльшим, чем простые культовые эпитеты; эпиклезы порождали как бы самостоятельные сущности, отдельные, четко отличавшиеся друг от друга «ипостаси» божества. Для массового религиозного сознания подобный ход мысли вообще очень характерен, что показывает даже и знакомая нам всем практика православного христианства. Так, различные чтимые иконы Богородицы воспринимаются многими рядовыми верующими (не имеем здесь в виду, конечно, ученых богословов) тоже в какой-то мере как самостоятельные сущности, Богоматерь Казанская – не вполне то же самое, что Богоматерь Владимирская, или Федоровская, или Донская... «Ты какой Богородице свечку ставишь?» – приходилось нам слышать в православном храме.

В язычестве с его традиционной множественностью божеств описанное тут дальнейшее разделение а fortiori уместно встретить. Так, в Дельфах почитался Аполлон Пифийский, а в Пантикапее – Аполлон Иатрос (что, видимо, все-таки наиболее резонно понимать как «Врач»). Аркадская Артемида весьма сильно отличалась от Артемиды Эфесской: в изображениях первой подчеркивается ее девственность, стройный, юный облик, а вторую наиболее адекватно воплощает стоявший в ее эфесском храме древний идол, представлявший богиню многогрудой – таким символом материнства⁶.

Принципиально важным моментом (хотя в большинстве случаев лишь с трудом поддающимся изучению) является именно связь эпиклезы со статуей. Рискнем предположить, что, как правило, статуя божества была первичной.

⁶ См.: Кузьмина Ю. Н. Синкретичность культа Артемиды Эфесской // *Antiquitas iuventae*. Саратов, 2007. С. 63–68; Burkert W. Die Artemis der Epheser: Wirkungsmacht und Gestalt einer grossen Göttin // 100 Jahre österreichische Forschungen in Ephesos. Wien, 1999. S. 59–70 (со странной теорией, согласно которой это не груди, а “Stierhoden”); Суриков И. Е. Удаляющиеся амазонки (Гендерная мифология и гендерная география в древнегреческих потестарных представлениях) // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. № 17. 2009. С. 7–39 (с опровержением этой теории); в целом об эволюции представлений об Артемиде см. также: Cole S. G. Domesticating Artemis // *The Sacred and the Feminine in Ancient Greece*. L.; N. Y., 1998. P. 24–38; Petrovic I. Transforming Artemis: from the Goddess of the Outdoor to City Goddess // *The Gods of Ancient Greece: Identities and Transformations*. Edinburgh, 2010. P. 209–227.

Храм воспринимался как жилище бога (богини), где он (она) обитал(а) именно в облике своей храмовой статуи. Каждая такая статуя была, естественно, единичной и уникальной, из чего выросло и представление об уникальности данной «ипостаси» самого божества.

Вот конкретный пример. В Афинах с незапамятных времен чтился древний кумир Афины, именовавшийся палладием. В связи с ним бытовало предание, что это тот самый палладий, который вывезли из Трои победители-греки, а потом он-де некими окольными путями попал в Афины (некоторые другие полисы, заметим, тоже претендовали на обладание «истинным» палладием). С течением времени этот палладий стал пониматься как Афина Полиада («Градохранительница»), возник соответствующий культ. Этот пример парадигматичен. Возникали полисы; в них создавались храмы – именно как вместилища чтимых статуй. Сама по себе постройка храма была в некоторой степени легитимацией полиса. Полис выступал в данной связи не только как коллектив граждан, но и как коллектив лиц, коллективно же почитающих конкретное божество в его конкретной ипостаси (воплощенной конкретным идолом), например Афины Полиады, Артемиду Эфесскую, Аполлона Амиклейского (его архаическая статуя огромного размера была всё время видна спартанцам и тем самым постоянно напоминала о себе) и др.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В АФИНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В IV В. ДО Н. Э. (В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ПРЕДЭЛЛИНИЗМА)

В свое время автор этих строк выпустил в свет монографию, специально посвященную религиозности афинян во второй половине V в. до н. э.¹ В названной книге, надеемся, нам удалось показать, что в сфере религиозного сознания на протяжении обозначенного хронологического отрезка (и чем дальше, тем больше, особенно в годы Пелопоннесской войны) имели место жесточайшие кризисные процессы. Имеет смысл проследить, как ситуация развивалась в дальнейшем, чему мы и планируем посвятить данную работу.

Предварительно одна необходимая оговорка. В нашей монографии 2002 г. чрезвычайно большое место занимал анализ взглядов драматургов, творивших во второй половине V в. до н. э., – Софокла, Еврипида и Аристофана. Это представлялось нам оправданным, поскольку, как прекрасно известно, театр в Афинах был воистину всенародным искусством, и писатели, трудившиеся на этой ниве, в наибольшей степени могли претендовать на адекватное отражение общего мировоззрения гражданского коллектива (в отличие, скажем, от поэтов-лириков, у которых всегда гораздо сильнее элемент личной, индивидуальной позиции).

К глубокому сожалению, для IV в. до н. э. таким же благодатным для исследования материалом мы совершенно не располагаем. Театр Диониса продолжал исправно функционировать, в нем, как и прежде, ежегодно давались представления, писались и ставились произведения как в трагическом, так и в комическом жанре², – но для нас всей этой литературы просто не существует. Не сохранилось ни одной трагедии, относящейся ко времени после Еврипида, и ни одной комедии для промежутка между Аристофаном и Менандром, работавшим уже в эллинистическую эпоху (да и от Менандра-то дошли лишь жалкие крохи). Особенно досадно, что полностью утрачено наследие авторов средней аттической комедии, которое могло бы быть особенно интересным именно для нашей проблематики, ибо тогдашние комедиографы особенно ча-

¹ Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002.

² В плане чисто количественном их было даже больше, чем в V в. до н. э. Так, для IV в. до н. э. известны по названиям около 1 260 трагедий 40 авторов – огромная цифра!

сто брали для своих драм религиозно-мифологические сюжеты, подавая их в пародийном ключе³.

Причина подобного удручающего положения вещей, говоря в самом общем виде, заключалась в том, что сами афиняне IV в. до н. э. ощущали свое время как упадочное (этакий «декаданс»), а предыдущее столетие – как некую великую эру. Этот общий взгляд распространялся и на культуру, на литературу. Соответственно, к сочинениям авторов V в. до н. э., воспринимавшихся как классики, относились трепетно и бережно, лучшие из них стремились сохранить для потомков (в частности, именно тогда, в годы лидерства Ликурга, был составлен канонический сборник главных шедевров Эсхила, Софокла и Еврипида, впоследствии оказавшийся в Александрийской библиотеке). Произведения же современников никакого пиетета не вызывали и, как следствие, канули в Лету⁴.

Из этого и приходится исходить. Таким образом, для рассмотрения интересующего нас круга вопросов приходится привлекать данные иного рода, прямые и косвенные. Такие данные, впрочем, все-таки в определенном количестве имеются, так что некоторую достаточно репрезентативную картину, мы надеемся, удастся реконструировать.

* * *

В 1992 г. в итальянском курортном местечке Белладжо прошел международный симпозиум антиковедов по теме «Афинская демократия в IV в. до н. э.: совершенствование или упадок формы государственного устройства?». Через три года были изданы его материалы, составившие объемистый том⁵. Мероприятие оказалось на редкость представительным по составу: практически все его участники являлись видными учеными, многие – «грандами» с мировым именем (Дж. Дейвис, К. Моссе, Э. Бадриан, П. Родс, Г. Тюр и др.); соответственно, итоговый сборник стал в полном смысле слова этапным трудом, во многом направившим на новые пути исследования по тематике, которая в нем рассматривалась.

Как видим, уже в подзаголовке и симпозиума, и книги был поставлен четко сформулированный вопрос альтернативного типа, на который специалистам предлагалось ответить. Большинство склонилось к первому варианту ответа,

³ Это широко известный, никем не оспариваемый факт. См. хотя бы: *Тронский И. М.* История античной литературы. 5-е изд. М., 1988. С. 165.

⁴ Подробнее к этой проблематике: *Seidensticker B.* Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // AD. S. 175–198.

⁵ *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 1995. Общую оценку сборника см.: *Суриков И. Е.* Новая концепция афинской истории IV в. до н. э. // ВДИ. № 4. 1996. С. 235–245.

на тот момент звучавшему нетривиально и даже полемически-заостренно. Иными словами, возникла мысль отказаться от традиционной концепции, согласно которой IV в. до н. э. был для Греции в целом и для Афин в частности временем кризиса, негатива, и взамен того обратить большее внимание на позитивные черты, свойственные эпохе. Говорили в данной связи о «смене парадигм». Даже, например, К. Моссе, в прошлом принадлежавшая к числу самых решительных адептов идеи «кризиса IV века», встала теперь на едва ли не противоположные позиции⁶.

Однако же некоторые из работ, вошедших в сборник, прозвучали ощутимым диссонансом к его общему тону. В частности, в число таковых вошли две статьи по религиозной проблематике, подготовленные К. Ауффартом и Х. Ферснелом⁷. Оба этих автора ни в малейшей мере не проявили желания отбросить понимание IV в. до н. э. как кризисного столетия.

Так, Ферснел ставит вопрос следующим образом: проявилось ли как-либо влияние афинской демократии как политической системы на религию в V и/или IV в. до н. э., имела ли место демократизация религиозных практик? Проанализировав с этой точки зрения представления о богах, особенности культа, иконографию классической эпохи, ученый дает на вопрос однозначно отрицательный ответ. Отнюдь не опровергая общепринятого и вполне правомерного представления о теснейшей связи между религией и государством, религией и политикой в античном мире, он отмечает, что почти ничего специфически демократического в афинской религии рассматриваемого времени не было. «В области мифа и ритуала афиняне были скорее националистами и патриотами, чем демократами»⁸. В организации культа не наблюдается каких-либо демократических элементов⁹, равно как нет и «демократизации» афинского

⁶ Mossé C. La classe politique à Athènes au IVeme siècle // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 67–77.

⁷ Auffarth Chr. Aufnahme und Zurückweisung «Neuer Götter» im spätklassischen Athen: Religion gegen die Krise, Religion in der Krise? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 337–365; Versnel H. S. Religion and Democracy // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 367–387. Голландский ученый Х. Ферснел является ныне одним из крупнейших специалистов в области изучения древнегреческой религии. См., например, его фундаментальный труд: Versnel H. S. Coping with the Gods: Wayward Readings in Greek Theology. Leiden; Boston, 2011.

⁸ Versnel H. S. Religion and Democracy... S. 369.

⁹ А вот это утверждение, пожалуй, все-таки слишком категорично. Подмечено, что с середины V в. до н. э. (т. е. как раз с того времени, когда афинская демократия приобретает развитую форму) некоторые вновь учреждаемые жречества выглядят более демократичными, чем старинные, родовые: замещать их получает право любое лицо из афинян посредством жеребьевки. См.: Aleshire S. B. The Demos and the Priests: The Selection of Sacred Officials at Athens from Cleisthenes to Augustus // Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic

пантеона. Божества, обычно считающиеся покровителями демократии (эпонимы фил¹⁰, богиня убеждения Пейто, Зевс Элевтерий), на деле связаны не с конкретным типом государственного устройства, а с полисными структурами как таковыми; они встречаются также и в олигархических политиях.

В Афинах зафиксирован культ богини Демократии¹¹, но лишь с 330-х гг. до н. э., то есть на самом закате демократической политической системы. Для еще более позднего, эллинистического времени есть свидетельства о культе Демоса. В то время и «демократия», и «демос», в сущности, стали уже пустыми словами, оба понятия девальвировались, и тот строй, который существовал в афинском полисе, хоть официально и считался демократией, но в реальности представлял собой обычную олигархию¹². Характерный факт: в 302 г. до н. э. «живому богу» Деметрию Полиоркету, безраздельно распоряжавшемуся судьбами афинян, последние ставят статую рядом со статуей Демократии.

Только в связи с двумя случаями Ферселл согласен признать значительное влияние демократической идеологии на религию: это культы Тесея, а также «тираноубийц» Гармодия и Аристогитона. Впрочем, мы бы даже и в этом вопросе не вполне согласились. «Тираноубийцы» (кстати, являвшиеся выходцами отнюдь не из среды демоса, а из аристократии) почитались¹³ в равной мере и знатными афинянами, и почитались (что явствует уже из прилагавшегося к ним эпитета) как освободители города от тирании (каковыми они, кстати сказать, не были), а не как создатели именно народоправства (каковыми они

Accounts Presented to D. Lewis. Oxf., 1994. P. 325–337; *Blok J. H.* Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // *Historia*. Bd. 58. Ht. 2. 2009. S. 141–170; *Lambert S.* A Polis and its Priests: Athenian Priesthoods before and after Pericles' Citizenship Law // *Historia*. Bd. 59. Ht. 2. 2010. S. 143–175.

¹⁰ Строго говоря, эпонимы считались героями, а не богами. В каких-то случаях проведение различия между этими двумя категориями имеет принципиальное значение (*Суриков И. Е.* Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н. э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. 2–3. М., 2005. С. 11), но не в этом.

¹¹ *Tzachou-Alexandri O.* Personifications of Democracy // *The Birth of Democracy: An Exhibition Celebrating the 2500th Anniversary of Democracy*. Athens, 1993. P. 149–155; *Τζάχου-Αλεξάνδρη Ο.* Πολιτικές προσωποποιήσεις // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 1994. P. 55–72.

¹² Подробнее см.: *Суриков И. Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С. 304 сл.

¹³ О культе Гармодия и Аристогитона в Афинах написано, естественно, много. Сошлемся на новейшую работу, из которой можно почерпнуть и указания на предыдущие: *Shear J. L.* The Tyrannicides, their Cult and the Panathenaia: A Note // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 132. 2012. P. 107–119.

не были тем более). Тесей же¹⁴ был популярной фигурой уже в VI в. до н. э., до всякой демократии. В V в. до н. э. его популярность еще более возросла, но опять же в связи с созданием и ростом Афинской архэ, а не с развитием демократической системы.

В любом случае более чем правомерны сомнения по поводу того, что чисто политический феномен – а именно таким является демократия – способен оказывать прямое, непосредственное влияние на религиозную жизнь. Особенно если учитывать, что феномен этот имел относительно недавнее происхождение, а религия, напротив того, всеми своими корнями уходила в глубокую древность. Повлияло ли, скажем, установление советской власти на богослужение и теологию Русской Православной Церкви? Конечно же, нет; хотя попытки в этом духе и предпринимались (движение «обновленчества» в 1920-х гг.), но они потерпели полное фиаско.

Вопрос надлежит ставить иначе: повлияли ли на афинскую религию кризисные явления, характерные для IV в. до н. э.? И вот тут, нам кажется, ответ будет скорее положительным. Ведь кризис классического полиса – это феномен, в отличие от той же демократии, не чисто политический. Всё говорит о том, что он имел комплексный характер, охватил буквально все сферы тогдашнего бытия¹⁵. Странно было бы, если бы религиозная сфера ускользнула от его воздействия. На том, что кризис на ней отразился, из вышеупомянутых авторов особенно настаивает К. Ауффарт; не случайно он даже в заголовок своей статьи ввел формулировку «религия против кризиса, религия в кризисе».

Это верно отражает противоречивую диалектику эпохи. С одной стороны, религия – система институтов, по самой своей природе насквозь проникнутая началами традиционализма, консерватизма, стабильности, – действительно может в связи с этим служить (и часто служит) действенным противовесом кризисным процессам распада (которые столь часто выдают себя за «прогресс»!). С другой же стороны, и понятие «религиозный кризис» отнюдь не чуждо истории. Кризисами такого рода являлись, например, и смена язычества христианством в Римской империи IV в., и Реформация в Западной Европе XVI в., и Раскол в истории русского православия XVII в.

Религиозный кризис в Греции конца полисной эпохи не достиг, конечно, такого же накала. Старая религия не погибла, на смену ей не пришла новая.

¹⁴ Что касается культа Тесея, о нем написано просто *очень* много. Отметим лишь монографические исследования из числа относительно недавних: *Calame C. Thésée et l'imaginaire athénien: Légende et culte en Grèce antique*. Lausanne, 1990; *Walker H. J. Theseus and Athens*. Oxf., 1995; *Mills S. Theseus, Tragedy and the Athenian Empire*. Oxf., 1997.

¹⁵ Нашу точку зрения на «кризис IV века» см.: *Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи*. Година междоусобиц. М., 2011. С. 9–66.

В Зевса, Аполлона, Афродиту продолжали верить и в дальнейшем¹⁶. И тем не менее изменения были все-таки серьезны. Религиозные концепции и практики эллинистического времени, что и говорить, существенно отличаются от тех, что преобладали у греков ранее¹⁷. Однако они все-таки не родились из ничего, и, наряду с чертами дисконтинуитета, обнаруживаются также и черты преемственности, обусловленности новых реалий старыми. Да и сам дисконтинуитет – в той мере, в какой он наличествовал, – должен быть как-то объяснен. Об этом мы в дальнейшем и будем говорить.

Есть удачное слово «трансформация» (русская калька «преобразование» звучит как-то не столь весомо). Его теперь применяют даже к более масштабным комплексам перемен, как, например, при переходе от ахейской Греции к полисной¹⁸. Как прекрасно оно подходит к тем процессам, которые свершались в эллинском мире в IV в. до н. э.!

Это столетие – закат большой исторической эпохи. Но в том-то и суть периода трансформации, что он сочетает в себе черты заката одной эпохи и восхода другой, – суждение, не претендующее на оригинальность. Но тривиальным суждениям не отказано в праве быть истинными¹⁹, и не порок – иной раз их напомнить, особенно в ситуации, когда даже не всякий специалист задум-

¹⁶ Слово «верить» употребляем, конечно, *cum grano salis*. Строго говоря, концепция «веры» была чужда греческой полисной религии. Это ранее отмечалось и нами (Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания... С. 37), и многими другими. Укажем хотя бы на суждение В. Буркерта – даже не просто выдающегося, а в полном смысле слова великого антиковеда-религиоведа: *Burkert W. Greek Poleis and Civic Cults: Some Further Thoughts // Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 1995. P. 205.*

¹⁷ Стара, но по-прежнему интересна книга (ссылаемся на переиздание): *Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма. Томск, 1996.* Фундаментальным по данной тематике остается труд: *Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. Bd. 2. Die hellenistische und römische Zeit. München, 1950.* См. также в связи с эллинистической религией: *Potter D. Hellenistic Religion // A Companion to the Hellenistic World. Oxf., 2003. P. 407–430; Mikalson J. D. Greek Religion: Continuity and Change in the Hellenistic Period // The Cambridge Companion to the Hellenistic World. Cambridge, 2006. P. 208–222; Chaniotis A. Religion und Mythos // Kulturgeschichte des Hellenismus: Von Alexander dem Großen bis Kleopatra. Stuttgart, 2007. S. 139–157.*

¹⁸ *Thomas C. G., Conant C. Citadel to City-state: The Transformation of Greece, 1200–700 B.C. Bloomington, 1999; Суриков И. Е. «Темные века» в Греции (XI–IX вв. до н. э.) – первый переходный период в истории европейской цивилизации // Переходные периоды во всемирной истории: трансформация исторического знания. М., 2012. С. 13–38.*

¹⁹ Мы все смеемся над чеховским учителем Ипполитом Ипполитовичем, изрекавшим «максимы» вроде «Волга впадает в Каспийское море», «Лошади кушают овес и сено»... Наш смех, однако, никоим образом не означает (и все это понимают), что Волга в один прекрасный момент будет впадать в Карибское море, а лошади начнут есть, допустим, бычков в томате.

мывается над тем, что представляется на первый взгляд вполне естественным ходом событий, а на деле оказывается коллизией.

К чему мы ведем? Еще до гибели некоего «старого мира» в нем начинают пробиваться ростки нового (это суждение – пока еще из ряда тех же банальностей, напоминающих набивший оскомину марксизм, но просим чуть-чуть подождать, пока мы не доведем до конца начатый ход мысли). То новое, о котором здесь идет речь (а это, естественно, эллинизм, знаменовавший конец традиционного полиса), у автора этих строк по ряду причин не вызывает ровно никакого восхищения²⁰, но фиксировать эту новизну совершенно необходимо – с того самого момента, когда она начинает обнаруживаться.

Совокупность процессов и событий, имевших место на том хронологическом отрезке, который здесь рассматривается (IV в. до н. э.), являла собой феномен в полном смысле слова двойственный. С одной стороны, следует говорить о кризисе классического полиса, с другой – о формировании предпосылок эллинизма (это то, что можно назвать предэллинизмом). Иными словами, главное содержание обозначенного исторического периода – именно некая двуединая ситуация.

В литературе о IV в. до н. э. чаще концентрируются на «одной стороне медали» (был ли кризис или не был?) и меньше говорят о другой проблеме, о предэллинизме. Этот термин порой вызывает даже как бы некоторое раздражение²¹, вплоть до того, что раздаются призывы вовсе от него отказаться, поскольку он не имеет никакой эвристической ценности и не соответствует какому-либо реальному явлению²². С последней точкой зрения, как ясно из вышесказанного, мы не можем согласиться, но и чрезмерно расширительное, расплывчатое употребление понятия «предэллинизм» нам не близко.

В целом солидаризируясь с данным К. К. Зельным определением эллинизма как конкретно-исторического явления²³, мы должны при этом принципиально подчеркнуть: не следует путать конкретно-историческое явление с исто-

²⁰ Почему это так, ясно будет, надеемся, из следующих наших высказываний: *Суриков И. Е.* Солнце Эллады... С. 304 сл.; *Он же.* Греческий полис архаической и классической эпох // *Античный полис: Курс лекций.* М., 2010. С. 22 сл.

²¹ Оно чувствуется, например, в таких работах, как: *Завойкин А. А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // *Древности Боспора.* Т. 4. 2001. С. 150–181; *Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // *ВДИ.* № 1. 2003. С. 11–35.

²² *Габелко О. Л.* Еще раз о проблеме «предэллинизма» // *Политика, идеология, историческое описание в римско-эллинистическом мире.* Казань, 2009. С. 171–181.

²³ *Зельн К. К.* Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) // *ВДИ.* № 4. 1947. С. 145–156.

рической случайностью, с чем-то, наступившим вдруг и неизвестно почему. Возникновение эллинизма, разумеется, имело свои предпосылки; в этой-то связи и уместно введение категории «предэллинизма» как процесса закладывания таких предпосылок.

О какого рода предпосылках идет речь? Это зависит от того, что мы выдвигаем как главное в эллинизме. О. Л. Габелко, недавно посвятивший специальную работу проблеме предэллинизма и в целом весьма скептически относящийся к самому этому понятию (оно «не является адекватным средством, способствующим концептуальному осмыслению феномена эллинизма»²⁴), считает «реальным показателем существования эллинизма... в том или ином регионе *греко-варварский синтез*»²⁵.

Однако бросается в глаза то обстоятельство, что здесь в качестве черты, основополагающей для эллинизма как такового, выдвигается особенность, на деле характерная лишь для обществ эллинистического Востока. Попробуем опровергнуть ключевой тезис О. Л. Габелко путем *reductio ad absurdum*.

Следуя логике исследователя, получается: если в каком-либо регионе античного мира рассматриваемой эпохи вообще не фиксируется вышеупомянутый греко-варварский синтез, то, стало быть, в этом регионе не было и эллинизма.

Так ли это? Но в подобном случае мы должны решительно отказаться от таких, например, словосочетаний, как «эллинистическая Греция» и «эллинистическая Македония». Если, конечно, не считать, что взаимоотношения греков и македонян – это тоже вариант «греко-варварского синтеза». Но так, разумеется, никто не думает, и когда говорят о пресловутом синтезе (будь то О. Л. Габелко или любой другой исследователь), имеют в виду, конечно, взаимоотношения эллинов с восточными «варварами» – в основном жителями бывшей Ахеменидской державы.

А синтеза в этом духе Балканская Греция, разумеется, не знала, это всем известно. И тем не менее выражения «эллинистическая Греция», «эллинистическая Македония» – вполне общепринятые, от них не отказываются и не от-

²⁴ Габелко О. Л. Указ. соч. С. 171.

²⁵ Там же. Курсив принадлежит О. Л. Габелко. Автор указывает, что следует в данном вопросе мнению К. К. Зельина, но почему-то не приводит ссылок на последнего – ни в этом месте своей работы, ни в каком-либо другом. Что же касается самого Зельина, то он, насколько можно судить, старался избегать этого чрезмерно прямолинейного (и, честно говоря, не очень понятного) выражения – «греко-варварский синтез», предпочитая формулировки более тонкие (например: «Эллинизм представлял собою сочетание и взаимодействие эллинских и местных элементов экономического строя, социальных и политических отношений, учреждений, обычаев, представлений и верований»: Зельин К. К. Указ. соч. С. 147).

кажутся, ибо нет в этом никакого резона. Названные регионы были неотъемлемой частью эллинистического мира как системы.

Рассуждения о возможности «нулевой степени синтеза», которые нам доводилось слышать от О. Л. Габелко, совершенно не убеждают. И действительно, мы признаём некий признак ключевым для интересующего нас (в данном случае неважно какого) феномена, необходимым условием его существования; а потом вдруг подспудно допускаем, что в каких-то случаях этот признак может присутствовать в «нулевой степени», иными словами... не присутствовать совсем?! Допустим, мы соглашаемся, что рыба обязательно должна иметь жабры, но при этом утверждаем, что бывают рыбы, у которых жабры выражены в «нулевой степени», то есть рыбы без жабр?! Тогда мы впали бы во внутреннее противоречие. Кажется, встречаются двоякодышащие рыбы; но рыб вовсе без жабр, конечно, быть не может, иначе подобное животное просто не будет относиться к рыбам. Полагаем, всё достаточно просто.

Таким образом, если мы хотим найти действительно ключевую черту, общую для всех эллинистических государств при их пестром разнообразии (в том числе имея в виду и Грецию, которая нам наиболее интересна), приходится признать, что греко-варварский синтез такой чертой не является (эллинизм мог существовать и независимо от такого синтеза), и, стало быть, необходимо продолжать поиск, но в каком-то ином направлении.

Вкратце изложим нашу собственную точку зрения на эту проблему. Насколько можно судить, между полисным, доэллинистическим этапом древнегреческой истории и этапом эллинистическим пролегает резкая грань. Перед нами – как бы два сильно отличающихся «мира», и перемены коснулись в первую очередь социально-политической психологии, что уже, в свою очередь, отразилось на формах государственного устройства и т. д.

Основной вектор интересующих нас изменений в менталитете²⁶ можно определить как путь «от гражданина к подданному». Этот процесс хорошо прослежен в исследовательской литературе на материале римской истории, но не приходится сомневаться в том, что он имел место также в греческом мире, хотя и обладал там своей спецификой²⁷.

Поясним суть данной формулировки. Применительно к полисной эпохе основополагающими для Эллады были категории гражданина и гражданства. Хронологически их формирование, можно сказать, в точности совпадает

²⁶ О менталитете, в частности, афинян этой эпохи см.: *Leppin H.* Theophrasts «Charaktere» und die Bürgermentalität in Athen im Übergang zum Hellenismus // *Klio*. Bd. 84. Ht. 1. 2002. S. 37–56.

²⁷ На эту специфику обращается внимание в работе: *Павловская А. И.* «От гражданина к подданному» – имел ли место этот процесс в Греции в IV в. до н. э.? // *ВДИ*. №4. 1998. С. 15–29.

со становлением феномена полиса²⁸. Можно назвать полис корпорацией граждан, сплотившейся перед лицом всего остального мира – как окружавшего полис, так «проникавшего» в него в лице жителей без гражданских прав.

Утверждением представления о свободном и полноправном гражданине, подчиняющемся только закону и тому, что закон велит, но не произвольной воле другого лица (каким бы высокопоставленным это лицо ни было), обуславливались, далее, основные черты самого полисного типа государственности. Благодаря процессу «рождения гражданства» в рамках греческого полиса, пожалуй, впервые в мировой истории сложилось правильное и стабильное республиканское устройство: гражданин в норме не должен был иметь над собой какого-то монарха (не считая «царя-закона», *νόμος βασιλεύς*)! Понятно, что от нормы (как всегда бывает) случались и отклонения (достаточно вспомнить хотя бы тиранию), но они и воспринимались именно как отклонения от нормы.

Если же посмотреть под тем же углом на реалии эллинистической эпохи, сразу бросится в глаза, что поворот «от гражданина к подданному» свершился. Это нам представляется самым главным.

Дело, подчеркнем, даже не столько в том, что на внешнеполитической арене тон теперь задавали большие и огромные государства, тогдашние «сверхдержавы» – эллинистические монархии. Хотя, конечно, и в этом тоже. Произошел скачок от мира, где доминировали суверенные республиканские полисы, к миру, где доминировали крупные монархические государства. Но наряду с этими последними, конечно же, остались и полисы. Те же города Балканской Греции никуда не делись и полисного статуса не утратили. В связи с этим наше ключевое положение может быть оспорено: полисы были, граждане были – так не преувеличиваем ли мы масштаб перемен?

Кажется, все-таки нет. Очень часто бывает, что при сохранении некоторых внешних форм становится со временем совершенно иным их внутреннее содержание, и это способно ввести в заблуждение относительно степени континуитета/дисконтинуитета, особенно если придавать форме большее значение, нежели содержанию, что вряд ли следует делать.

Насколько можно судить, именно таким образом обстояли дела и в нашем случае. В другом месте²⁹ мы показываем это на примере Афин. Классическая афинская демократия была ниспровергнута в 322 г. до н. э. После этого она неоднократно объявлялась возрожденной, но фактически всякий раз можно говорить лишь о «пустой оболочке» подлинного народоправства, о громком слове без какого-либо реального содержания.

²⁸ См. на примере Афин: *Manville P. B. The Origins of Citizenship in Ancient Athens.* Princeton, 1990.

²⁹ *Суриков И. Е. Солнце Эллады...* С. 297 сл.

Политическая система, существовавшая в афинском полисе на всем протяжении эллинистического периода (а затем и римского), официально по-прежнему именовалась демократией. Причем после каждого очередного переворота (а их было немало) лица, пришедшие к власти, торжественно провозглашали, что та демократия, которая была раньше, до них, не являлась истинной, а вот истинная именно теперь-то и будет организована.

Это неоднократно вводило в заблуждение историков – как в древности, так и в наши дни. И поныне ведутся споры о том, когда же афинская демократия реально прекратила свое существование. Не все согласны с традиционной точкой зрения, согласно которой это произошло в 322 г. до н. э., на рубеже эпох классики и эллинизма. Порой можно встретить мнение о завершении истории народовластия в Афинах около 260 г. до н. э. (то есть после Хремонидовой войны)³⁰, а то и еще позже. Перед нами – типичная аберрация, вызванная чрезмерной акцентировкой чисто формальной стороны дела.

На деле же в эпоху эллинизма в Афинах утвердилась самая обыкновенная олигархия. Умеренная, маскирующаяся под демократию, – но тем не менее олигархия. Как говорится, не всё то золото, что блестит. Не каждый режим, официально именуемый себя демократией, на деле является таковым. Мы бы рискнули заявить, что само слово «демократия» в эллинистическую эпоху изменило свой смысл по сравнению с тем, какой оно имело в классических Афинах. По сути дела, теперь демократическим называл себя тот полис, который являлся (или считал, что является) независимым, а какова система его внутреннего управления – это уже имело не столь большое значение.

Происходило изменение семантики важнейших понятий, фактически – лексическая девальвация³¹. Думается, не иначе, чем с демократией, обстояли дела также с категориями полиса и гражданина/гражданства. Сразу припоминается, между прочим, вот какой небезынтересный нюанс. Доэллинистические полисы более чем скупой раздавали чужеземцам право гражданства. Дабы добиться такового, нужно было совершить что-либо действительно значительное. Время эллинизма, как хорошо известно, характеризуется чуть ли не повсюду в греческом мире пышным букетом проксенических декретов жителям иных государств, с предоставлением подчас всех возможных привилегий, вплоть до пресловутой *πολιτεία*. Контраст достаточно резкий, и о чем-то, полагаем, он должен говорить? Ответ, кажется, ясен: охотнее делятся тем, чем меньше дорожат.

³⁰ Например: *Dreyer B. Wann endet die klassische Demokratie Athens? // Ancient Society. 2001. Vol. 31. P. 27–66.*

³¹ Интересные рассуждения о феномене подобной девальвации терминов (хотя и совсем в другой связи) см.: *Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 114 сл.*

Что произошло с внутренним и внешним самоощущением «потомков Фемистокла и Аристида», из-за чего они в эллинистическую эпоху – при достаточно полном сохранении прежних институциональных реалий, выработанных во времена расцвета полиса, – с радостью довольствовались ролью лстивых подхалимов какого-нибудь очередного Деметрия (Антигона, etc.)? И это при том, что, к примеру, на рубеже VI–V вв. до н. э. их сильно коробило требование дать «землю и воду» персидскому сатрапу в Сардах, и, чтобы не делать этого, они готовы были идти на смерть, лишения, разрушение врагами родного города и пр. (хотя даже в случае победы персов ахеменидский сановник вряд ли водворился бы в святыне Акрополя³²). Снова и снова повторим: без учета изменений в социальной психологии тут, видимо, трудно будет что-либо понять³³.

Гражданин, подчиняющийся только закону, а не произволу иного лица? Всё это осталось в прошлом. Думается, тут даже нет нужды в какой-то чрезмерно развернутой аргументации. Раболепные эксцессы афинян (еще не успевших, казалось бы, забыть о демократии) по отношению к Деметрию Фалерскому или Деметрию Полиоркету известны, полагаем, всем, кто будет читать эту статью. Да и как могло быть иначе в мире, окруженном эллинистическими монархиями, где воля царя официально провозглашалась законом, – иными словами, закон и произвол совпадали?

Но еще в начале IV в. до н. э. Исократ, этот яркий представитель предэллинизма, пишет некому киприоту³⁴: «Повинуйся царским законам, однако самым сильным законом считай царскую волю» (Isocr. I. 36). Весьма симптоматичны

³² Суммирование преобладающих в современной науке взглядов, согласно которым цели Ахеменидов в Греции были весьма умеренны (в противовес ранее господствовавшей точке зрения о том, что они хотели чуть ли не завоевать Элладу и сделать ее сатрапией), см., например: *Wiesehöfer J. Greeks and Persians // A Companion to Archaic Greece. Oxf., 2009. P. 162–185.*

³³ Правильно, между прочим, указывают ведущие отечественные специалисты (Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Причины и обстоятельства падения «Ликургова строя» в Спарте // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 13. 2002. С. 5–21), что в Спарте IV в. до н. э. «первопричиной кризиса стал слом традиционной морали и традиционных норм поведения», то есть те же социально-психологические факторы, принципиальные изменения в системе ценностей.

³⁴ Кипр имел ту специфику, что в его греческих полисах на протяжении архаической и классической эпох сохранялись легитимные монархии. Ими много занимался Андреас Мель. См.: *Mehl A. Cypriot City Kingdoms: No Problem in the Neo-Assyrian, Late Egyptian and Persian Empires, but why were they Abolished under Macedonian Rule? // Επετηρίδα του Κέντρου Επιστημονικών Ερευνών (Λευκωσία). 30. 2004. Σ. 9–21; Idem. Zyperns Stadtkönige bis um 500 v.Chr.: Zwischen wechselnden Oberherrschaften und Unabhängigkeit, zwischen Eigenentwicklung und Import // Zypern – Insel im Schnittpunkt interkultureller Kontakte: Adaption und Abgrenzung von der Spätbronzezeit bis zum 5. Jahrhundert. Münster, 2009. S. 191–212.*

в данном отношении также некоторые пассажи из «Политики» Аристотеля, которые, пожалуй, заслуживают того, чтобы процитировать их *in extenso* (а наиболее важные места в них мы выделим курсивом):

Если кто-либо один или несколько человек, больше одного, но все-таки не настолько больше, чтобы они могли заполнить собой государство, отличались бы таким избытком добродетели, что добродетель всех остальных и их политические способности не могли бы идти в сравнение с добродетелью и политическими способностями указанного одного или нескольких человек, то таких людей не следует и считать составной частью государства: ведь с ними поступят вопреки справедливости, если предоставят им те же права, что и остальным, раз они в такой степени неравны с этими последними своей добродетелью и политическими способностями. *Такой человек был бы все равно что божество среди людей.* (2) Отсюда ясно, что и в законодательстве следует иметь в виду равных и по их происхождению, и по способностям, а *для такого рода людей и законов не нужно, потому что они сами – закон.* Да и в смешном положении оказался бы тот, кто стал бы пытаться сочинять для них законы: они сказали бы, пожалуй, то, что, по словам Антисфена³⁵, львы сказали зайцам, когда те произносили речи в собрании животных и требовали для всех равноправия... При наилучшем же виде государственного устройства большое затруднение возникает вот в чем: как нужно поступать в том случае, если кто-нибудь будет превосходить других не избытком каких-либо иных благ вроде могущества богатства, или обилием друзей, но будет отличаться избытком добродетели? Ведь не сказать же, что такого человека нужно устранить или удалить в изгнание; с другой стороны, нельзя себе представить, чтобы над таким человеком властвовали, потому что в таком случае получилось бы приблизительно то же самое, *как если бы, распределяя государственные должности, потребовали власти и над Зевсом.* Остается одно, что, по-видимому, и естественно: всем охотно повиноваться такому человеку, *так что такого рода люди оказались бы в государстве пожизненными царями* (Arist. Pol. III. 1284a4 sqq.).

Когда случится так, что либо весь род, либо один из всех будет отличаться и превосходить своей добродетелью добродетель всех прочих, вместе взятых, тогда по праву этот род должен быть царским родом, а один его представитель – полновластным владыкой и монархом: как уже ранее было сказано, это будет согласно с тем правовым началом, на которое опираются те, кто обосновывает аристократический, олигархический и даже демократический вид государственного устройства; ведь они всюду признают право за превосходством, но не за любым превосходством, а за таким, какое мы обрисовали выше. Такого выдающегося мужа действительно непростительно было бы убивать, или изгонять, или подвергать остракизму, равно как и требовать от него хотя бы частичного подчинения, ведь

³⁵ Antisth. fr. 66 Mullach.

части несвойственно быть выше целого, а таким целым и является в нашем случае человек, имеющий такого рода превосходство. *Следовательно, остается одно: повиноваться такому человеку и признавать его полновластным владыкой без каких-либо ограничений* (Arist. Pol. III. 1288a15 sqq.).

Имеет ли здесь в виду Аристотель под безусловно выдающимся, «божественным» мужем, которому необходимо повиноваться, конкретно Александра (так нередко считают) или же он говорит в более отвлеченном духе – этот вопрос вряд ли вообще подлежит однозначному решению. Важнее иное: сам характер рассуждения. Философ как бы сам находится в недоумении, ощущает определенное противоречие в постановке вопроса. С одной стороны, от самой идеи полиса он ни в коей мере отказываться не намерен: ведь эта идея – краеугольный камень всех его построений в политической теории. С другой стороны, он уже готов примирить с идеей полиса идею полной и неограниченной монархии.

По мысли Стагирита, если кто-либо из граждан выделяется среди остальных своими достоинствами, возможны лишь два способа поведения по отношению к нему: либо избавиться от такого лица (например, посредством ostracism), либо добровольно подчиниться ему, поставить его выше всех законов и, таким образом, предоставить ему единоличную, абсолютную власть. Или ostracism, или монархия – фактически такая альтернатива выдвигается Аристотелем³⁶.

Но как согласовать полис – структуру республиканскую по определению – и монархию? Получается так, что монарх, «идеальный герой», просто стоит за рамками полиса. Напомним: «таких людей не следует и считать составной частью государства», «такой человек был бы все равно что божество среди людей». Монарх – величина отдельная, причем величина, сопоставимая с полисом как таковым³⁷. Можно быть одновременно гражданином полиса и подданным монарха. Социально-психологический процесс «от гражданина к подданному» тут прямо-таки у нас перед глазами, мы присутствуем при зарождении категории «граждан-подданных» и, таким образом, стоим у истоков эллинистической политической теории (и практики).

Вернемся к предэллинизму. Вполне корректным представляется говорить отдельно о предэллинизме на Востоке и предэллинизме на Западе, ни в коей мере не смешивая их друг с другом, поскольку это весьма разные вещи, не имеющие практически ничего общего друг с другом. При этом, что касается

³⁶ Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 29–30, 423–424.

³⁷ Ср. мнение, высказанное Я. Буркхардтом и поддержанное Р. Пёльманом: государь эпохи диадохов – не что иное, как индивидуализировавшийся полис (Пёльман Р. фон. Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1999. С. 381).

предэллинизма на Востоке, О. Л. Габелко в вышеназванной статье, как нам кажется, привел достаточно серьезные аргументы, заставляющие поставить под вопрос саму реальность данного феномена.

Собственно, искать предэллинизм на Востоке, если вдуматься, будет действительно тупиковым путем и, мы бы сказали, каким-то неоправданно телеологичным путем. Ведь именно для Востока начало эллинизма, насколько представляется, не стало логическим завершением назревавших там процессов, а явилось следствием внешнего вмешательства – походов Александра Македонского и завоевания им Персидской державы. В этом смысле вполне можно сказать, что для Востока эллинизм был в известной мере исторической случайностью, обусловленной только тем, что западнее Персии – и совсем рядом – находились Эллада и Македония, из которых экспансия началась. Не было бы их или лежали бы они далеко – не было бы и этой экспансии, а значит, восточные общества остались бы более или менее прежними и эллинистическая цивилизация на их основе не сложилась бы: своими силами они бы ее не породили.

Итак, хотим мы того или не хотим, а предпосылки эллинизма следует искать на Западе, именно там, «откуда всё пошло». О. Л. Габелко в этом отношении прибегает к чрезмерно категоричным формулировкам, считая, что, по крайней мере в отечественной литературе, «предэллинизм на Западе» трактуется в чисто временном аспекте, «как просто “до-эллинистический” отрезок античной истории»³⁸. Не можем с этим согласиться: между прочим, именно в российском антиковедении сделано немало для того, чтобы разобрать проблему не в примитивно-хронологическом, а в сущностном смысле, показать, как зарождались новые реалии, в результате чего мир в конечном счете принципиальным образом изменился.

Поменялся сам тип политического дискурса. Рост монархических настроений в общественной мысли IV в. до н. э., прослеживающийся у большинства крупнейших мыслителей эпохи, будь то Ксенофонт или Исократ, Платон или Аристотель, представляется явлением совершенно несомненным. Об этом явлении писалось много³⁹, и поэтому здесь нет нужды на нем подробно останавливаться. Отметим только, что редкие попытки оспорить сам данный факт

³⁸ Габелко О. Л. Указ. соч. С. 173.

³⁹ Ранее, в V в. до н. э., монархия воспринималась как прямая противоположность демократии: Braund D. Friends and Foes: Monarchs and Monarchy in Fifth-century Athenian Democracy // Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece. Oxf., 2000. P. 118. Что же касается ситуации в IV в. до н. э., см., например: Фролов Э. Д. Монархическая идея у Исократ // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969. С. 3–20; Исаева В. И. Греческая идеология IV в. до н. э. и эллинизм // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. 33. 1990–1992. P. 267–271; Она же. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 113–124; Суриков И. Е. Античная Греция...

(например, предпринятая В. Эдером⁴⁰) выглядят совершенно несостоятельными. Они опираются на довольно замысловатые умозаключения, но ведь нельзя же отрицать очевидное!

* * *

Как же процессы предэллинизма, протекавшие в IV в. до н. э., отразились на сфере религиозности? Отметим ряд новых явлений в последней, представляющихся нам важными.

Уже знакомый нам голландский исследователь Х. Ферснел, попытавшийся проследить основные изменения, происшедшие в древнегреческой религии в рассматриваемом столетии по сравнению с предшествующим, пришел к выводу⁴¹: главным из этих изменений стало появление новых, в чем-то уже «эллинистических» черт. Религиозность утрачивала демократичный характер, в ней нарастали элементы иерархичности. Так, начала формироваться более авторитарная концепция божества: боги стали восприниматься как существа более могущественные, величественные и при этом более тираничные, чем представлялось раньше. Такая тенденция, по мнению ученого, прослеживается уже в «Вакханках» Еврипида – одном из самых поздних памятников литературы и религиозной мысли V в. до н. э. Ведь изображенный в этом произведении Дионис, в сущности, несет зло: он становится причиной страшной гибели главного героя Пенфея, безумия его матери. Симпатии он не вызывает, но зато вызывает убеждение в своей неодолимой силе, противиться которой просто бессмысленно⁴².

Не случайно как раз с IV в. до н. э. фиксируются случаи коленопреклоненного моления богам⁴³. Ранее гордые эллины считали зазорным становиться на колени даже перед небожителями и молились обычно стоя, воздев руки кверху.

Другое проявление «предэллинизма» в религиозной жизни – впервые встречающиеся с конца V в. до н. э. факты обожествления (порой даже прижизненного) людей – видных правителей и полководцев. Ничего не могло быть более чуждого греческой религии предшествующего периода. «Не тщишься быть Зевсом: у тебя есть всё. Смертному – смертное!» – говорил великий Пиндар (Isthm. V. 14, 16). Стремление уподобиться богу и – равным образом – уподобить кого-либо иному богу расценивалось как одно из самых страшных прояв-

⁴⁰ Eder W. Monarchie und Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Die Rolle des Fürstenspiegels in der athenischen Demokratie // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 153–173.

⁴¹ Versnel H. S. Religion and Democracy... S. 383 f.

⁴² Ср.: Сүпиков И. Е. Эволюция религиозного сознания... С. 194; Parker R. Gods Cruel and Kind: Tragic and Civic Theology // Greek Tragedy and the Historian. Oxf., 1997. P. 143–160.

⁴³ Versnel H. S. Religion and Democracy... P. 387.

лений такого однозначно осуждавшегося качества, как ὕβρις⁴⁴. Теперь и в этом отношении времена изменились.

Первый случай обожествления – это «феномен Лисандра»⁴⁵. Спартанский наварх, главный герой последнего этапа Пелопоннесской войны, победивший Афины и установивший гегемонию своего полиса в Элладе, выступает здесь как переходная фигура. Сообщается, что «ему первому среди греков города стали воздвигать алтари и приносить жертвы *как богу* (курсив наш. – И. С.), и он был первым, в честь кого стали петь пеаны» (Duris ap. Plut. Lys. 18). Некоторые эллинские государства учредили специальные празднества, посвященные Лисандру. В конце концов эти непомерные почести, воздаваемые ему за пределами Спарты, пришли в настолько резкое несоответствие с его положением в самом спартанском полисе (он не мог претендовать на царский сан, оставаясь, несмотря ни на что, рядовым гомеем), что энергичный Лисандр задумал государственный переворот или по меньшей мере план радикальных реформ, который позволил бы ему стать царем. Реализовать свои замыслы он не успел, поскольку погиб в битве при Галиарте в 395 г. до н. э.

Впрочем, «казус Лисандра» – столь ранний случай⁴⁶ (пожалуй, преждевременный) предоставления божественных почестей смертному человеку⁴⁷ – на первых порах остался чем-то единичным, уникальным. Возможно, дело, помимо прочего, в том, что Агесилай II, к которому после гибели Лисандра

⁴⁴ Об этой категории см., например: Fisher N. *Hybris*. Revenge and Stasis in the Greek City-States // *War and Violence in Ancient Greece*. L., 2000. P. 83–123; Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 111 сл.

⁴⁵ Richardson N. J. *Innovazione poetica e mutamenti religiosi nell'antica Grecia* // *Studi classici e orientali*. Vol. 33. 1983. P. 26; Muccioli F. *Gli onori divini per Lisandro a Samo. A proposito di Plutarchus, Lysander 18* // *The Statesman in Plutarch's Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society*. Vol. 2. The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives. Leiden; Boston, 2005. P. 199–213.

⁴⁶ Не исключено, что еще чуть раньше что-то аналогичное могло бы произойти с Алкивиадом, но процесс сакрализации его личности был прерван опалой этого политика (ср.: Суриков И. Е. *Античная Греция...* С. 189).

⁴⁷ Ср. следующее замечание видного современного ученого (Ханиотис А. Война в эллинистическом мире: Социальная и культурная история. СПб., 2013. С. 124): «Задолго до начала эллинистического периода греки удостоивали божественных почестей выдающихся индивидов посмертно, но первым смертным, который получил богоравные почести при жизни, был спартанский военачальник Лисандр». Относительно Лисандра всё верно, а вот в первой части высказывания нам видится неточность. Следовало бы говорить (даже в посмертном аспекте) не об *обождествлении*, а о *героизации* выдающихся индивидов. Это отнюдь не одно и то же, о чем говорилось выше. Мы не припомним ни одного случая – до Лисандра, – когда реальное историческое лицо было бы действительно обожествлено. Ну не о Геракле же с Дионисом здесь рассуждать!

перешел статус «человека номер один» в Элладе, был, напротив того, принципиальным противником подобных тенденций. Он, в частности, запрещал создавать его скульптурные или живописные изображения (Plut. Ages. 2; Mor. 210 d). Процесс, таким образом, притормозился.

Но через несколько десятилетий почва для соответствующих изменений в религиозном сознании окончательно сложилась. Конкретные примеры эксплицитного, демонстративного обожествления людей, впрочем, достаточно трудно отыскать на протяжении большей части IV в. до н. э. – вплоть до начала эллинизма как такового. Действия, направленные на собственное обожествление, предпринимал, насколько известно, Филипп II⁴⁸. Однако традиционно считается, что Македония – это как бы «не вполне» Греция, хотя такое ее отчуждение, как становится всё яснее, нельзя признать правомерным⁴⁹.

Также известно (Strab. VII. 310), что «почитали богом» Перисада I – архонта (тогда еще не царя) Боспорского государства, правившего в 346–309 гг. до н. э. Однако, по нашему убеждению, он был обожествлен уже посмертно, по инициативе своего младшего сына Евмела, захватившего власть на Боспоре путем узурпации⁵⁰; иными словами, это имело место уже в хронологических рамках эллинизма. Впрочем, А. А. Завойкин – один из крупнейших ныне специалистов по истории Боспора – все-таки считает возможным говорить о том, что в этом регионе некоторые предпосылки (до определенного момента скорее латентные) для формирования в дальнейшем культа правителей наличествовали уже в период поздней классики, возможно даже со времен Сатира I, деда упомянутого Перисада⁵¹. Что-то подобное, похоже, прослеживается (и тоже

⁴⁸ Зелинский Ф. Ф. Указ. соч. С. 103; Schulz P. Divine Images and Royal Ideology in the Philippeion at Olympia // Aspects of Ancient Greek Cult: Context, Ritual and Iconography. Aarhus, 2009. P. 124–193.

⁴⁹ Согласно данным новейших лингвистических исследований (ставших возможными в результате введения в научный оборот большего количества эпиграфического и ономастического материала, чем прежде), античных македонян следует считать одной из периферийных ветвей греческого народа, а не каким-то отдельным этносом. См.: Sourvinou-Inwood C. Greek Perceptions of Ethnicity and the Ethnicity of the Macedonians // Identità e prassi storica nel Mediterraneo Greco. Milano, 2002. P. 173–203; Hatzopoulos M. B. Perception of the Self and the Other: The Case of Macedonia // Ancient Macedonia VII: Macedonia from the Iron Age to the Death of Philip II. Thessaloniki, 2007. P. 51–66; Idem. The Speech of the Ancient Macedonians in the Light of Recent Epigraphic Discoveries // Monumentum Gregorianum: Сб. науч. статей памяти акад. Г. М. Бонгард-Левина. М., 2013. С. 204–221.

⁵⁰ Здесь мы не можем вдаваться в детали, тем более что сам вопрос об обожествлении Перисада I и его целях весьма сложен. Планируем посвятить обоснованию нашей позиции отдельную работу.

⁵¹ Завойкин А. А. Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo. XI. 2, 7) // Древности Боспора. Т. 3. 2000. С. 47–62.

пока в латентной или замаскированной форме) и в некоторых сторонах политики обоих сиракузских Дионисиев. Э. Д. Фролов видит здесь «*подход* к тому культу властителя, который будет выработан позднее, в эллинистическую эпоху, и который останется краеугольным камнем доктрины о царской власти божьей милостью»⁵².

Как известно, в дальнейшем, со времен Александра Македонского, обожествление правителя стало чуть ли не нормой. В высшей степени характерен, например, прием, оказанный в 307 г. до н. э. афинянами Деметрию Полиоркету, после того как тот изгнал македонского ставленника Деметрия Фалерского и объявил о «восстановлении демократии». В награду за это, напомним, афинский демос провозгласил Полиоркета «богом-спасителем» и декретировал ему ряд положенных в таком статусе почестей (проживание в храме, учреждение культа, жречества, праздника, обращения к Деметрию за прорицаниями как к оракулу и т. п.).

Невозможно даже и представить себе что-то подобное в пору расцвета полиса. Но вот, правда, «другая сторона медали»: когда Деметрий потерпел поражение в борьбе с врагами, афиняне закрыли перед ним ворота и не пустили в город. «Проигравший бог», «бог-неудачник» был им не нужен. Это означает, что античные, полисные принципы религиозности пока не ушли окончательно в прошлое. Полис был еще властен над своими богами.

Чаще всего считается, что эта возникшая в эпоху эллинизма новая тенденция – обожествление правителей – была результатом влияния на греков древневосточной религиозно-политической идеологии⁵³. Подобное суждение, конечно, имеет свой резон; тем не менее нам оно представляется не вполне точным и, во всяком случае, слишком категоричным. Бесспорно, что египтяне, например, обожествляли Александра в силу своих традиционных представлений о божественном статусе фараона. Но точно так же бесспорно и то, что греки обожествляли Александра явно не по этой, а по какой-то другой причине. Иными словами, наличествовал не только восточный, но и античный фон для формирования эллинистической идеи «человекобожества».

До нас дошел отрывок из гимна, составленного в IV в. до н. э. афинянами для прославления Деметрия Полиоркета (ар. Duris FGrHist. 76 F13), и следует в интересующем нас контексте повнимательнее присмотреться к той мотивации обожествления диадоха, которую мы находим в этом памятнике. Другие боги – говорится в гимне – либо где-то далеко и не внемлют людям, либо их

⁵² Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979. С. 128–129.

⁵³ Например: Зелинский Ф. Ф. Указ. соч. С. 104; Ладынин И. А. Египетские идеологические представления в сообщениях Плутарха об Александре Македонском (Alex. 27; Apophth. reg. et imp. 180d) // Античность: политика и культура. Казань, 1998. С. 34–40. Наши возражения см.: Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания... С. 240–241.

вообще нет; Деметрий же с нами, причем не в виде каменного или деревянного изображения, а собственной персоной, так кому же молиться, как не ему?

Данная мотивация самым непосредственным образом связана не столько с постулируемым проникновением восточных идей в античный мир, сколько с религиозными проблемами, давно уже встававшими перед самими греками. На протяжении классической эпохи, особенно в ее вторую половину, в период кризиса, в произведениях философов и поэтов становилась все более настойчивой критика традиционных представлений о божестве. Начинало казаться, что «старые» боги не выполняют своих функций; собственно, из-за этого-то и возникало побуждение обзавестись «новыми». А кто мог лучше подойти на эту роль, чем герой-полководец, для которого, казалось, нет ничего невозможного? Священнодействия афинян по отношению к Деметрию, обычно расцениваемые как низкопоклонство и признак моральной деградации «льстивых потомков Фемистокла и Аристиды»⁵⁴, в значительной степени явились просто манифестацией перемен в религиозном сознании и в целом в менталитете – перемен, закономерно вызванных внутренними причинами, а не навязанных кем-то «извне».

Основной вектор этих перемен – «от гражданина к подданному» – проявился задолго до начала эпохи эллинизма, до Александра и даже до Филиппа II. Скорее уж практическая деятельность Филиппа явилась долгожданным ответом на животрепещущие запросы общественного сознания.

В свое время в другой работе⁵⁵ мы сделали следующие наблюдения. В Греции более раннего времени существовали две, фактически противостоящие друг другу, модели сакрализации правителя: «модель басилея» и «модель тирана». В первом случае сакрализовался титул (статус) правителя вне всякой зависимости от его личности, во втором – его харизматическая личность при отсутствии официального титула. Мы считаем возможным оперировать такими категориями, как «статусная сакрализация» и «личностная сакрализация» соответственно.

В эллинистическую же эпоху встречаем уже не две разные модели сакрализации, а одну (можно определить ее как «модель эллинистического монарха»); мы оказываемся в мире крупных территориальных государств, правители которых носили титул царей (басилеев) – титул, впрочем, в данном случае ориентированный не столько на собственно греческую традицию, сколько на македонскую и в еще большей степени на персидскую (как ее воспринимали греки).

Эти эллинистические монархи – и здесь мы встречаем нечто принципиально новое в древнегреческой истории – были объектом уже не просто са-

⁵⁴ Как выразился, правда по иному поводу, В. Н. Парфенов: *Парфенов В. Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 81.

⁵⁵ *Суриков И. Е.* Status versus charisma... Passim.

крализации, а полномасштабного обожествления (апофеоза). Первопроходцем в данной области выступил Александр Македонский, который, как известно, после завоевания Египта был провозглашен тамошними жрецами «сыном Амона», а уже незадолго до смерти потребовал своего обожествления и от греческих полисов⁵⁶. После распада державы Александра правители многих из государств, возникших на ее руинах, более или менее последовательно шли по его стопам (речь идет прежде всего о египетских Птолемеях и – в несколько меньшей степени – о Селевкидах). В каких-то случаях они получали божеские почести после смерти, а в каких-то – еще при жизни; где-то данная тенденция проявлялась более полно и последовательно (вплоть до учреждения культов, жречеств и храмов), где-то – менее. Но в том, что именно она была теперь доминирующей, сомневаться не приходится. Яркие свидетельства об этом почетные эпитеты эллинистических монархов, превращавшиеся фактически в их вторые имена: Сотер («спаситель»), Еввергет («благодетель»), Епифан («явленный») или даже просто Теос («бог»)⁵⁷.

Из вышесказанного можно видеть, что обожествление правителей в эллинистическом мире изначально базировалось (как и сакрализация тиранов в более раннее время) на чисто личностно-харизматической основе. Греки объявляли Александра Македонского, Деметрия Полиоркета или, скажем, Селевка Никатора богами постольку, поскольку это были Александр, Деметрий и Селевк – личности, масштабы которых по меркам полисной цивилизации действительно казались сверхчеловеческими. Впоследствии, однако, ситуация меняется: обожествление эллинистических монархов – и вот тут уже действительно следует говорить о восточном влиянии – имеет тенденцию из личностного превратиться в статусное и наследственное. Цари, среди которых во второй половине эпохи эллинизма преобладали абсолютные бездарности, начинают причисляться к богам не за собственные заслуги, а в силу наличия титула.

Чем больше обожествление царей с ходом времени из харизматического превращалось в статусное, тем меньшую роль играли его личные качества. Неудачливые и откровенно порочные цари II–I вв. до н. э. с такой же (если не большей) готовностью признавались богами, как их блистательные и пассионарные предки-диадохи. Но мы уже чрезмерно удалились вперед по хронологической шкале от основной проблематики данной работы. Закончим рассмотрение данного круга вопросов, констатируя, что нам, собственно, хотелось показать, как ряд черт эллинистической религии (и, естественно, не только религии, а идеологии в целом) логично вырос из тех имевших место в IV в. до н. э. процессов, совокупность которых мы обозначаем как предэллинизм.

⁵⁶ См. об этом: *Маринович Л. П.* Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993. С. 208 сл.

⁵⁷ *Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989. С. 145.

Пожалуй, осталось сказать только об одном. Явилось ли еще одним симптомом новой эпохи афинской (и эллинской) религиозности активное принятие в пантеон новых, «чужих» божеств? Этот вопрос нельзя не затронуть в статье, написанной на основе доклада на семинаре, тема которого была сформулирована как «Религии античного Средиземноморья: “свои” и “чужие” боги».

Но вот тут, честно говоря, наша позиция является скорее скептической. Мы полностью солидарны с выкладками К. Ауффарта, сделанными им в исследовании, уже не раз упоминавшемся выше⁵⁸. Последнее вообще представляется нам, несмотря на относительно небольшой размер, этапным, обогатившим науку рядом метких наблюдений. Так, немецкий ученый в само понятие «новые боги» вносит важную дихотомию. Точнее, указывает, что таковая имела место в самих Афинах. Различались между собой, с одной стороны, *νέοι θεοί* (сюда включались культы богов в принципе традиционных, но ранее в афинском полисе не почитавшихся), с другой же стороны – *καινοί θεοί* (к этой категории относились боги и культы, подрывавшие, как считалось, традиционную религиозную систему).

Следует напомнить, что именно введение *καινοί θεοί* (или *καινὰ δαιμόνια*, что аналогично) инкриминировалось Сократу на знаменитом суде над ним (Plat. Apol. 24c; Xen. Apol. 10; Diog. Laert. II. 40). Имели в виду, конечно, знаменитый сократовский демоний, в некотором роде «личное божество» философа⁵⁹, действительно никаким образом не согласовывавшееся с общепринятыми воззрениями. Впрочем, еще задолго до этого судебного процесса Сократ как персонаж «Облаков» Аристофана заявляет Стрепсиаду, что его боги – Хаос, Облака и Язык (Aristoph. Nub. 424), а никаких других почитать и не нужно.

Само прилагательное *καινός* в подобных контекстах получало безусловный негативный оттенок – не столько «новый», сколько «невиданный» и тем самым «неподобающий» (ср. лат. *novus* в сочетаниях *res novae* и т. п.), в отличие от нейтрального *νέος*. *Καινοί θεοί* – это такие боги (скорее «боги»), которых нельзя чтить наряду с другими, для почитания которых нужно отказаться от божеств традиционных. Таких богов, конечно, народная религиозность решительно отвергала.

Совсем другое дело – *νέοι θεοί*. Это те, которым в период Пелопоннесской войны, в очень тяжелые годы, когда спасения искали откуда только возможно, афиняне вводили, по выражению Ауффарта, «кризисные культы». К по-

⁵⁸ Auffarth Chr. Op. cit.

⁵⁹ О демонию Сократа писали, наверное, все, кто писал о Сократе как таковом; писали также и мы (Суриков И. Е. Сократ. М., 2011. С. 182 сл.), так что теперь не будем на нем подробно останавливаться. Особенный интерес этот демоний вызывал у авторов римского времени. См.: Roskam G. Socrates' δαιμόνιον in Maximus of Tyre, Apuleius, and Plutarch // Tychè et Pronoia: La marche du monde selon Plutarque. Coimbra, 2010. P. 93–108.

следним в полной мере можно отнести, например, культ Асклепия. Этот бог-целитель ранее 420-х гг. до н. э. в Афинах специально не почитался. Ситуация изменилась, когда в Аттике разразилась эпидемия; вот тогда-то его и «призвали на помощь»⁶⁰. Кстати, важную роль в этих событиях сыграл драматург Софокл; именно он принял в своем доме культовую статую Асклепия, когда ее доставили в Афины, а святилище было еще не построено. Кстати, именно за это, а не за свои поэтические заслуги Софокл после смерти был героизирован под именем Дексиона (от δέχομαι – «принимать»)⁶¹.

Как полагает К. Ауффарт⁶², функция Софокла здесь заключалась в том, чтобы связать новый культ с «религией отцов». По мнению ученого, необычность Асклепия как божества ощущалась греками. Помимо прочего, он ведь был, согласно мифам, смертным человеком, сыном Аполлона и великим врачом, погибшим от молнии Зевса и только после этого обожествленным. Впрочем, даже и эта последняя черта не была совершенно уникальной; она фигурирует также в связи с Гераклом.

И в любом случае, замечает Ауффарт, культ Асклепия качественно не отличался от культов «нормальных» богов и никак не подрывал традиционную религию, не предполагал отказа от общепринятых практик в данной сфере. То же самое исследователь констатирует и в связи с рядом других новых культов (в основном «варварских» по происхождению), появившихся примерно в то же время. Это, например, культы Бендиды, Адониса, Мена, Великой Матери⁶³, Зевса Аммона.

Для нас же принципиально важно, что все эти примеры относятся не к IV в. до н. э., который рассматривается в данной статье, а к концу предшествующего столетия. Что же касается непосредственно интересующей нас здесь эпохи, для нее подобных явлений, кажется, не наблюдается. Проявляется увеличение интереса к такой новой для религии фигуре, как Плутос⁶⁴, но объектом культа как такового этот бог богатства, насколько известно, не стал. Выше упоминались такие божества – также персонификационного типа, – как Демократия и

⁶⁰ См. об этом: *Mitchell-Boyask R. Plague and the Athenian Imagination: Drama, History and the Cult of Asclepius. Cambridge, 2007; Wickkizer B. Banishing Plague: Asklepios, Athens, and the Great Plague Reconsidered // Aspects of Ancient Greek Cult: Context, Ritual and Iconography. Aarhus, 2009. P. 55–65; Papaefthymiou V. Der Altar des Asklepieions von Athen // Ibid. P. 67–89; Lefantzis M., Jensen J. T. The Athenian Asklepieion on the South Slope of the Akropolis: Early Development, ca. 420–360 B.C. // Ibid. P. 91–124.*

⁶¹ *Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания... С. 269–270.*

⁶² *Auffarth Chr. Op. cit. S. 344–345.*

⁶³ Конкретно в связи с этим культом см.: *Munn M. The Mother of the Gods, Athens, and the Tyranny of Asia: A Study of Sovereignty in Ancient Religion. Berkeley, 2006.*

⁶⁴ *Auffarth Chr. Op. cit. S. 356 ff.*

Демос, но их появление датируется уже зарей эллинистической эпохи, а эллинизма мы тут не касаемся, оставаясь в хронологических рамках поздней классики⁶⁵. Для последней были характерны, как мы пытались показать на протяжении всей статьи, процессы *предэллинизма*, и вот тут, думается, изложенный выше материал позволяет с уверенностью утверждать: эти процессы имели место также и в религиозной сфере.

⁶⁵ К тому же эти божества – Демократия и Демос – уж никак не могли восприниматься афинянами как «чужие», «пришлые»: ведь они олицетворяли их собственную политическую систему.

ОБРАЗЫ «ПЕРВОГРЕШНИКОВ» В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ: ПОПЫТКА СТРУКТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

В неисчерпаемом мире греческой мифологии существует группа персонажей (среди них – как достаточно известные, так и маргинальные), которые, на наш взгляд, в целом ряде отношений имеют явные черты структурной близости. Иногда в исследовательской литературе их в совокупности условно называют «первогрешниками»¹. Не вдаваясь здесь в детальную дискуссию о правомерности такого определения, отметим лишь, что оно, естественно, может быть именно только условным, поскольку в целом категория «греха» как таковая, как нам уже приходилось писать², не слишком релевантна применительно к греческой религии. Осознавая всю условность подобного обозначения, мы тем не менее в дальнейшем по ходу данной работы будем им пользоваться, с одной стороны следуя традиции, а с другой – исходя из интересов удобства, поскольку это поможет очертить конкретный круг образов, которые станут предметом рассмотрения. Поясним сразу, о ком и о чем пойдет речь; при этом подойти к проблеме придется довольно издаleка.

Общеизвестным и даже хрестоматийным является тот факт, что религии и мифологии греков не свойствен обостренный интерес к вопросам загробного мира, потустороннего бытия. Эллинская религия была, в отличие от египетской или, скажем, от христианства, в определенной степени религией «мира сего», а не иного³. Отсюда явно недостаточная разработанность в ней сюжетов, связанных с миром мертвых, что порождает, в частности, существенные расхождения и даже противоречия в трактовке этих сюжетов у различных античных авторов.

* Впервые опубликовано в: Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 16/2. 2006. С. 3–12.

¹ Например: *Топоров В. Н.* Миф о Тантале (об одной поздней версии – трагедия Вяч. Иванова) // Палеобалканистика и античность: Сб. науч. трудов. М., 1989. С. 61.

² *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. М., 2002. С. 38 (со ссылками на предшествующую литературу).

³ Ср.: *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 323–325. Отметим здесь, что далеко не со всеми суждениями Ю. В. Андреева о древнегреческой религии можно безоговорочно согласиться (см. нашу полемику с некоторыми его принципиальными тезисами: *Суриков И. Е.* Указ. соч. С. 46–51). Но как раз данное положение возражений не вызывает.

Вплоть до достаточно позднего времени греческому менталитету не была свойственна идея посмертного воздаяния индивиду за деяния, совершенные им в «земной» жизни. Если представление о воздаянии и появлялось, то имелось в виду воздаяние детям, потомкам, роду преступника⁴. Мысль же о наказании или награде, ожидающей после смерти самого человека, следует связать, по всей очевидности, в первую очередь с религиозной деятельностью орфиков⁵ (что подтверждается не только данными нарративной традиции, но и надписями на известных орфических табличках⁶). Таким образом, эта концепция появляется не ранее VI в. до н. э., а достоянием массового сознания становится еще намного позже (поскольку орфизм, как теперь уже можно утверждать со всей определенностью, отнюдь не был «низовым», массовым идейным течением, – его сложное космогоническое учение рассчитано, безусловно, на узкий круг избранных).

Совсем не случайно традиционный греческий Аид представляет собой, в сущности, серое, неяркое и скучное место, где проводят в вечном одиночестве, без каких-либо радостей, но и без бед и несчастий, свое существование души умерших. Этот подземный мир – отнюдь не дантов Ад, не юдоль страданий. Имеются, однако, исключения, а именно те самые «первогрешники», которым посвящена настоящая статья.

Два наиболее подробных в античной литературе описания Аида даны Гомером и Вергилием. XI книга гомеровой «Одиссеи» (т. н. Νέκυια) иногда считается орфической интерполяцией VI в. до н. э.⁷ В принципе, вполне возможно, что Νέκυια подвергалась определенной орфической переработке⁸. Однако говорить о ней в целом как о позднейшей вставке не представляется возможным: мифологемы, отразившиеся в ней, вовсе не сводятся к орфизму, имея

⁴ Ср. введенную Ф. Ф. Зелинским и весьма импонирующую нам категорию «филономического» сознания: *Зелинский Ф. Ф.* Из жизни идей. [Т. 1.] 3-е изд. Пг., 1916. С. 347 сл.; *Он же.* История античной культуры. 2-е изд. СПб., 1995. С. 34 сл.

⁵ См. о значении орфизма в этом плане: *Доддс Э. Р.* Греки и иррациональное. СПб., 2000. С. 217 сл.

⁶ См. о них: *Макаров И. А.* Орфизм и греческое общество в VI–IV вв. до н. э. // ВДИ. № 1. 1999. С. 8–19.

⁷ Впервые эту мысль высказал Виламовиц в ранней работе «Гомеровские исследования» (*Wilamowitz-Moellendorf U. von.* Homerische Untersuchungen. B., 1884), впоследствии, однако, сам же от нее отказавшийся (в итоговом фундаментальном труде «Der Glaube der Hellenen»).

⁸ Как известно, гомеровские поэмы обрели свою окончательную, каноническую форму именно в VI в. до н. э., и произошло это в Афинах, при дворе Писистрата (см. к вопросу: *Cook E. F.* The Odyssey in Athens: Myths of Cultural Origins. Ithaca, 1995). А в писистратовском культурном кругу как раз была достаточно сильна «орфическая» составляющая.

в большинстве случаев значительно более древнее происхождение. VI книга «Энеиды» Вергилия, посвященная аналогичному сюжету (описание царства мертвых), также дает немало ценного материала. Несмотря на позднее время составления поэмы (I в. до н. э.), в ней, как все чаще отмечается в последнее время исследователями⁹, актуализован целый ряд в высшей степени архаичных мифологических мотивов, порой восходящих к глубокой индоевропейской и средиземноморской древности.

И Гомером, и Вергилием упоминается ряд персонажей, несущих в Аиде (или в Тартаре – на этом различии мы здесь не имеем возможности специально остановиться, да оно и не принципиально в контексте нашей темы) вечную кару. В «Одиссее» в их числе названы Титий (XI. 576–581), Тантал (XI. 582–592), Сизиф (XI. 593–600). Список «Энеиды» обширнее. Помимо прямого упоминания Тития (VI. 595–600), аллюзий на Тантала (VI. 602–606) и Сизифа (VI. 616), в нем названы еще Алоады От и Эфиальт (VI. 582–584)¹⁰, Салмоней (VI. 585–594), Иксион и его сын Пирифой (VI. 601, ср. VI. 616–617), а также, видимо, попавшие сюда в силу какого-то *qui pro quo* Тесей (VI. 617–618) и отец Иксиона Флегий (VI. 618–620), которые, строго говоря, почти ни по каким критериям не могут быть отнесены к кругу «первогрешников». Можно говорить, таким образом, о двух списках: «кратком» (он же более древний, который, следовательно, и нужно брать за основу) и «пространном» (данными которого тоже ни в коем случае не следует пренебрегать, ссылаясь на вергилиевскую *licentia poetica*).

Нужно отметить, что в описаниях мук «первогрешников» не следует искать этической идеи загробного воздаяния за грехи. Ее совсем нет в указанном пассаже у Гомера, у Вергилия же она определенно имеет характер позднейшего наслоения на древний материал. Тантал, Сизиф, Титий и другие подвергаются наказаниям не за какие-то преступления против морали, нравственности. За что же? Об этом подробно будет сказано чуть ниже, а пока констатируем тот факт, что рассматриваемые мифологемы, несомненно, глубоко архаичны. Кстати, об этом говорят уже сами имена «первогрешников» (*Τάνταλος*, *Σίσυφος*, *Τιτύος*), в которых наблюдается удвоение начального корневого согласного, характерное именно для архаичных языковых форм¹¹. Все говорит о том, что

⁹ Например: *Топоров В. Н.* Эней – человек судьбы. К «средиземноморской» персоналогии. Ч. 1. М., 1993; *Цымбурский В. Л.* Анхиз-змея. К регенерации раннефракийского мотива в «Энеиде» Вергилия // ВДИ. № 4. 1996. С. 35.

¹⁰ Они упомянуты еще в *Νέκυια* (XI. 307–320), но вне связи с Аидом.

¹¹ См. в связи с Танталом: *Топоров В. Н.* Миф о Тантале... С. 63, 66, 72. Ср. аналогичное явление в названии титанов (*Τιτᾶνες*) – древних, доолимпийских богов.

мы имеем дело с весьма древними, доолимпийскими (хотя и не обязательно «хтоническими»¹²) мотивами.

Фигуры «первогрешников» казались загадочными, насколько можно судить, уже с самой античности. Начиная как минимум с V–IV вв. до н. э. (Пиндар, Платон) наблюдаются попытки толкования, интерпретации этих образов в аллегорическом или (прото)евгемеристском ключе. Традиция такого рода толкований была продолжена в историографии Нового времени. Специалистами по мифологии – представителями различных школ в этой области – предлагались самые разнообразные, порой взаимоисключающие трактовки. Так, в Сизифе видели солнечное, лунное, морское божество, героя-прародителя эолийцев или покровителя морской торговли, мифологического прототипа коринфских тиранов Кипселидов, воплощение вечного наказания; в Алоадах – божества света или земледельческих духов; в Иксионе – солнечное божество или символ мужской производящей силы; в Тантале – опять же солнечное или горное божество, мифологизированного малоазийского царя доисторической эпохи, и т. д., и т. п.¹³ Количество толкований, наверное, почти безгранично. Мы позволяем себе предложить очередную интерпретацию только потому, что, как нам кажется, она, в отличие от уже имеющихся, позволяет рассмотреть образы «первогрешников» не в изоляции друг от друга, а в совокупности, как единый, целостный комплекс, и определить место этого комплекса мифологом (или, точнее, комплексной мифологемы) в общей структуре греческой мифологии.

Предварительно не можем не коснуться того достаточно прискорбного (хотя, видимо, в известной степени объяснимого и закономерного) обстоятельства, что методы структурного анализа еще далеко не в достаточной мере применяются при изучении мифологии древних греков. Без преувеличения можно

¹² Приходится специально делать эту оговорку, поскольку с легкой руки А. Ф. Лосева (см. наиболее полное издание его классического труда: *Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян*. М., 1996) в отечественном антиковедении прочно привилось мнение, что олимпийской, или «героической», стадии в развитии античной мифологии обязательно предшествовала стадия «хтоническая», а это, на наш взгляд, некоторое упрощение.

¹³ Подробнее обо всех этих (и других) трактовках см. по соответствующим словарным статьям в издании: *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie* / Hrsg. von W. Roscher. Bd. 1–6. Lpz., 1884–1937. Словарь Рошера относится к категории таких книг, о которых говорят: «Старые, но не устаревшие». Уникальный по исчерпывающей полноте приводимого материала, он и по сей день может быть весьма полезен специалистам. Конечно, со времен выхода этого словаря появлялись и новые интерпретации интересующих нас мифологических образов. Однако они, как правило, либо являются вторичными и повторяют с незначительными вариациями ранее выдвигавшиеся мнения, либо далеки от строго научной акрибии (как, например, чисто философская, экзистенциалистская трактовка образа Сизифа Альбером Камю).

сказать, что огромных достижений добились представители различных школ структурализма (К. Леви-Строс, Ж. Дюмезиль, М. Элиаде и их многочисленные последователи) в исследовании самых разных мифологий, будь то индийская, древнегерманская, периферийные (какая-нибудь полинезийская или даже чукотская). А вот в области наиболее богатой, наиболее сохранной, наиболее яркой из всех мифологий мира – мифологии античной Эллады – выработанные ими приемы подхода к материалу и концептуальные парадигмы пока не нашли себе должного места. Вероятно, отпугивает именно грандиозность, громадность этого мифологического корпуса, крайняя неоднородность его компонентов, большое количество разновременных наслоений¹⁴ и др. Безусловно, нельзя сказать, что на обозначенном направлении не сделано совсем ничего. Отдельные сюжеты греческих мифов достаточно успешно рассматривались в структурном ключе, в том числе и в отечественной литературе (В. Н. Топоров, В. Л. Цымбурский, Т. В. Цивьян, Е. Г. Рабинович, Е. С. Наумова и др.). За рубежом особенно активно занимаются проблемами греческой религии в структуралистском ключе французские исследователи (Ж.-П. Вернан, М. Детьенн, П. Видаль-Накэ). Ими получены весьма интересные результаты, хотя, признаться, некоторые тезисы представителей французской школы все-таки производят впечатление субъективных, порой едва ли не произвольных. Во избежание этого необходимо, чтобы структурные методы сочетались с системным подходом, чтобы любая мифологема анализировалась во всей совокупности контекстных взаимосвязей.

Именно в целях оптимального освещения контекста представляется уместным, прежде чем перейти к интерпретированию конкретного материала, напомнить некоторые основополагающие сведения из общей теории мифологии¹⁵. Для многих (не решимся сейчас категорично сказать – для всех) мифологических систем характерна трехчленная структура универсума, его деление на «верхний», «срединный» и «нижний» миры. В греческой мифологии эти категории коррелируют соответственно с небесным Олимпом – обиталищем богов, земным миром людей и Аидом-Тартаром. Эти три мира не изолированы друг от друга, но соединены неким, как обычно выражаются, «мировым деревом». Впрочем, структуралистская концепция «мирового дерева» была не столь давно подвергнута справедливой критике И. М. Дьяконовым¹⁶, который отметил, что далеко не всегда и не везде эта мифологема связана именно с дере-

¹⁴ Ср. по этому поводу: *Зелинский Ф. Ф.* Сказочная древность: Античный мир. М., 1994. С. 4–5.

¹⁵ По поводу того, что будет сказано ниже, см. во всех подробностях: *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. 2-е изд. М., 1995.

¹⁶ В одном из его последних монографических исследований: *Дьяконов И. М.* Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.

вом. Это может быть, например, башня (месопотамские зиккураты), гора (гора Олимп у греков выполняла, судя по всему, во многом аналогичную роль) и т. п.; в принципе, она вообще может не присутствовать на эксплицитном уровне. Осторожнее, таким образом, говорить не о «мировом древе», а пользоваться более широким и нейтральным выражением, например «мировая вертикаль».

Наличие нескольких вертикально структурированных миров и необходимость коммуникации между ними вызывают к жизни универсальную мифологическую фигуру медиатора – посредника между этими «зонами». Медиатор может выступать как в антропоморфном, так и в зооморфном (конь в мифологиях многих народов¹⁷) или миксантропическом обличье; часто он принимает две, на первый взгляд, противостоящие друг другу, но в истоках своих тесно взаимосвязанные ипостаси: «культурного героя» (греч. *πρώτος ἑρμής*), ода-ривающего людей разного рода благами и навыками, полученными, как правило, из мира богов, и так называемого «трикстера», то есть, если можно так выразиться, анти-«культурного героя», «культурного героя» наизнанку, взятого в сниженном, зачастую комическом ключе. «Культурный герой» и трикстер могут существовать как порознь (греч. Прометей и Эпиметей), так и сливаться в один синкретический образ (германский Локи). Всё это фигуры, характерные в основном для архаичных стадий развития мифологии. «С выделением пантеона высших небесных богов культурный герой иногда превращается в помощника, посланца верховного творца, исполнителя роли последнего, но возможен конфликт культурного героя с богами»¹⁸.

Думается, ни у кого не возникнет сомнения относительно того, какой персонаж в классической олимпийской мифологии сочетает в себе черты медиатора, культурного героя и трикстера. Конечно же, это Гермес¹⁹, выступающий в роли посредника между всеми тремя мирами. С одной стороны, он вестник богов, несущий их волю людям; с другой стороны, он же – психопомп, проводник душ умерших в подземное царство. Гермес – культурный герой. Уже согласно III гомеровскому гимну, он изобрел лиру (ст. 25–54), свирель-сирингу (ст. 511–512), искусство добывать огонь (ст. 108–110). Более поздние источники добавляют много новых штрихов к этой его характеристике. Гермес вручает Нефеле златорунного барана (Apollod. I. 9. 1), Персею – меч для борьбы с Медузой (Ibid. II. 4. 2), Амфиону – чудесную лиру (Ibid. III. 5.5), Одиссею открывает секрет волшебной травы (Hom. Od. X. 277 sqq.). Его называют изобретате-

¹⁷ К образу коня см.: *Пронн В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996. С. 169 сл.

¹⁸ *Мелетинский Е. М.* Культурный герой // Мифы народов мира: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1977–1978.

¹⁹ См. характеристику Гермеса с данной точки зрения: *Vernant J.-P.* Myth and Thought among the Greeks. L., 1983. P. 128 ff.

лем алфавита и цифр, астрономии и музыки²⁰. В мифе, рассказанном софистом V в. до н. э. Протагором и пересказанном Платоном (Prot. 320c–322e), Гермес по приказу Зевса завершает задачу, не выполненную Прометеем, – приносит людям, вдобавок к техническим новшествам, общественно-этические ценности. Миф этот, безусловно, поздний и авторский, но характерно, что именно Гермесу приписана в нем типично медиативная роль.

Наконец, Гермес – ярко выраженный трикстер, обманщик и надуватель, бог воров и вор среди богов. III гомеровский гимн целиком построен на трикстерских чертах Гермеса: только что родившийся бог обманывает и Аполлона, и самого Зевса. Гермес научил обману и клятвопреступлению известного мошенника Автолика, деда Одиссея (Od. XIX. 395 sqq.); с помощью обмана он убил многоглазого Аргоса, а в ходе гигантомахии – гиганта Ипполита (Apollod. I. 6. 2).

Кажется, незачем множить количество примеров: все уже приведенные однозначно говорят о том, что в олимпийской мифологии медиативно-трикстерские функции почти монопольно принадлежат Гермесу (хотя, безусловно, в рудиментарной форме они встречаются и у некоторых других персонажей²¹). Как обстояло дело в доолимпийский период? Уже а priori можно утверждать, что единой медиативной фигуры не было; существовал целый ряд медиаторов различного масштаба. О двух из них – персонажах, оттесненных на обочину олимпийской мифологии, но имевших, вне сомнения, великое прошлое, – будет подробнее сказано ниже; это титаны Прометей и Атлант (кстати, родные братья).

Функции медиаторов – культурных героев – трикстеров, как мы попытаемся показать, свойственны кат' ἐξοχήν образам перечисленных выше «первогрешников». Рассмотрим прежде всего мифологические «события» и «действия», связанные с этими персонажами в их, так сказать, «земной жизни», до заключения их в Аид. Иными словами, проанализируем приписываемые им «прегрешения», за которые их и постигла кара. Сразу следует отметить, что в этой сфере мы сталкиваемся в ряде случаев с крайней поливариантностью традиции, в отличие от рассказов об их наказаниях, где вариации минимальны²².

²⁰ Как известно, в некоторых идейных течениях поздней античности фигура Гермеса «Трижды Величайшего» приобретает просто-таки глобальные масштабы универсального культурного божества. Строго говоря, это развитие образа не должно непосредственно интересовать нас, но не следует забывать, что оно лишь в полной мере актуализовало потенции, заложенные в образе изначально.

²¹ Так, Геракл, спустившийся в Аид и поднявшийся на Олимп, бог-герой с его патологическим обжорством и припадками безумия – фигура, в принципе, с аналогичными интенциями.

²² Ср.: Рабинович Е. Г. Мифологема нектара – опыт реконструкции // Палеобалканистика и античность: Сб. науч. трудов. М., 1989. С. 116 (в связи с Танталом).

Тантал обвиняется либо в разглашении тайн богов (Eur. Or. 10; Ovid. Met. VI. 213), либо в краже с Олимпа нектара и амбросии и раздаче их людям с целью обеспечить им бессмертие (Pind. Ol. I. 81 sqq.), либо в обмане богов – нечестивом угощении их человеческим мясом (Pind. Ol. I. 50 sqq.), либо в клятвопреступлении (Paus. X. 30. 2), либо в отрицании божественности Солнца (Diog. Laert. II. 8 – поздняя евгемеризованная версия).

Весьма разнообразны рассказы о Сизифе. Помимо того что он прослыл знаменитейшим хитрецом и обманщиком, ему приписывается разглашение тайн богов (Apollod. I. 9. 3; ср. Serv. ad Verg. Aen. VI. 616: *deorum consilia hominibus publicavit*), обман Аида-Плутона (или Персефоны) и бога смерти Танатоса (последний был закован в цепи, в результате чего люди перестали умирать, то есть было совершено действие, аналогичное по последствиям похищению амбросии Танталом), возвращение на землю из царства мертвых (Theogn. 702 sqq.). Характерно, что женой Сизифа была Мерепа (Apollod. III. 10. 1), дочь Атланта, упомянутого нами выше в числе медиаторов.

Относительно великана Тития расхождений нет. Источники сходятся в том, что он пытался обесчестить богиню Латону (Hom. Od. XI. 580 sq.; Apollod. I. 4. 1).

Переходим теперь к «пространному» списку Вергилия. Весьма интересными мифологическими персонажами следует признать Алоадов. Они тоже великаны; враждуя с богами, они угрожали, «взгромоздив Пелий на Оссу», подняться на небо (Hom. Od. XI. 305 sqq.), хотели жениться на богинях Гере и Артемиде (Apollod. I. 7. 4), заковали и держали в темнице бога войны Ареса (Hom. II. V. 385 sqq. – ср. аналогичный поступок Сизифа с Танатосом). В фигурах Ота и Эфиальта в высшей степени явственно выступают черты культурных героев. Им приписывается основание ряда городов, учреждение культа Муз (Paus. IX. 29. 1–2). Видимо, эти герои были некогда весьма популярны; не случайно даже их могилы показывали в нескольких разных местах (Paus. IX. 22. 5; Plin. Nat. hist. VII. 73).

Сравнительно малоизвестным героем является Салмоней (кстати, брат Сизифа). Источники (Apollod. I. 9. 7; Verg. Aen. VI. 585 sqq.) обвиняют этого царя в кощунстве: он объявил себя Зевсом и, подражая богу-громовержцу, разбегал на колеснице, имитируя гром грохотом медных сосудов и молнию – бросаемыми в небо зажженными факелами. В этом мифе с полным основанием видят отголоски каких-то магических обрядов.

Иксион, первым из людей совершивший убийство свойственника (тестя), был очищен от скверны Зевсом и даже взят им в сотрапезники богов (Schol. Hom. Od. XXI. 304; Schol. Apoll. Rhod. Arg. III. 62). Однако, нарушив обычаи гостеприимства, Иксион воспылал любовью к Гере и пытался овладеть ею; обלאный образ этой богини, созданный Зевсом, породил от Иксиона миксантро-

пическое медиативное существо – кентавра (Apollod. epit. 1. 20). Характерно еще, что «земная» супруга Иксиона носит имя Дия, воплощая, таким образом, женскую ипостась Зевса.

Наконец, Пирифой, сын Иксиона и друг Тесея (в ряде отношений, можно сказать, его «двойник»). Этот довольно популярный герой оказывается участником многих эпизодов греческой мифологии – кентавромахии (Ovid. Met. XII. 210 sqq.), Калидонской охоты (Apollod. I. 8. 2), ряда похищений женщин. Но основным его поступком, за который он, собственно, и несет наказание, является спуск (вместе с Тесеем) в Аид с целью похищения оттуда Персефоны, которую Пирифой задумал взять в жены (Apoll. Rhod. Arg. I. 101–106; Apollod. II. 5. 12; epit. 1. 23).

Обобщая источниковый материал о «первогрешниках», можно увидеть, что все кажущееся разнообразие их «прегрешений» сводится к двум категориям деяний. Во-первых, это попытка сломать грань между «верхним», «средним» и «нижним» мирами, иными словами, осуществление медиативной функции. Этот слом грани может принимать разные формы, как прямые (Алоады стремятся подняться на Олимп, а Пирифой – спуститься в подземное царство; Сизиф невредимым выходит из Аида; он же пленяет смерть; в сущности, то же делают Алоады, заковав Ареса; аналогичный поступок совершает Тантал, даровав людям пищу бессмертия; Иксион, напротив, приводит смерть в мир; Салмоней уподобляет себя верховному божеству), так и косвенные (слом грани на матримониальном уровне – попытка брака с богинями, наблюдаемая в случае с Титием, Алоадами, Иксионом, Пирифоем; на вербальном уровне – разглашение божественных тайн, то есть низведение какой-то информации из «верхнего» в «срединный» мир, что сделали Тантал и Сизиф; на вещном уровне – низведение из «верхнего» мира каких-то предметов – случай Тантала). Всё это – проявление функции медиатора, а также культурного героя. Отнюдь не случайно в ряде вариантов мифа Тантал и Сизиф предстают в качестве благодетелей человечества.

Вторая категория «прегрешений» – разного рода обманы богов и вообще проявление хитрости. Такова общая репутация Сизифа, такова нечестивая трапеза Тантала. Хитрость и обманы всецело относятся, как мы видели выше, к чертам поведения, свойственным трикстеру – существу, находящемуся в тесной связи с медиатором – культурным героем, который зачастую (и, видимо, изначально) выступает с ним в одной ипостаси.

Итак, образы «первогрешников» следует считать отражающими медиативные функции для доолимпийской эпохи. Множественность этих образов, насколько можно судить, объясняется локальными вариациями мифологии²³.

²³ См. об этих вариациях: *Нильссон М.* Греческая народная религия. СПб., 1998.

Вполне закономерно, что, как правило, они связаны с разными регионами греческого мира: Сизиф – с Коринфом, Алоады – с Фессалией и Беотией, но прежде всего с Фракией, Салмоней – с Элидой, Иксион и Пирифой – с Фессалией (областью лапифов), Титий – с Беотией (минийский Орхомен), Тантал – то ли с Малой Азией, то ли все-таки с Пелопоннесом, где впоследствии действовали его потомки (Пелоп и Пелопиды)²⁴.

При переводе этих мифологических образов в плоскость культа, ритуала получаем фигуру, весьма часто встречающуюся в архаических религиях, а именно фигуру харизматического царя-жреца, осуществляющего магическими средствами медиативные функции, общение-посредничество с «верхним» и «нижним» мирами (напомним, что и согласно мифам практически все «первогрешники» при жизни были царями). Иными словами, получаем, в сущности, фигуру шамана²⁵. Не столь давно Л. Я. Жмудь подверг достаточно убедительной критике применение термина «шаманизм» к греческой религиозной традиции²⁶ (несмотря на то, что такое словоупотребление весьма часто встречается, в том числе и в работах авторитетнейших специалистов²⁷). Действительно, шаманизм в собственном смысле слова, сибирский шаманизм – это конкретно-исторический феномен, развитая система верований и обрядов, не имеющая, естественно, никакого отношения к античной Греции²⁸. Однако почему нельзя говорить о круге типологически (именно типологически, а не хронологически и не стадильно) схожих явлений, объединяя их условным наименованием шаманизма в широком смысле слова? А в том, что такие явления существовали и на древнегреческой почве, сомневаться не приходится. Разве вышеупомянутая магия Салмоней не несет черт сходства с шаманскими камланиями?

После всего вышесказанного вполне резонен вопрос: каким образом и почему древние медиаторы – культурные герои оказались не просто «на обочине» мифологии (это как раз вполне объяснимо), но и превратились в подвергающихся вечной каре преступников? Рассмотрим в связи с этим наказания, которые они несут в Аиде. Титию терзают печень два коршуна (Hom. Od. XI.

²⁴ По поводу соотношения мифов о Тантале, Пелопе, Пелопидах см.: *Фрейдсберг О. М.* Миф и литература древности. М., 1978. С. 49–55.

²⁵ Данный круг вопросов наиболее подробно разбирался в историографии Ф. Корнфордом. См. из его важнейших работ: *Cornford F. M.* The Origin of Attic Comedy. Cambridge, 1934; *Idem.* Principium sapientiae: The Origins of Greek Philosophical Thought. Cambridge, 1952; *Idem.* From Religion to Philosophy: A Study in the Origins of Western Speculation. N. Y., 1957.

²⁶ *Жмудь Л. Я.* Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб., 1994. С. 121 сл.

²⁷ Например: *Доддс Э. Р.* Указ. соч. С. 199 сл.

²⁸ Хотя не исключено, что имеющая одним из своих источников, наряду с прочими, и античную традицию, поскольку шаманизм в узком смысле – явление достаточно позднее.

576 sqq.). Сизиф вкатывает на высокую скалу огромный камень (Ibid. 593 sqq.). «Танталовы муки» первоначально, судя по всему, заключались в нависшей над головой скале или камне (так у наиболее ранних авторов – Архилоха, Алкея, Алкмана, Пиндара); вариант с вечным голодом и жаждой среди полного изобилия, как почти единодушно признают исследователи, является более поздним и вторичным. Пирифой прикован к скале цепями (или змеями); Алоады прикованы к колонне (Hygin. Fab. 28); Иксион прикован к колесу (по одному из вариантов мифа он несет свое наказание не в Аиде, а в небе).

Бросается в глаза удивительно единообразие настойчиво повторяющихся мотивов: скалы, цепи, терзающие печень птицы... Вдумчивый и эрудированный читатель наверняка уже осознал, чья семантика здесь фигурирует: конечно же, связанная с Прометеем. Прометей – несомненный доолимпийский медиатор, культурный герой «номер один» и в то же время обманщик-трикстер (эта его черта особенно выпукло выступает у такого раннего автора, как Гесиод); эта грандиозная фигура однозначно оказывается типологически близкой и сродной нашим «первогрешникам», принадлежащей к одному с ними кругу. Прометей за аналогичные с ними деяния также подвергнут наказанию, а в одном из вариантов мифа – даже низвергнут в Тартар.

Наказан и Атлант, брат Прометея. И это – фигура, принадлежащая к тому же кругу. Обратим внимание на то, что между именами Атланта (ἄτλας) и Тантала (τάινταλος) имеется несомненная этимологическая близость: в обоих прослеживается корень тал-/τλα- («нести»). В некоторых маргинальных мифологических традициях эти персонажи сближены вплоть до взаимного перемешивания. Тантал, например, несет небо, или же Зевс наваливает на него гору Сипил. Сизиф, как отмечалось выше, был зятем Атланта; характерно, что Сизиф «несет» камень, как Атлант «несет» небесный свод²⁹. Не забудем здесь и Алоадов, создающих из трех высочайших гор Греции своего рода новую «мировую вертикаль», «мировую гору», ведущую на небо, то есть, в сущности, выполняющих в известном смысле работу Атланта. Повторение одних и тех же (или чрезвычайно сходных) мифологем настолько часто, едва ли не назойливо, что предложенная выше интерпретация, кажется, подтверждается уже самой этой частотностью, когда говорить о случайных совпадениях нет решительно никакой возможности.

И еще один нюанс. «Первогрешникам» систематически противостоит не кто иной, как Гермес. Этот бог кладет конец хитростям Сизифа, окончательно

²⁹ Существует роспись на дне килика, которая в одних изданиях (словарь Рошера) интерпретируется как изображение Сизифа и Тития, в других же (отечественная энциклопедия «Мифы народов мира») – как изображение Атланта и Прометея. И дело здесь, думается, не в том, что кто-то из современных интерпретаторов прав, а кто-то ошибается. Любая мифологема принципиально полисемантична, о чем не следует забывать.

уводя его в Аид после неудачи Танатоса (Schol. Hom. II. VI. 153). Он же освобождает Ареса, взятого в плен Алоадами. Гермес по приказу Зевса приковывает Иксиона к колесу. Такая ситуация представляется нам не случайной. Как отмечалось в начале статьи, в течение олимпийского периода истории греческой религии и мифологии роль главного медиатора, посредника между космическими зонами, играет именно Гермес. Он занимает эту позицию почти монопольно, не имея сопоставимых по значению «конкурентов». Соответственно, прочие персонажи, ранее исполнявшие медиативные функции (а в их числе находятся, как мы убедились, не только Атлант и Прометей, но и все «первогрешники»), должны «уйти», – естественно, в фигуральном смысле. Они вытесняются и оттесняются Гермесом на «обочину» мифологии, становятся периферийными фигурами, во всяком случае, утрачивают свое бывшее значение, как бы «выдавливаются» в Аид-Тартар (кстати, сами олимпийские боги, как известно, именно туда вытеснили титанов – предшествующее поколение небожителей). Более того, прежние медиаторы и культурные герои из положительных персонажей превращаются в отрицательных, из великих героев – в великих преступников.

В связи с этим начинает осуждаться и медиативная «шаманистская» культовая практика, не нашедшая себе легитимного места под холодным солнцем классического Олимпа; ее реминисценции сохраняются в архаических мифах. Видимо, именно этот переходный период эволюции данного сегмента греческого мифоритуального комплекса и отразился в колоритных образах «первогрешников», с теми их чертами, которые запечатлели дошедшие до нас памятники.

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ И ГРЕЧЕСКАЯ СКУЛЬПТУРА КОНЦА VI-V В. ДО Н. Э.*

Пожалуй, наиболее детальное и интересное описание Олимпии в античной литературе принадлежит Павсанию. Достаточно даже беглого взгляда на это описание, чтобы заметить характерный факт: периегет уделяет в своем обширном труде Олимпии больше места, нежели какому бы то ни было другому городу Эллады, в том числе, как ни парадоксально, больше, чем даже Афинам. Пассаж, посвященный Олимпии, занимает у Павсания 42 главы, плавно перетекая из пятой книги в шестую (V. 7 – VI. 21). Для сравнения: Афинам уделено 29 глав (I. 2–30), Дельфам – 28 глав (X. 5–32), другим достопримечательным местам (Спарта, Фивы, Коринф и т. д.) – еще гораздо меньшее пространство. Этот факт, без сомнения, свидетельствует о громадном месте Олимпии в культурной истории Греции, осознававшимся уже в античности.

Львиная доля павсаниевой периегезы Олимпии приходится на описание и характеристику памятников скульптуры, находившихся на священном участке Зевса – Альтисе. Только статуям атлетов-олимпиоников посвящены 18 глав (VI. 1–18). Если присоединить к ним описание других скульптур (V. 10 – фронтоны и метопы храма Зевса Олимпийского; V. 11–12 – статуя Зевса и другие скульптуры внутри храма; V. 17 – статуи в храме Геры; V. 22–27 – другие статуи votивного характера), в целом получится 28 глав, что составляет две трети всего пассажа об Олимпии – беспрецедентный случай в труде Павсания. При этом следует отметить, что автор сознательно фиксирует внимание читателей только на древних статуях (не позднее II в. до н. э.), лишь в очень редких случаях делая исключения из этого принципа.

Создается впечатление (и, насколько можно судить, оно вполне оправданно), что античная Олимпия была настоящим музеем скульптуры под открытым небом. Произведений ваятелей (разумеется, имеются в виду произведения, представляющие художественную ценность) было в ней больше (причем, возможно, на порядок больше), чем в любом другом греческом городе. В Олимпии работали скульпторы со всех концов греческого мира – из Сициона и Афин, Аргоса и италийского Регия, Мегар и Эгины... Здесь, вне всякого сомнения, происходило их активное творческое общение, здесь становились общегреческим достоянием инновации и достижения той или иной художественной

* Впервые опубликовано (с маленькой неточностью в заголовке, допущенной по нашей вине) в: Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 256–274.

школы¹. Без преувеличения можно сказать, что Олимпия стала одним из главных мест рождения самого феномена классической греческой скульптуры – феномена, одного из значительнейших в культурной истории человечества.

В чем же конкретно заключались роль и значение Олимпии (и, в частности, Олимпийских игр) для формирования и эволюции скульптурного мастерства греков? Попытаемся дать ответ на этот вопрос на материале конца VI–V в. до н. э. – периода, когда, по общепринятому мнению, эллинская скульптура в своем развитии достигла абсолютного пика, впоследствии уже не превзойденного.

Важнейшая особенность греческой скульптуры эпохи классики, делающая ее явлением уникальным, принципиально отличающая ее от архаической скульптуры (а также и от скульптуры Древнего Востока), состоит в ее динамизме, жизненности. В определенный момент именно на греческой почве произошел воистину революционный прорыв в сфере изображения человеческого тела, особенно в передаче его сложных движений; самым решительным образом были преодолены статика, схематизм, условность архаических куросов и кор, еще во многом опиравшихся на восточную (в частности, египетскую) традицию².

Вышесказанное не подвергается сомнению, кажется, никем³. Задача данной работы – рассмотреть на конкретном материале источников, по возможности воздерживаясь от неверифицируемых суждений, насколько большое влияние на этот переход от статики к динамике оказала практика Олимпийских игр и, в частности, практика создания статуй олимпиоников.

Уже а priori факт такого влияния трудно отрицать. Общеизвестно, что в древнегреческой цивилизации атлетика играла несравненно большую культурную роль, нежели когда-либо в мировой истории. Мы сознательно употребляем здесь термин «атлетика», а не «спорт», чтобы оттенить принципиальное различие в семантике феномена, его месте в античности и в наши дни. Английское *sport* означает, в сущности, «развлечение». Для грека же атлетика отнюдь

¹ Вальдгауер О. Ф. Мирон. Берлин, 1923. С. 15; Соколов Г. И. Олимпия. М., 1980. С. 77; Herrmann H.-V. Olympia: Heiligtum und Wettkampfstätte. München, 1972. S. 120.

² О египетском влиянии на греческую скульптуру эпохи архаики см.: Блаватский В. Д. Греческая скульптура. М.; Л., 1939. С. 28; Charbonneaux J. La sculpture grecque archaïque. P., 1939. P. 13; Jeffery L. H. Archaic Greece: The City-States c. 700–500 B.C. L., 1978. P. 30; Hurwit J. M. The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985. P. 131; Hallett C. H. The Origins of the Classical Style in Sculpture // Journal of Hellenic Studies. 1986. Vol. 106. P. 79.

³ Блаватский В. Д. Указ. соч. С. 47–52; Соколов Г. И. Олимпия... С. 77–78; Richter G. M. A. Three Critical Periods in Greek Sculpture. Oxf., 1951. P. 1; Hurwit J. M. Op. cit. P. 309; Hallett C. H. Op. cit. P. 78.

не являлась развлечением (*ἄλλος* – это прежде всего тяжелый, напряженный труд), она была пронизана вполне серьезным – сакральным – смыслом. Вряд ли стоит приводить хрестоматийные аргументы вроде того, что атлетические состязания проводились исключительно во время (и как один из главных компонентов) религиозных празднеств – либо общественных, либо (реже) погребальных – или что атлеты-победители единственными среди живых людей удостоивались права на статую, фактически (да, пожалуй, и формально) приравнивавшую их к существам «высшего» порядка, и т. п.

Это не означает, что развлечений как таковых – профанных, несакрализованных форм досуга – не было. Их более чем достаточно; среди них в рассматриваемую эпоху – и охота, и симпосий, и утехы гетер. Но как раз атлетика – сфера совершенно иного порядка. Отнюдь не случайно, что среди олимпийоников мы встречаем и полководцев, и тиранов (или претендентов на тиранию), и ойкистов, и даже мифологизированных «культурных героев» – борцов с inferнальными, хтоническими силами⁴.

Необходимо подчеркнуть, что атлетика была далеко не в последнюю очередь именно *культурным* феноменом, уже весьма рано наложившим свой отпечаток, помимо прочего, на различные стороны искусства. Разве культ обнаженного мужского тела в греческой живописи и скульптуре не связан напрямую с атлетической практикой? Гимнасии, дромы, палестры, почти постоянное зрелище тренирующихся или соревнующихся бегунов, борцов, панкратиастов – таков историко-культурный фон работы художника древней Эллады⁵.

В связи со всем вышесказанным представляется более чем странным то обстоятельство, что искусствоведы, исследователи греческой скульптуры классической эпохи, не уделяют практически никакого внимания ее атлетическим, «олимпийским» корням. И тем не менее это так. Вопрос о возможности (или невозможности) влияния панэллинских игр на формирование классического стиля даже не ставится⁶. Так, в сравнительно недавней работе, специально посвященной именно данному вопросу⁷, разбираются и характеризуются основные концепции складывания этого стиля, в которых на первый план выдвигает-

⁴ О политической роли олимпийоников см.: *Зельин К. К.* Олимпийоники и тираны // ВДИ. № 4. 1962. С. 21–29.

⁵ Ср.: *Винкельман И.-И.* Избранные произведения и письма. М., 1996. С. 92; *Ривкин Б. И.* В долине Алфея: Олимпийские игры в искусстве Древней Греции. М., 1969. С. 7; *Бешиков А.* Олимпизм и искусство. София, 1985. С. 34.

⁶ Не считая беглых замечаний: *Блаватский В. Д.* Указ. соч. С. 17; *Соколов Г. И.* Олимпия... С. 78; *Акимова Л. И.* Греческая скульптура периода ранней классики (500–450 гг. до н. э.): Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 1981. С. 6; *Charbonneaux J.* La sculpture grecque archaïque... Р. 95.

⁷ *Hallett C. H.* Op. cit. Р. 71–84.

ся то один, то другой фактор его развития. Ни одна из этих концепций не затрагивает указанного нами аспекта. Сам автор работы предлагает свое, во многом интересное и убедительное видение проблемы; но и для него такого фактора, как атлетика, как бы не существует.

Здесь следует заметить, что в зарубежных исследованиях последних лет, посвященных различным проблемам античной культуры, прослеживается вполне определенная тенденция, сводящаяся к попытке дать культурным феноменам «чисто культурное объяснение». Любого рода внешние влияния на данную сферу культуры при этом либо отрицаются, либо признаются в минимальном объеме; предполагается, что каждая отдельно взятая форма культурной жизни (будь то литература, искусство и т. п.) эволюционирует по собственным внутренним законам, в соответствии с собственной логикой развития, заключающейся в вырастании внутри традиции проблем (во многом чисто технического характера) и последующем их разрешении имеющимися средствами. Методологической базой подобных построений служат некоторые антихолистские соображения Карла Поппера – одного из «властителей умов» нынешней западной интеллектуальной элиты⁸. В частности, уже предпринималось рассмотрение именно с таких позиций основных особенностей эволюции афинского театра в V–IV вв. до н. э.⁹ Из тех же предпосылок исходит и Холлетт – автор упоминавшейся выше статьи «Происхождение классического стиля в скульптуре»¹⁰.

Безусловно, никто не станет отрицать, что любая сфера культуры имеет свою внутреннюю логику. Но всё ли объясняется только ей? Стоит ли отрицать значение мощных толчков «извне», от которых во многом зависит, по какому из нескольких альтернативных путей эволюции пойдет данная традиция? Сведя всё многообразие разнонаправленных импульсов к «профессиональным», едва ли не чисто техническим (пусть даже в греческом, более широком понимании слова τέχνη) проблемам, мы, во-первых, серьезно обедним понимание феномена античной культуры, стушаем ее уникальность, коренящуюся в уникальных конкретно-исторических условиях ее возникновения и функционирования¹¹. Во-вторых, отдельные области культурного творчества, трактуемые как замкнутые, самодовлеющие традиции, окажутся при таком подходе вися-

⁸ См. в русском переводе: Поппер К. Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 169–174.

⁹ Wallace R. W. Speech, Song and Text, Public and Private: Evolutions in Communications Media and Fora in Fourth-Century Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 199–217. Ср. наши возражения: Суриков И. Е. Новая концепция афинской истории IV в. до н. э. // ВДИ. № 4. 1996. С. 240.

¹⁰ Hallett C. H. Op. cit. P. 75.

¹¹ См. наиболее подробно: Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985.

щими в некоем «вакууме», не допускающем их теснейшей взаимосвязи друг с другом и с жизнью. Между тем известно, что во всяком случае в V в. до н. э. ни театр, ни скульптура еще не утратили издревле присущей им религиозной семантики и в качестве носителей таковой могут интерпретироваться лишь как составные элементы более широкого культурного единства.

Убедившись таким образом, что игнорирование внешних факторов развития скульптуры неправомерно, мы вправе поставить вопрос: о каких конкретно факторах может идти речь? В исследовательской литературе фигурируют самые различные факторы. Это и общий дух эпохи, «золотого века» античной Эллады, отмеченного бурным развитием буквально во всех сферах культуры, несомненным нарастанием рациональных элементов в мировоззрении¹²; и оказавшие огромное влияние на современников победы греков над Ахеменидской державой, заложившие основу весьма нетипичного для древнего мира исторического оптимизма, прослеживающегося и у Эсхила, и у Протагора, и у ряда других авторов V в.¹³; и приток в материковую Грецию передовых ионийских мастеров, принесших с собой более совершенные приемы изготовления статуй¹⁴; и становление классической афинской демократии¹⁵; и влияние на скульптуру (особенно на скульптурные группы) грандиозных синтетических действий аттической трагедии, достигшей в это время своего высшего расцвета¹⁶.

Разумеется, все перечисленные факторы не исключают, а взаимодополняют друг друга. Не следует отрицать воздействия ни одного из них; в равной степени неуместно одностороннее выдвижение на первый план какого-нибудь единственного в ущерб остальным. Так, порой преувеличивается влияние на возникновение классического стиля феномена афинской демократии¹⁷. Необходимо учитывать, что классическая скульптура – явление отнюдь не только аттическое. Трудно предполагать прямое влияние афинской демократии, скажем, на скульптурное убранство храма Зевса в Олимпии. Правда, высказывалось мнение, согласно которому мастера олимпийских фронтонов и метоп находились под непосредственным впечатлением картин Полигнота – художника, связанного прежде всего с Афинами¹⁸, но это предположение само еще

¹² Блаватский В. Д. Указ. соч. С. 47.

¹³ Там же. С. 50. Об оптимистической идее прогресса в рассматриваемую эпоху см.: Виц-Маргулес Б. Б. Античные теории общественного развития и прогресса // Античный полис. СПб., 1995. С. 141–143.

¹⁴ Вальдгауер О. Ф. Мирон... С. 34.

¹⁵ Charbonneaux J. La sculpture grecque archaïque... Р. 54.

¹⁶ Ibid. Р. 95.

¹⁷ Критику такого преувеличения см.: Hallett C. H. Op. cit. Р. 74.

¹⁸ Акимова Л. И. Место Мирона в искусстве V в. до н. э. // Проблемы всеобщей истории. М., 1974. С. 324; Langlotz E. Die Herkunft des Olympiameisters // Jahrbuch des Deutschen

нуждается в дополнительной аргументации, тем более что упомянутые картины известны только по описаниям.

Осторожность нужна и при проведении параллелей между классической скульптурой и трагедией. Аттическая трагедия этого времени – жанр менее всего динамический или натуралистический. Для драм Эсхила, да еще и Софокла характерно совсем иное – статичность, монументальность, торжественная иератичность¹⁹. Да и «многофигурные композиции» в трагедии с ее максимумом в два, позже три актера кажутся невозможными.

Теперь предстоит решить проблему: можно ли назвать в ряду перечисленных выше факторов эволюции скульптуры Олимпийские игры, и если да, то каким образом, в каком направлении и с какими результатами этот фактор действовал? Попытку ответа на эти вопросы и представляет последующий анализ фактологического материала. Последний в целях последовательности изложения будет сгруппирован по трем сюжетам.

Предварительно следует напомнить об одном важном обстоятельстве. Традиционно границы периодов истории греческого изобразительного искусства приурочиваются к границам между веками по нашему летоисчислению. На рубеже VI–V вв. до н. э. проводят границу между эпохами архаики и классики, рубежом V–IV вв. датируют переход от зрелой к поздней классике, рубежом IV–III вв. – от классики к эллинизму. Парадокс заключается в том, что эти границы, проведенные, казалось бы, чисто формально, на деле формальными *не являются*. На это обстоятельство недавно обратил внимание немецкий искусствовед А. Борбайн. По редкому совпадению (кстати, весьма удобному для нас) цезуры между периодами развития искусства (в частности, скульптуры) приходится в рассматриваемую эпоху именно на рубежи между столетиями. Так, на рубеже VI–V вв. до н. э. действительно происходит переход от архаики к так называемому «строгому стилю», который в настоящее время интерпретируют как раннюю классику²⁰.

* * *

Теперь – свидетельства источников. Плиний Старший (Nat. hist. XXXIV. 9. 16) отмечает, что первоначально статуи ставились лишь богам; из людей первыми их стали воздвигать олимпийским победителям, причем при трое-

Archäologischen Instituts. Bd. 49. Ht. 1/2. 1934. S. 24–44; *Schrader H.* Das Zeusbild des Pheidias in Olympia // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*. Bd. 56. Ht. 1/2. 1941. S. 4–5.

¹⁹ *Иванов Вяч. И.* Дионис и прадионисийство. 2-е изд. СПб., 1994. С. 251–254.

²⁰ *Borbein A. H.* Die bildende Kunst Athens im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr. // *Die athenische Demokratie...* S. 434. Об особенностях скульптуры V в. до н. э. в сравнении с предшествующим и последующим периодами см. также: *Götze H.* Die Entdeckung des Raumes in der griechischen Kunst // *Forschungen und Funde*. Innsbruck, 1980. S. 507–512.

кратной победе ставилась так называемая «иконическая» статуя (от греческого *εἰκονικός*), воспроизводящая портретные черты²¹.

Какое время имеет в виду данное сообщение? *Terminus ante quem* дает сам Плиний (*Nat. hist.* XXXIV. 9. 17) – статуи тираноубийц Гармодия и Аристогонтона. Первый вариант этой скульптурной группы, принадлежащий Антенору, был создан около 508 г. до н. э.²² Для установления *terminus post quem* обратимся к свидетельству Павсания. Последний указывает (VI. 18. 7), что первыми статуями атлетов в Олимпии были изображения эгинета Праксидаманта (победителя 544 г. до н. э. в кулачном бою) и Рексипия из Опунта (победителя 536 г. в панкратии)²³. Павсаний сам видел обе статуи, которые были сделаны еще из дерева. Стояли они близ колонны Эномая, в центре Альтиса²⁴, что уже само по себе предполагает их древность.

Правда, в другом месте (VI. 15. 8–9) Павсаний, кажется, противоречит сам себе, сообщая, что он якобы видел статую спартанца Эвтелида, победителя 628 г. до н. э. сразу в двух видах состязаний – борьбе и пентатле – среди мальчиков. Но при этом периегет прибавляет, что надпись на основании статуи стерлась от времени; видимо, он атрибутировал ее дату по сообщениям олимпийских «гидов» – экзегетов, которые вполне могли (намеренно или по незнанию) «удревнить» датировку. Одного из таких экзегетов – Аристарха – упоминает сам автор (V. 20. 4). Впрочем, помимо предположения об ошибке Павсания или его информаторов, возможно и другое разрешение имеющегося противоречия. Не исключено, что статуя Эвтелида была поставлена не сразу после его победы, а много лет спустя. Аналогичные случаи зафиксированы²⁵. Никаких других статуй олимпиоников старше 544 г. Павсаний при всей своей любви к архаике не отмечает, что позволяет принять эту его датировку.

²¹ Об «иконических» статуях см.: *Gross W. H.* Quas iconicas vocant: Zum Porträtcharakter der Statuen dreimaliger olympischer Sieger. Göttingen, 1969.

²² Из последней литературы по культу и статуям тираноубийц см.: *Lavelle B. M.* The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993. P. 42–58; *Shapiro H. A.* Religion and Politics in Democratic Athens // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 1994. P. 123–129; *Versnel H. S.* Religion and Democracy // *Die athenische Demokratie...* S. 367–387. Датировка группы Антенора началом V в. до н. э. (после 496 или даже 487 г.), предлагавшаяся по историко-политическим мотивам, значительно менее вероятна в свете того, что мы знаем о стиле этого скульптора.

²³ Наиболее полное на сегодняшний день восстановление списка олимпиоников на основе упоминаний у античных авторов см. в известной книге: *Moretti L.* *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. R., 1957.

²⁴ *Herrmann H.-V.* Op. cit. S. 115.

²⁵ Ibid. S. 115; *Gross W. H.* Op. cit. S. 6.

Высказывалось предположение²⁶, что в родных городах олимпиоников существовали более древние их статуи, нежели в самой Олимпии. Однако два примера, приводимые в подтверждение этой гипотезы, не производят впечатления убедительных. Виденная Павсанием (I. 28. 1) статуя Килона, победителя 640 г. в двойном беге (Euseb. Chron. I. 197–198 Schoene), на афинском Акрополе не может быть статуей олимпионика. Во-первых, сам Павсаний никак не связывает статую с победой Килона; во-вторых, после известной «Килоновой смуты» вряд ли статуя главаря мятежа сохранилась бы в центре Афин; в-третьих, упомянутая статуя была бронзовой, то есть достаточно поздней. По наиболее убедительной датировке Р. Страуда статуя Килона была воздвигнута не ранее V в. до н. э., скорее всего – в начале Пелопоннесской войны (в катартических целях)²⁷.

Второй пример – статуя (опять же не деревянная, а каменная) панкратиста Аррахциона, двух- или трехкратного олимпийского победителя (последняя победа, в 564 г. до н. э., стоила ему жизни), стоявшая в южноаркадском местечке Фигалия (Paus. VIII. 40. 1). Это произведение, безусловно, раннее (типичный архаический курос, судя по описанию Павсания), но более ли раннее, чем олимпийские статуи Праксидаманта и Рексипия? Сомнительно, чтобы в захолустной Фигалии обычай ставить статуи олимпиоников утвердился прежде, чем в самой Олимпии. Скорее и здесь мы имеем дело со скульптурой, воздвигнутой жителями местечка в честь своего знаменитого земляка какое-то время спустя после события, возможно, под влиянием олимпийских статуй (благо Фигалия – один из ближайших к Олимпии полисов).

Несколько позже установился обычай ставить статую победителю в конных бегах. Павсаний (VI. 10. 8) связывает эту практику с Клеосфеном из Эпидамна, победителем 516 г. до н. э. в состязании колесниц-четверок, и действительно, более ранних статуй такого рода он не упоминает. По всей вероятности, ранее победители посвящали в Олимпию свою колесницу (Paus. loc. cit.) или ставили статую лошади. О последнем свидетельствует отмеченная Павсанием (VI.1 3. 9) статуя «кобылы коринфянина Фейдола». С этой статуей связан рассказ о якобы имевшей место победе лошади, сбросившей наездника, без сомнения представляющий собой коринфскую этиологическую легенду, призванную объяснить данный статуарный тип. Действительно, рядом с названной кобылой стояло аналогичное изображение жеребца (Paus. VI. 13. 10), но уже без подобного рода легенды.

²⁶ Herrmann H.-V. Op. cit. S. 115.

²⁷ Stroud R. S. Drakon's Law on Homicide. Berkeley, 1968. P. 70–74. При этом отрицать сам факт олимпийской победы Килона (Lang M. Kylonian Conspiracy // Classical Philology. Vol. 62. No. 4. 1967. P. 243–249) нет серьезных оснований.

Итак, к концу VI в. до н. э. твердо установился обычай ставить статуи олимпийщиков. Представляется вполне правомерным связать этот факт с происшедшим на рубеже веков переворотом коренного значения – переходом от архаики к ранней классике, к «строгому стилю». Одним из первых греческих авторов на этот прорыв в изображении человека откликнулся Эсхил. В его сатировской драме «Феоры» (fr. 78a Radt = P. Оху. XVIII. 2162) хор сатиров шумно восхищается небывалой жизненностью изображений (εἰκόνας), судя по всему – статуток.

Несколько дополнительных соображений в пользу нашего предположения. Во-первых, очень скоро, уже в VI в., деревянные статуи олимпийщиков уступают место бронзовым. Этот новый материал несравненно более располагал к передаче сложных движений, нежели дерево, уже самой своей фактурой «сковывавшее» изображения. Олимпийский Альтис начинает заполняться бронзовыми скульптурами. К сожалению, ни одна из них до нас не дошла; в частности, в Олимпии не обнаружено ни одного кураса²⁸. Это, впрочем, вполне объяснимо: бронза была стратегически важным материалом, и подавляющее большинство изготовленных из нее статуй ожидала в последующие века плачевная судьба быть переплавленными²⁹. Потому-то все вообще бронзовые скульптуры античного мира, дошедшие до нас (в отличие от мраморных, сохранившихся в многократно большем количестве), можно буквально пересчитать по пальцам. К счастью, мы располагаем довольно большим количеством баз от статуй олимпийщиков. Из надписей на этих базах известны 65 имен победителей, 44 из которых упоминаются Павсанием³⁰.

Первая известная по описанию (Paus. VI. 10. 3) статуя олимпийщика, не повторяющая традиционный тип кураса, а представляющая атлета в движении, изображала кулачного бойца Главка из эвбейского Кариста, победителя 520 г. до н. э. Сама статуя была посвящена сыном Главка уже после смерти последнего, в начале V в.; автором ее является известный скульптор Главкий с Эгины³¹. Кстати, интересно, что по наблюдениям специалистов именно тогда, на рубеже VI–V вв. до н. э., ионийские скульпторы в целом уступают пальму первенства пелопоннесским³².

Во-вторых, есть все основания считать, что весьма крупной фигурой этой эпохи был аргосский скульптор Гагелад³³. Павсаний (VI. 8. 6; 10. 6–7; 14. 11)

²⁸ Hurwit J. M. Op. cit. P. 197.

²⁹ Bunnep Б. Р. Искусство Древней Греции. М., 1972. С. 99–100.

³⁰ Herrmann H.-V. Op. cit. S. 115.

³¹ Ср.: Соколов Г. И. Олимпия... С. 77; Акимова Л. И. Греческая скульптура... С. 7.

³² Charbonneaux J. La sculpture grecque archaïque... P. 58.

³³ «Великим» скульптором справедливо называет Гагелада Л. Джеффри (Jeffery L. H. Op. cit. P. 142).

отмечает три статуи работы Гагелада в Олимпии, в том числе упоминавшуюся выше первую статую победителя в колесничных бегах Клеосфена, а также статуи бегуна Аноха из Тарента (победителя 520 г. до н. э.) и знаменитого дельфийского панкратиаста Тимасифея, погибшего в 507 г. (Herod. V. 72).

Гагелад – фигура во многом загадочная. Даже в передаче его имени источники колеблются. Плиний (Nat. hist. XXXIV. 19. 49) называет его Hage-lades (т. е. Ἀγελάδας), Павсаний (loc. cit.) – Ἀγελάδας, с тонким придыханием. Судя по найденной в Олимпии сигнатуре его сына Аргиада (Ἀργειάδας : Ναγελάιδα : τάργεϊο), более верна форма «Гагелад», а не «Агелад»³⁴. Гагелад, начавший свою деятельность в последние десятилетия VI в. до н. э., успешно работал вплоть до середины следующего столетия. Античные авторы называют его учениками Мирона (Plin. Nat. hist. XXXIV. 19. 57), Поликлета (ibid. 19. 55), а порой и Фидия (Schol. Aristoph. Ran. 501; Suid. s.v. Γελάδας; Tzetz. Chil. VIII. 325)³⁵, то есть практически всех крупнейших мастеров высокой классики. Видимо, он сыграл важную роль в ломке архаических традиций.

К сожалению, достоверные произведения Гагелада или их копии до нас не дошли; предпринимались попытки атрибутировать ему то или иное анонимное произведение. Так, М. М. Кобылина считала работой Гагелада известную статую Зевса, найденную в 1928 г. в море у мыса Артемисий³⁶. Однако Ж. Шарбонно приписывает эту скульптуру более позднему (первая половина – середина V в. до н. э.) скульптору Каламиду, прославившемуся изображениями богов³⁷, и это, видимо, ближе к истине. К стилю Гагелада археологи, работавшие в Олимпии, относят найденную при раскопках статуэтку лошади, составлявшую часть несохранившейся миниатюрной скульптурной группы (упряжки-четверки)³⁸. Во всяком случае, несомненно, что этот художник был блестящим мастером фигур лошадей и групп с лошадьми.

В-третьих, едва ли не самая знаменитая скульптура «строного стиля» – бронзовая статуя возничего начала V в. до н. э., правда, происходящая из Дельфов (где она была найдена в 1896 г.), но, вне сомнения, созданная

³⁴ Таронян Г. А. Примечания // Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М., 1994. С. 278–279.

³⁵ Последний факт часто отрицается, поскольку у Диона Хрисостома (Or. LV. 1) учителем Фидия назван афинский скульптор Гегий. Но, во-первых, указанное место Диона – не более чем конъектура испорченного текста; во-вторых, разве ученичество Фидия и у Гегия, и у Гагелада исключают друг друга? (Bunneп Б. Р. Указ. соч. С. 189).

³⁶ Кобылина М. М. Аттическая скульптура: VII–V века до н. э. М., 1953. С. 109.

³⁷ Charbonneaux J. La sculpture grecque archaïque... P. 101. Другие атрибуции – Онат, Мирон (Bunneп Б. Р. Указ. соч. С. 155–156).

³⁸ Kunze E., Schleif H. III. Bericht über die Ausgrabungen in Olympia // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Bd. 56. Suppl. 1941. S. 135–143.

также в связи с атлетической победой и входившая в состав изображения упряжки. По словам искусствоведа Ю. Д. Колпинского, «в этом памятнике ощутима свойственная ранней классике реальная конкретность мотива, вплоть до введения деталей, чуждых подчеркнутой обобщенности архаической формы»³⁹. Здесь также налицо связь между играми и новыми веяниями в искусстве.

Кстати, нельзя ли попытаться атрибутировать эту статую Гагеладу? Скульптор еще работал в эту эпоху (вероятно, около 470 г. до н. э.); кроме того, известно, что он был тесно связан не только с Олимпией, но и с Дельфами⁴⁰. Об этом свидетельствует не только упоминавшаяся выше статуя дельфийца Тимасифея его работы, но и описываемая Павсанием (X. 10. 6) бронзовая скульптурная группа Гагелада в Дельфах, посвященная тарентинцами и изображавшая пленниц из италийского племени мессапиев и коней. Группа, судя по всему, была создана в 470-е гг. Таким образом, Гагелад работал в Дельфах именно тогда, когда появился «Дельфийский возничий». Интересно, что примерно в то же время молодой Фидий трудился в Дельфах над группой статуй афинских героев (Paus. X. 10. 1–2), очевидно посвященной Кимоном⁴¹. Не в это ли время он мог обучаться у Гагелада?

Ж. Шарбонно атрибутирует «Дельфийского возничего» Пифагору Регийскому⁴². Впрочем, следует заметить, что любая такая атрибуция, сколь бы соблазнительной она ни казалась, всегда остается лишь гипотезой и в любой момент может быть отвергнута или заменена иной. Метод реконструкции творчества греческих скульпторов путем атрибутирования им тех или иных сохранившихся произведений неизвестного авторства получил широкое распространение в искусствоведении со времен А. Фуртвенглера. Однако применение этого метода дает надежные результаты лишь при большой осторожности; интуиция исследователя должна основываться на глубочайшем знании им изобразительного материала. В противном случае всегда открыт путь для выводов, в определенной мере произвольных, не поддающихся сколько-нибудь

³⁹ Колпинский Ю. Д. Великое наследие античной Эллады и его значение для современности. 2-е изд. М., 1988. С. 93.

⁴⁰ Скульпторы, как и все деятели культуры, были наиболее мобильной частью населения в архаической и классической Греции (Зайцев А. И. Указ. соч. С. 40 сл.).

⁴¹ Gauer W. Das Athenerschatzhaus und die marathonischen Akrothina in Delphi // Forschungen und Funde... S. 129–130; Mattusch C. The Eponymous Heroes: The Idea of Sculptural Groups // The Archaeology of Athens and Attica... P. 73–74.

⁴² Charbonneaux J. La sculpture grecque archaïque... P. 82–85; возражение см.: Блаватский В. Д. Указ. соч. С. 59. Предлагались и другие атрибуции (Bunnet B. P. Указ. соч. С. 163–164).

объективной проверке, как это порой и получалось у учеников и последователей Фуртвенглера (например, у О. Ф. Вальдгауера⁴³).

* * *

Следующий важный этап эволюции греческой скульптуры – середина V в. до н. э. (период 460–450 гг.), когда происходит переход от ранней к высокой, или зрелой, классике. И в этот процесс Олимпия также вносит исключительно весомый вклад. Первым крупным произведением скульптуры высокой классики традиционно (и вполне обоснованно) считаются скульптурные группы фронтонов и метоп храма Зевса в Олимпии. Эти памятники поддаются весьма точной датировке: храм был завершен элейским архитектором Либоном в 457–456 гг. до н. э.⁴⁴, вне сомнения, в это же время создавалось и его скульптурное убранство.

Павсаний (V. 10. 8) приписывает скульптуры на фронтонах знаменитым мастерам V в. до н. э. Пеонию (восточный фронтон) и Алкамену (западный фронтон), но эта атрибуция единодушно отвергается в современном искусствоведении как по хронологическим (акмэ Пеония и Алкамена приходится на несколько десятилетий позже указанной даты), так и по стилистическим соображениям (стиль этих скульптурных групп отличается от стиля известных нам произведений и Пеония, и Алкамена)⁴⁵. Достаточно убедительными представляются соображения, приводимые Г. А. Тароняном по поводу того, как имена этих двух скульпторов оказались связаны с храмом Зевса⁴⁶. Пеоний, судя по всему, был автором установленных позже на крыше храма акротериев, а впоследствии его авторство по ошибке оказалось перенесено на фронтон. Алкамен же, возможно, реставрировал во второй половине V в. несколько угловых фигур западного фронтона, пострадавших от землетрясения.

Всё скульптурное убранство храма было выполнено коллективом мастеров из разных областей греческого мира (в основном пелопоннесских), работавших под руководством одного выдающегося художника, которого условно называют «мастером Олимпии»⁴⁷. Этот скульптор, принадлежавший к пело-

⁴³ Вальдгауер О. Ф. Мирон...; Он же. Пифагор Регийский: Исследование в области греческой скульптуры первой половины V в. до Р.Х. Пг., 1915.

⁴⁴ Соколов Г. И. Олимпия... С. 87; Акимова Л. И. Греческая скульптура... С. 10.

⁴⁵ Об этих скульпторах см.: Charbonneau J. La sculpture grecque classique. Т. 1. Р., 1943. Р. 42–50 (Алкамен), 56–59 (Пеоний).

⁴⁶ Таронян Г. А. Указ. соч. С. 642–643. Ср.: Lechat H. Phidias et la sculpture grecque au Ve siècle. Р., 1906. Р. 55.

⁴⁷ Langlotz E. Op. cit. Passim; Charbonneau J. La sculpture grecque archaïque... Р. 97–98; Lapalus E. Le fronton sculpté en Grèce des origines à la fin du IVe siècle. Р., 1947. Р. 22, 181, 297, 331–333.

поннесской школе (возможно, элеец) и являвшийся младшим современником Гагелада и Главкия, очевидно, сыграл при создании данного скульптурного комплекса роль, аналогичную роли Фидия в работе над скульптурным убранством афинского Парфенона. Иными словами, он разработал в деталях общий план, изготовив пространственную модель, и осуществлял руководство и контроль над воплощением его в жизнь; практически все статуарные изображения храма несут на себе отпечаток его гения. К сожалению, имя этого замечательного мастера неизвестно и все попытки идентифицировать его с кем-либо из известных нам скульпторов того времени пока заканчиваются неудачей⁴⁸.

Олимпийские фронтонные скульптуры открывают новую эпоху, вводят искусство в сферу зрелой классики. На западном фронте (кентавромахия) господствует «бурное движение и напряжение»; восточный, изображающий колесничные состязания Пелопа и Эномая, полон «скрытого конфликта и готовности к бурному действию». Оба фронтона уравнивают друг друга во «взаимодополняющем контрасте», который служит установлению «конечной гармонии»⁴⁹.

Случайно ли, что первый крупный образец искусства нового стиля (или переходного к новому стилю) возник именно в Олимпии? Думается, это совершенно закономерно. С одной стороны, вполне естественно, что именно в таком центре, как Олимпия, где одновременно работали крупные художники всей Эллады, оказалось возможным собрать для выполнения крупной задачи коллектив мастеров из разных городов, которому удалось создать памятник, ставший как бы квинтэссенцией уже имевшихся достижений и мощным стимулом к дальнейшему развитию. С другой стороны, в высшей степени вероятно, что динамизм и жизненность, проявившиеся в стилистике скульптурного убранства храма, стали плодом наблюдений мастеров над практикой олимпийских состязаний, являвшей собой реальное, зримое торжество сложного движения.

Динамика «в чистом виде» господствует на западном фронте; на восточном она латентна, потенциальна. Это связано с общеизвестным обстоятельством: восточный фронтон в греческих храмах, считавшийся главным («передним»), нес изображения иератического, сакрального, культово важного для данного храма характера, что уже располагало к традиционности и статике, в то время как на западных фронтонах допускалась большая свобода сюжета и

⁴⁸ Одна из возможных идентификаций – аргосский скульптор Дионисий (*Langlotz E. Op. cit.*), но и она не менее гипотетична, чем любая другая.

⁴⁹ *Колпинский Ю. Д.* Указ. соч. С. 96–98. О фронтонах храма Зевса в Олимпии см. также: *Lechat H. Op. cit.* P. 50–56; *Wolters P. Der Westgiebel des olympischen Zeustempels.* München, 1908; *Hamann R. Olympische Kunst.* Marburg, 1923; *Соколов Г. И.* Олимпия... С. 92–141.

действия⁵⁰. Немаловажно в связи с этим, какой именно сюжет был избран для восточного, иератического фронтона олимпийского храма. Это – подготовка к состязаниям колесниц-четверок. Как известно, именно этот вид состязаний был в Олимпии в какой-то степени «приоритетным»; победа в нем считалась наиболее престижной. Колесничные бега можно назвать символом Олимпийских игр. Характерно, что этот легко узнаваемый символ был помещен на прекрасно обозримом и семантически наиболее насыщенном месте – восточном фронтоне храма, обращенном прямо к стадию и ипподрому.

Первым крупным персонально известным скульптором высокой классики был Мирон⁵¹ из Элевтер – местечка на границе Аттики и Беотии. Элевтеры еще в конце VI в. до н. э. были инкорпорированы в афинский полис, их население получило права афинского гражданства, хотя и не было включено в клисфеновскую систему фил, триттий и демов⁵². Таким образом, Мирон был афинским гражданином; не случайно Павсаний повсюду называет его афинянином. Вполне возможно, что и основная мастерская скульптора находилась в Афинах.

Пик творческой активности Мирона приходится на 450–440-е гг. до н. э. Дошедший до нас в позднейших копиях его «Дискобол» производит совершенно неизгладимое впечатление – настолько он непохож на более ранние скульптурные изображения, настолько точно переданы автором «ритмы сложного движения», «живая подвижность пластической поверхности», «естественная свобода и гибкость формы»⁵³. Однако «Дискобол» в древности отнюдь не считался главным шедевром Мирона, уступая это место его прославленной «Телке» (Plin. Nat. hist. XXXIV. 19. 57), и рассматривался скорее как типовой образец его творчества. Видимо, особенности, отразившиеся в этой работе, были характерны для всех вообще статуй, созданных Мироном; динамизм – общая особенность его новаторского стиля.

Связь Мирона с миром атлетических игр не подлежит никакому сомнению. Об этом свидетельствует уже «Дискобол». Отметим и тот факт, что источниками зафиксированы пять или шесть статуй Мирона в Олимпии. Среди них статуи панкратиаста Тиманфа из Клеон в Аργοлиде, победителя 456 и 452 гг.

⁵⁰ Childs W. A. P. The Date of the Old Temple of Athena on the Athenian Acropolis // The Archaeology of Athens and Attica... P. 3. Ср.: Соколов Г. И. Олимпия... С. 92.

⁵¹ Мирон – «последний художник строгого стиля и первый – нового времени, высокой классики» (Акимов Л. И. Место Мирона... С. 327). О Мироне см. также: Вальдгауер О. Ф. Мирон...; Блаватский В. Д. Указ. соч. С. 72–76; Соколов Г. И. Мирон. Поликлет. М., 1961; Bunnep B. P. Указ. соч. С. 171–179; Charbonneaux J. La sculpture grecque classique... Т. 1. P. 12–30.

⁵² Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 118–119.

⁵³ Колтинский Ю. Д. Указ. соч. С. 98–99.

до н. э. (Paus. VI. 8. 4), спартанца Ликина – победителя 448 г. в состязаниях колесниц (Paus. VI. 2. 2; он заказал Мирону сразу две статуи), Филиппа из аркадской Пеллены, выигравшего в 444 или 436 г. кулачный бой среди мальчиков (Paus. VI. 8. 5), а также спартанца Хионида – знаменитого атлета VII в. до н. э. (Paus. VI. 13. 2; статуя, следовательно, была поставлена два века спустя после его жизни, по заказу спартанского полиса). Наконец, известная эпитафия (Anth. Pal. XVI. 54) называет Мирона автором статуи спартанского бегуна Лада, победителя 476 г. В таком случае это верхний рубеж творчества Мирона, время начала его деятельности.

Таким образом, Миронем было создано больше статуй олимпийщиков, нежели почти любым другим скульптором этого времени. Единственное исключение – его старший современник и соперник (Plin. Nat. hist. XXXIV. 19. 59) Пифагор Регийский. Павсаний (VI. 4. 4; 6. 1; 6. 7; 7. 10; 13. 1; 13. 7; 18. 1 – не вполне ясное место) упоминает шесть или семь статуй этого последнего мастера в Альтисе. Несколько сложнее обстоит дело с другим знаменитым современником Мирона – аргивянином Поликлетом. Источники зачастую не различают двух Поликлетов – Старшего (V в. до н. э.), который только и может интересоваться нас в данном контексте, и Младшего (IV в. до н. э.). Среди упоминаемых Павсанием олимпийских «статуй Поликлета» только три (VI. 4.11; 13. 6) можно надежно отнести к художнику V в.; авторство двух (VI. 7. 10; 9. 3) спорно, две созданы младшим носителем этого имени. Во всяком случае, статуй Поликлета Старшего в Олимпии было не больше, чем мироновских⁵⁴.

Известны и другие «атлетические» статуи Мирона (Plin. Nat. hist. XXXIV. 19. 57). Это был мастер, теснейшим образом связанный с атлетикой, с играми, с Олимпией. Упомянутый «Дискобол», видимо, не являлся статуей конкретного олимпийщика. Высказывалось даже мнение, что эта скульптура изображает Аполлона⁵⁵. Но скорее мы имеем дело с сознательно созданным эстетическим каноном художника, каким был, скажем, для Поликлета «Дорифор»⁵⁶.

Плиний (Ibid. 19. 58) отмечает, что Мирон первым из греческих скульпторов «умножил правдивость» (*multiplicasse veritatem*), даже предпочитая его в ряде отношений Поликлету. Однако, по мнению римского эрудита, основные достижения Мирона связаны с передачей движений тела, а не состояний души. Последнее вполне естественно для скульптора, поглощенного атлетической тематикой, изображавшего преимущественно олимпийских и иных победителей.

⁵⁴ Кстати, и относительно Пифагора нет полной уверенности, существовал ли один скульптор с таким именем или два – из Регия и с Самоса (Таронян Г. А. Указ. соч. С. 323–324).

⁵⁵ Соколов Г. И. Мирон. Поликлет... С. 5.

⁵⁶ Вальдгауер О. Ф. Мирон... С. 23.

* * *

Последний сюжет, на котором мы остановимся, — олимпийская деятельность афинянина Фидия, самого великого и прославленного из греческих ваятелей. В Олимпии, как известно, была даже «мастерская Фидия» (Paus. V. 15. 1), к настоящему времени раскопанная немецкими археологами⁵⁷. Интересно, что при раскопках найден даже автограф Фидия — фрагмент небольшого сосуда с надписью на донце снаружи: Φειδίου ἐρί (к «я принадлежу Фидию»).

Вплоть до недавнего времени в связи с рассматриваемым сюжетом вставала серьезная хронологическая проблема. Не было полной ясности по вопросу о том, к какому времени относится работа Фидия в Олимпии, в частности в каком соотношении находится она к его работе на афинском Акрополе. Вопрос этот отнюдь не второстепенный, как может показаться. От ответа на него зависит определение места «олимпийского» периода творчества Фидия в его биографии как художника, да и в целом в истории греческой скульптуры. Источники не дают нам однозначных указаний на этот счет, и в исследовательской литературе существуют самые разнообразные, подчас полярно противоположные точки зрения.

Согласно одной из них, Фидий уехал в Олимпию после 438 г. до н. э., после завершения Парфенона, а к 432 г. вернулся в Афины, где подвергся суду и умер в тюрьме (Plut. Per. 31; ср. Diod. XII. 39. 1; Schol. Aristoph. Pax 605)⁵⁸. Другие исследователи относят суд над Фидием к 437 г. до н. э., отрицают его смерть в афинской тюрьме и доказывают, что скульптор бежал в Элиду, после чего работал в Олимпии до 422 г., когда умер (естественной или насильственной смертью). При этом опираются на не вполне надежный фрагмент аттидографа Филохора (FGrHist. 328 F121 = Schol. Aristoph. Pax 605)⁵⁹. Третьи склоняются к тому, чтобы относить работу Фидия в Олимпии к периоду до 447 г., то есть до начала реконструкции афинского Акрополя⁶⁰. Таким образом, кажется, перебраны все теоретически возможные датировки.

Противоречие часто пытались разрешить с помощью следующего аргумента. Павсаний (V. 11. 3; VI. 10. 6) сообщает, что любимцем Фидия был элейский мальчик Пантарк, олимпийский победитель 436 г. до н. э. в борьбе среди

⁵⁷ Mallwitz A., Schiering W. Die Werkstatt des Pheidias in Olympia (Olympische Forschungen. Bd. 5). B., 1964.

⁵⁸ Kirchner I. Prosopographia Attica. B., 1903. T. 2. P. 347; Lechat H. Op. cit. P. 69, 80; Buschor E. Phidias der Mensch. München, 1948. S. 25–26.

⁵⁹ Jacoby F. Fragmente der griechischen Historiker. Bd. 3b. Supplement. Vol. 1. Leiden, 1954. S. 484–496; Herrmann H.-V. Op. cit. S. 165; ср.: Mattusch C. Op. cit. P. 74 (где сам факт суда над Фидием не принимается во внимание).

⁶⁰ Bunneп Б. Р. Указ. соч. С. 190 сл.; Таронян Г. А. Указ. соч. С. 297–298; Schrader H. Op. cit. S. 1–71.

мальчиков. Следовательно, к этому периоду следует относить и его отношения с Фидием; во всяком случае, олимпийские экзегеты времени Павсания считали именно так. Принимая этот аргумент (хотя он отнюдь не бесспорен), нет никакой возможности датировать работу скульптора в Олимпии периодом до 447 г. В то же время отсутствуют серьезные основания отрицать факт суда и смерти Фидия в Афинах и его традиционную датировку (432 г.)⁶¹.

Впрочем, в настоящее время об анализируемом сюжете можно судить уже со значительно большей степенью уверенности. В 1943 г. Ж. Шарбонно отмечал, что в нашем распоряжении нет «решающего аргумента» в пользу той или иной датировки⁶². К счастью, с тех пор такой «решающий аргумент», похоже, все-таки появился. Археологи, раскапывавшие «мастерскую Фидия», совершенно однозначно датируют слой, в котором найден автограф скульптора (а также ряд других предметов – кусочки слоновой кости, глиняные матрицы для золотых деталей статуи Зевса и т. п.) периодом 440–430 гг. до н. э.⁶³ Таким образом, во всех отношениях предпочтительным оказывается мнение, согласно которому Фидий работал в Олимпии после завершения ансамбля Парфенона и до судебного процесса, то есть в 437–432 гг. до н. э.

Названный срок может показаться слишком кратким, но на деле это не так. За девять лет работы над Парфеноном (447–438 гг.) под руководством Фидия были созданы скульптурные группы фронтонов и метоп, грандиозный панафинейский фриз и статуя Афины Парфенос, не говоря уже о возведении самого здания храма. В Олимпии же речь шла лишь о храмовой статуе Зевса. Во всяком случае, почти несомненно этот эпизод деятельности мастера приходится на последние годы его жизни и представляет собой, таким образом, венец, завершающий этап его творчества.

Изготовлением статуй олимпийских победителей Фидий не занимался. Правда, предполагалось считать его творением статую упоминавшегося Пантарка (Paus. VI. 10. 6), но достаточных оснований для этого нет: Павсаний, сообщая об этой статуе, не преминул бы оговорить столь почетное автор-

⁶¹ Корзун М. С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444–425 гг. до н. э. Минск, 1975. С. 40–46; Суриков И. Е. Судебные процессы о «нечестии» (ἀσέβεια) в Афинах последней трети V в. до н. э. // *Среда, личность, общество*. М., 1992. С. 56–57; Schachermeyr F. Religionspolitik und Religiosität bei Perikles. Wien, 1968. S. 71 ff.; Prandi L. I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle // *Aevum*. Vol. 51. Fasc. 1/2. 1977. P. 10–26; Badian E. Op. cit. P. 233. Суд над Фидием был одним из звеньев в цепи атак на Перикла со стороны его политических противников в период, непосредственно предшествовавший Пелопоннесской войне.

⁶² Charbonneaux J. La sculpture grecque classique... Т. 1. P. 58; ср.: Richter G. M. A. Op. cit. P. 8; Соколов Г. И. Олимпия... С. 144.

⁶³ Mallwitz A., Schiering W. Op. cit. S. 272–277.

ство. Фидию принадлежала стоявшая в Олимпии среди изображений олимпийцев (Paus. VI. 4. 5) скульптура «Анадумен» (юноша, повязывающий голову лентой), но статуей какого-то конкретного победителя она, видимо, не была.

Главным произведением Фидия «олимпийского» периода его деятельности и, следовательно, его итоговой работой стала колоссальная хрисоэлефантинная статуя Зевса в храме этого бога. Уникальна историческая судьба данного памятника. Древние единодушно считали ее лучшим произведением не только Фидия, но и всей классической греческой скульптуры (Plin. Nat. hist. XXXIV. 19. 54). Из всех художественных творений V века (отнюдь не обделенного шедеврами) только она впоследствии удостоилась чести войти в канонический каталог Семи чудес света. Зевс Фидия сохранялся дольше, чем все другие колоссальные скульптуры греческой классики. На самом закате античности, уже после победы христианства, он был перевезен из Олимпии в Константинополь. Это произошло, видимо, в 426 г., когда император Феодосий II издал указ о разрушении храма Зевса (впрочем, фактически храм простоял до VI в., когда погиб от землетрясения)⁶⁴. По сообщению византийского историка XII в. Георгия Кедрина (Comp. histor. 322b; 348a), статуя стояла в одном из константинопольских дворцов, где и погибла в огне пожара в 476 г. (весьма символическая дата!).

Иконографический тип фидиева Зевса стал в некотором роде одним из универсальных архетипов мирового искусства, бесчисленное количество раз с теми или иными вариациями воспроизводившимся в самые разные эпохи при самой разной семантике. После появления этого памятника уже ни один мастер, работавший над образом Зевса, не мог не учитывать его в своем творчестве.

До нас не дошло ни одной копии или даже сколько-нибудь близкой реплики фидиева Зевса. Отдаленные реплики, конечно, существуют. Одной из них является, например, колоссальная римская статуя Юпитера, находящаяся ныне в Эрмитаже. Единственными – естественно, в высшей степени грубыми и схематизированными – воспроизведениями облика оригинальной статуи являются ее изображения на нескольких монетах адриановского времени (II в. н. э.)⁶⁵. При этом бесследно исчезло и другое изображение Зевса работы Фидия – скульптурный портрет «отца богов» в центре восточного фронтона афинского Парфенона. Обладая мы хотя бы этой работой, было бы значительно легче реконструировать общую трактовку скульптором образа верховного божества. Но в условиях ее отсутствия исследователи вынуждены основываться на противоречивых свидетельствах позднеантичных авторов, выдвигающих на первый план то грозные, то благостные черты этого художественного образа, и на общих представлениях о стиле Фидия.

⁶⁴ Herrmann H.-V. Op. cit. S. 149.

⁶⁵ Соколов Г. И. Олимпия... С. 144; Frel J. Contributions à l'iconographie grecque. Praha, 1969. P. 15.

Фидий занимает совершенно особое место в истории древнегреческого искусства. Высказывалось небезосновательное мнение, согласно которому он во многом «притормозил» развитие скульптуры и даже обратил его вспять⁶⁶. Фидию чужды динамика и экспериментаторство работ Мирона, его статуи исполнены спокойного и монументального величия. Не потому ли он не создавал статуй олимпийщиков?

В связи с этим следует отметить, что в скульптуре V в. до н. э. сосуществовали две тенденции. На одной из них – стремлении к динамизму и натурализму – мы преимущественно сосредоточились выше; именно на эту тенденцию оказала немалое влияние практика атлетических состязаний. Вторая тенденция была консервативной; это курс на возврат назад, к сакральной глубине и символизму архаического курса⁶⁷. Естественно, что данная тенденция проявлялась в наибольшей мере в тех скульптурных памятниках, которые теснее были связаны с религией, с культовой практикой. Консервативное воздействие на скульптуру оказывали и величавые образы ранней аттической трагедии, и – осмелимся высказать неочевидное предположение – даже афинская демократия, которая вплоть до эпохи Пелопоннесской войны отнюдь не была радикальной. «Идеология демократического полиса была весьма консервативной»⁶⁸. Имевшие огромную значимость как для религиозного, так и для политического ритуала статуи героев-эпонимов фил, поставленные на Агоре в 470-е гг. до н. э.⁶⁹, были вполне традиционными и статичными.

В творчестве Фидия эта вторая, консервативная тенденция побеждает всецело. Этот факт находится в тесной взаимной связи с другим: тема атлета в скульптуре его времени значительно редуцируется по сравнению с предшествующей эпохой⁷⁰. А. И. Зайцев обратил внимание на то, что и в вазовой живописи с 440-х гг. атлетические сюжеты начинают играть меньшую роль. Всё это связано с наблюдающейся в классической Греции «частичной утратой атлетикой ее места в жизни»⁷¹.

⁶⁶ Richter G. M. A. Op. cit. P. 13; Акимова Л. И. Место Мирона... С. 329.

⁶⁷ Hallett C. H. Op. cit. P. 79.

⁶⁸ Залюбовина Г. Т. Борьба за сохранение полисной религии в период кризиса гражданской общины // Традиционная культура народов Западной Европы: античность и средневековье. Благовещенск, 1996. С. 26.

⁶⁹ Mattusch C. Op. cit. P. 76. Датировка статуй эпонимов второй половиной IV в. до н. э. (Knell H. Überlegungen zur öffentlichen Architektur des IV. Jahrhunderts in Athen // Die athenische Demokratie... S. 493), на наш взгляд, менее вероятна.

⁷⁰ Акимова Л. И. Место Мирона... С. 319.

⁷¹ Зайцев А. И. Указ. соч. С. 115; ср.: Bremmer J. N. Adolescents, Symposion and Pederasty // Sympotica. Oxf., 1990. P. 138–148.

Грандиозное звучание фидиева Зевса с серьезным основанием можно связать с тем местом, в котором он находился. При уже упоминавшемся колоссальном значении Олимпии в культурной жизни античного мира нет ничего удивительного в том, что Фидия как художника знали прежде всего именно по этой его работе, ставшей, так сказать, наиболее «хрестоматийной». Безусловно и то, что в ней творческие принципы первого скульптора Эллады нашли свое максимальное воплощение.

* * *

Приведенный выше материал позволяет подвести некоторые итоги. Тезис, выдвинутый в начале данной работы, насколько можно судить, надежно подтверждается свидетельствами источников. Роль Олимпии и Олимпийских игр в складывании такого феномена надисторического, общечеловеческого значения, каким была и остается классическая греческая скульптура, действительно невозможно переоценить. Это вносит еще один немаловажный штрих в характеристику Олимпийских игр как одного из ключевых, кульминационных явлений того социокультурного универсума, что носит имя «античность».

АФИНСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ И ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ (ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ ЭТЮД) *

По мере того как Олимпийские игры уже вскоре после своего учреждения в 776 г. до н. э. начали приобретать панэллинский характер и привлекать участников и зрителей из многих греческих полисов за пределами Пелопоннеса¹, афиняне также не могли оставаться в стороне от этого важного процесса. Несмотря на то, что Афины находятся довольно далеко от долины Алфея, и на то, что их жители принадлежали к иной этнической группе греков по сравнению с пелопоннесцами², первые афинские атлеты уже в начале VII в. до н. э. не только участвовали, но и побеждали в различных состязаниях в Олимпии. За два последних столетия архаической эпохи (строго говоря, речь идет о хронологическом отрезке с 696 по 528 г. до н. э., т. е. от первой победы Пантакла до последней победы Кимона) победителями в Олимпийских играх стали 9 афинян, некоторые – неоднократно. Общее число их побед – 13, в том числе 7 в VII в. до н. э., 6 в VI в. до н. э.³ Поскольку информация, находящаяся в нашем распоряжении, вряд ли является полной, вполне возможно, что в это время были и другие афинские олимпионики. Однако нам приходится работать только с надежно установленными фактами. Именно с этих олимпийских победителей из архаических Афин правомерно начать наше исследование роли, которую играли афинские аристократы на Олимпийских играх.

Представляется необходимым подчеркнуть, что мы предпочитаем говорить именно об «афинских аристократах», а не просто об «афинянах». Вплоть до конца V в. до н. э. греческие атлеты, в том числе и афинские, принадле-

* Впервые на русском языке опубликовано в: Норция: Межвузовский сб. науч. трудов, посвящ. 90-летию со дня рожд. А. И. Немировского. Вып. 6. Воронеж, 2009. С. 21–38. Ранее текст аналогичного содержания издавался нами за рубежом по-английски: *Surikov I. E. Athenian Nobles and the Olympic Games // Mésogeios. Vol. 24. 2004. P. 185–208.*

¹ Об этом процессе см.: *Morgan C. Athletes and Oracles: The Transformation of Olympia and Delphi in the Eighth Century B.C. Cambridge, 1994; Funke P. Die Nabel der Welt: Überlegungen zur Kanonisierung der «panhellenischen» Heiligtümer // Gegenwärtige Antike – antike Gegenwart. München, 2005. S. 1–16.*

² Ср. Thuc. I. 102. 3, где спартанцы характеризуют афинских воинов как ἀλλόφυλοι.

³ Сведения об этих олимпийских победителях (равно как и об остальных) и об их победах см. в ценном издании: *Moretti L. Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. Roma, 1957.*

жали почти исключительно к аристократическому слою общества. Атлетика являлась одним из важнейших элементов аристократического образа жизни, которые отличали знатного гражданина, потомка богов и легендарных героев, от простолюдина. Уже Гомер воспринимал атлетику именно в этом ключе; как известно, одна из самых запоминающихся сцен «Илиады» – сцена погребальных игр, организованных Ахиллом в память о Патрокле. Естественно, на этих играх состязаются в беге, борьбе и других дисциплинах исключительно цари и другие аристократы.

Следует оговорить еще, что Олимпийские игры, как и все остальные состязания (ἀγῶνες) в греческом мире, имели большое религиозное значение. Это кажется настолько ясным, что вряд ли необходимо подробно останавливаться на данном вопросе. Все панэллинские игры выросли из празднеств в честь различных греческих божеств. Соответственно, победители рассматривались как лица, находящиеся под особым покровительством этих божеств⁴. В некотором отношении они имели «сверхчеловеческий» статус. Безусловно, нельзя назвать случайностью тот факт, что многие из олимпиоников впоследствии становились знаменитыми полководцами, основателями колоний (ойкистами), тиранами или претендентами на тираническую власть. Из всех смертных только выдающиеся атлеты получали право на прижизненную статую. Победа в панэллинском состязании, особенно в Олимпийских играх, была для молодого аристократа прекрасным средством возвыситься над своими согражданами, над другими представителями знати. В общей агональной атмосфере, характерной для древнегреческой цивилизации, такая победа являлась исключительно важным личным достижением.

После этих предварительных замечаний можно перейти к конкретному рассмотрению ранних олимпийских победителей из Афин. О некоторых из них мы не знаем ничего или почти ничего, помимо их побед, однако другие играли видную роль в общественной жизни афинского полиса. Самым первым афинским олимпиоником, упомянутым в источниках, был некий Пантакл⁵. На 21-й олимпиаде (696 г. до н. э.) он выиграл состязание в стадии – беге на самую короткую дистанцию. Позже, на 22-й олимпиаде (692 г. до н. э.), он одержал две победы: опять в стадии, а также в «двойном беге» (δίαυλος) – на дистанцию 2 стадия. Таким образом, этот бегун стал не только первым афинянином, победившим в Олимпии, то также и троекратным победителем. Олимпионики, одержавшие три победы, пользовались особенным почетом как в своих полисах, так и в греческом мире в целом⁶. О происхождении и биографии Пантакла сведений

⁴ Ср.: Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 1. О поэтах. М., 1997. С. 29 сл.

⁵ О его победах сообщает Юлий Африкан. См.: Moretti L. Op. cit. P. 63. No. 25–27.

⁶ Позже, с VI в. до н. э., такие лица получали право на так называемые «иконические» статуи, передававшие портретные черты победителя (Plin. Nat. hist. XXXIV. 9. 16). Об этих

нет. Но можно утверждать с большой степенью уверенности, что он был выходцем из знатного рода. Уже его имя свидетельствует об этом. Два элемента этого имени, *παντ-* и *-κλης*, в сочетании дают убедительное доказательство принадлежности к аристократическому общественному слою. Имя Пантакл («Всеслав», если попытаться перевести на русский язык) в высшей степени аристократично.

О следующих двух афинских олимпиониках сказать практически нечего. Это – Еврибат⁷, выигравший состязание в стадии на 27-й олимпиаде (672 г. до н. э.), и Стомас⁸, чья победа, также в стадии, датируется 34-й олимпиадой (644 г. до н. э.). Но после них мы переходим к человеку, о котором имеется довольно обильная информация. Речь идет о Килоне, победителе 35-й олимпиады (640 г. до н. э.) в «двойном беге»⁹. Несколько лет спустя, скорее всего в 636 г. до н. э., он возглавил попытку государственного переворота (так называемая «Килонова смута»). Этот неудачный мятеж – одно из первых известных событий политической истории Атики, а также первая попытка установления тирании в Афинах (источники о «Килоновой смуте»: Herod. V. 71; Thuc. I. 126; Arist. Ath. pol. 1; Plut. Sol. 12; Paus. I. 28. 1; VII. 25. 3; Aristodem. FGrHist. 104. F 2; schol. Aristoph. Equ. 445; schol. Aristid. XIII. 120. 6; XLVI. 130. 1; Suid. s.v. Κυλώνειον ἄγος)¹⁰. В высшей степени характерно, что претендентом на тираническую власть стал олимпийский победитель.

О мятеже Килона существует значительное количество литературы¹¹, поэтому вряд ли необходимо детально описывать здесь это событие. Достаточно

статях см.: Gross W. H. Quas iconicas vocant: Zum Porträtcharakter der Statuen dreimaliger olympischer Sieger. Göttingen, 1969.

⁷ Moretti L. Op. cit. P. 63. No. 36. Источники: Dionys. Hal. Ant. Rom. III. 1. 3; Paus. II. 24. 7 (у Павсания этот победитель назван Евриботом).

⁸ Moretti L. Op. cit. P. 65. No. 54.

⁹ Moretti L. Op. cit. P. 65. No. 56. Дата победы Килона дается Евсевием (Chron. I. p. 197–198 Schoene). Хронисты обычно не упоминают олимпийских победителей, выигравших иные состязания, кроме стадия (в традиции с каждым конкретными Олимпийскими играми связывается главным образом именно имя победителя в стадии). Но здесь перед нами особый случай: Килон остался в памяти последующих поколений не столько из-за своей победы, сколько из-за своего заговора, имевшего место позже.

¹⁰ См. об этом событии наиболее подробно: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 78–124 (с анализом источников и указаниями на предшествующую литературу).

¹¹ Большинство исследователей датируют мятеж 630-ми гг. до н. э. или, во всяком случае, временем до законодательства Драконта в 621 г. до н. э.: Wright J. H. The Date of Cylon // Harvard Studies in Classical Philology. 1892. Vol. 3. P. 1–74; Adcock F. E. The Date of Cylon's Coup d'état // Cambridge Ancient History. 1926. Vol. 4. P. 661–662; Moulinier L. La nature et la

напомнить несколько важнейших фактов. Этот олимпионик женился на дочери Феагена, тирана соседних Мегар. Вскоре после этого он сам пожелал стать афинским тираном. Создав группировку молодых аристократов (ἐταίρηις τῶν ἡλικιωτέων, по выражению Геродота), Килон захватил афинский Акрополь¹². Он, вероятно, полагал, что этого будет достаточно для утверждения в качестве правителя полиса. Но руководитель заговора совершил роковую ошибку. Афиняне осадили неудачливого «тирана» и его сторонников. После долгой осады мятежники были перебиты (с нарушением религиозных законов) полисными властями, которые возглавлялись представителями знатного рода Алкмеонидов: лидер этого рода Мегакл был в тот момент первым архонтом Афин. Судьба самого Килона неясна. По сообщениям некоторых источников (Геродот, Аристодем, «Суда») он был убит в числе остальных (это представляется несколько более вероятным); с другой стороны, Фукидид и схолиаст к Аристофану пишут, что он бежал в Мегары. В любом случае после этого мятежа мы ничего больше не слышим о Килоне.

Хотелось бы обратить внимание на некоторые детали «дела Килона», имеющие отношение к тематике данной статьи. Первое. Килон начал свой мятеж как раз во время Олимпийских игр¹³. Несомненно, это не было случайностью. Он получил прорицание от Дельфийского оракула с советом воплотить свои планы в жизнь во время праздника в честь Зевса. Поскольку таковых было не-

date du crime des Alcmeonides // Revue des études anciennes. Vol. 48. 1946. P. 182–202; Lang M. Kylonian Conspiracy // Classical Philology. Vol. 62. 1967. P. 243–249; Mastrocinque A. Ricerche sulla storia greca arcaica. II. La lapidazione dei Ciloniani // Rendiconti del Istituto lombardo. Vol. 112. 1978. P. 3–9. Около века назад была популярной датировка мятежа не VII, а VI в. до н. э., например: Costanzi V. Cyloniana // Rivista di filologia e d'istruzione classica. Vol. 30. 1892. P. 558–566; Seeck O. Quellenstudien zu des Aristoteles Verfassungsgeschichte Athens. VI. Der Kylonische Frevel // Klio. Bd. 4. 1904. S. 318–326. Вплоть до нашего времени некоторые ученые пытаются защищать эту точку зрения (Lévy E. Notes sur la chronologie athénienne au VIe siècle. I. Cylon // Historia. Bd. 27. 1978. P. 513–521; Giuliani A. Il sacrilegio ciloniano: tradizioni e cronologia // Aevum. 1999. Vol. 73), но их доводы не представляются убедительными. Что касается самого факта олимпийской победы Килона, в нем нет никаких оснований сомневаться; нам не вполне понятно, почему М. Лэнг склонна считать эту победу мифом.

¹² Фукидид и схолиаст к Аристофану говорят, что Феаген прислал отряд воинов на помощь своему зятю, но это представляется маловероятным. Довольно трудно представить себе, как мегарский отряд прошел через добрую половину Аттики – от границы до центра Афин – и остался незамеченным жителями.

¹³ Некоторые специалисты высказывают мнение, что мятеж Килона имел место не во время Олимпийских игр, а во время Диасий – аттического праздника в честь Зевса. См., например: Day J., Chambers M. Aristotle's History of Athenian Democracy. Berkeley, 1962. P. 162–163; Jameson M. Notes on the Sacrificial Calendar from Erchia // Bulletin de correspondance hellénique. Vol. 89. 1965. P. 167 ff. Однако этот взгляд прямо противоречит данным источников.

сколько, у Килона была возможность выбора, и он выбрал именно Олимпийские игры. Причины вполне очевидны: будучи олимпиоником, он небезосновательно связывал главный успех всей своей жизни с играми в честь Зевса Олимпийского и, несомненно, считал этого бога своим покровителем. Стремясь стать афинским тираном, Килон, естественно, желал заручиться поддержкой сверхъестественных сил¹⁴. Поэтому он и начал свое предприятие во время того праздника, которое было для него предметом самых ярких воспоминаний. Если бы мятеж оказался успешным, афиняне признали бы в Килоне сугубого любимца Зевса, что обеспечило бы ему долгое и успешное правление.

Второе. Во II в. н. э. Павсаний (I. 28. 1) видел статую Килона на афинском Акрополе. Почему в столь почетном месте было поставлено скульптурное изображение мятежника, «врага народа»? Конечно, *prima facie* кажется наиболее вероятным связать статую с олимпийской победой Килона, видеть в ней именно статую олимпионика¹⁵. Однако некоторые обстоятельства мешают сделать такой выбор. Сам Павсаний, недоумевая по поводу причин, заставивших поставить статую, не связывает ее напрямую с победой Килона, хотя эта победа была ему известна. Более того, если на Акрополе была сооружена статуя Килона-олимпионика, это могло случиться, разумеется, только до его заговора. Но в таком случае после подавления мятежа изображение вождя мятежников немедленно было бы уничтожено. И даже если бы оно не было бы уничтожено в то время, оно никак не пережило бы захват Афин персами в 480 г. до н. э. Далее, статуя, которую видел Павсаний, была бронзовой и уже поэтому, скорее всего, относительно поздней. Наконец (и это, пожалуй, наиболее важно), статуи олимпиоников еще не воздвигались в VII в. до н. э. даже в самой Олимпии, не говоря уже о других городах¹⁶. Павсаний (VI. 18. 7) в своем описании Олимпии отмечает, что самыми древними имевшимися там скульптурами атлетов были скульптуры Праксидаманта (победителя 544 г. до н. э.) и Рексибия (победителя 536 г. до н. э.). Победа же Килона, как мы помним, имела место примерно на век раньше. Кстати, статуи Праксидаманта и Рексибия были деревянными, а не бронзовыми. Итак, хотя Килон и был олимпиоником, его статуя в Афинах *не была* статуей олимпионика. С гораздо большим основанием мож-

¹⁴ Поддержка богов всегда рассматривалась в архаической Греции как необходимое условие для захвата тиранической власти. Достаточно напомнить в данной связи о возвращении Писистрата в Афины после его первого изгнания. В колеснице с тираном ехала рослая девица, которая должна была воплощать богиню Афину (Herod. I. 60; Arist. Ath. pol. 14. 3).

¹⁵ Herrmann H.-V. Olympia: Heiligtum und Wettkampfstätte. München, 1972. S. 115.

¹⁶ Подробнее см.: Суриков И. Е. Олимпийские игры и греческая скульптура конца VI–V вв. до н. э. // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 261 сл.

но предположить, что она была поставлена гораздо позже, в V в. до н. э., и цели ее воздвижения были не почетными, а очистительно-искупительными¹⁷.

Третье. Было бы небезынтересным попытаться ответить на вопрос, к какому из аттических аристократических родов принадлежал Килон. Однако, к сожалению, это вряд ли возможно. Правда, имеется версия, согласно которой он был членом древнего рода Ликомидов (к боковой ветви этого рода в V в. до н. э. принадлежал Фемистокл). Для подкрепления этой точки зрения выстраивается следующая цепочка аргументов. Когда Алкмеонидов судили за убийство «килоновцев», обвинителем был некий Мирон из дема Флия. Известно (Plut. Them. 1), что во Флии находилось родовое святилище Ликомидов. Стало быть, Мирон являлся Ликомидом, а значит, таковым был и Килон – очевидно, родственник Мирона¹⁸. Но во всем этом рассуждении есть несколько явно слабых мест. Продемонстрировать родственные связи Килона и Мирона оказывается весьма трудно. Действительно, согласно нормам древнегреческого права в судебных процессах об убийстве обвинителями могли быть только родственники убитого¹⁹. Однако Алкмеонидов судили, строго говоря, не за убийство (они расправились с мятежниками согласно законам и интересам государства), а за религиозное преступление, за «нечестие» (ἀσέβεια)²⁰. Они пролили кровь «килоновцев» в священном месте и были изгнаны из Аттики именно за это деяние. И Мирон обвинял их, скорее всего, не как родственник жертв, а как эксперт по религиозным вопросам. Далее, крайне проблематично и отнесение Мирона к роду Ликомидов на том единственном основании, что он происходил из дема Флия. С равной степенью вероятности он мог быть, например, представителем жреческого рода Кериков. Следует отметить, что также из Флии происходил Миронид, сын Каллия, афинский полководец V в. до н. э.²¹ Следовательно, он являлся практически несомненно по-

¹⁷ Ср.: Jameson M. Op. cit. P. 171; Stroud R. S. Drakon's Law on Homicide. Berkeley, 1968. P. 71.

¹⁸ Радциг С. И. Килонова смута в Афинах // ВДИ. № 3. 1964. С. 3–14. Ср. также Berti M. Note storiche e prosopografiche agli ostraka di Μυρωνίδης Φλυεύς dal Kerameikós di Atene // Minima epigraphica et papyrologica. Vol. 2. 1999. P. 77–109 (где аналогичные взгляды выражены в не столь категоричной форме).

¹⁹ Méléze Modrzejewski J. La sanction de l'homicide en droit grec et hellénistique // Symposium 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 3–16.

²⁰ Balogh E. Political Refugees in Ancient Greece from the Period of the Tyrants to Alexander the Great. Johannesburg, 1943. P. 90; Stroud R. S. Op. cit. P. 70 ff.; Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of the Law. Berkeley, 1986. P. 528 ff.; Littman R. J. Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N. Y., 1990. P. 59.

²¹ Этот факт стал известен недавно, с открытием на афинском Керамике остраконов, на которых его имя значится как «Миронид из Флии». См.: Brenne S. Ostrakismos und Promi-

томком Мирона, который обвинял Алкмеонидов. Но Миронид принадлежал скорее к роду Кериков, а не Ликомидов²². Иными словами, сказать что-то определенное о роде Килона не представляется возможным.

Следующим афинским олимпиоником был Фринон²³, одержавший победу на 36-й олимпиаде (636 г. до н. э.), то есть, по всей вероятности, в то самое время, когда его согражданин Килон пытался захватить власть в их родном полисе. Победа была достигнута Фриноном, насколько можно судить, в панкратии. После этого Фринон, как и Килон, зарекомендовал себя человеком не без политических амбиций. Хотя он и не пытался стать тираном, но тем не менее вошел в историю Афин, пусть и иным образом. Несколько десятилетий спустя, в конце VII в. до н. э., он возглавил афинскую экспедицию в северо-восточную Эгеиду с целью основать колонию в Сигее (Троада). Являясь вождем этой экспедиции, Фринон должен был стать ойкистом новоосновываемого города; после смерти (и даже, вероятно, еще при жизни) ему должны были оказываться героические почести²⁴. Подобный статус был во всех отношениях не менее престижен, чем тираническая власть, но при этом, безусловно, гораздо более безопасен для афинского полиса. Хорошо известно, что в архаическую эпоху аристократы, неудовлетворенные своим положением или потерпевшие поражение в политической борьбе, часто отправлялись в колонии. Очевидно, Фринон был из их числа: он желал занять позицию, соответствующую его рангу олимпийского победителя, но мог получить ее не в Афинах, а только за их пределами. Возможно, сигейская экспедиция вообще была не предприятием, организованным государством, а частной инициативой ее главы. Как бы то ни было, эта акция закончилась гибелью Фринона. Афинская активность в Троаде вызвала сопротивление лесбосцев, рассматривавших этот регион как сферу своих интересов. Исход войны решил поединок между двумя вождями – Фриноном и Питтаком, правителем Митилены. Последнему удалось победить, правда, использовав

nenz in Athen. Wien, 2001. S. 245. В нарративных источниках Миронид упоминается только как «Миронид, сын Каллия» (Diod. XI. 81. 4).

²² Подробнее см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 88.

²³ Moretti L. Op. cit. P. 66. No. 58.

²⁴ О героизации ойкистов см.: Суриков И. Е. Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н. э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. 1–2. М., 2005. С. 11–12. Даже гораздо позже, в V в. до н. э., афинянину Гагнону, основателю Амфиполя, оказывались в этом полисе аналогичные почести вплоть до Пелопоннесской войны, когда культ Гагнона был заменен культом спартанца Брасида как ойкиста (в 422 г. до н. э., см. Thuc. V. 11. 1). Гаггон был в то время еще жив и находился в Афинах. Он неоднократно избирался стратегом и еще в 413 г. до н. э. вошел в состав коллегии пробулов.

не вполне благородную уловку (он набросил сеть на своего соперника), и Фринон был убит²⁵.

На основании вышеизложенных фактов можно уверенно утверждать, что уже в VII в. до н. э. Олимпийские игры стали для афинских аристократов важным средством увеличения своего влияния и престижа. Олимпионик почти автоматически начинал претендовать на весьма высокий статус в полисе, однако гражданская община в большинстве случаев была не готова согласиться с его «чрезмерными» притязаниями. Сказанное остается справедливым также и для VI в. до н. э., этого «золотого века» аттической аристократии, когда представители знати, стоящие во главе региональных группировок, определяли всю политическую жизнь²⁶. Но эта эпоха принесла с собой два новых, не существовавших ранее феномена. Во-первых, в VI в. до н. э. афинские аристократы начали участвовать и побеждать в ἀγῶν ἵππικός – конных и особенно колесничных бегах. Победа именно в этом агоне была особенно почетной и престижной, и ни один другой не мог сравниться с ним. С другой стороны, участие в состязаниях коней или колесниц было весьма дорогостоящим делом. Только очень богатые люди могли позволить себе это. Характерно, что все четыре афинянина, одержавших победы в Олимпии в VI в. до н. э. (возможно, были и другие, но они не упоминаются в источниках), победили именно в ἀγῶνες ἵππικοί, и только в них. Мы уже не находим среди этих людей бегунов или борцов, в отличие от предшествующего столетия. По всей вероятности, перед нами свидетельство о возрастании богатства как афинской аристократии, так и афинского полиса в целом.

Второй же новой чертой является то, что для этого периода мы уже можем точно определять родовую принадлежность афинских олимпиоников и знаем их биографии гораздо лучше, чем биографии их более ранних «коллег». Все четверо были чрезвычайно влиятельными лицами в афинской политической жизни, членами трех самых могущественных аттических аристократических родов – Алкмеонидов, Филаидов и Кериков. Эти три рода в VI в. до н. э. играли преобладающую роль во всех сферах общественной жизни Афин – и в политике, и в религии. Кроме них, был и четвертый – Писистратиды; в конечном

²⁵ Strab. XIII. 599–600; Diog. Laert. I. 74. Страбон говорит, что Питтак на момент своего поединка с Фриноном уже был правителем Митилены, а Диоген Лаэртский считает, что он получил власть именно под впечатлением этой победы. Строго говоря, для нас это не имеет принципиального значения. Интересен, кстати, сам факт «гомеровского» поединка между двумя вождями как способа решения дела. В целом о рассматриваемых здесь событиях см.: *Jeffery L. H. Archaic Greece: The City-States c. 700–500 B.C. L., 1978. P. 89–90.*

²⁶ О региональных аристократических группировках в Аттике VI в. до н. э. см.: *Sealey R. Regionalism in Archaic Athens // Historia. Bd. 9. 1960. S. 155–180; Idem. A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 95 ff.*

счете именно он оказался наиболее влиятельным. Но среди Писистратидов не было олимпийских победителей, о чем еще будет сказано ниже.

На 47-й олимпиаде (592 г. до н. э.) состязание колесниц выиграл Алкмеон из рода Алкмеонидов (сын того Мегакла, который подавлял мятеж Килона)²⁷. Сообщается, что он был первым афинянином, победившим в данном виде состязаний. С этим, несомненно, связан тот факт, что Алкмеон был очень богатым человеком. В начале VI в. до н. э. он командовал афинскими вооруженными силами в Первой Священной войне (Plut. Sol. 11, со ссылкой на аутентичные дельфийские документы). Позже он являлся афинским представителем в Дельфах и оказал какое-то содействие лидийскому посольству, прибывшему спросить оракул. Геродот (VI. 125) красочно описывает, как после этого Крез, царь Лидии, отблагодарил Алкмеона. Последний был приглашен посетить двор Креза; там ему позволили взять в сокровищнице «столько золота, сколько он мог сразу унести на себе». После этого, как пишет отец истории, «этот дом (Алкмеониды. – И. С.) чрезвычайно разбогател». Каким бы анекдотичным ни был этот рассказ, в нем тем не менее должно быть зерно истины: ведь само богатство Алкмеона – несомненный факт, равно как и лидийское происхождение этого богатства²⁸.

Спустя несколько десятилетий, на 54-й олимпиаде (564 г. до н. э.), афинянин Каллий, сын Фениппа, пришел первым в конных бегах и вторым в ко-

²⁷ Moretti L. Op. cit. P. 81. No. 68. Источники: Herod. V. 125; Isocr. XVI. 25. Ср. также Schol. Pind. Pyth. VII. hypoth., где он ошибочно назван Мегаклом. Имя Мегакл было столь же популярно в кругу Алкмеонидов, как и имя Алкмеон.

²⁸ О визите Алкмеона к «Крезу» и об отношениях между Алкмеонидами и Лидией в целом см.: How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. 1. Oxf., 1912. P. 28 ff., Ure P. N. The Origin of Tyranny. N. Y., 1962. P. 64 ff.; Forrest W. G. The First Sacred War // Bulletin de correspondance hellénique. Vol. 80. 1956. P. 39 ss.; Davies J. K. Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxf., 1971. P. 384; Roussel D. Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. P., 1976. P. 62–63; Ellis W. M. Alcibiades. L., 1989. P. 1–5; Суриков И. Е. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 76 сл.; Он же. Из истории греческой аристократии... С. 66 сл. С хронологической точки зрения визит Алкмеона в Лидию в царствование Креза выглядит невозможным (как и знаменитый визит Солона к Крезу), поскольку Алкмеона уже давно не было в живых, когда Крез в 560 г. до н. э. вступил на престол. И Алкмеон, и Солон были в Лидии, скорее всего, еще при отце Креза Алиатте, в то время, когда сам Крез был еще наследным принцем. Интересно, что впоследствии Алкмеон, судя по всему, дал имя Крез одному из своих сыновей (текст надписи на надгробии этого Креза-афинянина см.: Richter G. M. A. Kouroi: A Study of the Development of the Greek Kouros from the Late Seventh to the Early Fifth Century B.C. Oxf., 1942. P. 193; Jeffery L. H. The Inscribed Gravestones of Archaic Athens // Annual of the British School at Athens. Vol. 57. 1962. P. 144; Eliot C. W. Where did the Alkmaionidai Live? // Historia. Bd. 16. 1967. S. 279–286.

лесничных бегах²⁹. Этот Каллий принадлежал к роду Кериков и явился родоначальником весьма влиятельной семьи, в которой из поколения в поколение с завидным постоянством чередовались имена Каллий и Гиппоник. Семья, о которой идет речь, со временем фактически монополизировала в своих руках важный жреческий пост дадуха – факелоносца в Элевсинских мистериях. Нам неизвестно, был ли дадухом сам Каллий, сын Фениппа, но многие из его потомков, несомненно, занимали эту должность. Каллий принадлежал также к ведущим аристократическим лидерам Афин середины VI в. до н. э. Геродот (VI. 122) изображает его как решительного противника тирана Писистрата.

Следующий афинский олимпионик происходил из рода Филаидов³⁰. Это был Мильтиад, сын Кипсела, которого обычно называют Мильтиадом Старшим, чтобы отличать от его племянника – Мильтиада Младшего, знаменитого полководца, разбившего персов при Марафоне. Отец Мильтиада Кипсел был первым архонтом Афин в начале VI в. до н. э.³¹ и, судя по его имени, имел какие-то родственные связи с династией коринфских тиранов Кипселидов. На 55-й олимпиаде (560 г. до н. э.) Мильтиад, сын Кипсела, победил в состязаниях колесниц³². Как известно, в том же году Писистрат стал тираном в Афинах. По сообщению Геродота (VI. 35) Мильтиад «тяготился владычеством Писистрата». Вскоре он принял приглашение обитателей Херсонеса Фракийского и отправился на этот полуостров в северо-восточной Эгеиде. Там он основал афинскую колонию, получив таким образом статус ойкиста, и вплоть до своей смерти был тираном Херсонеса³³. Два его племянника, Стесагор и затем Мильтиад Младший, стали его преемниками, так что можно даже говорить о династии Филаидов на Херсонесе Фракийском.

Почему Каллий и Мильтиад враждовали с Писистратом? Не похоже, чтобы они были принципиальными противниками тирании как таковой. На деле

²⁹ Moretti L. Op. cit. P. 70. No. 103. Источники: Herod. VI. 122; schol. Aristoph. Av. 283.

³⁰ Мы не касаемся здесь вопроса о том, как правильнее называть этот род – Филаидами или Кимонидами. Строго говоря, афинские роды (γέννη), в отличие от римских gentes, не имели твердо установленных названий (Алкмеониды в этом смысле – скорее исключение). Наиболее корректным было бы говорить о «семье Мильтиада – Кимона» или о «семье Каллия – Гиппоника», а не о «Филаидах» или «Кериках». Но мы пользуемся этими обозначениями просто в интересах краткости, и в любом случае читателям, мы надеемся, будет понятно, какую семью мы имеем в виду, говоря, например, о «Филаидах».

³¹ Об архонтстве Кипсела см.: Bradeen D. W. The Fifth-century Archon-list // Hesperia. Vol. 32. 1963. P. 187–208; Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 9 ff.

³² Moretti L. Op. cit. P. 71. No. 106. Источник: Herod. VI. 36.

³³ См.: Isaac B. The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986, P. 159 ff.; Heskell J. The North Aegean Wars, 371–360 B.C. Stuttgart, 1997. P. 16.

Мильтиад охотно принял тираническую власть на Херсонесе, как только она была ему предложена. Более того, его семья, как мы упоминали, была связана с тиранами Коринфа. В VI в. до н. э. вряд ли хоть один афинский аристократ отвергал тиранию и тиранов в принципе. Скорее можно сказать, что каждый знатный лидер видел в себе потенциального тирана. Идея тирании, так сказать, носилась в воздухе³⁴. Можно утверждать с большой степенью уверенности, что Каллий и Мильтиад встали в оппозицию Писистрату просто потому, что оба они считали себя самих гораздо лучшими претендентами на первенство в полисе. В конце концов, они были олимпиониками, а Писистрат – нет. Они должны были воспринимать его как парвеню, *homo novus*, не имеющего каких-то особых достоинств, а главное – лишённого благоволения богов, которое было у них.

Мы переходим к самому знаменитому афинскому олимпионику VI в. до н. э., Кимону, сыну Стесакора. Он также был Филаидом, единоутробным братом Мильтиада, сына Кипсела³⁵. Кимон одержал три олимпийские победы, все – в колесничных бегах, причем, если слова Геродота заслуживают доверия, с одной и той же упряжкой лошадей³⁶. Судьба Кимона – одна из самых простых и интересных в истории архаических Афин. Он был изгнан из Афин Писистратом и, находясь в изгнании, победил на 62-й олимпиаде (532 г. до н. э.). На следующей, 63-й олимпиаде (528 г. до н. э.) он опять пришел первым, но на этот раз уступил свою победу Писистрату, и последний был официально провозглашен олимпиоником. После этого тиран позволил Кимону возвратиться в Афины. На 64-й олимпиаде (524 г. до н. э.) Кимон одержал свою третью победу³⁷. После смерти Писистрата его сын и наследник Гиппий приказал убить Кимона, возможно за то, что тот отказался уступить свою третью победу новому тирану. Во всяком случае, вполне очевидно, что Писистратиды опасались Кимона, и их опасения были в высшей степени основательны. Хотя Кимон никогда не занимался политикой и, насколько можно судить, не отли-

³⁴ *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates: Greek History and Civilization during the 6th and 5th Centuries B.C. L., 1968. P. 78; *Roussel D.* Op. cit. P. 58; *Burn A. R.* The Lyric Age of Greece. L., 1978. P. 188; *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 140.

³⁵ Весьма вероятно, что отцы Мильтиада и Кимона не только были мужьями одной и той же женщины, но и сами находились в каком-то родстве между собою. В целом об этой семье см.: *Davies J. K.* Op. cit. P. 293 ff.; *Суриков И. Е.* Античная Греция... С. 293 сл.

³⁶ О победах Кимона см.: *Moretti L.* Op. cit. P. 72–74. No. 120, 124, 127. Главный источник: Herod. VI. 103. Есть еще упоминание Плутарха (*Cato M.* 5), но оно явно почерпнуто из того же Геродота.

³⁷ Моретти дает несколько иную хронологию, датируя победы Кимона соответственно 536, 532 и 528 гг. до н. э. Это тоже возможно, но несколько менее вероятно.

чался большими умственными способностями (его прозвали Коалемом, «про-стаком»), он просто не мог не стать опасным соперником тиранов – уже в силу самого своего статуса трехкратного олимпийского победителя. Демос всегда рассматривал таких людей как естественных харизматических лидеров. К тому же Кимон был отпрыском очень древнего и авторитетного рода, аристократом по определению, и, если бы он захотел взять власть в свои руки, ему не очень трудно было бы это сделать.

Стоит упомянуть о том, что после убийства Кимона сыновья Писистрата «дружески обращались» (Herod. VI. 39) с его сыном Мильтиадом Младшим (будущим героем Марафона). Они сделали его эпонимным архонтом 524/523 г. до н. э.³⁸, а позже с их позволения и при их поддержке он стал тираном Херсонеса Фракийского. Писистратиды явно хотели, чтобы Мильтиад находился подальше от Афин. Но в то же время просто устранить его и тем самым искоренить род, давший городу нескольких олимпийских победителей, они не решились. Это был бы такой удар по общественному мнению, какого не мог себе позволить даже правящий дом. В конце концов, отец Мильтиада (равно как и его дядя) был настоящим олимпиоником, а отец Гиппия – только фиктивным.

Насколько можно судить, Писистратиды болезненно воспринимали тот факт, что никто из них никогда не победил на Олимпийских играх собственными усилиями. В их семье существовал культ коня, вероятно берущий истоки в происхождении этого рода из Пилоса, города Посейдона. Конь был священным животным бога морей³⁹. Несомненно, нельзя назвать случайностью, что имена с корнем ἵππ- были очень популярны в среде Писистратидов как до первого тирана (отца Писистрата звали Гиппократом), так и после него (двух своих старших сыновей он назвал Гиппием и Гиппархом). Если принять

³⁸ Dionys. Hal. *Ant. Rom.* VII. 3. 1. Этот факт подтверждается фрагментом афинского списка архонтов, впервые опубликованном Б. Мериттом (*Meritt B. D. An Early Archon List // Hesperia. Vol. 8. 1939. P. 59–65*). Строго говоря, о тождестве Мильтиада Младшего и архонта Мильтиада нигде в источниках эксплицитно не говорится. Но вряд ли в Афинах на рассматриваемом хронологическом отрезке был, помимо сына олимпионика, еще какой-нибудь другой Мильтиад такого высокого статуса, который позволял ему стать архонтом. Ср. также Thuc. VI. 54. 6: Писистратиды всегда заботились о том, чтобы архонтские magistratury занимали их сторонники. Иными словами, они, видимо, воспринимали Мильтиада как «своего», несмотря на убийство его отца.

³⁹ О пилосском происхождении Писистратидов см. Herod. V. 65. О культе Посейдона и коня в микенском Пилосе см.: *Dietrich B. C. The Origins of Greek Religion. B., 1974. P. 138 ff.*; *Молчанов А. А., Суриков И. Е. Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 125 сл.*; *Зайцев А. И. Греческая религия и мифология. М.; СПб., 2005. С. 56, 96 сл.* Ср. постоянный эпитет Нестора, царя Пилоса, в «Илиаде»: «конник Геренский», ἵππότης Γερήιος.

в соображение, что такие имена должны были ассоциироваться также и с ἀγὼν ἱππικός, то становится понятным, почему члены семьи Писистратидов так ревностно стремились к олимпийским победам⁴⁰. Им, однако, не везло. Пожалуй, можно даже говорить о «комплексе неполноценности», имевшемся у Писистратидов в данном отношении. Они пытались исправить ситуацию доступными им средствами. Во всяком случае, Писистрат ведь принял дар Кимона и позволил провозгласить себя победителем в состязаниях колесниц. Более того, он отблагодарил Кимона за это, позволив ему возвратиться в Афины. Очевидно, тиран был доволен хотя бы и такой «победой».

V в. до н. э. представлял собой переходный период в истории афинской аристократии. От реформ Клисфена и вплоть до Пелопоннесской войны представители знати сохраняли ведущие позиции в общественной жизни и оставались верхушкой политической элиты. Однако на протяжении этого столетия их влияние последовательно снижалось – по мере того, как происходил процесс демократизации государственного устройства. Некоторые аристократы из старинных родов пытались жить и действовать так, как будто ничего не изменилось. Правда, в политической сфере теперь приходилось во всем считаться с демосом. Однако существовал и древний мир панэллинских игр, где демос не мог еще соперничать с καλοὶ κἀγαθοί. В V в. до н. э. известны 8 олимпийских победителей из Афин, и им в совокупности принадлежат 10 побед. И все те из них, о которых мы располагаем какими-либо сведениями, были людьми очень знатного происхождения. Некоторые являлись видными политиками, другие – нет, но все они, несомненно, принадлежали к известнейшим гражданам полиса.

Каллий, сын Гиппоника, из рода Кериков (внук упоминавшегося выше Каллия, сына Фениппа) одержал три олимпийских победы в колесничных бегах в самом начале V в. до н. э. Датировки этих побед нельзя считать абсолютно надежно установленными, но с наибольшей степенью вероятности можно говорить о 70-й (500 г. до н. э.), 71-й (496 г. до н. э.) и 72-й (492 г. до н. э.) олимпиадах⁴¹. Его статуя была воздвигнута на афинской Агоре⁴². Каллий являлся

⁴⁰ Уже Гиппократ, отца будущего тирана, Геродот (I. 59) изображает присутствующим на олимпийских играх. Именно там он якобы получил божественное знамение, предвещавшее рождение Писистрата. Нельзя, конечно, исключать, что весь этот рассказ представляет собой позднейшую легенду, сочиненную как религиозное обоснование власти Писистрата. Но и в таком случае характерно, что легенда связана именно с Олимпией, а не с каким-нибудь другим местом. Писистратиды, можно сказать, мечтали о долине Алфея.

⁴¹ Таково мнение Моретти (*Moretti L. Op. cit. P. 80–82. No. 164, 169, 176*). Упоминание о победах Каллия см. *Schol. Aristoph. Nub. 64*.

⁴² *Paus. I. 8. 2*. Не приходится сомневаться в том, что эта статуя была поставлена именно в честь Каллия как олимпионика, а не за его заслуги на дипломатическом поприще, как,

одной из самых заметных фигур в Афинах своего времени. С молодости он занимал пост дадуха в элевсинском культе Деметры и был, таким образом, одним из главных жрецов государства. В жреческом облачении он сражался против персов при Марафоне в 490 г. до н. э. Плутарх передает крайне сомнительный рассказ о преступлении Каллия после битвы⁴³: факелonosец якобы присвоил золото, спрятанное персами в яме, убил человека, показавшего ему этот клад, и таким путем чрезвычайно разбогател. На самом же деле Каллий, несомненно, был очень богат уже задолго до Марафона: надежным свидетельством этого является сам факт его троекратной олимпийской победы в самом дорогостоящем виде состязаний. Как бы то ни было, огромное состояние Каллия бесспорно. Он считался богатейшим из афинян, а согласно оратору Лисию – даже «самым богатым человеком в Элладе»⁴⁴.

Очень разветвленными были семейные связи Каллия. Он был двоюродным братом знаменитого политика Аристиды Справедливой⁴⁵. В жены он взял Эльпинику из рода Филаидов, сестру выдающегося полководца Кимона, сына Мильтиада. Женой сына Каллия, Гиппоника, была женщина из рода Алкмеонидов⁴⁶. Но лучше всего известный аспект биографии Каллия – это, конечно, его дипломатическая деятельность. Именно он заключил Каллиев мир с Персией – согласно общепринятой датировке, в 449 г. до н. э. Этот мирный договор принадлежит к наиболее противоречивым и дискуссионным страницам греческой хронологии V в. до н. э.⁴⁷ У нас нет намерения еще раз разбирать здесь этот сложный вопрос. Необходимо лишь отметить, что, весьма вероятно, имела место не одна-единственная дипломатическая миссия Каллия в Персию, а две или даже больше. Одна из них состоялась около 464 г. до н. э., в самом начале правления Артаксеркса I⁴⁸. Возможно, это посольство оказалось безуспешным

кажется, полагает Павсаний. См.: Суриков И. Е. Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000. С. 106–107.

⁴³ Plut. Aristid. 5. Источник этого анекдота, должно быть, афинская памфлетная литература V в. до н. э.

⁴⁴ Lys. XIX. 48. Ср. также Plut. Aristid. 25 (со ссылкой на Эсхина Сократика).

⁴⁵ Об Аристиде см.: Суриков И. Е. Аристид «Справедливый»: политик вне группировок // ВДИ. № 1. 2006. С. 18–47.

⁴⁶ Эта женщина (имя ее неизвестно) была также первой женой Перикла. См. о ней: Crome R. D. Perikles' Wife: Chronological Calculations // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 23. 1982. P. 203–212. При этом нам представляется маловероятной гипотеза Р. Кромби, согласно которой жена Перикла и Гиппоника тождественна с Диномахой, матерью Алкивиада (Crome R. D. On Deinomache // Historia. Bd. 33. 1984. S. 385–401).

⁴⁷ См. наиболее подробно: Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 1–72.

⁴⁸ Об этой миссии кратко упоминает Геродот (VII. 151).

и не привело к заключению договора. Каллий был также членом афинского посольства в Спарту в 446 г. до н. э., в ходе которого был подписан так называемый Тридцатилетний мир⁴⁹. Э. Бадян небезосновательно полагает, что Каллий «являлся главным афинским представителем на переговорах»⁵⁰. Он был, вне сомнения, человеком с огромным опытом и, судя по всему, уже очень стар, должно быть в возрасте не менее 80 лет. Каллий может быть по всей справедливости назван крупнейшим афинским дипломатом V в. до н. э.

Всё известное о Каллии, сыне Гиппоника, позволяет утверждать, что он был политиком, сопоставимым по масштабу с такими фигурами, как Фемистокл, Кимон или даже Перикл. Он, пожалуй, заслуживал бы специальной биографии Плутарха. Но такая биография не была написана, и Каллий остается для нас несколько «теневого» фигурой – со своими дипломатическими заслугами, высоким статусом в религиозной жизни и тремя олимпийскими победами.

Следующий известный афинский олимпионик – Каллий, сын Дидимия, – возможно, также был членом рода Кериков⁵¹. Во всяком случае, он безусловно принадлежал к аристократии. Этот Каллий являлся знаменитым атлетом, вероятно самым прославленным афинским атлетом своего времени. Он занимался панкратиом и достиг очень больших успехов. Кроме победы на 77-й олимпиаде (472 г. до н. э.)⁵², он одержал две победы на Пифийских играх, пять – на Истмийских и четыре – на Немейских. Иными словами, он стал периодоником – победителем в полном цикле четырех панэллинских игр. Периодоников и в принципе было очень немного, а в Афинах, насколько известно, до Каллия вообще не было ни одного. Каллий, сын Дидимия, бесспорно, пользовался большим авторитетом; базы его статуй открыты как в Афинах, так и в Олимпии. Он был не только атлетом, но и политиком, хотя определить его политическую позицию не представляется возможным: он в равной мере мог принадлежать к сто-

⁴⁹ Этот мирный договор завершил Первую, или Малую, Пелопоннесскую войну между Афинами и Спартой. Его условия (со ссылками на источники) см. в издании: *Bengtson H. Die Staatsverträge des Altertums. Bd. 2. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v.Chr. München, 1962. S. 74 ff. No. 156.* Об участии Каллия в афинском посольстве см. *Diod. XII. 7.*

⁵⁰ *Badian E. Op. cit. P. 141.*

⁵¹ Это доказывается в работе: *Rapke T. T. The Demotic of Kallias Didymiou // L'Antiquité classique. Vol. 43. 1974. P. 332–333.* Автор не исключает и возможности того, что Каллий был Алкмеонидом. Однако это представляется менее вероятным. Имя Каллий очень часто встречается именно у Кериков, но неизвестен ни один носитель этого имени, которого можно было бы с уверенностью отнести к Алкмеонидам.

⁵² *Moretti L. Op. cit. P. 91. No. 228.* Там же перечислены и остальные спортивные победы Каллия.

ронникам Кимона или Перикла. В какой-то момент афиняне изгнали Каллия остракизмом (Andoc. IV. 32)⁵³, а остракизму подвергали, как известно, только влиятельнейших политических лидеров. Не видел ли в нем демос потенциального тирана? По всей вероятности, знаменитые атлеты в V в. до н. э. все еще считались людьми, опасными для стабильности полиса.

Род Алкмеонидов также по-прежнему участвовал в панэллинских состязаниях. Потомки Алкмеона, первого афинского олимпионика, выигравшего ἀγὼν ἱππικός, тоже предпочитали соревноваться в колесничных бегах. Пиндар в оде, написанной для Алкмеонида Мегакла, сына Гиппократа, победившего в 486 г. до н. э. в Дельфах, перечисляет победы его семьи. Он упоминает, помимо олимпийской победы Мегакла, пять истмийских и две пифийских победы⁵⁴. Но только в 436 г. до н. э., спустя полтора века после Алкмеона, другой Алкмеонид принес своему роду еще одну олимпийскую победу. Это был Мегакл, сын Мегакла⁵⁵. Данный Мегакл тоже известен как политик, хотя не из числа самых значительных. В одной надписи 428/427 г. до н. э. он упомянут в качестве секретаря коллегии казначеев Афины; кроме того, в первые годы Пелопоннесской войны он был послом в Персию (эту его миссию высмеивает Аристофан в «Ахарнях»). Все-таки он оставался известен согражданам в гораздо большей степени как любитель конных и колесничных бегов, нежели как политический деятель. Достаточно напомнить, что в «Облаках» того же Аристофана жена главного героя Стрепсиада – племянница Мегакла, сына Мегакла. Отсюда многочисленные комические коллизии в пьесе: женщина хочет дать своему сыну имя с элементом ἵππ-, пытается внушить мальчику мысль, что его дальнейшая жизнь будет связана с миром колесниц и т. д. Мегакл был, очевидно, живым воплощением подобного образа жизни.

Алкивиад, самый выдающийся афинский полководец и политик конца V в. до н. э., тоже происходил из Алкмеонидов, но только по линии матери. Его отец

⁵³ См. последнюю по времени статью об остракизме Каллия: *Piccirilli L. L'ostracismo di Callia figlio di Didimia* // *Klio*. Bd. 78. 1996. S. 325–328. Л. Пиччирилли считает, что Каллий был изгнан в 443/42 г. до н. э. Однако мы не можем исключить и другую датировку этого события – конец 460-х или начало 450-х гг. до н. э. А в 440-х не был ли Каллий слишком стар для активной политической роли, если учитывать, что его первые победы были одержаны еще до нашествия Ксеркса? В Афинах, на Агоре и Керамике, открыты 10 остраконов с именем Каллия, сына Дидимия. См.: *Brenne S. Op. cit.* S. 175.

⁵⁴ *Pind. Pyth.* VII. 10 sqq. Об этой оде см.: *Schachermeyr F. Die frühe Klassik der Griechen*. Stuttgart, 1966. S. 246 ff.; *Ehrenberg V. Op. cit.* P. 174 ff.; *Webster T. B. L. Athenian Culture and Society*. Berkeley, 1973. P. 168 ff.; *Dickie M. W. Pindar's Seventh Pythian and the Status of the Alcmaeonids as oikos or genos* // *Phoenix*. Vol. 33. 1979. P. 193–209.

⁵⁵ *Moretti L. Op. cit.* P. 105. No. 320. Источник: *Schol. Pind. Pyth.* VII. hypoth.

принадлежал, как ныне полагают, к роду Саламиниев⁵⁶. Алкивиад – слишком крупная фигура в истории Афин, чтобы детально рассматривать его карьеру в ограниченных рамках данной статьи. Необходимо остановиться только на его олимпийской победе в состязании колесниц. Эта победа (на 91-й олимпиаде, в 416 г. до н. э.⁵⁷) стала уникальным, неповторимым триумфом, какого не случилось в истории Олимпийских игр ни до, ни после того. Алкивиад выставил на состязание семь колесниц⁵⁸. Это было вполне допустимо, поскольку победителями объявлялись не возницы, а владельцы упряжек. Относительно того, что случилось затем, в источниках наблюдается некоторое противоречие. Фукидид (VI. 16. 2) утверждает, что колесницы Алкивиада заняли в соревновании первое, второе и четвертое места (ἐνίκησα δὲ καὶ δεύτερος καὶ τέταρτος ἐγεύομην; историк претендует на то, что передает собственные слова Алкивиада). Однако поэт Еврипид, написавший эпиникий – хвалебную песнь по поводу победы Алкивиада, говорит о первом, втором и *третьем* местах (Eur. fr. 1 Page: πρῶτα δραμεῖν καὶ δεύτερα καὶ τρίτα). Исократ (XVI. 34) согласен по этому вопросу с Еврипидом (καὶ πρῶτος καὶ δεύτερος γενέσθαι καὶ τρίτος). Плутарху (Alc. 11) известны обе версии, и он не выражает явного предпочтения ни к одной из них.

⁵⁶ Об аттическом роде Саламиниев см.: *Ferguson W. S.* The Salaminioi of Heptaphylai and Sounion // *Hesperia*. Vol. 7. 1938. P. 1–74. О вероятной принадлежности Алкивиада к этому роду см. в недавней работе: *Ellis W. M.* Op. cit. P. 99–102. Существует немало работ по различным аспектам родословной Алкивиада. См., например: *Dittenberger W.* Die Familie des Alkibiades // *Hermes*. Bd. 37. 1902. S. 1–13; *Hatzfeld J.* Alcibiade. Étude sur l'histoire d'Athènes à la fin du Ve siècle. P., 1940. P. 5; *Taege F.* Alkibiades. München, 1943. S. 12; *Vanderpool E.* The Ostracism of the Elder Alkibiades // *Hesperia*. Vol. 21. 1952. P. 1–8; *Raubitschek A. E.* Zur attischen Genealogie // *Rheinisches Museum für Philologie*. Bd. 98. 1955. S. 258–262; *Thompson W. E.* The Kinship of Perikles and Alkibiades // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 11. 1970. P. 27–33; *Idem.* Attic Kinship Terminology // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 91. 1971. P. 110–113; *Bicknell P. J.* Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 96 ff.; *Kagan D.* The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition. Ithaca, 1981. P. 63; *Stanley P. V.* The Family Connection of Alcibiades and Axiochus // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 27. 1986. P. 173–181; *Ellis W. M.* Op. cit. P. 1 ff. В перечисленных работах генеалогическое древо Алкивиада реконструируется по-разному, поскольку в нарративной традиции по данному сюжету имеются проблемы, противоречия и пробелы. Впрочем, все эти сложности не должны нас здесь занимать, поскольку в любом случае ясно одно: Алкивиад имел очень знатное происхождения, а это-то для нас сейчас и важно. Наш вариант реконструкции родословной Алкивиада см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 251.

⁵⁷ *Moretti L.* Op. cit. P. 109. No. 345.

⁵⁸ Позже ходили слухи, что одну из этих колесниц с упряжкой коней Алкивиад отобрал у другого афинянина (Andoc. IV. 25–26; Plut. Alc. 12). В 390-х гг. до н. э. состоялся даже судебный процесс против сына Алкивиада по этому делу. Защитительную речь написал Исократ (Isocr. XVI).

Эпиникий Еврипида был создан немедленно после события; Фукидид и Исократ писали вскоре после смерти Алкивиада. Все три автора (или, по крайней мере, Еврипид и Фукидид) знали Алкивиада лично. Кто же из них ошибается, или чей текст требует эмэндации? Ведь ясно, что в каком-то из цитированных пассажей содержится неточность. Наше суждение должно обуславливаться следующими соображениями. В текст Еврипида вносить поправки в высшей степени затруднительно, поскольку это стихотворный фрагмент. Если мы заменим в этом фрагменте *τρίτα* на *τέταρτα*, то это собьет размер, исказит ритмическую структуру стиха, а ничего подобного античные поэты себе не позволяли. Несравненно более допустимо сделать противоположное: заменить *τέταρτος* на *τρίτος* в тексте Фукидида. Говоря точнее, есть возможность для еще более предпочтительной эмэндации: не заменять *τέταρτος* на *τρίτος*, а добавить *τρίτος* перед *τέταρτος*. И действительно, вряд ли можно допустить, что такой ответственный историк, как Фукидид, допустил столь грубую ошибку, к тому же рассказывая о событии, случившемся на его памяти. Нельзя предположить и сознательное искажение факта с его стороны: такое искажение было бы немотивированным и бессмысленным. Скорее следует полагать, что не Фукидид искажил факт, а какой-то поздний переписчик искажил текст Фукидида. Алкивиад, со своими семью колесницами, вполне мог занять первое, второе, *третье и четвертое* места. Согласно нашей конъектуре, изначально у Фукидида стояло: ...καὶ δεύτερος καὶ τρίτος καὶ τέταρτος... В таком случае писцу было бы очень легко пропустить καὶ τρίτος, поскольку это числительное начинается с той же буквы, что и следующее, да и в целом они имеют некоторое сходство друг с другом. Пропуск должен был иметь место на довольно ранней стадии истории текста, уже ко времени Плутарха. Что же касается Еврипида, то он писал победную песнь, и поэтому, что вполне естественно, упомянул только три первых, «призовых» места. Четвертое место не имело отношения к его задаче, и упоминание о нем могло казаться ненужной детализацией.

Как бы то ни было, олимпийский триумф Алкивиада остался беспрецедентным и впоследствии никем не был повторен. Алкивиад и само свое пребывание в Олимпии обставил огромной пышностью. Города Афинской архэ служили ему, как царю. «Персидский шатер, превосходящий вдвое палатку официальной делегации, ему привезли эфесцы; жертвенных животных и корм для лошадей доставили хиосцы; поставку вина и прочие расходы он возложил на лесбосцев» (Andoc. IV. 30)⁵⁹. Выступление Алкивиада оказалось чем-то вро-

⁵⁹ Мы не рассматриваем здесь вопрос об авторстве речи «Против Алкивиада», входящей в корпус Андокида (см. по этому вопросу: Суриков И. Е. IV речь корпуса Андокида как исторический источник // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 13. 2003. С. 3–13). Она была написана в начале IV в. до н. э. и представляет собой риторическую

де «лебединой песни» афинских аристократов в Олимпии – как раз перед тем, как они покинули арену общественной жизни.

В V в. до н. э. было еще несколько олимпийских победителей из Афин, упоминающихся в источниках, но о них известно слишком мало (или вообще ничего). Иногда даже их имена не полностью сохранились. Некто, чье имя оканчивалось на -λος, одержал победу в состязаниях гоплитов на 78-й олимпиаде (468 г. до н. э.)⁶⁰. Возможны самые различные восстановления этого имени. На той же олимпиаде некий ῥοφρων (Ликофрон или, может быть, Филофрон) выиграл соревнование в стадии среди мальчиков⁶¹. Через восемь лет, на 80-й олимпиаде (460 г. до н. э.), афинянин Тимодем, сын Тимоноя, стал победителем в панкратии⁶². Этот человек был явно аристократом, причем из семьи с устойчивой атлетической традицией. Как его собственное имя, так и имя его отца содержат корневой элемент τιμ- (почесть), тесно связанный со спортивными победами. Позже, на 81-й олимпиаде (456 г. до н. э.), мальчик Фриних победил в борьбе в своей возрастной группе⁶³. Имя Фриних было широко распространено в классических Афинах, что не позволяет делать ответственные выводы об их носителях.

Аристокл (будущий философ Платон) упоминается одним очень поздним автором как олимпийский победитель в борьбе (дата не указывается)⁶⁴. Л. Моретти справедливо рассматривает эту победу как в высшей степени сомнительную. Тем не менее сама биография Платона в известной мере парадигматична применительно к нашей теме. Философ был аристократом из древнего рода, даже потомком легендарных афинских царей. В молодости он действительно активно занимался атлетикой, и этот факт не подлежит сомнению. Он также писал стихи, мечтал о политической карьере. Но затем Платон отказался от всего этого. Так и афинская аристократия в целом к IV в. до н. э. ушла из основных сфер общественной жизни. Представители знати больше не играли активной политической роли, уменьшилось их значение в культуре, а также – что наиболее важно в контексте данной статьи – и в спорте. Афинская демократия достигла своей окончательной, наиболее полной формы. В этом новом мире места для аристократов уже не было, и неудивительно, что столетие после Пелопоннесской войны стало «наименее аристократическим» периодом в истории

фикцию, составленную в политических целях. По нашему мнению, Андокид вполне мог быть автором этого памфлета, хотя это обычно отрицается.

⁶⁰ Moretti L. Op. cit. P. 93. No. 245. Единственное упоминание об этом победителе (равно как и о следующем) содержится в плохо сохранившемся папирусном тексте.

⁶¹ Moretti L. Op. cit. P. 93. No. 242.

⁶² Moretti L. Op. cit. P. 96. No. 262. Датировка дискуссионна. Победа упоминается в сохлках к Пиндару.

⁶³ Moretti L. Op. cit. P. 98. No. 275 (из папирусного текста).

⁶⁴ Moretti L. Op. cit. P. 182. No. 1019 (со ссылкой на Олимпиодора – автора VI в. н. э.).

Афин. Господами положения теперь были демагоги, так называемые «новые политики»⁶⁵. Эти люди добивались престижа и популярности иными путями. Как правило, их не привлекали олимпийские победы. Характерно, что эта тенденция начала намечаться уже в V в. до н. э. Почти все афинские олимпионики этого столетия одержали свои победы в его первой половине. После этого, в «эпоху демагогов», аттический аристократ, побеждающий в Олимпии, стал казаться уже анахронизмом. В сущности, уже Алкивиад был анахронизмом, исключением, выбивающимся из духа своей эпохи. Времена менялись...

В IV в. до н. э. не так уж и мало олимпийских победителей происходило из Афин (Л. Моретти насчитывает 13 человек, то есть даже больше, чем в предшествующем столетии). Однако почти никто из них не может быть с уверенностью назван членом знатного рода или видным политиком. На 96-й олимпиаде (396 г. до н. э.) Эпихар был первым в стадии среди мальчиков⁶⁶. Его дядя Аристократ (несомненно, знатный человек, как показывает уже само его «благородное» имя, которое не дал бы своему сыну гражданин, не принадлежащий к аристократии) – афинский полководец последнего периода Пелопоннесской войны. Он был казнен в 406 г. до н. э. в числе других стратегов, разбивших спартанцев при Аргинусских островах, но не подобравших после битвы тела погибших воинов для подобающего погребения.

На 107-й олимпиаде (352 г. до н. э.) Тимократ выиграл колесничные бега (правда, не в состязании колесниц-четверок, как афинские олимпионики прежнего времени, а лишь в состязании колесниц-двоек, которое считалось менее престижным)⁶⁷. Тимократ был активным политиком; однажды (неизвестно, до своей победы или после нее) он был обвиняемым в политическом судебном процессе, для которого обвинительную речь написал Демосфен (Demosth. XXIV). Правда, великий оратор действовал здесь не по собственной инициативе, а для своих клиентов, выступая в качестве логографа.

Гораздо более крупным политическим деятелем, чем Тимократ, был Демад, сын Демея, типичный «демагог» IV в. до н. э., один из лучших греческих ораторов своего времени и противник Демосфена. В 322 г. до н. э. он стал одним из лидеров установившейся в Афинах промакедонской олигархии⁶⁸. Демад был также и олимпийским победителем – то ли в колесничных, то ли в конных бе-

⁶⁵ См. о них: *Connor W. R. The New Politicians of Fifth-century Athens. Princeton, 1971; Mossé C. La classe politique à Athènes au IVème siècle // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 67–77.*

⁶⁶ *Moretti L. Op. cit. P. 114. No. 368.*

⁶⁷ *Moretti L. Op. cit. P. 124. No. 440.*

⁶⁸ Об олигархии Демада и Фокиона см.: *Lehmann G. A. Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 139–150.*

гах (источник поздний, и в нем нет достаточной ясности на этот счет)⁶⁹. Неясна и дата победы; Л. Моретти предпочитает датировку 113-й олимпиадой (328 г. до н. э.). Заметим, что ни Тимократ, ни Демад не принадлежали к старинной знати. Особенно последний предстает из источников в качестве типичного *homo novus*. Тем не менее они принимали участие в таком аристократическом по духу состязании, каким был ἀγων ἱππικός, и даже побеждали в нем. Кстати, кроме этих двоих, неизвестно ни одного другого афинянина IV в. до н. э., одержавшего победу в этом агоне. Создается впечатление, что новые вожди демоса в какой-то степени пытались подражать образу жизни, характерному для аристократов.

В культурной жизни Греции вырос в конце V в. до н. э. и широко распространился на протяжении следующего столетия новый феномен – профессиональный спорт. Атлетика перестала быть интегральным элементом системы ценностей и практик, свойственной социальному слою καλοὶ καγαθοί. В сущности, отныне греческие атлеты и стали «спортсменами» в собственном смысле слова – не гармонически развитыми личностями, как прежде, а всего лишь физически сильными, натренированными людьми, и не более того. Одним из таких профессионалов, пожалуй самым известным из них, был афинский борец Диоксипп, победивший в панкратии на 111-й олимпиаде (336 г. до н. э.)⁷⁰. Позже он принял участие в походе Александра Македонского. Его биография, несомненно, весьма красочна, но она нас здесь не интересует. Необходимо сказать только, что, хотя у Диоксиппа, возможно, было знатное происхождение (его имя содержит компонент ἱππ-), он тем не менее представляет совершенно иную традицию, отличную от традиций старой афинской аристократии. Пути атлетов и политиков (да и в целом атлетов и обычных граждан) окончательно разошлись.

Остальные афинские олимпионики IV в. до н. э. являются для нас не более чем «голыми именами», лицами, о которых ничего не известно⁷¹. Они не приносят ничего нового в наши знания о политической истории Афин. Точно то же самое можно сказать об олимпийских победах и победителях эллинистических и римских Афин.

И мы, завершая рассмотрение источникового материала, можем сделать из него вывод, что успехи афинских аристократов в Олимпии находились в тесной связи с их положением на родине. Аристократическое правление архаической эпохи, переход к демократии в течение V в. до н. э., отстранение аристократов от активной общественной жизни в IV в. до н. э. – все эти события и процессы нашли отражение в истории участия афинян в Олимпийских играх.

⁶⁹ Moretti L. Op. cit. P. 127. No. 467.

⁷⁰ Moretti L. Op. cit. P. 125. No. 458 (со сводкой источников о Диоксиппе).

⁷¹ Только о Каллиппе, победителе в пятиборье на 112-й олимпиаде (332 г. до н. э.) мы имеем кое-какую информацию (Moretti L. Op. cit. P. 126. No. 460), да и эта информация состоит только в сообщении, что он победил нечестно, подкупив судей (Paus. V. 21. 5).

Раздел III

ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОСОЗНАНИЯ АФИНИАН КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ*

Греческое право трудно для изучения прежде всего потому, что в течение всей своей истории оно так никогда и не сложилось в целостную, непротиворечивую систему, оставаясь, по меткому определению одного современного исследователя, «правом без юриспруденции»¹. Однако при всех пробелах в правовых институтах греческое общество, как и любое другое, имело, естественно, определенное правосознание – уникальное, ему одному свойственное, зачастую значительно более чуждое привычным нам воззрениям на право и законность, чем это может представиться на первый взгляд. Мы имеем здесь в виду не правовые взгляды греческих мыслителей, представителей интеллектуальной элиты. В центре нашего внимания – уровень массового сознания, правовые идеи широких слоев рядовых греков и, в частности, преломление этих идей в сфере повседневной правовой практики, их влияние на работу судебных учреждений, занимавших столь почетное место в политической системе большинства греческих полисов².

Разумеется, в рамках краткого очерка мы не можем трактовать проблему во всей ее полноте. Наша цель уже и конкретнее: привести, сопоставить и прокомментировать несколько интересных свидетельств источников, которые удачно, на наш взгляд, оттеняют ряд характерных черт греческого правосознания, ранее в недостаточной степени привлекавших внимание исследователей. Географические и хронологические рамки работы – Афины классической эпохи (V–IV вв. до н. э.). Именно там и тогда, по согласному мнению антиковедов, правовые воззрения древних эллинов достигли наивысшей, максимально возможной для них степени развития, выкристаллизовавшись в оригинальную концепцию «власти закона»³.

* Впервые опубликовано в: Древнее право. № 2 (5). 1999. С. 34–42.

¹ Jones J. W. The Law and Legal Theory of the Greeks. Oxf., 1956. P. V.

² Последнее фундаментальное исследование по афинским судам: Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia. Princeton, 1995 (The Athenian Agora. Vol. 28).

³ См.: Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley, 1986; Cohen D. The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 227–244; Piérart M. Du règne des philosophes à la souveraineté des lois // Ibid. S. 249–268; Суриков И. Е. Новая концепция афинской истории IV в. до н. э. // ВДИ. № 4. 1996. С. 240–241.

Аристотель, Афинская политика, 52, 1 (пер. С. И. Радцига):

[Члены коллегии Одиннадцати] должны... подвергать смертной казни взятых под арест воров (κλέπτας), охотников за рабами (άνδραποδιστάς) и грабителей (λωποδύτας) в случае их собственного сознания, а в случае заpiresательства приводить на суд и, если будут оправданы, отпускать, в случае же осуждения – предавать смерти.

Здесь перечислены три категории преступников: два вида воров – κλέπται и λωποδύται, различие между которыми нас в данном случае не интересует, а также андраподисты, порабошавшие свободных и похищавшие или сманивавшие чужих рабов. Все они объединялись под общим названием «злодеев» (κακοῦργοι, Dem. IV. 47; XXIV. 65) и подлежали, как видим, смертной казни.

Довольно странным кажется встретить в Афинах IV века столь суровое наказание за кражу. Однако автор «Афинской политики» отнюдь не преувеличивает; его сообщение полностью подтверждается данными судебных речей аттических ораторов. Весьма часто мы встречаем в них указания на смертную казнь, предписанную законами за воровство (Lys. XIII. 68; Aeschin. I. 113; Dem. XIII. 14; XXIV. 103; LVII. 64). Демосфен в одной речи (XXIV. 113–114) подробно пересказывает законодательство о кражах. Согласно ему, смертной казни предавался человек, укравший днем у частного лица имущества на сумму свыше 50 драхм или государственного имущества на сумму свыше 10 драхм, а ночью – имущества на любую сумму (ότιούν).

Интересно обнаружить в демократических Афинах применение высшей меры наказания и за ряд других преступлений, по современным меркам не считающихся особо тяжкими: за самовольное присвоение полномочий посла (Dem. XIX. 126), за занятие должности лицом, задолжавшим государству (Dem. XX. 156), за фальшивомонетничество («порчу монеты», Dem. XX. 167; XXIV. 212), за насилие по отношению к рабам (sic! Dem. XXI. 49), за арест (даже законный) или удар во время крупного праздника (Dem. XXI. 176, 180), за ссылку на несуществующий закон (Dem. XXVI. 24), за дурное обращение с родителями (κάκωσις, Lys. XIII. 91; Dem. XXXIX. 33), за лжесвидетельство (Andoc. I. 20; Dem. LIII. 18), за соблазнение свободных женщин (Lys. I. 33; XIII. 66; Dem. XLV. 80; характерно, что изнасилование смертью не каралось), за «обман народа» (Dem. XX. 135), за нанесение побоев (Dem. LIV. 1). Под угрозой смерти могли оказаться плохо выполнившие поставленную задачу послы (Dem. XIX. 277), оратор, внесший «неподходящий» закон (νόμον... οὐκ ἐπιτήδειον, Dem. XXIV. 138; ср. XX. 111), ситофилак, не справившийся со своими обязанностями (Lys. XXII. 16), должностное лицо, получившее взятку (Lys. XXVII. 7), гражданин, участвовавший в жеребьевке двумя табличками (Dem. XXXIX. 12). Перечень мог бы быть продолжен.

Неприятно поражают современного читателя постоянно встречающиеся в речах призывы к судьям приговорить ответчика к смертной казни (Lys. III. 44–45; XII. 37, 83; XIII. 69; XIV. 23; XXII. 2, 23–24; XXVIII. 1; Dem. X. 63; XVIII. 198, 267; XIX. 3, 101, 110, 131, 270, 302, 335; XXI. 12, 21, 70, 92, 130, 142, 152; XXII. 62–69; XXIV. 104, 171, 207; XXV. 29; LIV. 22–23). «Даже несколько смертей будут для него недостаточной карой», – таков постоянный, назойливый лейтмотив этих пассажей. Зачастую суровость, жестокость наказаний возводится в принцип. «Если вы присудите их к смертной казни, – говорит клиент Лисия (XXII. 19) о хлебных торговцах, – то остальные будут больше обращать внимания на закон» (ср. также Lys. XXX. 23). Лисию вторит Демосфен (XXIV. 69): «Никому из совершивших преступление он (закон) не должен давать никакой поправки». «Те (законы), которые лежат в основе государственного права (τοὺς περὶ τῶν πρὸς τὸ δημόσιον), должны быть жесткими и суровыми ради вашей же пользы» (XXIV. 193).

Итак, «гуманные», «просвещенные» Афины IV в. до н. э., выработавшие «гражданский» кодекс поведения, характеризовавшийся сдержанностью, стремлением избегать насилия и добиваться компромисса⁴, – эти великолепные Афины в сфере правосознания шли во многом еще «путями Драконта». Кстати, к вопросу о Драконте. Чрезвычайная суровость его законодательства стала одним из излюбленных топосов античной риторической традиции (Arist. Rhet. 1400b21; Gell. XI. 18). По словам Плутарха (Sol. 17), в законах Драконта будто бы почти за каждое преступление была назначена смертная казнь – и за праздность, и за воровство, и за убийство... В отношении воровства, как мы видели, картина и в классических Афинах нисколько не изменилась. Но были ли первые афинские законы столь уж недифференцированы? Что это не вполне так понимали уже некоторые античные авторы (Paus. IX. 36. 8). Указывается, что Драконт различал умышленное и неумышленное убийство, назначая за них разные наказания (Dem. XXI. 43), ввел категорию оправданного или дозволенного убийства (Dem. IX. 44; XX. 158), даже предоставил убийце некий минимум правовых гарантий (Dem. XXIII. 28). Фрагментарно сохранившийся в копии конца V в. до н. э. закон Драконта о неумышленном убийстве (IG. I³. 104) тоже не дает повода говорить о какой-то особой «суровости»: в качестве наказания предлагается не смерть, а изгнание, рекомендуется примирение родственников жертвы и убийцы⁵.

⁴ Herman G. Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // Die athenische Demokratie... S. 43–60.

⁵ О законодательстве Драконта см.: Ruschenbusch E. ΦΟΝΟΣ. Zum Recht Drakons und seiner Bedeutung für das Werden des athenischen Staates // Historia. Bd. 9. Ht. 2. 1960. S. 129–154; Stroud R. S. Drakon's Law on Homicide. Berkeley, 1968; Gagarin M. Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven, 1981; Humphreys S. A Historical Approach to Drakon's

Таким образом, жестокость драконтовых законов была, очевидно, сильно преувеличена аристократической традицией: в VII в. до н. э. родовая знать уже в самом появлении писаных законов, ограничивавших ее всевластие при толковании устного права, видела ситуацию, весьма для себя неблагоприятную. Во всяком случае, существенных различий в пенитенциарном праве эпохи Драконта и эпохи Демосфена мы не находим: в обоих случаях – достаточно гуманное отношение к убийцам, в обоих же случаях – непримиримая суровость к вора и другим мелким правонарушителям.

В свидетельстве Аристотеля, цитированном в начале статьи, останавливает внимание еще одна деталь: в случае собственного признания преступников (ἄν μὲν ὁμολογῶσι) коллегия Одиннадцати предаст их казни без суда. Широко известна была уже современникам приверженность афинян к разного рода тяжбам, в которой на почве демократического полиса находило себе применение извечное агональное, соревновательное начало греческого менталитета⁶. В IV в. до н. э. афинские дикастерии достигли апогея своего могущества, сконцентрировав в своей компетенции важнейшие вопросы общественной жизни; по мнению такого авторитетного специалиста, как М. Хансен, именно суд, а не эkkлeсия фактически был в этот период высшим органом власти в Афинах⁷. И тем не менее были, как видим, даже уголовные дела, суду не подлежащие.

Данные судебных речей подтверждают положение о казни сознавшихся каκοῦργοι без суда (Dem. XXIV. 65, 113). Казнь без суда допускалась в отношении совершивших некоторые государственные преступления: измену (Dem. IX. 44), «обман народа» (Lys. XIX. 7), занятие должности после ликвидации демократии (Andoc. I. 95–97), выпуск на волю заключенных (Dem. XXIV. 208). Даже хлебных торговцев едва не казнили без суда за спекуляцию (Lys. XXII. 2). Лисий в одной из речей (XXVII. 8; ср. Dem. XXIV. 171) принципиально допускает возможность казни без суда или без предоставления ответчику оправдательного слова, не видя в этом ничего экстраординарного.

Огромное значение в уголовном праве имело собственное признание обвиняемого, коль скоро в случае его наличия можно было пренебречь всеми законными формальностями. «Никто из тех, кто признавал у вас свою вину, не был оправдан», – говорит присяжным клиент Демосфена (XL. 21; ср. Lys. VI. 14; XXII. 17–18). Может быть, здесь и есть доля преувеличения, но, во всяком случае, рядовой афинянин, судя по всему, был убежден, что преступник,

Law on Homicide // Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 17–45.

⁶ Cohen D. Demosthenes' Against Meidias and Athenian Litigation // Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 155.

⁷ Hansen M. H. The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 215–243.

если он хочет быть оправданным, должен лгать, изворачиваться, но уж никак не признавать свою вину (Lys. I. 28–29; Dem. XIX. 215); в противном случае он сам подписывал себе приговор.

Явственно вырисовываются очертания правовой концепции, которую принято называть «презумпцией виновности». «Пусть он сам докажет (δείκνυτω), что не совершил того, в чем я его обвиняю», – говорит Демосфен о Мидии (XXI. 28).

Нельзя сказать, чтобы все афиняне были в восторге от подобной практики. Достаточно регулярно мы встречаем у ораторов призывы и противоположного характера: не предрешать исход дела без суда, чтобы не наказать по ошибке невиновного (Andoc. I. 32; Lys. XXII. 2). Характерно, что тот самый Демосфен, который предоставляет Мидию доказывать свою невиновность, в других речах (против Лептина и Аристократа) придерживается совсем иных взглядов (Dem. XX. 24, 39; XXIII. 25, 27, 29, 80), коль скоро в данном конкретном случае ему выгодно занять именно такую позицию.

Из одной судебной речи Лисиева корпуса (VI. 54) мы узнаем, что целью судебного процесса является, собственно, не установление вины, а «польза людей, чтобы другие, услышав и увидев это, были на будущее время воздержнее». На первый план выдвигается воспитательное значение суда, а не его функции по выявлению истины.

Оратор в суде мог потребовать наказания за образ мыслей (Dem. XIX. 16), за намерение (Dem. XXV. 30), казни детей обвиняемого (Lys. XII. 83), его сподвижников (Lys. XXVII. 13). Во всем этом, конечно, много риторики – но с помощью такого рода риторики в судебном присутствии нагнеталась вполне определенная атмосфера, способствовавшая предвзятой позиции присяжных (Andoc. I. 9). При этом следует напомнить, что в Афинах отсутствовала кассационная инстанция, в которой приговор дикастерия мог бы быть обжалован⁸. Окончателность, безапелляционность приговора суда воспринимается ораторами чаще как достоинство (Dem. XXI. 125; XXIV. 69, 131), чем как недостаток (Andoc. I. 7). Демосфен гневно обрушивается на законопроект Тимократа, вводящий некое подобие апелляции по определенной категории дел (Dem. XXIV. 191).

В то же время и замечание Лисия (IX. 22): «Вы (т. е. судьи) прощаете даже явные преступления», – нельзя считать не соответствующим действительности. Вообще говоря, только в специфических условиях афинского правосознания кажется возможным абсурдный казус, описанный Демосфеном (XXII. 2): Андротион, возведя на своего противника Диодора облыжное обвинение

⁸ Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // Die athenische Demokratie... S. 324.

в убийстве собственного отца, подал в суд... но не на самого Диодора, а на его дядю – за общение с убийцей. Дядя был оправдан, но с современной точки зрения трудно даже представить возможность такого, с позволения сказать, процесса.

Демосфен, XXXVI, 27 (пер. М. Н. Ботвинника и А. И. Зайцева):

Понимая, что стороны, вступающие в сделку, и свидетели сделки не могут жить вечно, он (Солон) вместо них поставил закон (τὸν νόμον), чтобы тот в справедливом деле заменил свидетелей (ὅπως μάρτυς εἴη τοῦ δικάίου) тем, кто будет их лишен.

Процитированный отрывок привлекает наше внимание еще к одному интересному аспекту афинского правосознания. Закон присутствует в дикастриях, так сказать, на правах свидетеля; его пункты зачитываются вперемешку с собственно свидетельскими показаниями и мало чем отличаются от них. Безусловно, закон – самый ценный и самый важный свидетель, его «показания» имеют наибольший вес, но все-таки не обязательную силу. На это обстоятельство недавно указал Дж. Дейвис в ходе дискуссии на международной конференции «Афинская демократия в IV в. до н. э.»⁹. Хотелось бы развить и подкрепить дальнейшими аргументами мимоходом высказанное соображение английского антиковеда.

«Ничто не может сравниться по убедительности со звучанием подлинного текста самого закона (αὐτοῦ τοῦ νόμου)», – говорит Демосфен (XXI. 46; ср. XXII. 20; Lys. XV. 11). Для нас это кажется слишком слабо сказанным. В нашем понимании закон не просто убедителен – он обязателен, самодостаточен и не требует наряду с собой еще каких-то аргументов иного плана. В афинском уголовном процессе, насколько можно судить, такой самодостаточностью закон не обладал. Не случайно очень часто ораторы приводят текст закона наряду с другими категориями свидетельств, «помимо прочего» (Lys. I. 29–30; IX. 8; Dem. XVIII. 58, 121, 224, 275; XX. 27, 155; XXI. 107; XXIII. 18, 20–21, 220; XXIV. 68; XLIV. 67; LIII. 26). Случается, что, не надеясь на абсолютную силу закона, оратор указывает судьям на прецеденты (Dem. XXI. 175). Не говорим уже о тех случаях, когда законы приводятся просто как примеры или поучения, как очень авторитетные (но опять-таки не безоговорочно авторитетные) тексты (Lys. X. 15; Dem. XX. 102, 104, 135; XXII. 24). Есть и прямые свидетельства того, что афинский суд при вынесении приговоров не стеснял себя буквой закона (Lys. I. 36; Dem. XIX. 133, 147, 152–153; XXII. 6).

Такому отношению к нормативным актам способствовали имевшие место в классических Афинах беспорядок и путаница в своде законов, картину которых ярко рисует Демосфен (XX. 91–94). Здесь не место говорить о причинах

⁹ Die athenische Demokratie... S. 245.

путаницы, но факт остается фактом: были и законы, противоречившие друг другу (Lys. XXX. 3, 11), и законы с неудобопонятными формулировками (Lys. X. 6). Встречались и случаи, просто не предусмотренные законами, которые судьи разбирали «на основе собственных представлений о справедливости» (Dem. XX. 118). Отсюда очень большая доля произвола в дикастериях, отсюда зачастую и изощренная казуистика ораторов (Lys. XXXI. 27; Dem. XXII. 26, 33). Лисий прямо говорит: «Долг... справедливого судьи – понимать законы в том смысле (ταύτη), в каком это будет полезно для государства в будущем» (XIV. 4).

Итак, законы – особый разряд свидетелей, показания которых следует принимать во внимание. Это ведет к их подспудной персонификации, которую мы неоднократно наблюдаем в тех же судебных речах (приведем лишь наиболее яркие примеры: Lys. I. 26, 34; XXX. 26; Dem. XX. 44, 96, 157; XXI. 20, 44, 188; XXIV. 53; XXV. 16; XLIII. 60; LVI. 2; LIX. 115). Законы могут «убить», «признать невиновным», «приказывать», «поступать несправедливо», «заботиться», «преследовать», «назначать наказание», «стоять» рядом с оратором, «хотеть», «искать», «находить», даже выступать в суде в качестве одной из тяжущихся сторон. И наоборот, законы можно «губить» (λυμαίνεσθαι), «обижать» (ἀδικεῖν), «обвинять» и т. п.

Замечено, что персонификация законов вообще типична для IV в. до н. э. Она встречается, например, у Платона, причем как в юношеском диалоге «Критон», так и в итоговых «Законах»¹⁰. Как видим, Платон здесь не одинок. Философ, в сущности, следует распространенному узусу.

Плутарх, Солон, 18 (пер. С. И. Соболевского):

Он [Солон] позволил всякому гражданину выступать в защиту потерпевшего и требовать наказания преступника (λαβεῖν δίκην ὑπὲρ τοῦ κακῶς πεποιθότος)... Всякий, кто мог или хотел (τῷ δυναμένῳ καὶ βουλομένῳ), имел право жаловаться на преступника и преследовать его судом.

В этом пассаже Плутарха вопрос трактуется наиболее подробно, но ссылки на упомянутый здесь обычай мы встречаем уже у авторов классической эпохи (Dem. XXIV. 105; Arist. Ath. pol. 9. 1)¹¹. Трудно переоценить данное нововведение Солона; в нем ясно виден шаг к консолидации полиса, к выработке чувства общеполисной солидарности. Однако и здесь Солон (как и в целом ряде других отношений), кажется, очень сильно опередил свое время. Еще в эпоху Лисия и Демосфена идея о том, что каждый желающий (ὁ βουλούμενος οἷς ἔξεστιν)

¹⁰ Cohen D. The Rule of Law... S. 234–238.

¹¹ Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–89. Copenhagen, 1989. P. 249.

может и должен возбуждать судебный процесс по делам, лично его не касающимся, далеко не получила всеобщего распространения. На категорию частных исков (*δίκαι*) это правило вообще не распространялось (а в эту категорию входили, между прочим, дела об убийствах). Но и в сфере процессов о государственных преступлениях (*γυραφαί*) чересчур охотное участие лица, прямого отношения к рассматриваемому делу не имевшего, общественным мнением отнюдь не приветствовалось. Такой излишне активный гражданин легко мог снискать репутацию сикофанта¹², а отношение к сикофантам, как известно, было крайне отрицательным (Lys. VII. 20; Dem. XVIII. 95, 138; XIX. 222; XX. 62; XXIII. 146, 190; XXXIX. 1).

Поэтому в судебных речах было едва ли не необходимо оговорить причину, по которой истец возбуждает процесс, иными словами, рассказать судьям об истоках своей личной вражды (*ἔχθρα*) к ответчику (Lys. IV. 5; VII. 39–40; IX. 13–15; XII. 2; XIII. 1–3; XIV. 1–2; XXIV. 2; Andoc. I. 117; Dem. XVIII. 15–16, 124; XIX. 80, 223; XXI. 29, 77, 205; XXIV. 6–8; LIV. 33; LIX. 1, 14). В отдельных случаях истец специально оговаривает, что личная вражда отсутствует (Lys. I. 4, 43–45; XXI. 2; Dem. XIX. 221; XXIII. 1), но, понимая, что этим его позиция автоматически ослабляется, старается подобрать иные аргументы для обоснования возбуждения процесса.

Одной из весьма достойных причин начала судебного дела считалась помощь попавшим в беду друзьям и родственникам или, не реже, мщение за них (Lys. V. 1; VIII. 19; XIX. 1; XXVIII. 17; Dem. XX. 1; XXI. 118; XXIV. 67). Афинская пословица гласила: «Простительно помогать брату» (Dem. XIX. 238). Иными словами ту же мысль выразил Псевдо-Андокид (IV. 15): «Всякий человек больше дорожит своими родными, чем чужими людьми». Считалось непорядочным подавать в суд на родных и близких, свидетельствовать против них (Lys. VI. 3; XIV. 28; Dem. XXI. 118). Не менее предосудительным было и не вступиться за них (Dem. XIX. 214, 227, 291; XXI. 207), даже, например, путем доноса (Andoc. I. 50, 58, 68; II. 7). Подобную систему мышления очень ярко обобщил в одной из речей Лисий (IX. 20): «Так уж заведено, думается мне, чтобы врагам делать зло, а друзьям добро» (ср. Lys. VI. 7; XV. 12).

Обратим внимание на первую часть этой антитезы, в которой, на взгляд нашего современника, сквозит некоторый цинизм. Дурное отношение к врагам, ненависть к ним, мщение им – всё это рассматривается ораторами как однозначно позитивная ценность. Приведем лишь несколько характерных пассажей. «Люди храбрые должны мстить врагам при жизни» (Lys. II. 8). «Все люди... в раздражении сейчас же стараются отомстить» (Lys. III. 39). «Бо-

¹² Глускина Л. М. Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н. э. по судебным речам демосфеновского корпуса // *Демосфен. Речи*: В 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 463.

юсь, не умерло ли у нашего государства это чувство – ненависть и мщение по отношению к своим обидчикам» (Dem. XIX. 289). «Разгневанным людям свойственно отвечать злом тем, кто причинил им обиду» (Dem. XXIV. 175). Утверждения о пользе мести и ненависти чрезвычайно многочисленны; даже просто перечислить их в рамках краткой статьи нет никакой возможности. Характерно, что часто истец призывает судей возненавидеть ответчика так, как если бы он нанес обиду лично им.

В свете вышесказанного неудивительным становится, что суд часто использовался как арена для сведения личных счетов (Lys. III. 20; Dem. XXII. 1; XXXIX. 3; LVIII. 1–2, 58–59; LIX. 126).

Лусий, III, 46 (пер. С. И. Соболевского):

Закон не разрешает у вас (речь произносится в Ареопаге. – И. С.) говорить о том, что не относится к делу (ἐξω τοῦ πράγματος λέγειν).

О том, что такой обычай существовал в Ареопаге, сообщают и другие авторы (Arist. Rhet. 1354a23; Poll. VIII. 117; Lucian. Anach. 19; Apul. Met. X. 7). Однако, насколько можно судить по нескольким сохранившимся речам, произнесенным перед этим почтенным судилищем, даже в нем не столь уж строго следили за тем, чтобы тяжущиеся не допускали в речах отступлений. Что же касается судов присяжных, то здесь и истцу, и ответчику была предоставлена полная свобода отклоняться сколь угодно далеко от непосредственного предмета тяжбы.

Анализ такого рода экскурсов в судебных речах приводит к выводу, что значительное большинство их составляют аргументы типа *probabile ex vita*, то есть указания на прошлые прегрешения противника, на отрицательные черты его личности и т. п. (к слову сказать, одновременно часто практиковалось самовосхваление, сопоставление себя и представителей противной стороны, естественно в свою пользу). Выпады против личности и прошлой жизни оппонента зачастую выливались в грубую брань – псогос (блестящими образчиками такого псогоса являются направленные друг против друга речи Эсхина и Демосфена).

Но нас здесь интересует не псогос, использование которого было, в сущности, искажением принципа, а сам этот принцип – вести речь в суде не о конкретном деле, а о личности. Иногда мы встречаем в речах порицание такого обыкновения (Lys. IX. 1; XII. 38; XVI. 9), призывы говорить только о деле (Lys. VI. 42; XXX. 8; Dem. XIX. 202, 213), оправдания, что приходится прибегать к этому приему (Lys. IX. 3; XXIV. 24–26; Dem. XVIII. 34, 50, 59, 126, 256), но в целом такие случаи нечасты. Пересказ прошлых дел, как своих, так и противника, составляет почти неотъемлемую часть любой речи. Иногда оратор просит суд наказать обвиняемого сразу за все его дела (Lys. XXX. 6–7); ино-

гда, напротив, речь используется как повод для отчета в собственной жизни (Lys. XXIV. 1). Собственно, суд и воспринимается как проверка (ἐξέτασις) жизни и деятельности (Dem. XVIII. 226).

В чем же причина такого положения вещей? Думается, не только в том, что афинские ораторы были людьми, неразборчивыми в средствах¹³. Американский антиковед Д. Коэн недавно привлек внимание к одному существенному различию в современном и античном понимании судебного процесса. В демократических Афинах IV в. до н. э. приговор суда представлял собой не интерпретацию правовых норм и их приложение к конкретному случаю, а широкое политическое, социальное и этическое суждение о данном индивиду¹⁴. Судили не деяние – судили человека, гражданина. Отсюда и проистекала необходимость для ответчика давать отчет в своей жизни, а для истца – изобразить его личность в максимально мрачных тонах.

Именно к такому выводу приводят и нас разобранные выше тексты. Приведем еще несколько характерных примеров. Обвиняемого могли оправдать – даже при безусловности его вины – за прошлые заслуги (Lys. XIV. 23; XXX. 1). Человек, в прошлом запятнавший себя, не может быть хорошим гражданином, и уже за это его следует наказать (Dem. XVIII. 197–198; XIX. 7; XXI. 134, 142–143; XXII. 31–32). Порочные вредны для полиса (Dem. XXXVIII. 25–27).

Отнюдь не случайно мы встречаем в речах нападки на родителей и родственников оппонента, инсинуации о его происхождении (Lys. X. 23; XIII. 64; Dem. XIX. 237, 281, 287; XXI. 149), а также похвалы собственным предкам (Andoc. I. 146; II. 26; Lys. XVIII. 1; XXVI. 21–22; Dem. XVIII. 10). Афинская демократия унаследовала от эпохи аристократического правления веру в наследственность личных качеств¹⁵. Стоило доказать, что предки противника были порочными людьми, – и гораздо большей становилась вероятность, что таким же является их потомок.

Нередки у ораторов и выпады против друзей и сподвижников оппонента (Lys. XII. 62, 64, 81; Dem. XIX. 230; XX. 146–151; XXIII. 144; XXIV. 6). Замечание Еврипида (из недошедшей комедии «Феникс»): «На тех похож он, с кем водиться любит» (ар. Dem. XIX. 245; ср. XXII. 64) – находится вполне в русле афинских воззрений, в частности и в свете того, что говорилось выше о необходимости помощи друзьям.

Исследователь греческого права Г. Тюр окрестил недавно афинский суд присяжных «тупиковой» системой судопроизводства, неспособной к дальнейшему развитию, обремененной множеством примитивных, иррациональных

¹³ Глушкина Л. М. Указ. соч. С. 463. Прим. 177.

¹⁴ Cohen D. The Rule of Law... S. 243; ср.: Суриков И. Е. Указ. соч. С. 240.

¹⁵ Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989. P. 251–254.

черт, от которых она так и не смогла избавиться¹⁶. Трудно судить, насколько справедлив столь уничтожающий приговор. Во всяком случае несомненно, что ряд особенностей афинской юстиции, если не «примитивных», то кардинально чуждых нашему менталитету, коренится не в деталях судебной организации, а в специфике древнегреческого правосознания, которую мы и попытались продемонстрировать. Неотчлененность права от этики, отсутствие четкого водораздела между публичной и частной сферами права – все это во многом проистекает из самого феномена полиса, в котором понятия «личность» и «гражданин», по существу, идентичны. Нам часто приходилось цитировать Демосфена. В целом для этого деятеля характерен очень высокий уровень правосознания; под многими его высказываниями без колебаний подписался бы любой из наших современников. Однако там, где оратор мыслит категориями массовой шкалы ценностей (а в судебных речах это неизбежно), мы сталкиваемся не с низшей, но с иной по отношению к нам культурой.

¹⁶ Thür G. Op. cit. S. 321–331; ср.: Суриков И. Е. Указ. соч. С. 241–242.

ПРАВОСОЗНАНИЕ АФИНИЯН КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ: НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТОЧНИКОВ*

Более десятилетия назад мы посвятили специальную статью ряду интересных нюансов правосознания, правовой культуры афинян классической эпохи¹. Некоторые тезисы, предложенные нами в этой работе, были по тому времени достаточно оригинальными² (в 2000-е годы они стали часто высказываться в западном антиковедении³), но ее слабым местом являлось то, что в связи с ограниченным объемом (в сущности, это был текст доклада на конференции) важные положения в ней почти всегда аргументировались только длинными списками «глухих» ссылок на источники, как правило, без развернутого цити-

* Впервые опубликовано в: *Studia historica*. Т. 11. М., 2011. С. 85–118.

¹ Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // *Древнее право*. № 2 (5). 1999. С. 34–42.

² Т. В. Кудрявцева (которая, заметим, в целом гораздо чаще критикует, чем одобряет наши идеи) даже назвала эту статью «настоящим прорывом» (*Кудрявцева Т. В.* Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 12), но это уж явное преувеличение.

³ См., например: *Cohen D.* Law, Violence, and Community in Classical Athens. Cambridge, 2000; *Idem.* Theories of Punishment // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law*. Cambridge, 2005. P. 170–190; *Idem.* Crime, Punishment, and the Rule of Law in Classical Athens // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law*. Cambridge, 2005. P. 211–235; *Rhodes P. J.* Keeping to the Point // *The Law and the Courts in Ancient Greece*. L., 2004. P. 137–158; *Lanni A.* Arguing from ‘Precedent’: Modern Perspectives on Athenian Practice // *The Law and the Courts in Ancient Greece*. L., 2004. P. 159–171; *Idem.* Relevance in Athenian Courts // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law*. Cambridge, 2005. P. 112–128; *Idem.* Law and Justice in the Courts of Classical Athens. Cambridge, 2006; *Thür G.* The Role of the Witness in Athenian Law // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law*. Cambridge, 2005. P. 146–169; *Yunis H.* The Rhetoric of Law in Fourth-Century Athens // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law*. Cambridge, 2005. P. 191–208; *Wallace R. W.* Law and Rhetoric: Community Justice in Athenian Courts // *A Companion to the Classical Greek World*. Oxf., 2006. P. 416–431; *Farenga V.* Citizen and Self in Ancient Greece: Individuals Performing Justice and the Law. Cambridge, 2006; *Harris E. M.* Democracy and the Rule of Law in Classical Athens: Essays on Law, Society, and Politics. Cambridge, 2006; *Meyer-Laurin H.* Law and Equity in the Attic Trial // *Oxford Readings in the Attic Orators*. Oxf., 2007. P. 116–139; *Wohl V.* Law’s Cosmos: Juridical Discourse in Athenian Forensic Oratory. Cambridge, 2010. Разумеется, данный перечень вполне выборочен и никоим образом не претендует на исчерпывающую полноту.

рования свидетельств. Этим аргументация, естественно, ослаблялась. И нам теперь представляется уместным вернуться к тем же вопросам, но на сей раз не ограничиваться декларированием своих взглядов, а проиллюстрировать и подкрепить их приведением (с некоторым минимальным комментарием) подборки ряда важных текстов из памятников, созданных в условиях демократического афинского полиса, имеющих прямое отношение к праву и судебной практике.

Перед тем напомним вкратце ключевые выводы вышеупомянутой статьи. На примере Афин V–IV вв. до н. э. отчетливо прослеживается ряд характерных черт греческого правосознания, обычно в недостаточной степени привлекающих внимание исследователей. Среди этих черт – непримиримая суровость законодательства (вплоть до применения высшей меры наказания) к разного рода мелким правонарушителям – вора, соблазнитель и т. п. Этот факт в сочетании со сравнительно гуманным отношением к убийцам позволяет говорить об отсутствии существенных различий в афинском пенитенциарном праве эпохи Драконта и эпохи Демосфена. Далее, существовала вполне легальная возможность предавать преступников казни без суда; огромное значение имело собственное признание обвиняемого, наличие которого позволяло пренебречь всеми законными формальностями, что позволяет говорить об элементах презумпции виновности в афинском праве. На первый план в афинском суде выдвигалось его воспитательное значение, а не функции по выявлению истины. Окончателность, безапелляционность приговора воспринималась скорее как достоинство, чем как недостаток. В судах присяжных не обладали абсолютной силой даже положения законов: на практике они не были обязательными, самодостаточными, требовали для своего подкрепления аргументов иного плана и, в сущности, воспринимались как особый род свидетельских показаний. Не поощрялось активное участие в обвинении или защите лица, не имевшего прямого отношения к рассматриваемому делу. Стремясь избежать репутации сикофантов, стороны в ходе процесса акцентировали момент личной вражды. Однозначно позитивной ценностью считалась месть врагам посредством суда. Судебный приговор, как правило, представлял собой не интерпретацию правовых норм и их приложение к конкретному случаю, а развернутое политическое, социальное и этическое суждение о данном индивиду. Отсюда проистекало почти обязательное использование в судебных речах выпадов против личности и прошлой жизни оппонента, его родителей, родственников и друзей. Все вышеприведенные особенности в значительной степени были обусловлены самим феноменом классического полиса, в котором понятия «личность» и «гражданин» были практически идентичны.

Для исследования правосознания афинян важны не столько правовые взгляды передовых греческих мыслителей, представителей интеллектуальной элиты, сколько уровень массового сознания, правовые идеи широких слоев ря-

довых граждан и, в частности, преломление этих идей в сфере повседневной правовой практики, их влияние на работу судебных учреждений. Это обстоятельство обуславливает выбор источников, которые далее будут цитироваться.

* * *

Наиболее ранним нарративным памятником, дающим обильную информацию о самых различных аспектах права и судопроизводства в классических Афинах, в том числе и с точки зрения правосознания, является комедия Аристофана «Осы», поставленная в 422 г. до н. э. Древняя аттическая комедия была, как известно, жанром воистину всенародным, при этом исключительно злободневным, затрагивавшим едва ли не все болезненные точки афинского общества; поэтому сведения, содержащиеся в пьесах Аристофана, в высшей степени ценны для историка. Комедия «Осы», в частности, посвящена специально обличению присущей афинянам страсти к сутяжничеству, воплощенной в образе главного героя Филоклеона – дикаста (члена суда присяжных).

Разумеется, нельзя спорить и с тем, что мир аристофановской комедии – это мир гротеска, карикатуры. Но всё ж вполне верно тривиальное суждение: «В каждой шутке есть доля истины». Карикатура должна, по крайней мере, походить на оригинал, иначе она будет не смешной и непонятной. Поэтому вполне закономерно, что историками афинского права и судопроизводства «Осы» активно используются. В приводимых выдержках из комедии⁴ специфика работы судебных коллегий, поведение дикастов, их мировоззрение, духовный мир предстают весьма выпукло.

Aristoph. Vesp. 87 sqq.

К с а н ф и й⁵:

Открою вам сейчас хозяина болезнь:
Он ярый судофил, каких и в мире нет;
Он страстно любит суд и глубоко скорбит,
Когда не попадет на первую скамью⁶.

⁴ «Осы» цитируются в переводе Н. Корнилова под редакцией В. Ярхо по изданию: Аристофан. Комедии: В 2 т. Т. 1. М., 1983.

⁵ Имя раба. Ксанфий рассказывает зрителям о своем хозяине Филоклеоне – пожилом афинском дикасте, подверженном страсти к сутяжничеству.

⁶ Скамьи, на которых рассаживались присяжные во время заседаний дикастериев. В V в. судьи рассаживались еще без всякого порядка, кто где хотел. В следующем столетии за каждым дикастом было закреплено строго определенное место. См. в связи с этим: Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. Vol. 28). Princeton, 1995. P. 21–42 (на данные этого ценнейшего, весьма фундированного исследования нам и в дальнейшем придется неоднократно

Не может ночью он ни на волос уснуть,
А если и вздремнет немножко, все равно
Витают мысль его у водяных часов⁷.
Держать привыкши шар⁸, встает с постели он,
Сложив три пальца так, как будто фимиам
В день полнолуния бросает на алтарь.
Увидит где-нибудь он надпись на дверях:
«Сын Пирилампа Дем – красавец», – и сейчас:
«Воронка – ты моя любовь⁹», – добавит он.
Петух его стал петь по вечерам – и вот
Старик был убежден, что с подсудимых он
За пенье позднее, наверно, взятку взял¹⁰.
Чуть ужин кончится, кричит он: «Башмаки!»
Еще не рассветет, а он уж в суд идет
И, как морской моллюск, там спит, прильнув к столбу.
По злости ставит он всем длинную черту
И возвращается, как шершень иль оса,

ссылаться). Здесь и далее Аристофан иронизирует по поводу различных деталей судебной процедуры и экипировки.

⁷ Знаменитая клепсидра – водяные часы, применявшиеся в судах при заслушивании речей тяжущихся сторон. На афинской агоре археологами был найден один неплохо сохранившийся экземпляр клепсидры. См.: *Boegehold A. L. et al. Op. cit. P. 77–78.*

⁸ Строго говоря, псеф – камешек для голосования (такие камешки употреблялись в дикастериях в V в. до н. э., позже им на смену пришли бронзовые псефы, по форме напоминавшие волчок). О псефах см.: *Boegehold A. L. et al. Op. cit. P. 82–90.*

⁹ Имеется в виду кем (κημός) – воронка, надевавшаяся на урну, в которую судьи бросали камешки-псефы (см.: *Boegehold A. L. et al. Op. cit. P. 28*). В оригинале игра слов: «Дем – кем» (Δῆμος – κημός). О Пирилампе, чьим сыном был упоминаемый здесь Дем, см.: *Суриков И. Е. Antiphontea III: друзья и враги Антифонта (просопографический этюд) // Studia historica. Т. 8. М., 2008. С. 87–88.* Пирилампа был аристократом из древнего рода Кодридов, соратником Перикла и отчимом Платона, человеком известным и весьма богатым (после одной из своих многочисленных поездок в Персию в качестве посла впервые развел в Афинах привезенных с Востока павлинов). Притом он являлся характерным представителем той части знати, которая в период расцвета демократического строя сознательно встала на его сторону. О многом говорит уже то имя, которое Пирилампа дал своему сыну.

¹⁰ Взятничество дикастов было пороком, с которым систематически и в конечном счете безуспешно боролся афинский полис. Стремлением предотвратить подкуп судей было, в частности, вызвано введение в IV в. до н. э. жеребьевки коллегий гелиеи по конкретным судебным делам непосредственно перед началом процессов (*Boegehold A. L. et al. Op. cit. P. 31 ff.*).

С ногтями, полными начинки восковой¹¹.
 Боясь, что камешков не хватит на суде,
 Он берег у себя морской в дому завел.
 Вот мания его. Советы – ни к чему:
 От них еще сильнее он рвется в суд. Его
 Мы держим взаперти, чтоб он не убежал...

Aristoph. Vesp. 550 sqq.

Филоклеон¹²:

Есть ли большее счастье, надежней судьба в наши дни, чем судейская доля?
 Кто роскошней живет, кто гроза для людей, несмотря на преклонные годы¹³?
 С ложа только я сполз, а меня уж давно у ограды суда поджидают
 Люди роста большого,преважный народ... Подойти я к суду не успею,
 Принимаю пожатия холеных рук, много денег покравших народных,
 И с мольбой предо мной они гнутся в дугу, разливаются в жалобных воплях:
 «Умоляю тебя, пожалей, мой отец! Может быть, ты и сам поживился,
 Когда должность имел или войско снабжал провиантом в военное время».
 Я – ничто для него, но он знает меня потому, что оправдан был мною...
 Наконец, размягченный мольбами, вхожу, отряхнувши всю ярости пену,
 Но в суде никаких обещаний моих исполнять не имею привычки,
 Только слушаю я, как на все голоса у меня оправдания просят.
 И каких же, каких обольстительных слов в заседание судья не услышит?
 К нищете сострадания просит один и к несчастьям своим прибавляет
 Десять бедствий еще; до того он дойдет, что ко мне приравнять его можно.
 Тот нам сказку расскажет, исполнит другой из Эзопа забавную басню,
 А иные острят, чтобы нас рассмешить и смирить раздражение наше.
 Но, увидев, что мы не поддались ему, он ребят поскорее притащит,
 Приведет сыновей, приведет дочерей... Я сию и внимаю защите,
 А они, сбившись в кучу, все вместе ревут, и опять их отец, точно бога,
 Умолять нас начнет, заклиная детьми, и пощады, трепещущий, просит:

¹¹ В некоторых судебных процессах дикасты должны были сделать выбор между мерами наказания, предлагавшимися обвинителем и обвиняемым. В таких случаях каждый из судей проводил ногтем на навощенной дощечке короткую или длинную черту, таким образом голосуя за более снисходительное или более суровое наказание (подробнее см.: Boegehold A. L. et al. Op. cit. P. 28).

¹² В хвастливом монологе Филоклеона, выдержки из которого далее приводятся, нарисована блестящая (хотя, конечно, комически гиперболизированная) картина работы судов присяжных. Мы узнаём, каковы были духовные запросы дикаста, как он понимал суть и смысл своей деятельности.

¹³ Действительно, насколько можно судить, большую часть дикастов составляли люди пожилого возраста и небольшого достатка.

«Если криком ягнят веселится ваш слух, ради голоса мальчика сжальтесь!
Если визг поросят больше радует вас, ради дочки меня пожалейте!»
Ну, тогда мы чуть-чуть станем мягче к нему, раздражения струны ослабим...
Или это не власть, не великая власть? Не глумимся ли мы над богатством?..
А когда нам на суд попадетсЯ Эагр¹⁴, не дожидаться ему оправдания
До тех пор, пока он не прочтет пред судом из «Ниобы» прекрасный отрывок;
Коль в процессе победу одержит флейтист, то в награду за наше решение
Он с ремнем на губах мелодичной игрой выходящих судей провожает.
Если умер отец и наследнице сам в завещании мужа назначил,
То пускай завещанье его и печать, заключенная важно в футляре,
От досады ревут, если могут, – они для суда не имеют значения:
Сироту отдаем мы женою тому, кто мольбами склонить нас сумеет¹⁵,
И отчета мы в том никому не даем, не в пример остальным учреждениям¹⁶..
Но приятнее всех мне судейских утех, – я сказать позабыл, – вот такая:
Только я ворочусь с триоболом¹⁷ домой, домочадцы гурьбою обступят
И начнут лебезить, знают: деньги принес!..
Наша власть неужели ничтожна?
Только Зевсу такая доступна,
Только с ним наравне ставят нас.

¹⁴ Известный трагический актер.

¹⁵ Здесь упоминаются судебные процессы об эпиклерах («дочерях-наследницах»). Эпиклерой называлась девушка, оставшаяся единственной наследницей после смерти отца за отсутствием у него мужского потомства. Поскольку по нормам греческого права женщины не могли иметь собственности, эпиклера должна была быть выдана замуж, передавая при этом наследство супругу. Об институте эпиклерата см.: *Jones J. W. The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction. Oxf., 1956. P. 179–181; Karabelias E. L'épiclérat dans la comédie nouvelle et dans les sources latines // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 215–254; Глускина Л. М. Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н. э. по судебным речам Демосфеновского корпуса // Демосфен. Речи: В 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 418–420; Суриков И. Е. Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // Древности Боспора. Т. 11. 2007. С. 380–393.*

¹⁶ В отличие от всех других должностных лиц афинского полиса дикасты по окончании срока пребывания в должности не обязаны были отчитываться в своей деятельности; не существовало и высшей апелляционной инстанции, где могли бы быть обжалованы приговоры дикастериив. Подробнее см. в нашей работе: *Суриков И. Е. Еще раз об афинской гелиее // Древнее право. 2008. №2 (22). М., 2010. С. 8–24.*

¹⁷ Три обولا с 420-х гг. до н. э. были стандартной платой дикастам за день в судебном присутствии. До того платили по два обولا, увеличение выплат было осуществлено по инициативе Клеона (*Boegehold A. L. et al. Op. cit. P. 30*).

В самом деле, когда зашумим мы в суде¹⁸,
То прохожий народ, услышав, говорит:
«Слышишь, гром-то какой раздается в суде!
Царь наш Зевс!»...

* * *

Судебные речи афинских ораторов имеют особенно большое значение для выявления характерных черт правосознания рядовых членов гражданского коллектива, поскольку были сознательно ориентированы их авторами именно на такую аудиторию¹⁹. Ниже приводятся фрагменты из речей трех выдающихся мастеров красноречия – Лисия, Андокида и Демосфена. Лисий²⁰ – самый яркий представитель раннего периода развития греческого ораторского искусства, профессиональный логограф, писавший обвинительные и оправдательные речи по заказам клиентов²¹ и умевший виртуозно передать их характер (прославленное искусство этопеи). Андокид²² – современник Лисия, политик-неудачник, на которого уже в молодости легла тень религиозного преступления, создавшая ему репутацию одиозной личности; в своих речах Андокид прилагал усилия, чтобы избавиться от этой репутации, апеллируя при этом к доводам, понятным и близким для судей. Наконец, творчество Демосфена²³ – признанная вершина греческого красноречия; по объему своего сохранившегося наследия этот оратор также превосходит любого другого. В целом Демосфену

¹⁸ Афинские судьи часто весьма эмоционально (криком, топаньем) выражали свое отношение к содержанию речей тяжущихся. Шум (θόρυβος) дикастов стал в какой-то мере даже знаменитым явлением, см.: Суриков И. Е. Демократия и достоинство: к характеристике некоторых аспектов правовой и политической культуры граждан классических Афин // Из истории античного общества. Вып. 13. Нижний Новгород, 2010. С. 47.

¹⁹ Так, оратор и софист Антифонт, в своих философских трудах позволявший себе весьма тонкие и изощренные ходы мысли, в речах, написанных им в качестве логографа, использует куда более упрощенную аргументацию. Доказательству этого тезиса практически целиком посвящена работа: Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin, 2002.

²⁰ Фрагменты из его речей цитируются в переводе С. И. Соболевского по изданию: Лисий. Речи. М., 1994.

²¹ Usher S. Lysias and his Clients // Oxford Readings in the Attic Orators. Oxf., 2007. P. 27–36.

²² Фрагменты из его речей цитируются в переводе Э. Д. Фролова по изданию: Андокид. Речи. СПб., 1996.

²³ Фрагменты из его речей цитируются в переводах С. И. Радцига, В. Г. Боруховича, А. Я. Тыжова, М. Н. Ботвинника и А. И. Зайцева, Л. М. Глускиной по изданию: Демосфен. Речи: В 3 т. М., 1994–1996.

был свойствен весьма высокий уровень правосознания, но и ему зачастую приходилось прибегать к массовой шкале ценностей²⁴.

Lys. I. (1). Мне было бы дорого, господа²⁵, если бы вы на суде в настоящем деле поступили со мной так же, как поступили бы, если бы вас самих постигло подобное несчастье²⁶: я глубоко убежден, что если бы вы смотрели на дело, касающееся другого, теми же глазами, как на свое собственное, то среди вас не нашлось бы ни одного человека, которого не возмущало бы это происшествие; но все вы считали бы установленные законами наказания для таких преступников слишком малыми. (2). И, думается мне, такое воззрение принято не только у вас²⁷, но и во всей Греции: это – единственное преступление, за которое и в демократических, и в олигархических государствах законом предоставлен самым ничтожным в государстве людям один и тот же способ мести по отношению к самым влиятельным, так что и самый незнатный, и самый знатный гражданин может получить одно и то же удовлетворение: вот до какой степени тяжким считают все люди такое поругание чести. (3). Таким образом, что касается меры наказания, все вы держитесь, я полагаю, одинакового со мною воззрения, и никто не смотрит на дело так легко, чтобы думать, что виновные в подобных деяниях должны получить прощение или что они заслуживают лишь малого наказания. (4). А мне доказать следует, я думаю, лишь то, что Эратосфен²⁸ был в преступной связи с моей женой и через это не только ее совратил, но и детей моих опозорил, и мне самому нанес оскорбление, проникнув в мой дом; что вражды между мной и им не было никакой, кроме как по этому поводу, и что сделал я это не из-за денег, чтобы из бедного стать богатым, и вообще не из корыстных целей, а только ради законом дозволенного мщения...

²⁴ Wolff H. J. Demosthenes as Advocate: The Functions and Methods of Legal Consultants in Classical Athens // Oxford Readings in the Attic Orators. Oxf., 2007. P. 91–114.

²⁵ Словом «господа» С. И. Соболевский всегда переводит *ἀνδρες* оригинала. И, хотя это на первый взгляд и выглядит анахронизмом, приходится признать, что ничего лучшего не придумано. Не переводить же «мужчины» или «люди»! А напрашивающееся слово «мужи» в подобных, порой чисто бытовых, контекстах звучит чрезмерно возвышенно.

²⁶ Евфилет, для которого Лисий составил эту речь, обвинялся в убийстве любовника жены, застигнутого им на месте преступления. Далее ответчик ссылается на закон (восходящий, судя по всему, еще к Драконту), предоставляющий в таких случаях право оскорбленному мужу безнаказанно предать смерти соблазнителя супруги. В целом о рассматриваемой речи см.: Porter J. R. Adultery by the Book: Lysias 1 (*On the Murder of Eratosthenes*) and Comic *Diēgēsis* // Oxford Readings in the Attic Orators. Oxf., 2007. P. 60–88.

²⁷ Т. е. у афинян.

²⁸ Имя убитого соблазнителя. Есть некоторая вероятность (впрочем, небольшая), что он тождествен члену коллегии «Тридцати тиранов», против которого направлена XII речь того же Лисия.

(25). ...Я ударом сбил его с ног²⁹ и, скрутив ему руки назад и связав их, стал спрашивать, на каком основании он позволяет себе такую дерзость – входит в мой дом. Он вину свою признал, но только слезно молил не убивать его, а взять с него деньги³⁰. (26). На это я отвечал: «Не я убью тебя, но закон нашего государства; нарушая закон, ты поставил его ниже твоих удовольствий и предпочел лучше совершить такое преступление по отношению к жене моей и детям, чем повиноваться законам и быть честным гражданином». (27). Таким образом, господа, он получил то возмездие, которое, по повелению закона, должны получать подобного рода преступники; но при этом он не был втащен силою в дом с улицы и не прибег к домашнему очагу, как утверждают обвинители³¹... (28). Но, господа, как и вам, я думаю, известно, люди, совершающие незаконные деяния, никогда не признают того, что их противники говорят правду, а сами лживыми уверениями и тому подобными неблагоприятными средствами стараются возбудить в слушателях негодование против лиц, на стороне которых находится право. Прежде всего прочти закон³².

(29). Он не отрицал, господа, свою вину, но признавал ее и только слезно молил не убивать его, а заплатить штраф он готов. Но я не согласился на предложенный им штраф, находя, что закон государства должен иметь более силы; я подвергнул его тому наказанию, которое вы признали наиболее справедливым и назначили для людей, занимающихся такими делами. Пусть взойдут сюда свидетели этого³³.

(32). ...Настолько меньшего наказания, господа, заслуживают, по мнению законодателя, лица, употребляющие насилие, по сравнению с теми, которые действуют убеждениями³⁴. (33). Последних он приговорил к смертной казни, а первых присудил лишь к возмещению убытков в двойном размере: он руководился тем соображением, что человек, достигающий своей цели путем насилия, возбуждает

²⁹ Евфилет рассказывает о конкретных обстоятельствах убийства.

³⁰ Именно такой исход аналогичных дел (не убийство соблазнителя, а выплата им выкупа) был более обычным в Афинах. Но Евфилет, видно, решил быть принципиальным.

³¹ Обвинителями Евфилета были родственники убитого Эратосфена.

³² Реплика обращена к секретарю суда. Сам закон в дошедшем тексте речи не сохранился. Речь в нем должна была идти о том, что лица, сами признавшие в преступлении, безоговорочно считаются виновными.

³³ Характерно для афинского правосознания, что Евфилет, намереваясь застигнуть Эратосфена с поличным и убить его, не преминул захватить с собой нескольких соседей в качестве свидетелей. О свидетелях в афинском суде в целом см.: *Mirhady D. C. Athens' Democratic Witnesses* // *Phoenix*. Vol. 56. No. 3/4. 2002. P. 255–274; *Thür G. Op. cit.*; *Humphreys S. C. Social Relations on Stage: Witnesses in Classical Athens* // *Oxford Readings in the Attic Orators*. Oxf., 2007. P. 140–213.

³⁴ Воззрение, в корне отличающееся от принятого ныне.

ненависть в своей жертве; а кто действует убеждением, до того развращает душу, соблазненную им, что чужая жена становится принадлежащей ему более, чем своему мужу, весь дом переходит в его власть, и дети бывают неизвестно чьи, — дети мужа или любовника. Вот за что законодатель назначил таким людям в наказание смертную казнь. (34). Таким образом, господа, законы меня не только признали невиновным, но даже вменили мне в обязанность привести в исполнение это наказание; а уже от вас зависит, чтобы законы эти или оставались в силе, или не имели никакого значения.

Lys. III. (44). ...Я хотел бы иметь возможность показать вам его преступную натуру и на основании других фактов³⁵, чтобы вы знали, что он гораздо более заслуживал бы находиться сам под угрозой смертного приговора, чем подвергать других опасности лишиться отечества³⁶. (45). Я не буду говорить о других фактах; упомяну лишь о том, который, на мой взгляд, вы должны узнать и который послужит вам доказательством его дерзости и наглости. В Коринфе, явившись туда после сражения с неприятелем и похода на Коронею³⁷, он подрался с таксиархом Лакетом³⁸ и стал бить его. Хотя все граждане участвовали в этой войне поголовно, но он один из всех афинян был исключен стратегами из войска как человек, совершенно не подчиняющийся дисциплине и никуда не годный. (46). Я мог бы рассказать про него еще много другого; но, так как закон не разрешает у вас говорить о том, что не относится к делу, то прошу вас запомнить вот что: они силой врываются в наш дом, они преследовали, они силой хватали нас на улице³⁹. (47). Помня это, вынесите справедливый приговор и не допустите, чтобы я несправедливо был изгнан из отечества, для блага которого я подвергался многим опасностям и нес много повинностей, которому я не причинил никакого зла, равно как и мои пред-

³⁵ Произносящий речь афинянин, обвиняемый в нанесении раны, переходит в наступление против обвинителя, стараясь очернить его и для этого приводя примеры его неблагоприятного поведения в прошлом. Интересно, что процесс проходит в Ареопаге, где было законодательно запрещено говорить в речах о вещах, прямо не относящихся к предмету текущего разбирательства (см. ниже в тексте речи). Об Ареопаге и его судебных функциях см.: Wallace R. W. *The Areopagos Council, to 307 B.C.* Baltimore, 1989; Bruyn O. de. *La compétence de l'Aréopage en matière de procès publics: Des origines de la polis athénienne à la conquête romaine de la Grèce (vers 700 – 146 avant J.-C.)*. Stuttgart, 1995; Braun M. *Die «Eumeniden» des Aischylos und der Areopag*. Tübingen, 1998; Schubert Ch. *Der Areopag: Ein Gerichtshof zwischen Politik und Recht // Große Prozesse im antiken Athen*. München, 2000. S. 50–65.

³⁶ В случае обвинительного приговора подсудимому угрожало изгнание из Аттики.

³⁷ Речь идет о событиях Коринфской войны (395–387 гг. до н. э.).

³⁸ Таксиарх — командир военного отряда (таксиса).

³⁹ Реминисценция на обстоятельства, при которых произошла драка между обвиняемым и обвинителем, закончившаяся нанесением увечий.

ки, а пользы принес много. (48). Поэтому я имею право рассчитывать на ваше сострадание⁴⁰...

Lys. V. (1). ...Ввиду настоятельных просьб Каллия⁴¹, ввиду того, что он – мой друг и был другом моего отца при его жизни, и, наконец, ввиду наших многочисленных деловых отношений, я считаю для себя позором не оказать ему помощь, какую могу, в восстановлении его прав. (2). Я думал прежде, что Каллий за свою деятельность в качестве метэка в нашем городе гораздо скорее может получить от вас какую-нибудь награду, чем попасть в такой процесс по обвинению в подобном преступлении⁴². Но, как оказывается, злонамеренные люди⁴³ делают человеку, ни в чем не повинному, жизнь не менее опасной, чем тому, кто замешан во многих преступлениях. (3). Но вы не должны считать показания слуг заслуживающими доверия... Примите во внимание, что против Каллия никто никогда не возбуждал обвинения – ни частное, ни официальное лицо; живя в нашем городе, он принес вам много пользы и дожил до этих лет⁴⁴, не заслужив ни одного упрека. Между тем они⁴⁵, вся жизнь которых наполнена тяжкими преступлениями, которые за них перенесли много наказаний, теперь заводят речь о свободе, как будто они оказали какое-то благодеяние государству.

[Lys.] VI⁴⁶. (6). ...Андокида знают и здесь, и за границей по его нечестивым деяниям, потому что люди, совершающие какие-нибудь необыкновенные поступки, как дурные, так и хорошие, не могут остаться неизвестными⁴⁷. Затем, за время

⁴⁰ Противопоставляя себя своему противнику, подсудимый упоминает о собственных заслугах перед государством (участии в войнах, исполнении литургий).

⁴¹ Каллий – метэк, обвиняемый в процессе, по ходу которого афинский гражданин, являющийся его покровителем, произносит речь в его защиту.

⁴² Каллий обвинялся в святотатстве (краже священных предметов) по доносу, сделанному его собственными рабами.

⁴³ Имеются в виду сикофанты, возбудившие процесс против Каллия.

⁴⁴ Очевидно, обвиняемый был человеком немолодым.

⁴⁵ Рабы, сделавшие донос и надеявшиеся получить за это свободу.

⁴⁶ Данная речь, направленная против оратора Андокида, не принадлежит Лисию; она уже в древности ошибочно попала в сборник его речей. Тем не менее речь представляет собой ценный и аутентичный памятник начала IV в. до н. э., а отнюдь не позднюю фальсификацию.

⁴⁷ Андокид еще в 415 г. до н. э. оказался замешан в скандальные процессы о пародировании мистерий и повреждении герм, после чего был вынужден покинуть Афины и смог возвратиться на родину лишь в 402 г., по декрету о всеобщей амнистии, принятому после ликвидации тирании Тридцати. В 399 г. против него был возбужден новый судебный процесс по обвинению в религиозном нечестии (именно к этому процессу относится данная речь, а также 1-я речь самого Андокида, выдержки из которой см. ниже), окончившийся полным оправданием оратора.

своей жизни за границей он докучал многим государствам, – Сицилии, Италии, Пелопоннесу, Фессалии, Геллеспонту, Ионии, Кипру; многим царям льстил, с которыми встречался, – кроме Дионисия Сиракузского. (7). Дионисий или счастливее их всех, или умом намного выше: он один из всех, входивших в соприкосновение с Андокидом, не был обманут подобным господином, у которого есть такая специальность – врагам не делать никакого зла⁴⁸, а друзьям делать зло, какое только возможно... (8). Так, теперь вам необходимо принять решение относительно его: ведь вы вполне понимаете, афиняне, что нельзя вам одновременно сохранить и отцовские законы, и Андокида, а надо выбрать одно из двух – или уничтожить законы, или избавиться от этого человека.

(9). А он дошел до такой дерзости, что утверждает, будто закон, касающийся его, отменен⁴⁹, и что он уже имеет право входить на площадь и в храмы⁵⁰: иначе этот закон и теперь находился бы в здании афинского совета. (10). Однако Перикл, говорят, однажды дал вам совет относительно преступников против религии: применять к ним не только писанные законы, но также и неписанные, на основании которых Евмолпиды⁵¹ дают разъяснения и которые отменить никто еще не был властен, против которых никто не осмеливался возражать, автора которых и сами они не знают: преступники могут думать, говорил он, что в таком случае их карают не только люди, но и боги.

(14). ...Даже в Ареопаге, этом высокочтимом и справедливом судилище, если подсудимый сознается в преступлении, то подвергается казни, а если отрицает свою виновность, то производится дознание, и многие признаются невиновными. Таким образом, неодинаковое суждение следует иметь об отрицающих свою вину и о сознающихся в ней.

(53). ...Итак, теперь вы должны проникнуться мыслью, что, наказывая Андокида и удаляя его от себя, вы очищаете город, снимаете с себя вину, удаляе-

⁴⁸ Требование причинять зло врагам было неотъемлемым элементом афинского «кодекса чести». См. наиболее подробно: *Blundell M. W. Helping Friends and Harming Enemies: A Study in Sophocles and Greek Ethics. Cambridge, 1991.*

⁴⁹ Андокид ссыался на упоминавшийся выше декрет об амнистии. Об этой амнистии см.: *Natalicchio A. «Μὴ μνησικακεῖν»: l'amnistia // I Greci: Storia, cultura, arte, società. Vol. 2. II. Torino, 1997. P. 1305–1322; Carawan E. The Athenian Amnesty and the 'Scrutiny of the Laws' // Journal of Hellenic Studies. Vol. 122. 2002. P. 1–23.*

⁵⁰ Виновным в религиозных преступлениях закон запрещал посещать общественные места.

⁵¹ Евмолпиды – один из знатнейших жреческих родов в Аттике (именно из этого рода назначались иерофанты – верховные жрецы Элевсинских мистерий). В прерогативу Евмолпидов входило толкование норм устного сакрального права. Об экзегетах из Евмолпидов до сих пор сохраняет свое значение довольно давняя работа: *Oliver J. H. The Athenian Ex-pounders of the Sacred and Ancestral Law. Baltimore, 1950.*

те осквернителя, избавляетесь от грешника, потому что Андокид относится к их числу⁵². (54). Я хочу теперь рассказать вам, какой совет подал мой дед Диокл, сын иерофанта Закора⁵³, когда вы обдумывали, что делать с одним мегарцем, совершившим преступление против религии. Когда другие предлагали его казнить без суда, тотчас же⁵⁴, он посоветовал судить его для пользы людей, чтобы другие, услышав и увидев это, были на будущее время воздержнее⁵⁵; а для удовлетворения богов он советовал, чтобы каждый, прежде чем прийти в суд, составил сам про себя дома приговор о том, что надо сделать с этим нечестивцем.

Lys. IX. (20). Преступные действия моих противников не особенно возмущали меня: так уж заведено, думается мне, чтобы врагам делать зло, а друзьям добро; но, если бы я у вас⁵⁶ не нашел справедливости, это меня опечалило бы гораздо больше. Ведь получится впечатление, что я пострадал не вследствие личной вражды, но вследствие нравственной испорченности государства!.. (22). Итак, поставьте выше всего справедливость и, помня, что вы прощаете даже явные преступления⁵⁷, не допустите, чтобы человек, не повинный ни в каком преступлении, несправедливо попал в величайшие несчастья из-за личной вражды.

Lys. XII. (2). Мне думается, нам теперь придется делать противоположное тому, что делалось в прежнее время. Прежде обвинитель должен был указать причину своей вражды к обвиняемому⁵⁸, а в настоящем процессе надо спрашивать обвиняемых, какая была причина их вражды ко всем гражданам, из-за которой они дерзнули на такие преступные акты по отношению к ним⁵⁹. Впрочем, я говорю это

⁵² Обвинитель рекомендует судьям сделать из Андокида нечто вроде «козла отпущения» (в греческой терминологии – фармака).

⁵³ Из этих слов видно, что произносивший речь принадлежал к роду Евмолпидов.

⁵⁴ Казнь без суда была, по нормам афинского правосознания, вполне допустима в некоторых случаях.

⁵⁵ Характерное воззрение на цель и смысл судебного процесса.

⁵⁶ Обращение к судьям.

⁵⁷ Суд присяжных мог оправдать подсудимого даже вопреки законам и несмотря на бесспорно доказанный факт преступления.

⁵⁸ Как правило, обвинитель, боясь прослыть сикофантом, затеявшим тяжбу из корыстных целей, старался в судебной речи подчеркнуть свою личную вражду к обвиняемому, побудившую его вчинить иск.

⁵⁹ Данная речь, единственная произнесенная в суде самим Лисием (в 403 г. до н. э.), была направлена против Эратосфена, одного из членов коллегии Тридцати тиранов, сумевшего непосредственно после восстановления демократии избежать наказания. Как известно, сам оратор сильно пострадал в правление Тридцати: он был приговорен к смерти и вынужден бежать из Афин, его брат Полемарх казнен, их имущество конфисковано. Речь Лисия против Эратосфена вылилась в гневное обличение всего режима Тридцати и имела большой успех.

не потому, чтобы у меня не было личных оснований для вражды к ним и личных несчастий, но ввиду того, что у всех граждан без исключения есть множество причин негодовать на них за свои личные несчастия – еще больше, чем за бедствия отечества. (82). ...Что надо с ними сделать, чтобы они понесли наказание, достойное их деяний? (83). Если бы вы казнили их самих и детей их, разве получили бы мы достаточное удовлетворение за убийство – мы, у которых они казнили без суда отцов, сыновей, братьев?

Lys. XIV. (1). Господа судьи! Я думаю, конечно, что от людей, желающих обвинять Алкивиада⁶⁰, вы не требуете объяснения причины этого: с самого начала он выказал себя таким гражданином, что, если даже кто-нибудь не оскорблен им лично, тем не менее должен считать его врагом вообще за его образ действий. (2). Проступки его не малы, не заслуживают снисхождения и не подают надежды на его исправление в будущем; но они совершены таким образом и дошли до такой степени порока, что даже враги его стыдятся рассказать все, в чем он полагает свою честь. Тем не менее, господа судьи, я попытаюсь с вашей помощью отомстить ему за все его поступки на том основании, что между нами и прежде была вражда, унаследованная нами от отцов, и я давно считаю его негодяем, да и теперь получил от него неприятность. (4). ...Мне кажется, долг как хорошего гражданина, так и справедливого судьи – понимать законы в том смысле, в каком это будет полезно для государства в будущем.

(17). Мне кажется странным, господа судьи, вот что: как вы, осудивши самого Алкивиада на смерть⁶¹, оправдаете его сына ради него?.. Когда он был еще ребенком и нельзя еще было определить, каким он будет, он за преступления отца едва не был отдан в руки коллегии Одиннадцати⁶²; а теперь, когда кроме деяний отца, вы знаете и его подлые поступки, неужели вы найдете возможным пожалеть его ради отца? (23). ...Вы должны выслушать мой рассказ о его пороках, чтобы знать, что вы не можете оправдать его по соображениям справедливости, основываясь на том, что хотя он в данном случае и виноват, но в общем он хороший гражданин: все и остальные поступки его дают вам право осудить его на смерть. (24). Надо вам знать об этом: коль скоро вы внимаете рассказам защитников об их собственных заслугах и добрых деяниях их предков, то вы должны выслушать и обвините-

⁶⁰ Речь направлена против Алкивиада Младшего (сына знаменитого Алкивиада), обвиняемого в дезертирстве. Оратор изображает максимально черными красками личность и жизнь Алкивиада, припоминает ему проступки его отца и других предков.

⁶¹ Алкивиад – отец обвиняемого в данном процессе – был в 415 г. заочно приговорен к смерти по делу о пародировании мистерий. Обвинитель сознательно умалчивает о том, что впоследствии приговор был отменен.

⁶² В обязанности афинской коллегии Одиннадцати входила казнь преступников.

лей, если они доказывают, что подсудимые во многом виноваты перед вами и что предки их сделали много вреда.

Lys. XV. (9). ...Господа судьи, если кому кажется наказание слишком большим и закон слишком строгим, вы должны помнить, что вы пришли сюда не законодательствовать о них, а решать дела по существующим законам и не жалеть виновных, а скорее изливать на них гнев и помогать всему государству, прекрасно зная, что наказав немногих за прежние проступки, вы заставите многих в большей степени соблюдать дисциплину в будущих сражениях.

Lys. XXII. (2). Когда пританы внесли в Совет дело о хлебных торговцах⁶³, то всеми овладело такое озлобление против них, что некоторые ораторы предлагали предать их без всякого суда коллегии Одиннадцати для совершения над ними смертной казни. Тогда я, считая вредным прецедентом, если у Совета войдет в привычку такой образ действий, встал и сказал, что, по моему мнению, следует судить хлебных торговцев по закону: я руководился при этом тем соображением, что если их преступления заслуживают смертной казни, то вы несколько не хуже нас сумеете постановить справедливое решение; а если они не виновны, то не следует их казнить без суда и следствия.

Lys. XXIV. (1). Члены Совета⁶⁴! Я почти что благодарен своему противнику за то, что он возбудил против меня это дело. Раньше у меня не было повода дать отчет в своей жизни, а теперь благодаря ему я получил его. В своей речи я стараюсь показать, что он лжет, а что я своей жизнью до нынешнего дня скорее заслуживал похвалы, чем зависти: не по другой какой причине, думается мне, он возбудил против меня это дело, а только по зависти. (2). А кто завидует тому, кого все жалеют⁶⁵, пред какой подлостью, как вы думаете, остановится подобный человек? Ведь если он сделал на меня ложный донос из-за денег...⁶⁶; но если он говорит, что мстит мне по личной вражде, то это ложь: с таким подлым человеком я никогда не был ни в дружбе, ни во вражде.

Lys. XXVII. (7). ...Если вы их оправдаете, то им не покажется несколько страшным обманывать вас и обогащаться на ваш счет⁶⁷; а если признаете виновными

⁶³ Речь направлена против хлебных торговцев, обвинявшихся в спекуляции.

⁶⁴ Речь произносится в Совете Пятисот.

⁶⁵ Речь произносит инвалид, которого по требованию кого-то из сограждан хотели лишить положенного ему от государства денежного пособия.

⁶⁶ Возможно, текст испорчен. С другой стороны, не исключено, что говорящий, будучи бедняком, намеренно не оканчивает фразы, демонстрируя этим всю абсурдность подобного предположения, согласно которому обвинитель-сикофант шантажировал калеку.

⁶⁷ Подсудимый Эпикрат обвинялся во взяточничестве и хищении казенных денег во время занятия им должности.

и определите им в наказание смертную казнь, то одним и тем же приговором внушите и всем вообще большее уважение к закону и их накажете. (8). Но я думаю, афиняне, что если бы вы даже, не вызывая их на суд или отказавшись выслушать их оправдание, признали их виновными и назначили им высшую меру наказания, то все-таки нельзя было бы сказать, что они погибли без суда: они понесли бы заслуженную кару. Не тех надо считать осужденными без суда и следствия, о которых вы постановите приговор, зная их преступные деяния, а тех, которые, подвергшись ложному доносу со стороны своих врагов и обвиненные ими в преступлениях, вам неизвестных, тем не менее не могут добиться, чтобы их выслушали. А в данном случае подсудимых обвиняют их деяния, а мы являемся свидетелями против них. (9). ...В самом деле, господа судьи, может ли быть достаточным какое-нибудь наказание для людей, у которых даже интересы неодинаковы с вашими?

Lys. XXX. (1). Господа судьи! Бывали случаи, когда обвиняемый был признан виновным, однако получал прощение от вас за указание на славные дела предков и на свои собственные заслуги. Так, если вы принимаете во внимание заслуги ответчика перед отечеством, когда они у него оказываются, то вы должны выслушать и обвинителя, когда он доказывает, что подсудимый издавна был негодяем...⁶⁸ (6). Итак, господа судьи, вспомните, кто были предки Никомаха, какую неблагодарность он выказал по отношению к вам своими противозаконными действиями, и накажите его: когда вы не подвергали его взысканиям за каждый проступок в отдельности, то покажите его теперь за все сразу!

Andoc. I. (1). Об интригах, граждане, и стараниях моих врагов, которые стремятся причинить мне зло всяческим образом, справедливо и несправедливо, с тех самых пор, как я приехал в этот город⁶⁹, — об этом все вы, по-видимому, знаете, и нет нужды здесь много говорить. Я, граждане, буду просить у вас только справедливости, которую и вам легко пожаловать, и мне весьма приятно получить от вас. (2). И прежде всего я попрошу вас обратить внимание на то, что нынче я явился на суд, хотя не было ничего, что принуждало бы меня остаться здесь⁷⁰, ибо ни поручителей я не выставлял⁷¹, ни в оковы не был заключен. Нет, я явился потому, что я верю: более всего правде, а затем и вам, убежденный, что вы вынесете справед-

⁶⁸ Далее следует подробный рассказ о дурном происхождении подсудимого Никомаха и о его предыдущих преступлениях.

⁶⁹ Имеется в виду возвращение Андокида в Афины после амнистии 403 г. до н. э.

⁷⁰ Андокид намекает на то, что при желании он мог бы добровольно покинуть Афины, имея друзей-гостеприимцев во многих греческих городах. По обвинению в нечестии ему грозила смертная казнь.

⁷¹ В некоторых процессах обвиняемый должен был представить поручителей (из числа пользующихся доверием граждан) в том, что он явится на суд.

ливое решение и не допустите, чтобы я несправедливо был погублен моими врагами, но, напротив, спасете, как того требует справедливость, в соответствии с законами вашими и клятвами⁷², которыми вы поклялись и по которым вам предстоит подавать голос. (3). Естественно было бы, граждане, чтобы вы придерживались того же мнения относительно тех, кто добровольно подвергается опасностям, какого придерживаются о себе они сами. Ведь о всех, кто не пожелал отважиться на судебный процесс и тем самым признал собственную виновность, – естественно, конечно, и вам судить о них так, как и сами они о себе судили. Напротив, о всех, кто, веря в свою невиновность, отважился на судебный процесс, – справедливо и вам о них такого придерживаться мнения, какого и сами они о себе придерживаются, и не предрешать заранее их виновность.

(146). Для вас, граждане, дело принимает теперь такой оборот: если вы погубите меня, то у вас не останется больше никого из нашего рода; он погибнет весь, до основания. А ведь не к бесчестью вашему стоит в городе дом Андокида и Леогора⁷³... Ведь среди вас нет никого, кто, проходя мимо нашего дома, мог бы вспомнить какое-либо зло, частное или общественное, которое он испытал по вине людей, (147) много раз исполнявших должности стратегов и воздвигших для вас много трофеев в честь побед, одержанных над врагами как на суше, так и на море; людей, которые много раз исполняли другие государственные должности и заведовали вашими финансами и при этом никогда не подвергались никаким штрафам. Вообще ни мы против вас⁷⁴, ни вы против нас ни в чем никогда не погрешали; наш дом – древнейший из всех и самый доступный для всякого желающего. И не было ни одного случая, когда кто-нибудь из моих предков, будучи вовлечен в судебный процесс, стал бы требовать от вас признательности за все эти дела. (148). И если они сами умерли, то вы все-таки не забывайте о том, что было ими совершено; вспомните об их делах и вообразите, что это они сами просят вас о моем спасении. Ведь кого же мне и представить-то на суд в качестве просящего за меня? Отца? Но он умер. Может быть, братьев? Но их нет у меня. Может быть, детей? Но они еще не родились. (149). Стало быть, вы мне – и вместо отца, и вместо братьев, и вместо детей; у вас я ищу убежища, к вам обращаюсь с просьбой и мольбой о помощи. Будьте же моими ходатаями перед самими собой и спасите меня.

⁷² Клятвы, данные в 403 г. до н. э. при амнистии и запрещавшие мстить за прошлое зло.

⁷³ Леогор – имя отца Андокида. Андокид действительно происходил из очень знатного и прославленного рода. К просопографии его семьи см.: *Aurenche O. Les groupes d'Alcibiade, de Léogoras et de Teucros: Remarques sur la vie politique athénienne en 415 avant J.C. P., 1974.*

⁷⁴ Обращение к судьям, воплощавшим собой афинский демос.

Demosth. XVIII. (10). Что касается клеветы, которую он⁷⁵, браня меня, наговорил о моих личных делах, посмотрите, как просто и справедливо то, что я на это отвечаю. Если вы знаете, что я действительно таков, каким он представил меня в своем обвинении (ведь жил я не где-нибудь в другом месте, а именно у вас), тогда не терпите и голоса моего, хотя бы я все общественные дела выполнил самым отличным образом, но встаньте сейчас же и подайте голоса за обвинение; если же вы имели случай убедиться и знаете, что и я сам, и мои родственники гораздо лучше его, что мы приходим от лучших людей и не уступаем – не в обиду будь это сказано – никакому из средних людей, тогда ему вы не верьте и ни в чем другом, потому что, очевидно, и все остальное он одинаково выдумал, ко мне же относитесь и теперь с той же благосклонностью, какую вы всегда выказывали во многих прежних процессах.

Demosth. XIX. (223). ...Ненавижу я этих людей⁷⁶ потому, что наблюдал во время посольства⁷⁷, как они бесчестны и ненавистны богам, и еще потому, что лишился и личных почестей, поскольку вы из-за их взяточничества неодобрительно отнеслись ко всему посольству в целом. Сейчас я выступаю с обвинением и являюсь на проверку отчетности, имея в виду дальнейшее. При этом я хочу, чтобы процессом и судом было у вас точно установлено, что мои и их действия были совершенно противоположны. (224). И я боюсь – да, боюсь (уж я выскажу вам все, что я думаю), что, пожалуй, тогда вы увлечете в погибель заодно с ним и меня – человека, ни в чем тут неповинного, а сейчас проявите чрезмерную слабость. (289). ...Боюсь, не умерло ли у нашего государства это чувство – ненависть и мщение по отношению к своим обидчикам.

Demosth. XX. (91). ...Когда же некоторые из пользующихся влиянием политических деятелей, как мне известно, присвоили себе право вносить законы в любое время, когда кто захочет, и притом самыми различными способами, образовалось такое количество законов, противоречащих друг другу, что вы уже давно выбираете людей, обязанность которых состоит в определении противоречащих законов.

⁷⁵ Знаменитая речь «За Ктесифонта о венке» направлена против Эсхина, на обвинения которого Демосфен и отвечает в данном случае. К вопросу о борьбе Демосфена с Эсхином, а также об интересной, противоречивой фигуре Эсхина в целом см., например: *Lane Fox R. Aeschines and Athenian Democracy // Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis. P. 135–155; Harris E. M. Aeschines and Athenian Politics. Oxf., 1995; Суриков И. Е. Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или А был ли «нимфейский след»?) // Древности Боспора. Т. 13. 2009. С. 393–413.*

⁷⁶ Демосфен обвиняет Эсхина (эта речь, «О преступном посольстве», также направлена против него) и его сторонников за заключение мира с Филиппом II Македонским.

⁷⁷ Демосфен и сам участвовал в посольстве к Филиппу, приведшем к миру.

(92). И этому делу уже трудно положить предел: законы уже ничем не отличаются от псефисм⁷⁸, а те законы, которыми следует руководствоваться при составлении псефисм, оказываются позже принятыми, чем сами псефисмы.

Demosth. XXII. (1). Точно так же, как Евктемон, граждане судьи, пострадавший по вине Андротиона⁷⁹, ныне полагает своим долгом и за себя отомстить, и государству помощь оказать, я попытаюсь сделать то же самое, если только это будет в моих силах. И хотя на долю Евктемона выпали многочисленные и тяжкие обиды, нанесенные ему в нарушение всех законов, они все же меньше тех, жертвой которых оказался я по вине Андротиона... Если бы вы согласились с теми обвинениями, которые выдвигал против меня Андротион, ни один из ныне живущих людей не открыл бы мне свою дверь. (2). Он обвинил меня в таких преступлениях, о которых ни один человек не решился бы говорить вслух, – разве что только этот человек оказался подобным ему самому⁸⁰, – заявив, будто я убил своего отца! Он выдвинул обвинение в нечестивости не против меня, но против моего дяди и привлек его к суду, выставив в качестве причины то обстоятельство, что он общался со мной, якобы совершившим подобное преступление⁸¹. Если бы дело заверши-

⁷⁸ Псефисма – постановление народного собрания. Псефисмы, в отличие от законов, имели не общий, а частный характер и принимались по конкретным вопросам полисной жизни. В IV в. до н. э. теоретически псефисмы считались подзаконными актами; на практике, как можно видеть из цитируемого пассажа, дело обстояло значительно сложнее ввиду ряда недостатков в законодательстве. Из обширной литературы о различиях между законами и псефисмами, см., например: *Quass F. Nomos und Psephisma: Untersuchung zum griechischen Staatsrecht*. München, 1971; *Hansen M. H. Nomos and Psephisma in Fourth-Century Athens // Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 19. No. 4. 1978. P. 315–330.

⁷⁹ Клиенты Демосфена Евктемон и Диодор (произносящий данную речь), обвиняют политика и известного историка-аттидографа Андротиона (о нем наиболее подробно см.: *Harding Ph. Androtion and the Atthis*. Oxf., 1994) во внесении противозаконного предложения в народное собрание (об этом типе публичного процесса см.: *Hansen M. H. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals*. Odense, 1974; *Кудрявцева Т. В.* Указ. соч. С. 345 сл.). В начале речи обвинитель по обычаю указывает причины своей личной вражды к обвиняемому.

⁸⁰ Т. е. Андротиону.

⁸¹ По законам Драконта жителям полиса запрещалось вступать в общение с убийцей. Обратим внимание на данный пикантный случай: в суд подают не на самого (мнимого?) убийцу, а на его дядю – за то, что он общался с убийцей. Это, несомненно, связано с тем обстоятельством, что, согласно афинскому законодательству об убийствах (восходящему к Драконту и на протяжении ряда веков не претерпевшему сколько-нибудь серьезных изменений), процессы, связанные с этим преступлением, относились к категории δίκη, а не γράφη, и, соответственно, возбудить иск мог только кто-либо из родственников убитого, а не ὁ βουλόμενος. Литература в связи с афинскими законами об убийстве колоссальна. Назовем хотя бы следующие важные работы: *MacDowell D. M. Athenian Homicide Law in*

лось осуждением моего дяди, кто мог бы оказаться в более тяжелом положении, чем я? Кто из друзей или чужестранцев захотел бы иметь со мной дело? Какое государство предоставило бы мне убежище – мне, человеку, подозреваемому в столь ужасном преступлении? Разумеется, ни одно государство в мире! (3). В суде я был оправдан вами от подобных обвинений, притом столь большим числом голосов, что мой обвинитель не собрал и пятой части голосов в свою пользу. Я постараюсь защитить себя с вашей помощью и ныне, и впредь, на все времена.

Demosth. XXIV. (65). Подобно тому как наши законы, граждане афинские, повелевают наказывать без судебного разбирательства лиц, признавшихся в совершении различных преступлений, настолько же справедливо будет осудить этого человека⁸², уличенного в преступлении против существующих законов, без предоставления ему защитительного слова, без заслушивания его оправданий! Он ведь сам признал себя виновным, предложив этот закон, противоречащий прежнему... (67). У него нет даже права просить вас о снисхождении, признавшись в совершении несправедливого поступка: его ведь никто не принуждал, и закон он свой вносил явно не из сочувствия к потерпевшим несчастье, к родственникам или близким, но совершенно добровольно в интересах лиц, совершивших против вас великие преступления, лиц, ничем с ним не связанных, за исключением разве того, что он сам назовет их своими родственниками за деньги, которые он от них получил.

(113). Солон издал закон, согласно которому лицо, укравшее в течение дня свыше 50 драхм, подлежит аресту и передаче коллегии одиннадцати. Если же кто совершит кражу ночью, то его можно убить на месте, ранить при преследовании и передавать коллегии одиннадцати, если пострадавший захочет. Что же касается виновного в преступлении, за которое назначаются арест и передача в руки колле-

the Age of the Orators. Manchester, 1963; *Stroud R. S.* Drakon's Law on Homicide. Berkeley, 1968; *Idem.* Aristotle and Athenian Homicide // *Aristote et Athènes*. P., 1993. P. 203–221; *Gagarin M.* The Prohibition of Just and Unjust Homicide in Antiphon's Tetralogies // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 19. No. 4. 1978. P. 291–306; *Idem.* Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven, 1981; *Idem.* The Basileus in Athenian Homicide Law // *Polis & Politics: Studies in Ancient Greek History Presented to M. Hansen on his Sixtieth Birthday*. Copenhagen, 2000. P. 569–579; *Sealey R.* The Athenian Courts for Homicide // *Classical Philology*. Vol. 78. No. 4. 1983. P. 275–296; *Humphreys S. C.* A Historical Approach to Drakon's Law on Homicide // *Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1991. S. 17–45; *Mélèze Modrzejewski J.* La sanction de l'homicide en droit grec et hellénistique // *Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1991. S. 3–16; *Thür G.* The Jurisdiction of the Areopagos in Homicide Cases // *Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1991. S. 53–72; *Boegehold A. L. et al.* Op. cit. P. 43–50.

⁸² Данная речь, как и речь XXII, написана для Диодора. В ней обвиняется Тимократ, один из сторонников Андротиона, и тоже во внесении противозаконного предложения.

гии одиннадцати, то в этом случае преступник не выставляет поручителей с возвращением затем стоимости украденного, но наказывается смертью. (114). И если кто украдет плащ, или лекиф, или другую вещь небольшой стоимости из Ликейона, Академии или Киносарга⁸³, или какой-нибудь предмет из оборудования, хранящегося в гимнасиях или портах государства, стоимостью выше 10 драхм, то таким лицам Солон установил также наказанием смертную казнь⁸⁴.

(149). Клятва членов суда⁸⁵: «Я буду подавать свой голос в соответствии с законами и постановлениями народа афинян и Совета Пятисот. Я не окажу поддержку тирании или олигархии, и, если кто попытается упразднить демократию афинян или станет против нее выступать или вносить предложения, направленные против нее, я не стану им подчиняться. Я не буду поддерживать требования отмены частных долгов или передела земли и домов афинян. Я не стану возвращать на родину изгнанных или тех, кто приговорен к смертной казни. Я не буду изгонять граждан, живущих здесь, в нарушение существующих законов и постановлений народа и Совета афинян, я не буду делать этого сам и не допущу, чтобы так поступали другие. (150). Я не буду утверждать в должности⁸⁶ тех, кто не отчитался за свою прежнюю должность, будет ли это один из девяти архонтов, или гиеромомон⁸⁷, или один из тех, кто избирается по жребию в тот же день вместе с девятью архонтами, будь это глашатай, посол или синедр⁸⁸. Я не допущу того, чтобы один и тот же человек занимал дважды одну и ту же должность или чтобы один человек занимал в течение одного года две должности. Я не буду брать взятки, используя должность судьи, сам или кто-нибудь другой или другая от моего имени по сговору со мной, прибегая к каким-либо уловкам или хитростям. (151). Возраст мой – не менее 30 лет. Я буду одинаково беспристрастно выслушивать выступление как обвинителя, так и обвиняемого и голос свой буду подавать по существу рассматриваемого дела. Поклянись же Зевсом, Посейдоном, Деметрой и призови погибель как на себя, так и на дом свой, если ты в чем-то нарушишь эту клятву; если же ты будешь ее точно соблюдать, да выпадут тебе на долю многие блага».

⁸³ Знаменитые афинские гимнасии.

⁸⁴ Таким образом, «порог» смертной казни за хищение государственной собственности наступал при значительно меньшей сумме, чем в случае хищения частной собственности (соответственно 10 и 50 драхм).

⁸⁵ В этом месте речи Демосфен приводит исключительно интересный документальный памятник – присягу дикастов, ежегодно произносимую ими на афинском холме Ардett. Об этой присяге см.: *Harris E. M. The Rule of Law in Athenian Democracy. Reflections on the Judicial Oath // Etica & Politica. Vol. 9. No. 1. 2007. P. 55–74.*

⁸⁶ Речь идет о докимасии (проверке) избранных должностных лиц в дикастерии.

⁸⁷ Нотариальная должность.

⁸⁸ Должность представителя того или иного полиса в Дельфийской амфикинии.

(193). Законы, которые регулируют частно-правовые отношения, действительно должны быть мягкими и гуманными по отношению к большинству народа. Напротив, те, которые лежат в основе государственного права, должны быть жесткими и суровыми ради вашей же пользы, ибо только при таком условии можно ограничить вред, который политические деятели способны причинить большинству народа.

Demosth. XXV. (30). Я ведь полагаю, граждане афинские, что справедливо казнить Аристогитона⁸⁹ даже на основании того, что он делает теперь, однако сделать это еще более справедливо на основании того, что он вознамерится сделать, если только получит от вас возможность и удобный случай, чего да не случится.

Demosth. XXXVI. (27). Мне кажется, что Солон установил этот закон⁹⁰ только потому, что хотел оградить вас от сикофантов... Понимая, что стороны, вступающие в сделку, и свидетели сделки не могут жить вечно, он вместо них поставил закон, чтобы тот в справедливом деле заменил свидетелей тем, кто будет их лишен⁹¹.

Demosth. XXXIX. (3). Мой отец (да будет сказана, граждане судьи, вся правда) опасался разбирательства в суде, где он мог столкнуться с человеком, обиженным им где-нибудь в другом месте в связи с его политической деятельностью⁹².

Demosth. LVIII. (1). Наш отец, граждане судьи, был осужден на одном из процессов из-за присутствующего здесь Феокрина⁹³ и оштрафован на десять талантов⁹⁴. После этого сумма была удвоена, и у нас нет никакой надежды на спасение. Я счел, что для того, чтобы с вашей помощью отомстить Феокрину, я должен подать на него жалобу в суд, не принимая в расчет ни своего, ни чьего-либо другого возраста⁹⁵. (2). Ибо мой отец, граждане судьи, которому я привык во всем повиноваться, часто высказывал опасения в присутствии всех родственников, что я, ссылаясь на неопытность и молодость, упущу возможность, пока он еще

⁸⁹ Имя обвиняемого.

⁹⁰ Закон о сроке давности.

⁹¹ Характерное отношение к закону не как к обязывающему документу, а как к свидетелю *sui generis*.

⁹² Суд нередко служил ареной для сведения личных и политических счетов.

⁹³ Обвинитель Эпихар выступает против сикофанта Феокрина. Предмет обвинения совсем другой (выступление Феокрина с публичными речами несмотря на то, что ему это было запрещено), но прежде всего, по обычаю, оговариваются причины личной вражды.

⁹⁴ Колоссальная по афинским меркам сумма (талант как мера стоимости составлял около 26 кг серебра). Выплатить ее для частного лица было конечно, практически невозможно, и приговоренный, как следствие, объявлялся государственным должником и лишался гражданских прав; после его смерти долг переходил на детей и потомков.

⁹⁵ Эта фраза обусловлена тем, что дикасты обычно недоброжелательно относились к молодым обвинителям, выступающим против людей более почтенного возраста.

жив, отомстить противнику⁹⁶ и, оставив без внимания то, что отец лишен всего, не накажу Феокрина, незаконно выставляющего обвинения и возводящего клевету на многих граждан, хотя ему это делать не позволено. (58). ...Мне следует делать то, что наказал мой отец, тем более что мое намерение справедливо. (59). И действительно, когда мне следует прийти ему на помощь? Разве не тогда, когда, как теперь, месть Феокрину находится в согласии с законом, когда я не разделяю еще отцовского несчастья⁹⁷, когда отец покинут в одиночестве?

* * *

Завершает подборку ряд отрывков из трактата Аристотеля «Риторика». Это сочинение великого философа и ученого⁹⁸, в отличие от большинства других, было рассчитано не только на чтение в узком кругу «посвященных», но и на практическое применение; оно продолжало возникшую еще в V в. до н. э. традицию составления пособий по ораторскому искусству⁹⁹. Аристотель критикует многие грубые и примитивные воззрения, характерные для афинского правосознания, но и сам не свободен от некоторых из них¹⁰⁰.

Arist. Rhet. I. 1 (1354a12 sqq.). ...До сих пор те, которые строили системы риторики¹⁰¹, выполнили лишь незначительную часть своей задачи, так как в этой области только доказательства обладают признаками, свойственными ораторскому ис-

⁹⁶ Опасения отца Эпихара вполне оправданы. Действительно, сам он не мог, будучи лишен гражданских прав, привлечь к суду своего обидчика. Но после его смерти неуплаченный штраф переходил бы на Эпихара, тот становился бы государственным должником и сам лишался бы гражданских прав, а, следовательно, последней возможности отомстить Феокрину. Таким образом, медлить с началом процесса было нельзя.

⁹⁷ Имеется в виду вышеупомянутый долг.

⁹⁸ См. о трактате: Fortenbaugh W. W. *Aristotle's Art of Rhetoric // A Companion to Greek Rhetoric*. Oxf., 2007. P. 107–123; Carey C. 'Artless Proofs' in Aristotle and the Orators // *Oxford Readings in the Attic Orators*. Oxf., 2007. P. 229–246.

⁹⁹ В отличие от Платона, совершенно отвергавшего риторику (при том прекрасно владевшего приемами ораторского искусства), Аристотель – как-никак, он был на 40 лет моложе – относился к риторике уже как к существующей данности, бороться с которой бесполезно; нужно, напротив, обратить это искусство на службу философии. Потому Стагирит относится к риторике весьма серьезно (как, впрочем, и ко всем многочисленным предметам, которыми он занимался), посвящает ей специальный трактат, старается извлечь из нее всё полезное, что она может дать мыслителю и т. п.

¹⁰⁰ Фрагменты из «Риторики» цитируются в переводе Н. Платоновой по изданию: Античные риторики. М., 1978.

¹⁰¹ Аристотель критикует авторов предшествующих пособий по риторике (например, Тисия, Корака, Горгия и др., да, пожалуй, даже и Исократа), предназначенных прежде всего для практического применения.

кусству, а все остальное не что иное, как аксессуар. Между тем авторы систем не говорят ни слова по поводу энтимем¹⁰², которые составляют суть доказательства, много распространяясь в то же время о вещах, не относящихся к делу; в самом деле: клевета, сострадание, гнев и другие тому подобные движения души относятся не к рассматриваемому судьей делу, а к самому судье. Таким образом, если бы судопроизводство везде было поставлено так, как оно ныне поставлено в некоторых государствах, и преимущественно в тех, которые отличаются хорошим государственным устройством¹⁰³, эти теоретики не могли бы сказать ни слова. Все одобряют такую постановку судопроизводства, но одни полагают, что дело закона произнести это запрещение, другие же действительно пользуются таким законом, не позволяя говорить ничего не относящегося к делу (так это делается и в *Ареопаге*¹⁰⁴). Такой порядок правилен, так как не следует, возбуждая в судье гнев, зависть и сострадание, смущать его: это значило бы то же, как если бы кто-нибудь искривил ту линейку, которой ему нужно пользоваться.

Кроме того, очевидно, что дело тяжущегося заключается не в чем другом, как в доказательстве самого факта: что он имеет или не имеет, имел или не имел место; что же касается вопросов, важен он или не важен, справедлив или не справедлив, то есть всего того, относительно чего не высказался законодатель, то об этом самому судье, конечно, следует иметь свое мнение, а не заимствовать его от тяжущихся.

Поэтому хорошо составленные законы главным образом должны, насколько возможно, все определять сами и оставлять как можно меньше произволу судей, во-первых, потому что легче найти одного или немногих, чем многих таких людей¹⁰⁵, которые имеют правильный образ мыслей и способны издавать законы и изрекать приговоры. Кроме того, законы составляются людьми на основании долговременных размышлений, судебные же приговоры произносятся на скорую руку, так что трудно людям, отправляющим правосудие, хорошо различать справедливое и полезное¹⁰⁶.

¹⁰² Энтимема – квази-логическое доказательство, вариант силлогизма, применявшийся в ораторском искусстве. Энтимеме определяют обычно как «риторический силлогизм». Отличие энтимемы от силлогизма в собственном смысле слова заключается, вопреки распространенному мнению, не в том, что в ней опускается одна из посылок (так бывает не всегда), а в том, что энтимема, в противоположность строгому дедуктивному умозаключению, каким является силлогизм в логике, имеет не обязательный, а вероятностный характер.

¹⁰³ Завуалированный укол по адресу судов присяжных, характерных для афинской демократии.

¹⁰⁴ Из речей Лисия мы видели, что даже в *Ареопаге* этого правила далеко не всегда придерживались.

¹⁰⁵ Под «одним или немногими» подразумеваются законодатели, под «многими» – судьи.

¹⁰⁶ В словах Аристотеля звучит явное недоверие к современной ему судебной практике, принятой в *дикастериях*.

Самая же главная причина заключается в том, что решение законодателя не относится к отдельным случаям, но касается будущего и имеет характер всеобщности, между тем как присяжные и судьи¹⁰⁷ изрекают приговоры относительно настоящего, относительно отдельных случаев, с которыми часто находится в связи чувство любви или ненависти и сознание собственной пользы, так что они [судьи и присяжные] не могут с достаточной ясностью видеть истину: соображения своего собственного удовольствия и неудовольствия мешают правильному решению дела...

Раз это так, очевидно, что те, которые в своих рассуждениях разбирают другие вопросы, например вопрос о том, каково должно быть содержание предисловия, или повествования, или каждой из других частей речи¹⁰⁸, касаются вопросов, не относящихся к делу, потому что авторы этих сочинений рассуждают в таком случае только о том, как бы привести судью в известное настроение, ничего не говоря о технических доказательствах, между тем как только таким путем можно сделаться способным к энтимемам. Вследствие всего этого, хотя и существует один и тот же метод для речей, обращаемых к народу, и для речей судебного характера¹⁰⁹ и хотя прекраснее и с государственной точки зрения выше первый род речей, чем речи, касающиеся сношений отдельных личностей между собой¹¹⁰, — тем не менее исследователи ничего не говорят о первом роде речей, между тем как каждый из них пытается рассуждать о судебных речах¹¹¹.

Причина этому та, что в речах первого рода представляется менее полезным говорить вещи, не относящиеся к делу, а также и та, что первый род речей представляет менее простора для коварной софистики и имеет более общего интереса: здесь судья¹¹² судит о делах, близко его касающихся, так что нужно только доказать, что дело именно таково, как говорит оратор. В судебных же речах этого недостаточно, но полезно еще расположить слушателя в свою пользу, потому что здесь решение судьи касается дел, ему чуждых, так что судьи, в сущности, не судят,

¹⁰⁷ Присяжные — дикасты; судьи, — например, в афинских судах по делам об убийстве (Ареопаг и др.).

¹⁰⁸ Согласно правилам риторического искусства, речи (в том числе судебные) членились на несколько обязательных частей — предисловие, повествование и др.

¹⁰⁹ Здесь проводится разграничение между совещательными речами (в народном собрании и других органах власти) и судебными речами.

¹¹⁰ Т. е. судебные речи.

¹¹¹ Тут, пожалуй, и есть преувеличение, но несомненно, что в античных пособиях по красноречию (и до Аристотеля, и после Аристотеля) судебному роду речей уделялось особенно пристальное внимание — ввиду их наибольшей практической востребованности.

¹¹² В применении к совещательным речам под «судьей» следует, конечно, понимать (в метафорически-обобщающем смысле) участников народного собрания, членов Совета и т. п.

но предоставляют дело самим тяжущимся, соблюдая при этом свою собственную выгоду и выслушивая пристрастно показания тяжущихся.

Вследствие этого во многих государствах, как мы и раньше говорили, закон запрещает излагать не относящееся к делу, но там сами судьи в достаточной мере заботятся об этом.

Arist. Rhet. I. 2 (1356a5 sqq.). ...Доказательство достигается с помощью нравственного характера говорящего в том случае, когда речь произносится так, что внушает доверие к человеку, ее произносящему, потому что вообще мы более и скорее верим людям хорошим, в тех же случаях, где нет ничего ясного и где есть место колебанию, и подавно; и это должно быть не следствием ранее сложившегося убеждения, что говорящий обладает известными нравственными качествами, но следствием самой речи, так как несправедливо думать, как это делают некоторые из людей, занимающихся этим предметом, что в искусстве заключается и честность оратора, как будто она представляет собою, так сказать, самые веские доказательства.

Доказательство находится в зависимости от самих слушателей, когда последние приходят в возбуждение под влиянием речи, потому что мы выносим различные решения под влиянием удовольствия и неудовольствия, любви или ненависти. Этих-то способов убеждения, повторяем, исключительно касаются нынешние теоретики словесного искусства¹¹³.

Arist. Rhet. I. 12 (1372a11 sqq.). ...Безнаказанно совершать несправедливые поступки считают для себя наиболее возможным люди, умеющие говорить, ловкие, имевшие много случаев вести подобную борьбу¹¹⁴, люди, у которых много друзей и денег. Наиболее сильными люди считают себя в том случае, когда они сами удовлетворяют указанным условиям; если же этого нет, то в том случае, если у них есть такие друзья, слуги или сообщники; это дает им возможность совершать несправедливости, утаивать это и не нести за них наказания. Надеяться на это можно еще и в том случае, когда мы дружны с тем, кому наносим обиду, или с судьей: друзья, с одной стороны, не принимают предосторожностей от несправедливостей, а с другой стороны, мирятся, не давая делу доходить до суда. Что же касается судей, то они угождают тем, с кем они дружны, и или совсем не взыскивают с них, или налагают незначительное наказание. ...Легко обидеть также тех людей, которые оклеветаны или которых легко оклеветать, потому что такие люди обыкновенно не решаются начать процесс, боясь судей, и никому не могут внушить к себе доверия; так бывает с людьми, возбудившими всеобщую ненависть и зависть.

¹¹³ Однако и сам Аристотель не отрицает правомерности подобных способов убеждения. Далее в «Риторике» он подробно останавливается на том, как вызывать у слушателей различные эмоции.

¹¹⁴ Т. е. поднаторевшие в судебных тяжбах.

Arist. Rhet. I. 13 (1374b10 sqq.). ...Правда¹¹⁵ заключается и в том, чтобы прощать человеческие слабости, в том еще, чтобы иметь в виду не закон, а законодателя, не букву закона, а мысль законодателя, не самый поступок, а намерение человека, его совершившего, не часть, а целое, в том, чтобы обращать внимание не на то, каким выказал себя человек в данном случае, но каков он был всегда или по большей части.

Arist. Rhet. I. 15 (1375a21 sqq.). Теперь, после изложенного нами выше, по порядку следует сделать краткий обзор доказательств, которые называются «нетехническими»¹¹⁶; они относятся специально к области речей судебных. Таких доказательств пять: законы, свидетели, договоры, показания под пыткой¹¹⁷, клятвы.

Прежде всего скажем о законах – как следует пользоваться ими, обвиняя или защищаясь. Очевидно, что, когда писанный закон не соответствует положению дела, следует пользоваться общим законом¹¹⁸ как более согласным с правдой и более справедливым – с тем соображением, что «судить по своему лучшему разумению»¹¹⁹ – значит не пользоваться исключительно писаными законами и что правда существует вечно и никогда не изменяется, так же как и общий закон, потому что и правда, и общий закон сообразны с природой, а писанные законы изменяются часто.

Поэтому-то в «Антигоне» Софокла мы и находим эти известные изречения: Антигона оправдывается как тем, что предала земле тело своего брата вопреки постановлению Креонта, но не вопреки неписаному закону,.. так и тем, что справедливо то, что истинно и полезно, а не то, что только кажется таковым, так что писанный закон не есть истинный закон, потому что он не выполняет обязанности закона, и тем, что судья есть как бы человек, ставящий пробу на серебре, который должен различать поддельную справедливость и справедливость настоящую, и что человеку более высоких нравственных качеств свойственно руководиться законами неписаными преимущественно перед законами писаными¹²⁰.

¹¹⁵ Слово «правда» здесь употребляется в смысле справедливости, правосудия.

¹¹⁶ «Нетехническими» доказательствами Аристотель называет не зависящие от воли тяжущихся сторон. См. об этой категории: Carey C. 'Artless Proofs' in Aristotle and the Orators // Oxford Readings in the Attic Orators. Oxf., 2007. P. 229–246.

¹¹⁷ Показания рабов в Афинах снимались только под пыткой; без этого они считались не имеющими силы. Применять пытку к свободным было запрещено. О судебной пытке см.: Mirhady D. C. Torture and Rhetoric in Athens // Journal of Hellenic Studies. Vol. 116. 1996. P. 119–131; Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 219 сл. (в последней работе – необоснованный скептицизм относительно реального функционирования института).

¹¹⁸ Имеется в виду неписанный моральный закон.

¹¹⁹ Реминисценция из присяги дикастов.

¹²⁰ Ср.: Софокл, «Антигона» ст. 450 сл. В связи с известной контроверзой Антигоны и Креонта см.: Oudemans T. C. W., Lardinois A. P. M. H. Tragic Ambiguity: Anthropology, Phi-

При этом нужно смотреть, не противоречит ли данный закон какому-нибудь другому славному закону или самому себе, как, например, иногда один закон объявляет действительными постановления, какие бы они ни были, а другой запрещает издавать постановления, противоречащие закону. Если закон отличается двусмысленным характером, так что можно толковать его и пользоваться им в ту или другую сторону, в таком случае нужно определить, какое толкование его будет более согласно с видами справедливости или пользы, и потом уже пользоваться им. И если обстоятельства, ради которых был постановлен закон, уже не существуют, а закон тем не менее сохраняет свою силу, в таком случае нужно постараться выяснить это и таким путем бороться с законом¹²¹.

Если же писанный закон соответствует положению дела, то следует говорить, что клятва «судить по своему лучшему разумению» дается не для того, чтобы судить против закона, но для того, чтобы судья не оказался клятвopеступником в тех случаях, когда он не знает, что говорит закон...

Что касается свидетелей, то они бывают двоякого рода: древние и новые, а эти последние разделяются еще на тех, которые сами рискуют так или иначе в случае дачи ложного показания, и на тех, которые не подвергаются при этом риску. Под древними свидетелями я разумею поэтов и других славных мужей, приговоры которых пользуются всеобщей известностью.

Так, например, афиняне все пользовались свидетельством Гомера относительно но Саламина¹²² и тенеосцы недавно обращались к свидетельству коринфянина

losophy and Sophocles' *Antigone*. Leiden, 1987; *Harris E. M. Antigone the Lawyer, or the Ambiguities of Nomos // The Law and the Courts in Ancient Greece*. L., 2004. P. 19–56 (особенно важная, богатая оригинальными идеями работа); *Goldhill S. Antigone and the Politics of Sisterhood // Laughing with Medusa: Classical Myth and Feminist Thought*. Oxf., 2006. P. 141–161; *Shepherdson C. Antigone: The Work of Literature and the History of Subjectivity // Bound by the City: Greek Tragedy, Sexual Difference, and the Formation of the Polis*. Albany, 2009. P. 47–80; *Wohl V. Sexual Difference and the Aporia of Justice in Sophocles' Antigone // Bound by the City: Greek Tragedy, Sexual Difference, and the Formation of the Polis*. Albany, 2009. P. 119–148.

¹²¹ В Афинах IV в. до н. э. существовали законы, формально не отмененные, но на практике уже не применявшиеся: закон об ostracismе, закон о смертной казни за вырубку оливковых деревьев, закон, запрещавший фетам (членам низшего из солоновских имущественных классов) баллотироваться на должность архонта, и др.

¹²² Имеется в виду война Афин и Мегар за обладание Саламином, происходившая при Солоне и Писистрате. Афиняне в оправдание своих претензий ссылались на строки Гомера (II. II. 557–558), согласно которым правитель Саламина Аякс участвовал в Троянской войне в составе афинского флота, мегаряне же обвиняли афинян в фальсификации гомеровского текста, не сомневаясь, однако, в правомерности самого привлечения древнего эпоса в качестве решающего свидетельства. Подробнее см.: *Суриков И. Е. «Превознести афинян перед афинянами»: локальные традиции историописания в классической Греции // Локальные исторические культуры и традиции историописания*. М., 2011. С. 11–36.

Периандра против жителей Сигея¹²³. Точно так же и Клеофонт всё пользовался против Крития элегиями Солона¹²⁴... Таковы свидетели относительно событий свершившихся.

Относительно же событий грядущих свидетелями служат люди, изъясняющие прорицания, как, например, Фемистокл говорил, что деревянная стена означает, что должно сражаться на кораблях¹²⁵. Кроме того, и пословицы, как мы говорили, служат свидетельствами, например для человека, который советует не дружить со стариком, свидетельством служит пословица «Никогда не делай добра старику», а для того, кто советует умерщвлять сыновей тех отцов, которые убиты, – пословица «Неразумен тот, кто, умертвив отца, оставляет в живых сыновей»¹²⁶.

Новые свидетели – известные всем лица – выразили какое-то мнение; их мнение приносит пользу людям, которые ведут тяжбу относительно этих же самых вопросов, как, например, Эвбул на суде воспользовался против Харета словами Платона, сказавшего об Архибии, что благодаря ему в государстве развился явный разврат¹²⁷. К числу новых свидетелей принадлежат люди, которые рискуют подвергнуться опасности в случае уличения их во лжи. Такие люди служат свидетелями только при решении вопроса, имело ли место это событие или нет, существует данный факт или нет, но при определении свойства факта они свидетелями быть не могут, например при решении вопроса о справедливости или несправедливости, полезности или бесполезности какого-нибудь поступка. В подобных случаях свидетели, непричастные к делу, заслуживают наибольшего доверия, самыми верными свидетелями являются свидетели древние, потому что они неподкупны...

Что касается свидетельств, то они могут относиться частью к самому оратору, частью к его противнику, могут касаться частью самого факта, частью характера противников; очевидно, таким образом, что никогда не может быть недостатка

¹²³ Периандр, знаменитый коринфский тиран (правил в 627–585 гг. до н. э.), выступил посредником в споре между Афинами и Лесбосом из-за обладания Сигеем.

¹²⁴ Клеофонт – известный афинский демагог конца V в. до н. э. Критий – политический деятель олигархической ориентации, будущий глава Тридцати тиранов. Клеофонт в своих речах против Крития цитировал содержащиеся в одной из элегий Солона упрёки по адресу одного из далеких предков своего противника и на основании этого делал вывод о наследственной порочности самого Крития.

¹²⁵ Упоминается известное толкование Фемистоклом данного перед Саламинской битвой дельфийского вещания, согласно которому Афины будут спасены от персов «деревянной стеной» (см.: Plut. Them. 10).

¹²⁶ Пословицы и поговорки в качестве аргументов действительно часто встречаются в судебных речах афинских ораторов. С той же целью употреблялись и цитаты из писателей прошлого.

¹²⁷ Эвбул – один из крупнейших афинских политических деятелей IV в. до н. э.; Харет – полководец той же эпохи. Упоминаемый здесь Платон – не философ, а его тезка, комедиограф, современник Аристофана. Архибий – политик конца V в. до н. э.

в полезном свидетельстве, которое, если и не будет иметь прямого отношения к делу в благоприятном смысле для оратора или неблагоприятном для его противников, во всяком случае послужит для характеристики нравственной личности или самого тяжущегося – со стороны честности, или его противника – со стороны негодности.

Arist. Rhet. II. 1 (1377b30 sqq.). ...Вызвать у слушателя известное отношение полезнее в речах судебных, потому что дело представляется неодинаковым тому, кто находится под влиянием любви, и тому, кем руководит ненависть, тому, кто сердится, и тому, кто кротко настроен, но или совершенно различным, или различным по значению. Когда человек с любовью относится к тому, над кем он творит суд, ему кажется, что тот или совсем не виновен, или мало виновен; если же он его ненавидит, тогда ему кажется наоборот.

Arist. Rhet. II. 3 (1380b7 sqq.). ...Наказание, наложенное раньше на какое-нибудь лицо, смягчает даже более сильный гнев, направленный против какого-нибудь другого лица. Поэтому-то, когда народ гневался на Филократа, последний на вопрос какого-то человека: «Почему ты не оправдываешься?» – благоразумно отвечал: «Еще не время». – «А когда же будет время?» – «Когда увижу, что кто-нибудь другой оклеветан»¹²⁸. Ведь люди смягчаются, когда сорвут свой гнев на ком-нибудь другом, как это было с Эргофилом: хотя на него сердились больше, чем на Каллисфена, однако оправдали его именно потому, что накануне осудили на смерть Каллисфена¹²⁹.

Arist. Rhet. III. 15 (1416a20 sqq.). ...Еще один способ (защиты. – И. С.) заключается в том, чтобы обратить обвинение на самого обвинителя, утверждая, что прежде сам он или кто-нибудь из его близких сделал это самое... Еще один способ заключается в возведении обвинения на самого обвинителя, потому что было бы странно, если бы заслуживали доверия слова человека, который сам его не заслуживает.

Arist. Rhet. III. 16 (1417a2 sqq.). ...К рассказу¹³⁰ присоединять следует всё то, что возвеличивает твою собственную добродетель, например: «Я всегда внушал ему справедливое, убеждал его не покидать своих детей», или усиливает негодность противника, например: «Он мне отвечал, что везде, где он будет, у него будут другие дети»... Или следует присоединить к рассказу всё то, что приятно для судей.

¹²⁸ Филократ – афинский политический деятель, в 346 г. до н. э. заключил невыгодный мир с Филиппом II Македонским. Несмотря на свои ухищрения, Филократ был все-таки осужден и изгнан из Афин.

¹²⁹ Эргофил и Каллисфен – афинские полководцы, привлеченные в 362 г. до н. э. к суду по обвинению в измене. Особенно известен Каллисфен, который, помимо того, был и крупным политическим деятелем.

¹³⁰ Рассказ или повествование – одна из частей судебной речи.

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В АНТИЧНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ПЕРВЫЕ ШАГИ*

Думается, никто не будет оспаривать тот факт, что колыбель европейского права (как и европейской цивилизации в целом) – античная Греция¹. Древнегреческое право, в частности, сыграло немаловажную роль в оформлении права римского, что охотно признавали и сами римские авторы (Cic. De leg. II. 59; Liv. III. 31. 8; Plin. Epist. VIII. 24. 4). Не в последнюю очередь сказанное относится к публично-правовым аспектам.

Самый первый этап развития древнегреческого публичного права следует относить ко II тыс. до н. э., ко времени существования дворцовых царств Крита и микенского Пелопоннеса². Эти царства, создавшие развитую административно-бюрократическую систему с письменностью, иерархией, налогами и всеми другими признаками сложившейся государственности, безусловно, не могли обходиться без права и законов. Не случайно знаменитый критский царь Минос в источниках более позднего времени предстает как выдающийся законодатель³. Однако приходится признать, что аутентичные тексты законов крито-микенской эпохи до нас не дошли, более того, ими не могли сколько-нибудь полноценно пользоваться уже и древнегреческие авторы I тыс. до н. э. Это связано прежде всего с разрывом государственного континуитета, а также с тем, что законы, о которых идет речь, были записаны слоговым письмом, которое в I тыс. до н. э. в Балканской Греции читать не умели.

Конечно, достижения критян и микенцев в правовой сфере далеко не во всем оказались забыты. Так, вполне закономерно, что после возрождения

* Впервые опубликовано в: Древнее право. 2006. № 1 (17). С. 26–36.

¹ Подробнее см.: Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 7 сл.

² Effenterre H. van. Droit et prédroit en Grèce depuis le déchiffrement du linéaire B // Symposium 1985: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 3–6.

³ Сохраненные в нарративной традиции сведения о законах Миноса и других критских царей скрупулезно собраны в монографии: Молчанов А. А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000. С. 129 сл.

государственности в период архаики именно Крит, который в большинстве остальных отношений имеет репутацию «отсталого» региона, стал родиной полисного законодательства в Элладе. Именно на этом острове были составлены самые ранние своды письменных законов (в VII, а, пожалуй, уже и в VIII в. до н. э.), а уже оттуда они были переняты государствами материковой Греции⁴. Для архаического, а затем и классического Крита вообще характерно огромное по греческим меркам количество документов, имеющих отношение к праву, многие из которых демонстрируют владение достаточно развитой юридической терминологией⁵. Самый крупный из аутентичных памятников древнегреческого права, наиболее обширный сохранившийся свод законов – так называемая «Гортинская правда» (V в. до н. э.) – тоже издан именно на Крите, в виде огромной надписи. Всё это явным образом не случайно: в эпоху становления полиса критяне, создавая законодательные кодексы, начинали не с нуля, а опирались на достижения своих далеких предков. И тем не менее, повторим, подлинных памятников древнегреческого права II тыс. до н. э. в нашем распоряжении не имеется. Сохранившиеся таблички линейного письма В, как известно, представляют собой документы хозяйственной отчетности, хотя и в них, разумеется, содержится определенная, скорее имплицитная информация о публично-правовых институтах⁶.

В архаическую эпоху греческой истории происходит как бы «второе рождение» греческого права, которое развивается на сей раз значительно более интенсивно и гораздо шире распространяется в территориальном отношении. В силу рождения полиса как специфической формы организации государства и общества, а также в связи с появлением алфавитной письменности настоящим «знамением времени» становится создание записанных законов и целых сводов законов⁷ (законодательства Драконта, Солона, Залевка, Харонда, Питтака и др.). Эти своды заложили основу всего писаного права (в том числе и публичного) в греческом полисном мире на всем протяжении его дальнейше-

⁴ Jeffery L. H. *Archaic Greece: The City-States c. 700–500 B.C. L.*, 1978. P. 76; Osborne R. *Greece in the Making, 1200–479 B.C. L.*; N. Y., 1996. P. 186.

⁵ Effenterre M. van. Ein neues Gesetz aus den archaischen Kreta // Symposium 1985: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 23–27; Effenterre H. van. Criminal Law in Archaic Crete // Symposium 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 83–86.

⁶ См.: Молчанов А. А., Нерознак В. П., Шарыпкин С. Я. Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию). М., 1988. С. 40 сл.

⁷ О наиболее ранних из этих законов и сводов законов см.: Gehrke H.-J. Der Nomosbegriff des Polis // Nomos und Gesetz: Ursprünge und Wirkungen des griechischen Gesetzdenkens. Göttingen, 1995. S. 14 ff.

го исторического существования. Не случайно личности законодателей⁸ в архаической Греции были окружены просто-таки религиозным ореолом. Они воспринимались как настоящие «культурные герои», действующие с санкции богов (преимущественно Аполлона) и вносящие в хаос реальной действительности элементы прочного, справедливого миропорядка.

Возможно ли ныне всеобъемлющее и систематическое изучение этих первых греческих законов⁹ и какие трудности стоят на пути исследователей? Некоторые из законов архаической и раннеклассической эпох дошли до нашего времени в виде эпиграфических памятников¹⁰. Среди них, например, афинский закон Драконта об убийстве¹¹, ряд ранних законов критских полисов. Из этих последних исключительно важным представляется самый ранний (вторая половина VII в. до н. э.), происходящий из города Дрерос¹². Его значение для нас заключается в том, что этот древнейший в греческом полисном мире юри-

⁸ О ранних греческих законодателях см. теперь наиболее подробно в недавней монографии: *Hölkeskamp K.-J.* Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaischen Griechenland. Stuttgart, 1999.

⁹ В целом о понятии закона (*νόμος*) в Древней Греции см.: *Ostwald M.* Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxf., 1969; *Quass F.* Nomos und Psephisma: Untersuchung zum griechischen Staatsrecht. München, 1971; *Triantaphyllopoulos J.* Das Rechtsdenken der Griechen. München, 1985. В более общем плане см. также в важнейших трудах о древнегреческом праве: *Lipsius J. H.* Das attische Recht und Rechtsverfahren. Bd. 1–3. Lpz., 1905–1915; *Gernet L.* Droit et société dans la Grèce ancienne. P., 1955; *Idem.* Droit et institutions en Grèce antique. P., 1982; *Jones J. W.* The Law and Legal Theory of the Greeks. Oxf., 1956; *Harrison A. R. W.* The Law of Athens. Vol. 1–2. Oxf., 1968–1971; *Paoli U. E.* Altri studi di diritto greco e romano. Milano, 1976; *MacDowell D. M.* The Law in Classical Athens. L., 1978; *Garner R.* Law and Society in Classical Athens. Croom Helm, 1987; *Todd S. C.* The Shape of Athenian Law. Oxf., 1995.

¹⁰ Их наиболее полная сводка: *Koerner R.* Inschriftliche Gesetze der frühen griechischen Polis. Köln, 1993.

¹¹ Об этом законе нам уже неоднократно приходилось писать: *Суриков И. Е.* Законодательство Драконта в Афинах и его исторический контекст // Древнее право. № 2 (7). 2000. С. 8–18; *Он же.* Законы Драконта как мнимая реальность // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. М., 2002. С. 215–221; *Он же.* Проблемы... С. 27–52; *Он же.* О некоторых мнимых реальностях в античной и современной историографии древних Афин // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 239 сл. В указанных работах мы приводим и ссылки на предшествующую литературу.

¹² Текст см.: *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 2. No. 2. Строго говоря, это самый ранний из известных нам законов; несомненно, были и еще более древние, но они до нас не дошли (или пока не найдены).

дический памятник уже имеет самое прямое отношение к публичному, конституционному праву. В нем идет речь о занятии должности косма – высшей магистратуры в полисах Крита. Оговаривается, что человек, исполнявший эту должность (она была годичной), после этого не может претендовать на нее в течение 10 лет. Нарушитель данного установления подвергался наказанию и пожизненно лишался права быть космом.

В тех случаях, когда законы дошли в виде надписей, не приходится сомневаться в аутентичном характере текстов этих законодательных памятников. К сожалению, подавляющее большинство древнейших законов в аутентичных надписях не сохранилось. Так, мы почти не имеем эпиграфических текстов исключительно важных во всех отношениях законов Солона. Записанные законодателем в начале VI в. до н. э. на деревянных досках (аксонах и кирбах)¹³, а позже, в конце V в. до н. э., скопированные на каменные стелы, эти законы стали жертвой времени¹⁴.

В результате с законами архаической Греции мы, как правило, вынуждены знакомиться по цитатам и парафразам в античной нарративной традиции. Вопрос о том, насколько аутентичны эти свидетельства, насколько точно они передают содержание древних законов, в высшей степени важен в связи с рядом обстоятельств. В первую очередь следует отметить крайнюю неоднородность традиции в хронологическом, жанровом, содержательном и любом другом отношении. Это-то и делает актуальным вычленение в ней наиболее достоверных элементов, что побуждает обратиться к проблеме ее формирования.

Здесь необходимо оговорить одно, на наш взгляд, чрезвычайно принципиальное обстоятельство. Древнегреческое право иногда называют – парадоксально, но, в общем, небезосновательно – «правом без юриспруденции»¹⁵. В течение всей истории античного эллинского мира право всегда оставалось явлением чисто эмпирическим, практически никогда не становясь предметом теоретического анализа, да хотя бы просто полномасштабной систематиза-

¹³ Об аксонах и кирбах см. специальные исследования: *Stroud R. S.* The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon. Berkeley, 1979; *Robertson N.* Solon's Axones and Kyrbeis and the Sixth-Century Background // *Historia*. Bd. 35. Ht. 2. 1986. S. 147–176.

¹⁴ Поэтому современным исследователям приходится выполнять большую работу по сбору законов Солона, рассыпанных по различным нарративным источникам, составлять их компендиумы, стремясь к максимальной полноте. Лучшие из таких сводок: *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966; *Martina A.* Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera. R., 1968.

¹⁵ *Jones J. W.* Op. cit. P. V; *Saunders T. J.* Penal Law and Family Law in Plato's Magnesia // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 115.

ции и рефлексии. В Греции, в отличие от Рима, так и не сложилась прослойка профессиональных юристов, которые взяли бы на себя выполнение этой задачи¹⁶. Нам уже приходилось писать о возможных причинах этого¹⁷, и здесь не хотелось бы вновь повторять сказанное ранее. Отметим только, что сам этот факт налицо. Ближе всего к праву по роду своей деятельности в Греции стояли ораторы, составлявшие судебные речи; но даже и их нельзя назвать юристами в собственном смысле слова.

Однако из каждого правила бывают свои исключения. Так и в древнегреческой истории был период, характеризующийся значительным возрастанием интереса к правовым (в том числе в первую очередь публично-правовым) реалиям, рефлексии по их поводу, попыток систематизации. Право начало изучаться, исследоваться. По сути дела, наметились основы для появления юридической науки. Последняя, впрочем, на греческой почве так и не выросла в специальную, отдельную дисциплину, всегда оставалась тесно связанной с этической и политической философией, с риторикой. Таким образом, достаточно важный сдвиг невозможно отрицать. Когда и где он имел место?

Можно с достаточно большой уверенностью обозначить временные и территориальные рамки явления¹⁸. Это Афины конца V и IV в. до н. э. Возникновение в это время такого нового ментального феномена, как обостренный интерес к существующим памятникам права, к древним законодательствам, к публично-правовым институтам, их истории, формированию, эволюции, было обусловлено несколькими факторами. Отметим важнейшие из них.

Первый фактор. Значительную роль в рассматриваемом процессе сыграла деятельность софистов. Эти мыслители¹⁹ актуализировали в общественном сознании эпохи оппозицию «природа – закон» (*φύσις – νόμος*). Справедливо-

¹⁶ Harris E. Response to Trevor Saunders // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 134.

¹⁷ Суриков И. Е. Камень и глина: К сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 280 сл.; *Он же*. Проблемы... С. 11 сл.

¹⁸ В краткой, тезисной форме это явление рассмотрено нами в работе: Суриков И. Е. Первые шаги европейского права: формирование аутентичной нарративной традиции // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. М., 2005. Ч. 1. С. 36–39.

Здесь мы развиваем эту тематику значительно подробнее.

¹⁹ Одно из лучших исследований о софистах – монография: Kerferd G. B. The Sophistic Movement. Cambridge, 1984. В отечественной историографии см. прежде всего: Лосев А. Ф. История античной эстетики. [Т. 2]. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969. С. 13–50 (в этой работе разбираются прежде всего эстетические взгляды софистов, но дается также и общий очерк других аспектов их воззрений).

сти ради нужно отметить, что большинство представителей софистического движения в данной дихотомии отдавали предпочтение природе перед законом, и, кстати, это вело многих из них к правовому нигилизму. Однако уже для того, чтобы опровергать закон, нужно хотя бы четко представлять, что это такое. А оппоненты софистов в полемике с ними тем более должны были обращаться к вопросу о сущности закона, права, институтов.

Далее, софисты привлекли внимание современников к так называемому «отеческому государственному устройству» (πάτριος πολιτεία). Вопрос об этом последнем стал одним из самых актуальных в древнегреческой общественной мысли с конца V в. до н. э.²⁰; он, в частности, интенсивно поднимался в период афинских олигархических переворотов 411 и 404 гг. до н. э.²¹, когда решался вопрос об изменении политической системы. Разумеется, «отеческое государственное устройство» являлось своего рода теоретической конструкцией. Но уже само ее появление, размышления о ней – всё это толкало к поискам историко-правовых основ этого постулируемого устройства, а следовательно – к изучению юридических документов прошлого. Отмечается (Arist. Ath. pol. 29. 3), что в самый момент установления режима Четырехсот (411 г. до н. э.) поступило, помимо прочих, такое предложение: «...чтобы избранные лица... рассмотрели отеческие законы, которые издал Клисфен, когда устанавливал демократию, и чтобы, заслушав также и их, приняли наилучшее решение, – потому, говорил он (гражданин, выступивший с этой инициативой. – И. С.), что государственный строй Клисфена был не демократический, а близкий к солоновскому».

Здесь имеются в виду, безусловно, конституционные законы Клисфена. Этот пассаж многое проясняет, причем в неожиданном аспекте. Оказывается, что, хотя не прошло и века с момента эпохальных реформ Клисфена, афиняне в массе своей уже нечетко представляли себе их содержание – именно потому, что никто специально не занимался изучением публичного права в историческом аспекте. Теперь к такому изучению рекомендовалось незамедлительно приступить, что, безусловно, было благом.

²⁰ Fuks A. The Ancestral Constitution: Four Studies in Athenian Party Politics at the End of the Fifth Century B.C. Westport, 1971; Finley M. I. The Ancestral Constitution. Cambridge, 1971. Применительно к IV в. до н. э. см.: Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 82 сл.

²¹ См. об этих переворотах: Krentz P. The Thirty at Athens. Ithaca, 1982; Lehmann G. A. Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. Opladen, 1997; Hefner H. Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v.Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen. Frankfurt a. M., 2001.

Не следует забывать и о том, что в рамках софистического движения в Греции родилась риторика. Ее основоположниками были софисты Горгий и Антифонт²². Риторика как теоретическая дисциплина об ораторском искусстве в рассматриваемый нами период интересовалась в наибольшей степени судебной разновидностью красноречия. А для составления речей, произносимых в судебных процессах, законы, безусловно, нужно было знать. Причем все законы, в том числе и весьма древние, поскольку они продолжали сохранять силу.

Второй фактор, более объективного порядка. Политическая практика демократического афинского полиса²³ постоянно усложнялась по мере становления все более развитых форм прямого народовластия и требовала от лиц, причастных к управлению, лучшего знания правовых норм, в том числе и в диакронном аспекте. К управлению были в той или иной мере причастны практически все афиняне, однако большая их часть – в основном спорадически. В то же время существовал определенный слой граждан, особенно тесно связанных с государственными делами, – политическая элита. Афины не являлись олигархическим государством, и эта элита в них не была постоянной и несменяемой: она ротировалась²⁴. Тем не менее потребности политической жизни требовали специализации, и эта специализация нарастала, особенно в IV в. до н. э.²⁵ Политики-специалисты (они же, как правило, были ведущими ораторами) были просто обречены на то, чтобы изучать законы и публичное право.

В качестве третьего фактора следует назвать перипетии внутренней истории Афин в период Пелопоннесской войны. В эти годы под влиянием военных неудач демократия пережила ряд серьезных кризисов и даже дважды – в 411 и 404 гг. до н. э. – подвергалась временной ликвидации. Причем во многом это

²² О вкладе Горгия в развитие риторики см.: *Wardy R. Rhetoric // Greek Thought: A Guide to Classical Knowledge. L., 2000. P. 465–485.* Что же касается Антифонта, традиционно считалось, что софист Антифонт и оратор Антифонт (последний являлся преподавателем и видным теоретиком риторики) – два разных лица. В последнее время, однако, прозвучали весомые аргументы в пользу их тождества. См. наиболее подробно: *Gagarin M. The Ancient tradition on the Identity of Antiphon // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 31. No. 1. 1990. P. 27–44.*

²³ См. о ней в общих трудах: *Osborne R. Demos: The Discovery of Classical Attika. Cambridge, 1985; Mossé C. La démocratie grecque. P., 1986; Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989; Sinclair R. K. Democracy and Participation in Athens. Cambridge, 1991; Hunter V. Policing Athens: Social Control in the Attic Lawsuits, 420–320 B.C. Princeton, 1994; Hansen M. H. Die athenische Demokratie im Zeitalter des Demosthenes: Struktur, Prinzipien und Selbstverständnis. B., 1995.*

²⁴ Вопрос подробно рассмотрен в работе: *Hansen M. H. The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987. P. 49–93.*

²⁵ *Mossé C. La classe politique à Athènes au IVème siècle // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 67–77.*

имело место именно из-за нараставшего в последней трети V в. до н. э., в слепоперикловскую «эпоху демагогов», пренебрежения к праву и законности²⁶.

Впоследствии, наученное горьким опытом прошлого, афинское общество выработало – вначале на уровне практической политики – концепцию «власти закона» (*νόμος κύριος*)²⁷. Согласно этой концепции высшая, суверенная власть в государстве должна была отныне воплощаться в стабильных, авторитетных законах, а не в изменчивых мнениях правящих органов и гражданского коллектива в целом. Для лучшей реализации подобного подхода уже на последнем этапе Пелопоннесской войны (после переворота Четырехсот в 411 г. до н. э.) началась общая ревизия корпуса афинских законодательных установлений, складывавшегося в течение веков начиная с времен Драконта и Солона²⁸. Эта ревизия продолжалась на протяжении всего последнего десятилетия V в. до н. э.²⁹; даже тирания Тридцати не приостановила ее, а лишь на время придала процессу иное направление (Arist. Ath. pol. 35. 2). Восстановленная в 403 г. до н. э. демократия продолжила и завершила законодательную реформу. С этого времени процедура принятия новых законов или внесения изменений в существующие была значительно усложнена; на пути разного рода неоправданного законотворчества был поставлен целый ряд препятствий³⁰. Словом, все было сделано для того, чтобы реформированная и строго зафиксированная система афинского публичного права оставалась в дальнейшем как

²⁶ Ср.: Schubert Ch. Die Macht des Volkes und die Ohnmacht des Denkens: Studien zum Verhältnis von Mentalität und Wissenschaft im 5. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1993.

²⁷ Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law: Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986; Piérart M. Du règne des philosophes à la souveraineté des lois // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 249–267; Маринович Л. П. Закон и власть в классических Афинах // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 5–18; Она же. Античная и современная демократия: новые подходы. М., 2001. С. 28 сл.

²⁸ Предполагаем, что первым инициатором этого мероприятия был один из ведущих политиков эпохи – Ферамен.

²⁹ О ревизии законов в Афинах см.: Piérart M. Athènes et ses lois: Discours politiques et pratiques institutionnelles // Revue des études anciennes. Vol. 89. No. 1/2. 1987. P. 21–37; Carawan E. The Athenian Amnesty and the ‘Scrutiny of the Law’ // Journal of Hellenic Studies. Vol. 122. 2002. P. 1–23; Суриков И. Е. Проблемы... С. 70 сл.; Он же. Изменения в афинских законах в V в. до н. э. (на примере закона об остракизме) // Древнее право. № 1 (11). 2003. С. 8 сл.

³⁰ Об изменениях в процедуре принятия законов в IV в. до н. э. по сравнению с предшествующим столетием см.: Hansen M. H. The Political Powers of the People’s Court in Fourth-Century Athens // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 215–243; Rhodes P. J. Judicial Procedures in Fourth-Century Athens: Improvement or Simply Change? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 303–319.

можно более стабильной, в минимальной степени подверженной каким бы то ни было модификациям.

Повторим: вначале эта позиция была выработана на уровне практической политико-правовой деятельности. Но практика рано или поздно не могла не оказать влияния теорию, в которой на протяжении IV в. до н. э. фиксируется неуклонное нарастание интереса к проблематике, связанной с законами и публичным правом. Прежде всего литературная продукция афинских философских школ этого периода (а ведь именно в их рамках преимущественно развивалась общественная мысль, в том числе и мысль правовая – за неимением специальных юридических школ) демонстрирует, что ими было воспринято изменившееся отношение к вопросам законности.

О сказанном можно судить уже по некоторым аспектам идейной жизни самой знаменитой и влиятельной из философских школ – платоновской Академии³¹. Первоначально (и даже довольно долго) в трудах ее первого схоларха правовая проблематика явным образом не являлась приоритетной. Достаточно вспомнить, что в главном произведении периода расцвета творчества Платона – большом трактате «Государство» – акцент делается отнюдь не на власти закона, а на власти правителей-философов; вопросы, связанные с законами, вообще не занимают в «Государстве» сколько-нибудь значимого места, мыслителя они в тот момент вообще не волновали. Насколько можно судить, Платон, который, как и подавляющее большинство интеллектуалов его времени, был противником и критиком демократии³², наверное, ни в чем не хотел «идти в ногу» с ненавистными ему тенденциями эпохи.

Однако в поздних платоновских сочинениях установки принципиально меняются, интерес к законам резко возрастает. Этот интерес прослежива-

³¹ Разбор вопроса см. в работах: *Piérart M. Du règne des philosophes...*; *Cohen D. The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 227–244.*

³² Об этом феномене критики античной демократии именно со стороны представителей интеллектуальной элиты см. наиболее подробно: *Ober J. Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998; Idem. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999. P. 140 ff.* Справедливо отмечалось, что древнегреческая политическая и правовая теория как раз и создавалась в антидемократических кругах; «в отличие от своих оппонентов (противников демократии) сторонники демократии не смогли (или не хотели?) создать стройной теории» (*Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 199*). Причем неприятие демократии крупнейшими мыслителями было тотальным и безоговорочным: отвергались не какие-нибудь отдельные недостатки этой системы, а вся она считалась в принципе порочной и неисправимой (*Туманс Х. Псевдо-Ксенофонт – «Старый олигарх» или демократ? // ВДИ. № 3. 2004. С. 24.*).

ется – все в большей и большей степени – в очень важном, концептуальном VII письме Платона, в диалогах «Политик», «Критон»³³. И, наконец, вершина всего: итоговый труд философа – грандиозный трактат, который так и называется «Законы» и который по своему содержанию является не чем иным, как максимально подробным и детализированным законодательным сводом для образцового государства.

Разумеется, Платон для составления этих своих чисто теоретических законов должен был предварительно проработать большой корпус законодательных материалов, в том числе относящихся к публичному праву, из самых разных греческих полисов. Однако по основному духу своего мышления основатель Академии все-таки являлся не скрупулезным систематиком, а оригинальным творцом идей, в большей степени опиравшимся на собственные априорные умозаключения, а не на эмпирические данные. В этом отношении полной противоположностью Платону был его великий ученик – Аристотель, которого, помимо прочего, следует назвать замечательным ученым-эмпириком. Не случайно именно с деятельностью Аристотеля и его школы – Ликее – оказывается связано первое по-настоящему детальное и систематическое исследование аутентичных комплексов древнегреческого публичного права.

Аристотель так же, как и его учитель, был озабочен созданием оптимальных законов, но он гораздо лучше понимал, что для этого нужно прежде всего изучить типы законодательства и государственного устройства, которые существовали и действовали реально. И он, сплотив в Ликее большой научный коллектив, приступил к самым интенсивным занятиям этой проблематикой. Одним из главных дел жизни Аристотеля стала предпринятая в рамках перипатетической школы под его руководством грандиозная работа по составлению «Политий» – исторических и систематических описаний государственного устройства и публичного права более полутора сотен греческих полисов³⁴. В ходе этой многолетней работы был накоплен колоссальный фактологический материал, причем, что для нас особенно важно, материал вполне аутентичный, поскольку сотрудники Ликее собирали и исследовали первоисточники, то есть

³³ Диалог «Критон» часто относят к ранним произведениям Платона, к так называемому «сократическому периоду». Это мнение, основанное только на том, что по своему сюжету (Сократ в тюрьме в ожидании казни) «Критон» прямо примыкает к действительно ранней «Апологии Сократа», в действительности вряд ли является верным. Но мы не можем здесь подробно останавливаться на этом вопросе; он требует специального исследования.

³⁴ Об этой работе см. прежде всего классический труд: *Доватур А. И.* Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1975. Ср. также замечания, сделанные нами по данной проблематике в другом месте: *Суриков И. Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 27 сл.

сами законодательные акты³⁵. В частности, известно, что сам глава «авторского коллектива» опубликовал с обширным комментарием законы Солона (трактат «Об аксонах Солона» в пяти книгах, к сожалению, утраченный)³⁶.

Что собой представляли «Политии», мы можем судить, не считая фрагментов, только по единственному сохранившемуся образцу этих трудов – знаменитой «Афинской политии»³⁷. Однако и этого небольшого, но чрезвычайно информативного трактата вполне достаточно для ответственного суждения. «Афинская полития» без преувеличения является самым ценным во всей античной нарративной традиции источником по публичному праву Афин, его истории, эволюции, состоянию на различных этапах развития афинского полиса³⁸. В ней получили подробное и компетентное (хотя, конечно, и не во всем равномерное) освещение все исторически существовавшие в Афинах «конституции» (не в современном смысле, а в смысле реально функционировавших политических систем), все основные публично-правовые институты: экклесия, Совет (βουλή), магистратуры (архонты, стратеги и др.), гелиея, Ареопаг. При этом рассмотрены они были как в диахронном аспекте, так и в том виде, в каком они действовали в современную автору эпоху. В сущности, только с момента открытия и публикации «Афинской политии» (1891 г.) в современной историографии стало возможным полноценное изучение системы афинского публичного права как единого, целостного комплекса, изучение, породившее фундированные труды А. Ледля, У. Каршtedта и др.³⁹

³⁵ См. в связи с этим: *Chambers M.* Aristotle and his Use of Sources // *Aristote et Athènes*. P., 1993. P. 39–52; *Rhodes P. J.* «Alles eitel Gold»? The Sixth and Fifth Centuries in Fourth-Century Athens // *Aristote et Athènes*. P., 1993. P. 53–64; *Stroud R. S.* Aristotle and Athenian Homicide // *Aristote et Athènes*. P., 1993. P. 203–221.

³⁶ Об этом трактате Аристотеля см.: *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 40 ff.

³⁷ Мы не касаемся здесь спорного вопроса об авторстве «Афинской политии» (как известно, ее принадлежность самому Аристотелю ныне все чаще оспаривается в историографии). Мы не исключаем, что непосредственно над текстом этого сочинения мог работать не лично глава Ликей, а кто-то из его учеников (или даже группа учеников). Но, во всяком случае, не подлежит сомнению, что Аристотель авторизовал трактат и издал его под своим именем.

³⁸ Важнейшие специальные исследования об «Афинской политии»: *Day J., Chambers M.* Aristotle's History of Athenian Democracy. Berkeley, 1962; *Levi M. A.* Commento storico alla Respublica Atheniensium di Aristotele. Vol. 1–2. Milano, 1968; *Rhodes P. J.* A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981. Данные «Афинской политии» активно используются также в важной работе по истории афинского публичного права: *Hignett C.* A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B.C. Oxf., 1952.

³⁹ *Ledl A.* Studien zur älteren athenischen Verfassungsgeschichte. Heidelberg, 1914; *Kahrstedt U.* Studien zum öffentlichen Recht Athens. Bd. 1–2. Stuttgart, 1934–1936.

Следует специально подчеркнуть, что весь этот эмпирический материал накапливался не как самоцель, а для последующей теоретической обработки и осмысления, для включения в труды концептуального характера: последние, в понимании сотрудников Ликея, должны были обязательно основываться не на априорных конструкциях, а на фактах, огромное количество которых давало кумулятивный эффект. Так, часть собранной информации, связанная прежде всего с публичным правом различных полисов, вошла, подвергшись обобщению, в аристотелевскую «Политику». Но и после ее составления, и даже после смерти основателя перипатетической школы осталось очень много пока еще не использованных данных. Они теперь оказались в распоряжении лучшего ученика Аристотеля, его ближайшего сотрудника и преемника в руководстве школой – философа и разностороннего ученого Феофраста, который и сам в свое время принимал активное участие в сборе материала для «Политий» и «Политики». Феофраст, круг интересов которого был не менее энциклопедическим, чем у самого Стагирита, наряду с дошедшими до наших дней сочинениями по ботанике, минералогии, этике писал также труды политического и правового содержания⁴⁰.

Насколько можно судить, Феофраст воспользовался имевшимися у него сведениями историко-правового характера, в том числе первоисточниками, даже с большей степенью полноты, чем сам Аристотель. В частности, на их основе он создал фундаментальный труд «Законы» (Νόμοι)⁴¹ – одно из наиболее значительных достижений правовой мысли античной Эллады. Это произведение не сохранилось полностью, что, несомненно, является самой прискорбной утратой для историков древнегреческого права. Однако немалое количество фрагментов из «Законов» Феофраста донесено для нас цитатами позднейших авторов. Это, с одной стороны, помогает составить представление о структуре и содержании трактата, а с другой – демонстрирует, что к концу классической эпохи сформировалась уже вполне аутентичная нарративная традиция о греческих законодательствах, легшая в основу их последующих интерпретаций.

Итак, Аристотель и Феофраст могут быть названы основоположниками по-настоящему серьезного, научного исследования публичного права в Древ-

⁴⁰ Колоссальный перечень произведений Феофраста см.: Diog. Laert. V. 42–50. В их числе мы встречаем, в частности, такие труды по политике и публичному праву, как «О царской власти», «Обзор Платонова “Государства”», «Законы в азбучном порядке», «Обзор законов», «Законодатели», «Политики», «Политические обстоятельства», «Политические обычаи», «О наилучшем государственном устройстве», «О законах», «О беззакониях», «О присяге», «О наилучшем управлении государствами», «К политике» и др.

⁴¹ Об этом трактате см.: Bloch H. Theophrastus' Nomoi and Aristotle // Athenian Studies Presented to W. S. Ferguson. Cambridge (Mass.), 1940. P. 355–376; Keaney J. J. Theophrastus on Ostracism and the Character of his NOMOI // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 261–278.

ней Греции. К их именам с полным основанием следует прибавить еще одно, принадлежащее тоже представителю перипатетической школы. Деметрий Фалерский⁴², ученик Аристотеля и Теофраста, на протяжении десяти лет, с 317 до 307 г. до н. э., являлся правителем (эпимелетом) Афин под македонским протекторатом. Это не мешало ему одновременно быть активно работающим ученым. Среди его сочинений, перечисляемых Диогеном Лаэртским (V. 80–81), есть труды историко-правового характера: «Об афинском законодательстве», «Об афинском государственном устройстве»⁴³, «О руководительстве народом», «О политике», «О законах», «О государственном устройстве» и др. Нетрудно заметить, что среди этих произведений есть как написанные на общие темы, так и посвященные более конкретной проблематике, а именно афинской. Последнее не удивительно: Деметрий сочетал практическую и теоретическую деятельность, основывая первую на второй. Проводя свои многочисленные реформы и законы, он старался, как и подобало выпускнику Ликея, не выдумывать ничего «на пустом месте», а опираться на предшествующую традицию афинского публичного права, для чего внимательно ее изучал⁴⁴.

Как мы видим, именно в рамках перипатетической школы в Греции в конце классической эпохи начала зарождаться подлинная юридическая наука. Однако ее дальнейшее развитие оказалось остановленным, оборвавшись в силу ряда трагичных обстоятельств конкретно-исторического характера. «Сады Ликея» давно уже не пользовались благосклонным отношением со стороны основной массы афинского гражданского коллектива. Самого Аристотеля считали агентом македонского влияния, и сразу после смерти Александра философ был привлечен к суду и вынужден бежать на Эвбею, где вскоре скончался (Diog. Laert. V. 5–6). А после того, как его ученики попытались принять активное

⁴² О Деметрии Фалерском, его политической и научной деятельности см.: *Williams J. Ideology and the Constitution of Demetrius of Phalerum // Polis and Polemos: Essays on Politics, War and History in Ancient Greece in Honor of D. Kagan. Claremont, 1997. P. 327–346; Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 58–71; Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики: Общество. Личность. Власть. СПб., 2001. С. 535–565.*

⁴³ Эта работа – одна из самых ранних в творчестве Деметрия Фалерского, написанная еще в 320-х гг. до н. э. По мнению Э. Рушенбуша, она сразу стала настолько авторитетной, что сам Аристотель под ее влиянием внес изменения в свою «Афинскую политику», готовя переиздание этого трактата: *Ruschenbusch E. Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 75.*

⁴⁴ Так, намереваясь провести реформы в области законодательства о погребениях, Деметрий Фалерский предварительно исследовал афинские законы, принятые в этой области в предшествующие эпохи. См.: *Суриков И. Е. Проблемы... С. 104.*

участие в политической жизни Афин, выступая при этом выразителями скорее антидемократической тенденции⁴⁵, перипатетическая школа подверглась настоящему разгрому. Сразу после свержения Деметрия Фалерского был принят закон Софокла (307 или 306 г. до н. э.), согласно которому «философские школы попадали под контроль государства, так как согласие на их деятельность должно было выдаваться Советом и Народным собранием»⁴⁶. Закон направлялся в первую очередь против перипатетиков, и те, прекрасно это понимая, во главе с Теофрастом немедленно удалились из Афин. Впоследствии, правда, они смогли вернуться, но еще в течение определенного времени ситуация для них оставалась достаточно тяжелой.

На этом фоне произошло событие огромного негативного значения – утрата великолепной библиотеки Аристотеля–Теофраста, в которой хранились как важнейшие труды их самих, так и источниковый материал, собранный за десятилетия работы Ликее. О том, как это случилось, существует ряд свидетельств античных авторов (Strab. XIII. 608–609; Plut. Sul. 26; Athen. I. 3b), которые в отдельных деталях расходятся друг с другом, но в совокупности позволяют реконструировать факты следующим образом. Перипатетик Нелей, покидая Афины, увез с собой библиотеку и доставил ее в свой родной Скепсис (в Малой Азии). Потомки Нелея – люди, далекие от науки, – на протяжении примерно двух столетий держали эту сокровищницу знания в самом прямом смысле слова под спудом – в какой-то яме, где папирусные свитки губила плесень и ели черви. Возможно, какая-то часть книг (очевидно, небольшая) была ими продана в середине III в. до н. э. в Александрию Птолемею II, но предложение пергамских Атталидов купить остальную часть библиотеки было отвергнуто.

Как бы то ни было, аристотелевская библиотека оказалась выведена из научного оборота вплоть до I в. до н. э., и это, конечно, самым пагубным образом сказалось на научных штудиях перипатетической школы, в корне подорвав их. Философам, работавшим в Ликее, долгое время почти нечего было сказать, поскольку пресеклась шедшая от основоположников традиция.

Лишь незадолго до Первой Митридатовой войны библиотека Аристотеля–Теофраста, конечно в сильно пострадавшем от времени и неправильного хранения состоянии, была возвращена в Афины. А вскоре после этого Афины взял Сулла. Он завладел библиотекой в качестве одного из трофеев и перевез ее в Рим. Там она была издана филологами Тираннионом и Андроником Родосским, после чего ее материалы стали широко доступными прекрасно знав-

⁴⁵ Перипатетики стояли за олигархическими переворотами 322 и 317 гг. до н. э.: *Lehmann G. A. Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v. Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 139–150.*

⁴⁶ *Хабихт Х.* Указ. соч. С. 77.

шей греческий язык римской интеллектуальной элите, в том числе и юристам. В частности, несомненно, что этими данными пользовался Цицерон⁴⁷.

Парадоксальным образом грандиозный труд в области истории публичного права, предпринятый афинскими перипатетиками, не оказал непосредственного влияния на становление правовой мысли в античной Греции, но много времени спустя внес вклад в развитие римской юридической науки, стал одним из факторов ее беспрецедентного взлета. Значение этого фактора еще не оценено по достоинству в историографии.

⁴⁷ Ср.: *Ruschenbusch E.* Die Zwölftafeln und die römische Gesandtschaft nach Athen // *Historia*. Bd. 12. Ht. 3. 1963. S. 250–253.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПОНЯТИИ СОБСТВЕННОСТИ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ПРАВЕ*

Долг римского права перед древнегреческим во многих отношениях велик, что в последнее время всё чаще подчеркивается в исследовательской литературе (особенно настойчиво пишет об этом Л. Л. Кофанов¹). Это, безусловно, верно. Но всё же нужно всегда отдавать себе отчет в том, что перед нами две весьма непохожие правовые системы, подчас принципиально различающиеся между собой.

В частности, не приходится сомневаться в том, что древнегреческое право по сравнению с римским было несравненно менее систематизированным, менее развитым с точки зрения совершенства категориального аппарата. В-общем-то, удачным представляется давно уже предложенная остроумная характеристика греческого права как «права без юриспруденции»². И, добавим, уж точно без юристов: последние в Элладе просто-таки не встречались (не называть же, в самом деле, Лисия или Демосфена юристами!), применительно же к Риму юрист – одна из наиболее «знаковых» (как ныне выражаются) фигур.

Именно с этой точки зрения хотелось бы поговорить о категории собственности. Всем известно, насколько отточенно она была сформулирована римскими правоведами, насколько четко она (уже с древнейших времен³) отделялась от категории владения, вплоть до полного противопоставления. Достаточно вспомнить хотя бы знаменитый афоризм Ульпиана: *nihil commune habet propri-*

* Впервые опубликовано в: Древнее право. № 3 (28). 2013. С. 14–22.

¹ См., например: Кофанов Л. Л. Пифагореизм в римском авгуральном праве // ВДИ. № 2. 1999. С. 166–177; Он же. Древнегреческое право и Законы XII Таблиц: проблема заимствований и влияния // Древнее право. № 1 (9). 2002. С. 38–50; Он же. Понятия *lex* и *ius* в римском архаическом праве // Древнее право. № 1 (11). 2003. С. 40–53; Он же. *Ius gentium* и международные суды античности // Древнее право. № 2 (24). 2009. С. 57–84. Из работ других авторов см. прежде всего: Barta H. «*Graeca non leguntur*»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im Antiken Griechenland. Bd. 1. Wiesbaden, 2010.

² Jones J. W. *The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction*. Oxf., 1956. P. V. Ср.: Saunders T. J. *Penal Law and Family Law in Plato's Magnesia* // Symposium 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 115. Это, в общем-то, общепринятая на сегодняшний день точка зрения, так что ссылки мы дали скорее «для порядка».

³ Ср.: Кофанов Л. Л. Владение и собственность в Законах XII Таблиц // Древнее право. № 1 (6). 2000. С. 146–159.

etas cum possessione, т. е. «собственность не имеет с владением ничего общего». Это, в общем-то, общеизвестно и хрестоматийно⁴.

А как обстояло с этим у греков? Вот тут единого мнения нет; более того, точки зрения фактически расходятся по двум «полюсам». Согласно одному из вариантов принятых ныне в науке представлений, в греческом имущественном праве понятия владения и собственности также строго различались⁵. Согласно другому – всё обстояло совершенно противоположным образом; более того, правильная концепция собственности не была развита даже в афинском праве (наиболее «продвинутом» в греческом мире) и самого понятия «собственность» у эллинов просто не существовало, мы не найдем в древнегреческом языке даже слова, которое означало бы, что кто-либо является собственником чего-либо⁶. Причем легко заметить, что на первой позиции стоят в основном представители германской науки об античном праве, на второй – их англосаксонские коллеги. Возможно, следует вести речь о проекции соответствующих современных правовых идей на античность. Отметим сразу, что не менее редко мы сталкиваемся с такой ситуацией, когда в работах, посвященных различным имущественным вопросам в Древней Греции, вообще не поднимается и не разбирается проблема о том, давалось ли греками какое-либо определение собственности⁷.

Но как же обстояло дело в действительности? Уже *prima facie* ясно, что, когда в дискуссии фигурируют две односторонние крайности, лучший и наиболее правильный путь между ними – «золотая середина». Так, несомненно, и в данном случае. Но в чем пресловутая «золотая середина» может заключаться применительно к понятию собственности у греков?

⁴ См. хотя бы: *Покровский И. А.* История римского права. СПб., 1998. С. 344–345. Ср. Также интересный, хотя и небесспорный сопоставительный анализ категорий собственности и владения в римском праве в работе: *Зайков А. В.* Конструкция собственности в римском праве и проблема расщепления собственности // Вестник Гуманитарного университета. Сер. «Право». Екатеринбург, № 1 (2). 1999. С. 33–42.

⁵ Например: *Kränzlein A.* Eigentum und Besitz im griechischen Recht des 5. und 4. Jahrhundert v. Chr. B., 1963. Passim; *Barta H.* Op. cit. S. 204.

⁶ Например: *MacDowell D. M.* The Law in Classical Athens. Ithaca, 1986. P. 133; *Cohen E. E.* Banking as a «Family Business»: Legal Adaptations Affecting Wives and Slaves // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 255; *Todd S. C.* The Shape of Athenian Law. Oxf., 1995. P. 240–241, 243; *Суриков И. Е.* Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 13.

⁷ Например: *Lewis D.* Public Property in the City // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1990. P. 245–263; *Maffi A.* Family and Property Law // The Cambridge Companion to Ancient Greek Law. Cambridge, 2005. P. 254–266.

Как нам представляется, блестящий выход нашел Ангелос Ханиотис и высказал его в относительно недавно опубликованной этапной работе⁸, посвященной, правда, вопросам межгосударственного права в античной Греции, но в своих выводах в полной мере распространяющейся также на право частное. Думается нам, что не последнюю роль здесь сыграло следующее обстоятельство: хотя Ханиотис за свою жизнь работал во многих странах мира (ныне – в США), но все-таки по происхождению он этнический грек и, стало быть, должен, несомненно, чувствовать тонкости языка, который является для него родным (пусть и в несколько ином варианте⁹). Собственно, нас побудило написать эту небольшую статью именно ознакомление с интересными выкладками, предложенными им.

Итак, передавалось ли древнегреческое понятие собственности терминологически? В этом приходится сильно усомниться. Ничего похожего на римские термины *proprietas* или *dominium* мы у греков не встретим. Рассмотрим вопрос с некоторой степенью детализации. Оговорим, что в интересах максимальной репрезентативности анализа необходимо подвергать ему сразу всю семантическую группу понятий «собственность – собственник – иметь в собственности» (иными словами, группу, состоящую из существительного, означающего объект, существительного, означающего субъект, и глагола). В некоторых языках родственный характер всех трех понятий и соотношение их между собой проявляются предельно прозрачно (как, например, в английском: *ownership* – *owner* – *to own*, причем все три слова восходят в конечном счете к прилагательному *own* – «собственный»). Как обстоит дело в данном отношении в древнегреческом языке? Рассмотрение будет вестись под углом сопоставления категорий собственности и владения.

Наиболее общее и широкое (как по смыслу, так и по употреблению) древнегреческое слово, означающее «иметь, обладать», – это, разумеется, глагол ἔχω. Коннотаций, указывающих на отношение к праву законной собственности как у этого глагола, так и у производного от него существительного ἔξις нет вообще. Напротив, есть коннотации, связывающие обе лексемы с категорией владения: и ἔχω, и ἔξις сами по себе денотируют лишь фактическое обладание чем-либо, без специального суждения о правовом статусе этого обладания (статус собственности или какой-либо иной).

⁸ Chaniotis A. Justifying Territorial Claims in Classical and Hellenistic Greece: The Beginnings of International Law // *The Law and the Courts in Ancient Greece*. L., 2004. P. 185–213.

⁹ К вопросу о принципиальном соотношении древнегреческого и новогреческого языков см.: Крюкова Н. М. Новогреческий язык или новогреческий период (об условности некоторых лингвистических понятий) // *Античность в контексте современности*. М., 1990. С. 95–101.

Кстати, именно поэтому, если нужно было посредством глагола ἔχω выразить ту мысль, что вещь находится не в простом владении, а в законной собственности, к глаголу приходилось добавлять разного рода уточняющие наречия (как κυρίως – «законно, по праву», ἀσφαλῶς – «прочно, безопасно», οἰκείως – «подобающим образом», βεβαίως – «твердо, прочно» и т. п.) или словосочетания (например, εἰς τὸν ἀεὶ χρόνον – «на вечные времена»)¹⁰. В случае отсутствия таких оговорок вопрос о собственности и собственнике оставался открытым.

Ровно то же, что было сказано об ἔχω, можно сказать и о производном от него κατέχω. Пожалуй, в этом слове (как и в родственных ему существительных вроде κάθελξις или κατάσχεσις) даже еще сильнее элемент семантики, связанной с простым обладанием, то есть владением. Собственно, κατέχω – это буквально «держатъ», удерживать что-либо в своих руках, в прямом или фигуральном смысле.

Далее, необходимо обратить особенно пристальное внимание на лексико-семантическую группу, связанную с важным глаголом κτάομαι. Его значение в настоящем времени – «приобретать», но весьма часто он употреблялся в перфекте (κέκτημαι) и в таких случаях получал значение «иметь, обладать». В роли соответствующего существительного, обозначающего субъект, выступало в классическом греческом субстантивированное перфектное причастие ὁ κεκτημένος¹¹, а существительными, обозначающими объект, были κτήσις (чаще) и κτήμα.

У группы слов, о которой идет речь, уже несколько больше коннотаций, имеющих отношение к собственности, поскольку в основе лежит понятие приобретения¹² (например, посредством покупки)¹³. Но всё же в данной ситуации корректным переводом будет: для κέκτημαι – «владеть», для κτήσις – «владение»¹⁴. Сказанное о κτάομαι в той же степени относится к аналогичному по смыслу архаичному глаголу *πάομαι, не зафиксированному в источниках в формах настоящего времени, а только в некоторых других временах (в частности, наиболее часто – в перфекте: πέπαμαι, что фактически равняется κέκτημαι).

¹⁰ Chaniotis A. Op. cit. P. 188–189, с большим перечнем ссылок на примеры с прим. 23.

¹¹ Существительное κτήτωρ в аналогичном значении – продукт уже более позднего развития языка (с новозаветных времен).

¹² Ср.: Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 2. P., 1970. P. 590.

¹³ Ср., например: Theophr. fr. 97 Wimmer – ἡ πρᾶσις εἰς... κτήσιν. Речь идет о договорах купли-продажи.

¹⁴ Frisk HJ. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. Heidelberg, 1960. S. 31–32

А. Ханиотис указывает¹⁵ на то, что категория собственности могла в древнегреческом языке передаваться посредством двух терминов, образованных, между прочим, как раз от только что рассмотренных глаголов κτάραι и *πάραι с помощью прибавки элемента παν-: соответственно παυκτῆσις и παμπαισία (παμπῆσις). Оба термина могут переводиться как «полное обладание», что действительно уже близко к концепту собственности. Это так, но следует учитывать, что упомянутые здесь слова являются исключительно редкими, они встречаются в источниках буквально в единичных случаях. А стало быть, вряд ли можно говорить о них как о полноценных терминологических обозначениях собственности.

Рассмотрим еще несколько лексем. Глагол κρατέω в одном из своих значений также имеет отношение к идее обладания, однако опять-таки в контексте фактического владения, а не в контексте законной собственности. О нем можно сказать то же, что выше было сказано о κατέχω. Еще более узки по смыслу глаголы νέμω (в формах медиального залога νέμομαι) и καρπίζω (в формах медиального залога καρπίζομαι). Они, вообще говоря, обозначают «пользоваться»; может иметься в виду как пользование вещью в связи с владением ею, так и без связи с владением. Разумеется, представление о пользовании входит в концепцию собственности, но является лишь одной из ее частей, даже не самой главной.

Итак, ни одно из перечисленных нами слов – глаголов и отглагольных существительных – не может претендовать на то, чтобы считаться принятым в древнегреческом праве термином для выражения отношений собственности. Пожалуй, нужно еще коснуться двух лексем – κύριος («господин, хозяин») и δεσπότης («хозяин, господин»), поскольку они по семантике и узусу имеют определенную близость к лат. dominus¹⁶. Здесь нужно отметить, что как κύριος, так и δεσπότης могли, безусловно, применяться к законному собственнику, но точно в такой же степени – и просто к фактическому владельцу. Да и вообще, оба этих слова обладали весьма большой многозначностью, и это, разумеется, препятствовало их превращению в термины (трудно стать термином слову, значение которого расплывчато). Строго говоря, рассматриваемые существительные наиболее прямое отношение имеют к сфере власти, господства: δεσπότης чаще на уровне ойкоса, κύριος чаще на уровне полиса. Власть и собственность, конечно, имеют нечто общее между собой, но отождествлять их никак нельзя.

Таким образом, предварительный итог выглядит вроде бы неутешительным: в древнегреческом праве мы не найдем специальных и четких терминов, которые адекватно определяли бы институты собственности и собственника

¹⁵ Chaniotis A. Op. cit. P. 188.

¹⁶ Относительно δεσπότης, кажется, можно говорить и об этимологической близости к dominus (ср.: Frisk Hj. Op. cit. Bd. 1. S. 371; Chantraine P. Op. cit. Vol. 1. P. 266–267).

как отличные от институтов владения и владельца. Означает ли это, что следует согласиться с той точкой зрения, согласно которой у эллинов не было правильного понятия собственности?

Очевидно, все-таки нет. Понятие такое существовало, но, что принципиально важно, передавалось оно *не терминологическими, а синтаксическими средствами*¹⁷. Наиболее распространенным из таковых была конструкция «форма глагола εἶναι с родительным падежом». Дословно это означает «быть такого-то» (в смысле «принадлежать такому-то»). Первый пришедший в голову пример: всем известное Πυθαγόρου εἰμί – «Я принадлежу Пифагору» (буквально – «я есть [вещь] Пифагора»).

Вообще говоря, примеров именно такого словоупотребления сколько угодно, они постоянно встречаются в грекоязычных источниках любых категорий. Речь идет не только об источниках нарративных, но и об эпиграфических, в том числе не только о лапидарных надписях, но и о памятниках малой керамической эпиграфики.

Тут, между прочим, необходимо сделать одно уточняющее пояснение (которое покажет, что в современной науке не всегда соблюдается требуемая терминологическая точность и это не способствует максимально верному пониманию явлений). Всем специалистам по Древней Греции, конечно, прекрасно известен феномен, обычно называемый «владельческой надписью». Эллины чрезвычайно часто ставили на принадлежащих им глиняных сосудах, предназначенных для личного пользования, – киликах, тарелках и т. п. (большей частью на донцах снаружи, хотя возможны и иные варианты) – свои имена в родительном падеже с глаголом εἰμί¹⁸ или – даже чаще – без оного.

И совершенно ясно, для чего они это делали: для того, чтобы маркировать, в чьей собственности находится сосуд, кому он принадлежит. Подчеркнем, что речь здесь следует вести именно о категории *собственности*, а не *владения*. Реально сосуд мог оказаться в чьем угодно владении. Его, в конце концов, могли просто украсть у хозяина. Но даже и в таком случае надпись на сосуде однозначно указывала на то лицо, которому принадлежало право собственности на вещь. Из этого вытекает, что некорректно называть такие надписи «владельческими». Правильнее было бы говорить о «собственнических надписях».

¹⁷ Chaniotis A. Op. cit. P. 187 ff.; Супиков И. Е. [Рец. на:] H. Barta. «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im Antiken Griechenland. Bd. 1. Wiesbaden, 2010 // ВДИ. №2. 2011. С. 192.

¹⁸ Известен даже один такой «автограф», принадлежащий самому Фидию – великому скульптору и другу Перикла. При раскопках его мастерской в Олимпии (Фидий руководил там созданием знаменитой статуи Зевса) найден фрагмент небольшого сосуда с надписью на донце снаружи: Φειδίου εἰμί («я принадлежу Фидию»). См.: Mallwitz A., Schiering W. Die Werkstatt des Pheidias in Olympia. Teil 1. B., 1964. S. 151.

Таким образом, можно увидеть, что даже при отсутствии в древнегреческом праве четкой терминологии собственности эллинам вполне удавалось – иным способом – передавать это достаточно тонкое различие между собственностью и владением.

Наряду с конструкцией «форма глагола εἶναι с родительным падежом» употреблялась и другая, в которой с тем же глаголом сочетались притяжательные местоимения (ἐμός «мой», σός «твой», ἡμέτερος «наш», ὑμέτερος «ваш»), а также близкое к ним прилагательное ἴδιος «свой, собственный»¹⁹. Иными словами, по-древнегречески просто сказать «это мое» – уже означало указать именно на свою собственность по отношению к вещи, о которой идет речь. В римском праве несколько иначе: простого утверждения «это мое» было недостаточно, требовалось уточнение: *meum esse ex iure Quiritium*²⁰.

Понятие собственности, выражаемое вышеописанным образом, из частного права попало в межгосударственное. А. Ханиотис (в статье, ссылку на которую см. выше, в прим. 8) разбирает этот вопрос наиболее подробно и приходит к ответственному выводу, что в межполисных территориальных спорах сторонами использовались ровно те же средства передачи отношений собственности и владения, что и в тяжбах между отдельными лицами²¹.

С этим, кстати, связано широкое обращение в греческой античности к аргументации, связанной с «историческим правом», для обоснования своих претензий в подобного рода территориальных спорах²². В современных международно-правовых системах, базирующихся в целом на позитивистских основах, принцип «исторического права», мягко говоря, не в чести. В нынешних условиях, если в каком-либо территориальном споре одна из заинтересованных сторон будет указывать в качестве довода на то, что когда-то, много веков назад, спорная территория принадлежала ей и поэтому должна быть ей возвращена, аргументы этой стороны вряд ли будут приняты во внимание (мало ли что кому принадлежало за многовековую историю человечества!).

У эллинов же, напротив, принцип «исторического права» во внешней политике, в межгосударственных отношениях не просто признавался как весьма весомый, но попросту считался неоспоримым. Укажем здесь на то, что и сам этот принцип попал в государственное право из права частного, в частном же он действует (пусть даже и с определенными оговорками) и по сей день. Если

¹⁹ У Гомера в значении «свой» может употребляться даже прилагательное φίλος, которое обычно понимается как «милый, дорогой». См.: *Mitchell L. G. Φιλία, εὔνοια and Greek Interstate Relations // Antichthon. Vol. 31. 1997. P. 29.*

²⁰ Ср.: *Покровский И. А.* Указ. соч. С. 323–324.

²¹ *Chaniotis A.* Op. cit. P. 187 ff.

²² В связи с дальнейшим см.: *Суриков И. Е.* Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 110–112.

истцу на суде удастся доказать, что спорная вещь когда-то принадлежала ему (или лицу, чьим наследником истец является) на легальных основаниях, а впоследствии этой вещью кто-то другой незаконно завладел, то вещь истцу возвращается. Древние греки рассуждали так: почему, собственно, в отношениях государств должно быть иначе, чем в отношениях частных лиц? Греческий полис тоже был ведь в некотором роде индивидом – выражаясь современным языком, «юридическим лицом». Соответственно, считалось, что и к спорам полисов «историческое право» должно быть вполне применимым.

Так, в VI в. до н. э. в конфликте между Афинами и Мегарами из-за острова Саламина²³ ни одному из двух полисов не удалось добиться своего военным путем, и пришлось прибегнуть к арбитражу. В качестве посредников пригласили группу авторитетных спартанцев (наиболее подробный рассказ об эпизоде: Plut. Sol. 10). Представлявший интересы афинян Солон постоянно апеллировал именно к «историческому праву», приводя соответствующие доводы. И вполне резонно, в категориях тогдашнего времени, третейские судьи из Спарты встали на сторону Афин (хотя в этническом отношении стояли ближе к мегарянам, тоже дорийцам, так что казалось бы, скорее должны были проявить с ними солидарность²⁴), очевидно сочтя соображения Солона абсолютно убедительными. Они присудили спорный остров афинянам, и с тех пор Саламин являлся неотъемлемой частью афинского государства.

Основаниями же для того, чтобы владение некой территорией в прошлом воспринималось как законная собственность, считались следующие: завоевание, получение по наследству, покупка, дарение²⁵. Бросается в глаза, кстати, опять-таки почти полное (за вычетом, естественно, завоевания) совпадение с требованиями норм частного права относительно признания законности собственности.

²³ О конфликте в целом см.: Касаткина Н. А. Солон Афинский и остров Саламин // АКРА: Сб. науч. статей. Нижний Новгород, 2002. С. 59–70; Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 118–120, 181–182; Он же. Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // Античный мир и археология. Вып. 14. Саратов, 2010. С. 38–41; Frost F. J. Solon and Salamis, Peisistratos and Nisaia // Ancient World. Vol. 30. No. 1. 1999. P. 133–139.

²⁴ Достоверно неизвестно, входили ли тогда уже Мегары в Пелопоннесский союз под эгидой Спарты (по истории Мегар этих лет см.: Legon R. P. Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca, 1981. P. 136 ff.; Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 257 сл.). Это, во всяком случае, не исключено. Тогда тем более знаменательно, что спартанцы презрели политическую близость во имя «исторического права».

²⁵ Chaniotis A. Op. cit. P. 194 ff.

В заключение этой небольшой заметки хотелось бы констатировать: интересно, что и для нашего русского языка характерна аналогичная терминологическая расплывчатость в сфере имущественных отношений. Если брать не строго юридические тексты, а повседневное бытовое словоупотребление, между понятиями «собственник» и «владелец» не проводится фактически никакого различия, они употребляются как взаимозаменяемые синонимы. Сплошь и рядом лицо, обладающее правом собственности на некую вещь, называют «владельцем» этой вещи, как будто это одно и то же. Более того, даже и в латинском языке, по суждению А. В. Зайкова (впрочем, возможно, несколько преувеличенному, чрезмерно категоричному), «в неюридических текстах уловить различие в терминах “*possessio*” и “*proprietas*” невероятно сложно»²⁶.

²⁶ Зайков А. В. Указ. соч. С. 39.

КРАЖА В РАННЕМ ГРЕЧЕСКОМ ПРАВЕ (НА ПРИМЕРЕ АФИН)*

Согласно наиболее распространенной, фактически хрестоматийной точке зрения, вопрос о краже и наказании за нее трактовался уже в первом афинском своде писанных законов, изданном Драконтом¹ в 621 г. до н. э.² Как известно, «драконовские» законы уже начиная с античности (конкретно – со второй половины IV в. до н. э.) воспринимались как беспрецедентно жестокие: будто бы они едва ли все виды преступлений карали смертной казнью (таким образом, и кражу тоже). Однако в действительности это, судя по всему, историографический миф, «мнимая реальность», о чем нам уже довольно давно приходилось писать³, а ныне к аналогичным выводам нередко приходят и западные антиковеды⁴.

Источники, в которых сообщается о том, что Драконт предписывал казнить воров, почти все являются поздними. Так, Плутарх пишет: «...Солон прежде всего отменил все законы Драконта, кроме законов об убийстве; он сделал это ввиду жесткости их и строгости наказаний: почти за все преступления было назначено одно наказание – смертная казнь; таким образом, и осужденные за праздность подвергались смертной казни⁵, и укравшие овощи или плоды несли то же наказание как и святотатцы и человекоубийцы (καὶ τοὺς λάχαρα

* Впервые опубликовано в: Древнее право. № 1 (31). 2015. С. 12–26.

¹ В дальнейшем мы будем пользоваться только написанием «Драконт», поскольку оно корректнее с лингвистической точки зрения.

² Важнейшие монографические исследования о законодательстве Драконта: *Stroud R. S. The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon. Berkeley, 1979*; *Gagarin M. Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven, 1981*; *Carawan E. Rhetoric and the Law of Draco. Oxf., 1998*.

³ *Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 27 сл.; Он же. О некоторых мнимых реальностях в античной и современной историографии древних Афин // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 239 сл. (в работе, упомянутой последней, мы даем конкретный диахронный анализ формирования этого мифа).*

⁴ Один из последних примеров: *Carey C. In Search of Drakon // The Cambridge Classical Journal. Vol. 59. 2013. P. 29–51* (указывается, что суровость законов Драконта преувеличена).

⁵ Закон о праздности (νόμος ἀργίας) Драконту совершенно точно не принадлежит. Он был издан Солоном либо даже Писистратом (что, правда, менее вероятно). Подробнее по вопросу см.: *Суриков И. Е. Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемиические заметки). Ч. I // Из истории античного общества: Сб. науч. трудов. Вып. 11. Нижний Новгород, 2008. С. 16 сл.*

κλέψαντας ἢ ὁπώραν ὁμοίως κολάζεσθαι τοῖς ἱεροσύλοις καὶ ἀνδροφόνους)» (Plut. Sol. 17). Плутарху вторит Авл Геллий, утверждающий, что по законам Драконта вор за любую кражу должен был караться смертью (*furem cuiusmodicumque furti supplicio capitis poeniendum esse*, Gell. XI. 18. 3).

Есть, кажется, только одно достаточно ранее свидетельство, которое на первый взгляд можно отнести к законодательству Драконта о кражах. Оно принадлежит Ксенофону – автору в целом весьма респектабельному с источниковой точки зрения. Не случайно поэтому именно на нем особенно акцентирует внимание Л. А. Пальцева, занимавшаяся в отечественной науке драконтовскими законами и притом убежденная в полной правоте традиционных воззрений⁶. По ее мнению, пассаж из Ксенофонта, который ниже будет нами процитирован, «является весомым подтверждением того, что поздняя традиция, приписывающая Драконту законы о кражах, возникла не на пустом месте»⁷.

Но что же в действительности говорит Ксенофонт в трактате *Oikonomikos* (на русский обычно переводится как «Домострой») устами своего героя – «идеального домохозяина» Исхомаха, рассказывающего Сократу о том, как он учил своих рабов вести порядочный образ жизни?

...Я все-таки пробую наставлять слуг на путь честности: для этого беру кое-что из законов Драконта, кое-что из законов Солона. Мне кажется, и эти мужи при издании многих законов задавались целью учить такой честности. Так, в законе сказано: наказание за кражу: пойманный на месте преступления подвергается лишению свободы, а оказывающий вооруженное сопротивление осуждается на смертную казнь. Очевидно, стало быть, что законодатели хотели посредством этого закона сделать для бесчестных людей эту позорную страсть к наживе бесполезной⁸ (Хеп. Оес. 14. 4–6).

Так есть ли у нас достаточные основания считать, что Ксенофонт приводит (естественно, не дословной цитатой, а в пересказе своими словами) закон, при-

⁶ Пальцева Л. А. К вопросу о составе законодательства Драконта // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. СПб., 2007. С. 195–210. Нашу полемику со взглядами этой исследовательницы см.: Суриков И. Е. Еще раз о законодательствах... С. 5–25.

⁷ Пальцева Л. А. Указ. соч. С. 204.

⁸ ...τὰ μὲν καὶ ἐκ τῶν Δράκοντος νόμων, τὰ δὲ καὶ ἐκ τῶν Σόλωνος πειρώμαι, ἔφη, λαμβάνων ἐμβιβάζειν εἰς τὴν δικαιοσύνην τοὺς οἰκέτας. δοκοῦσι γάρ μοι, ἔφη, καὶ οὗτοι οἱ ἄνδρες θεῖναι πολλοὺς τῶν νόμων ἐπὶ δικαιοσύνης τῆς τοιαύτης διδασκαλίᾳ. γέγραπται γὰρ ζημιοῦσθαι ἐπὶ τοῖς κλέμμασι καὶ δεδέσθαι ἂν τις ἄλῳ ποιῶν καὶ θανατοῦσθαι τοὺς ἐγχειροῦντας. δῆλον οὖν, ἔφη, ὅτι ἔγραφον αὐτὰ βουλόμενοι ἀλυσιτελῆ ποιῆσαι τοῖς ἀδίκους τὴν αἰσχροκέρδειαν.

надлежащий действительно Драконту? Сейчас мы покажем, что таких оснований нет, а, напротив, всё говорит о противоположном.

В данном пассаже говорится о законах Драконта и Солона. Следовательно, и указываемый Ксенофонтом закон принадлежит не однозначно Драконту, как думает Л. А. Пальцева, а *либо* Драконту, *либо* Солону. Но кому же из двоих? На простой вопрос – простой ответ: разумеется, цитируется *действующее* законодательство, а не какое-то давным-давно отмененное. А действующим на тот момент законодательством в Афинах было солоновское. Значит, о законе Драконта, каким бы он ни был, это место трактата Ксенофонта ровно никаких конкретных сведений не содержит.

Тут ведь следует напомнить, что, согласно античной нарративной традиции, Солон отменил все законы Драконта, кроме законов об убийстве. Стало быть, отменил и законы о краже, если таковые у Драконта были. Кстати, обратим внимание и на то, что дух закона, содержащегося у Ксенофонта, совершенно не коррелирует с теми общими представлениями о Драконте как законодателе, о которых уже говорилось выше: он-де карал смертью любое преступление, иных наказаний просто не было. А в цитате из Ксенофонта, как мы видели, сказано: «...пойманный на месте преступления подвергается лишению свободы, а оказывающий вооруженное сопротивление осуждается на смертную казнь». Стало быть, не всегда казнь!

На наш взгляд, повторим, подобная недифференцированность драконтовских законов в действительности не имела места. И доказать это довольно несложно. В знаменитом законе Драконта об убийствах, который дошел до нас в эпиграфической копии (IG. I³. 104)⁹ и, следовательно, свободен от подозрений в неаутентичности, искажениях и т. п., за неумышленное убийство назначается изгнание, а отнюдь не казнь. Но мы здесь полемизируем с Л. А. Пальцевой, поэтому вынуждены указать, что в ее построениях имеется серьезное внутреннее противоречие, сильно ослабляющее всю аргументацию.

Выходя на более высокий уровень постижения ситуации, нельзя не отметить, что наряду с традиционным пониманием законодательства Драконта в последние десятилетия появилось и, так сказать, минималистское. Первой его выразительницей стала, насколько нам известно, С. Хамфрис¹⁰, а в дальнейшем количество мыслящих солидарно с ней ученых только возрастало¹¹.

⁹ Лучшей публикацией памятника и поныне остается издание: *Stroud R. S. Drakon's Law on Homicide*. Berkeley, 1968.

¹⁰ *Humphreys S. C. A Historical Approach to Drakon's Law on Homicide* // Symposium 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 17–45.

¹¹ Например: *Schmitz W. «Drakontische Strafen»: Die Revision der Gesetze Drakons durch Solon und die Blutrache in Athen* // *Klio*. Bd. 83. Ht. 1. 2001. S. 7–38; *Barta H. «Graeca non*

Суть предлагаемого ею подхода («исторического подхода», как она подчеркивает уже в заглавии своей статьи) в следующем: единственными законами, реально введенными Драконтом, были законы об убийстве, а остальные узаконения, которые последующая традиция связывает с этим деятелем, приписаны ему неправомерно.

Нам, не скроем, ближе именно эта «ревизионистская» позиция¹², но без ее крайностей. Свое место в полемике об объеме законодательства Драконта мы обозначали уже не раз¹³, так что здесь, видимо, можно обойтись кратким резюмированием того, как видим проблему мы.

С одной стороны, и вправду ведь повергает в какое-то замешательство совершенно беспрецедентная ситуация (аналогий в античной Греции нет), при которой в Афинах через четверть века (строго говоря, чуть больше: 621–594 гг. до н. э.) после одного свода законов пришлось вводить второй, совершенно новый и при этом отменяющий предыдущий. Что же, Драконт оказался настолько уж неумелым законодателем? Нет, он стоял на уровне своего времени, и его законы об убийстве оказались не только жизнеспособными (ими в Афинах пользовались века и века), но и чуть ли не образцовыми (афиняне позже гордились, что таких законов об убийстве, как у них, во всей Элладе нет). Вряд ли мог человек, проявивший такую компетенцию в данной конкретной сфере права, оказаться абсолютным кретином в остальных.

С другой стороны, будучи историком, автор этих строк понимает: античные источники (даже и поздние), что ни говори, это такая вещь, совсем не считаться с которой нельзя, хотим мы того или не хотим. Но вот в чем мы абсолютно убеждены, так это в том, что ответственные выводы системного характера могут делаться только в отношении цикла законов Драконта об убийстве. Мы *do-*

leguntur? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd. II. Archaische Grundlagen. Teil. 1. Wiesbaden, 2011. S. 77 ff.

¹² Сразу оговорим: это отнюдь не означает, что мы симпатизируем минималистскому подходу к раннегреческому законодательству в целом, предложенному К.-Й. Хёлькескампом (*Hölkeskamp K.-J. Written Law in Archaic Greece // Proceedings of the Cambridge Philological Society. Vol. 38. 1992. P. 87–117; Idem. Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaischen Griechenland. Stuttgart, 1999; Idem. What's in a Code? Solon's Laws between Complexity, Compilation and Contingency // Hermes. Bd. 133. Ht. 3. 2005. S. 280–293*). Здесь мы говорим конкретно о Драконте, то есть по тематике, которую, можно предположить, мы знаем лучше, чем кто-либо в России (в частности, в свое время нам довелось перевести драконтовский закон об убийствах: *Суриков И. Е. Проблемы...* С. 31 сл.).

¹³ *Суриков И. Е. Законодательство Драконта в Афинах и его исторический контекст // Древнее право. №2 (7). 2000. С. 8–18; Он же. Проблемы...* С. 27 сл.; *Он же. О некоторых мнимых реальностях...* С. 239 сл.; *Он же. Законодательные реформы Драконта и Солона: религия, право и формирование афинской гражданской общины // Одиссей: человек в истории. 2006. С. 201–220; Он же. Еще раз о законодательствах...*

пускаем, что этот афинский евпатрид¹⁴ издавал и какие-то иные законы, помимо цикла περὶ φόβου; но мы, с другой стороны, *вынуждены* констатировать: драконтовские узаконения в области других сфер права если и существовали, то были отменены Солоном и, следовательно, до классической эпохи сохраниться не могли. Даже если переставшие быть актуальными доски с упраздненным законодательством и отнесли в какой-то «архив» (применительно к архаическим Афинам это значит – в опистодом какого-то храма), то что должно было случиться с ними в годину нашествия Ксеркса, в 480 г. до н. э.?

Афины тогда были взяты, сожжены и разрушены. Незадолго до того город подвергся эвакуации, а все, что не было эвакуировано, погребло в огне пожара. Действовавшие на тот момент законы Солона полисные власти, покидая родину, несомненно, захватили с собой (поскольку полис – в силу специфики этого типа государственного организма – продолжал функционировать даже после утраты территории, его «конституция» должна была быть спасена). Но с какой бы стати было спасать тексты отмененного законодательства Драконта, решительно никому уже не нужные? Ведь эвакуация проводилась в крайне спешном порядке, вывозилось только самое необходимое. Даже многих жителей «по причине старости оставляли в городе» (Plut. Them. 10). Покидать на верную гибель людей, но при этом брать с собой устаревшие законы – не отдает ли подобная гипотетическая ситуация абсурдом?

Итак, законов Драконта *не* об убийстве (т. е. и о краже в том числе) либо не было вообще, либо они не могли сохраниться до времен классической афинской демократии. Помнить о них (в том случае, если они все-таки существовали) люди могли только по слухам, передаваемым из уст в уста, от поколения к поколению. Иными словами, вступала в силу устная традиция. А эта последняя весьма отлична от той, которая зафиксирована в письменных источниках; она пользуется своеобразными механизмами и обладает весьма специфическими особенностями¹⁵.

Так, показано¹⁶, что в устной памяти даже важнейшие события сохраняются в относительно корректной форме примерно на протяжении столетия (жизнь

¹⁴ Аллюзия на статью: Никитский А. В. Драконт Евпатрид // Известия РАН. Т. 13. 1919. С. 601–614.

¹⁵ В связи с дальнейшим подробнее см.: Суриков И. Е. Классическая афинская демократия и устная историческая традиция // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год. Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 497–520.

¹⁶ Этапной в данном отношении стала известная работа: Vansina J. Oral Tradition: A Study in Historical Methodology. L., 1965. Применительно конкретно к античной Греции см.: Ruschenbusch E. Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistori-

трех человеческих поколений), а затем они начинают подвергаться самым разнообразным искажениям, обрастают красочными деталями и подробностями чисто легендарного характера. Более того, столетие аутентичной передачи – это еще один из самых лучших возможных вариантов, реализующийся в тех случаях, когда факт, о котором рассказывается, не вызывает прагматической заинтересованности того или иного рода у последующих поколений (но такие факты – именно в силу названного фактора – редко и запоминаются).

В тех же случаях, когда событие оказывает влияние на будущее, его передача устной традицией значительно раньше, едва ли не сразу, становится тенденциозной. Например, поступательной и интенсивной мифологизации подвергались как раз образы раннегреческих законодателей¹⁷, одним из которых был Драконт. И данное обстоятельство вполне понятно: эллинские полисы на протяжении еще многих веков жили по законам, введенным этими деятелями, иными словами, их фигуры оставались актуальными. А достоверных данных о них существовало очень немного. И поскольку, как известно, «свято место пусто не бывает», место фактов в последующем восприятии занимали красивые построения «вторичной мифологии».

И всё же можно предположить, что в традиции, приписывавшей Драконту смертную казнь за кражу, есть зерно истины. Здесь можно говорить скорее не о фикции, а о неточном понимании афинянами классической эпохи одного из положений драконтовского закона об убийстве. Это положение, находящееся ближе к концу эпиграфической копии (IG. I³. 104. 36–39) и потому очень плохо сохранившееся, но восполняемое из цитаты у Демосфена (XXIII. 60), звучит так:

Если один человек, защищаясь, убьет другого, уводящего или уносящего что-то с применением силы и вопреки справедливости (под эту категорию подпадают и воры, точнее, грабители. – *И. С.*), причем совершит это на месте преступления, то такое убийство не требует наказания (*νηποινεῖ τεθνάναι*)¹⁸.

Убивший грабителя не нес никакой ответственности. Это-то и могло впоследствии восприниматься как смертная казнь за воровство.

kers // Symposion 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 70; *Суриков И. Е.* Еще раз о законодательствах... С. 9.

¹⁷ *Ruschenbusch E.* ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. // *Historia*. Bd. 7. Ht. 4. 1958. S. 398–424; *Szegedy-Maszak A.* Legends of the Greek Lawgivers // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 19. No. 3. 1978. P. 199–209.

¹⁸ Об этом выражении см.: *Velissaropoulos-Karakostas J.* Νηποινεῖ τεθνάναι // *Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1991. S. 94–105.

* * *

О том, что говорилось в связи с кражами в своде второго (и несравненно более крупного) архаического афинского законодателя – Солона (594 г. до н. э.), сведений сохранилось больше; но и тут нас ждет немало неясностей. Как известно, три свидетельства источников, наиболее подробно и притом наиболее систематично освещающие солоновскую деятельность, – это посвященный ей пассаж в «Афинской политике» Аристотеля (Arist. Ath. pol. 5–12), биография Солона, написанная Плутархом¹⁹ (Plut. Sol. Passim), и небольшое жизнеописание того же персонажа, содержащееся в труде Диогена Лаэртского (Diog. Laert. I. 45–67). Во всех трех этих свидетельствах с той или иной степенью детальности, достоверности и т. п. перечисляется немалое количество законов Солона, но, как ни досадно, именно по поводу закона о кражах – ни слова!

С другой стороны, совершенно точно известно, что такой закон у Солонна, разумеется, был (да иное и представить себе невозможно). Это не догадка, а вывод, строго следующий из ряда посылок. Греческий лексикограф II в. н. э. Юлий Полидевк (Поллукс), большой эрудит, указывает, что Солон в своих законах (ἐν τοῖς νόμοις) называл кражу (κλέμμα) словом κλέπος (Poll. VIII. 34). Весьма значимое наблюдение! Видел ли лично Полидевк написанные на древних деревянных аксонах солоновские законы, мы сказать не можем (его старший современник Плутарх их видел); но, во всяком случае, мы здесь видим, что с лексикой их он был знаком и специально оговаривает, что афинский реформатор употреблял в данном случае не общепринятую впоследствии лексику²⁰, а более архаичную, что само по себе является, несомненно, аргументом в пользу аутентичности приведенной формулировки.

Далее, у оратора Лисия – автора несравненно более раннего – есть речь «Против Феомнеста» (Lys. X), специально посвященная разбору (в казуистических целях) лексики «древних законов Солонна» (νόμους τοὺς Σόλωνος τοὺς παλαιούς). И в ней, в частности, цитируется закон, в котором упоминается вор (κλέπτης). Отрывок (Lys. X. 17) с трудом поддается пониманию, поскольку он вырван из контекста, да к тому же еще и искажен, что порождало различные

¹⁹ О ее источниковой значимости см.: *Аверинцев С. С.* Наблюдения над композиционной техникой Плутарха в «Параллельных жизнеописаниях» («Солон») // Вопросы классической филологии. Вып. 1. М., 1965. С. 160–180; *Суриков И. Е.* «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы // ВДИ. № 3. 2005. С. 151–161; *Blois L. de.* Plutarch's Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 429–440.

²⁰ У Ксенофонта (автора классической эпохи) в вышецитированном пассаже, как мы видели, фигурирует именно κλέμμα, а не κλέπος.

конъектуры²¹. Но, как бы то ни было, речь однозначно идет о какой-то ситуации, связанной с кражей.

Высказывается по поводу солоновского законодательства о краже и Геллий. Как мы видели выше, Драконту он приписал смертную казнь за это преступление. А касательно Солона римский автор говорит так: «Он в своем законе против воров назначил им наказанием не смерть, как ранее Драконт, а выплату двойной стоимости похищенного» (*is sua lege in fures non, ut Draco antea, mortis, sed dupli poena vindicandum existimavit*). Это было, дескать, смягчение суровых установлений Драконта Солоном (Gell. XI. 18. 5).

Указанное здесь наказание – всего лишь компенсация похищенного в двойном размере – выглядит каким-то уж чрезмерно мягким, учитывая достаточно большую суровость афинских законов, причем в особенной степени применительно именно к не столь уж и значительным преступлениям²² (среди каковых следует числить и кражу – всё-таки это не убийство и не государственная измена). Геллий, как известно, писал свой труд в Аттике, и, несомненно, имел там доступ к каким-то источникам права. Но то ли он понял их превратно, то ли прочел поверхностно... Не то чтобы он был совсем не прав (сведения о двойном возмещении для некоторых конкретных случаев мы действительно встретим ниже), но, во всяком случае, реальная ситуация была во многом иной, более сложной.

А какой она была – об этом самое лучшее представление дает обширный пассаж из речи Демосфена «Против Тимократа» (Demosth. XXIV)²³. В нем и цитируется, и комментируется закон о краже, определяемый оратором как солоновский. Соответственно, данное свидетельство имеет для нас чрезвычайно большое, принципиальное значение. Его совершенно необходимо привести (мы будем только пропускать места, не имеющие прямого отношения к интересующей нас тематике, например рассуждения автора, имеющие чисто риторический характер).

²¹ Например, С. И. Соболевский переводит его так: «Кто не пускает в дверь, когда в доме находится вор». Спорные моменты связаны только с первой частью отрывка (до запятой); во второй – предельно прозрачный *genetivus absolutus*: ἔνδον τοῦ κλέπτου ὄντος.

²² См. в связи с этим: Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. № 2 (5). 1999. С. 34–42.

²³ Здесь мы совершенно не останавливаемся на принадлежности или непринадлежности той или иной речи из корпуса Демосфена ему самому. В рамках данной статьи этот вопрос совершенно не принципиален. То же самое относится и к проблеме авторства «Афинской политики» Аристотеля.

Демосфен начинает так:

Законы, установленные Солоном, ...предписывают следующее: если кто-либо уличен в воровстве и не приговорен к смертной казни, ему в качестве дополнительного наказания должно быть назначено тюремное заключение²⁴ (Demosth. XXIV. 103).

Уже отсюда видно, что за кражу могли карать даже смертью (ср. с указанием Ксенофонта, цитировавшимся выше).

Вскоре оратор велит зачитать и сам текст закона:

При похищении у кого-либо какой-то собственности, если пострадавший сам возьмет ее²⁵, штраф укравшему назначается в двойном размере стоимости украденного, если же не возьмет – в десятикратном размере²⁶, в добавление к штрафу, установленному законами²⁷. Вор должен быть закован в ножные колодки в течение пяти дней и пяти ночей, если гелиея приговорит его к этому дополнительному наказанию²⁸. Право предложить дополнительное наказание имеет каждый желающий, когда речь будет идти о его размере²⁹ (Demosth. XXIV. 105).

Через некоторое время автор вновь возвращается к той же теме:

Солон издал закон, согласно которому лицо, укравшее в течение дня свыше 50 драхм, подлежит аресту и передаче коллегии Одиннадцати. Если же кто совершит кражу ночью, то его можно убить на месте, ранить при преследовании и передавать коллегии Одиннадцати, если пострадавший захочет. Что же касается виновного в преступлении, за которое назначаются арест и передача в руки колле-

²⁴ λεγόντων γάρ τῶν νόμων οὗς ἔθηκε Σόλων... ἂν τις ἀλφ' κλοπῆς καὶ μὴ τιμηθῇ θανάτου, προστιμᾶν αὐτῷ δεσμόν...

²⁵ Т. е., очевидно, если вор добровольно, без принуждения отдаст вещь, опознанную владельцем.

²⁶ Так в рукописях. Издателей часто смущает такая крупная цифра, и они исправляют десятикратный размер (δεκαπλασίαν) на двойной (διπλασίαν). В свете дальнейшей информации это, видимо, правомерно.

²⁷ Так в переводе В. Г. Боруховича, которым мы пользуемся. В действительности речь идет о дополнительном наказании, суть которого раскрывается далее. Пояснение см.: Poll. VIII. 22.

²⁸ Здесь аутентичность текста подтверждается появлением аналогичной формулировки у Лисия (X. 16), в той самой его речи, в которой он, как мы видели, намеренно старается сохранять подлинную лексику древних законов.

²⁹ "Ὁ τι ἂν τις ἀπολέσῃ, ἐὰν μὲν αὐτὸ λάβῃ, τὴν διπλασίαν καταδικάζειν, ἐὰν δὲ μὴ, τὴν δεκαπλασίαν πρὸς τοῖς ἐπαίτιοις. δεδέσθαι δ' ἐν τῇ подоκάκῃ τὸν πόδα πένθ' ἡμέρας καὶ νύκτας ἴσας, ἐὰν προστιμῇσῃ ἡ ἡλιαία. προστιμᾶσθαι δὲ τὸν βουλόμενον, ὅταν περὶ τοῦ τιμήματος ᾖ.

гии Одиннадцати, то в этом случае преступник не выставляет поручителей с возвращением затем стоимости украденного, но наказывается смертью. И если кто украдет плащ, или лекиф, или другую вещь небольшой стоимости из Ликея, Академии или Киносарга³⁰, или какой-нибудь предмет из оборудования, хранящегося в гимнасиях или портах государства, стоимостью выше 10 драхм, то таким лицам Солон установил также наказанием смертную казнь. Если же кто будет уличен в воровстве у частного лица, ему назначается штраф в размере двойной стоимости украденного, а суду предоставлялось право назначить, помимо штрафа, дополнительное наказание – содержание вора в оковах в течение 5 дней и 5 ночей, чтобы все могли его видеть заключенным в тюрьме. Обо всем этом вы слышали ранее, когда оглашались законы. Солон считал необходимым, чтобы совершающий преступление не только возвращал похищенное и этим добивался оправдания (он полагал, что в таком случае воров станет множество – если они, утаив похищенное, получают возможность спокойно им обладать, а в случае разоблачения ограничатся лишь возвращением похищенного), но требовал возмещения стоимости в двойном размере, добавив к этому наказанию заключение в оковах, чтобы позор тяготел над осужденным всю жизнь³¹ (Demosth. XXIV. 113–115).

Это тот редкий случай, когда нам представилось совершенно необходимым дать очень пространную цитату – как в переводе, так и в оригинале. Сколь много говорит практически каждая фраза в ней специалисту по греческому праву! Уже в первой фразе данного пассажа речь заходит о специфической афинской юридической процедуре ἀπαγωγή – аресте преступника³² и передаче

³⁰ Знаменитые афинские гимнасии.

³¹ ὁ Σόλων... νόμον εἰσήνεγκεν, εἰ μὲν τις μεθ' ἡμέραν ὑπὲρ πεντήκοντα δραχμὰς κλέπτει, ἀπαγωγὴν πρὸς τοὺς ἑνδεκ' εἶναι, εἰ δέ τις νύκτωρ ὁτιοῦν κλέπτει, τοῦτον ἐξεῖναι καὶ ἀποκτεῖναι καὶ τρῶσαι διώκοντα καὶ ἀπαγαγεῖν τοῖς ἑνδεκα, εἰ βούλοιτο. τῷ δ' ἀλόντι ὦν αἱ ἀπαγωγαὶ εἰσιν, οὐκ ἐγγυητὰς καταστήσαντι ἔκτισιν εἶναι τῶν κλεμμάτων, ἀλλὰ θάνατον τὴν ζημίαν. καὶ εἴ τις γ' ἐκ Λυκείου ἢ ἐξ Ακαδημείας ἢ ἐκ Κυνοσάργους ἱμάτιον ἢ ληκίθιον ἢ ἄλλο τι φαυλότατον, ἢ εἰ τῶν σκευῶν τι τῶν ἐκ τῶν γυμνασίων ὑφέλοιτο ἢ ἐκ τῶν λιμένων, ὑπὲρ δέκα δραχμὰς, καὶ τούτοις θάνατον ἐνομοθέτησεν εἶναι τὴν ζημίαν. εἰ δέ τις ἰδίαν δίκην κλοπῆς ἀλοίη, ὑπάρχειν μὲν αὐτῷ διπλάσιον ἀποτεῖσαι τὸ τιμηθέν, προστιμῆσαι δ' ἐξεῖναι τῷ δικαστηρίῳ πρὸς τῷ ἀργυρίῳ δεσμὸν τῷ κλέπτῃ, πένθ' ἡμέρας καὶ νύκτας ἴσας, ὅπως ὁρῶεν ἅπαντες αὐτὸν δεδεμένον. καὶ τούτων ὀλίγῳ πρότερον ἠκούσατε τῶν νόμων. ᾤετο γὰρ δεῖν τὸν γε τὰ αἴσχυρ' ἔργ' ἐργαζόμενον μὴ ἂν ὑφείλετο μόνον ἀποδόντ' ἀπηλλάχθαι (πολλοὶ γὰρ αὐτῷ ἐδόκουν οὕτω γ' οἱ κλέπται ἔσεσθαι, εἰ μέλλοιεν λαθόντες μὲν ἔξειν, μὴ λαθόντες δ' αὐτὰ μόνον καταθήσειν), ἀλλὰ ταῦτα μὲν διπλάσια καταθεῖναι, δεθέντα δὲ πρὸς τούτῳ τῷ τιμῆματι ἐν αἰσχύνῃ ζῆν ἤδη τὸν ἄλλον βίον.

³² Об этой процедуре см. специальное исследование: Hansen M. H. *Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes: A Study in the Athenian Administration of Justice in the Fourth Century B.C.* Odense, 1976.

его в руки известной коллегии Одиннадцати³³, ведавшей исполнением наказаний. В таком случае дело для банального воришки могло и вправду окончиться смертной казнью! Поневоле вспомнишь о суровости, (якобы) характерной для драконтовских узаконений. В демократических Афинах IV в. до н. э. с правонарушителями обращались ничуть не гуманнее.

Вот несколько примеров. Некого человека «Фениппид здесь привел к властям³⁴ как одежного вора (λωποδύτην); вы судили его в дикастерии, приговорили к смертной казни и отдали палачу, чтобы забить его палками насмерть³⁵». Это – свидетельство Лисия (XIII. 68). «Законы требуют наказывать смертью тех из воров (κλέπταιν), кто сознается, и предавать суду тех, кто запирается». Это – свидетельство Эсхина (I. 113), писавшего полвека спустя после Лисия. «Похититель за свое преступление заслуживает смертной казни». А это – Демосфен (XIII. 14), современник Эсхина.

Но сказанное ни в малейшей мере не означает, что для вора не было альтернативы. Особенность (полагаем, все-таки счастливая) аттического права заключалась в том, что в ней для многих (если не для всех) юридических коллизий возможно было несколько параллельных вариантов решения³⁶. Того же вора можно было осудить с помощью ἀπαγωγή – публичного процесса; тогда правонарушителю мог быть вынесен даже смертный приговор, однако пострадавший в таком случае ничего не получал. Гораздо выгоднее для жертвы было возбудить частный иск (ιδία δίκη) о краже и получить двойное возмещение.

Обратим внимание еще вот на какой нюанс, связанный с ἀπαγωγή: как видно из процитированного места, «порог» смертной казни за хищение государственной собственности наступал при значительно меньшей сумме, чем в случае хищения частной собственности (приводятся и цифры – соответственно 10 и 50 драхм). Это, несомненно, связано с потребностями формирующегося полиса.

Кстати, к вопросу о драхмах. Упомянутая в законах Солона драхма – это не монета: в начале VI в. до н. э. Афины их еще не чеканили. Тем не менее в ссылках античных авторов на солоновские законы драхмы упоминаются достаточно регулярно. Заслуживает всяческой поддержки та интерпретация,

³³ О которой см.: Burgess S. J. The Athenian Eleven: Why Eleven? // Hermes. Bd. 133. Ht. 3. 2005. S. 328–335.

³⁴ Имеется в виду та же процедура ἀπαγωγή.

³⁵ Здесь речь идет об ἀποτυπαισμός – виде казни, при котором приговоренному наносился смертельный удар по голове палкой или дубиной.

³⁶ На этом совершенно справедливо делается акцент на всём протяжении книги: Carawan E. Rhetoric...

которую предлагает видный нумизмат Дж. Кролл³⁷: солоновские драхмы – это нечekanенные слиточки серебра, представляющие собой последнюю стадию перехода от домонетных денег к монете как таковой на афинской почве.

Отдельный вопрос – о масштабе цен. В солоновские времена одну драхму стоила овца, пять драхм – бык. Уже в конце V в. до н. э. бык стоил в 10 раз больше (соответственно, увеличим пропорционально и предполагаемые цены на остальные товары). Эквивалентом чего же являются вышеупомянутые 10 драхм и 50 драхм? Этот вопрос отложим для отдельного исследования.

Возвращаясь к основной нити изложения в данной статье, уместным в связи с вышесказанным представляется процитировать еще и пассаж из «Афинской политики» Аристотеля о коллегии Одиннадцати. Ее члены «должны... подвергать смертной казни взятых под арест воров (κλέπταις), охотников за рабами (άνδραποδιστάς) и грабителей (λωποδύταις) в случае их собственного сознания, а в случае заpirationства приводить на суд и, если будут оправданы, отпускать, в случае же осуждения – предавать смерти» (Arist. Ath. pol. 52. 1). Эти сведения о коллегии Одиннадцати³⁸ вполне коррелируют с данными, которые можно почерпнуть из уже знакомого нам свидетельства Демосфена.

В «Афинской политике» перечислены три категории преступников: два вида воров – κλέπται и λωποδύται (различие между ними, в общем-то, было минимальным³⁹), а также андраподисты, порабошавшие свободных и похищавшие или сманивавшие чужих рабов. Все они объединялись под общим названием «злодеев»⁴⁰ (κακοῦργοι, Dem. IV. 47; XXIV. 65) и подлежали, как видим, смертной казни.

Осталось только ответить на вопрос: является ли закон (если уж говорить совсем точно, цикл взаимосвязанных законов), который Демосфен свя-

³⁷ Kroll J. H. Silver in Solon's Laws // Studies in Greek Numismatics in Memory of M. J. Price. L., 1998. P. 225–232; *Idem*. The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece // The Monetary Systems of the Greeks and Romans. Oxf., 2008. P. 12–37.

³⁸ Кстати, сама коллегия явно имела архаичный характер. Свидетельство тому – ее довольно странная численность. Обычно в демократических Афинах коллегии магистратов (стратегов, эллиноتامиев и т. д.) составлялись из десяти лиц – по числу десяти клисфеновских фил: каждый член коллегии представлял одну из этих фил. Коллегии с числом членов, отличным от десяти (например, девять архонтов, οἱ ἐννέα ἄρχοντες), именно потому такими и были, что восходили в своих истоках к архаической эпохе. Думается, к коллегии Одиннадцати сказанное тоже относится.

³⁹ Λωποδύτης, строго говоря, это – «шарящий по плащам». Иными словами, карманник, если употреблять современную лексику (в античной Греции, конечно, карманников как таковых не могло быть, поскольку не было карманов). В любом случае, перевод С. И. Радцига «грабителей» не представляется оптимальным.

⁴⁰ Об этой категории см.: Hansen M. H. *Agapoge*...

зывает с именем Солона, действительно солоновским? Вопрос этот – отнюдь не праздный. Неоднократно отмечалось, что Солону в эпоху афинской демократии было приписано немало мер, с которыми он не имел ничего общего⁴¹. Ведь его личность и деятельность мифологизировалась ничуть не в меньшей степени, чем это можно сказать о других раннегреческих законодателях (как отмечалось выше).

Применительно же конкретно к Солону можно отметить еще и следующее: его законы подверглись, насколько можно судить, довольно сильной переработке в ходе серьезной законодательной реформы в Афинах, имевшей место на протяжении последнего десятилетия V в. до н. э.⁴² А ораторы следующего столетия (в их числе и тот же Демосфен) на эти изменения, по большому счету, не обращали внимания и по-прежнему цитировали законы как солоновские. В определенном смысле правомерно неоднократно делавшееся наблюдение⁴³, что выражение «законы Солона» в какой-то момент стало обозначать фактически то же, что «законы Афин», *corpus iuris Atheniensium*.

Однако относительно недавно в работе А. Скафуρο⁴⁴ были выдвинуты весьма ценные, принципиальные тезисы, ставящие под сомнение общепринятое в историографии категоричное деление всех законов Солона, цитируемых в источниках, на две категории – аутентичные и недостоверные. Именно из этой дихотомии исходил Э. Рушенбуш, выпуская в свет свое знаменитое издание «Законы Солона»⁴⁵. Кстати говоря, большую цитату из Демосфена с законом Солона о краже (см. выше) немецкий исследователь, естественно, поместил в «недостоверное».

Скафуρο же считает, что необходимо выделить еще третью категорию, в которую входят законы, имеющие «солоновское» ядро, но впоследствии пре-

⁴¹ См., например: *Mossé C.* Comment s'élabore un mythe politique: Solon, «père fondateur» de la démocratie athénienne // *Annales: économies, sociétés, civilisations*. Vol. 34. No. 3. 1979. P. 425–437; *Hansen M. H.* Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // *Classica et mediaevalia*. Vol. 40. 1989. P. 71–99.

⁴² Об этой реформе написано очень много, и ранее приходилось в связи с ней давать в сноске обширный библиографический список. Но теперь эта необходимость отпала, поскольку совсем недавно вышла обобщающая монография: *Carawan E.* The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law. Oxf., 2013. Из нее уже и можно почерпнуть ссылки на предшествующую литературу.

⁴³ *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates. L., 1968. P. 68–69; *Murray O.* Early Greece. 2 ed. L., 1993. P. 184.

⁴⁴ *Scafuro A. C.* Identifying Solonian Laws // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 175–196.

⁴⁵ *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwertes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966.

терпевшие изменения и до нас дошедшие уже в таком «модифицированном виде». Однако изначальная их форма может быть всё-таки с большей или меньшей детализацией восстановлена посредством скрупулезной аналитической работы с текстами свидетельств. Данный тезис иллюстрируется несколькими конкретными примерами.

Мы совершенно убеждены, что и закон о краже относится к таковым. Закон этот имеет, в общем-то, достаточно архаичный вид. Чего стоит хотя бы упоминание в нем такого дополнительного наказания, имевшего чисто диффамационный характер, как публичное выставление вора на пять суток в каких-то ножных колодках или оковах... В Афинах рубежа V–IV вв. до н. э. такое установление просто не могло бы появиться: в тогдашнюю эпоху честью уже не слишком-то дорожили⁴⁶. А вот в условиях архаического аристократического полиса ради сохранения чести шли на поединок, на войну, на разрыв с прежде близкими людьми...

* * *

Майкл Гагарин, крупнейший ныне в мире специалист по древнегреческому праву архаической эпохи и единственный, написавший о нем обобщающее исследование⁴⁷, вполне убежден, что тот закон о краже, который Демосфен цитирует как солоновский, действительно принадлежит афинскому мудрецу-законодателю⁴⁸. Он отмечает главную новацию в этом законе – дифференциацию наказаний. Последние изменяются в зависимости от того, вернул ли вор украденную вещь или нет; от того, произошло ли хищение днем или ночью; от того, было ли похищено частное или государственное имущество; наконец, от того, по какой процедуре возбуждается против обвиняемого судебный процесс.

В результате лицо, осужденное за кражу, могло как подвергнуться смертной казни, так и отделаться «легким испугом», всего лишь компенсировав пострадавшему стоимость похищенного в двукратном размере.

⁴⁶ Эту связь радикальной демократизации с некоторой потерей понятий о чести, в общем-то, справедливо акцентирует латвийский исследователь Х. Туманс. Сошлемся на главную из его работ (Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002), хотя после этого он написал уже и немало других с аналогичным пафосом.

⁴⁷ Gagarin M. Early Greek Law. Berkeley, 1986.

⁴⁸ Ibid. P. 65, 75, 128.

ДЕМОКРАТИЯ И ДОСТОИНСТВО: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН КЛАССИЧЕСКИХ АФИН*

Есть несколько тем, которые «красной нитью» проходят через всю многолетнюю и многогранную научную деятельность Владимира Михайловича Строгецкого, к которым он обращается постоянно. К их числу, несомненно, относятся демократические Афины, их жизнь в самых различных ее аспектах, особенности менталитета афинских граждан и их общественных практик¹. Поэтому нам представляется уместным очерк для сборника, выпускаемого

* Впервые опубликовано в: Из истории античного общества: Сб. науч. трудов. Вып. 13. Нижний Новгород, 2010. С. 37–60.

¹ В частности, в последние годы ученый особенно интенсивно занимается проблемами информации, коммуникативных отношений, механизмов принятия решений в демократическом полисе. См., например: *Строгецкий В. М.* Проблемы официальных коммуникативных отношений в классическом полисе // Жебелевские чтения – 3: Тезисы докл. науч. конф. СПб., 2001. С. 93–97; *Он же.* Роль информации и проблема коммуникативных отношений в классическом полисе // Мнемон. Вып. 2. 2003. С. 135–152; *Он же.* Природа дискуссий и обсуждений в народном собрании классического греческого полиса // Мнемон. Вып. 6. 2007. С. 227–236; *Он же.* Секретные обсуждения и принятие решений в классическом греческом полисе и отношение к этому демоса // Материалы Всероссийской науч. конф. «X Чтения памяти проф. Н. П. Соколова». Нижний Новгород, 2007. С. 32–38; *Он же.* Народное собрание в древнегреческом полисе: ширма, символ или фундамент полисной структуры? // Мнемон. Вып. 7. 2008. С. 97–104. См. также по другим вопросам истории классических Афин: *Он же.* Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н. э. и проблема основания колонии Фурии // Город и государство в античном мире. Л., 1987. С. 55–79; *Он же.* Охлократия как форма общественно-политических отношений в Древней Греции // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 69–73; *Он же.* Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н. э. Из истории античного общества. Вып. 6. 1999. С. 135–146; *Он же.* Демократические особенности афинского империализма в V в. до Р. Х. // VII Чтения памяти проф. Н. П. Соколова: Тезисы докл. Нижний Новгород, 2000. С. 55–56; *Он же.* Строительная политика Перикла и «культурная» экспансия Афин // АКРА: Сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 142–148. Разумеется, данный перечень имеет сугубо выборочный характер, и мы отнюдь не ставим перед собой задачу перечислить все работы В. М. Строгецкого по афинской тематике. Однако не можем не упомянуть также его книги, в которых Афинам тоже уделяется важное место: *Он же.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород,

к юбилею «дуайена нижегородского антиковедения», посвятить именно данной проблематике.

К теме, обозначенной в заголовке, нам уже отчасти доводилось обращаться в другой связи². Впоследствии она нашла отражение в работах Т. В. Кудрявцевой³. Но непосредственным импульсом, побудившим автора этих строк возвратиться к рассмотрению правовой культуры и правосознания жителей классических Афин, стало ознакомление с пока еще не опубликованной статьей А. Л. Смышляева, в которой аналогичные вопросы трактуются на римском материале⁴. Статья чрезвычайно богата весьма интересными, оригинальными идеями, тонкими и меткими наблюдениями; она вызывает желание далее развивать предложенные соображения. А самое главное, появляется возможность посмотреть на вещи в сравнительном ракурсе, на основе источниковых данных, взятых, с одной стороны, из афинских реалий, с другой – из римских. Насколько можно судить, выявляются черты как сходства, так и различия; имеет смысл остановиться и на тех и на других, но все-таки главное внимание уделить отличительным особенностям и попытаться их объяснить⁵.

1991; *Она же*. Афины и Спарта: Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н. э. (478–431 гг.). СПб., 2008.

² Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. №2 (5). 1999. С. 34–42.

³ Эта исследовательница вначале опубликовала по интересующим нас вопросам серию статей, из которых наиболее важными представляются: *Кудрявцева Т. В.* Карать или миловать: чем руководствовались афинские дикасты, вынося приговор // *Studia historica*. Вып. 7. 2007. С. 44–54; *Она же*. Тяжущиеся на беме: речи и поведение сторон в афинском народном суде // *ВДИ*. №1. 2008. С. 3–18. Наиболее же подробно она осветила соответствующую проблематику в монографии, на всем протяжении которой встречаем различные соображения об аспектах правовой культуры афинян: *Она же*. Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008.

⁴ *Смышляев А. Л.* «Добрые нравы» и «суровые законы» в римском суде // *Древнее право*. №22. 2008. С. 73–93. Ранее основные идеи этой статьи отразились в докладе А. Л. Смышляева «Argumentum ad hominem в римском суде» на V Международной конференции «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права» (Суздаль – Москва, июнь 2009 г.). Мы благодарны А. Л. Смышляеву, любезно позволившему нам ознакомиться со статьей еще в рукописи (реально она была опубликована в 2010 г.).

⁵ Сравнение между афинскими и римскими реалиями иногда проводится, но обычно в аспекте институтов, а не менталитета, при этом чаще как раз подчеркиваются черты сходства, а не различия. См. один из последних примеров: *Martini R.* Roma e Atene. Note comparatistiche in ‘campo costituzionale’ / *Tradizione romanistica e costituzione*. T. 1. Napoli, 2006. P. 411–423.

Обозначим прежде всего некоторые принципиальные позиции, которые нам давно уже представляются верными, а чтение работы А. Л. Смышляева еще более убедило нас в их правоте. В афинских судах очень часто практиковалось обыкновение: говорить в обвинительных и оправдательных речах не только о конкретном разбираемом деле, но и о личности противника (порой даже в большей степени). Иногда мы встречаем у судебных ораторов порицание такого обыкновения (Lys. IX. 1; XII. 38; XVI. 9)⁶, призывы говорить только о деле (Lys. VI. 42; XXX. 8; Dem. XIX. 202, 213), извинения, что приходится прибегать к этому приему (Lys. IX. 3; XXIV. 24–26; Dem. XVIII. 34, 50, 59, 126, 256), но в целом такие случаи нечасты. Пересказ прошлых дел – как своих, так и оппонента – составляет почти неотъемлемую часть любой судебной речи. Иногда оратор просит суд наказать обвиняемого сразу за все его дела (Lys. XXX. 6–7); иногда, напротив, речь используется как повод для отчета о собственной жизни (Lys. XXIV. 1). Собственно, суд и воспринимается как проверка (ἐξέτασις) жизни и деятельности (Dem. XVIII. 226).

В чем же причина такого положения вещей? Думается, не только в том, что афинские ораторы были людьми, неразборчивыми в средствах⁷. Американский антиковед Д. Коэн не столь давно привлек внимание к одному существенному различию в современном и античном понимании судебного процесса. В демократических Афинах IV в. до н. э. приговор суда представлял собой не интерпретацию правовых норм и их приложение к конкретному случаю, а широкое политическое, социальное и этическое суждение о данном индивиде⁸. Судили не деяние – судили человека, гражданина. Отсюда и происходила необходимость для ответчика давать отчет о своей жизни, а для истца – изобразить его личность в максимально мрачных тонах.

Именно к такому выводу приводят и нас указанные выше пассажи из источников. Приведем еще несколько характерных примеров. Обвиняемого, по мнению ораторов, могли оправдать – даже при безусловности его вины – за прошлые заслуги (Lys. XIV. 23; XXX. 1). Человек, в прошлом запятнавший

⁶ Сразу оговорим: здесь и далее ссылки на судебные речи имеют у нас сугубо выборочный характер. По любой рассматриваемой идее количество таких ссылок могло бы быть многократно увеличено, но мы не видим в этом особой нужды. Когда речь идет о вещах достаточно очевидных, функция самих ссылок – скорее иллюстрировать и подтверждать, чем что-то доказывать.

⁷ Глускина Л. М. Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н. э. по судебным речам демосфеновского корпуса // *Демосфен. Речи*: В 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 463. Прим. 177.

⁸ Cohen D. The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 1995. S. 243; ср.: Суриков И. Е. Новая концепция афинской истории IV в. до н. э. // ВДИ. № 4. 1996. С. 240.

себя, не может быть хорошим гражданином, и уже за это его следует наказывать (Dem. XVIII. 197–198; XIX. 7; XXI. 134, 142–143; XXII. 31–32). Порочные вредны для полиса (Dem. XXXVIII. 25–27).

Отнюдь не случайно мы встречаем в судебных речах нападки на родителей и родственников оппонента, инсинуации о его происхождении⁹ (Lys. X. 23; XIII. 64; Dem. XIX. 237, 281, 287; XXI. 149), а также похвалы собственным предкам (Andoc. I. 146; II. 26; Lys. XVIII. 1; XXVI. 21–22; Dem. XVIII. 10). Афинская демократия унаследовала от эпохи аристократического правления веру в наследственность личных качеств¹⁰. Стоило доказать, что предки противника были порочными людьми – и гораздо большей становилась вероятность, что таким же является их потомок. Точно так же нередки у судебных ораторов и выпады против друзей, сподвижников оппонента (Lys. XII. 62, 64, 81; Dem. XIX. 230; XX. 146–151; XXIII. 144; XXIV. 6). Замечание Еврипида (из недошедшей комедии «Феникс»): «На тех похож он, с кем водиться любит» (ар. Dem. XIX. 245; ср. XXII. 64) – находится вполне в русле афинских воззрений.

Из одной судебной речи Лисиева корпуса¹¹ (VI. 54) мы узнаем, что целью судебного процесса является, собственно, не установление вины, а «польза людей, чтобы другие, услышав и увидев это, были на будущее время воздержнее». На первый план выдвигается воспитательное значение суда, а не его функции по выявлению истины.

Оратор в суде мог потребовать наказания за образ мыслей (Dem. XIX. 16), за намерение (Dem. XXV. 30), казни детей обвиняемого (Lys. XII. 83), его сподвижников (Lys. XXVII. 13). Во всем этом, конечно, много чистой риторики без какой-либо правовой базы, но с помощью такого рода риторики в судебном присутствии нагнеталась вполне определенная атмосфера, способствовавшая предвзятой позиции присяжных (Andoc. I. 9). При этом следует напомнить, что в Афинах отсутствовала кассационная инстанция, в которой приговор дикастерия (каким бы несправедливым он ни был) мог бы быть обжалован¹².

⁹ Один из эпизодов подобной «борьбы инсинуаций» мы недавно специально рассмотрели в работе: Суриков И. Е. Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // Древности Боспора. Т. 13. 2009. С. 393–413. Такие гиганты ораторского искусства, как Эсхин и Демосфен, без всякого зазрения совести сочиняли самые злонамеренные, клеветнические до абсурда выдумки о предках и сородичах друг друга.

¹⁰ Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989. P. 251–254.

¹¹ Хотя речь, возможно, и не принадлежит самому Лисию (так же как и ряд речей Демосфенова корпуса не принадлежит самому Демосфену), но в нашем контексте это не имеет никакого значения.

¹² Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 324.

Окончателность, безапелляционность приговора суда воспринимается ораторами чаще как достоинство (Dem. XXI. 125; XXIV. 69, 131), чем как недостаток (Andoc. I. 7). Демосфен гневно обрушивается на законопроект Тимократа, вводящий некое подобие апелляции по определенной категории дел (Dem. XXIV. 191).

В то же время и замечание Лисия (IX. 22): «Вы (т. е. судьи. – И. С.) прощаете даже явные преступления», – нельзя считать не соответствующим действительности. Вообще говоря, только в специфических условиях афинского правосознания кажется возможным абсурдный казус, описанный Демосфеном (XXII. 2): Андروتсион, возведя на своего противника Диодора облыжное обвинение в убийстве собственного отца, подал в суд... но не на самого Диодора, а на его дядю – за общение с убийцей. Дядя был оправдан, но с современной точки зрения трудно даже представить возможность такого, с позволения сказать, процесса.

Особенно часто жертвами пристрастного отношения, а то и прямого произвола со стороны судей становились виднейшие политики. Мильтиад в 490 г. до н. э., после марафонской победы, был в зените славы, а уже в следующем году суд приговорил его к колоссальному штрафу. Перикл, долго пользовавшийся в афинском полисе положением «первого гражданина», безоговорочного лидера, тоже стремительно оказался в опале и был осужден дикастерией. Примеры подобного рода можно было бы множить и множить¹³. Однако были и случаи противоположного характера. Достаточно вспомнить триумфальное возвращение в Афины Алкивиада в 407 г. до н. э. или Демосфена в 323 г. до н. э. Над обоими тяготел тяжкий судебный приговор, но в изменившейся политической ситуации об этом предпочитали не вспоминать.

* * *

До сих пор говорилось о вещах, которые представляются нам несомненными¹⁴ и о которых мы писали ранее¹⁵. Правда, А. Л. Смышляев солидаризируется с нами лишь отчасти: «С этими соображениями трудно не согласиться, хотя они и кажутся мне чересчур категоричными. На основе приведенных самим И. Е. Суриковым свидетельств я бы предпочел вместо противопоставления

¹³ Их полезный обзор см. в работе: Knox R. A. «So Mischievous a Beast»? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // Greece & Rome. Vol. 32. No. 2. 1985. P. 132–161.

¹⁴ Неоднократно рассматривались они и в западной историографии. Один из последних по времени примеров: Lanni A. Law and Justice in the Courts of Classical Athens. Cambridge, 2006. См. особенно с. 41–74.

¹⁵ Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания... (почти на всём протяжении статьи).

«или... или» сопоставление «как... так и»¹⁶. «Римское судебное разбирательство имело двойственный характер – поиски истины были связаны как с исследованием конкретных обстоятельств дела, так и с сопоставлением репутации, престижа и образа жизни его основных участников»¹⁷.

Но здесь, как нам представляется, тот случай, когда правы обе стороны. Речь идет не о том, что кто-то из нас заблуждается или чрезмерно категоричен, а об отличии афинских реалий от римских. Именно к последним, насколько можно судить, следует относить оговорки А. Л. Смышляева. Ведь, как он справедливо замечает,

хотя... римский суд был похож на афинский гораздо больше, чем на современный, тем не менее имелось и немало отличий. Время процесса было достаточно продолжительным, доказательства, в том числе документальные, – довольно разнообразными и нередко поддающимися проверке, свидетели могли подвергаться перекрестному допросу, а качественная правовая помощь и экспертиза были, по всей видимости, доступны не только в Риме и Италии, но и в провинциях¹⁸.

В Афинах всё было совсем иначе: процесс, даже по самому серьезному делу, должен был быть начат и окончен в один день, профессиональных экспертов в области права (собственно, юристов) не существовало¹⁹, использование объективных доказательств, по сути, сводилось к минимуму, перекрестный допрос свидетелей не практиковался.

Однако мы совершенно согласны с А. Л. Смышляевым и тогда, когда он оспаривает точку зрения тех, кто считает, что всё дело именно в техническом несовершенстве афинского суда²⁰. Сам он ставит вопрос иначе:

Точно так же можно предположить, что многие технические особенности афинского судопроизводства были, наоборот, обусловлены высокой ролью внеправовых критериев при вынесении приговоров и иным, чем у нас, представлением об истине и путях ее достижения²¹.

Бесспорно, заседания коллегий гелии в Афинах были отнюдь не только ареной сведения счетов²², но и местом, где отыскивалась истина. Но о какой

¹⁶ Смышляев А. Л. Указ. соч. С. 74. Прим. 8.

¹⁷ Там же. С. 90–91.

¹⁸ Там же. С. 91.

¹⁹ См. с объяснением причин: Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 11–12.

²⁰ Среди тех, кто так считает, например: Thür G. Op. cit.; Кудрявцева Т. В. Народный суд... С. 252.

²¹ Смышляев А. Л. Указ. соч. С. 74.

²² Хотя всё-таки имеет свой резон и парадоксальное, но меткое высказывание уже упоминавшегося Д. Коэна, согласно которому в агональном социуме (а афинское полисное об-

истине идет речь, коль скоро представление о ней было действительно иным, нежели у нас? Попробуем конкретизировать: выявлялась истина не столько о *деянии*, сколько о *личности*. Соответственно, и судили не столько деяние, сколько личность.

Какие же личные качества тяжущихся представлялись особенно привлекательными? Вот тут-то в некоторых отношениях бросается в глаза резкий контраст между афинским и римским пониманием. То, как смотрели на вещи в Риме, прекрасно показано А. Л. Смышляевым, проиллюстрировано в его статье многочисленными примерами из источников и выводами авторитетных современных исследователей. Поэтому мы в сопоставительных целях процитируем ряд его релевантных, максимально ответственных суждений.

...Моральные качества и *высокое социальное положение* (курсив в цитатах здесь и далее наш. – И. С.) производили хорошее впечатление на судей и вызывали у них *respectus dignitatis* (или *reverentia honoris*). Это могло воздействовать на характер наказания или жесткость вердикта в суде *extra ordinem* или даже на само содержание вердикта в суде любого рода... Большое значение для судей имел *престиж* (*auctoritas*) не только обвиняемых и ответчиков, но также обвинителей и свидетелей²³;

...Характер или образ жизни в представлении римлян был тесно связан с социальным положением: *boni mores*, хороший характер были не более, чем достоинства *высших сословий*²⁴;

Исход этого поединка (судебного процесса. – И. С.) определялся *престижем* (*auctoritas*) его участников²⁵;

Индивид... заслуживает доверия, когда он говорит (в суде. – И. С.), не потому, что все им сказанное правдиво, а потому, что его *положение в городской гражданской общине* исключает возможность чего-либо иного²⁶;

Отправление правосудия происходит в мире, в котором истина, когда дело спорное, является и получает признание закутанной в тяжелые шелка *престижа, привилегии* и соответственного морального поведения²⁷;

щество, безусловно, было таковым) право не является средством сглаживания конфликтов, а, напротив, служит средством их выражения (см.: *Cohen D. Demosthenes' Against Meidias and Athenian Litigation // Symposium 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 155*). Сам суд был, несомненно, разновидностью агона, во всяком случае, воспринимался именно так.

²³ Смышляев А. Л. Указ. соч. С. 76 (со ссылками на мнение П. Гарнси).

²⁴ Там же. С. 76 (это – прямая цитата из Гарнси).

²⁵ Там же. С. 77 (со ссылкой на мнение Ж.-М. Давида).

²⁶ Там же. С. 77 (также со ссылкой на Давида).

²⁷ Там же. С. 79 (цитата из работы Э. Мейер).

...Судьи должны принять во внимание *социальный статус и имущественное положение* свидетелей... Такими же критериями они должны руководствоваться, выбирая обвинителя... Судья должен сделать свой выбор, «разумеется, оценив после предварительного расследования личности обвинителей, исходя либо из их *достоинства*, либо – из того, каков их интерес, либо из возраста, нравов или из другого справедливого основания» (D. 48. 2. 16)²⁸;

В речи «За Мурену»... Цицерон отмечает, что все обвинение делится на три части: одна из них посвящена порицанию жизненного пути и образа жизни обвиняемого, вторая – *сопоставлению достоинства обвиняемого и обвинителей*, а третья – преступлению, заключающемуся в нарушении закона о домогательстве²⁹;

Интересные данные о значении для исхода судебного процесса *высокопоставленных и авторитетных «приглашенных»* можно найти у Светония³⁰;

Не меньшее влияние на ход и исход судебного процесса оказывали *также почтенные и влиятельные «хвалители»*³¹;

...Судьи должны были учитывать не только их (свидетелей. – И. С.) *престиж, социальный статус и имущественное положение*, но и наличие или отсутствие личной заинтересованности в исходе дела³²;

В судах наряду с правовыми особенностями положения каждого из протагонистов, его персональной виновностью или невиновностью принимались во внимание его *происхождение, полезные связи*, репутация, престиж и *социальный статус*³³;

Его (римского суда. – И. С.) функции заключались не только в поддержании законности и правопорядка, но и в регулировании притязаний граждан на *место в социальной и политической иерархии*³⁴;

...Богатство считалось в Афинах скорее недостатком, ...а в Риме – несомненным достоинством³⁵;

Цицерон рекомендует (обвиняемому. – И. С.) обратить их (судей. – И. С.) внимание на следующее: «...затем, если у него будет такая возможность, он расскажет, что является родственником по крови *великих людей и вождей* или же в силу давней семейной традиции (их) другом и – сколь велика его добрая воля, (а также)

²⁸ Смышляев А. Л. Указ. соч. С. 81.

²⁹ Там же. С. 82.

³⁰ Там же. С. 83.

³¹ Там же. С. 83.

³² Там же. С. 88. Обратим внимание: сама конструкция фразы у А. Л. Смышляева показывает, что «наличие или отсутствие личной заинтересованности» учитывалось все-таки только во вторую очередь, а в первую – «престиж, социальный статус и имущественное положение».

³³ Там же. С. 92.

³⁴ Там же. С. 92.

³⁵ Там же. С. 75. Прим. 11.

сколь благороден род и каков ранг тех, кто хочет, чтобы он остался невредимым, и обо всем прочем, что считают связанным с личным почетом и достоинством» (De inv. II. 107). Здесь очевиден расчет не только на влияние *высокопоставленных* заступников, но и на престиж, которым наделяет подсудимого близость с такими людьми³⁶.

Столь развернутое цитирование потребовалось нам потому, что оно четко и однозначно демонстрирует особенность, постоянно и настойчиво подчеркиваемую как самим А. Л. Смышляевым, так и западными специалистами, с которыми он справедливо солидаризуется: в Риме на исход судебного процесса весьма значительное влияние оказывали такие свойства участников тяжбы (и лиц, в том или ином качестве выступавших на их стороне), как их высокий социальный статус, принадлежность к элите, имущественное положение, престиж (*auctoritas*), достоинство (*dignitas*). Здесь-то и проходит серьезнейший «водораздел» между позицией римских и афинских судей.

* * *

Принципиальный тезис часто бывает удобно продемонстрировать на ярком, исчерпывающе характеризующем ситуацию примере. Именно такой пример приводит А. Л. Смышляев, и мы вновь последуем за ним:

По сообщениям Валерия Максима и Диона Кассия, знатный и прославленный полководец Сервилий Исаврик однажды заявил во время судебного разбирательства в *iudicium publicum*, что узнал в обвиняемом человека, который, встретив его на прогулке, не только не оказал ему подобающих почестей, но, наоборот, повел себя в высшей степени нагло. В ответ на это выступление присяжные немедленно и единогласно проголосовали за обвинительный приговор (Val. Max. VIII. 5. 6; Dio Cass. XLV. 16. 1–2). Таким образом, после выяснения морального облика подсудимого отпала необходимость разбираться в конкретных доказательствах по его делу³⁷.

Итак, в Риме данный аргумент оказался фатальным для обвиняемого. А как отреагировали бы афинские дикасты, если бы обвинитель или кто-либо из его синегоров вздумал бы привести аналогичный довод? Сразу оговорим, что в реальной жизни такое было немыслимо, и мы рассматриваем чисто теоретическую возможность. Если бы, однако, такое всё же произошло, то есть если бы в суде из уст обвиняющей (или защищающейся) стороны прозвучало, что обвиняемый недостаточно почтительно отнесся, скажем, к кому-либо из стратегов, – нет сомнения, немедленно поднялся бы знаменитый судейский

³⁶ Смышляев А. Л. Указ. соч. Прим. 76.

³⁷ Там же. С. 84.

шум (θόρυβος), тот самый, который столь красочно описал Аристофан (Vesp. 621 sqq.) устами дикаста Филоклеона:

...В самом деле, когда зашумим (θορυβήσωμεν) мы в суде,
То прохожий народ, услышав, говорит:
«Слышишь, гром-то какой раздается в суде!
Царь наш Зевс!»

Нельзя даже исключать, что в случае намерения какой-либо из тяжущихся сторон вести дело подобным образом дикасты своим криком просто прогнали бы представителей этой стороны с бемы, не дали бы им закончить свою речь (случаи такого поведения дикастов известны). И уж в любом случае аргументы о «непочтительности» оказались бы фатальными именно для этой стороны, а не для противной.

В чем, собственно, заключалось прегрешение человека, осуждения которого одним своим свидетельством добился Сервилий Исаврик? Как-то, проезжая верхом по узкой улице и встретив этого «консуляра, цензория, триумфатора», идущего пешком, он не спешил, а быстро промчался мимо. Во всяком случае, он не толкнул почтенного сенатора, об этом ничего не сообщается. А ведь надо полагать, что когда сам Исаврик и ему подобные пробирались сквозь толпу в привычной римской тесноте³⁸, частенько и они сами (точнее, слуги, несущие их лектики) довольно бесцеремонно расталкивали «чернь». Кто прав, а кто не прав – опять же определялось социальным и имущественным положением.

А вот афинская параллель к описанной ситуации, взятая из такого информативного, хоть и тенденциозного источника, как «Афинская полития» Псевдо-Ксенофонта (1. 10):

...Очень велика в Афинах распущенность рабов и метеков, и нельзя тут побить раба, и он перед тобой не посторонится. А почему существует этот местный обычай, я объясню. Если бы позволялось обычаем свободному бить раба, или метека, или вольноотпущенника, часто били бы афинянина, приняв его за раба, потому что и по одежде тут народ несколько не лучше, чем рабы и метеки, да не лучше несколько и по всему внешнему виду.

То, что сказано в цитированном пассаже о рабах, являет собой преувеличение, но один надежный вывод вполне можно сделать: свободная афинская беднота на улицах отнюдь не расступалась в стороны, когда шел аристократ, знаменитый и влиятельный гражданин, не выказывала этому гражданину каких-либо знаков почтения. А сам аристократ, конечно, мог в душе на это оби-

³⁸ О которой см. яркие, запоминающиеся замечания: *Кнабе Г. С.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. С. 365–378.

жаться, но каких-либо правовых или социально-этических механизмов, чтобы изменить положение, он не имел.

В Риме авторитетный лидер, прославленный деяниями предков, собственными заслугами, богатством, связями, мог позволить себе говорить с гражданской общиной с позиции силы. А в Афинах такой человек был вынужден говорить с согражданами, наоборот, с позиции слабости. Ведь ему приходилось иметь дело с державным демосом, который являлся воистину монархом и тираном полиса; именно так характеризует положение дел в радикальных демократиях наблюдательный Аристотель (Pol. IV. 1292a5 sqq.)³⁹.

Вот перед нами знатный и состоятельный молодой афинянин, выступающий в свою защиту, – некий Мантифей, герой одной из речей Лисия (XVI). Правда, речь произносится не в дикастерии, а в Совете Пятисот, на докимасии⁴⁰ (Мантифею выпал жребий стать одним из булевтов). Однако, во-первых, докимасия, по сути, тоже была одной из разновидностей судебного процесса, и речь Лисия всё равно относится к категории судебного красноречия, а не какого-либо иного. Во-вторых, булевты и дикасты сплошь и рядом были одними и теми же людьми, так что и аргументы, адресованные им, совершенно аналогичны.

В каком тоне обращается Мантифей к своей аудитории? Процитируем несколько фраз.

...Если я докажу вам только то, что я сторонник существующего государственного строя и что я вынужден необходимостью делить с вами одни и те же опасности, я прошу вас не ставить еще мне этого в особенную заслугу; но если не будет никакого сомнения в том, что мой образ жизни и во всех других отношениях заслуживает полной похвалы и совершенно противоположен составившемуся обо мне мнению и рассказам моих врагов, тогда я прошу вас меня одобрить при этом испытании, а их считать людьми недобросовестными (Lys. XVI. 3);

Начну с того, что, получив в наследство имущество – небольшое вследствие несчастий, постигших как моего отца, так и всю нашу родину⁴¹, двух сестер я вы-

³⁹ Подробнее см.: Суриков И. Е. Державный демос – правитель и подданный (власть и социокультурная норма в демократических Афинах V в. до н. э.) // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М., 2009. С. 79–95.

⁴⁰ О докимасиях и их значении см. интересные соображения: Rihll T. E. Democracy Denied: Why Ephialtes Attacked the Areiopagus // Journal of Hellenic Studies. Vol. 115. 1995. P. 87–98.

⁴¹ Свое состояние Мантифей явным образом преуменьшает. Сам же он выше (Lys. XVI. 4) отмечает: «Отец отправил нас на житье к Сатиру в Понт». Стало быть, у отца было достаточно денег, чтобы организовать своим детям подобную поездку, вряд ли доступную любому афинянину. Да и сам тот факт, что отец Мантифея состоял в близких отношениях не с кем иным, как с могущественным пантикапейским владыкой Сатиром I, о многом гово-

дал замуж, давши за каждой по тридцати мин приданого; а с братом мы так поделили отцовское наследство, что, по его собственному признанию, он получил из него больше меня (Lys. XVI. 10);

Так поступал я (речь идет о военных подвигах Мантифея. – *И. С.*)... с той целью, чтобы этим заслужить в ваших глазах славу доброго гражданина... (Lys. XVI. 17);

Я заметил, члены Совета, что некоторые осуждают меня еще за то, что я в такие молодые годы⁴² решился говорить перед народом. Но, во-первых, говорить публично меня заставила нужда для защиты моих личных интересов; а во-вторых, я и сам нахожу, что честолюбие развилось во мне больше, чем бы следовало; но у меня в душе живет память о том, что мои предки никогда не переставали принимать участие в общественной жизни; а к тому же я вижу (надо уж говорить правду), что вы только таких людей сколько-нибудь цените. Зная такой взгляд ваш, кто не почувствует в себе стремления делом и словом служить на благо отечества? (Lys. XVI. 20–21).

С. И. Соболевский, переведший Лисия на русский язык, дает этой речи такую характеристику: «На суде он (Мантифей. – *И. С.*) держит себя с чувством собственного достоинства, говорит в свою защиту с уверенностью... Речь его кажется несколько заносчивой; но она была естественной для молодого аристократа того времени»⁴³. Последнее суждение о «заносчивости» представляется преувеличенным; никакого особенного высокомерия в словах Мантифея не находим. Напротив, он старается подчеркнуть свою воздержность и скромность. Уж если кто-то у Лисия и ведет себя заносчиво, то это совсем другой его клиент (речь XXIV) – бедняк-калека, которого хотели было лишить государственной пенсии, а он начал бороться за ее сохранение. Вот он действительно говорит вольно, весело, с шутками и прибаутками, не сомневаясь в правоте своего дела.

Заметим, в частности, как старательно занижает Мантифей свое богатство, и вспомним в связи с этим одну из вышеприведенных мыслей А. Л. Смышляева: «...Богатство считалось в Афинах скорее недостатком, ...а в Риме – несомненным достоинством». Порой складывается даже впечатление, что в Афинах богатство считалось не «скорее» недостатком, а ярко выраженным недостатком, который нужно было либо скрывать, либо – если уж скрыть никак не удавалось – оправдываться в нем. Очень многие из тяжущихся в афинских судах были гражданами отнюдь не бедными; но если принимать на веру то, что

рит, демонстрируя, что он по своей влиятельности, безусловно, не был рядовым афинским гражданином: с кем попало боспорские тираны не стали бы дружить.

⁴² На самом деле не такие уж молодые (меньше 30 лет Мантифею быть не могло). Опять перед нами литота – риторическое преуменьшение, «гипербола наоборот».

⁴³ Соболевский С. И. [Введение к речи XVI] // *Лисий. Речи / Пер., ст. и коммент. С. И. Соболевского; предисл. Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М., 1994. С. 182.*

они говорят о себе в своих речах, то создается впечатление о них как о людях едва ли не нищенствующих. И это они ставят себе в «плюс», а не в «минус», богатство же и богачей подвергают порицанию. В Риме подобные самохарактеристики, надо полагать, не встретили бы понимания и одобрения со стороны судей.

Так, Демосфен известен человек весьма состоятельный, а в его речи против богача Мидия (XXI) «очень резко звучит критика богатства и богатых и сильны антиплутократические элементы...»⁴⁴. Исследовав причины подобного положения дел, Л. П. Маринович приходит к выводу:

...Та стратегия обвинения, к которой прибегнул Демосфен в речи «Против Мидия», была вызвана вполне определенным соображением, а именно уверенностью в том, что достигнуть успеха в деле, где его противника – богача и политика – поддерживают богатые и влиятельные граждане, можно, только пустив в ход антиплутократическую риторику, которая имела мало общего с подлинными взглядами оратора на богатство и богатых. Демосфен, хорошо знавший настроения демоса, его психологию, счел такую тактику наилучшей, решив сыграть на чувствах судей, т. е. тех же граждан⁴⁵.

Похоже, в римских условиях подобная тактика судебного оратора кажется невымыслимой.

* * *

Все те факторы личного характера, которые для римлянина на суде играли положительную роль, – происхождение, карьера, богатство, связи и т. п. – в своей совокупности создавали некое особое качество: достоинство (*dignitas*)⁴⁶. Интересно, что данная латинская лексема, похоже, не имеет адекватного соответствия в древнегреческом языке. В чисто этимологическом плане, казалось бы, таким соответствием может считаться греческое существительное *ἀξίωμα*⁴⁷, ибо оно связано с прилагательным *ἄξιος* «достойный», как *dignitas* – с *dignus* «достойный». Однако если отвлечься от этимологии, выясняется, что в плане семантическом и контекстуальном греч. *ἀξίωμα* коррелирует не с лат. *dignitas*,

⁴⁴ Маринович Л. П. Мидий и его друзья, или Демосфен против плутократов // ВДИ. №2. 1998. С. 19.

⁴⁵ Там же. С. 30.

⁴⁶ Об этой категории см. недавнее монографическое исследование: *De Filippi M. Dignitas tra repubblica e principato*. Bari, 2009.

⁴⁷ И родственное *ἀξίωσις*, к которому относится всё то, что будет сказано ниже о лексеме *ἀξίωμα*.

а с лат. *auctoritas* «авторитет, престиж», а это не одно и то же, налицо межцивилизационное смещение акцентов.

Сделанное здесь наблюдение, как нам представляется, удачно увязывается с тем фактом, что, по четкой формулировке А. Л. Смышляева, «господствующая в римском обществе аристократическая система ценностей не признавала равенства перед законом»⁴⁸. Мы выходим на одно из ключевых звеньев в цепи наших размышлений, и то, что сейчас будет сказано, позволит в дальнейшем лучше понять многое.

Хорошо известно, насколько важную роль в древнегреческих политических представлениях играл термин *ἰσωνομία*. Образованный от *ἴσος* «равный» и *νόμος* «закон», данный термин мог бы быть передан по-русски с помощью неологизма «равнозаконие». Он обозначал одновременно равенство граждан перед законом (независимо от их знатности и богатства) и равенство законов для всех.

В классическую эпоху термин «исономия» имел отчетливые демократические коннотации. В частности, в Афинах первой половины V в. до н. э. он употреблялся для обозначения тогдашней политической системы – ранней демократии, ибо слова *δημοκρατία* тогда еще не существовало⁴⁹. Однако лексему *ἰσωνομία* не следует считать исключительно демократической. В частности, родственное прилагательное *ἰσώνομος* фиксируется в позднеархаическом сколии (застольной песни) о Гармодии и Аристоклитоне (Carm. conviv. fr. 10 PMG)⁵⁰. Дело заключается в том, что первоначально концепция исономии зародилась в среде аристократии и означала, так сказать, «внутриаристократическое равенство» – в противовес претензиям отдельных представителей знати на особое положение в полисе, на царскую или тираническую власть. Уже позже демос приспособил интересующий нас термин к собственным представлениям и чаяниям.

Главное, принципиально важное заключается в том, что как для лат. *dignitas* мы не нашли греческого эквивалента, так для греч. *ἰσωνομία* мы не найдем латинского! Иными словами, ситуация противоположна. И опять-таки перед

⁴⁸ Смышляев А. Л. Указ. соч. С. 77 (со ссылкой на мнение М. Пичина).

⁴⁹ Впервые зафиксировано у Геродота (Суриков И. Е. Геродот. М., 2009. С. 6); это его словоупотребление может считаться конечным этапом некоего пути к нахождению оптимального термина. Несколько раньше в трагедии Эсхила «Просительницы» (460-е гг. до н. э.) фиксируется промежуточный этап – сближение корневых морфем *δημ-* и *крат-*. См. подробнее: Robinson E. W. The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1997. P. 46; Суриков И. Е. Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. № 1. 2002. С. 15–24.

⁵⁰ Shear T. L. *Ἰσωνόμους τ' Ἀθήνας ἐποίησάτην*: The Agora and the Democracy // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 225–248.

нами отнюдь не какая-то случайность, а закономерное явление. В связи со сказанным имеет смысл еще добавить, что, хотя с греч. ἴσος достаточно четко соотносится лат. *aequus* «равный», однако полной синонимии и на сей раз не наблюдается. Лат. *aequus*, помимо коннотаций равенства, имеет весьма отчетливые коннотации справедливости, в то время как в греч. ἴσος эти последние проявлены несравненно слабее.

Указанное обстоятельство следует связывать с наличием двух концепций равенства в греческом полисном мире. В классическую эпоху в кругах, недовольных чрезвычайной радикализацией демократии (это, как правило, были круги интеллектуалов)⁵¹, появилось учение о двух типах равенства – «арифметическом» и «геометрическом»⁵². Под первым понималось привычное нам равенство «по количеству»: все равны, и поэтому, скажем, мнение пятисот граждан заведомо одерживает верх над мнением ста граждан. Под вторым же понималось равенство «по достоинству», исходящее из того, что неравное никогда не будет равным, а поскольку люди неравны от природы, по способностям, не могут они быть равны и в государстве. На концепции «геометрического равенства» строились олигархические полисы. Но в условиях афинской демократии она оставалась лишь теоретической (и даже утопической) моделью, культивировавшейся в отдельных слоях элиты, а державный демос неукоснительно придерживался концепции «арифметического равенства», поскольку она давала ему полный перевес.

«Арифметическое равенство» в идеале вообще исключало какие-либо ценностные суждения, сравнительную оценку индивидов. Все представлялись равными просто как граждане. Разумеется, данный тезис, высказанный в столь категоричной форме, имеет в себе некоторую долю схематизма, а жизнь, как всегда, была сложнее. Так, справедливо отмечалась не очень обычная характеристика демократии в знаменитой «Надгробной речи» Перикла, произнесенной в 431 г. до н. э. и сохраненной в труде Фукидида (II. 35–46). Этому тексту посвящена колоссальная исследовательская литература⁵³; постоянно идут спо-

⁵¹ О них см.: *Ober J. Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998.*

⁵² Подробнее см.: *Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002. С. 495 сл.; Он же. К идее государства в архаической Греции // ВДИ. № 3. 2006. С. 92 сл. Х. Туманс говорит об «элитарной» и «эгалитарной» моделях равенства, но такой способ выражения не слишком удачен, поскольку «эгалитарное равенство» – тавтология, а «элитарное равенство» – *contradictio in adiecto*. Лучше пользоваться терминологией, принятой уже в античности.*

⁵³ Поэтому укажем только несколько работ о ней, вышедших в самое последнее время: *Bosworth A. B. The Historical Context of Thucydides' Funeral Oration // Journal of Hellenic Studies. Vol. 120. 2000. P. 1–16; Balot R. Pericles' Anatomy of Democratic Courage // American*

ры и о том, насколько аутентично Фукидид передал слова Перикла, но в нашем контексте этот вопрос не столь важен.

Афинский «первый гражданин», в числе прочего, говорит:

В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству (κατὰ δὲ τὴν ἀξίωσιν), поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести (ἀρετῆς). Бедность и низкое общественное положение (ἀφανεία) не мешают человеку занять почетную должность (ἀξιωματός), если он способен оказать услуги государству (Thuc. II. 37. 1).

Если внимательно вчитаться в эти строки, будет замечен один важный нюанс (кстати, в оригинале он выступает значительно отчетливее, чем в приведенном переводе Г. А. Стратановского): если в частных делах господствует принцип равноправия, то в политических – принцип достоинства. Перед лицом демоса политики, члены элиты, «лучшие» вступают друг с другом в состязание в доблести, стремясь к высокому положению в полисе. Этот агонально-элитистский дух представлений о демократии, выраженных в «Надгробной речи» Перикла, повторим, уже отмечался в историографии⁵⁴. У Фукидида он звучит еще несколько приглушенно; в гораздо более акцентированной форме мы встречаем те же идеи у Платона:

Само наше государственное устройство... является аристократией: эта форма правления почти всегда господствовала у нас, как и теперь. Одни называют ее демократией, другие еще как-нибудь – кто во что горазд, на самом же деле это *правление лучших с одобрения народа* (Menex. 238cd).

Последняя формулировка просто-таки чеканна по своей законченности. Она, а также ряд аналогичных суждений нарративной традиции порой позволяют исследователям говорить об «аристократической демократии» в классических Афинах⁵⁵. В принципе, и мы ничего не имеем против подобной постановки вопроса (во всяком случае, для V в. до н. э.)⁵⁶; ее допускал и Аристотель (Pol. V. 1308b39 sqq.).

Journal of Philology. Vol. 122. 2001. P. 505–525; Winton R. Thucydides 2, 37, 1: Pericles on Athenian Democracy // Rheinisches Museum für Philologie. Bd. 147. Ht. 1. 2004. S. 26–34.

⁵⁴ Например: Loraux N. The Invention of Athens: The Funeral Oration in the Classical City. Cambridge (Mass.), 1986. P. 192, 206.

⁵⁵ В частности, наиболее последовательно: Roberts J. T. Aristocratic Democracy: The Perseverance of Timocratic Principles in Athenian Government // Athenaeum. Vol. 64. Fasc. 3/4. 1986. P. 355–369.

⁵⁶ Ср.: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 222, 312, 316.

Однако необходимо оговорить ряд принципиальных нюансов. Во-первых, то, что мы встречаем у Перикла (Фукидида), все-таки сильно отличается от римской идеологии достоинства. Римский политик не сказал бы, что бедность и низкое общественное положение не мешают человеку занять почетную должность.

Во-вторых, в «Периклов век» еще сохранялись некоторые рудименты патерналистской парадигмы демократии, существовавшей во времена Аристиды и Кимона; в «Надгробной речи» эти элементы также нашли отражение. Впоследствии ситуация изменилась, одержали полную победу эгалитарные представления. А судебные речи, из которых мы черпаем основную массу данных о правовой и политической культуре афинян, принадлежат именно к более позднему времени – к IV в. до н. э. (самые ранние – к концу V в. до н. э.).

В-третьих, есть основание считать, что даже и приведенный пассаж из Фукидида выражает мнение автора, то есть желаемое, а не действительное. Скажем, у того же Псевдо-Ксенофонта, современника Фукидида, картина вырисовывается во многом иная. Мы не скажем, что «аристократическая демократия» – историографическая фикция. Но нельзя назвать этот аристократизм и интегральным, неотъемлемым элементом социокультурной нормы. Это не базовый принцип, а конкретно-ситуативная тактика, принятая демосом в V в. до н. э.⁵⁷ И, в конце концов, положение «власть должна принадлежать лучшим» вполне банально. Надо полагать, никогда ни в одном обществе не существовало нормы «власть должна принадлежать худшим». Кто именно считается (считает себя) лучшими – это другой вопрос.

* * *

Как бы то ни было, в Риме, в отличие от Афин, идеи «арифметического равенства» никогда не получали сколько-нибудь значительного распространения. Идеи «арифметического равенства», равенства по простому количеству. Этому препятствовало всё – от двухступенчатой системы голосования в комициях (к тому же с их разделением на цензовые классы, а также на *seniores* и *iuniores*) и тому подобных технических нюансов до особенностей менталитета, характеризовавшегося, несомненно, значительно большим почетом к лидерам, чем у греков. По остроумному замечанию У. Рансимена, греки изобрели остракизм, а римляне – триумф⁵⁸. И ведь действительно, край-

⁵⁷ О конкретно-ситуативном характере внутренней политики в Афинах V в. до н. э. см. наиболее подробно и аргументированно: *Ruschenbusch E. Athenische Innenpolitik im 5. Jahrhundert v. Chr.: Ideologie oder Pragmatismus?* Bamberg, 1979.

⁵⁸ *Runciman W. G. Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 366.*

не трудно, чтобы не сказать – невозможно, представить себе остракизм в Риме, равно как и триумф в каком-нибудь греческом полисе.

Одним словом, из двух описанных выше моделей в Риме полностью господствовала вторая, «геометрическая», предполагавшая «равенство по достоинству». Эта модель не только не исключала, но, напротив, подразумевала ценностные суждения, сравнительную оценку индивидов. На шкале этой оценки достоинство, разумеется, имело немалый вес.

Конечно, утверждать, что все представители римской политической элиты в любых трудных для них ситуациях были преисполнены горделивого и величавого чувства собственного достоинства, тоже было бы упрощением. Сразу вспоминается известное свидетельство Плутарха о том, как вел себя Цицерон, когда в силу происков Клодия над ним нависла угроза изгнания. «Оказавшись в опасности, он переменял одежду, перестал стричься и брить бороду и обходил город, умоляя народ о защите» (Plut. Cic. 30). Далее биограф сообщает о том, как оратор тщетно обращался за поддержкой к консулам, к влиятельному Помпею и т. д. (Ibid. 31).

И дело здесь думается, не только в том, что Цицерон не являлся урожденным нобилем, а был *homo novus*. Не только он, но и многие члены старинных, знатных родов, несомненно, не нашли бы в себе смелости и того самого достоинства, чтобы в тяжелую минуту повести себя так, как Сципион Африканский Старший или Метелл Нумидийский. Но все-таки такие случаи «благородного презрения к черни», даже ценой собственной карьеры, в Риме зафиксированы, что само по себе уже о чем-то говорит. А в Афинах в подобных обстоятельствах поведение, аналогичное цicerоновскому, то есть заискивание перед народом, было не только нормой, но и, кажется, инвариантом. Перикл, который, если верить Фукидиду, занимал в Афинах позицию чуть ли не фактического монарха («По названию это было правление народа, а на деле власть первого гражданина», Thuc. II. 65. 9), когда было нужно, ничтоже сумняшеся заискивал перед демосом и его представителями – дикастами. Когда судили Аспасию, «Перикл вымолил ей пощаду, очень много слез пролив за нее во время разбирательства дела... и упросив судей» (Plut. Pericl. 32). Слезы и достоинство вряд ли совместимы.

И дело даже не только в специфике афинской демократии как таковой. Так держать себя на суде, как римский нобиль, не мог себе позволить не только афинский стратег, но даже и спартанский царь! Против царей в Спарте весьма часто возбуждались судебные иски⁵⁹, и неоднократно они заканчивались осуж-

⁵⁹ Какой орган судил спартанских царей – апелла, герусия или коллегия эфоров, неясно (см. к вопросу: Печатнова Л. Г. Спартанские цари. М., 2007. С. 117 сл.). Возможно, что практиковались различные варианты.

дением. Царям приходилось оправдываться и прибегать даже к лжи (ср., например: Herod. VI. 82); ложь тоже вряд ли совместима с достоинством.

Весьма метко наблюдение того же У. Рансимена⁶⁰, согласно которому на фоне Рима любой греческий полис, даже самый олигархический, выглядел чрезмерно демократичным и эгалитарным. Ни в одном из эллинских государств не была достигнута такая степень олигархии, как в республиканском Риме или, скажем, в средневековой Венеции; нигде не удалось добиться эффективной концентрации власти в руках узкого круга замкнутой, наследственной, самовоспроизводящейся элиты. Греческая полисная идеология была в значительной степени популистской, то есть антиэлитарной.

Рансимен даже считает, что это было едва ли не главным преимуществом Рима, причиной его гораздо большей жизнеспособности по сравнению с «обремененным на вымирание»⁶¹ греческим полисом. Но вот здесь нам трудно с ним согласиться. На наш взгляд, более важным было то, что каждый греческий полис слишком уж жестко отгораживался от внешнего мира; в частности, его граждане упорно не желали ни с кем делиться гражданскими правами, в то время как римляне в этом отношении были куда более гибкими⁶².

В любом случае, Рим всё-таки тоже был полисом, как и города-государства Эллады, и его социум был социумом полисным, стало быть агональным. В частности и судебные процессы в Риме, как и в Афинах, имели существенный агональный оттенок. С этим, кажется, согласен и А. Л. Смышляев⁶³. С другой стороны, он приводит мнение Дж. Келли о том, что «их (римлян. – И. С.) отвращение к тяжбам было значительно сильнее, чем в современном обществе», и констатирует: «Выводы и наблюдения Дж. Келли убедительно аргументированы»⁶⁴.

Так ли это и можно ли на самом деле говорить об отвращении римлян к тяжбам? В таком случае выявилась бы еще одна линия, по которой их можно было бы противопоставлять афинянам: для последних, как известно, тяжбы были одним из излюбленных занятий, что стало даже одним из общих мест, топосов в античной литературе.

Но в действительности ситуация опять сложнее. Да, у римских авторов мы найдем немало мест, вроде бы свидетельствующих об отвращении к тяжбам. Но не меньше мы таких мест найдем и у афинских авторов! В том числе и

⁶⁰ *Runciman W. G. Op. cit. P. 364 ff.*

⁶¹ «Doomed to extinction» – так он и озаглавил свою статью.

⁶² Этот момент, правда, Рансимен тоже отмечает (*Runciman W. G. Op. cit. P. 348*). А совсем недавно к нему вновь привлёк внимание один из крупнейших итальянских антиковедов: *Капогресси Колоньези Л.* Античный город как город-государство: интерпретация и некоторые проблемы // ВДИ. №4. 2009. С. 27–41.

⁶³ *Смышляев А. Л.* Указ. соч. С. 93.

⁶⁴ Там же. С. 75.

у судебных ораторов, которые писали речи для этих самых тяжб – а при этом вкладывали в уста своим клиентам осуждения сутяжничества. Самый отъявленный сикофант почти обязательно уже где-нибудь в начале своего выступления высказывался в том духе, что судиться плохо и что он пошел на это только по необходимости, или из желания порадеть за полис, или по каким-нибудь подобным мотивам. Ясно, что перед нами в таких случаях – чистой воды риторика (в дурном смысле слова).

ДЕРЖАВНЫЙ ДЕМОС – ПРАВИТЕЛЬ И ПОДДАННЫЙ (ВЛАСТЬ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ НОРМА В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ АФИНАХ V В. ДО Н. Э.)*

Наверное, достаточно банально прозвучит мысль о том, что мир древнегреческих полисов был чрезвычайно пестрым и разнообразным по формам государственного устройства. Среди сотен существовавших государств полисного типа, пожалуй, нельзя было бы найти двух абсолютно одинаковых, так сказать, «полисов-близнецов»¹. Анализ рассматриваемой здесь проблематики на материале всех регионов Эллады и во все исторические периоды развития античной греческой цивилизации в рамках предпринимаемого исследования был бы заведомо невозможен по целому ряду причин. Во-первых, это потребовало бы специальной (и довольно увесистой) монографии, чего мы сейчас, конечно, не можем себе позволить; иными словами, накладывает ограничения уже сам предоставляемый нам лимит объема. Во-вторых, это потребовало бы еще и значительно более широкого и глубокого знания реалий политической жизни и политической системы всех или хотя бы большинства полисов, чем то, которым обладает не только автор этих строк, но и, наверное, любой отдельно взятый ученый-антиковед; собственно говоря, даже и само состояние источниковой базы не дает возможности свободно, ответственно и детально судить об этом самом большинстве полисов, с чем тоже приходится считаться.

Всё вышесказанное заставляет нас при разборе ситуации в Древней Греции остановиться подробно на одном-единственном примере; извиняющим обстоятельством может служить то, что пример этот, можно сказать, классический, наиболее известный (даже и неспециалисту) и имеющий особенно большое историческое значение. Речь идет о демократическом афинском полисе эпохи Перикла. Да, даже афинская демократия будет рассмотрена здесь не во всех своих хронологических рамках (507–322 гг. до н. э.)², а лишь на своем, если так

* Впервые опубликовано в: *Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти*. М., 2008. С. 67–80.

¹ Подробнее к проблеме см.: *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 67–70.

² В целом об афинской демократии см.: *Osborne R.* Demos: The Discovery of Classical Attika. Cambridge, 1985; *Mossé C.* La démocratie grecque. P., 1986; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986; *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989; *Idem.* Political

можно выразиться, самым ярком отрезке – в «Периклов век». Если бы мы шагнули на столетие позже и проанализировали с точки зрения тех же критериев, скажем, «Демосфенов век», то картина уже была бы в значительной мере иной, в том числе в связи появлением концепции «власти закона» (*nomos kyrios*), пришедшей отчасти на смену концепции «власти закона» (*demos kyrios*)³, а также благодаря принципиальным изменениям в социальном составе политической элиты⁴ и ряду других обстоятельств. Положение изменялось стремительно (что и в целом характерно для «горячего» древнегреческого социума), и проследить эти изменения в пределах краткой статьи нет никакой возможности. Более того, даже и наши наблюдения в связи с Перикловыми Афинами будут по неизбежности скорее продекларированы, чем детально аргументированы.

* * *

Отмеченные выше неоднородность, разнообразие политических условий в полисном мире уже сами по себе стали одним из важных факторов, способствовавших раннему возникновению в греческой среде интенсивной рефлекс-

Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998; *Idem*. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999; *Hansen M. H.* Was Athens a Democracy? Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought. Copenhagen, 1989; *Idem*. Die athenische Demokratie im Zeitalter des Demosthenes: Struktur, Prinzipien und Selbstverständnis. B., 1995; *Châtelet F.* Périclès et son siècle. P., 1990; *Fornara Ch. W., Samons L. J.* Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991; *Sinclair R. K.* Democracy and Participation in Athens. Cambridge, 1991; *Stockton D.* The Classical Athenian Democracy. Oxf., 1991; *Kagan D.* Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N. Y., 1991; *Sagan E.* The Honey and the Hemlock: Democracy and Paranoia in Ancient Athens and Modern America. Princeton, 1991; *Davies J. K.* Democracy and Classical Greece. 2 ed. Cambridge (Mass.), 1993; *Sealey R.* Demosthenes and his Time: A Study in Defeat. Oxf., 1993; *Bleicken J.* Die athenische Demokratie. 2 Aufl. Paderborn, 1994; *O'Neil J. L.* The Origins and Development of Ancient Greek Democracy. Lanham, 1995; *Levi M. A.* Pericle e la democrazia ateniese. Milano, 1996; *Welwei K.-W.* Das klassische Athen: Demokratie und Machtpolitik im 5. und 4. Jahrhundert. Darmstadt, 1999; *Hornblower S.* The Greek World 479–323 BC. 3 ed. L.; N. Y., 2002. Мы перечислили только важнейшие монографические исследования, да и среди них лишь те, которые вышли относительно недавно. В целом литература об афинской демократии – одном из самых востребованных сюжетов в мировом антиковедении – практически необъятна.

³ *Cohen D.* The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 227–244; *Piérart M.* Du règne des philosophes à la souveraineté des lois // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 249–268.

⁴ *Mossé C.* La classe politique à Athènes au IVème siècle // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 67–77.

сии по поводу форм государственного устройства. Пестроту этих форм старались систематизировать, уложить в четкие рамки тех или иных классификаций. Кажется, первую из этих классификаций (и в то же время, пожалуй, наиболее удобную) встречаем в труде Геродота (III. 80–82), в знаменитых дебатах, якобы имевших место между тремя персами – Дарием, Отаном и Мегабизом. «Отец истории» выделяет три формы – монархию, олигархию и демократию. В дальнейшем его классификация подвергалась различным модификациям целым рядом мыслителей (Платоном, Аристотелем, Полибием); в основном изменения заключались во внесении оценочных (и тем самым субъективных) суждений: о «правильных» и «неправильных» формах и т. п. Их теории стали достоянием прошлого, а вот классификация Геродота выдержала проверку временем и применялась в государственведческой литературе много спустя после окончания античной эпохи, даже еще в XX веке⁵.

И это, наверное, не удивительно. Огромное достоинство данной классификации, отличающее ее от всех прочих возможных, заключается в том, что она с предельной четкостью и ясностью ставит в качестве главного критерия различения государственных форм вопрос о том, кто является носителем верховной власти: одно лицо (монархия), ограниченная группа лиц (олигархия) или весь коллектив граждан (демократия). Критерий выбран действительно совершенно верный, и ничего лучшего, думается, просто нельзя измыслить. Заметим кстати, что последовательное применение этого критерия к реалиям самых различных эпох позволяет зачастую установить несоответствие между формой и содержанием, обычно не замечаемое (т. е. когда монархией называют государство, в котором верховная власть фактически не принадлежит одному лицу; когда система, называемая демократией, на деле сводится к контролю над всеми делами некоего круга лиц и т. п.). Если мы правильно понимаем, именно это (по крайней мере, отчасти) имеют в виду ответственные редакторы книги, говоря о противоречиях и псевдопротиворечиях между социокультурными нормами или внутри оных.

В классических Афинах, которые мы здесь рассматриваем, как известно, существовала демократия – хронологически не самая первая в античном мире⁶, но, несомненно, ставшая самой развитой, сильной и яркой, а также самой стабильной и долговечной. Демократическое устройство установилось в ходе реформ Клисфена в конце VI в. до н. э.⁷, а в дальнейшем, на протяжении первой

⁵ Как, например, в замечательной книге Л. А. Тихомирова «Монархическая государственность».

⁶ О более ранних, чем афинская, демократиях в греческом мире, см.: *Robinson E. W. The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1997.*

⁷ О важнейших факторах, способствовавших возникновению клисфеновской демократии, см.: *Суриков И. Е. Античная Греция... С. 270 сл.*

половины следующего столетия, усилиями ряда политических лидеров (Фемистокла, Эфиальта, Перикла) эволюционировало в сторону большей радикализации⁸; приблизительно к 450 г. до н. э. оно достигло «апогея», стадии наибольшей законченности – это и есть знаменитый «Периклов век».

При этом интересно отметить, что как перечисленные вожди, так и практически все остальные видные деятели демократии на рассматриваемом хронологическом отрезке по происхождению принадлежали к слоям высшей знати. Такая ситуация – демократия при аристократическом лидерстве – сохранялась в продолжение почти всего V в. до н. э. (вплоть до Пелопоннесской войны, до появления «новых политиков»⁹) и сама по себе представляется парадоксальной, требующей определенного осмысления.

Мы в связи с этим в другом месте¹⁰ рискнули высказать тезис о двоевластии, «диархии», имевшей место в афинском полисе в этот период, о некоем неустойчивом равновесии между двумя носителями властных полномочий – демосом и аристократией. Но в любом случае, конечно, нужно оговорить, что само существование диархии зависело всецело от воли демоса. Просто последний до определенного момента, будучи неспособен выдвинуть компетентных руководителей государства из собственной среды, вынужденно обращался к услугам аристократов, но при этом держал всё их поведение под своим надежным контролем – и избавился от них, как только в них отпала надобность¹¹. В любом случае описанная ситуация не могла не вносить некоторые нюансы и обертоны в соотношение формализованного и неформального элементов социокультурной нормы, касающейся отношений власти, не могла не порождать дополнительные (псевдо)противоречия, в чем у нас еще будет случай убедиться при анализе некоторых релевантных текстов.

В любом случае демократия в классических Афинах была реальной – пожалуй, более реальной, нежели где-либо и когда-либо в мировой истории¹². В связи с этим в роли верховного, ничем не ограниченного правителя государства выступал демос, коллектив граждан, действовавший на политической арене в форме народного собрания (эκκλησίας) – органа власти, являвшегося не просто высшим, но единственным абсолютно полномочным, которому были

⁸ Основные вехи этого процесса см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 20–28.

⁹ О которых см.: Connor W. R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971.

¹⁰ Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 314 сл.

¹¹ Ср.: Фролов Э. Д. Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 6–22.

¹² Суриков И. Е. Классическая афинская демократия: «свет и тени народовластия» // Проблемы антиковедения и медиевистики. Вып. 2. Нижний Новгород, 2006. С. 29 сл.

подотчетны все остальные государственные институты¹³. Исключением в отдельные периоды являлась гелиея (суд присяжных), которая отчета экклесии не давала и даже, напротив, в некоторых случаях ограничивала ее prerogatives. Но здесь как раз нет противоречия, поскольку, как нам уже доводилось показывать¹⁴, гелиея, в сущности, не была отдельным органом, а мыслилась как судебная «ипостась» той же экклесии.

Итак, в рамках общей тематики книги под «правителем» приходится в данном случае понимать не кого иного (или не что иное), как сам державный афинский демос. Допустима ли в принципе подобная постановка вопроса, коль скоро демос – понятие деперсонифицированное? Нам представляется, что все-таки допустима, особенно если исходить из большой нетипичности по меркам мира древних цивилизаций древнегреческой полисной государственности в целом и конкретной афинской государственности *a fortiori*.

Формулировки, из которых исходим мы, встречаем, в частности, у такого строгого мыслителя, как Аристотель (Pol. IV. 1292a5 sqq.). Вот что пишет он по поводу крайней демократии, при которой «верховная власть принадлежит не закону, а простому народу», т. е. того самого типа демократии, который существовал в Афинах до реформ конца V в. до н. э. Протицируем пассаж *in extenso*:

Народ становится тогда единодержавным (*monarchos*), как единица, составленная из многих: верховная власть принадлежит многим, не каждому в отдельности, но всем вместе... В этом случае народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в данном случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию; поэтому и характер у них один и тот же: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами; постановления (*psephismata*) такой демократии имеют то же значение, что в тирании распоряжения (*epitagmata*). Да и демагоги и льстецы, в сущности, одно и то же или, во всяком случае, схожи друг с другом; и те и другие имеют огромную силу – льстецы у тиранов, демагоги у описанной нами демократии.

Сравнение демократии, как она здесь изображена (а изображение это является весьма точным) с монархией, даже если считать его лишь развернутой метафорой, как представляется, имеет полное право на существование. Во вся-

¹³ Об афинской экклесии см. ряд в высшей степени фундированных трудов М. Хансена: *Hansen M. H. The Athenian Ecclesia: A Collection of Articles 1976–1983. Copenhagen, 1983; Idem. The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987; Idem. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989.*

¹⁴ *Суриков И. Е. Некоторые проблемы истории афинской гелиеи // Древнее право. № 2 (16). 2005. С. 8–20.*

ком случае, демос у Аристотеля имеет все черты, так сказать, коллективной личности¹⁵. А поскольку в условиях полисной демократии демос неизбежно оказывается одновременно в роли не только власти, но и подвластного, вполне закономерно, что в той же аристотелевской «Политике» заметное место занимает обсуждение диалектического соотношения между властвующими (archontes) и подвластными (archomenoi).

* * *

На фоне этой типично полисной диалектики не столь уж значимыми, в ряде случаев даже и просто мнимыми оказываются разного рода противоречия и псевдопротиворечия в социокультурной норме; свидетельства о них без труда можно обнаружить в источниках, и свидетельства эти, на первый взгляд, говорят о многом. Так ли это в действительности? Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо рассмотреть самые важные релевантные тексты.

Особенно известен и, можно сказать, просто знаменит пассаж Фукидида из его характеристики Перикла (II. 65. 8–9):

...Перикл, как человек, пользовавшийся величайшим уважением сограждан за свой пронизательный ум и несомненную неподкупность, управлял гражданами, не ограничивая их свободы, и не столько поддавался настроениям народной массы, сколько сам руководил народом. Не стремясь к власти неподобающими средствами, он не потворствовал гражданам, а мог, опираясь на свой авторитет, и резко возразить им... *По названию это было правление народа, а на деле власть первого гражданина.*

Последнюю, выделенную у нас курсивом фразу сплошь и рядом принимают за чистую монету и цитируют как доказательство того, что в Афинах V в. до н. э. в действительности была «управляемая демократия»¹⁶. Переводя подобного рода дискурс в терминологическую форму, принятую в настоящей книге, получаем, что имеет место «псевдопротиворечие между формализованным основным и неформальным дополнительно-чрезвычайным уровнями нормы»: в целом признается нормативность демократии, но в данных конкретных условиях (наличие гениального лидера) считается возможным фактическая власть одного лица. Такое лицо часто обозначается в источниках как «простат демо-

¹⁵ О коллективной личности, «социальной личности» в общефилософском аспекте см.: Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. М., 1992. С. 1 сл. (трактат «О личности»).

¹⁶ Ср. уже название одной из лучших книг о Перикле: *Homo L. Péricle: Une expérience de démocratie dirigée*. P., 1954.

са» – статус неофициальный, но чрезвычайно влиятельный. Простаты бывали и до Перикла (Клисфен, Фемистокл, Кимон).

Однако на самом деле ситуация значительно сложнее, чем может показаться. Прежде всего, не нужно считать здесь мнение Фукидида корректным отражением общепринятой нормы. Перед нами – его личное субъективное мнение. Великий историк Пелопоннесской войны и в целом не был таким абсолютно объективным и беспристрастным ученым, который «добру и злу внимает равнодушно» и пишет *sine ira et studio*, каким его почти однозначно представляла историография вплоть до относительно недавнего времени. На деле он был автором, при всей своей добросовестности, весьма тенденциозным¹⁷. А его отношение к Периклу¹⁸ было уже и совсем эмоционально окрашенным. Последний в глазах Фукидида был воплощением образцового, непревзойденного государственного деятеля, что уже само по себе влекло определенную идеализацию. Так и в процитированном месте: историк скорее выдавал желаемое (им) за действительное, нежели констатировал реальный факт. Кстати, и само это место оказывается куда менее однозначным, если читать последнюю фразу о «власти первого гражданина» не изолированно, а в данном перед ней контексте.

Но в любом случае для нас важны не мнения, а факты. А факты эти таковы: как только державный демос пожелал отстранить Перикла от власти, такое отстранение не составило ровно никакого труда. Народное собрание лишило многолетнего лидера государства всех полномочий; более того, он был отдан под суд и приговорен к крупному штрафу¹⁹. Сограждан не остановило даже то, что шла уже Пелопоннесская война, а в военных условиях единоначалие в принципе гораздо более оправданно, чем в мирных. Впоследствии демос, смилостивившись, восстановил Перикла в должности стратега, но прежнего влияния тот уже не достиг.

И где же здесь единоличная власть «первого гражданина»? Подчеркнем самым решительным образом: Перикл оставался таковым, занимал положение простата только до тех пор, пока демос позволял ему это делать. Причем данный инцидент – не исключение, а вполне типичный случай. Пожалуй, почти нельзя назвать среди виднейших политических лидеров афинской демократии, среди пресловутых простатов демоса такого, который в какой-то момент своей

¹⁷ Что на ряде важных примеров исключительно удачно показано в книге: *Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia*. Baltimore, 1993. Ср. нашу рецензию (ВДИ. №3. 1996. С. 197–201).

¹⁸ Ставшее совсем недавно предметом предельно тщательного анализа в фундаментальной монографии: *Will W. Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn, 2003. Ср. нашу рецензию (ВДИ. №3. 2006. С. 214–220).

¹⁹ Подробнее о событиях см.: *Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии...* С. 205 сл.

политической карьеры не оказался бы в опале²⁰. Судя по всему, афинские граждане были просто органически не в состоянии переносить, чтобы какой-нибудь государственный деятель в течение длительного времени находился у власти. Институт простата отнюдь не был интегральным и обязательным элементом политической системы классической демократии; последняя вполне могла обходиться (и часто действительно обходилась) вообще без каких бы то ни было простатов.

Здесь мы выходим на еще одно (псевдо)противоречие в социокультурной норме, касавшейся властных отношений. Осветим его с помощью нескольких цитат из источников. У того же Фукидида (II. 35–46) приводится «Надгробная речь» Перикла, произнесенная в 431 г. до н. э. Этому тексту посвящена колоссальная исследовательская литература²¹, и не случайно. Перед нами памятник колоссального значения, главный документ идеологии афинской демократии, воплотивший эту идеологию в наиболее развернутой форме. Постоянно идут споры и о том, насколько аутентично Фукидид передал слова Перикла, но в нашем контексте этот вопрос не столь важен.

Перикл, в частности, говорит:

В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести. Бедность и низкое общественное положение не мешают человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству (Thuc. II. 37. 1).

Если внимательно вчитаться в эти строки, будет замечен один важный нюанс (кстати, в оригинале он выступает значительно отчетливее, чем в приведенном переводе Г. А. Стратановского): если в частных делах господствует принцип равноправия, то в политических – принцип достоинства. Перед лицом демоса политики, члены элиты, «лучшие» вступают друг с другом в состязание в доблести, стремясь к высокому положению в полисе. Этот агонально-элитистский дух представлений о демократии, выраженных в «Надгробной

²⁰ Подробнее, с разбором всех конкретных случаев, см.: *Knox R. A.* «So Mischievous a Beast»? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // *Greece & Rome*. Vol. 32. No. 2. 1985. P. 132–161.

²¹ Поэтому укажем только несколько работ о ней, вышедших в самое последнее время: *Bosworth A. B.* The Historical Context of Thucydides' Funeral Oration // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 120. 2000. P. 1–16; *Balot R.* Pericles' Anatomy of Democratic Courage // *American Journal of Philology*. Vol. 122. 2001. P. 505–525; *Winton R.* Thucydides 2, 37, 1: Pericles on Athenian Democracy // *Rheinisches Museum für Philologie*. Bd. 147. Ht. 1. 2004. S. 26–34.

речи» Перикла, уже отмечался в историографии²². У Фукидида он звучит еще несколько приглушенно; гораздо более акцентированы те же идеи у Платона (Menex. 238cd):

Само наше государственное устройство... является аристократией: эта форма правления почти всегда господствовала у нас, как и теперь. Одни называют ее демократией, другие еще как-нибудь – кто во что горазд, на самом же деле это *правление лучших с одобрения народа*.

Последняя формулировка просто-таки чеканна по своей законченности. Она, а также ряд аналогичных суждений нарративной традиции порой позволяют исследователям говорить об «аристократической демократии» в классических Афинах²³. В принципе, и мы ничего не имеем против подобной постановки вопроса (во всяком случае, для V в. до н. э.)²⁴; ее допускал и Аристотель (Pol. V. 1308b39 sqq.).

Но сейчас для нас важно вот что: предполагает ли этот концепт «аристократической демократии» наличие, пользуясь принятой в книге терминологией, «псевдопротиворечия внутри основной открытой/формализуемой нормы»? На первый взгляд, именно так оно и есть: демос «царствует, но не управляет», он считается верховным абсолютным правителем, а реальная административная власть находится в руках элиты, занимающей все государственные должности, и это ни для кого не секрет.

Но на самом деле всё опять же оказывается сложнее: приведенные пассажи выражают мнение их авторов, то есть желаемое, а не действительное. Более трезво смотрел на вещи анонимный писатель, известный как Псевдо-Ксенофонт, автор публицистического памфлета «Афинская политика», появившегося в 420-х гг. до н. э. (не путать с «Афинской политией» Аристотеля). Это без преувеличения один из крупнейших политических мыслителей своего времени, обладавший умом беспощадно-реалистичным, вплоть до цинизма. Убежденный противник демократии²⁵, свободный от каких бы то ни было иллюзий по ее поводу, Псевдо-Ксенофонт в данном случае может считаться сторонним и потому более объективным, чем кто-либо, наблюдателем.

²² Например: Loraux N. The Invention of Athens: The Funeral Oration in the Classical City. Cambridge (Mass.), 1986. P. 192.

²³ В частности, наиболее последовательно: Roberts J. T. Aristocratic Democracy: The Perseverance of Timocratic Principles in Athenian Government // Athenaeum. Vol. 64. Fasc. 3/4. 1986. P. 355–369.

²⁴ Ср.: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 222, 312, 316.

²⁵ Строго говоря, взгляды Псевдо-Ксенофонта несколько сложнее (см. в дискуссионном духе: Туманс Х. Псевдо-Ксенофонт – «старый олигарх» или демократ? // ВДИ. № 3. 2004. С. 14–27). Мы здесь рассматриваем сугубо антидемократические пассажи его трактата.

Вот какое объяснение предлагает он отмеченному выше «разделению власти» между демосом и знатными лидерами:

Таких должностей, которые приносят спасение, если заняты благородными людьми, и подвергают опасности весь вообще народ, если заняты неблагородными, – этих должностей народ вовсе не добивается; он не находит нужным получать по жребию должности ни стратегов, ни гиппархов²⁶. И правда, народ понимает, что получает больше пользы, если эти должности не исправляет сам, а предоставляет их исправлять наиболее могущественным людям. Зато он стремится занимать те должности, которые приносят в дом жалование и доход (Ps.-Xen. Ath. pol. 1. 3).

Здесь очень точно подмечены причины пресловутой диархии: как и нам приходилось отмечать выше, она существовала всецело по воле демоса, считавшего такое положение вещей более полезным *для себя*. Мы никак не скажем, что «аристократическая демократия» – историографическая фикция. Но нельзя назвать этот аристократизм и интегральным, неотъемлемым элементом социокультурной нормы. Это не базовый принцип, а конкретно-ситуативная тактика, принятая демосом²⁷. И в конце концов, положение «власть должна принадлежать лучшим» вполне банально. Надо полагать, никогда ни в одном обществе не существовало нормы «власть должна принадлежать худшим». Кто именно считается (считает себя) лучшими – это другой вопрос.

Итак, приходится констатировать, что в демократических Афинах V в. до н. э. мы не находим противоречий в социокультурной норме, касающейся властных отношений. Даже и рассмотренные выше псевдопротиворечия на поверку оказываются мнимыми. Их наличие признавалось в системе взглядов, характерных для определенной части общества, для элиты, но не она была решающей силой. Таковой являлся державный демос, который был и правителем, и подданным, одновременно и диктовал нормы, и подчинялся им.

* * *

Исходя из вышесказанного, далее будет рассмотрен ряд конкретных вопросов. Реальная власть державного демоса в полисе выражалась в том, что он в лице экклесии являлся верховной и последней инстанцией по всем, абсолютно всем вопросам государственной жизни. Не было никакого ограничения пол-

²⁶ Именно поэтому стратеги и гиппархи, в отличие от подавляющего большинства других должностных лиц, избирались в Афинах не жребием, а голосованием (Arist. Ath. pol. 61. 1–3).

²⁷ О конкретно-ситуативном характере внутренней политики в Афинах V в. до н. э. см. наиболее подробно и аргументированно: Ruschenbusch E. Athenische Innenpolitik im 5. Jahrhundert v.Chr.: Ideologie oder Pragmatismus? Bamberg, 1979.

номочий экклесии законом или обычаем²⁸; не было никакого дела, большого или малого, которое находилось бы за пределами ее компетенции, которое она не могла бы рассмотреть и принять по нему общеобязательное решение. Псефисма (постановление народного собрания) автоматически приобретала силу закона²⁹. Разумеется, иметь определенный набор властных полномочий и реально, регулярно пользоваться всеми компонентами этого набора – не одно и то же. Неверным было бы считать, что экклесия постоянно занималась разными мелочами вроде споров между отдельными лицами по имущественным вопросам, элементарных вопросов поддержания порядка и т. п. Но теоретически она была вполне вправе это делать, если возникало такое желание. Скажем, для выполнения судебных функций имела отдельная инстанция – гелиея. Тем не менее, если экклесия по какой-либо причине желала сама рассмотреть то или иное судебное дело, именно она это и делала (см. примеры: Herod. VI. 136; Xen, Hell. I. 7). В подобной ситуации даже трудно говорить о различении между ординарными и чрезвычайными полномочиями; в сущности, его не было.

Что определяло право державного демоса на его властное положение? Прежде всего концепция исономии – равенства всех граждан перед законом. Это понятие, насколько можно судить, появилось еще в архаическую эпоху, первоначально в аристократической среде, и маркировало равенство аристократов друг с другом. В ходе клисфеновских реформ конца VI в. до н. э. оно было распространено на весь гражданский коллектив. Собственно, это и означало рождение афинской демократии. Впрочем, самого термина «демократия» еще некоторое время не было³⁰, и для обозначения новой политической системы первоначально применялся именно термин «исономия». К эпохе Перикла принцип исономии как полного политического равенства достиг максимального развития.

Естественно, в условиях такого равенства безусловное преобладание получало чисто количественное большинство. Власть демоса именно и трактовалась как власть этого большинства. Таким образом, право на нее определялось простым численным превосходством, которое не могло не выявляться при лю-

²⁸ Hansen M. H. Was Athens... P. 20.

²⁹ В IV в. до н. э. ситуация изменилась, понятия псефисмы и закона были разведены. См.: Суриков И. Е. Изменения в афинских законах в V в. до н. э. (на примере закона об остракизме) // Древнее право. № 1 (11). 2003. С. 8 сл.

³⁰ Еще у Эсхила – автора первой половины V в. до н. э. – самого слова «демократия» мы не встречаем, но – в качестве первого шага к формированию этого понятия – несколько раз имеет место сближение морфем *dem-* и *krat-*. См.: Ehrenberg V. Polis und Imperium. Zürich, 1965. S. 266 ff.; Суриков И. Е. Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. № 1. 2002. С. 18. Уже у авторов второй половины того же столетия (Геродота, Псевдо-Ксенофонта) термин «демократия» начинается появляться.

бом голосовании. По афористичной формулировке Аристотеля (Ath. pol. 9. 1), «раз народ владычествует в голосовании, он становится властелином в государстве». Кроме того, как пронизательно замечает Псевдо-Ксенофонт (Ath. pol. 1. 2), «справедливо в Афинах бедным и простому народу пользоваться преимуществом перед благородными и богатыми по той причине, что народ-то как раз и приводит в движение корабли и дает силу государству». Таким образом, речь идет еще и о банальном превосходстве в силе.

В кругах, недовольных таким положением дел, то есть антидемократически настроенных (это, как правило, были круги интеллектуалов)³¹, данная концепция равенства подвергалась критике. Появилось учение о двух типах равенства – «арифметическом» и «геометрическом»³². Под первым понималось привычное нам равенство «по количеству»: все равны, и поэтому, скажем, мнение пятисот граждан заведомо одерживает верх над мнением ста граждан. Под вторым же понималось равенство «по достоинству», исходящее из того, что неравное никогда не будет равным, а поскольку люди не равны от природы, по способностям, не могут они быть равны и в государстве. На концепции «геометрического равенства» строились олигархические полисы. Но в условиях афинской демократии она оставалась лишь теоретической (и даже утопической) моделью, культивировавшейся в отдельных слоях элиты, а державный демос неукоснительно придерживался концепции «арифметического равенства», поскольку она давала ему полный перевес.

Каким путем право демоса на власть могло быть утрачено? Если говорить о легальных путях, то только одним способом: через решение самого демоса. Подобная постановка вопроса может показаться парадоксальной: кто же будет принимать решение о лишении власти самого себя? Однако на протяжении V в. до н. э. в Афинах события дважды развивались именно таким образом. Это было в ходе так называемых олигархических переворотов 411 и 403 гг. до н. э.³³

³¹ О них см.: Ober J. Political Dissent...

³² Подробнее см.: Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002. С. 495 сл.; Он же. К идее государства в архаической Греции // ВДИ. № 3. 2006. С. 92 сл. Х. Туманс говорит об «элитарной» и «эгалитарной» моделях равенства, но такой способ выражения не слишком удачен, поскольку «эгалитарное равенство» – тавтология, а «элитарное равенство» – *contradictio in adiecto*. Лучше пользоваться терминологией, принятой уже в античности.

³³ Из новой литературы об этих переворотах см.: Lehmann G. A. Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr. Opladen, 1997; Bleckmann B. Athens Weg in die Niederlage: Die letzten Jahre des Peloponnesischen Kriegs. Lpz., 1998; Hefner H. Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v. Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen. Frankfurt a. M., 2001.

Оба раза ликвидация демократии и установление олигархического режима свершались бескровным, вполне мирным путем: экклесия, собравшись, принимала соответствующее постановление. В первом случае это случилось в обстановке жесткого внутри- и внешнеполитического кризиса вскоре после катастрофического поражения афинского флота на Сицилии, во втором – под прямым нажимом Спарты, победившей в Пелопоннесской войне, то есть, в сущности, не добровольно, но тем не менее вполне легитимно, поскольку, как отмечалось выше, правовых ограничений у афинской экклесии не существовало, и она могла принять любое решение, в том числе и о роспуске самой себя.

Впрочем, строго говоря, официального роспуска как такового не происходило. Просто экклесия модифицировалась в сторону уменьшения, исключая из своего состава большую часть членов и оставляя в рядах полноправных граждан лишь лиц достаточно зажиточных. Кстати, интересно отметить, что как раз свержение олигархии и реставрация демократии произошли в обоих случаях не законным, а чисто вооруженным путем. Демос вначале передавал власть в руки олигархов, а потом начинал воспринимать их как узурпаторов и лишал их этой власти.

* * *

В чем выражалась и как воспроизводилась норма в условиях афинской демократии V в. до н. э.? Ответ может быть только один: исключительно посредством упоминавшихся выше псефисм (декретов), то есть постановлений народного собрания, принятых общим голосованием³⁴. Псефисма, обретая законную силу, становилась обязательной к исполнению для всех. Прекратиться ее действие могло двояким путем: либо сама экклесия принимала новую псефисму, отменявшую предыдущую³⁵ (впрочем, такие случаи были не столь уж часты), либо отмена осуществлялась гелиеей, по процедуре *graphe paranomon*

³⁴ В целом о псефисмах (на общегреческом материале) см.: *Rhodes P. J., Lewis D. M. The Decrees of the Greek States. Oxf., 1997.*

³⁵ Наиболее характерный пример описан Фукидидом (III. 36–49) и относится к первым годам Пелопоннесской войны. Подавив восстание Митилены, афиняне на народном собрании решали участь населения мятежного города. Вначале под влиянием эмоций было принято крайне суровое постановление: всех взрослых мужчин казнить, детей и женщин продать в рабство, то есть ликвидировать Митилену как полис. Но уже на следующий день наступило некоторое отрезвление. Была повторно созвана экклесия, вопрос горячо дебатировался, и в конце концов было решено смягчить наказание. Но первая псефисма была накануне уже отправлена кораблем в Митилену, афинскому полководцу Пахету, который должен был приводить приговор в исполнение. И далее у Фукидида следует захватывающая история о том, как афиняне немедленно снарядили корабль для доставки второй псефисмы, как гребцы, не жалея сил, делали всё, чтобы успеть вовремя, и как им это удалось.

(«обвинение в противозаконии»)³⁶, если кем-либо из граждан вчинялся иск о том, что принятое постановление противоречит существующему законодательству, и этот иск судьи-присяжные признавали правомерным.

К сказанному необходимы две оговорки. Во-первых, процедура *graphe paranomon* стала более или менее активно применяться лишь с самого конца V в. до н. э., а пик ее употребления приходится уже на следующее столетие (что связано с изменением общего характера политической жизни³⁷), которым мы здесь специально не занимаемся. Во-вторых, в любом случае гелиея, как считалось, репрезентативно представляла тот же самый афинский демос.

Таким образом, державный демос обладал априорным приоритетом по отношению к норме. Он волен был менять ее по своему усмотрению, отменять или вводить те или иные ее компоненты. Ограничений на сей счет, повторим, не существовало – ни формально-юридических, ни неформальных. Демос в V в. до н. э. стоял, бесспорно, выше закона.

Соответственно, с позиции самого демоса, он (демос), в сущности, не мог совершать «дурных» или «хороших» поступков. С этой точки зрения прекрасным и справедливым оказывалось всё, что было постановлено демосом. Разумеется, сказанное не исключает наличия и иных точек зрения на данный предмет. В тех или иных кругах элиты действия демоса вполне могли подлежать осуждению. Но в условиях, когда любой вопрос решался простым большинством голосов, то есть тем же демосом, мнения, противоречащие этому большинству, оказывались фактически на положении «диссидентских» и не более того, то есть реального влияния на положение дел не оказывали.

Интересен в связи с этим вопрос, какой характер могла приобретать критика демоса. Это отнюдь не были «увещевания правителя, совершающего неверные действия». Таких увещеваний мы, можно сказать, не найдем. Если взять такой показательный текст, как неоднократно упоминавшаяся выше «Афинская полития» Псевдо-Ксенофонта, увидим, что автор меньше всего на свете озабочен мыслью увещевать демос. Общий настрой трактата совершенно иной: демократия как таковая – строй крайне дурной, но в Афинах этот дурной строй функционирует (по его меркам) эффективно. Это в чистом виде позиция отстраненного наблюдателя, что-то вроде «мне не нравится то, что они делают, но пусть делают что хотят».

³⁶ О *graphe paranomon* см. наиболее подробно: *Hansen M. H. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals. Odense, 1975.*

³⁷ *Mossé C. De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. Vol. 7. 1985. P. 9–18.*

Уже отмечалось в литературе, что «в Афинах не происходило конструктивных дебатов по поводу демократии... Не было открытого обсуждения ее проблемных сторон и предложений по ее улучшению... У демократии и ее критиков не было точек соприкосновения»³⁸. Крупнейшие представители политической мысли по отношению к реально существовавшей демократии занимали позицию неприятия, причем неприятия полного и безоговорочного: отвергали не те или иные отдельные недостатки этой системы, предлагая их исправить, а всю систему как целое, полагая ее в принципе порочной и неисправимой. В подобных условиях не могло быть речи о каких-либо увещеваниях, да и вообще о каком-либо диалоге. Демократия и ее критики существовали как бы в разных плоскостях, причем последние – в плоскости заведомо маргинальной. А державный демос шел своим путем... Впрочем, собственно в «Периклов век» оппозиция была минимальной. Пока Афины получали колоссальные доходы в виде фороса, поступавшего от союзников, практически все граждане были более или менее удовлетворены. В ту пору в полисе «не было олигархов», по остроумному, хотя, может быть, и несколько утрированному суждению одного из ведущих современных антиковедов³⁹.

Такого рода критика (если она не сопровождалась практическими действиями подрывного характера) воспринималась демосом, в общем, терпимо, а говоря еще точнее, попросту безразлично. Она не считалась ни желательной, ни нежелательной; в сущности, на нее не обращалось какого-то специального внимания. Демос не делал для себя никаких выводов из критики со стороны оппозиционеров (да и какие выводы можно сделать из тотальной критики?); справедливости ради необходимо отметить, что он по большей части не делал и никаких «оргвыводов» в отношении самих критиков. В Афинах V в. до н. э. скорее уж можно было пострадать за пренебрежение, скажем, к богам, чем к демосу. Сократ на протяжении не одного десятилетия, отнюдь не таясь, во всех общественных местах полиса последовательно и жестко оспаривал в своих беседах базовые принципы прямого народовластия (правление непрофессионалов, постоянное применение ротационных жеребьевок и др.), а осужден в конце концов был за нетрадиционную религиозность.

Демос просто не относил критику к себе. По отношению к каждому отдельно взятому гражданину, даже к должностным лицам самого высокого ранга (и даже преимущественно по отношению к последним) допускалась и регулярно проводилась максимально строгая и нелицеприятная оценка, причем в роли «цензора» выступал демос⁴⁰. Для самого же демоса «цензора» не было.

³⁸ Туманс Х. Псевдо-Ксенофонт... С. 24.

³⁹ Badian E. The Ghost of Empire. Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 81.

⁴⁰ Ср.: Cohen D. Op. cit. S. 242–244.

Его действия – в рамках демократической идеологии – стояли выше оценки, не подлежали ей, выводились из-под нее. Вот как обращается к своей аудитории герой одной из комедий Аристофана (Ach. 515 sqq.):

Ведь среди нас – речь не о целом городе,
Запомните, речь не о целом городе –
Людишки есть негодные, беспутные,
Бесчестные, фальшивые, доноскики.

Обратим внимание на то, как акцентированно приходится драматургу оговаривать, что упреки адресуются им не всему городу, т. е. не всему демосу, а лишь отдельным лицам. Выводясь из-под критики, демос тем самым выводился и из-под любой ответственности за совершаемые им действия. В случае если народным собранием принималось неверное решение, повлекшее негативные последствия, и это затем становилось ясным, то наказанию подлежал тот гражданин, который инициировал принятие соответствующего постановления. Виновником считался он и только он. В таких случаях проводился специальный процесс по обвинению в «обмане народа»⁴¹. Не ставилось вопросов ни о том, действительно ли имел место сознательный обман, ни о том, почему же сам демос позволил себя обмануть.

Именно из той же презумпции о заведомой невинности демоса исходили и упоминавшиеся выше процессы *graphe paranomon*. Если гелиея признавала принятую эkkлeсией псефисму действительно «противозаконной», противоречащей существующему законодательству, то псефисма отменялась, а виновным признавался политик, внесший на обсуждение и голосование ее проект. Вновь и вновь обнаруживаем, что демос склонен был винить за допущенные ошибки кого угодно, только бы не себя самого; всегда подыскивался подходящий «козел отпущения»⁴².

Итак, следует подчеркнуть, что в демократических Афинах V в. до н. э. не предусматривалась ответственность правителя – державного демоса – за нарушение нормы. В эмпирической действительности его «наказание» было возможно – через антидемократический переворот. Но такого рода ситуации случались исключительно редко и, в общем-то, решающей роли не играли.

В заключение отметим, что в IV в. до н. э. ситуация достаточно существенно изменилась. Возникла новая политическая идеологема – «власть закона», со-

⁴¹ Одной из самых известных жертв такого рода процесса стал Мильтиад, приговоренный в 489 г. до н. э. к колоссальному штрафу за то, что не смог довести до победного конца военную операцию против острова Парос. См. подробнее: Carawan E. M. Eisingelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 28. No. 2. 1987. P. 167 ff.

⁴² Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 404.

гласно которой истинным верховным правителем в полисе является не демос, а закон, демос же обязан подчиняться последнему. При этом, называя вещи своими именами, все отдавали себе отчет в том, что имеют дело лишь с некой юридической фикцией, созданной ради всеобщего блага. Отзываясь о законе в самых возвышенных выражениях, каждый гражданин тем не менее наверняка подписался бы под словами Демосфена (XXI. 224): «Если кто-нибудь из вас громко закричит, что его обидели, – прибегут ли к нему законы на помощь, чтобы его защитить? Нет, разумеется! Ведь это написанные тексты, и они сами по себе не могут ничего сделать».

За «властью закона» продолжала стоять та же власть демоса⁴³. Сложилась классическая ситуация «псевдопротиворечия внутри основной открытой / формализуемой нормы». Это повлекло за собой и другие немаловажные изменения, которые, однако, уже не могут быть рассмотрены здесь.

⁴³ Ср.: *Cohen D.* Op. cit. S. 240.

Раздел IV

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

«В КРУГЕ ПЕРВОМ»: ПОЯВЛЕНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ ПАМЯТНИКОВ ЕВРОПЕЙСКОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ (ГРЕЦИЯ VI-V ВВ. ДО Н. Э.)

Как известно, для исторического сознания древних греков был характерен циклизм – представление о движении истории «по кругу», о пресловутом «вечном возвращении». Разумеется, данное суждение не имеет абсолютного характера: с циклистским пониманием развития общества сочеталось и переплеталось линейное, выражавшееся в прогрессистских или (чаще) регрессистских концепциях¹. В самой упрощенной форме можно сказать, что в целом история понималась как чередование циклов, но в рамках каждого цикла время для греков имело линейную направленность (чаще регрессивную, чем прогрессивную).

Собственно, историописание как таковое возникает в Элладе где-то на стыке циклистских и линейных воззрений². Циклизм чрезвычайно четко проявляется, например, у Полибия³. Его великие предшественники – Геродот и Фукидид – не высказывают аналогичных воззрений эксплицитно, тем не менее и у них эти воззрения присутствуют, что можно видеть из косвенных данных. Собственно, каков стимул, двигавший ими при создании исторических трудов, почему считалось важным и необходимым сохранить в памяти потомков информацию о давно прошедших делах, иными словами, почему история воспринималась как *magistra vitae*? Именно потому, что в будущем события могли повториться; тогда-то и пригодилось бы сохраненное знание. Фукидид горделиво называет свое сочинение «достоянием навеки» (*ktēma es aiei*) и делает это по той причине, что уверен: оно окажется полезным тому, «кто захочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могу-

¹ Подробнее, с аргументацией, см.: Суриков И. Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 36 сл., 458 сл.

² Циклизм, вопреки распространенному мнению, отнюдь не исключает подлинного историзма. Это справедливо подмечается в работе: Строецкий В. М. Проблемы становления истории как науки в античности // Античный мир и археология. Вып. 12. Саратов, 2006. С. 351–362.

³ Polyb. VI. 9. 10: «Таков круговорот государственного общежития, таков порядок природы, согласно коему формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются».

щих когда-либо повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде)» (Thuc. I. 22. 4).

В сущности говоря, любой автор, признающий дидактическую или вообще утилитарную цель изучения истории, должен иметь в своих исходных воззрениях какую-то толику циклизма. Ибо, если исторический процесс имеет чисто линейный характер, то никакое повторение ситуаций в будущем невозможно, а, стало быть, прошлый опыт не способен иметь никакого значения. С другой стороны, чистый, последовательно проведенный циклизм, как ни парадоксально, приводит к тем же выводам. Это лучше всего видно на примере стоиков. Их учение, стопроцентно циклистское, предполагало многократное – как в прошлом, так и в будущем – полное повторение истории вплоть до мельчайших деталей. Размеренный распорядок этого predetermined судьбой мирового круговорота человек изменить ни в чем не властен, несмотря на все свои усилия; остается ему подчиняться – *ducunt volentem fata, nolentem trahunt*. В подобных условиях применение прошлого опыта к будущему тоже оказывается бесполезным.

Что интересно, здесь мы наталкиваемся на один из многочисленных парадоксов исторической культуры античных греков. Сам ход развития историописания осуществлялся как бы по тому же пути циклизма. Каждый новый представитель этого жанра начинал, можно сказать, с нуля. Он не продолжал дело своих предшественников, а безапелляционно критиковал и даже попросту отрицал их достижения. Гекатей в высшей степени пренебрежительно отзывался о своих предшественниках – мифографах, а Геродот – о самом Гекатее и других так называемых «логографах» (с связи с ними подробнее см. выше). Фукидид (I. 21. 1), в свою очередь, критикует Геродота, при этом, между прочим, не упоминая даже его имени, как будто бы «отца истории» вообще не было. В свою очередь, для Полибия как бы не существует ни Геродота, ни Фукидида⁴. Если же этот эллинистический историк и останавливается поподробнее на творчестве кого-либо из своих более ранних коллег (Феопомпа, Тимея), то лишь для того, чтобы подвергнуть их самым жестоким (и часто несправедливым) нападкам⁵. В результате подобного подхода уровень исторической культуры с течением веков, в общем-то, не рос, а в лучшем случае оставался неизменным, нередко даже деградировал. Осмелимся утверждать, что уровня, заданного Геродотом и Фукидидом, не достиг никто из их последователей; иными словами, лучшие образцы древнегреческого историописания были созданы почти в самом начале его существования. Историография оказалась подвержена общему

⁴ И тот и другой упомянуты у Полибия по одному разу, причем мимоходом и без какой-либо оценки (Polyb. VIII. 13. 3; XII. 2. 1).

⁵ О критике Полибием Тимея и других предшественников см.: *Илюшечкин В. Н.* Эллинистические историки // *Эллинизм: восток и запад*. М., 1992. С. 280 сл.

«закону круговращения»; как в калейдоскопе, сменяли друг друга более или менее причудливые наборы одних и тех же базовых элементов.

Фигура круга как бы зачаровывала эллинов, решительно воспринималась ими как особенно близкая к совершенству (а совершенство круга, как и любого другого предмета, виделось прежде всего в *завершенности*; не случайно греческий термин *telos* соединял в себе оба этих значения). Прибегнем и мы к этой метафоре круга, описывая самый первый «цикл» развития древнегреческой (а стало быть, и европейской в целом) исторической науки. Речь идет об архаической ионийской историографической традиции, к которой следует отнести группу историков, которых в исследовательской литературе обычно называют «логографами», а также Геродота⁶. Мы рассмотрим ряд проблем, связанных с творчеством этих авторов, а затем на основе приведенного конкретного материала попытаемся дать ответ (применительно к античной Греции) на некоторые вопросы более общего характера.

* * *

Прежде всего нам хотелось бы заявить ответственно, что традиция, о которой идет речь, представляет собой именно цикл, то есть завершенный, замкнутый этап. У истоков его стоит фигура великого Гекатея⁷, а завершается он не менее великим Геродотом⁸. Да, Геродот – именно завершитель, а не за-

⁶ О принадлежности Геродота именно к этой архаической традиции (хотя хронологически его жизнь и деятельность приходятся уже на эпоху классики, и по этому формальному признаку его чаще относят к классической историографии) см.: Суриков И. Е. Очерки об историописании... С. 396 сл.

⁷ О Гекатее, разумеется, написано немало. См., например: *Heidel W. A. Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus, Book II. N. Y.; L., 1987; West S. Herodotus' Portrait of Hecataeus /// Journal of Hellenic Studies. Vol. 111. 1991. P. 144–160; Lendle O. Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos. Darmstadt, 1992. S. 10 ff.; Armygor O. K. Herodotus, Hecataeus and The Persian Wars // The World of Herodotus. Nicosia, 2004. P. 321–335; Braun T. Hecataeus' Knowledge of the Western Mediterranean // Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton. Leiden; Boston, 2004. P. 287–347; Bertelli L. Hecataeus: From Genealogy to Historiography // The Historian's Craft in the Age of Herodotus. Oxf., 2007. P. 67–94. Естественно, что при таком большом количестве исследователей, занимавшихся Гекатеем, не существует единого мнения по вопросу о достоинствах его трудов. Оценка этих достоинств колеблется от исключительно высокой (У. Хейдель) до довольно скептической (С. Уэст).*

⁸ Литература о Геродоте, разумеется, колоссальна, необозрима (вряд ли кто в мире может похвастаться, что знает ее совершенно исчерпывающим образом). Мы поэтому ограничимся указанием на некоторые монографические исследования, вышедшие уже в нынешнем столетии: *Bichler R., Rollinger R. Herodot. Hildesheim, 2000; Thomas R. Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion. Cambridge, 2000; Munson R. V. Tell-*

чинатель, несмотря на то что именно его часто называют «отцом истории». Впрочем, последнее связано только с тем, что Геродот – первый историк, чей труд дошел до нас полностью. Если бы сочинения того же Гекатея сохранились целиком, а не фрагментарно, то отнюдь не исключено, что этот «почетный титул» достался бы именно ему.

Читатель может заметить, что мы здесь сближаем Геродота с так называемыми «логографами», хотя значительно чаще в литературе их противопоставляют, и так было уже в античности (например: Dion. Hal. De Thuc. 5). На самом деле оба подхода имеют право на существование, как будет видно из дальнейших наблюдений, но для нас сейчас важны именно черты сходства.

Предварительно остановимся на вопросе о том, насколько правомерен сам термин «логографы» применительно к группе самых ранних греческих историков, предшественников и современников Геродота. Хотя этот термин постоянно употребляется исследователями отношении к ним⁹, всё же, как правило, с более или менее серьезными оговорками¹⁰. И не случайно, поскольку, как мы показываем в другом месте¹¹, в античности термин *logographos*, вопреки распространенному мнению, не означал «ранний историк». Дионисий Галикарнасский, посвящая догеродотовским представителям историописания наиболее пространственный пассаж (ниже он будет процитирован), нигде не называет их логографами. Нередко считают, что Фукидид (I. 21. 1), упоминая неких *logographoi*, имеет в виду именно догеродотовских историков, но в действительности анализ содержания данного места показывает, что в нем ведется

ing Wonders: Ethnographic and Political Discourse in the Work of Herodotus. Ann Arbor, 2001; Bichler R. Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte. 2 Aufl. B., 2001; Mikalson J. D. Herodotus and Religion in the Persian Wars. Chapel Hill; L., 2003; Scott L. Historical Commentary on Herodotus Book 6. Leiden; Boston, 2005; Asheri D., Lloyd A., Corcella A. A Commentary on Herodotus Books I–IV. Oxf., 2007; Bakker M. de. Speech and Authority in Herodotus' *Histories*. Diss. Amsterdam, 2007; Baragwanath E. Motivation and Narrative in Herodotus. Oxf., 2008.

⁹ Особенно в отечественном антиковедении. Последний по времени пример: *Спрогезкий В. М.* Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Ч. 1. Геродот. Нижний Новгород, 2010. С. 91 сл. Из более ранних работ, в которых наблюдаем подобное же словопотребление, см., например: *Фролов Э. Д.* Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 93 сл.; *Кузнецова Т. И., Миллер Т. А.* Античная эпическая историография: Геродот. Тит Ливий. М., 1984. С. 37.

¹⁰ Например: *Lendle O.* Op. cit. S. 10; *Corcella A.* The New Genre and its Boundaries: Poets and Logographers // Brill's Companion to Thucydides. Leiden, 2006. P. 33–56.

¹¹ *Суриков И. Е.* ЛОГОГРАФОΙ в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. №2. 2008. С. 25–37.

полемика не с кем иным, как с самим Геродотом (а вовсе не с Гекатеем или Геллаником).

Логографами же греки называли либо (если лексема употреблялась в широком смысле) писателей-прозаиков, в противоположность поэтам, либо (если она употреблялась в узком смысле) конкретный тип писателей, а именно тех, кто составлял судебные речи для клиентов за деньги. Ввиду отсутствия института адвокатуры как такового в древнегреческом судебном процессе ремесло логографа (в последнем его значении), что называется, «пришлось ко двору» в классических Афинах. Но возникло оно лишь ближе к концу V в. до н. э.; известен его основатель – философ и ритор Антифонт¹².

Одним словом, всё говорит за то, что от обыкновения называть древнейших эллинских историков «логографами»¹³ пора бы отказываться ввиду неадекватности и, в общем-то, беспочвенности этого обозначения. Однако не думаем, что это когда-либо произойдет. Во-первых, сила традиции чаще всего одерживает верх над доводами разума. Во-вторых, отбрасывая общепринятый термин для реально существовавшего явления, крайне желательно предложить альтернативный. А вот с этим возникают трудности. Ничего более удачного пока не было предложено и, возможно, в обозримом будущем не будет предложено. Ведь нельзя же на место четкого, краткого термина ставить какие-нибудь описательные обозначения вроде «представители архаической ионийской историографической традиции», что по существу почти верно (если на мгновение забыть о Геродоте), но чрезмерно громоздко, или «первые греческие историки» (что не столь громоздко, но слишком расплывчато).

Мы обсуждали этот терминологический вопрос и с коллегами, но ни к чему лучшему, нежели как писать «так называемые “логографы”», так и не пришли. В любом случае подчеркнем, что имеется в виду совершенно конкретная группа историков, которых Дионисий Галикарнасский характеризует так:

Древних историков много, и они были во многих местах до Пелопоннесской войны. К числу их относятся Эвгеон Самосский, Деиох Проконнеский, Эвдем Паросский, Демокл Фигелейский, Гекатей Милетский, Акусилаи Аргосский, Харон Лампсакский, Мелесагор Халкедонский, а те, которые немного моложе, т. е. жили

¹² См. о нем прежде всего: *Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin, 2002 (фундаментальное исследование, охватывающее практически все аспекты деятельности Антифонта, в том числе и как первого логографа).

¹³ Насколько удастся установить, это обыкновение пошло с немецкого ученого Ф. Крейцера, который в первой половине XIX в. выступил основоположником изучения древнегреческой историографии. Он выдвинул следующую схему зарождения исторической мысли в Греции: гомеровский эпос – киклические поэмы – «логографы» – Геродот. О Крейцере и значении его труда см.: *Momigliano A. Studies in Historiography*. N. Y., 1966. P. 75–90.

незадолго до Пелопоннесской войны и прожили до времени Фукидида, – это Гелланик Лесбосский, Дамаст Сигейский, Ксеномед Хиосский, Ксанф Лидийский и многие другие. В выборе темы они руководствовались почти одинаковой точкой зрения и способностями немного отличались друг от друга. Одни писали эллинские истории, другие – варварские, причем и эти истории они не соединяли одну с другою, но разделяли их по народам и городам и излагали одну отдельно от другой, преследуя одну и ту же цель – обнародовать во всеобщее сведение предания, сохранившиеся у местных жителей среди разных народов и городов, и письменные документы, хранившиеся как в храмах, так и в светских местах, – обнародовать эти памятники в том виде, в каком они их получили, ничего не прибавляя и не убавляя. Среди этого были и некоторые мифы, которым верили с древнего времени, и некоторые интересные, необычайные события, которые нашим современникам представляются невероятными. Способ выражения употребляли они по большей части одинаковый – все те, которые писали на одном и том же наречии: ясный, обычный, чистый, краткий, соответствующий описываемым событиям, не представляющий никакой художественности. Однако произведениям их присуща какая-то красота и прелесть, в одних в большей степени, в других в меньшей, благодаря которой их сочинения еще остаются до сего времени (De Thuc. 5) (пер. С. И. Соболевского).

При всех громадных достоинствах этого свидетельства¹⁴, никак нельзя признать его совершенно удовлетворительным. Во-первых, не все ранние историки фигурируют в списке Дионисия. К нему с полным основанием можно было бы присоединить еще, например, Ферекида Афинского¹⁵, Дионисия Милетского¹⁶ и, между прочим, Скилака Кариандского (последний был в первую очередь географом, но во времена, о которых идет речь, история и география еще строго не разграничивались; у Гекатея, Геродота и др. также содержатся обильные географические сведения).

Во-вторых, даже о тех, которые у Дионисия упомянуты, сказано досадно мало. Впрочем, скорее всего, галикарнасский ритор и не мог сказать больше: сведения о большинстве первых греческих историков уже в античности были

¹⁴ О нем см.: *Toyl D. L. Dionysius of Halicarnassus on the First Greek Historians* // *American Journal of Philology*. Vol. 116. No. 2. 1995. P. 279–302.

¹⁵ Ферекид – самый ранний афинский историк (*Jacoby F. Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung*. Leiden, 1956. S. 116 ff.), писавший во времена Кимона. Он был старшим современником Геродота и, как порой считается, оказал на него очень сильное влияние (*Ruschenbusch E. Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen* // *Klio*. Bd. 82. 2002. S. 335–343).

¹⁶ В связи с его трудом по персидской истории см.: *Balcer J. M. Herodotus & Bisitun*. Stuttgart, 1987. P. 25.

крайне скудными. Не случайно даже имена некоторых из них упоминаются в источниках в разных вариантах, и мы не знаем, какой из них правильный, а какой – искаженный. То ли Эвгеон, то ли Эвагон; то ли Мелесагор, то ли Амелесагор; то ли Ксеномед Хиосский, то ли Ксеномед Кеосский; то ли Деиох Проконнесский, то ли Деиох Кизикский... Нет уверенности и в том, что у Дионисия во всех случаях эти имена переданы вполне корректно. Впрочем, наиболее известных – Гекатея, Акусилая, Харона, Гелланика, Ксанфа – сомнения все-таки не касаются.

В-третьих, Дионисий Галикарнасский явно стремится противопоставить перечисленных им здесь историков Геродоту, о котором он начинает говорить непосредственно в далее следующих строках:

Но Геродот Галикарнасский, который родился незадолго перед Персидскими войнами и прожил до Пелопоннесской войны, расширил тему и сделал ее более блистательной. Он решил описать историю не одного города или единственного народа, но собрать вместе мнения о многих различных событиях, которые произошли в Европе и Азии, и объединить их в одной всеобъемлющей работе. Он описал историю, начиная с Лидийского царства и до Персидской войны, включив в одно повествование все важные события, которые произошли в Греции и в варварском мире на протяжении 220 лет; более того, он прибавил к своему стилю все достоинства, которыми пренебрегли прежние историки (пер. В. М. Строецкого).

Чтобы сделать ярче контраст между Геродотом и его предшественниками, Дионисию приходится идти на ряд натяжек и высказывать чрезмерно категоричные суждения. Так, в его суждении противопоставляется тематическая узость сочинений ранних историков тематической широте труда Геродота. Последняя – действительно налицо, а вот так ли уж узка была тематика у так называемых «логографов»?

Самый знаменитый из последних – Гекатей – известен прежде всего благодаря двум своим произведениям. Главное из них называлось, скорее всего, «Генеalogии», и рассматривавшиеся в нем легендарные родословные героев относились отнюдь не к какому-нибудь одному полису или региону, а ко всему греческому миру и даже к странам за его пределами. Второе его произведение – «Описание земли» – имело в большей степени географический характер, но опять-таки описывалась вся известная на тот момент ойкумена.

Важнейшее сочинение Харона Лампсакского – «Летописи лампсакцев»¹⁷. Из заголовка можно вроде бы сделать вывод, что эта была типичная городская хроника, не выходящая по содержанию за рамки родины автора, вклад которого

¹⁷ Упоминаемый в «Суде» (s.v. Charon) труд «О Лампсакце», по всей вероятности, тождествен только что названному.

к тому же минимален, как бывает в подобных случаях; фактически он просто издатель. И однако же это первое впечатление будет ошибочным. Во-первых, точно известно, что Харон упоминал и события, не имевшие прямого отношения к Лампсаку (например: FGrHist. 262. F1, F6). Во-вторых, «Летописи», несомненно, были не сухим перечнем фактов; в них встречались яркие, запоминающиеся зарисовки (одна из таковых будет процитирована ниже). В-третьих, вообще говоря, ранней греческой историографии жанр хроники в обычном его понимании был чужд¹⁸.

И в любом случае у Харона были ведь и другие исторические работы, такие как «Основания городов» (тут уже само название, указывающее на греческую колонизацию, свидетельствует, что автором привлекался материал из разных регионов), а также «Персидские дела». Относительно последней следует дать чуть более подробный комментарий. Как в свое время совершенно справедливо и неоднократно подчеркивал Арнальдо Момильяно¹⁹, с VI в. до н. э. эллинская цивилизация в целом и греческое историописание в частности складывались и эволюционировали на периферии персидского культурного мира. Хотя в политическом плане греки боролись за свою независимость от Персии и отстаивали ее, но в плане культуры, ментальности ясно, что грандиозная держава Востока, на фоне которой греческие полисы выглядели просто ничтожными, выступала для них в качестве властно притягивающего центра, воплощенного в фигуре «Великого царя», но *megas basileus*. В подобных условиях писать труд по персидской истории означало практически то же самое, что заниматься мировой историей.

Интересно в данной связи, что сочинения, озаглавленные «Персидские дела», писались и рядом других историков, входящих в группу, которая нас сейчас интересует²⁰. Так, у Дионисия Милетского было произведение с тем же названием, которое имело подзаголовок «События после Дария». В перечне

¹⁸ См. важные выкладки в итоговой (посмертно изданной) работе одного из крупнейших специалистов по античным историкам: *Momigliano A. The Classical Foundations of Modern Historiography*. Berkeley, 1990. P. 16: в Греции хроники сыграли весьма скромную роль (если вообще сыграли хоть какую-то) в становлении историографии; сочинения о целых народах и больших войнах предшествовали локальной истории, а не наоборот. Как видим, ответственное суждение Момильяно в корне расходится с тем, что говорит Дионисий Галикарнасский. В связи с ориентированностью классической греческой историографии не на хронику, а на исследование см. также: *Суриков И. Е. Очерки об историописании...* С. 11 слл.

¹⁹ *Momigliano A. Essays in Ancient and Modern Historiography*. Oxf., 1977. P. 25–35; *Idem. The Classical Foundations...* P. 5–28.

²⁰ *Balcer J. M. Op. cit.* P. 24–25 (с указанием на возможное влияние этих трудов на Геродота).

трудов Гелланика – одного из самых плодовитых представителей этой генологии – также встречаются «Персидские дела», а кроме того, «Основания народов и городов» (ср. с вышеупомянутыми «Основаниями городов» Харона). Одним словом, мнение Дионисия Галикарнасского, согласно которому предшественники и современники Геродота свои «истории... не соединяли одну с другою, но разделяли их по народам и городам», оказывается, по меньшей мере не вполне соответствующим действительности.

Аналогично получается и со стилем изложения. Если верить тому, что пишет Дионисий, можно подумать, что, в отличие от пышного, местами напоминающего эпос повествования Геродота²¹, труды так называемых «логографов» были в стилистическом отношении абсолютно непритязательны. «Никакой художественности» – весьма суровый вердикт в устах такого утонченного стилиста и эстета, каким был ритор, филолог и историк Дионисий Галикарнасский.

Но опять-таки: вся ли правда перед нами? И следует ли слепо верить сказанному? Приведем взятый почти наугад фрагмент из Харона Лампсакского, достаточно типичного представителя когорты ранних греческих историков:

Бисалты²² пошли походом на Кардию и одержали победу. А вождем бисалтов был Нарис. Он ребенком был продан в Кардию и, находясь в рабстве у некоего кардийца, стал цирюльником. Кардийцам же было вещание, что придут на них бисалты, и они часто об этом говорили, сидя в цирюльне. А Нарис, убежавши из Кардии на родину, повел бисалтов на Кардию: они назначили его своим вождем. А все кардийцы научили своих коней плясать на пирушках под звуки флейт; и те, встав на задние ноги, а передними как бы жестикулируя, танцевали, наизусть зная мелодии. Нарис, знавший об этом, приобрел флейтистку из Кардии. Прибыв к бисалтам, она обучила многих, так что они тоже стали флейтистами. Их-то взяв с собой, Нарис и отправляется походом на Кардию. И, когда началась битва, он приказал играть на флейтах те мелодии, которые знали наизусть кони кардийцев. Когда кони слышали звуки флейт, они встали на задние ноги и принялись за пляску. А сила кардийцев заключалась как раз в коннице; так-то они и были побеждены (FGrHist. 262. F1) (перевод наш. – И. С.).

Читая подобное, впору усомниться: да, право же, не Геродот ли перед нами? И действительно, этот незамысловатый, но очень живой и занимательный рассказ о военной хитрости удивительно напоминает некоторые пассажи

²¹ Об эпических чертах в «Истории» Геродота см., например: *Кузнецова Т. И., Миллер Т. А.* Античная эпическая историография: Геродот. Тит Ливий. М., 1984. С. 6–79; *Boedeker D.* Epic Heritage and Mythical Patterns in Herodotus // *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 97–116

²² Фракийское племя. Греческая колония Кардия располагалась на полуострове Херсонес Фракийский, в непосредственном соседстве от Фракии.

«отца истории»²³. Причем он, разумеется, далеко не единственный²⁴. Перед нами лишнее свидетельство того, что распространенное в исследовательской литературе противопоставление Геродота так называемым «логографам» в значительной мере условно. Или, во всяком случае, различие между ними имеет только количественный, а не качественный характер.

Конечно, бросается в глаза, что стиль Гекатея, Харона и их современников ни в коей мере не был риторически отточенным; в этом смысле его можно назвать в известной степени наивным²⁵. Но ведь во многом наивен в этом плане и стиль Геродота. Последний точно так же, как и его предшественники, принадлежит

²³ Имеем в виду, разумеется, его «новеллистические» пассажи, о которых наиболее подробно см. в классическом труде: *Доватур А. И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. Ср. хотя бы вот такой, тоже, кстати, связанный с «конской» тематикой (Herod. I. 80):

Тут Кир, увидев, что лидийцы стоят в боевом порядке, готовые к бою, в страхе перед их конницей по совету мидянина Гарпага поступил вот так: всех व्यючных и нагруженных продовольствием верблюдов, следовавших за войском, Кир велел согнать, разгрузить и посадить на них воинов в одежде всадников. Затем он поставил верблюдов впереди войска против конницы Креза, пехоте же приказал следовать за верблюдами, а позади пехотинцев расположил всё остальное войско. После того как все заняли свои места, Кир отдал приказ умерщвлять без пощады всех попадавшихся лидийцев, только самого Креза не убивать, даже если тот будет защищаться при захвате в плен. Таково было приказание Кира, а верблюдов он велел поставить против неприятельской конницы потому, что кони боятся верблюдов и не выносят их вида и запаха. Эта хитрость была придумана для того, чтобы сделать бесполезной именно ту самую конницу, которой лидийский царь рассчитывал блеснуть. Битва началась, и лишь только кони почуяли верблюдов и увидели их, то повернули назад, и надежды Креза рухнули (пер. Г. А. Стратановского).

²⁴ У того же Харона ср., например: FG^rHist. 262. F7. У Гекатея: FG^rHist. 1 F30, F127. У Ксанфа: fr. 12 Müller. О том, что у Ксанфа и Геродота больше сходных черт, чем отличительных, что они принадлежат к одному ментальному койне, см.: *Mehl A.* Herodotus and Xanthus of Sardis Compared // *The World of Herodotus*. Nicosia, 2004. P. 337–348.

²⁵ Занятно, например, что они часто употребляют настоящее время в рассказе о прошедших событиях; очевидно, прошлое было для них неотрывным от настоящего, продолжало жить в настоящем, воспринималось «сквозь призму настоящего» (*Суриков И. Е.* Очерки об историописании... С. 43 сл.). К оценке подобного же феномена применительно к средневековой эпохе см.: *Бобкова М. С.* «Мы сами – время»: прошлое и настоящее в историческом сознании эпохи Средневековья // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 133 сл.:

На протяжении почти всего Средневековья история строилась на непрерывности, преемственности... Прошлое продолжало присутствовать, жить в настоящем, и поэтому важно было его выявить: история естественным образом освещала настоящее...

еще к «дориторической» историографии²⁶. А вот на того древнегреческого историка, который шел непосредственно за ним, – на Фукидида – риторика, напротив, оказала уже колоссальное влияние. Фукидид изучал ораторское искусство в школе известного ритора Антифонта, и хотя профессиональным мастером красноречия он не стал (ввиду изгнания из Афин жизнь его сложилась иначе), но полученные навыки пронизали собой всё его творчество²⁷, предопределили свойственный ему напряженно-сентенциозный стиль, столь отличный от простоты его предшественников (и потому Фукидид столь труден для перевода с древнегреческого языка на любой другой). Ну а в следующем, IV в. до н. э., риторическая историография расцветает в Афинах уже пышным цветом²⁸.

Для современных историков изучение истории строится на обостренном осознании радикального разрыва между миром прошлого и научной реконструкцией.

Налицо контраст между установками «рефлексивного традиционализма» (о котором см.: *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 101–114, 146–157) и современными дисциплинарными нормами, порожденными анти-традиционалистской тенденцией. Дабы не высказываться голословно, приведем несколько примеров регулярного употребления раннегреческими историками настоящего времени в рассказе о прошлом. Ферекид (FGrHist. 3. F2): «Филей же, сын Аякса, живет в Афинах; от него же происходит Даикл...» и т. д. Акусилай (FGrHist. 2. F22): «С Кеной, дочерью Элата, совокупляется Посейдон. Затем – ибо не подобало ей рожать детей ни от него самого, ни от кого-либо другого – Посейдон превращает ее в неуязвимого мужа, наделенного самой великой силой из всех тогдашних людей...» и т. д.

²⁶ Вопреки нередко высказывавшемуся мнению о влиянии риторики на Геродота (см., например: *Gray V.* Herodotus and the Rhetoric of Otherness // *American Journal of Philology*. Vol. 116. No. 2. 1995. P. 185–211).

²⁷ Достаточно вспомнить хотя бы о многочисленных речах действующих лиц, встречающихся в «Истории» Фукидида. Об этом феномене писали много (см., например: *Greenwood E.* Making Words Count: Freedom of Speech and Narrative in Thucydides // *Free Speech in Classical Antiquity*. Leiden; Boston, 2004. P. 175–195; *Morrison J. V.* Interaction of Speech and Narrative in Thucydides // *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 2006. P. 251–277; *Moles J.* Narrative and Speech Problems in Thucydides Book I // *Ancient Historiography and its Contexts: Studies in Honour of A. J. Woodman*. Oxf., 2010. P. 15–39), и он, наверное, никогда не перестанет привлекать к себе внимание исследователей. Разумеется, и у Геродота персонажи нередко произносят речи (*Pelling C.* Speech and Narrative in the *Histories* // *The Cambridge Companion to Herodotus*. Cambridge, 2006. P. 103–121; *Bakker M. de.* Speech and Authority in Herodotus' *Histories*. Diss. Amsterdam, 2007); о произведениях так называемых «логографов» это нельзя сказать с той же уверенностью. Но даже геродотовские речи разительно отличаются от фукидидовских минимальной степенью риторической обработки. См. также исследование общего характера: *Marincola J.* Speeches in Classical Historiography // *A Companion to Greek and Roman Historiography*. Vol. 1. Oxf., 2007. P. 118–132.

²⁸ *Махлаюк А. В., Суриков И. Е.* Античная историческая мысль и историография. М., 2008. С. 98 сл.

* * *

Афины, Афины – этот полис всё чаще начинает упоминаться в нашем изложении, что, разумеется, ни в коей мере не случайно. Когда архаическая ионийская историографическая традиция (представленная, напомним, так называемыми «логографами» и Геродотом) завершается (и в дальнейшем уже не имеет последователей), с Фукидидом на смену приходит иная – классическая аттическая, принципиально отличающаяся по своему характеру.

Геродота и Фукидида постоянно сравнивают²⁹, и сопоставление не обнаруживает практически ничего общего, несмотря на то, что двух «служителей Клио» разделяло лишь одно поколение и они были лично знакомы. Их труды отражают два разных типа исторического сознания, две противостоящие друг другу методологические установки, которые можно охарактеризовать как «диалогичную» (у Геродота) и «монологичную» (у Фукидида).

Весьма важно для нас, что для Геродота, его предшественников и современников была характерна большая тематическая широта³⁰. Для них вполне законными предметами исторического исследования еще являются темы, связанные с этнографией, географией, культурой, менталитетом и т. п. Это придает целостность, многосторонность картине социума и цивилизации. Уже начиная с Фукидида ситуация резко изменяется. Именно этот последний, как справедливо отмечалось³¹, определил ключевую проблематику всей последующей историографии, не только античной, но и европейской вплоть до XX века. Военная, политическая, дипломатическая история – одним словом, событийная история – вот что прежде всего интересовало Фукидида и тех, кто шел по его стопам (а таких всегда было подавляющее большинство)³². Остальные аспекты жизни общества, как правило, оставались «за бортом» исторической науки, что означало, без сомнения, сужение ее предметного поля.

²⁹ См. хотя бы: *Sealey R.* Thucydides, Herodotus, and the Causes of War // *Classical Quarterly*. Vol. 7. No. 1/2. 1957. P. 1–12; *Hunter V.* Past and Process in Herodotus and Thucydides. Princeton, 1982; *Rogkoti Z.* Thucydides and Herodotus: Aspects of their Intertextual Relationship // *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 2006. P. 57–86; *Bringmann K.* Herodot und Thukydides: Geschichte und Geschichtsschreibung im 5. Jahrhundert v.Chr. // *Historie und Leben: Der Historiker als Wissenschaftler und Zeitgenosse. Festschrift für L. Gall zum 70. Geburtstag*. München, 2006. S. 3–14; *Węcowski M.* Friends or Foes? Herodotus in Thucydides' Preface // *The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres*. Newcastle upon Tyne, 2008. P. 34–57. Проводили такое сравнение и мы; см.: *Суриков И. Е.* Очерки об историописании... С. 60 сл., 149 сл. Поэтому здесь мы лишь весьма кратко скажем об этой проблеме, а интересующихся деталями отошлем к указанным местам нашей книги.

³⁰ *Bichler R.* Herodotus' Ethnography. Examples and Principles // *The World of Herodotus*. Nicosia, 2004. P. 92 ff.

³¹ *Hart J.* Herodotus and Greek History. L., 1982. P. 179.

³² *Momigliano A.* Essays... P. 142.

Тем самым Геродот неожиданно оказался гораздо ближе историкам современной нам эпохи. Те самые «структуры повседневности», которые занимали столь важное место в труде «отца истории», а начиная с Фукидида совершенно игнорировались, в результате разработок прежде всего представителей школы «Анналов» вновь нашли себе полноправное и даже приоритетное место в кругу интересов исторической науки.

Фукидид буквально всё изменил в истории историописания, даже язык. Представители архаической ионийской историографической традиции и писали на ионийском диалекте. Даже те из них, для которых он родным не являлся. Так, для афинянина Ферекида родным был аттический диалект, для митиленинина Гелланика – эолийский, для аргосца Акусилая – дорийский, для галикарнасца Геродота – также дорийский³³. То, что свои мысли они доносили для читателей все-таки по-ионийски, объясняется в первую очередь тем, что ионийский диалект был в принципе первым, на котором сложилась древнегреческая проза³⁴. На том же диалекте писали и основоположники эллинской (и мировой) философии, начиная с Анаксимандра (что не удивительно, поскольку все они и этнически были ионийцами), а также мифографы и генеалоги того времени, такие как Ферекид Сиросский (не путать с упоминавшимся выше Ферекидом Афинским³⁵). А Фукидид, следуя примеру своего учителя Антифонта (который, похоже, едва ли не первым сделал аттический диалект языком письменной прозы), написал свой труд именно по-аттически.

Не скажем, конечно, что две традиции раннего греческого историописания, о которых здесь идет речь, – архаическая ионийская и классическая аттическая – совсем уж коренным образом отличались друг от друга. Так, для обе-

³³ Впрочем, с Геродотом всё несколько сложнее. Предлагалось два основных решения вопроса, почему великий галикарнасец написал свою историю по-ионийски. С одной стороны, высказывалась мысль, что Геродот, родным диалектом которого был дорийский, «рано приобщился к передовой ионийской культуре» (Фролов Э. Д. Факел Прометея... С. 104) и писал свой исторический труд на ионийском диалекте потому, что такова была сложившаяся к его времени традиция, установленная так называемыми «логографами». С другой стороны, есть и мнение, согласно которому Галикарнасс ко времени Геродота стал уже фактически ионийским городом (Cook J. M. *The Greeks in Ionia and the East*. L., 1962. P. 30); соответственно, родным для «отца истории» являлся именно ионийский диалект. Однозначный выбор между этими двумя альтернативными объяснениями вряд ли представляется возможным.

³⁴ Об общем историко-культурном значении возникновения прозы в Греции в VI в. до н. э. см.: Шичалин Ю. А. *Ἐπιστροφή*, или Феномен «возвращения» в первой европейской культуре. М., 1994. С. 37 сл.

³⁵ К вопросу о носителях имени Ферекид см.: Перевалов С. М. Древнейшее упоминание имени «Кавказ» в античной литературе // *Gaudeamus igitur*: Сб. статей к 60-летию А. В. Подосинова. М., 2010. С. 310–317.

их был характерен подход, в рамках которого история понималась не как сухое, чисто описательное изложение фактов, а обязательно как *исследование*. В другом месте нам доводилось писать, что в отличие от хрониста (древневосточного или какого-либо иного), который просто описывает, древнегреческий историк *ищет*³⁶. И это можно сказать, подчеркнем, о любом из представителей историографии лучшей поры Эллады, будь то Гекатей или Гелланик, Геродот или Фукидид.

Итак, говоря о первых греческих историках, не приходится сомневаться: перед нами именно некая единая традиция. Между прочим, весьма интересен в связи с ней еще и такой сюжет: как соотносилась она с современной ей исторической поэзией? В частности, в то же самое время, когда работали так называемые логографы, продолжал еще создавать свои стихотворные произведения великий Симонид. Среди его поэм – «Царствование Камбиса и Дария», «Навмахия Ксеркса» (тут речь идет о морском сражении при Артемисии 480 г. до н. э.), «Навмахия при Саламине»³⁷.

Имя Симонида (который был, помимо своих остальных заслуг, еще и изобретателем мнемотехники) до последнего времени достаточно редко фигурировало в исследовательской литературе в связи с генезисом античной историографии. Однако относительно недавно (в 1992 г.) были опубликованы такие папирусные фрагменты его произведений, которые произвели просто ошеломляющее впечатление. Речь идет в первую очередь об отрывках из поэмы о Платейской битве 479 г. до н. э. (к сожалению, оригинальное название не сохранилось). Чтобы стало яснее всё значение этого памятника, приведем самый крупный отрывок (правда, не весь, а частично). В начале этого отрывка речь идет о делах мифологических, о событиях Троянской войны: упоминаются гибель Ахилла, взятие Илиона, воздается честь Гомеру, благодаря которому эти деяния стали достоянием потомков. А затем автор внезапно переходит к Греко-персидским войнам и описывает выступление к Платеям спартанского войска во главе с командующим – регентом Павсанием. Данную часть фрагмента мы и процитируем³⁸:

...Многоименная Муза³⁹, тебя призываю на помощь,
Если любезна тебе смертного мужа мольба.

³⁶ Суриков И. Е. Очерки об историописании... С. 13.

³⁷ Balcer J. M. Op. cit. P. 25.

³⁸ В переводе В. Н. Ярхо по изданию: Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, О. П. Цыбенко, В. Н. Ярхо. М., 1999. С. 282–283. Следует отметить, что на сей раз у нас весьма оперативно перевели недавно ставший известным ценный памятник.

³⁹ Прием чисто поэтический; историки как таковые к музам в своих трудах не обращались (хоть у них и была собственная муза – Клио).

Лад заведи сладкозвучный, чарующий, песни ты нашей,
 Чтоб вспоминали всегда подвиг отважных мужей,
 Ибо от Спарты родной, от Эллады ярмо отвратили
 Горького рабского дня – больше он нам не грозит.
 Да не забудется слава, что гордо подымется к небу,
 Доблесть могучих мужей смерти навек избежит!
 Вот уж, покинув течение Еврота и пажити Спарты,
 В спутники взяли себе Зевса красавцев сынов,
 Дерзко коней укрощавших, и мощного духом Атрида,
 Отчего града вожди, лучшие в бранных делах⁴⁰.
 Вел же их сын благородный божественного Клеомброта⁴¹;
 ...имя Павсаний ему.
 Скоро достигли на Истме земли достославной Коринфа,
 Края, в котором царил Тантала отпрыск – Пелоп.
 Вот миновали Мегары, город древнего Ниса,
 Там и другие сошлись, кто проживает окрест.
 В знаменья божьи уверовав, вместе они поспешили
 В землю, любезную всем, милый сердцам Элевсин...

Таким образом, здесь повествуется о том, как спартанцы – поэт награждает их пышнейшими эпитетами – начинают поход, как они продвигаются от города к городу. Причем продвижение это происходит в весьма насыщенном «сакральном ландшафте»⁴², постоянно упоминаются чтимые герои. Аналогичная черта, кстати, впоследствии прослеживается и у Геродота (но уже у Фукидида – ни в малейшей мере).

⁴⁰ Речь идет о том, что перед началом войн спартанцы заручались благосклонностью мифологических героев, почитавшихся в их городе: Диоскуров Кастора и Полидевка, а также Менелая (Атрида).

⁴¹ Далее – лакуна размером в половину следующей строки.

⁴² В связи с понятием «сакрального ландшафта» применительно к античной Греции см., например: *Cole S. G. Landscapes of Dionysos and Elysian Fields // Greek Mysteries: The Archaeology and Ritual of Ancient Greek Secret Cults*. L.; N. Y., 2003. P. 193–217; *Idem. Landscapes, Gender, and Ritual Space: The Ancient Greek Experience*. Berkeley, 2004; *Foxhall L. Environments and Landscapes of Greek Culture // A Companion to the Classical Greek World*. Oxf., 2006. P. 245–280; *Cohen A. Mythic Landscapes of Greece // The Cambridge Companion to Greek Mythology*. Cambridge, 2007. P. 305–330; *Mehl A. Veränderte und gestaltete Landschaft im antiken Götter- und Totenkult // Die Landschaft und die Religion*. Stuttgart, 2009. S. 155–174; *Суриков И. Е. Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса // Восточная Европа в древности и средневековье: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе*. М., 2006. С. 181–186. Кроме того, основополагающей остается известная работа более общего характера: *Polignac F. de. Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State*. Chicago, 1995.

Одним словом, перед нами уникальный памятник протоисторической мысли. Он находится уже на грани между поэзией и собственно историческим повествованием. Симонид решает задачу в эпическом духе рассказать не о сюжетах из мифологии, как делалось раньше, а о событиях недавних, современником и свидетелем которых он сам был. Он выступает фактически как непосредственный предшественник Геродота, тем более что речь у славного стихотворца и у «отца истории» идет ровно об одном и том же: Геродот ведь также описывает спартанский подход и сражение при Платеях.

Есть, однако, между Симонидом и Геродотом и существенные расхождения. Они лежат не только в стилистической плоскости (ясно, что историк, писавший прозой, избегал чрезмерных словесных красот, а поэт, напротив, сознательно их нагнетал), но и в сфере содержательной. Неодинаково изображены некоторые конкретные события. Характерный пример – оценка роли коринфян в битве, на что уже обращалось внимание⁴³. У Симонида (в одном из малых фрагментов из той же поэмы) говорится:

Те, что в середине стоят, из обильной ручьями Эфиры⁴⁴,

Знают, как доблесть добыть в схватке суровой с врагом, –

Люди, что родину Главка, город Коринф населяют.

Совсем другая картина – у Геродота (IX. 69): по его мнению, в битве при Платеях коринфский отряд, наряду с контингентами из многих других греческих городов, не принял, в сущности, никакого участия. Сражение было выиграно исключительно благодаря действиям спартанцев, афинян и тегейцев, а все остальные «стояли у святилища Геры и не участвовали в битве». Затем до них дошла весть о победе Павсания, и «тогда эллины в полном беспорядке устремились к святилищу Деметры⁴⁵, причем коринфяне и их соседи – по склонам Киферона и холмам дорогой, идущей прямо вверх...». Бросились они туда, естественно, для того, чтобы поживиться при разграблении вражеского лагеря. Таким образом, здесь коринфяне изображены в далеко не столь благоприятном свете. Причем из двух версий явно ближе к истине та, которая представлена у Симонида; Геродот же в данном случае пользовался тенденциозной афинской традицией, враждебной по отношению к Коринфу.

⁴³ Boedeker D. Heroic Historiography: Simonides and Herodotus on Plataea // The New Simonides: Contexts of Praise and Desire. Oxf., 2001. P. 120–134; Суриков И. Е. Историк в изменяющемся мире: эволюция образа Коринфа в труде Геродота // ВДИ. № 1. 2009. С. 29–53.

⁴⁴ Древнее название Коринфа, часто употреблявшееся в поэзии.

⁴⁵ См. интересную работу о месте святилищ Деметры в великих битвах Греко-персидских войн: Boedeker D. The View from Eleusis: Demeter in the Persian Wars // Cultural Responses to the Persian Wars: Antiquity to the Third Millennium. Oxf., 2007. P. 65–82.

Писал Симонид и о скорбном для эллинов Фермопильском сражении⁴⁶: сохранился фрагмент его песни, восхвалявшей павших воинов, да и знаменитые стихотворные надписи в честь трехсот спартанцев, установленные на поле боя, с наибольшей вероятностью принадлежат именно ему. В целом следует сказать, что, пожалуй, именно этот автор был в наибольшей степени подготовлен для того, чтобы «перебросить мостик» между поэзией и историографией. Когда начались Греко-персидские войны, он был уже маститым и прославленным. Поэт застал еще архаическую эпоху, жил при дворах тиранов, прославляя их. А теперь вот ему выпало на долю воспеть мужество освободителей родины.

Симонид, несомненно, был одним из главных творцов великого мифа о Греко-персидских войнах, об «эллинах» и «варваров»⁴⁷. Кроме того, поэмы столь известного мастера на чисто исторические сюжеты, несомненно, сразу же после их создания получили большую популярность и широкое распространение в Элладе, а тем самым способствовали развитию историописания. Один за другим начинают появляться труды на «персидскую» тематику». Выше они уже упоминались: это сочинения Харона Лампсакского, Дионисия Милетского, Гелланика. Наконец, создается величавое полотно Геродота. Не думаем, чтобы всё это произошло без всякого влияния Симонида. Таким образом, его роль в становлении античной и мировой историографии еще предстоит оценить по достоинству; пока это в должной мере не сделано.

* * *

Теперь представляется возможным и необходимым осветить применительно к Греции (кратко, в принципиальной форме, поскольку сделать большее не позволяет ограниченный объем статьи) вопросы максимально общего характера, которые были поставлены в информационном письме участникам конференции «Зарождение историописания в обществах древности и средневековья», по итогам которой издается настоящий сборник (или, по крайней мере, часть этих вопросов).

Когда, на каком этапе становления государственности возникает историописание? Если говорить об историописании в собственном смысле слова⁴⁸,

⁴⁶ Vannicelli P. To Each His Own: Simonides and Herodotus on Thermopylae // A Companion to Greek and Roman Historiography. Vol. 2. Oxf., 2007. P. 315–321.

⁴⁷ По поводу этого мифа см.: Суриков И. Е. Очерки об историографии... С. 260 сл. (правда, там мы больше концентрируемся на выявлении вклада Эсхила и Геродота).

⁴⁸ Ясно, что задолго до того, как были написаны труды первых историков, в Греции существовали достаточно развитые формы исторической памяти. Они проявились уже в древнейших памятниках античной литературы – эпических поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея», сформировавшихся в основном на протяжении VIII в. до н. э. Героический эпос, всецело обращенный своим содержанием к описанию событий прошлого, несомнен-

то в эллинском мире оно появляется тогда, когда процесс становления полисной государственности уже завершен и она существует в развитой форме. Напомним, что первые греческие историки появляются не ранее второй половины VI в. до н. э., иными словами, в самом конце эпохи архаики. А процессы политогенеза в Элладе идут, напротив, в первой половине этой бурной эпохи⁴⁹. Греческий полис – первоначально в типологически более ранней форме архаического полиса⁵⁰ – складывается на протяжении VIII – первой половины VII в. до н. э. (в каких-то местах его складывание, возможно, началось и раньше). В любом случае в Афинах к середине VII в. до н. э. этот процесс, повторим, в основном завершился; в сопоставимые сроки это произошло и в ряде других регионах греческого мира, а именно в тех, которые развивались относительно быстрыми темпами⁵¹.

Однако в продолжение второй половины архаической эпохи идет формирование классического полиса, который типологически отличен от архаического. Оно завершается в тех же передовых регионах к рубежу VI–V вв. до н. э. И как раз тогда начинают активно действовать историки. Не связаны ли между собой эти два нюанса, а если связаны, то как? Полагаем, что связь имела место, но касательно ее конкретных механизмов пока можем только поставить вопрос, даже без попытки дать на него ответ.

Как выглядят наиболее ранние формы историописания, какие тексты в его рамках возникают раньше других? Тут нужно сразу оговорить, что уже на самой заре древнегреческой историографии мы встречаем многообразие жанров и стилей (многообразие, возникающее как-то моментально, подобно «Афине

но, представлял собой первую ступень в осмыслении этого прошлого. Кроме того, Гомер уже имел четкое представление о постепенной эволюции человечества от стадии варварства (представленной в описании быта циклопов в «Одиссее») к цивилизации и государственности. А в «Трудах и днях» Гесиода (рубеж VIII–VII вв. до н. э.), крупнейшего представителя дидактического эпоса, мы находим уже вполне разработанную схему исторического развития, первую в европейской культуре. Это концепция последовательно нисходящих «поколений» или «веков» – от золотого до железного. См. обо всём этом: *Махлаюк А. В., Суриков И. Е.* Указ. соч. С. 10 сл. Но мы в данной статье хотели бы остаться в рамках историографии как таковой.

⁴⁹ Например, применительно к Афинам см.: *Суриков И. Е.* К проблеме формирования греческого полиса: Афины в VIII–VII вв. до н. э. // *Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза.* М., 2011. С. 273–278.

⁵⁰ В связи с дальнейшим см.: *Суриков И. Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // *Античный полис: Курс лекций.* М., 2010. С. 14 сл.

⁵¹ А о регионах, развивавшихся медленными темпами (как какие-нибудь Этолия, Акарнания и т. п.), мы здесь не говорим, поскольку они на протяжении архаической и классической эпох историков не породили. И в приводившемся выше перечне так называемых «логографов» у Дионисия Галикарнасского нет представителей этих отсталых областей.

из головы Зевса», если воспользоваться образом, созданным самими же эллинами). Перед нами и достаточно сухие перечни (как правило, генеалогического характера), интересные, надо полагать, в основном аристократам из тех родов, для которых историками писались соответствующие родословия)⁵², и рано возникающие развернутые нарративы (уже начиная с Гекатея), в том числе с экскурсами вполне новеллистического характера. Но все эти тексты, подчеркнем снова и снова, несут явственный отпечаток исследования, изыскания.

Чего мы не найдем в раннегреческой историографии (об этом тоже уже упоминалось выше), так это жанра хроники. Точку зрения, согласно которой хроники играли важную роль в становлении исторической традиции у греков⁵³, следует признать окончательно устаревшей. Погодные списки эпонимных магистратов в греческих полисах велись, но их содержание теперь вполне ясно, благодаря открытию и изучению эпиграфических фрагментов афинского списка архонтов⁵⁴: только имена, без какой-либо сопутствующей информации. Ничего подобного римским фастам и анналам в Греции эпох архаики и классики мы не встретим.

Кто выступает инициатором составления первых исторических текстов и какова роль государства (или церкви, что применительно к полису означает то же самое⁵⁵) в процессе становления историографии? О роли государства можно твердо сказать, что она в данном процессе на греческой почве является практически нулевой. Это тоже в какой-то мере уникальная черта античного эллинского историописания. Исторические труды создаются исключительно частными, «не ангажированными» индивидами. Тот же Гекатей играл видную роль в политической жизни своего родного Милета, но к его деятельности как историка это не имело ровно никакого отношения. Геродот вообще большую часть жизни провел как «лицо без гражданства», а стало быть, и без малейшей возможности оказывать реальное влияние на политику. После того как он

⁵² Приведем характерный образчик из Ферекида Афинского (FGrHist. 3. F2):

Филей же, сын Аякса, живет в Афинах; от него же происходит Даикл; от того – Эпилик; от того – Акестор; от того – Агенор; от того – Улий; от того – Лик; от того – Тофонт; от того – Лай; от того – Агаместор; от того – Тисандр; от того – Гиппоклид, в чье архонство в Афинах были учреждены Панафинеи; [от того – Кипсел;] от того – Мильтиад, населивший колонистами Херсонес.

Это – родословная знаменитого афинского рода Филаидов, о котором см.: Суриков И. Е. Геродот и Филаиды // Аристей. Т. 3. 2011. С. 30–64.

⁵³ В отечественной историографии эта точка зрения с полной ясностью представлена, например, в работе: Фролов Э. Д. Факел Прометея. С. 91 сл.

⁵⁴ По этому вопросу до сих пор важнейшей остается работа: Bradeen D. The Fifth-Century Archon List // *Hesperia*. Vol. 32. No. 2. 1964. P. 187–208.

⁵⁵ Суриков И. Е. Греческий полис... С. 23 сл.

еще в ранней молодости вынужден был бежать из родного Галикарнасса⁵⁶, он скитался и лишь через четверть века стал гражданином Фурий, основанных в Южной Италии под эгидой Афин⁵⁷. Гелланик, судя по тому, на какие разнообразные темы и о скольких странах и областях он писал, тоже никак не был ангажирован своим государством (Митиленами). Одним словом, сочинения, создававшиеся в то время историками, были всецело плодом «частной инициативы» их авторов.

Конечно, в любом суждении неуместна чрезмерная категоричность. Тому же Геродоту, после проведенных им в Афинах публичных чтений своего труда, афинские власти предоставили колоссальную сумму в 10 талантов (260 кг серебра). Что это было – дань восхищения проделанной работой, «грант» на дальнейшие исследования или даже плата за оказанные разведывательные услуги (есть и такая версия)⁵⁸, в данном случае не столь уж принципиально. Из приведенного факта видно, что вмешательство государства в процесс историографического творчества ограничивалось только вот таким косвенным спонсированием. Никакого «госзаказа» Геродот (равно как и кто-либо иной из раннегреческих историков) не получал, писал то, что хотел и как хотел. Другое дело, что политические симпатии Геродота к Афинам, разумеется, не могли не проявляться; они проскальзывают во многих местах его труда. Однако точно так же сталкиваемся мы и с геродотовской симпатией к Спарте, хотя, насколько известно, спартанские власти его никогда не награждали.

Кстати, к вопросу о Спарте. Вот характерный пассаж из Платона (Hipp. M. 285d). Спартанцы, говорит странствующий софист Гиппий Элидский (занимавшийся, в числе прочего, также и историческими изысканиями), больше всего любят слушать

...о родословной героев и людей,.. о заселении колоний, о том, как в старину основывались города, – одним словом, они с особенным удовольствием слушают все рассказы о далеком прошлом (*pases tes archaiologias*)⁵⁹, так что из-за них я и сам вынужден был очень тщательно все это изучить.

⁵⁶ И перебраться на Самос, где он провел долгое время (вопреки скептицизму, высказываемому в работе: *Pelling C. Herodotus and Samos // Bulletin of the Institute of Classical Studies, University of London. Vol. 54. No. 1. 2011. P. 1–18*).

⁵⁷ *Суриков И. Е.* Геродот. М., 2009. С. 299 сл.

⁵⁸ Подробнее см.: Там же. С. 176 сл.

⁵⁹ Ср. наблюдение современного ученого, что в V в. до н. э. отдаленное прошлое было в памяти людей более живо, чем события относительно недавнего времени: для грека этой эпохи Эдип, Агамемнон или Тесей имели более реальный облик, нежели почти любой исторический деятель предыдущего столетия (*Vandiver E. Heroes in Herodotus: The Interaction of Myth and History. Frankfurt a. M., 1991*).

Итак, спартам близки и интересны повествования на исторические темы (а чуть выше сам Гиппий отмечает, что их не привлекают ни астрономия, ни геометрия, ни грамматика...). Последний тезис Гиппия имеет просто-таки исключительное значение. Ведь именно этот софист внес едва ли не самый большой вклад в становление древнегреческой хронологии как научной дисциплины, составив и издав список олимпийцев. Выясняется, что он сделал это если не по прямой инициативе спартанцев, то, во всяком случае, в угоду им!

И тем не менее на вопрос Сократа: «Скажи мне вот что: ты-то сам в каком государстве из тех, куда заезжаешь, заработал больше денег? Видно, в Лакедемоне, где бываешь чаще всего?» – Гиппий отвечает: «Я там вообще никогда ничего не получал» (Plat. Hipp. M. 283bc). Как видим, спартанцы и Гиппию не дали никаких наград – точно так же, как и Геродоту⁶⁰. И тем не менее Гиппий (хотя он вообще-то имел репутацию любостяжателя) очень часто к ним ездил.

Как соотносились при становлении древнегреческой историографии внутренние потребности и внешние влияния? Первые были всецело определяющими. Практически ни о каких внешних влияниях говорить в данном случае не приходится⁶¹. Да и откуда бы им было взяться? На ниве исторической науки, исторического исследования эллины были первыми. На Ближнем Востоке до них писались хроники, но греки ими не интересовались (поскольку их историческая мысль шла иными путями), да и попросту практически не читали их – в том числе и потому, что упорно не желали изучать иностранные, «варварские» языки⁶².

Древнегреческие историки не ориентировались на какие-либо чужие образцы – они сами создавали такие образцы для других. Таким образом, на вопрос: «Насколько такие образцы необходимы для возникновения историописания?» – реалии античной Эллады дают ответ: не необходимы. Или, по крайней мере, не всегда.

Как соотносятся на начальных этапах формирования античного историописания письменное и устное? Здесь следует говорить о весьма сложном, пло-

⁶⁰ «Награда» спартанцев Геродоту выражалась разве лишь в том, что ему позволили больше, чем остальным чужеземцам, увидеть в их крайне закрытом государстве.

⁶¹ Разумеется, если оставаться в рамках самого историографического жанра. Если выйти за его пределы и включить в рассмотрение общеисторический контекст, то ясно, что такое событие, как Греко-персидские войны, оказало очень большое влияние на творчество эллинских историков (как и отмечалось выше). Но сейчас речь не об этом.

⁶² Даже Геродот, объездивший полмира, путешествовавший больше, чем любой другой античный автор (Momigliano A. *The Classical Foundations...* P. 51), встречавшийся с представителями десятков народов, так и не взял на себя труда выучить язык хоть одного из этих народов и общался со своими чужеземными собеседниками через толмачей. См.: Суриков И. Е. Геродот... С. 257 сл.

дотворном взаимодействии двух названных сфер (и не только в связи с трудами историков). Хорошо известно, что даже самый развитый из древнегреческих социумов – афинский – был вплоть до конца V в. до н. э. ареалом преимущественно устного слова, устной культуры. Лишь в IV в. до н. э. письменные коммуникации начинают играть в среде афинян важную роль⁶³. А историография к тому времени давно уже возникла!

Место живого, устного слова в полисных условиях было колоссальным. Это, собственно, факт, вряд ли нуждающийся в специальных доказательствах. Вполне закономерно, что именно в классической Греции появилась риторика – наука об ораторском искусстве⁶⁴. А разве где-нибудь, кроме Афин V в. до н. э., мог возникнуть феномен Сократа – одного из величайших философов в мировой истории, который при этом не написал ни одного философского труда, а излагал свои идеи исключительно в устной форме?⁶⁵

Сказанное имеет прямое отношение и к эллинским историкам первых поколений. Отмечалось⁶⁶, что они (очевидно, как и ранние прозаики в целом) имели обыкновение устраивать публичные чтения своих трудов. Произведения могли зачитываться либо целиком, либо – если их объем был велик, как у «Истории» Геродота, – слушателям оглашались лишь какие-то части труда. Относительно того же Геродота достоверно известно, что он неоднократно читал свой труд (на разных стадиях работы над ним) перед различными аудиториями (Dio Chrys. Or. XXXVII. 7; Plut. Mor. 862b, 864d; Lucian. Herod. 1; Euseb. Chron. a. Abr. 1572 = Ol. 83, 4; Marcellin. Vita Thuc. 27, 54; Suid. s.v. Θουκυδίδης). Выше уже говорилось о чтении в Афинах, принесшем ему славу и деньги. Но такие чтения проводились им и в других городах – Олимпии, Фивах, Коринфе, причем, что интересно, с разной степенью успеха. Так, некоторые античные авторы сообщают, что у коринфян и фиванцев Геродот не встретил того приема, который ожидал, а самое главное, не получил платы, на которую рассчитывал; обидевшись, он якобы переписал некоторые части своего сочинения с сознательным намерением очернить Коринф и Фивы. В действительности, скорее

⁶³ См. на примере судопроизводства, словесности и др.: Boegehold A. L. et al. The Law courts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora, Vol. 27). Princeton, 1995. P. 21–42; Seidensticker B. Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 175–198.

⁶⁴ Связь между афинской риторикой, демократией, демократической идеологией особенно четко прослежена в работе: Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989.

⁶⁵ Суриков И. Е. Сократ. М., 2011. С. 7 сл.

⁶⁶ Momigliano A. The Historians of the Classical World and their Audiences: Some Suggestions // Annali della Scuola normale superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia. Vol. 8. 1987. P. 63.

всего, в данном случае перепутаны причина и следствие. Отношение к двум названным полисам в «Истории» Геродота действительно далеко от восторженного; очевидно, именно поэтому и его там принимали без энтузиазма.

Итак, Геродот озвучивал устно отрывки из труда своей жизни еще до того, как этот труд был завершен (а надо сказать, что он так и не был завершен⁶⁷). При этом наверняка после каждой такой «лекции» вспыхивало обсуждение, автор отвечал на вопросы, а на какие-то и затруднялся с ходу ответить. Тогда он проводил дополнительное исследование, дорабатывал произведение, вносил в него новые аргументы⁶⁸.

Чтения, таким образом, помогали Геродоту улучшать «Историю». Да и вообще создается впечатление, что основной для него была именно устная, а не письменная форма существования трактата. Строго говоря, неизвестно даже, собирался ли он вообще его издавать. Возможно, и не собирался; во всяком случае, публикация сочинения была осуществлена лишь после смерти автора, его друзьями (Phot. Bibl. cod. 190. 148b).

И вновь – уже далеко не в первый раз – резким контрастом выступает Фукидид. Он в своем известном методологическом пассаже (I. 21–22) так специально и подчеркивает, что пишет не для слушателей, а для читателей. Насколько известно, он и в действительности, в отличие от Геродота и других своих предшественников, не выступал перед публикой с отрывками из своего труда⁶⁹. Вряд ли потому, что не имел такой возможности (после изгнания из Афин он объездил многие регионы эллинского мира); скорее всего, просто не хотел. Иными словами, такова была его принципиальная позиция.

В очередной раз перед нами свидетельство того, что на Геродоте завершается первый цикл эволюции античной историографии, а с Фукидида начинается новый. Между прочим, возможно, релевантен в данной связи даже такой нюанс, как различие названий трудов двух великих «служителей Клио». В русской традиции оба передаются как «История», но в оригинале – иначе. Сочинение Геродота действительно называлось *Historia* (то есть «исследование» и даже «расследование, следствие»). А вот подлинное название произведения Фукидида – *Syngraphe*⁷⁰. Не исключаем, что Фукидид ввел новый термин, а не воспользовался существующим потому, что писал свой трактат во многих отношениях «в пику» Геродоту. Важно уже то, что в наименовании *Syngraphe*

⁶⁷ Суриков И. Е. Очерки об историописании... С. 271 сл.

⁶⁸ Следы подобных дебатов, в которых приходилось подыскивать доводы, см., например: Herod. VI. 43.

⁶⁹ О роли Фукидида в переходе от устного к письменному типу культуры см.: Morrison J. V. Reading Thucydides. Columbus, 2006. P. 9.

⁷⁰ Подробнее см.: Суриков И. Е. Очерки об историописании... С. 92 сл.

явственно присутствует корень *graph-*, однозначно связанный с категорией письменности, письменных форм культуры.

Подытожим наши наблюдения по только что рассматривавшемуся вопросу. Ныне представляется несомненным, что для ранних греческих историков – так называемых «логографов» и Геродота – устные традиции имели гораздо большее значение, нежели письменные памятники. Бесспорно, сказать, что Геродот совсем не пользовался трудами более ранних авторов, было бы явным преувеличением. Например, труд Гекатея Милетского он прекрасно знал. И вовсе не скрывал этого знания, ссылаясь на Гекатея, где требовалось. Есть у него и другие ссылки на письменные тексты. Однако подсчитано: их в пять раз меньше, чем ссылок на лиц, информировавших автора изустно⁷¹. И уже сам этот факт, наверное, о чем-то говорит, отражает реальное происхождение полученных им данных. Вряд ли мы имеем право предположить, что Геродот сознательно старался преуменьшить свою опору на письменную традицию: зачем бы ему это было делать?

Как соотносится в античной Греции возникновение историописания и появление других видов текстов? Здесь мы сталкиваемся с очередным парадоксом. Дело в том, что историография – довольно-таки поздний плод интеллектуальной жизни греков, в частности и применительно к словесности. На тот момент, когда «вышли на сцену» первые историки, в эллинском мире уже весьма развитую форму имела поэзия – во всех своих родах и жанрах (эпос героический и дидактический; лирика элегическая, ямбическая и мелическая; ранние формы драмы⁷²). Раньше исторической прозы возникает философская и естественнонаучная (начиная с Анаксимандра⁷³), а также мифографическая (Ферекид Сиросский, Эпименид Критский и др.⁷⁴), позже нее появляется, пожалуй, только ораторская⁷⁵.

⁷¹ Balcer J. M. Op. cit. P. 26.

⁷² Основатель трагедии Феспид действовал при Писистрате, во второй четверти VI в. до н. э.

⁷³ О роли Анаксимандра как фактического основоположника античной философии и науки см.: Поннер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 566 сл.; Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: избранные статьи позднего периода творчества. М., 1991. С. 28 сл.

⁷⁴ Ср. наше замечание в более ранней работе: «...пророк, поэт, мифограф – вот кого мог числить среди своих предшественников древнегреческий историк» (Суриков И. Е. Очерки об историописании... С. 23).

⁷⁵ Первыми из мастеров ораторского искусства начали записывать свои речи (что положило начало риторике) софисты Горгий и Антифонт. В связи со вкладом Горгия см.: Romilly J. de. Magic and Rhetoric in Ancient Greece. Cambridge (Mass.), 1975. P. 1–22; Wardy R.

Чрезвычайно контрастно выглядит в данном отношении большинство остальных школ историописания. В Риме фасты и анналы – эти первые памятники тамошней исторической мысли – возникают раньше, чем какие-либо иные литературные тексты⁷⁶. Древняя Русь следует аналогичной парадигме: здесь летописи – в числе самых первых памятников словесности. Да и в раннесредневековой Западной Европе не иначе: историографическая традиция зарождается практически сразу⁷⁷.

В чем же в данном случае пресловутая «загадка греков»? Думается, перед нами – частный случай парадокса более общего характера, заключающегося в том, что греки, народ с, если так можно выразиться, «аисторическим» сознанием⁷⁸, без обостренного чувства времени, тем не менее явились первооткрывателями (в мировом масштабе!) исторической науки. Похоже, что они обратились к изучению истории уже тогда, когда едва ли весь круг остальных возможных предметов исследования был уже ими «испробован». Но ведь грекам хотелось во всё дойти, как выразился Пастернак, «до самой сути»! Добросовестность, стремление исчерпать любую проблему – вот этого было у них не отнять. И обуславливалось такое положение, конечно, подчеркнуто агональным характером социума. Чтобы преуспеть, а не стать аутсайдером, нужно было обязательно *доказывать* каждую свою мысль, а не просто декларировать ее.

Наконец, финальные вопросы: может ли появление феномена историописания, рассматриваться как знак определенного уровня развития политического образования? Насколько обязательно возникновение историописания в обществе определенного уровня сложности?

Насколько мы понимаем, единого ответа на столь сложный и многогранный вопрос в принципе не существует. Судя по всему, в каждом из челове-

Rhetoric // Greek Thought: A Guide to Classical Knowledge. L., 2000. P. 465–485. Деятельность Антифонта исчерпывающим образом описана в: *Gagarin M. Antiphon the Athenian...*

⁷⁶ Анналы уже в IV в. до н. э. выставлялись на Форуме (*Бокщанин А. Г.* Источниковедение истории Древнего Рима. М., 1981. С. 23). Первые латинские стихотворные произведения были написаны греком Ливием Андроником во второй половине III в. до н. э.

⁷⁷ *Сидоров А. И.* «Черная кошка в темной комнате»: формирование традиции историописания в раннесредневековой Европе // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М., 2011. С. 37–64.

⁷⁸ Об этом писалось нередко и немало. См., например: *Карсавин Л. П.* Философия истории. СПб., 1993. С. 214 (с некоторыми оговорками); *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 19 сл.; *Бычков В. В.* Эстетика поздней античности (II–III века). М., 1981. С. 22–23 (с литературой по проблеме); *Аверинцев С. С.* Указ. соч. С. 36 сл.; *Суриков И. Е.* Очерки об историописании... С. 12. Возражения см.: *Шичалин Ю. А.* Античность – Европа – история. М., 1999. С. 137 сл.

ческих социумов в данном отношении всё было очень и очень по-разному. Греческий материал показывает только одно: в *данном конкретно взятом* обществе историописание действительно зародилось на достаточно высоком уровне развития. В первую очередь, на наш взгляд, следует учитывать уровень развития *рефлексии*. Маленький пример: вошедший в современную интернациональную лексику термин «демократия» – древнегреческого происхождения, а это, безусловно, означает, что и обозначаемый им феномен впервые открыт греками. В то же время вошедший в современную интернациональную лексику термин «монархия» – тоже греческого происхождения, но это отнюдь не означает, что соответствующий феномен был открыт греками. Это означает только, что греки впервые сделали его предметом теоретической рефлексии, поставили монархию в ряд прочих типов государственных устройств. На Древнем Востоке, где монархия, собственно, возникла, в связи с ней не возникало каких-то специальных размышлений; она воспринималась как нечто естественное, само собою разумеющееся, богами данное и едва ли не единственно возможное. У греков же, в связи с появлением в их цивилизации полисов, которым имманентно было присуще республиканское устройство, появилась возможность сопоставлять, систематизировать, классифицировать. Первую такую классификацию (монархия, олигархия, демократия) встречаем как раз у Геродота; в сущности, последующие поколения мыслителей ничего принципиально нового к ней не прибавили, а лишь уточняли и детализировали. Так, наиболее знаменитая в античности шестичленная классификация (Аристотель, Полибий) напрямую восходит к трехчленной геродотовской.

Точно так же и история впервые у греков становится предметом осмысленной рефлексии. Потому-то историописание и возникает у них сразу как наука, как исследование, а не как тривиальное описание событий. И, безусловно, по той же самой причине эллинская историография, едва родившись, практически сразу достигает колоссальных высот. Что ни говорить, Геродот и Фукидид – это такой уровень, с которым мало что из исторических трудов последующих эпох (вплоть до XVIII–XIX веков) можно сопоставить.

Другое дело, что само развитие рефлексии у греков, о котором идет речь и которое обусловило возникновение исторической мысли (а также философской, научной, эстетической и т. д.)⁷⁹, само обуславливалось, в числе прочих факторов, и политическим развитием. Древнегреческие полисы – при своих небольших размерах – были политическими единицами весьма развитыми и сложными, а по меркам древнего мира – просто беспрецедентно развитыми и сложными.

⁷⁹ В результате греческой «интеллектуальной революции» возникает такой взгляд на мир, как рефлексивный традиционализм, продержавшийся в Европе вплоть до XVIII в. См.: Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 107 сл.

КЛАССИЧЕСКАЯ АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И УСТНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ*

В мировой историографии последних десятилетий одно из популярных и даже «модных» направлений – изучение устной истории (oral history). Исследования, проводившиеся в этой сфере, продемонстрировали, что устная историческая память весьма отлична от той, которая зафиксирована в письменных источниках; она пользуется своеобразными механизмами и обладает весьма специфическими особенностями.

Так, показано¹, что в устной памяти даже важнейшие события сохраняются в относительно корректной форме примерно на протяжении столетия (жизнь трех человеческих поколений), а затем они начинают подвергаться самым разнообразным искажениям, обрастают красочными деталями и подробностями чисто легендарного характера. Более того, столетие аутентичной передачи – это еще один из самых лучших возможных вариантов, реализующийся в тех случаях, когда факт, о котором рассказывается, не вызывает прагматической заинтересованности того или иного рода у последующих поколений (но такие факты – именно в силу названного фактора – редко и запоминаются).

В тех же случаях, когда событие оказывает влияние на будущее, его передача устной традицией значительно раньше, едва ли не сразу, становится тенденциозной. Например, поступательной и интенсивной мифологизации подвергались образы раннегреческих законодателей². И данное обстоятельство вполне понятно: греческие полисы на протяжении еще многих веков жили по законам, введенным этими деятелями, иными словами, их фигуры оставались актуаль-

* Впервые опубликовано в: Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год. Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 497–520.

¹ Этапной в данном отношении стала известная работа: Vansina J. Oral Tradition: A Study in Historical Methodology. L., 1965. Применительно конкретно к античной Греции см.: Ruschenbusch E. Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 70; Суриков И. Е. Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемические заметки). Ч. I // Из истории античного общества. Вып. 11. Нижний Новгород, 2008. С. 9.

² Ruschenbusch E. ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v.Chr. // Historia. 1958. Bd. 7. Ht. 4. S. 398–424; Szegegy-Maszak A. Legends of the Greek Lawgivers // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 19. No. 3. 1978. P. 199–209.

ными. А достоверных данных о них существовало очень немного. И поскольку, как известно, «свято место пусто не бывает», место фактов в последующем восприятии занимали красивые построения «вторичной мифологии».

В частности, в Афинах постоянно – по поводу и без повода – апеллировали к Солону и его законам. В результате сложившаяся традиция о Солоне (в том виде, в каком мы ее теперь имеем) чрезвычайно сложна и запутана легендарными наслоениями³ (вполне естественный процесс, когда история используется в политической полемике), что крайне затрудняет для ученых исследование солоновской деятельности. Солон воспринимался как одна из парадигматических фигур прошлого и, соответственно, постоянно появлялся в политическом дискурсе. Представал он всегда как образец и идеал не только законодателя, но и гражданина в целом (см. весьма характерные пассажи: Demosth. XIX. 251–256; XX. 102–104; XX. 30–32; XXIV. 113–115). Отметим еще вот какой занятый факт: Клизфен – реформатор, по масштабу и последствиям своей деятельности вполне сопоставимый с Солоном⁴, но проводивший свои преобразования почти на век позже, – в число подобных же парадигматических фигур ни в малейшей степени не вошел, оказался почти забыт⁵.

В связи со сказанным упомянем об одном из эпизодов дебатов, ведшихся в Афинах в эпоху Пелопоннесской войны по вопросу о том, какие политические реформы необходимо провести для увеличения эффективности управления и общего улучшения положения, становившегося угрожающим.

Клитофонт... внес еще дополнительно письменное предложение о том, чтобы избранные лица... рассмотрели отеческие законы, которые издал Клизфен, когда устанавливал демократию, и чтобы, заслушав также и их, приняли наилучшее решение – потому, говорил он, что государственный строй Клизфена был не демократический, а близкий к солоновскому (Arist. Ath. pol. 29. 3).

³ О процессе формирования этой традиции см., в частности: *Oliva P.* Solon im Wandel der Jahrhunderte // *Eirene*. Vol. 11. 1973. P. 31–65; *Mossé C.* Comment s'élabore un mythe politique: Solon, «père fondateur» de la démocratie athénienne // *Annales: économies, sociétés, civilisations*. Vol. 34. No. 3. 1979. P. 425–437; *David E.* Solon, Neutrality and Partisan Literature of Late Fifth-Century Athens // *Museum Helveticum*. Vol. 41. Fasc. 3. 1984. P. 129–138; *Hansen M. H.* Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // *Classica et mediaevalia*. Vol. 40. 1989. P. 71–99.

⁴ *Stahl M., Walter U.* Athens // *A Companion to Archaic Greece*. Oxf., 2009. P. 160.

⁵ Интересно, что и в современной историографии он разделяет ту же незавидную судьбу. Ему, кажется, посвящено лишь одно монографическое исследование, да и то довольно давнее (*Lévêque P., Vidal-Naquet P.* Clisthène l'Athénien. P., 1964), в то время как число монографий о Солоне, наверное, приближается уже к трем десяткам (именно поэтому не будем утомлять читателей их перечислением).

Как можно прокомментировать данный пассаж? Мы находимся в области внутривнутриполитической полемики. Идет дискуссия о реформе государственного устройства, а сама эта реформа, как легко заметить, видится единственно как возвращение к какому-то моменту в прошлом – к такому, когда еще не началась пресловутая «порча». Налицо значительная мифологизированность политического сознания, с присущим миру мифа базовым представлением, согласно которому было когда-то парадигматичное «время оно»⁶.

И вопрос стоит только так: где же конкретно он, тот самый момент в прошлом, к которому оптимально было бы возвратиться? Кипят оживленные споры, и в них постоянно задействуется историческая аргументация. Возвращаться ли к порядкам Клисфена, который уже тогда имел реноме «отца афинской демократии», но при этом, как считалось, установил умеренный, а не радикальный тип народовластия? Но перед принятием столь ответственного решения вначале предстояло еще разобраться с тем, что в действительности представляли собой эти самые клисфеновские порядки. Были ли они на самом деле уже демократическими или еще нет? От деятельности Клисфена (507 г. до н. э.) до описываемой дискуссии (411 г. до н. э.) прошел почти век, и не приходится удивляться тому, что о столь давних событиях общественное мнение имело лишь самое смутное представление. А провести профессиональное изыскание на предмет выявления истины тоже было крайне непросто⁷.

Некоторые участники дебатов шли и дальше: а может быть, возвращаться стоит к порядкам Солона, то есть сделать еще шаг назад? Или отступить еще глубже в прошлое – к досолоновской политике, заведомо имевшей чисто олигархический характер? Случалось, что верх одерживали именно представители этой последней точки зрения. Во всяком случае, в Афинах конца V в. до н. э. дважды устанавливалась (мирным путем, без кровопролития) весьма жесткая олигархия (перевороты 411 и 404 г. до н. э.)⁸, хотя оба раза – ненадолго.

⁶ Эту категорию особенно детально разбирает в таких работах такой выдающийся религиовед, как Мирча Элиаде. См., например: *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994; *Он же.* Аспекты мифа. М., 1996.

⁷ Это связано с тем, что афиняне по большей части весьма небрежно относились к письменной фиксации и сохранению своих законодательных актов. Данный факт признается даже учеными, в целом занимающими по вопросу более или менее оптимистичную позицию, например: *Sicking J.* The Laws of Athens: Publication, Preservation, Consultation // *The Law and the Courts in Ancient Greece.* L., 2004. P. 93–109.

⁸ *Krentz P.* The Thirty at Athens. Ithaca, 1982; *Lehmann G. A.* Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr. Opladen, 1997; *Hefner H.* Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v. Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen. Frankfurt a. M., 2001.

* * *

Разумеется, устные исторические традиции удобнее всего изучать в современных обществах, когда можно путем опросов получить детальные сведения о зарождении, формировании, эволюции этих традиций. Для более ранних эпох, в том числе для античности, такая полнота картины заведомо невозможна, поскольку мы имеем дело лишь с дошедшими до нас разрозненными звеньями некогда единой цепочки. Да и дошли-то они, не следует забывать, не непосредственно (ясно, что мы не можем побеседовать с древним греком), а только через посредство античных авторов, то есть письменных источников.

Так, опора почти исключительно на устные свидетельства была характерна для Геродота⁹, ибо «отец истории», реконструируя ход Греко-персидских войн и сопряженных с ними процессов, практически не имел предшественников на этом поприще. Он весьма редко использовал письменные, документальные источники. Геродот вынужден был идти непроторенными путями. Традиция историописания в Элладе только-только начала складываться (в лице так называемых «логографов»¹⁰), а составление хроник, анналов, на данные которых можно было бы опираться, в греческих полисах не привилось.

Геродоту было, конечно, трудно – как любому первопроходцу. Уже гораздо легче было античным историкам следующих за ним поколений. Они имели возможность черпать информацию друг у друга, ссылаться на сформировавшуюся письменную традицию, создавать такой могучий инструмент работы, как научный аппарат. Ссылками – уважительными или критическими – на произведения предшественников переполнены книги авторов, работавших в исто-

⁹ См. в данной связи, например: *Каллистов Д. П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи Л., 1949. С. 87; *Суриков И. Е.* Геродот. М., 2009. С. 329 сл.; *Ruschenbusch E.* Die Quellen. S. 70 ff.; *Balcer J. M.* Herodotus and Bisitun. Stuttgart, 1987. P. 26; *Evans J. A. S.* Herodotus, Explorer of the Past. Princeton, 1991. P. 89 ff.; *Murray O.* Herodotus and Oral History // *The Historian's Craft in the Age of Herodotus.* Oxf., 2001. P. 16–44; *Patzek B.* Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Geschichtswerk Herodots // *Klio.* Bd. 84. Ht. 1. 2002. S. 7–26; *Slings S. R.* Oral Strategies in the Language of Herodotus // *Brill's Companion to Herodotus.* Leiden, 2002. P. 53–77.

¹⁰ О некорректности этого термина применительно к первым древнегреческим историкам см.: *Суриков И. Е.* ЛОГОГРАФОΙ в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // *ВДИ.* № 2. 2008. С. 25–37. Возражения, недавно высказанные одним из коллег (*Строгецкий В. М.* Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Ч. 1. Геродот. Нижний Новгород, 2010. С. 91 сл.) неубедительны, поскольку порождены непониманием главных положений, высказанных нами в только что указанной статье.

рическом жанре на протяжении эллинистической и римской эпох: Полибия, Диодора Сицилийского, Тита Ливия и многих других¹¹.

А на кого было ссылаться Геродоту? До него не то чтобы совсем никто не писал о Греко-персидских войнах¹² – главном предмете его труда, но, во всяком случае, никто не делал это с такой степенью фундаментальности, подробности, детализации. Сам историк тоже не являлся непосредственным очевидцем описываемых им событий: в момент изгнания персов из Эллады он был еще ребенком.

В результате, собирая необходимые сведения, ему приходилось, объезжая города и страны, в буквальном смысле слова «снимать показания» со свидетелей происшедшего. Он действовал как самый настоящий следователь (впрочем, само слово «история» изначально обозначало как раз что-то вроде «следствия»). Когда же речь идет о событиях более древних, для которых заведомо невозможно было найти свидетелей, Геродот опирался на богатейшую устную традицию. То тут, то там он внимательно слушал (и, несомненно, записывал) то, что предлагали ему местные жители, – рассказы о прошлом, легенды, предания, даже анекдоты и сказки... И сохранил всё это для нас – пусть не без некоторого сумбура.

Можно, конечно, сказать, что «отец истории» не критично относился к оказавшемуся в его распоряжении разнородному материалу, не был склонен отделять истину от досужих побасенок. Но вряд ли стоит порицать его за это. Ведь галикарнасец выработал специфическую, вполне сознательную позицию. Эта позиция отразилась в его известнейших словах, без учета которых просто невозможно понять Геродота: «Что до меня, то мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан. И этому правилу я буду следовать во всем моем историческом труде» (Herod. VII. 152).

Иногда высказывается мнение, согласно которому бóльшим, чем обычно думают, был удельный вес письменных свидетельств среди источников «Отца истории»¹³. Но трудно согласиться с тем, что это мнение верно. Да, бесспор-

¹¹ Впрочем, см. важные, оригинальные соображения о специфике ссылок античных историков на предшественников: Вен П. Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М., 2003. С. 11 сл.

¹² Указания на (не дошедшие до нас) исторические работы на ту же тему, созданные до Геродота или примерно одновременно с ним, см.: Balcer J. M. Op. cit. P. 24.

¹³ По вопросу об источниках Геродота за последнее время сложилась немалая и интересная своим полемическим характером историография. Начало дискуссии положил Д. Фелинг, в намеренно провокативной работе высказавший гиперкритическое отношение к традициям, отразившимся у «отца истории»: Fehling D. Herodotus and his 'Sources': Citation, Invention and Narrative Art. Leeds, 1989. В продолжение дискуссии см.: Vandiver E. Heroes in Herodotus: The Interaction of Myth and History. Frankfurt a. M., 1991; Pritchett W. K. The Liar

но, сказать, что Геродот совсем не пользовался трудами более ранних авторов, значило бы впасть в явное преувеличение. Например, труд Гекатея Милетского он прекрасно знал. И вовсе не скрывал этого знания, ссылаясь на Гекатея, где требовалось¹⁴. Есть у него и другие ссылки на письменные тексты. Однако подсчитано: их в пять раз меньше, чем ссылок на лиц, информировавших автора изустно¹⁵. И уже сам этот факт, наверное, о чем-то говорит, отражает реальное происхождение полученных им данных. Вряд ли мы имеем право предположить, что Геродот сознательно старался преуменьшить свою опору на письменную традицию: зачем бы ему это было делать?

«Отец истории» наблюдал, задавал вопросы, побуждал очевидцев событий делиться с ним воспоминаниями – ну и, конечно, иногда консультировался с теми немногими папирусными свитками, которые попадали ему в руки. Подчеркнем: очень немногими, ибо многих ко времени его жизни попросту не было. Прошло лишь несколько десятилетий, как появилась историческая проза, и она, в сущности, делала первые робкие шаги.

У Геродота наиболее часты ссылки типа «По словам лакедемонян...», «Афиняне говорят...», «Как считают коринфяне...» и т. п. Конкретных имен чаще всего вообще не называется. Тем труднее представить себе, что в основе таких сообщений лежит какой-то письменный источник, например исторический труд. Потому что тогда, несомненно, были бы названы конкретные авторы и Геродот не выражался бы столь туманно-абстрактно. Ведь не существует исторических сочинений, написанных и подписанных «афинянами» и «коринфянами». Во всех таких случаях речь явно идет о «коллективном мнении» народа того или иного эллинского (или неэллинского) государства, об устойчивой традиции, а если выразиться несколько осовремененным языком, – о «национальной мифологии».

* * *

Мы достаточно подробно остановились на проблематике, связанной с Геродотом, в том числе и потому, что прекрасно известно: этот историк был

School of Herodotus. Amsterdam, 1993; *Thomas R.* Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion. Cambridge, 2000; *Bichler R.* Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte. 2 Aufl. B., 2001.

¹⁴ Высокую оценку значения Гекатея для развития историографии в целом и его влияния на Геродота в частности см., например, в работе: *Heidel W. A.* Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus, Book II. N. Y.; L., 1987. P. 119. Ср., однако, также противоположное мнение о Гекатее: *West S.* Herodotus' Portrait of Hecataeus // *Journal of Hellenic Studies*. 1991. Vol. 111. P. 144–160. Согласно автору этой работы, достоинства Гекатея как историка преувеличены, на самом деле его фрагменты разочаровывают.

¹⁵ *Balcer J. M.* Herodotus. P. 26.

теснейшим образом связан с Афинами, неоднократно в течение своей жизни посещал их, в своем труде часто проводил точку зрения, весьма благоприятную для афинян¹⁶. А именно к афинским сюжетам мы теперь и возвращаемся.

Несмотря на отмеченные выше сложности, сопряженные с изучением устной традиции применительно к античности, в целом анализ сохранившихся данных этой традиции о некоторых ключевых периодах древнегреческой истории представляет значительный интерес. Здесь будет рассмотрена роль устной исторической памяти в самоидентификации и самооценке классической афинской демократии V–IV вв. до н. э.

В литературе уже привлекалось внимание к следующему немаловажному и интересному, даже парадоксальному обстоятельству. Афинская демократия не создала сколько-нибудь стройной и законченной теории, которая оправдывала и обосновывала бы существование этого государственного строя. Во всяком случае, такая теория не существовала в виде какого-то письменного текста¹⁷. Попытки считать некоторых афинских мыслителей, например Фукидида, идеологами демократии¹⁸ нельзя признать достаточно убедительными. Фукидид идеального государственного деятеля видел в Перикле¹⁹ (а ведь при нем «по названию... было правление народа, а на деле власть первого гражданина», Thuc. II. 65. 9), а оптимальное государственное устройство – в умеренной олигархии «Пяти тысяч» (Thuc. VIII. 97. 2)²⁰. Что же касается крупнейших филосо-

¹⁶ Тема «Геродот и Афины» получила широкое освещение в современной исторической науке. Назовем лишь несколько наиболее важных исследований: *Strasburger H.* Herodot und das perikleische Athen // *Historia*. Bd. 4. Ht. 1. 1955. S. 1–25; *Schwartz J.* Hérodote et Périclès // *Historia*. Bd. 18. Ht. 3. 1969. S. 367–370; *Ostwald M.* Herodotus and Athens // *Illinois Classical Studies*. Vol. 16. No. 1/2. 1991. P. 111–124; *Forsdyke S.* Athenian Democratic Ideology and Herodotus' Histories // *American Journal of Philology*. Vol. 122. 2001. P. 329–358; *Moles J.* Herodotus and Athens // *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden, 2002. P. 33–52; *Fowler R.* Herodotus and Athens // *Herodotus and his World*. Oxford, 2003. P. 303–318; *Surikov I.* Herodotus' Histories and Athenian Aristocracy // *International Quadrennial Conference: Hellenic Dimension: Studies in Language, Literature, Culture*. Riga, 2009. P. 32.

¹⁷ *Ober J.* Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998. P. 32–33; *Карпюк С. Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 199.

¹⁸ *Кесциди Ф. Х.* Философия истории Фукидида. СПб., 2008; *Farrar C.* The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens. Cambridge, 1989.

¹⁹ *Will W.* Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003.

²⁰ См. к проблеме также: *Raaflaub K. A.* Thucydides on Democracy and Oligarchy // *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 2006. P. 189–222; *Нукитюк Е. В.* Фукидид и афинская демократия // *Мнемон*. Вып. 7. 2008. С. 119–134.

фов, таких как Сократ²¹, Платон, Аристотель и др., и политических теоретиков (Псевдо-Ксенофонт²², Ксенофонт), то они занимали по отношению к демократическому правлению позицию жесткого неприятия, полного и безоговорочного: отвергали не какие-нибудь отдельные недостатки этой системы, предлагая их исправить, а всю систему как целое, полагая ее в принципе порочной и не-исправимой²³.

Порой, правда, в западной историографии периодически повторяются попытки «обелить» великих мыслителей античности от этого антидемократизма, объявить, скажем, Платона или – еще чаще – Аристотеля сторонниками демократии, хотя бы в ее умеренной форме²⁴. Но попытки эти выглядят абсолютно тенденциозными (и даже, не побоимся этого слова, конъюнктурными)²⁵.

Особенно часто стремятся сделать «демократа» из Сократа. Так, например, по мнению Г. Властоса, известного специалиста по творчеству «афинского мудреца», это-де Платон, причем только в своих зрелых трудах, сделал из своего учителя элитистского философа, а на самом деле взгляды того были вполне демократическими²⁶. В данном случае, конечно, априорные идеологические установки тоже торжествуют над научной акрибией.

Наиболее фундаментальный анализ политических взглядов Сократа содержится в монографии Р. Краута «Сократ и государство»²⁷, и поэтому на взглядах ее автора необходимо остановиться подробнее. Краут, стараясь взвешенно

²¹ Об антидемократических взглядах Сократа см. в недавней работе: *Зборовский А. В.* Сократ и афинская демократия (социально-философское исследование). Красноярск, 2007. Книга страдает некоторой долей дилетантизма, но сделанные в ней выводы следует признать в целом верными. Об элитаризме и антидемократизме политических взглядов Сократа см. также: *Фролов Э. Д.* Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества и государства. Л., 1984. С. 83 сл.

²² Имеется в виду автор дошедшей под именем Ксенофонта «Афинской политики» («Старый олигарх», как его совершенно произвольно и некорректно часто называют в западной исследовательской литературе). Недавно мы высказали предположение, что трактат в действительности был написан известным софистом и оратором Антифонтом: *Суриков И. Е.* Antiphon V: Философские фрагменты Антифонта // *Studia historica*. Т. 10. 2010. С. 62 сл.

²³ *Туманс Х.* Псевдо-Ксенофонт – «Старый олигарх» или демократ? // *ВДИ*. 2004. № 3. С. 24.

²⁴ Например: *Барнс Дж.* Аристотель: краткое введение. М., 2006. С. 162; *Monoson S.* Plato's Democratic Entanglements: Athenian Politics and the Practice of Philosophy. Princeton, 2000. Passim.

²⁵ Критику подобного подхода (применительно к Платону) см.: *Rowe C. J.* Killing Socrates: Plato's Later Thoughts on Democracy // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 121. 2001. P. 63–76.

²⁶ *Vlastos G.* Socrates, Ironist and Moral Philosopher. Ithaca, 1991. P. 48.

²⁷ *Kraut R.* Socrates and the State. Princeton, 1984. Passim.

подходить к проблеме, утверждает, что Сократ относился к афинской демократии отчасти позитивно, а отчасти негативно, то есть что-то в ней принимал, а что-то не принимал. А именно: афинская демократия характеризовалась двумя главными чертами – свободой и равенством. Из этих двух принципиальных характеристик свобода была Сократу, естественно, симпатична (поскольку она позволяла ему беспрепятственно высказывать свои идеи), а вот равенства он не одобрял, ибо оно приводило к автоматическому господству большинства, то есть к власти некомпетентной толпы, которую столь часто критиковал философ. Перед нами весьма интересная точка зрения, имеющая право на существование. Однако если мы ее примем, то окажемся перед противоречием. Краут и сам не может не признать, что Сократ с большой похвалой отзывался о спартанском государственном устройстве. Однако в Спарте-то как раз из двух вышеназванных черт *свобода* отсутствовала, а *равенство* граждан всячески насаждалось. Должны ли мы видеть здесь непоследовательность в сократовской мысли? Или же лаконофильство Сократа (равно как и его ученика Платона²⁸) преувеличено? Вопрос, несомненно, нуждается в дальнейшем изучении.

А теперь – принципиальный вопрос: коль скоро представители интеллектуальной элиты классических Афин разделяли в той или иной мере антидемократическую идеологию и проводили ее в своих трудах, то как же в таком случае сторонники демократии (а ведь они, безусловно, имелись, и их было в полисе подавляющее большинство) осуществляли манифестацию своих ценностей? Ответ может быть только один: именно посредством устного дискурса. И это тем более естественно, что Афины в классическую эпоху (особенно в V в. до н. э.) были в целом устным социумом. Масса демоса обладала грамотностью в степени, достаточной для того, чтобы, скажем, нанести надпись на черепке для остракизма²⁹, но явно недостаточной для того, чтобы читать серьезные теоретические трактаты³⁰.

²⁸ Ср. интересное наблюдение Дж. Диллона: моделью идеального государства у Платона скорее является не Спарта или Крит, как обычно считают (это общераспространенная точка зрения, см., например: *Schütrumpf E. Politische Reformmodelle im vierten Jahrhundert. Grundsätzliche Annahmen politischer Theorie und Versuche konkreter Lösungen // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 272–273*), а те режимы, которые установили пифагорейцы в полисах Великой Греции (например, Архит в Таренте): во главе стоят правители-философы, под началом у них находится войско («стражи»), ниже следует просто-народье. См.: *Диллон Дж. Наследники Платона: Исследования истории Древней Академии (347–274 гг. до н. э.). СПб., 2005. С. 249. О правлении Архита в Таренте см.: Huffman C. A. Archytas of Tarentum: Pythagorean, Philosopher and Mathematician King. Cambridge, 2005. P. 8 ff.*

²⁹ *Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 287 сл.*

³⁰ Ср. оценку «среднестатистической» грамотности афинян классической эпохи в исследованиях: *Harris W. V. Ancient Literacy. Cambridge (Mass.), 1989; Hedrick C. W. Ancient History: Monuments and Documents. Oxf., 2006.*

* * *

Об отдельных элементах устного демократического дискурса, о котором идет речь, можно составить достаточно детальное понятие на основе имеющихся свидетельств. Так, одно из ключевых мест в афинской «демократической мифологии» устойчиво занимали фигуры «тираноубийц» Гармодия и Аристогитона. Складыванию традиции о них посвящена достаточно обширная литература³¹ (наиболее подробно и со ссылками на предшествующие исследования см.: Lavelle 1993. P. 42 ff.).

Как известно, два названных афинянина в 514 г. до н. э. из личной мести убили Гиппарха, брата тирана Гиппия, после чего были сами схвачены и умерщвлены. Они *не* свергли тиранию в своем полисе и *не* установили демократию, а между тем впоследствии в народных представлениях однозначно выступали именно в такой роли (хотя в действительности и свержение тирании, и установление демократии – инициатива Клисфена из рода Алкмеонидов). Нельзя не заметить, что уже в классическую эпоху серьезные ученые, как могли, боролись с этим устоявшимся, но противоречащим действительности мифом о «тираноубийцах». Во второй половине V в. до н. э. его опровергал Геродот (V. 55 sqq.), на рубеже V–IV вв. до н. э. – Фукидид (I. 20; VI. 53 sqq.), во второй половине IV в. до н. э. – Аристотель (Ath. pol. 18 sq.). Но всё напрасно! Уже сам тот факт, что данную традицию приходилось снова и снова оспаривать, надежно свидетельствует о ее живучести.

Приведем соответствующие пассажи о «тираноубийцах», принадлежащие перечисленным выше историкам.

Геродот:

Гиппарха, сына Писистрата и брата тирана Гиппия, убили Аристогитон и Гармодий, по происхождению Гефиреи (Гиппарху ясно предвозвестило его участь сновидение). После его смерти тирания в Афинах продолжала существовать еще четыре года и была не менее, а скорее даже более жестокой, чем прежде.

³¹ См., например: *Lang M.* The Murder of Hipparchus // *Historia*. Bd. 3. Ht. 4. 1955. S. 395–407; *Fitzgerald T. R.* The Murder of Hipparchus: A Reply // *Historia*. Bd. 6. Ht. 3. 1957. S. 275–286; *Podlecki A. J.* The Political Significance of the Athenian «Tyrannicide»-Cult // *Historia*. Bd. 15. Ht. 2. 1966. S. 129–141; *Fornara C. W.* The «Tradition» about the Murder of Hipparchus // *Historia*. Bd. 17. 1968. S. 400–424; *Lavelle B. M.* Herodotos and the Tyrant-Slayers // *Rheinisches Museum für Philologie*. Bd. 131. Ht. 3/4. 1988. S. 211–215; *Idem.* The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993. P. 42 ff. (в последней монографии сюжет рассмотрен наиболее подробно и со ссылками на предшествующие исследования).

Фукидид:

...Люди склонны принимать на веру от живших раньше без проверки сказания о прошлом, даже если они касаются их родины. Так, большинство афинян, например, считают, что Гармодий и Аристокитон убили Гиппарха, который был тираном, и не знают, что правил Гиппий, так как он был старшим из сыновей Писистрата, Гиппарх же и Фессал были его братьями. Но Гармодий и Аристокитон именно в тот день непосредственно перед деянием заподозрили, что соучастники их донесли о замысле Гиппия, и отказались от убийства, предполагая, что Гиппий был заранее предупрежден. Но так как они хотели, прежде чем их схватят, сперва совершить нечто достопамятное, то убили Гиппарха... Народ знал (по слухам) о том, сколь свирепой стала под конец тирания Писистрата и его сыновей (к тому же тиранов свергли не сами граждане и не Гармодий, а лакедемоняне)... Поводом для отважного подвига Аристокитона и Гармодия послужила любовная история, которую я расскажу здесь подробнее и покажу, что ни у других эллинов, ни у самих афинян нет никаких точных сведений об этом событии. После того как Писистрат скончался в преклонном возрасте, тиранию унаследовал не Гиппарх, как обычно думают, а старший сын Гиппий... А то, что Гиппий, как старший, наследовал власть, я могу определенно утверждать, так как собрал из устных источников более точные сведения об этом, чем другие... С того времени власть тиранов стала для афинян более тяжелой, и Гиппий, который после смерти брата, страшась за свою жизнь, стал еще более подозрительным, множество граждан осуждал теперь на казнь... Еще три года после этого Гиппий сохранял свою тираническую власть в Афинах. На четвертом же году его низложили лакедемоняне и возвратившиеся из изгнания Алкмеониды.

Аристотель:

Делами управляли в силу своего достоинства и старшинства Гиппарх и Гиппий; при этом Гиппий как старший и как человек, от природы одаренный способностями государственного деятеля и серьезный, стоял во главе правления. Между тем Гиппарх был человек легкомысленный, влюбчивый и поклонник Муз... После этого (т. е. после убийства Гиппарха Гармодием и Аристокитоном. – И. С.) тирания стала гораздо более суровой, так как Гиппий, мстя за брата, многих перебил и изгнал...

Это – факты. И тем не менее сразу после свержения тирании на афинской Агоре была установлена скульптурная группа, изображавшая Гармодия и Аристокитона. Автором статуй был Антенор; а когда Ксеркс, на краткий срок захвативший в 480 г. до н. э. Афины, увез эти произведения искусства в Персию, афиняне заменили утраченный памятник: вместо него был воздвигнут другой,

работы Крития и Несиота³². Потомки «тираноубийц» после установления демократии получили «на вечные времена» ряд почетнейших льгот и привилегий (хотя лично эти люди абсолютно ничем не блистали). К слову сказать, Алкмеониды, потомки Клисфена – реального инициатора свержения тирании и установления афинской демократии – никакими подобного рода почетными правами не пользовались³³ (хотя среди них как раз имелся ряд выдающихся деятелей). Так реальность побеждалась мифом, сотворенным не в какие-то незапамятные времена, а рождавшимся, формировавшимся и передававшимся «из уст в уста» уже на памяти первых греческих историков.

Традиция о «тираноубийцах» транслировалась³⁴ в первую очередь посредством сколиев – застольных песен, импровизированно исполнявшихся афинянами на дружеских пирушках-симпозиях³⁵. Имеется уникальный образчик полностью сохранившегося сколия (Carm. conviv. fr. 10 Page), в котором речь идет именно о Гармонии и Аристогитоне; его просто необходимо привести в работе, посвященной устной исторической традиции в рассматриваемую эпоху:

³² Именно этот последний стал хрестоматийным, воспроизводится во всех книгах по истории античного искусства. Слепок с этого действительно великолепного шедевра «строгого стиля» ранней классики имеется и в «греческом зале» ГМИИ им. А. С. Пушкина.

³³ Строго говоря, у Клисфена, насколько известно, не было сыновей, а только дочери. См. разбор вопросов личной жизни этого реформатора в статье: *Cromey R. D. Kleisthenes' Fate // Historia. Bd. 28. Ht. 2. 1979. S. 129–147*; вышеупомянутая монография П. Левека и П. Видаль-Накэ (*Lévêque P., Vidal-Naquet P. Op. cit.*) отнюдь не посвящена Клисфену как человеку. Соответственно, прямого потомства по мужской линии у него и в следующих поколениях быть не могло (по женской – имелось, например знаменитый Алкивиад). Однако не сомневаемся, что, даже если бы таковое и было, никаких привилегий ему всё равно не предоставили бы. В целом о роде Алкмеонидов, с генеалогическими таблицами, см.: *Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000.*

³⁴ В связи с трансляцией традиции, особенно в преимущественно устных обществах, см. блестящую работу, посвященную совершенно иной цивилизации, но богатую наблюдениями общетеоретического характера: *Семенцов В. С. Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавадгиты // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 5–32.*

³⁵ Феномен античного симпозиума в последнее время неоднократно подробно и тщательно изучался в историографии. Отметим, в частности, коллективные монографии: *Symptotica: A Symposium on the Symposion / Ed. by O. Murray. Oxf., 1990*; *Symposion and Philanthropia in Plutarch / Ed. by J. Ribeiro Ferreira, D. Leão, M. Tröster, P. Barata Dias. Coimbra, 2009.*

Под листьями мирта мечи понесем³⁶,
 Подобно Гармодию с Аристокитоном,
 Когда поразили тирана мечом
 И равными сделали всех пред законом.
 О милый Гармодий, не умер ты, нет!
 На острове ныне живешь ты блаженных –
 В стране, где Ахилл быстроногий живет,
 Где вечно витает Тидид³⁷ благородный.
 Под листьями мирта мечи понесем,
 Подобно Гармодию с Аристокитоном,
 Как в праздник Афины великой вдвоем
 Тирана Гиппарха они поразили.
 Да, вечная слава вас ждет и потом,
 О милый Гармодий с Аристокитоном,
 За то, что тирана сразили мечом
 И равными сделали всех пред законом.
 (Пер. С. И. Радцига).

Не будем здесь детально углубляться в текстологию и критику только что приведенного перевода; общий смысл произведения он передает вполне верно, а детали для нас в данном случае не столь принципиальны. Отметим, что в сколии из раза в раз повторяется мысль, согласно которой Гармодий и Аристокитон убили *тирана*, то есть проявляется именно афинская устная демократическая традиция – та самая, с которой спорят Геродот, Фукидид, Аристотель в приведенных выше цитатах.

Тут, возможно, имеет смысл остановиться на нюансе, который может показаться парадоксальным. Как появлялись на свет сколии? Они являли собой образчики чисто импровизированной поэзии³⁸, в полном смысле слова плоды «коллективного творчества». Один из участников симпозиа выпевал первую строку, второй на ходу придумывал следующую, третий подхватывал, четвертый продолжал и т. д. В чем в большей степени, нежели в этих моментально рождавшихся стихах, могло проявиться глубинное, нерerefлектированное со-

³⁶ Гармодий и Аристокитон убили Гиппарха на празднике Великих Панафиней, на котором появляться с оружием, разумеется, запрещалось, но участники несли в дар богине ветви мирта, в которых не столь уж и трудно было спрятать меч или кинжал.

³⁷ Диомед, сын Тидея, – наряду с Ахиллом один из славнейших героев Троянской войны.

³⁸ О сколиях в контексте симпозиа см.: Zorzetti N. The Carmina Convivalia // *Symptotica: A Symposium on the Symposion*. Oxf., 1990. P. 289–307; Rösler W. Mnemosyne in the Symposion // *Symptotica: A Symposium on the Symposion*. Oxf., 1990. P. 230–237.

знание афинских граждан – грубо говоря, то, что они «на самом деле думали»? В этом смысле сколии (само их название, кстати, переводится как «кривые» песни, поскольку при большом количестве авторов-участников правильный стихотворный размер было практически невозможно удержать) ждут еще своего вдумчивого исследователя, способного проследить все импликации отражавшихся в них эмоций. Пока же, к сожалению, о них даже почти не задумываются, – хотя именно в связи с проблемой устных традиций они особенно интересны.

Заметим еще, что не освещена в полной мере даже такая принципиальная проблема: действительно ли является демократичным этот народный жанр? Симпозиции, на которых исполнялись сколии, были феноменом, в общем, аристократическим; соответственно, и относительно звучавшей на них поэзии в последнее время всё чаще высказывается воззрение³⁹, согласно которому это не полисно-демократическая, а элитарно-аристократическая поэзия. Даже Тиртея, которого традиционно считали «певцом полиса» по преимуществу, ныне склонны воспринимать скорее как певца элитарных слоев полиса. Вопрос, поставленный здесь, сам по себе интересен, но в рамках данной статьи вряд ли имеет смысл подробно останавливаться на нем.

* * *

В процитированном выше сколии о Гармонии и Аристокитоне утверждает-ся, что они (если на сей раз дословно передать выражения подлинника) «убили тирана и установили в Афинах равноправие»⁴⁰. Имеется в виду термин *isonomia*, которым в первой половине V в. до н. э. обозначалась афинская демократия⁴¹ (сам термин *demokratia* тогда еще не возник⁴²), и употребление в тексте сколии соответствующей лексики говорит о том, что перед нами аутентичный, созданный в весьма раннюю эпоху памятник устной исторической поэзии (хоть он и дошел до нас в передаче довольно позднего автора – Афиней).

³⁹ Например, особенно настойчиво – в монографии: *Irwin E. Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation*. Cambridge, 2005.

⁴⁰ *Shear T. L. 'Ἰσονόμιος τ' Ἀθήνας ἐποισάτην: The Agora and the Democracy // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 1994. P. 225–248.

⁴¹ См., например: *Суриков И. Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С. 84–85; *Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W.* Origins of Democracy in Ancient Greece. Berkeley, 2007. P. 112.

⁴² Впервые встречаем этот термин в труде Геродота; но первые намеки на его будущее появление – сближение в тексте корневых морфем *dem-* и *krat-* – обнаруживаются у Эсхила (*Суриков И. Е.* Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. № 1. 2002. С. 15–24).

Концепция исономии (это слово буквально означает «равнозаконие», то есть равенство перед законом), насколько можно судить, возникла первоначально в аристократических кругах как символическое обозначение некоего элитарного равенства; оно противопоставлялось единовластию одного, то есть тирании. Но в ходе «афинской революции» 508–507 гг. до н. э.⁴³, когда установилась демократия, демос придал понятию исономии более широкое значение – распространил политическое равноправие на всех членов гражданского коллектива.

Сколии, повторим, были заметным явлением устной культуры классических Афин. Интересно, в частности, что тот же Аристотель, которого отличало внимательное и скрупулезное отношение к источниковой базе своих исторических работ⁴⁴, пользовался информацией, почерпнутой из сколиев, и делал на ее базе ответственные выводы.

Вот образчики отрывков из сколиев, цитируемых Аристотелем:

Ах, Липсидрий, ах, друзей предатель!
Ты таких воителей отважных
Погубил там – знать-то всю какую!
Впрямь они там род свой оправдали!
(Arist. Ath. pol. 19. 3)

Это – о неудачной попытке Алкмеонидов и их сторонников свергнуть тиранию Гиппия около 513 г. до н. э. Заняв крепостцу Липсидрий, повстанцы были, однако, выбиты оттуда превосходящими силами тирана. Другой схолий повествовал об еще одном знатном борце с тиранией, Кедоне, о котором, к сожалению, больше ничего не известно:

И за Кедона налей, виночерпий: всегда его помни,
Если за добрых мужей очередь кубок налить.
(Arist. Ath. pol. 20. 5)

Еще большее значение для воспроизводства и пропаганды демократической идеологии имели другие памятники устной традиции – эпитафии (*epitaphioi logoi*), надгробные речи, которые ежегодно произносились на публичных похоронах афинских граждан, погибших в сражениях⁴⁵. Жанр эпитафиев

⁴³ Об этой демократической революции см. наиболее подробно: Ober J. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999.

⁴⁴ См., например: Суриков И. Е. «История» Геродота как источник для Аристотеля // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009. С. 314–318.

⁴⁵ В целом об этом жанре см.: Loraux N. L'invention d'Athènes: Histoire de l'oraison funèbre dans la cité classique. P., 1981 (наиболее фундаментальное исследование по проблеме); Ziolkowski J. Thucydides and the Tradition of Funeral Speeches in Athens. N. Y., 1981.

зародился, возможно, еще во времена Солона⁴⁶, но в V–IV вв. до н. э. он достиг высшего пика развития, к тому же получил вполне институциональный характер.

В нашем распоряжении имеются несколько образчиков эпитафиев, получивших письменную фиксацию. Самый знаменитый из них – это, бесспорно, «Надгробная речь» Перикла в передаче Фукидида (II. 35–46)⁴⁷. Полностью или частично дошли также эпитафии, составленные такими видными мастерами красноречия, как Горгий, Лисий, Демосфен, Гиперид; к той же категории текстов относится «Менексен» Платона (возможно, имеющий пародийный характер). Все эти памятники, впрочем, не вполне характерны – именно в том смысле, что они были записаны. В целом же об эпитафиях можно говорить как о произведениях устного ораторского искусства, причем они создавались и произносились, повторим, каждый год.

В типичных надгробных речах основной акцент делался на истории Афин, прежде всего на истории военно-политической. В них разворачивалась широкая картина, демонстрирующая воинскую доблесть афинян, их всегдашнюю готовность помочь всем, кто подвергается обидам; они представляли в образе постоянных «освободителей эллинов». Этот тезис богато иллюстрировался историческими примерами, которые брались, с одной стороны, из далекого, легендарного прошлого, с упоминанием таких парадигматичных фигур, как Тесей, Кодр и т. п., а с другой стороны – из эпохи Греко-персидских войн. Н. Лоро удачно называет традицию эпитафиев «афинской историей Афин»⁴⁸. В этих памятниках Афины всегда на переднем плане, они выступают едва ли не как главная действующая сила истории.

Остановимся чуть подробнее на «Менексене» Платона. В отличие от большинства других ранних платоновских («сократических») сочинений⁴⁹, имеющих, как правило, вполне диалогичное построение, большую часть «Менексена» занимает монолог Сократа, представляющий собой подражание (или, согласно другой точке зрения, это пародия) афинским надгробным речам.

⁴⁶ Weber L. Solon und die Schöpfung der attischen Grabrede. Frankfurt a. M., 1935; Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 122 сл.

⁴⁷ См. об этом памятнике: Bosworth A. B. The Historical Context of Thucydides' Funeral Oration // Journal of Hellenic Studies. Vol. 120. 2000. P. 1–16; Balot R. Pericles' Anatomy of Democratic Courage // American Journal of Philology. Vol. 122. 2001. P. 505–525; Winton R. Thucydides 2, 37, 1: Pericles on Athenian Democracy // Rheinisches Museum für Philologie. Bd. 147. Ht. 1. 2004. S. 26–34.

⁴⁸ Ср. также: Суриков И. Е. «Превознести афинян перед афинянами»: локальные традиции историописания в классической Греции // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М., 2011. С. 11–36.

⁴⁹ См. о контрасте «сократических» диалогов Платона с его же более поздними сочинениями: Vlastos G. Op. cit. P. 45 ff.

Эти последние, как отмечалось, представляли собой весьма интересные памятники устной исторической традиции⁵⁰ (лишь единичные из них записывались). Причем, что следует специально подчеркнуть, традиции конкретно афинской, направленной на воспевание и прославление Афин, трактующей все упоминаемые события со специфически афинской точки зрения. Говорили эти надгробные речи, повторим и подчеркнем, афиняне для афинян и об афинянах.

Не приходится поэтому удивляться тому, что Сократ, перед тем как начать речь, делает несколько иронических замечаний – в присущем ему духе⁵¹, в частности следующее:

Если бы нужно было превознести афинян перед пелопоннесцами или же пелопоннесцев перед афинянами, требовался бы хороший оратор, умеющий убеждать и прославлять; когда же кто выступает перед теми самыми людьми, коим он воздает хвалу, недорого стоит складная речь (Plat. Menex. 235d).

В ответ на удивление собеседника Сократа – юного Менексена⁵² – Сократ категорично повторяет: «...И любой обученный хуже меня... был бы вполне в состоянии превознести афинян перед афинянами (Ἀθηναίους γε ἐν Ἀθηναίοις ἑπαίνων)».

Жанр эпитафия, таким образом, характеризовался высокой исторической «насыщенностью» (разумеется, история, представавшая в этих речах, была крайне субъективной и тенденциозной историей). Закономерно, что афинские эпитафии V в. до н. э., как мы показываем в другом месте⁵³, оказали немалое влияние на первые этапы формирования древнегреческого историописания, в том числе на творчество Геродота.

* * *

В статье был затронут целый ряд, в общем, взаимосвязанных сюжетов. Надеемся, нам удалось показать, что устная историческая традиция, проявлявшаяся в различных формах, была одним из интегральных элементов афинской демократической идеологии. Та роль, которую для противников демократии играли, скажем, труды по политической теории, принадлежавшие Платону,

⁵⁰ Ср.: Суриков И. Е. Афинская демократия и устная историческая традиция // Восточная Европа в древности и средневековье: Устная традиция в письменном тексте. М., 2010. С. 247–252.

⁵¹ О сократовской иронии см. прежде всего: *Vlastos G.* Op. cit.

⁵² О нем см.: *Nails D.* The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics. Indianapolis, 2002. P. 202–203.

⁵³ Суриков И. Е. ЛОГОГРАФОΙ...

Аристотелю⁵⁴ и др., для сторонников этого государственного устройства выполнялась повседневным устным общением.

Роль живого слова в полисных условиях была колоссальной. Это, собственно, общеизвестный факт, вряд ли нуждающийся в специальных доказательствах. Вполне закономерно, что именно в классической Греции появилась риторика – наука об ораторском искусстве⁵⁵. А разве где-нибудь, кроме Афин V в. до н. э., мог возникнуть феномен Сократа – одного из величайших философов в мировой истории, который при этом не написал ни одного философского труда, а излагал свои идеи исключительно в устной форме? Да, Сократ не был сторонником афинской демократии, но он был в полном смысле слова ее порождением. Причем следует специально оговорить, что речь идет именно о демократии V в. до н. э., ибо уже в следующем столетии во всех сферах жизни афинян письменный элемент сильно увеличил свою роль в ущерб устному⁵⁶.

⁵⁴ Именно школа Аристотеля стояла, например, за афинскими олигархическими переворотами 322 и 317 гг. до н. э. См.: *Lehmann G. A. Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 139–150.*

⁵⁵ Древнегреческая риторика (как и риторика в целом) всё чаще в последнее время привлекает внимание исследователей. Укажем, например, коллективные монографии: *Persuasion: Greek Rhetoric in Action / Ed. by I. Worthington. L.; N. Y., 1994; A Companion to Greek Rhetoric / Ed. by I. Worthington. Oxf., 2007.* Связь между афинской риторикой, демократией, демократической идеологией особенно четко прослежена в работе: *Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989.*

⁵⁶ См. на примере судопроизводства, словесности и др.: *Boegehold A. L. et al. The Law-courts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora, Vol. 27). Princeton, 1995. P. 21–42; Seidensticker B. Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 175–198.*

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ НАДПИСИ КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ КАК ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ*

Как прекрасно известно, античных греков отличало весьма развитое историческое сознание (не случайно же именно у них впервые в мире появилась наука история¹), и оно проявлялось не только в трудах историков как таковых, но и на самых разных уровнях. В частности, и некоторые древнегреческие эпиграфические тексты можно в полной мере трактовать как памятники исторической мысли.

В высшей степени характерно, что уже в одной из самых ранних сохранившихся древнегреческих надписей (т. н. «кубок Нестора», вторая половина VIII в. до н. э.) прочитывается несомненный интерес к прошлому (ведь, разумеется, греки воспринимали события Троянской войны и прочие мифологические сюжеты отнюдь не как досужие побасенки, а как свою собственную, вполне реальную «древнюю историю»), причем, похоже, в несколько пародийном ключе. Признаки ярко выраженной исторической рефлексии налицо!

Давно получило право на существование выражение «греческие исторические надписи». Оно фигурировало уже в заголовке издания, предпринятого еще в 1940-х гг. М. Тодом². Издание это, образцовое на момент своего выхода, всё же, разумеется, со временем стало нуждаться в обновлении. Для первого тома Тода такое обновление было осуществлено уже в 1960-х гг. Р. Мейгтсом и Д. Льюисом³, а относительно недавно мы дождались того, что аналогичная работа была проделана и применительно к его второму тому (П. Родс и Р. Осборн⁴).

Далее, даже внутри группы этих «исторических надписей» выделяется подгруппа, так сказать, «звезд первой величины», которая включает в себя несколько важнейших эпиграфических памятников чисто исторического содержания. В их числе, например, «Стела основателей» из Кирены, «декрет Фе-

* Впервые опубликовано в: Вопросы эпиграфики. Вып. 7. Ч. 1. М., 2013. С. 376–404.

¹ Надеемся, нам удалось адекватно охарактеризовать принципиальные особенности древнегреческого исторического сознания в недавно вышедшей книге: Суриков И. Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011.

² Tod M. H. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Vol. 1–2. Oxf., 1946–1948.

³ Ныне обычно пользуются дополненным переизданием: Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989.

⁴ Rhodes P. J., Osborne R. Greek Historical Inscriptions, 404–323 BC. Oxf., 2007.

мистокла» из Афин, «Платейская клятва». Именно о них преимущественно и пойдет речь ниже⁵, но перед тем как мы приступим к их конкретному анализу, совершенно необходимо сделать ряд замечаний общего характера.

Итак, повторим: надписи в рамках данной работы будут рассматриваться именно как памятники исторической мысли. Почему мы вновь и вновь это акцентируем? Поясним ситуацию. Никто не будет спорить с тем, что любая античная надпись (тем более надпись важная по своему содержанию) представляет собой ценный исторический источник; иными словами, она доносит до нас те или иные факты из прошлого. Наша же задача – подчеркнуть, что надписи (во всяком случае, многие из них, хотя на самом деле мы считаем, что почти все) являются не только *историческими источниками*, но и *памятниками исторической мысли*, со всеми присущими данному жанру чертами и особенностями. Это означает, что в них до нас доносятся не только *исторические факты*⁶, но и – в меньшей степени – *исторические представления*, свойственные, с одной стороны, эпохе в целом, с другой – автору (авторам) конкретного анализируемого памятника (первое и второе не противоречат друг другу, а, напротив, выступают как взаимодополняющие факторы).

И тут в поле нашего зрения появляется такая категория, как историческая мифология. Против чрезмерно расширительного употребления (граничащего со злоупотреблением) этой категории, когда любое историческое знание как таковое сводится к историческим мифам (в рамках пресловутой постмодернистской парадигмы) нам уже приходилось достаточно категорично выступать⁷, но там же мы подчеркивали, что само существование исторической мифологии отрицать никак невозможно. В истории самым причудливым образом сочетаются факт и миф⁸, причем сочетаются таким образом, что по парадоксальным законам диалектики сплошь и рядом факт становится мифом, а миф – фактом.

⁵ Оговорим, что в этой статье, к сожалению, вообще никак не будет затронута *самая важная* древнегреческая историческая надпись (так сказать, Number One) – «Паросский мрамор» («Паросская хроника»). Это связано с тем, что хронологические рамки статьи не выходят за рамки классической эпохи, а «Паросский мрамор» (который, разумеется, заслуживал бы отдельного исследования, какового, к сожалению, на русском языке пока нет) датируется уже эллинистическим временем.

⁶ Кстати, даже и сама последняя категория ныне отнюдь не столь безусловна, как представлялось еще не так давно (см. хотя бы рассуждения в: Бобкова М. С. Исторический факт и аргументация в историописании Западной Европы переходной эпохи // Историк и общество. Исторический факт как аргумент политической полемики. М., 2011. С. 9 сл.). Здесь сказывается влияние постмодернистских установок в исторической науке.

⁷ Суриков И. Е. Очерки об историописании... С. 467 сл.

⁸ О соотношении этих двух ключевых понятий в самой общей форме см., например, в работах двух выдающихся исследователей – зарубежного и отечественного: Finley M. I.

Участвовали ли надписи в создании великих мифов, на которых в значительной степени зиждется древнегреческая история (имеем в виду мифы о «Великой колонизации» как некоем едином, тотальном и однотипном явлении, о Греко-персидских войнах, в ходе которых греки героически, без колебаний поднялись отражать врага, об «эллинах» и «варварах» как двух заведомо противостоящих сущностях и т. п.)?

Здесь нужно подчеркнуть, что обычно нарративные источники противопоставляют эпиграфическим (и иным документальным) именно по критерию субъективности/объективности⁹. Поскольку у нарративного источника обязательно есть автор, то само наличие его персоны с неизбежностью влечет за собой наличие тех или иных тенденций и aberrаций. Считается, что нарративные источники отражают действительность «сквозь призму сознания автора», а документальные отражают ее, так сказать, непосредственно. В одном случае перед нами – более или менее кривое зеркало, в другом – прозрачное стекло.

Соответственно, степень доверия к эпиграфическим памятникам априори выше, чем к нарративным. Если по спорному вопросу данные того или иного античного историка и данные какой-нибудь надписи входят в противоречие между собой, то предпочтение обычно отдается той информации, которая содержится в надписи. Однако в действительности ситуация сложнее. Ведь у любой надписи тоже обязательно есть автор (или авторы), пусть даже он/они в самом источнике по большей части никак не обозначены. А раз есть авторы, то, значит, есть место и для субъективности, тенденциозности, aberrаций, сознательных или невольных искажений реальной картины – иными словами, для пресловутого исторического мифотворчества. Безусловно, в одних случаях возможности для такой субъективности минимальны (например, если перед нами просто список имен), в других же случаях их значительно больше.

* * *

С учетом вышесказанного перейдем к разбору конкретных надписей. Для каждой из них приводим выполненный нами перевод. При этом, во избежание

Myth, Memory, and History // History and Theory. Vol. 4. No. 3. 1965. P. 281–302; Утченко С. Л. Факт и миф в истории // ВДИ. №4. 1998. С. 4–14.

⁹ Это противопоставление является хрестоматийным, оно встречается во всех учебниках. См., например: Кузищин В. И. Некоторые аспекты теории источниковедения // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 12 (пожалуй, с несколько замысловатой манерой выражаться): «Это деление... не прихоть специалиста, не логическая конструкция, а отражение известных внутренних различий, присущих источникам как субъективным образам объективного мира. Различие между повествовательными и документальными источниками зависит от того, что преобладает в содержании источника: отображение действительности или ее воплощение в источнике».

чрезмерного наращивания объема работы и перегрузки ее иррелевантной информацией, сами греческие тексты надписей мы не даем (их каждый читатель при желании сможет найти по приводимым ссылкам), поскольку в этом нет никакой необходимости: специальный филологический анализ памятников здесь проводиться не будет.

«Стела основателей» из Кирены (ML. 5). Эта надпись получила широкую известность; без упоминания о ней не обходится ни одна работа, посвященная истории античной Киренаики или общим проблемам древнегреческой колонизации¹⁰. Писалось о ней и в отечественной историографии¹¹. Памятник датируется IV в. до н. э., однако содержит текст клятвы, которую в VII в. до н. э. дали друг другу жители Феры, отправлявшиеся в колонизационную экспедицию в Северную Африку (и впоследствии основавшие там Кирену), и их сограждане, оставшиеся на родине.

Бог! Добрая удача!¹²

Дамид, сын Батикла, внес предложение относительно того, о чем говорят ферейцы (и?) Клеодамант, сын Евтикла. Чтобы город¹³ возвысился и народ киренцев был счастлив, предоставить ферейцам гражданские права по отеческим обычаям, которые установили предки – и те, что основали Кирену из Феры, и те, что оставались на Фере, так как Аполлон даровал Батту и ферейцам, основавшим Кирену, счастье, пока они остаются верны клятвам, которые предки дали друг другу, когда высылали колонию по предписанию Аполлона Вождя. Доброй удачи! Народ постановил: пусть у ферейцев останутся равные гражданские права и в Кирене таким же образом. Все ферейцы, живущие в Кирене, должны приносить ту же клятву, которой некогда поклялись остальные. И распределить их по филам и фратриям, а также по девяти гетериям¹⁴. Постановление же это написать на беломра-

¹⁰ Несколько примеров: *Chamoux F.* Cyrène sous la monarchie des Battiades. P., 1953. P. 5–11; *Graham A. J.* Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964. P. 27, 40, 224–226; *Mitchell B.* Cyrene: Typical or Atypical? // *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece.* Oxf., 2000. P. 82–102; *Giangiulio M.* Constructing the Past: Colonial Traditions and the Writing of History. The Case of Cyrene // *The Historian's Craft in the Age of Herodotus.* Oxf., 2007. P. 116–137.

¹¹ В частности, в работах: *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. (По данным эпиграфических источников). М., 1982. С. 61–83; *Безрученко И. М.* Древнегреческая Киренаика в VII–IV вв. до н. э. // *Проблемы истории, филологии, культуры.* Вып. 7. 1999. С. 61–166.

¹² Восклицания такого рода весьма часты в начале древнегреческих официальных надписей.

¹³ Кирена.

¹⁴ Здесь упоминаются подразделения киренского гражданского коллектива.

морной стеле, стелу установить в отеческом святилище Аполлона Пифийского; написать на стеле и клятву, которую принесли основатели, приплывшие с Баттом в Ливию – с Феры в Кирену. А о расходах, требующихся на камень или на нанесение надписи, пусть позаботятся председатели коллегии счетчиков, взяв деньги из доходов Аполлона.

Клятва основателей.

Народное собрание постановило. Поскольку Аполлон по собственному побуждению¹⁵ приказал Батту и ферейцам основать Кирену, ферейцы вынесли определение: отправить в Ливию Батта вождем и царем, сотоварищами же его плыть ферейцам. Плыть на равных и одинаковых правах от каждого домохозяйства, выбирать же по одному сыну...¹⁶ [- - -]¹⁷ ...и взрослым, и из числа остальных ферейцев свободным... [- - -] ...плыть. Если же колонисты удержатся в поселении, тот из их близких, кто позже приплывет в Ливию, может быть гражданином, занимать должности и получать по жребию участок никому ни принадлежащей земли. Если же они не удержатся в поселении и ферейцы не смогут им помочь, и они будут тяготиться нуждой в течение пяти лет, то они могут смело уйти из этой земли на Феру, получить свое имущество и быть гражданами. А кто не пожелает плыть, когда посылает город, тот подвергается смертной казни, и имущество его должно быть конфисковано. Если же укрывает или не выдает отец сына или брат брата, он подлежит тому же наказанию, что и не пожелавший плыть. На этих условиях принесли клятвы и остающиеся дома, и отплывающие, чтобы основать колонию, и проклинали тех, кто эти условия нарушает и не соблюдает, будь то люди из числа живущих в Ливии или остающихся дома. Слепив восковые изваяния, они сжигали их¹⁸ и произносили проклятия, сойдясь все вместе, – мужчины и женщины, мальчики и девочки. Тот, кто не соблюдает эти клятвы, а нарушает их, пусть растает и стечет, как эти изваяния, – и сам он, и потомство его, и имущество. А тем, кто соблюдает эти клятвы, – и отплывающим в Ливию, и остающимся на Фере, – пусть будет много благ, и самим им, и потомкам¹⁹.

¹⁵ Это устойчивый элемент традиции об основании Феры, фигурирующий и у Геродота (см. ниже)

¹⁶ Из каждой семьи, в которой было два взрослых сына, один из них должен был отправиться в колонию. Таким образом, рекрутирование контингента колонистов имело фактически принудительный характер (что подтверждается и нижеследующими положениями о суровых наказаниях для тех, кто отказывается плыть или укрывает таких «уклонистов»).

¹⁷ Здесь и чуть ниже в тексте лакуны.

¹⁸ Магический ритуал, смысл которого становится ясен из дальнейшего.

¹⁹ Имеется также русский перевод данной надписи, принадлежащий В. П. Яйленко (Яйленко В. П. Указ. соч. С. 64–65). Но этим переводом мы все-таки не стали бы рекомендовать пользоваться, поскольку он производит несколько странное впечатление. Так, переводчик почему-то передает древнегреческие антропонимы «Батикл», «Евтикл» как «Батуклей»,

Итак, первая часть надписи содержит постановление киренского народного собрания, вынесенное в IV в. до н. э. Однако для нас, разумеется, наиболее интересна вторая часть памятника, цитирующая документ (так называемую «Клятву основателей»), будто бы восходящий к VII в. до н. э., когда колонисты с острова Феры основывали Кирену. Подчеркнем: наше «будто бы» отнюдь не означает, что мы не уверены в существовании самой такой клятвы. Клятва, безусловно, приносилась; но позволим себе (полагаем, небезосновательно) считать, что приносилась она все-таки в устной форме. Вряд ли уж на столь раннем этапе развития полисной государственности²⁰ (повторим и подчеркнем: это VII в. до н. э., когда на Крите – в этой «колыбели древнегреческого права» – только-только начали появляться первые законы, еще довольно коряво сформулированные) на периферийной Фере появлялись уже письменные акты со столь чеканными формулировками, как (ни много, ни мало!) ἔδοξε ταῖ ἐκκλησίαι. К особенностям же устной трансляции текстов (даже важных) мы еще вернемся в связи с «Платейской клятвой».

С нашей надписью лучше всего работать, сопоставляя ее с подробным рассказом Геродота об основании Кирены (Herod. IV. 150 sqq.); сразу видно, что обнаруживаются черты как сходства, так и различия. Оговорим тут, что Геродот, повествуя об основании Кирены, приводит две версии этого события: одна, по его словам, передается колонистами-киренцами, другая – ферейцами, жителями метрополии. При анализе надписи, содержащей «клятву основателей», выясняется, что она не совпадает в полной мере ни с той ни с другой из геродотовских версий. Иными словами, она являет собой третью версию, и вопрос заключается в том, следует ли принимать ее во внимание как равноправную с нарративными.

Из Геродота узнаём следующее (позволим себе краткий пересказ, дабы не прибегать к развернутому цитированию). По версии ферейцев, пишет он,

«Евтуклей». Возможны самые различные контрверзы по вопросу о правильной русской транслитерации греческих имен собственных (подобного рода споры регулярно ведутся и в прочих европейских историографиях), но, думаем, никому не придет в голову утверждать, что *ипсилон* (вне дифтонга, как здесь) может передаваться через «у». Далее, в этом переводе встречаются какие-то просторечные диалектизмы типа «сродственники». Может быть, таким образом В. П. Яйленко попытался передать соответствующее греческое просторечное выражение? Да нет, в оригинале стоит совершенно нейтральное τῶν οἰκεῖων.

²⁰ В связи с характером полисной государственности просто не можем удержаться от того, чтобы отослать читателя (пусть даже это напрямую не коррелирует с тематикой данной работы) к ценнейшей статье: Anderson G. The Personality of the Greek State // Journal of Hellenic Studies. Vol. 129. 2009. P. 1–22. Кто сделает усилие и прочтет эту (достаточно сложную в теоретическом плане) статью, тому многое в особенностях полиса как государства станет гораздо яснее.

царь Феры Гринн прибыл в Дельфы, а там – без всякого повода с его стороны (запомним этот момент) – пифия приказала ему основать город в Ливии. В посольстве к оракулу участвовал и молодой Батт, будущий ойкист Кирены. Волей оракула ферейцы поначалу просто пренебрегли; но затем на остров обрушилась семилетняя засуха (заметим, там, где мы встречаем такие цифры, как 7, фольклорные мотивы несомненны), последовало новое посольство жителей Феры в Дельфы, и прежнее прорицание было там им подтверждено.

Далее опускаем красочные детали, касающиеся помогавших ферейцам при разведке места для будущей апойкии критянина Коробия и самосца Колея²¹ и переходим к тому, что в Фере было принято решение об отправке колонизационной экспедиции. Мероприятие далось гражданскому коллективу крохотного полиса с большим трудом: несмотря на то что при наборе колонистов были приняты экстраординарные меры, близкие к военной мобилизации (во всех семьях, где имелись два брата, один из них обязательно должен был покинуть родину), едва-едва удалось снарядить две пентеконтеры. Общая численность апойков, таким образом, не могла быть больше двухсот человек; в их состав вошли только мужчины, поскольку предполагалось, что жен они возьмут из местного населения²².

Ойкистом был назначен Батт, будущий основатель киренской царской династии. Сам же Геродот указывает, что Батт – не изначальное имя этого персонажа, а его прозвище (которое, впрочем, в конце концов совершенно заменило имя, так что даже стало передаваться по наследству²³), причем данное, скорее

²¹ Геродот нигде не забывает указать о роли, сыгранной в том или ином эпизоде самосцами. Это, конечно, связано с тем, что он долго прожил на Самосе и испытывал к этому полису большую симпатию. См. наиболее объективный анализ этой проблематики: *Mitchell B. M. Herodotus and Samos // Journal of Hellenic Studies. Vol. 95. 1975. P. 75–91.* Ср. также новейшую вариацию на тему «Геродот и Самос», по обыкновению наших дней проникнутую постмодернистским гиперкритицизмом: *Pelling C. Herodotus and Samos // Bulletin of the Institute of Classical Studies, University of London. Vol. 54. No. 1. 2011. P. 1–18.*

²² *Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 43–44.*

²³ В киренской династии Баттиадов вплоть до ее конца с завидным постоянством наблюдается чередование имен правителей: Батт I (о котором здесь идет речь) – Аркесилай I – Батт II – Аркесилай II – Батт III – Аркесилай III – Батт IV – Аркесилай IV. Каждый из перечисленных был сыном предыдущего, так что имеет место полное соблюдение важного закона древнегреческой аристократической антропонимии (наращение внука в честь деда). Причем если имя Аркесилай – чисто эллинское, то того же нельзя сказать об имени Батт, которое, похоже, действительно греческой этимологии не имеет. Видимо, действительно приходится вести речь о заимствовании слова из местных языков. Характерно также и то обстоятельство, что в рамках одной и той же семьи прекрасно «уживались» эллинское и «варварское» имя (при том что все представители этой семьи, естественно, являлись гре-

всего, уже в Африке (от ливийского слова, обозначавшего царя). Из других источников известно, что в действительности интересующего нас ферейца звали Аристотелем²⁴.

Колонисты отправились в путь, но, видимо, с огромной неохотой, поскольку почти сразу же попытались вновь возвратиться домой, но соотечественники просто не пустили их на Феру. Тогда переселенцы обосновались вначале на островке Платея у ливийского побережья, но уже через несколько лет переместились на материк (весьма типичный поступок в истории архаической греческой колонизации), где со временем и основали Кирену.

Киренская же традиция, приводимая Геродотом, отличается от ферейской, в сущности, только преувеличением роли «отца-основателя» Батта: будто бы это он лично получил от пифии повеление отправиться в Африку (Гринн в этой версии вообще не фигурирует), причем повеление было дано опять же по собственной инициативе Аполлона, без всякого побуждения со стороны вопрошавшего, который пришел в Дельфы проконсультироваться совсем о другом – о том, как ему избавиться от заикания, которым он страдал.

Итак, как соотносятся три приведенные версии одного и того же события – ферейской колонизационной экспедиции в Северную Африку? Есть мнение²⁵, что все они сильно, принципиально расходятся, серьезно противоречат друг другу (и это используется как аргумент против аутентичности всех трех свидетельств). Но это, на наш взгляд, преувеличение. Расхождений не то чтобы нет, но они касаются в основном частных деталей, к тому же противоречия не столь уж непреодолимы; скорее – скажем даже так – сведения из трех версий местами, различаясь, удачно взаимодополняют друг друга. Так, у Геродота, видели мы, упоминается, что ферейцы не позволили вернуться колонистам, когда те хотели это сделать. Из «Клятвы основателей» выясняется, почему они так поступили: не прошло еще пяти лет с момента отплытия, Батт и его сотоварищи оказывались в роли нарушителей клятвы.

А в то же время между традициями присутствуют и элементы несомненно-го сходства. Обратим, например, внимание на устойчивый мотив, фигурирующий во всех версиях – и в обеих геродотовских, и в эпиграфической (в самом начале «Клятвы основателей»²⁶). Аполлон отдает приказ об экспедиции по соб-

ками, а «варваров» среди них не было). Это как бы напоминание и предостережение тем исследователям, которые с чрезмерным энтузиазмом делают выводы об этнической принадлежности того или иного деятеля античной истории по его имени (раз Спарток – то, значит, фракиец и т. п.).

²⁴ Яйленко В. П. Указ. соч. С. 72.

²⁵ Например: Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 BC. L.; N. Y., 1996.

²⁶ Кстати, в этом месте В. П. Яйленко в своем переводе не отразил в полной мере специфику выражения αὐτομάτιξεν оригинала.

ственному побуждению. Ферейское посольство прибывает в Дельфы с запросом вовсе не о колонии, а о совсем других делах (основывать колонию жители острова в тот момент и не помышляли, что и не удивительно: гражданский коллектив полиса, напомним, был очень невелик, ощущался скорее недостаток, чем избыток людей); однако бог устами пифии приказал им именно организовать колонизационную экспедицию в Ливию. Очевидно, эта деталь является исторически достоверной. Инициатором отправки апойков в Африку выступил всецело Дельфийский оракул, который фактически принудил к этому ферейцев вопреки их воле²⁷. Колонистов набрали еле-еле (да и то отнюдь не энтузиастически настроенных), но воле божества нельзя было прекословить!

Но если черт сходства между версиями больше, чем различий, означает ли это, что перед нами аутентичный источниковый материал? Никак нет. Заметим хотя бы следующие нюансы. В начале «Клятвы основателей» самым анахронистичным образом появляется название Кирены: город еще не был основан, и заранее никто не мог предполагать, что он будет назван именно так, особенно учитывая, что в Африке колонисты скитались и несколько раз меняли место жительства. Оракул же, по обоим геродотовским свидетельствам (ферейской и киренской), говорил просто о колонии в Ливии, никак не именуя планируемый город. Далее, в «Клятве основателей» Батт фигурирует уже именно как Батт, а не как Аристотель; но это, как мы видели, невозможно.

Одним словом, скажем однозначно: при отправлении колонистов клятва между ними и теми, кто остался на родине, несомненно, была принесена. Но точно так же ясно и то, что надпись, которую мы только что разбирали, не отражает подлинного текста этой клятвы²⁸. Шли века, и в исторической памяти киренцев по вполне понятным причинам искажались обстоятельства основания их знаменитого города. Уже к классической эпохе появлялись несколько мифологизированные версии, которые оказали свое влияние как на повествование Геродота, так и на созданный позже эпитафический памятник.

«Декрет Фемистокла» из Трезена (ML. 23). Об этой надписи нам ранее доводилось писать неоднократно, по разным поводам: в связи с историей института ostracism в Афинах²⁹, а также в связи с некоторыми перипетиями

²⁷ Ср.: Суриков И. Е. Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // Античный мир и археология. Вып. 14. 2010. С. 26–27.

²⁸ В. П. Яйленко предпринял попытку восстановить текст подлинного декрета ферейцев, сняв с него все, так сказать, позднейшие наслоения (Яйленко В. П. Указ. соч. С. 75–76). Его версия имеет полное право на существование, хотя возможны, разумеется, и иные варианты реконструкций.

²⁹ Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 81–83, 270–273.

военно-политической деятельности Фемистокла³⁰. В указанных работах мы привели и ссылки на имеющиеся о данном эпиграфическом памятнике литературу (весьма обширную), поэтому не будем вновь приводить эти ссылки.

Надпись найдена относительно недавно (опубликована М. Джеймсом в 1960 г.)³¹. Что интересно, место находки – Трезен, считавшийся как бы «городом-побратимом» Афин³². Согласно легендарно-исторической традиции, именно в Трезене родился главный афинский мифологический герой, «афинянин по преимуществу» – Тесей³³.

Ситуация с «декретом Фемистокла» очень напоминает таковую с обсуждавшейся выше «Стелой основателей». Сама надпись датируется тоже IV в. до н. э. (а то и III в. до н. э., но это менее вероятно), однако в ней воспроизводится будто бы подлинный текст того самого знаменитого декрета, который был принят в Афинах по инициативе Фемистокла в 480 г. до н. э., в годину нашествия Ксеркса на Элладу. Иными словами, данный памятник (как бы его ни расценивать с точки зрения аутентичности) в любом случае является одним из важнейших древнегреческих эпиграфических текстов исторического содержания.

Вполне закономерно, что надпись сразу же породила обширную литературу; началась ожесточенная дискуссия о степени достоверности содержащихся в ней сведений. На сегодняшний день основными являются две точки зрения: либо перед нами поздний фальсификат, не имеющий никакого отношения к реальности, либо составители надписи все-таки опирались на подлинный текст

³⁰ Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008. С. 168–170.

³¹ Editio princeps указать всё же необходимо: *Jameson M. H. A Decree of Themistocles from Troizen // Hesperia. Vol. 29. No. 2. 1960. P. 198–223.*

³² Укажем на замечательную географическую симметрию. Трезен располагался на пелопонесском полуострове Акта – этом «южном дублере» Аттики. Кстати, «Аттика», по согласному мнению античных лексикографов и современных ученых, тоже от ἀκτῆ (собственно, «побережье»). Между Афинами и Трезеном лежали два больших острова – Саламин и Эгина; первый – ближе к Афинам, второй – ближе к Трезену.

³³ В связи с образом Тесея в Афинах можно было бы сослаться на колоссальное количество литературы (как нам неоднократно и приходилось делать), но здесь укажем только важнейшие монографические исследования: *Calame C. Thésée et l'imaginaire athénien: Légende et culte en Grèce antique. Lausanne, 1990; Walker H. J. Theseus and Athens. N. Y.; Oxf., 1995; Mills S. Theseus, Tragedy and the Athenian Empire. Oxf., 1997.* Совершенно четко определяется, что популярность Тесея в Афинах переживает бурный (мягко говоря) всплеск в первой половине V в. до н. э. Подозреваем, что Фемистокл проецировал на себя именно этот мифологический образ (как ранее Писистрат – образ Геракла, что блистательно показал Дж. Бордман в ряде работ, из которых см., например: *Boardman J. Herakles, Peisistratos and Eleusis // Journal of Hellenic Studies. Vol. 95. 1975. P. 1–12.*

декрета Фемистокла, но вносили в него изменения (в политических целях?). Взгляда, согласно которому воспроизведение исходного декрета является здесь дословным и точным, ныне, кажется, никто не придерживается (этот взгляд пытался некоторое время отстаивать первоиздатель памятника Джеймсон, но без большого успеха).

Боги!

Совет и народ постановили. Фемистокл, сын Неокла, из Фреарр внес предложение. Вверить город³⁴ Афине, владычице Афин, и всем другим богам, чтобы они охраняли его и защищали страну от Варвара³⁵. Всем же афинянам и чужеземцам, живущим в Афинах, отправить детей и жен в Трезен...³⁶ [- - -] правителя страны³⁷. Стариков же и имущество отправить на Саламин. А казначеям и жрицам оставаться на акрополе, охраняя то, что принадлежит богам. Всем же остальным афинянам и взрослым чужеземцам взойти на двести снаряженных кораблей и сражаться с Варваром за свободу – свою собственную и других эллинов – вместе с лакедемонянами, коринфянами, эгинетами и прочими желающими сообща подвергнуться опасности³⁸. Стратеги же должны, начиная с завтрашнего дня, назначить двухсот триерархов – по одному на каждый корабль – из числа лиц не старше пятидесяти лет, имеющих землю и дом в Афинах, а также законных детей; посредством жребия распределить их по кораблям. Приписать и по десять эпибатов³⁹ на каждый корабль из числа лиц в возрасте от двадцати до тридцати лет, а также по четыре лучника. Посредством жребия распределить по кораблям и офицерский состав – в то самое время, когда будут распределять и триерархов. Стратеги должны расписать и остальных по кораблям на выбеленных досках – граждан на основе гражданских списков, а чужеземцев – на основе записей, что хранятся у полемарха. Расписывать же их, распределяя по отрядам, до двухсот числом, по сотне человек в каждом; и каждому отряду приписать название триеры, имена триерарха и офицерского состава, чтобы все знали, на какую триеру взойдет каждый отряд. Когда же все отряды будут распределены и посредством жребия приписаны к триерам, Совет и стратеги должны вооружить все двести кораблей, принеся уми-

³⁴ Афины.

³⁵ Имеется в виду Ксеркс – глава «варварских» полчищ, вторгшихся в Грецию и тем самым «Варвар» по преимуществу.

³⁶ Трезен, как отмечалось выше, считался как бы «городом-побратимом» Афин и родины Тесея. Весомой была и в 480 г. до н. э. помощь афинянам со стороны трезенян: последние приняли большую группу афинских эвакуантов. Несомненно, со всеми этими обстоятельствами связан и сам факт обнаружения рассматриваемой надписи именно в Трезене.

³⁷ Предшествующая лакуна делает эту часть фразы неясной. Можно только догадываться, что имеется в виду Тесей, но в какой связи, объяснить нельзя.

³⁸ Речь идет о членах Эллинского союза.

³⁹ Матросов.

лостивительную жертву Зевсу Всемогущему, Афине, Нике и Посейдону Безопасному. Когда же корабли будут укомплектованы, сто из них должны отправляться на помощь к евбейскому Артемисию, а сто из них – наблюдать за Саламином и остальной Аттикой и охранять страну. А чтобы все афиняне единомышленно отражали Варвара, лица, удалившиеся на десять лет⁴⁰, должны прибывать на Саламин и оставаться там, пока народ не постановит что-либо относительно них. А [лишенных гражданских прав]...⁴¹

«Декрет Фемистокла» чрезвычайно интересно читать в постоянном сопоставлении с рассказом Геродота о событиях 480 г. до н. э. При этом обнаруживаем, что между двумя версиями изложения этих событий имеются значительные, порой принципиальные расхождения (более серьезные, чем между рассматривавшимися выше традициями об основании Кирены), что Геродот, достаточно подробно писавший об инициативах Фемистокла в период Нашествия Ксеркса, излагает суть мер афинского политика, мягко говоря, не вполне так, как приведенный здесь эпиграфический памятник. Поэтому дискуссия о трезенском декрете заставила вновь поднять вопрос, насколько достоверен в своем повествовании сам «отец истории»; с момента находки надписи научный мир буквально разрывается борьбой мнений: следует ли доверять ей или все-таки Геродоту?

Самым главным, просто-таки бросающимся в глаза расхождением является следующее. С одной стороны, «декрет Фемистокла», как справедливо определил уже его первоиздатель М. Джеймсон⁴², подразумевает ситуацию июня 480 г. до н. э., времени еще перед сражениями при Фермопилах и Артемисии (эти две битвы протекали практически одновременно). В тексте надписи эксплицитно говорится, что половина укомплектованного афинского флота должна направиться к Артемисию, что не имело никакого смысла, если морской бой близ этого мыса (после которого эллины отступили) уже состоялся.

С другой же стороны, в декрете говорится – как о чем-то уже решенном – о таких мерах, как вынужденное оставление врагу Афин и Аттики, эвакуация женщин, детей, стариков и имущества. Противоречие очень серьезно, поскольку, если верить данным надписи, получается, что план покинуть родную землю появился у афинян (и даже был официально оформлен) слишком уж рано.

⁴⁰ Афинские политики, изгнанные остракизмом в 480-х гг. до н. э., в том числе, например, Аристид, Ксантипп и др.

⁴¹ Сохранившийся текст обрывается. Два основных (притом противоположных) варианта реконструкции – «лишенных гражданских прав восстановить в правах» и «лишенных гражданских прав не восстанавливать в правах». Степень сохранности пассажа не позволяет сделать однозначный выбор.

⁴² *Jameson M. H. Op. cit. P. 204.*

Ксеркс не прорвался еще через Фермопильский проход (и заранее никак нельзя было предсказать, что он через него сумеет прорваться⁴³), а в Афинах будто бы уже готовится отступление.

Вся нарративная традиция, начиная с того же Геродота (VIII. 40 sqq.), говорит совершенно о другом: эвакуация Афин (даже с элементами некоторой паники, которую городские власти – не без успеха – старались потушить) началась только после фермопильского поражения, когда афинянам стало ясно, что нет уже больше серьезных природных рубежей, которые могли бы удержать персов от проникновения в Аттику. Соответствующую информацию (хотя, понятно, с некоторыми естественными разногласиями в деталях) мы находим и у Аристотеля (Ath. pol. 23), и у Плутарха (Them. 9 sqq.).

Но стоит ли из-за этого считать, что «декрет Фемистокла» целиком относится к категории т. н. *falsche Urkunden*⁴⁴, по определению Х. Хахихта? Не думаем. В нем весьма детально расписаны условия мобилизации афинян на корабли. Кому бы и, главное, с какой бы целью потребовалось фальсифицировать такого рода подробности? Никакого практического значения это иметь не могло.

Поэтому мы склоняемся к следующему решению проблемы. Ясно, что в 480 г. до н. э. по инициативе Фемистокла (в тот момент безраздельно лидировавшего в полисе) афинское народное собрание приняло уж точно не одну псефисму, а целый ряд постановлений, тесно связанных друг с другом и друг друга дополнявших. Полагаем, что в интересующей нас здесь надписи именно и были контаминированы несколько различных декретов. Предписания об эвакуации были взяты из одного, детали о мобилизации воинов на корабли – из другого...

⁴³ Фермопилы были *очень* надежным оборонительным рубежом, который реально можно было удержать даже против многократно превосходящих сил противника (тем более что, как прекрасно известно из всей военной истории, атакующая сторона всегда несет значительно большие потери, чем обороняющаяся). Как совершенно верно замечает Дж. Харт (Hart J. Herodotus and Greek History. L., 1982. P. 94), битву при Фермопилах Эллинскому союзу было бы выиграть даже легче, чем битву при Платеях (тем не менее только в последней, но не в первой греки одержали победу). Имели место, с одной стороны, грубая тактическая ошибка Леонида (он не поставил даже минимальной охраны на известной горной тропе, по которой в результате в тыл эллинам смог пройти элитный персидский отряд), с другой же стороны – общая стратегическая ошибка союзного командования (или то была не ошибка, а характерное проявление древнегреческого менталитета, к чему мы скорее склоняемся): к злополучному проходу было выслано всего 7 тысяч человек (а если бы там стояли тысяч 40–50, что союз вполне мог себе позволить, то всё пошло бы совершенно иначе), и это потому, что остальные эллины в тот момент... справляли Олимпийские игры!

⁴⁴ Habicht C. Falsche Urkunden zur Geschichte Athens im Zeitalter der Perserkriege // Hermes. Bd. 89. Ht. 1. 1961. S. 11 ff.

Зачем это потребовалось? Полагаем, что ради «обеления» образа Фемистокла, придания его личности подобающего исторического масштаба (чего он, кстати говоря, вполне заслуживал: даже в богатой талантами Элладе мало появлялось столь же гениальных деятелей, как он). Не секрет, что отзыв Геродота о Фемистокле весьма далек от позитивного⁴⁵. Фукидид характеризует последнего значительно более благоприятно⁴⁶, но даже и у него ощутима некоторая как бы «извиняющаяся» интонация.

Дело в том, что греки (и в первую очередь афиняне) прекрасно помнили, чем кончил Фемистокл: оказался фактически изменником и переселился во враждебную Персию⁴⁷. Могло ли это не оказывать никакого влияния на общую оценку его деятельности? Вопрос, думается, риторический.

Но к следующему столетию, как говорится, «года минули, страсти улеглись», и была уже возможность более объективно воспринимать роль Фемистокла в эллинской истории. Во всяком случае, если иметь в виду историю внешнеполитическую, военную; на уровне же внутренней политики Фемистоклу, безусловно, еще долго ставили в вину то, что он, создав мощный афинский флот, тем самым как бы «вскормил» пресловутую «корабельную чернь» (*ναυτικὸς ὄχλος*), которой так не симпатизировали впоследствии все не-радикально настроенные граждане Афин⁴⁸. С последним явно связано то, что умеренный по взглядам Аристотель не желал воздать Фемистоклу должное. Впрочем, даже и Стагирит не мог не отметить, что Фемистокл «считался искусным в военных делах» (Arist. Ath. pol. 23. 3).

Именно как дальновидный, стратегически мыслящий, умеющий всё предвидеть заранее государственный деятель представлен Фемистокл в анализируемой надписи. Из нее прекрасно видно, что историческая мысль в классической Греции буквально «кипела» вокруг имени Фемистокла, и данный эпиграфический памятник тоже вносил свой вклад в эту борьбу. В нем Фемистоклу при-

⁴⁵ Суриков И. Е. Очерки об историописании... С. 387 сл.

⁴⁶ Will W. Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003. S. 52 ff.

⁴⁷ Об этом периоде его деятельности см., в частности: Cahn H. A., Gerin D. Themistocles at Magnesia // Numismatic Chronicle. Vol. 148. 1988. P. 13–20; Cahn H. A., Mannsperger D. Themistocles Again // Numismatic Chronicle. Vol. 151. 1991. P. 199–202; Nollé J. Themistocles in Magnesia: über die Anfänge der Mentalität, das eigenen Porträt auf Münzen zu setzen // Schweizerische numismatische Rundschau. Bd. 75. 1996. S. 5–31.

⁴⁸ К более взвешенной оценке этой стороны деятельности Фемистокла см.: Суриков И. Е. Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // Вопросы эпиграфики. Вып. 3. М., 2009. С. 102–127; Он же. От «демократа» – к демагогу? (Афинские триерархи V в. до н. э. и их «электорат») // ВДИ. № 3. 2011. С. 30–52.

писывается (достаточно умело, заметим) способность увидеть необходимость эвакуации Аттики еще до дела при Фермопилах.

«Платейская клятва» из Ахарн (RO. 88). Данная надпись (открыта в 1932 г. в одном из самых знаменитых демов Аттики⁴⁹) датируется серединой или второй половиной IV в. до н. э. Она является, наряду с киренской «Стелой основателей» и «декретом Фемистокла», одним из самых интересных, своеобразных, информативных и в то же время противоречивых древнегреческих эпиграфических памятников исторического содержания. Некий афинский жрец из Ахарн сделал богам необычное посвящение – посвятил им надпись (видимо, специально изготовленную по его заказу) с текстами двух важных документов. Первый из них – клятва, которую приносили в Афинах эфебы (восемнадцатилетние юноши, находившиеся «на грани» вступления в гражданский коллектив и проходившие в течение двух лет военную подготовку). Второй (знаменитая «Платейская клятва») имеет еще большее значение и особенно интересен в историческом отношении; на его содержании мы в дальнейшем преимущественно и остановимся, однако все-таки приведем перевод всей надписи.

Боги.

Жрец Ареса и Афины Арей Дион, сын Диона, из Ахарн посвятил это.

Отеческая⁵⁰ клятва эфебов, которую положено приносить эфебам. Я не посрамлю священное оружие и не оставлю в беде соратника, где бы я ни шел в строю. Я буду защищать всё священное и благочестивое, и я передам следующим поколениям родину не умаленной, а возвеличенной и в лучшем состоянии – и сам, и вместе со всеми. И я буду послушен всегда тем, кто разумно отдает команды, а также установленным законам, равно как и тем, которые будут разумно установлены в дальнейшем⁵¹. Если же кто-нибудь будет их отменять, я не позволю – и сам, и вместе со всеми, и я буду почитать отеческие святыни. Свидетели же – боги: Аглавра, Гестия, Энио, Эниалий, Арес и Афина Арея, Зевс, Фалло, Авксо, Гегемона, Геракл, границы родины, пшеница, ячмень, виноградные лозы, оливы, смоковницы.

⁴⁹ Ахарны были самым крупным аттическим демом (во всяком случае, по количеству гражданского населения); более того, они в этом отношении намного превосходили любой другой дем. См. в связи с этой проблематикой: Dow S. Thucydides and the Number of Acharnian *Hoplites* // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Vol. 92. 1961. P. 66–80.

⁵⁰ Традиционный термин *pátrios*.

⁵¹ В этой фразе – характерные для демократического полиса оговорки, освобождающие эфебов от необходимости повиноваться непродуманным решениям, которые нередко принимал афинский демос, а потом сам же их и отменял.

Клятва, которую принесли афиняне, когда они намеревались сражаться с варварами⁵².

Я буду сражаться, пока жив, и не предпочту жизнь свободе. И я не покину ни таксиарха, ни эномотарха⁵³, будь он жив или мертв, и не уйду, если не уведут командиры. И я сделаю всё, что прикажут стратеги, и павших из числа союзников я погребу в том же месте, и никого не оставлю непогребенным. И, победив в сражении варваров, я посвящу десятину от города фиванцев⁵⁴. И я не разорю ни Афины, ни Спарту, ни Платеи, ни какой-либо из других союзных городов, и не допущу, чтобы их морили голодом, и не перекрою им доступ к проточной воде, независимо от того, будут ли они друзьями или врагами⁵⁵. И если я буду верен записанному в клятве, пусть мой город не будет подвержен болезням, если же не буду, то пусть болеет. И пусть мой город не будет разорен, если же не буду верен клятве – пусть разорен будет. И пусть моя земля будет плодоносна, если же не буду верен клятве, то пусть будет бесплодна. И женщины пусть рожают отцам нормальных детей, если же не буду верен клятве, то уродцев. И скот пусть порождает нормальное потомство, если же не буду верен клятве, то уродцев. Принеся такую клятву, покрыв жертвы щитами под звук трубы, они наложили проклятие, чтобы, если они нарушат что-то из клятвенно обещанного и не будут верны записанному в клятве, скверна пала на самих поклявшихся⁵⁶.

О «Платейской клятве» в отечественной историографии совсем недавно писал такой видный специалист в области греко-персидских отношений, как Э. В. Рунг⁵⁷. Там же он привел и свой перевод надписи, к которому у нас, естественно, возник ряд претензий, которые мы не преминули высказать⁵⁸. Справедливости ради заметим, что наши замечания, в общем-то, касались в основном стилистики, а по существу мы понимаем памятник примерно так же, как и вышеназванный казанский исследователь.

Итак, подчеркнем: перед нами ситуация завораживающе схожая с теми двумя примерами, которые были предложены выше. Надпись датируется IV в. до н. э. (и снова парадоксальным образом перед нами третий раз одно и то же

⁵² Перед битвой при Платеях 479 г. до н. э.

⁵³ В отличие от таксиархов, эномотархов в Афинах не было. Это чисто спартанская военная должность.

⁵⁴ Имеется в виду, скорее всего, что Фивы, ставшие в 480 г. на сторону персов, должны быть разорены, а десятая часть от добычи – пожертвована в Дельфийское святилище.

⁵⁵ Весьма знаменательная фраза, которая будет подробно прокомментирована ниже.

⁵⁶ Т. е. только на лиц, непосредственно приносивших клятву, а не на их полисы.

⁵⁷ Рунг Э. В. «Платейская клятва» в нарративной традиции и эпиграфике: Проблема интерпретации текста // Вопросы эпиграфики. Вып. 3. М., 2009. С. 84–101.

⁵⁸ Суриков И. Е. О необходимости точного перевода античных эпиграфических (и иных) текстов // Вопросы эпиграфики. Вып. 5. М., 2011. С. 161–179.

столетие; о причинах попытаемся подумать ниже), однако воспроизводит клятву, которую полисы – члены антиперсидского Эллинского союза – (будто бы?) принесли перед разгромом персов при Платеях в 479 г. до н. э. Соответственно, и вопрос исследователями ставится в схожей форме: не является ли сам текст клятвы измышлением постфактум?

Как и в связи с рассмотренными выше случаями, тут мы тоже найдем в современной исторической литературе как «энтузиастов», так и «скептиков». К числу последних принадлежит, например, такой видный специалист, как Х. Хабиخت, зачисляющий и этот памятник в категорию *falsche Urkunden*. Мы не можем с этим согласиться и не считаем, что перед нами тенденциозная афинская подделка IV в. до н. э., изготовленная в патриотических целях.

Укажем в связи со сказанным хотя бы на следующий нюанс. В надписи, как мы видели, упоминаются таксиархи и эномотархи. В отличие от таксиархов, которые были и в Афинах, эномотархи – чисто спартанская военная должность, в афинском полисе ее не существовало. Таким образом, в документе отражена та (совершенно аутентичная) ситуация, в которой гегемоном эллинов выступает Спарта (как оно и было на рассматриваемом этапе Греко-персидских войн). Понятно, что в этом своем статусе спартанцы внесли и главный вклад в составление текста клятвы. Афинские патриоты – ежели их считать «авторами фальшивки» – никак не добавили бы «от себя» деталь с эномотархами.

Далее, о «Платейской клятве», помимо приведенного эпиграфического источника, имеются также независимые нарративные свидетельства (Lysurg. In Leocr. 81; Diod. IX. 10. 5; XI. 19. 1. 4). Важно, что их данные в целом коррелируют с надписью, отличаясь лишь в незначительных деталях. Коль скоро различные версии клятвы, дошедшие до нас, в большинстве важнейших, принципиальных моментов, в общем, совпадают – это тоже является аргументом против теории «полной фальсификации». Хотя, конечно, и наличие расхождений между версиями – также бесспорный факт, требующий объяснений.

Наконец, не приходится сомневаться в том, что, как бы то ни было, а клятву перед Платейской битвой полисы, входившие в Эллинский союз, конечно же, приносили. Иначе не могло и быть, учитывая, насколько трепетно греки относились к клятвам. Иными словами, вопрос стоит не в форме: «Была ли «Платейская клятва»?», а в форме: «Та ли клятва перед нами?»

Поскольку, как и в случае с «декретом Фемистокла», следует отбросить две крайние (и, понятно, из-за этого и так уже непопулярные) точки зрения – о «полностью аутентичном тексте» и о «чистом фальсификате», в результате остается нечто среднее: перед нами текст реально принесенной клятвы, но со сделанными позже (тенденциозными?) изменениями. Это, видимо, и будет ближе всего к истине. Таким образом, перед нами опять своего рода памятник исторической мысли, демонстрирующий, как в IV в. до н. э. (а это время свое-

образного греческого «декаданса») видели славные события предшествующего столетия.

Почему выше мы поставили знак вопроса при прилагательном «тенденциозными»? Да, нередко постулируют пресловутую тенденциозность при редактировании «Платейской клятвы» в разных полисах⁵⁹. Это, конечно, нельзя исключать. Однако, как нам представляется, необходимо учитывать и фактор иного характера. А именно: допускаем, что клятва долгое время не была записана, а передавалась в устной форме из поколения в поколение. И только в IV в. до н. э., в эпоху, для которой и в целом было характерно нарастание письменного элемента в культуре, начало его преобладания над устным⁶⁰, также и этот текст (получивший в изменившихся исторических условиях новое звучание) был подвергнут письменной фиксации, точнее, нескольким письменным фиксациям, независимым друг от друга.

Если это так, то клятва до того, как ее записали, была фактом устной исторической памяти, а эта последняя, как неоднократно отмечалось⁶¹, в ряде отношений весьма отлична от той, которая зафиксирована в письменных источниках; она пользуется своеобразными механизмами и обладает специфическими особенностями. Так, в устной памяти даже важнейшие события и факты сохраняются в относительно корректной форме примерно на протяжении столетия (жизнь трех человеческих поколений), а затем они начинают подвергаться самым разнообразным искажениям, обрастают красочными деталями и подробностями чисто легендарного характера.

Более того, столетие аутентичной передачи – это еще один из самых лучших возможных вариантов, реализующийся в тех случаях, когда факт, о котором рассказывается, не вызывает прагматической заинтересованности того

⁵⁹ Ср.: Рунг Э. В. Указ. соч. С. 95: «...в тексте надписи из Ахарны (sic. – И. С.) представлена афинская версия клятвы...».

⁶⁰ См., например: Wallace R. W. Speech, Song and Text, Public and Private: Evolutions in Communications Media and Fora in Fourth Century Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 199–217; Rhodes P. J. Judicial Procedures in Fourth-Century Athens: Improvement or Simply Change? // Ibid. S. 303–319; Seidensticker B. Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert: Versuch eines Überblicks // Ibid. S. 175–198.

⁶¹ Этапной в данном отношении стала известная работа: Vansina J. Oral Tradition: A Study in Historical Methodology. L., 1965. Применительно конкретно к античной Греции см., например: Ruschenbusch E. Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposion 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 70; Суриков И. Е. Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемиические заметки) // Из истории античного общества. Вып. 11. Нижний Новгород, 2008. С. 9; Он же. Афинская демократия и устная историческая традиция // Восточная Европа в древности и средневековье. Устная традиция в письменном тексте. М., 2010. С. 247.

или иного рода у последующих поколений (но такие факты – именно в силу названного фактора – редко и запоминаются). В тех же случаях, когда событие оказывает влияние на будущее, его передача устной традицией значительно раньше, едва ли не сразу, становится тенденциозной. А перед нами, несомненно, именно такой случай.

Никак не приходится сомневаться в том, что какие-то вещи были привнесены в «Платейскую клятву» позже, задним числом. Так, в имеющемся эпиграфическом тексте клятвы предписываются определенные нормы и ограничения *на будущее* в отношении даже тех полисов – членов Эллинского союза, которые *в дальнейшем* станут врагами. Даже к ним нельзя будет применять такие методы борьбы, как осада с целью довести противников до голода и перекрытие им доступа к проточной воде. Как могли в 479 г. до н. э. дававшие клятву предвидеть, что, скажем, Афины и Спарта, в тот момент сражавшиеся плечом к плечу, полвека спустя вступят друг с другом в войну «не на жизнь, а на смерть», что в весьма специфическом положении окажутся Платеи и т. п.? Внесение подобной клаузулы выглядело бы наиболее органичным в годы Пелопоннесской войны.

Собственно, наличие этой клаузулы – один из главных аргументов тех ученых, которые отрицают аутентичность «Платейской клятвы». Мы же, повторим, стремимся занять более взвешенную позицию, показать, что памятник нельзя ни отбрасывать с ходу, ни принимать безоговорочно. Как бы то ни было, всё говорит о том, что имеющийся в нашем распоряжении текст (в совокупности всех своих вариантов – эпиграфического и двух нарративных) заслуживает самого пристального к себе отношения и тщательного критического анализа на предмет отделения аутентичного содержания эпохи Греко-персидских войн от последующих наслоений.

* * *

Из всех рассмотренных случаев четко видно, что древнегреческие надписи исторического содержания всегда лучше рассматривать в комплексе с нарративными памятниками, повествующими о тех же событиях (трудами Геродота, Диодора и др.). Сопоставление приводит к своеобразному, противоречивому впечатлению, сплошь и рядом порождает определенный повод для беспокойства относительно аутентичности передаваемых документов. Во всяком случае, ясно, что перед нами не только (порой не столько) документы, но и полноценные памятники исторической мысли. В создании «великих мифов» о жизни Эллады в равной мере участвовали и историки-нарративисты, и составители эпиграфических текстов. Потому зачастую и сложен выбор между версиями, что версии, в сущности, равноценны.

Древнегреческая историческая мысль не жила на принципе *sine ira et studio*. Этот принцип беспристрастности, если порой и декларировался историками в пассажах общего характера, редко когда реально применялся ими же при изложении и интерпретации конкретных событий. Вообще говоря, историописание у эллинов возникло отнюдь не из какого-то бескорыстного интереса к прошлому⁶². Антикварные штудии, порожденные таким интересом, правда, тоже возникли на греческой почве, но позже, и к тому же они никогда не вливались в единое русло с историографией как таковой или, по крайней мере, с ее основным направлением⁶³. Историописание, подчеркнем, возникло из интересов насущно-политических, из попыток объяснить и оправдать те или иные факты настоящего и, парадоксальным образом, даже будущего (Thuc. I. 22. 4).

А для этих последних целей неизбежно приходилось «улучшать» прошлое, примеры чего мы и наблюдали только что. Впрочем, так, наверное, бывает во все времена. И всё же имеет смысл оговорить, что степень интенсивности подобных «улучшений» в разные эпохи неодинакова. В связи со сказанным, напоследок коснемся еще одного важного эпиграфического памятника. Он, кстати, позволит и дать ответ на вопрос: всегда ли древнегреческая надпись исторического содержания доносит до нас информацию о прошлом с искажениями? Нет, не всегда!

*Закон Драконта об убийствах из Афин (ML. 86)*⁶⁴. Надпись датируется 409/408 г. до н. э. Однако она представляет собой копию известного закона, принятого более чем двумя веками раньше, еще в 621 г. до н. э. Текст самого закона предваряется краткой преамбулой.

Диогнет из Фреарр был секретарем.

Диокл был архонтом.

Совет и народ постановили. Представители филы Акамантиды были пританами, Диогнет был секретарем, Евтидик был эпислатом, [...ф]ан внес предложение. Пусть писцы, получив закон Драконта об убийцах у базилея⁶⁵, с секретарем Со-

⁶² Подробнее см.: Суриков И. Е. Очерки об историописании... С. 114 сл.

⁶³ В изучение этого круга вопросов наибольший вклад внес Арнальдо Момильяно. См.: Momigliano A. *Studies in Historiography*. N. Y., 1966. P. 1 ff.; *Idem*. *The Classical Foundations of Modern Historiography*. Berkeley, 1990. P. 54 ff.

⁶⁴ А также: IG. I³. 104; Tod 87. Но самое лучшее, образцовое издание этого памятника см. в книге: Stroud R. S. *Drakon's Law on Homicide*. Berkeley, 1968. Именно на это издание мы и ориентируемся. Ранее нам уже доводилось публиковать свой перевод данной надписи, но неполный, без преамбулы (см.: Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 31–33).

⁶⁵ Архонт-базилей (архонт-царь) – одно из высших должностных лиц в Афинах. Судебными процессами по делам об убийствах ведал именно он.

вета напишут закон на каменной стеле и установят перед Царской стоей. Полеты же пусть дадут подряд согласно закону, а эллинотами пусть дадут деньги⁶⁶.

Первый аксон. И если⁶⁷ один человек убьет другого неумышленно, он должен уйти в изгнание. Басилеи же⁶⁸ должны судить виновного в убийстве... организовавшего его⁶⁹; эфеты⁷⁰ же должны расследовать дело. Если у убитого есть отец, брат или сыновья, примириться с убийцей⁷¹ они могут только все в совокупности; в случае несогласия кого-либо из них его мнение должно иметь решающую силу. Если же таковых нет, примиряться должны родственники убитого вплоть до двоюродных братьев⁷², если все они желают примирения; в случае несогласия кого-либо из них его мнение должно иметь решающую силу⁷³. Если же нет и таких родственников, убийство же совершено неумышленно, что установлено коллегией из 51 эфета, простить убийцу могут, если пожелают, десять членов фратрии⁷⁴, которых должна избрать из числа наиболее знатных коллегия из 51 лица⁷⁵. Совершившие убийство ранее должны подпадать под действие этого закона⁷⁶. Объявить

⁶⁶ Последний момент достаточно интересен: получается, что «переиздание» закона Драконта представлялось делом, важным для всей Афинской архэ. Далее следует сам текст древнего закона.

⁶⁷ Впрочем, вероятнее, что καὶ ἐάν следует здесь понимать как «даже если». Иными словами, данный закон относится не только к неумышленному убийству, как обычно считали, а к любому убийству. Получается, что Драконт в принципе назначал наказанием за убийство не смерть, а изгнание. Наиболее детально вопрос трактован в: *Gagarin M. Drakon and Early Athenian Homicide Law*. New Haven, 1981.

⁶⁸ Имеются в виду архонт-басилеи и четыре филобасилея (главы доклизфеновских ионийских фил в Афинах).

⁶⁹ Предлагались следующие варианты заполнения лакуны в этой строке: «или если кто-то обвиняет его как организовавшего убийство», «или совершившего его собственноручно, или организовавшего». Оба варианта реконструкции порождают трудности эпиграфического характера и, следовательно, не могут быть приняты в чистом виде; но более удовлетворительный смысл дает второй вариант, который, таким образом, оказывается ближе к истине.

⁷⁰ Эфеты – специальная коллегия из 51 члена, судившая в Афинах начиная с архаических времен некоторые разновидности дел об убийстве.

⁷¹ Речь идет о прощении убийцы родственниками убитого за выкуп.

⁷² Впрочем, греческие слова ἀνψιότης и ἀνψιός имеют довольно расплывчатое значение и не обязательно должны относиться именно к двоюродным братьям. Скорее всего, здесь в общих выражениях определяется степень родства, которой касается вопрос о примирении.

⁷³ В ст. 16 предлагался также другой вариант восстановления: «принеся клятву».

⁷⁴ Имеется в виду фратрия, к которой принадлежал убитый.

⁷⁵ Речь идет о тех же эфетах.

⁷⁶ Таким образом, закон имел ретроактивную силу.

убийцу на агоре⁷⁷ должны родственники убитого, включая двоюродных братьев. Участвовать в судебном преследовании убийцы должны также двоюродные братья и их дети, зятя, тести⁷⁸, члены фратрии... Виновен в убийстве... пятьдесят одного... будет уличен в убийстве...⁷⁹ Если же кто-либо убьет убийцу, не пересекающего границ агоры⁸⁰, не участвующего в состязаниях и не посещающего амфикионовских святилищ, или окажется виновным в его убийстве, такой человек подлежит такому же наказанию, как убивший афинянина⁸¹; расследовать дело должны эфеты⁸²...

Копирование закона было осуществлено в ходе законодательной реформы, проводившейся в Афинах на протяжении последнего десятилетия V в. до н. э. С пришедших за два века в негодность аксонов (деревянных досок) закон,

⁷⁷ Непосредственно после убийства родственники убитого должны были объявить на агоре имя предполагаемого убийцы; с этого момента до судебного процесса обвиняемому запрещалось появляться в священных местах полиса.

⁷⁸ В оригинале – очень архаичные термины родства, в классическую эпоху уже не употреблявшиеся. Перед нами лишний аргумент в пользу того, что закон Драконта был в конце V в. до н. э. скопирован без изменений.

⁷⁹ Фраза сохранилась очень плохо, смысл ее практически невозможно восстановить.

⁸⁰ Агора считалась сакральным пространством, и поэтому ее пределы были маркированы специальными пограничными камнями (ὄροι).

⁸¹ Речь идет о запрете самосуда и кровной мести. Если убийца в остальном соблюдает предписания закона, то самочинно, без судебного процесса, убивать его не допускается под угрозой самому подпасть под действие того же закона.

⁸² Оставшаяся часть довольно обширной надписи сохранилась очень плохо, в ней читаются лишь отдельные слова и обрывки фраз: «на родной земле», «первым несправедливо начавшего рукоприкладство» (речь идет о том, что убийство, совершенное при самообороне, не подлежит наказанию), «убьет обидчика», «расследовать же должны эфеты». Несколькими строками ниже благодаря привлечению данных ораторов удастся реконструировать еще один осмысленный пассаж:

...или свободный (очевидно, в данной части закона устанавливалось одинаковое наказание для убийцы вне зависимости от того, был ли он рабом или свободным; возможно и другое понимание – убийство раба ведет к такому же судебному преследованию, как и убийство свободного, что, впрочем, представляется нам менее вероятным. – *И. С.*); и если один человек, защищаясь, убьет другого, уводящего или уносящего что-то с применением силы и вопреки справедливости, причем совершит это на месте преступления, то такое убийство не требует наказания...

Наконец, значительно ниже с трудом удастся прочесть слова: «Второй аксон», начертанные, как и заголовок первого аксона, более крупным шрифтом, нежели основной текст.

продолжавший сохранять силу⁸³, был перенесен на каменную стелу (тогда же аналогичным образом были скопированы и законы Солона). Как уверены практически все специалисты, сомневаться в абсолютной верности копии оригиналу нет оснований: об этом говорит, в числе прочего, архаичность лексики сохранившегося текста закона, да и то обстоятельство, что даже «номера» аксонов сохранили, хотя теперь документ не имел уже никакой связи с аксонами. Между прочим, сам тот факт, что афиняне в течение ряда веков продолжали жить по давным-давно принятым законодательным актам, многое говорит об историческом консерватизме их правового мышления.

Итак, получается, что греки классической эпохи все-таки могли, при желании, сохранить памятник из далекого прошлого без каких бы то ни было искажений. Но в одних случаях (как в этом), они так и делали, а в других (как в трех рассмотренных выше) – поступали, мягко говоря, несколько иначе. В чем же причина?

Можно, конечно, предложить объяснение в том смысле, что закон Драконта по своему жанру – юридический акт, при воспроизведении которого было важно максимально точное сохранение не только «духа», но и «буквы». Это так. Тем не менее подобное объяснение все-таки не может получить статус вполне убедительного и снимающего все проблемы. Дело в том, что не только закон Драконта, но и все остальные анализировавшиеся в данной статье документы в той же мере являлись юридическими актами. Напомним: это декрет (псефисма)⁸⁴, клятва⁸⁵ и клятва в форме декрета. Затем, не преминем напомнить как об общеизвестном факте, что древнегреческое право в принципе отличалось расплывчатостью и аморфностью. Ничто не могло воспрепятствовать вмешательству тенденциозного «редактора» в памятники правового характера, и примеров тому – легион. Достаточно хотя бы проследить, как вольно обращаются в своих речах афинские судебные ораторы (все без исключения – прекрасные знатоки права!) с афинскими же законами.

Думается, дело, во всяком случае, не только в специфике жанров, но и в специфике эпох. По нашему мнению, сыграло свою роль, помимо прочих, еще и следующее обстоятельство. Надпись, приведенная последней, относится к V в. до н. э., а остальные три («Стела основателей», «Декрет Фемистокла» и «Платейская клятва») – уже к следующему столетию. А, как хорошо известно,

⁸³ Законы Драконта об убийстве продолжали действовать на протяжении всего существования демократического афинского полиса. О последствиях этого см. наиболее подробно в фундаментальной монографии: *Carawan E. Rhetoric and the Law of Draco*. Oxf., 1998.

⁸⁴ Об этой категории памятников см. наиболее подробно: *Rhodes P. J., Lewis D. M. The Decrees of the Greek States*. Oxf., 1997 (с большим количеством приводимых примеров).

⁸⁵ Клятва в античной Греции, безусловно, считалась юридическим актом. См., например: *Рунг Э. В.* С. 84 сл. (со ссылками на зарубежную литературу).

IV в. до н. э., время после катастрофической Пелопоннесской войны, нанесшей неисцелимый удар по «греческому чуду», стало эпохой, пронизанной ностальгией по «великому прошлому»⁸⁶. Эллины, жившие в эпоху кризиса классического прошлого, сами понимали, что их время – далеко не лучшее в истории Греции, и с тоской оглядывались назад – на славные века колонизации, побед над персами и т. п. Ностальгия же, как всегда бывает, порождает исторические мифы, в которых минувшее представлялось более светлым и блистательным по сравнению с тем, каким оно было в действительности.

Постепенно уходило чувство историзма. Уже у Фукидида оно парадоксальным образом понижено по сравнению с Геродотом⁸⁷, а у историков IV в. до н. э. понижено еще более. В дальнейшем процесс в основном шел в аналогичном направлении; апогея эта «мифотворческая» и «ностальгизирующая» тенденция достигла у Плутарха – крупнейшего представителя Второй софистики (течения, которое и в принципе было подчеркнуто ностальгическим). Характерно, что именно Плутарх написал грубый, несправедливый памфлет «О злокозненности Геродота», в котором обвинял «отца из истории», по сути дела, именно за то, что тот писал объективно, не стремясь «улучшать» и «исправлять» прошлое.

⁸⁶ Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011. С. 15 (со ссылками на западную литературу).

⁸⁷ Суриков И. Е. Очерки об историописании... С 398 сл.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПОЛИС И РОДОСЛОВНЫЕ АРИСТОКРАТОВ: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В КЛАССИЧЕСКИХ АФИНАХ*

Общественная жизнь афинского полиса V–IV вв. до н. э. развивалась в условиях самой знаменитой в античном мире демократии. Это политическое устройство предусматривало равенство всех граждан, независимо от их происхождения (*ισωνομία*), и, таким образом, не предполагало наличия каких-либо привилегий у аристократов. При этом в силу ряда причин исторического характера роль представителей знатных (евпатридных) родов в афинской политике на протяжении как минимум первой половины классической эпохи (вплоть до Пелопоннесской войны) оставалась определяющей¹. Более того, аристократические традиции, на протяжении предшествовавших веков практически полного господства знати пропитавшие собой все стороны жизни полиса, оказались чрезвычайно прочными, можно сказать, неискоренимыми. Всё это придало афинской демократии весьма своеобразный колорит: полис, демократический по своему государственному устройству, оказывался одновременно аристократическим по этосу, внутреннему духу². Даже в условиях

* Впервые опубликовано в: Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генезис как форма исторической памяти. М., 2004. С. 175–188.

¹ *Daverio Rocchi G.* Politica di famiglia e politica di tribù nella polis ateniese (V secolo) // *Acme*. Vol. 24. Fasc. 1. 1971. P. 13–44; *Connor W. R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971. P. 10–14; *Bicknell P. J.* Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. VIII–IX; *Frost F. J.* Tribal Politics and the Civic State // *American Journal of Ancient History*. Vol. 1. No. 2. 1976. P. 66–75; *Mossé C.* De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // *Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica*. Vol. 7. 1985. P. 9–18; *Фролов Э. Д.* Политические лидеры афинской демократии // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 6–22; *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 12, 20–28 (о некоторых факторах постепенного снижения роли аристократии в демократических Афинах в течение V в. до н. э.).

² *Greenhalgh P. A. L.* Aristocracy and its Advocates in Archaic Greece // *Greece & Rome*. Vol. 19. No. 2. 1972. P. 190 ff.; *Arnheim M. T. W.* Aristocracy in Greek Society. L., 1977. P. 12, 156; *Roberts J. T.* Aristocratic Democracy: The Perseverance of Timocratic Principles in Athenian Government // *Athenaeum*. Vol. 64. Fasc. 3/4. 1986. P. 355–369; *Ober J.* Mass and Elite in Demo-

народовластия в афинской социокультурной среде господствовали некоторые ключевые концепции аристократической идеологии: вера в наследственность человеческих качеств и способностей, в преимущества «от рождения», отношение к аристократии как к особой общественной группе (οἱ καλοὶ κἀγαθοί)³, определенная шкала норм «джентльменского» поведения, включавшая в себя, в частности, негативное отношение к любому физическому труду, кроме земледельческого, и др. Аристократические ценности сохранялись, но просто как бы распространились на весь гражданский коллектив, на весь демос⁴.

Отношение демоса к аттическим знатым родам на рассматриваемом хронологическом отрезке отличалось определенной двойственностью. С одной стороны, можно говорить о весьма высоком авторитете аристократов, основывавшемся не в последнюю очередь на развитой системе генеалогических преданий, связывавшей их с легендарными героями микенской эпохи, а в конечном счете – с богами, прежде всего с Зевсом (именно это являлось важнейшим признаком принадлежности того или иного афинского рода к евпатридам⁵).

cratic Athens. Princeton, 1989. P. 251–254; *Ленская В. С.* Аристократический этос в Афинах VII–V вв. до н. э. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1996. С. 15–16; *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии: несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 209.

³ Детальный анализ понятия калокагатии см. в работе: *Лосев А. Ф.* История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития. Кн. 2. М., 1994. С. 386–439.

⁴ *Adkins A. W. H.* Moral Values and Political Behaviour in Ancient Greece: From Homer to the End of the Fifth Century. L., 1972. P. 119; *Austin M. M., Vidal-Naquet P.* Economic and Social History of Ancient Greece. Berkeley, 1977. P. 109.

⁵ Ср.: *Молчанов А. А.* Генеалогическая традиция у афинских эвпатридов: просопографический аспект // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики. М., 2000. С. 74. Нам представляется (хотя мы отнюдь не настаиваем на этом предположении), что такого рода «божественные» родословные следует считать мифологической проекцией уходящих в крито-микенскую эпоху, во II тыс. до н. э., корней соответствующих родов. Из обширной литературы о евпатридах см.: *Wade-Gery H. T.* Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 86–115; *Sealey R.* Eupatridai // Historia. Bd. 10. Ht. 4. 1961. S. 512–514; *Bourriot F.* Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Períodes archaïque et classique. T. 1. Lille; P., 1976. P. 421–425; *Gallotta B.* Basileis ed eupatridai // Istituto lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di lettere e scienze morali e storiche. Vol. 113. 1979. P. 261–276; *Ленская В. С.* Эвпатриды: начало истории // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 8. 2000. С. 88–99. Традиционно считается, что термин «евпатриды» был чисто афинским и к аристократии других полисов не прилагался. Этого мнения до последнего времени придерживался и автор настоящей работы. Однако недавно нам совершенно случайно попала на глаза (в книге: *Казанский Н. Н.* Диалекты древнегреческого языка. Л., 1983. С. 76) надпись IV в. до н. э. из кипрского Амафунта (ICS. 196): ἡ πόλις ἡ Ἀμαθουσίων Ἀρίστωνα Ἀριστῶνακτος εὐπατρίδην. Заимствование ли это

В свете вышесказанного представляется вполне естественным, что даже набравшие силу по мере радикализации демократии «новые политики» незнатного происхождения стремились включиться в традиционный аристократический «истеблишмент», задействуя для этого матримониальные механизмы. Так, дети известного демагога Клеона породнились с одной из почтеннейших в Афинах семьей тираноубийцы Гармодия (из рода Гефиреев), а Никий – еще один видный афинский политический деятель эпохи Пелопоннесской войны, славившийся богатством, но не принадлежавший к евпатридам, – установил брачные связи с издревле знаменитой семьей, к которой принадлежал, в частности, оратор Андокид (эта семья по женской линии имела какое-то отношение к роду Филаидов, возможно являлась одной из его боковых ветвей)⁶.

Следует помнить, что одним из важнейших критериев оценки индивида в Афинах, да и в целом в античной Греции всегда оставалось его происхождение⁷, что, кстати, помимо прочего, вызывало обостренный интерес греческих авторов, в том числе и классической эпохи, к генеалогическим сюжетам⁸. В V в. до н. э. развитию этой тенденции способствовало общее возрастание в условиях демократии письменного элемента культуры⁹. Появилось большое количество записанных и ставших доступными широким массам гражданского коллектива текстов документального характера, среди которых были и имевшие самое прямое отношение к «аристократической» составляющей исторической

из Афин или имело место самостоятельное бытование термина на Кипре, сохранившем целый ряд традиций ахейской эпохи (см. об этих традициях: *Молчанов А. А.* Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. М., 2000. С. 179–183)? Не возьмемся дать категоричный ответ на этот вопрос. Отметим лишь, что и имя, и патронимик чествуемого в цитированном декрете (особенно патронимик с древним ахейским корнем *ἀνακτ-*) действительно звучат в высшей степени аристократически. Ситуация, кстати, усложняется тем обстоятельством, что упомянутая надпись представляет собой билингву и содержит еще текст на неиндоевропейском этеокипрском языке, записанный слоговым письмом.

⁶ *Connor W. R.* The New Politicians... P. 161 ff.

⁷ См.: *Суриков И. Е.* О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. № 2 (5). 1999. С. 40–41.

⁸ *Prakken D. W.* Studies in Greek Genealogical Chronology. Lancaster, 1943. P. 47, 71–72; *Broadbent M.* Studies in Greek Genealogy. Leiden, 1968. P. 4–7. В частности, подсчет поколений в аристократических родословных был едва ли не древнейшим инструментом в хронологических изысканиях греков: *Panchenko D.* Democritus' Trojan Era and the Foundations of Early Greek Chronology // *Hyperboreus*. Vol. 6. Fasc. 1. 2000. P. 39.

⁹ *Harvey F. D.* Literacy in the Athenian Democracy // *Revue des études grecques*. Vol. 79. 1966. P. 585–635; *Burns A.* Athenian Literacy in the Fifth Century B.C. // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 42. No. 3. 1981. P. 371–382; *Hedrick C. W.* Writing and the Athenian Democracy // *The Birth of Democracy*. Athens, 1993. P. 7–11.

памяти. В частности, во 2-й половине V в. до н. э. был зафиксирован на мраморной стеле и выставлен в главном общественном месте города – на Агоре – полный список ежегодно сменявшихся афинских эпонимных архонтов со времени учреждения этой магистратуры¹⁰. Отныне каждый афинянин мог прочесть в упомянутом списке громкие имена Мильтиада, Клисфена, Каллиада, Кипсела, Ксантиппа, Фениппа и многих других членов могущественнейших евпатридских родов Филаидов, Алкмеонидов, Кериков и т. д.

Генеалогии в античной Греции, как, наверное, и в любом древнем обществе, были одним из важнейших способов фиксации и манифестации исторической памяти. Весьма значительное место занимают они уже в эпосе Гомера, не говоря о Гесиоде. Появление на исходе архаической эпохи научной, в том числе исторической, прозы¹¹ отнюдь не привело к изменению положения вещей, скорее, напротив: теперь уже в прозаическом жанре многочисленными авторами начинают фиксироваться самого различного рода родословия. Во избежание возможных недоразумений необходимо подчеркнуть, что речь идет не о каком-то «сочинении» или «изобретении» генеалогий, а о переходе издревле существовавшего генеалогического жанра из устной сферы культуры в письменную. Такой переход имел определенное значение, прежде всего в связи с тем, что он позволял сделать генеалогические стеммы несравненно менее подверженными порче, неизбежной при передаче «из уст в уста» в течение многих поколений. Генеалогии занимают прочное место в исторических трудах, начиная уже с подлинного «отца истории» (не вполне заслуженно уступившего этот титул Геродоту) – наиболее талантливого и, пожалуй, наиболее рационалистически настроенного из первого поколения греческих историков (логографов) – Гекатея Милетского. Гекатей, в целом критически относившийся к существующей мифологической традиции¹², тем не менее был абсолютно убежден, что происходит от богов в шестнадцатом поколении (Hecat. FGrHist.

¹⁰ Публикацию сохранившихся фрагментов списка см.: *Meritt B. D.* An Early Archon List // *Hesperia*. Vol. 8. No. 1. 1939. P. 59–65; *Bradeen D.* The Fifth-Century Archon List // *Hesperia*. Vol. 32. No. 2. 1964. P. 187–208. В свое время высказывались сомнения в идентификации этих фрагментов (например: *Plommer W. H.* The Tyranny of the Archon List // *Classical Review*. Vol. 19. No. 2. 1969. P. 126–129), но на сегодняшний день *consensu omnium* все сомнения, кажется, развеяны. Наиболее полную публикацию всех дошедших до нас частей огромной стелы, содержавшей список архонтов, см. в издании: *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Oxf., 1989. P. 9 ff. (No. 6).

¹¹ Об общем историко-культурном значении возникновения прозы в Греции в VI в. до н. э. см.: *Шичалин Ю. А.* Ἐπιστροφή, или Феномен «возвращения» в первой европейской культуре. М., 1994. С. 37 сл.

¹² Так, он начинает свой исторический труд многозначительными словами: «Я пишу это так, как мне представляется истинным, ибо рассказы эллинов многообразны и смехо-

1 F300) и, судя по всему, письменно зафиксировал с целью доказать свое происхождение подробную генеалогическую стемму. Вряд ли стоит видеть в подобном воззрении признак «наивности» Гекатея, который мог бы служить основанием для пренебрежительного отношения к нему как ученому. Дело, как нам представляется, несколько в ином. Великий логограф в своем подходе к родовым преданиям опирался на вековые традиции, сложившиеся в среде греческой аристократии, к которой он и сам принадлежал. Божественное происхождение знати в глазах отнюдь не только ее самой, но и рядовых граждан, было чем-то само собой разумеющимся, фактом, не нуждающимся в доказательствах и не подверженным каким бы то ни было сомнениям.

С другой стороны, несомненно, что отношение к аристократическим лидерам их рядовых сограждан (речь идет, напомним, о демократическом афинском полисе V в. до н. э.) имело не только позитивную, но и, так сказать, «конфликтную» составляющую¹³. Демос ощущал дистанцию, существовавшую между ним и знатью, и пытался по мере возможности сократить ее, чему, естественно, активно противилось большинство самих представителей аристократии. Совокупностью вышеназванных обстоятельств во многом и обуславливалась специфика генеалогической традиции в условиях афинской демократии. Одним из характерных показателей такой специфики была, например, эволюция отношения к патронимику («отчеству») в раннеклассических Афинах. Патронимик, наглядно демонстрируя происхождение своего носителя (не будем забывать о распространенном обычае давать сыновьям имена дедов по отцу и матери, а также отражать в семейной ономастике ксенические связи), вполне однозначно фиксировал его социальный статус. До демократических преобразований конца VI в. до н. э. полное имя афинского гражданина состояло из личного имени и родительного падежа патронимика (например, «Мильтиад, [сын] Кимона», «Гиппий, [сын] Писистрата» и т. п.).

В ходе реформ Клисфена, превративших дем (локальную общину или квазиобщину¹⁴) в основную административную единицу полиса, была предпринята попытка вывести патронимик из состава гражданского имени, поставив на его место демотик (обозначение принадлежности к дему)¹⁵. Теперь афиня-

творны, как мне кажется» (Hecat. FGrHist. 1 F1). Под «рассказами эллинов» в данном случае понимаются, конечно, мифы.

¹³ Ср.: *Кнох R. A.* «So Mischievous a Beast»? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // *Greece & Rome*. Vol. 32. No. 2. 1985. P. 132–161.

¹⁴ По образцу демов как реальных локальных общин сельской местности Аттики (то есть обыкновенных деревень) в ходе клисфеновских реформ были созданы искусственные демы на территории самого города Афин.

¹⁵ Из последней литературы о реформах Клисфена см.: *Карпюк С. Г.* Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ.

нин должен был называть себя, например, «Мегакл из Алопеки» или «Эсхил элевсинец». Однако данное новшество, призванное в известной степени уравнивать евпатридскую знать с рядовыми гражданами, приживалось очень трудно, о чем свидетельствуют данные остраконов – черепков с надписанными на них именами афинских политиков, применявшихся для голосования при остракизме и к настоящему времени в весьма значительном количестве (более 10 тысяч) найденных археологами¹⁶. Основная масса находок относится к 480-м гг. до н. э., т. е. практически к начальному периоду клисфеновской демократии, когда внутривнутриполитическая борьба в Афинах была весьма бурной и остракизму подвергались исключительно представители аристократии. Уже неоднократно отмечалось, что, судя по надписям на остраконах, афиняне по-прежнему чаще упоминали при личном имени патронимик, нежели демотик. Чаще всего последний встречается на остраконах с именем Фемистокла, но даже и в этой группе процент надписей с патронимиком все-таки выше. Высказывалось мнение, что демотик чаще использовался с именами лиц малоизвестных, не принадлежавших к высшей знати¹⁷. Есть, впрочем, и другая точка зрения, соглас-

1986. №1. С. 17–35; *Siewert P.* Die Trittyen Attikas und die Heeresreform des Kleisthenes. München, 1982; *Develin B., Kilmer M.* What Kleisthenes did // *Historia*. Bd. 46. Ht. 1. 1997. S. 3–18; *Ober J.* The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999. P. 32–52.

¹⁶ Публикации остраконов см.: *Peek W.* Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd. 3). B., 1941; *Lang M.* Ostraka (The Athenian Agora. Vol. 25). Princeton, 1990; *Willemsen F., Brenne S.* Verzeichnis der Kerameikos-Ostraka // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. Bd. 106. 1991. S. 147–156. Последняя по времени публикация: *Camp J. M.* Excavation in the Athenian Agora, 1996 and 1997 // *Hesperia*. Vol. 68. No. 3. 1999. P. 268 ff. Практически исчерпывающую сводку литературы об остраконах и остракизме см. в обзоре: *Martin A.* L'ostracisme athénien: un demi-siècle de découvertes et de recherches // *Revue des études grecques*. Vol. 102. 1989. P. 124–145. Указание на работы самых последних лет см.: *Суриков И. Е.* Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракофории // *ВДИ*. №2. 2001. С. 118–119. Прим. 4.

¹⁷ Например: *Peek W.* Op. cit. S. 76. Однако точка зрения, согласно которой Фемистокл был неким homo novus в кругу афинской знати, человеком «неполноценного» происхождения, ныне интенсивно и аргументированно оспаривается. См.: *Frost F. J.* Themistocles' Place in Athenian Politics // *California Studies in Classical Antiquity*. Vol. 1. 1968. P. 73–104; *Harvey F. D.* Neokles, Father of Themistokles // *Historia*. Bd. 29. Ht. 2. 1980. S. 110–111; *Bicknell P. J.* Themistokles' Father and Mother // *Historia*. Bd. 31. Ht. 2. 1982. P. 161–173. Отец Фемистокла, несомненно, был аристократом, видимо, из боковой ветви рода Ликоимидов (*Plut.* Them. 1; ср.: *Connor W. R.* Lycomedes against Themistocles? A Note on Intragenos Rivalry // *Historia*. 1972. Bd. 21. Ht. 4. S. 569–574). Мать этого видного афинского политика, кажется, действительно была неафинского, возможно, даже негреческого происхождения; однако статус матери до 451 г. до н. э., до закона Перикла о гражданстве (о котором см. ниже)

но которой словоупотребление на остраконах больше говорит не о тех людях, чьи имена на них стоят, а о тех, кто их надписывал¹⁸. Иными словами, аристократы, особенно городские, по старой привычке называли своих сограждан «по имени-отчеству», а рядовым гражданам, выходцам из сельских демов было легче перейти на новую систему именования. Как бы то ни было, характерно, что, например, Каллий, сын Гиппоника из рода Кериков, один из знатнейших и влиятельнейших афинян, назван на острака *только* с патронимиком, дем же его на них вообще ни разу не фигурирует¹⁹. И действительно, «Каллий из Алопеки» звучало бы совершенно безлико. В конечном итоге в Афинах (насколько можно судить, не без борьбы) утвердился компромиссный вариант официального гражданского имени, включавший в себя как патронимик, так и демотик («Перикл, сын Ксантиппа из Холарга» и т. п.). Аристократам в данном случае удалось отстоять право на публичную манифестацию своей генеалогической традиции.

Еще один удар по претензиям евпатридов на привилегированное происхождение, на этот раз более успешный, был нанесен в середине V в. до н. э. Согласно закону, принятому в 451 г. по инициативе Перикла (Arist. Ath. pol. 26. 4; Plut. Pericl. 37; Aelian. Var. hist. VI. 10; XIII. 24), афинскими гражданами считались лишь те лица, которые могли подтвердить свою принадлежность к гражданскому коллективу и по мужской, и по женской линиям (ранее происхождение матери при решении этого вопроса не учитывалось)²⁰. Эта мера практически исключала возможность для аристократов поддерживать путем матримониальной политики связи со знатью других греческих и негреческих государств, что ранее было важным средством поддержания их престижа и влияния. Достаточно указать, что Кимон, сын Мильтиада из рода Филаидов – самый, пожалуй, блистательный представитель афинской знати этого времени – являлся по материнской линии потомком фракийских царей. Прежде

не принимался во внимание. Фракийцем по матери был, например, Кимон, сын Мильтиада из рода Филаидов, и тем не менее ничто не мешало ему считаться одним из самых знатных людей в афинском полисе. Несколько отчужденное положение Фемистокла по отношению к прочей аттической аристократии объясняется скорее тем, что он был единственным в Афинах начала V в. до н. э. политиком, происходившим не из городского, а из сельского дема: *Gomme A. W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Repr. ed. Westport, 1986. P. 37–39.*

¹⁸ *Raubitschek A. E. Athenian Ostracism // Classical Journal. Vol. 48. No. 4. 1953. P. 118–119.*

¹⁹ О деме, к которому принадлежала основная семья рода Кериков, см.: *Rapke T. T. The Demotic of Kallias Didymiou // L'Antiquité classique. Vol. 43. 1974. P. 332 f.*

²⁰ Об этом законе см.: *Osborne R. Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens // Past & Present. No. 155. 1997. P. 3–33; Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 26.*

это обстоятельство было для него предметом законной гордости, а теперь оказывало ему дурную услугу, поскольку он мог подпадать под действие нового постановления; в таком случае не исключено, что лишь скорая смерть (в 450 г. до н. э.) «спасла» его от лишения гражданских прав²¹.

Закон о гражданстве, на наш взгляд, имел принципиальное значение. Во-первых, он постулировал (пусть лишь формально) абсолютно равный с точки зрения происхождения статус всех полноправных афинских граждан. Во-вторых, этот закон не позволял аристократам открыто прокламировать свои генеалогические традиции, более того, заставлял их в определенной степени скрывать свои родословные: ведь практически в каждой из таких евпатридных родословных было более чем достаточно неафинских элементов, что отныне становилось нежелательным. Представляется не случайным, что инициатором закона был именно Перикл – политик, который как раз отнюдь не был заинтересован в афишировании своих генеалогических связей, особенно со стороны матери. Дело в том, что по нескольким женским линиям он принадлежал к роду Алкмеонидов²², который к этому времени имел в афинском общественном мнении достаточно негативную репутацию, считался религиозно оскверненным и к тому же подозревался в персидской измене. Кроме того, по женской линии Перикл еще и находился в родстве со свергнутыми тиранами Писистратидами,

²¹ Строго говоря, нельзя считать известным с абсолютной достоверностью, что закон о гражданстве имел ретроактивную силу. Плутарх в вышеуказанном месте пишет:

Когда египетский царь прислал в подарок народу сорок тысяч медимнов пшеницы и надо было гражданам делить ее между собою, то на основании этого закона возникло множество судебных процессов против незаконнорожденных, о происхождении которых до тех пор или не знали, или смотрели на это сквозь пальцы; многие сделались также жертвой ложных доносов. На этом основании были признаны виновными и проданы в рабство без малого пять тысяч человек; а число сохранивших права гражданства и признанных настоящими афинянами оказалось равным четырнадцати тысячам двумстам сорока (пер. С. И. Соболевского).

Упомянутый здесь дар фараона Афинам имел место в 440-х гг. до н. э. (Суриков И. Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. № 2. 1999. С. 103). Если доверять процитированному сообщению, придется признать, что закон, принятый по инициативе Перикла, был действительно ориентирован не только на будущее, но и служил правовой основой для санкций в отношении ранее родившихся «нечистокровных» афинян. Однако слова Плутарха в целом не представляются достоверными. О столь масштабном пересмотре гражданских списков, какой он описывает, нет никаких сведений у более ранних авторов. Плутарх, к сожалению, не указывает своего источника; им мог быть какой-нибудь тенденциозный политический памфлет, направленный против Перикла.

²² О происхождении Перикла см.: Суриков И. Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. № 4. 1997. С. 14–35.

причем родство это было одновременно весьма отдаленным (и Алкмеониды, и Писистратиды возводили свое происхождение к пилосской царской династии Нелеидов²³) и довольно близким (мать Перикла Агариста была правнучкой Писистрата²⁴). Внешнее сходство Перикла с Писистратом эксплуатировалось политическими противниками афинского «олимпийца» (Plut. Per. 7), и последний, естественно, стремился нейтрализовать последствия столь опасного родства, во всяком случае отнюдь не был склонен афишировать его²⁵.

Противостояние Перикла и Кимона, насколько нам представляется, тоже сыграло определенную роль в принятии закона о гражданстве. Отношения между Алкмеонидами и Филаидами всегда оставались крайне сложными. Вражда этих двух могущественных родов красной нитью проходит через всю афинскую историю позднеархаической и раннеклассической эпох. Еще в 571 г. до н. э. Алкмеонид Мегакл и Филаид Гиппоклид боролись за руку Агаристы, дочери сикионского тирана (Herod. VI. 126–131). В конце VI в. до н. э. главным противником «отца афинской демократии» Алкмеонида Клисфена выступал Исагор (Herod. V. 66; Arist. Ath. pol. 20. 1), которого с наибольшим основанием следует причислять к Филаидам²⁶. Чуть позже, в начале V в. до н. э., на первом этапе Греко-персидских войн, протагонистами внутриполитической борьбы в Афинах были Филаид Мильтиад Младший (марафонский победитель) и возглавлявший в то время группировку Алкмеонидов Ксантипп, отец Перикла (Arist. Ath. pol. 28. 2). В ходе этой борьбы Ксантипп добился осуждения Мильтиада афинским народным собранием (Herod. VI. 136)²⁷. Соперничество отцов «перешло по наследству» к сыновьям; правда, в течение своей жизни Кимон и Перикл не раз заключали временные альянсы для достижения конкретных политических целей, но в целом отношения их были скорее недоброжелатель-

²³ О генеалогии афинских Писистратидов см.: *Shapiro H. A. Painting, Politics, and Genealogy: Peisistratos and the Neleids* // *Ancient Greek Art and Iconography*. Madison, 1983. P. 87–96; *Молчанов А. А., Суриков И. Е.* Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // *Закон и обычай гостеприимства в античном мире*. М., 1999. С. 122–130.

²⁴ См.: *Bicknell P. J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants* // *Historia*. Bd. 23. Ht. 2. 1974. S. 146–163.

²⁵ Такое предположение было высказано уже более века назад (*Toepffer J. Attische Genealogie*. B., 1889. S. 225 ff.), и нам оно представляется вполне обоснованным.

²⁶ *Bicknell P. J. Studies...* P. 84–88.

²⁷ О Ксантиппе наиболее подробно см.: *Суриков И. Е.* Ксантипп, отец Перикла: Штрихи к политической биографии // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Вып. 8. 2000. С. 100–109. О суде над Мильтиадом см.: *Carawan E. M. Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon* // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 28. No. 2. 1987. P. 167–208.

ными. Смерть Кимона также не привела к концу противостояния: роль основного конкурента Перикла перенял породнившийся с Филаидами Фукидид, сын Мелесия, в 444 г. до н. э. изгнанный из Афин остракизмом (Plut. Pericl. 14)²⁸. Немало неприятностей претерпел от Перикла и сын Кимона Лакедемоний, пытавшийся делать военную карьеру (Plut. Pericl. 29). Последним известным нам актом противостояния Алкмеонидов и Филаидов можно считать имевшее место в 415 г. до н. э. выступление Фессала, другого сына Кимона, в суде в качестве обвинителя Алкивиада, происходившего из Алкмеонидов по матери (Plut. Alc. 22).

В силу всех вышеперечисленных факторов вполне естественно, что в Афинах классической эпохи, как и в предшествовавшие века, акцентированное внимание к генеалогии оставалось одним из важнейших и наиболее актуальных механизмов аристократического влияния. Этому способствовали, с одной стороны, новые возможности письменной и даже художественной фиксации родословных, предоставляемые появившейся прозой, а с другой – общие условия общественной жизни в демократическом полисе V в. до н. э. Как мы видели, для этого хронологического отрезка было характерно соперничество знатных родов, а в еще большей степени – двойственное, не только благоговейное, но и весьма подозрительное отношение демоса к своим евпатридским лидерам, набиравшие силу эгалитарные тенденции, которые могли повлечь за собой полную утрату знатью своего традиционного авторитета. Аристократы в меру своих возможностей пытались противостоять этим тенденциям, снова и снова напоминая о своем неординарном происхождении. Можно упомянуть в данной связи мифографа и историка первой половины V в. до н. э. Ферекида, которого Ф. Якоби назвал «первым афинским прозаиком»²⁹. Ферекид, принадлежавший к окружению Филаидов, опубликовал подробную родословную этого афинского рода (Pherec. FGrHist. 3 F2). Эта родословная, дошедшая до нас через посредство позднеантичного автора Маркеллина (Vita Thuc. 2), включала в себя длинный ряд имен (от легендарного Аякса Саламинского до вполне реальных афинских деятелей позднеархаического времени – Гиппоклада, Мильтиада Старшего и др.) и, таким образом, призвана была связать воедино славное про-

²⁸ О борьбе Перикла и Фукидида, сына Мелесия, см.: *Meyer H. D. Thukydides Melesiou und die oligarchische Opposition gegen Perikles* // *Historia*. Bd. 16. Ht. 2. 1967. S. 141–154; *Andrewes A. The Opposition to Perikles* // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 98. 1978. P. 1–8; *Hölkeskamp K.-J. Parteiungen und politische Willensbildung im demokratischen Athen: Perikles und Thukydides, Sohn des Melesias* // *Historische Zeitschrift*. Bd. 267. Ht. 1. 1998. S. 1–27.

²⁹ О Ферекиде и его генеалогии Филаидов см.: *Jacoby F. Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung*. Leiden, 1956. S. 116 ff.; *Davies J. K. Athenian Propertied Families, 600–300 B.C.* Oxf., 1971. P. 293 ff.; *Frost F. J. Faith, Authority, and History in Early Athens* // *Religion and Power in the Ancient Greek World*. Uppsala, 1996. P. 87.

шное Филаидов с его не менее блистательным настоящим. Многие из называемых Ферекидом антропонимов зафиксированы в ономастике упомянутого рода и на последующих этапах его истории. Таковы, например, ЛИ Эпилик³⁰, Улий³¹, Тисандр³². Всё это в целом говорит в пользу аутентичности стеммы Филаидов, во всяком случае в значительной ее части.

Во многом по аналогичному пути шел и Геродот. Порой иронически высказываясь по поводу казавшихся ему чересчур прямолинейными и наивными генеалогических гипотез Гекатея (Herod. II. 143), он тем не менее и сам отводил аристократическим родословиям весьма значительное место в своем труде. Ограничиваясь здесь афинским материалом, укажем, что историк, как правило, не упускает случая сказать хотя бы несколько слов о происхождении и

³⁰ Эпиликом звали афинского дипломата второй половины V в. до н. э., заключившего мирный договор с персидским царем Дарием II. О нем см.: Рунг Э. В. Эпиликов мирный договор // ВДИ. № 3. 2000. С. 85–96.

³¹ Улием в V в. до н. э. был назван один из сыновей Кимона. Именно такое написание его имени зафиксировано эпиграфически (IG. IV. 2. 672c). Плутарх (Cim. 16; Pericl. 29) не вполне точно называет его Элеем, по аналогии с другими сыновьями Кимона – Лакедемнием и Фессалом, получившими имена в честь греческих государств. Однако вряд ли вождь афинской аристократической группировки, убежденный лаконофил, стал бы давать сыну имя в честь демократической Элиды (о демократии в Элиде V в. до н. э. см.: Robinson E. W. *The First Democracies: Early Popular Government Outside Athens*. Stuttgart, 1997. P. 108–111). Имя Улий, скорее всего, имеет ионийское происхождение: в некоторых полисах Ионии оно являлось эпиклезой Зевса.

³² Тисандром звали (Herod. VI. 127) отца Гиппоклида – архонта-эпонима 566/565 г. до н. э., при котором были учреждены Великие Панафинеи (об этом событии см.: Марунович Л. П., Кошеленко Г. А. Судьба Парфенона. М., 2000. С. 52). Ранее, в 571 г. до н. э., этот Гиппоклид участвовал в знаменитом сватовстве к Агаристе, дочери сикионского тирана Клисфена, причем выступал соперником Алкмеонида Мегакла. Это, кстати, заставляет предположить, что в первой половине VI в. до н. э. Филаиды принадлежали к региональной группировке педиеев (хотя обычно считают невозможным определить точное место этого рода в политической борьбе дописистратовского времени, например: Hopper R. J. «Plain», «Shore» and «Hill» in Early Athens // *Annual of the British School at Athens*. No. 56. 1961. P. 205–206). Действительно, противостоявшую педиеям группировку паралиев возглавляли Алкмеониды, а группировка диакриев лишь позже была основана Писистратом. В целом об афинских региональных группировках VI в. до н. э. см. известную работу: Sealey R. *Regionalism in Archaic Athens* // *Historia*. Bd. 9. 1960. Ht. 2. S. 155–180. Имя Тисандр носили также отец и сын вышеупомянутого Эпилика, а кроме того, что, пожалуй, особенно интересно, отец Исагора, знаменитого противника Клисфена в конце VI в. до н. э. (выше мы говорили о вероятном происхождении Исагора из рода Филаидов). Тем же именем был назван и сын Исагора, оставшийся в Афинах после измены и бегства отца: Phillips D. J. *Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 83. 1990. S. 123 ff.

генеалогических связях аттической знати, будь то Гефиреи, Писистратиды или те же Филаиды (Herod. V. 57; V. 65; VI. 35); все эти вопросы вызывают его нескрываемый интерес. Довольно загадочным в такого рода контексте выглядит умолчание Геродота об истоках Алкмеонидов – рода, о котором он пишет много и подробно. Как известно из сообщения Павсания (II. 18. 8–9), Алкмеониды считались потомками пилосской царской династии Нелеидов, эмигрировавшей в Атику после дорийского вторжения. Почему «отец истории» ни словом не упоминает об этом? Однозначное и удовлетворяющее всех решение проблемы вряд ли когда-нибудь будет найдено³³. Насколько можно судить, здесь нужно, помимо прочего, принимать в расчет и то обстоятельство, что Перикл, с которым Геродот близко общался в Афинах и от которого в значительной мере получал информацию, по ряду причин не желал, как отмечалось выше, привлекать внимание к роду своих предков по матери.

Здесь, пожалуй, будет наиболее уместным затронуть вопрос о том, какова вообще историческая ценность аристократических родословных, о которых идет речь, иными словами, насколько они аутентичны, с тем чтобы высказать по этому вопросу свою принципиальную позицию. Дело в том, что перед нами весьма сложная проблема, и можно даже сказать, что общий язык между сторонниками различных вариантов ее решения пока так и не найден. Автору этих строк представляется наиболее продуктивным умеренно-критический подход к данным афинской генеалогической (и вообще легендарной) традиции, признание наличия в ней под разного рода наслоениями аутентичного ядра, которое и подлежит отысканию, исследованию и использованию в качестве источника. Однако в настоящее время чрезвычайно сильны в науке позиции гиперкритиков, считающих все такого рода генеалогии фиктивными, сфальсифицированными³⁴. Представители данного направления зачастую даже не берут на себя труд аргументировать свою точку зрения, а просто походя, как о чем-то само собой разумеющемся и давно доказанном, высказываются в том смысле, что

³³ Из обширной литературы по проблеме см.: *Petersen J. C. W.* Quaestiones de historia gentium atticarum. Kiel, 1880. P. 76 sqq.; *Wade-Gery H. T.* Op. cit. P. 106 ff.; *Schachermeyr F.* Die frühe Klassik der Griechen. Stuttgart, 1966. S. 61 ff.; *Littman R. J.* Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N. Y., 1990. P. 81 ff.; *Колобова К. М.* К вопросу о возникновении афинского государства // ВДИ. № 4. 1968. С. 41–55; *Строгоцкий В. М.* Геродот и Алкмеониды // ВДИ. № 3. 1977. С. 145–155; *Молчанов А. А.* Микенские истоки семейных традиций у древних греков (генеалогический и сакральный аспекты) // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 77.

³⁴ См., например: *Wade-Gery H. T.* Op. cit. P. 86; *Roussel D.* Trubu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. P., 1976. P. 62–63; *Littman R. J.* Kinship in Athens // *Ancient Society*. Vol. 10. 1979. P. 13; *Ober J.* Mass and Elite... P. 55 ff.; *Яйленко В. П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 108–109.

та или иная аристократическая родословная была измышлена тогда-то или тогда-то (существует широкий диапазон достаточно произвольных датировок) и с такой-то или такой-то целью (цель определяется опять же постольку, поскольку она согласуется с общими концептуальными построениями автора).

Отмеченная нами гиперкритическая тенденция существует не только применительно к афинскому материалу; она характерна, насколько можно судить, для исследования раннегреческих генеалогий вообще. Так, автор недавно вышедшей отечественной монографии по истории Мегар, анализируя генеалогию древних мегарских царей, приходит к скептическому и неутешительному выводу: перед нами – искусственная конструкция, сфабрикованная в Мегарах и отчасти в Афинах в течение архаической эпохи для подкрепления тех или иных политических притязаний, соответственно, ее историческая ценность «весьма незначительна»³⁵. Так, царь Пандион, по мнению исследовательницы, в VIII в. до н. э. был под влиянием определенных причин внешнего порядка включен в царский список, а в VII – начале VI в. вновь исключен из него. Таким образом, мегаряне и афиняне периода ранней и средней архаики оказываются всего лишь манипуляторами преданием, произвольно включавшими в царские списки и исключавшими из них различных персонажей. Но как же быть с гневом божественного предка, подобным образом безжалостно вычеркнутого из прошлого? Стало быть, пресловутые «фальсификаторы истории» были еще и прожженными атеистами. А если учесть, что заниматься подобными фабрикациями могли лишь жрецы (историков еще не было), то ситуация оказывается еще более пикантной³⁶.

Если же говорить серьезно, то не стоит столь уж критично относиться к генеалогической традиции, как правило основанной на вполне аутентичном историческом ядре. Последнее относится не только к античности; насколько можно судить, в любой традиционной культуре родословное предание – едва ли не наиболее устойчивый и достоверный элемент мифологии. Это установлено, в частности, на примере фольклора Полинезии; цепочки легендарных предков, сохранившиеся в памяти жителей удаленных друг от друга островов, сходились в одной общей точке³⁷. В Греции же, помимо прочих обстоятельств,

³⁵ Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 38.

³⁶ По категоричному (и, на наш взгляд, вполне справедливому) утверждению Ф. Фроста, на протяжении большей части архаической эпохи вера в богов была всеобщей, что практически исключало возможность религиозных манипуляций: *Frost F. J. Faith, Authority, and History in Early Athens // Religion and Power in the Ancient Greek World. Uppsala, 1996. P. 83–84.*

³⁷ Ср.: Молчанов А. А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. М., 2000. С. 12–13. Важные соображения об исторической ценности генеалогических преданий в ранних обществах см. в книге: *Немировский А. А. У истоков*

способствовало сохранению генеалогической информации наличие развитого культа предков. Аристократ, «изобретающий» себе родословную, тем самым отрекался бы от своих настоящих предков и начинал бы считаться (и считать себя) потомком каких-то совершенно посторонних ему людей – со всеми соответствующими ритуальными импликациями подобного поступка. Признаться, нам это кажется мало согласующимся со спецификой архаического религиозного менталитета.

Возвратимся к основной линии изложения. В IV в. до н. э. роль знатных родов в политической жизни Афин в целом снизилась по сравнению с предыдущим столетием³⁸. Однако уважение к аристократическим генеалогиям, насколько можно судить, не было утрачено. Характерно, например, что ораторы Исократ (XVI. 25) и Демосфен (XXI. 144), выступая с похвалой Алкивиаду – политику, чья деятельность была, мягко говоря, неоднозначной по своим интенциям и результатам³⁹, в первую очередь подробно останавливаются на его в высшей степени «благородном» происхождении. Вне всякого сомнения, они следуют давно и прочно установившейся традиции энкомия. При этом, однако, конкретные детали генеалогии Алкивиада, очевидно, уже не были исчерпывающе известны авторам IV в. до н. э., что влекло за собой путаницу. Так, по Исократу, Алкивиад по мужской линии происходил из рода Евпатридов, а по женской – из Алкмеонидов; Демосфен же выводит его по отцу из Алкмеонидов, а по матери – из Кериков и, таким образом, допускает особенно серьезные, даже грубые ошибки. В действительности род Алкивиада по отцу, как установлено в настоящее время, назывался Саламиниями, а по матери он был Алкмеонидом⁴⁰.

Всё это было недобрым симптомом: родовые предания афинских евпатридов в определенном отношении подвергались опасности забвения, что явилось закономерным следствием демократизации полиса, «размывания» аристократии как социальной группы, постепенной утраты ею ведущих позиций в государстве, вытеснения ее представителей из многих сфер общественной жизни. Такие политические деятели, как Ликург, выходец из древнего рода Этеобута-

древнееврейского этногенеза: Ветхозаветное предание о патриархах и этнополитическая история Ближнего Востока. М., 2001. С. 9, 19–23.

³⁸ Mossé C. La classe politique à Athènes au IVeme siècle // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 67–77.

³⁹ Об Алкивиаде, его личности и деятельности см.: Суриков И. Е. Алкивиад: афинский денди или первый «сверхчеловек»? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 5. Спец. вып. Историческая биография и персональная история. М., 2001. С. 198–225.

⁴⁰ Важнейшая литература по генеалогии Алкивиада указана нами в другом месте: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 211. Прим. 149.

дов, становились всё более редкими исключениями; тон задавали теперь «новые политики» типа Демосфена или Эсхина, Ификрата или Харидема, за которыми не стояло славных деяний предков⁴¹. Им не приходилось думать о сохранении и продолжении своей генеалогической традиции за неимением таковой. Впрочем, впоследствии, в эллинистическое и римское время, положение изменилось. Афины пережили своеобразный «аристократический ренессанс», некоторые из наиболее знатных родов (Керики и др.), вновь придя к власти, заставили афинян, да и всех греков вспомнить об их родовых преданиях⁴². Но это могло бы быть темой особого исследования. Здесь же приходится только отметить, что период между Эгоспотомами и Херонеей внес в историю аттической аристократии существенный, но не абсолютный дисконтинуитет.

Подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать, что на протяжении всего классического периода в Афинах придавалось весьма большое значение родословным аристократов-евпатридов. Они служили обоснованию и укреплению общественно-политического авторитета этой прослойки и являлись важным компонентом исторической памяти эпохи, что нашло выражение, в числе прочего, в трудах крупнейших древнегреческих историков и других писателей.

⁴¹ Наиболее подробно о «новых политиках» см.: *Connor W. R. The New Politicians...* Passim. Ср. также: *Суриков И. Е.* Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. Казань, 2000. С. 111 (об утрате аристократами в IV в. до н. э. своей былой внешнеполитической роли).

⁴² Об афинской знати послеклассического времени и ее генеалогических традициях, отразившихся, помимо прочего, в ономастике, см.: *MacKendrick P. The Athenian Aristocracy 399 to 31 B.C.* Cambridge (Mass.), 1969; *Молчанов А. А.* Антропонимическая традиция как одно из слагаемых исторической памяти (к просопографии афинской знати античного времени) // *Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения*. М., 2000. С. 193–198.

О НЕКОТОРЫХ МНИМЫХ РЕАЛЬНОСТЯХ В АНТИЧНОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ДРЕВНИХ АФИН*

С древнегреческой историей сопряжено достаточно много мнимых реальностей разного порядка. Досадно, когда в современной историографии античности эти реальности не осознаются как мнимые, а принимаются, так сказать, за чистую монету (увы, это происходит не столь уж и редко). Разумеется, ограниченный объем статьи не позволяет нам остановиться на сколько-нибудь значительном числе этих мнимых реальностей, порой перерастающих в настоящие историографические мифы и тормозящих развитие науки. Ниже будут освещены, да и то по необходимости весьма кратко, лишь три сюжета этого рода. Сюжеты эти отличаются друг от друга как по своему уровню (среди них есть имеющие отношение и к общим, и к более частным проблемам афинской истории), так и по степени осознания их «мнимости». Первая из рассматриваемых мнимых реальностей перешла уже едва ли не на уровень бытового сознания, став основой для фразеологических выражений; вторая заняла прочное место в исследовательской литературе; третья заново творится буквально на наших глазах.

1. «Законы, писанные кровью»

Возможно, из подзаголовка читателям уже ясно, что речь пойдет о законах Драконта. Говоря о них в контексте мнимых реальностей, следует сразу подчеркнуть: в намерения автора отнюдь не входит возрождать популярную лет сто назад гиперкритическую теорию, согласно которой первый афинский законодатель Драконт был фигурой мифической, фиктивной, в действительности никогда не существовавшей. Нет сколько-нибудь серьезных оснований сомневаться в том, что в 621 г. до н. э. Драконт, занимавший должность архонта-фесмофета (Paus. IX. 36. 8), на самом деле издал свод законов, который положил начало писаному праву Афин. Однако известно об этом своде чрезвычайно мало, более того, далеко не все сведения о нем отличаются достоверностью.

Собственно, безоговорочно уверенным можно быть лишь в том факте, что Драконту принадлежит цикл законов об убийствах, где достаточно детально

* Впервые опубликовано в: Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 239–250.

трактовались различные виды такого рода преступлений, связанные с ними судебные процедуры и наказания¹. Эти законы сохраняли свою силу в течение всей последующей истории афинского полиса, и их содержание в целом хорошо известно: на них имеются многочисленные ссылки в речах ораторов классической эпохи, кроме того, частично комплекс законов об убийствах сохранился в эпиграфической копии (IG. I³. 104). Что же касается остальных законов Драконта, то, по сообщениям ряда античных авторов (Arist. Ath. pol. 7. 1; Plut. Sol. 17; Aelian. Var. hist. XIII. 10), они были отменены следующим, значительно более знаменитым афинским законодателем – Солоном. Впрочем, эта последняя информация вызывает резонные сомнения, поскольку остается совершенно необъяснимым, почему через каких-нибудь 20–30 лет после введения законодательства Драконта его пришлось отменять и учреждать совершенно новое. Неужели за столь краткий срок ситуация в Аттике настолько радикально изменилась, что побуждала к почти полному пересмотру *всего* свода законов? Да такой полный пересмотр был бы и беспрецедентен в греческом мире. В силу вышесказанного нам импонирует точка зрения, согласно которой Драконт вообще не подверг письменной фиксации никакие законы, кроме законов об убийствах². Однако не будем настаивать на ее безусловной истинности. Останемся в рамках более традиционной позиции и допустим, что Драконт был автором законодательного кодекса, охватывавшего различные сферы бытия полиса и его граждан. Это не имеет принципиального значения для решения вопроса о том, считать ли законы Драконта «мнимой реальностью». Дело в том, что в любом случае законы, например, о праздности или о краже (они особенно часто приписываются Драконту в нарративной традиции), даже если таковые действительно были изданы этим законодателем, все равно очень скоро были отменены, заменены солоновскими, вышли из употребления и, в принципе, не должны были оставить каких-либо аутентичных следов, поскольку трудно представить, что афиняне стали бы хранить кирбы и аксоны³ с законодательными актами, уже утратившими силу.

Таким образом, вне зависимости от того, как мы решаем вопрос об историчности тех или иных частей кодекса Драконта, для последующих эпох афин-

¹ Законы Драконта об убийствах нам уже приходилось подробнее рассматривать в другом месте: Суриков И. Е. Законодательство Драконта в Афинах и его исторический контекст // Древнее право. №2 (7). 2000. С. 8–18. Там же приведен текст сохранившихся законов с русским переводом и указана важнейшая литература по проблеме.

² Humphreys S. C. A Historical Approach to Drakon's Law on Homicide // Symposium 1990. Köln, 1991. S. 18.

³ О кирбах и аксонах – деревянных вращающихся таблицах, на которые наносились тексты законов в архаических Афинах, – см. специальное исследование: Stroud R. S. The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon. Berkeley, 1979.

ской истории все законы этого кодекса, кроме оставшихся в употреблении законов об убийствах, были, безусловно, именно «мнимой реальностью». Они стали органичной частью получавшей все большее развитие в среде интеллектуальной элиты Афин мифоисторической традиции о древнейшем прошлом этого города, и, соответственно, фигура Драконта (как и ряда других ранних деятелей афинской истории) подверглась поступательной мифологизации⁴. Можно даже наметить основные этапы этого процесса становления «мнимой реальности», впоследствии перекочевавшей из сочинений античных авторов в антиковедение XIX–XX вв.

Вплоть до конца V в. до н. э. личность и деятельность Драконта не вызывали сколько-нибудь значительного интереса у представителей древнегреческой литературы, историографии, публицистики. В частности, ни словом не упоминают о первом афинском законодателе ни Геродот, ни Фукидид. Едва ли не единственным писателем раннеклассической эпохи, у которого мы встречаем имя Драконта, является комедиограф Кратин. В одном из его сохранившихся фрагментов (fr. 274 Kock) речь идет о «кирбах Драконта и Солона», уже практически пришедших в негодность; контекст упоминания неясен. Ситуация начинает изменяться в период Пелопоннесской войны. Это крупнейшее в истории Греции межполисное вооруженное столкновение ознаменовалось резким обострением внутривосполитической борьбы в Афинах, противостоянием сторонников и противников демократии, что, в свою очередь, порождало оживленные дискуссии по проблемам политического строя и законодательства, идеи возвращения к «отеческому государственному устройству» и приоритета «власти закона» над «властью народа», активизацию внимания к афинским законодателям прошлого – Тесею, Драконту, Солону, Клисфену. Если о последних двух из этого списка можно было говорить со значительной долей определенности, то фигура Драконта (не говоря уже о мифическом Тесее) тонула в тумане легенды, и интерес к нему почти не подкреплялся конкретными историческими фактами, вращаясь в круге «мнимой реальности».

Лишь законы Драконта об убийствах были чем-то вполне осязаемым. В ходе общего пересмотра афинских законов, проходившего в течение последнего десятилетия V в. до н. э.⁵, эти законы подверглись повторной кодификации, причем при их перенесении с аксонов на мраморную плиту постарались сохранить в неприкосновенности все особенности оригинала. В 403 г. до н. э., после свержения олигархического режима Тридцати тиранов, восстановленная демо-

⁴ Об этой мифологизации см. наиболее подробно: *Ruschenbusch E.* ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. // *Historia*. Bd. 7. Ht. 4. 1958. S. 398–424.

⁵ *Piérart M.* Athènes et ses lois: Discours politiques et pratiques institutionnelles // *Revue des études anciennes*. Vol. 89. № 1/2. 1987. P. 21–37.

кратия постановила впредь пользоваться законами Солона и Драконта (Andoc. I. 81–83). Однако, повторим, всех волновал вопрос: что же все-таки представляли собой *остальные* законы Драконта, кроме законов об убийствах?

Судя по всему, около этого времени некий памфлетист-олигарх приписал Драконту комплекс законов о государственном устройстве, иными словами, сделал его творцом первой письменно зафиксированной афинской конституции. В том, что эта «конституция Драконта», имеющая характер цензовой политики, полностью сфальсифицирована, ныне никто не сомневается⁶. Однако же после ее составления эта фальшивка не была распознана даже таким критичным умом, как Аристотель, который при переработке своего трактата «Афинская политика» в 320-х гг. до н. э. ввел туда сведения о драконтовской «конституции» (Arist. Ath. pol. 4).

Итак, буквально с *nihilo* начинают рождаться совершенно забытые законы Драконта. Интересно, что в какой-то момент в IV в. до н. э. отношение к ним меняется. В памятниках первой половины этого столетия (Xen. Oec. 14. 4; Demosth. XXIV. 211) мы встречаем однозначно позитивное отношение к Драконту. А затем возникает представление о чудовищной жестокости его законов, которые якобы за любое преступление, независимо от степени его тяжести (будь то кража, праздность, убийство), назначали одно и то же преступление – смертную казнь. Именно эта «мнимая реальность», связанная с Драконом, оказалась наиболее живучей: она благополучно продолжает существовать и в наше время. Выражение «драконовские законы», «драконовские меры» стало (и, очевидно, останется и впредь) вполне расхожим. И тем не менее – необходимо специально это подчеркнуть – у историка нет сколь-нибудь серьезных оснований считать, что законы Драконта действительно были экстраординарно жестокими и недифференцированными. Напротив, дошедший до нас аутентичный эпиграфический текст принадлежащего Драконту закона об убийствах свидетельствует об обратном. В частности, за неумышленное убийство этот закон назначает наказанием отнюдь не смерть, а изгнание, да еще и допускает полное прощение убийцы родственниками убитого. Более того, убийства, совершенные при некоторых конкретных обстоятельствах (например, при самообороне), закон Драконта вообще признает оправданными и не влекущими за собой наказания.

Как же складывался миф о суровости законов Драконта? Упоминания об этой их черте мы встречаем уже у Аристотеля. В раннем трактате «Риторика» (1400b21) он приводит каламбур врача и софиста конца V в. до н. э. Геродика, славившегося своим остроумием: «Он говорил также о законодателе Дра-

⁶ См. о ней: Fritz K. von. The Composition of Aristotle's Constitution of Athens and the So-called Dracontian Constitution // Classical Philology. Vol. 49. No. 2. 1954. P. 73–93; Ruschenbusch E. Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte // Symposion 1971. Köln, 1975. S. 75.

конте: это законы не человека, а дракона». Строго говоря, контекст этого каламбура неизвестен, но стагирский философ дает ему свое объяснение: законы Драконта были очень суровы. Ту же мысль Аристотель высказывает и в более позднем труде «Политика» (1274b15). Современник Аристотеля – оратор Демад (fr. 23 de Falco), тоже известный любовью к ярким выражениям, говорил: «Законы Драконта написаны не чернилами, а кровью». Традиция о чрезмерной суровости драконтовских законов становится общим местом у более поздних античных, а затем и византийских авторов (например: Plut. Sol. 17; Gell. X. 18; Tzetz. Chil. V. 342 sqq.).

Что послужило поводом для формирования вышеописанной «мнимой реальности»? Не исключено, сыграло здесь свою роль редкое имя законодателя, для античных греков звучавшее не менее грозно, чем для нас. Но главное, конечно, не в этом. В Афинах действительно законами предусматривалась смертная казнь за ряд преступлений, которые, на наш современный взгляд, вовсе не являются настолько тяжкими, в том числе за кражу и грабеж, фальшивомонетничество, лжесвидетельство и т. п.⁷ Так было, насколько можно судить, и до Драконта, и при Драконте, и после Драконта, в том числе даже и в эпоху классической демократии V–IV вв. до н. э. Естественно, первый афинский законодатель должен был отразить в своем кодексе именно такого рода правовые нормы. В частности, одно из положений его закона об убийствах гласило: «Если один человек, защищаясь, убьет другого, уводящего или уносящего что-то с применением силы и вопреки справедливости, причем совершит это на месте преступления, то такое убийство не влечет наказания». Таким образом, убивший вора или грабителя не нес никакой ответственности. Это-то и могло впоследствии восприниматься как смертная казнь за кражу. Иными словами, здесь следует говорить скорее не о сознательной фикции, а о неточном понимании афинянами позднейших эпох данного положения закона об убийстве. Что же касается законов, непосредственно назначающих кару за воровство, то есть собственно направленных на охрану частной собственности, то, как мы уже говорили, наличие подобных законов в кодексе Драконта, вопреки утверждениям, которые порой можно встретить в историографии⁸, весьма сомнительно. Во всяком случае, если такие законы Драконт и издавал, то мы о них по вышеизложенным причинам ничего не знаем и знать не можем.

Итак, о законах Драконта можно говорить не только как об одном из первых надежно зафиксированных фактов афинской истории, но и как о «мнимой

⁷ Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. №2 (5). 1999. С. 35.

⁸ Например: Шишова И. А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С.56–57.

реальности», получившей в силу ряда обстоятельств самостоятельную историческую судьбу, независимую от реальности подлинной.

2. «Революция Солона»: мнения и недоумения

«Революция Солона» – так называлась вышедшая более полувека назад большая статья К. М. Колобовой⁹, и по сей день остающаяся самым фундаментальным исследованием об этом великом афинском законодателе в отечественной историографии, в которой деятельностью Солона вообще занимались мало. В упомянутой работе, пожалуй, наиболее полно отразилась концепция солоновских преобразований, которую следует считать общепринятой в российском антиковедении. Суть этой концепции, говоря вкратце, в следующем. Солон выступил на сцену в обстановке острой социально-экономической борьбы между аристократией и демосом, оказавшимся в состоянии массовой задолженности и попадавшим в долговую кабалу к богачам. Законодатель осуществил единоразовую отмену всех долгов, освободил кабальных должников и запретил на будущее время обращение афинских граждан в рабство за долги (знаменитая сисахфия). Одновременно он разделил гражданскую общину на четыре имущественных класса (пентакосиомедимны, всадники, зевгиты, феты), сделав, таким образом, главным критерием положения гражданина в государстве не знатность, как было раньше, а богатство.

Данная концепция базируется в основном на таких источниках, как Аристотель (Ath. pol. 5–12) и Плутарх (биография Солона), а также на аналогиях с социальной борьбой в раннем Риме (реформы Сервия Туллия, борьба патрициев и плебеев). В ее рамках наблюдается расхождение между отдельными исследователями лишь в оценке непосредственной роли Солона в происшедших событиях. Его считали то революционером, возглавившим прогрессивные силы эпохи (К. М. Колобова), то, напротив, консерватором, стремившимся сдержать революционное движение умеренными реформами (С. Я. Лурье)¹⁰, то, наконец, деятелем «центристского» плана, пытавшимся достичь компромисса между различными слоями общества (Э. Д. Фролов, И. А. Шишова)¹¹.

Что же касается западной историографии, то в ней в последнее время наблюдается парадоксальная ситуация, вроде бы свидетельствующая о снижении интереса к Солону: количество исследований о нем значительно уменьшилось. Означает ли это, что тема исчерпана и закрыта, что для связанных с ней про-

⁹ Колобова К. М. Революция Солона // Учен. зап. ЛГУ. № 39. Л., 1939. С. 25–72.

¹⁰ Лурье С. Я. К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI века // Там же. С. 73–88.

¹¹ Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 131–135; Шишова И. А. Раннее законодательство. С. 58–62.

блем подысканы убедительные и непротиворечивые решения? Отнюдь нет, скорее наоборот: насколько можно судить, в определенной мере наступает признание недостаточной плодотворности, если не тупиковости предыдущей работы в этом направлении. Целый ряд общих трудов по истории архаической Греции в целом и Афин в частности, вышедших в во второй половине XX столетия и серьезно подорвавших традиционные представления об эволюции социальных и политических отношений в них, но, в общем-то, не предложивших альтернативной целостной и взаимосвязанной реконструкции¹², стал причиной того, что мы сейчас знаем об этой эпохе не больше, а меньше, чем знали (или считали, что знают) ученые предшествующих поколений. Вопросы явно преобладают над ответами, загадки – над разгадками. В результате ныне, чтобы всерьез заняться Солоном и его временем, нужна даже некоторая дерзость. Писать о нем так, как писали еще несколько десятков лет назад (и как продолжают это делать у нас в стране), уже решительно невозможно. Но как писать? А вот этого, похоже, пока никто не знает. Старые подходы в известной мере дискредитированы, новые еще не обрели права на существование.

Мы в рамках данной работы тоже выскажем некоторые замечания или, скорее, недоумения по поводу традиционной концепции солоновских преобразований. Первое. Откуда Аристотель и в основном вторящий ему Плутарх имели столь детальную и подробную информацию о социально-экономических реформах Солона? Ведь эти реформы, в отличие от изданного им свода законов, рассчитанного на долговременное (в принципе – «вечное») использование, были призваны решить конкретные проблемы, входили в рамки текущей деятельности реформатора и, скорее всего, имели иной статус (проводились псефисмами, постановлениями народного собрания?¹³). Во всяком случае, на кирбах или аксонах они не фиксировались, а следовательно, не сохранялись столь же тщательно, как законы, не будучи *per se* объектами пиеитета. В результате сведения о той же сисахфии позднейшие античные авторы должны были получать в основном из стихотворений Солона, которые имели в Афинах широкое хождение и, помимо прочего, изучались в школах (Plat. Tim. 21b). Прежде всего имеется в виду известный солоновский фрагмент (Sol. fr. 24 Diehl), в котором, как считается, речь идет именно о сисахфии. Однако не следует забывать о том, что лирическая поэзия – источник весьма специфический, зачастую допускающий различные интерпретации¹⁴. И не случайно уже в классическую эпоху сущность сисахфии была предметом дискуссий. Так, историк Андротион

¹² Критический анализ важнейших из этих трудов (Финли, Старра и др.) см.: *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. С. 18 сл.

¹³ *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates. L., 1968. P. 69.

¹⁴ Специально о стихах Солона см.: *Суриков И. Е.* Авторское начало в лирике Солона // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его текст. М., 2003. С. 235–240.

(FGrHist. 324. F34) предложил иное ее понимание, отличное от аристотелевского. И поныне загадку сисахфии нельзя считать полностью разгаданной¹⁵.

Второе. Совершенно непонятно, откуда в Аттике к началу VI в. до н. э., к моменту реформ Солона, могли взяться массовая задолженность крестьян и их обезземеливание? В это время владевший обширной территорией афинский полис не знал еще ни стенохории («земельного голода»)¹⁶, ни значительного имущественного расслоения¹⁷. И, самое главное, Афины в это время еще не чеканили монеты¹⁸. Сложность ситуации усугубляется озадачивающим сообщением Аристотеля (Ath. pol. 2. 2) о «шестидольниках» (гектеморах), которые назывались так потому, «что на таких арендных условиях они обрабатывали поля богачей». Какие же условия имеются в виду? Если речь идет о выплате арендатором богачу одной шестой урожая, то такую норму эксплуатации никак нельзя назвать суровой; напротив, по меркам древних обществ она весьма умеренна и вряд ли сама по себе могла вызвать взрыв социальной напряженности. Противоположное же толкование приведенной цитаты (арендатор, отдающий хозяину пять шестых, а одну шестую оставляющий себе) тоже совершенно невозможно. Столь высокой нормы эксплуатации не знало, наверное, ни одно общество, поскольку она попросту исключала бы физическое выживание эксплуатируемых, тем более на неплодородных греческих почвах¹⁹. Подобного рода не поддающиеся интерпретации высказывания сильно снижают совокупную ценность свидетельства о досолоновских и солоновских Афинах.

Третье. Собственно, в чьих интересах проводились реформы Солона? Если исходить из создания им имущественных классов, то получится, что в интересах незнатных богачей. Однако этому в корне противоречат взгляды законодателя, неоднократно и эксплицитно высказываемые в дошедших до нас фраг-

¹⁵ См. из новых работ, в которых предлагаются альтернативные трактовки сисахфии: French A. Solon's Act of Mediation // *Antichthon*. Vol. 19. 1984. P. 1–12; Harris E. M. A New Solution to the Riddle of the Seisachtheia // *The Development of the Polis in Archaic Greece*. L.; N. Y., 1997. P. 103–112.

¹⁶ Foxhall L. A View from the Top: Evaluating the Solonian Property Classes // *The Development of the Polis in Archaic Greece*. L.; N. Y., 1997. P. 113 ff.

¹⁷ Сказанное относится к архаической Греции в целом. См.: Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 100–105.

¹⁸ Kraft K. Zur solonischen Gewichts- und Münzreform // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*. Bd. 19. 1969. S. 7–24; Crawford M. H. Solon's Alleged Reform of Weights and Measures // *Eirene*. Vol. 10. 1972. P. 5–8; Kraay C. M. *Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley, 1976. P. 55 ff.

¹⁹ Спартанские илоты отдавали господам около половины урожая (Finley M. I. *Early Greece: The Bronze and Archaic Ages*. L., 1981. P. 107), и это считалось чудовищно высокой нормой эксплуатации.

ментах его поэзии (Sol. fr. 1. 7 sqq., 71 sqq. Diehl; fr. 3. 5 sqq. Diehl; fr. 4. 9 sqq. Diehl; fr. 14 Diehl). Как истый аристократ, Солон крайне отрицательно относится к несправедно разбогатевшим людям, противопоставляет такое богатство подлинным доблестям²⁰. Станным было бы, если бы своими преобразованиями он угождал именно тем, кого осуждал в своих литературных произведениях. Отметим, кстати, что и солоновская сисахфия (отмена долгов) оказывалась в высшей степени невыгодной именно для богачей: ведь это они должны были выступать в качестве кредиторов. А выигрывали от сисахфии не только (может быть, даже и не столько) беднейшие крестьяне, но и разорившиеся аристократы, вынужденные «залезать в долги» (кстати, похоже, что Солон и сам принадлежал к таковым, ср. Plut. Sol. 2). И, наконец, система имущественных классов была, судя по всему, не изобретена Солоном (она в той или иной форме существовала задолго до него, как показывают названия классов)²¹, а лишь модифицирована им. В результате реформ эти разряды получили четкие, выражающиеся конкретными цифрами критерии отграничения друг от друга. Кроме того, возможно, законодатель выделил в особый, высший разряд пентакосиомедимнов (его название действительно выглядит искусственным) самую верхушку всадников, крупнейших землевладельцев, то есть наиболее знатных граждан.

В ограниченных рамках данной работы мы, разумеется, не можем предложить ответов на все поставленные недоуменные вопросы. Хотелось бы подчеркнуть лишь одно: коль скоро традиционная концепция солоновских реформ включает в себе такое количество внутренних противоречий (а мы перечислили далеко не все), не имеем ли мы дело с очередной «мнимой реальностью»? И не пришла ли пора для кардинального пересмотра существующих трактовок деятельности Солона?

3. Два мнимых ostracism

Одним из специфических институтов классической афинской демократии V в. до н. э. был ostracism – внесудебное изгнание по политическим мотивам наиболее влиятельных граждан из полиса на фиксированный срок (10 лет), без поражения в гражданских (в том числе имущественных) правах и с последующим полным восстановлением в политических правах, осуществлявшееся путем голосования демоса в народном собрании при применении особой

²⁰ Mitchell L. G. *New Wine in Old Wineskins: Solon, Arete and the Agathos // The Development of the Polis in Archaic Greece*. L.; N. Y., 1997. P. 137 ff.; Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла. СПб., 2002. С. 242 сл.

²¹ Колобова К. М. Указ. соч. С. 26; Bugh G. R. *The Horsemen of Athens*. Princeton, 1988. P. 22.

процедуры (с использованием надписанных глиняных черепков). В источниках упоминается о 18 случаях применения остракизма в Афинах. Однако не все эти упоминания можно расценивать как достоверные. Среди остракизмов тоже есть «мнимые реальности». Так, безусловно, неисторичен остракизм мифологического героя Тесея, о котором сообщают некоторые (в основном поздние) авторы. Равным образом нельзя считать фактами остракизмы Клисфена и Мильтиада²². Всё это настолько ясно, что в дальнейшем о вышеназванных мнимых остракизмах речь не пойдет. А коснемся мы двух других случаев использования этой процедуры, которые относятся к категории спорных. Это повторные остракизмы двух видных политиков: Мегакла, сына Гиппократы (из рода Алкмеонидов) и Алкивиада Старшего (деда знаменитого Алкивиада)²³.

Сразу подчеркнем: спорными являются именно их *повторные* остракизмы. То, что они подвергались остракизму по одному разу (Мегакл в 486 г. до н. э., Алкивиад в конце 460-х гг. до н. э.), надежно зафиксировано традицией. Но лишь один-единственный автор – оратор рубежа V–IV вв. до н. э. Лисий – упоминает о том, что эти афиняне становились жертвами данной процедуры дважды²⁴. Интересующее нас упоминание встречается в крайне тенденциозном контексте, в обвинительной речи против Алкивиада Младшего, сына знаменитого Алкивиада (Lys. XIV. 39). Речь эта буквально переполнена самыми грубыми выпадами, и в одном ее месте логограф, помяная, по обыкновению, недобрым словом предков обвиняемого²⁵, говорит буквально следующее: «Его прадеда Алкивиада и деда отца его по матери Мегакла ваши предки обоих дважды (δὶς ἀμφότερους) изгоняли посредством остракизма».

Данный пассаж, вплоть до относительно недавнего времени не привлекавший особенного внимания исследователей, в последние десятилетия стал рассматриваться со значительно бóльшим доверием. Дело в следующем. В конце 1960-х гг. при раскопках на Керамике (афинском квартале гончаров) было открыто более 8,5 тысяч остраконов – надписанных черепков, использовавшихся

²² Как это убедительно продемонстрировано уже в книге: *Carcopino J. L'ostracisme athénien*. 2 ed. P., 1935. P. 111–112.

²³ См. их генеалогические стеммы: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 249–251.

²⁴ Иной раз в литературе можно встретить указание на то, что о втором остракизме Мегакла якобы говорится также в IV речи оратора Андокида. В действительности это не так: рукописи Андокида в соответствующем пассаже (IV. 34) не содержат слова δὶς (дважды). Это слово добавляется некоторыми издателями по аналогии с Лисием, что и может ввести в заблуждение, но такое добавление отнюдь не представляется корректным. Ср.: *Mattingly H. B.* The Practice of Ostracism at Athens // *Antichthon*. Vol. 25. 1991. P. 2.

²⁵ Об обычных в аттических судебных речах напаках на предков и родственников оппонента см.: *Суриков И. Е.* О некоторых особенностях правосознания... С. 40–41.

при остракизме²⁶. Примерно на половине этих остраконов прочитано имя Мегакла, сына Гиппократы. Столь значительная доля «бюллетеней» против одного лица не могла не наводить на некоторые, представляющиеся вполне основательными соображения. Начинало казаться в высшей степени вероятным, что находка с Керамика в основе своей представляет результаты какого-то одного остракизма (с незначительными «вкраплениями» от нескольких других), причем остракизма успешного, в ходе которого Мегакл действительно подвергся изгнанию: уж слишком велик был удельный вес черепков с его именем. Поэтому группу остраконов с Керамика сразу же датировали 486 г. до н. э.

Однако уже несколько лет спустя последовали попытки пересмотра этой датировки. Некоторые исследователи, ссылаясь на вышеупомянутый пассаж Лисия, стали относить черепки к гипотетическому второму остракизму Мегакла. В целом ряде недавних работ проводится мысль о том, что этот политик после своего изгнания в 486 г. и досрочного возвращения в 480 г.²⁷ был еще раз подвергнут остракизму, и произошло это в 470-е гг. (во всяком случае, не позднее остракизма Фемистокла в конце этого десятилетия). А поскольку свидетельства источников нельзя принимать «наполовину», пришлось постулировать два остракизма и для Алкивиада Старшего: первый, гипотетический, в те же 470-е гг., а второй, бесспорный, – в конце 460-х гг. до н. э., о чем говорилось выше²⁸.

²⁶ Наиболее подробно о находке см. в недавней работе: *Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen. Wien, 2001.*

²⁷ В связи с опасностью, порожденной нашествием Ксеркса на Грецию, в 480 г. до н. э. все афиняне, находившиеся к этому времени в остракизме, были досрочно возвращены (*Arist. Ath. pol. 22. 8*).

²⁸ Из работ, в которых проводится вышеуказанная точка зрения, см.: *Lewis D. M. The Kerameikos Ostraka // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 14. 1974. S. 1–4; Idem. Megakles and Eretria // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 96. 1993. S. 51–52; Bicknell P. J. Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? // L'Antiquité classique. Vol. 44. No. 1. 1975. P. 172–175* (Бикнелл предлагает даже довольно конкретные датировки: для остракизма Мегакла – через год-два после победы над Ксерксом, для остракизма Алкивиада – 478 г. до н. э.); *Rhodes P. J. A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981. P. 274; Phillips D. J. Athenian Ostracism // Hellenika: Essays on Greek Politics and History. North Ryde, 1982. P. 28; Willemsen F. Ostraka einer Meisterschale // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Bd. 106. 1991. S. 137–145; Brenne S. «Portraits» auf Ostraka // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Bd. 107. 1992. S. 162 ff.* В своей последней работе Бренне, впрочем, принимает свидетельство Лисия именно наполовину: постулируя второй остракизм Мегакла в 471 г. до н. э., он в то же время отрицает возможность второго остракизма Алкивиада Старшего: *Brenne S. Ostrakismos und Prominenz... S. 96.*

Перед нами типичный пример того, что англичане называют а *circular argument* – порочного круга в доказательстве. Цитированное упоминание Лисия берется как довод в пользу поздней датировки острака с Керамика, а сама эта поздняя датировка служит аргументом, подкрепляющим достоверность данных Лисия. Попробуем все-таки разделить эти два аргумента. Работает ли каждый из них по отдельности? Насколько можно судить, нет. То, что мы имеем у Лисия (*δῖς ἀμφότερους*), представляет собой обычный риторический плеоназм (мы бы назвали этот прием гендиадисом, хотя и не в строгом смысле слова), призванный усилить обличительный эффект речи. В конце концов, не исключено, что пресловутое *δῖς*, на котором строится вся аргументация сторонников историчности двух остракизмом Мегакла и Алкивиада, может быть попросту продуктом порчи текста. Во всяком случае, даже если текст не искажен, единственное тенденциозное свидетельство, конечно, не может устоять против молчания всей остальной нарративной традиции. Остракизм был исключительно важной вехой в биографии любого политического деятеля, да и вообще это была весьма серьезная, нечасто применявшаяся процедура. Пришлось бы признать крайне странным, что такой неординарный прецедент, как двукратное применение этой меры к одному и тому же лицу (а речь идет даже о двух лицах!) не оставило более существенных следов в античных источниках.

Итальянская исследовательница Э. Кулассо Гастальди совершенно правомерно замечает по данному поводу: если пассаж Лисия на деле не имеет того значения, какое ему в последнее время склонны придавать, то могут ли археологические данные (остраконы с Керамика), лишенные поддержки с филологической стороны, обеспечить достаточно убедительные аргументы для тезиса о двух остракизмах Мегакла и Алкивиада?²⁹ Что же касается этих остраконов, то мы уже неоднократно писали о них³⁰ и пришли ко вполне однозначному выводу: нет безусловных оснований «опускать» их датировку в 470-е гг., по-прежнему несравненно более убедительной остается изначальная привязка этих памятников к единственному надежно зафиксированному в традиции остракизму Мегакла, сына Гиппократы (486 г. до н. э.). Таким образом, ни

²⁹ *Culasso Gastaldi E.* I doppio ostracismo di Megakles Hippokratous // *Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche*. Vol. 8. Fasc. 2. 1997. P. 268.

³⁰ *Суриков И. Е.* Острака как источник по истории раннеклассических Афин // *Античный вестник (Омск)*. Вып. 3. 1995. С. 109; *Он же.* По поводу новой публикации острака // *ВДИ*. №2. 1996. С. 145; *Он же.* Институт остракизма в Афинах: проблемы и перспективы изучения // *Античный вестник (Омск)*. Вып. 4–5. 1999. С. 131; *Он же.* Афинянин Мегакл и Эретрия (к интерпретации одного остракона) // *VI чтения памяти проф. В. Д. Блаватского: Тезисы докл. М., 1999*. С. 111; *Он же.* К интерпретации имени Арифрона на остраке // *ВДИ*. №4. 2000. С. 73–79.

«аргумент от Лисия», ни «аргумент от острака», если не заставлять их искусственно поддерживать друг друга, подобно стенкам карточного домика, сами по себе не позволяют нам признать историчность двух повторных остракизмов вышеупомянутых политиков. А сами эти повторные остракизмы оказываются «мнимыми реальностями», творимыми буквально *e nihilo*.

ФИЛОХОР, АФИНСКИЙ ИСТОРИК ЭПОХИ РАННЕГО ЭЛЛИНИЗМА *

Своеобразной, весьма интересной ветвью афинского историописания была аттидография – жанр, в рамках которого составлялись «краеведческие» труды по истории конкретного полиса и региона – Афин и Аттики. Сочинения, написанные в этом жанре, носили единообразное название «Аттида» (дословно – «жильница Аттики», «афинянка».

«Аттиды» иногда называют афинскими хрониками¹, а, соответственно, аттидографов – хронистами. Однако такое определение не вполне корректно². Аттидографы, в отличие от хронистов, в первую очередь не излагали и описывали прошлое, а изучали и исследовали его. В этом они следовали лучшим традициям античной исторической науки, заложенным Гекатеєм, Геродотом, Фукидидом. Безусловно, методы их работы современному историку могут показаться крайне нестрогими, произвольными, порой примитивными. Многие свои гипотезы эти авторы основывали скорее на умозрительных соображениях, нежели на детальном и объективном анализе фактов. Тем не менее заслуживает внимания уже сам этот исследовательский дух. Каждый аттидограф стремился сказать новое слово, внести собственный вклад в изучение афинской истории. Поэтому, кстати, все они активно полемизировали друг с другом, горячо оспаривали выводы предшествующей аттидографической традиции. Собственно, потому и появилось так много сочинений данного жанра, что в любом из этих сочинений выдвигалась какая-то новая точка зрения и опровергались предыдущие.

Основоположителем аттидографического жанра был, как ни парадоксально, не коренной афинянин, а Гелланик Лесбосский, один из так называемых «младших логографов»³. Среди его многочисленных исторических произве-

* Впервые опубликовано в: Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 65–73.

¹ Например: *Jacoby F. Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxf., 1949.

² *Суриков И. Е.* Парадоксы исторической памяти в античной Греции // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 56 сл.; *Махляук А. В., Суриков И. Е.* Античная историческая мысль и историография. М., 2008. С. 128.

³ О том, что сам термин «логографы» применительно к первым представителям греческой исторической науки не вполне корректен, см.: ЛОГОГРАФОΙ в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. №2. 2008. С. 25–37.

дений – первая «Аттида», составленная в конце V в. до н. э. Следуя примеру Гелланика, в дальнейшем уже и афинские граждане начали писать работы того же названия и содержания. Наибольшее количество «Аттид» появилось в IV в. до н. э. (Клидем, Фанодем, Андروتсион и др.). Однако деятельность самого крупного представителя аттидографии – Филохора – приходится уже на начало эллинистической эпохи. О нем и пойдет речь в данной работе.

Посмертная судьба Филохора оказалась не слишком счастливой. О нем мало кому известно, кроме узких специалистов; его никогда не ставят в один ряд с представителями «первого эшелона» древнегреческой историографии – Геродотом, Фукидидом, Ксенофонтом, Эфором, Феопомпом, Филистом, Тимеем, Полибием. В отличие от его старшего «коллеги» Андротиона, о котором не столь давно вышла монография⁴, Филохору пока не посвящено специального монографического исследования. Сведения о нем и его труде можно почерпнуть преимущественно в общих трудах об аттидографах⁵; кроме того, можно упомянуть статью о Филохоре (не слишком большую) в энциклопедии Паули–Виссовы⁶, несколько небольших статей в научной периодике, освещающих в основном конкретные, узкие вопросы творчества историка⁷ и пассажи о нем в книгах по афинской истории⁸. В отечественном антиковедении работ о Филохоре, кажется, нет совсем.

Биография Филохора, сына Кикна, происходившего (предположительно⁹) из аттического дема Анафлист, известна весьма слабо. По сути дела, всё, чем мы располагаем, – это заметка о нем в византийском словаре «Суда» (Suid. s.v. Φιλόχορος), данные которой кое-чем подтверждаются сведениями в дошедших фрагментах самого историка. Вероятно, не лишним будет привести здесь в русском переводе этот текст из «Суды»:

⁴ *Harding Ph.* Androtion and the Atthis. Oxf., 1994.

⁵ *Pearson L.* The Local Historians of Attica. Repr. ed. Ann Arbor, 1981; *Jacoby F.* Atthis...; *Idem.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 3b. A Commentary on the Ancient Historians of Athens. Vol. 1–2. Leiden, 1954. Последнюю работу следует отметить особо: она включает в себя весьма обширный, на несколько сот страниц, комментарий к сочинениям Филохора и уже поэтому весьма полезна, тем более что ее автор, Феликс Якоби, был, пожалуй, крупнейшим в XX в. знатоком античной греческой историографии.

⁶ *Laqueur R.* Philochoros // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Hbd. 38. Stuttgart, 1938. Sp. 2434–2442.

⁷ Например: *Raubitschek A. E.* Philochoros frag. 30 (Jacoby) // *Hermes*. Bd. 83. Ht. 1. 1955. S. 119–120; *Develin R.* Philochoros on Ostracism // *Civiltà classica e cristiana*. Vol. 6. 1985. P. 25–31.

⁸ В частности, хотя и краток, но весьма информативен экскурс о Филохоре в известной монографии: *Хабихт Х.* Афины: История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 117 сл.

⁹ *Laqueur R.* Op. cit. Sp. 2434.

Филохор, сын Кикна. Афинянин, прорицатель и гадатель по жертвам. Женой же его была Архестрата¹⁰. Он являлся современником Эратосфена, причем был молод во времена старости Эратосфена¹¹. Погиб же он, схваченный Антигоном¹², – его оклеветали в том, что он перешел на сторону царства Птолемея¹³. Написал «Аттиду» в 17 книгах, которая охватывает афинские дела, царей и архонтов вплоть до последнего Антиоха, прозванного Богом¹⁴. Этот труд обращен против Демона¹⁵. [Перечень других трудов:] «О мантике» в 4 книгах, «О жертвоприношениях» в 1 книге, «О Тетраполе», «Основание Саламина», «Аттические эпиграммы»¹⁶, «О состязаниях в Афинах» в 17 книгах¹⁷, «Об афинских архонтах от Сократиды и до Аполлодора», «Олимпиады» в 2 книгах, «Аттида против Демона», «Эпитома собственной Аттиды»¹⁸, «Эпитома сочинения Дионисия о священнодействиях», «О мифах у Софокла»¹⁹, «О Еврипиде», «Об Алкмане», «О мистериях в Афинах», «Сводка героинь или пифагорейских женщин», «Делосские дела» в 2 книгах, «Об изобретениях», «Об очищениях», «О приметах».

В этом кратчайшем жизнеописании присутствуют некоторые бросающиеся в глаза несообразности, что заставляет поставить вопрос: а допустимо ли вообще доверять очерку «Суды» о Филохоре, даже в его основных чертах? К счастью, есть возможность ответить на этот вопрос в целом положительно (пусть и не без некоторой толики осторожности). Дело в том, что сам Филохор (FGrHist. 328. F67) сообщает о том, как он в 306/305 г. до н. э. (в Афинах в то время находился Деметрий Полиоркет, только что «восстановивший демокра-

¹⁰ Не очень понятно, с какой целью приведено здесь имя супруги Филохора. Вообще-то античные авторы всячески избегали называть имена добропорядочных женщин (см.: *Schaps D. The Woman Least Mentioned: Etiquette and Women's Names // Classical Quarterly*. Vol. 27. No. 2. 1977. P. 323–330).

¹¹ Если речь идет о знаменитом Эратосфене Киренском, то перед нами явная и грубая хронологическая ошибка. В действительности дело обстояло в точности наоборот (см. ниже).

¹² Антигон Гонат.

¹³ Птолемей II Филадельф.

¹⁴ Антиох II Теос. Почему назван в «Суде» последним (τελευταῖος) – непонятно.

¹⁵ Демон – родственник Демосфена, один из малых аттидографов конца IV в. до н. э. (см. о нем: *Pearson L. Op. cit.* P. 86 ff.).

¹⁶ Впрочем, возможно, что ἐπιγράμματα здесь следует понимать как «надписи». В таком случае Филохор оказывается еще и одним из первых в мировой истории эпиграфистов.

¹⁷ Подозрительное совпадение по количеству книг с «Аттидой». Возможно, здесь вкралась ошибка.

¹⁸ А вот тут уже несомненная путаница. Если верить «Суде», у Филохора будто бы было целых три варианта «Аттиды». Возможно, «Аттида против Демона» – это и есть краткий вариант (эпитома) основной «Аттиды».

¹⁹ Имеются в виду фабулы драм.

тию» в полисе) истолковывал знамения, то есть действительно был прорицателем и гадателем. Таким образом, одна из самых главных и принципиальных деталей, приводимых в «Суде», максимально авторитетно подтверждается самим аттидографом. Можно сделать из этого вывод, что и в остальном (не считая очевидных нестыковок, которые довольно легко выделить и отбросить) вышеприведенный материал соответствует действительности.

На основании указанной в предшествующем абзаце даты можно попытаться установить примерное время рождения Филохора. В 306/305 г. до н. э. ему должно было быть больше тридцати лет. В результате получаем дату: около 340 г. до н. э. (вряд ли намного раньше, см. ниже о времени его смерти), а большая точность вряд ли уместна²⁰.

Зато о том, когда историк погиб, можно судить со значительной степенью конкретности. При решении этой проблемы как раз очень помогают данные из «Суды», согласно которым Филохор был казнен по приказу Антигона Гоната, причем по обвинению (клеветническому, по мнению анонимного лексикографа) в каких-то действиях в пользу Птолемея Филадельфа. Дальнейших подробностей не сообщается, но ясно, что контекстом для описанного должны быть события Хремонидовой войны (268–262 гг. до н. э.).

С другой стороны, указывается, что «Аттида» была доведена автором до времени Антиоха Теоса, а последний вступил на престол в 261 г. до н. э. Комбинируя наличные данные, получаем, что вскоре (не сразу, но, несомненно, и не спустя какое-то долгое время) после поражения Афин в Хремонидовой войне Антигон, недовольный поведением Филохора в период этого конфликта, отдал распоряжение о его казни. Аттидограф в то время был уже в преклонном возрасте – около 80 лет.

Таким образом, Филохор выступает как лицо политически активное и, судя по всему, влиятельное в афинском полисе. Опять же, подробностей мы не знаем, но тут нужно учитывать, что афинская история, как внутренняя, так и внешняя, для первой половины III в. до н. э. освещена в источниках слабо, значительно скуднее, чем, скажем, для V–IV вв. до н. э. Видимо, историк сочетал в своей персоне как религиозный, так и политический авторитет (возможно, имел не только жреческие полномочия, но и занимал высокие полисные должности), чему не могла не способствовать его колоссальная эрудиция, о которой ярко свидетельствует перечень его сочинений.

Этот перечень впечатляет – даже не столько количественно, сколько по широте и разнообразию исследовательских интересов автора. Филохор писал,

²⁰ Не можем объяснить, почему у Л. Пирсона фигурирует сильно отличающаяся дата рождения Филохора – около 320 г. до н. э. (*Pearson L. Op. cit. P. 107*). Как же он тогда мог истолковывать знамения в конце IV в. до н. э.? Кто послушал бы пятнадцатилетнего юношу, взявшегося рассуждать о сакральных предметах?

помимо исторических, труды на религиозные темы (что и следовало ожидать от жреца и прорицателя²¹), а также о хронологии, поэзии и, возможно, эпиграфике. Но для нас в контексте данной работы наиболее важна, конечно, все-таки «Аттида».

Это сочинение Филохора было задумано и выполнено масштабно во всех отношениях. Оно состояло из 17 книг; иными словами, уже объем был весьма значителен – для сравнения, примерно таков же, как у «Историй» Геродота и Фукидида, вместе взятых. А предшествующие произведения аттидографического жанра значительно уступали по размеру. Так, «Аттида» Гелланика включала не более 4 книг (а по мнению Ф. Якоби – только 2), «Аттида» Клидема – тоже не более 4, «Аттида» Фанодема – около 9, «Аттида» Андротиона – 8. Уже из этого можно с полным основанием заключить, что исторические события рассматривались Филохором более детально и углубленно, нежели более ранними аттидографами.

Еще одна интересная особенность Филохора как представителя этой ветви древнегреческой историографии заключалась в следующем. «Аттиды», составленные его предшественниками, были прежде всего антикварными трудами, трактовавшие в наибольшей степени вопросы далекого, легендарного прошлого. В них уделялось много внимания этиологии старинных обрядов, рационалистическому толкованию мифов и т. п. А ведь, как убедительно показал в ряде работ А. Момильяно²², в греческой античности антикварные штудии почти никак не соприкасались с собственно историческими; последние же посвящались в основном недавним событиям, свидетелями которых были либо сами авторы, либо их старшие современники. Именно это можно сказать о «классических» исторических трудах Геродота, Фукидида, Ксенофонта и др.

Филохор на этом фоне может быть охарактеризован как автор, ближе других аттидографов стоявший к историкам в строгом тогдашнем понимании слова: он более активно интересовался современностью. Безусловно, занимался он и мифологией (ср., например, его интересную полемику с Клидемом по поводу мифа о Тесее, Миносе и Минотавре, *ap. Plut. Thes.* 16–19). Однако же из 17 книг его «Аттиды» только 2 первых были посвящены столь ранним сюжетам – не слишком много, если говорить о процентном соотношении. В третьей книге описывались реформы Солона и Клисфена, в четвертой – афинская история V в. до н. э. А всего подробнее рассказывал он как раз о фактах эпохи раннего эллинизма, в которую жил и действовал сам. Целые 11 книг его труда (с седьмой по семнадцатую), то есть около двух третей, охватывали хроноло-

²¹ Интересно, что и некоторые другие аттидографы (Клидем, Фанодем) подвизались на жреческой стезе.

²² *Momigliano A. Studies in Historiography.* N. Y., 1966. P. 1–39; *Idem. The Classical Foundations of Modern Historiography.* Berkeley, 1990. P. 54–79.

гический отрезок всего лишь в полвека с небольшим – от правления Деметрия Фалерского до Хремонидовой войны.

Разумеется, для нас в контексте данной конференции наиболее важны именно эти книги сочинения Филохора. Однако, к огромному сожалению, они-то и имеют наихудшую степень сохранности, от них дошло чрезвычайно мало фрагментов. В частности, последние 7 книг практически полностью утрачены.

Тем не менее кое-что из упомянутых «эллинистических» книг Филохора в нашем распоряжении всё же имеется. И мы теперь обратимся именно к их отрывкам, которые в ряде случаев весьма информативны, что вполне естественно: ведь автор сам являлся очевидцем.

Так, в седьмой книге говорилось (FGrHist. 328. F65) о введенной при Деметрии Фалерском специальной коллегии гинекономов – магистратов, в чьи обязанности входило наблюдать за поведением афинских женщин, пресекая чрезмерную «распушенность». По словам Филохора, «вместе с членами Ареопага гинеконы наблюдали за собраниями в частных домах – свадьбами и другими празднествами».

В ряде фрагментов (относящихся к книгам восьмой – десятой) сообщается о событиях периода власти Деметрия Полиоркета над Афинами. Приведем важнейшие из них:

Именно в архонтство Анаксикрата²³ город мегарян был взят; Деметрий же, возвратившись из Мегар, взялся за Мунихию²⁴ и, разрушив ее стены, передал народу. Впоследствии же были выдвинуты обвинения²⁵ против многих граждан, в том числе и против Деметрия Фалерского²⁶. Тех из обвиненных, кто не предстал перед судом, голосованием приговорили к смерти, а тех, кто явился, – освободили (FGrHist. 328. F66);

Когда этот год истек и начался следующий²⁷, на Акрополе случилось вот какое знамение: собака вбежала в храм Полиады, проникла в священный участок Пандросы, забралась на алтарь Зевса Оградного, что под оливой, и там улеглась. А у афинян отеческий обычай – не пускать собак на Акрополь. Около того же времени и в небе после рассвета, когда восходило солнце при ясной погоде, на не-

²³ 307/306 г. до н. э.

²⁴ Афины находились уже под контролем Деметрия, но в Мунихии еще оставался македонский гарнизон, стоявший на стороне Кассандра.

²⁵ Собственно, обвинения типа «исангелия», выдвигавшиеся в связи с важными государственными преступлениями. Об исангелии см.: *Hansen M. H. Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense, 1975; Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 270 сл.*

²⁶ Реально Деметрий Фалерский на тот момент уже покинул Афины.

²⁷ Т. е. речь идет о событиях 306/305 г. до н. э.

которое время показалась яркая звезда. Нас спросили об этом знамении и явлении, к чему они ведут, и мы сказали, что они оба предсказывают возвращение изгнанников, причем не в результате переворота, а при существующем государственном устройстве. И получилось так, что это суждение сбылось (FGrHist. 328. F67).

Здесь Филохор, во-первых, демонстрирует прекрасное знание сакральной топографии Акрополя, как и подобает жрецу. Далее, здесь присутствует намек на возвращение изгнанников, имевшее место уже во второй период господства Деметрия Полиоркета в Афинах. В более ясной форме об этом говорится в другом фрагменте аттидографа:

...Филипп²⁸: при нем царь Деметрий позволил возвратиться и другим изгнанникам, и Динарху²⁹ (FGrHist. 328. F167).

А вот фрагменты, имеющие отношение к почестям, которые оказывали Полиоркету в Афинах:

Филохор говорит, что при Антигоне и Деметрии афиняне пели пеаны, сочиненные Гермиппом из Кизика, устроив состязание между авторами пеанов³⁰... (FGrHist. 328. F165);

Филохор говорит, что афиняне постановили объявить месяц деметрион³¹ целиком священным, как бы сделать его сплошным праздником (FGrHist. 328. F166).

Весьма интересен фрагмент, упоминающий об экстраординарном посвящении Деметрия в Элевсинские мистерии:

С Деметрием произошло нечто необычное, не как с другими людьми: его единственного посвятили одновременно в степень миста и в степень эпопта³², к тому же передвинули установленные предками сроки посвящения (FGrHist. 328. F70).

Судя по всему, с этим фрагментом тесно связан и повествует о тех же событиях другой, гораздо более эмоционально окрашенный: «Он нарушает все священные установления, относящиеся как к мистам, так и к эпоптам». О ком именно здесь идет речь, судить трудно; скорее всего, не о самом Деметрии, а об инициаторе псефисмы о его посвящении.

Можно было бы процитировать еще несколько фрагментов Филохора, имеющих отношение к несколько более раннему времени (эпоха Филиппа II и Александра Македонского), но ограниченный объем работы заставляет нас от-

²⁸ Архонт 292/291 г. до н. э.

²⁹ Известный оратор.

³⁰ Дальше текст испорчен.

³¹ Собственно, сам месяц деметрион и был учрежден в Афинах в честь Деметрия Полиоркета.

³² Эпопты – посвященные более высокой степени, нежели обычные мисты.

казаться от этого. Сделаем теперь несколько замечаний к общей характеристике Филохора как представителя эллинистического историописания. При всём своем интересе к современности этот писатель обычно оценивается как человек религиозно-консервативных взглядов, ориентированных на «доброе старое время», противник новшеств³³. И такая оценка представляется оправданной. Фрагмент F65 в том виде, как его передает поздний автор (Афиней), не содержит эксплицитно высказанного отношения Филохора к введению института гинекономов, но скорее это отношение было позитивным. С другой стороны, налицо «сдержанная, но явная критика»³⁴ аттидографом изменений в афинской религии, связанных с обожествлением Деметрия Полиоркета, с его проведенным вопреки правилам посвящением в Элевсинские мистерии. Причины опять же ясны: благочестивый жрец никак не мог одобрять столь серьезных и произвольных новшеств в сфере сакрального, тем более что они явно были политизированными. По интересному совпадению, погиб Филохор, как мы знаем, от руки сына Деметрия – Антигона Гоната. Да и совпадение ли перед нами? Нельзя исключить, что Антигон мстил недоброжелателю своего отца.

Итак, мы имеем дело с вдумчивым, скрупулезным, надежным исследователем афинской истории, крупным представителем древнегреческой исторической мысли, и в очередной раз остается только пожалеть о том, что от его «Аттиды» дошло так мало фрагментов. Впрочем, на самом деле информации, восходящей к Филохору, гораздо больше в последующей нарративной традиции, но просто мы не в силах ее идентифицировать, поскольку, как известно, античные авторы далеко не всегда ссылались на свои источники³⁵. А Филохора продолжали читать еще очень долго, дольше, чем других аттидографов; его главный труд сохранялся вплоть до конца античности и даже много позже. «Аттида» Филохора фигурирует в византийских библиотечных каталогах вплоть до конца существования этого государства. Возможно, она еще имела в распоряжении итальянского гуманиста XVI в. Натале Конти³⁶. А это уже эпоха, которую не назовешь слишком отдаленной от нас. В принципе, нельзя абсолютно исключать возможность (хотя, конечно, незначительную), что текст этой «Аттиды» еще будет когда-нибудь обнаружен. Если бы это произошло, то, вне сомнения, повлекло бы огромный переворот в наших знаниях по истории Афин – от древнейших времен по III в. до н. э.

³³ Хабихт Х. Указ. соч. С. 118.

³⁴ Там же. Если брать в расчет фрагмент F69, то критика оказывается не такой уж и сдержанной.

³⁵ О семантике феномена см. яркие и глубокие замечания в работе: Вен П. Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М., 2003. С. 11 сл.

³⁶ Pearson L. Op. cit. P. 105–106. Пирсон, впрочем, высказывает сомнение в этом.

Раздел V

ГЕНДЕРНОЕ И ЭТНОЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ СОЗНАНИЕ

АДАМ И... АДАМ

(К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В УСЛОВИЯХ АНТИЧНОГО ГРЕЧЕСКОГО ПОЛИСА)*

Предварительные замечания

Гендерная история, родившаяся в 1980-х гг. как новая, весьма перспективная историческая и – шире – гуманитарная дисциплина, органично выросла из так называемой «истории женщин», получившей широкое распространение в предшествующие десятилетия в связи с успехами феминистского движения. Но это перерастание было сопряжено, по справедливому указанию Л. П. Репиной, с радикальной сменой исследовательской парадигмы: «...центральным предметом исследований гендерных историков становится уже не история женщин, а история гендерных отношений»¹.

Смена парадигм, однако, никогда не дается просто; порой, как и в данном случае, она происходит даже болезненно. Особенно в представлениях неспециалистов, не соприкасавшихся напрямую с гендерной проблематикой, гендерная история до сих пор подчас еще воспринимается как некая разновидность «женской истории». В обыденном сознании «гендер» – это то, что каким-то образом связано с женщинами и – более того – с феминизмом. В действительности на современном этапе такой подход, конечно, уже неверен. Сеем надеяться, что гендерные исследования ныне уже обрели вполне академичную форму, стали вполне нейтральными по отношению к политизированному радикальному феминизму, избавились (или, по крайней мере, избавляются) от его «родимых пятен»².

По нашему глубокому убеждению, гендер – это вообще не тематика, а методология, весьма многообещающая методология, с помощью которой могут быть постигнуты самые различные аспекты бытия изучаемого социума, – разумеется, постигнуты под определенным углом зрения, удачно дополняющим иные методологические ракурсы современности. Перед гендерными

* Впервые опубликовано в: Адам и Ева: Альманах гендерной истории. № 12. 2006. С. 23–47.

¹ Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. М, 2002. С. 14. Этой книге Л. П. Репиной мы во многом обязаны исходными методологическими установками, и в дальнейшем нам еще не раз предстоит ссылаться на нее.

² Ср.: Там же. С. 15.

историками ныне стоит задача интеграции своего исследовательского поля в круг проблем других исторических дисциплин³, а такой синтез, безусловно, поведет к взаимному обогащению, к созданию целостной картины прошлого. Но, следует подчеркнуть еще раз, на практике прийти к подобному синтезу оказывается достаточно сложно: слишком долго и слишком явно пресловутый «женский вопрос» доминировал в сознании специалистов, занимающихся гендерной проблематикой, а отказываться от устоявшихся стереотипов всегда бывает нелегко. Но сделать это необходимо.

Применительно к интересующей нас здесь эпохе античности из сказанного вытекает, что гендерная методология имеет право на существование практически в любой сфере общественной и частной жизни этой цивилизации, а отнюдь не только там, где «появляются» женщины. Не менее верно и обратное суждение: заниматься женщинами – это вовсе еще не обязательно означает быть гендерным историком. Повторим принципиальный тезис: гендер – не тематика, а методология. Иными словами, научная работа о какой-нибудь из многочисленных знаменитых женщин античного мира (будь то Сапфо, Аспасия или Клеопатра) в силу избранной темы ни в коей мере не может автоматически расцениваться как гендерное исследование⁴. А в то же время вполне возможен, например, гендерный анализ римской армии⁵ – этого сугубо «мужского мира», в котором женщин не было и быть не могло. Как отмечает Л. П. Репина, «именно изучая историю мужчин, можно убедительнее всего показать, как гендерные представления пронизывают все аспекты социальной жизни, вне зависимости от присутствия или отсутствия женщин»⁶. Мы с этим тезисом абсолютно солидарны.

В связи с «гендерной историей мужчин», которая только-только обретает право на существование и делает свои первые шаги, нередко тоже встречаемые со скептицизмом, в категориальном аппарате науки о гендере появляются такие понятия, как «маскулинность», «маскулинная идеология» (от лат. *masculinum*). Признаться, автору этих строк подобные выражения пока еще несколько режут слух, но это, очевидно, связано только с их новизной и непривычностью;

³ Репина Л. П. Указ. соч. С. 29; Schuller W. Frauen in der griechischen und römischen Geschichte: Plädoyer für eine integrale Betrachtung der antiken Frauengeschichte // Eirene. Vol. 28. 1993. P. 37–48.

⁴ Характерный пример – недавняя монография: Мякин Т. Г. Сапфо. Язык, мировоззрение, жизнь. СПб., 2004. Ее автор претендует на применение гендерного подхода, но практически это ни в чем не выражается, кроме как в избыточном и не всегда уместном употреблении «модной» гендерной терминологии.

⁵ См. интересные методологические замечания по этому поводу в работе: Махлаюк А. В. Идеи и подходы исторической антропологии в изучении римской армии // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура. М., 2005. С. 83–113.

⁶ Репина Л. П. Указ. соч. С. 29.

такова, наверное, судьба всех впервые вводимых терминов, а впоследствии, со временем, они приживаются в научном обиходе и становятся общепринятыми, уже не вызывающими недоуменных вопросов⁷.

Для чего потребовались эти предварительные замечания? Нас, историков-антиковедов, подчас упрекают в том, что мы в своих работах недооцениваем, преуменьшаем роль женщин в истории изучаемой нами исторической эпохи, особенно в общественной жизни, в системе властных отношений. В пример ставят, как правило, медиэвистов, в трудах которых в последние десятилетия эти вопросы находят все более широкое отражение. Не то чтобы работ, посвященных положению женщин в античности, совсем не имелось; напротив, их весьма много, но они почти всегда написаны с позиций традиционной методологии и не имеют характера гендерных исследований. Сразу хотим подчеркнуть, что и автор этих строк отнюдь не претендует на то, чтобы сразу и радикально переломить ситуацию. В лучшем случае удастся сделать некоторые предварительные, может быть, робкие наброски к применению новых подходов и взглядов; даже и в таком случае мы будем считать свою задачу в основном выполненной.

Что же можно сказать в ответ на эти упреки по адресу антиковедов? «Отставание» в данной сфере исторических исследований обусловлено не только субъективными причинами (а они, несомненно, есть, и прежде всего значительный консерватизм нашей дисциплины), но также и объективными. Во-первых, любой серьезный и ответственный историк в своих исследованиях неизбежно в определенном отношении ограничен кругом своих источников. Это ни в коей мере не означает, что нужно слепо и некритично идти за источником. Историк, по меткой формулировке А. Я. Гуревича⁸, ставит источнику вопросы, и необходимо расслышать ответы источника, а не навязывать ему собственных. При этом, необходимо подчеркнуть, методологически некорректно ставить источнику такие вопросы, на какие он в принципе не может ответить.

Специфика источниковой базы для эпохи античности (во всяком случае, греческой античности доэллинистического, полисного периода, который в первую очередь будет нас интересовать в рамках данной статьи и о котором автор может наиболее компетентно судить) заключается не в последнюю очередь в том, что лишь в чрезвычайно незначительном количестве присутствуют массовые категории источникового материала, которые, соответственно, позволяли бы делать ответственные выводы о жизни широких масс, о той самой «культуре безмолвствующего большинства». Даже медиэвисты, не говоря уже

⁷ Во всяком случае, термин «маскулинная идеология» представляется нам значительно более приемлемым, нежели часто употребляемый термин «патриархатная идеология». Последний не вполне верно образован, а к тому же порождает ложные ассоциации.

⁸ Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 7–9.

об историках Нового времени, в этом плане оказываются в значительно более выгодном положении, поскольку в их распоряжении есть уже и архивные документы, и данные статистики, и пр. Для антиковедения, увы, такая «роскошь» совершенно недостижима и, несомненно, никогда не будет достижимой⁹. То, что мы имеем – тексты нарративной традиции, свидетельства эпиграфики, даже нумизматики, освещает определенные сегменты бытия. И во всех тех из этих памятников, где вообще удастся обнаружить, на эксплицитном или имплицитном уровне, какую-либо гендерную идеологию, картина вполне однозначна: перед нами снова и снова пресловутая «маскулинная идеология», без каких-либо оговорок¹⁰.

Во-вторых, есть все основания полагать, что такое положение с источниковой базой не случайно, а, напротив, репрезентативно отражает действительно имевшую место ситуацию. Перед нами – сугубо «маскулинный» мир, в котором женщине уготована специфическая ниша, и уготована она, если можно так выразиться, по «остаточному принципу»: представительницам «прекрасного пола»¹¹ было дано то, что по какой-либо причине не взяли себе мужчины. Собственно, в условиях греческого полиса иначе и быть не могло. Чтобы проиллюстрировать это, обратимся к источникам.

Женщины и мужчины в полисе: несколько релевантных свидетельств

Самым важным пассажем, который помогает понять положение женщины в мире полиса, является короткая, афористично-четкая фраза, сохранившаяся у выдающегося историка Фукидида (II. 45. 2) и принадлежащая не менее выдающемуся афинскому государственному деятелю Периклу: «Та женщина заслу-

⁹ Не то чтобы массовых источников в антиковедении совсем не было. Некоторые из них могут даже быть использованы для извлечения определенной гендерной информации, прямой (некоторые виды надписей, особенно надгробные, изображения на расписных вазах) или косвенной (монетные типы). Но их роль заведомо второстепенна, а главное, практически ничего принципиально нового, как-то отличающегося от данных нарративной традиции они в интересующую нас проблематику не привносят.

¹⁰ Исключения не составляют даже произведения авторов-женщин. Взять хотя бы ту же Сапфо. Вокруг жизни и творчества этой поэтессы творились и продолжают твориться легенды, зачастую с сенсационным или скандальным оттенком (вплоть до того, что от названия ее родного острова был образован термин для обозначения женского гомосексуализма). Однако, если внимательно вчитаться в стихи Сапфо, то нельзя не заметить, что рекомендуемые в них девушкам стратегии поведения в основе своей продиктованы стереотипами, выработанными в рамках той же «маскулинной идеологии», связанными с ее системой ценностей (стремление женщины понравиться мужчине, удачный брак, семейная жизнь и пр.).

¹¹ Впрочем, само это выражение, столь привычное нам, для античного грека прозвучало бы абсурдом. Для него «прекрасный пол» – это безусловно мужчины и только мужчины.

живает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин, в порицание или в похвалу»¹².

Приведенная цитата – отрывок из знаменитой «Надгробной речи» Перикла, произнесенной в 431 г. до н. э. Вся эта речь и в целом имеет колоссальное значение¹³: она является лучшим, наиболее значимым памятником древнегреческой демократической идеологии. В ней нарисован стройный космос идеального полиса, с присущей этому космосу системой категорий, норм и ценностей. В текстах такого рода каждая фраза необычайно весома, воплощает в себе общепринятые аксиомы публичного дискурса: оратор говорит то, что ожидает услышать от него аудитория, с чем она безоговорочно согласна. Иными словами, перед нами не частное мнение Перикла или Фукидида, а устоявшийся в обществе взгляд. Согласно этому взгляду, как видим, главным достоинством женщины является ее максимальная «незаметность»¹⁴.

Разумеется, «Надгробная речь», как и любой текст такого рода, отражает не действительность, а идеал, не эмпирическую ситуацию, а теоретические принципы. Но ведь именно принципы для нас в данном случае и важны. Ясно, что в реальной жизни предписанный здесь норматив для женщин не реализовывался со всей жесткостью. В частности, по иронии судьбы, тогдашняя супруга самого Перикла – известная Аспасия¹⁵ – всем стилем своего поведения менее всего соответствовала этому нормативу¹⁶. Но Аспасия, уроженка Милета, ведь и не была афинской гражданкой, поэтому сказанное не должно было на нее в полной мере распространяться; впрочем, и ее, по мнению демоса, чрезмерно активная роль в общественной жизни Афин вызывала ярко выраженное неприятие и отторжение¹⁷, вылившееся в конце концов в организованный про-

¹² Пер. Г. А. Страгановского.

¹³ И поэтому является предметом постоянного, обостренного интереса в исследовательской литературе. См., например, о ней только из работ самых последних лет: *Bosworth A. B. The Historical Context of Thucydides' Funeral Oration // Journal of Hellenic Studies. Vol. 120. 2000. P. 1–16; Balot R. Pericles' Anatomy of Democratic Courage // American Journal of Philology. Vol. 122. 2001. P. 505–525; Winton R. Thucydides 2, 37, 1: Pericles on Athenian Democracy // Rheinisches Museum für Philologie. Bd. 147. Ht. 1. 2004. S. 26–34.*

¹⁴ Ср.: *Schaps D. The Woman Least Mentioned: Etiquette and Women's Names // Classical Quarterly. Vol. 27. No. 2. 1977. P. 323–330.*

¹⁵ Об Аспасии и ее отношениях с Периклом см.: *Кравчук А. Перикл и Аспасия. М., 1990; Henry M. M. Prisoner of History: Aspasia of Miletus and her Biographical Tradition. Oxf., 1995.*

¹⁶ *Connor W. R. Thucydides. Princeton, 1984. P. 67.* Поэтому, может быть, и есть зерно истины в той точке зрения, согласно которой Фукидид здесь иронизирует, противопоставляя друг другу принцип и действительность.

¹⁷ Суриков И. Е. Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин: истоки феминизма или матримониальная традиция? // *Античный мир и его судьбы в последующие века. М., 1995. С. 45–46.*

тив нее судебный процесс, когда ее едва-едва смог защитить сам Перикл (Plut. Pericl. 32)¹⁸. При этом ее влияние на главу государства систематически преувеличивалось и современниками, и позднейшими авторами по сравнению с тем, что имело место на самом деле.

А что касается женщин-гражданок, то об их даже самом мимолетном появлении на этом поприще, за редчайшими исключениями (такими как сестра Кимона – Эльпиника), и речи быть не могло. В любом случае, Перикл являлся по своим взглядам самым передовым из афинских политиков своего времени, намного превосходившим сограждан в этом отношении. Менее всего его можно назвать закоснелым консерваторм. И тот факт, что он все-таки проводит в своей речи идею полного ограничения общественной деятельности женщин, лишний раз говорит: Перикл высказывает здесь отнюдь не собственное частное мнение (как раз оно-то вполне могло быть иным), а не подлежащий ревизии постулат коллективного опыта.

Следующий текст, к которому хотелось бы привлечь внимание, взят из трактата видного писателя, историка и мыслителя первой половины IV в. до н. э. Ксенофонта *Oikonomikos*, что обычно переводится на русский язык как «Домострой». Этот пассаж дает гораздо более развернутую картину, нежели краткое суждение в «Надгробной речи». Главный герой трактата – образцовый хозяин Исхомах – пересказывает в беседе с Сократом содержание поучения, с которым он обратился к своей юной жене вскоре после вступления в брак. Некоторые фрагменты этого поучения представляются чрезвычайно важными для понимания гендерной ситуации в полисных условиях, и уместно будет их процитировать.

... Природу обоих полов с самого рождения, мне кажется, бог приспособил: природу женщины для домашних трудов и забот, а природу мужчины – для внешних. Тело и душу мужчины он устроил так, что он более способен переносить холод и жар, путешествия и военные походы; поэтому он назначил ему труды вне дома. А тело женщины бог создал менее способным к этому и потому, мне кажется, назначил ей домашние заботы. Но ввиду того, что в женщину он вложил способность кормить новорожденных детей и назначил ей эту обязанность, он наделил ее и большей любовью к новорожденным младенцам, чем мужчину. Но так как бог назначил женщине также и охранять внесенное в дом добро и знал, что

¹⁸ О суде над Аспасией (конец 430-х гг. до н. э.) в контексте других скандальных судебных процессов этого времени см.: Prandi L. I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle // Aevum. Vol. 51. Fasc. 1/2. 1977. P. 10–26; Raaflaub K. Den Olympier herausfordern? Prozesse im Umkreis des Perikles // Große Prozesse im antiken Athen. München, 2000. S. 97–113. Аспасия, как женщина и к тому же не имевшая гражданского статуса, не могла говорить на суде в свою защиту; это делал Перикл.

для охраны не худое дело, если душа труслива, то он наделил женщину и большей долей трусости, чем мужчину. С другой стороны, бог знал, что тому, кто занимается трудом вне дома, придется и защищаться в случае нанесения обиды, и потому наделил его большей долей смелости... Обычай указывает также, что для мужчины и женщины приличны те занятия, к которым бог даровал каждому из них больше способности: женщине приличнее сидеть дома, чем находиться вне его, а мужчине более стыдно сидеть дома, чем заботиться о внешних делах. А если кто поступает вопреки порядку, установленному богом, то едва ли от богов скроется такое нарушение им порядка, и он несет наказание за то, что пренебрегает своими делами и занимается делами женскими (Xen. Oec. VII. 22–26, 30–31)¹⁹.

К общей интерпретации этого весьма интересного отрывка мы еще вернемся несколько позже, а пока заметим: во внешне нейтральное в этическом смысле и, казалось бы, не вызывающее возражений рассуждение об обязанностях мужчины и женщины периодически вторгается нечто совсем иное – оценочные суждения о свойствах «души» обоих полов. Так, женщинам приписываются такие качества, как большее чадолюбие²⁰, а также большая трусость (*phobos*), чем мужчинам; последнее никак не относится к вещам, которые приятно слышать. Приводится также и религиозная санкция гендерной асимметрии, вплоть до угрозы божественного наказания тем, кто нарушает устоявшийся порядок. И это при том, что Исхомах, как его изображает Ксенофонт, – отнюдь не обскурант, напротив, передовой по взглядам и вполне толерантный человек. Он добр к своей супруге (ср. Xen. Oec. 8. 2), разговаривает с ней почти на равных, не грубо-приказным тоном, а с использованием убеждения и логических аргументов.

Отметим, наконец, такие литературные памятники, прекрасно выражающие мироощущение среднего афинянина классической эпохи, как так называемые «женские» комедии великого драматурга Аристофана («Лисистрата», «Женщины на празднике Фесмофорий», «Женщины в народном собрании»). В них гендерная ситуация, типичная для полиса, получает уже достаточно детальное воплощение, хотя воплощение весьма своеобразное, которое должно

¹⁹ «Домострой» Ксенофонта цитируется в пер. С. И. Соболевского.

²⁰ Это в греческой традиции считалось чем-то само собой разумеющимся и распространялось даже на животный мир. Ср., например, описание кошек у Геродота (II. 66):

Всекий раз, как у кошек появляются на свет котята, они уже больше не идут к котам, а те, желая с ними спариться, не находят их. Поэтому коты прибегают к такой хитрости: они силой похищают котят у кошек, умерщвляют их, но не пожирают. А кошки, лишившись своих котят и желая снова иметь других, приходят тогда к котам. Ведь это животное любит детенышей (*philoteknon* – буквально «чадолюбиво». – И. С.) (пер. Г. А. Стратановского).

восприниматься в рамках гротескной, шутовской картины мира, создаваемой в произведениях комического жанра V в. до н. э.²¹

Как изображаются Аристофаном женщины? В однозначно непривлекательном виде, как лживые, похотливые, склонные к пьянству существа. Приведем опять же типичную цитату. В комедии «Женщины на празднике Фесмофорий» персонаж Мнесилох, переодевшись в женскую одежду и проникнув в компанию женщин, так характеризует «собственный» пол:

...Отдаемся мы,
 Когда другого нет, погонщикам, рабам...
 ...Возбужденные излишеством ночным,
 Принуждены чеснок жевать мы поутру,
 Чтоб муж, вернувшись с караула к нам домой,
 Не заподозрил нас ни в чем дурном...
 ...Женщина одна взяла красивый плащ,
 Чтоб мужу показать при свете утреннем,
 И, им укрыв, любовника спровадила.
 Другая женщина родами десять дней
 Всё мучилась, нигде ребенка не купив,
 А муж по городу всё бегал и искал
 Лекарство, чтоб жене ускорить роды им.
 Ребенка принесла старуха им в горшке...
 ...Берем мы обруч для прически,
 Вино из бочки тянем мы по этой трубке...
 Мы сводням мясо раздаем во время Апатурий,
 Потом на кошку говорим...
 Сказать ли вам, как топором жена убила мужа?
 Другая зельем извела, ума его лишила.
 В Ахарнах женщина одна под ванной... отца зарыла.
 А ты с рабынею своей ребенком поменялась:
 Взяла ты сына у нее, а ей дала девчонку.
 (Aristoph. Thesm. 491 sqq., 556 sqq.)²²

Перед нами, таким образом, набор расхожих, даже банальных обвинений. Но как реагируют на них сами аристофановские женщины (ведь всё происходит в их присутствии)? Они не пытаются отрицать, опровергать слова Мнесилоха как возводимую на них напраслину. Они возмущены только его откровенностью:

²¹ О жанровых особенностях аристофановской комедии см.: Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002. С. 197–218, 273–282 (с указаниями на предшествующую литературу).

²² «Женщины на празднике Фесмофорий» цитируются в пер. Н. Корнилова.

Говорит такие вещи
 Так открыто, так бесстыдно!
 Этой дерзости не ждали
 Мы в своем кругу никак.

(Aristoph. Thesm. 524 sqq.)

При этом Аристофана никак нельзя назвать каким-то мрачным гинофобом. Как ни парадоксально, в целом женщины в его произведениях выступают в более благоприятном свете, чем у многих других античных авторов. Такие героини аристофановских комедий, как Лисистрата или Праксагора, относятся к числу самых симпатичных женских образов во всей древнегреческой литературе. Но при этом комедиограф, чтобы найти успех у зрителей, должен был своими пьесами отвечать их ожиданиям, представлять перед ними то, что они предполагали увидеть и услышать, то есть те же аксиомы гендерного опыта общины. А аксиомы эти вполне однозначны:

Сознаться надо, по натуре женщины бесстыдны,
 И нет зловеднее созданий, кроме тех же женщин.

(Ibid. 531 sq.)

Эта фраза вложена в уста женского хора! Правда, позже в комедии женщины пробуют оправдаться от клеветнических обвинений, но их оправдания звучат не слишком убедительно:

Все и каждый чернят, унижают наш пол, все о нас говорят много злого.
 Ведь повсюду твердят, что мы сеем кругом только зло в человеческом роде,
 Что исходит от нас и вражда, и война, и восстанья, и распри, и горе²³.
 Допускаем: мы – зло, мы действительно зло, но зачем бы тогда вам жениться?
 Для чего запрещать выйти нам со двора или просто стоять у окошка?
 Для чего бы стеречь так старательно вам ваших жен, это зло, эту язву?
 ...У мужей мы таскаем, но скромно:
 Много-много мешочек муки украдем, да и то возмещаем немедленно.
 Из числа же мужчин очень крупных хапуг
 Указать мы могли бы не мало.

(Ibid. 785 sqq.)

²³ Согласно греческой мифологии, зло пришло в мир именно через женщину (Пандору). Виновницей величайшего бедствия – Троянской войны – тоже была женщина (Елена). В V в. до н. э. бытовала точка зрения, согласно которой весь многовековой конфликт между миром Запада и миром Востока начался из-за серии похищений женщин. Эта точка зрения отразилась в самом начале труда Геродота (I. 1 sqq.); «отец истории» при этом резонерски замечает: «Ясно ведь, что женщин не похитили бы, если бы те сами того не хотели».

Самая известная из «женских» комедий Аристофана – «Женщины в народном собрании» (или «Законодательницы»), поставленная в 392 г. до н. э. По сюжету этой пьесы описывается следующий утопический проект: в один прекрасный день афинские женщины решают, что их мужья плохо управляют государством и что им самим необходимо взять власть в свои руки. Переодевшись мужчинами, подвязав искусственные бороды, они приходят в народное собрание, составляют большинство при голосовании и выносят решение: «Бразды правления предоставить женщинам» (Aristoph. Eccl. 430). Придя таким образом к власти, афинянки вводят в полисе полный коммунизм, с обобществлением всего имущества, отменой частной собственности и семьи.

Как правило, в названном произведении Аристофана видят отражение каких-то реально выдвигавшихся в Афинах на рубеже V–IV вв. до н. э. программ радикального переустройства общества²⁴. Однако это первое впечатление обманчиво. «Женщины в народном собрании» – не утопия и даже не антиутопия. Афинская комедия V в. до н. э. – это мир карнавалный, мир, «вывернутый наизнанку». В ней изображались сказочно-фантастические ситуации, заведомо невозможные в реальности и даже немыслимые; в этом-то и заключался комизм данного жанра, здесь лежит соль аристофановского юмора.

Комедиографы показывали в своих пьесах то, чего не может быть. Один из героев Аристофана летит на небо к богам, оседлав гигантского навозного жука (комедия «Мир»); другой становится царем птиц и основывает город между небом и землей, на облаках (комедия «Птицы»); третий заключает сепаратный мир со Спартой и наслаждается благами мирной жизни в то время, как все его сограждане воюют (комедия «Ахарняне»).... И комедия «Женщины в народном собрании» – не исключение. Переход власти в полисе к женщинам точно так же входил для афинян в категорию абсолютно невозможного, как полет на жуке или постройка птичьего города. Уже сама идея, что такое может случиться, вызывала у аудитории только дружный смех. По данным комедии можно составить представление как раз о том, чего в греческом мире *не было*. И эта идея могла родиться только в воображении автора; зрители, хохотавшие над аристофановскими шутками, не допускали даже и возможности, чтобы в реальной жизни женщины получили хотя бы какую-то долю в управлении государством. Тем, кто пытается найти в «Женщинах в народном собрании» отголоски действительно предлагавшихся проектов по вовлечению гражданок в политическую жизнь, следовало бы чаще вспоминать о пресловутом жуке. Ибо при подобном подходе и по поводу комедии «Мир» с тем же успехом мож-

²⁴ Например: Гуторов В. А. Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории. Л., 1989. С. 136 сл.

но утверждать, что в Афинах рассматривались идеи о разведении этих полезных животных с целью использования их в качестве транспортного средства.

Итак, повторим и подчеркнем: для жителя демократических Афин классической эпохи женщины в политике – это нечто из той же серии, что и полет на жуке.

Мужчины и женщины, публичное и частное пространство

Отмечалось²⁵, что во многих культурах гендерная асимметрия напрямую сопряжена с категориями публичного и частного пространства. Первое считается всецело «мужской зоной», второе – «женской». Применима ли эта модель к древнегреческому полисному обществу, в котором деление пространства на публичную и частную сферу, несомненно, имело место²⁶?

Обычно считается, что это именно так. И, действительно, как раз такую ориентацию, как мы видели, дает своей юной супруге Исхомах в «Домострое» Ксенофонта, в цитировавшемся чуть выше отрывке. Однако нам представляется, и мы попытаемся это показать, что ситуация, на первый взгляд обманчиво-простая, в действительности была намного сложнее.

Были ли женщины исключены из *всех* сфер общественной жизни в греческом полисе? Это очевидным образом неверно, поскольку они принимали активное участие в таком важнейшем секторе этой общественной жизни, как религия²⁷. Празднества в честь различных божеств, шествия, жертвоприношения – во всех этих проявлениях религиозного культа мы встречаем женщин наряду с мужчинами. Но с важной оговоркой: по большей части в роли пассивных участниц, скорее даже зрительниц.

Характерный пример. Афинский театр V в. до н. э. представляется зрелищем, мало приспособленным для женских глаз и ушей. В трагедии поднимались серьезнейшие религиозно-этические и философские вопросы, к пониманию которых представительницы женского пола, практически не получавшие

²⁵ Например: Репина Л. П. Указ. соч. С. 17.

²⁶ Humphreys S. C. *The Family, Women and Death: Comparative Studies*. L., 1983. P. 22–32; Jameson M. *Private Space and the Greek City* // *The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxf., 1991. P. 171–195; Hunter V. J. *Policing Athens: Social Control in the Attic Lawsuits, 420–320 B.C.* Princeton, 1994. P. 120–153.

²⁷ Специальное и правомерное подчеркивание того важного момента, что не следует сводить общественную жизнь в полисе к одной политике, что были и другие важные формы коллективной деятельности, см. в работе: Schmitt-Pantel P. *Collective Activities and the Political in the Greek City* // *The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxf., 1991. P. 199–213. О той важнейшей роли, которую играла в греческом полисе религия, см.: Sourvinou-Inwood Chr. *What is Polis Religion?* // *The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxf., 1991. P. 292–322.

образования, были вряд ли подготовлены. В комедии со сцены постоянно раздавались шутки настолько обценного характера, что даже и куда более эмансипированных женщин наших дней они не могут не смутить²⁸. Одним словом, трудно представить, чтобы афиняне могли позволить своим женам посещать эти представления. И тем не менее это так: теперь уже, кажется, со всей бесспорностью доказано, что в театре вместе с мужчинами присутствовали и женщины, даже в «день комедий»²⁹.

Но, следует специально подчеркнуть, присутствовали они там только как зрительницы. В актерских же труппах античной Греции, как всем прекрасно известно, были одни лишь мужчины, исполнявшие также и женские роли. На наш взгляд, это напрямую связано с тем, что древнегреческий театр был феноменом религиозного происхождения и воспринимался именно как таковой. Причем он относился к культу мужского божества – Диониса. В подобных условиях быть актером означало, в сущности, то же самое, что быть жрецом Диониса. Допустить же женщину к жречеству в этом культе было невозможно, поскольку женщины могли быть жрицами только богинь³⁰.

Итак, в «мужских» культах женщины являлись только зрительницами – и всё же участвовали, хотя бы и в таком качестве³¹. Во всяком случае, из муж-

²⁸ См. по этой тематике: *Henderson J. The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy*. 2 ed. Oxf., 1991.

²⁹ *Gerö E.-C., Johnsson H.-R. Where were the Women When the Men Laughed at Lysistrata? An Inquiry into the Question Whether the Audience of the Old Comedy Also Included Female Spectators // Eranos. Vol. 99. 2001. P. 87–99.*

³⁰ Геродот (II. 35) с удивлением пишет о египтянах: «Ни одна женщина у них не может быть жрицей ни мужского, ни женского божества, мужчины же могут быть жрецами всех богов и богинь». Этот пассаж а contrario предполагает, что в Греции ситуация была иной. Характерно, что даже клясться в эллинском мире у различных полов было принято по-разному: у мужчин – именами только богов, у женщин – именами как богинь, так и богов (а не одних богинь, как мы бы ожидали). В вышеупомянутых «Женщинах в народном собрании» Аристофана женщины, собравшись, «репетируют» свои речи в экклесии. Одна из них говорит по ходу речи: «Клянусь двумя богинями» (т. е. Деметрой и Персефоной). Руководительница заговора Праксагора тут же поправляет свою согражданку: поклявшись таким образом, она немедленно выдаст себя перед мужчинами (Aristoph. Eccl. 155 sqq.). Отметим кстати, что знаменитая клятва Сократа *ma ton kyna* (или *ne ton kyna*), которую обычно переводят «клянусь собакой», на самом деле должна быть понимаема как «клянусь псом», о чем говорит артикль мужского рода.

³¹ Исключение составляет такой важнейший общегреческий религиозный праздник, как Олимпийские игры. На состязания атлетов в Олимпии женщины не допускались ни в каком качестве. И причина здесь вовсе не та, которую часто выдвигают в популярной литературе: дескать, атлеты состязались обнаженными. Обнаженное мужское тело женщины в Элладе могли увидеть в самых разных ситуациях; греческие мужчины не были чрезмерно

ского сакрального пространства они не были полностью исключены. А в то же время у женщин было собственное сакральное пространство, в которое мужчины как раз не допускались. Центром «эксклюзивной» религиозной жизни афинских гражданок являлся сугубо женский праздник Фесмофорий. Достоверных свидетельств о том, что на нем происходило, не сохранилось, поскольку женщины своих тайн не разглашали, а мужчины по этому поводу могли только строить догадки. Во всяком случае, если судить по комедии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий», они полагали, что женщины на Фесмофориях проводят какие-то имитации народных собраний со всеми их атрибутами – вступительной молитвой, избранием председателя и секретаря, ведением протокола, произнесением речей, принятием решений и т. п. (Aristoph. Thesm. 295 sqq.), то есть попросту живут собственной общественной жизнью, параллельной по отношению к мужской или копирующей ее.

Итак, у женщин было собственное публичное пространство, строго отделенное от мужского, и уж в нем-то они царили безраздельно. А как обстоит дело с частным пространством? Тут тоже неверно было бы полагать, что оно являлось всецело «женской» областью: мужчины отнюдь не были из него исключены.

Стало хрестоматийным и встречается даже во всех популярных книгах³² положение о том, что жилые помещения древнегреческого частного дома делились на две «половины» – мужскую (андрон) и женскую (гинекей). Андрон воплощал собой публичное пространство дома: там отправлялись домашние культы, туда приглашались гости на пиры-симпозиумы. Гинекей же являлся сугубо частным пространством, куда посторонние не допускались. В самой общей форме этот тезис, безусловно, верен. Однако археологические исследования – а в ходе раскопок обследовано уже весьма значительное количество греческих жилищ – показали интересную вещь: никаких сколько-нибудь четких критериев для выделения в доме андрона и гинекея вообще не обнаруживается. Структурно, а стало быть, и функционально они ничем не отличались друг от друга³³. А это означает, что «домашнее пространство» было в принципе однородным, не делилось на два отдельных, специализированных пространства – публичное и частное, чисто мужское и чисто женское.

Одним из главных элементов частной, домашней жизни греков был симпосий – веселая дружеская пирушка, важная форма досуга, культурного обще-

стеснительны в этом отношении. На наш взгляд, дело в другом: на спортивных играх даже те, кто просто наблюдал за ними, приравнивались к активным участникам. Они были *theōgoi*, священными посланцами-«созерцателями».

³² Например: *Гиро П.* Частная и общественная жизнь греков. Репр. изд. М., 1994. Гл. 4. С. 8–9.

³³ *Jameson M.* Op. cit. P. 172, 184.

ния³⁴. Так вот, как раз из симпосия женщина-гражданка, мать семейства была совершенно исключена. А в то же время посторонние женщины, правда низкого статуса (танцовщицы, певицы, гетеры) в нем вполне могли участвовать.

Сказанное о том, что женщина отнюдь не господствовала в частной сфере, подтверждается и данными с совершенно другой стороны, из важного письменного источника – уже неоднократно упоминавшегося ксенофоновского «Домостроя». Его герой Исхомах проводит со своей молодой женой настоящий курс обучения, довольно длительный. обстоятельно и даже нудно он растолковывает ей обязанности супруги по обеспечению порядка и благосостояния в доме, подробно, в деталях описывает, что должна делать рачительная хозяйка: как обращаться с вещами, какие поручения отдавать слугам и пр. (Xen. Oec. 7–10). Он сам вникает во всё это: частная жизнь, частное пространство ему вовсе не чужды. А вот его жене-то как раз они, судя по всему, были совершенно чужды вплоть до вступления в брак: она воспринимает рекомендации мужа как некое откровение, как вещи, совершенно неизвестные.

И это вполне закономерно: как говорит о своей супруге Исхомах,

...когда она пришла ко мне, ей не было еще и пятнадцати лет, а до того она жила под строгим присмотром, чтобы возможно меньше видеть, меньше слышать, меньше говорить. Как, по-твоему, разве я мог удовольствоваться только тем, что она умела сделать плащ из шерсти, которую ей дадут, и видела, как раздают пряжу служанкам? (Xen. Oec. 7. 5–6).

Хорошо известно, что девочки из семей граждан не получали никаких знаний, никакого образования; в школу их не отдавали, они вплоть до замужества находились под надзором матери. Но, как видим, им не прививали также и никаких умений, кроме разве что самых элементарных. Из афинской женщины, конечно, не готовили члена гражданского коллектива; но, как ни парадоксально, из нее не готовили и домашнюю хозяйку, «владычицу частного пространства»³⁵. Какой же жизненный удел ей предназначали?

Женщина «маргинальная» и «инфернальная»

Из всего, что мы знаем о гендерной ситуации в древнегреческом полисе, создается однозначное впечатление: полис стремился в максимальной степени, насколько это вообще было физически возможно, вытеснить, «убрать» жен-

³⁴ Феномен греческого симпосия стал в последнее время предметом активного исследовательского внимания. В частности, его основные аспекты разбираются в коллективном труде: *Symptotica: A Symposium on the Symposium* / Ed. by O. Murray. Oxf., 1990.

³⁵ Характерно в этом смысле полное отсутствие не только гражданских, но и имущественных прав у греческих женщин.

щин из всех сфер своего бытия – как из публичных, так и из частных. Даже те гендерные роли, которые в подавляющем большинстве обществ безусловно принадлежат женщинам, интенсивно перенимались мужчинами.

Это можно сказать и о такой сфере, где присутствие женщины, казалось бы, совершенно необходимо, – о любовных отношениях. Греки классической эпохи знали романтическую любовь, но это была не любовь мужчины к женщине, а любовь мужчины к мужчине. О гомосексуализме в античной Греции написано немало³⁶, и мы не будем здесь распространяться на эту тему. Отметим только, что древнегреческий гомосексуализм, по нашему глубокому убеждению, был явлением не сексуальным в собственном смысле слова, а гендерным, то есть в конечном счете социальным. Его широчайшее распространение стало результатом кардинального перераспределения гендерных ролей в полисных условиях.

Гомосексуализм в Греции являлся абсолютно повсеместным и повседневным компонентом всего образа бытия. Практически каждый мужчина в молодости, до вступления в брак, имел гомосексуальный опыт, который на последующих этапах его жизни сохранялся, но совмещался с гетеросексуальным. Гомосексуальные отношения обычно имели форму эротически и романтически окрашенной дружбы между юношей и зрелым мужем. Последний всячески ухаживал за своим возлюбленным, старался вызвать у него ответное чувство, дарил дорогие подарки и т. п. По отношению же к женщинам подобный романтизм считался совершенно неуместным: за ними не ухаживали, их просто «брали». И дело здесь не только в том, что возможности такого ухаживания, скажем, за своей будущей женой просто не существовало: девушки жили затворницами, и жених впервые видел невесту если не на свадьбе, то уж, во всяком случае, не раньше, чем на смотринах. Важнее другое: считалось, что однополая любовь в принципе выше и достойнее, чем любовь к противоположному полу³⁷.

Итак, полис в значительной мере передал мужчинам даже женскую сексуальную функцию. Не оставляет впечатление, что, если бы он мог передать им

³⁶ Укажем классическое исследование К. Довера, в котором подведены итоги многолетней работы целого ряда ученых (ссылаемся на немецкое издание книги, как на более позднее во времени по сравнению с первоначальным английским и, соответственно, более полное: *Dover K. J. Homosexualität in der griechischen Antike*. München, 1983). См. также: *Robinson D. M., Fluck E. J. A Study of the Greek Love-names Including a Discussion of Paederasty and a Prosopographia*. Baltimore, 1937.

³⁷ Необходимо оговорить, что речь здесь идет о доэллинистическом периоде греческой истории. В эпоху эллинизма ситуация в данном отношении сильно изменилась, но эти изменения уже остаются за рамками данной работы, посвященной классическому полисному обществу.

и функцию деторождения, он с удовольствием сделал бы это и избавился бы от женщин совершенно. Однако, поскольку это было невозможно, с присутствием женщин приходилось мириться. Но при этом они подвергались поступательной маргинализации, вытеснялись за пределы того «мужского клуба», которым являлся полис. «Богини, блудницы, жены и рабыни» – такое, очень точное, название дала Сара Померой своей знаменитой книге о женщинах в античной Греции³⁸. Здесь перечислены «женские» статусы, возможные в полисных условиях, и нетрудно заметить, что все эти статусы находятся *ad marginem* и даже *extra marginem* полиса.

Маргинализация женщин была связана с базовым взглядом на саму суть их «природы». Женщина для греков – существо, принадлежащее скорее к миру Хаоса, чем к упорядоченному мужскому Космосу³⁹. Она – игрушка страстей и эмоций, которые решительно преобладают у нее над разумом, между тем как в норме все должно быть наоборот. Женщина в чем-то даже сродни дикому животному, которое нужно укрощать, приручать.

И это не метафора. Уже знакомый нам Исхомах вспоминает (Xen. Oec. 7. 10), что его жена спустя некоторое время после замужества «привыкла ко мне и была ручной, так что можно было говорить с ней». Обратим внимание на сам способ выражения, на лексику: употребляются слова (*cheiroethes*, *tithaseuo*), обычно применяющиеся в греческом языке именно к приручению животных. Не приходится сомневаться в том, что юная супруга Исхомаха, скорее всего впервые в своей жизни оказавшаяся один на один с чужим, раньше неизвестным ей мужчиной, действительно первое время «дичилась». Точно так же вели себя и все ее сверстницы⁴⁰.

В подобных условиях не приходится удивляться прагматичному до цинизма отношению греков-мужчин к женщинам. Вот как говорится об этом в одной из речей Демосфена (LIX. 22)⁴¹. Слова, которые сейчас будут процитированы, многим из наших современников могут показаться глубоко циничными и шокирующими.

³⁸ Pomeroy S. B. *Goddesses, Whores, Wives and Slaves*. N. Y., 1975.

³⁹ Этот момент, на наш взгляд, наиболее удачно оттенен в монографии: *Just R. Women in Athenian Law and Life*. L., 1989. P. 217 ff.

⁴⁰ К слову сказать, уроки мужа, кажется, не пошли жене Исхомаха впрок. После его смерти она отличалась крайне безнравственным поведением, в частности «отбила» мужа у собственной дочери, после чего последняя даже пыталась покончить самоубийством (Andoc. I. 124–127). Кстати, только из этого пассажа мы узнаем имя супруги Исхомаха – Хрисилла. Ксенофонт его ни разу не называет, поскольку упоминать имена порядочных женщин было не принято (*Schaps D. Op. cit.*).

⁴¹ Строго говоря, эта речь демосфеновского корпуса («Против Неэры») ныне считается не принадлежащей самому Демосфену. Но для нас в данный момент это не имеет принципиального значения.

Гетер мы заводим ради наслаждения, наложниц⁴² – ради ежедневных телесных потребностей, тогда как жен мы берем для того, чтобы иметь от них законных детей, а также для того, чтобы иметь в доме верного стража своего имущества.

Маргинализация женщины сопровождалась ее изоляцией, затворническим образом жизни. Скучна содержанием, скучна была жизнь афинянки классической эпохи. Муж, встав утром и позавтракав, покидал жилище, а возвращался лишь к вечеру. Ведь грек-мужчина вел жизнь в высшей степени общественную, проводил целый день на улицах и площадях своего города. Там он участвовал в работе органов власти, общался с друзьями, узнавал последние новости... А его супруга всё это время была замкнута в пространстве дома, причем, как мы видели выше, не столько как хозяйка и владычица домашнего очага, сколько как его своеобразная пленница. Позволялось разве что изредка побывать в гостях у подруги, да и то под присмотром кого-нибудь из слуг. Даже на рынок за покупками женщины (во всяком случае, из состоятельных семей) не ходили: это считалось сугубо мужским делом. «Жизнь женщин до старости скрывалась от посторонних глаз. Предполагалось, что женщина из приличного семейства может впервые выйти из дома, лишь достигнув того возраста, когда встречный поинтересуется тем, чья это мать, а не тем, чья это жена», – остроумно замечает современный ученый⁴³.

⁴² По поводу наложниц (pallakai) см.: Mossé C. La place de la pallakê dans la famille athénienne // Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 273–279. Они не обязательно являлись рабынями; среди них вполне могли быть свободные и даже гражданки. Однако дети гражданина от наложницы как минимум со времени реформ Солона (Lape S. Solon and the Institution of the «Democratic» Family Form // Classical Journal. 2002/2003. Vol. 98. No. 2. P. 117–139) считались бастардами (nothoi) и были ущемлены в правах по сравнению с детьми, рожденными в законном браке (gnesioi). См.: Maffi A. Matrimonio, concubinato e filiazione illegittima nell'Atene degli oratori // Symposion 1985. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 177–214.

⁴³ Ходза Е. Н. Гротеск в эллинистической коропластике // ВДИ. № 3. 2006. С. 157. Солоновское законодательство о погребениях, принятое в Афинах еще в начале VI в. до н. э. (см. о нем: Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 102 сл.), запрещало участвовать в погребальных обрядах женщинам моложе 60 лет, не считая близких родственников (Demosth. XLIII. 62). Ср. к этому Lys. I. 7–8: некто Эратосфен увидел молодую, недавно вышедшую замуж женщину, шедшую в процессии на похоронах ее свекрови, и затем соблазнил эту афинянку. Возникает даже некоторое противоречие между этим затворничеством женщин и отмеченной выше возможностью их участия в религиозных праздниках. Можем объяснить это противоречие только тем, что «праздничное пространство» воспринималось как сущностно отличное от пространства повседневности, и в нем действовали свои законы. См. в связи с этим: Bruit-Zaidman L. Temps rituel et temps féminin dans la cité athénienne au miroir du théâtre // Constructions du temps dans le monde grec ancien. P., 2000. P. 155–168.

В сущности, афинянам было просто неинтересно в компании своих законных жен. Слишком многое разделяло их – и большой разрыв в возрасте, и не менее значительная разница в уровне образованности (в отличие от политически развитых и всесторонне образованных мужчин, женщины, не получавшие, в сущности, никакого образования, в большинстве своем не владели даже искусством грамотности). Потому-то многие граждане предпочитали обществу своих жен общество гетер. Следует специально подчеркнуть вещь, которая может показаться парадоксальной: греки искали в общении с гетерами не столько чисто сексуальных утех (как раз их они со значительно меньшими расходами вполне могли получить и в семье или, в крайнем случае, взяв рабыню-наложницу, а гетеры брали за свои услуги немало), сколько интеллектуального удовольствия. В отличие от неразвитых в духовном плане (безусловно, не по своей вине) женщин-гражданок, гетеры (обычно они являлись уроженками других городов и принадлежали в Афинах к сословию метэков) как раз получали вполне достойное образование. Они могли поддержать беседу на литературные, философские или даже политические темы, обладали хорошими манерами, да и в целом кругозор их был весьма широк. Гетерой была знаменитая Аспасия, которая сумела очаровать самого Перикла и которой приписывали (пусть и вряд ли вполне основательно) даже решающее влияние на государственную политику.

Поведение гетеры было куда в меньшей степени, чем поведение гражданки, сковано традиционными стереотипами и предрассудками. И по образу гетеры в известной мере можно судить о взглядах греков на то, какой должна быть женщина. Характерно, что это оказывается женщина, максимально похожая на мужчину (разумеется, не в физическом, а в гендерном смысле), – женщина с мужскими запросами, с мужскими интересами. Перед нами – очередное проявление «маскулинной идеологии», всецело доминировавшей в мире полиса.

В отношении к женщине типичного грека, насколько можно судить, существовали и боролись две эмоции: настороженное чувство собственника и инстинктивная боязнь, доходящая порой до отторжения и прорывающаяся, например, в таких строках поэта конца VII в. до н. э. Семонида Аморгского (fr. 7. 94 ff. West): женщины

...И были бедствием и будут для мужей.
Да, это зло из зол, что женщиной зовут,
Дал Зевс, и если есть чуть пользы от нее –
Хозяин от жены без меры терпит зло.
И дня не проведет спокойно, без тревог,
Кто с женщиной судьбу свою соединил⁴⁴.

⁴⁴ Пер. Я. Голосовкера. Обратим внимание на интересное обстоятельство. В целом произведения архаической лирической поэзии греков сохранились в очень незначительной

Среди женских образов, созданных архаической и классической греческой литературой, отчетливо выделяется группа образов, которые можно назвать «инфернальными женщинами». Это женщины-злодейки, совершающие самые чудовищные преступления, убийцы собственных детей, мужей, родителей, бесстыдные совратительницы, коварные обманщицы. Медея, Клитемнестра, Федра, Электра... Многим из них приписывается занятие волшебством, чародейством⁴⁵. Особенно изобилуют такими образами произведения афинской трагедии V в. до н. э.

Однако менее всего было бы правомерным привлекать эти образы как свидетельства того, какими в действительности были древнегреческие женщины. Здесь перед нами не более чем проекция мужских фобий. Реальные случаи совершенных женщинами тяжких преступлений исключительно редки. Проверив на этот предмет все дошедшие до нас судебные речи афинских ораторов, обнаруживаем, кажется, только один-единственный судебный процесс такого рода: 1-я речь оратора Антифонта (V в. до н. э.) была написана для суда по обвинению женщины в отравлении, да и то неясно, насколько это обвинение было обоснованным. Случаев тяжких преступлений, совершенных мужчинами, в тех же ораторских речах находим многократно больше.

Самая знаменитая судебная речь против женщины – это уже цитировавшаяся 59-я речь корпуса Демосфена («Против Неэры»), но в ней бедную Неэру обвиняют всего лишь в том, что она, принадлежа к сословию метэков и являясь гетерой, жила как законная жена с афинским гражданином, тем самым нарушая закон⁴⁶, да и в целом вела непорядочный образ жизни. Есть и другие известные процессы против женщин – Аспасии, Фрины, но и в них о тяжких преступлениях речь тоже не шла⁴⁷.

степени, в виде маленьких фрагментов, по несколько строк каждый. Самое значительное исключение из этого правила – большое стихотворение Семонида, поносящее женщин (то, из которого только что был процитирован отрывок). Оно насчитывает более ста строк и дошло практически полностью, а это, безусловно, говорит о том, что в античности оно было чрезвычайно популярно, следовательно, отвечало мыслям и чувствам аудитории.

⁴⁵ Захарова Е. А. Чародейки в греческой мифологии // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. М., 2006. С. 324–327.

⁴⁶ Согласно этому закону, принятому в 451/450 г. до н. э. по инициативе Перикла, законным в Афинах считался только брак между гражданином и гражданкой. См. об этом законе (с различными интерпретациями его целей): Will W. Perikles. Reinbek bei Hamburg, 1995. S. 50 ff.; Osborne R. Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens // Past & Present. No. 155. 1997. P. 3–33; Суриков И. Е. Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 181 сл.

⁴⁷ Наверное, следует оговорить, что представления о том, какие преступления считать тяжкими, а какие нет, были в античной Греции не вполне такими, как в наши дни. В частно-

Судя по всему, греческие женщины были злодейками, мужеубийцами и пр. только в литературных произведениях, а в реальной жизни они весьма мало были склонны к подобному девиантному поведению. Образцами, на которые они ориентировались, являлись отнюдь не Медея или Федра, а, конечно, образы «добродетельных жен» в мифологической и литературной традиции – Пенелопа, Алкестида и т. п. Женщины, как правило, полностью принимали все императивы «маскулинной идеологии», соглашались с собственной маргинализацией, воспринимали ее как должное, довольствовались существующим положением вещей и не добивались большего. Да и чего могли они добиваться в полисных условиях? Сколько-нибудь равноправное положение женщин было затруднено практически до полной невозможности не только и, может быть, даже не столько отсутствием у них гражданских прав⁴⁸, тем более не какими-то специальными законами на сей счет, а прежде всего полным консерватизмом общественного мнения. Любые попытки женщин как-то заявить о себе, если они и имели место, встречали самое решительное осуждение, в том числе, не приходится сомневаться, и со стороны других представительниц этого пола. Даже и в их глазах образ «маргинальной» женщины был безусловно предпочтительным по сравнению с образом женщины «инфернальной».

Ограниченный объем данной статьи не позволяет затронуть в ее рамках ряд немаловажных вопросов: какова была специфика «маскулинной идеологии» в различных полисах и как эволюционировала эта идеология в диахронном аспекте? А, самое главное, как в рассмотренных условиях могло (и могло ли) осуществляться влияние женщин на властные отношения в полисе, будь то через формальные или неформальные каналы? Эти проблемы будут нами проанализированы в дальнейших работах о гендерной ситуации в античной Греции⁴⁹.

сти, убийства, как ни парадоксально, как раз не относили к преступлениям самым тяжким. См. по этому поводу: *Суриков И. Е.* О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. № 2 (5). 1999. С. 34–42; *Mélèze Modrzejewski J.* La sanction de l'homicide en droit grec et hellénistique // Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 3–16. Преступления против государства считались более серьезными. Однако убийство членов семьи (отцеубийство, мужеубийство) в любом случае рассматривалось как преступление просто чудовищное.

⁴⁸ Есть мнение, что собственно правовое положение афинских женщин было не столь принижено, как обычно представляют. См.: *Dimakis P. D.* Quelques remarques à propos de la position juridique des athéniennes (Atthides) à l'époque classique // Symposion 1985: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 221–231.

⁴⁹ Некоторые предварительные наброски см.: *Суриков И. Е.* Женщины в политической жизни...

ДИНАМИКА ГЕНДЕРНОЙ СИТУАЦИИ В АРИСТОКРАТИЧЕСКИХ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ АФИНАХ *

Данная работа является прямым продолжением нашей предыдущей статьи по гендерной проблематике в античной Греции¹, дальнейшим развитием некоторых высказанных в ней идей. В частности, речь здесь пойдет об эволюции гендерной идеологии и практики в диахронном аспекте.

Уже давно был замечен один интересный парадокс гендерной истории, который Л. П. Репина формулирует так: «В эпохи, которые традиционно считаются периодами упадка, статус женщин относительно мужчин отнюдь не снижался, а в так называемые эры прогресса плоды последнего распределялись между ними далеко не равномерно»². Приводятся и конкретные примеры, четко подтверждающие этот тезис. Так, в эпоху Возрождения, которая обычно рисуется как пробуждение от «темной ночи средневековья», положение женщин не только не улучшилось, а, напротив, ухудшилось, их гендерный статус снизился. Точно так же произошло и во время Великой Французской революции, которая – при всех своих красивых лозунгах «Свобода, равенство, братство» – реально отнюдь не оказала раскрепощающего, эмансипирующего влияния на историю женщин³.

Античная Греция являет нам еще один пример подобной же ситуации, причем такой пример, который по своей яркости и законченности, пожалуй, не имеет себе равных. С одной стороны, как всем известно, на протяжении V–IV вв. до н. э. существовала классическая афинская демократия, которую нельзя не признать крупнейшим достижением политической практики древнего мира, самым прогрессивным типом государственности, какой только знала античность⁴. Если где-то в мире на столь раннем этапе исторического развития

* Впервые опубликовано в: Адам и Ева: Альманах гендерной истории. № 14. 2007. С. 87–112.

¹ Суриков И. Е. Адам и... Адам (К вопросу о специфике гендерных ролей в условиях античного греческого полиса) // Адам и Ева. № 12. 2006. С. 23–47.

² Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. М., 2002. С. 26.

³ Там же. С. 24.

⁴ Афинской демократии посвящено колоссальное количество работ. Наверное, нет ни одного сюжета древнегреческой истории, который изучался бы столь же интенсивно.

идеи свободы и равенства получили сколько-нибудь полное воплощение, то это было именно в Афинах.

С другой стороны, не может не броситься в глаза, что свобода и равенство в рамках политической системы афинской демократии понимались как свобода и равенство *только для мужчин*. Женщинам от благ народовластия не доставалось ровным счетом ничего. Демократический полис превратился в настоящий «мужской клуб»⁵, точнее – в «клуб» свободных мужчин-граждан, строго ограниченный и закрытый для всех «посторонних», в том числе и для представительниц противоположного пола.

Мы уже не говорим о том, что женщины-афинянки были полностью отстранены от всех форм публичной политической жизни. Данная ситуация, в общем-то, не является уникальной; она имела место не только в античном мире, но и на протяжении большей части истории человечества. Завоевание женщинами политического равноправия, свободы участия в выборах и т. п. – достижение

Активизации исследований в этой области в последнее время способствовал 2500-летний юбилей установления демократического правления в Афинах, пришедшийся на 1993 г. Здесь мы ограничимся указанием на некоторые важнейшие монографические исследования из числа недавних: *Osborne R.* Demos: The Discovery of Classical Attika. Cambridge, 1985; *Mossé C.* La démocratie grecque. P., 1986; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986; *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989; *Idem.* Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998; *Idem.* The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999; *Hansen M. H.* Was Athens a Democracy? Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought. Copenhagen, 1989; *Idem.* Die athenische Demokratie im Zeitalter des Demosthenes: Struktur, Prinzipien und Selbstverständnis. B., 1995; *Châtelet F.* Périclès et son siècle. P., 1990; *Fornara Ch. W., Samons L. J.* Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991; *Sinclair R. K.* Democracy and Participation in Athens. Cambridge, 1991; *Stockton D.* The Classical Athenian Democracy. Oxf., 1991; *Kagan D.* Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N. Y., 1991; *Sagan E.* The Honey and the Hemlock: Democracy and Paranoia in Ancient Athens and Modern America. Princeton, 1991; *Davies J. K.* Democracy and Classical Greece. 2 ed. Cambridge Mass., 1993; *Sealey R.* Demosthenes and his Time: A Study in Defeat. Oxf., 1993; *Bleicken J.* Die athenische Demokratie. 2. Aufl. Paderborn, 1994; *O'Neil J. L.* The Origins and Development of Ancient Greek Democracy. Lanham, 1995; *Levi M. A.* Pericle e la democrazia ateniese. Milano, 1996; *Welwei K.-W.* Das klassische Athen: Demokratie und Machtpolitik im 5. und 4. Jahrhundert. Darmstadt, 1999; *Hornblower S.* The Greek World 479–323 BC. 3 ed. L.; N. Y., 2002. Перечень получился достаточно объемным; тем не менее он не просто далек от исчерпывающего, но включает в себя лишь небольшую долю книг об афинской демократии. А ведь мы еще не указываем появившиеся в последние годы статьи в журналах и сборниках.

⁵ Cp.: *Loraux N.* The Invention of Athens: The Funeral Oration in the Classical City. Cambridge (Mass.), 1986. P. 24.

очень недавнего прошлого; даже демократические государства Европы и Америки на первых этапах своей эволюции представляли собой чисто мужской «политический космос».

Но афинские гражданки были лишены не только политических, а и вообще гражданских прав (при том, что они парадоксальным образом все-таки назывались гражданками, *politides*). В числе прочего не располагали они и правами имущественными. Женщина не могла юридически распоряжаться никакой собственностью. Фактически она, конечно же, ею распоряжалась⁶ (особенно если учитывать, что муж большую часть дня отсутствовал, и все домашние дела находились в руках его супруги). Однако с точки зрения правовых норм считалось, что она действует в этих обстоятельствах не как *persona sui iuris*, а всего лишь как доверенное лицо действительного собственника – мужа. Точно в такой же роли мог выступать и раб, который, как известно, считался не более чем *instrumentum vocale*.

Как бы то ни было, самостоятельные сделки, совершаемые женщинами, хотя они, безусловно, и происходили, оказывались законными постольку, поскольку их считали действиями, санкционированными (пусть даже номинально) главой семейства. Отсутствие имущественных прав у женщин ярко выражалось в том, что они не могли выступать в роли наследниц, в том числе и после своих ближайших родственников, даже родителей. В том случае, если по смерти отца у него не оказывалось сына, а только дочь, использовали интересный правовой институт – эпиклерат⁷. Эпиклера (*epikleros*), что обычно переводят как «дочь-наследница», в действительности как раз наследницей-то в точном смысле слова и не являлась. Фактически она являлась лишь «передатчицей»

⁶ Вообще для дальнейшего изложения необходимо учитывать всегда имеющее место несовпадение между строгими и *eo ipso* абстрактными правовыми нормами и конкретными жизненными ситуациями. В последних категоричность нормы неизбежно смягчается личностными контекстами и казуистикой. Реальное положение женщины вполне могло быть менее приниженным, чем то, которое диктовалось законом. Ср.: *Dimakis P. D. Quelques remarques à propos de la position juridique des athéniennes (Atthides) à l'époque classique // Symposium 1985: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 221–231.*

⁷ Об эпиклере см.: *Jones J. W. The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction. Oxf., 1956. P. 179–181; Karabelias E. L'épiclérat dans la comédie nouvelle et dans les sources latines // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 215–254; Глускина Л. М. Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н. э. по судебным речам Демосфеновского корпуса // *Демосфен. Речи: В 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 418–420.* В целом вопросы афинского семейного и наследственного права наиболее подробно разобраны в кн.: *Harrison A. R. W. The Law of Athens: The Family and Property. Oxf., 1968.**

отцовской собственности следующему владельцу. Сам соответствующий термин может быть описательно переведен как «приложенная к наследству».

Преимущественное право женитьбы на такой девушке имел ее ближайший родственник по отцу, например дядя или двоюродный брат (родственников более близкой степени у эпиклеры не могло быть по определению). Он-то и получал вместе с нею всё наследство. Столь близкородственные браки греков ни в малейшей степени не тревожили и считались совершенно нормальными; их больше волновало, как бы имущество вместе с эпиклерой не ушло из рода в «чужие» руки (собственно, именно по этой причине и был введен эпиклерат). Разумеется, если эпиклера была бедной и интереса с материальной точки зрения не представляла, ближайший родственник, как правило, отказывался от своего преимущественного права (особенно если он был уже женат, поскольку полигамии классическое греческое право не признавало, и, чтобы вступить в брак с эпиклерой, нужно было расторгнуть предыдущий). И тогда девушку брал в жены кто хотел, а если никто не хотел, то «отказник» должен был обеспечить ее хотя бы минимальным приданым, чтобы облегчить ее замужество; иными словами, право оборачивалось для него обязанностью – нормальная диалектика в полисных условиях.

Женщина была абсолютно неравноправна в браке, подвергалась сегрегации в повседневном быту (полная свобода для мужчин сочеталась с затворнической жизнью, назначенной в удел женщинам-гражданкам), не получала сколько-нибудь полноценного образования. Всё это вещи прекрасно известные и в полной мере подкрепляющие тезис Л. П. Репиной, который мы привели в начале статьи. Но сейчас нам хотелось бы остановиться на одном чрезвычайно интересном и даже парадоксальном обстоятельстве: чем демократичнее становился полис, тем более в нем проявлялось «засилье» мужчин и ничем не ограниченное господство «маскулинной идеологии».

В Афинах архаической эпохи, когда у власти стояла еще аристократия, ситуация была несколько иной. Ни в коей мере не будем утверждать, что отличия были кардинальными или что женщины в этот период были полноправны. Но всё же у представительниц «прекрасного пола» было несколько больше возможностей проявить себя в общественной жизни. Разумеется, речь здесь идет не обо всех женщинах, а только о тех, которые принадлежали к аристократической элите⁸.

⁸ Суриков И. Е. Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин: истоки феминизма или матримониальная традиция? // Античный мир и его судьбы в последующие века. М., 1996. С. 50. В дальнейшем изложении мы и в целом отчасти будем опираться на предварительную разработку некоторых аспектов темы, осуществленную в только что цитированной работе.

Выдающаяся французская исследовательница Н. Лоро⁹ предлагает следующую весьма убедительную трактовку причин сдвигов в гендерной ситуации (к этой трактовке всецело присоединяемся и мы). В аристократическом социуме для определения места индивида в иерархии статусов единственным по-настоящему важным критерием был критерий социальный: знатен индивид или не знатен. Различиям в поле (а также и в возрасте) придавалось несравненно меньшее значение. Иными словами, скажем, в словосочетании «знатная женщина» социальный компонент «знатная» был более весом, нежели гендерный компонент «женщина».

После «революции Клизфена» и установления демократии в конце VI в. до н. э. социальной иерархии юридически уже не существовало (эмпирически она какое-то время еще проявлялась, но всё в меньшей и меньшей степени и к концу следующего столетия окончательно сошла на нет). Евпатрид и простолюдин по объему своих прав были отныне равны. Однако потребность в иерархическом структурировании общества не отпала (очевидно, эта потребность коренится в достаточно глубинных ментальных структурах), и создалась иерархия совсем иного рода, на вершине которой стояли мужчины-граждане (знатные или незнатные – теперь уже не имело принципиального значения), составлявшие демос, гражданский коллектив. Как нам приходилось писать в другом месте¹⁰, демос, придя к власти, перенял многие аристократические ценности и структуры и в известном смысле во всей своей совокупности стал аристократией, элитой (во всяком случае, сам он именно так воспринимал ситуацию).

А более низкое положение в иерархической структуре нового типа занимали другие статусы, отличные от статуса мужчин-граждан. Помимо метэков, рабов и т. п., о которых в рамках данной статьи речь, разумеется, не идет, в число этих статусов входили и женщины. В том же словосочетании «знатная женщина» теперь сместились акценты: в условиях демократии социальный компонент «знатная» отходил на второй план, а на первый решительно выдвигался гендерный компонент «женщина».

Важен в числе прочих вот какой момент. Демократизация государственного устройства Афин означала не в последнюю очередь демократизацию военного дела. На протяжении первой половины V в. до н. э. возможность военной службы была сделана доступной для любого гражданина. Ключевую роль сыграла морская программа Фемистокла¹¹: в ходе ее реализации был создан мощный афинский флот, и беднейшие граждане (феты), которые не имели средств при-

⁹ Loraux N. Op. cit. P. 24.

¹⁰ Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 312.

¹¹ Последнее по времени исследование о ней: Ставнюк В. В. Фемістокл і Афіни: діяльність Фемістокла в контексті еволюції афінського поліса. Київ, 2004. С. 169 сл.

обрести себе доспехи и оружие и потому не могли полноценно проявить себя на полях сражений, отныне, как правило, служили гребцами на триерах.

В нашу задачу здесь, разумеется, не входит давать характеристику эволюции древнегреческого военного дела. Но на некоторые важнейшие моменты всё же необходимо обратить внимание, поскольку они имеют выход на гендерную проблематику. В целом армии большинства эллинских полисов на протяжении архаической и классической эпох становились более демократичными по способу комплектования. Если вначале ведущую роль в войске играли аристократы, то с появлением гоплитской фаланги¹² и далее с появлением флотов перевес в вооруженных силах получили рядовые общинники. Развитие в военной сфере шло рука об руку с переменами в жизни политической. Война и политика вообще всегда были теснейшим образом связаны в жизни полисов, в частности роль индивида в управлении государством определялась его ролью в войске¹³.

Военная функция в полисном мире была одной из важнейших, если не важнейшей. Такая ситуация определялась почти постоянными вооруженными конфликтами. Если взять интересующие нас Афины V в. до н. э., то увидим следующее. В 500–449 гг. до н. э. шли Греко-персидские войны, а параллельно, в 460–446 гг. до н. э., война со Спартой (так называемая Малая Пелопоннесская война). На 431–404 гг. до н. э. падает знаменитая Пелопоннесская война. За вычетом этих хронологических промежутков остается совсем немного лет, но и они не были вполне мирными: почти в каждом из них какие-нибудь военные действия всё равно велись.

При этом, по справедливому наблюдению Ж.-П. Вернана¹⁴ – крупнейшего представителя антропологического подхода к изучению античности, военная функция в Греции (в отличие от многих индоевропейских обществ) не была, за редкими исключениями¹⁵, сконцентрирована в руках специального военного сословия, а как бы «рассеяна» по всему гражданскому коллективу. В идеале армия полиса – ополчение граждан – равнялась самому полису. В особенной степени это проявлялось в полисах демократических, и в первую очередь в Афи-

¹² О формировании фаланги см.: *Туманс Х.* Военная организация греков в архаическую эпоху (Афины VIII–VI вв. до н. э.) // *Античное общество: Проблемы политической истории.* СПб., 1997. С. 6–19; *Видаль-Накэ П.* Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 115 сл.; *Нефедкин А. К.* Основные этапы формирования фаланги гоплитов: военный аспект проблемы // *ВДИ.* № 1. 2002. С. 87–96; *Storch R. H.* Archaic Greek «Phalanx», 750–650 BC // *Ancient History Bulletin.* Vol. 12. No. 1/2. 1998. P. 1–7.

¹³ *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 80–81.

¹⁴ *Vernant J.-P.* Myth and Society in Ancient Greece. Brighton, 1980. P. 19–44.

¹⁵ Как, например, Спарта, о гендерной ситуации в которой будет сказано ниже.

нах. Именно потому-то Афины были в большей мере «мужским клубом», чем какое-либо иное древнегреческое государство¹⁶.

Поясним, в чем конкретно заключается гендерный аспект военной истории Афин. Как и в подавляющем большинстве патриархальных обществ, в греческих полисах женщины были полностью исключены из военной сферы жизнедеятельности. Их участие в сражениях, практиковавшееся у некоторых варварских народов, осмыслялось как признак чего абсолютно «иного», «чуждого», «не-греческого», как полярная противоположность «правильному» миропорядку (ср. мифы об амазонках). Соответственно, в согласии с отмеченной выше закономерностью связи военной и политической функций, нулевое участие женщин в войне автоматически означало нулевое участие в политике.

Одной из базовых добродетелей человека в древнегреческих этических воззрениях признавалось мужество, отвага, храбрость (*andreia*). Обратим внимание на то, что сам этот термин этимологически происходит от *aner* (мужчина). И это далеко не случайно. Считалось, что женщинам мужество не свойственно в принципе¹⁷, что для них характерны такие черты, как робость и даже трусость. Подобную ментальную установку нетрудно проиллюстрировать суждениями авторитетных античных писателей¹⁸. Но достаточно привести высказывание Ксенофонта, который во всех отношениях может считаться выразителем взглядов «среднего» афинянина: «Так как бог назначил женщине также и охранять внесенное в дом добро и знал, что для охраны не худое дело, если душа труслива, то он наделил женщину и большей долей трусости, чем мужчину. С другой стороны, бог знал, что тому, кто занимается трудом вне дома, придется и защищаться в случае нанесения обиды, и потому наделил его большей долей смелости» (Хен. Оес. 7. 25). Фукидид (III. 74. 1), рассказывая, как в одном из эпизодов Пелопоннесской войны женщины проявили отвагу, не преминул упомянуть, что они вели себя «вопреки своей природе» (*para physin*).

* * *

В чем конкретно выражалась возможность женского влияния в обществе (постольку, поскольку эта возможность существовала) в аристократических Афинах архаической эпохи? Здесь нам придется углубиться в сферу матримонимальных отношений. Прежде всего следует отметить, что со временем само отношение греков к браку и к месту женщины в нем претерпело весьма

¹⁶ Loraux N. Op. cit. P. 24.

¹⁷ Cartledge P. The Greeks: A Portrait of Self and Others. Oxf., 1993. P. 68–69.

¹⁸ Так, Аристотель, завершающий и обобщающий всю классическую греческую традицию, считает, что не только у людей, но и у животных самцам свойственна смелость, а самкам – трусость.

серьезные изменения. Если сравнить в данном контексте ту картину, которую встречаем в гомеровском обществе, и ту, которая имеет место в классическом афинском полисе, они окажутся едва ли не противоположными. В первом случае жених дает выкуп (*hedna*) родителям невесты, чтобы получить ее в жены. Во втором случае – всё наоборот: родители невесты дают вместе с ней жениху приданое (*proix*)¹⁹. Девушку, не имевшую приданого, выдать замуж было весьма непросто, и уж во всяком случае достойное брачное партнерство ее не ожидало.

Просто-таки бросается в глаза различная позиция невесты в двух описанных ситуациях. У Гомера, в описанном им аристократическом мире, невеста – предмет желания; в каком-то отношении, конечно, вещь, которая «покупается», но всё же вещь дорогая, ценная, и за нее щедро платят. Как нам кажется, в прямой связи с подобной практикой стоят образы гомеровских женщин: Елены и Клитемнестры, Пенелопы и Навсикаи... Это зачастую сильные характеры, они знают себе цену. Женщины и даже девушки в «Илиаде» и «Одиссее» наделены относительной свободой. Достаточно вспомнить эпизод с царевной Навсикаей, которая вместе со своими служанками (без всякого сопровождения мужчин!) отправляется к морю стирать белье и там встречается с Одиссеем, вынесенным на берег после кораблекрушения. В классической Греции подобный эпизод – незамужняя девушка, оставленная без присмотра и вступающая в контакт с незнакомым мужчиной, – был бы заведомо невозможен. В классическом полисе невеста – уже не ценность, а, напротив, некое «бесплатное приложение» к приданому; именно это последнее преимущественно принимается во внимание, когда идет речь о заключении брака.

Весьма интересен в аристократических Афинах феномен так называемых «политических браков». Знатные роды, желая установить между собой дружественные отношения или, скажем, помириться после долгой вражды, чаще всего скрепляли свой союз брачными узами. Пока аристократы играли видную роль в общественной жизни, «политические браки» постоянно практиковались как на внутриволисом, так и на межволисом уровне. Свидетельствами о них изобилует традиция, повествующая о событиях VI в. до н. э. Особенно информативен в данном отношении Геродот; именно из его «Истории» мы приведем несколько примеров.

В 571 г. до н. э. тиран Сикиона Клисфен, весьма известная личность своего времени, крупный военачальник и победитель в Олимпийских играх, объявил своеобразный конкурс на руку своей дочери Агаристы: пригласил молодых аристократов со всех концов греческого мира, в течение целого года устраивал между ними различные состязания, оценивал и в конце концов остановил

¹⁹ См. об этой эволюции: *Vernant J.-P. Op. cit. P. 45–68.*

свой выбор на афинянина Мегакле из рода Алкмеонидов (Herod. VI. 126–130). Весь этот эпизод несет на себе отпечаток еще абсолютно «гомеровского» духа: «золотая молодежь» охотно и ревностно борется за то, чтобы заполучить завидную невесту.

Другой знатный афинянин, соперник только что упомянутого Мегакла, в конечном счете одержавший над ним победу и ставший тираном Афин, – Писистрат²⁰ – был женат трижды. О первой его супруге ничего неизвестно, кроме того, что она была тоже афинянкой (источники не называют даже ее имя, что, впрочем, не удивительно: в архаической и классической Греции имена порядочных женщин старались упоминать в дискурсе как можно реже²¹). Второй его женой была Тимонасса, знатная гражданка Аргоса, которая, как специально отмечается (Arist. Ath. pol. 17. 3), ранее была замужем за одним из представителей разветвленного тиранического рода Кипселидов. Это, между прочим, сам по себе достойный внимания факт: знатные женщины порой как бы «переходили» от членов одной аристократической фамилии к членам другой (см. также ниже в связи с первой женой Перикла).

Перипетии этих двух браков Писистрата для нас остаются в тени. Более всего известен и интересен его третий брак²² – с Кесирой²³ из рода Алкмеонидов. О нем подробно сообщает тот же Геродот (I. 60–61). Вскоре после того, как Писистрат в 560 г. до н. э. захватил тираническую власть, его противники свергли и изгнали его. Однако некоторое время спустя Мегакл по политическим соображениям решил примириться со своим бывшим врагом и «послал вестника к Писистрату. Он предложил ему свою дочь в жены, а в приданое – тиранию». Писистрат согласился; было организовано его торжественное возвращение в Афины²⁴, после чего он «по уговору с Мегаклом взял в жены его дочь. Но так как у него были уже взрослые дети, а род Алкмеонидов, к которому принадлежал Мегакл, как считали, был поражен проклятием, то Писистрат не желал

²⁰ В целом о Писистрате см.: *Суриков И. Е.* Античная Греция... С. 151–210.

²¹ *Schaps D.* The Woman Least Mentioned // *Classical Quarterly*. Vol. 27. No. 2. 1977. P. 323–330; *Bremmer J.* Plutarch and the Names of Greek Women // *American Journal of Philology*. Vol. 102. No. 4. 1981. P. 425–426.

²² Об этих и других «политических браках» греческих тиранов см.: *Gernet L.* *Anthropologie de la Grèce antique*. P., 1968. P. 344–359.

²³ Имя девушки источники опять же прямо не сообщают. Его удастся установить путем комбинации косвенных соображений, но, впрочем, достаточно надежно. См.: *Shear T. L.* *Koisyra: Three Women of Athens* // *Phoenix*. Vol. 17. No. 2. 1963. P. 99–112

²⁴ В этом возвращении главную роль сыграла блистательная ритуально-политическая инсценировка: въезд Писистрата в город на колеснице вместе с рослой и статной девицей, изображавшей богиню Афину. Данный эпизод сам по себе имеет интересные гендерные обертоны, но это могло бы стать предметом отдельного исследования.

иметь детей от молодой жены и потому общался с ней неестественным способом (*ou kata nomon*). Сначала жена скрывала это обстоятельство, а потом рассказала своей матери (в ответ на ее вопросы или же по собственному почину), а та – своему мужу». Мегакл, разгневавшись, вновь поссорился с Писистратом, что повело ко второму изгнанию последнего²⁵. В данной ситуации гендерное поведение двух женщин – самой Кесиры и ее матери, уже знакомой нам Агаристы, их реакция на девиантные сексуальные действия Писистрата (в чем конкретно заключалась девиантность, здесь не место разбирать; отметим лишь, что вопрос сложнее, чем может показаться на первый взгляд), фактически стали толчком к государственному перевороту.

Третий эпизод аналогичного плана (Herod. VI. 122) связан с именем Каллия, сына Фениппа, одного из первых известных представителей знатного жреческого рода Кериков, блистательного аристократа и, к слову сказать, тоже врага Писистрата. Геродот пишет о Каллии: «А затем, каким щедрым отцом он стал для своих трех дочерей! Когда дочери достигли брачного возраста, он роскошно одарил их и позволил каждой выбрать себе среди афинян мужа, какого она сама хотела, и тому отдал ее». «Отец истории» рассказывает об этом событии с некоторым удивлением. И действительно, в его эпоху, в V в. до н. э., в демократических Афинах ничего подобного было решительно невозможно. В предшествующем же столетии, как видим, относительная свобода, предоставленная девушкам, была еще мыслима, хотя наверняка уже тогда не совсем обычна. Поступок Каллия, прислушавшегося к мнению дочерей, характеризует его как личность аристократически-экстравагантную²⁶. Обращает на себя внимание еще и то, что, коль скоро дочери Каллия имели возможность выбирать, значит, они еще до замужества как минимум видели каких-то мужчин и, следовательно, не вели абсолютно затворническую жизнь в гинееке, столь характерную для афинских женщин классической эпохи.

На первый взгляд может показаться, что браки дочерей Каллия не имели ярко выраженного политического характера. В действительности, однако, следует обратить внимание на то, что две из трех девушек выбрали себе в мужья видных политиков: одна – Лисимаха (в этой семье родился такой выдающийся

²⁵ Это, однако, была не последняя страница в сложной истории матримониальных контактов Писистратидов и Алкмеонидов. В 520-х гг. до н. э., уже после смерти Писистрата, новый тиран – его сын Гиппий – выдал свою дочь замуж за Гиппократу, сына Мегакла (*Bicknell P. J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. Bd. 23. Ht. 2. 1974. S. 152 ff.*). Кстати, по причине всех этих непростых матримониальных комбинаций великий Перикл, самый яркий деятель афинской демократии, был по материнской линии праправнуком тирана Писистрата.

²⁶ Суриков И. Е. Аристид «Справедливый»: политик вне группировок // ВДИ. № 1. 2006. С. 26.

государственный деятель, как Аристид, прозванный «Справедливым», основатель Афинского морского союза), другая – Кратия из рода Алкмеонидов²⁷.

Крупнейшая матримониальная комбинация была «разыграна» в Афинах около 480 г. до н. э., т. е. уже в начале V в. до н. э., но еще в тот период, когда аристократические компоненты демократии оставались весьма сильными. Три знатных рода – Алкмеониды, Филаиды и Керики – создали между собой коалицию и скрепили ее брачными узами. Почти одновременно были сыграны две свадьбы: Кимон, глава Филаидов, женился на Исодике из рода Алкмеонидов, а сестра Кимона Эльпиника (о ней см. ниже) была выдана замуж за Каллия²⁸ из рода Кериков²⁹. Альянс трех родов был направлен против «чрезмерно возвысившегося» Фемистокла, и свою функцию этот союз выполнил: Фемистокл спустя несколько лет был полностью лишен политического влияния, оказался в опале и подвергся изгнанию из Афин.

В связи с браком Кимона и Исодики Плутарх сообщает интересную деталь:

Известно также, как горячо любил Кимон Исодику, дочь Евриптолема, сына Мегакла, свою законную жену; когда она умерла, он был вне себя от горя, если можно верить элегиям, написанным для утешения его в скорби. Автором их философ Панетий считает естествоиспытателя Архелая, небезосновательно сопоставляя даты (Plut. Cim. 4).

Описанный здесь эпизод по меньшей мере неординарен, чтобы не сказать уникален. Мужчина, любящий женщину своего рода «романтической любовью», влекущей глубокую скорбь после кончины супруги, – явление совершенно не характерное для классической Греции, где единственно «достойным» видом любви признавалась любовь однополая³⁰. Приходит даже в голову мысль: не прибегает ли здесь Плутарх к анахронизму, не переносит ли на V в. до н. э. реалии своего времени, когда расцвет греческого гомосексуализма был уже далеко позади и безусловно доминирующими стали гетеросексуальные отношения, мирная семейная жизнь? Но нет, как видим, Плутарх ссылается на аутентичный, вполне заслуживающий доверия источник – элегии Архелая, который был не только современником Кимона, но и его близким другом,

²⁷ Shapiro H. A. Kallias Kratiou Alopekethen // *Hesperia*. Vol. 51. No. 1. 1982. P. 69–73. Третья дочь, по выкладкам Шапиро, была выдана за некоего Струтона.

²⁸ Это Каллий, сын Гиппоника. Его не следует путать с упоминавшимся выше Каллием, сыном Фениппа. Последний приходился ему дедом.

²⁹ Об этом союзе нам неоднократно приходилось писать ранее. См., в частности: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 187–188; *Он же*. Остракизм... С. 333.

³⁰ Суриков И. Е. Адам... С. 40 сл.

членом составившегося вокруг этого афинского политика «кружка интеллектуалов». Принимая цитированный рассказ как содержащий реальное зерно истины, приходим к следующему выводу: Кимон, принадлежавший к роду Филаидов, который был известен ярко выраженной консервативной приверженностью аристократическим ценностям, воплощал в себе традиции своего рода и старинной аристократии в целом. Воплощал в обстановке, когда эти традиции уже начали активно подрываться демократизацией полиса.

Таким образом, с помощью «политических браков» формировались и распадалась коалиции аристократических родов, лежавшие в основе политических группировок. Можно ли считать роль женщин в таких браках целиком пассивной? Несмотря на то что выбирающей стороной в подавляющем большинстве случаев были не они (случай с дочерьми Каллия, сына Фениппа, – исключение, лишь подтверждающее правило), все-таки на поставленный вопрос должен быть дан скорее отрицательный ответ. Женщины могли содействовать заключению или разрыву союза (этот тезис был проиллюстрирован выше эпизодом с Писистратом, Кесирой и Агаристой). Не следует списывать со счетов и влияние, которое женщины могли оказывать на мужей-политиков в повседневной жизни. Малое количество свидетельств о таком влиянии не должно приводить нас к выводу о его отсутствии. Аргументы *e silentio* и вообще-то не особенно убедительны, а особенно в условиях доведенной в Греции до *plus ultra* «маскулинной идеологии», когда о женщинах и вообще-то упоминали весьма редко, а их влияние, если оно и имело место, а *fortiori* не склонны были афишировать.

На фоне этого молчания любое свидетельство – на вес золота. Вот, например, одно из таких свидетельств, относящееся к другому аристократическому политику начала V в. до н. э. – Фемистоклу³¹. Плутарх пишет:

Сын Фемистокла своими капризами заставлял мать исполнять все его желания, *а через нее и отца*. Фемистокл, подсмеиваясь над этим, говорил, что его сын самый сильный человек в Элладе, потому что эллинам дают свои повеления афиняне, афинянам – он сам, *ему самому – мать его сына*, а матери – сын (Plut. Them. 18; курсив наш. – И. С.).

Фемистокл, как известно, отличался цинизмом и откровенно говорил то, о чем обычно в обществе принято умалчивать. Можно предположить, что и в данном случае у него было «на языке» то, что «на уме» было у многих. Обратим внимание на несколько интересных нюансов цитируемого пассажа.

³¹ Фемистокл был не лидером демократической группировки, как у нас долго было принято считать, и тем более не выходцем из демоса, а политиком вполне аристократического типа. См.: Frost F. J. Themistocles' Place in Athenian Politics // California Studies in Classical Antiquity. Vol. 1. 1968. P. 105–124.

Во-первых, как видим, сын Фемистокла мог влиять на отца не непосредственно, а только через мать. Очевидно, ребенку не было еще семи лет: до этого возраста, то есть до начала получения образования, дети содержались в гинеекее на попечении матери, а отец с ними практически не общался. Во-вторых, не может не броситься в глаза, что Фемистокл здесь называет свою супругу не супругой, а матерью его сына! Это тоже многое объясняет: видимо, влияние жен на мужей – в той мере, в какой о нем можно говорить, – обуславливалось не статусом жены *per se*, а статусом матери законного сына. Иными словами, ради сына жена Фемистокла могла просить своего мужа о многом; но если бы она стала просить его о чем-то не для сына, а для себя самой, то вряд ли встретила бы такое же понимание.

В любом случае влияние, о котором идет речь у Плутарха, конечно же, не имело политического характера. Да и в целом всё сказанное выше о «политических браках» относится, подчеркнем, исключительно к представительницам аристократической элиты. А незнатным женщинам какой бы то ни было путь в политику, прямой или косвенный, был закрыт в принципе даже и в архаическую эпоху, не говоря уже о классической.

* * *

По мере демократизации политической системы Афин, как отмечалось выше, роль аристократии снизилась, а вместе с ней – и значение матримониальной традиции, «политических браков». В эпоху господства демоса и эта последняя возможность хоть как-то влиять на управление государством, ранее существовавшая для *некоторых* женщин, исчезла.

На одном из этапов развития демократии, в 451 г. до н. э., по инициативе Перикла был принят закон, который фактически запрещал афинским гражданам вступать в законные браки с женщинами из других государств³². Если такой брак всё же заключался, то юридически он считался простым сожителем, и рожденные в нем дети не получали гражданского статуса. Этот закон был направлен прежде всего против аристократов: понятно, что не рядовые афиняне брали себе жен-чужеземок. Выше мы уже упоминали о женитьбе Мегакла из рода Алкмеонидов на Агаристе, дочери тирана Сикиона. Мильтиад из рода Филаидов (будущий победитель при Маратоне) вступил в брак с Гегесипилой,

³² Об этом законе см.: Will W. Perikles. Reinbek, 1995. S. 50 ff.; Osborne R. Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens // Past & Present. No. 155. 1997. P. 3–33; Суриков И. Е. Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 181 сл.

дочерью фракийского царя Олора. Можно было бы привести и другие аналогичные примеры. Афинские евпатриды видели для себя высокую честь в том, чтобы породниться с иностранными владетельными домами. Теперь на всём этом приходилось поставить крест.

В целом если для аристократии архаической эпохи характерно создание разветвленной системы межродовых матримониальных отношений, то с V в. до н. э. (правда, не сразу, а с течением времени) начало выкристаллизовываться нечто иное, полярно противоположное – тенденция к эндогамным бракам внутри рода. Один из многочисленных Алкмеонидов, носивших имя Мегакл, был женат на дочери реформатора Клисфена (которую звали, скорее всего, Кесирой); соответственно, она приходилась ему двоюродной сестрой³³. Двоюродной сестрой Перикла была его первая жена (о ней подробнее см. ниже). Мать и отец великого философа Платона – по происхождению знатнейшего аристократа из бывшего царского рода Кодридов – были по отношению друг к другу дядей и племянницей. Это опять же лишь несколько примеров, взятых почти наугад. Объяснять распространение эндогамии в среде знати, несомненно, следует тем, что аристократия в условиях поступательной утраты ее привилегий предпринимала отчаянные попытки сохраниться, не раствориться в массе демоса и в связи с этим приобретала некоторые черты замкнутой корпоративной группы.

Переходя от брачных практик к общественной жизни в целом, нельзя не отметить, что в демократических Афинах классической эпохи мы почти не встречаем ярких, запоминающихся образов женщин, характерных для аристократических обществ. В афинском полисе этого времени мы, например, не найдем ничего хотя бы в малейшей степени похожего на Артемисию – знаменитую правительницу Галикарнасса (начало V в. до н. э.)³⁴. Артемисия не только возглавляла свой полис (правда, в качестве вассального тирана под персидским суверенитетом), но и отличилась на полях сражений: в 480 г. до н. э. она принимала активное участие в походе Ксеркса на Грецию, в Саламинском морском бою, командуя эскадрой судов, проявила как храбрость, так и стратегическую мудрость. Она как бы своим существованием опровергала расхожие в среде греков-мужчин представления о том, что женщинам чужды мужество и глубокий ум.

Что же касается классических Афин, то в них наиболее прославленной женщиной была, безусловно, Аспасия³⁵. Считается, что она даже принимала участие в политике, разумеется закулисное: легальных способов такого уча-

³³ Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 58.

³⁴ Об Артемисии см.: Беве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 153–154.

³⁵ О ней см. относительно недавнее монографическое исследование: Henry M. M. Prisoner of History: Aspasia of Miletus and her Biographical Tradition. Oxf., 1995.

ствия афинские женщины не имели. В связи с Аспасией прежде всего необходимо отметить, что она являлась фигурой совершенно нехарактерной; ее ни в коей мере нельзя признать типичным воплощением афинянки. Начнем с того, что афинянкой-то в собственном смысле слова она как раз и не была, хотя большую часть своей жизни и провела в Афинах. Аспасия – уроженка Милета, дочь одного из тамошних аристократов по имени Аксиох³⁶. В Афинах гражданских прав она не имела и принадлежала к сословию метэков. Далее, она гетера, причем, что называется, «элитная»; уже это освобождало ее жизнь от множества условностей, сковывавших жизнь женщин-гражданок. Наконец, она подруга и фактическая (хотя и не юридическая, поскольку это было невозможно) супруга Перикла, «первого гражданина».

Помимо прочего, следует сказать, что роль Аспасии в политической жизни Афин, судя по всему, сильно преувеличена авторами древней аттической комедии, нападкам которых она постоянно подвергалась (Plut. Pericl. 24). Противники Перикла относили на счет ее влияния целый ряд предпринятых им непопулярных мер. Так, Аспасию считали ответственной за войну с Самосом 440–439 гг. до н. э. (Plut. Pericl. 25)³⁷, за развязывание Пелопоннесской войны в 431 г. до н. э. (Aristoph. Ach. 524 sqq.; Plut. Pericl. 30). Ей приписывали участие в составлении речей Перикла, в том числе знаменитой «Надгробной речи» (Plat. Menex. 236b).

Разумеется, все эти сведения не следует принимать за чистую монету. Перед нами всего лишь сплетни, циркулировавшие в афинском общественном мнении³⁸. Они, в сущности, отражали распространеннейший стереотип «маскулинной идеологии» всех времен и народов: если где-то что-то не в порядке – *cherchez la femme!* Ведь, согласно парадигматичному греческому мифу, всё зло пришло в мир именно через первую женщину (Пандору)³⁹. Геродот в начале своей «Истории» излагает концепцию, согласно которой весь вековой конфликт Востока и Запада вспыхнул не из-за чего иного, как из-за серии похищений женщин, причем, естественно, «женщин не похитили бы, если бы те сами того не хотели» (Herod. I. 4). Этот геродотовский архетип – похищение женщин как причина развязывания войн – был моментально замечен и подхва-

³⁶ О возможных обстоятельствах переезда юной Аспасии из Милета в Афины см.: Суриков И. Е. Остракизм... С. 262–263.

³⁷ Говорили, якобы Аспасия возбудила Перикла против самосцев, поскольку она была по происхождению милетянка, а Милет с Самосом часто враждовали.

³⁸ О слухах и сплетнях как социокультурном инструменте в Афинах классической эпохи см.: Hunter V. J. Policing Athens: Social Control in the Attic Lawsuits, 420–320 B.C. Princeton, 1994. P. 96–119.

³⁹ Один из последних по времени анализов этого мифа см.: Вернан Ж.-П. Вселенная, боги, люди. М., 2005. С. 84 сл.

чен современниками. В частности, вот как обыгрывает его комедиограф Аристофан – в связи с вопросом о начале Пелопоннесской войны:

...Но вот в Мегарах, после игр и выпивки,
Симефу-девку молодежь похитила.
Тогда мегарцы, горем распаленные,
Похитили двух девок у Аспасии⁴⁰.
И тут война всегреческая вспыхнула:
Три потаскушки были ей причиною.
(Aristoph. Ach. 524 sqq.)

Итак, здесь опять перед нами та же пресловутая Аспасия. Каково было ее действительное влияние на афинскую политику и жизнь, определить крайне сложно. Ясно одно: ее, на взгляд демоса, излишне активное поведение вызывало ярко выраженное неприятие и отторжение, вылившееся в конце концов в судебный процесс против нее⁴¹. Впрочем, после того как процесс закончился оправданием, «карьера» Аспасии отнюдь не закончилась. А после смерти Перикла она еще была женой второстепенного политика Лисикла (Plut. Pericl. 24).

Характерно, что из коренных афинянок рассматриваемого периода можно указать лишь одну, которую допустимо в какой-то степени по ее месту в общественной жизни сопоставить с Аспасией. Это представительница знатного атического рода Филаидов Эльпиника, дочь Мильтиада и сестра Кимона. Выше уже упоминалось о вступлении ее около 480 г. до н. э. в «политический брак» с богатейшим афинянином, потомственным жрецом высокого ранга и знаменитым дипломатом Каллием из рода Кериков. Для более позднего времени известны как минимум два случая ее политического посредничества между Кимоном и Периклом – в 463 и 457 гг. до н. э. (Plut. Pericl. 10; Cim. 14). Первое посредничество привело к оправданию Кимона в возбужденном против него судебном процессе, второе – к его досрочному возвращению из остракизма.

Данный мотив – посредничество Эльпиники между Кимоном и Периклом – был весьма популярен в античной традиции и со временем оброс анекдотическими деталями. Так, согласно Афинею (XIII. 589ef), Эльпиника будто бы даже отдалась Периклу, чтобы добиться возвращения брата из изгнания. Это выглядит совершенно абсурдным, в том числе хотя бы и потому, что на рубеже

⁴⁰ Имеется в виду – из заведения для гетер, которое содержала Аспасия. В связи с этим борделем, кстати, ее судили в конце 430-х гг. до н. э., обвиняя в том, что среди ее «работниц» есть свободные афинские женщины-гражданки. Перикл с трудом вымолил у судей пощаду для своей подруги (Plut. Pericl. 32).

⁴¹ Prandi L. I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle // Aevum. Vol. 51. Fasc. 1/2. 1977. P. 10–26.

460–450-х гг. до н. э. сестра Кимона была, по античным меркам, уже немолодой женщиной (не меньше сорока лет, а скорее – ближе к пятидесяти). Тем не менее, если отбросить атрибуты анекдота и вездесущей сплетни, в основе своей свидетельство об определенной роли этой афинянки в описываемом эпизоде выглядит вполне достоверным. Причем для успеха своей миссии ей даже вряд ли пришлось бы проявлять какую-то экстраординарную уступчивость. Эльпиника (дочь марафонского победителя!) была, пожалуй, самой влиятельной женщиной в афинском полисе рассматриваемой эпохи. Она принадлежала к самому верхнему слою аристократической элиты, возводя свое происхождение по отцовской линии к легендарному герою Аяксу, а по материнской – к фракийским царям; не следует забывать и о том, что она была замужем за богатейшим из граждан. К голосу женщины столь высокого социального статуса не мог не прислушиваться даже Перикл.

Эльпиника, как и Аспасия, подвергалась нападкам со стороны комедиографов (Eupolis fr. 208 Kock; Plut. Cim. 4; 15). На нее тоже возводили самые разнообразные обвинения: в инцесте с Кимоном, в близости с художником Полигнотом, в том, что она в целом была «непорядочной». Причиной подобных наветов, несомненно, была ее сравнительно видная (а следовательно, в глазах большинства мужчин недопустимо видная!) роль в афинской жизни. В традиции об Эльпинике истина настолько переплелась со сплетней, что сама эта традиция во многом стала восприниматься как анекдотичная, недостоверная. Мощным аргументом в пользу ее аутентичности стал относительно недавно опубликованный афинский остракон с надписью: «Пусть Кимон убирается, взяв с собой Эльпинику»⁴². Данный памятник со всей безусловностью свидетельствует, что мотив «Кимон – Эльпиника» не привнесен позднейшими авторами, а современен событиям. Как он прекрасно коррелирует с давно известным нарративным текстом – фрагментом комедиографа V в. до н. э. Евполида! Последний насмешливо пишет о Кимоне (fr. 208 Kock):

...Плохим

Он не был, хоть и был беспечным пьяницей,
Хоть часто ездил даже в Спарту ночевать,
Оставив Эльпинику в одиночестве.

Итак, Эльпиника была лицом, известным широкому кругу граждан демократических Афин, которые, несомненно, негодовали: как смеет женщина вообще «совать свой нос» в такие чисто мужские дела, как переговоры между политическими группировками! Однако надо сказать, что Эльпиника вопло-

⁴² Brenne S. Ostraka and the Process of Ostrakophoria // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 14.

пала какую угодно, но только не афинскую демократическую традицию. Она даже родилась и воспитывалась не в Афинах, а на Херсонесе Фракийском, где ее отец Мильтиад в те годы был тираном. Несомненно, свой вклад в формирование ее личности внесла и мать – Гегесипила, фракиянка царского рода. Эльпиника в таких условиях только и могла усвоить себе аристократические мировоззрение и стиль поведения. Их она и воспроизводила, даже оказавшись в условиях афинской демократии. Иными словами, типичным явлением для своего времени ее уж никак нельзя назвать. Она была, если так можно выразиться, «последней из могикан» уходящей системы ценностей, характеризовавшейся относительным балансом гендерных ролей.

Уже во второй половине V в. до н. э., тем более в IV в. до н. э., женщины-гражданки, подобной Эльпинике, – женщины, не боящейся возвысить голос в публичной ситуации, среди мужчин, – не появлялось и не могло появиться. Перикл в 431 г. до н. э. выражал абсолютно доминирующую установку общественного мнения, когда говорил: «Та женщина заслуживает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин, в порицание или в похвалу» (Thuc. II. 45. 2)⁴³. Эльпиника всей своей жизнью являла противоположность этой максиме. После нее аналогичных примеров мы уже не находим.

Даже женщины, включавшиеся в «политические браки», становятся отныне такими же «молчаливыми», маргинальными женщинами, как и все остальные. Достаточно упомянуть о двоюродной сестре Перикла, представительнице рода Алкмеонидов. Известно о трех замужествах этой женщины⁴⁴. Она была женой Гиппоника из рода Кериков (сына упоминавшегося выше богача Каллия, унаследовавшего его огромное состояние), затем – женой самого Перикла и, наконец, еще какого-то афинянина. В известной степени уникальная «брачная карьера», особенно если учесть, что из трех ее мужей как минимум два были не только представителями высшей знати, но и находились на самой верхушке политической элиты. Казалось бы, трудно представить, что во всех трех случаях она являлась чисто страдательной стороной, простым орудием политических альянсов. И тем не менее, судя по всему, так оно и было. Неизвестно ровно ничего о каких-либо действиях этой женщины. До нас не дошло даже ее имя!

И она – отнюдь не исключение, а правило для своей эпохи, характеризующейся, насколько можно судить, отсутствием «женского действия»⁴⁵. Тради-

⁴³ Подробнее об этом пассаже см.: Суриков И. Е. Адам... С. 28 сл.

⁴⁴ См. о ней: *Cromey R. Perikles' Wife: Chronological Calculations* // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 23. No. 3. 1982. P. 203–213 (отметим, что не со всеми выкладками этой работы мы согласны).

⁴⁵ В 415 г. до н. э. некая Агариста, жена Алкмеонида (заметим, перед нами опять эндогамный брак) донесла на своего родственника Алкивиада в ходе следствия по делу о профанации Элевсинских мистерий (Andoc. I. 16). Но, во-первых, донос – не то действие, которое

ция доносит сведения чуть ли не об одном-единственном смелом, даже нонконформистском поступке женщины во второй половине V в. до н. э. (Plut. Pericl. 28). Когда Перикл успешно осуществил весьма сомнительную с моральной точки зрения акцию – карательную экспедицию против греческого же острова Самос – и с победой возвратился на родину (439 г. до н. э.), «все женщины приветствовали его, надевали на него венки и ленты, как на победителя на всенародных играх»; однако одна из них подошла к «первому гражданину и во всеуслышание сказала: «Да, Перикл, твои подвиги достойны восторга и венков: ты погубил много добрых граждан наших не в войне с финикиянами и мидянами, ... а при завоевании союзного и родственного нам народа». Периклу ничего не оставалось, как довольно неудачно отшутиться. Но кто же была его обвинительница? Не кто иная, как... престарелая Эльпиника!

По иронии судьбы, Перикл сам в конце жизни, уже в период своей тяжелой предсмертной болезни, «подпал под влияние» женщин. Он «показал одному своему другу, навестившему его, ладанку, которую женщины надели ему на шею: он хотел этим показать, что ему очень плохо, раз уж он согласен терпеть и такую нелепость» (Plut. Pericl. 38). «Иррациональные» (как их обычно воспринимали в классической греческой традиции) женщины в данном случае смогли отчасти сломить рациональный дух Перикла. Но влияние, о котором здесь идет речь, было, разумеется, чисто приватным и «домашним», а к сфере общественной жизни не имело никакого отношения.

* * *

В заключение попытаемся вкратце показать, что основной тезис данной работы (чем демократичнее был полис, тем более в нем проявлялось «засилье» мужчин и ничем не ограниченное господство «маскулинной идеологии») верен не только в диахронном, но и в синхронном аспекте. В полисах не столь демократических, как Афины, у женщин было больше возможностей проявлять себя в общественной жизни.

Особенно ярким контрастом Афинам выступала в этом отношении Спарта. В этом жестком, военизированном государстве, где элементы демократии (весьма умеренной, а не радикальной) хотя и были, но отодвигались на задний план принципами дисциплины и иерархии, женщина пользовалась несравненно большей свободой и влиянием. Спартанцы в высшей степени уважали своих жен и матерей (а порой – даже дочерей), во всем прислушивались к их мнению.

может быть поставлено кому бы то ни было в заслугу. Во-вторых, в то время в общественной жизни Афин царила настоящая истерия. Доносили все – и метэки, и даже рабы.

Достаточно вспомнить об одной из самых знаменитых спартак – Горго, дочери царя Клеомена I. Даже когда она была еще девочкой восьми-девяти лет, отец однажды, послушавшись ее совета, изменил свою позицию по важному внешнеполитическому вопросу (Herod. V. 51). В другой раз она сумела разгадать, как прочесть присланное в Спарту секретное послание, хотя все мужчины оказались в затруднении (Herod. VII. 239). Повзрослев, Горго стала супругой следующего спартанского царя – Леонида, известного героя Греко-персидских войн, и, разумеется, оставалась влиятельнейшей женщиной в своем полисе. Как-то ее спросили: «Почему вы, спартанки, единственные из женщин командуете мужами?» – «Потому, что мы единственные и рожаем мужей», – ответила Горго (Plut. Mor. 240e).

Следует отметить: многие греческие авторы всерьез считали, что реальная власть в спартанском государстве находится в руках женщин, а не мужчин. Среди теоретиков, придерживавшихся такой точки зрения, был, например, Аристотель (Pol. II. 1269b12 sqq.), который, в целом весьма высоко ставя существовавшие в Спарте порядки, именно эту черту в них («слишком вольготное положение женщин») активно не одобряет.

Аристотель пишет:

При том государственном строе, где плохо обстоит дело с положением женщин⁴⁶, половина государства неизбежно оказывается незаконной. Это и случилось в Лакедемонне... Женщины в Спарте в полном смысле слова ведут своевольный образ жизни и предаются роскоши... Во время их (спартанцев. – И. С.) гегемонии многое находилось у них в ведении женщины. И действительно, в чем разница: правят ли женщины или должностные лица управляются женщинами? Результат получается один и тот же.

Стагирит, разумеется, несколько сгущает здесь краски. Впрочем, важно указать на то, что в последней из цитированных фраз он делает исключительно ценное и дальновидное наблюдение – о различии между формализованными и неформальными каналами влияния. В целом мы ни в коей мере не планируем подробно рассматривать здесь гендерную ситуацию в спартанском полисе, поскольку статья посвящена афинской проблематике. Заметим только, что в Спарте, судя по всему, за женщинами признавали значительно большую долю рациональности, нежели в Афинах (как показывают уже вышеприведенные эпизоды с Горго)⁴⁷. Наверняка именно по этой причине спартанским жен-

⁴⁶ Характерный нюанс, с головой выдающий «ультрамаскулинную идеологию»: в понимании Аристотеля с положением женщин дело обстоит плохо тогда, когда женщинам «слишком» хорошо.

⁴⁷ Не связано ли это с тем, что более иррациональными были спартанские мужчины – с их немногословием, грубостью, утрированной воинственностью? Это означало бы определенную инверсию гендерных ролей. Вопрос нуждается в специальном исследовании.

щинам, в отличие от афинских, разрешалось владеть собственностью, в том числе и земельной, быть полноценными наследницами. В результате ко времени Аристотеля в женских руках сконцентрировалось около двух пятых всех земель в Спарте⁴⁸ – ситуация, для Афин совершенно немыслимая.

Связь между динамикой гендерного и политического развития налицо. В афинских и спартанских условиях векторы этого развития были противоположно направленными. В Афинах несомненна тенденция к поступательной демократизации. В Спарте же, в которой первоначально элементы демократии были довольно сильны⁴⁹, постепенно шел, напротив, процесс усиления олигархических начал, и чем дальше, тем больше. Гендерная сфера незамедлительно реагировала на изменения. К концу классической эпохи, в IV в. до н. э., положение афинских женщин было хуже, чем когда-либо раньше, а положение спартанских женщин, с их колоссальным землевладением, – пожалуй, лучше, чем когда-либо раньше. Вновь и вновь на разных уровнях подтверждается наличие четко работавшего в полисных условиях механизма: чем больше демократии («политической симметрии»), тем больше гендерной асимметрии, и *vice versa*.

⁴⁸ *Cartledge P. Op. cit.* P. 81.

⁴⁹ Исходный спартанский «конституционный закон» – архаическая Великая ретра, приписывавшаяся легендарному Ликургу, – был для своих времен необычайно демократичным.

УДАЛЯЮЩИЕСЯ АМАЗОНКИ (ГЕНДЕРНАЯ МИФОЛОГИЯ И ГЕНДЕРНАЯ ГЕОГРАФИЯ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ПОТЕСТАРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ)*

Настоящее странствие, милая амазонка,
начинается раньше, чем скрипнула половица,
потому что губы смягчают линию горизонта,
и путешественнику негде остановиться.

Иосиф Бродский

В социуме с предельно ярко выраженным маскулинным характером гендерной идеологии, каким была полисная Греция¹, для женщин, в сущности, вообще не признавалась возможность какой-либо этнополитической идентичности. Дабы это суждение не показалось чрезмерно категоричным, приведем несколько подтверждающих и иллюстрирующих его примеров.

Когда около 630 г. до н. э. жители эгейского острова Феры основывали колонию в Северной Африке (будущую Кирену), в состав колонистов вошли только мужчины: от каждой ферейской семьи, в которой было два и более сына, один должен был отправиться с колонизационной экспедицией (Herod. IV. 154). Женщин с собой не брали, поскольку предполагалось, что, прибыв на новое место, поселенцы возьмут там жен из числа туземных жительниц². Несомненно, именно так и поступили, поскольку колония не прекратила существование, а, напротив, со временем достигла значительного процветания.

Насколько можно судить, такова вообще была общепринятая (или, по крайней мере, преобладающая) практика эллинов в период Великой греческой колонизации. Первые колонисты с Эвбеи, еще на самой заре колонизационного движения (1-я половина VIII в. до н. э.) прибывшие осваивать островок Исхию (Питекуссы) у берегов Италии, тоже, судя по всему, не везли с собой женщин

* Впервые опубликовано в: Адам и Ева: Альманах гендерной истории. № 17. 2009. С. 7–39.

¹ Подробнее см.: Суриков И. Е. Адам и... Адам (К вопросу о специфике гендерных ролей в условиях античного греческого полиса) // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. № 12. 2006. С. 23–47; *Он же*. Динамика гендерной ситуации в аристократических и демократических Афинах // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. № 14. 2007. С. 87–112.

² Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 43–44.

и, обосновавшись, вступили в браки с местными италийскими уроженками³. Такого рода обычаи были в нарративной традиции греков экстраполированы и на более далекое прошлое. Так, Геродот (I. 146) пишет, что, когда заселялась эллинами малоазийская Иония (а это рубеж II–I тыс. до н. э.), «ионяне... не привели с собой на новую родину женщин, но женились на кариянках, родителей которых они умертвили... Умертвили их отцов, мужей и детей, а затем взяли их в жены. Всё это произошло в Милете». Разумеется, это последнее сообщение надлежит воспринимать не как изложение реально имевшего место события⁴, а как манифестацию принятых в данной культуре представлений о «должном».

Следует подробнее остановиться на том, какая именно система взглядов лежала в основе описанной практики. Известно, как античные греки пеклись о сохранении и воспроизводстве своей этнополитической идентичности. И преуспевали в этом! В каком бы уголке ойкумены они ни оказывались, повсюду они с завидным постоянством придерживались общего и одинакового в основе образа бытия, включавшего полисную организацию, язык (лишь очень незначительно варьировавший от диалекта к диалекту), четко определенный набор религиозных и культурных ценностей. Повсюду эллины сознательно оказывались в отношениях противостояния к прочим – «варварским» – этносам. Однако, как видим, это противостояние не распространялось на женщин. Мужчин «варваров», как видно из цитированного фрагмента Геродота, в идеале считалось оптимальным просто истребить. А вот от женщин, очевидно, не ждали никакой угрозы. Ливиянок, италиянок, кариянок не только оставляли в живых – их брали в собственные семьи, делали законными женами, не боясь, что это приведет к подрыву «этнической чистоты». И эта последняя, действительно, никоим образом не подрывалась. Выходцы из смешанных греко-«варварских» семей являлись полноценными эллинами в любом отношении – по образу жизни и мысли, по языку и воспитанию, по самосознанию.

Достаточно припомнить одного из таких выходцев, уже упоминавшегося чуть выше, – «отца истории» Геродота. Он родился и вырос в малоазийском Галикарнассе, как раз «на стыке» греческого и древневосточного миров. Отца будущего историка звали Ликсом – имя карийское (это, разумеется, еще не означает, что Ликс был карийцем). В галикарнасском полисе благодаря поддерживавшейся много веков традиции брачных связей между представителями двух живущих вместе народов (карийцы составляли население одного из рай-

³ Coldstream J. N. *Geometric Greece: 900–700 BC*. 2nd ed. L.; N. Y., 2003. P. 395.

⁴ О легендарных напластованиях в веками складывавшейся традиции об ионийской миграции в Малую Азию см.: Roebuck C. *Ionian Trade and Colonization*. N. Y., 1959. P. 26 ff.

онов Галикарнасса – Салмакиды⁵) сложилась своеобразная греко-карийская среда. Но таковой она была только, если можно так выразиться, «по крови», отнюдь не по культуре. Геродот получил чисто греческое имя, равно как и его брат Феодор. Имя дяди Геродота – Паниасид – было, правда, карийским, но сам этот дядя являлся одним из крупнейших *греческих* эпических поэтов, равно как племянник – одним из крупнейших *греческих* историков.

К чему мы, собственно, хотим подвести читателя этими размышлениями? Создается впечатление – и, насколько можно судить, оно верно, – что в греческом мире женщины воспринимались как обладающие фактически «нулевой идентичностью» (или близко к тому) и, соответственно, полностью перенимающие идентичность мужчин. Женщина из «варваров» совершенно без проблем включается в греческий этнополитический коллектив, становится «эллинкой». При этом мужчине-«варвару», напротив, «стать эллином» было весьма сложно (хотя и возможно); для этого он должен был полностью сменить идентичность (нередко вплоть до смены имени). Женщине же в этом отношении менять было просто нечего, поскольку, повторим и подчеркнем, ее идентичность была «нулевой».

Женщина в полисном мире – своеобразная *tabula rasa*, на которой можно написать всё что угодно. Весьма релевантна в данном смысле популярная в античной традиции метафора, уподобляющая женщину полю, ниве, которую возделывает – вспахивает и засеивает – мужчина⁶. Отсюда, кстати, большая вариабельность социальных ролей греческих женщин («богини, блудницы, жены и рабыни», как назвала свою знаменитую книгу Сара Померой⁷). Нельзя, впрочем, не обратить внимания и на то, что это – вариабельность *маргинальных* ролей, группирующихся вокруг основного статуса, доступного только мужчине, статуса гражданина-воина-крестьянина⁸. Этот мужской статус, в отличие от женских (и, кстати, детских), не варьировал без серьезного ущерба для идентичности.

В связи со сказанным перейдем к другой группе примеров. В древнегреческой военной истории не были уникальными случаи, когда один полис, одержав победу над другим, прибегал к такой чудовищной по нашим современным

⁵ См. схему античного Галикарнасса с указанием местоположения Салмакиды: Cook J. M. The Greeks in Ionia and the East. L., 1962. P. 151.

⁶ Анализ этой метафоры см.: Just R. Women in Athenian Law and Life. L.; N. Y., 1989. P. 230 ff.

⁷ Pomeroy S. B. Goddesses, Whores, Wives and Slaves: Women in Classical Antiquity. L., 1994.

⁸ О принципиальной важности именно этого статуса для греческой полисной античности см.: Wood E. M. Peasant-Citizen and Slave: The Foundations of Athenian Democracy. L., 1988.

критериям мере, как полная физическая ликвидация населения потерпевшего поражение города – с целью завладеть его территорией и на будущее обезопасить себя от претензий со стороны бывших жителей, если ситуация изменится. Наиболее известен мелосский инцидент 416 г. до н. э. (период Пелопоннесской войны), когда афиняне, захватив эгейский остров Мелос, устроили именно поголовную резню⁹; но этот инцидент был далеко не единственным, и отнюдь не только Афины так поступали. А нам хотелось бы обратить внимание на ту деталь, что на Мелосе «афиняне перебили всех взрослых мужчин и обратили в рабство женщин и детей» (Thuc. V. 116. 4); так поступали и всегда в случае подобной расправы. Перед нами еще одно свидетельство в пользу того, что от женщин не ждали никакой грядущей угрозы, потому и не считали нужным их истреблять. Мужчин, конечно, тоже можно было обратить в рабство, но этого не делали, поскольку такой раб сохранял память о своей прежней идентичности и при удобном случае попытался бы ее восстановить. Женщины же (и дети), с их «нулевой идентичностью», легко переводились из одного статуса в другой, максимально далекий от прежнего.

В высшей степени характерны слова, принадлежащие не кому иному, как Периклу, который был не только крупнейшим политическим деятелем афинской демократии, но и, между прочим, одним из наиболее прогрессивно мыслящих людей своего времени: «...та женщина заслуживает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин, *в порицание или в похвалу*» (Thuc. II. 45. 2; курсив наш. – И. С.). Иными словами, идеальная женщина – это такая, идентичность которой по возможности никак не проявляется, которой как бы и вовсе нет для общества. От этих абсолютно господствующих представлений не мог отрешиться даже Перикл.

Одним из ключевых компонентов идентичности является имя. А в полисной Греции, следует отметить, официальное имя гражданина обязательно маркировало не только личную, но и этнополитическую идентичность, включая в себя в качестве неотъемлемого элемента т. н. этникон – обозначение принадлежности к государству (например, «Перикл, сын Ксантиппа, афинянин» и т. п.). С женщинами и в данном отношении дело обстояло существенно иначе, чем с мужчинами. Особенно важно то, что имена порядочных женщин употреблять в публичном дискурсе было вообще, как правило, не принято¹⁰. Из этого, кстати, проистекает небезыңтересное последствие: принятая традиция отнюдь не способствовала сохранению в исторической памяти женских

⁹ О мелосском инциденте см. в недавней книге: Will W. Der Untergang von Melos: Machtpolitik im Urteil des Thukydides und einiger Zeitgenossen. Bonn, 2006.

¹⁰ Schaps D. The Woman Least Mentioned: Etiquette and Women's Names // Classical Quarterly. Vol. 27. No. 2. 1977. P. 323–330; Bremmer J. Plutarch and the Names of Greek Women // American Journal of Philology. Vol. 102. No. 4. 1981. P. 425–426.

имен. По подсчетам ученых, из 62 360 известных из источников жителей Афин (за всю историю полиса) мужчин 56 617, а женщин лишь 5 691, то есть в десять (!) раз меньше¹¹. Не иначе было и в других полисах. Отчасти ситуацию можно, конечно, объяснить за счет того, что, судя по всему, женщин в греческих полисах – по ряду различных причин – было действительно меньше, чем мужчин¹². Но это именно только частичное объяснение: ведь не десятикратным же численным превосходством обладали мужчины! В основном играли роль все-таки не причины демографического порядка, а гендерный менталитет. «Никий, Демосфен, Ламах, Формион, Фрасибул, Ферамен – мы нигде не встречаем даже имени матери хотя бы одного их них» (Plut. Alc. 1). А ведь здесь перечислены очень видные деятели афинской истории.

Таков был заведенный «от века» порядок, представлявший единственно возможным. Именно по отношению к этому общему порядку роль своеобразного полярно противоположного «антимира» играла комплексная мифологема амазонок, к некоторым релевантным аспектам которой мы сейчас непосредственно и переходим.

* * *

Цикл древнегреческих мифов об амазонках, женщинах-воительницах, весьма обширный и разветвленный, отразился в целом ряде античных нарративных источников¹³. Амазонки появляются в мифологии как сами по себе, так и в связи со славными деяниями знаменитейших легендарных героев (Геракла, Тесея, Беллерофонта, Ахилла и др.), чьими достойными противниками они выступают.

Исключительно важной чертой мифов об амазонках представляется нам то, что они и отраженные в них события – пожалуй, в большей степени, чем другие мифы, – воспринимались эллинами как не отошедшие в прошлое, сохраняющие актуальность для современности. Если Троянская война, подвиги Геракла, взятие Фив эпигонами и т. п. были «делами давно минувших дней», то амазонки, по представлениям греков классической и даже более поздних

¹¹ Matthews E. Making the Book Again // A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P. M. Fraser, E. Matthews. Vol. 2. Attica / Ed. by M. J. Osborne, S. G. Byrne. Oxf., 1994. P. VI.

¹² Pomeroy S. B. Op. cit. P. 227–230.

¹³ Наиболее полную сводку источникового материала содержат две большие статьи в классических энциклопедических изданиях, которые в основном и по сей день не устарели, остаются основополагающими: Roscher W. Amazonen // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Bd. 1. Lpz., 1884–1900. Sp. 267–279; Toepffer J., Graef B. Amazones // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 1. Stuttgart, 1894. Sp. 1754–1789.

эпох, по-прежнему продолжают где-то обитать (где именно – об этом как раз и пойдет речь ниже).

Мифы об амазонках подвергались постоянной актуализации, и самым ярким свидетельством этому служит огромное обилие сцен из них в древнегреческом изобразительном искусстве¹⁴. Одним из излюбленных скульпторами и живописцами сюжетов, воспроизводившимся снова и снова, была амазономехия – сражение эллинов с амазонками. Особенно часто данный сюжет встречается в Афинах V в. до н. э., а конкретнее – в период так называемой Пентеконтаэтии (480–431 гг. до н. э.), т. е. после самых славных побед в Греко-персидских войнах. Как известно, в этот период достигает своего апогея политическое звучание мифов, связанных с главным афинским «национальным» героем – Тесеем¹⁵. Среди подвигов последнего числилась победа над амазонками, даже две (наиболее подробное изложение соответствующих мифов см.: Plut. *Thes.* 26–28). И именно она, что характерно, начинает постепенно всё более выдвигаться на первый план среди «тесеевских» сюжетов.

Это нетрудно проследить на примерах конкретных памятников искусства. В знаменитом Расписном портике на афинской Агоре находилась картина художника Микона, изображавшая битву афинян с амазонками (Paus. I. 15. 2). Тот же Микон (или Полигнот) написал картину на аналогичный сюжет, украшавшую храм Тесея в Афинах (Paus. I. 17. 2). Это произведения 460-х гг. до н. э., то есть эпохи Кимона. А позже, при Перикле, тема амазономехии и амазонок становится едва ли не еще более популярной. Так, великолепную бронзовую статую амазонки создал афинский скульптор этого времени Стронгилион (Plin. *Nat. hist.* XXXIV. 82).

Но в наибольшей степени тема амазономехии связана с именем великого современника и сподвижника Перикла – Фидия. Он, в частности, использовал данную сюжетную схему в скульптурном убранстве Парфенона. Метопы западного фасада храма были посвящены именно битве с амазонками¹⁶. Еще более важно, что амазономехия была запечатлена на щите храмовой статуи – прославленной хрисоэлефантинной Афины Парфенос. Семантическая нагрузка этого изобра-

¹⁴ Наиболее полное исследование этого аспекта проблемы – в монографии: *Bothmer D. von. Amazons in Greek Art.* Oxf., 1957.

¹⁵ О популярности образа Тесея в Афинах V в. до н. э. существует колоссальная литература, которую мы здесь приводить не будем, а интересующихся отошлем к ссылкам в других наших работах: *Суриков И. Е.* Перикл, Амик и амазонки // Из истории античного общества. Вып. 6. Нижний Новгород, 1999. С. 152. Прим. 11; *Он же.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 358–359. Прим. 150, 152, 154.

¹⁶ *Колпинский Ю. Д.* Великое наследие античной Эллады и его значение для современности. М., 1988. С. 107; *Маринович Л. П., Кошеленко Г. А.* Судьба Парфенона. М., 2000. С. 136 сл.

жения колоссальна по целому ряду причин. Не говоря уж о его месте в «святая святых» главного аттического святилища, напомним о том, что в облике Тесея скульптор изобразил именно Перикла, поместив рядом и свой собственный автопортрет (Plut. Pericl. 31)¹⁷, возможно в образе Дедала. Иными словами, на щите Афины Фидий воплотил в художественной форме идеологическое обоснование политики Афин.

Знаменитейший греческий ваятель разрабатывал тему амазонок и за пределами родного полиса. Так, декор другой фидиевской колоссальной хрисо-элефантинной скульптуры – статуи Зевса в Олимпии, вошедшей в число «семи чудес света»¹⁸, – включал сразу две сцены амазономахии: на перекладинах между ножками трона (Paus. V. 11. 4) и на скамье под ногами бога (Paus. V. 11. 7). Подчеркнем по ходу изложения, что важно даже не столько большое количество памятников с изображениями амазономахии, сколько, так сказать, качество этих памятников: всё это – монументы первостепенного значения, причем не только художественного, но и религиозного, и идеологического, и политического. Речь идет не о каких-нибудь частных произведениях искусства, а, выражаясь современным языком, о памятниках монументальной пропаганды, имевших несомненное программное звучание.

Наконец, следует упомянуть и об участии Фидия в известном конкурсе на лучшую скульптуру раненой амазонки (Plin. Nat. hist. XXXIV. 53). Конкурс, имевший место, по наиболее вероятной датировке, около 440–437 гг. до н. э.¹⁹, проходил в малоазийском Эфесе – городе, который политически в то время был под контролем Афин, а исторически находился в особенно тесной связи с мифологией амазонок, о чем еще пойдет речь ниже. На состязание, наряду с Фидием, представили свои статуи амазонок и другие прославленные художники, в том числе Поликлет Старший, создатель канонического «Дорифора», а также еще один скульптор из ближайшего окружения Перикла – Кресилай. Этот последний был критянином по происхождению, но работал преимущественно в Афинах; именно ему принадлежит тот самый бюст Перикла (Plin. Nat. hist. XXXIV. 74), который в копиях дошел до нашего времени и, став, можно сказать, хрестоматийным, репродуцируется повсюду, где упоминается об этом знаменитом деятеле афинской демократии.

¹⁷ *Hafner G.* Anakreon und Xanthippos // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.* 1956. Bd. 71. S. 18.

¹⁸ О хронологическом соотношении создания Фидием статуй Афины и Зевса см.: *Суриков И. Е.* Олимпийские игры и греческая скульптура конца VI–V в. до н. э. // *Античность: общество и идеи.* Казань, 2001. С. 270 сл.

¹⁹ *Таронян Г. А.* Примечания // *Плиний Старший.* Естествознание. Об искусстве. М., 1994. С. 295–296. Там же показано, что сомневаться в историчности конкурса нет оснований.

Саму идею организации на востоке Афинской морской державы подобного рода конкурса вряд ли можно назвать случайной. Вне всякого сомнения, это был очередной, хорошо продуманный шаг в культурной политике Афин. Отметим еще, что в тот же рассматриваемый нами период сцены с амазонками становятся исключительно популярными и в афинской вазописи²⁰. При этом проявляется одно существенное новшество в иконографии сюжета. Если на более ранних изображениях атакующей стороной в битве представляли амазонки, а обороняющейся – греки, то на изображениях более поздних последние переходят в наступление. И это глубоко симптоматично.

В целом не приходится сомневаться, что в V в. до н. э. сцены амазономании символизировали грандиозные победы эллинов над державой Ахеменидов в Греко-персидских войнах. Однако следует подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело с одним конкретным, частным применением более общего мотива. На самом деле семантика образа амазонок значительно шире. Этот образ совершенно не обязательно воплощает в себе именно персов (тем более что он сложился в мифологии греков задолго до того, как персы появились на их военно-политическом «горизонте»). Повторим, речь следует вести о символическом изображении не только персов, но «варваров» вообще. Пожалуй, можно решиться даже на еще более широкую постановку вопроса: амазонки – образ *Иного*.

Для мифологического по своим корням мышления греков, столь часто оперировавшего бинарными оппозициями²¹, имело принципиальное значение противопоставление «Мы – Они», «наше – иное». К этой особенности в последнее время оказывается привлечено достаточно пристальное внимание специалистов²². «Иные» репрезентировались как противоположность «нам», мир этих «иных» выглядел в значительной мере «антимиром», в котором «всё не так, как у людей». Достаточно вспомнить известное описание Геродотом Египта, из которого получается, что

²⁰ Matheson S. B. Polygnotos and Vase Painting in Classical Athens. Madison, 1995. P. 234–244.

²¹ Подробнее см.: Суриков И. Е. Геродот и «похищение Европы»: первый грандиозный этноцивилизационный миф в истории Запада // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 21. Спец. вып. Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М., 2007. С. 149–160.

²² Особенно большое значение имело исследование Франсуа Артога (*Hartog F. Le miroir d'Hérodote: Essai sur la représentation de l'autre*. P., 1980). Хотя книга посвящена преимущественно Геродоту, но в ней поставлен и целый ряд вопросов общего характера. Это обстоятельство в совокупности с большой новизной постановки вопроса и принципиальной важностью выводов привело к тому, что работа Артога оказала большое влияние не только на антиковедов, сразу став фактически классической.

...подобно тому, как небо в Египте иное, чем где-либо в другом месте, и как река у них отличается иными природными свойствами, чем остальные реки, так и нравы и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям остальных народов (Herod. II. 35).

Мифологема амазонок – это, конечно же, мифологема инаковости, а именно гендерной инаковости. Причем в первую очередь в сфере потестарных отношений. Если у «нормальных» греков, как мы отмечали выше, женщины обладали нулевой этнополитической идентичностью, то в мире амазонок этнополитическая идентичность женщин абсолютна. В этом мире женщины – и только они! – полностью составляют и исчерпывают собой этнос, социум и потестарное образование. Больше в их мире никого нет.

* * *

Вопрос о причинах складывания мифологемы амазонок (кстати говоря, имеющей параллели в фольклоре ряда других культур) неоднократно ставился в историографии, но ответ на него чаще всего давался в чисто позитивистском социологическом ключе: главную роль здесь сыграло знакомство (или воспоминания о когда-то имевшем место знакомстве) греков с какими-либо народами, у которых сохранялись элементы «матриархата» (понимаемого в данном контексте как прямая гинекократия)²³.

Такие этносы действительно иногда попадали в «поле зрения» греков, хотя и редко. К их числу относятся, например, сарматы (савроматы)²⁴. Не случайно эти последние в конечном счете оказались связаны в античной мифологии с амазонками (см. ниже). Однако, подчеркнем, только в конечном счете. Сами же мифы об амазонках появились у эллинов намного раньше (они надежно зафиксированы уже у Гомера), чем те узнали о существовании сарматов.

Поэтому возникла более утонченная и одновременно парадоксальная версия о том, что мифы об амазонках стали «формой сохранения в коллективной памяти информации о хеттской государственности и культуре»²⁵. Парадоксальная потому, что у хеттов, народа, создавшего во II тыс. до н. э. могущественную

²³ Эти взгляды наиболее подробно развивал Бахофен в своем знаменитом «Материнском праве».

²⁴ Подробнее см.: *Граков Б. Н.* ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. № 3. 1947. С. 100–121.

²⁵ *Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 274. В этой же книге (с. 271–302) см. наиболее детальный в отечественной историографии разбор проблемы, с указаниями на предшествующую литературу. Авторы и сами придерживаются «хеттской» точки зрения на амазонок, имеющей почтенную, более чем вековую историю.

державу на востоке Малой Азии, гинекокрации вроде бы не зафиксировано. Это было еще неясно, когда впервые появилась «хеттская» гипотеза (в 1888 г.), поскольку тогда изучение цивилизации хеттов еще только-только начиналось. Но с тех пор оно значительно продвинулось вперед, и можно с уверенностью утверждать, что государственное устройство Хеттского царства отнюдь не основывалось на «власти женщин».

Соответственно, адепты точки зрения, связывающей амазонок с хеттами, вынуждены прибегать для подкрепления своих взглядов к довольно косвенной аргументации. Среди их доводов – традиционная иконография хеттов без бород и в длинных, как бы женских одеждах, хеттские изображения женских военных божеств, например скачущей на коне богини Иштар, некоторые другие хеттские образы, которые (довольно искусственно, на наш взгляд) притягиваются к тому же циклу мифов об амазонках (странный женоподобный воин на воротах в хеттской столице Хаттусе, процессия женских божеств, шествующих навстречу мужским божествам, на стене святилища в Язылыкяя), достаточно высокий статус цариц у хеттов и т. п.

Нетрудно заметить неспецифичность всех подобных аргументов: каждая из перечисленных особенностей может быть отнесена отнюдь не только к хеттской культуре. Очень многие народы изображались и изображали себя без бород и в длинных одеждах; в очень многих древних обществах (в том числе у самих же греков!) наблюдается поклонение женским военным богам; отнюдь не редкая картина – и высокий статус цариц (из которого, между прочим, никоим образом не вытекает высокий статус женщин в целом). Иными словами, ни одно из соображений, выдвинутых сторонниками гипотезы «хеттов-амазонок», взятое по отдельности, не обладает сколько-нибудь серьезной доказательной силой, да и будучи собраны все вместе, эти соображения не прибавляют в убедительности.

Но на какой исходной базе основана сама эта концепция, что послужило основанием для ее выдвижения? Тот постулат, что будто бы «миф об амазонках... совпадает с историческими путями расселения хеттов»²⁶. Однако так можно сказать разве что в самом общем смысле: хетты жили в Малой Азии и амазонок мифологическая традиция часто локализует на том же полуострове. Подчеркнем: часто, но не всегда (см. ниже). В любом случае «пути» хеттов и амазонок скорее не совпадают, а противоположно направлены. Хетты в Малой Азии распространяли свое влияние с востока на запад и, таким образом, приближались к грекам. Амазонки же, как мы увидим из дальнейшего изложения, по мере эволюции связанной с ними мифологии, наоборот, от греков «удалялись».

²⁶ Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Указ. соч. С. 273.

Мягко говоря, является натяжкой и суждением, согласно которому хеттская столица Хаттуса находилась «совсем недалеко»²⁷ от Фемискиры на реке Фермодонт – в конкретной местности, где греки чаще всего помещали царство амазонок. Достаточно беглого взгляда на карту древней Малой Азии, чтобы убедиться: эти пункты никак нельзя назвать близкими до такой степени, чтобы в традиции они могли совпасть. А старое предположение, что именно в районе Фермодонта путь из центральных областей Хеттской державы выходил на побережье Черного моря, можно считать давно опровергнутым: М. И. Максимовой удалось аргументированно показать, что маршрут этого пути был иным, не через Фермодонт²⁸.

Итак, все рассмотренные умозаключения в пользу «хеттской версии» выглядят достаточно шаткими. Не случайно Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский – приверженцы данной точки зрения – вынуждены все-таки признать возможность того, что ассоциация амазонок с хеттами не первична, что

...«царство женщин», исконно представлявшее один из фольклорных «миров на выворот», вроде мира людей с псыими головами или мира воюющих с журавлями пигмеев, благодаря своеобразию культурной реальности, с которой греки столкнулись в Анатолии, оказалось спроецировано ими в историческое прошлое, где вторично приобрело *условный* (курсив наш. – И. С.) прототип в виде Хеттского царства²⁹.

Весьма резонная и важная оговорка, которая, кстати говоря, фактически сводит на нет всю «хеттскую» концепцию амазонок или, по меньшей мере, указывает на вполне условный характер этой концепции. Интересно еще то, что из подобной постановки вопроса вытекает констатация чрезвычайно большой древности древнегреческой мифологемы амазонок, которая, получается, существовала уже на момент знакомства ахейцев с хеттами во второй половине II тыс. до н. э.

Наконец, привлечем внимание к решающему обстоятельству, препятствующему напрямую соотнести мифологический «социум» амазонок с любым из реально существовавших «матриархальных» обществ. В мире амазонок нет гинекократии как таковой, господства женщин над мужчинами. В этом мире мужчины не подвластны женщинам – мужчины попросту физически *отсутствуют*, как мы и отмечали выше. Каким образом возникла и, главное, воспроизводилась подобная ситуация – на сей счет существуют различные интерпретации в античной мифологической традиции, на которых мы здесь останавли-

²⁷ Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Указ. соч. С. 273.

²⁸ Максимова М. И. К вопросу о выходе хеттов на южный берег Черного моря // ВДИ. № 4. 1948. С. 24–34.

²⁹ Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Указ. соч. С. 274.

ваться не будем. Но подчеркнем: сама ситуация, разумеется, возможна только в мифе, но не в реальной жизни.

Нам поэтому представляется в основе своей верной (хотя, может быть, и несколько упрощенной) иная точка зрения: мифы об амазонках – «по всей вероятности, не более чем распространенные легенды путешественников об отдаленных иноземных народах, у которых всё наоборот»³⁰. Да, мир амазонок – повторим снова и снова – «антимир», противопоставленный миру «нормальному». Точнее, один из многочисленных «антимиров» греческой мифологии, в чем-то подобный другим, например миру кентавров – диких, необузданных и чуждых культуре полузверей-полулюдей, весьма схожему с ним миру циклопов и т. п. Все эти «антимиры» мыслятся находящимися в отношениях постоянной враждебности к миру людей, в военных столкновениях с ними.

Вполне закономерно, например, что сцены кентавромахии не менее распространены в классическом греческом искусстве, чем сцены амазономохии, и зачастую соседствуют с ними. В подобных сценах с помощью разных изобразительных кодов выражается, в сущности, аналогичное содержание, разве что чуть различающееся по нюансам. Причем речь идет именно о расхождении в *гендерных* нюансах. Кентавры характеризуются мифологической традицией как существа с гипертрофированной маскулинностью; их излюбленное занятие – похищение женщин. Собственно, в основном из таких похищений и состоит вся мифология кентавров, и на их почве происходят частые стычки «контеллюдей» с эллинами. Кентавры, кстати, и появились, согласно мифам, от незаконной и кощунственной любовной связи: герой Иксион пытался овладеть самой верховной богиней Герой, но Зевс, обманув его, подослал под видом Геры тучу. Плодом данной связи и стали кентавры. Интересно, что в их мире, кажется, совсем нет собственных женщин – подобно тому, как в мире амазонок нет собственных мужчин. Как видим, мифологические «антимиры», противопоставленные миру людей, могут оказываться в отношениях полярности также и друг к другу.

Если кентавры «гипермаскулинны», то общество амазонок как раз до предела, до *non plus ultra* феминизировано. Именно оно в этом смысле оказывается наиболее противопоставленным в гендерном плане реальному обществу эллинских полисов. В последних, подчеркнем сделанное выше наблюдение, женщина как бы отсутствует для общества; в государстве же амазонок отсутствует мужчина, причем даже не «как бы», а без оговорок.

³⁰ Rose H. J., Robertson C. M. *Amazons* // The Oxford Classical Dictionary. 2 ed. Oxf., 1976. P. 50.

Если уж считать, что у амазонок имелся прототип, то он скорее был не реальным, а мифологическим: это нимфы – спутницы богини-лучницы Артемиды³¹. Вполне закономерно, что излюбленное оружие самих амазонок – именно лук и стрелы.

* * *

В архаических картинах мира оппозиция «мы – они», как правило, тесно сопряжена с оппозицией «центр – периферия»³². Мир чуждого всегда располагается на окраинах знакомого, привычного, уютного «собственного» мира, как бы окружает его. Античные греки, разумеется, не были исключением, и у них также сложились соответствующие представления. Причем сложились они весьма рано, уже ко времени Гомера. Особенно ярко это проступает в «Одиссее»: заглавный герой поэмы, волею богов выйдя за пределы «человеческой» ойкумены, немедленно попадает к разного рода «нелюдям», будь то великаны (киклопы, лестригоны), одинокие богини-волшебницы (Кирка, Калипсо), чудовищные териоморфные или миксантропические существа³³ (сирены, Скилла и Харибда), души мертвецов, наконец, «блаженные» (лотофаги, феаки).

Амазонки ни под одну из этих категорий не попадают. Однако, поскольку они – тоже «иные», вполне справедливо суждение, что и они в мифологической традиции «всегда помещены на границах известного мира»³⁴. Им просто положено находиться на периферии, и в этом проявляется безусловная связь географических, мифологических и гендерно-потестарных представлений.

Однако к только что процитированному, в целом вполне верному, тезису хотелось бы добавить немаловажное уточнение. Имеется возможность проследить *динамику* локализации амазонок в греческих мифах и дать этой динамике комплексную, по возможности непротиворечивую интерпретацию. Принципиальный вектор динамики, о которой идет речь, символически обозначен нами

³¹ О связи нимф с Артемидой и, более того, о происхождении самого образа Артемиды в результате трансформации обобщенного образа нимфы см. в книге великого историка древнегреческой религии: *Нильссон М. П.* Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 19–25. Ссылка дана *exempli gratia*, поскольку Нильссон повторял эту мысль из работы в работу.

³² См. об этой оппозиции применительно к греческому полису: *Суриков И. Е.* Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса // *Восточная Европа в древности и средневековье: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе.* М., 2006. С. 181–186.

³³ Об общей мифологической семантике подобных образов см.: *Штейнер Е. С.* О роли иконической знаковой деятельности в сложении мифологических образов (териоантропоморфные существа) // *Жизнь мифа в античности.* Ч. 1. М., 1988. С. 266–277.

³⁴ *Rose H. J., Robertson C. M.* Op. cit. P. 50.

в заголовке статьи – «Удаляющиеся амазонки»; здесь мы, собственно, выходим на один из главных, если не самый главный аспект проблематики данной работы, к которому постепенно подходили.

Жизнь древнегреческой цивилизации характеризовалась постоянной территориальной экспансией. Эллина в ходе почти непрерывного «продвижения вперед» на различных направлениях знакомились с новыми землями и осваивали их, расширяли границы известного им мира. Этот факт прекрасно всем известен и ясен почти до тривиальности. Но какое воздействие оказывал он на мифологическую географию? Последствия экспансии тоже достаточно недвусмысленны: с продвижением людей «нелюди», «иные» должны были отступать всё дальше.

Именно так и происходило с амазонками, что мы намереваемся теперь показать на конкретном источниковом материале. В мифологии амазонок прослеживаются несколько хронологически неодновременных пластов – от наиболее архаичных до сложившихся позднее. Подчеркнем: большая или меньшая древность того или иного «мифологического слоя» далеко не всегда напрямую соответствует относительной хронологии источников, из которых мы черпаем информацию по соответствующим мифам. Так, Страбон, Диодор Сицилийский, Плутарх или Павсаний в каких-то случаях сохранили для нас более архаичные варианты мифов, чем, скажем, те, которые представлены у Геродота, – и это несмотря на то, что перечисленные авторы жили и творили на несколько веков позже «отца истории».

Амазонки традиционно ассоциируются с миром Востока; там они и локализованы в наиболее многочисленных и наиболее распространенных сказаниях об этом «народе женщин». Однако, насколько можно судить, у некоторых античных авторов отражен наиболее древний пласт преданий об амазонках; там последние связаны не с Востоком, а с теми или иными территориями в самой Балканской Греции.

Так, на самом юге Пелопоннеса, в Лаконике, почитался Аполлон Амазоний, причем, по сообщению периегета Павсания (III. 25. 3), в виде деревянной статуи (ксоана), какие делались на самых ранних этапах развития греческой скульптуры. Тут же Павсаний отмечает, что другим ксоаном, почитавшимся в этой местности, была статуя Артемиды Астратеи, «потому что амазонки прекратили здесь свой дальнейший поход (стратею)». Классические варианты мифов об амазонках не доводят их походы до такого далекого от Малой Азии пункта, как Лаконика. Но здесь перед нами, повторим, следы какой-то очень древней легенды (подтверждение древности – само наличие ксоанов).

Какая-то связь с амазонками смутно прослеживается и в мифологии некоторых других регионов Пелопоннеса – полуострова Акта на северо-востоке полуострова (Paus. II. 32. 9), в Мегарах, где показывали гробницу амазонок

(Plut. Thes. 27). Если обратиться к более северным регионам Балканской Греции, то пальму первенства по количеству их «следов», бесспорно, держит Атика (Aeschyl. Eum. 688 sqq.; Plut. Thes. 27: Paus. I. 2.1; I. 41. 7), но тому есть объяснение, не побуждающее прибегать к поиску архаичных пластов: подчеркивавшаяся афинянами связь, которую их главный герой Тесей имел с амазонками. Амазонкой была, в частности, одна из многочисленных жен Тесея (имя ее источниками передается по-разному). А поскольку становление развитой мифологической традиции о Тесее – дело достаточно позднего времени (VI и особенно V в. до н. э.) и связано с появлением афинской демократии, морским владычеством Афин и т. п., входящие в эту традицию мифологические элементы мало помогают при идентификации древнейшей «мифологической географии» эллинского мира.

Нам, таким образом, резоннее обратиться к греческим областям за пределами Аттики. На острове Эвбея (у берегов Средней Греции), в городе Халкиде, была местность, именуемая Амазонием (Plut. Thes. 27). В Беотии, близ Херонеи (родины Плутарха), также обнаруживали «следы» пребывания амазонок (Ibid.; Plut. Demosth. 19). Ручей, в плутарховские времена называвшийся Гемон, в прошлом носил, по свидетельству самого херонейского биографа, иное название – Фермодонт, а данный топоним, в каком бы месте ойкумены он ни обнаруживался, всегда отчетливо увязывался с амазонками, поскольку немедленно возникала ассоциация с малоазийским Фермодонтом – рекой амазонок. В этих местах, как сообщает тот же Плутарх со ссылкой на историка Дурида Самосского, была случайно выкопана из земли статуя, изображавшая Фермодонта (антропоморфное олицетворение одноименной реки), несущего раненую амазонку.

Могила амазонок показывали и в самой северной области Балканской Греции – Фессалии (Plut. Thes. 27). Для располагавшейся еще севернее Фракии также устанавливается некая, не вполне ясная связь с амазонками (Diod. II. 46; Verg. Aen. XI. 659 sqq.). На последнее свидетельство, принадлежащее Вергилию, обратим особое внимание:

...Так во фракийском краю по застывшим волнам Фермодонта
Гонят со звоном коней амазонки в пестрых доспехах.

Согласно римскому поэту, получается, что и во Фракии тоже была «амазонская» река Фермодонт (в других источниках не зафиксированная). Мифо-географические «блуждания» Фермодонта нами еще будут затронуты ниже.

В целом по поводу только что рассмотренного пласта традиции можно сказать следующее. Во-первых, хотя он отражен в основном у достаточно поздних авторов, его весьма архаичный характер более чем вероятен, поскольку эти авторы отталкивались от наличия в разных местах Балканского полуострова

связанных с амазонками культовых памятников. А культ, как известно, консервативен и может сохранять рудименты древнейших представлений, истинный смысл которых уже подзабылся. Так получилось и тут, ибо, во-вторых, поздние античные писатели, для которых были характерны рационалистическое отношение к мифу и стремление систематизировать мифологию, свести ее в единый непротиворечивый комплекс, для этого «отсекая» неортодоксальные варианты или искусственно согласовывая их с общепринятыми, в данном случае проявляют единодушную тенденцию связывать встречающиеся им разрозненные элементы мифов об амазонках в материковой Греции с *походами* этих женщин-воительниц с Востока, где их впоследствии однозначно локализовали. Отсюда проистекают различные квипрокво вроде странной версии о том, как амазонки дошли войной из Малой Азии аж до Лаконики. И не удивительно: в действительности проанализированная традиция должна восприниматься как отражающая представления не о временных походах, а о длительном *пробывании* амазонок в Греции.

Такая традиция могла сложиться лишь на самом первом этапе пребывания эллинов на своей «новой родине», на юге Балкан, то есть во II тыс. до н. э. Пришельцы только-только начинали осваивать места своего обитания, многое вокруг казалось еще незнакомым и чуждым, периферия начиналась буквально за порогом. А именно периферия, как мы отмечали выше, считалась местом, где живут «иные», среди которых видное место занимали и «гендерно иные» – амазонки.

Однако Балканская Греция была освоена эллинами достаточно быстро, и уже с конца II тыс. до н. э. начался первый шаг в их территориальной экспансии – основание поселений за Эгейским морем, на западном побережье Малой Азии. Греки наступали – и, соответственно, амазонки «отступали», «удалялись», поскольку периферия отодвигалась. А изначальное направление греческой экспансии на восток приводило к тому, что на восток происходило и «отступление» амазонок.

На первых порах эллинами была колонизована лишь узкая полоска малоазийских земель, далее шла периферия и граница известного мира. Соответственно, амазонки всё это время находились где-то поблизости. Именно такая картина отражена в гомеровском эпосе и сопряженных с ним текстах. В «Илиаде» несколько раз упомянуты амазонки. Так, перед Троей находится курган – могила амазонки Мирины (Ном. II. II. 811 sqq.). Троянский царь Приам в молодости в союзе с жителями Фригии сражался с амазонками (Ном. II. III. 184 sqq.). Причем из того, что в данном эпизоде упомянута река Сангарий, ясно следует: речь идет скорее не о Великой Фригии, удаленной от эгейского побережья, а о близкой к нему Геллеспонтской Фригии, находившейся буквально по соседству с Троей. Далее кратко говорится о поражении, нанесен-

ном амазонкам древним героем Беллерофонтом в Ликии (Hom. II. VI. 186). Ликия – также прибрежная область на юго-западе Малой Азии, тоже отнюдь не в глубинах полуострова. Кстати, в связи с Ликией у Гомера присутствует известная коллизия³⁵. Этот регион локализуется двояко: то там, где его обычно принято помещать, то совсем рядом с Троадой.

Одним словом, амазонки мыслились как соседи троянцев. В одном из мифов троянского цикла повествуется о том, как на помощь Приаму пришло войско амазонок во главе с царицей Пенфесилеей, но греки-ахейцы одержали победу и над ними, а саму Пенфесилею сразил Ахилл. Этот эпизод Троянской войны, правда, не зафиксирован у самого Гомера; он появляется в примыкающих к «Илиаде», составленных чуть позже киклических поэмах. Эти последние произведения дошли до нас лишь фрагментарно, но миф о Пенфесилее сохранился через посредство более поздних авторов (Diod. II. 46. 5; Hygin. Fab. 112).

Знаменитый географ Страбон, кстати, заметил противоречие между этим свидетельством и вышеупомянутым пассажем Гомера о войне фригийцев и Приама против амазонок. Поэтому он, не принимая миф о Пенфесилее, замечает: «Амазонки не помогали троянцам, потому что Приам воевал против них в союзе с фригийцами» (Strab. XII. 552).

Данное суждение находится в составе одного из пространных экскурсов Страбона об амазонках. Эти экскурсии (Strab. XI. 503 sqq.; XII. 544; XII. 547; XII. 550 sqq.; XII. 573; XIII. 623; XIV. 632) имеют исключительное значение; в них присутствует ценнейшая мифологическая информация, и Страбон вообще может считаться едва ли не самым важным для нашей тематики автором. Однако эти же его экскурсии принадлежат к сложнейшим для понимания и интерпретации, поскольку они являют собой, так сказать, концентрированный экстракт многовековых дискуссий между античными эрудитами об амазонках и их локализации в связи с традицией комментирования приведенных выше мест из Гомера. Соответственно, у Страбона мы находим переплетение самых различных хронологических слоев мифологии амазонок; нас пока будет интересовать «гомеровский» слой, в котором племя женщин обитает в западных регионах Малой Азии. Данные по этому слою почерпнуты Страбоном по большей части у Эфора. Этот историк IV в. до н. э., сам выходец из Малой Азии, проявлял к «амазонской» теме большой интерес.

Сообщения Страбона, опирающегося на Эфора, в совокупности с подкрепляющими их свидетельствами других авторов (Paus. IV. 31. 8; VII. 2. 7–8; Diod. III. 55; Iustin. II. 4; Tac. Ann. III. 61; Plut. Mor. 303e), создают у читателя полное впечатление, что «во время оно» амазонки просто-таки хозяйничали на эгейских берегах Малой Азии и на прибрежных островах (например, на Са-

³⁵ Ее подробный разбор см.: Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Указ. соч. С. 229 сл.

мосе), вели себя там как дома (а, может быть, просто были дома?). Здесь они, по преданиям, воевали с Дионисом. Очень яркое и о многом говорящее обстоятельство – приписывание традицией основания ряда тамошних городов, впоследствии ставших греческими, именно амазонкам. Хотя уже упоминавшаяся нами выше неискоренимая у греков тенденция систематизировать архаичные мифы, затушевывать противоречия между ними и здесь приводила к тому, что позднейшими писателями запад Малой Азии воспринимался лишь как арена *набегов* амазонок с более далекого востока, но сама традиция об основании ими городов недвусмысленно говорит: речь следует вести не о набеге, а о длительном *пребывании* амазонок в регионе. В ходе разбойных набегов и войн города не основываются.

Среди городов, возводивших свою историю к амазонкам, – Смирна, Кима, Мирина. Сами названия этих населенных пунктов считались происходящими от имен различных знаменитых амазонок. Но особенно часто подчеркивается основание амазонками Эфеса, который среди греческих городов запада Малой Азии занимал особое место: в первый период колонизации эллинами Ионии он считался их столицей, местопребыванием верховного вождя, и некоторые рудименты столь высокой позиции, ведущей роли Эфеса сохранялись в последующие эпохи³⁶.

Эфес особенно славился своим знаменитейшим святилищем Артемиды. По мнению некоторых античных авторов, именно амазонки учредили само это святилище и воздвигли находившуюся в ней культовую статую Артемиды – главную святыню храма. Другие писатели, впрочем, не соглашались, полагая, что святилище возникло раньше, нежели в этих местах появились амазонки. Нам, однако, представляется в высшей степени вероятным, практически несомненным наличие, во всяком случае, какой-то связи между амазонками и эфесской богиней.

Прежде всего, выше уже отмечалась близость самого образа этих воинственных и вооруженных женщин к образу Артемиды, тоже постоянно вооруженной. И тут необходимо еще подчеркнуть, что именно в Эфесе представления об интересующей нас богине носили резко выраженную специфику³⁷. Общегреческая Артемида – это холодная, суровая богиня-девственница. А в эфесском святилище она прежде всего богиня-мать, столь характерная для религий Древнего Востока³⁸. Выражалась данная черта особенно ярко в том, что Арте-

³⁶ Roebuck C. Op. cit. P. 31.

³⁷ Об этой специфике см. интересную работу молодой отечественной исследовательницы: Кузьмина Ю. Н. Синкретичность культа Артемиды Эфесской // *Antiquitas iuventae*. Саратов, 2007. С. 63–68.

³⁸ Уже в христианские времена Эфес стал едва ли не главным центром почитания Богородицы – в одном лице Девы и Матери. По благочестивой легенде, она завершила свою

мида Эфесская изображалась многогрудой. Эта ее иконография является уникальной, ни для какой другой «ипостаси» Артемиды она не характерна.

Правда, в последнее время в западной историографии начал интенсивно выдвигаться тезис, согласно которому округлые предметы, в изобилии увешивающие торс древнего эфесского ксоана Артемиды и его реплик, в действительности представляют собой не груди, а почему-то – попробуем подобрать по возможности пристойные выражения – тестикулы мужских особей крупного рогатого скота. Их будто бы навешивали на статую богини почитатели в вотивных целях. Недавно к этой точке зрения примкнул даже крупнейший на сегодняшний день в мире специалист в области древнегреческой религии – Вальтер Буркерт³⁹.

Однако всё это построение вызывает у нас очень серьезные сомнения. Неясны его основания, неясна мотивация отказа от традиционной интерпретации рассматриваемых здесь предметов как грудей. Наверное, причиной является то, что они достаточно необычно и схематично изображены, так что даже не очень похожи на настоящие женские груди. Но это вполне поддается объяснению.

Древнейшей статуей богини в культе Артемиды Эфесской был, несомненно, архаичный деревянный ксоан. Такие ксоаны, повторим, принадлежали к самым первым ступеням развития скульптуры и были неизбежно весьма примитивны и схематичны. В них все части тела имели, в общем-то, совсем не такой вид, какой они имеют в действительности. Потом, разумеется, мастерство ваятелей шагнуло далеко вперед, но древний ксоан продолжал оставаться образцом, моделью; соответственно, в последующих изображениях его наиболее бросающиеся в глаза черты (в частности, именно такая форма грудей) воспроизводились в силу традиции. Считалось, что нельзя сколько-нибудь сильно отклоняться от древней, оваянной сакральностью модели, даже если что-то в ней уже казалось странным. Ну а со временем данная иконография закрепились и продолжала воспроизводиться даже тогда, когда уже и сам архетип – древний ксоан – больше не существовал. Это типичный консерватизм древнегреческого религиозно-художественного мышления⁴⁰.

земную жизнь в этом городе. Перед нами явно не случайное совпадение, а проникновение древних языческих представлений в христианский культ (о такого рода проникновениях в общем см.: *Этингоф О. Е.* Византийская иконография «оплакивания» и античный миф о плодородии как спасении // Жизнь мифа в античности. Ч. 1. М., 1988. С. 256–265). Но всё это, разумеется, тема совершенно особого разговора.

³⁹ *Burkert W.* Die Artemis der Epheser: Wirkungsmacht und Gestalt einer grossen Göttin // 100 Jahre österreichische Forschungen in Ephesos. Wien, 1999. S. 70. Буркерт выражается без обиняков: «Stierhoden».

⁴⁰ См. об этом консерватизме (на иных примерах): *Суриков И. Е.* Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 203–207.

В связи со сказанным привлечем внимание к одному интереснейшему и, похоже, релевантному нюансу. Само слово «амазонки» греки этимологизировали (хотя это, судя по всему, *etymologia vulgaris*, но для бытия мифа данное обстоятельство не принципиально) от *mazos* (грудь, сосок) с *alpha privativum*. Иначе говоря, амазонки – «безгрудые». Эта особенность трактовалась мифологией следующим образом: они намеренно удаляли себе левую грудь, чтобы не мешала стрелять из лука.

Так не потому ли Артемиды Эфесская – многогрудая, что связанные с ней и служившие ей амазонки – «безгрудые»? Типичный для мифологического мышления случай соответствия по противоположности. Вполне можно представить себе исходный прамиф, в котором утраченные амазонками груди перемещались к их богине (посвящались ими?).

* * *

В первые века I тыс. до н. э. территории Малой Азии – прежде всего ее западной части – продолжали поступательно осваиваться греками; соответственно, амазонки «отступали». Элемент дисконтинуитета в процесс привнесло, приведя к некоторым небезынтересным для нашей темы последствиям, опустошительное киммерийское нашествие на полуостров в первой половине VII в. до н. э. Киммерийцы подвергли серьезнейшим ударам анатолийские «варварские» царства; пострадали и эллинские полисы⁴¹. В частности, греческие колонии Синопа и Трапезунт, основанные на северном черноморском побережье Малой Азии, причем довольно далеко на востоке, еще в VIII в. до н. э.⁴², видимо в результате вторжения вообще прекратили существование, так их потом пришлось основывать вторично. Интересно, что, по одной из традиций, Синопа будто бы получила свое название от некой амазонки (ср. упоминавшиеся выше аналогичные предания в связи с Кимой, Смирной и др.). Однако, по аргументированному мнению А. И. Иванчика, этот вариант легенды – вторичный и достаточно поздний, появившийся не ранее последней четверти IV в. до н. э., а кроме того, имеющий своим истоком не аутентичный фольклор, а авторское мифотворчество Андрона Теосского⁴³. Мы с этим мнением полностью солидарны, тем более что на момент первой колонизации Синопы амазонок, судя по всему, еще не локализовали в местностях неподалеку от этого города.

⁴¹ См., например: Пальцева Л. А. Основание Астака и киммерийское вторжение в Малую Азию // Проблемы археологии. Вып. 4. История и культура древних и средневековых обществ. СПб., 1998. С. 127–132; Она же. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 161 сл.

⁴² Иванчик А. И. Основание Синопы. Легенды и история в античной традиции // ВДИ. № 1. 2001. С. 139–153.

⁴³ Там же. С. 143 сл., 153.

Помещать же их там стали несколько позже, и именно в силу того, что хаос, воцарившийся в малоазийском регионе в результате «киммерийской смуты», превратил восток полуострова для греков в малознакомые, таинственные земли. Тут-то и появляется версия мифа об амазонках, ставшая в античной традиции наиболее распространенной и популярной (во всяком случае, она значительно чаще других встречается в источниках). Согласно этой версии, царство женщин-воительниц располагалась в местности Фемискира, в долине реки Фермодонт⁴⁴ (Aeschyl. Prom. 725; Herod. IV. 110; Apoll. Rhod. Arg. II. 965 sqq.; Apollod. II. 5. 9; Diod. II. 44–45; IV. 16; III. 52; IV. 28; IX. 27; Strab. locc. citt.; Paus. I. 2. 1; I. 15. 2; I. 41. 7; Appian. Mithr. 78; Iustin. II. 4; Amm. Marc. XXII. 8. 17–18). А это как раз северо-восточная часть Малой Азии, примыкающая к Понту Евксинскому.

На этом варианте мифологии амазонок мы подробно останавливаться не будем, именно потому, что он – самый известный. Именно потому многие и считают его основным, первичным, исходным по отношению ко всем остальным; но это, как мы видели, не вполне соответствует действительности. Миф об амазонках на Фермодонте – в действительности лишь один конкретный этап в «мифолого-географической» истории «гендерного антимира».

Этому этапу не суждено было стать и последним: амазонки продолжали «удаляться» по причинам, в общем виде сохранявшим всё тот же характер, что и прежде. Колонизационное движение греков продолжалось. Возродилась Синопа; еще восточнее ее в VI в. до н. э. был основан город Амис. Именно под контролем последнего оказались низовья Фермодонта и Фемискирская долина (Strab. XII. 547)⁴⁵. В эти места пришли эллины – соответственно, амазонки вынуждены были их «покинуть».

Этот факт уже подмечался в историографии, правда в несколько упрощенной форме: греки, побывав в Фемискире и не найдя там амазонок, чтобы согласовать их отсутствие с авторитетнейшей к тому времени мифологической традицией, сочинили легенду о том, что племя женщин переселилось оттуда⁴⁶. В действительности перед нами, конечно, куда более сложная материя, относящаяся не к реалиям, а к менталитету. Или, скажем так, не к нарастающему рационализму, а к необходимости отодвигать на ментальной карте⁴⁷ «мир ино-

⁴⁴ В русских переводах античных авторов также часто можно встретить варианты написания «Темискира» и «Термодонт».

⁴⁵ Суриков И. Е. Перикл, Амис... С. 149.

⁴⁶ Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 365.

⁴⁷ О весьма популярном в современной западной историографии понятии «ментальная карта» см.: Подосинов А. В. Карта и текст: два способа репрезентации географического пространства в античности и средневековье // Восточная Европа в древности и средневе-

го», всего полнее воплощавшийся в амазонках. Иначе были бы сочинены мифы о переселении кентавров, киклопов, да даже и олимпийских богов, когда всех этих персонажей не обнаружили в ожидавшихся местах. Переселяются, однако, именно амазонки.

Страбон прямо пишет:

Все называют Фемискиру, равнины около Фермодонта и горы, возвышающиеся над ними, страной амазонок, утверждая, что они были изгнаны отсюда. Что касается теперешнего местопребывания амазонок, то только немногие сообщают об этом лишь бездоказательные и неправдоподобные сведения (Strab. XI. 505).

Однако куда же всё-таки «удалились» амазонки? Ясно, что еще дальше к границам известной грекам ойкумены. Они так и продолжают «маячить» именно на границе, не переходя ее, но с нее и не исчезая. Одной из самых популярных традиций об их новом местопребывании становится та, которая в полной мере отразилась уже у Геродота (IV. 110–116). Эллины разгромили амазонок в битве у Фермодонта, взяли их в плен и повезли на кораблях на родину. Однако в море воинственные женщины перебили своих стражей и причалили в Меотиде (Азовском море). Там от них и скифских юношей пошел народ савроматов.

Вот тут-то и появляется впервые версия о связи амазонок с сарматами и об их «сарматской» (т. е. в Северном Причерноморье) локализации⁴⁸. Это происходит именно в V в. до н. э., во времена Геродота и великих афинских драматургов. Что интересно, мы можем видеть зарождение этого мифа в самом его процессе! В трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» об амазонках заходит речь дважды, причем в разных географических контекстах. Приведем оба места:

...Там амазонок войско встретится,
Враждебное мужчинам. В Фемискире жить
Они у Фермодонта будут.
(Aeschyl. Prom. 725 sqq.)

Племя девушек-наездниц,
Травы топчущих в Колхиде,
Плачет. Орды плачут скифов,
Что кочуют в конце земли,
У Меотийских мелей.
(Ibid. 415 sqq.)

ковье: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. М., 2006. С. 153–159.

⁴⁸ Ср.: *Скржинская М. В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 39 сл.

Во втором из процитированных случаев амазонки, как и у Геродота, связаны со скифами. Правда, здесь обнаруживается некое смешение Меотиды с Колхидой (Западной Грузией), но перед нами не географический трактат, а художественное произведение, автор имел право на *licentia poetica*, и ему вполне простительно. Другое дело, что данная странность в «Прометее», как увидим далее, имела свои последствия для последующего развития традиции об амазонках.

Но в чем же причина бросающегося в глаза противоречия? Здесь следует отметить, что «Прикованный Прометей» – самая необычная из трагедий эсхилиевского корпуса. В композиционном, стилистическом, языковом, мировоззренческом планах она резчайшим образом отличается от всех остальных. Поэтому уже давно высказывались сомнения в аутентичности драмы, в ее принадлежности Эсхилу⁴⁹. Есть и иной вариант решения проблемы: «Прометей» (возможно, не заверченный автором при жизни) был впоследствии переработан сыном Эсхила Евфорионом, тоже драматургом, и поставлен на сцене в 440-е гг. до н. э.⁵⁰

Если это действительно так и мы имеем произведение, по сути дела, являющееся продуктом творчества двух поэтов, то противоречие сразу разъясняется. В таком случае нужно предположить, что в Фемискире амазонки локализованы еще самим Эсхилом в первой половине V в. до н. э., а в скифской земле – уже Евфорионом, который, судя по всему, был знаком с соответствующими изысканиями Геродота.

Вслед за названными авторами помещают амазонок в Северное Причерноморье, в район Танаиса (Дона), и многие другие, более поздние (Eur. Herc. 408 sqq.; Diod. II. 44; Plin. Nat. hist. VI. 19). Относительно же их конкретного пути туда из Малой Азии начали появляться и вариации. Так, по Диодору (IV. 28), амазонки идут войной на Афины через Скифию (надо сказать, какой-то довольно-таки странной кружной дорогой); потерпев поражение, они возвращаются тем же маршрутом, но в Скифии остаются, не дойдя до прежней родины. А вот и версия с инвертированным порядком событий: часть скифов переселилась в Фемискиру, но они были перебиты в войнах, их-то жены и стали амазонками (Iustin. II. 4).

Местности восточнее и северо-восточнее Малой Азии для греков очень долго оставались периферийными и пограничными. Мало кто четко, в деталях представлял их топографию (достаточно вспомнить о том, как «кочует» Кавказ в античных источниках, какие разногласия существуют в них относительно Каспийского моря – закрытый ли это водоем или залив Северного океана), что

⁴⁹ Подробнее по вопросу, со ссылками на литературу см.: Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. М., 2002. С. 71–74.

⁵⁰ Ярхо В. Н. Примечания // Эсхил. Трагедии. М., 1989. С. 545.

было причиной нередкой путаницы и некорректных контаминаций. Несколь-ко позже, чем «скифо-сарматская», появляются поэтому и иные, смешиваемые с нею традиции локализации амазонок. Мы видели, что почва для подобных смещений была заложена уже в эсхилловском «Прометее». В дальнейшем им способствовали еще и следующие обстоятельства.

Не позже III в. до н. э. на Танаисе была основана греческая колония того же названия⁵¹. Данный регион, таким образом, тоже вошел в ареал, освоенный греками. Из всего вышесказанного ясно, что теперь и оттуда амазонок приходилось куда-то «убирать».

К тому времени уже произошли эпохальные походы Александра Македонского, и на эту тему сразу начала складываться интереснейшая литературная традиция, в которой реальные факты неразрывно переплетались с легендами. Великого завоевателя народная молва просто не могла не связать с женщинами-воительницами, и вполне закономерно возникает легенда о том, как в лагерь Александра прибыла царица амазонок Фалестрида, желавшая иметь от него детей (Diod. XVII. 77; Curt. VI. 5. 24–32; Iustin. XII. 3). Плутарх (Alex. 46) приводит целый длинный список авторов, писавших об этой встрече, причем одни настаивали на истинности рассказа, другие ее решительно отрицали. Среди последних были, разумеется, наиболее достоверные и ответственные писатели.

Рассказывают, что, когда много времени спустя Онесикрит читал Лисимаху (одному из ближайших сподвижников Александра. – И. С.)... четвертую книгу своего сочинения, в которой написано об амазонке, Лисимах с легкой усмешкой спросил историка: «А где же я был тогда?» (Plut. Ibid.).

Естественно, перед нами здесь продукты вторичного мифотворчества, не имеющие никакой реальной подоплеки. Но мы исследуем не факты, а традиции, и поэтому на данном элементе предания тоже следует остановиться. Кстати, снова и снова приходится обращать внимание на то, насколько мифологема амазонок оказалась, используя лингвистическую терминологию, продуктивной: даже в историческое время она продолжала порождать новые и новые мифы...

Согласно большинству историков Александра, его встреча с Фалестридой имело место в Гиркании – области у южного побережья Каспийского моря. Соответственно, получается, что амазонки в тогдашних представлениях обитали где-то неподалеку. По Курцию Руфу (VI. 5. 24), «с Гирканией граничило племя амазонок, населяющих поля Фемискиры вдоль реки Фермодонта. У них была царица Фалестрида, правившая всеми живущими между Кавказом и рекой Фасис». Этот пассаж замечателен своими географическими несооб-

⁵¹ Арсеньева Т. М. Танаис // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 93.

разностями. Перед нами настоящая мифологическая география, в которой достаточно отдаленные друг от друга территории смешаны воедино. Интересно наблюдать здесь и очередное перемещение Фермодонта. Мы уже видели его в Беотии, во Фракии, в Малой Азии, а теперь вот он локализуется близ Гиркании. Эта река как будто бы «уходила» вместе с амазонками.

Аналогичную информацию о местонахождении Фермодонта встречаем и в плутарховой биографии Помпея. Походы последнего в ходе Третьей Митридатовой войны тоже внесли свой вклад в мифологию амазонок, поиски которых продолжались и после Александра. Помпей будто бы сражался с этими женщинами в Кавказской Албании (Plut. Pomp. 35), что соответствует территории нынешнего Азербайджана. Там же, в Закавказье, оказываются они и согласно одной из Страбоновских локализаций: «Как говорят, в горах над Албанией обитают амазонки» (Strab. XI. 503). Страбон (как и Плутарх) опирается тут на греческих историков, сопровождавших Помпея. Соотношение данного нового местопребывания амазонок, как всегда, определяется предельно просто: они «поднялись в эти места из Фемискиры» (Strab. XI. 504). Перед нами – всё та же парадигма «удаления».

Парадигма эта, необходимо вкратце сказать, помимо основного своего варианта (отступление всё дальше и дальше на восток) дала и некоторые второстепенные ответвления. Так, следы амазонок обнаруживали и на противоположном направлении, в Италии (Lycophr. Alex. 993 sqq.; Verg. Aen. XI). Писали и об амазонках в Ливии, на еще одной периферии освоенной греками ойкумены. Диодор (III. 52 sqq.) даже считал, что ливийские амазонки – наиболее древние, существовавшие намного ранее «классических» амазонок, связываемых преимущественно с Малой Азией. Но это, конечно, поздняя спекуляция в евгемеристическом духе.

* * *

В заключение не можем не удержаться от выхода за пределы античной эпохи. После ее окончания процесс «отступления» амазонок на периферию цивилизованного мира продолжался. Много веков спустя их именем была, как известно, названа величайшая река Нового Света. По иронии судьбы, еще и в наши дни если есть на обитаемой суше регион, наименее освоенный цивилизацией («фронтир», как ныне модно выражаться), то это как раз джунгли бассейна Амазонки. Именно там и, насколько можно судить, только там, продолжают до сих пор периодически обнаруживать совершенно неизвестные племена. Мы не обладаем достаточной компетенцией для утверждений о том, кто и почему назвал реку Амазонку Амазонкой. Но интуиция, во всяком случае, была проявлена гениальная, на грани с предвидением.

О ВОЗМОЖНОМ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СЮЖЕТА ОБЩЕННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ НА «ВАЗЕ ЕВРИМЕДОНТА» (МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД ГРЕКО-ПЕРСИДСКИХ ВОЙН)*

Одним из весьма важных аспектов цивилизации античной Эллады – но при этом таким аспектом, о котором в историографии (особенно отечественной) по традиции предпочитают стыдливо умалчивать, – являлся гомосексуализм. Пресловутая «греческая любовь» без колебаний должна быть причислена к интегральным элементам, из которых сложился сам тип мировосприятия, свойственный эллинам, которые оказали определяющее влияние на формирование у них всей системы социальных практик. Если бы этот «стержень» был изъят из бытия греков, очень многие созданные ими культурные феномены самых разных уровней (от развития атлетики до утонченных философских концепций Платона) имели бы, судя по всему, принципиально иной облик. Таким образом, проблема действительно нуждается в самом пристальном изучении.

Следует отметить, что в западном антиковедении начало такому изучению уже положено¹ и ряд важных наблюдений, в некоторой мере проясняющих интересующее нас явление, был сделан. Так, справедливо отмечалось², что в рамках греческой цивилизации фундаментальная гендерная оппозиция пролегла не по линии «гетеросексуальность – гомосексуальность», а по линии, разграничивавшей активную и пассивную роль в половом контакте (так что, собственно, само понятие гомосексуализма в данном контексте представляется не вполне релевантным). При этом активная роль соотносилась с *ἄνδρες* (взрослыми мужчинами), а пассивная – в абсолютно равной мере с *γυναῖκες* (женщинами) и *παῖδες* (подростками и юношами). Интересно, что, согласно классификации З. Фрейда, в таких случаях следует говорить об «инфантиль-

* Впервые опубликовано в: Аристей. Т. 7. 2013. С. 46–57.

¹ Одним из первых опытов в этой области стала книга К. Довера, которую и по сей день можно считать классической (ссылаемся на немецкое издание как на более позднее во времени по сравнению с первоначальным английским и, соответственно, более полное: *Dover K. J. Homosexualität in der griechischen Antike. München, 1983*).

² *Cantarella E. L'omosessualità nel diritto ateniese // Symposion 1985: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 157.*

ной сексуальности»³; так и вспоминается известная сентенция о греческой античности как «детстве человечества».

Пока еще достаточное количество проблем остается в разработке такого серьезного вопроса, как семантика греческого гомосексуализма. Как правило, подчеркиваются его ритуально-инициационные истоки, плавно перетекающие в образовательную роль, которая впоследствии, в свою очередь, тоже оказывается практически отторгнутой в пользу чистого гедонизма⁴. Все сказанное в данной связи представляется безусловно верным (в числе прочего – о тесной связи гомосексуальных отношений с практикой симпосия, с воинским воспитанием и т. п.). Однако, на наш взгляд, такой подход акцентирует лишь одну «сторону медали», лишь одну, хотя и важную, составляющую сложного комплекса представлений.

В частности, необходимо отметить, что любое половое проникновение принципиально осмыслялось как символизирующее преобладание, господство⁵ (что и не удивительно, учитывая упоминавшуюся выше ментальную оппозицию «активного» и «пассивного» начал). Сказанное в полной мере относится и к гомосексуальным контактам⁶. Взрослый индивид мужского пола, по тем или иным причинам оказавшийся в несвойственной его статусу «пассивной» роли, уже не мог рассчитывать на отношение к себе со стороны сограждан как к полноценному, равноправному члену социума; он награждался позорным эпитетом *κατατύωι*⁷ и становился объектом насмешек. «Активная» роль в подобных отношениях, напротив, служила фактором, лишь возвышающим в общественном мнении и поднимающим статус лица⁸.

³ См.: *Фрейд З.* Введение в психоанализ. СПб., 1997. С. 327 сл.

⁴ См., например: *Марру А.-И.* История воспитания в античности (Греция). М., 1998. С. 49 сл.; *Грант М.* Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. С. 54; *Йегер В.* Пайдейя: Воспитание античного грека. Т. 1. М., 2001. С. 242; *Cantarella E.* Op. cit. S. 157; *Bremmer J. N.* Adolescents, Symposion and Pederasty // *Sympotica: A Symposium on the Symposion*. Oxf., 1990. P. 138–148. По поводу возможных параллелей в других культурных традициях см.: *Семенцов В. С.* Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавад-гиты // *Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации.* Вып. 3. М., 1988. С. 27 сл.

⁵ Здесь перед нами общецивилизационная, отнюдь не только грекам свойственная парадигма, которая сопряжена, очевидно, с естественными, физически обусловленными формами *coitus'a*, порождавшими представление о «сильной» и «слабой» позициях. Ср. противопоставление корневых морфем *ἀρ-* (*αἶρω*) и *θε-/θη-* (*τίθημι*) как в паре *ἄρσις – θέσις*, так и в паре *ἄρσεν – θήλυ* (ср. также рус. «сильный пол – слабый пол»).

⁶ *Humphreys S. C.* The Family, Women and Death: Comparative Studies. L., 1983. P. 57.

⁷ См. по поводу этого эпитета: *Henderson J.* The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy. 2nd ed. Oxf., 1991. P. 205 ff.

⁸ Кстати, именно в связи с этим в Афинах уже законами Солона активная роль в гомосексуальных контактах была запрещена рабам. См.: *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ:

У читателя может возникнуть недоумение, почему работе по историко-географической проблематике предпослано подобного рода гендерно-культурологическое введение. Но дело в том, что изобразительный памятник, попытка интерпретации которого будет предпринята в данной статье, в высшей степени располагает к размышлениям на эту тему. Речь идет о так называемой «вазе Евримедонта» – краснофигурной ойнохое, датируемой 460-ми гг. до н. э. Сосуд хранится в одном из частных собраний Гамбурга и был лишь относительно недавно (в 1975 г.) опубликован и введен в научный оборот⁹, но практически сразу же привлек обостренное внимание специалистов.

Изображение на этой прекрасно сохранившейся вазе отличается грубо-обсценным характером. Оно – не из числа тех, которые приводятся в красочных альбомах, рассчитанных на широкую публику. Персидский лучник в костюме, характерном для восточных персонажей в греческой художественной традиции (плотно облегающее трико), стоит, подняв руки и наклонившись вперед. Греческий воин, вся одежда которого состоит из накинутаго на плечи плаща, приближается к персу *cum rene erecto in manu*, с совершенно недвусмысленными намерениями. Изображение сопровождается надписью: Εὐριμέδων ἐμὶ. Κυβάδε ἥστῃκα – «Я Евримедонт. Я стою, нагнувшись вперед¹⁰». Нет полной ясности относительно того, к кому из двух действующих лиц должны быть отнесены эти слова: либо обе фразы «произносит» перс, либо ему принадлежит только вторая, первая же мыслится как принадлежащая греку (последний вариант кажется нам чуть более вероятным). Впрочем, в данном случае это и не принципиально.

Некоторые соображения по поводу запечатленной сценки, представляющиеся сами собой разумеющимися, уже были высказаны. Во-первых, никто не сомневается в том, что интересующий нас артефакт имеет самое непосредственное отношение к знаменитой «тройной победе» Кимона при Евримедонте – самому крупному сражению последнего периода Греко-персидских войн, в ходе которого афинский командующий вначале разгромил флот персов, за-

Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966. S. 97 ff.

⁹ Editio princeps: *Schauenburg K.* ΕΥΡΙΜΕΔΩΝ ΕΙΜΙ // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Bd. 90. 1975. S. 97–121. Поскольку это издание в России труднодоступно, представляется не лишним указать на некоторые другие публикации, где тоже приведено изображение на этой вазе: *Hölscher T.* Immagini dell'identità greca // *I Greci: Storia, cultura, arte, società* / A cura di S. Settis. 2. Una storia greca. II. Definizione. Torino, 1997. P. 230, fig. 18; *Иванчик А. И.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? II // ВДИ. № 4. 2002. С. 35, рис. 16.

¹⁰ Κυβάδε (κύβδα) – terminus technicus, употребляющийся почти исключительно в сексуально-обсценном контексте. См.: *Иванчик А. И.* Указ. соч. С. 34.

тем, высадившись на берег, нанес поражение сухопутному войску противника, захватил лагерь и, наконец, сразу же снова выйдя в море, разбил подходившую на помощь своим финикийскую эскадру (основные свидетельства источников: Thuc. I. 101. 1; Diod. XI. 60–62; Plut. Cim. 12–13; Polyae. I. 34. 1). Связь с этим событием отразилась в своеобразной ономастике на ойнохое. Хотя ЛИ Евримедонт встречается в Афинах¹¹, но здесь перед нами – явно обобщенный образ, а не имя конкретного человека: давая его то ли греку, то ли персу, вазописец сознательно стремился вызвать у зрителей ассоциацию с этой малоазийской речкой. Это подтверждается как сюжетом изображения, так и временем его создания. Датировка битвы при Евримедонте, правда, может быть установлена лишь с известной степенью приблизительности: традиционно до недавнего времени предлагался 469 г. до н. э., но Э. Бадриану удалось привести достаточно весомые аргументы в пользу того, что сражение имело место несколько позже, в 466 г. до н. э.¹² Впрочем в любом случае мы не выходим за хронологические рамки первой половины 460-х гг., что полностью согласуется с временем росписи «вазы Евримедонта».

Во-вторых, безусловно верно и то, что подтекст изображения не только во временном, но и в символическом плане подразумевает именно упомянутую победу Кимона. В такой специфической форме автор, расписывавший сосуд, хотел подчеркнуть торжество эллинского начала над «варварским», превосходство победителей¹³. Но это – суждения максимально общего плана. А возможен ли поиск в данном сюжете какого-то более конкретного исторического ядра, аллюзии на некий специальный контекст не только цивилизационного, но и реального характера? На этот вопрос мы попытаемся ответить чуть ниже. А пока, по причинам, которые станут ясны в дальнейшем, несколько отвлечемся от прежней нити изложения и коснемся одного инцидента, который, как нам представляется, должен быть отнесен именно ко времени битвы при Евримедонте, хотя обычно его связывают с другими событиями.

Инцидент, который имеется в виду, был наиболее подробно описан автором V в. до н. э. – поэтом и мемуаристом Ионом Хиосским (FGrHist. 392. F 13),

¹¹ Наиболее известен Евримедонт, сын Фукла, неоднократно упоминаемый Фукидидом. Он неоднократно был стратегом в ходе Пелопоннесской войны и погиб в 413 г. до н. э. на Сицилии. Судя по времени его деятельности, этот афинянин родился уже после (видимо, вскоре после) битвы при Евримедонте. Уж не в ее ли честь он был назван?

¹² Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 2 ff.

¹³ Ср.: Georges P. Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore, 1994. P. 71 ff.; Lissarrague F. L'immagine dello straniero ad Atene // I Greci: Storia, cultura, arte, società / A cura di S. Settis. 2. Una storia greca. II. Definizione. Torino, 1997. P. 953; Hölscher T. Op. cit. P. 229; Иванчик А. И. Указ. соч. С. 34–36.

чье сообщение из позднейших писателей сохранили Плутарх (Cim. 9) и Полиен (I. 34. 2). Свидетельство Иона необходимо привести *in extenso*. Рассказывается об обеде в обществе Кимона, на котором присутствовал этот писатель.

...Разговор перешел на подвиги Кимона, стали вспоминать о самых выдающихся из них, и он сам рассказал об одной из своих хитростей, по его мнению, самой удачной. Союзники, захватив в Сесте и Византии множество варваров, поручили Кимону произвести дележ добычи, и тот распорядился так, что по одну сторону поставили самих пленных, а по другую сложили украшения, которые они носили; союзники стали порочить такой дележ, называя его несправедливым, и тогда он предложил им взять любую из частей: какую бы они не оставили, афиняне-де будут довольны. По совету самосца Герофита, считавшего, что лучше приобрести вещи персов, чем самих персов, союзники взяли себе наряды и украшения, оставив на долю афинян пленных. Все сочли тогда, что этим дележом Кимон просто выставил себя на посмеяние: союзники уносили золотые запястья, ожерелья, шейные цепочки, персидские кафтаны, пурпурную одежду, афинянам же пришлось взять себе нагие тела мало привычных к труду людей. Вскоре, однако, съехавшиеся из Фригии и Ликии друзья и родственники пленных стали выкупать их, платя за каждого большие деньги, так что у Кимона собрались средства, которых хватило на содержание флота в течение четырех месяцев, а кроме того, немало золота и выкупных сумм осталось и для казны¹⁴.

Как относиться к этому пассажу? С одной стороны, пересказанный здесь колоритный, запоминающийся эпизод, скорее всего, действительно имел место: он вряд ли мог быть выдуман (выдумать такое просто невозможно), тем более что информация исходит от автора-современника, а в конечном счете, как мы видим, — от самого Кимона, главного участника событий¹⁵. Более аутентичный источник просто невозможно себе представить¹⁶. С другой стороны, не оставляет впечатление, что в сообщение вкралась какая-то путаница, что оно приурочено традицией не вполне верно в географическом и временном

¹⁴ Плутархова биография Кимона цитируется в переводе В. В. Петуховой.

¹⁵ Мы полностью солидарны с резонным замечанием Э. Бадиана:

Вполне очевидно, что это свидетельство не менее надежно, чем многие другие свидетельства об этом периоде: ведь сам Кимон указан в качестве источника по вопросу, который должен был быть хорошо известен в обществе, причем ссылается на Кимона автор, заявлявший, что сам слышал его, и, во всяком случае, принадлежавший к его кругу (*Badian E. Op. cit. P. 211*).

¹⁶ Эта стратагема Кимона, описанная Ионом, судя по всему, получила впоследствии широкий резонанс в греческом мире. Так, явно под ее впечатлением спартанский царь Агесилай, воюя в начале IV в. до н. э. в Малой Азии, продавал пленных персов обнаженными (*Xen. Ages. I. 28; Plut. Ages. 9*).

отношении. Прежде всего, сразу бросаются в глаза некоторые детали, которые следует признать просто невозможными.

Обратим внимание на то, что в рассказе идет речь о Сесте и Византии, где была захвачена добыча, которую делил Кимон. Не говорим уже о том, что эти два пункта находятся довольно далеко друг от друга: Сест в южной части Геллеспонта, Византий – уже на Боспоре Фракийском. Расстояние между ними по прямой – около 180 км, несколько дней корабельного хода. Крайне маловероятно, чтобы названные города могли стать объектом единой, общей операции, после которой, как было принято, происходил раздел добычи.

Еще важнее другое: Сест и Византий действительно были отвоеваны у персов в разное время. Остановимся на обстоятельствах их взятия подробнее, чтобы еще яснее стал факт недоразумения, имеющего место во фрагменте Иона Хиосского. По данным весьма авторитетных источников (Herod. IX. 117 sqq.; Thuc. I. 89. 2), честь освобождения Сеста принадлежит афинскому флоту под командованием Ксантиппа, отца Перикла¹⁷. Осада города началась осенью 479 г. до н. э., вскоре после битвы при Микале, и закончилась его сдачей весной 478 г. до н. э. Кимон, может быть, и участвовал в данной кампании (хотя источники об этом не говорят), но, во всяком случае, не возглавлял ее и не мог распоряжаться разделом добычи. Добавим еще, что Сест, по словам Геродота, капитулировал только после того, как персидский гарнизон тайно покинул его. Правда, какую-то часть этих беглецов грекам удалось догнать и взять в плен, но вряд ли этих пленных было очень много, да и не могли они представлять собой такую роскошную добычу, как описано у Иона Хиосского, поскольку за время блокады Сеста осажденные «дошли до последней крайности, так что варили и ели ремни от постелей» (Herod. IX. 118).

Что же касается Византия, то он был взят уже в следующий «военный сезон», осенью 478 г. до н. э., морскими силами Эллинского союза¹⁸, которыми на этот раз руководил спартанский регент Павсаний (Thuc. I. 94; I. 128. 5; Diod. XI. 44; Nep. Paus. 2)¹⁹. Достоверно известно (Plut. Aristid. 23; Cim. 6), что Кимон принимал участие в этом походе, но лишь в качестве одного из стратегов, возглавлявших афинскую эскадру. Иными словами, главнокомандующим он опять же не был и вопрос о судьбе добычи и пленных не решал. Кстати, судьба этих пленных персов сложилась своеобразно – об этом свидетельствуют и Фукидид, и Диодор, и Непот: Павсаний упустил их из рук, и получилось

¹⁷ Суриков И. Е. Ксантипп, отец Перикла: штрихи к политической биографии // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 8. 2000. С. 106.

¹⁸ Об Эллинском союзе см.: Kienast D. Der Hellenenbund von 481 v.Chr. // Chiron. Bd. 33. 2003. S. 43–77.

¹⁹ См. об этих событиях: Loomis W. T. Pausanias, Byzantion and the Formation of the Delian League // Historia. Bd. 39. Ht. 4. 1990. S. 487–492.

так, что пленники, отправленные под охраной некоего Гонгила из Эретрии, оказались в руках Ксеркса. Имела ли здесь место халатность, ошибка спартанского полководца или же он злонамеренно действовал в пользу противника (именно это последнее мнение разделяется всеми античными авторами, но тут следует учитывать общий негативный и тенденциозный образ Павсания, быстро сложившийся в историографии под влиянием официальной спартанской пропаганды), судить трудно, да это для нас и несущественно. Важно, что описываемый Ионом дележ пленных к данному эпизоду Греко-персидских войн не относится.

Кимон в течение своей длительной карьеры однажды тоже брал Византий. Об этом прямо сообщает Плутарх (Сим. 6), а Фукидид (I. 131. 1), хотя и не называет имени Кимона, а говорит просто об «афинянах», зато ставит событие в более верный исторический контекст. Оно датируется 471 г. до н. э., причем Кимон, возглавлявший флот незадолго до того созданного Делосского союза, естественно, освободил Византий уже не от персов, а от засевшего там Павсания, вышедшего из-под контроля спартанских властей и в силу своей личной харизмы представлявшего собой серьезный дестабилизирующий фактор на фронтах войны с Ксерксом. Опальный регент был изгнан Кимоном из города, который после этого надолго вошел в число союзников Афин. Но, естественно, в ходе этой кампании никакие персы в Византии не могли быть захвачены в плен: их там уже семь лет как не было.

Впрочем, Э. Бадиан²⁰ полагает, что Павсаний мог держать в Византии какое-то количество персидских войск. Однако это лишь догадка, не находящая ни малейшего подкрепления в источниках. Упомянутый исследователь идет еще дальше: стремясь отыскать-таки исторический контекст разбираемого здесь сообщения Иона Хиосского, он выдвигает гипотезу, согласно которой тогда же, в 471 г. до н. э. Кимон вновь взял у персов Сест. Но почему же уже освобожденный Ксантиппом город пришлось освобождать вторично? Бадиану приходится предположить, что первое взятие греками Сеста оказалось непрочным, кратковременным и вскоре персидские войска опять захватили его. В традиции о подобном развитии событий нет ни слова. А домысливать факт за фактом для того, чтобы обосновать выдвигаемый тезис, – такой способ исследования вряд ли можно признать конструктивным.

Надеемся, нам удалось показать со всей возможной определенностью: пересказанный Ионом эпизод с дележом добычи не имеет *никакого* отношения к Сесту и Византию. В то же время, как отмечалось выше, сомневаться в историчности самого этого эпизода нет оснований. Из сказанного следует однозначный вывод: имеет место некий *lapsus memoriae* у хиосского рапсода.

²⁰ Badian E. Op. cit. P. 86, 100, 211.

Сам факт он со слов Кимона передал верно, а вот в отношении того, где и когда этот факт имел место, допустил путаницу. В конце концов, Ион не являлся военным историком и не писал труд о перипетиях Греко-персидских войн. В связанных с ними вопросах он вряд ли гнался за точностью; ему простительно было и ошибиться. А мы должны задуматься о другом, более подходящем и непротиворечивом контексте рассматриваемого инцидента.

Собственно, вариантов почти нет. Практически неизбежно приходится предположить, что речь должна идти о битве при Евримедонте²¹. Достоверно известно из источников, что добыча, взятая в этом сражении, была чрезвычайно богатой. Сказанное в особенной степени относится именно к числу пленных персов (учитывая масштаб победы Кимона, это можно было бы предполагать уже а priori). Приведем важнейшие свидетельства. Диодор (XI. 62. 1) пишет: «Кимон... взял в плен 340 триер и свыше 20 тысяч человек, а также захватил большое количество денег»²². Плутарх приводит некоторые детали:

После продолжительного сражения обратив варваров в бегство, афиняне убивали бегущих, а затем стали брать их в плен, захватывая заодно и палатки, полные всякого добра... После распродажи военной добычи народ не только приобрел средства на покрытие текущих расходов, но и получил возможность, благодаря все тому же походу, пристроить к Акрополю южную стену (Cim. 13).

Итак, с очень большой степенью уверенности можно утверждать, что и необычный раздел пленных, о котором повествует Ион Хиосский, состоялся тогда же. Сколько-нибудь вероятной альтернативы просто нет. Флотом Делосского союза при Евримедонте командовал лично Кимон; соответственно, он же и распоряжался добычей, и урегулировал эти вопросы с союзными контингентами. Кстати, обратим внимание и на то, что впоследствии за пленными прибыли с выкупом их друзья и родственники «из Фригии и Ликийи», как указывает Ион, а это (особенно упоминание Ликийи) в географическом аспекте

²¹ Строго говоря, теоретически возможно приурочение эпизода еще к взятию Кимона у персов в середине 470-х гг. до н. э. крепости Эйон на северном побережье Эгейского моря, в устье Стримона (см. об этом событии: *Jacoby F.* Some Athenian Epigrams from the Persian Wars // *Hesperia*. Vol. 14. No. 3. 1945. P. 185 ff.; *Isaac B.* The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986. P. 19, 60 ff.; *Касаткина Н. А.* Завоевание Эйона во Фракии // *Материалы VII чтений памяти проф. Н. П. Соколова*. Нижний Новгород, 2002. С. 28–30). Однако при ближайшем рассмотрении деталей и этот контекст оказывается невозможным: командующий персидского гарнизона в Эйоне, утратив надежду выдержать длительную осаду, поджег город, а сам покончил самоубийством (Herod. VII. 107; Plut. Cim. 7; Polyæn. VII. 24). Только таким образом Эйон попал в руки Кимона – лежащий в развалинах и практически лишенный добычи.

²² Перевод В. М. Строгеецкого.

тоже гораздо лучше укладывается в контекст дела при Евримедонте, нежели в контекст военных действий в Черноморских проливах.

Иными словами, с учетом всего вышесказанного мы можем констатировать, что после битвы при Евримедонте и последовавшего затем раздела добычи с союзниками афиняне оказались в ситуации, когда в их распоряжении были в большом числе раздетые по приказу Кимона пленные «варвары». В дальнейшем часть этих пленников была выкуплена родственниками, а остальных, очевидно, распродали на рынках рабов. Но до того как это произошло, греки, следует полагать, воспользовались представившейся возможностью, чтобы маркировать свое торжество над миром Востока символическими действиями сексуального характера (учитывая то, что было сказано в начале статьи о семантике подобных действий, выражавших победу, овладение).

Гипотеза, предлагаемая нами, именно в том и заключается, что общенное изображение на «вазе Евримедонта» запечатлело не просто некую абстрактную идею (или, по крайней мере, не только ее), но и вполне конкретную, реальную ситуацию – ту, речь о которой шла выше. Возможно, художник, расписавший сосуд, сам был в составе флота Кимона и принимал участие в этом эпизоде с «овладением» персами, а потом, возвратившись домой, спроецировал свои впечатления на создаваемый им памятник искусства.

Мы прекрасно сознаем, что выдвинутый тезис является именно гипотезой – не более и не менее (потому и в заглавии статьи говорим о *возможном*, а не безусловном контексте сюжета). Доказать эту гипотезу со всей категоричностью вряд ли когда-либо удастся. В то же время мы не видим и обстоятельств или фактов, которые опровергали бы наше предположение, не позволяли бы относиться к нему серьезно. Ничего невозможного, противоречащего древнегреческому образу жизни и мысли реконструированный эпизод не содержит.

Пожалуй, напрашивается только одно существенное возражение: если после битвы при Евримедонте афиняне имели дело с обнаженными пленниками, то почему же перс на ойнохое, напротив, изображен *одетым*? Но здесь мы выходим на проблему канонов художественной традиции – канонов, которые делали какие-то вещи абсолютно невозможными и недопустимыми. Одним из таких недопустимых, даже не рассматривавшихся приемов было бы в греческом искусстве изображение обнаженного «варвара». Нагота, так называемая «героическая нагота», являлась в данной традиции исключительной прерогативой представителей эллинской культуры, можно сказать, их важнейшим атрибутом²³. О причинах складывания этого культа мужской наготы здесь

²³ См. об этом: *Hölscher T.* Op. cit. P. 196–199. Ср. также интересную дискуссию в отечественной историографии: *Нефёдкин А. К.* Нагота греческого воина: героика или реальность? // Проблемы античной истории: Сб. науч. статей. К 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2003 С. 151–170; *Алексинский Д. П.* Еще раз о «героической

не место говорить²⁴, но сам этот факт не вызывает сомнений. Хорошо известно, что в древнегреческом искусстве, будь то скульптура или живопись, персонажи часто изображаются без одежды или почти без одежды в таких ситуациях, когда в реальной жизни нагота не просто неуместна, но и прямо немыслима (например, воины, ведущие бой).

Практически обнажен и грек на «вазе Евримедонта» – именно потому, что он грек. И по той же самой причине перс, представитель «варварского» мира, на этом памятнике (равно как и на любом другом) мог быть только одетым²⁵, причем одетым обязательно в традиционный восточный костюм – таким способом недвусмысленно обозначалась его цивилизационно-этническая идентичность, таким способом он отличался вазописцем от эллина и противопоставлялся ему. Канон в подобных случаях оказывался сильнее действительности²⁶.

наготы» // Исседон. Т. 2. 2003. С. 45–53; *Нефёдкин А. К.* Продолжая дискуссию о спартанской наготе, лаконском пилосе и прочем... // Исседон. Т. 3. 2005. С. 86–93. Одним из ситуативных вариантов «героической наготы» являлась широко известная атлетическая нагота греков (о ней см.: *McDonnell M.* The Introduction of Athletic Nudity: Thucydides, Plato, and the Vases // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 111. 1991. P. 182–193).

²⁴ Ср. весьма интересные размышления по этому поводу в эссе Максимилиана Волошина «Лицо, маска и нагота» (*Волошин М. А.* Лики творчества. Л., 1988. С. 399–404).

²⁵ Не противоречит сказанному наличие в греческой вазописи группы изображений обнаженной фигуры в скифском колпаке и с ритонном (см. о них: *Иванчик А. И.* Указ. соч. С. 39–40). В действительности они представляют не скифов, а тоже греков, головной же убор символизирует «питие по-скифски» на симпозиис.

²⁶ Когда работа над этим текстом была уже завершена, нам удалось ознакомиться с ранее недоступной статьей Д. Браунда, имеющей отношение к рассматриваемому здесь сюжету: *Braund D.* In Search of the Creator of Athens' Scythian Archer-police: Speusis and the «Eurymedon Vase» // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 156. 2006. S. 109–113. Браунд отрицает связь изображения на «вазе Евримедонта» со сражением при одноименной реке, а взамен выстраивает довольно замысловатую схему, сводящуюся к следующему. Евримедонт на вазе – конкретный афинский гражданин (заметим, неизвестный из источников); сыном его являлся Спевсин, или Спевсипп, который, по некоторым данным, учредил в Афинах отряд скифов-стражников; наконец, внуком последнего был философ-платоник Спевсипп. Реконструкция всецело построена на череде произвольных допущений, к которым к тому же примешиваются прямые ошибки. Например: Спевсипп, родившийся около 410 г. до н. э., приходился якобы внуком Платону (*Braund D.* Op. cit. S. 110). Получается, Платон в 17 лет уже имел внука?!

РОЛЬ КАТЕГОРИИ ПОЛИСА В ФОРМИРОВАНИИ ДИХОТОМИИ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ – ВАРВАРСТВО» В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ*

Горячо приветствуя идею круглого стола «Цивилизация и варварство», проведенного в феврале 2011 г. и ИВИ РАН, и сердечно благодаря организаторов этого мероприятия, мы в самом начале данной работы хотели бы подчеркнуть, что речь в ней пойдет о проблематике довольно общего характера. Не хотелось бы углубляться в какие-то мелкие нюансы, интересные только специалисту по античности, особенно учитывая то, что авторы сборника, выпускаемого по итогам круглого стола (а соответственно, и его потенциальные читатели), в большинстве своем не являются антиковедами.

Остановиться хотелось бы прежде всего на том, как и под воздействием каких факторов на земле Древней Эллады формировалась та бинарная оппозиция, которая обозначена в заголовке статьи. Этот вопрос сам по себе представляется немаловажным: ведь само представление об этих двух противоположных мирах, находящихся в постоянной оппозиции друг к другу, полярным образом отличающихся друг от друга, иными словами – о цивилизации и варварстве, впервые в европейской истории зародилось именно в античной Греции.

Как хорошо известно, сам термин «варвар» (βάρβαρος) – древнегреческого происхождения. Об этом, а также и об этимологии понятия, о его изначальных коннотациях речь пойдет ниже¹. Что же касается термина «цивилизация»,

* Впервые опубликовано в: Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт. М., 2012. С. 47–66.

¹ А пока отметим несколько важных работ, имеющих прямое отношение к рассматриваемой здесь теме: *Zahn R.* Die Darstellung der Barbaren in griechischer Litteratur und Kunst der vorhellenistischen Zeit. Diss. Heidelberg, 1896; *Hall E.* Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy. Oxf., 1991; *Georges P.* Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore, 1994. Разумеется, это выборочный перечень, ни в малейшей мере не претендующий на полноту. В отечественной историографии см., например: *Савостина Е. А.* Античность и варвары: возможность сопоставления культур // *Раев Б. А.* (ред.). Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Ч. 2. Новочеркасск, 1993. С. 157–169; *Рунг Э. В.* Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н. э. // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 4. СПб., 2005. С. 125–166; *Маринович Л. П.* Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // *Маринович Л. П.* (ред.). Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 5–29; *Суриков И. Е.* Геродот и «похищение Европы»: первый грандиозный этноцивилизационный миф

то он, правда, имеет не эллинские, а более поздние, латинские корни. Однако в Греции ему достаточно полно соответствовало понятие παιδεία².

Итак, кто же такие «варвары» с точки зрения античных греков? Наверное, имеет смысл специально акцентировать, что под «варварами» понимались все не-греки, все иноземцы. Иными словами, категория «варвар» являлась тогда исключительно широкой, а кроме того, совершенно неоднородной. Для эллина варварами были не только те, кого мы и поныне охарактеризовали бы данным термином (имеются в виду этносы, находящиеся на поздней стадии первобытности, еще не создавшие собственной цивилизации). Разумеется, знали греки и таких варваров (так сказать, варваров в собственном смысле слова); они были хорошо знакомы, например, со скифами, фракийцами, позже – с кельтами и др.

Однако для эллина варварскими являлись и те этносы, которые мы сейчас ни в коем случае не причислили бы к таковым, народы с собственными богатыми цивилизационными традициями, порой весьма древними³. Для грека, в частности, перс – безусловный варвар; более того, варвар по преимуществу,

в истории Запада // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 21. М., 2007. С. 149–160.

² Это понятие, которое следует признать в целом ряде отношений ключевым для древнегреческого менталитета, наиболее детально исследовалось в фундаментальном, классическом трехтомном труде Вернера Йегера, который так и называется «Paideia». Этот труд, существующий в немецком (*Jaeger W. Paideia: Die Formung des griechischen Menschen. Bd. 1–3. B., 1933–1947*) и английском (*Jaeger W. Paideia: The Ideals of Greek Culture. Vol. 1–3. Oxf., 1939–1944*) вариантах, является, вне сомнения, одним из важных памятников гуманитарной мысли XX века. На русский язык к этому моменту переведены первый и второй тома (*Йегер В. Пайдейя: Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем). М., 1997; Он же. Пайдейя: Воспитание античного грека. Т. 1. М., 2001*).

³ Совершенно иначе воспринимали понятие «варвар» римляне, которые, кстати говоря, и сам этот термин (*barbarus*) не выработали самостоятельно, а заимствовали у тех же греков. Римляне прилагали понятие «варвары» к племенному миру на границах цивилизованной ойкумены, а вовсе не ко всем чужим народам, не-римлянам. Для римского гражданина ни этруск, ни карфагенинин не являлись варварами, не говоря уже о греках. Иными словами, оппозиция «мы – они» не получила всеобъемлющего развития в римском этническом самосознании, не привела к принципиальной ксенофобии. В связи с данной проблематикой см.: *Bowersock G. W. A Post-Imperialist Perspective on the Roman Empire // ВДИ. №4. 1997. С. 86–93; Сушков И. Е. Камень и глина: к сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Хвостова К. В. (ред.). Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 273–288. В последней работе показано также, как греки в эпоху эллинизма спорили и колебались, считать ли самих римлян варварами или нет.*

варвар «с большой буквы» (ὁ Βάρβαρος) – это не кто иной, как персидский царь, владыка мировой Ахеменидской державы. Он выступает (подчеркнем, в понимании греков) как бы воплощением и квинтэссенцией варварства!⁴ Думается, излишне будет оговаривать, что в современной науке никто не назовет Ахеменидскую Персию варварским обществом.

Но персы – еще не самый разительный пример: в конце концов, их цивилизация была моложе греческой, и эллины могли в какой-то степени позволить себе смотреть на них «свысока»⁵. Однако для грека и финикиец был «варваром», несмотря на то что из Финикии (и из Передней Азии в целом) эллинская цивилизация позаимствовала и свой прославленный алфавит (разумеется, модифицировав его), и ряд других важных культурных реалий⁶.

Более того, даже Египет воспринимался как «варварское» общество – тот самый «вечный Египет», на фоне которого сами греки ощущали себя детьми⁷. Последнее подчеркивали в разное время и Геродот, и Платон (возможно, даже еще и Солон). Из века в век на протяжении архаической и классической эпох эллины приезжали в Египет учиться «древней мудрости»⁸, прекрасно созна-

⁴ Подробнее см.: Рунг Э. В. Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. Казань, 2009. С. 109 сл.

⁵ Хотя, что немаловажно, в политическом отношении Греция на определенном хронологическом отрезке была фактически периферией державы Ахеменидов, что не могло, в частности, не сказаться на формировании эллинской историографии. См. в данной связи: Momigliano A. Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxf., 1977. P. 25 ff.; Gschnitzer F. Die sieben Perser und das Königtum des Dareios: Ein Beitrag zur Achaimenidengeschichte und zur Herodotanalyse. Heidelberg, 1977; Balcer J. M. Herodotus & Bisitun. Stuttgart, 1987.

⁶ По данному вопросу есть классическая работа, на которую в первую очередь надлежит сослаться: Burkert W. The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age. Cambridge (Mass.), 1992.

⁷ См. в связи с рассматриваемым сюжетом: Brown T. S. The Greek Sense of Time in History as Suggested by their Accounts of Egypt // Historia. Bd. 11. Ht. 3. 1962. S. 257–270; Lloyd A. B. Herodotus on Egypt and Ethiopia // Karageorghis V., Taifacos I. (eds). The World of Herodotus. Nicosia, 2004. P. 43–52 (краткий, но полезный обобщающий очерк А. Ллойда – виднейшего специалиста по греко-египетским отношениям, автора трехтомного комментария к египетскому логосу Геродота); Vannicelli P. Herodotus' Egypt and the Foundations of Universal History // Luraghi N. (ed.). The Historian's Craft in the Age of Herodotus. Oxf., 2007. P. 211–240.

⁸ О том, что поездки греков в Египет далеко не всегда имели чисто прагматический характер, см.: Суриков И. Е. Геродот и египетские жрецы (к вопросу об «отце истории» как «отце лжи») // Исседон: Альманах по древней истории и культуре. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 7–25. Разумеется, среди греков, прибывавших в долину Нила, были и воины-наемники, и купцы; однако встречаем мы среди этих визитеров и лиц, отправившихся в далекое путешествие из чистой любознательности.

вали, что египетская цивилизация возникла многократно раньше их собственной, — но это отнюдь не мешало им считать египтян «варварами».

Вышесказанное уже само по себе заставляет задуматься о коннотациях, присущих в греческой античности понятиям «варвар», «варварство». Если в наши дни при всём старании никуда не деться от определенного негативного оттенка, свойственного этим лексемам (во всяком случае, в обиходном словоупотреблении), причем история этого негатива весьма почтенна (она восходит к тем же самым грекам, но чуть более поздней эпохи по сравнению с той, о которой пока идет речь), то на самом раннем этапе развития древнегреческой цивилизации никакого отрицательного заряда слово «варвар» еще не несло.

Здесь следует остановиться, хотя бы вкратце, на одном немаловажном вопросе. Нередко в исследовательской литературе в связи с проблемой «эллины – варвары» можно встретить утверждение, согласно которому сформировавшееся со временем презрение греков к «варварам» (то есть, повторим и подчеркнем, всем не-грекам, всем иноплеменникам) есть не что иное, как признак расизма. Если выражаться совсем точно, в самое последнее время в науке предпочитают употреблять более мягкий термин «проторасизм»⁹.

Нам весь этот дискурс представляется в корне неверным и являющим собой модернизацию античной ситуации, ее грубый и некорректный перевод в сферу представлений, свойственных нашему времени. Ничего специфически расового в отношении греков к «варварам» не было. Как известно, расизм – в какой бы то ни было форме – исходит из того постулата, что одни люди качественно уступают другим по происхождению, «по крови»; в результате от рождения есть люди «первого сорта», «второго сорта», и т. д., и т. п.

Нет ничего более чуждого мировоззрению греков! Они не считали и не могли считать «варваров» людьми, уступающими им самим по происхождению, «по крови». А не могли они так считать по той простой причине, что возводили себя и «варваров» к одним и тем же первопредкам.

Как известно, расизм предполагает сегрегацию. Последняя в крайних случаях (возьмем, например, ЮАР эпохи апартеида) распространяется даже на сферу политической практики. Но даже для тех, кто разделяет расизм только как течение мысли, признать единство происхождения всех людей (ведь это в конечном счете подразумевает их равенство) практически невозможно: такова уж неизбежная логика данной идеологии.

А что же у греков? Согласно их воззрениям, например, персы происходят от прославленного эллинского героя Персея (через его сына, которого так и звали – Перс). Близкие персам мидяне – от Меда, сына афинского царя Эгея

⁹ Обоснование данного термина см.: *Isaac B. H. The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton, 2006.*

от колхидянки Медеи¹⁰. Родоначальниками египтян признавались Эпаф, Бел и Египт – соответственно сын, внук и правнук греческой (аргосской) царевны Ио, соблазненной самим Зевсом. Первопредком скифов считался Геракл¹¹, и т. д., и т. п. Примеры можно было бы продолжать, но в этом уже нет особого смысла: основная тенденция обозначена¹². Для всех варварских народов создавалась греческая мифологическая генеалогия!

Как это получилось? Совсем недавно, на очередных Чтениях памяти В. Т. Пашуто в ИВИ РАН, выступая в дискуссии по докладу М. В. Скржинской, посвященному сопряженной проблематике¹³, мы высказали следующие соображения по этому поводу. Не случайно в семиотике сближают миф и язык. Между этими феноменами действительно есть много общего. Миф в ряде отношений, вне сомнения, является языком и в схожих ситуациях схожим образом «ведет себя» (сознательно употребляем терминологию, подходящую для «виртуальных организмов»).

Так, если язык сталкивается с какой-либо реалией, ранее ему неизвестной, он немедленно создает для нее определение (лексему), чаще всего по принципу аналогии. Равным образом и миф, столкнувшись с чем-то чуждым, немедленно «осваивает» это чуждое, создавая соответствующую мифологему. Цель действия в обоих случаях заключается в том, чтобы вписать новый феномен в существующую картину мира.

Что же касается происхождения «варварских» этносов от эллинских героев, кто-то, возможно, возразит: уже самой подобной парадигмой вроде бы задается «вторичность» варваров по сравнению с эллинами. В понимании греков, варвары происходят от них, а не наоборот!

¹⁰ Поскольку сыном того же Эгея (от другого брака) был, согласно мифам, Тесей – самый прославленный афинский герой, так сказать, воплощение Афин *par excellence* (об образе Тесея см. наиболее подробно: *Calame C. Thésée et l'imaginaire athénien: Légende et culte en Grèce antique*. Lausanne, 1990; *Walker H. J. Theseus and Athens*. N. Y.; Oxf., 1995; *Mills S. Theseus, Tragedy and the Athenian Empire*. Oxf., 1997), получается, что, по греческим воззрениям, афиняне и мидяне – эти исконные протагонисты – имели предками единокровных братьев.

¹¹ Филигранный (хотя во многом спорный) анализ этой греческой мифологемы и ее возможных скифских корней см.: *Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры: Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э.* М., 1985.

¹² Ссылок не даем, чтобы не загромождать научный аппарат статьи, поскольку достаточно просто открыть любое издание «Мифологической библиотеки» Аполлодора и смотреть по указателю.

¹³ Тезисы ее доклада см.: *Скржинская М. В. Идеологическое обоснование права существования античных государств на территории Скифии // Мельникова Е. А. (ред.). Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза.* М., 2011. С. 258–260.

Однако смеем заверить: случаев «наоборот» тоже более чем достаточно. Самый знатный древнегреческий род – Персеиды (впоследствии назывался Гераклидами, Теменидами)¹⁴ – вел свое происхождение, согласно традиции, из Египта, от упоминавшихся Эпафа и Бела. Древнейшая царская династия такого крупного центра, как Фивы (Кадмиды–Лабдакиды), возводилась к финикийцу Кадму, а к его сестре Европе – первая династия критского Кносса. Наконец, если говорить о таком еще более значительном центре, как Микены (наиболее важном в Греции II тыс. до н. э.¹⁵), родоначальником последней и знаменитейшей из правящих там династий – Атридов (именно к ней принадлежали Агамемнон, Орест и др.¹⁶) – считался Тантал, правивший в Малой Азии; его сын Пелоп, согласно легендарной традиции, перебрался в Грецию и стал там владыкой чуть ли не всего Пелопоннеса (собственно, название этого полуострова и означает «остров Пелопа»), а уже сыном Пелопа был Атрей, внуками – Агамемнон и Менелай и т. д.

Подобного же рода примеры постулировавших «варварских» корней многих славных героев Эллады можно было бы множить и множить¹⁷. Но, думается, сказанного уже достаточно. Разумеется, перед нами – чисто мифологический дискурс, имеющий мало общего с эмпирическими фактами. Понятное дело, что античные греки не занимались сравнительной лингвистикой (особенно учитывая их утрированную нелюбовь к изучению чужих языков) и не могли компетентно судить, какие из «варварских» этносов реально родственны им в большей степени, какие в меньшей и т. п.¹⁸

¹⁴ Об этом роде см.: Молчанов А. А. Персеиды–Гераклиды–Темениды: идея непрерывной династической легитимности в официальных родословных античных монархов // Мельникова Е. А. (ред.). Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 151–159.

¹⁵ Хотя есть мнение (не лишенное определенного резона), что подлинным гегемоном тогдашней «Аххиявы» на протяжении значительного времени были все-таки Фивы, а Микены переняли эту роль лишь к самому концу «героического века». См.: Немировский А. А. Где была столица Аххиявы? «Письмо Тавагалавы» и политические центры Микенской Греции // Ретина Л. П. (ред.). Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. М., 2006. С. 335–338.

¹⁶ Об отражении имен самого Атрея (безусловно) и Агамемнона (возможно) в хеттских источниках, что подтверждает существование этих царей как исторических лиц, см.: Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.

¹⁷ См., в частности, другие примеры: Молчанов А. А. Отношение к варварам в общеахейской династической традиции // Маринович Л. П. (ред.). Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 30–46.

¹⁸ Так, с лингвистической точки зрения, например, те же персы или скифы, будучи индоевропейцами, естественно, в большей степени могли считаться «родственниками» греков, нежели египтяне или финикийцы, принадлежавшие к иной языковой семье.

Но речь сейчас не об этом. Важнее сам характер описываемого мифологического дискурса¹⁹, его общая направленность, которая выражена вполне четко. Перед нами предстает «ментальный космос» (свойственный в наибольшей степени архаической эпохе), в котором «эллинство» и «варварство» предстают как органично связанные между собой части единого мира, а не как отдельные и изолированные миры²⁰. Причем связи, о которых идет речь, имеют еще не иерархический, а вполне равноправный характер.

* * *

Итак, что же именно (коль скоро это было не происхождение) в глазах грека делало эллина эллином, а «варвара» – «варваром»? Ответ достаточно ясен. Обычно указывают (и с полным основанием) на критерий цивилизованности – но именно в греческом понимании последней. Иными словами, для грека варваром является тот, кто не приобщен к той самой эллинской *παῖδεία*, включавшей определенный тип культуры и порождаемый им образ жизни. Считалось, что если привезти «варвара» в Элладу, там воспитать его по-эллински да если он еще вполне воспримет это воспитание, обучится нормально говорить на греческом языке, заживет по греческим обычаям, иными словами, ассимилируется, то он уже будет вовсе не «варваром», а, напротив, вполне полноценным эллином.

Более того, такой человек мог даже стать видным деятелем эллинской культуры. Вспомним, например, об одной карийской по происхождению (то есть, казалось бы, «варварской») семье, обитавшей в Галикарнассе, причем именно в негреческом, карийском квартале этого города – Салмакиде. К V в. до н. э. эта семья настолько эллинизовалась, что выдвинула из своей среды таких ярких личностей, как «отец истории» Геродот и выдающийся эпический поэт Паниасид²¹.

В жилах Геродота, несомненно, текла «варварская» кровь, но у кого повернулся бы язык назвать его варваром? Он был ярким представителем рафинированной эллинской интеллигенции, свободно владел как дорийским, так и ионийским (скорее всего, также и аттическим) диалектами древнегреческо-

¹⁹ О том, в какой степени определял он собой всё мышление греков, см. хотя бы: *Hartog F. Le miroir d'Hérodote*. P., 2001; *Вен П. Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении*. М., 2003.

²⁰ Ср.: *Purcell N. Mobility and the Polis // Murray O., Price S. (eds). The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxf., 1991. P. 29–58.

²¹ Паниасид, насколько можно судить, являлся одновременно дядей Геродота по материнской линии и его двоюродным братом по отцовской линии. Об этом, а также в целом об истории семьи см.: *Суриков И. Е. Закон с родины Геродота и его исторический контекст // Вопросы эпиграфики. Вып. 4. М., 2010. С. 63–81.*

го языка. В своем труде Геродот однозначно позиционирует себя как эллин; именно таково его цивилизационно-этническое самосознание. Варвары для него – отнюдь не «свои», а «чужие» (хотя он, разумеется, не мог не знать, что его собственные предки – карийцы, а не «чистокровные» греки).

И *vice versa*: если человек, являвшийся по этническому происхождению греком, живя на чужбине, забывал греческие обычаи (или по каким-либо причинам не приобщался к ним), он для других греков становился уже «варваром». Приведем характерный пример из Геродота (VI. 41). Когда в ходе подавления персами Ионийского восстания афинский аристократ Мильтиад (будущий победитель при Марафоне) бежал, спасаясь от преследующих его врагов, его старший сын Метيوخ не успел спастись, был захвачен в плен и доставлен к персидскому царю Дарию.

Дарий не причинил ему, однако, никакого зла. Напротив, царь сделал пленнику много добра: он пожаловал ему дом, поместье и персиянку в жены. От этой женщины у Метيوخа родились дети, *которые считались уже персами* (курсив наш. – И. С.)²².

Наверное, имеет смысл подчеркнуть: дети Метيوخа считались персами вовсе не потому, что их мать была персиянкой. Греков в эпоху, о которой идет речь, ни в малейшей мере не интересовало происхождение матерей тех или иных личностей; вполне достаточно было, чтобы отец являлся эллином. Упомянем, в частности, что матерью знаменитого афинского полководца V в. до н. э. Кимона (кстати, он единокровный брат только что упоминавшегося Метيوخа) была фракиянка Гегесипила. Принижало ли это его хоть в какой-то степени? Конечно, нет. Значение имело только то, что отцом Кимона был высокородный эллин Мильтиад. Кстати, велика вероятность того, что и у не менее знаменитого Фемистокла мать тоже не являлась гречанкой²³.

Отметим еще один интересный нюанс. В эпоху Великой греческой колонизации эллины, отправляясь основывать колонии, зачастую вообще не брали с собой женщин, отбывали чисто мужскими коллективами. Считалось, что семьями они без проблем обзаведутся «на месте», взяв в жены представительниц местных «варварских» этносов. Именно так они и поступали²⁴. Дети, рождавшиеся от таких смешанных браков, в генетическом плане были метисами, но в плане цивилизационном воспринимались как чистые эллины, поскольку

²² В связи с этим эпизодом см.: Суриков И. Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 306–307.

²³ См. к проблеме: Суриков И. Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008. С. 150–152.

²⁴ См., например: Coldstream J. N. Geometric Greece: 900–700 BC. 2 ed. L.; N. Y., 2003. P. 395.

отцы, разумеется, давали им воспитание античного греческого типа. Повторим и подчеркнем еще раз мысль, которая представляется нам исключительно важной и принципиальной: греки не были расистами, пресловутые «вопросы крови» их совершенно не волновали. Эллином считался тот, кто живет как эллин, а «варваром» – тот, кто живет как «варвар». Именно поэтому у Геродота дети Метιοха и названы персами: потому что они родились, росли и жили не в мире греческих полисов, а в Персидском царстве, получили соответствующее воспитание и т. п.

Сказанное применимо к уровню отдельных индивидов. Что можно сказать о критериях, применявшихся на более крупном уровне – на уровне социумов? Что делало для грека то или иное общество, государство эллинским или «варварским»?

В этой сфере первостепенным, ключевым событием было появление вполне типичного для Греции, но в мировом масштабе уникального феномена полиса, полисного типа социума и государственности. Пожалуй, именно наличие полиса было тем главным критерием цивилизованности, которого греки не находили у «варваров» (вне зависимости от того, какие это были «варвары» – полудикие фракийцы или культурнейшие египтяне).

Интересно в связи со сказанным, что, когда греки впервые столкнулись с римлянами, они долго спорили, считать ли их варварами или нет, и не могли прийти к единому мнению (отголоски этих споров см., например, у Полибия: IX. 37. 5; IX. 38. 5; XI. 5. 6; XVIII. 22. 8). В конце концов они все-таки остановились на том мнении, что римляне варварами не являются (а поскольку признать их эллинами тоже было невозможно, то пришлось создать для них особую «нишу» в своем «ментальном космосе»). И решили греки именно так, насколько можно судить, по той причине, что признали наличие у римлян полисной организации (последнее соответствовало действительности²⁵).

Не будет преувеличением сказать, что в известной мере для грека (особенно доэллинистической эпохи) полис – это всё; это тот элемент бытия, без которого жизнь представлялась просто невыносимой²⁶. Подобный подход, на-

²⁵ Дементьева В. В., Суриков И. Е. Античная гражданская община: греческий полис и римская *civitas*. Ярославль, 2010.

²⁶ Литература о греческом полисе поистине неисчерпаема. Перечень некоторых важнейших работ см., например, в: Дементьева В. В., Суриков И. Е. Указ. соч. С. 48–51. Пожалуй, особо следует выделить две итоговые разработки Копенгагенского центра по изучению полиса (о котором см.: Суриков И. Е. Изучение феномена полиса в западной историографии на рубеже XX–XXI вв.: Копенгагенский центр М. Хансена // *Studia historica*. Т. 4. 2004. С. 164–176): обобщающую монографию М. Хансена, основателя и руководителя центра (*Hansen M. H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State*. Oxf., 2006), и фундаментальный коллективный труд – каталог всех греческих полисов (*Hansen M. H., Nielsen T. H.*

пример, весьма четко виден в трактатах Аристотеля – мыслителя, которого в большей степени, чем кого-либо, можно назвать выразителем классического эллинского мировоззрения.

Знакомясь, начиная с архаического периода, с государствами Востока и сравнивая их со своими собственными, греки, разумеется, сразу же замечали ряд принципиальных отличий. Бросалось в глаза, что древневосточные государственные образования полисами ни в каком отношении не являются. Хотя бы уже из-за своих размеров.

Для Аристотеля образцовое государство должно быть таким, чтобы его территория была легко обозрима, а все граждане лично знали друг друга (см. соответствующий пассаж: Arist. Pol. VII. 1326a–1327a; к этому же пассажу относятся и далее приводимые цитаты). Иными словами, образцовым государством в его понимании определенно является полис, и ничто иное. Ясно, что указанные здесь критерии были никак не применимы к государствам Востока, которые были значительно крупнее и в территориальном отношении, и по населению. Аристотель иронизирует по этому поводу: «...Кто станет военачальником такого до чрезвычайных размеров возросшего множества, кто будет глашатаем, если он не обладает голосом Стентора?»

Закономерно Стагирит заключает: «Государство с чрезмерно большим населением, правда, является самодовлеющим (αὐτάρκης) в отношении удовлетворения насущных потребностей, однако же оно скорее племенная единица, нежели государственная (ἔθνος, ἀλλ' οὐ πόλις), так как ему нелегко иметь какое-либо правильное устройство». Как видим, для греческого философа «варварская» государственность фактически даже не является государственностью: он употребляет по отношению к ней не привычный термин πόλις, а термин ἔθνος, относившийся обычно к племенным объединениям²⁷. Хотя мы с нашей современной точки зрения, конечно, никак не назвали бы, например, Египетское царство или Ахеменидскую державу племенными объединениями: это совершенно полноценные государства²⁸. Однако с точки зрения Аристотеля

(eds). *An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxf., 2004).

²⁷ Об этом термине и вкладывавшемся в него смысле см. наиболее подробно: Morgan C. *Early Greek States beyond the Polis*. L.; N. Y., 2003.

²⁸ Ныне имеет место скорее противоположная крайность: некоторые ученые (правда, в основном политологи, а не историки-антиковеды) заявляют, что античный полис не являлся государством, поскольку он не имел бюрократии, а это, дескать, обязательный признак государственности. Полемику с данной (безусловно неверной) точкой зрения см., например: Медведев А. П. Был ли греческий полис государством? // *Античный мир и археология*. Вып. 12. 2006. С. 17–32 (отметим только, что идеи в данной работе вполне верные, а вот аргументация – несколько неумелая).

(и, пожалуй, любого грека) «для величины государства, как и для всего прочего – животных, растений, орудий – существует известная мера». И он приводит известное сравнение: корабль размером в два стадия (около 360 метров) уже не будет кораблем.

Впрочем, не только в размерах дело. Полисный тип социума неразрывно связан с категориями гражданина, гражданственности, политической свободы, сопряженной с властью закона²⁹. Нигде, кроме как у себя в эллинском полисном мире, греки этих категорий не обнаруживали. В других странах они сталкивались либо с обществами, состоящими из подданных, либо с племенной свободой-«волей». Ни то ни другое, разумеется, не имело ничего общего с подлинной политической свободой, что и давало грекам повод считать «варварами» всех остальных, кроме самих себя.

Особенно связанной с пресловутым «варварством» казалась грекам именно категория подданства, причем они отождествляли последнюю с категорией рабства. Как им представлялось, «варвары», то есть жители восточных государств, – вечные рабы, «рабы по природе» (этот мотив также настойчиво звучит у Аристотеля).

Приведем в связи со сказанным две цитаты из Геродота. Первая – слова, обращенные к персидскому владыке Ксерксу опальным спартанским царем Демаратом. Греки характеризуются Демаратом следующим образом:

Бедность в Элладе существовала с незапамятных времен, тогда как доблесть приобретена врожденной мудростью и суровыми законами. И этой-то доблестью Эллада спасается от бедности и тирании... Они (эллины, в данном случае прежде всего спартанцы. – *И. С.*) свободны, но не во всех отношениях. Есть у них владыка – это закон, которого они страшатся гораздо больше, чем твой народ тебя. Веление закона всегда одно и то же: закон запрещает в битве бежать перед любой военной силой врага, но велит, оставаясь в строю, одолеть или самим погибнуть (Herod. VII. 102–104).

Вторая цитата – слова, сказанные двумя другими знатными спартанцами, Сперфием и Булисом, персидскому вельможе Гидарну. Перс, встретившись с ними, высказал недоумение (а дело происходило во время Греко-персидских войн): почему же греки так решительно сопротивляются, не хотят подчиниться «Великому царю» (так греки традиционно именовали владыку персов)? Ведь тот умеет ценить доблесть, и под его властью не так уж и плохо живется. Греки ответили:

Гидарн! Твой совет, кажется, не со всех сторон одинаково хорошо обдуман. Ведь ты даешь его нам, имея опыт лишь в одном; в другом же у тебя его нет. Тебе

²⁹ См. в связи с этим: Суриков И. Е. Геродот. М., 2009. С. 40–42.

прекрасно известно, что значит быть рабом, а о том, что такое свобода – сладка ли она или горька, ты ничего не знаешь. Если бы тебе пришлось отведать свободы, то, пожалуй, ты дал бы нам совет сражаться за нее не только копьем, но и секирой (Herod. VII. 135).

Итак, позиция, которую мы встречаем здесь, вполне ясна. Она заключается в следующем: главное отличие эллинов от варваров в том, что варвары – все, даже знатные, богатые, доблестные, – живут в условиях постоянного рабства. Они всецело во власти царя, обязаны подчиняться и терпеть любой его произвол.

А мир эллинов – это мир свободы. Но не только: если выразиться совсем точно, это мир *свободы и закона*³⁰. Варварам, людям Востока, чуждо и то и другое. Именно потому они – не просто иные по сравнению с греками, а представляют себе настоящую противоположность им. Так считал Геродот, так считали и его современники, прочие жители эллинского мира, проводя грань между двумя «культурными мирами», на которые, по их мнению, разделялась вся обитаемая земля, именно по этой линии: свобода и закон – рабство и произвол.

* * *

Весьма показателен будет диахронный анализ проблемы, рассматривающейся в рамках данной статьи. Выясняется с полной определенностью, что складывание дихотомии «эллины – варвары» происходит параллельно, можно сказать, синхронно с процессом становления греческого полиса. Действительно, первые намеки на понятие «варвар» встречаем мы у Гомера – в самую начальную пору формирования полиса.

Собственно говоря, у Гомера лексемы «варвар» как таковой еще нет (хотя, между прочим, «эллины» и даже «панэллины» упоминаются, но это могло бы стать предметом отдельного разговора)³¹. В «Илиаде» (II. 867) встречается ее

³⁰ В связи с упомянутыми двумя категориями см. два классических труда, прекрасно дополняющих друг друга: *Ostwald M. Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxf., 1969; Raaflaub K. Die Entdeckung der Freiheit: Zur historischen Semantik und Gesellschaftsgeschichte eines politischen Fundbegriffes der Griechen. München, 1985.*

³¹ Не касаемся здесь вопроса о датировке гомеровского эпоса. Оговорим только, что мы придерживаемся традиционной точки зрения, согласно которой эпические поэмы, сохранившиеся под именем Гомера, *действительно* являются древнейшими имеющимися в нашем распоряжении памятниками древнегреческой литературы. Специально делаем этот акцент, поскольку в западной классической филологии ныне достаточно сильны ревизионистские концепции, сторонники которых готовы объявить «Илиаду» и «Одиссею» произведениями едва ли не более поздними, чем раннеархаическая лирика (см., например: *Sauge A. «L'Iliade», poème athénien de l'époque de Solon. Bern, 2000; Irwin E. Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation. Cambridge, 2005.* Подчеркнем, что это неприемлемо и буквально ставит ситуацию «с ног на голову».

дериват – прилагательное βαρβαρόφωνος (применительно к карийцам, малоазийскому народу), означающее, как часто считают, «говорящие по-варварски», но, строго говоря, указывающее лишь на некую грубость, невнятность произношения слов. Иными словами, изначально понятие «варвар» имело чисто языковое наполнение и, кстати, долго еще сохраняло оно.

Собственно термин «варвар» (ἄρβαρος) начинает интенсивно появляться у авторов рубежа VI–V вв. до н. э. (Гекатея Милетского, Гераклита Эфесского, Симонида Кеосского), но, что интересно, уже употребляется без каких-либо пояснений для читателя, как нечто прекрасно всем известное и само собой разумеющееся. Таким образом, формирование концепта «варвар», очевидно, следует отнести к несколько более раннему времени – VII–VI вв. до н. э. Иными словами, становление и очерчивание этого понятия происходит в течение архаической эпохи – того самого времени, когда складывался полис как феномен. Вышеупомянутые Гекатей, Гераклит, Симонид – писатели, относящиеся, правда, к самой поздней архаике, к ее рубежу с классикой; однако, подчеркнем, они явно не вводят лексему «варвар», а просто пользуются уже существующим и хорошо понятным словом. Литература VII и большей части VI в. до н. э., когда слово это еще несло в себе оттенок новизны, до нас, к сожалению, дошла крайне фрагментарно (в основном это произведения лирических поэтов, для которых «варварская» тема отнюдь не была в числе основных).

В период, о котором идет речь, слово «варвар», насколько можно судить, имело еще вполне нейтральную эмоциональную окраску³². Удивляться этому не приходится, если принять в расчет следующие соображения. Дихотомия «эллин–варвар», бесспорно, сыграла огромную роль в складывании и осознании этнической идентичности античных греков. Однако не следует считать, что сразу же с возникновением слова «варвар» немедленно выкристаллизовалась во всех своих компонентах идея двух противоположных «культурных миров». На самом деле следует разделять два процесса и два феномена: представление об «эллинах» и «варварах» – далеко не то же самое, что противопоставление «эллинов» и «варваров», причем противопоставление тотальное и, самое главное, ценностно окрашенное.

Первый из двух обозначенных феноменов весьма распространен. Насколько можно судить, у очень многих, если не у всех, этнических коллективов на каком-то этапе их истории (как правило, весьма раннем) возникает понимание того, что окружающие этнические коллективы – именно «другие», «иные», «чужие».

³² Против этого на первый взгляд свидетельствует следующее изречение Гераклита (DK 22 B 107): «Глаза и уши – дурные свидетели для людей, если души у них варварские». Однако, как нам представляется, в данном фрагменте слово «варварский» означает не «презренный, негодный во всех отношениях», а просто «непонятливый», что близко к исходному – «языковому» – значению лексемы ἄρβαρος, о котором говорилось выше.

Чаще всего ощущение инаковости обуславливается языковыми различиями, которые более других бросаются в глаза. Создается впечатление, что мир делится на тех, кто говорит на «правильном» (т. е. понятном в данном коллективе) языке, и тех, кто на нем не говорит. Для последних подчас подыскивается даже общее определение. Так (намеренно приводим близкий нам, не вызывающий сомнений, хорошо известный и часто фигурирующий в литературе пример), в среде ранних славян все иноземцы фигурировали как «немцы», т. е. «немые», не владеющие «нормальным» славянским языком (применение лексемы «немцы» для обозначения конкретно жителей Германии – плод уже последующего, довольно позднего развития).

Ровно так же, как с «немцами», обстоит дело и с «варварами». Слово βαρβαρος, как однозначно признается всеми, имеет звукоподражательную этимологию. Изначально для грека βαρβαρος – это тот, кто не говорит «нормально», «по-человечески», а вместо этого «бормочет» что-то вроде «бар-бар-бар»: так воспринималась чуждая речь. Как мы видели выше, самое раннее, гомеровское, употребление морфемы βαρβαρ- в составе композита βαρβαρόφωνος – самым решительным образом подтверждает такое толкование.

Подчеркнем специально: данный круг представлений еще не предполагает обязательно какой-то ксенофобии, шовинизма, идеи неоспоримого превосходства «своих» над «чужими». Здесь перед нами всего лишь только еще констатация *наличия* «своих» и «чужих», проявление обычной диалектики мифологического мышления, которое вообще, как известно, оперирует преимущественно бинарными оппозициями. До появления идеи тотального конфликта двух миров пока еще очень далеко.

В какой-то момент греки просто «открыли для себя варваров»³³, осознали, что, кроме таких же, как они сами, в мире существуют еще и «иные». В полном масштабе это произошло в ходе Великой греческой колонизации архаической эпохи (VIII–VI вв. до н. э.), когда, покрывая своими поселениями побережья Средиземного и Черного морей, эллины-колонисты просто не могли не сталкиваться с туземным населением этих мест. Однако встреча с «иными» – это далеко не непременно и даже, пожалуй, не в первую очередь стимул к *конфликтам*. Как минимум в неменьшей степени это стимул к *контактам*. Наиболее естественный вопрос, возникающий при подобного рода встречах, не «Как мы можем им навредить?», а «Что мы можем от них получить?». Такие ситуации должны были подталкивать не столько к враждебности, сколько к конструктивному диалогу.

³³ Андреев Ю. В. Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межатнических контактов) // ВДИ. № 1. 1996. С. 5.

И действительно, в архаическую эпоху принципиальной враждебности между «эллинским» и «варварским» мирами мы еще не находим. Греция в эти времена еще ни в коей мере не отделяет себя от грандиозного мира Древнего Востока, на западной периферии которого она находится. Она – часть этого мира и пока не создала собственного, обособленного «античного космоса», цельного, однородного, закрытого. Соответственно, «Восток» и «Запад», «Европа» и «Азия» если и противопоставляются друг другу, то исключительно как географические, а не цивилизационные понятия. Более того, оппозиция «Европа – Азия» еще не совпадает с оппозицией «Запад – Восток», как привычно нам, а скорее уж с оппозицией «Север – Юг». Да и всё еще взаимозаменяемо в этой формирующейся, мобильной ментальной вселенной. Не будем забывать, что героиня греческой мифологии Европа – та самая, давшая имя соответствующей части света, – по своему происхождению самая натуральная азиатка, дочь финикийского царя Агенора, похищенная Зевсом и перевезенная им на Крит.

В течение архаической эпохи греки, особенно греческие аристократы, охотно вступают в дружественные связи с аристократами и царями «варварских» стран, поддерживают с ними различные отношения, как матримониальные, так и ксенические (ритуальное гостеприимство)³⁴. Афинские евпатриды Солон и Алкмеон совершали поездки ко двору царей Лидии (запад Малой Азии). Другой знатный афинянин – уже известный нам Мильтиад, будущий победитель персов при Марафоне, – в молодости взял в жены дочь фракийского царя и тоже был в дружбе с владыкой Лидии Крезом. Мы привели лишь несколько взятых почти наугад примеров – привели не в доказательных (нужно ли доказывать очевидное?), а в чисто иллюстративных целях. Примеры подобного же рода можно было бы множить и множить, а имя им легион. Различия между миром греческих полисов и миром восточных монархий – различия политические, социальные, культурно-ментальные – разумеется, осознавались, но совершенно не воспринимались как повод для конфликта: принималось как аксиома, что обычаи у людей могут быть разными и это совершенно нормально (да, собственно говоря, немало было и отличий в образе жизни между теми или иными регионами самого греческого мира).

Но вот наступает классическая эпоха древнегреческой истории. Полис как тип государственности и социума достигает пика своего развития. И абсолютно закономерно, что именно тогда же оппозиция «эллины – варвары» предстает, что называется, в полный рост. Разумеется, сыграли здесь свою роль и Греко-персидские войны, предельно обострившие (в греческом восприятии)

³⁴ О ксенических обычаях в Греции см.: *Herman G. Ritualized Friendship and the Greek City. Cambridge, 1987; Konstan D. Friendship and the Classical World, Cambridge, 1997.*

образ «противостояния», но об этом аспекте проблемы мы уже писали ранее³⁵, и теперь нам не хотелось бы повторяться.

Подчеркнем только, что уже у Эсхила и Геродота эта бинарная оппозиция, «эллины – варвары», прочитывается весьма четко. Тем не менее для них «варвар» – уже враг, но еще не абсолютное зло. В той же «Истории» Геродота мы не находим тотального пренебрежения к «варварскому» миру; соответственно, декларирование превосходства греков над всем остальным человечеством осталось этому автору совершенно чуждым. Он тонко подмечает (и порой, кажется, не без удовольствия) многочисленные достоинства «варварских» народов: вековую мудрость египтян, воинскую доблесть и благородство персов, свободолюбие скифов... Впоследствии более «ангажированные» древнегреческие писатели (например, Плутарх) даже с осуждением называли за это Геродота «филоварваром»³⁶.

Но дальше – больше. Точки над *i* должны были быть расставлены. Уже у Еврипида (а он лишь на четыре года моложе Геродота) читаем (Iph. Aul. 1400 sq.):

Грек цари, а варвар гнися! Неприлично гнутья грекам
Перед варваром на троне.

Еще несколько десятилетий спустя абсолютно те же мысли озвучивает великий Аристотель (Pol. I. 1252b5 sqq.):

У варваров... отсутствует элемент, предназначенный по природе своей к владению. У них бывает только одна форма общения — общение раба и рабыни... Варвар и раб по природе своей понятия тождественные.

Парадоксальным образом эта категоричная сентенция прозвучала на самом пороге эпохи эллинизма, на протяжении которой и идея полиса пришла к самоисчерпанию, и грань между эллинами и «варварами», казалось бы, ставшая незыблемой, начала медленно, но необратимо стираться – процесс, кульминация которого нашла отражение в известных апостольских словах, согласно которым «нет ни эллина, ни иудея»...

* * *

Выскажем несколько заключительных соображений. Как мы видели, в V в. до н. э. в древнегреческом мировоззрении формируется резко негативное, презрительное отношение к «варварам», то есть, в сущности, ко всему чужому.

³⁵ Суриков И. Е. Геродот и «похищение Европы»...

³⁶ Ср. Махлаюк А. В., Суриков И. Е. Античная историческая мысль и историография: Практикум-хрестоматия. М., 2008. С. 53.

Раньше такого не было. Раньше, наоборот, греки охотно брали с Востока всё, что только могли: начала научных знаний, технические приемы в архитектуре и скульптуре... До Греко-персидских войн греки отнюдь не считали зазорным вступать в дружбу с иноземцами и родниться с ними. Более того, на их родине эти связи служили предметом гордости. А вот позже такие отношения стали почти невозможными. В IV в. до н. э. знаменитого оратора Демосфена его враги всячески порицали и осмеивали за то, что его бабкой по матери была знатная скифянка³⁷.

Перед нами – очередной исторический парадокс: время высшего процветания Эллады, ее политического могущества, пика развития культуры было и временем наибольшей «закрытости» греческого общества, как бы замкнувшегося в горделивом одиночестве, отгородившегося от всех соседей. Вряд ли это было полезно для цивилизации. И не в той ли самой закрытости коренятся (во всяком случае, отчасти) причины недолговечности «греческого чуда», истоки разрушивших его впоследствии кризисных явлений?

³⁷ К этому сюжету см.: *Суриков И. Е.* Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // Древности Боспора. Т. 13. 2009. С. 393–413.

НА ПЕРИФЕРИИ ВЕЛИКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА: АНТИЧНЫЕ ГРЕКИ КАК ВАРВАРЫ*

Всякий раз, когда варвар одерживает верх, это случается оттого, что он уже больше чем наполовину цивилизовался. Он всегда долго пребывал в приходе и, прежде чем проникнуть в дом, десять раз стучался в двери.

Фернан Бродель¹

В статье, которая была опубликована в предыдущем сборнике, посвященном теме «Цивилизация и варварство»², мы сконцентрировались на выяснении того вопроса, почему античные греки – эти общепризнанные основоположники западной цивилизации – рассматривали все прочие этносы и общества как «варварские» и, соответственно, относящиеся к некоему «второму сорту» по сравнению с ними самими, эллинами, рожденными господствовать. Что же касается данной работы, то хотя она и является в некотором отношении прямым продолжением вышеупомянутой, но анализ в ней будет проведен, пожалуй, в диаметрально противоположном ракурсе.

Несмотря на то что само понятие «варвар» впервые появилось именно в Древней Греции³, впоследствии в мировом гуманитарном дискурсе востор-

* Впервые опубликовано в: Цивилизация и варварство: Парадоксы победы цивилизации над варварством. Вып. 2. М., 2013. С. 42–64.

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 2011. С. 63.

² Суриков И. Е. Роль категории полиса в формировании дихотомии «цивилизация – варварство» в античной Греции // Буданова В. П., Воробьева О. В. (ред.). Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт. М., 2012. С. 47–66. В этой работе и в целом приведена некоторая базовая информация, связанная с категорией «варварства» у греков; соответственно, здесь мы эти сведения повторять не будем.

³ Имеем в виду западную традицию. Сознвая свою недостаточную компетентность, ничего не говорим здесь об иной традиции – древнекитайской. Если верить переводчикам с китайского языка, «Срединная империя» постоянно имела дело с «варварами» (северными, южными и т. п.). Но для нас здесь важна терминологическая точность, а в этом плане нет полной ясности относительно того, как обстоит дело с соотношением европейского термина «варвар» (βάρβαρος, barbarus) и предполагаемого китайского эквивалента.

жествовала не греческая концепция варварства (в рамках которой в качестве «варварских» воспринимались *все* остальные этносы, кроме самих эллинов⁴, причем не придавалось никакого значения уровню развития, так что в роли «варваров» выступали в равной мере и полудикий фракиец, и египтянин с его тысячелетней мудростью), а римская, имевшая принципиально иной характер. Последняя трактовала варварство уже в контрастном сопоставлении с цивилизацией; варварами римляне называли представителей низкоразвитых периферийных народов.

Эта концепция, по сути дела, лежит в основе и нынешних наших представлений. Разумеется, давались и даются – как во времена, допустим, Энгельса, так и в наши дни – многочисленные и довольно разнообразные научные определения варварства⁵; но, во всяком случае, на уровне повседневного бытового мышления категория варварства явно имеет отношение к чему-то отдаленному, грубому, нецивилизованному (то есть не соответствующему критериям цивилизации, принятым в том социуме, в котором происходит дискурс). А теперь выразимся парадоксальным образом: с данной точки зрения как раз сами античные греки в некоторых отношениях могли восприниматься своими соседями как «варвары».

Высказанный тезис ввиду своей необычности, безусловно, нуждается в пояснении и аргументации, к чему мы теперь и переходим. Как видно из вышесказанного, дихотомия «цивилизация – варварство» имеет прямое и непосредственное отношение к дихотомии «центр – периферия». Не то чтобы эти две бинарные оппозиции полностью совпадали, но значительное количество точек соприкосновения между ними явно имеется.

Понятия центра и периферии занимают ключевое место в категориальном аппарате так называемой «мир-системной» модели, которая является весьма авторитетной в западной гуманитарной мысли последнего времени. В создание этой модели определенный вклад внес еще Ф. Бродель, но прежде всего в связи с ней упоминают имя ученого, разработавшего ее наиболее детально, – видного американского социолога и политолога И. Валлерстайна⁶. Специалистами,

⁴ Собственно, даже и периферийные ветви самого греческого этноса (как эпироты, македоняне) могли в каких-то контекстах рассматриваться греками как «варварские» (или, по крайней мере, ставился вопрос, не являются ли они таковыми). Ср. к этому: *Anson E. M. Greek Ethnicity and the Greek Language // Glotta. Vol. 85. 2009. P. 5–30.*

⁵ См. в связи с этим важную теоретическую статью: *Буданова В. П. Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // Буданова В. П., Воробьева О. В. (ред.). Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт. М., 2012. С. 10–46.*

⁶ См. его важнейшие работы по данной проблематике в русском переводе: *Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; Он же. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006.*

работающими в русле данного направления, выстраивается некая многоуровневая конструкция, в рамках которой, во-первых, имеется регион, являющийся «центром», – важнейший элемент любой системы. Далее вычленяются регионы, которые выступают «периферией» по отношению к этому «центру» и в то же время «центром» по отношению к регионам еще более «периферийным». Перед нами, таким образом, «относительная периферия» (или «полупериферия», как предпочитают выражаться сам Валлерстайн и его последователи). Система может иметь целый ряд постепенно понижающихся уровней, пока не доходит до «абсолютной периферии», уже не являющейся «центром» по отношению ни к чему.

Естественно, «мир-система» не обязательно должна быть единственной. В различные конкретные моменты истории вполне возможно одновременное существование нескольких таких систем, у каждой из которых – свой центр. Так, если фиксируются два центра, то обычно говорят о «биполярном мире»⁷.

И. Валлерстайн разработал свою модель для описания современной ситуации. Однако нам представляется, что она вполне применима и для анализа процессов и реалий, имевших место в предшествующие исторические эпохи, в том числе и в древнем мире. Этому способствуют такие ее достоинства, как простота, ясность (которыми она выгодно отличается от многих других концептуальных построений, предлагавшихся теоретиками), а также чисто формальный характер; под последним имеем в виду то, она обращает внимание на формальные, а не содержательные характеристики объектов, а это придает ей бóльшую всеобщность, поскольку в разные эпохи принципиально различное содержание зачастую проявлялось в более или менее схожих формах (вообще говоря, доступный набор форм всегда меньше доступного набора содержаний)⁸.

⁷ Выражение «биполярный мир» вполне корректно, чего нельзя сказать о не реже употребляющихся выражениях «многополярный мир» и «однополярный (монополярный) мир», которые противоречат элементарным законам логики и даже физики. Как известно, полюсов может быть только два – не больше и не меньше; это свойство заложено в само понятие полюса, и иначе не бывает.

⁸ Справедливости ради стоит отметить: еще до появления «мир-системной» модели И. Валлерстайна как теоретической конструкции одна подобного рода многоуровневая система – с «центром» и набором «периферий» разной степени удаленности – была на эмпирическом уровне блестяще реконструирована выдающимся английским византинистом Д. Оболенским в классической книге «The Byzantine Commonwealth» (см. в русском переводе с не очень удачным переводом названия – «Византийское Содружество Наций» (Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998)).

* * *

Поставим вопрос ребром: в «мир-системе» Восточного Средиземноморья первой половины I тыс. до н. э. (а именно в рамках этой «мир-системы» происходило становление эллинских полисов, античной цивилизации, но к тому же региону имели самое непосредственное отношение и все великие империи Древнего Востока, вплоть до державы Ахеменидов) что играло роль «центра», а что – роль «периферии»? Наиболее распространенный ответ на вот вопрос во многом обусловлен имманентно присущим нашей цивилизации европоцентризмом (порой даже не осознаваемым в полной мере⁹), который применительно к изучению древнего мира закономерно преломляется в эллиноцентризм и даже конкретнее – в афиноцентризм¹⁰. Ну а с этой точки зрения «пупом земли» оказываются если не Дельфы, как в мифах самих греков, то Афины и уж, во всяком случае, Греция в целом. Египет, Финикия, Персия в рамках подобной картины мира вырисовываются в качестве далекой, отсталой «периферии», населенной «варварами», людьми не вполне таких же качеств, как греки. В обиходном сознании эти общества воспринимаются как менее совершенные предшественники единственно возможной Цивилизации – античной, то есть в основе своей – нашей, западной.

Вряд ли стоит даже специально оговаривать, что тем самым современные исследователи всего лишь репродуцируют (с той или иной степенью близости) грандиозный этноцивилизационный миф, созданный самими же греками¹¹.

⁹ Хотя случается, что его и пытаются сознательно защищать. См., например: *Шичалин Ю. А.* Ἐπιστροφή, или Феномен «возвращения» в первой европейской культуре. М., 1994. С. 5 сл.

¹⁰ См. нашу критику подобной тенденции: *Суриков И. Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // *Дементьева В. В., Суриков И. Е.* (ред.). Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 39 сл.

¹¹ К этой проблематике см.: *Рунг Э. В.* Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н. э. // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 4. СПб., 2005. С. 125–166; *Он же.* Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. Казань, 2009. С. 89–145; *Маринович Л. П.* Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // *Маринович Л. П.* (ред.). Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 5–29; *Суриков И. Е.* Геродот и «похищение Европы»: первый грандиозный этноцивилизационный миф в истории Запада // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 21. Спец. вып. Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М., 2007. С. 149–160; *Он же.* Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 260–270; *Zahn R.* Die Darstellung der Barbaren in griechischer Litteratur und Kunst der vorhellenistischen Zeit. Teil 1. Diss. Heidelberg, 1896; *Hall E.* Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy. Oxf., 1991; *Georges P.* Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore,

Так, история Восточного Средиземноморья на протяжении многих ее столетий изучается большинством современных антиковедов почти исключительно *sub specie Graeciae*, «глазами эллина».

В действительности же Греция (включавшая в себя, напомним, юг Балканского полуострова и бассейн Эгейского моря) была в интересующий нас период как раз ярко выраженной периферией, существовавшей «под боком» у более древних (и до определенного момента более развитых) цивилизаций Востока. Именно такая ситуация имела место уже во II тыс. до н. э., в эпоху микенских дворцовых царств, которые являлись по своей сути бюрократизированными монархиями вполне восточного типа, еще без каких-либо специфически античных (то есть полисных) черт¹². Ахейцы того времени активно контактировали с куда более могущественными восточными соседями¹³, причем в контактах этих выступали отнюдь не как «центральная» сила, диктующая свои правила. Напротив, они, если можно так выразиться, играли по правилам, установленным иными, более весомыми участниками внешнеполитической жизни. Да и могло ли быть иначе, коль скоро перед нами, с одной стороны, относительно малые (хоть и большие по сравнению с позднейшими полисами) государства эллинов, а с другой – такие «гиганты», как Египет Нового царства, империи Месопотамии, Хеттская держава? В сущности, знаменитые «Львиные ворота» Микен – всего лишь провинциальная реплика «Львиных ворот» Хаттусы.

Только что сказанное вполне очевидно, даже тривиально и вряд ли будет кем-либо оспорено. Никто не рискнет утверждать, что Греция II тыс. до н. э. являлась главным (или одним из главных) бастионов цивилизации. Хетты одно время были склонны как-то считаться с ахейцами, но потом это «поветрие» у них прошло, и царь Аххиявы был даже выскоблен с тех табличек дипломатического архива Хаттусы, где он фигурировал как равный партнер хеттского «Царя-Солнца»¹⁴.

1994; *Lund A. A.* Hellenentum und Hellenizität: Zum Ethnogenese und zur Ethnizität der antiken Hellenen // *Historia*. Bd. 54. Ht. 1. 2005. S. 1–17; *Castriota D.* Feminizing the Barbarian and Barbarizing the Feminine: Amazons, Trojans, and Persians in the Stoa Poikile // *Barringer J. M., Hurwit J. M.* (eds). *Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives*. Austin, 2005. P. 89–102.

¹² См. к проблеме: *Steele P. M.* A Comparative Look at Mycenaean and Near Eastern Bureaucracies: 'Bilateral' Documentation in the Linear B Archives? // *Kadmos*. Vol. 47. 2008. P. 31–49.

¹³ *Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996; *Mee C.* Mycenaean Greece, the Aegean and Beyond // *Shelmerdine C. W.* (ed.). *The Cambridge Companion to the Aegean Bronze Age*. Cambridge, 2008. P. 362–386.

¹⁴ См. удачную подборку текстов по ахейско-хеттским отношениям: *Немировский А. А.* Ахейская Греция и Западная Малая Азия в конце XIV – начале XII в. до н. э. // *Кузи-*

Но обычно считается, что в I тыс. до н. э., после того как Эллада возродилась от упадка «Темных веков»¹⁵ и начала зарождаться собственно античная, полисная цивилизация, положение кардинально изменилась. Так ли это? В нашем распоряжении немало данных для архаической эпохи (VIII–VI вв. до н. э.), в целом свидетельствующих о противоположном. Даже еще до того, как по соседству с греками появилась колоссальное государство Ахеменидов, они были вполне вписаны в «мир-систему» Восточного Средиземноморья¹⁶, причем не были ее «центром» и отнюдь не мнили себя в качестве такового, понимая, что подлинный «центр» находится на Востоке.

Оттуда век за веком на греческие полисы направлялись мощные культурные влияния. Подчас их значение даже чрезмерно преувеличивается. Так, Мартин Бернал в своей скандально известной «Черной Афине»¹⁷ склонен совершенно отказывать эллинам в какой-либо цивилизационной самобытности, считать их этносом, заведомо «вторичным» во всех отношениях, – и, конечно, совершенно безосновательно. Позиция Бернала, впрочем, отнюдь не удивительна. Известно, что по основной специальности он не антиковед, а синолог, но в какой-то момент решил обратиться к ранней греческой истории и «одарил» нас своими сомнительными откровениями, которые, несмотря на их несостоятельность, приобрели большую популярность (не среди знающих ученых, а на уровне «широкой читающей публики») – по причинам, не имеющим прямого отношения к науке¹⁸.

цин В. И. (ред.). Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. СПб., 2000. С. 66–101.

¹⁵ В связи с периодом, традиционно (хотя, как становится всё яснее, не слишком удачно) обозначаемым в историографии как «Темные века», см.: Суриков И. Е. «Темные века» в Греции (XI–IX вв. до н. э.) – первый переходный период в истории европейской цивилизации // Бобкова М. С. (ред.). Переходные периоды во всемирной истории: Трансформации исторического знания. М., 2012. С. 13–38 (со ссылками на предшествующую литературу). В указанной работе говорится и о том, что упадок, характерный для греческих «Темных веков», был отнюдь не таким тотальным, как недавно считалось, а также приводятся сведения о сохранявшихся даже и в это время связях эллинов (преимущественно эвбейцев) с Ближним Востоком.

¹⁶ В связи с говорящимся здесь см.: Purcell N. Mobility and the Polis // Murray O., Price S. (eds). The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 29–58.

¹⁷ Это многотомный труд, над которым автор работает на протяжении целых десятилетий. Относительно недавно вышел третий том (Bernal M. Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization. Vol. 3. The Linguistic Evidence. New Brunswick, 2006). Априоризированную критику построений Бернала см.: Hall E. When is a Myth not a Myth? Bernal's «Ancient Model» // Arethusa. 1992. Vol. 25. Fasc. 1. P. 181–201.

¹⁸ Бернал настаивает на афроазиатских корнях не только греческой цивилизации, но и самого греческого этноса. Высказывания такого рода, разумеется, весьма лестны для афроамериканской составляющей населения США, сильной и влиятельной во всех смыслах.

Совсем другое дело – когда восточные влияния на архаическую Грецию всячески подчеркивают такие выдающиеся исследователи (уж их-то никто не заподозрит в дилетантизме), как Вальтер Буркерт (со стороны антиковедения) или Сайрус Гордон¹⁹ (со стороны востоковедения). Буркерт в ряде своих монографий и статей²⁰ вводит понятия «ориентализирующей эпохи» (совпадающей для него с ранней архаикой) и даже «ориентализирующей революции». Без экстремизма, свойственного Берналу, – напротив, с позиций строгой науки, максимально тщательно аргументируя каждый свой тезис, – этот ученый убедительно показывает, что без цивилизаций Древнего Востока, пожалуй, не было бы и самого «греческого чуда»²¹: настолько многим эллины этим цивилизациям обязаны.

Нужно специально оговорить, что теорию восточных корней греческой культуры не следует абсолютизировать; к ней просто необходим ряд серьезных и принципиальных оговорок. Античное общество эпох архаики и тем более классики копией восточных обществ уж никак не было. Весьма значительны расхождения в экономических отношениях, в религиозных структурах²². Нам приходилось в прошлом довольно решительно высказываться против концепции «тотального ученичества» греков²³, и повторяться не хотелось бы; разве что в самой краткой форме суммируем свои тогдашние доводы.

При оценке реальной значимости восточных влияний на архаическую Грецию, следует, на наш взгляд, учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, эллины выступали в контактах с Востоком не как пассивный объект воздействия, а как активно, сознательно воспринимающая сторона. И ведь, как правило, не египтяне с финикийцами приезжали учить «отсталых» греков, а, напротив, эти последние отправлялись в далекие путешествия, «мудрости

¹⁹ Гордон С. Г. До Библии. Общая предыстория греческой и еврейской культуры. М., 2011. С. 226 сл.

²⁰ См. прежде всего: Burkert W. Die orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur. Heidelberg, 1984; Idem. The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age. Cambridge (Mass.), 1992.

²¹ Ср. высказывание одного из крупнейших мыслителей XX в.: «Греческое чудо, в той мере, в какой его вообще можно объяснить, обязано своим происхождением в основном столкновению культур» (Поппер К. Логика и рост научного знания: Избранные работы. М., 1987. С. 564). Курсив в приведенной цитате принадлежит самому К. Попперу.

²² Ср.: Seaford R. Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy. Cambridge, 2004. P. 68 ff.

²³ Суриков И. Е. Рождение «греческого чуда»: восточные влияния и самобытность в архаической Элладе // Дементьева В. В. (ред.). Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 79–89; Он же. Архаическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 64 сл.

чуждой взыскуя». Греки заимствовали культурные достижения у восточных соседей не потому, что им кто-то что-то навязывал, а потому что они сами ощущали необходимость таких заимствований.

Во-вторых, несмотря на все заимствования, античная греческая культура, повторим, оставалась все же совершенно непохожей на восточные. Это суждение верно и в целом, и в частности. Ниоткуда не были заимствованы концепция полиса²⁴, категории гражданина и гражданства. А ведь как раз это и создает специфику античности. Далее, в работах, указанных в прим. 21, на ряде конкретных примеров (алфавитная письменность, монументальное зодчество, научные знания) мы показали, что никогда и ни в чем эллины не позволяли себе слепого копирования чужих достижений и бездумного подражания им. Нет, они всегда на основе этих чужих достижений создавали что-то именно своё, предельно самобытное и неповторимое.

Вообще говоря, самобытность и восприятие влияний извне – феномены, которые могут один другому и не противоречить (как потом не менее ярко продемонстрировала и историческая судьба Рима). Но сам факт восточных влияний на развитие архаического греческого общества налицо и не может быть оспорен. Алфавит и писчие материалы (кожи, папирус), многие навыки и достижения ремесленного производства (особенно в сложных отраслях ремесел – монументальном строительстве, изготовлении статуй, обработке металлов, особенно ценных, и т. п.), ряд религиозных культов и мифологических сюжетов, монетное дело²⁵ и многое другое – всё это пришло в Грецию из Египта и Малой Азии, Сирии и Финикии...

В эпоху архаики греки были весьма мобильны²⁶, в том числе и в ментальном плане; тогда они не замкнулись еще в горделивом, ксенофобском изоляционизме собственной автаркии. Для Сапфо средоточием мира и «городом по преимуществу»²⁷ выступают Сарды, лидийская столица, и, надо полагать,

²⁴ Э. Снодграсс высказывает предположение, что на формирование греческого полиса оказали влияние финикийские города-государства (*Snodgrass A. Archaic Greece: The Age of Experiment. Berkeley, 1981. P. 31–32*). Нет ровным счетом никаких позитивных данных, которые позволяли бы утверждать, что это так.

²⁵ С монетным делом, впрочем, не всё так просто. На сегодняшний день нельзя с полной однозначностью утверждать, что родина монеты – Лидия. Возможно, в действительности это изобретение ионийских греков. Подробнее вопрос будет нами рассмотрен в другом месте.

²⁶ См. сводку данных: *Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. 2 изд. СПб., 2001. С. 69 сл.*

²⁷ *Crielaard J. P. Cities // Raaflaub K. A., van Wees H. (eds). A Companion to Archaic Greece. Oxf., 2009. P. 358. О Сардах и Лидии у Сапфо см.: Sapph. fr. 39, 98, 132 Lobel–Page.*

великая поэтесса в данном отношении является характерной выразительницей взглядов, в целом типичных для эллинов ее времени.

Особенно после того, как в середине VI в. до н. э. возникла Персидская держава Ахеменидов, в качестве «центра» тогдашнего мира воистину стала восприниматься эта воистину невиданная империя, символизовавшаяся грандиозной фигурой царя. Такое ее «центральное» восприятие было, безусловно, характерно для самих персов и других народов Востока²⁸. Чрезвычайно примечательна следующая констатация Геродота: «Наибольшим почетом у персов пользуются (разумеется, после самих себя) ближайшие соседи, затем – более отдаленные, а потом уважением пользуются в зависимости от отдаленности. Менее же всего в почете у персов народы, наиболее от них отдаленные. Сами они, по собственному мнению, далеко превосходят всех людей на свете, остальные же люди, как они считают, обладают доблестью в зависимости от отдаленности: людей, живущих далее всего от них, они считают самыми негодными» (Herod. I. 134)²⁹.

Данное суждение (естественно, не взятое «отцом истории» с потолка) – воистину «шар в лузу» в контексте аргументируемого нами здесь тезиса. Как ярко из него видно, что персы не только локализовали себя в «центре», а все остальные этносы (в том числе, само собой, греков) считали в разной степени периферийными, но и привносили в эту картину мира этическую окраску. Последняя ассоциирует «центральные» народы с цивилизованными, а «периферийные» – с варварскими.

Интересно, что данный взгляд в архаическую эпоху в известной мере разделялся и самими эллинами. Они и до прихода Ахеменидов, и после него, воспринимали себя, повторим и подчеркнем, как периферию в системе, центр

²⁸ Достаточно припомнить, какими титулами награждают себя персидские монархи в своих монументальных надписях (Бехистун, Накш-и-Рустам и др.): «царь царей», «великий царь», «царь четырех стран света» и т. п. Здесь мы видим совершенно четко сформулированные претензии на мировое господство. Интересное сопоставление материала этих ахеменидских надписей с данным греческой исторической традиции см.: *Gschnitzer F. Die sieben Perser und das Königtum des Dareios: Ein Beitrag zur Achaimenidengeschichte und zur Herodotanalyse. Heidelberg, 1977; Balcer J. M. Herodotus & Bisitun. Stuttgart, 1987.*

²⁹ В связи с этим местом см.: *Franks H. M. Hunting the Eschata: An Imagined Persian Empire on the Lekythos of Xenophantos // Hesperia. Vol. 78. No. 4. 2009. P. 474–475.* По мнению Фрэнкса, такие взгляды персов осуждались греками как чрезмерная гордыня. Сделаем оговорку: да, такое осуждение имело место, но не всегда, оно началось лишь с момента их победы в Греко-персидских войнах, да и то не сразу (изобразительный памятник, который упомянутый исследователь привлекает для обоснования своей точки зрения, датируется IV в. до н. э.). В только что цитированном пассаже Геродота мы еще не встречаем никакого эксплицитного осуждения этих претензий персов на мировое владычество.

которой находится на Востоке³⁰. Показательно их отношение к персидскому царю. Он для эллинов даже не обязательно «великий царь» (ὁ μέγας βασιλεύς) или «царь царей» (ὁ βασιλεὺς τῶν βασιλέων); вполне могли обходиться просто обозначением ὁ βασιλεὺς, с определенным артиклем³¹, и этим уже было всё сказано. Ὁ βασιλεὺς – это как бы «Царь» с большой буквы, единственный и уникальный. А любой другой царь (например, спартанский, македонский и т. п.) был просто «царем», βασιλεὺς, без артикля, то есть «один из многих».

Такой выдающийся антиковед, как Арнальдо Момильяно, в работах, посвященных восточным элементам в древнееврейской и древнегреческой историографии³², совершенно справедливо указывал на то, что с VI в. до н. э. эллинская цивилизация в целом и эллинское историописание в частности складывались и эволюционировали именно на «периферии» персидского культурного мира. Хотя в политическом плане греки боролись за свою независимость от Персии и

³⁰ Весьма показателен, в частности, тот факт, что товары, импортируемые с Востока (например, предметы роскоши), имели очень большой престиж по сравнению с «отечественной» продукцией. См.: Карпюк С. Г. «Качество продукции»: иранские предметы роскоши в восприятии греков // Рунг Э. В., Габелко О. Л. (ред.). Иран и античный мир: Политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций. Тезисы докл. междунар. науч. конф. Казань, 2011. С. 44–45; Он же. Персидская роскошь в демократических Афинах // ВДИ. № 3. 2012. С. 58–67. С. Г. Карпюк говорит о популярности персидских товаров, но здесь перед нами всего лишь частный случай более общей тенденции – преклонения греков перед восточным импортом в целом (прослеживается как минимум с «Темных веков»). Чем знаменателен данный нюанс? Во все времена товары, произведенные в «центре» данной «мир-системы», более престижны, чем товары, произведенные на ее «периферии». Скажем, в нашем современном обиходном мышлении товары, сделанные на Западе, считаются самыми лучшими; те, что сделаны у нас, ценятся ниже, те, что сделаны, допустим, в Китае, – еще ниже и т. п. Уже из этого вполне четко видно, к какому «центру» тяготеет нынешняя Россия. Ясно, что не к Китаю, иначе оценки расставлялись бы противоположным образом.

³¹ Строго говоря, иногда встречаем применительно к персидскому царю и просто βασιλεὺς, без артикля. Например, несколько раз подобное словоупотребление имеет место в «Ахарниях» Аристофана. Ср.: Buis E. J. Diplomáticos y farsantes (Ar. Ach. 61–174): Estrategias para una desarticulación cómica de la política exterior ateniense // Cuadernos de filología clásica (G): Estudios griegos e indoeuropeos. Vol. 18. 2008. P. 255. Но, полагаем, что у комедиографа в данном случае пропуск артикля обусловлен исключительно метрическими соображениями. И, кстати говоря, такой пропуск уже порождал определенное недоразумение, на что намекает сам Аристофан (Ach. 61 sq.). У него глашатай в народном собрании объявляет: «Послы от царя» – Οἱ πρέσβεις οἱ παρὰ βασιλέως. А Дикеополь в ответ спрашивает: «От какого царя?» Ποίου βασιλέως; Послы вынуждены пояснить: «Вы послали нас к великому царю» – Ἐπέμψαθ' ἡμᾶς ὡς βασιλέα τὸν μέγαν (курсив наш. – И. С.).

³² Momigliano A. Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxf., 1977. P. 25–35; Idem. The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley, 1990. P. 5–28.

отстояли ее, но в плане культуры, ментальности ясно, что грандиозная держава Востока, на фоне которой греческие полисы выглядели просто ничтожными, выступала для них в качестве властно притягивающего «центра». В высшей степени характерно, например, что сразу несколько древнегреческих историков первых поколений (относящихся к так называемым «логографам»³³) написали сочинения под названием «Персидские дела» (Харон Лампсакский, Дионисий Милетский, Гелланик Митиленский³⁴). По сути говоря, в рамках тогдашней «мир-системы» писать труд по персидской истории означало практически то же самое, что заниматься всеобщей историей.

Момильяно, характеризуя роль державы Ахеменидов для формирования этноцивилизационного сознания греков и евреев, оговаривает, что роль эта была неоднозначной; «персидская модель» была предметом не только подражания, но и отталкивания. Так, оба вышеназванных народа в V в. до н. э. двигались к созданию «националистических» цивилизаций – именно в качестве реакции на космополитизм и этнически толерантный деспотизм персов. Итальянский исследователь остроумно обращает внимание на параллелизм даже некоторых конкретных событий в греческой и еврейской истории указанного столетия (строительство оборонительных укреплений Афин и Пирея – восстановление стен Иерусалима; меры Ездры и Неемии по пресечению смешанных браков – скандально знаменитый закон Перикла о гражданстве, имевший аналогичную направленность³⁵).

* * *

Повторим и подчеркнем: Ахеменидская держава с ее имперским сознанием воспринимала весь известный мир как свою «периферию»; персидские монархи были твердо убеждены, что имеют полное и законное право на владычество над ним. В том числе, разумеется, и на Грецию. А к Афинам – по ряду общеизвестных причин самому прославленному эллинскому полису – сказанное относится а fortiori. Этот город с конца VI в. до н. э. рассматривался Ахеменидами как подчиненный им не только потенциально, но и юридически, входящий в состав их государства. Дело в том, что ок. 507 г. до н. э. прибывшее в Сарды афинское посольство совершило (несомненно, по неграмотности в вопросах тогдашнего межгосударственного права) крупную дипломатическую

³³ Впрочем, о некорректности употребления термина «логографы» по отношению к ранним греческим историкам см.: Суриков И. Е. Очерки об историописании... С. 161 сл.

³⁴ Balcer J. M. Op. cit. P. 25.

³⁵ В связи с этим законом написано немало, но, пожалуй, наиболее удачно он интерпретирован в недавней работе: Blok J. H. Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // Historia. Bd. 58. Ht. 2. 2009. S. 141–170.

ошибку, неосмотрительно дав персидскому сатрапу «землю и воду», что являлось ритуалом, официально закреплявшим политическую зависимость, фактически – подданство.

Кстати, в данном вопросе мы не согласны с точкой зрения Э. В. Рунга, который полагает, что «действия послов не означали подчинения афинян царю Персии ни с юридической, ни с фактической точки зрения»³⁶. Геродот (V. 73), рассказывающий о посольстве, пишет буквально следующее: οἱ δὲ ἄγγελοι... δίδοναι (sc. γῆν καὶ ὕδωρ) ἔφασαν. Вопреки мнению Э. В. Рунга, это выражение не означает, что послы только пообещали дать «землю и воду» в будущем, иначе в нем и стоял бы инфинитив не настоящего, а *будущего* времени – не δίδοναι, а δώσκειν. В таком виде, какой конструкция имеет у Геродота, она должна переводиться не как «послы же... сказали, что дадут», а как «послы же... сказали, что дают» (т. е. «землю и воду»). Принесли ли они эти дары тут же непосредственно? Трудно сказать; во всяком случае, исключать этого нельзя. Как бы то ни было, имело место соответствующее официальное заявление послов, а это – главное. Сами послы могли расценивать его как акт заключения союза с Персией; но в восприятии персидских властей, естественно, вообще не могло быть такой вещи, как *равноправный* союз с каким-либо государством; с их точки зрения, речь могла идти только о подчинении.

Правда, похоже, что афинская эkklesia после возвращения послов не ратифицировала договоренности, заключенные послами, и, возможно, даже дезавуировала их действия. Но, даже если так оно и было, для Персии это не имело уже ровно никакого значения. Она, считая, что договоры должны соблюдаться, отныне воспринимала Афины как город зависимый, но «взбунтовавшийся», который поэтому должен быть наказан. Не случайно персидские экспедиции в Грецию имели своей главной целью именно Афины. Данный факт может быть корректно интерпретирован *только* в том свете, что нападавшие видели в Афинах, по известному выражению Ф. Шахермейра, «город Великого царя», свое законное владение.

Разумеется, сами афиняне, как и значительная часть других греков, были отнюдь не готовы принять политическую зависимость от Персии; они всячески сопротивлялись, и сопротивлялись успешно. Тут, конечно, можно вспомнить и Марафон, и отражение нашествия Ксеркса, и множество других славных эпизодов Греко-персидских войн. Обо всём этом еще будет сказано ниже. А пока – о другом. На интересующем нас хронологическом отрезке в Ахеменидской державе постоянно подвизалось немалое число греков³⁷. Оговорим,

³⁶ Рунг Э. В. Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI–IV вв. до н. э. СПб., 2008. С. 62.

³⁷ Справедливо отмечалось, что персидское завоевание предоставило многим грекам новые возможности, стало фактором, который они могли использовать с выгодой для себя: Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 B.C. L.; N. Y., 1996. P. 319.

что речь мы сейчас ведем именно о «приезжих» греках, а не о тех, которые были персидскими подданными (как, например, жители Ионии на протяжении ряда периодов).

Какие-то из этих эллинов, оказываясь в Персии, пытались делать там карьеру и/или зарабатывать деньги. Пожалуй, их и можно было бы назвать своего рода «гастарбайтерами» (даже не обращая внимания на то, что это – чрезмерно современное слово), когда бы не один принципиальный нюанс. Только что упомянутый термин у нас однозначно ассоциируется с низкоквалифицированными чернорабочими; а вот греки, отправлявшиеся на Восток, напротив, являлись преимущественно знающими (порой крупными) специалистами в самых разных областях – от военного дела до медицины; именно в качестве таковых они и были в Персии востребованы.

Характерно, что, как правило, эти греки, приезжавшие «на заработки», отнюдь не стремились сделать Ахеменидскую державу своей «новой родиной», осесть там. Напротив, их конечной целью было все-таки рано или поздно вернуться. Дело в том, что для них, как для представителей «периферии», были решительно неприемлемы некоторые поведенческие и мировоззренческие парадигмы, которые для жителей «центра» – Персии – были нормой. В частности, персидский обычай проскинезы (коленипреклонения перед особой царя) вызывал у эллинов полное отторжение. Напомним известный эпизод у Геродота (VII. 134–137) о прибывших к Ксерксу спартанцах Сперфии и Булисе³⁸. По обычаю положено было совершить проскинезу. Но спартанцы «наотрез отказались, даже если их поставят на голову. Ведь, по их словам, не в обычае у них падать ниц и поклоняться человеку и пришли сюда они не для этого, а по другой причине».

Пришли они в Персию, кстати, для того, чтобы претерпеть казнь во искупление за убийство в Спарте персидских послов. Правда, Ксеркс их помиловал и не казнил; но в высшей степени характерно, что принять смерть спартанцы были готовы, а встать на колени перед всемогущим владыкой – не согласны! Перед рассказом о встрече Сперфия и Булиса с Ксерксом Геродот передает их разговор со знатным персом Гидарном, в ходе которой собеседники просто не могут найти общий язык друг с другом.

Еще один типичный пример – изложенная тем же Геродотом (III. 129–137) история знаменитого греческого врача Демокеда из Кротона. При Дарии I он фактически занимал положение лейб-медика, пользовался большим влиянием и богатством, однако всё время помышлял о том, как бы уехать на родину. Царь не отпускал его, но в конце концов Демокед, прибегнув к хитрости, все-таки осуществил свое намерение.

³⁸ К характеристике этого эпизода см.: Суриков И. Е. Геродот. М., 2009. С. 41–42.

Позволим себе небольшой культурологический комментарий к вышеприведенным эпизодам. Для персов одним из интегральных признаков причастности того или иного народа или индивида к цивилизации являлось принятие имперской традиции. Ибо в их понимании тот, кто не хочет лояльно жить в империи (в идеале совпадающей с цивилизованным миром), является дикарем и варваром, сам не понимает своей пользы, и его нужно поработать – для его же блага, поскольку для него порабощение будет равняться «цивилизированию». Подчеркнем, что мы в этом рассуждении вынуждены употреблять современные термины, но от этого, очевидно, никуда не деться.

Персы, как уже отмечалось выше, были в этноцивилизационном плане весьма толерантными правителями; это собственно, одна из главных причин того, что им удалось создать огромное, полиэтническое и притом в целом устойчивое государство с высокой культурой. В сущности, единственное, чего они требовали от подданных, – минимальная лояльность и хоть какое-то желание включиться в имперскую традицию. Некоторые греки такое желание демонстрировали, но в массе своей – все-таки нет. Мы видели, что Демокед не прельстило высокое положение при дворе, и он попросту сбежал в свой Кротон, чтобы жить там обычным гражданином. А ведь в Персии он при желании мог бы получить под свою власть целые города.

Поступок Демокеды крайне показателен. С точки зрения персов он, конечно же, был чистейшим варварством: человек может жить во дворце, но убегает чуть не в землянку, потому что ему претит ежедневно совершать земной поклон перед царем. Самых персов проскинеза никоим образом не смущала; они прекрасно понимали, что есть некая условность ритуала, нормы этикета, и если кто-то этого не желает понять, то может ли он называться культурным человеком?

С конца VI по начало IV в. до н. э. на персидской территории по тем или иным причинам, на протяжении более или менее длительного срока проживали несколько крупных политических деятелей афинского полиса³⁹. Упомянем, в частности, имя Мильтиада Младшего. Как известно, будущий марафонский победитель в 514–493 гг. до н. э. являлся (как тиран Херсонеса Фракийского) персидским подданным, принял участие в скифском походе Дария I. Чуть ли не еще дольше задержался в Персии афинский тиран Гиппий, изгнанный с роди-

³⁹ Суриков И. Е. Знаменитые афиняне VI–V вв. до н. э. на территории Ахеменидской державы // Рунг Э. В., Габелко О. Л. (ред.). Иран и античный мир: Политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций. Тезисы докл. междунар. науч. конф. Казань, 2011. С. 37–38. В указанной работе материал рассмотрен в краткой, тезисной форме. В настоящее время нами подготовлена довольно большая статья на данную тему, которая на момент написания этих строк еще не опубликована. Сделанные в ней наблюдения мы отчасти используем в настоящей работе.

ны в 510 г. до н. э. Перебравшись в малоазийский Сигей и став его вассальным тираном под ахеменидским владычеством, он бывал и у Дария в Сузах, и плавал с Датисом и Артаферном к берегам Аттики в 490 г. до н. э.

Наиболее известно достаточно продолжительное пребывание в державе Ахеменидов знаменитого Фемистокла. Приговоренный в Афинах к казни, у персов он, напротив, добился высокого положения: управлял несколькими городами, чеканил монету. О Фемистокле в Персии написано немало⁴⁰, нам тоже приходилось обращаться к этому сюжету⁴¹, поэтому не будем повторяться. Далее, в конце V в. до н. э., с Персидской державой связан ряд перипетий бурной судьбы Алкивиада, который в чем-то пошел по стопам Фемистокла. А еще несколько лет спустя нечто похожее случилось с Кононом. Последний был одновременно афинским политиком и персидским офицером высокого ранга – фактически командовал морскими силами Ахеменидов в Эгейском море.

Итак, эллин действительно мог сделать карьеру, прибыв в Ахеменидскую державу. Более того, отношение ее высоких сановников (и даже царя) к таким грекам можно даже назвать гостеприимным. Им шли навстречу, в рамках возможного стремились удовлетворить их пожелания. Так, Фемистокл попросил, чтобы ему дали год на изучение персидского языка – и этот срок был с готовностью ему предоставлен.

Разумеется, карьера греков в Персии должна была иметь некоторые ограничения. Так, маловероятно, чтобы они могли дослужиться до совсем уж высоких степеней, например занимать посты сатрапов⁴². Но всё же возможности перед эллинами развешивались довольно широкие. Причем, что интересно, насколько можно судить, ни одному из афинян, о которых шла речь, не пришлось подвергаться какой-то специальной «проверке», проходить «испытательный срок» и т. п. Мильтиада практически непосредственно после того, как

⁴⁰ См., например: *Cahn H. A., Gerin D. Themistocles at Magnesia // Numismatic Chronicle. Vol. 148. 1988. P. 13–20; Cahn H. A., Mannsperger D. Themistocles Again // Numismatic Chronicle. Vol. 151. 1991. P. 199–202; Nollé J. Themistokles in Magnesia: über die Anfänge der Mentalität, das eigenen Porträt auf Münzen zu setzen // Schweizerische numismatische Rundschau. Bd. 75. 1996. S. 5–31.*

⁴¹ *Суриков И. Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008. С. 180 сл.*

⁴² Впрочем, Геродот (IX. 107) сообщает, что его земляк – галикарнасец Ксенагор – получил от Ксеркса в управление всю Киликию. Но тут необходимо сделать несколько оговорок. Во-первых, этот щедрый дар был вызван действительно экстраординарным поступком грека: Ксенагор спас от гибели Масиста, царского брата. Во-вторых, строго говоря, Геродот не указывает, что Ксенагор был назначен сатрапом, не употребляет этого термина. В-третьих, в данном случае речь все-таки идет не о приезде, а о малоазийском греке, то есть о персидском подданном.

его владения попали под контроль персов, мы уже встречаем в свите Дария. Более века спустя Конону, для того чтобы занять высокое положение в персидском войске, хватило всего лишь рекомендации Евагора (правителя Саламина Кипрского) – далеко не самого лояльного ахеменидского вассала.

Таким образом, на протяжении длительного хронологического отрезка подход персов к грекам не менялся: он был априорно доверительным. Однако впоследствии, конечно, эллины, ставшие ахеменидскими чиновниками, могли подвергаться наказаниям: это случалось тогда, когда их уличали или подозревали в некой «двойной игре», в недостаточной лояльности. Так, тот же Мильтиад утратил власть над Херсонесом и сам смог с трудом бежать от персидского преследования (хотя весьма вероятно, что, попади-таки он в руки Дария, никаких наказаний не претерпел бы, а просто был бы переведен во внутренние области державы). Около века спустя каре подвергся и Конон.

Можно сказать, что прибывших афинян (равно как и других греков) методом «кнута и пряника» стремились всячески вписать в имперскую традицию. А что же в данном отношении можно сказать о них самих?

Во-первых, совершенно четко прослеживается, что ни одно из вышеупомянутых лиц не поселилось на территории Персии вполне по доброй воле. Все они были вынуждены сделать это в силу той или иной необходимости, чаще всего – по причине своего изгнания из родного полиса, усугублявшегося и невозможностью оставаться в греческом мире в целом. Именно так было с Фемистоклом, Алкивиадом, Кононом. Таким образом, при прочих равных условиях эти эллины предпочли бы все-таки в Персию не ехать, а остаться дома; но так уж сложились их судьбы, что «остаться дома» было невозможно.

Соответственно, пребывание в Ахеменидской державе, несмотря на все раздвигавшиеся возможности и получаемые богатства, не было для них таким уж привлекательным. Греческие политики, о которых здесь говорилось, могли бы вполне вольготно жить в огромном восточном государстве. Но почти все они страстно желали возвратиться на свою маленькую родину. Мало кому из них это удалось, но усилия в этом направлении они предпринимали. По сути дела, и Гиппий, и Алкивиад, и Конон (полагаем, что с некоторыми оговорками то же можно сказать и о Фемистокле) использовали свое положение в Персии в «инструментальных» целях – как потенциальное подспорье для пресловутого возвращения на родину. Гиппий повел персидскую эскадру к Марафону; Алкивиад пользовался дружбой с влиятельным сатрапом Тиссаферном, чтобы убедить афинян позволить ему вернуться; Конону для тех же целей послужил другой сатрап – Фарнабаз...

По сути, всеми ими двигала та же психологическая мотивация, которая несколько веков спустя заставила Цезаря сказать: «Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме». В рамках предложенной выше цивилизационной

модели это означает, что афинским политикам милее было лидирующее положение у себя на «периферии», нежели высокий, но все-таки подчиненный статус в «центре». Это вполне коррелирует с тем, что было сказано выше в связи с Демокедом и др.

* * *

Итак, для такой крупной и по меркам древнего мира весьма благоустроенной державы, как Ахеменидская Персия, греки, бесспорно, были отдаленным горным народом с довольно дикими нравами, постоянно бунтующим, не желающим встраиваться в «цивилизированный» имперский порядок и вообще не терпящим никакой правильной организации⁴³. Последнее, разумеется, не соответствовало действительности, но мы, повторим, характеризуем ситуацию в том виде, в каком она виделась самим персам. Наверное, прозвучит парадоксом то, что сейчас будет сказано: в сущности, в Персии греки воспринимались так, как в России с XIX века воспринимаются народы Кавказа. Но, право же, сильного преувеличения мы не сделали.

К периферийным этносам персидские власти относились без особого интереса, поскольку, как отмечалось выше, считали их заведомо «второсортными». Они проглядели «цивилизационный рывок», с определенного момента сделанный греками, и в результате жестоко поплатились. Если первое десятилетие Греко-персидских войн проходило под знаком превосходства империи, то впоследствии баланс понемногу сместился. Поход Ксеркса на Элладу в 480–479 гг. до н. э. закончился полной неудачей, хотя, разумеется, в официальной ахеменидской пропаганде эта кампания и была подана как победоносная⁴⁴. Ведь Империя не могла терпеть поражений! Но с этого момента, как известно, в военных действиях между греками и персами произошел коренной перелом, стратегическая инициатива перешла к Афинам и их союзникам.

Создается впечатление, что на «волне побед» Афины всерьез задались целью в корне изменить расклад сил в тогдашнем мире и стремились к тому, чтобы самим стать, вместо Персии, новым «центром» существовавшей в рассматриваемый период «мир-системы». Во второй четверти V в. до н. э. эта направленность их политики прослеживается особенно четко⁴⁵. Чего стоит хотя бы оказанная афинским полисом мощная военная помощь отпавшему от персов Египту!

⁴³ Ср. презрительное суждение Кира Великого о греках, приведенное у Геродота (I. 153).

⁴⁴ *Ruberto A.* La vittoria di Serse in Grecia. Problemi, testimonianze, ipotesi // *Klio*. Bd. 94. Ht. 2. 2012. S. 300–311.

⁴⁵ В связи с этим афинским «великим проектом» см.: *Суриков И. Е.* Очерки об историческом описании... С. 69 сл.

Впрочем, надежды на столь глобальные перемены оказались иллюзорными. Уже завершение Греко-персидских войн Каллиевым миром в 449 г. до н. э. продемонстрировало, что Афины не претендуют больше на единоличное первенство и готовы согласиться на существование двух «центров», с разграничением между ними зон влияния. А тут еще сыграл свою роль такой привходящий фактор, как обострившиеся отношения со Спартой; вскоре вспыхнула Пелопоннесская война, по итогам которой и Афины, и Эллада в целом были резко ослаблены. В результате уже самое раннее с начала IV в. до н. э. положение Ахеменидской державы как «центра» не оспаривалось. С полной ясностью свидетельствуют об этом хотя бы формулировки Анталкидова мира 387 г. до н. э.⁴⁶:

Царь Артаксеркс считает справедливым, чтобы ему принадлежали все города Азии, а из островов – Клазомены и Кипр. Всем прочим же эллинским городам, большим и малым, должна быть предоставлена автономия, кроме Лемноса, Имброса и Скироса, которые по-прежнему остаются во власти афинян. Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я вместе с принявшими мир объявляю войну на суше и на море и воюющим с ними окажу поддержку кораблями и деньгами (Xen. Hell. V. 1. 31).

Формулировки эти, если вдуматься, просто разительны. Ничего подобного не знала ранее древнегреческая дипломатическая практика. Какое-либо равноправие между сторонами начисто исключается звучащим здесь категоричным, нарочито диктаторским тоном, акцентирующим роль персидского владыки как верховного арбитра для эллинов. Последние, надо сказать, вполне приняли такие «правила игры», и в Сузы зачастили представители различных полисов. По сути дела, вся Греция превратилась в «страну Великого царя»...

Потом, конечно, политическая обстановка вновь резко изменилась, начались победоносные походы Александра Македонского. Однако, по большому счету, греческий мир (включая Македонию⁴⁷) все-таки оставался в персидской «системе координат». Вот достаточно выразительное свидетельство этого: всем прекрасно известно, что Александр, завоевав Ахеменидскую державу, отнюдь не присоединил ее к Македонии, а поступил, в сущности, противоположным образом – присоединил Македонию и Грецию к Персии и стал царем послед-

⁴⁶ О характере Анталкидова мира см.: Рунг Э. В. Греция и Ахеменидская держава... С. 335–342.

⁴⁷ Как бы ни относились к Македонии греки, сами македоняне, несомненно, считали себя частью греческого мира. Достаточно напомнить, что в качестве официального языка, на котором составлялись документы, в стране был принят аттический диалект.

ней, «преемником Ахеменидов»⁴⁸. Ничего удивительного! Ведь, как отмечалось выше, царь Македонии был просто βασιλεύς, а царь Персии – ὁ βασιλεύς. Амбициям Александра мог отвечать только этот последний статус. Александра часто называют «творцом нового мира». В ряде отношений это, конечно, верно; но в рамках той модели, которую мы здесь применяем, он не создавал новую «мир-систему» с новым «центром», а просто переместился в «центр» уже существующий.

Впрочем, на тематике, связанной с Александром и эллинизмом, мы, конечно, не будем подробно останавливаться в рамках данной работы. Отметим только одно: как ни странно, греко-македонское завоевание Персидской державы имеет известное типологическое сходство с варварским завоеванием Римской империи. Хотя сами эллины, безусловно, трактовали свое овладение великим восточным государством в совершенно противоположном ключе: как победу своей цивилизации (παίδεια) над варварством. Такова сложная диалектика исторических процессов. Впрочем, только ли исторических? Согласно теории относительности Эйнштейна, базовые характеристики вообще *любого* процесса зависят от точки наблюдателя.

⁴⁸ Ср.: Badian E. Alexander the Great between Two Thrones and Heaven: Variations on an Old Theme // *Small A.* (ed.). Subject and Ruler: The Cult of the Ruling Power in Classical Antiquity. Ann Arbor, 1996. P. 11–26; Bosworth A. B. Alexander the Great and the Creation of the Hellenistic Age // *Bugh G. R.* (ed.). The Cambridge Companion to the Hellenistic World. Cambridge, 2006. P. 9–27; Olbrycht M. J. Curtius Rufus, the Macedonian Mutiny at Opis and Alexander's Iranian Policy in 324 BC // *Pigoń J.* (ed.). The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres. Newcastle upon Tyne, 2008. P. 231–252; Gilley D. L., Worthington I. Alexander the Great, Macedonia and Asia // *Roisman J., Worthington I.* (eds). A Companion to Ancient Macedonia. Oxf., 2010. P. 186–207.

Раздел VI

ВОПРОСЫ ЭЛЛИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ПОНЯТИЯ АΓΑΘΟΣ И ΚΑΚΟΣ В АРХАИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ (ПО ДАННЫМ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ)*

Автор этих строк глубоко приветствует инициативу посвятить очередной выпуск альманаха «Antiquitas aeterna» проблематике, связанной с историей понятий, категориальным аппаратом. Важность этого круга вопросов воистину невозможно переоценить. Для чего необходимо пристальное внимание к терминологии? По метким формулировкам выдающегося медиєвиста А. Я. Гуревича¹, ученому-историку необходимо «завязать диалог с культурой иного времени»; он поэтому ставит источнику вопросы и должен расслышать именно ответы источника, а не навязывать ему своих собственных.

Заметим здесь, что сама подобная формулировка невозможна в рамках модной постмодернистской установки, отдающей решительный приоритет «познающему субъекту» перед «историческим субъектом»², прямо приравнивающей историческое знание к мифу³. Ясно, что в русле подобного подхода вряд ли имеет смысл вообще говорить о «фактах» или «истине»; на их место встают пресловутые «места памяти», а историк в конечном счете задает вопросы самому себе и сам же на них себе отвечает⁴. Впрочем, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что постмодернизм в гуманитарном знании

* Впервые опубликовано в: *Antiquitas aeterna*. Вып. 4. 2014. С. 21–42.

¹ Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 7–9. Вполне закономерно, что свою самую знаменитую книгу этот исследователь посвятил, по его собственному определению, «категориям средневековой культуры» (Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984). Мы, вдохновившись его примером, недавно попытались предпринять аналогичный анализ на древнегреческом материале (Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012).

² Бессмертный Ю. Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // *Одиссей. Человек в истории*. 1995: Представления о власти. М., 1995. С. 8–9.

³ Ионов И. Н. Национальные мифы, цивилизационный дискурс и историческая память в XVII–XIX вв. // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*. Вып. 21. М., 2007. С. 244.

⁴ Ср. вескую критику, которой подвергает крупнейший специалист постмодернистскую парадигму применительно к изучению истории античной демократии: Rhodes P. J. *Ancient Democracy and Modern Ideology*. L., 2003. P. 8 ff.

ныне в целом преодолевается. Занимаясь деконструкцией «всего и вся», это течение, в сущности, кончило тем, что деконструировало себя самоё.

В рамках же более традиционной исследовательской парадигмы историку, чтобы расслышать (а главное – адекватно понять) те самые ответы источника, следует быть максимально чутким к терминологическим нюансам. Немаловажно также и то обстоятельство (часто в недостаточной мере учитываемое), что не всякая лексема есть понятие и не всякое понятие есть термин.

Так, термин – ввиду своей четкости, определенности (не случайно само латинское слово *terminus* по своему исходному смыслу – «граница») – как правило, либо без особого труда переводится на другие языки, причем в последних отыскиваются вполне подходящие эквиваленты, либо – если перевести его по каким-либо причинам невозможно – так и оставляется без перевода («гоплиты», «илоты» и т. п.), но это опять же нисколько не мешает исчерпывающему пониманию того, о чем идет речь. Понятие же по самой своей природе более расплывчато, многозначно; в результате сплошь и рядом попытки полноценно уловить его содержание наталкиваются на затруднения. Порой понятия принимают за термины и пытаются относиться к ним как к таковым, но это влечет за собой только путаницу. Так, ожесточенно спорят о значении термина «архонт» в Боспорском государстве Спартокидов IV в. до н. э.⁵ А в этих спорах окажется куда меньше смысла, если учесть, что, в отличие, например, от Афин, где «архонт» уже в архаическую эпоху – строгий термин, на Боспоре (или на Сицилии) это лишь понятие, передающее достаточно общую идею власти. Из сказанного, кстати, видно, что даже одна и та же лексема в каком-то случае может являться термином, а в каком-то – понятием.

Те слова, о которых мы далее будем говорить, и в ту эпоху, которая нас интересует, безусловно, относятся к сфере понятий. Но понятия эти – из числа чрезвычайно важных для всего бытия архаического греческого мира. Итак, о каких же лексических единицах пойдет речь?

* * *

Это, во-первых, прилагательное ἀγαθός – «хороший, отличный, благой, добрый»⁶). Оно представлено в источниках как своей начальной формой, так

⁵ История этого государства в отечественной историографии освещалась многократно. Ныне можно сослаться на последний по времени фундаментальный труд (Завойкин А. А. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь, 2013), а уже из него желающие могут почерпнуть указания на предшествующую литературу.

⁶ Чтобы правильно понять, какой смысл мы вкладываем здесь в само слово «добрый», нужно вспомнить, что архаическая греческая цивилизация по социально-психологическому типу относилась всецело к «культурам стыда», а не «культурам вины» (подробнее см.:

и степенями сравнения – сравнительными (из них наиболее распространенная ἀμείνων) и превосходными (чаще всего встречается ἄριστος, реже βέλτιστος). Как ἀγαθός, так и – в особенности – ἄριστος семантически тесно связаны с существительным ἀρετή⁷, также представляющим сложность для понимания⁸. Его обычно переводят как «доблесть, добродетель, совершенство». В принципе, нельзя сказать, что это ошибочно, но и полной точности не достигается. Пожалуй, перевод «доброкачественность» будет наиболее близким к исходному смыслу. А перевод «добродетель» – наиболее от него далеким, поскольку он привносит привычные для нас, но неуместные здесь христианские коннотации. Ведь в понятии ἀρετή как раз подчеркиваются в несравненно большей мере физические, нежели нравственные достоинства⁹.

Далее, практически полным – вплоть до абсолютной взаимозаменяемости – синонимом для ἀγαθός выступает прилагательное ἐσθλός – «хороший, отличный, благой, добрый». Перейдем теперь к лексемам, выступающим антонимами по отношению к рассмотренным выше.

Тут, в сущности, приходится говорить об одном весьма важном слове: κακός – «плохой, дурной, худой, злой». Данному понятию недавно на Западе был посвящен специальный коллективный труд «Kakos: Badness and Anti-Value in Classical Antiquity»¹⁰. Нужно сказать, что обычно мы предпочитаем переводить на русский названия иноязычных изданий, но попробуйте-ка адекватно передать средствами нашего языка эти «badness» и «anti-value». Как бы их ни перевести, получатся очевидные натяжки. Что же касается содержания названной книги, то в ней, к сожалению, совершенно не привлечен материал из архаической Греции. Самый ранний из анализируемых в ней авторов – Пиндар, а он все-таки хронологически принадлежит уже к классической эпохе (хотя еще отчасти сохраняет в своих творениях дух архаики).

Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. 2-е изд. СПб., 2001. С. 106 сл.). В данном контексте «доброта» отнюдь не подразумевает таких черт, как милосердие, мягкость характера и т. п. Эллинские аристократы «добры» ровно в том же смысле, что и «добрые молодцы» русского фольклора. О гендерном аспекте понятия ἀγαθός см.: Sissa G. Gendered Politics, or the Self-Praise of *Andres Agathoi* // Balot R. K. (ed.). A Companion to Greek and Roman Political Thought. Oxf., 2009. P. 100–117.

⁷ Mitchell L. G. New Wine in Old Wineskins: Solon, *Arete* and the *Agathos* // Mitchell L. G., Rhodes P. J. (eds). The Development of the *Polis* in Archaic Greece. L.; N. Y., 1997. P. 75–81.

⁸ См. сопоставительный анализ др.-греч. ἀρετή и лат. *virtus*: Classen C. J. *Arete* and *Virtutes*: Untersuchungen zu den Wertvorstellungen der Griechen und Römer. B., 2010.

⁹ Поэтому данное понятие весьма часто фигурирует, например, в такой сфере, как спорт. См.: Miller S. G. *Arete: Greek Sports from Ancient Sources*. 3rd ed. Berkeley, 2004.

¹⁰ Sluiter I., Rosen R. M. (eds). *Kakos: Badness and Anti-Value in Classical Antiquity*. Leiden; Boston, 2008.

От прилагательного *κακός* также существуют степени сравнения (например, сравнительная *χείρων*, превосходная *χείριστος*). Полных синонимов у него, кажется, нет; в качестве частичного можно упомянуть *πονηρός* – «дурной, негодный». У последнего, впрочем, есть свои нюансы; так, применительно к людям оно может означать не только субъективно злых, дурных, но и объективно оказавшихся в плохом положении. Оно выступает антонимом скорее не к *ἀγαθός*, а к *μάκαρ* – «блаженный, счастливый». Вот характерный пример из Солона (Sol. fr. 15 Diehl):

Нет, средь людей не бывает блаженных (*μάκαρ*): подвержены худу (*πονηροί*)
Смертные все, на кого солнце глядит с высоты¹¹.

Итак, в чем же заключается проблема в связи с перечисленными понятиями? В историографии давно уже существует прочно укоренившееся *communis opinio*, согласно которому в греческом мире архаической эпохи соответствующие лексемы были маркированы исключительно социально. Прилагательное *ἀγαθός* использовалось применительно к аристократической элите, а прилагательное *κακός* – к простонародью, рядовым гражданам. Именно такая ситуация, по мнению ученых, отразилась и в литературных памятниках интересующего нас времени.

Максимально четко данная точка зрения выражена у А. И. Доватура (применительно к лирике Феогида):

...в глазах аристократа, для которого «добрыми, достойными» (*ἀγαθοί*), «благородными, честными» (*ἑσθλοί*) были только представители знати, все прочие граждане сливались в единую массу «подлых, дурных» (*κακοί*)...¹²

Подобной тенденцией проникнуты практически все работы А. И. Доватура, вошедшие в только что упомянутую его посмертную книгу. Причем такого рода суждения нельзя назвать оригинальными, свойственными именно этому исследователю. Нет, он просто отразил общепринятое и по сей день в науке мнение, ставшее настолько хрестоматийным, что оно вошло и в учебники¹³.

Пока мы говорили об отечественном антиковедении. Но совершенно аналогично обстоят дела и в западном. Возьмем для примера одну из самых авторитетных книг об архаической Греции, в свое время ставшую этапной для изучения этой тематики, – «Погребение и античное общество» Иана Мор-

¹¹ Стихи Солона здесь и далее цитируются в нашем переводе.

¹² Доватура А. И. 1989: Феогид и его время. Л., 1989. С. 29.

¹³ Например: Андреев Ю. В. Гомеровский (предполисный) период. Разложение родовых отношений и создание предпосылок полисного строя. XI–IX вв. до н. э. // Кузищин В. И. (ред.). История Древней Греции: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». М., 1986. С. 76.

риса¹⁴. Согласно представлениям упомянутого специалиста (и, подчеркнем, отнюдь не только его одного), жители раннеархаических полисов (наиболее подробно он рассматривает Афины) делились на ἀγαθοί и κακοί, с трактовкой этих категорий в чисто социологическом смысле (соответственно как элиты и простонародья). Впрочем, по Моррису, эта элита (ἀγαθοί) составляла в количественном отношении 25–50% взрослого населения. Право же, можно ли такой мощный слой определять как элиту? Тут, пожалуй, более уместна была бы формулировка «элита плюс средний класс»¹⁵. Как указывает сам Моррис, в число ἀγαθοί, как он их понимает, входили не только басилеи и евпатриды, но и зажиточные крестьяне, подобные, скажем, Гесиоду.

О социальном статусе Гесиода есть, впрочем, и иное мнение. Дэвид Тэнди в интересной книге «От воинов к торговцам», также посвященной раннеархаической Греции, указывает на имеющуюся точку зрения, согласно которой Гесиод и его брат Перс принадлежали к обедневшим ἄριστοι, но сам с ней не согласен¹⁶. В любом случае, как видим, этот ученый тоже склонен понимать интересующие нас понятия (ἄριστοι, имеет смысл напомнить, – превосходная степень от ἀγαθοί) как социальные категории.

Возвращаясь к выкладкам Морриса, подытожим: для него группа архаических ἀγαθοί состоит из знатных богачей и лиц среднезажиточных, а группа κακοί – из бедняков. А вот мнение Филлипа Стенли, автора монографии «Экономические реформы Солона»:

Для... поздних авторов κακοί уравнивались с бедными, а ἀγαθοί с богатыми; однако такого уравнивания нельзя найти еще у авторов VI в. до н. э. Феогнид в своих стихах использует термин ἀγαθοί только применительно к старинной аристократии, в то время как κακοί у него применяется к любым лицам, не являющимся членами аристократии, независимо от их экономического положения¹⁷.

С Феогнидом всё не так просто, и мы это увидим чуть позже. Пока же отметим: тут нам предложен несколько иной взгляд на проблему, но тоже не выходящий за пределы социологического подхода. Вообще говоря, в последнее время нередко предпринимаются попытки отчасти модифицировать оценку интересующих нас категорий (в смысле их конкретного состава)¹⁸, но при-

¹⁴ Morris I. *Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State*. Cambridge, 1987. P. 94 ff., 205 ff.

¹⁵ Ibid. P. 94.

¹⁶ Tandy D. W. *Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece*. Berkeley, 1997. P. 205.

¹⁷ Stanley P. V. *The Economic Reforms of Solon*. St. Katharinen, 1999. P. 86.

¹⁸ См., например: Wees H. van. *Mass and Elite in Solon's Athens: The Property Classes Revisited* // Blok J. H., Lardinois A. P. M. H. (eds). *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 351–389.

том пишущие об этом авторы все-таки тоже остаются в рамках их социального понимания.

Нами, надеемся, корректно представлено состояние разработки проблемы (точнее, отсутствие такой разработки, поскольку саму проблему, как правило, просто не видят). А вот нас давно уже гложут сомнения, и нам доводилось их высказывать в виде кратких замечаний¹⁹, а теперь хотелось бы остановиться на вопросе подробнее.

А. И. Зайцеву принадлежит весьма тонкое и интересное наблюдение²⁰ в связи с одним из эпизодических персонажей гомеровой «Илиады» – Перифетом, сыном Копрея (Ном. II. XV. 641–642). В этом месте сказано, если пользоваться классическим переводом Гнедича, следующее:

Сей-то отец ничтожный родил знаменитого сына,
Доблестей полного...

Во времена Гнедича и восхищавшегося его переводом Пушкина²¹ не думали, конечно, о терминологической точности. А нам сейчас она нужна. То, что переводчик передал как «ничтожный» и «знаменитый», в оригинале звучит как формы от *χεῖρων* и *ἀρείων*. А это, как мы помним, сравнительные степени от *κακός* и *ἀγαθός*. С «доблестями» у Гнедича вернее: это, разумеется, знакомые нам *ἀρεταί*.

А. И. Зайцев комментирует процитированное место следующим образом: «...Перифет появляется у него (Гомера. – И. С.) для того, чтобы иметь повод отвергнуть традиционную аристократическую догму о наследственности доблести и добродетели... Таким образом, даже Гомер является для нас

¹⁹ Суриков И. Е. Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемические заметки). Ч. II // Из истории античного общества. Вып. 12. 2009. С. 35–36; *Он же*. Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. № 4. 2013. С. 27–28.

²⁰ Зайцев А. И. Указ. соч. С. 262.

²¹ Впрочем, восхищавшегося не безусловно. С одной стороны, всем известно:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

С другой стороны, есть ведь и такое:

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.

(См.: Пушкин А. С. Сочинения: В 3 т. Т. 1. М., 1985. С. 478, 489). Гнедичу часто адресуют известное, проникнутое искренним почтением стихотворение Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...», но, по авторитетному свидетельству Гоголя, заставшего момент создания этого шедевра, он писался не о Гнедиче, а о Николае I (*Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями*. М., 1990. С. 73 сл.).

свидетелем разрушения традиционных взглядов на общество». Это уже шаг вперед – и все-таки шаг еще в рамках социологического подхода. Но если мы останемся на его почве, то вынуждены будем признать, что в данном пассаже речь идет о повышении социального статуса: сын простолюдина становится знатым.

Однако такой ход мысли и нелогичен (знатность – это слава предков), и, главное, не соответствует действительности. Копрей, отец Перифета, – уж никак не представитель простолюдов, а, напротив, лицо весьма высокопоставленное, глашатай самого царя Микен Еврисфея. Собственно, в насквозь аристократическом мире «Илиады» простолюдины вообще не появляются²². Вопреки распространенному мнению, таковым не был даже Терсит: последний – не выходец из низов, а тоже аристократ, двоюродный брат героя Тидея и дядя Диомеда, одного из самых ярких гомеровских персонажей²³. Его *κακότης* – его личная, а не социальная проблема.

Гораздо естественнее прочесть слова Гомера с этической точки зрения. Копрей был человеком явно нехорошим, прислужником злодея Еврисфея; он

...Вестником часто ходил от тирана²⁴ к Гераклу герою...

Hom. II. XV. 639–640

и, соответственно, передавал ему разные неприятные поручения (достать яблоки Гесперид, привести из Аида пса Кербера и т. п.). Сын же его Перифет охарактеризован так:

...легкостью в беге, искусством в сражениях,

В думах умом он блистал среди всех благородных микенян.

Hom. II. XV. 642–643

Заметим, о знатности происхождения здесь вообще ничего не говорится, а только о персональных качествах.

Далее, приведем несколько выразительных мест из Феогнида Мегарского²⁵ – того самого, которого определяют как певца чисто аристократических идеалов, да еще и озлобленного²⁶:

²² В «Одиссее» они уже есть (Ир, Меланфий и др.).

²³ Лосев А. Ф. Гомер. 2-е изд. М., 1996. С. 115; Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 76. Прим. 6.

²⁴ С «тираном» у Гнедича перебор. В оригинале Еврисфей назван *ἄναξ*, как и должен был титуловаться его исторический прототип.

²⁵ Феогнид будет цитироваться в прозаическом переводе А. К. Гаврилова (помещенном в: Доватур А. И. Указ. соч. С. 147 сл.), который является наиболее точным.

²⁶ Lane Fox R. Theognis: An Alternative to Democracy // Brock R., Hodkinson S. (eds). Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece.

Никогда, Кирн, добрые (ἀγαθοί) мужи города не губили,
 Но когда дурные (κακοῖσιν) обнагледут, они
 Народ развратят, неправедным права отдадут
 Ради своей наживы и произвола.

Theogn. I. 43 sqq.

Хорошо, допустим, что здесь Феогнид по своей тенденциозности забывает, как часто стасис в полисе наступал из-за чисто внутриаристократических распрей, без всякого участия рядового демоса. Но что тогда можно сказать по поводу следующей цитаты?

Никто из людей ни процветает, ни бедствует
 И мимо божества ни хорош (ἀγαθός), ни дурен (κακός)...

Theogn. I. 165 sq.

Стало быть, «хорошим» или «дурным» все-таки можно являться безусловно от своего социального происхождения? Но идем дальше, нас ждут еще более безусловные подтверждения этого тезиса:

Ведь не все же дурные (κακοί) дурными из чрева вышли, –
 Нет, с дурными (κακοῖς) подружились мужами и
 Навыкли скверным делам, гнусным речам, дерзости,
 Чая, будто всё то верно, что те говорят.

Theogn. I. 305 sqq.

Здесь, кажется, с полной ясностью звучит мотив отсутствия наследственности исследуемых нами качеств, их, так сказать, «благоприобретенность». К социальным категориям это никак относиться не может, а к этическим – относится самым естественным образом. То же самое можно сказать и применительно к следующему отрывку:

«Доброго (ἀγαθοῦ) легче сделать дурным (κακόν),
 чем достойным (ἐσθλόν) дурного (κακοῦ)»,
 Меня этому не учи – уже я в возрасте.

Theogn. I. 577 sq.

Кстати, слова, заключенные в кавычки, были распространенной поговоркой. Мысль здесь противоположная той, что нам встречалась выше у Гомера (там, напомним, говорилось о том, как сын дурного отца стал хорошим), но в обоих случаях речь идет о приобретаемых, а не наследуемых качествах.

Ни одного, как есть, доброго (ἀγαθόν) и меру знающего мужа
Среди тех, что нынче, не видит солнце.

Theogn. I. 615 sqq.

Если бы здесь ἀγαθός являлось понятием из социальной сферы и обозначало представителя аристократии, элиты, то получалось бы, что Феогнид якобы констатирует полное отсутствие аристократов. А этого он, конечно, сделать не мог бы, поскольку к таковым принадлежали и сам он, и его единомышленники.

Никогда я врага хулить не стану, коль он достойный (ἐσθλόν),
И скверного²⁷ не похвалю, будь он и друг.

Theogn. I. 1079 sq.

Таким образом, враг может быть хорошим человеком, а друг – нехорошим. Это опять же противоречит социологическому подходу. Ведь в рамках последнего друзьями для Феогнида были, естественно, исключительно знатные, а врагами – «чернь».

Думается, примеров достаточно, хотя их число можно было бы еще множить и множить. Но они пока были приведены нами в иллюстративных целях, дабы показать, что проблема действительно существует. Она возникает в том случае, если считать, что слова ἀγαθοί и κακοί, когда они встречаются в источниках архаической эпохи, следует понимать обязательно в социальном смысле. Итак, вопрос требует дальнейшего изучения.

* * *

Следует напомнить вещь прекрасно известную: письменные источники, освещающие период архаики и притом современные этому периоду, – почти исключительно памятники поэзии. Только в позднеархаическое время у эллинов начинает появляться первая проза: юридическая (тексты древнейших законов), философская (трактаты самых ранних из досократиков), протоисторическая (сочинения мифографов и генеалогов). Но от этой прозы дошли настолько жалкие остатки, что их невозможно полноценно анализировать под углом интересующей нас здесь темы.

Остается опираться на поэзию, преимущественно лирическую. Она достигла своего наивысшего взлета как раз в VII–VI вв. до н. э., то есть на протяжении высокой и поздней архаики²⁸. Эти столетия порой так и называют

²⁷ Здесь скорее «трусливого» (δειλόν).

²⁸ Мы периодизируем архаическую эпоху истории Древней Греции следующим образом: ранняя архаика (VIII в. до н. э.), высокая, или зрелая, архаика (VII в. до н. э.), поздняя архаика (VI в. до н. э.).

в исследовательской литературе – «лирический век Греции»²⁹. Разумеется, невозможно прямо сейчас взять и рассмотреть на предмет значения слов ἀγαθός и κακός все сохранившиеся произведения эллинских лириков – этот огромный корпус. Такую задачу можно ставить разве что в виде перспективы на будущее. А пока приходится пойти иным путем: выбрать среди лирических поэтов какого-нибудь одного показательного автора, но уж по отношению к нему провести максимально скрупулезный анализ, собрать все случаи употребления им соответствующих лексем (обязательно с учетом контекстов) и посмотреть, что получится.

Причем таким автором будет у нас не Феогнид, хотя выше цитировались в основном именно его стихи. Во-первых, «Феогнидов сборник» включает в свои две книги почти 1 400 строк, в которых ἀγαθός, κακός, их производные и синонимы встречаются в общей сложности несколько сот раз. Во-вторых, что еще гораздо важнее, сам этот сборник представляет собой пестрый конгломерат, складывавшийся на протяжении многих веков. Не то чтобы имя Феогнида, стоящее в качестве его автора, чисто условно. Нет, этот поэт – лицо вполне историческое (хотя, кстати говоря, относительно времени его жизни единства мнений нет – то ли это первая половина VI в. до н. э.³⁰, то ли вторая³¹). Однако никто не сомневается в том, что далеко не все строки «Феогнидова сборника» действительно принадлежат его перу. В сборник заведомо попали элегии, созданные в послеархаическое время (классическое и, возможно, даже эллинистические). Привести из входящих туда стихов отдельные примеры, дабы проиллюстрировать конкретный тезис, было полезно; но вот для сплошного контекстного анализа эти стихи не подходят, ибо не будет удовлетворено требование, так сказать, чистоты эксперимента: среди них наряду с хронологически репрезентативными есть и не являющиеся таковыми.

Значительно лучше подойдет для наших целей другой крупнейший представитель архаической лирики – афинянин Солон. Сборник, составившийся из сохранившихся его поэтических сочинений, гораздо более компактен, но дело даже и не в этом. Стихотворения Солона имеют вполне определенную датировку (первая половина VI в. до н. э.), а главное – все они (или почти все³²) безусловно аутентичны, не представляют собой поздних имитаций.

²⁹ Например: Burn A. R. The Lyric Age of Greece. L., 1978.

³⁰ Legon R. P. Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca, 1981. P. 104 ff.; Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 267–269. Этой же точки зрения придерживаемся и мы.

³¹ Доватур А. И. Указ. соч. Passim; Немировский А. А. Походы Гарпага и «мидаие» Феогнида (757–768; 773–782): границы применения «психологической» аргументации // Studia historica. Т. 11. 2011. С. 328–340.

³² Единственное возможное исключение – Sol. fr. 28 Diehl.

Правда, недавно прозвучало мнение³³, согласно которому будто бы *все* имеющиеся в нашем распоряжение стихи, атрибутируемые Солону, на деле были сочинены от его имени кем-то в классическую эпоху, когда в Афинах фигура великого законодателя подверглась сильной мифологизации³⁴. Но подобное суждение, конечно, абсолютно безответственно – вполне в духе постмодернизма, для которого «существуют лишь гетерогенные программы истины»³⁵, из которых ни одна не лучше другой, и, соответственно, не представляет никакой сложности объявить, например, «Илиаду» поэмой, написанной в Афинах в эпоху Солона³⁶.

Хотелось бы все-таки остаться на почве строгой науки и подходить к солонической поэзии более конструктивным образом. К счастью, так и делает подавляющее большинство антиковедов. Неоднократно отмечалось, что Солон как автор ярко выражает традиционные ценности и идеалы архаической греческой аристократической элиты, к которой он и сам принадлежал³⁷. Его лирика – воистину важнейший источник, и не случайно о ней так много пишут, в том числе и в монографическом формате³⁸.

³³ Lardinois A. P. M. H. Have we Solon's Verses? // Blok J. H., Lardinois A. P. M. H. (eds). *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 15–35 (в более осторожной форме); Stehle E. Solon's Self-reflexive Political Persona and its Audience // Blok J. H., Lardinois A. P. M. H. (eds). *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 79–113 (в форме более радикальной).

³⁴ Такая мифологизация, бесспорно, имело место, и об этом немало написано. См. хотя бы: Mossé C. Comment s'élabore un mythe politique: Solon, «père fondateur» de la démocratie athénienne // *Annales: économies, sociétés, civilisations*. Vol. 34. No. 3. 1979. P. 425–437; Hansen M. H. Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // *Classica et mediaevalia*. Vol. 40. 1989. P. 71–99.

³⁵ Вен П. Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М., 2003. С. 30.

³⁶ Sauge A. «L'Iliade», poème athénien de l'époque de Solon. Bern, 2000. Ничто не мешает считать, что «Илиада» была записана в первой половине VI в. до н. э., ничто не показывает, что она возникла раньше поэм Гесиода и т. п. – таковы «аргументы» А. Сожа.

³⁷ Melissano P. Solone e il mondo degli ἐσθλοί // *Quaderni urbinati di cultura classica*. Vol. 47. Fasc. 2. 1994. P. 49–59; Foxhall L. A View from the Top: Evaluating the Solonian Property Classes // Mitchell L. G., Rhodes P. J. (eds). *The Development of the Polis in Archaic Greece*. L.; N. Y., 1997. P. 61–74; Mitchell L. G. Op. cit.

³⁸ Например: Anhalt E. K. *Solon the Singer: Politics and Poetics*. Lanham, 1993; Mülke Chr. *Solons politische Elegien und Iamben* (Fr. 1–13; 32–37 West): Einleitung, Text, Kommentar. Lpz., 2002; Almeida J. A. *Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology*. Leiden, 2003; Irwin E. *Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation*. Cambridge, 2005; Noussia-Fantuzzi M. *Solon the Athenian, the Poetic Fragments*. Leiden; Boston, 2010.

Итак, далее будем работать с текстами Солона. Мы приведем и разберем с учетом контекста все имеющиеся в его стихах случаи употребления интересующей нас лексики. Рассмотрены будут даже те места, где прилагательные ἀγαθός, κακός и т. п. относятся не к людям, а к неодушевленным вещам или абстракциям. Пожалуй, уместно будет именно с таких мест и начать, чтобы, закончив с ними, перейти к более важным для нас пассажам.

В знаменитой элегии «Благозаконие» (Sol. fr. 3 Diehl), написанной в первой половине 590-х гг. до н. э., слово κακός в разных формах встречается несколько раз, но применительно не к людям. Солон, в частности, угрожает согражданам, что из-за творимых ими беззаконий полис будет жестоко наказан Дикой, богиней справедливости.

Вот уж тогда целый город застонет от тяжкого горя

И не замедлит попасть в рабство суровое (κακήν)³⁹ он.

Sol. fr. 3. 17–18 Diehl

Что имеется здесь в виду под «рабством» (δουλοσύνη)? Вероятнее всего, автор ведет речь о возможном установлении тирании в результате разгоревшегося стасиса. Во всяком случае, когда он употребляет существительное δουλοσύνη в других своих стихах (Sol. fr. 8. 4 Diehl; fr. 10. 4 Diehl), то подразумевает именно это.

Чуть ниже Солон, порицая тот же стасис⁴⁰, пишет:

Экое зло (κακά) поселилось в народе у нас!..

Sol. fr. 3. 23 Diehl

Здесь интересующее нас прилагательное субстантивировано. То же можно сказать о двух следующих примерах из той же элегии:

Так всенародное зло (κακόν) в каждый дом врывается...

Sol. fr. 3. 26 Diehl

³⁹ Соображения элементарного художественного вкуса не позволяют всякий раз прямо переводить κακός как «плохой, дурной». Подчас контекст диктует иные варианты передачи этой лексемы средствами русского языка.

⁴⁰ По теме «Солон и стасис» нам уже доводилось писать: *Суриков И. Е.* Самый загадочный закон Солона: вопросы аутентичности и исторический контекст // *Вестник истории, литературы, искусства*. Т. 6. 2009. С. 239–252; *Он же.* Стасис как право и обязанность: закон Солона против нейтралитета в гражданской смуте // *Иванчик А. И.* (ред.). *Monumentum Gregorianum: Сб. науч. статей памяти ак. Г. М. Бонгард-Левина*. М., 2013. С. 222–230; *Он же.* Стасис в поэзии Солона // *Сапрыкин С. Ю.* (ред.). *Сб. науч. трудов XVIII Сергеевских чтений*. М. (в печати). В примечаниях к перечисленным работам мы ссылаемся и на предшествующую литературу.

...Беззаконье несет городу множество бед (κακά).

Sol. fr. 3. 31 Diehl

Далее, у Солона есть цикл стихотворений, направленный против тирании (Sol. fr. 8–11 Diehl)⁴¹. Хорошо известно, с какой неприязнью афинский поэт-законодатель относился к этой форме государственного устройства. Датировка «антитиранических» элегий спорна. С одной стороны, обычно считается, что написаны они были в связи с притязаниями Писистрата на захват единоличной власти. В таком случае они должны относиться к 560-м гг. до н. э., к самому концу жизни Солона. Однако, с другой стороны, имеет право на существование и точка зрения, согласно которой поэт имел в виду иное – попытку переворота, предпринятую архонтом Дамасием в конце 580-х гг. до н. э. (как раз после возвращения Солона из десятилетних путешествий). Возможно, именно под влиянием этих стихов Дамасий был смещен с поста, который он незаконно удерживал в своих руках намного дольше положенного срока. Крайне маловероятной является гипотеза, согласно которой элегии против тирании были созданы в молодости Солона, а под тираном имеется в виду Драконт⁴².

Впрочем, для задач данной работы вопрос о конкретной дате не столь уж принципиален. Что же касается конкретного словоупотребления, то Солон говорит афинянам в связи с установлением тирании (возможным или уже осуществившимся – неясно, из контекста вытекает скорее второе).

Сами людей вы усилили этих⁴³, им дали защиту⁴⁴

И потому-то теперь мучитесь в рабстве дурном (κακήν).

Sol. fr. 8. 3–4 Diehl

Абсолютно такое же выражение – κακή δουλοσύνη – нам уже встречалось выше, в «Благозаконии». В том же фрагменте (Sol. fr. 8 Diehl) есть еще существительное κακότης, но оно там обозначает уже человеческое качество, а такими пассажами мы пока не занимаемся. Перейдем поэтому к самой большой из элегий Солона – той, которую условно называют «К музам» или «К самому себе» (Sol. fr. 1 Diehl).

⁴¹ По тематике к ним близко стихотворение «К Фоку» (Sol. fr. 23 Diehl), написанное трохеическими тетраметрами, но оно было создано в другое время и в иной связи. О нем, соответственно, речь пойдет ниже.

⁴² *Rihl T. E. Lawgivers and Tyrants (Solon, fr. 9–11 West) // Classical Quarterly. Vol. 39. No. 2. 1989. P. 277–286.*

⁴³ Имеется в виду потенциальный тиран (кто бы им ни был) и его приспешники.

⁴⁴ Если автор подразумевает предоставление Писистрату отряда телохранителей-дубинщиков, то датировка элегии становится максимально точной – 560 г. до н. э. Но однозначный ответ на вопрос, так ли это, вряд ли можно дать.

В ней интересующая нас лексика (и ἀγαθός, и ἐσθλός, и κακός) представлена достаточно обильно. Пока мы сосредоточимся, как условились, на случаях, для которых социальное значение этих слов исключено, поскольку не имеются в виду человеческие качества. Уже в начале стихотворения Солон просит Муз:

Вот что мне дайте: счастье иметь от богов от блаженных,
Ну а от всех людей – добрую (ἀγαθήν) славу вовек.

Sol. fr. 1. 3–4 Diehl

Далее, перечисляя занятия, которыми люди зарабатывают себе на хлеб, о прорицателе автор пишет следующее:

Пятого сделал пророком своим издалека разящий
Вождь Аполлон, так что он издали чует беду (κακόν).

Sol. fr. 1. 53–54 Diehl

О враче же говорится вот что:

Да, но бывает и так: врач, явившись к тяжелобольному
(κακαῖς νοῦσοισι κυκώμενον),
Только коснется рукой – тот моментально здоров!

Sol. fr. 1. 61–62 Diehl

А завершается перечень профессий характерной сентенцией:

Видно, судьба нам, смертным, приносит как зло (κακόν),
так и благо (ἐσθλόν)⁴⁵.

Sol. fr. 1. 63 Diehl

Далее же эта мысль иллюстрируется несколькими конкретными примерами, среди которых есть и такой:

Да, но бывает и так: недотепа внезапно везенье (συντυχίην ἀγαθήν)
Бог посылает во всем, разуму учит его.

Sol. fr. 1. 69–70 Diehl

В другой элегии Солон, рассуждая о жизненных ценностях, приходит к выводу, что бессмысленно копить богатства, поскольку

...всех своих денег избыток,
Сколько бы кто ни имел, право, в Аид не возьмет

⁴⁵ Мысль, звучащая также в речи Солона перед Крезом у Геродота (Herod. I. 32).

И не избегнет, дав выкуп, ни смерти, ни тяжких болезней,
Платою не отвратит старости злобной (κακόν) шаги.

Sol. fr. 14. 7–10 Diehl

Тот же типичный для Солона, вновь и вновь повторяющийся у него мотив осуждения корыстолюбия, призыв к умеренности в накоплении богатств, встречаем в далее цитируемом пассаже, где о какой-то группе населения (обычно считается, что об аристократической элите) сказано:

Вы, что от множества благ (πολλῶν ἀγαθῶν) до пресыщенья дошли!

Sol. fr. 4. 6 Diehl

Как видим, здесь субстантивированная форма прилагательного ἀγαθός имеет значение вещей чисто материальных, богатства (как в русской разговорной речи «добро» в значении «имущество»). А вот стихотворение, написанное на Кипре и завершающееся следующими строками:

За основание же⁴⁶ пусть благодарность и добрую (ἐσθλόν) славу
Даст мне богиня⁴⁷ и даст здоровым вернуться домой.

Sol. fr. 7. 6 Diehl

Аналогично – в тетраметрах «К Фоку». В них Солон саркастически передает точку зрения тех лиц, которые побуждали его установить тиранию:

«Нет, Солон – не муж совета, неглубокий человек!
Бог давал удачу (ἐσθλά) в руки⁴⁸, он же сам ее не взял».

Sol. fr. 23. 1–2 Diehl

Приведем также фрагмент Солона, который обычно считают неаутентичным, и не без основания. В любом случае, ничего нового он к нашим знаниям не добавляет.

⁴⁶ Солон посоветовал Филокипру, царю Сол, перенести их на новое, более удобное место, что в определенной мере приравнивалось к новому основанию города. Впрочем, традиция, согласно которой сам этот город будто бы раньше назывался Эпеей и именно в честь Солона был переименован в Сола, не может быть принята. См.: Суриков И. Е. О принципах наименования новоосновываемых городов в греческом мире архаической и классической эпох // Дементьева В. В. (ред.). Город в античности и средневековье: общеевропейский контекст. Ч. 1. Ярославль, 2010. С. 9–15.

⁴⁷ Афродита, покровительница Кипра.

⁴⁸ Имеется в виду то, что Солон, занимая высший в государстве пост архонта-эпонима, при желании без труда смог бы стать тираном. Мало какой аристократ архаической эпохи не мечтал о тиранической власти. Солон был как раз одним из таких редких исключений.

Первым делом царю помолимся – Зевсу Крониду, –
 Чтобы законам сим дал он участь благую (ἀγαθήν) и славу.

Sol. fr. 28 Diehl

Закончим рассмотрение «нейтральных» пассажей такими, в которых фигурирует превосходная степень от ἀγαθός. В одной из своих элегий поэт-законодатель рассуждает о том,

Как всего лучше (ἄριστα) народ побудить, чтобы шел за вождями.

Sol. fr. 5. 7 Diehl

В интереснейшей «мировоззренческой» элегии, часто фигурирующей в литературе под названием «Седмицы человеческой жизни»⁴⁹, Солон характеризует различные возрастные группы, в частности, так:

Вот и четвертая⁵⁰: в возрасте этом любой совершенен (μέγ' ἄριστος)
 Силой и тем, от чего высшая доблесть в мужах.

Sol. fr. 19. 7–8 Diehl

И ниже:

В годы седмицы седьмой и разум и речь совершенны (μέγ' ἄριστος)...⁵¹

Sol. fr. 19. 13 Diehl

Пока ни в одном из приведенных пассажей нам ни разу не встретилось такое употребление исследуемой тут лексики, которое хоть в малейшей степени намекало бы на социальный подтекст. Но это было вполне предсказуемо; главное ждет нас впереди.

* * *

Итак, переходим к тем местам у Солона, где эта лексика относится к людям (или относительно антропоморфным персонажам). Здесь будет необходи-

⁴⁹ Анализ этого стихотворения см.: Суриков И. Е. Солон и представления о времени в архаической Греции // Бобкова М. С. (ред.). Формы и способы презентации времени в истории. М., 2009. С. 13–36.

⁵⁰ Имеется в виду четвертая «седмица» человеческой жизни, то есть возраст от 21 до 28 лет.

⁵¹ Каждый легко может заметить полное совпадение выражения в этой и предшествующей цитатах. Это – одна из так называемых *формул*, активно использовавшихся греческим эпосом и оттуда перекочевавших в элегическую поэзию. Формулы в эпосе были открыты замечательным, рано ушедшим из жизни исследователем М. Пэрри и впоследствии более детально исследованы его учеником и последователем А. Лордом. См.: Лорд А. Б. Сказитель. М., 1994.

ма дальнейшая градация. Начнем с тех словоупотреблений, с которыми всё более или менее ясно. К таковым принадлежат, в частности, случаи употребления Солоном существительного ἀρετή, которое, как отмечалось выше, семантически тесно связано с прилагательным ἀγαθός.

Чуть выше цитировалась элегия «Седмицы человеческой жизни»; в одной из этих цитат ἀρετή фигурирует – там, где в переводе сказано «высшая доблесть в мужах». Совершенно ясно, что здесь данное слово имеет не социальное, а возрастное значение, иными словами, никак не может быть понято в смысле «знатность происхождения». Знатность, как известно, от возраста не зависит. То же можно сказать о другом отрывке из того же стихотворения:

Что же в девяту⁵²? Есть еще силы, но начали гаснуть

Мудрость, дар речи – уже трудно большое свершить

(μαλακώτερα... πρὸς μεγάλην ἀρετήν).

Sol. fr. 19. 15–16 Diehl

Речь здесь идет, естественно, о том, что у пожилого человека расцвет его физических и духовных качеств уже позади. Несколько сложнее – но только на первый взгляд – следующий пример. Это очередной из характерно соловых выпадов против богатства и богачей:

Много дурных (κακοί) богатеет, и в бедности добрые (ἀγαθοί) люди.

Но не годится ведь нам доблесть (ἀρετῆς) свою променять

На их богатство: доблесть всегда остаётся при муже,

Деньги же нынче один, завтра имеет другой.

Sol. fr. 4. 9–12 Diehl

Может показаться, будто бы здесь констатируется процесс разорения аристократии и вырастания слоя незнатных нуворишей. Однако задумаемся: так ли это? Сомнительно, если учесть, что автором предполагается возможность обмена ἀρετή на богатство (πλοῦτος) и такой обмен отвергается исключительно по этическим причинам. Знатности, принадлежности к высшей элите вряд ли можно лишиться путем накопления материальных ценностей. Здесь, как нам кажется, имеется в виду иное: ἀγαθοί – это лица, соответствующие своим поведением определенному этическому кодексу, принятому в той среде, к которой принадлежат Солон и его аудитория, а κακοί – те, кто этому кодексу не соответствует.

Но всё же в целях максимальной объективности анализа мы соглашаемся допустить, что данный случай спорный, не исключаяющий трактовки важной

⁵² Имеется в виду девятая «седмица» человеческой жизни, то есть возраст от 56 до 63 лет.

для нас лексики в социологическом смысле. Надеемся, ясность внесет продолжение анализа солоновской лирики.

В своей известной ямбической «апологии реформ» (Sol. fr. 24 Diehl) поэт-законодатель сопровождает словом ἄριστα упоминание Геи, Земли, которая у него выступает одновременно и как богиня, и как земля в собственном смысле слова. Имеем ли мы право видеть тут превосходную степень прилагательного ἀγαθός и понять ее в этом контексте как имеющую значение «самая знатная»? Как известно, в эллинской мифологии Гея – первобогиня (Hes. Theog. 117), ранее нее существовал только Хаос, не воспринимавшийся как божество. Даже супруг Геи Уран был порожден ею же (Hes. Theog. 126 sqq.), а уж все остальные боги и богини тем более были ее потомками. Стало быть, Гея самая знатная потому, что она – самая первая? Но это достаточно спорный ход мысли. Напротив, коль скоро божества восходят к одним и тем же первопредкам, то должно было считаться, что они и знатны в одинаковой степени. Насколько можно судить, именно так и считалось: мы не находим у древних греков идеи о том, что кто-то из богов превосходит кого-то благородством происхождения. Таким образом, резоннее предположить, что ἄριστα у Солона имеет иное значение.

Какое же именно? Вопреки первому впечатлению, перед нами превосходная степень не прилагательного ἀγαθός, а (бесспорно, связанного с ним) наречия εἶ. И говорится, собственно, о том, что Земля может «наилучшим образом, лучше всех» свидетельствовать перед судом Времени об успешности соловских преобразований. В нашем стихотворном переводе:

Пред Времени судом в том даст свидетельство
Всех лучше (ἄριστα) Олимпийцев мать великая –
Да, черная Земля!

Sol. fr. 24. 3–5 Diehl

Как видим, здесь тоже никакой социологией даже и не пахнет. Аналогично – ниже в том же стихотворении, где употреблено композитное слово, производное от κακός:

...Коль за меня стрекало б взял
Иной муж – злоречивый (κακοφράδης), деньги любящий, –
Народа не сдержал бы он.

Sol. fr. 24. 20–21 Diehl

Имеется в виду какой-нибудь другой деятель, гипотетически оказавшийся на месте Солона; по мнению последнего, он не справился бы с возложенными на него задачами. О незнатности такого, о том, что он не принадлежит к элите, здесь ничего не сказано; характеристика выглядит чисто личной, этической.

В том же сочинении есть еще один пассаж с *κακός* и *ἀγαθός*, но он гораздо более дискуссионен, и мы вернемся к нему позже.

Далее, одна из «антитиранических» элегий, уже упоминавшихся выше, содержит осуждение афинян, допустивших установление в своем полисе тирании:

Κοὺς πο νεγοδνотι (κακότηта) вашей вы в тяжкое бедствие впали,
Не говорите, что то — якобы дело богов.

Sol. fr. 8. 1–2 Diehl

И затем следуют уже цитировавшиеся выше строки: «сами людей вы усилили этих...» и т. д. Как нам кажется, совершенно очевидно, что нельзя в этом месте понимать *κακότης* как «незнатность», «бедность» и т. п. Весь фрагмент однозначно показывает, что автор имеет в виду совсем иное — недальновидность, неразумие сограждан, в общем, их пресловутую «негодность».

Коснемся вновь элегии «К музам». В ней есть, например, такая формулировка:

Кто-то другой, трусом будучи, мнит себя доблестным (ἀγαθός) мужем.

Sol. fr. 1. 39 Diehl

Здесь прилагательному *ἀγαθός* противопоставлено не *κακός*, а *δειλός* («трусливый, робкий»). Иными словами, мы вновь сталкиваемся с этическими качествами, а не с социальными характеристиками. Думается, то же будет верно и применительно к месту, где упоминается о *κακῶς ἔρδοντι*, т. е. о человеке, плохо, неумело делающем какие-либо дела (Sol. fr. 1. 69 Diehl; это место также цитировалось выше, и приведенная конструкция там была переведена нами просто как «недотепа»).

Больше сложностей возникает в связи с таким высказыванием:

Равно мы, смертные, мыслим — и доблестные, и дурные
(ἀγαθός τε κακός τε).

Sol. fr. 1. 33 Diehl

Можно отстаивать как социальное, так и этическое толкование обоих фигурирующих тут понятий, причем отстаивать с равным успехом или неуспехом, поскольку никаких намеков, которые позволяли бы сделать обоснованный выбор, контекст не дает. Та же формулировка, пожалуй, будет справедливой (хотя по несколько иной причине) и по отношению к такому отрывку из ямбического стихотворения:

Те ж, кто велик и славится могуществом (βίην ἀμείνονες),
Могли бы похвалить меня, дружить со мной.

Sol. fr. 25. 4–5 Diehl

В данном фрагменте особенно сильно выражено огорчение поэта-политика тем, что сограждане не оценили в должной мере плоды его реформ. Непосредственно перед процитированными строками Солон упрекает народ (δῆμος), говоря, что тот мог бы быть и поблагодарнее. Демос – естественно, категория социальная, а не этическая. Стало быть, это вроде бы можно отнести и к группе лиц, противопоставленной тут демосу и определенной, в частности, сравнительной степенью прилагательного ἀγαθός. Таково первое впечатление; но при ἀμείνονες есть пояснение, чем именно эти лица лучше демоса: βίην, то есть силой, могуществом, а не знатностью происхождения и не богатством. А, напомним, из тех, кто ἀγαθός понимает в социологическом смысле, одни предлагают переводить данную лексему как «знатный», другие – как «богатый».

Наконец, переходим к двум самым важным для нашей темы местам из наследия Солона. Их необходимо рассматривать именно вместе, хотя они и взяты из разных сочинений, поскольку, будучи сопоставленными, они производят впечатление яркого контраста, но контраста, как мы попробуем показать, ложного, надуманного.

В тетраметрах «К Фоку» автор восклицает:

...Также равенства не дам

На родной земле обильной я достойным и дурным (κακοῖσιν ἐσθλοῦς).

Sol. fr. 23. 20–21 Diehl

А Харийс Туманс по этому поводу, в свою очередь, восклицает: «Трудно было бы более отчетливо выразить иерархическую, т. е. аристократическую систему *социальных* (курсив наш. – И. С.) ценностей!»⁵³. При этом латвийский антиковед, в общем-то, никак не принадлежит к числу вульгарных социологизаторов; он сам буквально на той же странице оговаривает: «...понятия “добрые” и “дурные” в архаическую эпоху совмещали в себе морально-этические и социальные категории»⁵⁴. Но в какой-то момент ему как будто изменил его обычный такт.

И действительно, процитированному фрагменту можно с полным основанием противопоставить другой (причем датирующийся тем же самым временем, второй половиной 590-х гг. до н. э., так что эволюцию взглядов Солона приходится исключить), где сказано, на первый взгляд, прямо противоположное:

⁵³ Туманс Х. Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солон // ВДИ. № 2. 2007. С. 38.

⁵⁴ Там же. С. 38. Прим. 60.

Законы, для дурных и добрых (τῷ κακῷ τε καὶ ἀγαθῷ) равные,
Чтоб каждому воздать по справедливости,
Я написал⁵⁵.

Sol. fr. 24. 18–20 Diehl

Что же, Солон противоречит сам себе? К «хорошим» (ἀγαθοί, ἐσθλοί) и «дурным» (κακοί) он относится то как к равным, то не как к равным? Да, но только если полагать, что это для него – чисто социальные понятия. Как мы знаем, именно так обычно и считают. Например, М. Нуссия-Фантуцци в последнем по времени издании солоновских поэтических фрагментов⁵⁶ переводит только что приведенный отрывок так: I wrote laws for all, for high and low alike, made straight and just. Понятно, что high и low – понятия широкие, но, думаем, не ошибемся, предположив, что греческо-итальянская исследовательница⁵⁷ понимает их здесь как «высокородные» и «худородные» (уж точно не как «высокие» и «невысокие»).

Если же мы уходим от социологизма, то всё встает на свои места и кажущееся противоречие исчезает. Действительно, если у Солона «добрые» и «дурные» – этические категории, то *равные законы* отнюдь не обозначают для них *равенства*: согласно этим самым равным законам каждому воздастся по достоинству, добрые будут награждены, а дурные наказаны. Как нам представляется, только такое решение вопроса и будет конструктивным.

* * *

Мы исчерпали анализ интересовавшей нас лексики у Солона, и можно подвести некоторые итоги. Перед нами прошло несколько десятков случаев, в которых архаический лирик употребляет лексемы ἀγαθός, κακός, их формы, производные от них слова, их синонимы. И среди них – самое большее три, относительно которых можно допустить некоторую вероятность социологической трактовки (Sol. fr. 1. 33 Diehl; fr. 4. 9–12 Diehl; fr. 25. 4–5 Diehl). Подчеркнем: именно только допустить некоторую вероятность, не более того (ни одно из этих мест не дает материала для категоричных суждений). Во всех же остальных случаях социологическая трактовка *исключена*. Безусловно господствующей должна быть признана трактовка этическая. Разумеется, нужно

⁵⁵ Прямое свидетельство о том, что свод законов был составлен Солоном именно в период его реформаторской деятельности на посту архонта, а не позже, как считают некоторые исследователи.

⁵⁶ Noussia-Fantuzzi M. Op. cit. P. 23.

⁵⁷ Мария Нуссия, впоследствии Нуссия-Фантуцци, в последние годы наиболее углубленно в западной науке занимающаяся поэзией Солона, – родом из Греции, но ныне живет в Италии, вступив в брак с итальянским антиковедом Марко Фантуцци.

иметь в виду, что солоновский этос – это типично аристократический этос⁵⁸ с соответствующей системой ценностей.

Далее, напомним, что Солон, во-первых, один из весьма типичных представителей архаической лирической поэзии, а во-вторых, он среди этих поэтов – едва ли не самый, так сказать, ангажированный в социально-политическом плане. Он активнейшим образом участвовал в жизни родного полиса, некоторое время был его главой, прямо и недвусмысленно отражал в своих стихах реалии ударившего по Афинам кризиса и свои действия по выходу из тяжелой ситуации. В этом отношении он несопоставим ни с Алкеем, ни с Феогнидом, ни тем более с кем-либо иным из этой плеяды (кроме, наверное, Тиртея, но о последнем нужно говорить совсем отдельно, поскольку в его «чрезвычайно спартанских» элегиях отразился совершенно иной ментальный «космос»⁵⁹).

Итак, если даже у Солона ἀγαθός и κακός, как правило, не социальные понятия, то не правомерно ли будет то же суждение применить а fortiori к Феогниду и прочим? Не представится ли тогда сильным искажением действительности та точка зрения, которую разделяют очень многие, а яснее всего выразил А. И. Доватур (выше мы его цитировали: дескать, ἀγαθοί – это только аристократы, κακοί – все остальные)? Полагаем, представится. Поэтому остается только призвать к осторожности и постоянному, максимальному учету контекстов при работе с такими памятниками, как стихи архаических лириков.

⁵⁸ О котором см., например, работу одного из классиков науки об античности: Starr C. G. The Aristocratic Temper of Greek Civilization. Oxf., 1992.

⁵⁹ Noussia-Fantuzzi M. Op. cit. P. 73 ff.

СОЛОН И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ В АРХАИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ*

У каждой эпохи свое собственное ощущение времени – мысль банальная, но от того не перестающая быть истинной. И, в частности, в эллинском мире периода архаики это ощущение, насколько можно судить, стало особенно обостренным и интенсивным. Удивляться данному феномену не приходится: ведь архаическая эпоха древнегреческой истории – воистину «век перемен»¹. Многие реалии изменялись так быстро и интенсивно, что это было видно буквально невооруженным глазом: условия существования каждого нового человеческого поколения в чем-то отличались по сравнению с предыдущим, хотя в целом для традиционных обществ это не очень характерно. Резкий переход от статики первых веков I тыс. до н. э. к «взрывной» динамике периода архаики не мог, разумеется, не почувствоваться уже современниками.

Возникло достаточно четкое представление о не совпадающих друг с другом «времени богов» и «времени людей»², иными словами, о времени мифологическом, в котором действуют божества и легендарные герои, и времени историческом – арене событий, связанных с реальными людьми. Интересно, кстати, что в следующую, классическую эпоху обозначенная дихотомия, напротив, в известной мере стерлась, между мифом и историей перестали проводить столь же четкую грань.

Проиллюстрируем это наблюдение сравнением подхода к одному и тому же сюжету – критской талассократии Миноса – со стороны двух великих историков, Геродота и Фукидида. Первый из них во многом еще сохранил в своем повествовании «архаический» дух, в то время как второй – всецело «дитя» греческой классики.

* Впервые опубликовано в: *Формы и способы презентации времени в истории*. М., 2009. С. 13–36.

¹ Происходившие в этот период процессы, имевшие, несомненно, революционный характер, пожалуй, лучше всего обрисованы в замечательной книге: *Snodgrass A. M. Archaic Greece: The Age of Experiment*. Berkeley, 1981.

² Об этих категориях в целом см.: *Видаль-Накэ П. Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире*. М., 2001. С. 69 сл.; *Darbo-Peschanski C. Historia et historiographie grecque: «le temps des hommes» // Constructions du temps dans le monde grec ancien*. P., 2000. P. 89–114.

Геродот, рассказывая о талассократии самосского тирана Поликрата в VI в. до н. э., замечает:

Именно Поликрат, насколько мы знаем, первым из эллинов, если не считать Миноса, кносского царя, и тех, кто в прежнее время еще до него господствовал на море, задумал стать владыкой на море. Со времени героической эпохи по крайней мере до Поликрата никто не стремился покорить Ионию и острова (III. 122).

Необходимо отметить, что существующий русский перевод Г. А. Стратановского, который мы здесь цитируем, в данном месте несколько далек от словоупотребления оригинала. Дословно у Геродота сказано не «со времени героической эпохи», а «в так называемую человеческую эпоху (τῆς δὲ ἀνθρωπίνης λεγομένης γενεῆς)». Иными словами, мы встречаем идею, согласно которой есть некая человеческая эпоха, а есть то, что было до нее и в силу этого обладает принципиально иным темпоральным качеством. Поликрат и Минос для Геродота существуют «в разных измерениях», это несопоставимые фигуры³.

А вот у Фукидида этого уже нет. О том же критском царе он пишет: «Как нам известно из предания, Минос первым из властителей построил флот и приобрел господство над большей частью нынешнего Эллинского моря» (I. 4). Никакой оговорки о том, что Минос не принадлежит к «человеческой эпохе», не сделано. Иными словами, для Фукидида он – персонаж того же порядка, что и Поликрат или какие-нибудь иные действовавшие в архаической и раннеклассической Элладе талассократы. Этот принцип применяется вторым великим греческим историком не только в названном конкретном случае, но и более широко, практически повсюду⁴. Так, в начале труда он сравнивает легендарную Троянскую войну с современной ему Пелопоннесской и приходит к выводу: последняя гораздо значительнее, ибо под Троей ахейцы не совершили чего-то особо достопамятного: целых десять лет осаждали один город!

Подобная «темпоральная индифферентность», как бы мы ее назвали, в чем-то подразумевает пониженное чувство историзма, хоть и довольно странно встретить такое у крупнейшего представителя мировой исторической мысли. Но факт остается фактом: действительно, в архаическую эпоху историзм в мышлении эллинов присутствовал в большей степени (Геродот – едва ли не последний автор, которому этот историзм еще в полной мере свойствен), а впоследствии он несколько притупился. Возможно, сказанное и звучит «еретическим» парадоксом, но нечто подобное давно уже подметил Робин Коллингвуд⁵, много размышлявший о том необычном обстоятельстве, что греки, с одной сто-

³ Ср.: Вен П. Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М., 2003. С. 66.

⁴ Cartledge P. The Greeks: A Portrait of Self and Others. Oxf., 1993. P. 34.

⁵ Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 19 сл.

роны, являются основателями исторической науки, а с другой – имели в своей теоретической мысли определенную антиисторическую тенденцию.

Эта загадка не давала покоя многим специалистам. В попытках ее разрешить одни отвергали выкладки Коллингвуда и солидарных с ним авторов, другие же, принимая его выводы, поэтому отказывали грекам в праве считаться «отцами истории»⁶. В действительности решение проблемы следует искать, как нам кажется, в несколько ином – диахронном – ракурсе. Антиисторическая тенденция эллинской мысли сформировалась в основном в *классическую* эпоху. У Платона, Аристотеля можно встретить ее концептуальное обоснование через противопоставление бытия и становления: постигаемым и достойным постижения является лишь мир неизменных сущностей, мир общего, а история говорит о конкретном, причем постоянно изменяющемся, поэтому не столь интересном, не столь заслуживающем внимания. По известнейшему суждению Аристотеля (Poet. 1451b5), «поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном».

Историческая же наука возникла в Элладе несколько раньше, в эпоху *архаическую* – ближе к ее концу, когда основные интеллектуальные тенденции этого периода уже вполне проявились. Истоки греческого историописания лежат в VI в. до н. э., когда историзм являлся еще неотъемлемой частью мироощущения.

Но далее мы не будем говорить о трудах первых греческих историков, о тех темпоральных представлениях, которые в них отразились. По этому предмету и без того существует немалая литература⁷. А мы сосредоточимся на памятниках иного характера, но в ряде отношений не менее показательных. Это – некоторые произведения архаической лирической поэзии.

Именно в период архаики древнегреческая лирика (в мелической и ямбово-элегической разновидностях) не только появилась, но и получила чрезвычайное распространение, молниеносно достигла высшего своего развития. Отодвинув на второй план эпос, она стала доминирующим родом литературного творче-

⁶ Мы не можем в рамках данной работы специально останавливаться на этом интересном вопросе. Подробнее см. в наших предыдущих статьях о специфике исторического сознания и исторической памяти в античной Греции: Суриков И. Е. Парадоксы исторической памяти в античной Греции // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 56–86; Он же. История в драме – драма в истории: некоторые аспекты исторического сознания в классической Греции // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 371–409.

⁷ См. в первую очередь этапную работу Арнальдо Момigliaно «Время в античной историографии» (вошла в сборник его статей: Momigliano A. Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxf., 1977. P. 178–204). См. также: Hunter V. Past and Process in Herodotus and Thucydides. Princeton, 1982; Evans J. A. S. Herodotus, Explorer of the Past. Princeton, 1991.

ства. А с началом классической эпохи она, в свою очередь, несколько ушла в тень, уступив ведущее место драме. Не случайно архаику называют иногда «лирическим веком Греции»⁸. Не приходится сомневаться в том, что упомянутые факты имеют отношение не только к эволюции литературы, но и отражают перемены в общественном менталитете. Хорошо известно, в частности, что лирика отличается более индивидуализированным подходом к действительности по сравнению как с эпосом, так и с драмой. Сказанное распространяется и на представления о времени. Таким образом, будет вполне логичным предположить, что эти представления в «лирический век» также получили более личностный, менее отстраненный характер, нежели когда бы то ни было в эллинской истории.

Но в таком случае ясно, что у каждого крупного представителя архаической лирики темпоральные категории должны иметь свою специфику. В рамках краткой статьи мы, разумеется, не имеем возможности рассмотреть в избранном ракурсе дошедшие сочинения всех или даже некоторых поэтов этого времени. Приходится пока ограничиться кем-нибудь одним, и, судя по всему, лучшим выбором будет Солон (ок. 640–560 гг. до н. э.)⁹. Дело в том, что эта многогранная личность – не только поэт, но и политик-реформатор, законодатель, «мудрец» (один из знаменитого канона Семи мудрецов) – на наш взгляд, в наибольшей степени отразила в себе дух архаической эпохи, так что может с немалым основанием считаться ее концентрированным воплощением.

Перед переходом к непосредственному анализу соловских стихов в аспекте временных категорий необходимо сделать следующую предварительную оговорку. Эти литературные памятники, принадлежность которых Солону до самого последнего времени не отрицалась никем из специалистов, в самое последнее время были объявлены некоторыми антиковедами неаутентичными¹⁰. Прозвучала мысль о том, что сборник поэтических фрагментов, дошедший под именем Солона, в действительности был составлен в IV в. до н. э., то есть лет на двести с лишним позже, чем всегда полагали.

Если бы это соответствовало действительности, то интересующие нас стихи никак нельзя было бы привлекать в качестве источника для реконструкции архаического темпорального менталитета. Вопрос об авторстве, следовательно, отнюдь не праздный. Однако не можем не подчеркнуть, что аргументация адептов столь решительной ревизии традиционной точки зрения сильно «хро-

⁸ Например: *Burn A. R. The Lyric Age of Greece. L., 1978.*

⁹ О его личности, жизни, деятельности в целом см.: *Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 72–150.*

¹⁰ *Lardinois A. P. M. H. Have we Solon's Verses? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 16–35; Stehle E. Solon's Self-reflexive Political Persona and its Audience // Ibid. P. 78–113.*

мает». По сути дела, их доводы вполне субъективны. Так, Э. Штеле без обиняков заявляет: та система взглядов, которую мы встречаем в приписываемых Солону стихотворениях, не могла сформироваться в условиях архаики. Соответственно, солоновский поэтический корпус был полностью создан кем-то заново в совершенно иную эпоху, под влиянием дебатов о демократии. Получается, что подлинные литературные произведения мудреца-законодателя – если такие вообще когда-нибудь были – безвозвратно утрачены, и мы не можем иметь никакого понятия об их действительном содержании.

Нетрудно заметить: во всем этом ходе рассуждений слишком уж много априорного и даже произвольного. Современный исследователь «сплеча» решает, какие взгляды, отразившиеся в античном тексте, соответствуют духу такой-то эпохи, а какие не соответствуют... И делает на основании подобных соображений далеко идущие выводы. Нет, мы не видим сколько-нибудь серьезных оснований принимать столь крайние (чтобы не сказать экстремистские) тезисы, отказываться от устоявшегося мнения о правомерности использования стихов Солона для изучения всех основных сторон бытия и мышления эллинов его времени.

* * *

В другом месте¹¹ мы предложили свой вариант систематизации древнегреческой темпоральной терминологии, от которого и теперь будем отталкиваться. Речь, собственно, идет о трех основных терминах, связанных со временем: χρόνος, καιρός и αἰών. Полными синонимами названные слова не являются; у каждого из них есть достаточно четко очерченное и ограниченное семантическое поле (в каких-то случаях более, в каких-то менее широкое), и эти семантические поля пересекаются лишь частично. Потому-то мы и говорили в данном контексте о «трех ликах времени».

Χρόνος, безусловно, встречается в источниках значительно чаще, чем две остальные лексемы вместе взятые. Χρόνος – это, бесспорно, самый общий и широкий по значению термин для обозначения времени; в наибольшей степени коррелирует он и с соответствующим русским словом «время». Не говорим уж о той всем известной вещи, что именно от корня χροи- появилось много образований в интернациональной лексике современных языков («хронология», «хронометраж», «хронический», и т. д., и т. п.). В силу всех обстоятельств весьма распространена абберация, будто бы греческое время, причем в любом смысле, в любом аспекте, – это всегда и только «хронос» (о «хроносе» слышали все, а, например, «кайрос» вообще мало кому известен).

¹¹ Суриков И. Е. Образы времени в историческом труде Геродота // Античный мир и археология. Вып. 13. Саратов, 2008. С. 20–46.

Но подобное суждение некорректно. *Χρόνος* – это не просто «время», не всякое «время», или, по крайней мере, не только «время» в абстрактном, недифференцированном значении. Это нечто текущее, длящееся, протяженное. Это некий промежуток времени, «линейное время». С другой стороны, *καίρος* – как правило, точный, конкретный момент. Это не промежуток времени, а «точка во времени» или, если позволить себе, может быть, чрезмерно современное выражение, «квант времени»¹². Итак, если *χρόνος* – «линейное время», то *καίρος* – «точечное время». Что же касается термина *αἰών*, который часто переводят как «век» (чего, может быть, и стоило бы избегать ввиду уж очень общего и расплывчатого характера соответствующей русской лексемы), он также прекрасно вписывается в выстраиваемый нами ряд в качестве третьего (и последнего) недостающего звена. *Αἰών* – это время на стыке с пространством. Это некое предвосхищение открытого значительно позже пространственно-временного континуума, причем с акцентом скорее на время, чем на пространство¹³. Можно выразиться и иначе: *αἰών* – время как процесс, так сказать, «наполненное» время, в отличие от *χρόνος*, который часто выступает как «пустая протяженность» – время, никак не соотношенное с человеческими деяниями, более того, противостоящее им, угрожающее им. Достаточно вспомнить в данной связи хотя бы самую первую фразу из той же «Истории» Геродота¹⁴: «Это – изложе-

¹² Впрочем, чрезмерно современным тут будет именно разве что выражение, но не суть. Понятие «квант» в античности, разумеется, было неизвестно. Однако возможность или невозможность квантования пространства – одна из самых важных проблем, ставившихся и решавшихся натурфилософами позднеархаической и раннеклассической эпох. Достаточно вспомнить известные парадоксы элеатов и две альтернативные попытки выхода из тупика, порожденного этими апориями (Анаксагор и Демокрит), – выдвижение концепций, имеющих определенное внешнее сходство (поэтому учение Анаксагора иногда считают одной из разновидностей атомизма), но по существу полярно противоположные друг другу: «настоящие» атомисты признают квантование, Анаксагор же его отрицает. (Заметим в скобках, что с появлением квантовой теории нам в целом стала гораздо понятнее проблематика досократовской философии.) Речь шла о квантовании пространства; что же касается квантования времени, то оно, насколько можно судить, не становилось предметом специальных дискуссий и воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Собственно, Ахилл в апории Зенона Элейского именно потому не может догнать черепаху, что пространство у Зенона не квантуется, а время квантуется.

¹³ В связи с идеей континуума обратим внимание, например, на то, что автор одной из самых последних работ по интересующей нас здесь проблематике (*Cobet J. The Organization of Time in the Histories // Brill's Companion to Herodotus. Leiden, 2002. P. 387 ff.*) часто применяет к времени пространственные категории (*spatium historicum* и т. п.). В этой работе употребляется, кстати, и сам термин «континуум».

¹⁴ О значении этой первой фразы см.: *Bakker E. J. The Making of History: Herodotus' historiēs apodexis // Brill's Companion to Herodotus. Leiden, 2002. P. 3 ff.*

ние исследования (ἱστορίας)¹⁵ Геродота из Галикарнасса, чтобы деяния людей не были стерты временем (τῷ χρόνῳ ἐξίτηλα γένηται)» (Herod. I. prooem.)¹⁶. Здесь χρόνος – чуждая, уничтожающая стихия, и задача историка заключается именно в том, чтобы противостоять ему, помешать ему сделать свое дело. Не случайно в исследовательской литературе можно порой встретить такое суждение: история выступает как своего рода средство борьбы со временем¹⁷. Необходимо только иметь в виду, что речь идет не о любом времени, а только о времени-χρόνος, «пустом» времени.

Разовьем и дополним предложенную выше базовую метафору. Καῖρός (конкретный момент) – «время-точка» и тем самым время без измерений. Χρόνος (временной промежуток) – «время-линия», одномерное время. Αἰών (временной промежуток, соотношенный с жизнью и eo ipso с пространством). Это – «время-плоскость», двухмерное время, в котором в качестве второго измерения выступает тесная сопряженность с пространственным аспектом бытия. С существительным αἰών этимологически коррелирует наречие αἰεί (ἀεί), которое удерживает в себе и кое-что от его семантики. На русский его обычно переводят «всегда», однако, в отличие от нейтрального и безоттеночного πάντοτε с тем же значением, αἰεί обычно имеет более или менее выраженный оттенок вечного или постоянного *существования*.

Изложенное выше теоретическое построение о «трех ликах времени» мы уже применяли к конкретному древнегреческому литературному памятнику, а именно к «Истории» Геродота¹⁸. Были рассмотрены такие вопросы, как сравнительная частотность употребления «отцом истории» различных темпоральных терминов, распределение (в том числе контекстуальное) этих терминов по отдельным частям (логосам) его труда и т. п., что в совокупности позволило сделать ряд интересных наблюдений. Попробуем теперь *mutatis mutandis* применить ту же базовую модель к поэтическому наследию Солона.

В количественном отношении это наследие в сравнении с тем же геродотовским трактатом невелико; соответственно, мы и не можем рассчитывать на очень частое появление в стихах Солона терминологии, связанной с временем. И действительно, случаи такого рода практически единичны, но тем не менее (а, может быть, именно поэтому) показательны.

¹⁵ Термин «история», разумеется, употребляется Геродотом еще в своем первичном, «ионийском» смысле – не как «повествование о прошлом», а скорее как «исследование», «расследование», в каком-то смысле даже «следствие». Ср.: *Wees H. van. Herodotus and the Past // Brill's Companion to Herodotus. Leiden, 2002. P. 322.*

¹⁶ В интересах максимальной терминологической точности мы здесь даем собственный перевод цитируемого пассажа.

¹⁷ Ср., например: *Momigliano A. Op. cit. P. 191.*

¹⁸ *Суриков И. Е. Образы времени... С. 28 сл.*

Χρόνος появляется в солоновском корпусе четыре раза. Необходимо проанализировать все эти упоминания с привлечением контекста.

Sol. fr. 3. 15–16¹⁹:

Но, и молчанье храня, знает Правда, что есть и что было;
Пусть, хоть и поздно (χρόνῳ), за грех все-таки взыщет она!

Речь здесь идет о том, что божественное возмездие за людские преступления неотвратимо, но оно часто запаздывает, приходит не сразу, а только χρόνῳ (дословно – «со временем»). Солон признавал возможность того, что, если сам преступник не был наказан при жизни, кару понесут его потомки, хотя бы они лично и не были ни в чем виновны²⁰.

Sol. fr. 7. 1:

Ныне же здесь, над солийцами царствуя долгие годы (πολὺν χρόνον),
В городе сем обитай средь поколений своих.

Элегия обращена к кипрскому царю Филокипру, при дворе которого Солон побывал в ходе своего знаменитого путешествия²¹. По сообщениям некоторых источников, благоволивший к афинскому поэту-мудрецу Филокипр даже переименовал в его честь один из городов своей державы, дав ему название Солы. Хоть эта версия иногда принимается и современными исследователями²², нам она представляется крайне маловероятной по лингвистическим соображениям. Впрочем, в данном случае важно совсем не это, а то, что χρόνος и в процитированном фрагменте имеет отчетливую коннотацию длительности, протяжен-

¹⁹ Нумерация фрагментов стихов Солонa дается по изданию Диля. Русские стихотворные переводы приводятся (за единичными исключениями, которые будут специально оговорены в соответствующих местах) по изданию: Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э.: Эпос, элегия, ямбы, мелика / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, О. П. Цыбенко, В. Н. Ярхо. М., 1999. С. 245–253.

²⁰ Специально о взглядах Солонa по этому вопросу (в сравнении с позициями некоторых других древнегреческих поэтов) см.: *Доватур А. И.* Феогнид и его время. Л., 1989. С. 102 сл.; *Vlastos G.* Solonian Justice // *Classical Philology*. Vol. 41. No. 2. 1946. P. 65–83; *Nesselrath H.-G.* Göttliche Gerechtigkeit und das Schicksal des Menschen in Solons Musenelegie // *Museum Helveticum*. 1992. Vol. 49. Fasc. 2. P. 91–104.

²¹ Об этом путешествии см.: *Reeker H.-D.* Solons Reisen // *Antike und Abendland*. Bd. 17. Ht. 2. 1971. S. 96–104; *Piccirilli L.* Erodoto e l'apodemia di Solone // *Contributi di storia antica in onore di A. Garzetti*. Genova, 1976. P. 23–30; *Ker J.* Solon's Theôria and the End of the City // *Classical Antiquity*. Vol. 19. No. 2. 2000. P. 304–329.

²² Например: *Malkin I.* What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // *Athenaeum*. Vol. 63. 1985. P. 114–130.

ности. Вполне закономерно в русском переводе встречаем передачу выражения *πολὺν χρόνον* (дословно – «многое время») через «долгие годы».

Sol. fr. 9:

Точно ли я сумасшедший, покажет недолгое время (*βαῖος χρόνος*):
Выступит правда на свет, сколько ее не таи²³.

Исторический контекст этого фрагмента позднеантичный историк философии Диоген Лаэртский (I. 49) пересказывает следующим образом: Солон резко противился попыткам овладеть властью в Афинах со стороны будущего тирана Писистрата. Последнему симпатизировало большинство граждан; голос старого законодателя звучал очень уж «не в унисон» с общим мнением, и Солон даже сочли сумасшедшим, на что он и ответил вышеприведенными стихами.

Далеко не всей информации, содержащейся у Диогена Лаэртского, можно в полной мере доверять. В частности, именно в этом пассаже есть сомнительные детали. О том, что Солон был в оппозиции Писистрату, сообщают и другие источники (Arist. Ath. pol. 14. 2; Plut. Sol. 29–30), но о мнимом сумасшествии поэта-мудреца они в данной связи ничего не говорят. Зато это самое мнимое сумасшествие Солон оказывается популярным топосом в другой относящейся к нему ситуации (Plut. Sol. 8; Diog. Laert. I. 46) – речь идет об инициированной им войне против Мегар за Саламин²⁴. Не следует ли и процитированный фрагмент отнести к раннему, «дореформенному» периоду солоновской деятельности?

Как бы то ни было, обращает на себя внимание, что этот фрагмент хорошо коррелирует с предыдущим. Если там существительное *χρόνος* сочеталось с прилагательным *πολύς* («многий», применительно ко времени – «долгий»), то тут появляется его антоним²⁵ – прилагательное *βαῖος* («малый», применительно ко времени – «краткий»). Но значение протяженности, временного промежутка как видим, *χρόνος* имеет в обоих случаях.

Sol. fr. 24. 3–5:

Пред времени судом (*ἐν δίκῃ χρόνου*) в том лучшем послухом
В том будет из богов, Олимпа жителей,
Бог величайший, мать их, Гея черная...

Этот ямбический фрагмент относится к числу тех стихов, которые Солон писал уже после окончания реформаторской деятельности, защищая и оправды-

²³ Русский перевод этого фрагмента отсутствует в вышеупомянутой антологии «Эллинские поэты». Фрагмент сохранен Диогеном Лаэртским (I. 49); соответственно, перевод приводим по русскому изданию этого последнего автора.

²⁴ Ср. в связи с этим эпизодом: Irwin E. The Transgressive Elegy of Solon? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 40 ff.

²⁵ Достаточно редкий; более употребительно *ὀλίγος* с тем же значением.

вая свои преобразования. Здесь имплицитно говорится – в пику недовольным – о том, что, хотя сразу же по проведении реформ польза от них неочевидна, с течением времени их положительные эффекты дадут о себе знать. Полагаем, что именно по данной причине в стихотворении и появляется красивый образ, впоследствии многократно использовавшийся в литературе самых различных народов, – «суд времени». Собственно, этот суд именно в том и заключается, что время-*χρόνος* самой своей протяженностью всё расставит на свои места.

Итак, лексема *χρόνος* у Солона во всех случаях маркирует, как и ожидалось, «линейное время». А как у него обстоят дела с другими важнейшими темпоральными терминами? Заметим сразу, что *καιρός*, «точечное время», в солоновских стихах не встречается вообще. То же можно сказать и о существительном *αἰών*; а вот связанное с ним наречие *αἰεί* фигурирует в четырех случаях, которые также необходимо проанализировать.

Два раза слово появляется в самой большой из элегий Солона, которая в изданиях и в исследовательской литературе значится то под названием «К музам», то под названием «К самому себе»; оба заголовка в равной мере условны, поскольку, строго говоря, мы не знаем, как сам автор озаглавил (и озаглавил ли вообще) это свое сочинение. Интересующая нас элегия весьма часто – возможно, чаще, чем любой другой фрагмент солоновского наследия, – привлекала внимание специалистов. Уже к началу 1980-х гг. имелось несколько десятков специально посвященных ей работ²⁶, а к настоящему времени их число, наверное, удвоилось.

Sol. fr. 1. 3–4:

Мне от блаженных богов вы даруйте достаток, от ближних –
Вечно (*αἰεί*), и ныне и впредь, доброю славой владеть...

Просьба обращена к музам. Цитируя этот отрывок, в особенной степени приходится учитывать, что перевод античных (да, несомненно, и не только античных) поэтических памятников размером подлинника почти всегда подразумевает привлечение изрядной доли *licentia poetica*. Так и здесь: общий смысл сказанного передан, в общем, верно, но вот выражение «и ныне и впредь» переводчик (Г. Ф. Церетели) добавил от себя. Как подозреваем, именно для того, чтобы оттенить семантическую специфику слова *αἰεί*. А с другой стороны, само это слово передается через «вечно», хотя мы не думаем, что Солон имел в виду действительную вечность – в смысле бесконечности во времени; не мог же он считать себя бессмертным... Полагаем, что на самом деле лучше понимать здесь *αἰεί* в смысле «всегда, постоянно», в ключе идеи непрерывности, континуума.

²⁶ Их обзор со ссылками см.: *Maurach G. Über den Stand der Forschung zu Solos «Muse-nelegie» // Göttingische gelehrte Anzeigen. Bd. 235. Ht. 1/2. 1983. S. 16–33.*

Sol. fr. 1. 27–28:

Но от него (Зевса. – *И. С.*) не укрыться тому, кто преступен душою:
Будет и он наконец всё же в грехе обличен.

Нетрудно заметить, что в процитированном русском переводе αἰεὶ вообще отсутствует. А между тем в оригинальном греческом тексте этим словом открывается весь пассаж. Иными словами, говорится о том, что преступник не сможет *всегда* скрываться от божьего суда, рано или поздно расплата придет; уже не в первый раз встречаем ту же излюбленную Солоном идею кары-возмездия. Континуальный оттенок анализируемого термина в данном отрывке также присутствует, хотя, пожалуй, и более имплицитно, чем в предыдущем.

Sol. fr. 4. 9–12:

Много дурных богатеет, благие же в бедности страждут.

Но у дурных не возьмем их мы сокровищ в обмен

На добродетель, – она пребывает незыблемой вечно (ἔμπεδον αἰεὶ),
Деньги же вечно своих переменяют владык!

Тем же переводчиком опять αἰεὶ понято как «вечно» (причем в следующей строке это «вечно» повторено – на этот раз без какого-либо соответствия в оригинале). А между тем именно в этом месте континуальная семантика αἰεὶ протупает особенно выпукло. Оно очевидным образом обозначает, как явствует из вводимого автором противопоставления, не «бесконечно», а «непрерывно». Такова солоновская характеристика добродетели (ἀρετή)²⁷, в то время как материальный достаток предстает темпорально дискретным.

Sol. fr. 22. 7:

Стар становлюсь, но всегда (αἰεὶ) многому всюду учусь²⁸.

Велика вероятность того, что процитированная строка входила в состав элегии Солона «К Мимнерму», написанной афинским мудрецом в преклонном возрасте и трактующей о старости. На этой элегии мы еще остановимся ниже в другой связи, а пока заметим, что и здесь тоже αἰεὶ – «всегда» в смысле постоянства, непрерывности, континуальности, а не в смысле бесконечности во времени (иначе, повторим, пришлось бы высказать абсурдное предполо-

²⁷ По поводу представлений Солона о добродетели и добродетельном муже см.: *Melissano P.* Solone e il mondo degli ἐσθλοί // *Quaderni urbinati di cultura classica*. Vol. 47. No. 2. 1994. P. 49–59; *Mitchell L. G.* New Wine in Old Wineskins: Solon, *arete* and the *agathos* // *The Development of the Polis in Archaic Greece*. L.; N. Y., 1997. P. 137–147.

²⁸ Русский перевод этой строки также отсутствует в антологии «Эллинские поэты». Она сохранена Плутархом (Sol. 31); соответственно, перевод приводим по русскому изданию этого последнего автора.

жение, что Солон уповал на собственное физическое бессмертие). Поэт хочет сказать, что он даже в старости не прекращает познавать новое.

Проанализированный материал можно предварительно обобщить следующим образом. «Точечное» время (καίρος) для Солона как бы не существует, – или, во всяком случае, в дошедших фрагментах его наследия оно никак не отразилось, что, надо полагать, имеет определенную степень репрезентативности. Время для Солона – это либо протяженность (χρόνος), либо континуальный процесс (коннотации наречия αἰεῖ)²⁹. Иными словами, время постигается им преимущественно не в статике, а в динамике, что хорошо коррелирует с высказанными выше соображениями о повышенной динамичности темпоральных представлений эллинов архаического периода.

* * *

К представлениям о времени имеет самое непосредственное отношение проблема возрастных градаций. Ведь возраст – одно из самых наглядных выражений хода времени в любом человеческом социуме, где обязательно присутствуют и дети, и молодежь, и зрелые люди, и старики...

В лирике Солона данная проблематика не только присутствует, но и занимает весьма немаловажное место. Особенно следует отметить его элегию «Седмицы человеческой жизни» (Sol. fr. 19), в которой нарисована одна из самых подробных и ярких во всей античной литературе картин движения жизни как смены возрастных стадий³⁰. Следовательно, имеет смысл привести этот поэтический памятник полностью, заодно в примечаниях обозначив и прокомментировав наиболее важные термины, встречающиеся в оригинале:

Малый ребенок³¹, еще несмышленищем³² вырастив зубы,
Все их сменяет за срок первой седмицы годов.

²⁹ Ср. замечание Ф. де Полиньяка о том, что Солон – создатель пространственного и временного единства: *Polignac F. de. Changer de lieu, changer de temps, changer la cité: sites et déplacements de la construction du temps dans l'Athènes archaïque // Constructions du temps dans le monde grec ancien. P., 2000. P. 148.*

³⁰ О значении данного стихотворения Солона для изучения древнегреческих темпоральных представлений см.: *Суриков И. Е. Время и человеческая жизнь в древнегреческом менталитете и древнегреческой историографии: линия и цикл // Время в координатах истории: Тезисы междунар. науч. конф. М., 2008. С. 64–66.*

³¹ Παῖς... ἄνηβος – максимально общие обозначения лиц детского возраста, «невзрослых», «невозмужалых».

³² Νήπιος (буквально – «неговорящий») – лексема, применявшаяся конкретно к младенцам.

Если ж седмицу вторую прожить ему боги дозволят,
Зрелости³³ первой следы он начинает являть.
В третью седмицу хоть тело растет, но уже обрамляет
Щеки пушок, и затем кожа меняет свой цвет.
А за седмицы четвертой года расцветает у мужа³⁴
Сила – она для людей³⁵ знаменье доблести их.
К пятой седмице пора, чтоб мужчина (ἄνδρα) о браке подумал
И о рожденье детей (παίδων), дабы потомство иметь.
В пору седмицы шестой укрепляется разум у мужа (ἀνδρός),
И необдуманных дел он уж не хочет свершать.
Но лишь в седьмую седмицу с восьмой вместе – будет в обоих
Ровно четырнадцать лет – ум расцветает и речь.
В пору ж седмицы девятой хоть муж³⁶ и силен, но не могут
Разум и мудрость его с доблестью вровень стоять.
Если ж седмицы десятой семь лет отведут ему боги, –
В самую пору тогда смертная доля придет.

В данном, исключительно интересном тексте присутствует целый ряд аспектов восприятия эллинами ритма человеческой жизни. Речь идет об аспекте гендерном, демографическом и собственно темпоральном. Остановимся кратко на каждом.

В гендерном аспекте солоновская возрастная градация имеет предельно выраженный маскулинный характер. Женщины во всей элегии вообще ни разу не упоминаются, речь идет только о мужчинах, о «муже» (ἄνθρω), а применительно к раннему возрасту – о мальчике (παῖς). Строго говоря, древнегреческое παῖς в грамматическом отношении – существительное обоюдного рода, однако здесь у Солона оно согласовано с причастиями ἑὼν, φύσας и прилагательным иήπιος в мужском роде, следовательно, девочка иметься в виду не может.

Женщины в архаической и классической Греции тоже, несомненно, проходили в своей жизни определенные стадии, но Солон (как и греческих мужчин

³³ ἡβη, – собственно, не зрелость в привычном нам значении слова, соотносящаяся скорее с более старшим возрастом, а юношеское возмужание. Отсюда – имя Гёбы, богини юности в древнегреческой мифологии.

³⁴ Это слово в оригинале отсутствует, введено переводчиком, но, очевидно, оправданно – ввиду появления ἀνδρες в следующей строке (см. ниже).

³⁵ Строго говоря, речь идет не о «людях» в абстрактном смысле, а о «мужах» (ἄνδρες). Ἄνθρω – главная древнегреческая лексема для обозначения взрослого, зрелого мужчины – в дальнейшем на протяжении элегии повторяется еще несколько раз.

³⁶ «Муж» – вновь добавлено переводчиком; в оригинале в соответствующем месте стоит местоимение.

вообще) эти стадии никогда специально не интересовали³⁷. Высказывалась даже мысль, что в античной Элладе существовало особое «женское время»³⁸. Но это отдельный сложный вопрос, требующий специального изучения, и здесь мы не будем его затрагивать, тем более что как раз солоновская лирика материала для его рассмотрения не дает. Как бы то ни было, ясно, что перечисленные поэтом «десять седмиц» не могли иметь прямого отношения к женщинам уже потому, что, согласно общепринятому мнению специалистов, средняя продолжительность жизни древнегреческой женщины была короче, чем у мужчины³⁹.

Здесь мы логично выходим на другой, демографический аспект, а именно на вопрос о продолжительности жизни. Как видим, у Солона на эту продолжительность весьма оптимистичные взгляды: он считает, что в норме смерть должна приходить в 70 лет. Как увидим ниже, впоследствии он изменил свою точку зрения в еще более оптимистическую сторону, говоря даже о 80 годах.

Проблемы продолжительности жизни в античной Греции нам доводилось касаться в другом месте⁴⁰. Поэтому здесь, чтобы не повторяться, кратко резюмируем: эта продолжительность была существенно выше, чем можно считать, исходя из расхожих представлений о ранних обществах⁴¹. Но настоящим бичом была высокая детская смертность, характерная, впрочем, для всех человеческих социумов вплоть до открытия антибиотиков в XX веке, принципиально изменившего всю демографическую ситуацию в мире.

Впрочем, следует оговорить, что третья строка процитированной элегии, в переводе звучащая «Если ж седмицу вторую прожить ему боги дозволят...», в оригинале имеет несколько другой оттенок: стоит не «если», а «когда» (ὅτε) и отсутствует слово «дозволят». Однако переводчик – возможно, бессознательно –

³⁷ Иногда в исследовательской литературе можно встретить характеристику Солона как гомосексуалиста (так, например, несколько раз на протяжении известной книги: *Pomeroy S. B. Goddesses, Whores, Wives and Slaves: Women in Classical Antiquity*. L., 1994). Однако следует подчеркнуть, что афинский законодатель был гомосексуалистом не в большей степени, чем любой древнегреческий мужчина. На самом деле речь следует вести несколько о другом – об артикулированной бисексуальной половой ориентации, причем порожденной гендерными, социокультурными, а отнюдь не физиологическими причинами (см. подробнее: *Суриков И. Е.* Адам и... Адам (К вопросу о специфике гендерных ролей в условиях античного греческого полиса) // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. № 12. 2006. С. 23–47.

³⁸ *Bruit-Zaidman L.* Temps rituel et temps féminin dans la cité athénienne au miroir du théâtre // *Constructions du temps dans le monde grec ancien*. P., 2000. P. 155–168.

³⁹ См., например: *Pomeroy S. B.* Op. cit. P. 45.

⁴⁰ *Суриков И. Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 479 сл.

⁴¹ О факторах, повышавших продолжительность жизни в Древней Греции, см. также: *Sekunda N. V.* Athenian Demography and Military Strength 338–322 B.C. // *Annual of the British School at Athens*. No. 87. 1992. P. 343.

в целом верно уловил общую демографическую тенденцию эпохи. Действительно, далеко не все рождавшиеся доживали до годов зрелости и даже юности.

Заметим также, как Солон распределяет по различным возрастам проявление различных качеств личности. В физическом смысле расцвет человека, по его мнению, наступает в годы четвертой седмицы (т. е. от 21 до 28 лет); наиболее подходящее время для брака и деторождения – пятая седмица (от 28 до 35 лет). В этом последнем мнении поэт в целом солидарен с общегреческими представлениями, согласно которым жениться лучше всего примерно в тридцатилетнем возрасте. А вот интеллектуальный «пик» Солон относит к седьмой и восьмой седмицам (от 42 до 56 лет). Довольно скоро после этого наступает старость.

Впрочем, отношение афинского мудреца к этой последней постепенно претерпело изменение. Это хорошо видно на примере его поэтической «переписки» с другим видным лириком – Мимнермом Колофонским⁴². Мимнерм заявил в одной из своих элегий (fr. 6 West):

Если бы в мире прожить мне без тяжких забот и страданий
Лет шестьдесят, – а потом смерть бы послала судьба!

Солон не согласился и написал в ответ специальное стихотворение «К Мимнерму», начинавшееся строками (fr. 22 Diehl):

Если совет мой послушать ты хочешь, то выкини слово
И не сердись, что я стих лучше придумал, чем ты,
Но переделай его, сладкопевец, и так пой отныне:
«Лишь на десятке восьмом смерть да подходит ко мне».

Не обойтись без констатации очередного искажающего смысл отклонения от оригинала со стороны переводчика (того же Г. Ф. Церетели). В действительности у Солона выражается пожелание, чтобы смерть постигла не «на восьмом десятке», то есть после 70 лет, а в восьмидесятилетнем возрасте (ὀγδοικοῦταέτη). Это принципиально, поскольку получается, что Солон изменил свою точку зрения и полемизирует теперь не только с Мимнермом, но также, в сущности, и с собственными прошлыми взглядами, демонстративно отступает от некоторых идей, высказывавшихся им ранее, сочиняет своеобразную «палинодию»⁴³.

Очевидно, дело обстояло следующим образом. «Седмицы» были сочинены поэтом в молодом или среднем возрасте, когда представления автора о старости были еще достаточно абстрактными, и в этом стихотворении он

⁴² Об их полемике см.: Доватур А. И. Указ. соч. С. 118 сл.

⁴³ Ср.: Суриков И. Е. Авторское начало в лирике Солонa // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его текст. М., 2003. С. 235–240.

поставил пределом человеческой жизни 70 лет. А элегия «К Мимнерму», несомненно, принадлежит к последнему периоду солоновского творчества (скорее всего, к 560-м гг. до н. э.), когда поэт перешагнул семидесятилетний рубеж или, по крайней мере, приближался к нему. Судя по всему, собственный опыт заставил Солон ощутить, что и в преклонных годах человек может сохранять «вкус к жизни», а также трезвость рассудка, продолжать совершенствоваться. Если раньше, в «Седмицах», он полагал, что к старости разум человека слабеет, то теперь произносит знаменитую, цитированную выше фразу «Стар становлюсь, но всегда многому всюду учусь». Всё это в совокупности привело афинянина к пересмотру прежних позиций, к мысли ограничить жизнь человека уже не 70, а 80 годами.

Следует сказать, что пессимистические взгляды его оппонента Мимнерма коренятся в общих основах мировоззрения последнего. Мировоззрение это складывается в весьма четкую систему, прослеживающуюся едва ли не в каждом стихотворении колофонского лирика. Мимнерму жизнь мила лишь до тех пор, пока ею можно наслаждаться, а в преклонных годах, по его мнению, это уже недоступно. У поэта вызывает содрогание «безобразная, трудная старость», «старость презренная, злая», когда «даже прекраснейший муж гадов становится всем»... Такая старость «страшней даже и смерти самой»!

Солон и здесь спорит с Мимнермом. Мы считаем, что к обращенной к колофонянину элегии следует относить и строки (Sol. fr. 20 Diehl):

Милы теперь мне дела Афродиты, рожденной на Кипре,
И Диониса, и Муз – всё, что людей веселит.

Солон, таким образом, хочет показать, что старость – не помеха для того, чтобы жить полноценной, насыщенной и даже не чуждой чувственных удовольствий жизнью. Потому-то ее не следует бояться, ненавидеть; нужно, напротив, находить и в этом возрасте присущие ему радости, отнюдь не стремясь раньше срока в могилу. Перед нами, несомненно, выражение оптимистического темпорального мироощущения, которым Солон вообще выделяется на фоне многих современных ему поэтов – Феогида, того же Мимнерма и др. Пропагандируя свой идеал бодрой, деятельной старости, великий афинянин хочет показать, что человеку в каких-то ситуациях под силу побороться даже с самим неумолимым Временем (*χρόνος*), превратить его из времени «пустого» во время «заполненное».

* * *

Похоже, что подобное отношение к преклонному возрасту не было присуще Солону изначально, а скорее выработалось у него тогда, когда сам поэт-законодатель вступил в этот возраст. Так, в другой его элегии (Sol. fr. 14. 10)

встречаем упоминание о «старости злой» (κακὸν γῆρας); видимо, данное произведение, как и «Седмицы», следует датировать более ранним временем по сравнению с обращенным к Мимнерму.

Такого рода жизненный оптимизм не мог не сочетаться с достаточно неприязненным восприятием смерти. Но этот аспект солоновского мироощущения мы не можем затрагивать в рамках данной статьи: во-первых, он достаточно косвенно относится к ее основному сюжету, во-вторых, тесно сопряжен с проблемами погребального законодательства Солона, которое само по себе представляет собой интересную тему со значительным количеством непростых нюансов⁴⁴.

А мы завершим цитатой из Геродота, в которой передаются слова Солона, обращенные к лидийскому царю Крезу. Согласно мнению, которое на сегодняшний день преобладает в историографии⁴⁵ и с которым мы также вполне солидарны⁴⁶, «отец истории» в целом вполне адекватно передал круг основных идей (в том числе и темпоральных), характерных для солоновского мировоззрения, каким оно было в 580-е гг. до н. э.

...За долгую жизнь много можно увидеть и многое пережить. Пределом человеческой жизни я считаю 70 лет. Эти 70 лет составляют 25 200 дней без вставного месяца. Но если к каждому второму году прибавлять еще по месяцу, чтобы времена года в соответствии с календарными месяцами наступали в свое надлежащее время, то за 70 лет вставных месяцев наберется 35, а дней получается из этих месяцев 1 050. И из всех дней, приходящихся на 70 лет, т. е. из 26 250 дней, нет ни одного совершенно похожего на другой: каждый день несет новые события. Итак, Крез, человек – лишь игральное случая... Обладатель сокровищ не счастливее че-

⁴⁴ Об этих законах см.: Суриков И. Е. Законодательство Солона об упорядочении погребальной обрядности // Древнее право. № 1 (9). 2002. С. 8–21; Blok J. H. Solon's Funerary Laws: Questions of Authenticity and Function // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 197–247.

⁴⁵ Chiasson Ch. The Herodotean Solon // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 27. No. 3. 1986. P. 249–262; Lloyd M. Cleobis and Biton (Herodotus 1, 31) // Hermes. Bd. 115. Ht. 1. 1987. S. 22–28; Shapiro S. O. Herodotus and Solon // Classical Antiquity. Vol. 15. No. 2. 1996. P. 348–364.

⁴⁶ Суриков И. Е. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 72–79; Он же. Квази-Солон, или Крез в персидском плену (К вопросу о повествовательном мастерстве Геродота) // История: мир прошлого в современном освещении: Сб. науч. статей к 75-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2008. С. 67–82. Мы придерживаемся той точки зрения, что Геродот мог опираться на какое-то не дошедшее до нас стихотворение Солона. Отмечалось, кстати, что именно в этом месте «Истории» в прозаическое повествование вторгаются ямбы (Myres J. L. Herodotus Father of History. Oxf., 1953. P. 77).

ловека, имеющего лишь дневное пропитание, если только счастье не сопутствует ему и он до конца жизни не сохранит своего богатства... Пока человек не умрет, воздержись называть его блаженным, но называй его лучше удачливым... Но тот, кто постоянно обладает наибольшим количеством благ и затем счастливо окончит жизнь, тот, царь, в моих глазах вправе называться счастливым. Впрочем, во всяком деле нужно иметь в виду его исход, чем оно кончится. Ведь уже многим божество на миг даровало блаженство, а затем окончательно их погубило (I. 32).

Повторим и подчеркнем: Геродот был автором еще архаическим по духу, и потому он тонко понял взгляды одного из величайших лириков эпохи архаики – Солона – и согласился с ними. Динамизм ощущения времени, стремление к его максимальной «наполненности» – это черты, которые так же видны в приведенном отрывке, как и в самих солоновских стихотворениях.

Обратим внимание еще на стремление измерить время, а для этого – «расчленить» его, разбить на одинаковые по протяженности отрезки. Помимо естественных, обусловленных природными процессами темпоральных единиц (таких как день и год), в наследии самого Солона мы видели такую чисто искусственную категорию, как седмица. Деление жизни на семилетия и впоследствии оставалось в Элладе распространенным⁴⁷, хотя для нас оно не очень-то привычно. В наших глазах уместнее употреблять в данных целях более «круглые», на взгляд современного человека⁴⁸, десятилетние и пятилетние отрезки.

Ныне «датами-вехами» считаются 40, 50 или, допустим, 75 лет, а допустим, такие цифры, как 42 или 56, ничего не говорят. А в мире Солона как раз они-то (и подобные им) и были важны: так, первая из них обозначала начало интеллектуального «акме» человека, вторая – его окончание и т. д.

Солон жил задолго до появления пифагорейства, в рамках которого манипуляции с «мистическими», «знаковыми» числами приобрели совсем уже изощренный характер. Его числовая система еще достаточно проста. «Семерка» играет в ней преобладающую, можно сказать, даже подавляющую роль. Несомненно, это как-то связано с бытующим во многих архаических обществах представлением о «магическом» характере числа 7. Впрочем, конкретный механизм связи не вполне ясен. Солон был ярко выраженным рационалистом,

⁴⁷ Ср., например, Arist. Pol. VII. 1336b41: «Те, кто делит возрасты по семилетиям, рассуждают по большей части не плохо...» (неизвестно, Солон ли имеется в виду или кто-нибудь другой).

⁴⁸ В античности понятия «круглых чисел» просто не могло еще существовать, поскольку среди цифр не было нуля. Соответственно, такие числа, как 3, 7 или 9, могли говорить «уму и сердцу» древнего грека гораздо больше, чем, допустим, 50, в то время как для нас дело обстоит противоположным образом.

а не мистиком. Скорее всего, в данном случае он просто опирался на общепринятые взгляды.

Как бы то ни было, характерно еще и то, что жизнь в рамках рассматриваемой темпоральной картины мира мыслится как совокупность *равных* по протяженности стадий. Сам этот факт, быть может, даже важнее, нежели конкретная длина стадий, выражающаяся в том или ином числе. Выделение одинаковых по длительности стадий человеческого бытия, хотя и не имеет под собой никакого физиологического основания, но зато как бы сближает само это бытие с бытием природы – тем, что привносит в него элементы циклизма, стройной, гармоничной упорядоченности.

АВТОРСКОЕ НАЧАЛО В ЛИРИКЕ СОЛОНА *

Одним из важнейших источников по истории Греции архаической эпохи являются стихотворения Солон. Солон – один из немногих древнегреческих лирических поэтов, от которого до нас дошло достаточно большое количество фрагментов самого различного содержания (от этического до эротического); некоторые из этих фрагментов весьма обширны (например, элегии «К самому себе» и «Благозаконие»). Из них можно составить целый сборник, дающий целостное понятие о творчестве этого автора. Если учесть при этом, что Солон был одной из самых ярких и значительных личностей своего времени (не только поэтом, но и политическим деятелем, полководцем, выдающимся законодателем, вошедшим в канон «Семи мудрецов»), то вопрос о проявлении авторского начала в его произведениях становится еще более важным и интересным.

Рассматривая этот вопрос, следует прежде всего иметь в виду, что жанром, в котором преимущественно работал Солон, была элегия (хотя он писал также ямбические триметры, хореические тетраметры). Этот жанр отличался большой традиционностью своего лексического оформления, его представители активнейшим образом пользовались формульными выражениями, заимствованными из гомеровского эпоса¹ и различным образом перекомпонованными (чему способствовало сходство стихотворного размера в эпосе и элегии). Данный фактор, бесспорно, препятствовал проявлению авторского начала на вербальном уровне, поскольку одни и те же клише перекочевывали от одного поэта к другому, закрепляя в некоторой мере «внеличностный» характер элегического жанра. Некоторые элегики (Феогнид, Фокилид) в целях утверждения своего авторства прибегали к особому рода приему – так называемой «печати» (sphragis). Прием этот заключался в том, что в ткань стиха регулярно вплетался определенный, характерный именно для данного автора речевой оборот, чаще всего включавший в себя личное имя (либо самого поэта, либо его адресата)². Справедливости ради следует сказать, что «печать» далеко не всегда спасала

* Впервые опубликовано в: Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его текст. М., 2003. С. 235–240.

¹ О формульных выражениях в эпосе (не только гомеровском) см. наиболее подробно: Лорд А. Б. Сказитель. М., 1994.

² Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 94–95.

от последующего присвоения «литературной собственности» другими писателями³. Что же касается Солона, то у него ничего подобного мы не находим, и это следует признать характерным, отнюдь не случайным. Очевидно, его авторская и человеческая индивидуальность была слишком крупной, чтобы искать помощи в каких-то формальных приемах. Судя по всему, авторское начало в солоновских произведениях должно было проявляться в большей степени на содержательном уровне.

Одной из его манифестаций, на наш взгляд, необходимо считать отмечавшееся выше исключительное тематическое разнообразие лирики Солона. Он отнюдь не был «узким специалистом» в какой-то одной сфере бытия, в отличие от большинства других представителей архаической лирической поэзии. Его нельзя назвать ни «певцом войны», подобно Тиртею, ни «певцом любви», подобно Сапфо и Анакреонту, ни «певцом аристократических доблестей», подобно Пиндару... А точнее – он был одновременно и первым, и вторым, и третьим, а кроме того, сочетал в себе и ряд других «ипостасей», как авторских, так и личностных. Но при всем видимом разнообразии через все солоновское творчество как бы проходит единый мировоззренческий «стержень», делающий его целостным феноменом. Наиболее характерными чертами этого мировоззрения можно назвать искреннее благочестие, убежденность в благом водительстве богов – хранителей мировой справедливости, чувство разумной меры и отрицание любых излишеств. У Солон мы не найдем какого-либо протеста против того или иного аспекта традиционной религии, хотя мы находим такие протесты у некоторых из его современников, работавших в том же жанре, например у Феогнида⁴. И в то же время можно сказать, что не все элементы характерных для архаической и классической Греции религиозных представлений оказываются для Солон приемлемыми. Так, у него мы совершенно не обнаруживаем весьма свойственной древнегреческому менталитету идеи «зависти богов»⁵. А ведь эта идея занимает весьма большое место еще в труде Геродота, писавшего через полтора столетия после афинского поэта и законодателя!

Можно твердо говорить о наличии у Солон вполне четко очерченной системы ценностей. В ней ключевые позиции занимает такая категория, как счастье, о котором интересующий нас автор размышлял весьма серьезно и напря-

³ Вообще для античности в большей степени характерен не плагиат, а, если так можно выразиться, «антиплагиат», когда подражатель ставил чужое, авторитетное имя под своим текстом.

⁴ Противопоставление Солон и Феогнида в интересующем нас аспекте см.: *Доватур А. И.* Феогнид и его время. Л., 1989. С. 102–113.

⁵ *Chiasson Ch.* The Herodotean Solon // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 27. No. 3. 1986. P. 249–262; *Суриков И. Е.* Гостеприимство Креза и афиняне // *Закон и обычай гостеприимства в античном мире*. М., 1999. С. 74.

женно. Характерно солоновскими являются мысли о непрочности обладания счастьем при жизни ввиду непредсказуемости грядущего и проистекающей отсюда неуверенности в завтрашнем дне (Sol. fr. 1. 63–70 Diehl), о невозможности для человека называться счастливым при жизни, поскольку только смерть расставит все на свои места (Sol. fr. 15 Diehl), о ненадежности обладания богатством, которому поэтому следует предпочесть умеренный достаток (Sol. fr. 4. 9–12 Diehl; fr. 14 Diehl).

Признаком проявления авторского начала является, на наш взгляд, такая ситуация, когда поэт, употребляя в своих произведениях какое-либо понятие, придает ему новый смысл, отличный от того, в котором это понятие употреблялось раньше. Именно так обстоит дело с термином «благозаконие» (*eunomia*) в солоновских элегиях. «Благозаконие» выступает как одна из ключевых категорий мировоззрения афинского поэта-законодателя⁶. Сама идея *eunomia* не является изобретением Солон, коренясь, насколько можно судить, в дельфийской этике Аполлона. Уже за несколько десятилетий до Солон, во второй половине VII в. до н. э., величайший спартанский поэт Тиртей написал элегию, носившую название «Благозаконие» (Tyrt. fr. 4 West) и представлявшую собой, по сути дела, не что иное, как стихотворный пересказ Великой ретры Ликурга. Для Тиртея, таким образом, *eunomia* оказывается прямым синонимом государственного устройства Спарты с ее царями, герусией и апеллой. Одна из элегий Солон также называется «Благозаконие» (здесь он прямо идет по стопам Тиртея), но при этом саму *eunomia* афинский лирик понимает во многом иначе, нежели лакедемонский. Для него эта идея воплощается, с одной стороны, в наличии у полиса справедливых законов, а с другой – в сознательном подчинении граждан этим законам. Конкретных деталей конституционного устройства Солон, в отличие от Тиртея, в связи с *eunomia* совершенно не касается. Очевидно, для него «благозаконие» принадлежит в большей степени к этической, чем к политической сфере. Оно тесно сопряжено со справедливым управлением правосудия, а кроме того, призвано (это настойчиво подчеркивается несколько раз на протяжении элегии) «чрезмерную гордость умерить». Иными словами, *eunomia* имеет самое прямое отношение к важнейшему в системе взглядов Солон представлению о мере. Таким образом, «благозаконие»

⁶ О важности идеи *eunomia* в мировоззрении Солон см.: *Jaeger W.* Solons *Eunomie* // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse.* 1926. S. 69–85; *Vlastos G.* Solonian Justice // *Classical Philology.* Vol. 41. No. 2. 1946. P. 65–83; *Lumpe A.* Solons Einfluss auf Xenophanes // *Rheinisches Museum für Philologie.* Bd. 98. Ht. 4. 1955. S. 378; *Jones J. W.* The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction. Oxf., 1956. P. 93; *Ostwald M.* Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxf., 1969. P. 68–69. В целом об идее *eunomia* см.: *Маркиш III.* Сумерки в полдень: Очерк греческой культуры в эпоху Пелопоннесской войны. СПб., 1999. С. 148.

Солон является категорией более широкой, глубокой и емкой по сравнению с «благозаконом» Тиртея.

Интересным частным случаем проявления авторского начала может выступать факт изменения автором своих прежних взглядов, переход на иную позицию (феномен «палинодии»). У Солон мы встречаем нечто подобное в элегии, обращенной к поэту Мимнерму Колофонскому, от которой сохранилось несколько отрывков (Sol. fr. 22 Diehl). Элегия «К Мимнерму» относится к числу поздних произведений Солон⁷; на наш взгляд, она была написана в тот период, когда поэт-законодатель уже перешагнул семидесятилетний рубеж, то есть должна датироваться приблизительно 560-ми гг. до н. э. В этом стихотворении Солон демонстративно отступает от некоторых идей, высказывавшихся им ранее. Так, если прежде он определял срок человеческой жизни в 70 лет (Sol. fr. 19. 17–18 Diehl), то теперь называет иную цифру – 80 лет. Раньше он полагал, что к старости разум человека слабеет (Sol. fr. 19. 15–16 Diehl), а теперь произносит знаменитую фразу: «Я старею, все время многому научаясь». Судя по всему, жизненный опыт с годами сделал представления Солон о старости менее абстрактными; он на себе ощутил, что человек и в преклонном возрасте может сохранять трезвость рассудка и продолжать совершенствоваться. Отходом от прежних позиций выглядит и высказанное в элегии пожелание, чтобы смерть автора не осталась неоплаканной, чтобы друзья встретили его кончину страданиями и стонами. Дело в том, что на более раннем этапе своей деятельности, в 594 г. до н. э., сам же Солон издал в Афинах серию законов, направленных на значительное ограничение проявлений скорби на похоронах⁸. А теперь, как кажется, его чаяния вступили в противоречие с теми тенденциями, которые наблюдаются в этих законах.

Итак, в лирических стихотворениях Солон мы находим достаточно ярко и многосторонне проявляющееся индивидуальное авторское начало, которое не сковывают даже жесткие рамки элегического жанра. Это авторское начало, обнаруживающееся в большей степени не на вербальном, а на метаязыковом (прежде всего содержательном) уровне, представляет собой одно из важных свидетельств о процессе «рождения личности» в Греции архаической эпохи.

⁷ Доватур А. И. Указ. соч. С. 123.

⁸ См. об этом: Суриков И. Е. Законодательство Солон об упорядочении погребальной обрядности // Древнее право. № 1 (9). 2002. С. 8–21.

СТАСИС В ПОЭЗИИ СОЛОНА*

Доклад, прочитанный нами на пленарном заседании XVIII Сергеевских чтений, носил название «Стасис как право и обязанность: еще раз о законе Солон против нейтралитета в гражданской смуте». К сожалению, получилось так, что на тот момент, когда мы получили (ближе к концу 2013 г.) от оргкомитета Чтений любезное приглашение принять участие в сборнике, подготавливаемом по итогам конференции, текст упомянутого доклада был нами уже опубликован в виде статьи в другом месте¹. Соответственно, на этих страницах нам хотелось бы затронуть несколько иную тематику, но по возможности максимально близкую той, которую мы анализировали, выступая в стенах МГУ.

А именно: если в тогдашнем докладе говорилось о категории стасиса в законодательстве Солон², то теперь нам хотелось бы коснуться той же категории стасиса, но уже в его поэтическом наследии. Возможно, подобная постановка вопроса будет даже новой. Во всяком случае, нам не встречались работы, специально посвященные разбору этой проблемы; не исключаем, что их и нет вообще³.

* Впервые опубликовано в: Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 3. Сб. науч. трудов XVIII Сергеевских чтений. М., 2014. С. 215–225.

¹ Суриков И. Е. Стасис как право и обязанность: закон Солон против нейтралитета в гражданской смуте // Иванчик А. И. (отв. ред.). Monumentum Gregorianum: Сб. науч. статей памяти акад. Г. М. Бонгард-Левина. М., 2013. С. 222–230.

² См. в данной связи также: Суриков И. Е. Самый загадочный закон Солон: вопросы аутентичности и исторический контекст // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 6. 2009. С. 239–252. В двух указанных статьях мы ссылаемся и на предшествующую литературу по этой проблематике, так что здесь нет необходимости вновь перечислять ее. Укажем лишь новейшую работу по вопросу (*Schmitz W. Athen – eine wehrhafte Demokratie? Überlegungen zum Stasisgesetz Solons und zum Ostrakismos // Klio. Bd. 93. Ht. 1. 2011. S. 23–51*), вышедшую совсем недавно и потому не учтенную в наших предыдущих публикациях. В ней, впрочем, высказывается весьма сомнительная, бездоказательная идея, согласно которой будто бы закон Солон о стасисе имеет в виду не вооруженную борьбу, а некое голосование и законодатель вводит им определенную процедуру, предшествовавшую ostrakismu. О возможности «протоостракизма» даже во времена Солон мы и сами ранее писали (Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 182 сл.), но уж никак не в связи с законом о стасисе, в котором прямо упоминалось оружие (ὄπλα, Arist. Ath. pol. 8. 5).

³ Необходимо, конечно, оговорить, что проблема в той или иной мере затрагивалась в общих трудах о поэзии Солон, например: *Anhalt E. K. Solon the Singer: Politics and Poetics.*

Похоже, дело в том, что в сохранившихся фрагментах солоновских стихотворений само слово «стасис» (στάσις) употребляется лишь единожды: Sol. fr. 3. 19 Diehl – στάσιν ἔμφυλον. Еще в одном месте (в том же фрагменте) попадает родственное (пожалуй, более экспрессивное) существительное διχοστασίη (Sol. Fr. 3. 37 Diehl).

Да, это так. Однако же ни в коем случае не следует, подходя к делу узко-терминологически, ограничивать рассмотрение темы стасиса у Солон лишь этими двумя пассажами. На самом деле о стасисе у интересующего нас афинского поэта (и одновременно, как известно, виднейшего политика) сказано гораздо больше. И это более чем естественно: ведь сам Солон жил и действовал в обстановке жестокого внутриполисного конфликта; собственно, роль сыгранная им в истории Афин, и не может быть адекватно понята вне этого конфликта. Относительно сущности тогдашней конфликтной ситуации мы много говорить не будем: тому препятствуют и ограниченный объем настоящей статьи, и колоссальный спектр точек зрения, имеющихся в исследовательской литературе на сей счет⁴. Мы попытаемся просто посмотреть на солоновский стасис глазами самого Солон, – конечно, в той мере, в какой это окажется возможным. Кстати, подобный подход – изучать античные литературные памятники «в их собственном контексте, в свете их собственных целей, функций, структур и принципов»⁵ – становится на современном этапе всё более популярным и,

Lanham, 1993. P. 103 ff.; *Mülke Chr.* Solons politische Elegien und Iamben (Fr. 1–13, 32–37 West). Einleitung, Text, Übersetzung, Kommentar. Lpz., 2002. Passim; *Almeida J. A.* Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden, 2003. P. 67, 198; *Irwin E.* Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation. Cambridge, 2005. P. 91 ff.; *Noussia-Fantuzzi M.* Solon the Athenian, the Poetic Fragments. Leiden; Boston, 2010. P. 245. Но во всех этих случаях встречаем лишь отдельные замечания, а нам хотелось бы рассмотреть вопрос системно.

⁴ См., чисто exempli gratia: *Hopper R. J.* The Solonian 'Crisis' // *Badian E.* (ed.). Ancient Society and Institutions. Oxf., 1966. P. 139–146; *Ellis J. R., Stanton G. R.* Factional Conflict and Solon's Reforms // *Phoenix*. Vol. 22. No. 2. 1968. P. 95–110; *Lévêque P.* Formes des contradictions et voies de développement à Athènes de Solon à Clisthène // *Historia*. Bd. 27. Ht. 4. 1978. S. 522–549; *French A.* Solon's Act of Mediation // *Antichthon*. Vol. 18. 1984. P. 1–12; *Gottesman A.* Solon's Fox: Poetry and Revolution in Archaic Athens // *Pomoerium*. Vol. 3. 1998. P. 19–25; *Stanley P. V.* The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen, 1999. P. 160 ff.; *Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W.* Origins of Democracy in Ancient Greece. Berkeley, 2007. P. 49 ff.; *Туманс Х.* Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солон // ВДИ. № 2. 2007. С. 19–39; *Суриков И. Е.* Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах // ВДИ. № 3. 2007. С. 28–4607; *Гущин В. П.* Ценовая реформа Солон и кризис в Аттике на рубеже VII–VI вв. до н. э. // ВДИ. № 3. 2011. С. 107–122.

⁵ *Пресс Дж.* Постановка вопроса в платоноведении // *Протопопова И. А. и др.* (ред.). Платоновский сборник. Т. 1. М.; СПб., 2013. С. 10 (сказано в другой связи).

на наш взгляд, оправданным (не следует путать его с модным, но малоплодотворным постмодернистским деконструкционизмом).

Что же касается стасиса как такового⁶, он, как известно, был неизбежным спутником едва ли не всей истории эллинского полисного мира (разве что Спарта гордилась тем, что ей путем введения «законов Ликурга» удалось от стасиса избавиться). Следует напомнить, что термином «стасис» обычно обозначают политическую борьбу, внутрполисный конфликт, но не всякий, а такой, который достиг уже уровня междоусобной распри, порой настоящей гражданской войны с кровопролитиями. В норме стасис – борьба межаристократическая. Вот характерный пример. Афины с времен первого известного конкретного факта их политической истории (636 г., мятеж Килона) и вплоть до 507 г. до н. э. (реформы Клисфена) были почти постоянно раздираемы стасисом (за исключением только того хронологического отрезка, когда правили тираны). Афинский полис в этот период представлял собой республику аристократическую. В результате клисфеновских образований государственное устройство сменилось на демократию, и, что интересно, стасис практически прекратился. То есть политическая борьба, естественно, продолжала вестись, но почти никогда не достигала степени стасиса (за исключением весьма редких и кратковременных пароксизмов – 411–410, 404–403, 322, 318–317 гг. до н. э.)⁷.

О причинах подобного положения вещей мы не будем сейчас рассуждать, поскольку это увело бы нас слишком далеко от основной темы статьи. Отметим еще только, что термин «стасис», кроме того, имел значение «политическая группировка»⁸. Не вполне ясно, кстати, какое из этих двух интересующих нас значений является первичным. И среди специалистов по этимологии нет по этому вопросу единства. У Фриска значение «группировка» идет раньше значения «борьба»⁹, у Шантрена – наоборот¹⁰. Нам лично представляется, что значение «группировка» должно предшествовать. И действительно, корень

⁶ Лучшим исследованием этого феномена в целом остается монография *Gehrke H.-J.* *Stasis. Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhundert v.Chr.* München, 1985. Впрочем, в этом труде стасис времен Солон не затронут: он выходит за хронологические рамки книги, в которой к тому же почти не привлекается афинский материал.

⁷ *Lehmann G. A.* Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. // *Eder W.* (Hrsg.). *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 1995. S. 139–150.

⁸ Естественно, у слова *στάσις* были и другие значения, но нас здесь интересуют только те, которые связаны с политическим контекстом.

⁹ *Frisk Hj.* *Griechisches etymologisches Wörterbuch.* Bd 2. Heidelberg, 1960. S. 777.

¹⁰ *Chantraine P.* *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots.* T. 4–1. P., 1977. P. 1044.

ота- имеет выраженные коннотации устойчивости, стабильности. Логичным было бы, если бы слово с этим корнем вначале применялось к политической группировке, то есть к некому достаточно устойчивому объединению лиц, а потом уже по метонимическому принципу перешло на тот процесс, в котором участвуют такие группировки, то есть на их борьбу. Последняя же, напротив, может ассоциироваться только с нестабильностью, и потому обратный переход значения никак не находил бы себе объяснения.

* * *

Среди весьма разнообразной тематически лирики Солон (в нашем распоряжении имеются фрагменты этического, «протофилософского», симпозиального, даже эротического содержания и др.) отчетливо выделяется группа политических стихотворений¹¹. Именно они по понятным причинам будут нас в первую очередь интересовать: в них-то и содержатся характеристики стасиса.

Однако начнем наш разбор свидетельств мы с другого солоновского поэтического произведения (Sol. fr. 1 Diehl) – элегии, которую в литературе обычно озаглавливают «К Музам» или «К самому себе». Этот фрагмент – самый крупный у Солон (впрочем, строго говоря, фрагментом он является только формально, а фактически перед нами полностью сохранившееся стихотворение) и, как часто подчеркивается, самый трудный для интерпретации¹². Соответственно, он чаще какого-либо другого привлекал к себе внимание ученых¹³.

По содержанию элегия принадлежит к этическим, и эксплицитных политических мотивов в ней нет (хотя, строго говоря, вряд ли можно отыскать памятник древнегреческой словесности, полностью лишенный политических коннотаций – ввиду теснейшей связи этики и политики в эллинском мировоззрении). Как бы то ни было, в ней очень четко вырисовывается вполне определенная система (мы бы даже сказали – шкала) моральных норм и ценностей, именно та, которой руководствовался сам Солон и люди его круга¹⁴.

¹¹ Siegmann E. Solons Staatselegie // Perspektiven der Philologie. Bd. 1. 1975. S. 267–281; Mülke Chr. Op. cit.; Blaise F. Poetics and Politics: Tradition Re-worked in Solon's 'Eunomia' (Poem 4) // Blok J. H., Lardinois A. P. M. H. (eds). Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 114–133.

¹² Noussia-Fantuzzi M. Op. cit. P. 127.

¹³ К началу 1980-х гг. уже имелось несколько десятков работ, специально посвященных этой элегии (их обзор со ссылками см.: Maurach G. Über den Stand der Forschung zu Solons «Musenelegie» // Göttingische gelehrte Anzeigen. Bd. 235. Ht. 1/2. 1983. S. 16–33). К настоящему времени их число, наверное, удвоилось. Нам довелось ознакомиться с большинством этих работ, и мы не сказали бы, что это вывело наше понимание деятельности Солон на какой-то принципиально новый уровень.

¹⁴ О нашем понимании того круга, к которому принадлежал Солон, см. Суриков И. Е. Еще раз о законодательствах Драконта и Солон в Афинах (полемиические заметки). Ч. II //

Бросается в глаза, что уже в первых строках стихотворения Солон просит богов о том, чтобы

Так жить, чтоб сладок друзьям я, а недругам горек казался,
Чтоб уважение тем, этим же ужас внушал¹⁵.

Здесь перед нами предстает весьма значимая, для нас парадоксальная максима эллинской этики¹⁶. Достойный человек обязательно должен иметь не только друзей, но и врагов. Причем если к врагам нужно относиться максимально мягко, то к врагам – максимально жестко. В подобном социуме, конфликтном по определению¹⁷, стасис просто не мог не рождаться, причем постоянно.

Основной пафос рассматриваемой элегии – протест против несправедливо нажитого богатства. Подчеркнем, не против богатства как такового! Здесь позиция Солон такова:

Деньги¹⁸ желаю иметь, но если несправедна прибыль –
Нет, не хочу! А не то позже расплата грядет.
То богатство, что боги дают, достанется мужу
Прочным – от самых корней вплоть до вершины своей;
То же, которое люди берут¹⁹ через наглость, беспутно, –

Из истории античного общества. Вып. 12. 2009. С. 5–37. Пользуемся случаем, чтобы и в целом напомнить коллегам об этой статье, которая представляется нам важной, но при этом прошла как-то незамеченной (возможно, потому, что была опубликована в провинциальном издании).

¹⁵ Стихи Солон здесь и далее цитируются в нашем переводе.

¹⁶ *Blundell M. W. Helping Friends and Harming Enemies: A Study in Sophocles and Greek Ethics. Cambridge, 1991; Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 237.*

¹⁷ Наиболее агональным из когда-либо существовавших признают древнегреческое общество. Но «агональный» – не синоним ли к слову «конфликтный»?

¹⁸ Во времена Солон в Афинах не было монеты (надеемся, это удалось показать нумизматам последних десятилетий), но были деньги (в форме нечеканенных серебряных слиточков круглой формы; см.: *Kroll J. H. Silver in Solon's Laws // Ashton R., Hurter S. (eds). Studies in Greek Numismatics in Memory of M. J. Price. L., 1998. P. 225–232; Idem. The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece // Harris W. V. (ed.). The Monetary Systems of the Greeks and Romans. Oxf.: Univ. Press, 2008. P. 12–37*). Подчеркнем, это были полноценные деньги. О том, что понятия «деньги» и «монета» не идентичны, см.: *Seaford R. Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy. Cambridge, 2004; Schaps D. M. The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece. Ann Arbor, 2004.*

¹⁹ В оригинале у Стобея (приводящего полностью эту элегию Солон) – τιμᾶσιν, форма от τιμάω «ценить, чтить». По смыслу это сюда плохо подходит. Соответственно, обычно предлагаются конъектуры, на лучшие из которых мы здесь и опираемся.

Хоть и приходит оно, злым покоряясь делам,
Но неохотно идет, и вскоре ущерб уж примешан.
А появляется он медленно, будто огонь:
Сушая мелочь вначале, а кончится тяжким мученьем.

Итак, несправедливо приобретенное богатство чревато неизбежной божественной карой (это прекрасно согласуется с общим мировоззрением Солона, о котором, впрочем, у нас нет никакой возможности подробно распространяться в рамках данной краткой статьи). С другой стороны, стремление разбогатеть как бы заложено в человека²⁰:

И никакой не поставлен предел для стремленья к наживе.
Вот человек: он богат, вдоволь всего у него –
Вдвое желает иметь! Ну кто их всех сможет насытить?
Корыстолюбие в дар дали бессмертные нам,
А от него только беды бывают, и если уж Зевс их
Карой найдет – то один будет терпеть, то другой.

Как подобный круг этических идей проецируется на политическую сферу? Об этом получаем практически исчерпывающее представление из другой знаменитой элегии Солон, фигурирующей в литературе под названием «Благозаконие» (Sol. fr. 3 Diehl). Она также неоднократно становилась предметом интереса со стороны специалистов²¹.

В названном стихотворении читаем по поводу стасиса, охватившего Афины к моменту солоновских реформ:

Но в неразумье своем погубить наш город великий
Граждане сами хотят: деньги одни на уме!..
И богатеют они, к злым устремляясь делам...
Будь то народа добро, будь то святыня сама –
Нет, ничего не щадят: грабят, тащат откуда попало!
Не соблюдают совсем Правды устоев святых.
Та, хоть молчит, но грядущее, прошлое – всё она знает,
И неизбежно она явится, чтобы карать.
Вот уж тогда целый город застонет от тяжкого горя
И не замедлит попасть в рабство суровое он.

²⁰ К далее цитируемому пассажиру см.: *Hamilton R.* Solon 13. 74 ff. (West) // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 18. No. 3. 1977. P. 185–188.

²¹ См. хотя бы: *Siegmann E.* Op. cit.; *Stahl M.* Solon F 3D. Die Geburtstunde des demokratischen Gedankens // *Gymnasium*. Bd. 69. 1992. S. 385–408; *Blaise F.* Poetics and Politics: Tradition Re-worked in Solon's 'Eunomia' (Poem 4) // *Blok J. H., Lardinois A. P. M. H.* (eds). *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 114–133.

Междоусобная распря и спящая брань пробудятся²²:

Многих они унесут, юности цвет погубив.

Ведь от враждебности той наш город многожеланный

Сварами (συμβόαις) мучит себя, милыми лишь подлецам.

Экое зло поселилось в народе у нас!..

Так всенародное зло (δημόσιον κακόν) в каждый дом врывается...

Какова логика, лежащая в основе данного важного пассажа (точнее, нескольких пассажей, «рассыпанных» по элегии и собранных здесь нами воедино)? Она напрямую связана с логикой рассуждения в произведении, цитировавшемся ранее (Sol. fr. 1 Diehl), углубляет и расширяет ее. Людям свойственно стремление к наживе, в том числе и несправедливой; последняя, в свою очередь, влечет за собой кару. Это, в сущности, принцип δίκη, «принцип маятника», как мы назвали его в другом месте²³. Если он проявляется на уровне частных лиц, то дело ограничивается карой частным же лицам²⁴. Но если действие перемещается на политический уровень, несправедливости ради обогащения начинают творить *граждане*, члены полиса как гражданской общины, то подключается еще и другой принцип – принцип коллективной ответственности. Упоминания о нем встречаем уже у Гесиода, с которым Солон по данному вопросу вполне солидарен. За злые дела отдельных индивидов расплачивается вся община, и формой кары является именно стасис.

Такой порядок вещей Солон обозначает термином *δυσνομία* – «беззаконие» (или, пожалуй, скорее даже «злозаконие», но такого слова в русском нет). А противопоставляется ему поэтом-политиком *εὐνομία* – «благозаконие»²⁵:

Вот чему дух мой, афиняне, вас научить мне внушает:

Что Беззаконье несет городу множество бед,

Благозаконье же делает всё и ладным, и стройным...

Тяжбы, что кривды полны, выпрямляет, надменную дерзость

Вмиг укрощает она и прекращает вражду (δικοστασίης),

Тяжкий раздор (ἔριδος) прекращает и гнев...

Перейдем к другим фрагментам стихов Солонa, свидетельства которых дополнят ту картину, которую мы имеем на этот момент. В еще одной политиче-

²² ...ἢ στάσιν ἔμφυλον πόλεμόν θ' ἐῴδοντ' ἐπεγείρει...

²³ Суриков И. Е. Полис, логос, космос... С. 237 сл.

²⁴ А также их потомству; см. в связи с этим важные замечания в: Доватур А. И. Феогнид и его время. Л., 1989. С. 102 сл.

²⁵ Ehrenberg V. Polis und Imperium: Beiträge zur alten Geschichte. Zürich, 1965. S. 139 ff.; Raaflaub K. A. Athenian and Spartan Eunomia, or: What to Do with Solon's Timocracy? // Blok J. H., Lardinois A. P. M. H. (eds). Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston 2006. P. 390–428.

ской элегии (Sol. fr. 4 Diehl) наш автор так воспроизводит реакцию простонародья на произвол аристократической элиты:

«Замыслы дерзкие всё же умерьте свои; а не то мы
Не подчинимся – и вам будет не сладко тогда».

Таким образом, здесь указывается причина (или одна из причин), непосредственно порождающая стасис. А в следующем фрагменте (Sol. fr. 5 Diehl) автор указывает – на собственном примере – конкретное средство избавления от этой междоусобной распри. Таким средством оказывается деятельность посредника-примирителя, приводящего противостоящие стороны к компромиссу на основе строгой справедливости:

Встал я, и щит свой могучий на тех и на этих надвинул,
И не давал побеждать кривдой ни тем, ни другим.

Под «теми и этими» имеются в виду знать и рядовой демос. Но если подобного благого разрешения не произойдет, стасис в конечном счете может привести к весьма негативным результатам (Sol. fr. 8 Diehl):

Коль по негодности вашей вы в тяжкое бедствие впали,
Не говорите, что то – якобы дело богов:
Сами людей вы усилили этих, защиту им дали
И потому-то теперь мучитесь в рабстве дурном.

Речь здесь идет о потенциальном установлении тирании как последствии стасиса. В Афинах, как известно, именно так и получилось, и Солон еще застал приход к власти Писистрата. Правда, нельзя с полной уверенностью утверждать, что именно последний имеется в виду в тех солоновских стихах, которые относят к «антитираническому» циклу; есть и иные мнения. В частности, не исключено, что они написаны в связи с попыткой «мягкого» переворота, предпринятой Дамасием в конце 580-х гг. до н. э.²⁶ В любом случае прекрасно известно, что к тираническим режимам Солон относился резко отрицательно. См., например, следующий отрывок (Sol. fr. 10 Diehl):

Валит снег и град низвергается, ясно, из тучи.
Чем порождается гром? Молоньи ярым лучом.
Кто губит город? И это понятно – великие люди.
Вот, по незнанию народ в рабство к монарху попал.

²⁶ Особняком стоит точка зрения Т. Рилл (*Rihll T. E. Lawgivers and Tyrants* (Solon, fr. 9–11 West) // *Classical Quarterly*. Vol. 39. No. 2. 1989. P. 277–286), которая полагает, что стихи против тирании написаны Солоном в молодости, а их «адресат» – Драконт. Эта экзотическая идея, кажется, ни у кого не нашла поддержки.

Коль кто возвысился слишком – такого уж не остановишь:
Загода нужно бы вам должные меры принять.

К этому важному фрагменту тесно примыкает другой (Sol. fr. 11 Diehl), на первый взгляд кажущийся чисто «натурфилософским», но в действительности трактующий именно о стасисе:

Воды морские от ветров волнуются; если же море
Не беспокоит ничто – нет благолепней (δικαιότατη) его.

Фрагмент, несмотря на очень небольшой размер, интересовал исследователей²⁷, и интересовал вполне оправданно. Ведь здесь перед нами налицо метафора: под морем, которое само по себе спокойно, подразумевается народ, а под волнующими море ветрами – «мутящие» народ политики, разжигающие стасис.

Вернемся к теме «стасис и тирания» у Солон. Для поэта несомненно, что тиран обязательно плохо кончит. Вот как он саркастически пародирует аристократов, стремящихся к тиранической власти (fr. 23 Diehl):

«А вот я уж так хотел бы власть, богатство захватить
И тираном стать в Афинах на один всего денек:
Пусть потом сдирают шкуру, истребляют весь мой род!»²⁸

Но тирания пагубна не только для ее носителя, но и для полиса в целом. А главное, после свержения тирана гражданская община опять погружается в пучину стасиса. Иными словами, режим единоличной власти – не спасение от междоусобной смуты (по крайней мере, в долгосрочной перспективе). К тому же он неизбежно связан с насилием, беззакониями, «рабством» граждан, а всё это для Солон решительно неприемлемо.

И афинский мудрец, отвергая советы самому стать тираном, неустанно настаивает на том, что единственно возможным путем побороть стасис является тот, по которому пошел он сам: путь посредника-примирителя, реформатора, действующего справедливо, беспристрастно, а главное – последовательно и непреклонно. Характерно в этом отношении знаменитое ямбическое стихотворение (к нему, по нашему мнению, относятся два из сохранившихся фрагментов: Sol. fr. 24–25 Diehl), в котором автор прославляет собственные реформы

²⁷ Gentili B. La giustizia del mare: Solone fr. 11 D., 12 West. *Semiotica del concetto di dike in greco arcaico* // Quaderni urbinati di cultura classica. Vol. 20. 1975. P. 159–162; Blaise F. La mer juste: Solon, 12 W // *Revue des études grecques*. Vol. 124. 2011. P. 535–547.

²⁸ Было продемонстрировано (Lloyd-Jones H. More about Antileon, Tyrant of Chalcis (Solon frag. 33 and Aristophanes *Eq.* 1042–44) // *Classical Philology*. Vol. 70. No. 3. 1975. P. 197), что Солон намекает на конкретный исторический эпизод: когда был свергнут Антилеонт, тиран евбейской Халкиды, с него заживо сняли кожу.

(о нем тоже существует специальная литература²⁹). В данном стихотворении Солон, в частности, пишет (Sol. fr. 24 Diehl):

...Коль за меня стрекало б взял
Иной муж – злоречивый, деньги любящий, –
Народа не сдержал бы он. Ведь если бы
Сперва я одного держался мнения,
Потом склонился к противоположному –
Мужей бы многих уж лишился город наш.
И потому, от всех обороняясь, я
Вертеться стал, как средь собачьей стаи волк.

Тут уместны несколько кратких комментариев. Во-первых, обратим внимание на новое проявление негативного отношения к корыстолюбию, красной нитью проходящего через поэзию Солон. Далее, поясним: говоря о том, что город лишился бы многих мужей, законодатель, конечно, имеет в виду именно стасис, который разразился бы, если бы он проявил непоследовательность. Наконец, отметим поразительный образ в последней строке: автор сравнивает себя самого с волком! Ассоциации, связанные с этим животным, отнюдь не таковы, чтобы его можно было бы назвать воплощением посредника-мироотворца³⁰. Солон – прежде всего активный участник политической борьбы, и в этом качестве, в сущности, такой же *στασιώτης*, как и другие политики.

В дальнейшем (Sol. fr. 25 Diehl) он продолжает в том же духе, в чем-то даже повторяясь, но привлекая и новые сравнения. Он заявляет, что другой на его месте

...народа б не сдержал, не отступился б он,
Пока б из молока не выжал масло всё.
А я, как камень закладной (*ῥος*), меж ними встал
Посередине...

²⁹ Например: *Stinton T. C. W.* Solon, Fragment 25 // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 96. 1976. P. 159–163; *Vox O.* Solone «nero». Aspetti della saggezza nella poesia soloniana // *Quaderni di storia*. Vol. 9. No. 18. 1983. P. 305–321; *Blaise F.* Solon. Fragment 36 W. Pratique et fondation des norms politiques // *REG*. Vol. 108. 1995. P. 24–37; *Zunino M. L.* Ὀμοῦ βίαν τε καὶ δίκην ξυναρμόσας: Solone e la creazione della giustizia // *Klio*. Vol. 86. No. 1. 2004. P. 5–15; *Martin R. P.* Solon in No Man's Land // *Blok J. H., Lardinois A. P. M. H.* (eds). *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 157–172.

³⁰ *Stehle E.* Solon's Self-reflexive Political Persona and its Audience // *Blok J. H., Lardinois A. P. M. H.* (eds). *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 93–94; cp.: *Vox O.* Op. cit. P. 313.

Строго говоря, принимаемое нами здесь значение термина ὄρος – не единственное; его можно понимать не только как «закладной камень», но и как «пограничный камень»³¹. Но для нас это не столь уж и принципиально. Важно только то, что Солон вновь намекает на свою роль беспристрастного, незаинтересованного посредника. Насколько это представление соответствует действительности – вопрос отдельный; но видно, что поэт-политик активно внедрял его в умы своих сограждан.

* * *

Подведем итоги. Собрав воедино прямые и косвенные суждения о стасисе, разбросанные по разным местам корпуса дошедших до нас солоновских стихотворений, и проанализировав эти суждения, приходим к выводу, что у Солона имелась четкая, продуманная концепция этого социально-политического феномена. Вкратце ее можно сформулировать примерно следующим образом.

Причины стасиса коренятся в одной из особенностей человеческой природы, а именно в неизменно присущем людям стремлении к богатству. Когда последнее достигает степени несправедного корыстолюбия, это влечет за собой кару со стороны богов. На уровне частных лиц такая кара может иметь различный характер, но на полисном уровне она приобретает именно облик стасиса. Таким образом, можно сказать, что стасис в какой-то степени неизбежен.

Результаты же, к которым он может приводить, двояки. Либо в ходе стасиса устанавливается тирания, а это для Солона – однозначно негативный вариант, «путь в тупик» и уж ни в коем случае не решение проблемы. Либо же стасис гасится действиями посредника-примирителя, компромиссного реформатора, законодателя, устанавливающими «благозаконие» (евномию).

Встает вопрос: коль скоро стасис в конечном счете имеет божественную природу, как же он все-таки может быть побежден человеческими средствами? А в том-то всё и дело, что в данном случае речь следует вести не о «чисто человеческих» механизмах. Институт посредников-примирителей имел, как нам представляется, отчетливо выраженную религиозную составляющую³². Дея-

³¹ См. к проблеме: Ober J. Solon and the *Horoi*: Facts on the Ground in Archaic Athens // Blok J. H., Lardinois A. P. M. H. (eds.). Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 441–456. Впрочем, толкование термина самим Дж. Обером является крайне проблематичным.

³² О посредниках-примирителях см.: Соломатина Е. И. Античная традиция о посредниках и посредничестве в Древней Греции // Античный мир и археология. Вып. 16. 2013. С. 11–23 (и более ранние работы того же автора; правда, Е. И. Соломатина не подчеркивает специально их религиозного статуса). Иногда употребляют в данной связи термин «эсимнет» (например: Строецкий В. М. Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт.

тель такого рода представлялся современникам как боговдохновенный муж, θεῖος ἀνὴρ, получающий санкцию и помощь со стороны высших сил. Тот же Солон поддерживал тесные связи с Дельфийским оракулом Аполлона³³, перед началом своих реформ обращался туда за консультациями. Да и в своих стихах он утверждает, что пользовался божественной поддержкой (например, Sol. fr. 23 Diehl: «Что обещал я, сделал – боги помогли»). Установление же тирании никоим образом делом богов не является (Sol. fr. 8 Diehl; цитировалось выше).

Ч. I. Геродот. Нижний Новгород, 2010. С. 77 – как раз применительно конкретно к Солону), но это некорректно, поскольку он имел значительно более узкое значение. В частности, нигде в источниках Солон не фигурирует как эсимнет, и нет ровно никаких оснований считать, что его так называли.

³³ Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 79 сл.

ТРАГЕДИЯ ЭСХИЛА «ПРОСИТЕЛЬНИЦЫ» И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В АФИНАХ*

Трагедия «Просительницы» (Ἰκέτιδες)¹ в отечественном антиковедении и по сей день, как правило, по традиции признается самым ранним из дошедших до нас произведений Эсхила, а следовательно, древнейшим полностью сохранившимся памятником античного театрального искусства (при этом конкретная датировка драмы колеблется от 490-х до 470-х годов до н. э.)². Соответственно, в русских изданиях Эсхила эта трагедия всегда идет первой, в обзорах его творчества речь о ней тоже заходит в первую очередь, и т. д. Основанием для столь ранней датировки «Просительниц» служат постулируемые специалистами «архаичные черты» структуры и стиля драмы: большая роль хоровых партий, очень простой сюжет, статичный характер действия и др. Однако нельзя не заметить, что предлагаемые критерии являются, во-первых, достаточно субъективными, во-вторых, не могут иметь решающей силы. Действительно, если исходить из этих критериев, то, например, самым ранним произведением Софокла пришлось бы признать трагедию «Эдип в Колоне», сюжет которой тоже весьма прост, а действие разворачивается предельно статично. Тем не ме-

* Впервые опубликовано в: ВДИ. № 1. 2002. С. 15–24.

¹ Другой вариант перевода названия этого произведения – «Умоляющие» – кажется нам менее удачным, поскольку он не передает родовой характеристики соответствующей греческой лексемы. Строго говоря, абсолютно адекватный русский перевод слов ἰκέτης, ἰκέτις вообще вряд ли возможен. Ближе всего передать смысл заглавия эсхиливской драмы можно было бы, пожалуй, лишь с помощью распространенной конструкции («Женщины, молящие о защите и убежище в святилище»), но это, конечно, слишком громоздко. Об обычае гикетии в греческом мире см.: Cook A. B. Zeus: A Study in Ancient Religion. Vol. 2. Cambr., 1925. P. 1093–1101; Schlesinger E. Die griechische Asylie. Giessen, 1933. S. 33–52; Gould J. Hiketeia // Journal of Hellenic Studies. Vol. 93. 1973. P. 74–103; Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 121 сл.; об индоевропейских корнях термина и явления см.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 385–387.

² Несколько примеров: Тронский И. М. Оксиринхская дидаскалия к тетралогии Эсхила о Данаидах (Ох. Рар. 2256, fr. 3) // ВДИ. № 2. 1957. С. 146–159; Он же. История античной литературы. 5-е изд. М., 1988. С. 117; Посев А. Ф. Эсхил // Античная литература. 2-е изд. М., 1973. С. 105; Чистякова Н. А., Вулих Н. В. История античной литературы. 2-е изд. М., 1971. С. 108; Ярхо В. Н. Эсхил. М., 1958. С. 68; Он же. Примечания // Эсхил. Трагедии. М., 1989. С. 524.

нее «Эдип в Колоне», как известно, был не первой, а, напротив, последней из софокловских драм.

Следует сказать, что в западной историографии ранней датировки «Просительниц» на сегодняшний день практически никто уже не придерживается. Причиной пересмотра хронологии стала публикация в 1952 г. оксиринхского папируса (Р. Оху. XX. 2256, fr. 3) с дидаскалией, сообщающей о постановке и победе тетралогии Эсхила, в которую, кроме упомянутых «Просительниц», входили также несохранившиеся трагедии «Египтяне», «Данаиды» и сатировская драма «Амимона»³. Благодаря дидаскалии обнаружился ранее неизвестный факт: второй после Эсхила приз на драматических состязаниях достался Софоклу! Это влекло за собой неизбежное следствие: интересующая нас здесь трагедия могла быть написана и поставлена только в 460-е годы до н. э., поскольку ранее этого времени Софокл еще не появлялся на афинской сцене, а более поздняя дата исключена по обстоятельствам биографии Эсхила⁴. Таким образом, «Просительницы» заведомо оказываются отнюдь не самым ранним из эсхилиовских произведений. Правда, неоднократно предпринимались попытки отстоять традиционную датировку с помощью предположения, что в дидаскалии речь идет о посмертной постановке «Просительниц» во второй половине V в. до н. э. При этом одни исследователи полагают, что такая посмертная постановка была повторной⁵, другие же – что тетралогия о Данаидах по тем или иным причинам не дошла до сцены при жизни автора и стала достоянием

³ Обычно считается, что «Просительницы» были первой драмой этой тетралогии. Впрочем, существует и мнение, согласно которому указанная трагедия занимала в ней второе место, после «Египтян»: *Rösler W.* Danaos à propos des dangers de l'amour (Eschyle, Suppliantes, 991 sq.) // *Pallas*. Vol. 38. 1992. P. 173–178. Для тематики нашей статьи этот вопрос не имеет принципиального значения.

⁴ По поводу пересмотра датировки тетралогии о Данаидах см., в частности: *Lesky A.* Die Datierung der Hiketiden und der Tragiker Mesatos // *Hermes*. Bd. 82. Ht. 1. 1954. S. 1–13; *Lloyd-Jones H.* The «Suppliants» of Aeschylus: The New Date and Old Problems // *L'Antiquité classique*. Vol. 33. No. 2. 1964. P. 356–374; *O'Neil J. L.* The Exile of Themistokles and Democracy in the Peloponnese // *Classical Quarterly*. Vol. 31. No. 2. 1981. P. 342; *Meier Chr.* Politik und Tragödie im 5. Jahrhundert // *Philologus*. Bd. 135. Ht. 1. 1991. S. 80; *Kritzas Ch. B.* Aspects de la vie politique et économique d'Argos au Ve siècle avant J.-C. // *Polydipsion Argos: Argos de la fin des palais mycéniens à la constitution de l'État classique*. P., 1992. P. 240; *Robinson E. W.* The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1997. P. 46–47.

⁵ *Тронский И. М.* Оксиринхская дидаскалия... С. 159; *Ярхо В. Н.* Эсхил... С. 68. Действительно, драмы Эсхила ставились и после его смерти, причем участвовали в общем конкурсе (*Philostat.* Vita Apoll. VI. 11). Однако не следует забывать о том, что все дошедшие до нас дидаскалии относятся именно к первым, а не к каким-либо повторным постановкам: *Wolff E. A.* The Date of Aeschylus' Danaid Tetralogy // *Eranos*. Vol. 56. No. 3/4. 1958. P. 119.

публики лишь после его кончины⁶. Однако все гипотезы подобного рода представляются маловероятными, поскольку не основываются на убедительной для всех аргументации⁷.

Можно даже со значительной долей уверенности говорить о годе, в который тетралогия Эсхила о Данаидах была представлена на суд публики в афинском театре Диониса. Дело в том, что в новонайденной дидаскалии, как и положено, содержалось имя эпонимного архонта. Оно, правда, было серьезно испорчено в папирусном тексте, и читается только ΕΠΙ ΑΡ[Ι], но этого вполне достаточно. Можно, конечно, реконструировать строку как ἐπὶ ἄρχοντος τοῦ δεῖνος, что ничего не дает. Однако уже обращалось внимание на то обстоятельство, что в дидаскалиях к другим эсхилиовским драмам непосредственно после предлога ἐπὶ всегда идет имя архонта без обозначения должности⁸. В таком случае не остается сомнений, что первая строка интересующей нас дидаскалии должна быть восстановлена как ἐπὶ Ἀρχεδημίδου (Архедемид – архонт 464/463 г. до н. э.). Других эпонимных архонтов с именами на Ἀρ- в 460-х годах до н. э. не было. Иными словами, в связи с «Просительницами» с наибольшей долей уверенности следует говорить о Великих Дионисиях 463 г.

Насколько удовлетворяет такой датировке содержание драмы? Решая этот вопрос, следует помнить о том, что аттическая трагедия V в. до н. э. была глубоко проникнута актуальной политической проблематикой, насыщена аллюзиями на конкретные события общественной жизни (хотя, естественно, события эти чаще всего облекались в мифологические образы) и воспринималась самими афинянами в контексте политической борьбы⁹. Трагический жанр становился,

⁶ Например: *Diamantopoulos A. The Danaid Tetralogy of Aeschylus // Journal of Hellenic Studies. Vol. 77. No. 2. 1957. P. 220–229.* В этой статье выдвигается следующая гипотеза: тетралогия была написана Эсхилом в 493 г. до н. э., в архонтство Фемистокла, но по политическим причинам не могла быть тогда поставлена, поскольку к власти вскоре пришла группировка Мильтиада. В результате постановка «Данаид» стала возможна лишь во времена Эфиальта. Ср.: *Wolff E. A. Op. cit.*, где высказывается во многом сходное мнение: «Просительницы» были написаны в начале V в. до н. э., но впоследствии, возможно, переработаны самим же Эсхилом, уже на закате его творческой карьеры. Подобного рода построения, безусловно, стройны и даже красивы, но при этом не имеют под собой сколь-нибудь веских оснований. Их следует признать не более чем изощренными попытками любой ценой спасти традиционную хронологию.

⁷ Ср.: *Lloyd-Jones H. Op. cit. P. 356.*

⁸ *Lesky A. Op. cit. S. 5.*

⁹ См.: *Суриков И. Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н. э. // ВДИ. № 1. 1995. С. 37; Он же. Аттическая трагедия и политическая борьба в Афинах // Античный вестник (Омск). Вып. 4–5. 1999. С. 188–189; Vickers M. Alcibiades on Stage: Thesmophoriazusae and Helen // *Historia. Bd. 38. Ht. 1. 1989. S. 64–65.* Наиболее подробно о политической проблематике аттической трагедии см.: *Meier Chr. Die politische Kunst der griechischen**

таким образом, непосредственным фактором афинской политики. С этой точки зрения нам и надлежит посмотреть на «Просительниц»: ассоциации и реминисценции какого рода оказываются в ней превалирующими?

Интересующее нас произведение может быть по своей сюжетной специфике отнесено к стоящей в известной мере особняком группе трагедий, главным событием которых является просьба неких лиц, подвергающихся обиде, о защите или убежище (гикетия) и последующее исполнение этой просьбы. К означенной группе могут быть причислены, кроме «Просительниц», «Эвмениды» того же Эсхила, а также «Эдип в Колоне» Софокла, «Гераклиды» и «Просительницы» Еврипида¹⁰. Начинается драма с того, что сорок дочерей царя Даная, сопровождаемые им самим, бегут из Африки в Грецию, не желая вступать в брак со своими двоюродными братьями – сыновьями Египта¹¹. Прибыв в Арголиду и остановившись в одном из святилищ близ Аргоса, они, держа в руках обвитые шерстью оливковые ветви – знак гикетии, молят жителей города спасти их от преследующих женихов. На зов Данаид из Аргоса приходит царь Пеласг. Тут же, кстати, выясняется, что он не только правитель Аргολиды, но и владыка весьма обширных земель в Элладе (Aeschyl. Suppl. 254 sqq.)¹²:

Я всей землей на запад от священных струй
Стримона правлю; и перребов области
В своих держу пределах, и за Пиндом край,
Пэонам смежный, и Додону горную;
А за горою царства грань – волна морей.
Все земли те и дале – под моей рукой.

Tragödie. Dresden, 1988. Специально об Эсхиле в данной связи: Podlecki A. J. The Political Background of Aeschylean Tragedy. Ann Arbor, 1966.

¹⁰ Сюжетные элементы, связанные с гикетией, присутствуют и в некоторых других сохранившихся трагедиях (еврипидовские «Андромаха», «Елена», «Ион»), но играют в них второстепенную роль.

¹¹ Стоит уделить внимание одному немаловажному обстоятельству. Не следует считать, что эсхилоские Данаиды отвергают притязания Египтиадов именно по причине близкого родства. Браки между родственниками (двоюродными братом и сестрой, дядей и племянницей) были в Греции, и в частности в Афинах, вполне обычным делом и даже скорее поощрялись, чем порицались (ср. в том числе и в интересующей нас здесь трагедии: Aeschyl. Suppl. 338, 387 sqq.). Похоже, героини Эсхила принципиально не хотят вступать в брак, избрав судьбу девственниц (Aeschyl. Suppl. 143, 392 sqq.).

¹² Цитаты из «Просительниц» здесь и далее приводятся в переводе Вяч. Иванова и Адр. Пиотровского по изданию: Эсхил. Трагедии. М., 1989. Греческий текст цитируется по изданию: Aeschyl. tragoediae / Ed. G. Murray. 2nd ed. Oxf., 1960.

Пеласг испытывает сострадание к Данаидам и готов им помочь. Однако он сразу и однозначно предупреждает, что решения в Аргосе принимает не царь, а народ (Suppl. 367 sqq.):

Пусть весь народ помыслит, как от зла уйти.
А я поруки крепкой вам ни в чем не дам,
Пока всех граждан (ἄπο τοῖς δὲ πᾶσι) не услышу мнения.

Данаиды пытаются убедить Пеласга в том, что он – верховный властитель и вовсе не обязан считаться с кем-либо (Suppl. 370 sqq.). Однако царь непреклонен (Suppl. 398 sq.):

Сказал: решенья не приму – хотя бы смел, –
Не выслушав народа.

Однако в конечном счете все разрешается благополучно для африканских беглянок. Данай выступает в аргосском народном собрании, Пеласг своей речью поддерживает его просьбу, и до Данаид доносится радостная весть (Suppl. 600 sq.):

...Радостные приняты
Народом полномочные решения
(δῆμον δέδοκται παντελῆ ψηφίσματα).

В ответ на вопросы девушек, в которых мы встречаем характерное упоминание «державной руки народа» (δῆμον κρατοῦσα χεῖρ, Suppl. 604)¹³, их отец приводит детали (Suppl. 605 sqq.):

Голосовал единодушно Аргос весь...
Бесчисленные руки (πανδημία γὰρ χερσί) рассекли эфир
И силу дали доброму решению:
Дано нам поселиться (μετοικεῖν) в этом городе
Свободными и неприкосновенными...
Глашатая не ожидая, весь народ
Аргосский руки поднял за царем. Так быть!
Речей поддались силе, складно сложенных,
Пеласгов люди.

¹³ Э. Робинсон (Op. cit. P. 46) с полным основанием видит в этом выражении прямой парафраз понятия демократия, хотя сам термин δημοκρατία в тексте «Просительниц» не встречается. Ср. также Aeschyl. Suppl. 699 – τὸ δάμιον, τὸ πτόλιν κρατύνει: опять сближение корней δημ- и крат-. «Просительницы» оказываются самым ранним из дошедших до нас античных нарративных памятников, где речь идет о демократии! По поводу аллюзий на демократию в этой трагедии см. также: Ehrenberg V. Polis und Imperium. Zürich, 1965. S. 266–274.

И в дальнейшем по ходу драмы в различных контекстах неоднократно (Suppl. 640, 644, 739, 943, 965) упоминается решение народа (ψῆφος). После песни хора, прославляющей, помимо прочего, демократические институты (Suppl. 630 sqq.), на сцене появляется новое действующее лицо – египетский вестник, требующий от Пеласга выдать Данаид. Однако царь Аргоса решительно отказывается сделать это, ссылаясь на постановление демоса (Suppl. 942 sqq.):

Единодушно принято решение
Народом силой стаю этих девушек
Не выдавать!

Пеласга не смущает даже угроза вестника объявить войну. Египтянин уходит ни с чем, а Данаиды торжественно препровождаются в общественные здания (δῶματα δήμα, Suppl. 957) Аргоса. На этом трагедия заканчивается.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, необходимо сделать одну немаловажную оговорку. Независимо от того, где происходило действие аттических трагедий (будь то Микены, Фивы или Аргос, как в «Просительницах»), их авторы всегда имели в виду афинские реалии современной им эпохи. Это положение можно было бы проиллюстрировать большим количеством примеров. Но достаточно вспомнить, что сцена чумы в Фивах, которой открывается «Эдип-царь» Софокла, представляет собой реминисценцию афинской эпидемии в начале Пелопоннесской войны¹⁴, а, скажем, описанные в «Оресте» Еврипида дебаты в аргосском народном собрании (Eur. Or. 866 sqq.) выглядят не чем иным, как живой картинкой заседания афинской экклесии. Иными словами, «Просительницы» Эсхила, строго говоря, не имеют прямого отношения к Аргосу, хотя их действие вроде бы и разворачивается в этом городе: под ахейским Аргосом всегда нужно понимать Афины первой половины V в. до н. э.¹⁵

¹⁴ Об афинских реминисценциях в «Эдипе-царе» см.: *Macurdy G. H.* References to Thucydides, Son of Melesias, and to Pericles in Sophocles OT 863–910 // *Classical Philology*. Vol. 37. No. 3. 1942. P. 307–310; *Whitman C. H.* Sophocles: A Study of Heroic Humanism. Cambr. (Mass.), 1951. P. 135–136; *Ehrenberg V.* Sophocles and Pericles. Oxf., 1954. P. 114–116; *Schachermeyr F.* Sophokles und perikleische Politik // *Perikles und seine Zeit*. Darmstadt, 1979. S. 359–378; *Kagan D.* Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N. Y., 1991. P. 249–256; *Fornara Ch. W., Samons L. J.* Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991. P. 2; *Giuliani A.* Atene e l'oracolo delfico // *Contributi dell'Istituto di storia antica* (Milano). Vol. 19. 1993. P. 90–92.

¹⁵ Хотя в Аргосе в V в. до н. э. тоже было демократическое правление: *Cauer F.* Argolis // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. 2. 1896. Sp. 728 ff.; *Lambrinoudakis V. K.* Argolida: Archaeological Sites and Museums. Athens, s.a. P. 70; *Kritzas Ch. B.* Op. cit. P. 234; *Robinson E. W.* Op. cit. P. 82–88.

А теперь подчеркнем тот факт, который, следует думать, уже был замечен читателями данной работы: в высшей степени значительное и, без преувеличения, определяющее место в анализируемой нами драме занимает проблематика, связанная с демократией. Перед зрителями «Просительниц» предстал демократический полис (кстати говоря, являющийся центром обширной державы), решающий все сколько-нибудь важные государственные дела в народном собрании путем голосования ($\chi\epsilon\iota\rho\omicron\tau\omicron\iota\alpha$, $\psi\eta\phi\omicron\varsigma$) и выступающий защитником слабых, обиженных и гонимых. А ведь именно такой имидж целенаправленно (и во многом справедливо) создавали себе Афины на протяжении практически всей классической эпохи.

Демократическая тема, красной нитью проходящая через трагедию «Просительницы», на наш взгляд, не оставляет места для сомнений при решении вопроса о времени ее написания и постановки. Это должны быть именно 460-е годы, а никак не предшествующие десятилетия. Первые тридцать лет V в. до н. э. проходили в Афинах под знаком совсем иной проблематики, связанной в первую очередь с Греко-персидскими войнами. Именно такого рода сюжеты являются доминирующими и на театральной сцене этого периода. Достаточно вспомнить о «Персах» того же Эсхила (472 г. до н. э.), а также о произведениях его старшего современника Фриниха. Драмы Фриниха не сохранились, однако известно, что самые прославленные из них – «Взятие Милета» (492 г. до н. э.) и «Финикиянки» (476 г. до н. э.) – целиком посвящены «персидской» тематике¹⁶.

В течение 460-х годов ситуация серьезно изменяется. Персидская опасность уже позади, и на первый план выходят внутривагетические дела. Начинается идеологическая подготовка ряда важных политических преобразований, которые были начаты реформой ареопага, имевшей место в 462 г. до н. э. и связываемой с именем Эфиальта, а продолжены в 450-х годах Периклом¹⁷. В своей совокупности эти преобразования привели к весьма значительной демократизации афинского полиса. Не приходится сомневаться, что вокруг плана реформ происходила интенсивная борьба в общественном мнении, в ходе которой поднимались и вопросы более общего порядка, в том числе о природе и сущности демократического правления. В контексте этих дебатов и следует рассматривать трагедию «Просительницы».

Необходимо отметить, что позиция драматурга в этом произведении представляется вполне однозначной: он выступает решительным сторонником демократии. «Просительницы» выглядят развернутым панегириком народовластия. Это чрезвычайно существенно для выявления политических взглядов

¹⁶ См.: O'Neill E. Note on Phrynichus' *Phoenissae* and Aeschylus' *Persae* // *Classical Philology*. Vol. 37. No. 4. 1942. P. 425–427; Суриков И. Е. Аттическая трагедия... С. 189–190.

¹⁷ О совокупности этих преобразований см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 24–26.

Эсхила. Дело в том, что в отечественной историографии имеет значительный авторитет точка зрения, согласно которой первый из триады великих афинских трагедиеграфов был в целом выразителем интересов традиционно настроенных аристократических кругов, не слишком довольных нарастанием демократических элементов в государственном устройстве¹⁸. Автору этих строк уже не раз приходилось полемизировать с этим мнением¹⁹, указывая, что ближе к истине стоят те исследователи (в основном западные), которые считают Эсхила приверженцем Перикла²⁰. Драматург и политик были в течение долгого времени связаны самыми тесными отношениями. Уже при постановке эсхилиовских «Персов» в 472 г. до н. э. молодой Перикл исполнял обязанности хорега²¹. Трагедия «Семеро против Фив» (единственная сохранившаяся часть тетралогии «Фиваида», поставленной в 467 г. до н. э.), согласно весьма импонирующей нам гипотезе Л. Поуста²², имела одной из своих целей оказание поддержки Периклу, подвергавшемуся в начале своей политической карьеры нападкам противников в связи с родовым проклятием Алкмеонидов. Для решения этой задачи Эсхил прибегал к излюбленному аттической трагедией средству – созданию такого литературного образа героя (в данном случае Этеокла), который вызывал бы у зрителей ассоциации с конкретным афинским политическим деятелем²³. Наконец, поставленная в 458 г. тетралогия Эсхила «Орестея» (и в особенности

¹⁸ Лурье С. Я. Политическая тенденция трагедии «Евмениды» // ВДИ. №3. 1958. С. 42–54; *Он же*. «Скованный Прометей» Эсхила и афинская демократия // Античное общество. М., 1967. С. 291–300; Радциг С. И. К вопросу о политической тенденции Эсхила в «Эвменидах» // ВДИ. №2. 1968. С. 29–41; Коршунов В. А. Эсхил и Ареопаг // Вестник ЛГУ. Сер. 2. Вып. 2 (№9). 1989. С. 95–98.

¹⁹ См. наши работы, указанные выше, в прим. 9.

²⁰ Smertenko C. M. The Political Sympathies of Aeschylus // Journal of Hellenic Studies. Vol. 52. No. 2. 1932. P. 233–235; Mazzarino S. Eschilo, Pericle e la storia dell'Areopago // Rivista di cultura classica e medioevale. Vol. 2. Fasc. 3. 1960. P. 300–306; Gülke Chr. Mythos und Zeitgeschichte bei Aischylos. Meisenheim am Glan, 1969. S. 23 ff.; Macleod C. W. Politics and the Oresteia // Journal of Hellenic Studies. Vol. 102. 1982. P. 124–144; Wallace R. W. The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore, 1989. P. 87–93.

²¹ О возможных обстоятельствах этой хорегии см.: Суриков И. Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. №4. 1997. С. 23; *Он же*. Ксантипп, отец Перикла: Штрихи к политической биографии // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 8. 2000. С. 106.

²² Post L. A. The Seven against Thebes as Propaganda for Pericles // Classical Weekly. Vol. 44. No. 4. 1950. P. 49–52.

²³ Другой персонаж трагедии «Семеро против Фив» – Амфиарай – был воспринят афинскими зрителями как аллюзия на Аристиду (Plut. Aristid. 3). Аналогичным приемом пользовались и другие афинские драматурги. Наиболее известный пример – «Эдип-царь» Софокла, где в образе заглавного героя выведен опять же Перикл (см. работы, указанные в прим. 14).

входившая в нее трагедия «Эвмениды») содержала в себе отклик на злободневную тему реформы ареопага, причем отклик в высшей степени благоприятный для политики Перикла. Прославляющие демократию «Просительницы» прекрасно встают в этот ряд.

Хотелось бы привлечь внимание к одному интересному и даже парадоксальному обстоятельству. Изображая демократический полис, драматург при этом сохраняет значительное место и для его правителя Пеласга, который оказывается фактически «первым гражданином», с помощью искусно составленных речей убеждающим сограждан в народном собрании принять то или иное решение. Демократия и царь – этот, казалось бы, странный симбиоз тем не менее нередок в памятниках греческой трагедии V в. до н. э., посвященных политической проблематике. В «Гераклидах» и «Просительницах» Еврипида, в очень позднем «Эдипе в Колоне» Софокла обнаруживается точно такая же картина: царь, выступающий главным защитником демократического устройства, восхваляющий блага демократии, сознательно исполняющий всем своим правлением волю демоса.

Насколько можно судить, перед нами – отражение парадигмы, весьма характерной для афинской политической мысли V (но уже не IV) века до н. э. и сводящейся к тому, что народовластием отнюдь не противоречит наличие в полисе некоего «первого мужа», «первого гражданина», простата – иными словами, наиболее влиятельного лица. Эта парадигма весьма ясно прослеживается, например, у Фукидида, который, слагая самый блестящий из когда-либо существовавших энкомиев афинской демократии («надгробную речь Перикла»), тем не менее не упускает случая заметить, что на деле-то демократическое правление выливалось во власть одного человека (Thuc. II. 65. 9). Аристотель в «Афинской политии» (28. 2), суммируя историю демократических Афин на протяжении большей части V в. до н. э., видит в ней, по сути дела, не что иное как череду сменявших друг друга «простатов». Характерно, что, говоря, о современной ему афинской демократии, никаких простатов он уже не упоминает: условия политической жизни сильно изменились²⁴.

Описанная парадигма, на наш взгляд, достаточно верно отражает реалии первого длительного отрезка истории афинской демократии (от ее установления в конце VI в. до н. э. до Пелопоннесской войны). В течение практически всего этого времени демократическому правлению действительно сопутствовало особо влиятельное положение одного из политиков – Клизфена, Мильгиада,

²⁴ О переменах в политической жизни демократических Афин между V и IV вв. до н. э. см. прежде всего работы К. Моссе: *Mossé C. De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes* // Istituto universitario orientale (Napoli). *Annali. Sezione di archeologia e storia antica*. Vol. 7. 1985. P. 9–18; *Eadem*. *La classe politique à Athènes au IVème siècle* // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 1992. P. 67–77.

Ксантиппа, Фемистокла, Аристиды, Кимона и, наконец, Перикла²⁵. Конечно, это влияние простата не имело какой-либо институциональной основы, а опиралось на прочную, уходящую корнями в архаическую эпоху традицию²⁶. На мифологическом уровне «парадигма простата» находила воплощение в первую очередь, бесспорно, в фигуре Тесея – царя, «основавшего», по утверждению ряда источников (Theophr. Char. 26. 6; Plut. Thes. 24–25; Schol. Aristoph. Plut. 627; Suid. s. v. Θησεῖοισιν), афинскую демократию.

Здесь мы выходим на одну из самых важных для нас проблем, связанных с «Просительницами». В упоминавшихся выше трагедиях других авторов, сходных с эсхиловской драмой по структуре и тематике, изображающих преданного демократии монарха, этим монархом является, как правило, именно Тесей. Так обстоит дело в «Эдипе в Колоне» Софокла и в «Просительницах» Еврипида. Еще в одной еврипидовской трагедии – «Гераклидах» – аналогичная роль достается сыну Тесея Демофону, фактически выступающему просто в роли «заместителя» отца, который по хронологическим соображениям не мог быть введен в фабулу соответствующего мифа. Иными словами, обращение к образу Тесея оказывалось более чем естественным для афинских трагедиографов, когда они желали воспеть демократию на обычном для них мифологическом материале.

Почему же Эсхил, руководствовавшийся такими же намерениями, не воспользовался этой очевидной возможностью, а предпочел вывести на сцену та-

²⁵ Роль политических лидеров в системе афинской демократии, на наш взгляд, склонен несколько недооценивать Дж. Обер, автор ряда весьма интересных работ об общественной жизни в классических Афинах (*Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens*. Princeton, 1989; *Idem. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory*. Princeton, 1999). В целом справедливо полемизируя с тенденцией связывать все достижения афинян с деяниями «великих людей», временами он впадает в противоположную крайность, видя в важнейших эпизодах афинской истории (в том числе, например, и в самом клисфеновском перевороте 510–507 гг. до н. э., приведшем к установлению народовластия) лишь действия безликой массы демоса. Для более взвешенного подхода см.: *Фролов Э. Д. Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 6–22; Карпюк С. Г. Клизфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. № 1. 1986. С. 17–35; Bengtson H. Griechische Staatsmänner des 5. und 4. Jahrhunderts v.Chr. München, 1983; Strauss B. S. Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy, 403–386 B.C. Croom Helm, 1986; Mossé C. La classe politique...; Карпюк С. Crowd in Archaic and Classical Greece // *Hyperboreus*. 6. 1. 2000. P. 79–102.*

²⁶ Интересно, что только в условиях политической культуры, ориентированной на одного, максимум нескольких лидеров, был возможен такой специфический институт, как остракизм. Он выходит из употребления именно тогда, когда сходит на нет «парадигма простата».

кую маргинальную фигуру греческой мифологии, как Пеласг? Дело отнюдь не в том, что мифы о Тесее к 460-м годам до н. э. еще не получили в Афинах широкого распространения. Напротив, эти сказания приобретали все возрастающую популярность как минимум с VI в., с писистратовских времен²⁷. Возможно, конечно, сказать, что Тесей не мог быть изображен в «Просительницах» по соображениям сюжета: ведь он не являлся персонажем мифа о Данаидах, действие которого разворачивалось на несколько героических поколений раньше его жизни. И это, безусловно, верно, но, как нам представляется, содержит лишь частичный ответ на поставленный вопрос.

Дело в том, что в целом в творчестве Эсхила заметна как бы некая «отчужденность» от образа самого прославленного афинского героя. В сохранившемся наследии драматурга Тесей упомянут всего лишь трижды. Все три упоминания – в «Эвменидах» и все три абсолютно нейтральны, без каких-либо следов особого пиетета перед героем: очень кратко говорится о «детях Тесея» (Aeschyl. Eum. 402), о войне Тесея с Амазонками (Ibid. 686), о «земле Тесеевой» (Ibid. 1026)²⁸. Для сравнения укажем, что в произведениях Софокла (а от него, как и от Эсхила, дошли 7 трагедий) Тесей упоминается не менее 16 раз.

Насколько можно судить, причина описанного положения вещей коренится в одной особенности идеологической борьбы в Афинах времени создания «Просительниц», а именно в том обстоятельстве, что в 460-е годы до н. э. мифология Тесея активнейшим образом эксплуатировалась Кимоном²⁹. С помощью организовав перенесение «останков Тесея» со Скироса в Афины, Кимон фактически поставил этого древнего героя на службу себе и своей политике.

²⁷ Dugas Ch. L'évolution de la légende de Thésée // *Revue des études grecques*. Vol. 56. 1943. P. 1–24; Sourvinou-Inwood Ch. Theseus Lifting the Rock and a Cup near the Pithos Painter // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 91. 1971. P. 97; Τιβέριος Μ. Θησεύς καί Παναθήναια // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 1994. P. 135; Немировский А. И. Политическая актуализация мифа о Тесее // *Античность и современность*. М., 1991. С. 37. Наиболее подробно об эволюции мифологического образа Тесея в Афинах см.: Calame C. Thésée et l'imaginaire athénien: Légende et culte en Grèce antique. Lausanne, 1990.

²⁸ Тесей упоминается, кроме того, в одном фрагменте Эсхила – из недошедшей трагедии «Элевсинцы» (Aeschyl. fr. 268 Mette).

²⁹ Sourvinou-Inwood Ch. Op. cit. P. 108; Podlecki A. J. Cimon, Skyros and 'Theseus' Bones' // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 91. 1971. P. 141–143; Delvoye Ch. Art et politique à Athènes à l'époque de Cimon // *Le monde grec: Hommage à Claire Préaux*. Bruxelles, 1978. P. 801–807; Shapiro H. A. Theseus in Kimonian Athens: The Iconography of Empire // *Mediterranean Historical Review*. Vol. 7. No. 1. 1992. P. 29–49; Idem. Religion and Politics in Democratic Athens // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 1994. P. 126; Versnel H. S. Religion and Democracy // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 1995. S. 382; Connor W. R. Theseus and his City // *Religion and Power in the Ancient Greek World*. Uppsala, 1996. P. 115–120.

В этот период стали актуализоваться те из мифов о Тесее, которые в большей степени были связаны с морской мощью Афин, с борьбой против варварского мира и т. п., т. е. имевшие прямое отношение к политической программе Кимона. В подобных условиях авторы, солидарные с противоборствующей Кимону группировкой, просто не могли обращаться в своих произведениях к тесеевской мифологии: этим они косвенно делали бы «политическую рекламу» не кому иному, как самому Кимону³⁰. Очевидно, по этой причине Эсхил (как мы видели выше, выступавший в роли союзника Перикла) не был склонен изображать в своих трагедиях Тесея. Что же касается собственно царя Пеласага, то – позволим себе в самой осторожной форме и ни в коей мере не настаивая на своей правоте, высказать, может быть, чрезмерно смелую гипотезу – не вызвано ли его появление на сцене эсхилового трагического театра, причем в парадигматичной роли «демократичного монарха», некоторым созвучием его имени с именем Перикла?

Как бы то ни было, трагедия «Просительницы» должна рассматриваться в том же контексте, что и несколько более поздние «Эвмениды», – как свидетельство борьбы между политическими группировками Кимона и Перикла, борьбы, одним из центральных пунктов которой был вопрос о дальнейшей демократизации афинского полиса. Может, правда, вызвать сомнение, что Перикл уже к 463 г. до н. э. являлся главным соперником Кимона и был настолько влиятелен, что мог восприниматься драматургом и зрителями как актуальный или потенциальный простат. Ведь традиционно считается, что Перикл занял положение «первого гражданина» лишь в 440-е годы. Однако сомнения эти, на наш взгляд, не вполне основательны. Перикл выступил на политическую арену еще в конце 470-х годов. Около 464–463 гг. до н. э., то есть именно в период постановки «Просительниц», он (очевидно, впервые в своей жизни) был стратегом³¹, иными словами, занимал одну из высших государственных должностей. В период суда над Кимоном, имевшего место в те же годы, именно Перикл рассматривался как его наиболее опасный и влиятельный обвинитель (Plut. Cim. 14; Pericl. 10). Не забудем и о том, что ряд античных авторов (Arist. Pol. 1274 a 10; Ath. pol. 27. 1; Plut. Pericl. 9; Mor. 812 d) называет именно Перикла реальным инициатором реформы ареопага в 462 г., а Эфиальта – лишь непосредственным исполнителем этой акции. Данная традиция обычно вос-

³⁰ Сказанное, разумеется, ни в коей мере не отменяет того факта, что впоследствии, значительно позже, и Перикл активно обращался к образу Тесея, используя его в собственных интересах. См.: Суриков И. Е. Перикл, Амис и амазонки // Из истории античного общества. Вып. 6. Нижний Новгород, 1999. С. 147–152.

³¹ Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 13–14, 101; Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 194–195.

принимается со скептицизмом³², но, на наш взгляд, заслуживает более внимательного отношения. Характерно, что ни один из авторов классической эпохи, вплоть до Аристотеля (Ath. pol. 25), не упоминает даже имени Эфиальта как демократического лидера или просто видного политика.

Кстати, об ареопаге. Резонно ожидать, что в «Просительницах», поставленных незадолго до его реформы, когда в Афинах, вне всякого сомнения, уже шли дебаты по этому поводу, обнаружатся соответствующие реминисценции. И, кажется, наши ожидания оправдываются. В песне хора, прославляющей жизнь демократического полиса, упоминается совет старейшин (Suppl. 667 sqq.), главную задачу которого драматург видит в охране «древнего закона» (πολιτὶ νόμῳ), то есть в номофилаксии и исполнении судебных функций. Таким образом, пафос данного отрывка точно тот же, что и в «Эвменидах»: поэт прославляет ареопаг, но именно в том его виде, который предполагала реформа 462 г. Эсхил и в этом отношении, как мы видим, оказывается сторонником Перикла и его политики.

Наконец, стоит вкратце остановиться и на вопросе: отразилась ли в «Просительницах» не только внутрисполитическая, но и внешнеполитическая проблематика, и если да, то каким образом? Ответ на этот вопрос, как нам представляется, позволяет дать дважды повторяющееся в тексте трагедии утверждение, что помощь Данаидам поведет для Аргоса к «новой войне» (νέον πόλεμον) с сыновьями Египта (Suppl. 342, 950). Определение «новая» выглядит никак не обусловленным сюжетом: ведь никакой войны с Египтиадами Аргос до того еще не вел³³. Все становится на места, если мы обратимся к внешнеполитическому контексту постановки «Просительниц». Незадолго до нее, в 465 г. до н. э., был заключен первый «Каллиев мир» Афин с Персией³⁴, подведший итог целому большому периоду Греко-персидских войн. Следовательно, когда трагедия Эсхила шла на афинской сцене, полис официально находился в мирных отношениях с Ахеменидской державой. Однако мир был непрочным, и на горизонте действительно брезжила «новая война». Яблоком раздора на сей раз оказался восставший против персидского владычества Египет. Ливийский династ Инар, провозгласивший себя независимым правителем этого древнего царства и принявший титул фараона, обратился за помощью к Афинам. Как известно, афиняне откликнулись на его просьбу отправкой в дельту Нила мощного

³² См. к этой проблеме: Суриков И. Е. Афинский ареопаг... С. 36.

³³ Мнение, согласно которому данное выражение следует понимать как «война с неопределенным исходом» (Ярхо В. Н. Размышление и решение Пеласга в трагедии Эсхила «Молящие» // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 100), представляется нам надуманным и не очень убедительным.

³⁴ Историчность этого мирного договора, заключенного, возможно, еще в конце правления Ксеркса, убедительно доказал Э. Бадян (Badian E. Op. cit. P. 1–72).

флота, впоследствии разгромленного персами. Начало египетской экспедиции относится к 460/59 г. до н. э.³⁵ Однако уже было высказано аргументированное предположение, что Инар захватил власть в Египте на несколько лет раньше, сразу после смерти Ксеркса, в ходе традиционных в таких случаях для Персии смут по поводу престолонаследия, то есть уже к 463 г. до н. э.³⁶ Вероятно, тогда же от него впервые поступила в Афины просьба о военной помощи. В подобном контексте «Просительницы» Эсхила с их пафосом защиты обиженных и гонимых могут быть трактованы как призыв оказать поддержку восставшим египтянам. Таким образом, и в области внешней политики Эсхил выступил как союзник Перикла и демократической группировки (именно она стояла у власти в Афинах в период ostracism Кимона, а тогда-то и велись военные действия в Египте).

Та же демократическая группировка инициировала в 461 г. до н. э. союз Афин с Аргосом – единственным из крупных центров Пелопоннеса, который был традиционно антиспартански настроен. Этот альянс влек за собой для афинян определенные сложности с точки зрения общегреческого общественного мнения: ведь Аргос еще совсем недавно запятнал себя проперсидской позицией в годину похода Ксеркса и в какой-то степени попал в категорию «полисов-изгоев». Соответственно Эсхил в «Просительницах» пытается в какой-то степени освободить аргивян от тяготевших над ними обвинений. Он воспевает древнюю славу Аргоса, подчеркивает демократический характер его государственных институтов. Вряд ли стоит считать, как иногда делается³⁷, что главной целью интересующей нас драмы была подготовка афино-аргосской коалиции. Однако, насколько можно судить, и этот аспект, помимо всех прочих, в ней тоже присутствовал.

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что трагедия Эсхила «Просительницы» оказывается важным историческим источником, свидетельствующим о политической и идеологической борьбе в Афинах на одном из самых напряженных хронологических отрезков в их истории – в 460-е годы до н. э. Кроме того, выясняется, что драматург и в этом своем произведении, как и в ряде других, занимал вполне определенную политическую позицию, являясь сторонником демократической группировки, возглавлявшейся Периклом.

³⁵ Badian E. Op. cit. P. 101. Чуть более раннюю дату предполагает В. М. Строецкий: *Строецкий В. М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 121–122.

³⁶ *Борухович В. Г.* Египет и греки в VI–V веках до н. э. // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Серия истор. Вып. 67. Горький, 1965. С. 124.

³⁷ Например: *Kritzas Ch. B.* Op. cit. P. 240.

ЗАРОЖДЕНИЕ ЖАНРА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕМУАРИСТИКИ В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ: ВОСПОМИНАНИЯ ИОНА ХИОССКОГО

Плодотворная научная деятельность Валерия Павловича Никонорова преимущественно связана с исследованием различных военных аспектов истории древнего мира. Поэтому нам представляется уместным и работу, предназначенную для сборника в честь нашего юбиляра, посвятить рассмотрению какого-либо сюжета, имеющего отношение к войне (пусть даже и не в ракурсе конкретно технической стороны античного военного дела – в данной сфере автор этих строк вряд ли в достаточной мере компетентен).

Когда применительно к античности говорят о военно-политических мемуарах (да и в целом о мемуарах как таковых), несравненно чаще вспоминают о римских, нежели о греческих произведениях¹. В качестве, так сказать, идеального образчика жанра, памятника, который в первую очередь приходит в голову в данном контексте, выступают, естественно, *Commentarii* Цезаря.

Однако же фактом остается то, что не Рим, а Эллада – родина мемуаристики. Для римлян образцом тут служили предшествовавшие им греческие авторы. Скажем, даже то обстоятельство, что Цезарь писал свои записки от третьего, а не от первого лица, полагаем, не осталось без влияния со стороны практики, принятой на несколько столетий раньше Ксенофонтом².

Именно «Анабасис» Ксенофонта является самым знаменитым из древнегреческих мемуарных произведений военно-политического характера³. Автобиографический, мемуарный элемент, впрочем, силен не только в нем, но и

¹ Весьма показательно распределение материала в последнем по времени коллективном труде на интересующую нас здесь тему: *Marasco G. (ed.). Political Autobiographies and Memoirs in Antiquity: A Brill Companion. Leiden; Boston, 2011*. Из одиннадцати глав этого издания одна относится к классической Греции, две – к эллинизму, а остальные восемь – к Риму.

² Не затрагиваем здесь вопрос о том, действительно ли Ксенофонт опубликовал свой «Анабасис» под псевдонимом «сиракузянин Фемистоген» (и именно потому будто бы говорил о себе, Ксенофонте, в третьем лице). Лично нам этот факт псевдонимности «Анабасиса» представляется не доказанным (хотя в него верил уже Плутарх – *Mor.* 345e). Впрочем, вряд ли уместно более подробно говорить об этом в статье, посвященной все-таки не Ксенофону, а Иону.

³ Об «Анабасисе», разумеется, написано очень много. Из работ последнего времени укажем монографию (*Lee J. W. I. A Greek Army on the March: Soldiers and Survival in Xe-*

вообще в наследии Ксенофонта («Воспоминания о Сократе» и примыкающие к ним малые сократические сочинения, «Агесилай»). Он, правда, практически не проявляется в том сочинении этого писателя, которое традиционно считается «главным», – в его «Греческой истории». Но тут, насколько можно судить, дело в том, что в данном труде Ксенофонт сознательно позиционировал себя как продолжателя Фукидида⁴ и, соответственно, старался по возможности имитировать повествовательный стиль последнего. Фукидид же явно не был любителем внесения автобиографического материала в исторический трактат; о себе, о перипетиях своей судьбы он не то чтобы совсем не упоминает, но говорит об этом куда более скупой, чем мог бы при желании.

Как бы то ни было, Ксенофонт, который для нас предстает древнегреческим мемуаристом «номер один», на самом деле опирался на определенную жанровую традицию, пусть еще не очень богатую к его времени, но все-таки уже существовавшую. В настоящей статье речь пойдет о самом крупном предшественнике Ксенофонта.

Предварительно сделаем небольшой экскурс в еще более раннюю эпоху. Традиционно считается, что хронологически первый греческий автор, у которого присутствуют автобиографические данные, – Гесиод. Он, в отличие от «ускользающего» Гомера, приводит в своих эпических поэмах кое-какие сведения о себе, вроде бы позволяющие реконструировать его личность как реального человека. Впрочем, по авторитетному мнению Г. Надя⁵, не следует преувеличивать степень этой гесиодовской «автобиографичности», поскольку в действительности в основном перед нами фиктивные квази-факты, создающие в совокупности идеальный образ «поэта-крестьянина».

По-настоящему мощная автобиографическая струя вливается в древнегреческую литературу с появлением и развитием лирики в VII–VI вв. до н. э. Лирическая поэзия по самому своему существу тяготела к запечатлению неповторимых индивидуальностей своих творцов⁶. Уже «первый лирик» Архилох охотно и с удовольствием говорит в стихах о событиях из собственной жизни. Ему следуют в этом и Солон, и Алкей, и Сапфо, и Феогнид, и Симонид... Впро-

porphon's *Anabasis*. Cambridge, 2008), а также четыре главы, посвященные этому трактату в коллективном труде о Ксенофоне: Xenophon / Ed. by V. J. Gray. Oxf., 2010.

⁴ К проблеме продолжения неоконченного труда Фукидида (сразу несколько историков подхватили у него «эстафету») см.: Nicolai R. Thucydides Continued // Rengakos A., Tsakmakis A. (eds). Brill's Companion to Thucydides. Leiden, 2006. P. 693–719.

⁵ Надя Г. Греческая мифология и поэтика. М., 2002.

⁶ Обратим внимание хотя бы на распространившийся тогда обычай (Феогнид, Фокид) ставить на свои произведения «печать» (σφραγίς, ион. σφρηγίς), употребляя некий подчеркнутый авторский элемент речи. См.: Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 95 сл.

чем, насколько можно судить, никто из перечисленных писателей не оставил какого-либо связного мемуарного произведения⁷.

Что же касается первых представителей эллинской прозы, у *некоторых* из ранних философов встречаются биографические данные, например у Гераклита, писавшего о своем друге, благородном Гермодоре, которого подвергли изгнанию жители Эфеса⁸. Нечто подобное можно сказать и о *некоторых* же из ранних историков. Прежде всего, конечно, о Гекатее Милетском. Хорошо известно, что этот ионийский интеллектуал рассказал о том, как он побывал в Египте и беседовал там со жрецами (Hecat. FG⁺Hist. 1. F300, ap. Herod. II. 143)⁹. По стопам Гекатея пошел в данном отношении Геродот, который на всём протяжении своего труда указывает на собственные путешествия, встречи с представителями различных народов, беседы с ними... У Гекатея и Геродота в повествовании довольно много авторского «я», чего уже нельзя сказать о Фукидиде, как отмечалось чуть выше.

Одним словом, мысль о том, что автобиографизм имеет право на существование, что он обладает и пользой и привлекательностью, к началу классической эпохи очевидным образом уже распространилась. Явно формировалась определенная тенденция, но нужен был человек, который реализовал бы ее в максимально полной мере. И такой человек появился. Это и есть главный герой нашей статьи – Ион Хиосский, первый мемуарист.

* * *

Ион – автор уникальный. Даже удивительно, что его фигура довольно редко привлекает внимание исследователей – значительно реже, чем она того за-

⁷ Вероятно, именно поэтому о вкладе лириков в процесс складывания мемуарного жанра лишь вскользь говорится в посвященной этому процессу работе: Gray V. J. Classical Greece // Marasco G. (ed.). Political Autobiographies and Memoirs in Antiquity: A Brill Companion. Leiden; Boston, 2011. P. 1–36.

⁸ Heraclit. fr. B121 DK; об описываемом в этом фрагменте эпизоде см.: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 455 сл. Заметим еще, что Ксенофан (fr. B6 DK) и Эмпедокл (fr. B129 DK) вспоминали в своих трудах о Пифагоре, с которым были знакомы (см.: Суриков И. Е. Пифагор. М., 2013. С. 7, 56, 143). Впрочем, эти два автора являлись хотя и философами, но не прозаиками.

⁹ В связи с египетским пассажем Гекатея см., например: Lloyd A. B. Herodotus Book II. Introduction. Leiden, 1975; Heidel W. A. Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus, Book II. N. Y.; L., 1987 (эта работа характеризуется чрезмерным скептицизмом); West S. Herodotus' Portrait of Hecataeus // Journal of Hellenic Studies. Vol. 111. 1991. P. 144–160; Armayor O. K. Herodotus, Hecataeus and the Persian Wars // Karageorghis V., Taftacos I. (eds). The World of Herodotus. Nicosia, 2004. P. 321–335; Суриков И. Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 212 сл.

служивает. В частности, в отечественном антиковедении об Ионе вроде бы вообще не было специальных работ. К счастью, относительно недавно на Западе вышел довольно фундаментальный коллективный труд, целиком посвященный именно ему¹⁰, как явствует и из заголовка – «Мир Иона Хиосского». На сегодняшний день это, безусловно, наиболее весомый вклад в изучение личности и творчества интересующего нас писателя.

В чем же уникальность Иона? Просто приведем небольшую цитату из введения к только что упомянутой книге¹¹:

Среди его многочисленных стихотворных и прозаических произведений были трагедии... (далее перечисляются известные названия этих трагедий. – *И. С.*); по меньшей мере одна сатирическая драма («Омфала»); вероятно, комедии; элегии и лирические стихи, дифирамбы, пеаны, сколии, эпиграммы, энкомий в честь некоего «Скифиада», неизвестного из других источников, и «Гимн Кайросу»¹²; загадочное сочинение Συνεκδημητικός¹³ или Προσβευτικός; философский трактат «Триагм»; другие прозаические сочинения по (локальной) истории и мифографии («Основание Хиоса»), а также в жанре «биографии» («Путешествия»).

Итак, то, чем Ион резко выделялся на фоне своих современников (да и не только современников), – это поразительная многогранность и разносторонность его литературного творчества. Он являлся, во-первых, как прозаиком, так и поэтом. Далее, в области поэзии он был одновременно лириком (причем работал в области как мелики, так и элегии), гимнографом, драматургом (писал как трагедии, так, похоже, и комедии, что особенно примечательно – см. ниже). В области же прозы он создавал как философские, так и исторические труды.

Можно ли поставить рядом с Ионом хоть какого-нибудь другого греческого писателя классической эпохи? Безусловно, нет. Для представителей тогдашней литературы скорее была характерна, напротив, достаточно узкая специализация. Элегик, как правило, не занимался мелической лирикой, и *vice versa*. Уж не говорим о том, что поэт и прозаик тоже почти никогда не совмещались в одном лице. Более того: даже, скажем, в драматургии существовало четкое разграничение на трагедиографов и комедиографов. Сократ в платоновском «Пире» (действие которого разворачивается уже после смерти Иона) высказы-

¹⁰ Jennings V., Katsaros A. (eds). The World of Ion of Chios. Leiden; Boston, 2007.

¹¹ Jennings V., Katsaros A. Introduction // Jennings V., Katsaros A. (eds). The World of Ion of Chios. Leiden; Boston, 2007. P. 2–3.

¹² Кайрос (καῖρος) – одно из обозначений времени у древних греков. В связи с этой темпоральной категорией см.: Суриков И. Е. Очерки об историописании... С. 181 сл., 492 сл.; Он же. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 199 сл.

¹³ В связи с этим сочинением см. ниже, в примечании к фрагменту F8.

вает в качестве некоего необычного парадокса тезис о том, что «один и тот же человек должен уметь сочинить и комедию и трагедию»¹⁴ (Plat. Symp. 223d). А интересующий нас автор еще до того доказал данный тезис на деле!

В результате Ион представлен и в изданиях фрагментов греческих историков, и в изданиях фрагментов философов-досократиков, и в изданиях фрагментов драматургов, и в изданиях фрагментов мелических поэтов, и в изданиях фрагментов элегиков... Завидная судьба, но, увы, омраченная прискорбным обстоятельством: не случайно в предыдущей фразе уныло повторяется «фрагментов... фрагментов...». Ни одно сочинение Иона – будь то поэтическое или прозаическое – не сохранилось целиком. Приходится иметь дело только с отрывками; впрочем, их немало, и некоторые из них довольно пространны и весьма информативны.

Ион, сын Ортомена¹⁵, родился, как считается, около 490 г. до н. э.; смерть же его относят ко времени незадолго до 421 г. до н. э., опираясь на одно место из Аристофана (Рак 832 sq.) и на схолии к нему. Соответствующий пассаж из схолий достаточно интересен, мы процитируем часть его¹⁶:

...Аристофан в шутку говорит, что его (Иона. – *И. С.*) прозвали «Утренней звездой». Он был очень знаменит (кажется, первый в истории случай словоупотребления, столь распространенного ныне, когда «звездами» называют знаменитостей. – *И. С.*)... Говорят, что он участвовал сразу в дифирамбических и трагических состязаниях в Аттике и вышел победителем, и в знак расположения послал афинянам даром хиосского вина (лучшего в Греции. – *И. С.*). Имеется диалог философа Сократа, посвященный ему и озаглавленный «Ион» (Schol. Aristoph. Рак 835).

¹⁴ Перевод С. К. Апта.

¹⁵ В связи с именем отца Иона существует занятный нюанс. Лексикографы (Harpocr. s.v. Ἴων; Suid. s.v. Ἴων Χῖος) говорят, что Ион был сыном «Ортомена, прозванного Ксуфом». Разумеется, можно только гадать о происхождении подобного прозвища. Но одна догадка представляется нам весьма близкой к истине. А именно: напомним, что отцом мифологического героя Иона (эпонима-родоначальника всех ионийцев) был Ксуф (точнее, он был его «земным» отцом, а «небесным» – Аполлон). Далее, характерно, что Ортомен дал своему сыну мифологическое имя. У греков было вообще-то не очень принято называть детей в честь героев мифов, это шло несколько вразрез с общепринятой практикой имянаречения, в рамках которой отпрыску давали имя, имеющее какую-то связь с ономастическим фондом данной семьи. Чувствуется, Ортомен совершил не очень обычный поступок, обративший на себя внимание окружающих; потому-то его и прозвали Ксуфом, что он оказался отцом Иона. Заметим тут же, что и сам Ион дал своему сыну (о котором см. ниже) мифологическое имя – Тидей.

¹⁶ В переводе А. В. Лебедева, по изданию: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических космогоний до возникновения атомистики / Изд. подгот. А. В. Лебедев. М., 1989. С. 417.

В последней фразе, правда, содержатся серьезные неточности. Имеется в виду, естественно, диалог Платона «Ион», в котором Сократ беседует с неким рапсодом Ионом. Но этот последний не тождествен Иону Хиосскому, поскольку уже в начале диалога указано, что он – уроженец Эфеса (Plat. Ion 530a).

Но вернемся к «нашему» Иону. Он происходил из знатной хиосской семьи, принадлежавшей к высшей политической элите острова. Фукидид (VIII. 38. 3) упоминает, что сын Иона Тидей являлся лидером проафинской группировки на Хиосе и в 411 г. до н. э. был убит своими политическими противниками, протестовавшими против ориентации их полиса на Афины¹⁷.

Сам же Ион впервые побывал в «городе Паллады», как он сам пишет, еще в ранней юности (см. ниже, фрагмент F13). Иногда считается, что это произошло в 470-е гг. до н. э., чего нельзя исключать. Но общение его с Кимоном все-таки уместнее датировать 460-ми гг. до н. э.

Ион активно участвовал в культурной жизни Афин. В частности, он неоднократно ставил свои драмы на афинском театре в дни Великих Дионисий, порой побеждая в состязаниях, но порой и проигрывая. Впрочем, не следует думать, что он перебрался в афинский полис на постоянное место жительства, покинув родину. Известно, например, что в период афино-самосской войны 440–439 гг. до н. э. Ион находился дома, на Хиосе. Кстати, известно это как раз из его воспоминаний (см. ниже фрагмент F6), к которым мы теперь непосредственно и обращаемся.

Ион был характерным представителем древнегреческой интеллигенции, которая, как в свое время совершенно справедливо подчеркивал А. И. Зайцев¹⁸, отличалась исключительно большой мобильностью. Наш герой постоянно находился в разъездах, в странствиях... И, наверное, вполне закономерно, что своему мемуарному сочинению он дал заглавие Ἐπιδηΐαι, что нам представляется в данном контексте наиболее уместным переводить как «Путешествия»¹⁹. Здесь имеются в виду как путешествия автора, в ходе которых он встречался с разными знаменитыми людьми, так, насколько можно судить, и путешествия самих этих знаменитых людей, в ходе которых они встречались с автором.

¹⁷ О тождестве Иона, отца упоминаемого Фукидидом Тидея, с писателем Ионом Хиосским см.: *Fraser P. M., Matthews E. A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. 1. The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica. Oxf., 1987. P. 241; Olding G. Ion the Wineman: The Manipulation of Myth // Jennings V., Katsaros A. (eds). The World of Ion of Chios. Leiden; Boston, 2007. P. 149 ff.*

¹⁸ Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. 2-е изд. СПб., 2000. С. 68 сл.

¹⁹ Иногда предлагают перевод «Посещения», что, в принципе, корректно, но как-то не очень гладко звучит по-русски. По данным схолиаста к Аристофану, это произведение будто бы называлось просто «Воспоминания» (Ἵπομνήματα, см. Schol. Aristoph. Pax 835), но это вряд ли верно.

Мы вначале приведем те фрагменты, которые сохранились из мемуаров Иона, что позволит нам в дальнейшем высказать некоторые суждения о характере этого труда. Часть фрагментов цитируется в имеющихся русских переводах; все такие случаи оговорены в примечаниях. Если таких оговорок нет, перевод принадлежит нам. Особый случай – фрагмент F6, где нам пришлось дополнить существующий перевод (см. примечания к этому фрагменту).

Нумерация фрагментов дана по изданию Ф. Якоби (FGrHist. 392).

* * *

F4²⁰ (Athen. III. 93a)²¹. Сердцевидок²² упоминает в «Путешествиях»²³ Ион Хиосский.

F5 (Athen. III. 107a)²⁴. Также Ион Хиосский пишет в «Путешествиях»²⁵: «укрыв в эпипле²⁶».

F6 (Athen. XIII. 603e–604d). Ведь Софокл любил мальчиков, в то время как Еврипид – женщин. Во всяком случае, поэт Ион в труде, озаглавленном «Путешествия», пишет следующее²⁷:

Я встретился с поэтом Софоклом на Хиосе, в то время, когда он в качестве стратега²⁸ плыл на Лесбос; был он за вином любителем шуток и занимательным

²⁰ Фрагменты F1 – F3 в издании Якоби происходят из другого сочинения Иона («Основание Хиоса») и не имеют мемуарного характера, поэтому здесь не приводятся.

²¹ Фрагмент приводится в переводе Н. Т. Голинкевича по изданию: *Афиней*. Пир мудрецов в пятнадцати книгах. Кн. I–VIII / Изд. подгот. Н. Т. Голинкевич и др. М., 2003. С. 127.

²² Какие-то морские раковины.

²³ Позволяем себе внести небольшое изменение в цитируемый текст перевода. Выше мы условились обозначать труд Иона Ἐπιδημία как «Путешествия» (в переводе Н. Т. Голинкевича – «Посещения») и будем уж впредь придерживаться этого.

²⁴ Фрагмент приводится в переводе Н. Т. Голинкевича по изданию: *Афиней*. Пир мудрецов в пятнадцати книгах. Кн. I–VIII / Изд. подгот. Н. Т. Голинкевич и др. М., 2003. С. 146.

²⁵ В связи с названием трактата Иона см. примечание к предыдущему фрагменту.

²⁶ Из разъяснения Афиней в этом месте следует, что эпипл – это сальник, жировая перепонка (животных), использовавшаяся на пирах для заворачивания блюд. Имел ли в виду Ион именно это самое, сказать в точности нельзя, ввиду крайней краткости фрагмента. Омонимичный термин «эпипл» имел совершенно иное, военно-морское значение, указывая на определенный маневр судов или на флот как таковой.

²⁷ Далее (вплоть до отмеченного ниже места) мы цитируем фрагмент в переводе В. Н. Чемберджи, опубликованном среди «Античных свидетельств о жизни и творчестве Софокла» в издании: *Софокл*. Драмы / В пер. Ф. Ф. Зелинского; изд. подгот. М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо. М., 1990. С. 443–444.

²⁸ Известно, что в ходе афино-самосской войны 440–439 гг. до н. э. Софокл был одним из стратегов, наряду с Периклом, который тоже упоминается ниже в этом фрагменте Иона.

собеседником. Его хозяином был Гермесилай, его личный друг и проксен афинян. И вот, когда отрок-виночерпий стоял у огня²⁹, ...и был весь виден³⁰, Софокл сказал: «Хочешь, чтобы мне сладко пилося?» Тот ответил: «Да». А Софокл ему: «Тогда и поднеси мне чашу, и унеси ее неспешно»³¹. Мальчик еще гораздо сильнее покраснел³², а Софокл заметил своему соседу³³: «Как хорошо сказал Фриних:

Опять на пурпурных ланитах свет любви пылает».

Ему, однако, возразил какой-то эретриец или эрифреец³⁴, школьный учитель: «Сам ты, Софокл, поэт хороший, но всё же Фриних не совсем удачно назвал ланиты красавца “пурпурными”. Ведь если бы живописец раскрасил пурпуровой краской щеки этого мальчика, он вовсе не показался бы нам прекрасным. Не следует, значит, сравнивать прекрасное с тем, что не прекрасно». Софокл улыбнулся на замечание эретрийца и сказал: «Значит, тебе, чужеземец³⁵, не нравится и слово Симонида, пользующееся большим успехом у эллинов:

...дева песнь

Звонкую льет из уст пурпурных, теща нас,

да и тот другой поэт³⁶, что назвал Аполлона “златокудрым”; ведь если бы живописец изобразил кудри Аполлона не черными, а золотыми, он этим испортил бы всю

²⁹ Далее текст испорчен: небольшая лакуна породила неправильность грамматической конструкции. В. Н. Чемберджи то ли «пасует» перед трудностью (впрочем, не столь уж значительной), то ли проявляет чрезмерную стыдливость, но, во всяком случае, пропускает в переводе дальнейшие слова – отсюда и до идущих перед «Софокл заметил...». Соответственно, мы вынуждены дать эти слова в своем переводе.

³⁰ Речь идет о том, что прекрасное тело мальчика, стоящего у огня, просвечивало от этого сквозь одежду.

³¹ Т. е., чтобы, пока мальчик движется от огня к Софоклу, а потом обратно, поэт мог подольше наслаждаться лицезрением его форм.

³² Подразумевается, что ранее он раскраснелся от того, что стоял у огня.

³³ Соседу по ложу на пире.

³⁴ Слова «или эрифреец» в используемом нами переводе отсутствуют, хотя имеются в рукописи; мы вынуждены добавить их. Эретриец – житель Эретрии, полиса на Эвбее; эрифреец – житель Эрифр, полиса в Ионии (два топонима действительно созвучны, их и поныне часто путают). Подчеркнем, что тут с нашей стороны не мелочная придирка, а указание на важный нюанс. «Эрифреец» (Ἐριφραῖος) полностью согласуется с употребленным чуть выше глаголом ἐρυθρίσῃ («краснеть»), и это заставляет предполагать сознательный каламбур Иона; «эретриец» (Ἐρετριεύς) подходит для подобного каламбура в куда меньшей степени. Заметим еще, что, строго говоря, в оригинале сказано не «какой-то эретриец или эрифреец» (для такого случая уместно было бы выражение с неопределенным местоимением, а не с определенным артиклем), а ὁ Ἐρετριεύς ἢ Ἐριφραῖος. Иными словами, нельзя исключать, что перед нами не указания на гражданство, а личные имена Эретрий и Эрифрей.

³⁵ Слово пропущено в переводе В. Н. Чемберджи.

³⁶ Пиндар.

картину. Не одобришь ты и “розоперстой”³⁷; ведь если кто окрасит пальцы в цвет розы, он представит нам руки красильщика, а не прекрасной женщины». Тут все рассмеялись; эретриец нахмурился после этого урока³⁸. Софокл же продолжал общаться с мальчиком. Тот мизинцем доставал из чаши соринку, а Софокл спросил: «Соринку видишь?». Тот ответил, что видит, а Софокл: «Так сдунь ее, чтобы не мочить палец». Мальчик приблизил лицо к чаше и поднес ее поближе к своим устам, так что и его голова оказалась ближе к голове Софокла; а тот, оказавшись к нему вплотную, обнял его рукой и поцеловал. Все начали со смехом аплодировать, крича, что неплохо он подманил мальчика. Софокл сказал: «Я учусь быть стратегом, господа, раз уж Перикл говорит, что сочинитель я хороший, а вот полководческого искусства не знаю. Не правда ли, удалась моя военная хитрость?» Таких-то остроумных вещей немало он и говорил, и делал за вином. Однако в делах политических не был он ни мудрым, ни деятельным, а просто как бы одним из добрых афинян».

F7 (Schol. Aeschyl. Pers. 32). Ион в «Путешествиях» говорит, что Эсхил участвовал в Саламинской битве.

F8 (Poll. II. 88). У Иона, автора трагедий, в произведении под названием «Дополнение к путешествиям»³⁹ кто-то назван «жидкобородым».

F9 (Diog. Laert. II. 23)⁴⁰. В молодости он⁴¹ с Архелаем ездил на Самос (так пишет Ион Хиосский).

F10 (Lex. Sabbait. s.v. Αὐτοφρόνις)⁴². У Иона встречается выражение «единомыслящих и связанных договором [?]».

³⁷ Знаменитый эпитет Эос.

³⁸ Здесь кончается перевод В. Н. Чемберджи. Далее следует наш.

³⁹ Употреблен гапакс Συλεκδημητικός. Иногда считают, что это название некой драмы (в таком случае переводят слово как «Любящий путешествовать в компании»). Однако имеется и точка зрения, согласно которой данный текст представлял собой часть «Путешествий». Нам она представляется более близкой к истине. Возможно, это позже дописанный «эпilog» к главному мемуарному труду Иона. Впрочем, нельзя исключать даже и ту возможность, что это другой вариант названия тех же «Путешествий». Считаем поэтому, как минимум, не уместным включение этого фрагмента (впрочем, малоинформативного) в подборку.

⁴⁰ Фрагмент приводится в переводе М. Л. Гаспарова по изданию: *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / Общ. ред. и вступит. ст. А. Ф. Loseva. М., 1979. С. 110.

⁴¹ Сократ. Архелая античная традиция называла учителем Сократа.

⁴² Фрагмент приводится в переводе А. В. Лебедева по изданию: *Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических космогоний до возникновения атомистики* / Изд. подгот. А. В. Лебедев. М., 1989. С. 418. Строго говоря, атрибуция данного фрагмента является крайне проблематичной. Якоби считал его историко-мемуарным, происходящим

F11 (Phot. Lex. s.v. Ἀθηναίαις). Говорят, что афинских женщин называют не «афинянками», а «горожанками» и «аттидянками»⁴³. Впрочем, у древних авторов слово «афинянки» часто используется по отношению к женщинам, как свидетельствуют и вышеупомянутые поэты, и Дифил в «Амастриде». И Ион называет дочь Фемистокла «чужеземкой-афинянкой», и Пиндар в «Сколиях»...⁴⁴

F12 (Plut. Cim. 5)⁴⁵. Был он⁴⁶, по свидетельству поэта Иона, безупречен и внешностью – высок, с прекрасными густыми вьющимися волосами.

F13 (Plut. Cim. 9)⁴⁷. Ион рассказывает, что, когда он еще в ранней юности прибыл с Хиоса в Афины, ему пришлось обедать у Лаомедонта в обществе Кимона. После возлияний Кимона попросили спеть, и тот спел очень хорошо, так что все похвалили и нашли, что в обществе он приятнее Фемистокла: последний говорил, что петь и играть на кифаре он не умеет, но как сделать великим и богатым город – это он знает. Затем, как обыкновенно бывает за чашей вина, разговор перешел на подвиги Кимона, стали вспоминать о самых выдающихся из них, и он сам рассказал об одной из своих хитростей, по его мнению, самой удачной⁴⁸. Союзники, захватив в Сесте и Византии множество варваров, поручили Кимону произвести дележ добычи, и тот распорядился так, что по одну сторону поставили самих пленных, а по другую сложили украшения, которые

из «Путешествий», и, соответственно, включил в свои «Фрагменты греческих историков». Дильс и Кранц считали его философским и включили в свои «Фрагменты досократиков» (а за ними – и А. В. Лебедев). Есть также версия, что это вообще цитата из трагедии. Уж слишком неясно без контекста значение этого коротенького отрывочка (в оригинале – αὐτοφρόνῳ καὶ ὑποπίνδῳ). К кому относятся сии слова – совершенно невозможно сказать.

⁴³ Т. е. от названия Аттики.

⁴⁴ Далее текст испорчен, но для нас это уже и не важно, поскольку речь идет не об Ионе.

⁴⁵ Фрагмент приводится в переводе В. В. Петуховой по изданию: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания* в двух томах / Изд. подгот. С. С. Аверинцев и др. 2-е изд. Т. 1. М., 1994. С. 537.

⁴⁶ Кимон.

⁴⁷ Фрагмент приводится в переводе В. В. Петуховой по изданию: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания* в двух томах. Т. 1 / Изд. подгот. С. С. Аверинцев и др. 2-е изд. М., 1994. С. 540.

⁴⁸ Этот эпизод мы разбираем в другом месте: *Суриков И. Е. Античная Греция: политика в контексте эпохи. Время расцвета демократии*. М., 2008. С. 219 сл. Там мы указываем, что Ион что-то перепутал: описываемая им стратегема Кимона не могла иметь при «Сесте и Византии», да такой кампании и не было. Мы предлагаем считать, что на самом деле речь должна идти о событиях после битвы при Евримедонте, и посвятили доказательству данного тезиса специальную работу, которая на момент написания этих строк еще не вышла: *Суриков И. Е. О возможном историко-географическом контексте сюжета общенного изображения на «вазе Евримедонта» (малоизвестный эпизод Греко-персидских войн) // Аристей (в печати).*

они носили; союзники стали порочить такой дележ, называя его несправедливым, и тогда он предложил им взять любую из частей: какую бы они ни оставили, афиняне-де будут довольны. По совету самосца Герофита, считавшего, что лучше приобрести вещи персов, чем самих персов, союзники взяли себе наряды и украшения, оставив на долю афинян пленных. Все сочли тогда, что этим дележом Кимон просто выставил себя на посмеяние: союзники уносили золотые запястья, ожерелья, шейные цепочки, персидские кафтаны, пурпурную одежду, афинянам же пришлось взять себе нагие тела мало привычных к труду людей. Вскоре, однако, съехавшиеся из Фригии и Лидии⁴⁹ друзья и родственники пленных стали выкупать их, платя за каждого большие деньги, так что у Кимона собрались средства, которых хватило на содержание флота в течение четырех месяцев, а кроме того, немало золота из выкупных сумм осталось и для казны.

F14 (Plut. Cim. 16)⁵⁰. И вот, нуждаясь в помощи, лакедемоняне шлют в Афины Периклида⁵¹... В то время как Эфиальт старался этому воспрепятствовать и заклинал народ не помогать спартамцам, ...Кимон, как говорит Критий, ...склонил народ на свою сторону и выступил на помощь Спарте во главе большого отряда гоплитов. А Ион припоминает и слова, которыми Кимон больше всего подействовал на афинян: он предостерегал, как бы Эллада не стала хромою и афинское государство не осталось в упряжке одно, без своего напарника.

F15 (Plut. Pericl. 5)⁵². Поэт Ион утверждает, что обхождение Перикла с людьми было довольно надменное и что к самохвальству его примешивалось много высокомерия и презрения к другим, а хвалит Кимона за его обхо-

⁴⁹ В переводе В. В. Петуховой – «Ликий». Здесь мы специально не выясняем, на какую текстологическую традицию она опиралась. В свете наших догадок относительно того места, где происходил описываемый здесь дележ, «Ликия», пожалуй, и не уместна.

⁵⁰ Фрагмент приводится в переводе В. В. Петуховой по изданию: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания* в двух томах. Т. 1 / Изд. подгот. С. С. Аверинцев и др. 2-е изд. М., 1994. С. 546.

⁵¹ Известный эпизод, имевший место в 462 г. до н. э. После крупного землетрясения в Спарте подняли восстание илоты (т. н. Третья Мессенская война). Ослабленные последствиями стихийного бедствия спартиаты обратились в Афины за военной помощью, и такая была им предоставлена по инициативе Кимона. В дальнейшем, как известно, спартанские власти осознали, что обойдутся и без содействия афинян, и в оскорбительной форме отослали отряд Кимона, что привело к окончательной порче отношений между афинским и спартанским полисами, до того момента еще формально находившимися в союзе друг с другом.

⁵² Фрагмент приводится в переводе С. И. Соболевского по изданию: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания* в двух томах. Т. 1 / Изд. подгот. С. С. Аверинцев и др. 2-е изд. М., 1994. С. 178–179.

дительность, гибкость и благовоспитанность в обращении. Но оставим Иона: по его мнению, при добродетели, как при трагедии, непременно должна быть и сатирическая часть.

F16 (Plut. Pericl. 28)⁵³. После покорения Самоса, как рассказывает Ион, Перикл ужасно возгордился: Агамемнон в десять лет взял варварский город, а он в девять месяцев покорил первых, самых сильных ионян!⁵⁴

F22⁵⁵ (Plut. Mor. 79de). Но во всяком случае те, кто достиг еще больших успехов, могут получать пользу не только от слов, но также от зрелищ и всевозможных дел... Так рассказывают и об Эсхиле, и о других, подобных ему. Ведь Эсхил однажды смотрел на Истме⁵⁶ состязание кулачных бойцов. Один из них был сбит ударом, и театр⁵⁷ огласился криками. Эсхил, толкнув Иона Хиосского, сказал: «Видишь его выдержку? Его ударили, а он молчит, зрители же вопят»⁵⁸.

F23 (Anonym. Vita Sophocl. 20)⁵⁹. Он⁶⁰ изображает и расцветивает нравы, искусно пользуется замыслами, воспроизводя гомеровскую прелесть. Вследствие чего и сказал какой-то иониец⁶¹, что один Софокл оказался учеником Гомера⁶².

⁵³ Фрагмент приводится в переводе С. И. Соболевского по изданию: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания* в двух томах. Т. 1 / Изд. подгот. С. С. Аверинцев и др. 2-е изд. М., 1994. С. 194.

⁵⁴ Разумеется, в этом фрагменте Иона звучит сарказм.

⁵⁵ Фрагменты F17 – F21 происходят из других сочинений Иона, не из «Путешествий». Они не имеют мемуарного характера и здесь не приводятся.

⁵⁶ Речь идет об Истмийских играх.

⁵⁷ Здесь θέατρον в широком значении, как любое место зрелищ (в данном случае стадион).

⁵⁸ Строго говоря, не указывается, что свидетельство принадлежит самому Иону. Но это представляется несомненным (а кто еще мог бы сообщить подробности столь личного характера?).

⁵⁹ Фрагмент приводится в переводе В. Н. Чемберджи по изданию: *Софокл. Драмы* / В пер. Ф. Ф. Зелинского; изд. подгот. М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо. М., 1990. С. 442.

⁶⁰ Софокл.

⁶¹ Фрагмент относят к Иону предположительно, но с большой долей вероятности. «Какой-то иониец» мог появиться в тексте вследствие того, что позднеантичный анонимный биограф Софокла не понял выражение в своем источнике, где говорилось об Ионе (чье имя, собственно, может означать «иониец»). Если фрагмент действительно из Иона, то, безусловно, из его «Путешествий», в котором, как мы уже знаем, достаточно подробно говорилось о Софокле.

⁶² Далее в издании Якоби следуют еще фрагменты F24–F26, но они происходят из философского трактата Иона «Триакм», мемуарного характера не имеют и здесь не приводятся.

* * *

Теперь поставим некоторые вопросы, которые могут быть поставлены в связи с только что процитированными фрагментами, и попытаемся на них посылно ответить – в той мере, в какой это возможно в рамках не очень большой статьи.

Прежде всего, почему же мы все-таки рассматриваем воспоминания Иона в контексте становления военно-политической мемуаристики? На первый взгляд, это неправомерно. Действительно, для нас ныне представляется очевидным, что существуют два основных жанра мемуарной литературы: мемуары военно-политические и мемуары культурные. На ниве первого из этих жанров обычно подвизаются (действующие или – чаще – бывшие) полководцы, государственные деятели, дипломаты; воспоминаниям в духе второго предаются писатели, художники, ученые...⁶³ И вроде бы ясно, что Ион как автор принадлежит ко второй из этих категорий, а не к первой.

Однако на самом деле не всё так просто. Даже и в наши дни совсем уж строгого разграничения между двумя жанрами нет; вполне известны случаи мемуаров «смешанного» содержания. Так, П. Н. Милуков являлся одним из виднейших русских ученых-историков начала XX в., а в то же время – влиятельным политическим деятелем, лидером крупной партии, министром... Вполне естественно, что в его воспоминаниях⁶⁴ отражена тематика, связанная как с наукой, так и с политикой (причем второй в них значительно больше). Другой пример, из времени еще более близкого к нам: замечательный специалист по архаическим мифологиям Е. М. Мелетинский в своих воспоминаниях⁶⁵ почти не остановился на каких-либо перипетиях научной жизни, зато подробно осветил некоторые эпизоды Великой Отечественной войны, в которой он принимал участие.

Иными словами, ни в коем случае нельзя признавать имеющим абсолютную силу соотношение «если автор мемуаров – деятель культуры, то и его мемуары относятся к жанру культурной мемуаристики, а если автор мемуа-

⁶³ Строго говоря, имеется еще и третий род (впрочем, в античности вряд ли существовавший) – чисто частная мемуаристика, когда обычные, ничем не прославившиеся люди на склоне лет записывают впечатления своей жизни – просто «потомству в назидание», без каких-либо мыслей о публикации. Такие мемуары затем хранятся в семейных архивах и мало кому интересны, кроме тех, кто лично знал авторов. Впрочем, на современном этапе историческая наука начинает интересоваться и этими памятниками, привлекать их в качестве источников (как правило, в рамках изучения истории повседневности и т. н. микро-истории).

⁶⁴ Милуков П. Н. Воспоминания. М., 1991.

⁶⁵ Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. 2-е изд. М., 2008. С. 431–568.

ров – военный или политический деятель, то и его мемуары относятся к жанру военно-политической мемуаристики». Сказано а fortiori верно по отношению к классической Греции, когда сама мемуарная литература находилась в стадии зарождения и не могло еще быть никакого четкого деления между ее видами. Ион, как говорилось, был *самым ранним* ее полноценным представителем и уже поэтому не мог следовать каким-то сложившимся канонам. Он сам, так сказать, клал «первые кирпичики» в формирование этих канонов. И, между прочим, был, судя по всему, убежден в том, что мемуарист должен повествовать, как о военно-политических событиях, так и о фактах культурной жизни, свидетелем которых ему довелось стать⁶⁶. Таким образом, мы смело можем сказать, что его «Путешествия» следует числить по разряду не только культурной мемуаристики, но и военно-политической.

И действительно, давайте рассмотрим на сей предмет те данные, которые содержатся в дошедших фрагментах путешествий. Сразу бросается в глаза, что в этом труде фигурируют, с одной стороны, деятели культуры: Эсхил (F7, F22), Софокл (F6, F23), Сократ (F9), менее известный Архелай (F9)⁶⁷. С другой же стороны, встречаем мы у Иона также политиков и полководцев (в V в. до н. э. эти два статуса еще никак не разграничивались⁶⁸). Это Фемистокл (F11, F13), Кимон (F12, F13, F14, F15), Герофит⁶⁹ (F13), Перикл (F6, F15, F16) и... Софокл. Ведь о последнем Ион пишет в том числе и как об афинском стратеге (F6). Он не оговаривает, о какой именно кампании идет речь, но, судя по появлению во фрагменте имени Перикла, это всё же война с Самосом (440–439 гг. до н. э.). Хотя Софокл и в дальнейшем занимал пост стратега, в частности в 428 г. до н. э.⁷⁰, причем действовал в том же регионе ионийского побережья, где он вполне мог и тогда тоже повидаться с Ионом, еще живым.

⁶⁶ Ксенофонт в дальнейшем шел по пути, в чем-то аналогичному. Его «Анабасис» представляет военно-политическую мемуаристику, «Воспоминания о Сократе» – естественно, культурную.

⁶⁷ Упоминаются также драматург Фриних и лирик Симонид (F6), но не как лица, с которыми Ион был лично знаком, а лишь в связи с приводимыми Софоклом цитатами из них. Во фрагменте F23 упоминается Гомер (как «учитель» Софокла), что, по понятным причинам, тоже нельзя считать мемуарной информацией.

⁶⁸ В связи с этим см., в частности: *Mossé C. La classe politique à Athènes au IVème siècle // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? / Hrsg. von W. Eder. Stuttgart, 1995. S. 67–77.*

⁶⁹ Самосский полководец.

⁷⁰ *Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002. С. 267 (со ссылками на свидетельства источников и на некоторые современные исследования).*

Количество упоминаний военных и политиков во фрагментах, как можно видеть, даже больше, причем почти в два раза. Это персоналии. Как обстоит дело с отражением, соответственно, событий военно-политической истории и фактов культурной жизни?

Перечислим вначале первые (в хронологическом порядке): Саламинская битва 480 г. до н. э. (F7); стратегема Кимона с пленными персами, имевшая место в 470-х или, скорее, в 460-х гг. до н. э. (F13); спартанское посольство в Афины с просьбой о военной помощи в 462 г. до н. э. (F14); афино-самосская война 440–439 гг. до н. э. (F16 и имплицитно F6)⁷¹. А вот факты культурной жизни (они обычно не могут быть датированы с такой же или вообще какой-либо степенью точностью, поэтому порядок их перечисления – произвольный, точнее, обусловленный порядком их появления во фрагментах Иона по изданию Якоби): поездка Архелая и Сократа на Самос (F9), Истмийские игры (F22) – и всё! Как видим, негусто. Иными словами, и в данном отношении тоже сравнение – не в пользу культуры. Из всего создается впечатление, что последняя интересовала Иона меньше чем войны и политика. Заметим еще, что в «Путешествиях» содержались и общие характеристики политической деятельности Фемистокла (F13), Кимона (F13, F14, F15), Перикла (F15), Софокла (F6).

Нужно, правда, констатировать, что в мемуарах Иона весьма важное место, насколько можно судить, занимал такой важный культурный феномен, традиционно ассоциируемый с интеллектуальным досугом греков, как симпозиий. Это действительно так. Два самых крупных и выразительных фрагмента нашего автора (F6, F13) представляют собой именно описания пиршественных эпизодов. Невозможно сомневаться, что Ион испытывал большой интерес к симпозиам; в связи с оными явно были созданы и какие-то из его поэтических произведений⁷² (напомним, например, что среди наследия Иона упоминаются сколии, а это были чисто симпозиальные стихи). Но, с другой стороны, отметим и то, что греческий симпосий не нужно воспринимать исключительно в контексте культуры и быта, в полном отрыве от политики. Симпосий имел

⁷¹ Перечислены только прямые свидетельства. Похоже, есть и косвенные. Так, подозреваем, что во фрагменте F11 дочь Фемистокла названа «чужеземкой-афинянкой» по той причине, что речь шла о пребывании Фемистокла уже за пределами Афин, то есть о его знаменитом изгнании, приведшем его в конечном счете в Персию. Во фрагменте F10 подразумевается какой-то договор или договоры, но контекст утрачен. Не можем даже вполне исключать, что фрагмент F5 имеет какое-то отношение к описанию морской битвы (хоть это и маловероятно). Как бы то ни было, все такие спорные случаи мы в перечень не включили (для «чистоты эксперимента») и оставили в нем лишь безусловные.

⁷² *Katsaros A. Staging Empire and Other in Ion's Sympotica // Jennings V., Katsaros A. (eds). The World of Ion of Chios. Leiden; Boston, 2007. P. 217–240.*

и свое политическое измерение⁷³, и даже военное⁷⁴. Об этих его измерениях, конечно, здесь вряд ли уместно говорить сколько-нибудь подробно⁷⁵, но не учитывать их тоже нельзя. Тем более что симпосиасты Иона – это не какие-нибудь безвестные частные лица, а виднейшие государственные и военные деятели, представители высшей элиты, лидеры своих полисов.

Неизвестно, занимался ли сам Ион политикой (его сын, как мы видели выше, занимался, и очень активно). Но даже если и нет, он ею, во всяком случае, интересовался и имел совершенно определенные политические симпатии и антипатии⁷⁶. Из фрагментов его мемуаров ясно видно, что автор просто-таки восторгается Кимоном (F12, F13, F14, F15)⁷⁷. Очень одобрительное отношение он высказывает также к Софоклу (F6, F23), который был как раз близок к Кимону и Филаидам⁷⁸. С другой стороны, высказывания мемуариста о Фемистокле (F13) и особенно о Перикле (F15, F16) характеризуются откровенным негативизмом⁷⁹.

Сближение двух последних политиков как «антиподов» Кимона, полагаем, не случайно; между Фемистоклом и Периклом было ведь действительно немало общего. Перикл, хотя вроде бы не состоял ни в каком родстве с Фемисто-

⁷³ См., например: Stadter P. A. *Leading the Party, Leading the City: The Symposiarch as Politikos* // Ribeiro Ferreira J., Leão D., Tröster M., Barata Dias P. (eds). *Symposion and Philanthropia in Plutarch*. Coimbra, 2009. P. 123–130.

⁷⁴ Bowie E. *Miles Ludens? The Problem of Martial Exhortation in Early Greek Elegy* // Murray O. (ed.). *Sympotica: A Symposium on the Symposium*. Oxf., 1990. P. 221–229.

⁷⁵ Вообще говоря, греческий симпосий – отдельная огромная тема. Точнее, целый комплекс взаимосвязанных тем. Понимание этого в полной мере пришло с выходом этапного коллективного труда: Murray O. (ed.). *Sympotica: A Symposium on the Symposium*. Oxf., 1990. С тех пор литература о симпосиях льется, наверное, таким же потоком, каким лилось вино на этих пирах. Освин Меррей, «зачинатель» активного изучения этой темы, и по сей день не утратил интереса к ней (см. хотя бы его обобщающую статью: Murray O. *The Culture of the Symposion* // Raaflaub K. A., van Wees H. (eds). *A Companion to Archaic Greece*. Oxf., 2009. P. 508–523). Из изданий последнего времени применительно к симпосию см. еще один коллективный труд: Ribeiro Ferreira J., Leão D., Tröster M., Barata Dias P. (eds). *Symposion and Philanthropia in Plutarch*. Coimbra, 2009. На русском языке см. прежде всего переводную книгу крупнейшего французского специалиста по феномену симпосия: Луссаккаг Ф. *Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира*. М., 2008.

⁷⁶ В связи с дальнейшим см.: Geddes A. *Ion of Chios and Politics* // Jennings V., Katsaros A. (eds). *The World of Ion of Chios*. Leiden; Boston, 2007. P. 110–138.

⁷⁷ Суриков И. Е. *Античная Греция...* С. 195–196.

⁷⁸ См.: Суриков И. Е. *Эволюция религиозного сознания...* С. 267–268; *Он же*. *Очерки об историописании...* С. 395.

⁷⁹ Во фрагменте F6 Перикл противопоставлен положительному герою Софоклу, а стало быть, тоже «подан» скорее в негативном свете.

клом, во многих отношениях являлся его прямым политическим «наследником». Показательно, что фукидидовские характеристики Фемистокла (Thuc. I. 138. 2–3) и Перикла (Thuc. 65. 5–9) весьма схожи⁸⁰ и притом в высшей степени хвалебны. С другой стороны, развернутой характеристики Кимона у Фукидида вообще нет; историк явно недооценивает этого полководца и политика, несмотря на то что они-то как раз были родственниками (и Кимон, и Фукидид принадлежали к роду Филаидов).

У Иона же – всё наоборот. О Кимоне (эксплицитно противопоставляемом им, повторим, Фемистоклу и Периклу) он пишет много и любовно. Не вызывает сомнений, что Ион принадлежал к кружку интеллектуалов, сплотившемуся вокруг Кимона (этот кружок стал образцом для позже возникшего, но лучше известного «кружка Перикла»). Вращаясь в этой среде, он, следует полагать, общался не только с Софоклом, но и с Геродотом, а также со Стесимбротом Фасосским – автором, который своим трудом «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле» тоже внес вклад в складывание в Элладе биографического жанра⁸¹.

Надеемся, нам удалось показать наличие военно-политической составляющей в мемуарах Иона, привлечь к этому внимание, а большего вряд ли возможно и достичь в ограниченных рамках не очень большой статьи. Вкратце обозначенная здесь проблематика действительно нуждается в дальнейшем исследовании. Мы же в заключение отметим еще одну интересную особенность «Путешествий» – исключительную яркость, живость обрисовки характеров. Даже поразительно, что это было уже возможно на столь ранней стадии развития греческой прозы. Чего стоит хотя бы блистательная сценка с Софоклом на пиру (F6)! Точными, меткими штрихами запечатлен и портрет Кимона. Ион, несомненно, был очень талантлив, и утрата полного текста его воспоминаний – непередаваемо прискорбная потеря. Его герои, можно сказать, как будто сходят со страниц и встают перед нами. «Ни один другой грек, вплоть до Сократа, не изображен так живо»⁸².

⁸⁰ Ср.: Will W. Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003. S. 156, 186, 191.

⁸¹ О Стесимброте см.: Schachermeyr F. Stesimbrotos und seine Schrift über die Staatsmänner. Wien, 1965. Стесимброт, как и Ион, является фигурой недооцененной, заслуживающей более пристального к себе отношения.

⁸² Pickard-Cambridge A. W., Lucas D. W. Ion (2) // Hammond N. G. L., Scullard H. H. (eds). The Oxford Classical Dictionary. 2 ed. Oxf., 1976. P. 550.

ГРЕЧЕСКИЙ РОМАН И ГРЕЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ХАРАКТЕРА*

Роман¹ – самый поздний цветок на могучем древе древнегреческой культуры, распустившийся уже в последние столетия ее жизни, в пору нарастающего упадка. Самый поздний – но имевший великое будущее. Конечно, от незатейливых авантюрных повествований Харитона или даже Гелиодора до «романов-миров» Бальзака, Теккерея, Достоевского – «дистанция огромного размера». И тем не менее первый шаг к этим шедеврам был сделан.

Правда, иногда в исследовательской литературе можно встретить суждения такого рода: «Непрерывного развития жанра романа от античности до наших дней не было. Античный роман возник и завершил свое существование в античности. Современный роман, появление которого относят ко времени Возрождения, возник самостоятельно, по-видимому, вне влияния сложившихся форм античного романа»². Однако, на наш взгляд, в подобных случаях имеет место недооценка исторического значения античного романа, неспособность или нежелание увидеть те (порой действительно не столь уж и заметные) «ниточки», которые через эпоху средневековья связывают его с Новым временем.

Для уяснения истинного характера этих «ниточек», этой связи чрезвычайно полезна, в частности, прекрасная монография Е. М. Мелетинского о средневековом романе³. Кстати, из нее становится вполне ясным, что роман как жанр зародился вовсе не в эпоху Возрождения. Другое дело, что начиная с этой эпохи он действительно становится всё менее периферийным, всё более выходит в самый центр литературного процесса. Е. М. Мелетинский аргументированно показывает, как в XII веке, в эпоху «комниновского возрождения», под сильнейшим влиянием античного греческого возник византийский любовный ро-

* Впервые опубликовано в: Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 9. 2000. С. 22–28.

¹ Работа представляет собой текст доклада, прочитанного 28 января 1999 г. на XI Сергеевских чтениях в МГУ. Этим обстоятельством объясняются ограниченность аппарата примечаний и некоторая разговорность интонаций.

² Беркова Е. А., Стрельникова И. П. Введение. Краткий очерк изучения античного романа в зарубежном, русском и советском литературоведении // Античный роман. М., 1969. С. 30.

³ Мелетинский Е. М. Средневековый роман: Происхождение и классические формы. М., 1983. См. особенно с. 9 сл.

ман (Евмафий Макремволит, Феодор Продром, Никита Евгениан и др.), как он сменил форму прозаического повествования на стихотворную и уже в таком виде стал одним из источников средневекового западноевропейского – рыцарского и куртуазного – романа⁴. Ну а от последнего уже рукой подать и до Ренессанса.

И еще одна «ниточка» тянется от античного романа – но уже на Восток. Следы его влияния – в построении сюжета и его коллизий, в обрисовке действующих лиц и т. п. – обнаруживаются в великих произведениях средневековой ближневосточной литературы: в поэмах Низами, в «Витязе в тигровой шкуре» Руставели (не случайно Е. М. Мелетинский рассматривает их всецело в контексте истории романа). Иными словами, роль античного романа в истории мировой культуры трудно переоценить, настолько она значительна.

Ниже мы коснемся лишь одной небольшой, но, как нам кажется, немало важной проблемы, связанной с древнегреческим романом, – проблемы, которая ранее в недостаточной степени была предметом анализа и вызывала у исследователей в основном недоуменные вопросы. Но прежде всего следует очертить круг тех произведений, о которых пойдет речь. В целях максимальной репрезентативности выводов мы будем пользоваться материалом лишь любовных романов, то есть имеющих в основе сюжета традиционную (можно сказать, классическую) историю разлученных влюбленных, ищущих друг друга, претерпевающих разнообразные злоключения и в конце концов счастливо соединяющихся. К этой категории относятся следующие романы: «Херей и Каллироя» Харитона, «Габроком и Антия» Ксенофонта Эфесского (дошедший в несколько epitomированном виде), «Дафнис и Хлоя» Лонга (или анонимного автора⁵), «Левкиппа и Клитопонт» Ахилла Татия, «Эфиопика» Гелиодора и, очевидно, также «Вавилонская повесть» Ямвлиха, насколько можно судить о ее содержании по краткому пересказу патриарха Фотия в «Библиотеке» (оригинальный текст романа не сохранился). Все эти произведения имеют, несмотря на ряд различий, значительное сходство между собой и могут рассматриваться как некое единство.

За пределами нашего анализа останутся те романы, в которых любовная интрига не играет главной роли или вообще отсутствует и которые, таким образом, относятся к другим разновидностям того же жанра. Не касаемся мы романа сказочного и фантастического (анонимная «История Аполлония Тирского», сохранившаяся в латинском переводе, и «По ту сторону Фулы» Анто-

⁴ Характерно, что вначале сюжеты и герои этих романов (прежде всего во Франции) брались из античности, и только впоследствии на смену Александру и Энею пришли рыцари Круглого стола.

⁵ Как известно, есть мнение, что имя автора романа Λόγγος, стоящее в рукописях, представляет собой не что иное, как искаженное λόγος.

ния Диогена, о котором мы имеем представление по пересказу Фотия), романа философского («Жизнь Аполлония Тианского» Филострата), романа утопического (Евгемер, Ямбул), романа квазиисторического («Роман об Александре»⁶). По той же причине вне нашего внимания останутся римские романы. Ни в «Сатириконе» Петрония, ни в «Метаморфозах» Апулея любовная тема не является стержневой.

Но прежде чем мы перейдем к основной интересующей нас проблематике, невозможно не коснуться хотя бы в двух словах темы генезиса греческого романа, поскольку это будет иметь известное значение для дальнейшего изложения. Мы сознаем, что затрагиваем вопрос сложнейший и до сих пор окончательно не разрешенный. В историографии называлось очень большое количество литературных жанров и форм, которые могли послужить источниками романа. Среди них (перечисляем в произвольном порядке те жанры, которые, насколько нам известно, предлагались на эту роль) – эллинистическая любовная элегия, школьные риторические упражнения эпохи второй софистики, драма (в частности, трагедия Еврипида и новая аттическая комедия), эллинистическая историография, утопическая литература путешествий, буколическая идиллия, новелла, сократический диалог, мениппова сатира, эпистолография, мемуарная литература, эпос, мифология, мистериальные религиозные культы, ставшие известными грекам памятники древневосточной словесности и т. д., и т. п. Словом, считать источниками романа можно, наверное, все существовавшие к тому времени литературные жанры и роды – и, по большому счету, ошибки или противоречия не будет. Роман – феномен чрезвычайно сложный, многогранный, и на стадии его генезиса, безусловно, нашли себе место самые разнообразные влияния.

И всё же, если не считать греческий роман искусственно созданным жанром, в некий момент «слепленным» каким-то безвестным умельцем из разных кусков подручного материала; если, повторим, признавать роман сложившимся органически, то такое складывание должно было идти обычным путем, путем постепенного наслоения на определенное первичное ядро новых и новых напластований. Тут-то, конечно, нашлось место для элементов, заимствованных и из любовной элегии, и из буколики, и из историографии, и даже из эпоса. Но тем не менее какое-то, как мы сказали, первичное ядро, не обязательно самый главный, но самый *первый* источник романа должен был существовать. И выявить его с наибольшей вероятностью, как нам кажется, можно на уровне сюжета.

⁶ Некоторые ученые относят к этой же разновидности еще «Киропедию» Ксенофонта, которая ставится в таком случае, по крайней мере в отдельных своих частях, первым образчиком романа вообще.

Сразу оговорим, что речь здесь идет не о мифологических парадигмах, о которых в свое время так много и талантливо писала О. М. Фрейденберг⁷, находившая их едва ли не в каждом литературном произведении древности, средневековья и Нового времени. Архетипы такого рода проявляются, насколько можно судить, везде и всюду, но проявляются опосредованно. Нас же здесь интересует вполне конкретный процесс непосредственного генезиса романа, его зарождения из чего-то, что романом не являлось.

На наш взгляд, на роль этого первичного источника романа в наибольшей степени может претендовать драма, а именно новая аттическая комедия – жанр, бывший в эпоху эллинизма чрезвычайно популярным (вплоть до того, что он распространился даже на римскую почву, где, как известно, вызвал большое количество подражаний). Для сюжетной структуры этих драм характерны несколько достаточно устойчивых элементов, «перекочевавших» впоследствии из них в роман. Утрата и поиски; похищение разбойниками; подбрасывание младенцев; знаменитое «узнавание» (*ἀναγνώρισις*) – эти совершенно неотъемлемые черты новой комедии можно встретить практически в любом любовном романе. Добавим к сказанному и такой факт. Слово «роман», как все знают, позднейшего происхождения; в самой античности этот жанр не имел еще устоявшегося наименования. Его образчики могли, например, называть *λόγος* (рассказ), *διήγημα* (повествование) и т. п. Но, пожалуй, чаще всего первые европейские романы фигурируют в упоминаниях о них под названием *τὸ δράμα* или *τὸ δραματικόν*, что, думается нам, должно уже о чем-то говорить.

Теория «драматического» происхождения романа, конечно же, отнюдь не нова; она уже и ранее неоднократно выдвигалась в исследовательской литературе⁸. Что же касается конкретного механизма этого генезиса, то здесь мы во многом солидарны с теми авторами, которые считают, что пересказ сюжетов комедий в форме так называемых прогимнасмат или ипотез (о некоторых образцах последних сохранились упоминания в источниках) образовывал основную сюжетную структуру любовного романа⁹. На наш взгляд, огромный интерес широкой образованной публики эллинистического времени к перипетиям сюжетов комедий побуждал риториков второго порядка (те из греческих романистов, о которых хоть что-то известно, были людьми именно такого статуса) писать романы «по мотивам» этих драм. Аналогичное явление мы можем

⁷ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978; Она же. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.

⁸ Обзор концепций происхождения романа см.: Кузнецова Т. И. Состояние изучения греческого романа в современном зарубежном литературоведении // Античный роман. М., 1969. С. 365–402.

⁹ Для романа квазиисторического аналогичную роль, видимо, играли школьные рассказы на исторические темы.

в изобилии наблюдать и в наши дни, когда пишутся и пользуются большой популярностью романы по мотивам фильмов и сериалов.

Теперь же мы можем обратиться к основной проблеме настоящей статьи. Чтобы очертить ее, приведем несколько цитат из современной историографии. Крупнейший отечественный специалист по античному роману С. В. Полякова пишет по поводу романа Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт»:

Традиционную идеализированную пару он (Татий. – *И. С.*) заменяет новой, вместо идеального героя выводит «антигероя» Клитофонта, слабого и жалкого. Достаточно сказать, что его неоднократно бьют, причем намеренно избраны наиболее унижительные формы расправы...¹⁰

Итак, «слабый и жалкий» герой, герой, мы бы сказали, бесхарактерный; герой – игрушка обстоятельств, в котором, на наш современный взгляд, нет ничего героического, ни одной яркой, привлекающей внимание черты. Герой Татия пассивен, бездеятелен, склонен к панике и слезам. С. В. Полякова поясняет подобное положение дел, считая, что «Левкиппа и Клитофонт» – роман иронический, пародийный. Но, на наш взгляд, тезис о пародийности этого произведения сам еще нуждается в доказательствах, а потому с его помощью нельзя что-то убедительно объяснить.

К тому же, как мы сейчас увидим, главные мужские герои и других дошедших романов, которые никто не считает пародийными, мало чем отличаются от «бесхарактерного» Клитофонта. Приведем лишь несколько взятых почти наугад цитат.

О «Херее и Каллирое» Харитона: «Второстепенные лица, стоящие рядом с обоими главными персонажами, часто изображены более яркими чертами, чем они. Так... главного героя Херея автор рисует весьма примитивно мыслящим и довольно стандартным персонажем». Херей – «бледная безжизненная фигура, лишенная всякой индивидуальности... Херей также любит проливать слезы»¹¹.

О романе Ксенофонта Эфесского: «Что же касается Габрокома, то он обрисован в самых общих чертах и лишен индивидуальности»¹².

Об уже упоминавшемся романе «Левкиппа и Клитофонт»: «Главный герой Клитофонт не лишен черт, более подходящих для бытовой комедии, чем для романа...» Он наделен «исключительными внешними данными», но в то же

¹⁰ Полякова С. В. Об античном романе // *Ахилл Татий. Левкиппа и Клитофонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний. Сатирик. Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел.* М., 1969. С. 8.

¹¹ Беркова Е. А. Греческий любовный роман. Харитон. Ксенофонт Эфесский. Ахилл Татий // *Античный роман.* М., 1969. С. 45, 49, 50.

¹² Там же. С. 56–57.

время отнюдь не отличается «высокими нравственными качествами». «Герои, как правило, не действуют, а декламируют и рассуждают о чувствах и страстях. Наиболее яркими и живыми фигурами являются» некоторые второстепенные персонажи¹³.

О «Дафнисе и Хлое» Лонга:

Этот роман отличается... наличием многочисленных психологических рассуждений, вполне уместных для столь пассивных героев. Особенно это выявляется в характере Дафниса, совершенно не способного бороться ни за себя, ни за любимую девушку, а лишь льющего слезы... Герои Лонга лишены яркой индивидуальности¹⁴.

О «Вавилонской повести» Ямвлиха:

Родан (главный герой. – *И. С.*) почти никак не очерчен, это безликая фигура. Ни о его уме, ни о его духовных качествах читатель не вынесет ни малейшего впечатления. Вся роль его фактически сведена к тому, чтобы связывать в единое целое всех остальных действующих лиц. Зато наделен многими добродетелями положительного героя второстепенный персонаж романа Сорех... Герои чаще всего становятся лишь объектами приключений¹⁵.

Об «Эфиопике» Гелиодора: «Феаген (главный герой. – *И. С.*) – не только безупречный герой, но и безвольный, легко впадающий в панику и проливающий слезы молодой человек, что колоритно контрастирует с его ахилловской внешностью»¹⁶.

Кстати, об этих пресловутых слезах (мы просим прощения у читателя за небольшое отступление). В статье о Вергилии С. В. Шервинский считает Энея в изображении римского поэта (а, как известно, Эней в римской традиции – герой *par excellence*) лишенным героических черт. Аргумент в пользу этого парадоксального мнения: «Для читателя неубедительно, что Эней – здоровый, сильный мужчина – столь часто проливает слезы»¹⁷. Однако приведем лишь несколько аналогичных примеров, правда, относящихся не к эпохе античности, но, как нам кажется, показательных. Руставелиевский «витязь в тигровой шкуре» Таризл – герой из героев, выходящий на единоборство с дикими

¹³ Беркова Е. А. Греческий любовный роман... С. 69, 73.

¹⁴ Беркова Е. А. Буколический роман Лонга // Античный роман. М., 1969. С. 81, 89.

¹⁵ Кузнецова Т. И. Любовно-фантастический роман. Антоний Диоген. Ямвлих // Античный роман. М., 1969. С. 182, 183.

¹⁶ Зембатова Н. П. Роман Гелиодора «Эфиопика» и его место в истории жанра // Античный роман. М., 1969. С. 104.

¹⁷ Шервинский С. В. Вергилий и его произведения // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971. С. 19.

зверями и ударом бича повергающий в бегство целые отряды воинов, – почти постоянно изображается автором в слезах. Стало быть, между слезами и героизмом нет столь уж непреодолимого противоречия. Таризл пассивен, почти ничего не предпринимает по ходу действия. Гораздо более активен и деятелен второй (уже не главный) герой поэмы – Автандил, который поэтому производит на современного читателя – подчеркиваем, на современного! – более яркое впечатление и внушает ему большую симпатию.

Другой пример – небольшой анонимный французский роман XIII века «Окассен и Николетта», кстати, по мнению исследователей, наиболее близкий из средневековых произведений этого жанра к греческой романической традиции¹⁸. Его герой Окассен – бесстрашный рыцарь, отличающийся громадной силой, — тоже все время плачет, находясь в разлуке с любимой, и практически ничего не делает, дабы воссоединиться с ней, улаживает же всё, как водится, прихотливая судьба. Следует признать, что слезы героя – феномен весьма интересный и своеобразный. Порой создается впечатление, что именно герой-то и плачет, что это как бы его прерогатива¹⁹. Заметим, что существует немало исследований по смеховой культуре различных эпох. А не будет ли перспективным провести аналогичное исследование культуры слез? Кажется, в его результате удалось бы установить много интересного и даже неожиданного.

Но вернемся к образу главного героя в античном греческом романе. Подытоживая приведенные выше наблюдения, об этом герое можно сказать следующее. Он неяркий, безлик, лишен индивидуальности. Он пассивен, бездеятелен, слаб и зачастую едва ли не жалок. Уже более яркими и запоминающимися чертами обычно характеризуется его возлюбленная – главная женская героиня романа. И еще более полнокровно и жизненно обрисованы, как ни странно, второстепенные персонажи; некоторые из них за счет этого, повторим, вызывают у нынешнего читателя большую симпатию.

Так, в «Эфиопике» на фоне Феагена явно выигрывает его спутник Кнемон. Он тоже добр, великодушен, благороден, но есть у него мастерски обрисованная автором черточка – он трусоват. Кажется, черточка не самая привлекательная, но – вот парадокс – она делает Кнемона более индивидуальным, более понятным нам, более, мы бы сказали, человечным. А главный герой романа – будь то Феаген, Херей, Габроком – может быть определен как бесхарактерный. В этом все цитированные нами исследователи сходятся, и в этом они совершенно правы. А вот объяснить, истолковать этот феномен им сколько-нибудь адекватно не удалось.

¹⁸ Михайлов А. Д. Роман и повесть высокого средневековья // Средневековый роман и повесть. М., 1974. С. 27–28.

¹⁹ Разве не парадигматичен гомеровский Ахилл для складывания образа героя вообще? А между тем Ахилл рыдает с Приамом в заключительной сцене «Илиады».

В попытке такого истолкования обратимся к одной небольшой, но весьма знаменательной книжечке, появившейся на рубеже классической и эллинистической эпох и принадлежавшей перу выдающегося ученого Феофраста, alter ego Аристотеля и его преемника по руководству Ликеем. Мы имеем в виду его всем известные «Характеры» (Χαρακτῆρες, или, чуть точнее, Ἠθικὰ χαρακτῆρες, т. е. «Нравственные характеры»)²⁰. Это сочинение Феофраста оказало очень большое влияние на обрисовку характеров в новой аттической комедии, а, стало быть, опосредованным образом и в романе.

Интересна следующая черта труда Феофраста. Среди перечисленных и описанных им характеров (всего их тридцать) можно встретить такие, как лстец (κόλαξ), невежа (ἄροικος), болтун (λάλος), бесстыдник (βδελυρός), тупица (ἀναίσθητος), грубиян (αὐθάδης), грязнуля (δυσχερής), скупец (ἀνελεῦθερος), хвастун (ἀλαζών), трус (δειλός), подлец (φιλοπόνηρος)... Но при всем желании мы не обнаружим у него характеров смелого, щедрого, скромного, порядочно-го, умного, честного – ни единого положительного характера. Иными словами, во всех феофрастовских характерах за основу взята какая-то *негативная* черта. Положительных характеров как бы *не существует* – для Феофраста, как видимо, и вообще для греческого мировоззрения. То есть положительные люди, конечно, существуют, вот только характерами они не являются.

Здесь нам кажется уместным напомнить об исконном, первичном значении греческого слова χαρακτήρ. Это существительное является производным от глагола χαράσσειν, обозначающего «царапать, чертить, вырезать». Χαρακτήρ – это некий «запечатлитель». В частности, важнейшее техническое значение данного слова, актуальное для всей античной эпохи и прекрасно известное нумизматам, — штемпель для чеканки монет.

Возьмем на себя смелость утверждать, что и в этическом смысле χαρακτήρ представлял собой нечто подобное. И Феофрастом, и любым древним греком – в том числе и авторами романов – χαρακτήρ сознательно или бессознательно воспринимался как определенного рода штамп, отпечаток, накладываемый на чистый, незамутненный человеческий облик. Бывают χαρακτήρ'ы чисто физические – это различные уродства. Хромой, кривой, горбатый – люди с χαρακτήρ'ом. Но бывают также χαρακτήρ'ы нравственные, этические. Это тоже в некотором смысле уродства, отклонения от совершенства: трусость, болтливость, скупость и т. п. Совершенно прекрасный, нормативный человек, καλὸς κάγαθός, сохранивший в абсолютной неиспорченности свой изначальный облик, – такой человек χαρακτήρ'а не имеет.

²⁰ Нет единого мнения, дошел до нас подлинный полный текст этого произведения или сделанная кем-то эпитама более обширного труда. Но для рассматриваемого нами вопроса это не имеет принципиального значения.

Вспомним классическую греческую скульптуру. В ее произведениях видно тщательное стремление авторов затушевать, скрыть любую индивидуальную черту, любой признак *χαρακτήρ*'а. Почти хрестоматийен случай с Периклом. Афинский олимпиец имел несколько вытянутую, «лукообразную» форму головы. Для нас в этом нет ничего экстраординарного, напротив – мы и рады были бы увидеть Перикла таким, каким он был. Однако нам этого не суждено. Скульптор Кресилай, ваявший портрет Перикла, намеренно изобразил его в шлеме, дабы скрыть эту индивидуальную черточку. Иначе перед зрителями оказался бы не герой, а *χαρακτήρ*, а этого представитель классического греческого мировоззрения допустить не мог. Точно так же поступали не только с физическими, но и с психическими, нравственными особенностями людей.

Аналогичную картину встречаем мы в классической греческой драме. Трагический герой не запечатлен *χαρακτήρ*'ом. Эсхилковский Орест или софокловский Эдип, в сущности, не имеют индивидуализирующих, личностных черт. Но где можно увидеть настоящее обилие последних – так это в комедии, например у Аристофана. Там что ни персонаж – то *χαρακτήρ*: бог Дионис – трус и хвастунишка, Клеон – наглый грубиян, Сократ – ученый шарлатан, Еврипид – воплощение целого ряда качеств, впоследствии описанных Феофрастом...

Феофраст как бы канонизировал этот перечень качеств, который стал едва ли не руководством к действию для авторов Новой комедии, а впоследствии и для романистов, у которых также очень немало «характерных» действующих лиц. Положительный же герой в романе *χαρακτήρ*'ом не становится: позитивный *χαρακτήρ* невозможен, поскольку, повторим, это некая «проштампованная» черта, удаляющая ее носителя от идеала, от образца, от нормы.

Интересно, что идеальный классический герой, герой без *χαρακτήρ*'а, как правило, пассивен, покоен, созерцателен. Хорошо известно, что греческая мысль всегда ценила покой и созерцание выше, нежели деятельность. Активная деятельность (*πολυπραγμοσύνη*, *περιεργία*) расценивалась греками скорее опять же как черта негативная, как некая «суетливость», поскольку она противоречила автаркии – этой горделивой самодостаточности, когда нет нужды уже ни в чем, в том числе и в каких-либо действиях. Правда, здесь мы выходим на сложнейшую и еще малоисследованную проблему соотношения категорий покоя и движения в греческом менталитете. Не будем подробно касаться этой темы – она увела бы нас слишком далеко. Но во всяком случае не подлежит сомнению, что автаркия для эллинов всегда была и оставалась идеалом. Нормативный герой автаркичен, к нему нечего прибавить. И, будучи автаркичным, он не действует – он страдает, *πάσχει*.

Сказанное относится, безусловно, лишь к идеальному мужскому герою. С героинями уже сложнее. Женщина для греков – существо во многом маргинальное, порой едва ли не до inferнальности. Она принадлежит скорее к миру

Хаоса, чем к упорядоченному мужскому Космосу²¹. Женщина принципиально не автаркична; она снедаема страстями, которые господствуют у нее над разумом. Женщина не нормативна и не может быть нормативной. Поэтому образы героинь в греческой литературе всегда гораздо сложнее, нежели образы героев, особенно начиная с Еврипида (достаточно вспомнить его Медею или Федру).

В романе – этом «итоговом» жанре древнегреческой словесности – мы и встречаем положение, ставшее результатом реализации вышеназванных парадигм. В центре – автаркичный герой, который не действует, а страдает, который абсолютно не индивидуализирован и от всего этого кажется нам неярким и слабым. Рядом с ним – героиня, образ уже гораздо более индивидуальный (точнее, более характерный) и, главное, гораздо более активный. А вокруг заглавной пары – пестрый мир второстепенных персонажей, помощников или противников героя, и они уже действительно (как и в Новой комедии) представляются нынешнему читателю более яркими, поскольку они насквозь характеристичны.

В двух словах подведем итог всему сказанному. Идеальный, автаркичный герой греческой классики не несет на себе отпечатка χαρακτήρ'а. Он, так сказать, «бесхарактерен». В эпоху эллинизма и особенно позднего эллинизма, то есть в века создания первых романов, вся проблематика литературы мельчает. Мельче становится и герой – из «бесхарактерного» он превращается в бесхарактерного.

²¹ См. интересный анализ отношения к женщинам в Древней Греции в работе: *Just R. Women in Athenian Law and Life*. L.; N. Y., 1989, особенно p. 217 ff.

«СОЛОН» ПЛУТАРХА: НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ*

Как известно, в начале своей научной деятельности С. С. Аверинцев наиболее углубленно занимался проблемами творчества Плутарха. Этой тематике была посвящена его кандидатская диссертация, из которой впоследствии выросла известная книга¹. Немаловажно и то, что в статьях Сергея Сергеевича, публиковавшихся на страницах «Вестника древней истории», речь тоже шла по большей части именно о различных аспектах наследия херонейского биографа.

Поэтому представляется уместным, чтя память безвременно ушедшего из жизни великого русского ученого, рассмотреть в рамках данного небольшого очерка один из «плутарховских» сюжетов. Сразу необходимо оговорить, что мы отнюдь не имеем намерения в каком бы то ни было отношении «конкурировать» с С. С. Аверинцевым, прекрасно сознавая, что на этом исследовательском поле равных ему не было и нет, во всяком случае в отечественной историографии. Статья будет написана, так сказать, в иной плоскости, с точки зрения не филолога, а историка, и, соответственно, труд Плутарха будет интересоваться нас прежде всего как исторический источник.

Нам хотелось бы привлечь внимание к некоторым аспектам (большого не можем позволить себе в рамках краткой статьи) жизнеописания Солона² – произведения, которое вызывает интерес по целому ряду причин. Во-первых, герой биографии – один из самых замечательных представителей античной цивилизации³, уникальный по силе и яркости, разносторонности и одновременно

* Впервые опубликовано в: ВДИ. № 3. 2005. С. 151–161.

¹ Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М., 1973.

² Эта биография, естественно, входила в состав всех полных изданий Βίοι παράλληλοι. Кроме того, имеется и ее отдельное, относительно недавнее издание: *Plutarcho. La vita di Solone* / A cura di Manfredini M., Piccirilli L. Roma, 1977. Особенно интересен весьма детальный комментарий к произведению, составленный видным итальянским антиковедом Л. Пиччирилли (с. 107–286). Из недавних работ о биографии Солона см. также: *Ruschenbusch E. Plutarchs Solonbiographie* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 100. 1994. S. 351–380. Из последних работ о Плутархе в целом см.: *Lamberton R. Plutarch*. New Haven, 2001.

³ Интересно, что Плутарх, насколько можно судить, не смог подобрать Солону достойного визави среди римлян. Вообще легко заметить, что плутарховские «пары» отнюдь не равноценны по степени удачности выбора. В одних случаях автор, что называется, «по-

гармоничности⁴ своей личности: законодатель и мудрец, поэт⁵ и путешественник, воин и дипломат, помимо всего прочего – крупнейшая фигура в среде афинской политической элиты, первый в длинном ряду «отцов-основателей» классической демократии⁶.

Во-вторых, биография Солона занимает, как нам представляется, особое место в плутарховском сборнике сравнительных жизнеописаний. Она находится, если можно так выразиться, на стыке легенды и истории. Поясним свою мысль. Биографии, составляющие Βίοι παράλληλοι, можно достаточно четко разделить на две категории в отношении историчности содержащегося в них материала. С одной стороны, некоторые из них всецело или в основном окрашены в мифологические тона; миф как бы «мимикрирует» под историю. Собственно, именно это говорит в данной связи сам автор: «Я бы хотел, чтобы сказочный вымысел подчинился разуму и принял видимость настоящей истории (λόγῳ τὸ μυθῶδες ὑπακοῦσαι καὶ λαβεῖν ἱστορίας ὄψιν)» (Plut. Thes. 1; перевод С. П. Маркиша). К этой категории относятся жизнеописания Тесея и Ромула⁷, в значительной степени – Ликурга и Нумы, отчасти – Публиколы, Кориолана, Камилла. Тексты такого рода представляют интерес главным образом как источники по формированию соответствующих традиций. Для изучения собственно событийной (в частности, политической) истории они мало что дают.

Другая категория включает в себя подавляющее большинство биографий Плутарха. В них рассказывается о лицах вполне историчных (и к тому же весь-

пал в десятку» (Демосфен и Цицерон, Никий и Красс, Деметрий и Антоний), в других же параллель явно не может удовлетворить читателя, выглядит искусственной (Перикл и Фабий Максим, Алкивиад и Кориолан, Аристид и Катон Старший). Неудачно и сопоставление такой яркой личности, какой был Солон, с довольно бледной и невыразительной фигурой Публиколы. Но вряд ли следует винить в этом Плутарха: лучшей альтернативы у него все равно не было. Римская история не имела своего Солона, и в этом, может быть, одна из причин того, что она пошла совершенно иными путями, нежели афинская. Есть мнение, что мысль сравнить Солона именно с Публиколой возникла у Плутарха под влиянием чтения политических трактатов Цицерона (в частности, *De leg.* II. 58 sqq.); см.: *Affortunati M., Scardigli B. Aspects of Plutarch's Life of Publicola // Plutarch and the Historical Tradition. L.; N. Y., 1992. P. 110.*

⁴ О категории гармонии в деятельности Солона см.: *Zunino M. L. Ὁμοῦ βίαν τε καὶ δίκην ξυναρμόσας: Solone e la creazione della giustizia // Klio. Bd. 86. Ht. 1. 2004. P. 5–15.*

⁵ Между прочим, первый афинский поэт (*Knox B. M. Literature // Athens Comes of Age: From Solon to Salamis. Princeton, 1978. P. 43.*)

⁶ К общей оценке личности Солона см.: *Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 55 сл. (со ссылками на важнейшую литературу вопроса).*

⁷ А также, несомненно, жизнеописание Геракла; оно не дошло до нас, но о его существовании упоминает сам Плутарх (Thes. 29).

ма известных), чья жизнь и деятельность достаточно подробно и достоверно освещена в сочинениях иных античных авторов. И уже в силу этого сведения, сообщаемые Плутархом – писателем, как-никак, довольно поздним, неизбежно несут на себе отпечаток некоторой «вторичности». Если ограничиться для примера греческой частью биографического цикла, можно отметить, что Плутарх, бесспорно, приводит ряд немаловажных деталей, скажем, о Фемистокле или Перикле, Алкивиаде или Демосфене. Но в то же время, если представить, что его «Сравнительные жизнеописания» не сохранились бы, пробелы в наших знаниях об этих деятелях были бы, конечно, прискорбными, но не фатальными. Ведь есть труды Геродота, Фукидида, Ксенофонта, речи Демосфена, Эсхина и др.; одним словом, есть широкий спектр ценнейших, современных эпохе источников о политической жизни классической Греции, и без Плутарха ее исследование было бы все-таки возможным⁸.

Но вот с жизнеописанием Солона, повторим, дело обстоит особым образом. История архаических Афин рубежа VII–VI вв. до н. э., основные моменты солоновских реформ – всё это освещено в других нарративных памятниках, имеющихся в нашем распоряжении (за единственным исключением, о котором будет упомянуто чуть ниже), совершенно неудовлетворительно. Соответственно, данные Плутарха получают, без преувеличения, неопределимое значение. Написанная им биография Солона является одной из двух главных сокровищниц информации по этим сюжетом (второй – «Афинская политика» Аристотеля)⁹. Любое изучение судьбоносных для афинского полиса политических и социально-экономических преобразований 594 г. до н. э. возможно ныне только через комбинацию материала этих двух источников. Этим создается как бы «стержень» аутентичных фактов, на который уже можно «наносить» все прочие сведения.

В-третьих, биография Солона интересна и характерна в том отношении, что в ней очень четко и выпукло предстают основные особенности тех мето-

⁸ Нельзя отрицать, что в некоторых случаях Плутарх сохранил для нас более точную или более полную информацию, чем даже великий Фукидид. Это, например, убедительно показано (на примере перипетий истории Пентеконтаэтии) в книге: *Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia*. Baltimore, 1993. Так, если бы не Плутарх, мы вообще ничего не знали бы о понтийской экспедиции Перикла: Фукидид о ней умалчивает. И все же это именно лишь отдельные частные случаи, можно сказать, исключения, а не норма.

⁹ Строго говоря, есть еще одна биография Солона, принадлежащая перу Диогена Лаэртского (*Diog. Laert.* I. 45–67). Но этот краткий компилятивный очерк, составленный без всякого желания углубиться в сложные солоновские проблемы, избоблюющий грубыми фактическими ошибками и ссылками на откровенные фальсификаты, никак нельзя назвать информативным источником.

дов анализа, подбора и изложения фактов, которыми руководствовался Плутарх в своей работе¹⁰. Специфика этих методов во многом обусловлена тем, что интересующий нас автор, занимаясь сюжетами вполне историческими, при этом принципиально позиционировал себя не как историк, а как биограф и моралист¹¹. Создается впечатление, что этот добропорядочный любитель спокойной семейной жизни и тихих, пристойных застольных бесед¹², несмотря на все свое неприятие какого бы то ни было эпатажа, писал некоторые вещи прямо-таки в пику представителям античной исторической науки. Следы осознанной рефлексии Плутарха по поводу своей методологии наиболее наглядно обнаруживаются в известном пассаже, открывающем биографию Александра Македонского: οὐτε γὰρ ἱστορίας γράφομεν, ἀλλὰ βίου, κτλ. (Plut. Alex. 1).

Но если этот пассаж неоднократно анализировался и дискутировался в историографии, то значительно реже обращалось внимание на еще одно очень характерное место, в котором Плутарх пусть имплицитно, но тем не менее с предельной ясностью противопоставляет себя историкам – именно с методологической точки зрения. Это место содержится как раз в жизнеописании Солона (Plut. Sol. 27) и заслуживает того, чтобы процитировать его полностью (в переводе С. И. Соболевского).

Речь идет об одном из самых хрестоматийных эпизодов во всей античной топике – встрече Солона в Сардах с лидийским царем Крезом. Зафиксированная преданием уже со времен Геродота (I. 29–33)¹³, эта встреча, однако, как прекрасно понимали уже наиболее ответственные древнегреческие ученые, никак не могла иметь места в действительности по той простой причине, что

¹⁰ Об исследовательских методах Плутарха см.: *Pelling C. B. R. Plutarch and Thucydides // Plutarch and the Historical Tradition. L.; N. Y., 1992. P. 10–40.*

¹¹ См. по этому поводу в статье С. С. Аверинцева, которая, кажется, стала последней по времени опубликования из его специальных работ о Плутархе: *Аверинцев С. С. Добрый Плутарх рассказывает о героях, или Счастливый брак биографического жанра и моральной философии // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. Т. 1. 2-е изд. М., 1994. С. 637–653. В целом о специфике античного биографического жанра см.: Dihle A. Zur antiken Biographie // *Entretiens sur l'antiquité classique*. Vol. 44. 1997. P. 119–140.*

¹² Некоторые произведения Плутарха, особенно относящиеся к симпозиальному жанру, как будто вдохновлены известными словами Солона (fr. 3. 9–10 Diehl): παρούσας εὐφροσύνας κοσμεῖν δαίτῳ ἐν ἡσυχίῃ. О «симпозиальном духе» у Солона см.: *Noussia M. Solon's Symposium // Classical Quarterly*. Vol. 51. No. 2. 2001. P. 353–359.

¹³ *Fehling D. Herodotus and his 'Sources'. Leeds, 1989. P. 211; Visser E. Herodots Kroisos-Logos: Rezeptionssteuerung und Geschichtsphilosophie // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. Bd. 24. 2000. S. 5–28; Bichler R. Herodots Welt. B., 2001. S. 247; Rhodes P. J. Herodotean Chronology Revisited // *Herodotus and his World*. Oxf., 2003. P. 64.*

Крез стал царем спустя долгое время после того, как Солон посетил Лидию¹⁴. Вот что пишет по этому поводу Плутарх:

Что касается свидания Солона с Крезом, то некоторые авторы на основе хронологических соображений считают доказанным, что это вымысел. Однако это предание, как известно, засвидетельствовано столькими лицами и, *что еще важнее, так соответствует характеру Солона, так достойно его высокого образа мыслей и мудрости*, что я не решаюсь отвергнуть его из-за каких-то «хронологических сводов» (χρονικοῖς τισι λεγομένοις καὶόσιν), которые уже тысячи ученых исправляли, но встречающихся в них противоречий до сих пор не могут согласовать (курсив наш. – И. С.).

Если называть вещи своими именами, перед нами, в сущности, некая апология своеобразного «хронологического нигилизма». Коль скоро конкретные даты всегда остаются предметом дискуссий, а в то же время гораздо важнее поучительность повествования и пресловутое «соответствие характеру» (в античном понимании)¹⁵ – это должно оправдывать принципиальное пренебрежение любой скрупулезностью в области хронологии. Такая скрупулезность биографу просто не нужна, идет ли речь о хронологии абсолютной или даже относительной. Вывод для исследователя очевиден: ввиду практикуемого Плутархом сознательно отрывочного характера изложения его жизнеописания редко когда могут быть использованы для сколько-нибудь точного решения дискуссионных хронологических вопросов. В том числе и расстановка описываемых событий в правильной последовательности, как правило, требует корректив посредством привлечения независимых данных и текстуально-критических соображений.

Вот, в частности, в каком порядке Плутарх описывает важнейшие деяния Солона, имевшие место до его архонтата и реформ: Солон, притворившись сумасшедшим, инициирует возобновление войны с Мегарами за Саламин (Plut. Sol. 8) – афинский отряд под командованием будущего законодателя захватывает спорный остров, причем плечом к плечу с Солоном действует Писистрат (Ibid. 8–9) – принадлежность Саламина выносится на арбитраж Спарты и усилиями Солона афинские притязания получают признание (Ibid. 10) – Солон выступает в роли советника Дельфийской амфикистии в ходе Первой

¹⁴ По поводу всего этого эпизода см.: Суриков И. Е. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 72–79. Мы не исключаем, что афинский мудрец мог встречаться и беседовать с Крезом в бытность последнего наследником престола. Но разговор Солона и *царя* Креза, как его передают Геродот и вслед за ним другие писатели, заведомо неисторичен.

¹⁵ Об этом понимании см.: Суриков И. Е. Греческий роман и греческое понимание характера // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 9. 2000. С. 22–28.

Священной войны (Plut. Sol. 11) – он убеждает Алкмеонидов предстать перед судом, по приговору которого этот род подвергается изгнанию из Аттики (Ibid. 12) – по приглашению Солона в Афины прибывает критский чудотворец Эпименид для совершения культового очищения полиса и проведения преобразований в сфере религиозной жизни (Ibid. 12) – в Аттике формируются три региональные группировки (диаκριи, педиеи и паралии), что ведет к обострению политической борьбы (Ibid. 13) – в обстановке смуты Солон избирают первым архонтом и посредником-примирителем, причем в этот момент приверженцы предлагают ему установить тиранию, от чего мудрец с благородным возмущением отказывается (Ibid. 14).

Перед нами пестрый kaleidoscope фактов, и практически каждый из них, взятый в отдельности, несомненно, имел место. Но вот последовательность этих событий, как она предстает у Плутарха, лишь мало в чем соответствует действительности, а в основном являет собой продукт большой путаницы¹⁶. Если начало войны с Мегарами и занятие Саламина датируются временем около 600 г. до н. э., то окончание этой войны третейским судом следует относить уже к 560-м гг.¹⁷ И Писистрат действовал в качестве полководца на завершающем этапе данного вооруженного конфликта, а не тогда же, когда и Солон. Далее, суд над Алкмеонидами состоялся существенно раньше, около 615 г. до н. э., и Солон вряд ли был к нему непосредственно причастен¹⁸. С деятельностью законодателя следует связывать, напротив, возвращение Алкмеонидов из изгнания; именно в этом смысле трактуется солоновский закон об амнистии (Plut. Sol. 19)¹⁹. В контексте мер, связанных с амнистией осужденных за религиозные преступления, необходимо рассматривать и миссию Эпименида, которая, кстати, имела место, во всяком случае, не после Первой Священной

¹⁶ К установлению правильной последовательности см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 36 сл.

¹⁷ Об этой войне см.: Legon R. P. Megara. The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca, 1981. P. 104 ff.; Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 247 сл.

¹⁸ В «Афинской политике» Аристотеля – более верная хронологическая перспектива: в ней изгнание Алкмеонидов (Arist. Ath. pol. 1) и деятельность Солон (Ibid. 5 sqq.) не ставятся ни в какую связь друг с другом.

¹⁹ Закон, несомненно, аутентичен. Плутарх не только цитирует его дословно (ὀνόμασι), но и в целом ссылается на него с такой точностью и конкретностью, какая только была возможна, даже указывая – крайне редкий случай в традиции – его номер (8-й закон 13-го аксона). См. по поводу этого закона и его значения для общей оценки достоверности традиции о солоновском кодексе: Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966. S. 5 ff.

войны²⁰. Возникновение региональных группировок в Аттике – факт уже послесолоновского времени. Педиеи и паралии появились не ранее 470-х гг. до н. э.²¹, диакрии – еще на десятилетие позже²². Наконец, проект тирании Солона относится скорее не к началу, а к концу его архонтата, когда судьба реформ, в краткосрочной перспективе не удовлетворивших большинство граждан, была в опасности и вставал вопрос о возможности чрезвычайных мер для обеспечения преемственности политической линии²³.

Всё сказанное может произвести удручающее впечатление, даже породить серьезные сомнения в ценности плутарховой биографии Солона как источника. Сомнения эти, однако, вряд ли будут оправданными. Действительно, хронология, повторим, далеко не самое сильное место Плутарха. Но у этого автора есть другие многочисленные достоинства. Прежде всего следует назвать в данной связи его колоссальную эрудицию. В распоряжении херонейского биографа находилось огромное количество сочинений – как исторического, так и иных жанров, – написанных в предшествующие века (значительная часть этих сочинений нам уже недоступна), и он активно пользовался находившимся в них богатым материалом (правда, отнюдь не всегда давая корректные ссылки, но делая это все же чаще, чем, например, Диодор).

Говоря конкретно о жизнеописании Солона, следует отметить, что и оно основано на широком спектре источников, в том числе весьма ранних и аутентичных. Так, автор использовал стихотворения самого Солона, в том числе его большие политические элегии, которые входят в число наиболее информативных текстов, созданных в Греции архаической эпохи²⁴. Собственно, мно-

²⁰ Однако совершенно неоправданной представляется гиперкритическая позиция тотального отрицания участия Афин в этой войне (как, например, в работе: *Tausend K. Amphiktyonie und Symmachie: Formen zwischenstaatlichen Beziehungen im archaischen Griechenland*. Stuttgart, 1992. S. 164 ff.).

²¹ Еще в связи с узурпацией Дамасия (582–580 гг. до н. э.) эти группировки никак не упоминаются.

²² Не можем при этом согласиться с мнением, согласно которому никакой группировки диакриев вообще не существовало, что это – фикция политической пропаганды V в. до н. э. (*Lavelle B. M. The Sorrow and the Pity. A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids*, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993. P. 99).

²³ В конечном счете эта преемственность была достигнута более легитимным путем: удалось добиться избрания на пост первого архонта на следующий (593/592) год брата Солона – Дропида (об этом архонтате см.: *Develin R. Athenian Officials 684–321 BC*. Cambridge, 1989. P. 38), который обеспечил закрепление результатов реформ. Таким образом, необходимость в установлении тиранического режима отпала.

²⁴ Наиболее фундаментальное (и, кстати, последнее по времени) исследование этих элегий: *Mülke Chr. Solons politische Elegien und Iamben* (Fr. 1–13; 32–37 West). Einleitung, Text, Übersetzung, Kommentar. Lpz., 2002.

гие из этих стихотворений дошли до нас только потому, что их процитировал Плутарх. Впрочем, иногда он не цитирует стихи дословно, а парафразирует их в прозаической форме. Такого рода парафразы, несомненно, местами скрываются в анализируемой нами биографии, и иногда они обнаруживаются исследователями²⁵. Постоянно задействует Плутарх в качестве источника также и солоновские законы. Конечно, он работал не непосредственно с аксонами, на которых свод первоначально был начертан (по словам самого биографа, до его времени дошли лишь незначительные фрагменты этих деревянных таблиц, хранившиеся в афинском питанее – *Plut. Sol.* 25), а в основном с последующими изданиями законов²⁶.

Интересно обратить внимание и на другие источники, на которые опирается Плутарх в биографии Солона. Перечень авторов и произведений, на которые он ссылается (пусть даже не все эти произведения он читал сам, а указания на некоторые из них взял «из вторых рук»), впечатляет: комедиограф Кратин (V в. до н. э.), философ Платон, ораторы Эсхин и Демад, аттидограф Андротион, Аристотель («Афинская полития» и трактат «Пифионики»), его преемник по руководству Ликеем Феофраст, Деметрий Фалерский, Фаний Эресский – еще один ученик Аристотеля, Гераклид Понтийский, малоизвестные Патек и

²⁵ Например: Колобова К. М. Революция Солона // Учен. зап. ЛГУ. № 39. Сер. ист. наук. Вып. 4. Л., 1939. С. 29; *Boer W. den. A New Fragment of Solon?* // *Mnemosyne*. Vol. 19. Fasc. 1. 1966. P. 46–47.

²⁶ Так, у Аристотеля имелось сочинение «Об аксонах Солона» в 5 книгах, представлявшее собой публикацию солоновских законов с подробным комментарием. Этот труд вместе со всей библиотекой Аристотеля–Феофраста более двух веков лежал под спудом в малоазийском Скепсисе (*Strab.* XIII. 608–609), но в I в. до н. э. был вновь введен в научный оборот и лег в основу всех последующих изданий свода Солона. См. в связи с этим: *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 39 ff. Следует отметить еще и тот факт, что уже Аристотель работал, судя по всему, не непосредственно с аксонами как таковыми, а с каменными стелами, на которые законы были перенесены в ходе рекодификации конца V в. до н. э. (о ней см.: *Harrison A. R. W.* Law-making at Athens at the End of the Fifth Century B.C. // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 75. 1955. P. 26–35; *Piérart M.* Athènes et ses lois: Discours politiques et pratiques institutionnelles // *Revue des études anciennes*. Vol. 89. No. 1/2. 1987. P. 21–37; *Carawan E.* The Athenian Amnesty and the ‘Scrutiny of the Laws’ // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 122. 2002. P. 1–23; *Whitehead D.* Athenian Laws and Lawsuits in the Late Fifth Century B.C. // *Museum Helveticum*. Vol. 59. Fasc. 2. 2002. P. 71–96). Сами же аксоны к этому времени были в довольно плохом состоянии (*Cratin.* fr. 274 Kock). Однако при рекодификации уполномоченные лица отнеслись к тексту законов весьма ответственно, стремясь в ходе копирования не изменить в них ни малейшей детали. Как демонстрирует памятник, дошедший до нас от этого мероприятия, – закон Драконта об убийствах (IG. I³. 104), на стелах сохраняли даже старую разбивку кодекса на аксоны.

Еванф Самосский²⁷ (IV в. до н. э.), историки Полизел Родосский, Герей Мегарский, филолог и биограф Гермипп Смирнский (III в. до н. э.), некий писатель эллинистического периода Филокл, грамматики Асклепиад Мирлейский, Дидим Александрийский (I в. до н. э.), а также документы (ὑπομνήματα) из Дельф, которые он имел все возможности интенсивно использовать, поскольку занимал пост пожизненного жреца дельфийского храма.

В этом списке особый интерес вызывают, естественно, авторы, наиболее ранние и тем самым наиболее близкие к описываемым событиям, иными словами, те, которые датируются временем классики и начала эллинизма. Нетрудно заметить, что среди источников Плутарха они преобладают, и это, кстати, делает честь его научному чутью. Некоторые из этих источников заслуживают того, чтобы остановиться на них чуть поподробнее. Андротион, автор одной из самых известных «Аттид»²⁸, известен тем, что придерживался нетрадиционных взглядов на реформы Солона, в частности на знаменитую сисахфию (Androt. FGrHist. 324. F 34): он, отклоняясь в этом вопросе от остальной античной традиции²⁹, считал сисахфию не отменой долгов, а лишь уменьшением процентной ставки (τόκων μετρίότητι) в совокупности с возвышением ценности денег (ἐπαύξησιν... τοῦ νομίσματος τιμῆς)³⁰. Интересно, что Аристотель

²⁷ Строго говоря, сколько-нибудь точное время жизни Патека и Еванфа неизвестно. Но на них ссылается уже Гераклид Понтийский, так что они писали, во всяком случае, не позже IV в. до н. э.

²⁸ О нем см. наиболее подробно, с изданием всех сохранившихся фрагментов: *Harding Ph.* Androtion and the Atthis. Oxf., 1994.

²⁹ *Idem.* Androtion's View of Solon's Seisachtheia // *Phoenix*. Vol. 28. No. 1. 1974. P. 282–289.

³⁰ Вопрос о деньгах в связи с реформами Солона сам по себе непрост. С одной стороны, на сегодняшний день можно считать доказанным, что монета во времена Солона в Афинах еще не чеканилась, а начался ее выпуск никак не раньше времени Писистрата (см. к этому вопросу: *Kraft K.* Zur solonischen Gewichts- und Münzreform // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*. Bd. 19. 1969. S. 7–24; *Crawford M. H.* Solon's Alleged Reform of Weights and Measures // *Eirene*. Vol. 10. 1972. P. 5–8; *Kraay C. M.* Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976. P. 55 ff.; *Kroll J. H.* From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls // *The American Numismatic Society. Museum Notes*. Vol. 26. 1981. P. 1–32; *Idem.* The Greek Coins (The Athenian Agora. Vol. 26). Princeton, 1993. P. 5; *Welwei K.-W.* Athen: Vom neolithischen Siedlungsplatz zur archaischen Großpolis. Darmstadt, 1992. S. 199; *Reden S. von.* Exchange in Ancient Greece. L., 1995. P. 179–181; *Osborne R.* Greece in the Making, 1200–479 BC. P. 222; *Rebuffat F.* La monnaie dans l'antiquité. P., 1996. P. 36–39; *Theodorou J.* Athenian Silver Coins: 6th – 3rd Centuries BC. The Current Interpretation // *Μνήμη Martin Jessop Price*. Athens, 1996. P. 53 ff.; *Dawson S.* The Athenian Wappenmünzen // *Scholia*. Vol. 8. 1999. P. 71–77; *Kim H. S.* Archaic Coinages as Evidence for the Use of Money // *Money and its Uses in the Ancient Greek World*. Oxf., 2001. P. 11). Так что же, информация Андротииона (и, добавим, Аристотеля – *Ath. pol.* 10. 2) о солоновской денежной реформе представляет собой анахронизм и не заслуживает доверия?

в «Афинской политике» также активно опирался на аттидографов, и в наибольшей степени – как раз на Андротиона³¹. Местами он даже вступал с Андротионом в полемику, однако, подчеркнем, в полемику скрытую, а само имя этого историка вообще не упоминается в трактате об афинском государственном устройстве³².

Далее, привлекают внимание среди источников Плутарха авторы, вышедшие из перипатетической школы и, соответственно, отличавшиеся большой скрупулезностью в сборе и исследовании фактологического материала. Среди них – второй схолярх Ликия Феофраст, который в своем фундаментальном труде «Законы» (Νόμοι)³³ собрал и прокомментировал огромное количество законодательных актов из различных полисов, в том числе, конечно, и кодекс Солона. У Деметрия Фалерского – также перипатетика, подвергшегося как в своей практической деятельности, так и в своих теоретических штудиях определяющему влиянию Аристотеля и Феофраста³⁴, – Плутарх (Sol. 23) заимствует важные сведения о том, что в законах Солона одна драхма приравнивалась к стоимости овцы или медимна зерна, пять драхм – к стоимости быка. Эта информация важна для общих представлений о масштабе цен в Афинах на рубеже VII–VI вв. до н. э. (как видим, эти цены были гораздо выше, чем в классическую эпоху), а также в контексте разработанной законодателем си-

Но такое суждение тоже было бы ошибочным. Методологически неверно отождествлять отсутствие чеканной монеты с отсутствием денег как таковых. До введения чеканки четко фиксируется стадия домонетных денег. Роль этих последних могли играть, в частности, нечеканенные слиточки серебра (ср.: *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 23; *Kroll J. H., Waggoner N. M.* Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // *American Journal of Archaeology*. Vol. 88. No. 3. 1984. P. 333; *Furtwängler A.* Neue Beobachtungen zur frühesten Münzprägung // *Schweizerische numismatische Rundschau*. Bd. 65. 1986. S. 164; *Ruschenbusch E.* Plutarchs Solonbiographie... S. 362; *Kroll J. H.* Silver in Solon's Laws // *Studies in Greek Numismatics in Memory of M. J. Price*. L., 1998. P. 225–232; *Stanley P. V.* The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen, 1999. P. 212), особенно в Аттике, где этот драгоценный металл добывался в значительном по греческим меркам количестве. Такие слиточки имели фиксированный вес и отличались от «настоящих» денег, в сущности, только отсутствием клейма государства.

³¹ *Schreiner J. H.* Aristotle and Perikles: A Study in Historiography. Oslo, 1968. P. 13–20.

³² В «Афинской политике» и в целом, как известно, очень нечасты ссылки на источники. Так, в своем рассказе о Солоне Аристотель ссылается только на его стихи, законы да еще на одну стихотворную надпись с акрополя.

³³ *Bloch H.* Theophrastus' Nomoi and Aristotle // *Athenian Studies Presented to W. S. Ferguson*. Cambridge (Mass.), 1940. P. 355–376.

³⁴ Этот вопрос освещен в работе: *Williams J.* Ideology and the Constitution of Demetrius of Phaleron // *Polis and Polemos: Essays on Politics, War and History in Ancient Greece on Honor of D. Kagan*. Claremont, 1997. P. 327–346.

стемы имущественных классов³⁵. Достаточно авторитетным автором признается и еще один ученик Аристотеля – Фаний Эресский (Лесбосский)³⁶, между прочим земляк Феофраста.

Затронем, наконец, вопрос о том, как подходит Плутарх к своим источникам. При работе с жизнеописанием Солона не может не броситься в глаза очень характерная особенность: биограф очень любит, разбирая какой-нибудь вопрос, сталкивать друг с другом две противостоящие друг другу трактовки, обнаруживаемые им в предшествующей традиции. При этом чаще всего сам он не делает однозначного выбора в пользу одной из версий, предоставляя такой выбор читателю³⁷. На протяжении довольно небольшого сочинения мы находим целый ряд подобного рода случаев, наиболее характерные из которых здесь перечислим:

Plut. Sol. 1 – вопрос об имени отца Солона: противопоставляется мнение Филокла мнению всех остальных писателей.

Plut. Sol. 4 – вопрос о том, в какой последовательности «семь мудрецов» передавали друг другу выловленный в море треножник: противопоставляется мнение Феофраста мнению не указанных эксплицитно авторов.

Plut. Sol. 8–9 – вопрос о завоевании Солоном Саламина: противопоставляются два мнения без указаний на конкретные источники.

Plut. Sol. 10 – вопрос об аргументах Солона на третейском суде с Мегарами: противопоставляется мнение афинян мнению «многих» (οἱ πολλοί).

³⁵ В частности, приведенный пассаж значительно подрывает аргументацию Х. Тумансом тезиса, согласно которому незнатные богачи, не имевшие крупной земельной собственности и доходов, оцениваемых непосредственно в медимнах, автоматически оказывались в классе фетов (Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002. С. 241 сл.). Независимо от историчности самого этого слоя «новых богачей» (обоснованные сомнения по этому поводу см.: Osborne R. Op. cit. P. 225) заметим: свидетельство Деметрия Фалерского, сохраненное Плутархом, недвусмысленно показывает: в таких случаях просто переводился элементарный пересчет иных видов доходов на медимны согласно приведенной шкале. В рамках данной работы мы не затрагиваем вопроса о том, была ли система из четырех имущественных классов всецело изобретением Солона или же законодатель модифицировал ранее существовавший институт (более верным ответом на этот вопрос, бесспорно, представляется второй).

³⁶ О нем см.: Mühl M. Solon und der Historiker Phainias von Lesbos // Rheinisches Museum für Philologie. Bd. 98. Ht. 4. 1955. S. 349–354. Есть два варианта написания имени этого историка: Фаний (Φανίας) и Фений (Φαινίας). В книге И. А. Шишовой (Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 107) он почему-то фигурирует как Фанний; такое написание неверно.

³⁷ Ср. Plut. Sol. 19: «Над этим вопросом ты подумай сам (ταῦτα μὲν οὖν καὶ αὐτὸς ἐπισκόπει)».

Plut. Sol. 10 – вопрос о способе похорон у мегарян: противопоставляется мнение самого Солона мнению мегарского историка Героя.

Plut. Sol. 11 – вопрос о роли Солона в Первой Священной войне: противопоставляется мнение Еванфа Самосского данным оратора Эсхина и дельфийских документов.

Plut. Sol. 14 – вопрос о «пропагандистской кампании» Солона перед его избранием в архонты: противопоставляется мнение Фания Лесбосского сведениям, почерпнутым из стихов самого Солона.

Plut. Sol. 15 – вопрос о сущности сисахфии: противопоставляется мнение Андроциона мнению «большинства» (οἱ πλείστοι).

Plut. Sol. 19 – вопрос о времени учреждения ареопага: противопоставляется мнение «большинства» (οἱ πλείστοι) тексту одного из солоновских законов.

Plut. Sol. 25 – вопрос о соотношении кирб и аксонов: противопоставляется мнение Аристотеля и Кратина мнению «некоторых» (ἑνιοί).

Plut. Sol. 27 – вопрос о встрече Солона с Крезом: противопоставляются два мнения без указаний на конкретные источники.

Plut. Sol. 31 – вопрос об авторстве некоторых законов (Солон или Писистрат): мнения Гераклида Понтийского и Феофраста противопоставлены прочим.

Plut. Sol. 32 – вопрос о времени смерти Солона: противопоставляется мнение Гераклида мнению Фания.

Plut. Sol. 32 – вопрос о месте и способе погребения Солона: мнение Аристотеля противопоставлено общепринятому.

Этот довольно длинный перечень представляется характерным и позволяет, между прочим, правильно определить место Плутарха в античной исторической науке. Дело в том, что практически с самого момента «рождения Клио», уже в V в. до н. э., наметились два противоположных подхода к использованию данных предшествующей традиции. Эти подходы нашли отражение в творчестве двух величайших представителей раннего историописания – Геродота и Фукидида, более того, были ими прямо продекларированы. Вот позиция первого из них: «Мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан» (Herod. VII. 152). А вот что пишет Фукидид, вне сомнения, в пику своему предшественнику:

Я не считал согласным со своей задачей записывать то, что узнавал от первого встречного, или то, что я мог предполагать, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта, в отдельности взятого (Thuc. I. 22. 2).

Итак, в первом случае историк считает своим долгом преподнести читательской аудитории всю информацию, которая есть в его распоряжении, во втором же – прибегает к отбору, излагает только те факты и мнения, которые пред-

ставляются ему, лично ему достоверными. Метод Фукидида обычно считается началом исторической критики³⁸. Пожалуй, что это и так (хотя, наверное, все-таки не лучший способ критики – замалчивание тех взглядов, с которыми автор не согласен). Но в то же время перед нами – начало догматизма в историописании, догматизма, который Геродоту был еще чужд³⁹. Данные соответствующим образом «препарируются» и подаются в таком свете, чтобы не вызвать у читателя и тени сомнения в правильности проводимой историком концепции⁴⁰. А между тем насколько ценнее был бы эпохальный труд Фукидида, если бы в нем, в дополнение к его прочим многочисленным достоинствам, еще и приводились иные точки зрения на спорные вопросы, если бы автор не пытался взять на себя роль высшего арбитра в вопросе о том, «что есть истина»...

В дальнейшем в античной историографии противоборствовали «геродотовская» и «фукидидовская» линии⁴¹. В частности, «Афинская полития» Аристотеля написана всецело в русле второй из них (не случайно в ней, как и у Фукидида, столь редки ссылки на источники). Плутарх же (и это очень хорошо демонстрирует именно его биография Солона), следуя заветам Геродота, «передает все, что рассказывают», даже если он со многим и не согласен. Херонейский биограф принципиально не догматичен, его стиль проникнут «диалогической» установкой (здесь, между прочим, еще и влияние метода Сократа)⁴², и эта черта – не только одна из самых импонирующих в его творчестве, но еще и одна из особенно коррелирующих с наиболее передовыми ныне методиками исторической науки⁴³. Парадоксальным образом Плутарх оказывается близким и современным нам по своим подходам.

³⁸ См., например, его высокую оценку: *Фролов Э. Д.* Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 118 сл.

³⁹ Ср. противопоставление Геродота и Фукидида в известной работе: *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. М., 1980. С. 30–31.

⁴⁰ На ряде конкретных примеров это убедительно показано в монографии: *Badian E.* *Op. cit.*

⁴¹ *Seidensticker B.* Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 1995. S. 181.

⁴² Эта черта хорошо видна не только в биографиях, написанных Плутархом, но и в трактатах, входящих в состав его «Моралий». Эти трактаты очень часто принимают форму диалога.

⁴³ См., в частности, о необходимости для историка «завязать диалог с культурой иного времени»: *Гуревич А. Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 9.

Раздел VII
МЫСЛИТЕЛИ И ОБЩЕСТВО

СОКРАТ И «ТРИДЦАТЬ ТИРАНОВ»*

Вопрос, который будет рассмотрен в данном очерке, обычно представляется не содержащим каких-либо сложностей и противоречий. Как известно, в 404 г. до н. э., после поражения Афин в Пелопоннесской войне, в полисе установился крайне олигархический режим (фактически корпоративная тирания). Власть взяла в свои руки специально созданная экстраординарная коллегия из тридцати человек. Инициатором переворота выступил Ферамен, который на первых порах и играл ведущую роль в новом правительстве. Однако довольно быстро лидерство перешло к более экстремистски настроенному Критию, по настоянию которого Ферамен был в конечном счете казнен. Коллегия Тридцати не продержалась у власти и года (после чего демократия была восстановлена), но крепко запомнилась афинянам, причем память эта была исключительно негативной. Подчеркнуто репрессивным характером своего правления, пренебрежением нормами законности олигархии 404 г. до н. э. добились того, что в последующей нарративной традиции их сплошь и рядом называют «Тридцатью тиранами»¹.

Сократ же и в античных источниках, и в восприятии современных исследователей выступает как бесстрашный враг кровавого террора, критик экстремистского режима, не боящийся в связи с этим и сам подвергнуться опасности. Не то чтобы этот взгляд неверен; но это, так сказать, «одна сторона медали». На самом же деле, как мы попробуем продемонстрировать, ситуация была несколько сложнее.

...Однажды Тридцать вызвали в Толос на Агоре, где они заседали, пятирх афинян из числа включенных в составленный ими привилегированный список трех тысяч полноправных граждан и дали им поручение: отправиться

* Впервые опубликовано в: *Scripta antiqua*. Т. 1. М., 2011. С. 193–205.

¹ Из специальных работ о правлении Тридцати см.: *Жебелев С. А.* О «тирании тридцати» в Афинах // ВДИ. № 1. 1940. С. 27–33; *Глускина Л. М.* Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии в конце V в. до н. э. // ВДИ. № 2. 1958. С. 70–89; *Юдеlevич А. И.* Подготовка олигархии 404 г. (Устранение оппозиции умеренных) // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 25–36; *Roos A. G.* Chronologisches zur Geschichte der Dreißig // *Klio*. Bd. 17. Ht. 1/2. 1920. S. 1–15; *Lewis D. M.* The Epigraphical Evidence for the End of the Thirty // *Aristote et Athènes*. P., 1993. P. 223–229; *Stem R.* The Thirty at Athens in the Summer of 404 // *Phoenix*. Vol. 57. No. 1/2. 2003. P. 18–34; *Wolpert A.* The Violence of the Thirty Tyrants // *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 2006. P. 213–223. Наиболее подробно этот сюжет рассмотрен в монографии: *Krentz P.* The Thirty at Athens. Ithaca, 1982.

на Саламин, арестовать проживавшего там некоего Леонта, очевидно заподозренного в нелояльности, и привезти его в город. Четверо из пяти двинулись выполнять приказ, а пятый развернулся и пошел домой. Это был, естественно, Сократ (Plat. Apol. 32d). Данный поступок обычно рассматривается как заслуживающий подражания образец гражданского неповиновения антигуманному режиму². Однако посмотрим на происшедшее с несколько другой стороны.

Если бы столь демонстративное непослушание всемогущим правителям проявил любой другой афинянин, какая судьба ждала бы его? Вопрос представляется риторическим: он сам был бы немедленно схвачен и казнен. Уж перед этим Тридцать не остановились бы: расправляться с людьми им было не впервой, и одно лишнее убийство их бы никоим образом не смутило. Сократу же тем не менее всё сошло с рук, он не подвергся никаким преследованиям. Видимо, осознавая некоторую двусмысленность ситуации, он впоследствии оговаривает (в пересказе Платона): «И по всей вероятности, мне пришлось бы за это умереть, если бы правительство не распалось в самом скором времени» (Plat. Apol. 32d). Как правило, этому заявлению верят и считают, что Сократа спасло лишь восстановление демократии. Однако нельзя не отметить, что философ здесь несколько кривит душой. Казнь Леонта отнюдь не принадлежит к событиям самых последних дней правления Тридцати. Известно, что она имела место даже до конфликта между Критием и Фераменом (Xen. Hell. II. 3. 39). Когда последний был казнен, Критий еще несколько месяцев держал полисные дела полностью под своим контролем; нет сомнения, что он изыскал бы за это время возможность уничтожить и Сократа, если бы действительно хотел.

Бесспорно, независимая позиция философа при режиме Тридцати – налицо. Ксенофонт, находившийся в то время в Афинах и также входивший в число трех тысяч, сохранил следующее изречение учителя:

Станным было бы, мне кажется, если бы человек, ставши пастухом стада коров и уменьшая число и качество коров, не признавал себя плохим пастухом; но еще страннее, что человек, ставши правителем государства и уменьшая число и качество граждан, не стыдится этого и не считает себя плохим правителем государства (Xen. Mem. I. 2. 32).

Эта сентенция производит впечатление вполне аутентичной. Она очень хорошо согласуется с тем, что мы из самых разных источников знаем о политических взглядах Сократа (об этих взглядах подробнее речь пойдет ниже). В частности, рассуждения о «качестве граждан» – вполне в духе элитистских

² Например: *Kraut R. Socrates and the State*. Princeton, 1984. P. 17 ff.; *Harris E. M. Antigone the Lawyer, or the Ambiguities of Nomos // The Law and the Courts in Ancient Greece*. L., 2004. P. 33.

представлений «босоногого мудреца», отнюдь не выступавшего адептом всеобщего равенства³. Собственно, осуждает-то он здесь Крития со товарищи не за то, что они установили «правление немногих», а за то, что это – не те «немногие», которым надлежало бы стоять у руля, люди, не являющиеся реально лучшими.

Тем не менее сократовская критика, как видим, была достаточно строгой и жесткой (Критий открыто назван плохим правителем) – и это в условиях, когда казнь следовала за казнью, когда за куда более безобидные высказывания можно было лишиться жизни. Ну и как же реагировали Тридцать на подобное свободомыслие?

По словам Ксенофонта (Мем. I. 2. 31), Критий «внес в законы статью, воспрепятствующую преподавать искусство слова (λόγων τέχνην)», причем якобы имея в виду именно Сократа. Но здесь в лучшем случае ошибка, в худшем – сознательное искажение мотивации. Имеется в виду явным образом преподавание риторического искусства, а им Сократ никогда не занимался. Само введение нового закона отрицать нет оснований, но направлен он был, скорее всего, против риториков демократической ориентации.

Далее, Критий и бывший в то время его ближайшим сподвижником Харикл вызвали Сократа к себе для «беседы». Последняя известна опять же в пересказе Ксенофонта (Мем. I. 2. 33–38), но он никак не мог быть ее свидетелем (разговор происходил с глазу на глаз) и знал ее содержание, естественно, опять же только со слов своего учителя. В его версии Сократ, выслушивая упреки лидеров Тридцати, ведет себя, как обычно: очень мягко, иронично, даже несколько «юрродствуя», делая вид, что не понимает, чего от него хотят, – одним словом, фактически издевается над властителями. И в результате в конце концов он слышит из уст Харикла (что характерно, не Крития) всего лишь не очень конкретную угрозу: «Смотри, как бы и тебе не пришлось уменьшить числа коров». Подчеркнем еще раз: с такой «беседы» и при таком поведении ни один другой афинянин живым бы не вышел.

Сократ, безусловно, не боялся тогда смерти – как не боялся он ее и несколько лет спустя, на судебном процессе в демократической гелиее. В обоих случаях, как и всегда, он ставил истину выше жизни и смело говорил то, что думал. Но следует задуматься о том, почему кровавые олигархи как бы боялись тронуть именно этого своего обличителя – и только его?

Следует отметить еще один нюанс, связанный с самим фактом включения Сократа Тридцатью в список трех тысяч полноправных граждан. В афин-

³ Об антидемократических взглядах Сократа см. в недавней работе: *Зберовский А. В.* Сократ и афинская демократия (социально-философское исследование). Красноярск, 2007. Книга страдает некоторой долей дилетантизма, но сделанные в ней выводы следует признать в целом верными.

ских олигархических переворотах конца V в. до н. э. участвовали политические группировки довольно разнообразной направленности – от умеренных до крайних. Но все эти группировки сходились в том, что радикальная демократия в том ее виде, какой она приобрела в период Пелопоннесской войны, является безусловным злом, а для его ликвидации необходимо прежде всего отрезать от управления «корабельную чернь», неимущих.

Иными словами, речь шла об ограничении количества полноправных граждан, которое позволило бы оставить в составе гражданского коллектива только их средние и высшие слои, а низшие – исключить. Если позже, в IV в. до н. э.⁴, такое исключение мыслилось достижимым путем введения имущественного ценза (2 000 драхм при Демаде и Фокионе, 1 000 драхм при Деметрии Фалерском)⁵, то в конце V в. до н. э. олигархические и союзные с ними силы предлагали идти по другому пути: установить конкретный лимит численности гражданской общины (обычно выдвигалась какая-нибудь «круглая» цифра – 5 000 в 411 г. до н. э., 3 000 в 404 г. до н. э.), что опять-таки оставляло за ее пределами беднейших афинян. Но эта мера, впрочем, давала властям больше возможностей для произвола, поскольку включение или не-включение лица в число граждан не увязывалось напрямую с размером его материального достатка.

В частности, совершенно не похоже, что гражданская община «трех тысяч»⁶ была сформирована Тридцатью на основе имущественного ценза, как в «нормальных» олигархиях. Так, с одной стороны целый ряд достаточно состоятельных и даже богатых людей (как Алкивиад, Фрасибул, Архин, Анит) подпал под «секвестр» и был лишен статуса граждан – явно по чисто политическим мотивам. С другой же стороны, Сократ, который, судя по всему, что мы о нем знаем, был очень небогат, тем не менее в список «трех тысяч» вошел⁷,

⁴ Удачное сравнение афинских олигархических режимов V в. до н. э. (перевороты 411 и 404 гг. до н. э.) и IV в. до н. э. (перевороты 322 и 317 гг. до н. э.) см. в работах Г. А. Лемманна: *Lehmann G. A. Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 139–150; Idem. Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. Opladen, 1997.*

⁵ В частности, для Аристотеля одна из главных черт олигархии как политической системы – именно наличие имущественного ценза (*Schmitz W. Reiche und Gleiche: Timokratische Gliederung und demokratische Gleichheit der athenischen Bürger im 4. Jahrhundert v.Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 575.*

⁶ Рассуждения (впрочем, вполне гипотетические) о том, почему было выбрано именно это число, см.: *Brock R. Athenian Oligarchs: The Number Game // Journal of Hellenic Studies. Vol. 109. 1989. P. 160–164.*

⁷ *Scholz P. Der Prozeß gegen Sokrates: Ein ‘Sünderfall’ der athenischen Demokratie? // Große Prozesse im antiken Athen. München, 2000. S. 160.*

в течение всего правления «Тридцати тиранов» оставался в Афинах и пользовался всей полнотой гражданских прав. Несомненно, олигархи, составляя список, исходили не из социальных, а из чисто политико-идеологических соображений; за единственный критерий принадлежности к гражданам принималась их потенциальная лояльность режиму. В их число не должны были попасть лица, от которых можно было ожидать недовольства, противодействия. Во всём подобном подходе чувствуется твердая рука Крития.

Для правильного понимания взаимоотношений правительства Тридцати и Сократа, таким образом, необходимым оказывается затронуть политические взгляды философа. Последние стояли в тесной связи с его общемировоззренческими принципами, сформировавшимися в полемике Сократа с софистами.

Практически все представители софистического движения (кто-то в большей, кто-то в меньшей степени), как известно, придерживались релятивизма, прежде всего гносеологического, но имевшего тенденцию также проникать в сферу, с одной стороны, онтологии, с другой – этики и политики. В противовес им Сократ, решительный противник релятивистских идей, доказывал существование объективной истины, которую к тому же можно, хотя и трудно, отыскать. Он учил, что есть обязательные для всех, неписанные моральные законы – законы добра и истины. Тот, кто их постигнет, не сможет уже совершать дурные поступки⁸. Вот только дано это далеко не каждому: научиться нравственности могут лишь немногие, ибо это требует большой самоотдачи и искреннего стремления.

Эти взгляды Сократа определяли его политическую позицию. В отличие от софистов, которые по большей части были сторонниками демократии⁹, он находил немало недостатков в этой форме правления и не боялся критиковать их. Особенное его неприятие вызывали непрофессионализм и некомпетентность полисного народоправства. Он говорил:

Глупо должностных лиц в государстве выбирать посредством бобов (то есть с помощью жребия. – *И. С.*), тогда как никто не хочет иметь выбранного бобами рулевого, плотника, флейтиста или исполняющего другую подобную работу,

⁸ Winkel L. Das sokratische Paradoxon οὐδὲς ἐκὼν ἐξαμαρτάνει und strafrechtliche Zurechnung im Lichte neueren Literatur // Symposium 1985. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 109–117.

⁹ В особенной степени это относится к Протагору. Синтия Фаррар, желая отыскать идеологов демократии в классической Греции, называет три имени: Протагор, Демокрит и Фукидид (*Farrar C. The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens. Cambridge, 1989*). Впрочем, последнего мы все-таки не стали бы записывать в «убежденные демократы» (см. к проблеме также: *Raaflaub K. A. Thucydides on Democracy and Oligarchy // Brill's Companion to Thucydides. Leiden, 2006. P. 189–222; Никитюк Е. В. Фукидид и афинская демократия // Мнемон. Вып. 7. 2008. С. 119–134*). Остаются два абдерита.

ошибки в которой приносят гораздо меньше вреда, чем ошибки в государственной деятельности (Xen. Mem. I. 2. 9).

Итак, столь характерная для античных демократий жеребьевка¹⁰, по мнению Сократа, порочна по своей сути. Управлять полисом должен не кто угодно, а специалисты, люди знающие и тем самым «избранные». О массе же демоса это сказать никак нельзя. Не случайно афинский философ к некоторым презрением относился к простонародью¹¹. Вот как наставлял он одного из своих собеседников: «Неужели ты стесняешься валяльщиков, башмачников, плотников, кузнецов, земледельцев, купцов, рыночных торговцев, думающих только о том, чтоб им купить что-нибудь подешевле и продать подороже? А ведь из всех их и состоит народное собрание» (Xen. Mem. III. 7. 6).

Таким образом, в учении Сократа были налицо элитарные, даже антидемократические элементы¹². С симпатией относился он к спартанским порядкам. Правда, в западной историографии периодически повторяются попытки «обелить» Сократа от этого антидемократизма. Так, например, по мнению Г. Властоса¹³, это-де Платон, причем только в своих зрелых трудах, сделал из своего учителя элитистского философа, а на самом деле взгляды того были вполне демократическими. В данном случае, конечно, априорные идеологические установки торжествуют над научной акрибией.

Наиболее фундаментальный анализ политических взглядов Сократа содержится в монографии Р. Краута «Сократ и государство»¹⁴, и поэтому на взгля-

¹⁰ См. об этом принципе: *Mulgan R. G. Lot as a Democratic Device of Selection // The Review of Politics. Vol. 46. No. 4. 1984. P. 539–560.*

¹¹ Кстати, вопреки распространенному мнению, Сократ и сам отнюдь не был представителем простонародья, с которым из какого-то аристократического каприза общались члены прославленных аристократических родов. С гораздо большим основанием можно считать философа выходцем из обедневшей знати, сохранившим связь со своей исконной средой. См.: *Молчанов А. А. Антропонимия и генеалогия знати в древних Афинах // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург, 2005. С. 201–203; Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008. С. 82 сл. Приведем также цитату из Аристотеля (Rhet. II. 1390b25 sqq.), подтверждающую наш тезис: «...прекрасно одаренные роды вырождаются в сумасбродные характеры, как, например, потомки Алкивиада и Дионисия Старшего, а роды солидные (στάσιμα) – в глупость и вялость, как, например, потомки Кимона, Перикла и Сократа». Как видим, род Сократа поставлен здесь в один ряд с родами Кимона и Перикла, то есть Филаидами и Бузигами.*

¹² Об элитаризме и антидемократизме политических взглядов Сократа см., в частности: *Фролов Э. Д. Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества и государства. Л., 1984. С. 83 сл.*

¹³ *Vlastos G. Socrates, Ironist and Moral Philosopher. Ithaca, 1991. P. 48.*

¹⁴ *Kraut R. Op. cit. Passim.*

дах ее автора необходимо остановиться подробнее. Краут, стараясь взвешенно подходить к проблеме, утверждает, что Сократ относился к афинской демократии отчасти позитивно, а отчасти негативно, то есть что-то в ней принимал, а что-то не принимал. А именно: афинская демократия характеризовалась двумя главными чертами – свободой и равенством. Из этих двух принципиальных характеристик свобода была Сократу, естественно, симпатична (поскольку она позволяла ему беспрепятственно высказывать свои идеи), а вот равенства он не одобрял, ибо оно приводило к автоматическому господству большинства, то есть к власти некомпетентной толпы, которую столь часто критиковал философ. Перед нами весьма интересная точка зрения, имеющая право на существование. Однако если мы ее примем, то окажемся перед противоречием. Краут и сам не может не признать, что Сократ с большой похвалой отзывался о спартанском государственном устройстве. Однако в Спарте-то как раз из двух вышеназванных черт *свобода* отсутствовала, а *равенство* граждан всячески насаждалось. Должны ли мы видеть здесь непоследовательность в сократовской мысли? Или же лаконофильство Сократа (равно как и его ученика Платона¹⁵) преувеличено? Вопрос, несомненно, нуждается в дальнейшем изучении.

Во всяком случае, неудивительно, что к «босоногому мудрецу» тянулись, казалось бы, столь непохожие на него представители аристократической молодежи. Хрестоматийным является тот факт, что Алкивиад в юности очень тесно общался с Сократом. Их отношения прекрасно укладываются в чрезвычайно характерную для древнегреческой цивилизации модель дружбы-ученичества зрелого мужа и юноши, дружбы, не свободной от эротических оттенков¹⁶. Характерно, что и впоследствии Алкивиад всегда сохранял теплые и даже восторженные чувства к Сократу (ср. даваемую им яркую характеристику лично-

¹⁵ Ср. интересное наблюдение Дж. Диллона: моделью идеального государства у Платона скорее является не Спарта или Крит, как обычно считают (это общераспространенная точка зрения, см., например: *Schütrumpf E. Politische Reformmodelle im vierten Jahrhundert. Grundsätzliche Annahmen politischer Theorie und Versuche konkreter Lösungen // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 272–273*), а те режимы, которые установили пифагорейцы в полисах Великой Греции (например, Архит в Таренте): во главе стоят правители-философы, под началом у них находится войско («стражи»), ниже следует простонародье. См.: *Диллон Дж. Наследники Платона: Исследования истории Древней Академии (347–274 гг. до н. э.). СПб., 2005. С. 249. О правлении Архита в Таренте см.: Huffman C. A. Archytas of Tarentum: Pythagorean, Philosopher and Mathematician King. Cambridge, 2005. P. 8 ff.*

¹⁶ Об отношениях такого рода см.: *Bremmer J. N. Adolescents, Symposion and Pederasty // Sympotica: A Symposium on the Symposion. Oxf., 1990. P. 138–148.* Об истоках таких отношений (инициационные ритуалы) и древнеиндийских параллелях см.: *Семенцов В. С. Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавадгиты // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 5–32.*

сти философа в «Пире» Платона). В отличие от другого известного сократовского ученика – своего сверстника Крития, будущего главы «Тридцати тиранов», он отнюдь не порвал с учителем. При этом следует помнить, что Алкивиада привлекали в учении Сократа не в последнюю очередь именно его элитарные, аристократические и даже антидемократические стороны, в частности настояние философа на том, что управление государством должно принадлежать не «совершенно невежественным» представителям демоса, а «знающим», «лучшим» людям. Нет надобности говорить, что к этим «лучшим» Алкивиад в первую очередь причислял себя, прекрасно осознавая (и даже, пожалуй, переоценивая) свои многочисленные таланты. Как ни парадоксально, учение Сократа с его проповедью «умеренности» и «самопознания» для Алкивиада оказывалось, наоборот, катализатором властных амбиций. Его огромное властолюбие закономерно влекло за собой подчеркнутую беспринципность, уверенность в том, что для достижения цели подходят любые средства. Подобно «титанам Возрождения» или ницшеанскому «сверхчеловеку», Алкивиад, похоже, искренне считал себя стоящим «по ту сторону добра и зла». Его намерения просто не могли рано или поздно не вступить в острый конфликт с основными принципами афинской демократии, поскольку пределом желаний для Алкивиада могла стать лишь единоличная, тираническая власть в полисе¹⁷.

Но Алкивиад, во всяком случае, на словах был сторонником демократии. А вот другой молодой афинянин, общавшийся с Сократом, – Критий, тоже знатный аристократ, потомок древних афинских царей – выступал как более откровенный олигарх, решительный противник демоса и горячий поклонник Спарты. Правда, с Сократом у Крития, похоже, не было столь близких и дружеских отношений, как у Алкивиада, но все-таки Критий тоже считался его учеником¹⁸. Впрочем, лишь до определенного момента: по сообщениям источников (Хен. Мем. I. 2. 12–16; I. 2. 29–31; I. 2. 9), позже он порвал с Сократом и открыто перешел в лагерь софистов, став одним из крупнейших их представителей. Очевидно, он посчитал, что получил у Сократа всё, что хотел. А хотел он, естественно, прежде всего прагматической, утилитарной мудрости, которая могла бы пригодиться в политической деятельности, при достижении власти.

Еще один близкий к Сократу человек – Ферамен – придерживался более умеренных взглядов, но радикальному народовластию тоже отнюдь не сочувствовал. О дружественных связях этого политика с Сократом можно говорить с достаточной степенью уверенности. Пожалуй, учеником «босоногого мудреца» в строгом смысле слова Ферамен не являлся, однако всё же примыкал к его кружку. Сократические идеи, насколько можно судить, оказали влияние на не-

¹⁷ Ср.: *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 258 сл.

¹⁸ О Критии как ученике Сократа см.: *Nails D.* The People of Plato: The Prosopography of Plato and Other Socratics. Indianapolis, 2002. P. 108 ff.

которые его взгляды (Xen. Hell. II. 3. 19; Arist. Ath. pol. 28. 3). Если говорить об этих последних, прежде всего в их политическом аспекте, то идеалом для Ферамена представлял строй, который в равной мере может быть назван очень умеренной олигархией или несколько ограниченной демократией: в качестве главного критерия для причастности лица к власти выдвигался невысокий имущественный ценз.

В связи со сказанным не удивительно, что, когда происходила расправа над Фераменом, единственным из афинян, пытавшимся защищать его (хотя и безуспешно), был Сократ. Правда, этот факт часто ставят под сомнение, поскольку он отражен только у одного античного автора, к тому же довольно позднего – Диодора (XIV. 5). Соответственно, вопрос ставят так: почему современники событий, ученики Сократа – Платон и Ксенофонт, когда они рассказывают о мужественных, независимых поступках философа в правление «Тридцати тиранов», ни словом не упоминают о данном эпизоде? Ведь, казалось бы, защита Ферамена прекрасно ложится в подобный контекст.

Однако, как нам представляется, дело в следующем. Сократики, стремясь в своих сочинениях сделать из Сократа едва ли не святого, тщательно отмежевывали его от любых проявлений «зла» и его носителей. А Ферамен в представлениях большинства афинян первой половины IV в. до н. э. был все-таки воплощением зла, пусть и не в такой степени, как Критий. Как-никак, он участвовал в двух олигархических переворотах, свергал демократию... Сторонники радикального народовластия никак не могли признать его своим. Соответственно, попытка Сократа уберечь Ферамена от произвола Крития никак не рисовала философа в позитивном свете в глазах демократов, для которых распря между лидерами Тридцати выглядела попросту как «разборка» в среде правящей олигархии, и не более того, – конфликт, ни один из участников которого не вызывал к себе симпатии. Подчеркивать близость Сократа и Ферамена в то время, когда последнему давались такие уничижительные характеристики, как, например, филиппика Лисия (XII. 78)¹⁹, было небезопасно для посмертной репутации «босоногого мудреца». Ведь только по прошествии многих десятилетий, когда страсти улеглись, Аристотель (Ath. pol. 28. 5) мог позволить себе дать Ферамену объективную характеристику. Итак, мы не видим действительно серьезных оснований для того, чтобы отрицать попытку Сократа вступить за Ферамена.

¹⁹ По словам Лисия, Ферамен погиб «не за вас (афинян. – И. С.), а за свою собственную подлость, ...справедливо понес кару при олигархии, – он раз уже ее уничтожил, – и справедливо понес бы ее и при демократии, – он дважды вас предавал в рабство, потому что не дорожил тем, что есть, а гнался за тем, чего нет, и, прикрываясь самым благородным именем, сделался учителем самых возмутительных деяний».

Теперь можно попытаться высказать общее суждение по поводу позиции Тридцати по отношению к Сократу. Насколько нам представляется, лидеры этого режима очень желали бы сделать такого известного в Афинах и за их пределами человека, как Сократ, «знаменем» своего движения. Не будем забывать о том, что многие из руководителей олигархического правительства 404 г. до н. э. в молодости слушали Сократа (кроме Крития и Ферамена, можно упомянуть еще Хармида), да, собственно и стали врагами демократии и лаконофилами во многом *именно под его влиянием*. Теперь им казалось, что они претворяют в жизнь сократовские заветы, и однозначно представлялось, что Сократ должен быть на их стороне. За философом, похоже, резервировалась роль идеологического вождя нового режима, то есть примерно такая роль, какую в олигархии 411 г. до н. э. играл другой видный интеллектуал – оратор и софист Антифонт²⁰.

Можно себе представить, какое разочарование и растерянность постигли Крития и прочих, когда выяснилось, что «босоногий мудрец» – отнюдь не сторонник, а, напротив, критик их деятельности. Им было действительно непонятно, как же с ним в таком случае поступать. Казнить своего наставника? На это они, конечно, пойти не могли, и поэтому не прекращали попыток все-таки найти с ним общий язык, каким-то образом связать его с собой. Включение Сократа в число лиц, посланных арестовывать Леонта Саламинского, скорее всего, служило этой цели, но Сократ и тут воспротивился. Впрочем, обратим внимание, воспротивился довольно пассивно: не попытался предотвратить казнь, не стал убеждать Крития оставить в покое авторитетного гражданина, а просто не поплыл на Саламин, а пошел домой. Иными словами, сделал всё для того, чтобы его собственные руки остались чистыми, – и только.

В связи со сделанными выше наблюдениями уже не кажется удивительным, что восстановленная после свержения Тридцати демократия видела в Сократе одного из своих главных врагов²¹ и довольно скоро нашла способ расправиться с ним – хотя бы в обход объявленной в 403 г. до н. э. амнистии²². О суде

²⁰ Об Антифонте нам неоднократно доводилось писать: *Суриков И. Е.* Antiphonthea I: Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта // *Studia historica*. Т. 6. М., 2006. С. 40–68; *Он же.* Antiphonthea II: Антифонт-оратор и Антифонт-софист – два лица или все-таки одно? // *Studia historica*. Т. 7. М., 2007. С. 28–43; *Он же.* Antiphonthea III: Друзья и враги Антифонта (просопографический этюд) // *Studia historica*. Т. 8. М., 2008. С. 67–95. Наиболее подробно о нем см. в монографии: *Gagarin M.* Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of Sophists. Austin, 2002.

²¹ Ср.: *Pečírka J.* Athenische Demokratie und Fortschrittsdenken gegen Ende des 5. Jahrhunderts v.u.Z.: eine falsche Analogie // *Klio*. Bd. 72. Ht. 1. 1990. S. 198.

²² Об амнистии 403 г. до н. э. см.: *Dorjahn A. P.* Political Forgiveness in Old Athens: The Amnesty of 403 B.C. Evanston, 1946; *Kuehn J. H.* Die Amnestie von 403 v.Chr. im Reflex der

над Сократом (399 г. до н. э.), о котором знает, наверное, каждый, мы именно поэтому практически ничего говорить не будем. Напомним только общеизвестную вещь: процесс, безусловно, имел политическую подоплеку²³, но просто, поскольку закон об амнистии открыто нарушать было нельзя, Сократа не обвинили напрямую в связях с Критием и Тридцатью, а в поданном иске фигурировали преступления религиозно-этического характера. Но, как говорится, «все всё понимали»; бросалось в глаза уже то, что одним из обвинителей философа являлся Анит, который вместе с Фрасибулом и Архином составлял тройку самых влиятельных афинских государственных деятелей первых послевоенных лет. Привлечение к процессу фигуры такого масштаба, конечно, было не чем иным, как использованием «тяжелой артиллерии» для борьбы против опасного противника.

Итак, Сократ в афинском общественном мнении рубежа V–IV вв. до н. э. все-таки косвенно ассоциировался с беспощадными «тиранами». Необходимо оговорить и то, что идеализированный образ Сократа как человека едва ли не святого – несколько более позднее создание сократиков (Платона, Ксенофонта и др.), именно таким изобразивших учителя в своих литературно-философских сочинениях. А между тем, например, примерно тогда же, в начале IV в. до н. э., софист Поликрат написал специальную речь «Против Сократа» – против уже казненного человека! Приходится сожалеть, что речь эта не сохранилась, – из нее мы, наверное, имели бы целостное представление об аргументации тех авторов, которые были противниками Сократа. А при имеющемся состоянии источниковой базы возможно изучать только мнение одной стороны.

Сократ – этот «овод», возмущавший спокойствие афинян (так он сам себя характеризовал, см. Plat. Apol. 30e–31a), даже в течение довольно значительного времени после своей трагической кончины оставался (как, кстати, и Алкивиад) фигурой спорной. Дискуссии по поводу оценки его личности и деятельности кипели в афинском обществе еще долго, в течение ряда десятилетий. Уже после того, как были написаны прославляющие его произведения Ксенофонта и Платона, ставшие, по сути, развернутой агиограммой Сократа, оратор Эсхин (I. 173) отзываясь об этом мыслителе как о софисте, воспитавшем Крития и казненном по заслугам.

18. Isokrates-Rede // Wiener Studien. Bd. 80. 1967. S. 31–73; Natalicchio A. «Μὴ μνηστῆκακῆιν»: l'amnistia // I Greci: Storia, cultura, arte, società. Vol. 2. II. Torino, 1997. P. 1305–1322; Carawan E. The Athenian Amnesty and the 'Scrutiny of the Laws' // Journal of Hellenic Studies. Vol. 122. 2002. P. 1–23; Idem. Amnesty and Accountings for the Thirty // Classical Quarterly. Vol. 56. No. 1. 2006. P. 57–76; Нукитюк Е. В. Афины после свержения тирании Тридцати в 403 г. до н. э. // История: мир прошлого в современном освещении. СПб., 2008. С. 152–165.

²³ Havelock E. A. Why was Socrates Tried? // Studies in Honour of G. Norwood. Toronto, 1952. P. 95–109.

АФИНЫ И ГРЕЧЕСКИЙ МИР В ЭПОХУ ПЛАТОНА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ТЕНДЕНЦИИ В ИДЕЙНОЙ ЖИЗНИ *

Разумеется¹, творчество Платона было в известной (и даже немалой) мере обусловлено политической ситуацией в том мире, в котором жил и действовал великий философ. Платон – это можно утверждать с полной уверенностью – обладал ярко выраженным политическим темпераментом, который не покинул его вплоть до старости; его менее всего можно назвать мыслителем, стремящимся замкнуться в некую «башню из слоновой кости» (хотя, по условиям времени, подчас ему поневоле приходилось оказываться и в подобной ситуации).

Несомненно сильнейшее пифагорейское влияние на всю систему взглядов Платона. Причем платоновский пифагореизм – это не какое-то позднее, неоригинальное явление в его творчестве. Пожалуй, можно было бы сформулировать следующую парадоксальную сентенцию: Платон – не сократик, на позднем этапе ставший пифагорейцем, он – пифагореец, в молодости побывавший в роли сократика (и еще неизвестно, насколько искренне). Не случайно ведь, что и самому Сократу Платон в целом ряде диалогов придает отчетливо пифагорейские обертоны², да и окружает его подчас последователями самоссокротонского мудреца.

А для пифагорейцев, как прекрасно известно³, было весьма характерно участие в политике, причем в политике вполне определенного, подчеркнуто аристократического толка. Могло ли это не находить отклика в душе молодого Аристокла, сына Аристона, – афинянина, о «супер-аристократическом» происхождении которого говорило ему самому буквально всё: от родословной, восходящей к древним аттическим царям, и вплоть даже до личного имени и патронимика («Лучшеслав, сын Лучшего»)?

* Впервые опубликовано в: Платоновский сборник. Т. 2. М.; СПб., 2013. С. 140–164.

¹ Мы глубоко благодарны Ю. А. Шичалину. Он в ходе исключительно плодотворной беседы натолкнул нас на многие из мыслей, которые далее будут развиты по ходу этой работы.

² Впрочем, наверное, заслуживает упоминания то обстоятельство, что уже карикатурный образ Сократа в аристофановских «Облаках» отнюдь не лишен явственных пифагорейских черт.

³ См. хотя бы классические исследования: *Delatte A. Essai sur la politique pythagoricienne*. Liège, 1922; *Minar E. L. Early Pythagorean Politics in Practice and Theory*. Baltimore, 1942.

Юность Платона пришлась на время стремительного крушения афинского демократического «великого проекта»⁴, связываемого чаще всего с именем Перикла (уже начиная с Фукидида, с его хрестоматийной «Надгробной речи»), но в действительности бывшего плодом трудов нескольких поколений политиков. Какая-то удивительная свобода и широта духа, целостность в сочетании с разнообразием проявлений отличала человеческие натуры этих лет. Сам Перикл мог, отложив все дела, целый день провести в беседе с Протагором о каком-нибудь чисто умозрительном вопросе (Plut. Pericl. 36). До него подобный же стиль поведения был присущ и его непосредственному «предтече» Кимону – хотя Кимону были, конечно, более доступны и приятны разговоры «о доблестях, о подвигах, о славе», а не о том, кто виноват (или что виновато) в случайной гибели атлета на состязании от удара дротика, пущенного другим атлетом (как Периклу), и уж тем более не о том, «как вообще не давать отчетов» (как позже Алкивиаду – Plut. Alc. 7).

Афины на равных воевали и на равных заключали договоры⁵ с колоссальной Ахеменидской державой. От маленького государства, рогом выступившего в Эгейское море, во многом зависело разрешение вопросов глобального (по тогдашним меркам) порядка: быть ли независимым Египту, как сложится судьба греков Ионии, чьи флоты могут, а чьи не могут находиться в Эгейском море, и т. п. «Город Паллады» претендовал на то, чтобы быть не просто «школой всей Эллады», по счастливому выражению Перикла – Фукидида (Thuc. II. 41. 1), но фактически чуть ли не пупом земли, главным центром мировой политической системы, источником всех и всяческих решений. И связывалось всё это однозначно с «аристократической демократией» (как охарактеризован этот строй в той же надгробной речи), во власти державного демоса под мудрым водительством просвещенных знатных вождей (это виделось как воплощение заветов Солона, отдаленного родственника Платона).

Пелопоннесская война (если к какой-то войне применим эпитет «война, в которой не было победителя», то именно к этой, вопреки всякой внешней видимости) разрушила «великий проект» на самом его пике. Если говорить пока только об Афинах, то очевидны две вещи. Во-первых, с определенного момента афинская демократия на полях сражений терпела поражение за поражением⁶, и усилия отдельных одаренных лидеров (вроде того же Алкивиада, или Ферамена, Фрасибула, Фрасилла, Конона и др.) могли только притормо-

⁴ В связи с «великим проектом» см.: Суриков И. Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 72–73.

⁵ Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Peloponnesian War. Baltimore, 1993. P. 1–107.

⁶ Bleckmann B. Athens Weg in die Niederlage: Die letzten Jahre des Peloponnesischen Krieges. Lpz., 1998.

зять, но не остановить этот процесс, приведший к конечному полному краху, к безоговорочной капитуляции перед Спартой. Во-вторых, в общем-то, всем или почти всем было ясно, что этот ход внешнеполитических событий закономерно связан с внутривнутриполитическими процессами: в отсутствие контроля со стороны «просвещенных вождей» (в одночасье куда-то девшихся) славная периклова демократия практически моментально превратилась в откровенно непросвещенную и довольно-таки отвратительную со всех сторон охлократию. Олигархические перевороты 411 и 404 гг. до н. э. (происшедшие отнюдь не вопреки воле большинства граждан а, напротив, при его поддержке⁷) в полной мере демонстрируют реалии тогдашних Афин.

Не иным, конечно, было и восприятие ситуации «глазами Платона». Когда наступило то, что многим, несомненно, казалось «моментом истины», а именно приход к власти коллегии Тридцати непосредственно после окончания войны, ясно, на чьей стороне оказался (и должен был оказаться) будущий основатель Академии. Он заведомо не мог стать на сторону тех, кто тогда массами бежал из Аттики в Фивы и в разные другие места, а через год возвратился с победой над «кровавыми тиранами».

Широко известна знаменитая характеристика режима Тридцати, данная Платоном в Седьмом письме – десятилетия спустя после описываемых событий. Это воспоминания о далекой молодости, принадлежащие человеку, имеющему уже за плечами огромный опыт, пережившему немало разочарований и именно под углом этого опыта и этих разочарований смотрящего теперь на былое.

Когда я был еще молод, я испытал то же, что обычно переживают многие: я думал, как только стану самостоятельным человеком, тотчас же принять участие в общегосударственных делах. Однако вот что выпало мне на долю в делах государственных: так как тогдашний государственный строй (послеперикловская радикальная демократия. – И. С.) со стороны многих подвергался нареканиям, произошел переворот, во главе которого стоял пятьдесят один человек⁸... Некоторые

⁷ Обращает на себя внимание полная бескровность обоих переворотов (см., например: Taylor M. C. Implicating the *Demos*: A Reading of Thucydides on the Rise of the Four Hundred // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 122. 2002. P. 91–108) – кстати, в противоположность восставшим демократии, случившимся вооруженным путем. В целом об этих переворотах см.: Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011. С. 210–288 (со ссылками на предшествующую литературу).

⁸ Имеются в виду правящая коллегия Тридцати, плюс коллегия Десяти, назначенная для управления Пиреем, плюс еще коллегия Одиннадцати, существовавшая в Афинах издавна как орган, ведавший исполнением судебных приговоров, но в 404 г. до н. э. укомплектованная исключительно сторонниками взявших власть олигархов и ставшая важным орудием их репрессивной политики.

из них были моими родственниками и хорошими знакомыми. Они тотчас же стали приглашать к себе и меня, считая это для меня вполне подходящим делом. Я же, будучи молод, не видел во всем этом ничего необычного. Ведь я был убежден, что они отвратят государство от несправедливости и, обратив его к справедливому образу жизни, сумеют его упорядочить, и потому с большим интересом наблюдал за ними: что они будут делать? И вот я убедился, что за короткое время эти люди заставили нас увидеть в прежнем государственном строе золотой век!.. Так вот, видя всё это и многое другое в том же роде, я вознегодовал и устранился от всех этих зол (Plat. Epist. VII. 324b–325a).

Под «прежним государственным строем», который на фоне политики Тридцати стал представляться золотым веком, имеется в виду, естественно, та же демократия. Нелегко, должно быть, дались Платону эти строки, учитывая его убеждения. Итак, для философа Критий и его соратники – это такие деятели, которые своими чудовищными злоупотреблениями полностью скомпрометировали безусловно благую в целом идею «правильного» государственного устройства. После этого приходится даже удивляться, что у Платона не сформировалось стойкое отрицательное отношение к своему ставшему столь одиозным дяде. В платоновском корпусе образ Крития неоднозначен и, во всяком случае, не написан исключительно черными красками. Если в «Хармиде» будущий лидер Тридцати представлен высокомерным человеком, привыкшим «к постоянному почету» (Plat. Charm. 69c), при этом завзятым спорщиком, который на протяжении всего диалога колеблется между желанием безапелляционно отстоять собственную точку зрения и остатками уважения к Сократу, то совсем иначе выглядит тот же афинянин в «Тимее» и «Критии»: перед нами – умудренный собеседник, носитель древнего знания, о котором «все в Афинах знают, что он не невежда ни в одном из изучаемых нами предметов» (Plat. Tim. 20a).

В Седьмом письме Платон явно кое-что недоговаривает касательно своих связей с «Тридцатью тиранами». Утверждая, что он просто «с большим интересом наблюдал за ними», мыслитель, очевидно, не хочет, чтобы у читателей создалось впечатление, что он принимал и практическое участие в делах этого режима. А между тем практически не приходится сомневаться, что какое-то его участие все-таки имело место. Так, весьма вероятно, что Критий со товарищи привлекли Платона к составлению законов. Собственно, именно законотворчество являлось той главной миссией, которая была возложена на коллегию Тридцати и для которой она прежде всего и была создана. Соответственно, Тридцать активно занимались этого рода деятельностью. Их законодательные мероприятия следует рассматривать как составную часть работы по созданию

афинского свода законов, растянувшейся на всё последнее десятилетие V в. до н. э.⁹

Но после этого раннего опыта, оказавшегося негативным, у Платона достаточно надолго сформировалось скептическое отношение к идее, согласно которой законы, даже благие, могут улучшить жизнь государства; это под силу только идеальным правителям – так он считал теперь¹⁰. Тем временем наступало совсем новое почти в любом отношении время древнегреческой истории – IV век... После Пелопоннесской войны в греческом мире стал мощно набирать силу процесс, который в историографии принято обозначать «от гражданина к подданному»¹¹. Мы рассматриваем это как главное проявление тенденции так называемого протоэллинизма, или предэллинизма¹².

* * *

В родных Платону Афинах демократия, восстановленная в 403 г. до н. э., номинально сохранялась вплоть до македонской оккупации города в 322 г. до н. э. Однако чем дальше, тем больше становилось ясным, что в этом строе есть некоторая «фальшь». Самое главное – эта демократия, превратившаяся из аристократической в какую-то «бюргерско-филистерскую»¹³, не способна уже была, да и не претендовала, ни на что великое. Она с радостью довольствовалась тем, чтобы хоть поддерживать собственное существование, не более

⁹ Об этой работе см., например: *Harrison A. R. W. Law-making at Athens at the End of the Fifth Century B.C. // Journal of Hellenic Studies. Vol. 75. 1955. P. 26–35; Piérart M. Athènes et ses lois: discours politiques et pratiques institutionnelles // Revue des études anciennes. Vol. 89. No. 1/2. 1987. P. 21–37; Rhodes P. J. The Athenian Code of Laws, 410–399 B.C. // Journal of Hellenic Studies. Vol. 111. 1991. P. 87–100; Carawan E. The Athenian Amnesty and the ‘Scrutiny of the Laws’ // Journal of Hellenic Studies. Vol. 122. 2002. P. 1–23; Whitehead D. Athenian Laws and Lawsuits in the Late Fifth Century B.C. // Museum Helveticum. Vol. 59. Fasc. 2. 2002. P. 71–96.*

¹⁰ Ср.: *Piérart M. Du règne des philosophes à la souveraineté des lois // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 253 ff.*

¹¹ См., например: *Павловская А. И. «От гражданина к подданному» – имел ли место этот процесс в Греции в IV в. до н. э.? // ВДИ. №4. 1998. С. 15–29.*

¹² *Суриков И. Е. Античная Греция... С. 56 сл.; Он же. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 311–315.*

¹³ См. важные соображения о так называемых «новых политиках», занявших в Афинах лидирующие позиции в послеперикловское время начиная с Пелопоннесской войны: *Connor W. R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971; Mossé C. La classe politique à Athènes au IVème siècle // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 67–77.*

того. Афины начали постепенно превращаться из лидирующего центра в «политическую провинцию», утрачивать свои былые преимущества¹⁴.

Хваленая афинская стабильность IV в. до н. э.¹⁵, которая нередко давала антиковедам повод говорить о народовластии этой эпохи как о едва ли не более высокой ступени развития демократических принципов по сравнению с предшествующим столетием, была на деле стабильностью слабости, бессилия («положение стабильно тяжелое», как говорят в таких случаях медики). Отсутствие высокой цели порождало, с одной стороны, неаппетитные реалии «республики адвокатов» (по желчно-саркастическому выражению Дрерупа¹⁶), с другой – ностальгические нотки, властно звучащие теперь буквально во всех сферах общественного бытия – от внешней политики до литературы и искусства¹⁷.

Тоска по «славному прошлому» (естественно, идеализировавшемуся и «канонизировавшемуся») охватило общество; это прошлое воспринималось в выраженном контрасте с унылыми буднями современности¹⁸. Да и то сказать: могла ли теперь идти даже речь о каких-то грандиозных проектах, о претензиях Афин на роль «сверхдержавы», об их отношениях на равных с Персией? Условия не Каллиева, но Анталкидова мира¹⁹ становились теперь парадигматичными для греко-персидских отношений.

Поскольку речь сейчас пойдет о нарастании монархических настроений в Элладе в первой половине IV в. до н. э., несколько расширим горизонт рассматриваемого материала. Строго говоря, вышесказанное относится не только к Афинам. Уже первые лет пятнадцать нового столетия со всей ясностью показали: греческие полисные республики в целом потерпели крах, и их судьбу решает отныне монархическая Персия (отсюда, кстати, и повышенный интерес к последней).

¹⁴ Ср.: *Davies J. K. The Fourth Century Crisis: What Crisis? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 35.*

¹⁵ *Herman G. Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 43–60.*

¹⁶ *Drerup E. Aus einer alten Advokatenrepublik (Demosthenes und seine Zeit). Paderborn, 1916.*

¹⁷ См.: *Суриков И. Е. Античная Греция...* С. 15 (со ссылками на предшествующую литературу по вопросу).

¹⁸ Полагаем отнюдь не случайным, что канон «великих греков», как он отразился у Плутарха, не включил в себя *ни одного* афинянина первой половины IV в. до н. э.

¹⁹ «Царь Артаксеркс считает справедливым, чтобы ему принадлежали все города Азии, а из островов – Клазомены и Кипр. Всем прочим же эллинским городам, большим и малым, должна быть предоставлена автономия, кроме Лемноса, Имброса и Скироса, которые по-прежнему остаются во власти афинян. Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я вместе с принявшими мир объявляю войну на суше и на море и воюющим с ними окажу поддержку кораблями и деньгами» (Xen. Hell. V. 1. 31).

Спарта, вознесшаяся на волне своей победы в Пелопоннесской войне, попыталась, правда, вести в Малой Азии наступательную борьбу против могучего восточного соседа. Но стоило ахеменидским властям незаметно надавить на некоторые «рычаги» – и ситуация стремительно, коренным образом меняется. Агесилай вынужден уйти с персидской территории, так ничего и не добившись... В Греции вспыхивает Коринфская война, всё перемешивается, бывшие союзники становятся злейшими врагами, а бывшие противники – друзьями... Кончается всё уступкой Ионии персам и процитированными чуть выше формулировками Анталкидова («Царского») мира 387 г. до н. э.

Формулировки эти, если вдуматься, просто разительны. Ничего подобного не знала ранее древнегреческая дипломатическая практика. Какое-либо равноправие между сторонами начисто исключается звучащим здесь категоричным, нарочито диктаторским тоном, акцентирующим роль персидского владыки как верховного арбитра для эллинов. Последние, надо сказать, вполне приняли такие «правила игры», и в Сузы зачастили представители различных полисов. По сути дела, вся Греция превратилась в «страну Великого царя»...

На одном эпизоде Коринфской войны хотелось бы остановиться чуть подробнее, поскольку он, как нам представляется, сыграл для мировосприятия афинян особую роль «переломного момента». В 394 г. до н. э. спартанский флот в битве при Книде терпит сокрушительное поражение от персидского. Последним командует афинянин Конон – полководец, отличившийся еще на последнем этапе Пелопоннесской войны, но затем оказавшийся в опале и вынужденный поступить на ахеменидскую службу.

На следующий год Конон триумфально прибывает в Афины и, стремясь использовать ослабление Спарты с максимальной выгодой для своего родного полиса, восстанавливает «Длинные стены», соединявшие город с портом Пиреем. Этот протянувшийся на несколько километров укрепленный «коридор» являлся важнейшей частью системы афинских оборонительных сооружений; его наличие обеспечивало афинянам почти полную неуязвимость от осады и взятия «измором». Не случайно спартанцы, одержав в 404 г. до н. э. победу в Пелопоннесской войне, немедленно приказали уничтожить «Длинные стены». А теперь, одиннадцать лет спустя, они вновь появились²⁰ – и появились благодаря Конону и... Персии.

Ведь получилось так, что Конон находился в своеобразном «двойном статусе» – одновременно являлся ахеменидским офицером высокого ранга и афинским политиком (кажется, ранее ни с кем из афинян такого еще не случилось). События 493 г. до н. э. как-то особенно ярко и болезненно высветили

²⁰ Второй раз (и теперь уже окончательно) «Длинные стены» в Афинах были уничтожены только в I в. до н. э. – Суллой в ходе Первой Митридатовой войны.

надвинувшуюся афинскую «провинциальность», доходящую до беспомощности. Помощь пришла с Востока, от «Великого царя» и его подданных²¹. Ну как было после этого не проникнуться уважением к Персии? Тогда-то, похоже, и происходит пресловутое изменение «политической атмосферы» в Афинах. На горизонте уже маячит «Киропедия» Ксенофонта – произведение, решительно невозможное в V в. до н. э. (образ персидского монарха, а не кого-либо иного, в качестве идеального правителя!).

Впрочем, не только в Персии дело; монархический принцип проявлял свою эффективность и в меньшем масштабе. Оказались достаточно успешными и некоторые другие режимы личной власти, уже в рамках самого греческого мира, – правда, в основном в его периферийных областях, которые, кстати, начинали и в целом играть всё более активную роль в судьбе Эллады.

Взять хотя бы Евагора²² – царя-тирана Саламина Кипрского (правил в 411–374 гг. до н. э.). Его карьера могла произвести сильное впечатление. Он объединил под своей властью значительную часть Кипра (практически все греческие города острова), по отношению к могущественной Персии проводил весьма независимую политику: то был ахеменидским вассалом, но, впрочем, привилегированным, то воевал с бывшими господами, то заключал с ними мир – и опять же скорее на благоприятных для себя условиях. При своем дворе Евагор приютил немалое количество афинян-беженцев; одним из них, в частности, был и вышеупомянутый Конон, попавший на персидскую службу, между прочим, именно по рекомендации кипрского правителя. Как известно, Евагору чрезвычайно симпатизировал Исократ, который в начале IV в. до н. э. находился с Платоном скорее в дружественных, чем во враждебных отношениях.

Не меньших, если не больших успехов добился знаменитый Дионисий Старший, являвшийся сиракузским тираном в 405–367 гг. до н. э. Сколько-нибудь подробно говорить о нем и о его деятельности вряд ли здесь имеет смысл²³. Нельзя не упомянуть разве что о визите Платона к его двору. Перипетий пребывания философа в гостях у сицилийского владыки, проблем, связанных с историчностью тех или иных релевантных эпизодов, и т. п. мы касаться не будем. Во всяком случае, в самом факте визита сомневаться не приходится.

²¹ Конон явно рассматривался как персидский подданный, во всяком случае в самой Персии. Уже в 392 г. до н. э. сатрап Лидии Тирибаз взял его под стражу, заподозрив в нелояльности. Дальнейшая судьба афинского полководца неизвестна: то ли он умер в заточении, то ли бежал на Кипр к Евагору, о котором см. ниже.

²² Анализ его деятельности см., например, в: *Петрова Э. Б.* Боспор и Кипр: опыт сопоставления двух тиранических режимов // *Античный мир и археология*. Вып. 10. Саратов, 1999. С. 12–29.

²³ Тем более что даже на русском языке об этом тиране имеется специальное исследование: *Фролов Э. Д.* Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979.

Что привело Платона (да и не его одного) в Сиракузы, каков был историко-политический контекст его поездки, имевшей место в начале 380-х гг. до н. э.? Именно тогда власть и слава Дионисия достигли, можно сказать, своего пика. В результате мирного договора 392 г. до н. э., завершившего вторую войну Сиракуз с Карфагеном, карфагеняне были почти полностью вытеснены с Сицилии, а отвоеванные местности перешли под контроль Дионисия. Позже удача далеко не всегда была столь же милостива к сиракузскому тирану, и часть захваченных территорий пришлось вернуть. Но к исходу первого десятилетия IV в. до н. э. Дионисий, повторим, был «на взлете», и могло показаться, что для него нет ничего невозможного. Впечатление было такое, что если от кого-то в Элладе можно еще ожидать нового «великого проекта», то только от него.

Мог ли Платон, в то время разочаровавшийся в законах как панацее от зол и возлагавший свои упования на личностный фактор, на идеальных правителей, не попытаться воздействовать в подобном ключе на столь сильную личность, как Дионисий? Собственно, он и сам почти *expressis verbis* пишет об этом в Седьмом письме:

Писанные законы и нравы поразительно извратились и пали, так что у меня, вначале исполненного рвения к занятию общественными делами, когда я смотрел на это и видел, как всё пошло вразброд, в конце концов потемнело в глазах. Но я не переставал размышлять, каким путем может произойти улучшение нравов и особенно всего государственного устройства; что же касается моей деятельности, я решил выждать подходящего случая. В конце концов относительно всех существующих теперь государств я решил, что они управляются плохо, ведь состояние их законодательства почти что неизлечимо и ему может помочь разве только какое-то удивительное стечение обстоятельств. И, восхваляя подлинную философию, я был принужден сказать, что лишь через нее возможно постичь справедливость в отношении как государства, так и частных лиц. Таким образом, человеческий род не избавится от зла до тех пор, пока истинные и правильно мыслящие философы не займут государственные должности или властители в государствах по какому-то божественному определению не станут подлинными философами. С такими мыслями я прибыл впервые в Италию и Сицилию... (Plat. Epist. VII. 325d–326b).

Далее, правда, Платон пишет, что и на новом месте он тоже быстро разочаровался. Однако его тогдашние политические взгляды в результате сицилийской поездки, судя по всему, только укрепились. Во всяком случае, по возвращении в Афины он перестал «выжидать подходящего случая» и приступил к деятельности: открыл Академию. Школа эта, разумеется, мыслилась им отнюдь не как заповедник для абстрактного теоретизирования, а именно как место, где философов будут превращать в правителей, правителей же – в философов. Сама эта идея, несмотря на неудачу с Дионисием Старшим, не только

не была Платоном отброшена, но, кажется, приобрела еще более четкую форму, чем прежде. Дело в том, что в Сиракузах он встретил человека, который, по всей видимости, в максимальной степени отвечал его чаяниям: пусть не самого тирана, но лицо, близко стоящее к престолу и имеющее хорошие перспективы в дальнейшем начать напрямую влиять на судьбу государства и при желании направить ее в нужную сторону. Причем желание такое с его стороны также наличествовало.

Сам философ подчеркивает значение, которое имела эта его встреча с молодым Дионом:

Каким образом, считаю я, мое тогдашнее прибытие в Сицилию послужило толчком ко всем дальнейшим событиям? Я познакомился и сблизился с Дионом, бывшим тогда, как мне кажется, совсем юным. В беседах я излагал ему в рассуждениях то, что, по моему мнению, является наилучшим для людей, и советовал ему осуществлять это на практике... Что же касается Диона, то он был очень восприимчив ко всему, а особенно к тому, что я тогда говорил; он так быстро и глубоко воспринял это, как никто из юношей, с которыми я когда-нибудь встречался... (Plat. Epist. VII. 326e–327b).

На склоне лет, после того, как уже многие и многие молодые люди прошли через его учительские руки, Платон не останавливается перед тем, чтобы фактически назвать Диона лучшим, самым перспективным из своих учеников. И, думается, здесь перед нами не просто риторическое преувеличение. Платону действительно повезло: далеко не каждому выпадает такое – уже в самом начале наставнической деятельности почувствовать, что семена упали на благодатную почву. Каким вдохновляющим образом это должно было подействовать на него! Уж не родилась ли у Платона сама мысль о систематическом преподавании юношам, об Академии под влиянием общения с этим сиракузянином? Выскажем это, разумеется, в самой осторожной и гипотетической форме. А история с Дионом имела свое продолжение, всем хорошо известная, но эта «вторая глава» отношений философа и политика развертывалась уже в совсем другую эпоху, и мы поговорим о ней в соответствующем контексте.

* * *

Еще одним регионом, где в первой половине IV в. до н. э. монархические режимы в форме тирании добились значительных успехов, была Фессалия²⁴.

²⁴ Фессалийские тиранические режимы рассматриваемой эпохи в литературе обычно относят к категории так называемой «Младшей тирании». См. прежде всего: *Фролов Э. Д.* Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972. Но мы в другом месте (*Суриков И. Е.* Античная Греция... С. 33 сл.) стараемся показать, что это не так, что тирании Ясона и Александра

Эта область, довольно поздно вышедшая на историческую арену и начавшая играть видную политическую роль, в государственном отношении представляла собой рыхлый союз управлявшихся аристократией полисов, да и то каких-то «недоразвитых», недооформившихся; одним из них были, например, Феры, которые упоминаем постольку, поскольку именно там возникла знаменитая фессалийская тираническая династия. Периодически (но далеко не всегда) фессалийскими аристократами избирался из своей среды глава союза – таг, обладавший функциями верховного главнокомандующего²⁵.

Первым получившим широкую известность тираном Фер был персонаж с «мифологическим» (причем взятым именно из фессалийской мифологии) именем Ясон, пришедший к власти в 380-х гг. до н. э. Укрепляя собственное положение, он постепенно подчинил своему влиянию всю Фессалию и в 374 г. до н. э. стал тагом. Ясон, в принципе, даже претендовал на гегемонию в Греции (вот еще один потенциальный носитель «великого проекта»), подумывал о походе на персов, но в 370 г. до н. э. был убит в результате заговора, что, однако, не привело к ликвидации тирании. Из преемников Ясона наиболее известен его племянник Александр Ферский (правил в 369–358 гг. до н. э.), который также претендовал на власть над всей Фессалией, держал под своим контролем ряд фессалийских городов, строил и более широкие геополитические планы (действия его отмечены как к югу, так и к западу от области в долине Пеней), но при этом вызывал у аристократов неприязнь своей крайней жестокостью. Именно как воплощение жесточайшего тирана-самодура он главным образом и вошел в историю²⁶. В конце концов Александр тоже стал жертвой заговорщиков.

Как бы то ни было, в 370–360-е гг. до н. э. Фессалия достаточно много значила в общегреческой политической жизни, да и в общегреческом политическом дискурсе. Наверное, отнюдь не случайно, что и у Платона фессалийская проблематика присутствует. В «Критоне» (не касаясь здесь проблемы его авторства²⁷, отметим лишь, что нет никаких оснований считать это произведе-

Ферского типологически имели весьма мало общего, скажем, с тем же режимом Дионисиев в Сиракузах.

²⁵ К характеристике устройства Фессалии (а также Македонии, о которой речь пойдет ниже) см.: Archibald Z. H. Space, Hierarchy, and Community in Archaic and Classical Macedonia, Thessaly, and Thrace // *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxf., 2000. P. 212–233.

²⁶ Sprawski S. Alexander of Pherae: *Infelix Tyrant* // *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 2006. P. 135–147.

²⁷ Мы все-таки не склонны совсем отрывать «Критона» от Платона (вопреки Теслефу). С другой стороны, вопрос этот, что ни говорить, спорный, и мы бы не стали приветствовать, например, попытки выстроить реконструкцию взглядов Сократа на государство,

ние «ранним сократическим» диалогом²⁸) заглавный герой предлагает Сократу, дабы спастись от смерти, перебраться в Фессалию.

Нельзя в связи с этим не вспомнить о Меноне, сыне Алексидема, из Фарсала, в честь которого назван еще один платоновский диалог. Менон – лицо совершенно реальное²⁹, знатный фессалийский аристократ, черными красками изображенный Ксенофонтom в «Анабасисе» и плохо кончивший в ходе того самого «похода Десяти тысяч». Но одно дело – реальный Менон конца V в. до н. э., встречавшийся или не встречавшийся с Сократом (во всяком случае, совершенно точно знакомый с Ксенофонтom); другое дело – Менон Платона, внезапно появляющийся в одном из ключевых, несомненных по аутентичности диалогов. Основатель Академии опять намекает на свою роль потенциального king-maker'a?

К северу от Фессалии, отделенная от него хрестоматийным хребтом Олимпа, лежала Македония³⁰. Этой «греческой-негреческой» страны нам обязательно нужно коснуться. Хотя бы даже потому, что в 367 г. до н. э. из Стагир, находившихся под македонским влиянием, был отправлен в Афины, в школу Платона, некий молодой человек, которому только еще предстояло стать «учителем тех, кто знает»³¹. Подчеркиваем, именно был отправлен: Аристотель был тогда еще несовершеннолетним, и судьбой его распоряжался отец Никомах³².

опираясь преимущественно на данные «Критона» (как в книге: *Kraut R. Socrates and the State. Princeton, 1984*).

²⁸ Ср.: *Суриков И. Е.* Сократ. М., 2011. С. 33 сл.

²⁹ Достаточно подробное описание его карьеры см. хотя бы в известном своде: *Nails D. The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics. Indianapolis, 2002. P. 204 ff.* См. также: *Brown T. S. Menon of Thessaly // Historia. Bd. 35. Ht. 4. 1986. S. 387–404.* Просопографические изыскания в связи с предками этого Менона (семья имела тесные связи с Афинами уже со времен Кимона) см.: *Суриков И. Е.* Острака и афинская просопография // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. История. Вып. 1 (3). 2004. С. 51–65; *Он же.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 154 сл.; *Он же.* Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // Вопросы эпиграфики. Вып. 3. М., 2009. С. 102–127.

³⁰ По «македонской» сюжетике этой статьи нам оказал неоценимую услугу своими консультациями Ю. Н. Кузьмин, крупнейший ныне в России специалист по истории античной Македонии. Мы глубоко благодарны ему.

³¹ Данте. Ад. IV. 131.

³² Впрочем, вопрос о том, был ли Никомах еще жив к 367 г. до н. э. или уже умер, на основании скудных и не слишком достоверных данных предания однозначно разрешить вряд ли возможно. См. к вопросу: *Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А.* Платон. Аристотель. М., 1993. С. 189 сл. Если принимать вариант, согласно которому к интересующему нас моменту Никомах уже не было в живых, а судьбой Аристотеля распоряжался опекун Проксен, в дальнейшей нашей аргументации от этого ничего принципиально не меняется.

Первый подъем Македонии надежно связывается традицией с именем Архелая I (правил в 413–399 гг. до н. э.). Однако Архелай (несмотря даже на то, что при дворе его подвизались такие величины, как Еврипид и Агафон), производил все-таки на греческих интеллектуалов впечатление отнюдь не рафинированного эллина (какими казались Евагор и особенно Дионисий), а скорее какого-то полуварварского царька. В результате длившейся несколько лет смуты после убийства Архелая македонский престол занял Аминта III, царствовавший в 393–370 гг. до н. э. При нем Македония, в общем, ничем не блистала, и вряд ли эта северная страна могла тогда привлечь внимание серьезного политического мыслителя. Отметим тем не менее, что «врачом и другом» именно этого Аминты был Никомах, отец Аристотеля (Diog. Laert. V. 1).

После смерти Аминты III в Македонии началась и вовсе «замятня и чехарда»³³. Царем стал его старший сын Александр II, но он был убит заговорщиками в 367 г. до н. э. Власть перешла к некоему Птолемею (судя по всему, представителю той же династии Аргеадов, ее боковой ветви). Отбытие Аристотеля в «город Паллады» приходится, таким образом, на время пика неурядиц. Полагаем, батюшка (или опекун) отослал талантливого отпрыска в более безопасное место³⁴ именно в связи с тем, что «у руля» в Македонии оказался человек, не связанный напрямую с Аминтой – другом Никомаха.

Юный стагирец, впрочем, оказался лишь «первой ласточкой» в интеллектуальных контактах Афин со странами столь дальнего севера. В 365 г. до н. э. Птолемей был устранен наследником македонского престола, имевшим куда более законные права на оный, – Пердиккой III, сыном Аминты III. Пердикка, правивший до своей гибели на войне в 359 г. до н. э., поддерживал контакты с Платоном. Ему адресовано Пятое письмо основателя Академии, и невозможно предположить, что это письмо является подложным. Своеобразная «вторичная-третичная» мифология могла возникать в связи с отношениями Платона и Дионисия Младшего (некоторые письма платоновского *corpus epistolarum*, будто бы посланные этому адресату, действительно подлежат весьма критическому

³³ В связи с дальнейшим см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. 2: 550–336 B.C.* Oxf., 1979. P. 180 ff.; *Roisman J. Classical Macedonia to Perdiccas III // A Companion to Ancient Macedonia.* Oxf., 2010. P. 161 ff.; *Кузьмин Ю. Н. Введение в историю древней Македонии.* Самара, 2005. С. 10 сл.

³⁴ Дерзнем утверждать, что в Греции этого времени не было более безопасного места, чем Афины. Со своими восстановленными «Длинными стенами», по ряду причин свободная от угроз кровопролитной внутренней смуты, столица Атики пребывала в полном спокойствии. Традиционно в эллинском мире самым безопасным местом была Спарта, но как раз к описываемому моменту «прошли те времена». В 360-х гг. до н. э. по Пелопоннесу ежегодно рыскала огромная армия Эпаминонда, временами заглядывая и в Лаконику.

анализу), но кому бы и зачем бы нужно было придумывать в более поздние эпохи контакты Платона с мало чем прославившимся Пердиккой III?³⁵

Из упомянутого Пятого письма мы узнаем о том, что Платон послал ко двору Пердикки своего ученика, Евфрея Орейского. King-maker, как видим, отнюдь не успокоился и в 360-х гг. до н. э. Судьба Евфрея, впрочем, оказалась плачевной. После гибели Пердикки III номинально македонским царем стал его сын, малолетний Аминта IV. Однако регентом был объявлен дядя «царя»-мальчика», знаменитый Филипп II – младший сын Аминты III. А уж Филипп-то (совершенно на Платона не ориентированный) быстро нашел способ избавиться от ненужного советника Евфрея. Последний то ли был казнен по приказу Пармениона, то ли покончил с собой (зная особенности македонского политического поведения, дерзнем утверждать, что две версии, в общем-то, тождественны).

Из Македонии у нас прямой путь через Эгейское море, в малоазийский Атарней (находившийся в Мисии, напротив Лесбоса). И тут нас встретит еще одна фигура, имеющая самое прямое отношение к тематике данной статьи, – тиран Гермий. Да, тот самый, благодаря которому Аристотеля внезапно «поцеловала муза», вопреки Виламовицу: великий Стагирит вдруг сочинил в честь Гермия гимн в «пиндарическом духе» – тот самый гимн, за который ему потом пришлось, страшась судебного приговора, бежать из Афин и кончить жизнь в соседней Халкиде. Да и то сказать: Гермий стал тестем Аристотеля. Правда, по некоторым сведениям (например: Diog. Laert. V. 4), он на самом деле был евнухом (малоазийский тиран-евнух – интересный образ, как бы предвосхищающий византийских полководцев-евнухов, столь красочно описанных С. С. Аверинцевым). Пифиада, супруга Аристотеля, являлась, по мнению Д. Нейлс, племянницей и приемной дочерью Гермия³⁶.

Гермий был каким-то образом причастен к Академии Платона (Strab. XIII. 610). Когда он стал править Атарнеем (случилось это около 355 г. до н. э.), к нему, по обыкновению, прибыли платоники – Эраст и Кориск (Plat. Epist. VI; впрочем, как раз за аутентичность этого письма нельзя на все сто процентов поручиться).

Сотрудники Академии «хлынули» к Гермию уже после смерти Платона. При его дворе, помимо Аристотеля, оказался на какое-то время Ксенократ. Были там и Каллисфен, и Теофраст, – но это уже безусловный круг Стагирита.

³⁵ Достаточно будет внимательно и непредвзято перечитать Пятое письмо, встретить там, например, такие слова: «Платон слишком поздно родился для своей страны и застал народ постаревшим и вдобавок приученным его предшественниками делать многое, не соответствующее его мнениям» (Plat. Epist. V. 322ab), – чтобы уловить здесь подлинно платоновский дух.

³⁶ Nails D. Op. cit. P. 161.

Почему мы перешли к Атарнею именно от Македонии? Гермий, хоть и был номинально персидским подданным, держался достаточно независимо³⁷. Он вступил в какие-то сношения с Македонией, за что был в конечном счете схвачен и казнен персами. Впрочем, случилось это гораздо позже, в 341 г. до н. э., то есть заведомо после смерти Платона.

* * *

Мы же вернемся все-таки несколько назад, так как необходимо акцентировать внимание на новой тенденции, давшей о себе знать еще при жизни первого схоларха Академии и, как нам представляется, повлиявшей на его взгляды. Афиняне, привыкшие к тому, чтобы «и самим не иметь покоя, и другим людям не давать его» (Thuc. I. 70. 8), традиционно со всей живостью реагировали на все новейшие тенденции в политической жизни. А ближе к середине IV в. до н. э. политическая конъюнктура очень уж сильно изменилась, что чрезвычайно точно отразил Ксенофонт в суждении, завершающем его «Греческую историю». Рассказав о Мантинейской битве 362 г. до н. э., он резюмирует:

Эти события привели, таким образом, к последствиям прямо противоположным тем, которые ожидались другими людьми. Здесь собралась вместе почти вся Греция и выступила с оружием в руках друг против друга; все ожидали, что если произойдет сражение, то те, которые победят, получат в свои руки власть над Грецией, а побежденные подчинятся им. Однако по воле божества случилось так, что обе стороны, как победители, поставили трофей и не те, ни другие не в силах были воспрепятствовать противникам сделать это; обе стороны, как победители, выдали противникам трупы, заключив для этого перемирие, и обе же стороны, как побежденные, согласились на это. Далее, обе стороны утверждали, что они победили, и тем не менее ни одна из сторон не приобрела после этой битвы ни нового города, ни лишней территории или власти по сравнению с тем, что она имела до этого боя. (27) Это сражение внесло еще большую путаницу и замешательство в дела Греции, чем было прежде (Xen. Hell. VII. 5. 26–27).

Описанная путаница царила в мире традиционных греческих полисов, чья борьба друг с другом за гегемонию привела в конечном счете к фиаско всех. Но не лучшим образом дела обстояли и в мире быстро поднявшихся маргинальных монархических режимов, о которых речь шла выше. Возлагавшиеся на них (казалось бы, небезосновательные) надежды тоже оказались обману-

³⁷ Он как будто выступал в роли предтечи будущего Пергамского царства (возникшего в начале эпохи эллинизма в том же регионе); занятно, кстати, что первым независимым пергамским правителем, с которого принято начинать отсчет династии Атталидов, был тоже евнух – Филетер.

тыми. На Кипре в 350-х гг. окончил жизнь Никокл, сын и преемник Евагора; после этого «кипрский проект» разрушился, остров оказался под безусловным персидским контролем. В Фессалии упования на объединение области и превращение ее в весомую силу в греческих делах рухнули после гибели Александра Ферского, тоже в 350-х гг. до н. э.

Особый вопрос – Сицилия. Будем говорить кратким и сжатым языком фактов. В 367 г. до н. э. после смерти прославленного отца тираном Сиракуз и хозяином обширной державы становится Дионисий Младший. В 366 г. до н. э. им изгнан Дион; последний перебирается в Афины к Платону. Платон совершает две поездки ко двору Дионисия, несомненно не без инициативы Диона. Стало быть, последний еще не «поставил крест» на Дионисии и считал возможным как примирение с ним (через посредство учителя), так и превращение тирана в «правителя-философа». Впрочем, главное, пожалуй, даже не в этом, а в другом. Всё-таки бросается в глаза, под каким сильнейшим влиянием своего «первого и любимого ученика» находился Платон, коль скоро ради него (именно и всецело ради него!) он, бросив всё, два раза отправлялся в Сиракузы (при том, что из первой поездки туда он должен был вынести, мягко говоря, не самый позитивный опыт). Да и надежды на изменение мира посредством перевоспитания правителей тогда, в 360-е гг. до н. э., еще теплились.

Вторую и третью поездки Платона на Сицилию принято датировать соответственно 366–365 и 361 г. до н. э., и датировки, видимо, в целом верны. Далее, в 357 г. до н. э. Дион, вернувшись на родину, свергает Дионисия Младшего. Придя к власти, он пытается (вероятно, вполне искренне) воплотить в жизнь политические проекты Платона, но в результате оказывается всего лишь очередным тираном и в 354 г. до н. э. сам становится жертвой заговора, организаторами которого опять же были платоники – Каллипп и Филострат. Сам глава Академии, впрочем, предпочел отмежеваться от убийц Диона (Plat. Epist. VII. 333e–334c). И, право же, как мог он приветствовать гибель того, с кем в первую очередь были связаны его упования!

И эти события тоже произошли в 350-е гг. до н. э. Какое-то роковое десятилетие для платоновских планов... Даже Персия, эта монархия *par excellence*, переживала тогда не лучшие времена. Последние годы правления Артаксеркса II – того самого, который столь величественно диктовал всем грекам свои условия в 387 г. до н. э., – были омрачены ослаблением державы. Отпал Египет; так называемое «Великое восстание сатрапов» в Малой Азии пошатнуло царскую власть в одном из наиболее стратегически важных (и самых близких к грекам) регионов³⁸. Ксенофонт на склоне лет, похоже, дописывает пессими-

³⁸ Лучшие в отечественной историографии труды по греко-персидским отношениям (в которых трактуется в соответствующем контексте и история Персии интересующего нас периода) принадлежат Э. В. Рунгу. См.: Рунг Э. В. Греция и Ахеменидская держава: Исто-

стический эпилог к «Киропедии», звучащий резким диссонансом к мажорному тону основной части этого трактата³⁹. Правда, при Артаксерксе III, сменившем отца на престоле в 358 г. до н. э., дела Ахеменидов начали выправляться, но лишь постепенно и понемногу. В 343 г. до н. э. Египет был возвращен под контроль «Великого царя»; около того же времени или чуть позже при помощи Ментора и Мемнона – греческих полководцев на персидской службе – удалось «навести порядок» в Малой Азии. Но эти события лежали уже вне хронологических рамок жизни Платона.

Из монархий же периферии эллинского мира динамика противоположного характера наблюдалась лишь в Македонии. Там с 359 г. до н. э. власть держал в своих руках такой энергичный деятель, как Филипп II: вначале в качестве регента при своем малолетнем племяннике Аминте IV, а затем, через несколько лет отстранив мальчика, – официально в качестве царя. О перипетиях беспрецедентного возвышения Македонского государства в его правление говорить не приходится.

Однако достаточно брутальный Филипп образца 350-х гг. до н. э. никоим образом не ассоциировался с «философом-правителем». Он ничуть не напоминал ни Гермия Атарнейского, ни Евагора, ни Диона, ни даже Дионисиев (Старшего и Младшего) или собственного брата Пердикку III. Филипп мог скорее восприниматься в рамках иной парадигмы – «варвара-филэллина», идущего по стопам самого знаменитого из своих предшественников, Архелая I. Даже Исократ – а он был куда менее щепетилен, нежели Платон, – всерьез обратил внимание на Филиппа II только с середины 340-х гг. до н. э.⁴⁰

Как повлиял вышеописанный почти всеобщий крах власти на взгляды позднего Платона и повлиял ли? Да, думается, сдвиг в позиции философа налицо. Это наглядно проявляется, если сопоставлять «Государство» и «Законы». Дальнейшее наше изложение в значительной мере опирается на чрезвычайно интересные выкладки Марселя Пьерара⁴¹.

После смерти Сократа у Платона (несомненно, под влиянием пифагорейской практики) рождается идея власти философов. Но уже ко времени Седьмого письма платоновская позиция несколько иная: философ предстает

рия дипломатических отношений в V–IV вв. до н. э. СПб., 2008; *Он же*. Греко-персидские отношения: Политика, идеология, пропаганда. Казань, 2009.

³⁹ О контрастной концовке «Киропедии» (Хен. Сурор. VIII. 8) и о проблемах, которые в связи с ней встают (вплоть до предполагаемого некоторыми не-ксенофоновского авторства этого пассажа), см. хотя бы: *Фролов Э. Д.* Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества и государства. Л., 1984. С. 165 сл.

⁴⁰ Ср.: *Исаева В. И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 162 сл.

⁴¹ *Piérart M.* Du règne des philosophes... S. 253 ff.

не столько активным правителем, сколько законодателем, и лейтмотив этого произведения – подчинение города справедливым законам. В Восьмом письме находим конкретизацию названных идей (видимо, тогда Платон уже работал над «Законами»).

Аналогичная эволюция его воззрений прослеживается не только в эпистолярном наследии, но и в диалогах. Вплоть до «Политика» законы находятся вне сферы внимания автора⁴²; в частности, безразличие к ним сквозит и в «Государстве». В «Политике» же интерес к роли закона в обществе уже появляется. Правда, и в этом диалоге политик, муж «царской науки», стоит еще выше законов. Однако теперь Платон склонен относить идеальное государство к мифическому прошлому, а в суровой реальности в силу вступает «второе правило» (буквально – «второе плавание», δεύτερος πλοῦς, по распространенной греческой идиоме, см.: Plat. Pol. 300c), заключающееся в том, чтобы ввести неизменные и нерушимые законы.

Данная тенденция находит дальнейшее развитие и максимально конкретизируется в гигантском диалоге, именно по имени законов и получившем свое название. Во избежание стасиса в полисе нужно учредить законы, которым повиновались бы все; должностные лица станут рабами этих законов. Кто же законодатели? Теперь Платон уже не берется без колебаний утверждать, что они должны обязательно быть философами. Место для философов в «Законах» – это Ночной совет (своеобразная утопическая проекция Академии или пифагорейского общества). Ночной совет в каком-то смысле выше властей, но он их не заменяет. И законов он не создает.

«От владычества философов к верховенству законов» – характерно озаглавил свою статью М. Пьерар. Впрочем, он считает, что перемены во взглядах Платона были обусловлены в первую очередь эволюцией афинской демократии в IV в. до н. э., ее политической системы и политической жизни. Наверное, такое влияние не следует совершенно отрицать, но не нужно его и преувеличивать. Как минимум не меньшую роль (нам представляется, что значительно большую) играл общегреческий политический контекст, в котором разворачивались платоновские творчество и деятельность. Пьерар этот контекст совершенно не учитывает, а мы в данной работе, напротив, стремились его-то прежде всего и осветить – насколько это было возможно в рамках достаточно краткой статьи.

Поддался ли Платон столь модному среди интеллектуалов его эпохи соблазну монархических настроений? Безусловно, не в такой степени, как Ксенофонт или Исократ. Но говорить, что это «поветрие» его совершенно минуло,

⁴² За исключением «Критона» – оговаривает Пьерар (*Piérart M. Du règne des philosophes... S. 256*). Но о сомнительности интерпретации «Критона» как раннего сократического диалога Платона говорилось выше.

было бы, конечно, неправомерно. В платоновских произведениях налицо интерес к монархии; царская власть уверенно позиционируется в качестве одного из лучших возможных видов государственного устройства⁴³. Впрочем, разумеется, идеальная монархия Платона не имела практически ничего общего с реальной македонской монархией, за которой было будущее. Буквально через год после кончины основателя Академии был подписан Филократов мир...

⁴³ См. по этой проблематике, в частности: *Шишко Е. П.* Представления Платона о единоличной власти // *Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире.* СПб., 2002. С. 81–88; *Она же.* Образ идеального правителя в политической литературе позднеклассической Греции (к становлению монархической идеи): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. С. 19 сл.

ПЛАТОН И АРИСТОТЕЛЬ О МОНЕТЕ (К СОПОСТАВЛЕНИЮ АНТИЧНЫХ И СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОЯВЛЕНИИ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ В ГРЕЦИИ)*

Античная Греция – общество, в котором впервые в мире появился феномен чеканной монеты (или, во всяком случае, одно из таких обществ¹). Как бы то ни было, вся западная традиция монетной чеканки восходит именно к грекам. Вполне естественно поэтому, что возникновение у них монеты, его хронология² и – не в последнюю очередь – его причины и цели вызывают пристальный интерес специалистов.

* Впервые опубликовано в: Scripta antiqua. Т. 4. М., 2015. С. 315–334.

¹ Вопрос о возможном лидийском приоритете более спорен, чем обычно считается. В свидетельстве Геродота (I. 94), к которому обычно апеллируют при рассмотрении данной проблемы, говорится, что лидийцы «первыми из людей, насколько мы знаем, отчеканили монету из золота и серебра и стали ею пользоваться» (курсив наш. – И. С.). Если уделить должное внимание ключевым здесь словам «из золота и серебра», то оказывается, что речь идет о Крезовой чеканке. А до Креза монеты уже были; имеем в виду, разумеется, электроновые выпуски, которые начались примерно одновременно в Лидии и малоазийских греческих полисах. И, строго говоря, мы в точности не знаем, лидийцы или ионийцы дошли до идеи монеты раньше. Есть еще свидетельство Ксенофана (fr. B4 DK = Poll. IX. 83), но оно тоже на самом деле проблематично (Kraay C. M. Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976. P. 313). К вопросу см. также: Seaford R. Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy. Cambridge, 2004. P. 125 ff. (автор осторожно склоняется к идее лидийского приоритета, но полной уверенности не высказывает).

² В данной сфере за последние десятилетия произошли особенно серьезные подвижки. Монета оказалась более поздним изобретением, чем думали раньше, когда приписывали первую чеканку Гигесу, правившему в первой половине VII в. до н. э. Теперь ясно, что для Малой Азии за точку отсчета нужно брать не время Гигеса, а время Алиатта (конец VII или даже скорее начало VI в. до н. э.), а для Балканской Греции – эпоху не раньше середины VI в. до н. э. (соответственно, для полисов зоны колоний датировки должны быть еще позже – так, для Боспора недавно предложено начало V в. до н. э.: Коваленко В. А., Толстиков В. П. О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. № 3. 2010. С. 31–59; № 4. С. 23–50). К рассматриваемой проблематике в целом см.: Wallace W. P. Early Coinages of Athens and Euboea // Numismatic Chronicle. Vol. 2. 1962. P. 23–42; Kraay C. M. Archaic and Classical Greek Coins...; Idem. The Asyut Hoard: Some Comments on Chronology // Numismatic Chronicle. Vol. 17. 1977. P. 189–198; Idem. Schatzfunde, Kleingeld und der Ursprung der Münzen // Metho-

Дальнейшее изложение необходимо предварить акцентировкой тезиса принципиального характера. Исследуя любой исторически развивавшийся феномен, нужно отличать вопрос о его этиологии от вопроса о его актуальной функции (или функциях) на дальнейших стадиях эволюции³. Применительно конкретно к монете это означает следующее. Прекрасно известно, что как в античности, так и позже монета активнейшим образом использовалась в торговле, в обмене. Это стало одной из ее важнейших функций. Но именно *стало*! Из данного факта еще нельзя автоматически делать априорный вывод, что монета и изобретена была для нужд торговых операций – ведь положение со временем могло и меняться.

Между тем именно такой вывод весьма часто, хоть и, на наш взгляд чрезмерно поспешно, делался исследователями. Более того, еще относительно недавно в исторической науке всецело господствовало мнение, согласно которому главной целью, ради которой полисы античной Эллады начали в архаическую эпоху выпуск чеканной монеты, являлось развитие торговли⁴. Ныне же, если кто-нибудь и придерживается подобной точки зрения, то разве что в весьма модифицированном варианте⁵, в основном же она отошла в прошлое. Появилось понимание того, что более значимую роль для интересующего нас процесса сыграли иные факторы – как экономические (но притом не торговые), так и политические, а также, похоже, даже религиозные, культурные и т. п.⁶

В чем же причина того, что превратная (или, по крайней мере, сильно упрощающая ситуацию) концепция продержалась столь долго? Думается, дело

den der antiken Numismatik. Darmstadt, 1989. S. 180–210; *Radnoti-Alföldi M.* Antike Numismatik. Teil I. Mainz, 1978. S. 72 ff.; *Kroll J. H., Waggoner N. M.* Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // *American Journal of Archaeology*. Vol. 88. No. 3. 1984. P. 325–340; *Jenkins G. K.* Ancient Greek Coins. 2 ed. L., 1990. P. 25 ff.; *Rebuffat F.* La monnaie dans l'antiquité. P., 1996. P. 36–39; *Kim H. S.* Archaic Coinages as Evidence for the Use of Money // *Money and its Uses in the Ancient Greek World*. Oxf., 2001. P. 7–21. Работ по соответствующей тематике на самом деле гораздо больше; те, что указаны здесь, приведены скорее *exempli gratia*.

³ Ср. реализацию этого принципа на ином материале: *Суриков И. Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 205 сл., 347 сл.

⁴ См. как характерные примеры: *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 23; *Hill G. F.* Ancient Greek and Roman Coins: A Handbook. Chicago, 1964. P. 26 ff.

⁵ Например: *Schaps D. M.* The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece. Ann Arbor, 2004; *Idem.* What was Money in Ancient Greece? // *The Monetary Systems of the Greeks and Romans*. Oxf., 2008. P. 38–48.

⁶ См. по различным аспектам проблемы: *Servet J.-M.* Nomismata: État et origines de la monnaie. Lyon, 1984; *Kraay C. M.* Schatzfunde...; *Reden S. von.* Money, Law and Exchange: Coinage in the Greek Polis // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 117. 1997. P. 154–176; *Seaford R.* Op. cit. P. 48 ff.; *Суриков И. Е.* Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 186 сл.

в числе прочего и в том, что ее адепты апеллировали для доказательства правоты своих взглядов не в последнюю очередь к свидетельствам (точнее, суждениям) самих античных авторов, писавших по экономическим вопросам. Дескать, уж им-то должно было быть точно известно, как всё обстояло «на самом деле».

Оговорим здесь, что экономика как специальная наука, по крайней мере в классический период греческой истории, еще не возникла; в результате идеи экономического характера (в том числе связанные с монетой) мы встречаем почти исключительно в трудах философов⁷. Обычно называют в данной связи имена Платона, Аристотеля и особенно Ксенофонта.

Ксенофонт часто фигурирует в исследованиях как тот автор, который из древних греков будто бы стоит наиболее близко к современному понятию «экономиста». Но это только потому, что в богатом наследии чрезвычайно плодovitого эллинского писателя мы находим и трактаты, казалось бы, вполне экономические по тематике («Домострой» – *Oikonomikos*; «О доходах»⁸). В действительности же Ксенофонт был, в сущности, эссеистом и писал по всем многочисленным темам, которые его интересовали, по-дилетантски поверхностно.

В частности, он не имел понятия о процессах инфляции и дефляции (а может ли вообще называться экономистом человек, игнорирующий столь важные феномены?). В представлениях Ксенофонта цена серебра не зависит от количества этого металла, находящегося в обращении; соответственно, он призывал к всемерному наращиванию его добычи, к резкой активизации эксплуатации Лаврийских рудников⁹. «Великий экономист» совершенно не отдавал себе отчета в том, что это может вызвать инфляционные эффекты.

⁷ Характерно, например, что в одном из новейших трудов о древнегреческой экономической мысли (*Amemiya T. Economy and Economics of Ancient Greece. L.; N. Y., 2007. P. 115 ff.*) в качестве представителей последней рассматриваются Ксенофонт, Платон и Аристотель – именно те авторы, о которых и у нас далее пойдет речь.

⁸ Именно небольшой трактат Ксенофонта «О доходах» выглядит в литературе как особенно интригующий, его данными пользуются в самой разной связи (см. хотя бы: *Schütrumpf E. Politische Reformmodelle im vierten Jahrhundert: Grundsätzliche Annahmen politischer Theorie und Versuche konkreter Lösungen // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 293 ff.; Mansouri S. Athènes vue par ses métèques (Ve – IVe siècle av. J.-C.). P., 2011. P. 39).* Это, безусловно, ценный источник. Но между понятиями «ценный источник» и «важный памятник экономической мысли» все-таки, как говорится, дистанция огромного размера.

⁹ На что справедливо обращается внимание в работе: *Patronis V. Economic Ideas of Ancient Greek Philosophers: Assessing their Impact on the Formation of the World Economic Thought // Hellenic Dimension: Materials of the Riga 3rd International Conference on Hellenic Studies. Riga, 2012. P. 13.*

Впрочем, он разделял это заблуждение со своим не менее известным современником Исократом¹⁰. Идея панэллинизма, традиционно ассоциируемая с последним¹¹, предполагала, что, когда будет завоевана Азия, оттуда хлынут потоком золото и серебро и это, дескать, спасет нищую Грецию. Драгоценные металлы (в виде начеканенной из ахеменидских запасов и разными способами пущенной в оборот монеты) после похода Александра в Элладу действительно хлынули, однако это привело в конечном счете не к улучшению, а только к ухудшению экономической ситуации. Резко увеличившаяся денежная масса без подобающего подкрепления каким-то материальным обеспечением (а никакого нового материального обеспечения старая бедная Греция дать не способна была) ничего, кроме инфляции, породить не могла.

Впрочем, оставим в стороне эти попытки первых греческих «экономистов» (на деле просто публицистов) разобраться с финансовой политикой их времени и обратимся к тем мыслителям, чьи высказывания могут быть действительно интересны и полезны в связи с поднятой здесь темой. Это, само собой, Платон и Аристотель, которых вряд ли кто-нибудь не признает серьезными философами, притом людьми, оригинально и системно мыслившими, к тому же получившими великолепное образование, многосторонними по кругу интересов, хорошо разбиравшимися в самых различных сферах бытия.

* * *

Оба названных автора неоднократно высказывались о феномене монеты. И, во всяком случае, основные их высказывания, наиболее характерные и авторитетные суждения, в особенной мере повлиявшие на складывавшиеся позже, вплоть до современности, научные представления, обязательно должны быть рассмотрены здесь.

Пассажи, которые мы приведем, имеют неодинаковый характер. Среди них – как обширные рассуждения с аргументацией, логикой и т. д., так и краткие, мимоходом сделанные замечания, подчас метафорического характера.

¹⁰ Рассмотрение идей Ксенофонта и Исократа как некоего единого комплекса, в общем, принято в историографии (см. как характерный пример: *Фролов Э. Д.* Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества и государства. Л., 1984. С. 135 сл.).

¹¹ См. хотя бы: *Исаева В. И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 154 сл. В западной историографии последнего времени есть склонность «отчуждать» Исократу от панэллинизма, а то и просто отрицать реальность самой идеи панэллинизма. Указывают на то, что термин «панэллинизм» как таковой не встречается у Исократа (да и у какого бы то ни было античного автора). Это, конечно, так (любой желающий теперь может проверить это по электронному TLG). Безусловно, термин «панэллинизм» – некая конструкция, созданная историографией Нового времени. Но она всё же отражает реалии тогдашнего дискурса, пусть и выражавшиеся иными лексемами.

Впрочем, интерес представляют даже и последние, поскольку в них тоже отразились взгляды данных авторов на монету.

Вот, например, небольшая цитата из «Федона» Платона:

...Если иметь в виду добродетель, разве это правильный обмен (*allage*) – менять (*katallattesthai*) удовольствие на удовольствие, огорчение на огорчение, страх на страх, разменивать большее на меньшее, словно монеты (*nomismata*)? Нет, существует лишь одна правильная монета (*nomisma*) – разумение (*phronesis*), и лишь в обмен на нее должно всё отдавать (*anti hou dei ta panta katallattesthai*); лишь в этом случае будут неподдельны и мужество, и рассудительность, и справедливость – одним словом, подлинная добродетель... Если же всё это отделить от разума и обменивать друг на друга (*allattomena anti allelon*), как бы не оказалась пустою видимостью такая добродетель, поистине годная лишь для рабов, хилая и подложная (*Plat. Phaedo 69ab*).

Что здесь привлекает внимание? Монета предстает в качестве символа обмена как такового, как вещь, которая только и делает обмен полноценным, а без нее нормальный обмен просто невозможен. Потому, собственно, Платон и берет монету как образ для метафоры при переносе дискурса из материальной сферы в духовную. Оказывается, что в области духовных ценностей тоже необходимо какое-то единое мерило, нематериальная «монета». Сам подобный ход мысли характерен для человека, живущего уже вполне в условиях монетизированного общества.

Но главным образом приходится обратиться к двум самым крупным трудам Платона – «Государству» и «Законам». В первом из этих трактатов философ, в частности, размышляет о возникновении государственности как таковой (в античных полисных условиях это тождественно складыванию общества со всеми его нуждами). Он указывает на то, что неизбежно появятся обмен, торговля, купля-продажа и, соответственно, люди, которые специально занимаются этими видами деятельности.

Но предоставим слово самому Платону:

...Разместить такое государство в местности, где не понадобится ввоза (*hou ereisagogimon me deesetai*), почти что невозможно... Значит, вдобавок понадобятся еще и люди для доставки того, что требуется (*komion hon deitai*) из другой страны... Но если такой посредник отправится в другую страну порожняком, не взяв с собой ничего такого, в чем нуждаются те люди, от которых он собирается забрать то, что нужно здесь, то он так и уедет от них ни с чем... Нашей общине понадобится побольше... посредников для всякого рода ввоза и вывоза (*eisaxonton kai exaxonton*). А ведь это купцы (*emporoi*)... Значит, нам потребуются и купцы... Очевидно, они будут продавать и покупать (*polountes kai onoumenoi*) (*Plat. Resp. II. 370e – 371b*).

В качестве прямого следствия вышеизложенного высказывается важный тезис: «Из этого у нас возникнет и рынок (agora), и монета (nomisma) – знак обмена (symbolon tes allages)» (Plat. Resp. II. 371b). Характерным тут представляется вот какой аспект. Для Платона безусловно первична внешняя торговля, крупная и оптовая¹². Однако эта последняя в его понимании еще не нуждается обязательно в монете, она может осуществляться и посредством бартерного обмена «товара на товар». Возникновение же феномена монеты тесно увязывается с возникновением феномена агоры – внутреннего рынка в греческих полисах¹³. Действующий механизм прост. Поскольку оптовый купец-эмпор не может лично сидеть на рынке, тратя на это время, появляются перекупщики – мелкие розничные торговцы, капелы (kapeloi) (Plat. Resp. II. 371d).

Деятельность последних Платон описывает в довольно пренебрежительных тонах (разделяя в данном отношении предубеждение, характерное для греческой интеллектуальной элиты в целом¹⁴):

...Это, пожалуй, самые слабые телом и непригодные ни в какой другой работе (люди. – И. С.). Они там, на рынке (peri ten agoran) только того и дожидаются, чтобы за деньги приобрести (ant' argyriou allaxasthai) что-либо у тех, кому нужно сбыть свое, и опять-таки обменять это на деньги (anti au argyriou diallattein) с теми, кому нужно что-то купить (priasthai) (Plat. Resp. II. 371cd).

Философ характеризует капелов как «посредников по купле и продаже (prosonen te kai prasin), которые засели на рынке (en agorai)» (Plat. Resp. II. 371d). Ясно, что именно им-то и нужна монета.

Платон, как прекрасно известно, являлся в высшей мере консервативным мыслителем¹⁵, неприязненно относившимся к разного рода новшествам, в том

¹² Насколько можно судить, так и исторически было в греческом мире. См. применительно к эпохе ранней архаики: *Tandy D. W. Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece*. Berkeley, 1997. Эта торговля в силу понятных условий была почти исключительно морской (*Reed C. M. Maritime Traders in the Ancient Greek World*. Cambridge, 2003).

¹³ Об агоре в этом ее аспекте см., например: *Thompson H. A., Wycherley R. E. The Agora of Athens: The History, Shape and Uses of an Ancient City Center* (The Athenian Agora. Vol. 14). Princeton, 1972; *Donati J. C. Towards an Agora: The Spatial and Architectural Development of Greek Commercial and Civic Space in the Peloponnese*. Diss. N. Y., 2010; *Mansouri S.* Op. cit. P. 85–98.

¹⁴ Ср. в связи с этим отрицательное отношение эллинических интеллектуалов к метэкам, которые в значительной части и занимались торговлей: *Mansouri S.* Op. cit. P. 17 ss.

¹⁵ *Rowe C. J. Killing Socrates: Plato's Later Thoughts on Democracy // Journal of Hellenic Studies*. Vol. 121. 2001. P. 63–76. Некорректной представляется распространенная в последнее время в западной науке тенденция делать из Платона большого «демократа» и «прогрессиста», чем он был на самом деле (например: *Monoson S. S. Plato's Democratic Entanglements: Athenian Politics and the Practice of Philosophy*. Princeton, 2000; *Wallach J. R. The Platonic Political Art: The Study of Critical Reason and Democracy*. University Park, 2001).

числе и к развитию товарно-денежных отношений. Ясно поэтому, что монета не могла быть любезной ему реалией. Скорее он относился к ее употреблению как к досадной необходимости – но всё же необходимости: иначе было уже нельзя. Противоречивое, неоднозначное, двойственное восприятие философом денег видно хотя бы из следующего пассажа (из того же «Государства»):

Когда надо сообща распорядиться серебром или золотом (*argyrioi e chrysioi*)¹⁶, бывают ли случаи, чтобы справедливый человек был полезнее других? – Бывают, Сократ¹⁷. Это когда надо отдать их на хранение или сбережение. – То есть, по твоим словам, когда они лежат без употребления? – Конечно. – Значит, когда деньги (*argyrioi*) бесполезны, тогда-то и полезна справедливость? – Похоже, что это так... Если справедливый человек способен сохранить деньги (*argyrioi*), то он способен и похитить их... Значит, справедливый человек оказывается каким-то вором (Plat. Resp. I. 333c–334a).

Такие вот парадоксы (но для Платона – вполне логичные). Получается, в частности, что всего справедливее, когда деньги лежат без употребления. Ведь это тормозит столь ненавистный ему процесс нарастания проникающей во все поры общества купли-продажи, порождающего релятивизацию ценностей...

Не менее интересны высказывания Платона на изучаемую здесь тему в его последнем произведении – «Законах». Этот трактат представляет собой утопический проект создания государства если не идеального (от мечты о земном воплощении идеала пожилой философ уже отказался), то хотя бы «правильного» и упорядоченного. В связи с этим встречаются порой весьма оригинальные идеи, и на некоторых из них мы остановимся.

Для их лучшего понимания необходимо учитывать, что для консерватора Платона прибыль («нажива», *chrematismos*) – зло уже в принципе.

Никто не должен – да, впрочем, и не может – наживаться (*chrematizesthai*)¹⁸ неблагородным способом¹⁹; поскольку это зазорное, так сказать, ремесло развра-

¹⁶ Наиболее общее обозначение денег. Чаше даже говорили в этом смысле просто о «серебре» (*argyrioi*).

¹⁷ Платон, как известно, в большинстве произведений (здесь тоже) излагает свои идеи в диалогической форме. Но, конечно, устами обоих собеседников (в данном случае Сократа и Полемаху) говорит он сам.

¹⁸ Русские слова «нажива», «наживаться» не являются (в отличие от греч. *chrematismos*, *chrematizo*) нейтральными с оценочной точки зрения; в них заведомо присутствует какой-то негативный оттенок. Есть и нейтральные синонимы, например «прибыль», «доход»; но характерно, что здесь переводчик (А. Н. Егунов) выбрал именно слова, в которых заключено имплицитное порицание. Тут он верно уловил дух платоновского философствования.

¹⁹ Понятие о «благородных» и «неблагородных» видах занятий у греков сильно отличалось от того, что мы имеем в цивилизации сегодняшнего дня. Тяжелый физический труд

щает благородные нравы, недопустимо даже желать подобного обогащения (Plat. Legg. V. 741e).

Из сказанного тут Платоном следует дальнейшее, чрезвычайно важное:

Никто из частных лиц не имеет права владеть золотом или серебром²⁰ (*med' ex-einai chryson mede argyrimon kektesthai*). Однако для повседневного обмена (*allages*) должна быть монета (*nomisma*), потому что обмен (*allattesthai*) почти неизбежен для ремесленников и всех тех, кому надо выплачивать жалованье, – для наемников, рабов и чужеземных пришельцев. Ради этого надо иметь монету (*nomisma*), но она будет ценной лишь внутри страны, для остальных же людей не будет иметь никакого значения. Общей же эллинской монетой (*nomisma*) государство будет обладать лишь для оплаты военных походов или путешествий в иные государства посольств либо – если это нужно будет государству – всевозможных вестников. Словом, всякий раз, как надо кого-то послать в чужие земли, государству необходимо для этой цели обладать действительной по всей Элладе монетой (*nomisma Hellenikon*). Если частному лицу понадобится выехать за пределы родины, оно может это сделать лишь с разрешения властей; по возвращении домой оно должно сдать государству имеющиеся у него чужеземные деньги (*nomisma... xenikon*), получив взамен местные деньги, согласно расчету. Если же окажется, что кто-либо присвоил чужеземные деньги, они забираются в пользу казны (Plat. Legg. V. 741e–742b).

Данный пространный пассаж, повествующий, если в него внимательно вчитаться, о дуализме валют – конвертируемой и неконвертируемой, автору этих строк однозначно напоминает советскую практику – с выдачей «международных» денег тем, кому позволили отправиться в поездку за рубеж, но и с необходимостью сдать потом оставшиеся излишки. Платон же, разумеется, исходил из реалий «самого благоустроенного» тогдашнего государства – обожжаемой им Спарты с ее железными оболами²¹ для внутреннего употребления, поскольку больше нигде они, естественно, не были в ходу.

крестьянина считался более «благородным», нежели труд торговца (явно не требовавший таких же трудозатрат). Мы ныне имеем восприятие скорее противоположное. Автору этих строк совсем недавно довелось прочесть в какой-то газете сетования женщины на то, что ее муж, в целом человек хороший, почему-то предпочитает быть рабочим, а не избрать, подобно ей самой, интеллигентную профессию. Что разумеет под «интеллигентной профессией» она, дама, становится ясно через несколько строк ее письма: «У меня есть торговая точка»...

²⁰ Уже не в первый раз встречающаяся нам идея денег как таковых.

²¹ См. об этом феномене: *Фигейра Т. Дж.* Спартанские железные деньги и идеология средств существования в архаической Лаконии // *Античная древность и средние века.* Вып. 32. Екатеринбург, 2001. С. 5–28.

Главное, впрочем, не в этом, а в другом. Платон в процитированном месте высказывает ряд интереснейших мыслей о монете как средстве выплаты жалования, о монетах внутреннего и внешнего потребления... Но почему-то во всём этом значимом пассаже привлекает внимание только пресловутая связь монеты с обменом (торговлей)²².

Конечно, Платон говорит об этой связи и в других местах «Законов». Например:

Разве не благодетель любой человек, приводящий к соразмерности и единообразию любую разнообразную и несоразмерную собственность? Надо признать, что это происходит благодаря свойству денег (*tou nomismatos... dynamin*) (Plat. Legg. XI. 918b).

В оригинале, как видим, речь идет именно о *монете* (а не об абстрактных «деньгах»), и монета опять же признается неким универсальным средством, благодаря которому становится возможным установление соотношения стоимости самых разнообразных вещей. Впрочем, далее, по обыкновению, следуют платоновские lamentации по поводу того, что люди неправильно пользуются деньгами, стараются приобрести их в слишком большом количестве, избирают ради этого презренное занятие торговца и т. д. (Plat. Legg. XI. 918cd).

Позицию свою Платон проводит весьма последовательно. В тех же «Законах» он резко протестует против того, чтобы основываемый город находился на самом берегу моря²³. Море, по Платону, развращает, поскольку побуждает торговать. Экономика приморского государства,

...обладая большим вывозом (*exagogen*, речь идет, естественно, об экспорте. — *И. С.*), ...наполнилась бы в обмен на него серебряной и золотой монетой (*nomismatos argou kai chrysou*). А для государства, если взять вопрос в целом, нет, так сказать, большего зла, чем это, когда речь идет о приобретении благородных и справедливых нравов (Plat. Legg. IV. 705b).

²² См. хотя бы: *Patronis V. Op. cit.* P. 15.

²³ Постоянно встречающийся в произведениях Платона протест против приморской (и тем самым торговой) цивилизации находит свой апогей в его грандиозном мифе об Атлантиде, созданной морем (лично Посейдоном), но потерпевшей поражение от вполне сухопутных, нимало не торговых, мужественных древнейших Афин. В связи с платоновским мифом об Атлантиде существуют моря и моря (написался невольный каламбур) литературы. На русском языке мы до недавнего времени имели (не считая дилетантских трудов «атлантологов») лишь довольно дельную работу: *Панченко Д. В.* Платон и Атлантида. Л., 1990. К счастью, теперь у нас переведен, пожалуй, лучший труд из всех, которые когда-либо появлялись по этой проблематике: *Видаль-Наке П.* Атлантида: Краткая история платоновского мифа. М., 2012.

Для Платона этика однозначно важнее экономики, что он не устает подчеркивать.

Завершая разговор об этом философе, укажем еще, что в платоновском корпусе диалог «Эриксий» целиком посвящен проблемам приобретения имущества и денег. Однако это произведение уже в античности признавалось не принадлежащим перу Платона, да и на взгляд современной науки является написанным уже позже. Всё же и в нем есть такой вот, например, небезынтересный пассаж:

...У карфагенян в ходу такая монета (*nomismati chrontai*): в небольшой кусочек кожи завертывается нечто, весящее приблизительно около статера, но что именно завернуто, не знает никто, кроме сделавших это. Затем, опечатав этот сверток, его пускают в употребление, и тот, кто больше других приобрел таких свертков, считается владельцем наибольшего количества денег (*chrematon*) и самым богатым. Если же у нас кто-то приобрел бы наибольшее их количество, он был бы не более богат, чем коли бы набрал множество горных камешков. В Лакедемоне же в ходу железная монета определенного веса (*sideroi stathmoi nomizousin*), причем железо это некачественное; тот, у кого оказывается большой вес такого железа, считается богатым, хотя ни на что иное это добро не пригодно. А в Эфиопии с этой же целью пользуются резными камешками, которые совершенно ни к чему лаконскому мужу... Итак, ясно, что не всё это может считаться имуществом (*ktemata*), коль скоро некоторые из владельцев этих вещей не бывают благодаря им богаче... Если же мы захотим выяснить, почему... для карфагенян кусочки кожи – имущество (*chremata*, здесь, скорее, «деньги». – *И. С.*), а для нас – нет, или, наконец, почему железо для лакедемонян – имущество (*chremata*), а для нас – нет, то не следующим ли путем мы лучше всего это поймем?.. Карфагенская монета (*nomisma*) не имеет для нас значения имущества (*chremata*), ведь мы не можем приобрести на нее то, в чем нуждаемся, как можем сделать это за серебро (*toi argyrioi*); таким образом, она для нас бесполезна... Итак, то, что нам полезно, это имущество, а то, что нам бесполезно, имуществом не является ([*Plat.*] *Eryx.* 400a-e).

Нужно учитывать, что в оригинале – игра слов, которая не может быть адекватно воспроизведена в русском переводе. Древнегреческое прилагательное «полезный» (*chresimos*) является родственным существительному *chrema*, которое, вообще говоря, означает «вещь, дело», но в множественном числе (*chremata*) получает смысл «имущество» и часто даже именно «деньги» (как термин более общий, чем *nomisma*, «монета»).

* * *

Влияние Аристотеля на экономическую мысль последующих эпох было, по согласному мнению ученых, в целом несравненно бóльшим, нежели влияние

Платона²⁴. Весьма важные пассажи о монете, о ее возникновении мы встречаем прежде всего в этико-политическом «блоке» корпуса сочинений Аристотеля. В этой части его наследия²⁵ главное место занимает «Никомахова этика», к которой примыкают еще две «Этики» – «Евдемова» и «Большая»²⁶, – а также знаменитый трактат «Политика», который, естественно, особенно часто из всех аристотелевских трудов привлекается в качестве источника историками античности.

Именно с «Политики» мы начнем рассмотрение релевантного материала. В произведении присутствует, в частности, подробное рассуждение о возникновении и развитии обмена, в контексте которого и заходит речь о монете. По указанию философа, обмен органично присущ человеческим обществам.

Первоначальное развитие меновой торговли (*metabletike*) было обусловлено естественными причинами, так как люди обладают необходимыми для жизни предметами одними в большем, другими – в меньшем количестве... Вначале обмен (*allagen*) ограничивался исключительно предметами первой необходимости... Такого рода меновая торговля (*metabletike*) и не против природы, и вовсе не является разновидностью искусства наживать состояние (*chrematistikes*), ведь ее назначение – восполнять то, чего недостает для согласной с природой самодовлеющей жизни (*autarkeias*)²⁷. Однако из указанной меновой торговли развилось

²⁴ *Patronis V.* Op. cit. P. 18. К проблеме см. также: *Маринович Л. П.* Полис и обмен: к концепции Аристотеля // ВДИ. № 4. 2003. С. 51–67.

²⁵ Оговорим сразу, что здесь не рассматривается приписываемое Аристотелю сочинение «Экономика», которое, как давно уже и с полной надежностью показано, перу Стагирита не принадлежит и появилось гораздо позже (*Жебелев С. А.* «Аристотелева» «Экономика» // ВДИ. № 1. 1937. С. 114–125). Этот компилятивный перипатетический трактат (не несущий на себе ни малейшего отпечатка аристотелевского глубокомыслия) был составлен в основном в III в. до н. э. В нем имеется немало сведений о монетах, монетной политике (см. разбор одного из таких сюжетов: *Суриков И. Е.* О так называемой монетной реформе Гиппия в Афинах // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докл. и сообщ. М., 2009. С. 7–9), но к классической эпохе данный труд, повторим, не относится, и о нем, соответственно, нужно говорить отдельно.

²⁶ Вопрос о соотношении двух последних трактатов с первым, основным, и даже об аутентичности аристотелевского авторства «Евдемовой этики» и особенно «Большой этики» (принадлежат ли они действительно перу Стагирита или просто были написаны в его школе?) в науке и по сей день не решен однозначно (см. к проблеме: *Кессиди Ф. Х.* Этические сочинения Аристотеля // *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 5–37; *Гусейнов А. А.* Этические сочинения и этическая система Аристотеля // *Аристотель*. Евдемова этика. М., 2011. С. 348–370). В любом случае, эти два сочинения не добавляют по интересующей нас здесь проблематике ничего принципиально нового к данным, содержащимся в «Никомаховой этике».

²⁷ Идея автаркии (самодостаточности) занимала весьма важное место как в воззрениях Аристотеля, так и в менталитете античных греков в целом. Интересный анализ этой идеи см.: *Новгородцев П. И.* Политические идеалы древнего и нового мира. М., 1919. С. 12 сл.

все-таки вполне логически и искусство наживать состояние. Когда стала больше требоваться чужая помощь для ввоза недостающего и вывоза излишков, неизбежно стала ощущаться потребность в монете (*nomismatos*), так как далеко не каждый предмет первой необходимости можно было легко перевозить. Ввиду этого пришли к соглашению давать и получать при взаимном обмене (*allagas*) нечто такое, что, представляя само по себе ценность, было бы вместе с тем вполне сподручно в житейском обиходе, например, железо, серебро (*sideros kai argyros*) или нечто иное; сначала простым измерением и взвешиванием определяли ценность таких предметов, а в конце концов, чтобы освободиться от их изменения, стали отмечать их чеканом (*charakter*), служившим показателем их стоимости» (*tou posou semeion*) (Arist, Pol. I. 1257a15–40).

Прервем пока цитирование (с тем, чтобы в дальнейшем его вновь продолжить), поскольку просто необходимо обратить внимание на как минимум серьезную передержку, допущенную Аристотелем. Что касается античных греческих монет, «чекан» (*charakter*, то есть тип) совершенно не обязательно служил «показателем их стоимости». Прекрасно известно, что во многих полисах монеты различных номиналов несли на себе одинаковый (или практически одинаковый) тип, так что отличать их друг от друга приходилось чисто эмпирическим путем (взвешивая – если не на весах, то хотя бы в руке). Если мы и встречаем сильно разнящийся тип, то таковым он сделан был явно не для того, чтобы служить пресловутым «показателем стоимости». Так, декадрахма обычно чеканилась с типом, сильно отличным от меньших номиналов. Но такую монету, как декадрахма, в общем-то, и без всяких отличий в типе каждый пользователь мог легко отличить – по самим ее физическим свойствам – от любой другой.

Аристотель в процитированном отрывке как будто говорит с нами нашим же языком. Ведь это нам привычно – ввиду того, что мы пользуемся кредитными деньгами, – при получении любой монеты (или купюры) смотреть на изображения, чтобы не спутать ее с какой-нибудь другой (в качестве рудимента остались небольшие отличия в размере, скажем, между купюрами в 500, 1 000, 5000 рублей, но это именно рудимент – мы в быту обращаем внимание не на «длину-ширину», а на то, что изображено на полученном дензнаке, включая в первую очередь цвет, – ср. постоянно встречающиеся даже в классической русской литературе XIX в. выражения типа «синенькая», «беленькая» и т. п.).

У греков, с их полноценной (в норме) монетой обращалось преимущественное внимание, конечно, на другое – на вес, а не на «картинки». Предположение, что эллины при сделках взвешивали-таки монеты, в сущности, нельзя считать безусловно опровергнутым.

Но продолжим цитирование Аристотеля, тем более важное, что мы выходим на принципиальные вещи, акцентируемые Стагиритом:

После того как в силу необходимости обмена (*ek tes anankaiaias allages*) возникли деньги (*nomismatos*, собственно, речь идет не о «деньгах», а именно о монете. – *И. С.*), появился другой вид искусства наживать состояние (*chrematistikes*), именно торговля (*kapelikon*, речь идет о мелкой розничной торговле. – *И. С.*). Сначала она, может быть, велась совершенно просто, но затем, по мере развития опытности, стала совершенствоваться... Вот почему и с создалось представление, будто предметом искусства наживать состояние (*chrematistike*) служат главным образом деньги (*nomisma*, монета. – *И. С.*)... И под богатством зачастую понимают именно преизобилие денег (*nomismatos*, монеты. – *И. С.*)... Иногда, впрочем, и деньги (*nomisma*, монета. – *И. С.*) кажутся людям пустым звуком и вещью вполне условной, по существу, ничем, так как стоит лишь тем, кто пользуется деньгами, переменить отношение к ним, и деньги потеряют всякое достоинство... Торговля (*kapelike*), по-видимому, имеет дело главным образом с денежными знаками (*nomisma*, т. е. в оригинале опять «монета»), а никакие не «денежные знаки», термин вообще некорректный применительно к полноценной древнегреческой монете. – *И. С.*), служащими необходимым элементом и целью всякого обмена (*stoicheion kai peras tes allages*) (*Arist. Pol. I. 1257b1–24*).

Цитату можно было бы и дальше продолжать – Аристотель, по обыкновению, глубокомысленно и подробно обсуждает эту тему, как и любую другую. Но далее в рамках данного пассажа ничего принципиально нового мы не встречаем, а пока нужно осмыслить то, что сказано.

Обратим внимание прежде всего на то, что Аристотель, хоть и устанавливает тесную связь между монетой и обменом, не ассоциирует монету, в отличие от своего учителя Платона, с мелкой розничной торговлей. По мнению Стагирита, последняя возникла даже позже монеты. Нам тут представляется очевидным сознательный спор Аристотеля с Платоном. Собственно говоря, практически всё, что написал Аристотель, было написано «в пику» Платону (*Amicus Plato, sed magis amica veritas* – «Платон – друг, но истина дороже», по крайней мере тот вариант «истины», который виделся верным самому Аристотелю).

Из вышесказанного, полагаем, проистекает, что не стоит вообще выяснять, на чьей стороне в данном случае правота, и добросовестно штудировать ради этого трактаты обоих великих философов. То есть штудировать, конечно, следует, но всегда надлежит помнить, что мнение мыслителя – это мнение мыслителя, и только. Да еще нужно учитывать, что мнения наиболее гениальных мыслителей всегда нарочито парадоксальны. А в случае Платона с Аристотелем – еще и полемически заострены.

Далее, обратим внимание и на другой, куда более созвучный истине (а не субъективной потребности спора) мысленный ход Аристотеля: указание на то, что безусловной необходимости в монете, в принципе, нет. Тут с ним выразили бы согласие представители целого ряда полисов. Возьмем Мегары,

которые уже в архаическую эпоху находились в авангарде экономического развития Эллады. А между тем мегарский полис не чеканил вплоть до IV в. до н. э.²⁸ и, получается, как-то обходился без собственной монеты! Как именно обходился – вопрос отдельный; обычно считалось, что мегаряне пользовались чужой монетой, но, в принципе, нельзя исключить и употребление домонетных денег – нечеканенных слиточков серебра фиксированного веса²⁹.

Как бы то ни было, Аристотель в «Политике» – мы это видели – эксплицитно связывает возникновение монеты с потребностями торговли, обмена. Поэтому, кстати, он резко отрицательно высказывается о ростовщичестве, банковской деятельности:

...С полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки (*nomismatos*, т. е. речь идет опять о монете. – *И. С.*) предметом собственности (*ktesin*), которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли (*metaboles*) (*Arist. Pol. I. 1258b3 sqq.*).

В том же духе высказывается философ о связи монеты с обменом и в «Никомаховой этике»:

...Всё, что участвует в обмене (*allage*), должно быть каким-то образом сопоставимо. Для этого появилась монета (*nomisma*) и служит в известной мере посредницей (*meson*), ибо ею всё измеряется, а значит, как избыток, так и недостаток, и тем самым сколько башмаков равно дому или еде... А если этого нет, не будет ни обмена, ни общественных взаимоотношений (*allage oude koinonia*). Не будет же этого, если обмениваемые вещи не будут в каком-то смысле равны. Поэтому, как и было сказано выше, всё должно измеряться чем-то одним... По общественному уговору (*kata syntheken*) появилась монета (*nomisma*); от того и имя ей «номисма», что она существует не по природе, а по установлению (*nomoi*) и в нашей власти изменить ее или вывести из употребления (*Arist. Eth. Nic. V. 1133a19–31*).

²⁸ Подобная практика оставила свой след и в нумизматической истории мегарских колоний (они все поздно, очень поздно начали чеканку). Жителей Византия (мегарских колонистов) попрекали какими-то железными деньгами. Херсонес Таврический не имел своей монеты вплоть до IV в. до н. э., из чего недавно был даже сделан превратный вывод, будто бы херсонесский полис и возник только в IV в. до н. э. (*Буйских А. В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008; критику данного взгляда см.: *Суриков И. Е.* «Херсонес изначальный» или «предхерсонесское поселение»? // *Studia historica*. Т. 9. М., 2009. С. 185–201).

²⁹ Этой реальией наиболее детально в мировой историографии занимался Дж. Кролл, посвятивший ей ряд работ (см. итоговую из них: *Kroll J. H.* The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece // *The Monetary Systems of the Greeks and Romans*. Oxf., 2008. P. 12–37).

Последний пассаж часто представляется проблематичным³⁰ по той понятной причине, что, строго говоря, вполне обесценить греческую монету, реально сделанную из дорогостоящего металла, вряд ли было так уж просто. Ведь это не кредитные деньги, приписанная которым стоимость действительно мало соотносится с их реальной стоимостью. Применительно к бронзовой монете, разумеется, обесценивающие операции были вполне возможны; однако Аристотель никак не оговаривает, что он имеет в виду именно бронзовую монету. Напротив, он, похоже, настаивает на том, что при определенных условиях такая же судьба может ждать монету и из серебра, и даже из золота. В этом смысле нужно понимать его высказывания и в «Никомаховой этике», и в «Политике» (в последней автор припоминает известный сюжет о мифическом Мидасе, который мог всё превращать в золото и притом голодал – Arist. Pol. I. 1257b15 sqq.). Итак, идея монеты всё больше абстрагировалась, всё больше отчуждалась от представлений о ее реальной металлической стоимости.

Между прочим, цитированный выше отрывок из псевдо-платоновского «Эриксия» говорит о том же: деньги – чистая условность. Еще раньше, в VI в. до н. э., малоизвестный писатель Ананий заметил: заприте нескольких человек в доме, где будет какое-то количество золота и какое-то количество, скажем, смокв, – и уже вскоре вы увидите, что смоквы людям дороже, чем золото³¹. Правильно, деньги несъедобны; поэтому монета является *только* социальным феноменом.

Вернемся к Аристотелю. Далее у него в «Никомаховой этике» высказанные мысли о функциях монеты развиваются:

...Монета (nomisma) служит нам как бы залогом возможности обмена (allages) в будущем, если возникнет нужда, ибо нужно, чтобы у того, кто приносит деньги, была возможность приобрести на них что-нибудь. Но и монета претерпевает то же, что и другие блага, ведь не всегда она имеет равную силу. И всё же монета более тяготеет к постоянству. Поэтому и нужно, чтобы всему была назначена цена, ибо в таком случае всегда будет возможен обмен (allage), а если будет обмен, будут и общественные взаимоотношения. Итак, монета (nomisma), словно мера (metron), делая вещи соизмеримыми, приравнивает... Итак, должна существовать какая-то единица измерения, причем основанная на условленности, и поэтому она зовется *номисма*; в самом деле, она делает всё соизмеримым, ибо всё измеряют монетами (nomismati). Пусть дом – α , десять мин – β , ложе – γ ; α – это половина β , если дом стоит пять мин или равен пяти минам. Ложе γ есть десятая часть β ; ясно тогда, сколько лож равно дому, а именно пять. Ясно также, что до монеты (nomisma)

³⁰ Ср. характерное рассуждение: Seaford R. Op. cit. P. 142 ff.

³¹ Seaford R. Op. cit. P. 143. Note 110.

обмен (allage) происходил как раз таким образом, потому что безразлично, дать ли за дом пять лож или цену пяти лож (Arist. Eth. Nic. V. 1133b11–27).

Итак, Аристотель дает своим ученикам в Ликее (а через посредство сохранившегося текста лекций – и нам) некий элементарный урок политэкономической грамотности. Акцент здесь делается на функцию монеты как меры (metron) стоимости, благодаря которой различные товары могут быть при обмене соотнесены друг с другом. Сейчас нам это всё представляется «азами», но когда греки впервые открывали для себя эти истины, они, конечно, должны были представляться им поразительными. Открытый феномен всеобщей меры порождал глубокие философские раздумья. Вспомним, что согласно одному из самых известных изречений софиста Протагора «человек есть мера всех вещей». В подобном ходе мысли обычно видят проявление софистического релятивизма; но сама идея стала возможной в конечном счете благодаря тому, что у греков ранее появилась монета³².

Универсализация значения монеты как меры прослеживается, например, в следующем суждении Аристотеля: «...Наготове всеобщая мера – монета (koinon metron to nomisma), и с ней поэтому всё соотносится, ею и измеряется» (Arist. Eth. Nic. IX. 1164a sq.). Чем примечателен этот, в общем-то, тривиальный пассаж? Да тем, что в этом месте «Никомаховой этики» вообще-то речь идет о... дружбе. О вещи, никакого отношения не имеющей к денежному обмену. Однако, как можно убедиться, идея монеты как всеобщей меры настолько уже глубоко проникла в ум Аристотеля (и, надо полагать, его современников тоже), что могла уже восприниматься как универсальная метафора даже для характеристики отношений между людьми.

* * *

Никак не можем поручиться, что нами рассмотрены *все без исключения* высказывания Платона и Аристотеля о монете, деньгах и т. п. Даже заведомо говорим, что полный учет таких высказываний и не мог быть нашей целью (тем более в рамках достаточно краткой статьи). Но в любом случае всё *главное*, что имели два великих философа сказать о монете, тут, насколько мы можем судить, учтено³³. Какие же можно сделать выводы?

³² Влияние изобретения монеты на философскую мысль античных греков очень интересно прослежено в вышеупомянутой монографии: Seaford R. Op. cit. Эта тема сама по себе весьма привлекательна, но она заслуживает особого разговора, который здесь, конечно, был бы неуместен.

³³ Другие пассажи о монете, встречающиеся, например, у Аристотеля, – не более чем вариации на уже знакомую нам тему, не привносящие ничего принципиально нового. См., например: Arist. Magn. Mor. I. 1199a19 sqq.: «Поскольку, однако, ...сапожнику было труд-

Как Платон, так и Аристотель настойчиво, вновь и вновь повторяют тезис о прямой связи начала чеканки монеты с обменом. Между ними возможны некоторые расхождения по конкретным вопросам. Так, Платону была ближе идея о том, что монета изобретена для нужд мелкой розничной торговли, а Аристотель, чувствуется, больше склонялся к мысли, что интересующий нас феномен межполисным обменом. Но основная тенденция высказываний обоих авторов, как видим, одна и та же – решительная поддержка теории торгового происхождения монеты.

Так, казалось бы, в чем проблема? Вроде бы вполне естественно воспринимать суждения такого рода как максимально авторитетные и отражающие чуть ли не истину в последней инстанции. Однако же проблема всё-таки существует. Дело в том, что и Платон и Аристотель писали исходя из реалий уже *своего времени* – IV века до н. э., когда товарно-денежные отношения получили значительное развитие³⁴ и феномен монеты трактовался в соответствующем духе. Они некритично эксплицировали знакомую им ситуацию на архаическую эпоху³⁵, в течение которой характер экономических отношений был совершенно иным (как с полной ясностью показали исследования последнего времени). Как ни парадоксально, мы ныне знаем о греческой архаике в каких-то отношениях больше, чем знали они. Поэтому есть вопросы (появление монеты – в их числе), в которых не следует бездумно повторять выводы даже столь великих людей. Эти выводы – напомним и подчеркнем то, что было уже сказано в начале статьи, – представляют собой именно *суждения*, а не *свидетельства*. Аутентичных свидетельств как таковых не могло быть на сей счет у авторов позднеклассического времени, и они вынуждены были прибегать к собственным догадкам, исходя из тех реалий, которые их окружали.

но обмениваться (*antikatallatesthai*) со строителем – в обмен на обувь нельзя было брать дом, – то постановили (*enomisan*) пользоваться серебром (*argyion*), объявив его монетой (*nomisma*), за которую всё это можно купить (*oneta estin*): каждый за свою вещь назначал цену (*axian*), и так производили обмен (*allaxin*) друг с другом; тем самым поддерживалась государственная общность».

³⁴ По этой проблематике написано немало. См. хотя бы: *Reden S. von. Exchange in Ancient Greece*. L., 1995; *Cohen E. E. Athenian Economy and Society: A Banking Perspective*. Princeton, 1997; *Idem. The Elasticity of the Money-Supply at Athens // The Monetary Systems of the Greeks and Romans*. Oxf., 2008. P. 66–83.

³⁵ Эта бессознательная «модернизация» проявляется применительно к описанию как политических, так и экономических отношений. О ней нам и ранее неоднократно приходилось писать (например: *Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох*. М., 2000. С. 174 сл.; *Он же. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика*. М., 2005. С. 15 сл.).

ВИНКЕЛЬМАН – НИЦШЕ – ГИТЛЕР: «НЕМЕЦКАЯ АНТИЧНОСТЬ» И СКЛАДЫВАНИЕ НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ*

В 1941 году (насколько можно судить, еще до нападения гитлеровских войск на СССР) Даниил Андреев – а он был не только мыслителем-мистиком, автором «Розы мира», но и прекрасным поэтом – написал знаменательное стихотворение о росте кровожадного монстра. Отрывок из этого стихотворения (в некоторых выражениях несомненно отголоски воззрений Шпенглера) представляется уместным здесь привести:

Враг за врагом. На мутном Западе
За Рону, Буг, Дунай и Неман
Другой, страшнейший смотрит демон –
Стоногий спрут вечерних стран:
Он утвердил себя как заповедь,
Он чертит план, сдвигает сроки,
А в тех, кто зван как лжепророки
Вдвигает углем свой коран.

Он диктовал поэтам образы,
Внушал он марши музыкантам,
Стоял над Кёрнером, над Арндтом,
По чердакам, в садах, дворцах,
И строки, четкие как борозды,
Ложились мерно в белом поле,
Чтобы потом единой волей
Зажить в бесчисленных сердцах.

Как штамп впечататься в сознание,
Стать культом шумных миллионов,
Властителей старинных тронов
Объединить в одну семью
И тело нежное Германии
Облечь в жестокое железо...¹

* Впервые опубликовано в: История и современность. № 1. 2012. С. 192–207.

¹ Андреев Д. Л. Русские боги: Стихотворения и поэмы. М., 1989. С. 131.

Прекратим несколько затянувшееся цитирование и зададимся вопросом: а почему же действительно столь чудовищная, антигуманная идеология, как национал-социализм, возникла и получила широкое распространение не где-нибудь, а в этой самой «нежной» Германии, стране с одной из самых богатых и глубоких в Европе гуманистических традиций? Об этом и хотелось бы поговорить.

Разумеется, наивно было бы считать, что исчерпывающее и ответственное решение столь глобального вопроса удастся найти в рамках краткой статьи. Нацизм (или германский фашизм²) является достаточно сложным идеологическим явлением; различные аспекты его генезиса неоднократно были предметом изучения в науке. Нам лишь хотелось бы привлечь внимание к одному нюансу, который ранее мало затрагивался исследователями, – во всяком случае, не в той мере, в какой он того заслуживает.

* * *

В XVIII веке в идеологической жизни Европы значительную роль сыграло явление, которое часто называют «вторым гуманизмом»³. Первый «гуманизм», как всем прекрасно известно, пришелся на эпоху Ренессанса, и центром его, естественно, была Италия. Что же касается «второго гуманизма», о котором сейчас идет речь, то в качестве его центра безоговорочно выступала Германия. Во главе данного течения стоял Винкельман; среди других его крупнейших представителей следует назвать Гердера, Гёльдерлина, Лессинга и др. Не обойтись без упоминания таких фигур всемирно-исторического значения, как Гёте и Шиллер. Более того, из «второго гуманизма» во многом вышли и братья Шлегели, и Гегель, и Шеллинг⁴. Тогдашняя Германия, в политическом отношении слабая и раздробленная, в сфере интеллектуальной, духовной жизни Европы, бесспорно, шла в авангарде. По сути дела, приходится говорить о втором в ев-

² Последнее обозначение, строго говоря, не является вполне корректным (в западной традиции, как историографической, так и бытовой, четко отличают друг от друга итальянский фашизм и германский нацизм). Однако у нас оно прижилось и стало общепринятым (см. хотя бы наиболее авторитетное в отечественной науке исследование по проблеме: Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1989), бороться с подобной ситуацией бессмысленно. Мы все-таки по возможности будем избегать такого словоупотребления.

³ Или «неогуманизмом» (выражение утвердилось достаточно давно, см. уже: Зелинский Ф. Ф. Древний мир и мы: Лекции, читанные ученикам выпускных классов С.-Петербургских гимназий и реальных училищ весной 1903 г. 3-е изд. СПб., 1911. С. 12). В целом об основном характере данного идейного процесса ср.: Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей: Научно-популярные статьи. Т. 3. СПб., 1907. С. 238.

⁴ Но не Кант. Учение последнего генетически восходит к иной ментальной традиции, а именно к Просвещению.

ропейской истории Возрождению, на сей раз – немецком, в отличие от первого, итальянского.

Понятно, что любое движение «возрожденческого», «ренессансного» характера должно включать в себя как важнейший, интегральный компонент обострение интереса к античности. Это в полной мере относится и ко «второму гуманизму». Основоположником здесь выступил великий искусствовед, упомянутый уже выше И.-И. Винкельман. Собственно, именно он в полной мере открыл глаза европейцам на *подлинную* (а не изобретенную ими) античность.

Историческое значение деятельности Винкельмана колоссально. Строго говоря, и поныне тот «образ Эллады», который встает перед нашим мысленным взором, когда мы о ней думаем, – это именно образ, «выкованный», созданный Винкельманом. Одной из весомых его заслуг, кстати, является то, что он привлек внимание образованной европейской общественности к Древней Греции (первое, итальянское Возрождение было по понятным причинам ориентировано преимущественно на Рим). Классическое греческое искусство Винкельман провозгласил высшим достижением культурной истории человечества⁵. Прославленной стала предложенная им чеканная формулировка ключевых черт этого искусства: «благородная простота и спокойное величие»⁶. При этом, конечно, вклад Винкельмана отнюдь не ограничивается одной только сферой искусствоведения. Так, некоторые высказанные им мысли положили начало идеализации Перикла и «Периклова века» в историографии Нового времени⁷.

И после Винкельмана крупнейшие представители «второго гуманизма» неизменно отдавали античности очень большую дань. Напомним, что, например, в наследии Шиллера есть такие шедевры лирики, написанные на античные сюжеты, как «Боги Греции», «Пир победителей» и др.; одно из известнейших произведений Гёте – трагедия «Ифигения в Тавриде». Да и в главном гётевском творении – бессмертном «Фаусте» (особенно в его второй части) – немалое место занимают античные мотивы.

О Гёте в данном контексте, вероятно, имеет смысл сказать еще несколько слов. Этот человек был вообще в новоевропейской культуре, пожалуй, более всех других похож по складу своего ума на древнего грека. Не случайно его под старость называли «олимпийцем». Он (кстати, не только великий поэт, но и оригинальный ученый, сделавший достаточно значимый вклад в науку, до сих пор не оцененный по достоинству⁸) являлся в эпоху торжества «индустриального» подхода к природе едва ли единственным мыслителем, отстаи-

⁵ Ср., например: Суриков И. Е. Древняя Греция: история и культура. М., 2005. С. 12.

⁶ Винкельман И.-И. Избранные произведения и письма. М., 1996. С. 107.

⁷ Will W. Perikles. Reinbek, 1995. S. 7, 64; *Idem*. Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003. S. 287.

⁸ См.: Свасьян К. А. Иоганн Вольфганг Гёте. М., 1989. С. 104 сл.

вавшим античный тип научного исследования. Достаточно прочесть известную книгу его секретаря Эккермана, тщательно записывавшего свои разговоры с «мэтром» на протяжении ряда лет, чтобы увидеть: античные аллюзии присутствовали в дискурсе Гёте почти постоянно.

Не будет здесь излишней характеристика, которую дал Вернер Гейзенберг – один из крупнейших физиков-ядерщиков XX века, нобелевский лауреат, известный также и в качестве философа науки:

...Гёте попытался вернуться к дескриптивной науке – к такой науке, которую интересуют только зримые явления природы, а не эксперименты, искусственно вызывающие новые эффекты. Он был против рассечения явлений на объективную и субъективную сторону, и он боялся разрушения природы вышедшей из берегов технической наукой. Столкнувшись с загрязнением воздуха и воды, с отравлением почвы химическими удобрениями и с атомным оружием, мы понимаем сегодня опасения Гёте лучше, чем это было доступно его современникам. Однако попытка Гёте, по существу, не оказала влияния на развитие науки⁹.

На протяжении XIX века происходило становление комплексной научной дисциплины классического антиковедения (*classische Altertumswissenschaft*)¹⁰. Сразу же в этой дисциплине безоговорочно лидирующие позиции заняли именно немецкие ученые. И не только заняли, но и весьма долго удерживали их: на протяжении всего XIX, а также начала XX в. Удивляться этому не приходится, если учитывать, какую роль тогда играла античность в жизни немцев. Увлечение ею получило широчайшее распространение¹¹ и, главное, воспринималось как престижное.

Однако именно в XIX веке в связи с проблематикой, о которой идет речь, наместились новые, необычные и крайне специфичные явления. Что представителей немецкой интеллектуальной элиты более всего интересовало в антично-

⁹ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 235.

¹⁰ О ее значении подробнее см.: Funke P. *Alte Geschichte // Erste Begegnungen mit Geschichte: Grundlagen historischen Lernens*. Bd. 2. München, 1999. S. 731–740.

¹¹ Вполне закономерно, что и автор сенсационного открытия Трои, Шлиман, был выходцем из Германии. Фигура Шлимана вообще в высшей степени характерна для оценки роли пресловутой «любви к античности» у немцев тех лет. Коммерсант по профессии, не получивший даже законченного среднего образования, не имевший ровно никакого отношения к истории – а между тем с детства грезивший мечтой о городе, воспетом Гомером. И это было не отклонение, а норма в немецких государствах XIX века. Фрейдом описан случай человека (тоже, естественно, не историка), который настолько зачитывался греческими мифами, что в официальных резолюциях вместо слова «Angenommen» («принято») ошибочно читал «Agamemnon» (Фрейд З. 1997. Введение в психоанализ: Лекции. СПб., 1997. С. 31).

сти, чему в ней они особенно симпатизировали? Иными словами, что являлось наиболее актуальным для них в предпринятой ими рецепции античного наследия? На предыдущих этапах этой рецепции в Европе (начиная с итальянского «первого Возрождения») воспринимались и усваивались либо вещи политически нейтральные (будь то римское частное право или система мифологических образов и сюжетов), либо мотивы, ярко говорившие о свободолюбии древних (имелось в виду свободолюбие в обоих своих смыслах – неприятие как подчинения внешним врагам, так и подчинения разного рода «тиранам»). Воспевались и «ставились на пьедестал» такие фигуры, как Брут, Спартак, братья Гракхи, братья Горации, Цицерон и т. п. Всё это очень четко прослеживается хотя бы по европейскому искусству XV–XVIII вв. до н. э.

Ярким контрастом выступает позиция, занятая немецкими интеллектуалами в XIX в. Если в этом столетии, скажем, во французской традиции Цицерон – по-прежнему один из главных героев, «идеалов» (не случайно ему посвящен один из важнейших трудов выдающегося французского антиковеда того времени Г. Буассье¹²), то в Германии мы обнаруживаем принципиально иную ситуацию. Величайший немецкий антиковед Т. Моммзен (единственный историк, получивший Нобелевскую премию) относится к тому же Цицерону с плохо скрываемым презрением. Его идеал – отнюдь не республиканец Цицерон, а диктатор Юлий Цезарь, «отец» римской монархии¹³.

Возвращаясь же вновь от Рима к Греции, нельзя не обратить внимание на то, какие сюжеты в данной области привлекали наибольшее внимание немецких исследователей античности в XIX в. Один из таких сюжетов – проблема дорийцев. Благодаря классическому четырехтомному труду К.-О. Мюллера «Die Doriër» этот субэтнос древнегреческого народа (представленный, разумеется, в первую очередь спартанцами) стал восприниматься как самая этнически «чистая», самая, так сказать, «нордическая» его часть, сохранившая незыблемыми индоевропейские (арийские) традиции, среди каковых, разумеется, – предельно строгое воспитание, ликвидация неполноценных младенцев и т. п.

¹² В русском переводе см.: Буассье Г. Собрание сочинений. Т. 1. Цицерон и его друзья: Очерк о римском обществе времен Цезаря. СПб., 1993. Во французской историографии подобный подход превалирует и по сей день. См. хотя бы: Грималь П. Цицерон. М., 1991.

¹³ Характерно, что эти симпатии к Цезарю вполне разделяет с Моммзеном его младший современник – видный итальянский антиковед Г. Ферреро (труды которого в начале XX в. тоже были у нас довольно влиятельны). Ну как тут не вспомнить, что в Западной Европе первой половины XX века Италия была, наряду с Германией, вторым главным очагом тоталитарной идеологии? В «стране Ницше» и «стране Д’Аннунцио» даже историки мыслили во многом конгениально. Приходит на ум даже, что Р. Михельс, несколько «преждевременно родившийся» теоретик тоталитаризма, будучи немцем, нашел себе наилучший «приют» в Италии.

В целом из древнегреческих полисов максимальным уважением немецких антиковедов пользовалась, разумеется, именно суровая Спарта. Если, скажем, для английских историков того же XIX столетия (представленных, в частности, такой «звездой первой величины», как Дж. Грот) Спарта – некое непонятное и ненавистное явление, а идеалом выступают демократические Афины¹⁴, то для их коллег из Германии всё в точности наоборот. Один известный немецкий антиковед начала XX в. желчно, с недоброй иронией назвал Афины времен Демосфена «республикой адвокатов»¹⁵.

Коль скоро упомянут Демосфен, остановимся на еще одном важном вопросе: как немецкие ученые рассматриваемой эпохи относились к греко-македонскому противостоянию IV в. до н. э., протагонистами которого были этот великий афинский оратор, а также царь Македонии Филипп II. Последний желал добиться гегемонии в эллинском мире, а Демосфен всячески противостоял этим его притязаниям.

Если в англосаксонской и французской историографических традициях в качестве «положительного героя» этого конфликта, как правило, однозначно воспринимался Демосфен, то у антиковедов Германии и в данном случае была особая позиция. Они безоговорочно стояли на стороне Македонии и Филиппа II, которого были склонны идеализировать¹⁶. Демосфен же оценивался ими в лучшем случае как романтик, всю жизнь самоотверженно боровшийся за заведомо проигранное дело, а в худшем случае – как прожженный, корыстолюбивый политикан.

В немецкой науке об античности на протяжении XIX – первой половины XX в. встречаем нескрываемый интерес к «сильным личностям» – могучим воителям и правителям ярко выраженного авторитарного типа. О Филиппе II уже упоминалось; еще большее внимание привлекал его знаменитый сын – Александр Македонский. Восторженную характеристику дает Александру Дройзен в своей эпохальной «Истории эллинизма», во многом не утратившей значение и по сей день. Тот же Дройзен едва ли не первым в мире с пристальным внима-

¹⁴ Позиция Грота была для XIX века, пожалуй, даже радикальной. Так, он идеализировал даже охлократически настроенных политиков (как Клеон), а также разрушавшее традиционные устои движение софистов. Ныне позитивное отношение к софистам, которых-де «опорочил» Платон, кажется, становится преобладающим. См., например, *Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin, 2002. P. 9–36.

¹⁵ *Drerup E. Aus einer alten Advokatenrepublik (Demosthenes und seine Zeit)*. Paderborn, 1916. См. по этому поводу также: *Суриков И. Е. Солнце Эллады: История афинской демократии*. СПб., 2008. С. 256.

¹⁶ См. хотя бы: *Белох Ю. Греческая история: В 2 т. Т. 2. Кончая Аристотелем и завоеванием Азии*. 3-е изд. М., 2009. С. 334 сл. (приводим просто как характерный образчик общепринятой в Германии в XIX – начале XX в. точки зрения).

нием занялся историей преемников Александра – диадохов, их борьбы между собой. Соответствующие части его труда написаны просто-таки вдохновенно и читаются как увлекательный роман. В высшей степени живо, эмоционально изображены автором запоминающиеся фигуры участников войн диадохов – людей подчеркнуто пассионарных и одаренных, но при этом жестоких, циничных и совершенно беспринципных.

Продуктом отмеченного интереса к «сильным личностям» стал и тот факт, что антиковеды Германии первыми детально описали деятельность древнегреческих тиранов¹⁷. Также характерно различие акцентировки при оценке деятельности Перикла. Этого последнего со знаком безусловного позитива, с нескрываемой симпатией воспринимали представители самых различных идеологий; но если приверженцы либеральной демократии в большинстве европейских стран видели в нем одного из «отцов-основателей» этой политической системы, то многие немецкие историки (даже еще до возникновения фашизма, подчеркивали, что Перикл был идеальным вождем (Führer)¹⁸ народа, выразителем «нордического» духа.

Разумеется, особенности, о которых мы говорим, в значительной степени порождались объективной политической ситуацией в Германии. На протяжении XIX века как раз шел процесс преодоления ее раздробленности, объединения немецких земель в единое могучее (притом весьма милитаризованное) государство. Процесс этот, в конечном счете возглавленный Пруссией, пробиравал себе дорогу отнюдь не легко: мелкие германские княжества держались за свою независимость. Не удивительно, что возникала иллюзия полной аналогии с событиями в Греции IV в. до н. э., с пестрым миром борющихся между собой греческих полисов и Македонией в качестве объединительницы. В подобной системе взглядов Пруссия прочно ассоциировалась с Македонией, а ее

¹⁷ Начиная с труда: *Plass H. G.* Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen. Bremen, 1852. Наиболее полную форму тенденция, о которой здесь идет речь, обрела в известнейшем исследовании: *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. Хотя эта книга была написана уже после Второй мировой войны, но Г. Берве (подробнее о нем см. ниже) сформировался как ученый в первой половине XX в. и фактически до конца жизни разделял ценности, усвоенные в молодости.

¹⁸ См. хотя бы: *Ranke L. von.* Perikles: Die Blütezeit Athens. B., 1942. S. 134 (весьма показательно уже то, что эта книга великого немецкого историка XIX в. была переиздана при Гитлере, во время Второй мировой войны). К оценке очерченной здесь тенденции в изображении Перикла ср.: *Will W.* Perikles...; S. 7 ff.; *Idem.* Thukydides... S. 245 ff.; *Суриков И. Е.* Сумерки «олимпийца»: о «развенчании» Перикла в одной недавней книге // *Studia historica.* 2005. Т. 5. С. 172; *Он же.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008. С. 261–262. В целом по вопросу см. также: *Туманс Х.* Перикл на все времена // *Вестник РГГУ.* 2010. № 10 (53). С. 117–154.

крупные государственные деятели – Вильгельм I и особенно Бисмарк – с Филиппом II¹⁹.

Но, думается, дело всё же не только в политической конъюнктуре (к тому же здесь еще неясно, что являлось причиной, а что следствием; ясно, во всяком случае, что в хронологическом и этиологическом плане «немецкое Возрождение» стало идейным стимулом к объединению страны, а не наоборот). Укажем хотя бы на такой нюанс, который вряд ли можно считать политически обусловленным, как нотки подспудного антисемитизма в работах многих тогдашних антиковедов Германии. При этом отнюдь не только у тех из них, которые стояли на позициях ретроградного консерватизма, но и у историков, в прочих отношениях мыслявших вполне либерально (Ю. Белох, Р. Пёльман и др.).

* * *

Именно на только что описанном идеологическом фоне разворачивается деятельность Ф. Ницше, которого, вне всякого сомнения, следует признать одной из крупнейших фигур в интеллектуальной жизни Европы второй половины XIX века. Для развиваемой нами темы имеет особое значение тот факт, что Ницше начинал именно как исследователь античности²⁰. По образованию он был филологом-классиком, и его первая крупная работа представляла собой сугубо академическое исследование об источниках Диогена Лаэртского.

Но даже и тот труд, с которого началась карьера Ницше как философа, – «Рождение трагедии»²¹ – написан практически всецело на античном материале. Как известно, в этом сочинении мыслитель предложил видение всей древнегреческой цивилизации как сосуществования и борьбы двух начал – «аполлонического» и «дионисийского», светлого, рационального и темного, трагического. Сам Ницше симпатизировал «дионисийскому» началу.

Его концепция отнюдь не встретила однозначно-положительного отношения. Напротив, у Ницше тут же появились жестокие критики (среди которых

¹⁹ Ассоциация «Македония – Пруссия» подкреплялась и рядом совпадений в конкретных деталях. Пруссия была периферийным германским государством, лежавшим далеко на востоке от древнейших очагов немецкой цивилизации, и относительно поздно стала «сильным игроком» на политической арене; частью общественного мнения она могла даже восприниматься как не вполне органичная часть Германии (тем более что располагалась не на исконно немецких, а на захваченных славянских землях). Во многом то же самое можно сказать об отношении Македонии к Греции в IV в. до н. э.

²⁰ См.: *Свасьян К. А.* Фридрих Ницше: мученик познания // *Ницше Ф.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 5 сл.

²¹ Полное название этой книги Ницше существует в двух вариантах: более раннем – «Рождение трагедии из духа музыки» – и более позднем – «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм». См.: *Ницше Ф.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 47, 57.

был, в частности, специалист такого масштаба, как Виламовиц); их немало и по сей день. Следует отметить, что философ и сам дал более чем достаточный повод для критических стрел по своему адресу, допустив целый ряд чрезмерно категоричных и недоказуемых суждений.

Но всё-таки, знакомясь с пониманием античности, предложенным Ницше, нельзя не вынести впечатление: несмотря на все ошибки и передежки, в нем есть некая глубокая истина. До «Рождения трагедии» абсолютно господствовал взгляд на древнегреческую цивилизацию, наиболее полно развитый в XVIII веке Винкельманом. Однако чем дальше, тем больше становилась потребность в корректировке винкельмановской концепции, которая оказывалась несколько односторонней: какими-то уж слишком безмятежными и гармоничными выступали в ней греки. Ясно, что на самом деле они были не вполне такими, о чем свидетельствует хотя бы феномен классической трагедии с ее бурными, дикими, зачастую кровавыми страстями. Трагедия вообще не поддавалась интерпретации с точки зрения винкельмановских взглядов. И вот тут-то необходимые поправки внес Ницше, уделивший достаточное внимание второй – «трагической» – стороне эллинского духа.

Позже, правда, на своем противоречивом, неоднозначном философском пути он постепенно отходил от античности. В его дальнейших произведениях вместо Аполлона и Диониса появляются персонажи иного толка, такие как квази-иранский «сверхчеловек» Заратустра или даже Антихрист²². Закончилось всё скандальной «Волей к власти», которую впоследствии нацисты «подняли на щит», а самого Ницше объявили одним из главных предтеч их учения, включили его в свой «пантеон». Сам мыслитель в этом, конечно, не виноват, но все-таки нельзя не заметить, что многие его взгляды действительно в той или иной мере коррелировали с нацистской идеологией. Хотя предпринимались и предпринимаются регулярно попытки очистить репутацию Ницше от обвинений в пангерманизме, антисемитизме, славянофобии и т. п.²³, но абсолютно убедительными они, наверно, никогда не будут.

В свете всего вышесказанного о настроениях интеллектуальной элиты в Германии никак не выглядит удивительным, что по приходе Гитлера к власти многие немецкие историки античности приняли этот режим и даже пошли к нему на службу. Причем среди них был ряд действительно крупнейших специалистов. Достаточно упомянуть такое имя, как Г. Берве. В годы гитлеров-

²² Хотя характерно, что, сойдя под конец жизни с ума, Ницше подписывал свои письма «Дионис». Нечто эллинское всегда оставалось в его душе, и он был в полном смысле слова порождением (пусть и крайне своеобразным) немецкого гуманизма.

²³ Например: *Свасьян К. А.* Фридрих Ницше... С. 42–45.

ского правления он был в полном смысле слова нацистским ученым²⁴ (он даже возглавил специально учрежденное ведомство, обеспечивавшее «участие науки об античности в войне»²⁵). Той же стезей шли и другие известные исследователи, такие как Э. Корнеманн, М. Гельцер, Ф. Шахермейр²⁶ и др.

Разумеется, после разгрома Германии во Второй мировой войне все они отреклись от нацистских убеждений и продолжали (многие из них – еще на протяжении ряда десятилетий) активно работать в науке. Однако характерно, что, например, тот же Берве еще и в последующие годы неоднократно переиздавал сборник своих статей²⁷, написанных в большинстве своем в 1930-х – первой половине 1940-х и несущих на себе соответствующий отпечаток.

Перед нами – отнюдь не случайное обстоятельство. Что ни говорите, а в гитлеровской идеологии присутствовали античные мотивы. И не просто присутствовали, а играли достаточно значимую роль. Сам Гитлер интересовался античностью и любил, в частности, позировать фотограм на фоне античных статуй²⁸. Всем памятно, с какой невиданной до того пышностью нацистами были проведены берлинские Олимпийские игры 1936 года, когда «безумный Адольф» стоял на одной трибуне с основателем современного олимпизма, почетным председателем МОК П. де Кубертенем и выслушивал от него по своему адресу слова всяческого одобрения и поддержки.

Олимпийские игры – феномен древнегреческого происхождения. Тут следует отметить, что если для итальянского фашизма Муссолини тоже был характерен интерес к античности²⁹, но в сочетании с преклонением прежде все-

²⁴ Характерно, что если в те же годы в нашей стране под давлением властей ученые были просто *вынуждены* стать марксистскими учеными (чаще всего без внутреннего принятия и даже без полного понимания идеологии марксизма), то в Германии их коллеги усваивали нацизм куда более искренне и добровольно. А те, кто не желал это делать, эмигрировали из страны (как В. Йегер, В. Эренберг и ряд других).

²⁵ Фролов Э. Д. Немецкая историография античности // Историография античной истории. М., 1980. С. 220.

²⁶ Шахермейр, строго говоря, – австрийский историк. Однако австрийская историография античности, будучи немецкоязычной, всегда воспринимается (даже и по сей день) как одна из ветвей немецкой историографии, тем более что книги австрийских антиковедов издаются чаще всего в Германии. К тому же в тот период, о котором сейчас идет речь, Австрия входила в состав германского «третьего рейха» (в 1938–1945 гг.). Возможно, здесь будет уместным напомнить, что и сам Гитлер был уроженцем Австрии.

²⁷ Berwe H. *Gestaltende Kräfte der Antike*. 2. Aufl. München, 1966.

²⁸ Репродукцию одной из таких фотографий (Гитлер на фоне «Дискобола» Мирона) см., например: Will W. *Perikles...* S. 9.

²⁹ И Муссолини не жалел средств на исследование и реставрацию античных памятников. См. о некоторых его грандиозных проектах в этой сфере: Немировский А. И. Нить Ариадны (Из истории классической археологии). Воронеж, 1989. С. 244, 251 (восстановление

го перед Римом (что и естественно: ведь итальянцы воспринимали себя как потомков римлян), то в Германии (чья культура непосредственных античных корней не имела) аналогичное преклонение обратилось в большей степени на Грецию. Тут опять же имело место некое «соблюдение традиций»: ведь, как говорилось выше, именно немцем Винкельманом «лик Эллады» был, по сути дела, открыт взору новой Европы. Да и помимо Винкельмана нацистам в данном отношении было на кого сослаться из своих знаменитых соотечественников, будь то Шиллер или Ницше.

После Второй мировой войны, как известно, в Германии активно пошел процесс денацификации. Одним из побочных его результатов, между прочим, стало то, что немецкое антиковедение начало постепенно утрачивать свой былой авторитет (тут сказывается некая сложная диалектика). Ныне оно уже отнюдь не занимает первенствующего места в мире, как было еще лет сто назад; на лидирующие позиции выдвинулась англо-американская школа изучения античности, второе место – за французской школой (сосредоточившейся в последние десятилетия в основном на том, чтобы генерировать оригинальные концептуальные построения). А в Германии, хотя в чисто количественном отношении с литературой по античности, пожалуй, хуже не стало, но вот в плане свежих идей ощущается значительно больший дефицит.

Завершив статью небольшим экскурсом, посвященным конкретному сюжету, причем вернемся к неоднократно упоминавшемуся выше Периклу. Снова и снова оказывается, что не уйти от разговора о нем, когда ведется речь о немецком антиковедении. Ведь фигура Перикла и на сегодняшний день остается наиболее популярной, пожалуй, именно в немецкой науке об античности. Недавно на достаточно кратком хронологическом отрезке в Германии увидели свет несколько книг о «первом гражданине» Афин³⁰.

Причем, что интересно, в Германии больше, чем где-либо, ученых, готовых к критической ревизии деятельности Перикла, даже к его «развенчанию». Для работ Ш. Шуберт и особенно В. Вилля характерна именно эта тенденция. Книгу Вилля «Перикл» мы даже как-то предложили называть «Антипериклом»³¹. Этот автор ставит перед собой задачу как можно более уменьшить историческое значение деятельности выдающегося лидера афинской демократии. Он считает, что история демократических Афин V в. до н. э.,

Алтаря мира императора Августа, для чего пришлось переместить палатку XVI в.; откачка гигантскими помпами воды из озера Неми, дабы извлечь с его дна корабли, затонувшие в I в. н. э.).

³⁰ Schubert Ch. Perikles. Darmstadt, 1994; Will W. Perikles...; Idem. Thukydides...; Lehmann G. A. Perikles: Staatsmann und Stratege im klassischen Athen. Eine Biographie. München, 2008.

³¹ Суриков И. Е. Сумерки «олимпийца»... С. 179.

вплоть до Пелопоннесской войны, вряд ли сложилась бы существенно иначе, если бы Перикла вообще не было. «Перикл не был учителем, провидцем, демократом, миротворцем или культурным героем; он был (возможно) гениальным оратором, умевшим склонить на свою сторону народ в экклесии, и (прежде всего) весьма успешным мастером внешней и военной политики, а на взгляд греков из противоположного лагеря – тираном»³². Кроме того, из книги следует, что по своим личным качествам Перикл был довольно неприятным человеком: мелочным, мстительным, жестоким, склонным к демагогии и популизму...

С чем же связано подобное «отторжение» Перикла современными немецкими историками (при том, что в англо- и франкоязычной науке его характеристика и поныне подается в позитивных, апологетических, порой восторженных тонах)? Думается, это напрямую обусловлено именно тем, что, как уже отмечалось выше, Перикл был весьма популярен и востребован в годы власти нацистов. Какие-то элементы созданного тогда нормативного образа (образа скорее тоталитарного, чем истинно демократического деятеля) сохранились и до наших дней, и вот теперь в денацифицированной Германии с ними начали активно бороться. Насколько можно судить, в какой-то степени имеет место сублимация «комплекса вины».

Данную тенденцию мы подметили несколько лет назад – на международной конференции «Hellenic Dimension» в Риге, выступая в дискуссии по докладу Х. Туманса³³. Несколько выбивается из этого ряда самая новая книга о Перикле, написанная Г. А. Леманном к 2500-летию со дня его рождения³⁴, но, по большому счету, и она тоже вполне подтверждает наши наблюдения. Просто в отличие, скажем, от «критика» Перикла В. Вилля Леманн идет по иному пути: признавая, что Перикл был выдающимся государственным деятелем, ученый при этом стремится показать, что он являлся абсолютно демократичным лидером, ни в коей мере не «вождем», не «монархом».

³² *Will W. Perikles...* S. 112.

³³ *Tumans H. Pericles Forever // International Quadrennial Conference: Hellenic Dimension: Studies in Language, Literature, Culture. Riga, 2009. P. 35.*

³⁴ *Lehmann G. A. Op. cit.*

Научное издание

Игорь Евгеньевич Суриков

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ
МЕНТАЛЬНОСТЬ, РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА
Opuscula selecta I

Корректор Е. Сметанникова
Оригинал-макет подготовлен В. Гусевым
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 10.12.2015. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 58,05. Тираж 600 экз. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
№ госрегистрации 1037739118449
Тел.: +7 (495) 624-95-32. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57. E-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4